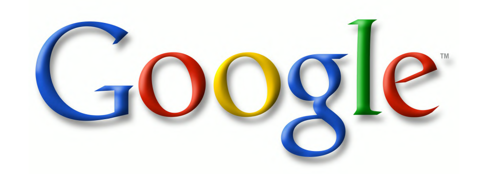


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

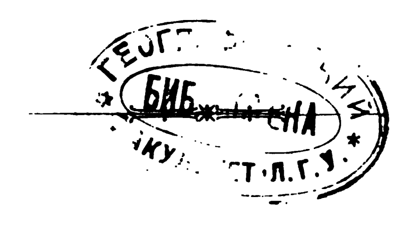
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ТРЕТІЙ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1893

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ.

Потребность въ широкомъ изученіи особенностей русскихъ говоровъ давно уже чувствовалась въ нашей наукѣ. Въ изслѣдованіи русской діалектологіи одинаково заинтересованы не только спеціалисты-филологи, но и этнографы и историки. Поэтому нельзя не отнестись вполнѣ сочувственно на призывъ къ работѣ въ этомъ направленіи такого почтеннаго журнала какъ «Живая Старина». Отдѣльныя работы по описанію различныхъ говоровъ тѣмъ болѣе своевременны, что уже начатъ общій обзоръ русской діалектологіи такимъ извѣстнымъ ученымъ, какъ профессоръ Соболевскій.

Важность выясненія отдѣльныхъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ чувствуется едва-ли не сильнѣе, чѣмъ другихъ частей Россіи. Поэтому, авторъ настоящихъ замѣтокъ рѣшился подѣлиться съ читателями «Живой Старины» имѣющимися у него матеріалами по бѣлорусской діалектологіи. Нижеслѣдующія замѣтки не будутъ имѣть опредѣленнаго плана; авторъ предполагаетъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся изъ извѣстныхъ ему говоровъ Минской губерніи. Главная цѣль замѣтокъ—описать менѣе извѣстныя особенности говоровъ, и лишь въ первомъ очеркѣ авторъ дозволитъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя общія замѣчанія объ особенностяхъ бѣлорусскаго нарѣчія вообще, что вполнѣ умѣстно, потому что говоръ Ново-Сверженской волости, какъ лежащей въ Минскомъ уѣздѣ, принадлежитъ къ центральнымъ бѣлорусскимъ. Матеріалы для настоящихъ замѣтокъ — исключительно рукописные, имѣющіеся въ распоряженіи автора. По нѣкоторымъ мѣстностямъ они собраны лично авторомъ, по другимъ—доставлены изъ надежныхъ источниковъ [1]).

---

1) Эти матеріалы (пѣсни, сказки, описанія обычаевъ и обрядовъ, юридич. матер. и пр.) будутъ современемъ помѣщены въ «Трудахъ» Моск. Общ. Любит. Естеств., Антропол. и Этногр. Изданіе ихъ уже приходило къ концу, но сгорѣло все во время пожара въ типографіи Левенсона.

I. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда.

Матеріалъ, которымъ я пользуюсь,—это записи пѣсенъ и сказокъ, сдѣланныхъ для меня въ этой мѣстности гг. Демидовичемъ и Ярмаковичемъ. Записи были сдѣланы по моей просьбѣ и по моимъ указаніямъ. Главнымъ образомъ я заботился о точности записи, которая, думаю, и достигнута въ возможной мѣрѣ. Количество записей—до 500 пѣсенъ и до 50 сказокъ.

Ново-Сверженская волость расположена въ юго-зап. части Минскаго у., по верхнему Нѣману, на пограничьи съ Новогрудскимъ уѣздомъ. Замѣчу, что большинство записей относится къ д. Нейгертово этой вол., Кнотовщизнѣ, с. Никольску. Такимъ образомъ, избранная нами мѣстность можетъ быть отнесена къ центральной части Бѣлорусскаго нарѣчія, считая Минскій и Новогрудскій уѣзды его типичными представителями.

А. Гласныя, *О. Е. Ѣ.*

Изъ гласныхъ, звуки *о* и *е* представляютъ наиболѣе интересныя особенности не только даннаго говора въ средѣ бѣлорусскихъ, но и всего бѣлорусскаго нарѣчія. Прежде всего *о* и *ѣ* на значительномъ пространствѣ этого нарѣчія являются звуками двугласными. *Оу*, *уо*, и *іе*; двоегласіе это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что звуки *о* и *у*, *і* и *е* настолько тѣсно сливаются, что представляютъ одинъ звукъ—дифтонгъ, слышимый въ одной мѣстности рѣзче, въ другой весьма близко подходящій, а иногда совсѣмъ превращающійся въ чистый *о* и *е*. Съ другой стороны, будучи безударными, эти звуки представляютъ другое замѣчательное явленіе бѣлорусскаго вокализма—явленіе аканья.

Разсмотримъ сначала безударное *о* и *е*, *ѣ*.

Всякое безударное *о* произносится какъ *а*. Это явленіе наблюдаемъ какъ въ серединѣ словъ, такъ и на концѣ. Вообще, кажется, оно не имѣетъ исключеній въ данной мѣстности, если не считать таковыми случайнаго расположенія словъ въ пѣснѣ или рѣчи, гдѣ на *о* лежитъ логическое удареніе, или наконецъ обмолвокъ или описокъ въ записяхъ. Такъ, въ серединѣ словъ мы встрѣчаемъ: дзѣв*а*чкуомъ, дзѣв*а*чкѐ, ў к*а*нцѣ, п*а*сјолъ, акѐнца, сь пуоўн*а*чи, п*а*х*а*вайма, п*а*тъ г*а*н*а*чк*а*мъ. Въ суффиксахъ и флексіяхъ: жалк*а*, сильн*я*, вѣрн*я*, прав*аю* рукуой, дзѣт*а*къ, зъ сынуочк*а*мъ, за вудиськ*а*мъ, брыўлян*а*и зь бѣл*а*и, станьм*а*, пахавайм*а*, жит*а* (им. внн. ед.) [1]) и проч. Эти примѣры убѣдительно свидѣтельствуютъ, что независимо отъ мѣста, занимаемаго безудар-

1) Приводимыя слова я оставляю въ той формѣ, въ какой онѣ встрѣчены въ текстѣ записей.

нымъ *о* въ словѣ, оно переходитъ въ *а*. Однако есть разница въ природѣ этого *а*, какъ мнѣ кажется: *а* изъ *о*, стоящее передъ ударнымъ слогомъ и непосредственно послѣ него, слышится явственно, какъ *а*; стоящее же на второмъ отъ ударяемаго слогѣ, послѣ или передъ нимъ, имѣетъ звукъ менѣе чистый, средній между *а* и *о*; послѣднее относится и къ тѣмъ случаямъ, когда безударнымъ *о* кончается слово. Поэтому не одинаково явственно слышимъ *а* въ: к*а*нцѣ, здѣт*а*къ, г*а*доўў, и въ: гàн*а*чк*а*мъ, п*а*хавайма, жалк*а*, жит*а*, равнымъ образомъ, во флексіи *ага* при довольно явственномъ конечномъ *а*, предыдущее *а* неявственно: зялёнага. Г. Карскій объясняетъ подобные случаи тѣмъ, что *о* здѣсь можетъ переходить въ *а*, но можетъ и не переходить. [1]) Мнѣ кажется, что переходъ всегда происходитъ, но звукъ получается неявственный.

Къ переходу *о* въ *а* тѣсно примыкаетъ замѣна *е* безударнаго и *ѣ* — чрезъ j*а*, *а*. Еще К. Аппель указалъ, что правильная замѣна въ этомъ случаѣ наблюдается лишь тогда, когда *е* стоитъ передъ ударнымъ слогомъ. [2]) На этотъ случай мы находимъ полное подтвержденіе въ Ново-Сверженскомъ говорѣ: с*я*лò, в*я*лѝкая, сьв*я*чў, с*я*гòня, в*я*лѝць, цьв*я*рóзый, б*я*рўоза, дз*я*ўчѝна, б*я*дà, в*я*нуокъ, б*я*лѣй, пясўочакъ, с*я*страˋ, в*я*снà, сьв*я*тлица и т. д. Однако, для *е* собственно мы наблюдаемъ достаточно правильный переходъ его въ *я* и тогда, когда оно стоитъ послѣ слога ударнаго: вéрн*я*мся, кàм*я*нь, Марўс*я*нька, вы̀в*я*ду, ясню̀с*я*нька, галаснюс*я*нька, мѝл*я*ньки Въ суффиксахъ и флексіяхъ: сўк*я*нь, бывà*я*шъ, дзя̀ку*я*мъ, пракатà*я*мся, рацитà*я*мся, зрѣ*я*, бушў*я*, идзѐц*я*, іещ*я*, пéц*я*, (пейте), чў*я* и др.

Такъ какъ *р* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи абсолютно твердо, то *е* и *ѣ* послѣ него замѣнились не *я*, а *а*: спр*а*чаўся, р*а*шато, гор*а*й, (горѣй, хуже), ч*а*р*а*вики, выр*а*зали, р*а*крутачки, сустр*а*чаци, н*а*р*а*каць, р*а*ка (рѣка), гòр*а* (горе), пр*а*съ (презъ — чрезъ, когда оно свое удареніе передаетъ слѣдующему слову), ў р*а*ццѣ и др.

Послѣ шипящихъ, которыя, какъ извѣстно, въ бѣлорусскомъ тверды: пясоч*а*къ, грош*а*й, грач*а*, хоч*а*, плач*а*, чеш*а*, реч*а*нька, плач*а*мъ, уяж*а*нька, руч*а*чку, ж*а*на, реч*а*й, веч*а*ра, ж*а*ничися, лутш*а*й, руч*а*ньки, щ*а*ву, рацашу, щ*а*нята [3]), ч*а*равики, пац*а*лую, ц*а*ны и пр. Аналогично: с*а*рдэньку и с*а*бѣ.

Явленіе аканья представляетъ одно изъ важнѣйшихъ отличій бѣлорусскаго нарѣчія, хотя оно извѣстно южно-великорусскому говору, а также немногимъ сѣверно-великорусскимъ, но здѣсь оно является болѣе или менѣе спорадически и не отражается такъ рѣзко на всемъ строѣ говора. Безсоновъ даже

---

1) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, р. 43.

2) Ст. О бѣлорусскомъ нарѣчіи, Р. Фил. Вѣстн., 1880, № 2, стр. 198 и сл.

3) Но ручаемъ проф. Соболевскій производитъ отъ ручай. Ж. М. Н. Пр. 1885, VI, р. 305.

высказываетъ мысль, что южно-великорусское аканье есть отраженіе, заимствованіе аканья бѣлорусскаго[1]). Это послѣднее вполнѣ возможно, но, разумѣется, московское аканье не есть «передѣлка» съ половины XVII ст., какъ выражается Безсоновъ, а скорѣе болѣе глубокій слѣдъ колонизаціоннаго движенія кривичей въ области Окскаго бассейна, продолжавшагося много столѣтій и закончившагося раньше окончательнаго обособленія бѣлорусскаго нарѣчія отъ праязыка русскаго. Бѣлорусское аканье[2]) замѣчается уже въ самомъ нач. XV в. Въ договорѣ Полоцка съ Ригою 1405 г. мы встрѣчаемъ всякоя[3]). Въ памятникахъ половины и конца этого стол. оно является уже господствующимъ: гр. 1478 г. зъ *а*бого, ст*а*итъ, п*а*сле,[4]), въ Четьѣ 1489 г. оно представляетъ обычное явленіе; пр*а*щаетъ, б*а*гата, вясло, весел*я* и пр.[5]). Однако аканье было извѣстно и раньше, по крайней мѣрѣ *я* изъ *ѣ* находимъ уже въ половинѣ XIV в.: покол*я* (грам. 1340), и дотол*я* (1383 г.) и нѣк. др.[6]). При консервативности письма, оно въ первое время, въ XIV и нач. XV в., встрѣчается рѣдко, но съ конца XV и въ XVI в.—становится явленіемъ обычнымъ. Аканье, начавшееся въ древнихъ кривичскихъ и московскихъ говорахъ, окрѣпло на почвѣ чисто бѣлорусской, послѣ окончательнаго обособленія кривичскихъ и дреговичскихъ говоровъ. *О* безударное потемнѣло въ сознаніи народа, начало колебаться и перешло въ *а*. Но *а* изъ *е* пережило еще посредственный переходъ: сначала явились *о* изъ *е*, затѣмъ уже это *о* перешло въ а[7]). Колебаніе звука *е* относится въ очень раннимъ особенностямъ[8]) бѣлорусскаго нар.—къ XIII ст., напр. ч*о*ловека, въ грам. Смол. кн. въ Ригу 1284: наш*о*му, ваш*о*му[9]). Хотя эта черта не была преобладающею въ говорѣ, и на ряду съ развитіемъ *о* изъ *е* мы встрѣчаемъ уже переходъ этого новаго *о* въ *я* (съ XV в.), однако подобные примѣры проходятъ и въ XIV и XV вв.; *ажо* (грам. XIV в,), ц*о*ловати (гр. 1389 г.[10]); ков*о*ръ, хоч*о*мъ и др. примѣры изъ Четьи 1489[11]).

---

1) Бѣлорусскія пѣсни, р. V.

2) Объ аканьѣ въ Моск. пам. пол. XIV ст. см. Соболевскій, Лекціи по ист. р. яз., р 69 г. (1-ое изд.).

3) Соболевскій, Полоцко-Смоленскій говоръ Р. Фил. Вѣстн. 86 г., № 1, р. 11.

4) ibidem.

5) Карпинскій, Четья 1489 г. (изъ Р. Ф. В.) р. 10, 9.

6) Недешевъ, Историч. Обзоръ зв. и морфол. особ. бѣлор. гов., р. 18 (отт.), но не доколя, какъ думаетъ г. Недешевъ. Ср. рец. Соболевскаго, Ж. М. Нар Пр., 1885, № VI, р. 305

7) Соболевскій, Къ ист. русск. акающихъ говоровъ, Р. Фил. Вѣстн. 1884, № 3. р. 106.

8) Соболевскій, Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В. 1886 № 1, 13. Но въ др. р. памятн. эта черта встрѣчается уже въ XII в. (См. объ Антихристѣ, Галицкій Выголексинскій сб. и др.). Соболевскій, Лекціи, р. 52.

9) Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В., 81, № 1, В.

10) Ibidem, р. 10, 11.

11) Карпинскій, 10.

Когда закончился этотъ переходъ *е* въ *а*, неизвѣстно; въ настоящее время онъ едва ли слышимъ гдѣ нибудь въ Бѣлор., но еще въ Статутѣ 1588 г. г. Карскій отмѣчаетъ формы: нашого, едучого, мачохи, чоловекъ [1]). Однако сомнительнымъ кажется, чтобы всякое *а* изъ *е* прошло черезъ *о* и чтобы былъ такой моментъ въ языкѣ, когда бы послѣднее явленіе было всеобщимъ, или по крайней мѣрѣ преобладающимъ. Встрѣчающіеся одновременно факты (съ XV в.) *о* изъ *е* и *а* изъ *е* черезъ *о* противорѣчатъ послѣднему: появленіе *о* изъ *е* предшествовало появленію *а*, но и послѣднее явилось непосредственно за первымъ, а въ началѣ могло быть и одновременнымъ прямо изъ *е*. Очевидно, что подъ вліяніемъ общаго процеса въ языкѣ, перехода отъ *о* и *е* (черезъ *о*) къ *а*, отдѣльныя реченія могли непосредственно перемѣнять *е* на *а*, недожидаясь посредственной ступени. Это возможно тѣмъ болѣе, что *о* изъ *е* мы чаще всего встрѣчаемъ послѣ шипящихъ (отвердѣніе которыхъ началось очень рано) и сравнительно въ другихъ немногихъ случаяхъ (коворъ въ Четьѣ 1489 г. и др.).

Покончивъ съ аканьемъ, перейдемъ къ другимъ случаямъ перехода безударнаго *о* и *е*.

Прежде всего встрѣчаемъ переходъ безударнаго *о* въ суффиксахъ и флексіяхъ въ *у:* прыгод*у*ньки, на рокитав*у*мъ кусту, ў бѣл*уй* свици, б*уо*синьк*уй* (дат. п.), вар*уа*ж*у*ньки, субот*у*ньки, ўдов*у*нька, на прав*уй*, на лѣв*уй*, при ясн*уй*, па нов*у*мъ, па ж*уо*ўт*у*мъ и др.

Такимъ образомъ, этотъ переходъ мы встрѣчаемъ лишь въ суффиксахъ *онька*, *енька* и въ дат. и предл. пад. женск. р. и твор. муж. им. прилаг. Кажется указанными случаями и исчерпывается данное явленіе Ново-Сверженскаго говора. Въ серединѣ словъ встрѣтилось гр*у*маду (ср. *оу*беспечили въ стат. 1588) [2]).

Смѣна *о* на *ы*, происшедшая, какъ думаетъ К. Аппель, уже послѣ перехода *о* въ *а* [3]) отражается въ говорѣ данной мѣстности лишь въ нѣсколькихъ примѣрахъ: зъ др*ы*ўлянаи хаты, др*ы*жиць, под*ы*шодши, ябл*ы*чки, кр*ы*вавыя, бабр*ы*сьцы (полагаемъ, что эту форму народъ связываетъ съ бродимъ, бродъ).

Въ настоящее время явленіе перехода безударнаго *о* въ *ы* свойственно только сѣв.-восточн. бѣлорусскимъ говорамъ: приведенные у К. Аппеля примѣры всѣ относятся къ Витебскому, Лепельскому и Суражскому уу., нѣсколько словъ взяты изъ Дисненскаго и Быховскаго уу. Западно-бѣлорусскимъ гово-

---

[1]) Р. Фил. Вѣстн., Къ ист. зв. и ф. бѣл. рѣчи, 1890 г. и 4, р. 203.

[2]) Карскій, Р. Ф. Вѣстн.. 1890 г., № 4, 208.

[3]) Р. Фил. В., 1880, № 2, р. 208.

рамъ оно извѣстно лишь въ немногихъ случаяхъ, хотя это явленіе здѣсь не ново: ср. въ Четьѣ 1489—дрыжаху, крывавы 1).

Послѣдніе примѣры изъ Четьи, а также и наши примѣры представляютъ *ы* послѣ *р*; другихъ примѣровъ, кажется, нѣтъ, а потому они скорѣе соотвѣтствуютъ малор. кривави, въ которомъ *и* объясняется проф. Соболевскимъ какъ рефлексъ древняго глухаго звука [2]). Примѣръ подышолъ можетъ быть объясненъ и изъ подъ-ис-шолъ [3]).

Равнымъ образомъ нашъ говоръ не представляетъ выдающихся особенностей перехода неударнаго *е*, *ѣ*. Переходъ *ѣ* въ *и* въ срединѣ словъ встрѣченъ нами лишь въ зацьв*и*тала, цьв*и*ла, усьмихнуўся. Кажется, другихъ примѣровъ не встрѣчается. Зато переходъ *ѣ* во флексіяхъ дат. ж. и мѣстн. пад. въ *и*, а послѣ шипящихъ, *у* и *р*—въ *ы* можетъ быть признанъ общимъ правиломъ: ў лѣс*и*, ў няволи, ў касьцел*и*, ў зьвинтар*ы*, дзѣўц*ы*, сиротуньц*ы*, па садз*и*, ў нач*ы*, на рѣчц*ы*, ў матаньнц*ы*, па галовачц*ы*, ў гòр*ы*, на мор*ы* и пр. Ср. въ грам. 1396 г. на рец*и*, при вѣр*и* и др. [4]).

Е въ нѣкоторыхъ суффиксахъ также можетъ переходить въ *и:* бѣл*и*нька, ран*и*нька, прыкрасн*и*ньки, хуц*и*нька, въ префиксѣ *пре:* прыкрасна; въ серединѣ словъ только: семдз*и*сятъ, дзисяткаў, падл*и*ца, ц*и*перъ, п*и*нёкъ; частица *не* обыкновенно произносится *ни*, рѣже *ня;* наконецъ, въ мѣстоим. *миня*, *цибе*, (вин. п., дат. *табѣ*), *мине* (вин. п.), *сибе*, , *сибя*. Перехода въ флексіяхъ глаг. 2 л. ед. ч. *ешь* въ *ишъ*, въ родѣ будз*ишъ* и пр. въ нашемъ говорѣ не встрѣчается. Оно болѣе присуще сѣверо-восточн. говорамъ.

Отмѣтимъ еще *е*=*ю* въ флексіяхъ: на крайн*ю*мъ, на син*ю*й и др.; сюда же относятся формы: Васил*ю*нку и ўс*ю*хъ=всѣхъ.

Перейдемъ теперь къ ударнымъ *о*, *е*, *ѣ*. Важнѣйшимъ явленіемъ представляется здѣсь переходъ *о* въ *у͡о*, а *ѣ* въ *і͡е*. Разсмотримъ, въ какихъ случаяхъ встрѣчаемъ первое явленіе, и постоянное ли оно или спорадическое.

Самый большой рядъ словъ съ *у͡о* тотъ, гдѣ ударное *о* находится передъ двумя или болѣе согласными, также передъ согласнымъ *j*, или передъ однимъ согласнымъ, кончающимъ собою слогъ. Вотъ рядъ примѣровъ: б*у͡о*льша, ня*в͡у*ольна, кук*у͡о*льначка, д*у͡о*нька, б*у͡о*льна, п*у͡о*йдзяшь, г*у͡о*рка (горько), т*у͡о*льки, в*у͡о*зьмуцъ, сак*у͡о*лъ, в*у͡о*чками, пах*у͡о*тъ, зл*у͡о*тнички, волач*у͡о*бнички, р*у͡о*дняньки, раб*у͡о*тнячки, чаб*у͡о*ръ (родъ травы), б*у͡о*рку падв*у͡о*рья, крак*у͡о*съ (растеніе),

---

[1]) Карпинскій, p. 6.

[2]) Очерки изъ ист. русск. яз., p. 73, и рец. на кн. Карскаго. Журн. М. Нар. Пр., 1887 г., № 5, 146; Потебня, Замѣтки о малор. нар., p. 12.

[3]) Соболевскій, Ж. М. Нар. Пр., 1885 г., № 6, p. 305.

[4]) Недешевъ, 19.

сяр*уо*тъ, хал*уо*дная, ўсп*уо*мни, б*уо*рздыхъ, вячуорки, др*уо*бны, г*уо*рняцца (горнется, прихиляется), г*уо*рница, п*уо*тшта, пл*уо*тнячкаў, адб*уо*рначка, зб*уо*рщикъ, пяраб*уо*рщикъ, н*уо*чка, м*уо*жна, ваг*уо*нъ, в*уо*тка, к*уо*пка, ж*уо*нка, р*уо*зна, п*уо*зна, гал*уо*ўка, изн*уо*ў (снова), д*уо*ўга, сьвякр*уо*ў, п*уо*ўначъ, нар*уо*ўя (норовъ, наровье), здар*уо*ўя, в*уо*ўкъ, пятр*уо*ўка, мал*уо*йчикъ, в*уо*йська, б*уо*йся, на п*уо*йуя, мал*уо*йця, в*уо*йту, м*уо*й, тъ*уо*й, разб*уо*й, паст*уо*й тр*уо*йку и мн. другіе.

Исключенія на данные случаи сравнительно рѣдки, и, быть можетъ, объясняются, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вліяніемъ русскаго языка или меньшею отчетливостью произношенія; вообще въ прозѣ, въ разговорной рѣчи, такихъ исключеній больше: *уо* чаще переходитъ въ чистое *о*, чѣмъ въ пѣсняхъ. Но и въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: хлопчики, тонки (обычно), хвосцики, найомщики, скароджано, успомни, конь, злосьци; сюда же—Христосъ, васкросъ. Къ этому относятся и случаи чистаго *о* передъ *дз* изъ *д* общерусскаго: ходзяць, ў народзи, малодзянкуй, годзи, на слабодзи и мн. др. Вообще можно сказать, что *дз* изъ *д* не вліяетъ на удлиненіе *о* въ *уо*.

Напротивъ, въ коренныхъ слогахъ, гдѣ за *ó* слѣдуетъ одна согласная, мы встрѣчаемъ повсемѣстно чистое *о;* воля, выносяць, Сóняйка, ворано, хоча, скочила, заборы, дароги, горай, скоса, корань, повадъ, поламъя, варотами, укрою, дарози, ў новую росячи, просячи, рожа, поле, кóничакъ, сосянка, цихоня, наровячи, дуброва, вози, соли, пяро, зловяць, звоняць, сирóта, гожы, широкая, ночы, моры, косы, могуць, харомы, высокуй, божа, паложымъ, чырвоны, раскоши, паходамъ, бочачка, словамъ, да дому и мн: др.

И въ этомъ случаѣ исключенія нерѣдки, особенно въ пѣсняхъ, хотя почти нѣтъ примѣровъ, которые строго выдерживались бы повсюду. Такъ, встрѣчаемъ: зв*уо*щикъ, мал*уо*душку, дар*уо*жачку, рыбал*уо*вы, ўд*уо*вушку, гав*уо*рыць, л*уо*жа, вар*уо*цячакъ, бар*уо*дачку, бар*уо*нушку, гал*уо*вакъ, мал*уо*дакъ, карч*уо*мачки, п*уо*вянъ, н*уо*вяньки, ст*уо*ликамъ, над*уо*бакъ и нѣк. др. Указанные только что примѣры легко могутъ быть объяснены вліяніемъ другихъ словъ, въ которыхъ *уо* обычно.

Въ словахъ съ конечнымъ *о* ударнымъ; послѣднее всегда чистое: дн*о*, вж*о*, зялян*ó*, вин*о*, адн*о*, яво, рус*ó*, пяр*ó*, братк*ó*, чутк*ó*, лиц*ó*, хт*о*, шт*о*, харашо, и др.

Мы говорили до сихъ поръ только о коренныхъ слогахъ; обратимся къ флексіямъ и суффиксамъ. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ едва-ли не слѣдуетъ принять за общее правило, что здѣсь *о* не переходитъ въ *уо,* то же относится и къ *о*, соединяющему суффиксы съ корнемъ такъ наз. соединитель-

ному. Возьмемъ рядъ примѣровъ: кусочакъ, мисточакъ, пясоцкія, кляновы, дзявоцкія, дубокъ, цисовы, дзѣвачокъ, мужычокъ, кулачокъ, вяночки, паповы, платочками, саладокъ, мядокъ, заручоная, разлучоная, травою, чаўномъ, маладоя, сястрою, рудои, булавой, самому, ўдавою, кумою, рукавомъ, вадою, виномъ, другóга, варанога, маладога, маладой, радной, чужой, бядою и др. Исключенія рѣдки и невыдержаны; напр.: на живуога, залатуому, пабяруомъ, дзѣвачкуомъ, на аднуомъ, варагуомъ, сиўцуомъ, варанцуомъ, галубуомъ, сауочку, чахуотка, тынуочакъ и др.

Въ виду важности разсматриваемаго явленія мы привели возможно большее число примѣровъ, чтобы имѣть право обобщить его. Приведенныя данныя прежде всего убѣдительно свидѣтельствуютъ, что переходъ *о* ударнаго въ *уо*, т. е. двоегласность его въ данномъ говорѣ представляетъ собою явленіе не спорадическое, но въ извѣстныхъ случаяхъ обычное и необходимое: именно, *уо* является въ коренныхъ, закрытыхъ слогахъ, гдѣ за *о* слѣдуютъ двѣ или болѣе согласныя, или одна согласная, заканчивающая слово. Наоборотъ — *о* передъ одной согласной (незаканчивающей слога), конечное, въ суффиксахъ и флексіяхъ — остается чистымъ. Качество согласныхъ не имѣетъ значенія. Примѣры, противорѣчащіе указаннымъ правиламъ, должны быть признаны исключеніями, случайными отступленіями.

О йотированное *(jo)*, если въ словѣ лежитъ удареніе тамъ, гдѣ и въ великорусскомъ, обладаетъ тѣми же свойствами, напр.: судз*jo*нушку, вяс*jo*лъ, зял*jo*ны, ма*jo*. Отмѣтимъ форму руча*jó*мъ, происшедшую вслѣдствіе несмягчаемости *ч*; въ оконч. 3 л. ед. ч. глаголовъ: жив*jo*ць, бяр*jo*ць, завядз*jo*ць, вяз*jo*ць, пос*jo*ць, идз*jo*ць, нас*jo*ць и др. Отмѣтимъ необычныя въ великор. формы: хростъ (крестъ), пас*jo*лъ (посолъ) и даже бяс*jo*ду.

Остается отмѣтить еще извѣстныя въ бѣлор. ф.: сьвякр*ы*ви, чарнабр*ы*вы, форма—зм*ы*ю [1]); а также единичные случаи *е*, *э* изъ *о*: ак*е*нца, вян*е*чки, послѣднее—полонизмъ: wianeczki.

Здѣсь же умѣстно указать на: туд*е*ю (изъ тудою), куд*е*ю и туд*е*ма, куд*е*ма.

Ѣ въ бѣлор. вообще отличается своею мягкостью сравнительно съ великор.; оно стоитъ только послѣ мягкихъ йотированныхъ согласныхъ, какъ уже замѣтилъ проф. Потебня [2]) (говоримъ о *ѣ* ударяемомъ). Такимъ образомъ бѣлоруссы говорятъ б*jѣ*лый, зьв*jѣ*ръ, чалав*jѣ*къ, и пр., однако Ново-Свержен-

---

[1]) См. Аппеля, О бѣлор. нар., Р. Ф. В., 1880, № 2, 210; Потебня, Два изслѣдованія и пр, 59.

[2]) Зам. о малор. нар., 46.

скій говоръ представляетъ собою еще большую особенность: ударяемое *ѣ* въ немъ растягивается въ *і͡е*. Трудно сказать, всякое ли ударное *ѣ* произносится какъ *і͡е*, или же только въ нѣкоторыхъ словахъ: записывателемъ это написаніе употребляется въ весьма многихъ словахъ, хотя встрѣчаемъ и простое *ѣ*. Такимъ образомъ встрѣчаемъ: jі͡есци, бі͡елы, ні͡етъ, ў лі͡еси, сьві͡етъ, jі͡ешщя, табі͡е, сабі͡е, сі͡ели, хлі͡еба, ві͡енчикъ, няві͡ехна, сьні͡ежуньки, бі͡елы, бі͡едны, ў Маскві͡е, сі͡ера (сѣрая) и друг. Слова jі͡есьца, jі͡ешщя сопровождаю написаніемъ j, потому что въ Бѣлорусскихъ говорахъ слова, начинающіяся мягкой гласной, всѣ, какъ кажется, йотируютъ начальную гласную. Трудно подвести подъ общее правило, когда *ѣ* выговаривается чисто, когда—какъ *і͡е*. Насколько мнѣ приходилось слышать въ другихъ мѣстностяхъ,—долгота *ѣ*, въ которомъ слышится *і͡е* болѣе замѣтна тогда, когда бѣлоруссъ дѣлаетъ особенное удареніе на этомъ слогѣ.

На этомъ основаніи, мнѣ кажется, можно объяснить, почему иногда въ словѣ с в ѣ т ъ, напр., ясно можно различить сьві͡етъ, иногда просто сьвѣтъ. Съ другой стороны, приведенные примѣры, кажется, даютъ право заключить, что *і͡е* изъ *ѣ* появляется передъ твердымъ согласнымъ: сві͡етъ, но бѣляньки, бѣдняньки, при бі͡едны. Третья, наконецъ причина появленія *і͡е*—скопленіе мягкихъ согласныхъ передъ нимъ; сьні͡ежуньки, сьві͡етлинька, сьпі͡елянька. Послѣдній случай *і͡е* въ говорахъ Мозырскаго у., какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, является очень обычнымъ.

Такъ какъ *р* въ бѣлор. абсолютно твердое, то оно съ *ѣ* не соединяется, а развиваетъ послѣ себя звукъ *ы͡е*, иногда прямо *ы* (рыку, дат. п.—сястры, ў кары—въ корѣ и др.); гары͡елку, сустры͡еў: ры͡ечка, ры͡ечы и др.

Аналогичное явленіе послѣ шипящихъ: ў концы͡е (въ концѣ), па щацы͡е (по щекѣ) и др. замѣчательно, что въ рѣдкихъ случаяхъ и *е* ударное очевидно, по аналогіи съ *ѣ*, переходитъ въ *і͡е*; пі͡ечка, мані͡ерка, мі͡еду, пасьці͡ель, трі͡еска, і͡есцъ, (есть) и др. Примѣры рѣдки.

Во флексіяхъ дат. ж. и предл. муж. и ж. р. *ѣ* переходитъ въ *и*: пры сьвячи, ў аши, ў пячи и др. Въ срединѣ словъ въ мѣст. ўсимъ, зачымъ тымъ (тѣмъ), чымъ (чѣмъ).—*Е* въ *ю* въ суфф.: ясні͡осянька, галасні͡осянька, бялюсянька и пр. Ударное *е=и*: миолъ.

Изъ обзора особенностей ударныхъ *о* и *ѣ* въ нашемъ говорѣ, видно, что важнѣйшая ихъ черта—способность переходить въ *у͡о*, *і͡е*; на нихъ мы нѣсколько остановимся прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изученію.

Профессоръ Потебня неоднократно и настойчиво утверждаетъ, что *у͡о* изъ *о* и *і͡е* изъ *ѣ* есть особенность исключительно малорусская, встрѣчаемая въ

сѣверныхъ говорахъ этого нарѣчія и этой особенности «вовсе нѣтъ» ни въ бѣлорусскихъ, ни въ великор. говорахъ [1]), отрицая указанія Максимовича [2]), что произношеніе ударнаго *о* какъ *у* болѣе свойственно бѣлор. говорамъ, чѣмъ малор., хотя послѣдній, очевидно, опирался на извѣстномъ ему произношеніи. Подобную мысль почтенный ученый высказываетъ неоднократно: форма *воол.* (откуда *вудл*, вуол *вул*, и пр.) «не можетъ быть общерусской». [3]) Мысль эта высказана почтеннымъ ученымъ много разъ [4]) и при томъ такъ категорически, что изслѣдователямъ нечего было и думать найти подобное явленіе въ Бѣлоруссіи.

Такое категорическое заявленіе оказывается преждевременнымъ. Приведенные нами примѣры говорятъ о томъ, что дифтонги *уо* и *іе* свойственны въ сильной степени одному изъ срединныхъ говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія, составляютъ его неизмѣнную и важную примѣту. Но до сихъ поръ на эту особенность бѣлорусскаго нарѣчія не было обращено вниманія изслѣдователями просто потому, что имѣющіяся записи такъ еще не совершенны, что въ нихъ едва отражается эта тонкая, но характерная особенность. Однако и теперь можно собрать нѣсколько указаній, что и въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Такъ для Минской еще губ. мы имѣемъ рядъ прекрасныхъ записей изъ д. Подлѣсья Слуцкаго у., сдѣланныхъ г. Копацемъ и разбросанныхъ по сборнику г. Шейна [5]): дор*уо*жки, п*уо*дзо, в*оу*йта, гор*іе*лочку, бес*іе*да, дз*іе*, п*іе*чъ, св*іе*чачку, кл*іе*тачку и мн. др. [6]). Встрѣчаемъ также и въ другихъ мѣстахъ Минскаго у. (д. Ячонка) выб*іе*гла, таб*іе*, зацв*іе*тана, и др. [7]). Слуцкаго у. (д. Семежево)—гол*уо*вку [8])—въ д. Островкахъ—б*уо*ръ, т*уо*мъ, р*уо*дная, к*уо*ски и мн. др. [9]). Въ Новогрудскомъ у. встрѣчаемъ формы б*у*гъ, ў вялик*у*й [10]), въ Игуменскомъ у. — *су* войны, широк*у*й [11]), въ Бобруйскомъ — в*у*инъ [12]), въ Борисовскомъ—гр*у*мадою [13]); имѣемъ многочисленныя указанія для Мозырскаго

---

1) Зам. о малор. нар., 30.
2) Ист. р. слов., 112.
3) Къ ист. звуковъ русск. яз. Фил. Зап., 1876 г., т. I, 47.
4) См. еще, напр., Замѣтки о малор. нар., р. 5 и др.
5) Матерьялы для изуч. быта и яз. русск. нас. Сѣв.-Зап. Края, т. I, ч. 1.
6) Ibidem, p. 27, 28, 22, 98, 347—350 и мн. др. Ср. разсказъ, написанный Слуцкимъ нар. въ «Календарѣ Сѣв.-Зап. Края» на 1889 г., издав. подъ ред. М. Запольскаго.
7) Матерьялы, ч. 1, 150.
8) Ibidem, ч. 2, p. 208.
9) Ibidem, ч. 2, 290 и слѣд.
10) Ibidem ч. 1, 245, 246.
11) Ibidem, 480, 501.
12) Ibidem, ч. 2, 267.
13) Ibidem, ч. 1, p. 486.

у: въ с. Мелешковичахъ (недалеко отъ Мозыря): ў новуомъ, ў бѣлесенькуой, червуонцеў, пируохъ и др. [1]). Относительно Бобруйскаго у. добавимъ, по личнымъ наблюденіямъ, что подъ городомъ говорятъ—друобный, вуолъ даже уочань (очень) и др. Въ западной части Мозырскаго у., на основаніи имѣющихся у насъ записей, говорятъ:—вуолъ, свіетъ, но подъ вліяніемъ сосѣднихъ Пинчуковъ и вулъ, свэтъ. Объ этомъ говорѣ мы скажемъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ статей. Въ Пинскомъ говорѣ дифтонговъ почти нѣтъ, но зато чистое *у* на мѣстѣ ударнаго *о* обычно: в*у*лъ, к*у*нь, др*у*бны, р*у*дны и т. п. О Пинскомъ говорѣ будемъ еще особо говорить въ слѣд. статьѣ. Наконецъ, юговосточный уголъ Минской губ., по сдѣланнымъ нами записямъ изъ Древновической волости Рѣчицкаго у., знаетъ *оу* на мѣстѣ *о* и *іе* на мѣстѣ *ѣ*: стоулька, Боугъ, коунь, лiесъ, сьвiетъ и пр.

Послѣ этого, правда, бѣглаго обзора данной особенности въ говорахъ другихъ частей Минской губ. едва ли можетъ оставаться сомнѣніе въ томъ, что она свойственна въ большей или меньшей мѣрѣ всѣмъ говорамъ губ. Только наши печатные источники на этотъ счетъ еще очень не полны и не точны [2]).

Мало того, не только въ Минской губ., но въ Могилевской (формы б*у*гъ, в*у*лъ, ст*у*лько и др. въ записяхъ сказокъ г. Романова обычны и свойственны едвали не всей губ., но не въ одинаковой степени [3]), въ бѣлорусскихъ частяхъ Гродненской губ. [4]), въ Смоленской губ. (прим. въ сборникѣ Добровольскаго) мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Только о Витебской губ. трудно сказать что либо опредѣленное въ данное время.

Такимъ образомъ, дифтонги *уо*, *оу*, а также отчасти и *іе*, при болѣе внимательномъ изученіи бѣлорусской діалектологіи, должны быть признаны какъ основные признаки бѣлорусскаго нарѣчія.

Что касается до характера дифтонговъ *уо*, *іе*, то еще г. Житецкій замѣтилъ, что перезвуки эти съ долготой на *о* и *е*, т. е. *уō* *іē* не имѣютъ ничего общаго съ малорусскими говорами и характеризуютъ скорѣе нарѣчіе бѣлорусское [5]). Малорусское *і* изъ *о* и *ѣ* получилось при посредствѣ ряда

---

[1]) Ibidem, 58, 59, 95.

[2]) Для мѣстностей, гдѣ лично нами не сдѣланы наблюденія, мы пользовались сборн. г. Шейна, но о записяхъ его см. рец. въ «Кіевской Старинѣ», 1892 г. Май.

[3]) По выраженію собирателя, *о* произносится «почти какъ *у*» (вып. II, предисл. XV), т. е. мы имѣемъ *оу*, *уо*.

[4]) У Бобровскаго (Гродн. губ.) имѣемъ Б*уо*гъ, весел*іе*чко, и др., Ч. I, р. 828. Ср. Этногр. Сборн., т. III, р. 98—99. (Замѣтки о зап. ч. Гродн. губ.)—*цвјѣтъ*, *руокъ* и др.

[5]) Очеркъ звуковой ист. малор. нар., 115.

перезвуковъ изъ долгихъ *оо*, *ее* черезъ *уо*, первоначальные *уо*, *уō*, *юо*, *іōō*, въ послѣдующія *уи*, *уі*, *юі*, еще и теперь слышимые въ нѣкоторыхъ карпаторусскихъ говорахъ и въ сѣв. части Черниговской губ. (*куінь*, *муий*); рядомъ съ дифтонгомъ *уо*, *іо* явились чистые *у*, *ю* которыя затѣмъ большею частью перешли въ общемалорусское *і*, оставивъ лишь слабые слѣды въ окраинныхъ говорахъ. На существованіе посредствующей ступени въ переходѣ малор. *о* въ *і* черезъ *у* указалъ еще Головацкій. Потебня, а затѣмъ г. Житецкій дополнили это мнѣніе указанною послѣдовательностію перехода. Мнѣнія обоихъ изслѣдователей по существу сходны. Проф. Потебня удовольствовался указаніемъ ряда перезвуковъ *конь*, *куэнь*, *кунь*, *куйнь*, *кинь*, *кінь*[1]); для *ѣ* онъ указываетъ перезвуки ē долгое равное великор. *е*, *ье*, (м. б, *е*), ьи, (*свеет*, *съвет*, *свьит*, *світ*[2]). Но г. Житецкій, разсматривая природу этихъ перезвуковъ, пришелъ къ заключенію, что малорусское *і* изъ *о* и *ѣ* получилось именно вслѣдствіе долготы первой гласной дифтонговъ *уо* и *іе*[3]). Съ этими перезвуками имѣютъ связь и *ы*, *э* изъ *о* (*кынь*, *бэк.*; *быгъ* въ Пинскомъ говорѣ). Г. Житецкій считаетъ развитіе *ы* при посредствѣ *у*[4]); это объясненіе, кажется, ближе къ истинѣ, чѣмъ если признавать *быгъ* пинское за отвердѣніе въ немъ малор. *і*. Пинскій говоръ является переходнымъ, въ немъ господствуетъ *у* изъ *о*, а *ы* и *э* является болѣе или менѣе спорадически: малорусскаго же *і* изъ *о* въ немъ нѣтъ; потому, можно думать, что оно въ немъ и не развилось. Затѣмъ, появленіе твердаго открытаго *э* (бэкъ) можно предположить при посредствѣ дифтонга *ы͡е*, который въ немъ иногда можно даже различить: *бы͡егъ* *вы͡елъ*; ср. съ этимъ им. множ. косар͡ые = касарэ̑.

Такимъ образомъ, малорусское нарѣчіе получило свои два важнѣйшіе признака—*і* изъ *ѣ* и *о* посредствомъ цѣлаго ряда перезвуковъ, послѣдовательно развивавшихся въ языкѣ. Причина, вызвавшая неустойчивость ударныхъ *о* и *ѣ*, ихъ потемнѣніе и растяженіе,—паденіе глухихъ звуковъ. Это послѣднее явленіе въ исторіи славянскихъ языковъ отразилось болѣе или менѣе во всѣхъ языкахъ въ колебаніи чистоты *о* и *ѣ*, какъ ударныхъ, такъ и безъ ударенія. Въ чешскомъ появился перезвукъ *ů* близкій къ нашему *уо* (*ůd*. bůh), въ польскомъ, въ извѣстныхъ случахъ дало *у* чистое (bóg, ród). Русскій языкъ выдѣлился изъ старославянскаго до окончательнаго паденія въ

---

1) Два изслѣдованія..., р. 103—104.

2) Ibidem, 112.

3) Оч. звук. ист. малор. нар., 115. Впрочемъ, долгота *уо* имѣется въ виду и Потебней, когда онъ, въ позднѣйшемъ своемъ соч., ставитъ рядъ: *воол*, *вуол*, *вуол*, *вул* и пр. Къ ист. звук. русск. яз. Фил. зап., 1876, I, 47.

4) Оч. звук. ист., 113.

немъ глухихъ. Паденіе ихъ совершилось уже на русской почвѣ, почему мы и видимъ различныя степени измѣненія *ѣ* и *о* въ трехъ важнѣйшихъ нарѣчіяхъ русскаго языка, великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ. *О* начало колебаться и въ результатѣ дало малорусское *і* при посредствѣ *уо;* а *ѣ* черезъ и.

Въ нарѣчіяхъ бѣлорусскомъ и великорусскомъ преобладающею явилась вторая часть дифтонговъ ō и *е* которая и дала въ великорусскомъ чистое *о* и *е* (ѣ), а въ бѣлорусскомъ, въ средней и западной части его,—большею частью остались перезвуки *уō*, *іе* съ наклонностью къ чистымъ *о* и *е*, и чѣмъ восточнѣе, тѣмъ эта наклонность къ чистымъ *о*, *е* ярче, вслѣдствіе сосѣдства съ великорусскими говорами въ Смоленской губ. Только о сѣв. части бѣлорусскихъ говоровъ, т. е. о говорѣ собственно Полоцкихъ Кривичей трудно сказать что либо опредѣленное. Если бы отсутствіе этихъ особенностей не было отмѣчено въ предѣлахъ послѣднихъ говоровъ, то мы могли бы считать наши особенности остатками чертъ собственно Дреговичскаго нарѣчія, такъ мало извѣстнаго намъ въ древнѣйшую пору. Южныя же и западныя окраины бѣлор. нарѣчія обладаютъ въ сильной мѣрѣ *уо* и *іе*.

Разсматриваемыя особенности съ трудомъ и теперь находятъ себѣ выраженіе въ нашей этнографической литературѣ, а потому неудивительно, что онѣ еще больше затрудняли древнихъ переписчиковъ, и намъ трудно прослѣдить исторію этихъ особенностей. Однако на нихъ мы можемъ указать въ Четьѣ 1489 г.: апȣстоломъ, докоуле, оттоуле [1]). Впрочемъ, исторія бѣлор. нарѣчія едва затронута изслѣдователями (Недешев., проф. Владимірова о языкѣ Скорины, Очерки, проф. Соболевскаго, статьи Карпинскаго и Карскаго въ («Р. Фил. В.»). Быть можетъ послѣдующее изученіе памятниковъ дастъ намъ болѣе опредѣленныя указанія и на этотъ счетъ.

Съ вопросомъ и перезвукомъ *уо* и *іе* тѣсно связанъ вопросъ о пограничныхъ говорахъ между малорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчіями. Какъ извѣстно, говоры эти, и особенно Заблудовскій Гродненской губ., характеризуются, въ той или другой степени, присутствіемъ этихъ перезвуковъ.

Проф. Потебня перечисляетъ въ своемъ сочиненіи «Два изслѣдованія» и проч. слѣдующія мѣстности съ перезвуками *оу*, *у*: въ Сосницкомъ у. Черниг. губ. (*тум*, *пуд*; по Кулишу *вуэл*), въ западн. части Вол. губ. (*рузно*, *стуй*, *муй*), въ Заблудовскомъ Гродн. губ. (*беруозка* [2]). Позже, въ «Замѣтк. о малор. нар.» онъ дополняетъ эти свѣдѣнія еще указаніями на Пружанскій,

---

[1]) Карпинскій, р. 11.
[2]) Два изслѣдованія, 101.

Бѣльскій, Кобринскій, Брестскій, Гродненской губ. [1]), Кролевецкій и Козелецкій Черниг. губ. Гораздо неопредѣленнѣе у него свѣдѣнія о переходѣ *о* въ *уо* въ Угорщинѣ и вообще въ Галиціи, гдѣ, повидимому, этотъ перезвукъ болѣе приближается къ *уи*, *уй*. Этотъ перечень мѣстностей очень не полонъ. Во первыхъ, не хватаетъ свѣдѣній о средней части полосы, раздѣляющей оба нарѣчія, между Черниговской и Гродненской губ. Здѣсь, впрочемъ, встрѣчаемъ также тѣ же перезвуки; такъ, наприм., въ Дерновичской волости, занимающей южный уголъ Рѣчицкаго у., существуетъ *оу* (т*оу*лька) въ тѣхъ же случаяхъ, что и вообще въ Бѣлорусскомъ; затѣмъ (онъ извѣстенъ всей при-Припятской полосѣ Мозырскаго у., а въ Лахвинской волости, сосѣдней съ Пинскимъ у. есть *у* при рѣдкомъ *оу*, въ самомъ Пинскомъ у. *у*, *э*, *ы*. На крайнемъ западѣ пограничной полосы можно указать на Кошольскіе, Хотычское и отчасти Кленавицкое разнорѣчія [2]) (уу. Бѣльскій, Радинскій и Константиновскій) и т. д. Однимъ словомъ важно, что перезвуки *уо*, отчасти *и* встрѣчаемъ въ ихъ типичной формѣ именно на границѣ бѣлорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ.

Обыкновенно эти разнорѣчія считаютъ наиболѣе архаичными остатками болѣе древняго періода въ малорусскомъ нарѣчіи. Главнымъ показателемъ этого признаются именно разсматриваемые перезвуки. Примѣрами изъ этихъ говоровъ, особенно изъ Заблудовскаго широко пользуется Потебня въ своихъ сочиненіяхъ о малорусскомъ нарѣчіи, г. Житецкій пошелъ еще дальше, ища въ этихъ говорахъ разъясненія современныхъ звуковыхъ особенностей малорусск. нар., ставя очень высоко ихъ архаическія черты.

Несомнѣнно, что малор. *і* изъ *о* и *ѣ* прошло рядъ дифтонговъ, подобіе которыхъ видимъ въ этихъ говорахъ. Но слѣдуетъ ли искать архаичныхъ чертъ этого нарѣчія въ говорахъ именно этихъ мѣстностей,—это еще вопросъ. Дѣло въ томъ, что эти говоры, сохранивъ *уо* и *іе* въ то же время обладаютъ значительнымъ количествомъ признаковъ бѣлорусскаго нарѣчія. Въ нихъ преобладаетъ мягкость звуковаго строя (исключаемъ Пинскій говоръ), часто *дзеканье* и *цеканье*, твердость шипящихъ, твердость *р*, иногда даже перемежающееся *аканье*. Присутствіе послѣднихъ признаковъ неостанавливаетъ названныхъ изслѣдователей признавать говоры малорусскими, разъ въ нихъ есть *уо*, *іе*.

Мы бы черезчуръ отступили отъ намѣченной нами задачи, если бы взя-

---

[1]) Р. 28; Повидимому, эти уѣзды онъ выдѣляетъ въ «Бѣлостоцкій говоръ». Но это неясно: въ данной полосѣ столько перекрестныхъ говоровъ, что рѣчь о «Бѣлостоцкомъ» едва ли возможна.

[2]) Житецкій, Оч. зв. ист. малор. нар., прилож.; также сообщ. свящ. Желиховскаго. Р. Ф. В., 1881 г., кн., р. 256. О Константин. у. Сѣдлецкой губ. см. Янчука, Малороссійскія свадьбы.

лись за подробное изслѣдованіе особенностей этихъ говоровъ и ихъ сравненія съ бѣлорусскими. Этотъ вопросъ требуетъ спеціальной работы, для которой однако существующія записи представляютъ пока очень неблагодарный матеріалъ. Обращая на этотъ вопросъ вниманіе изслѣдователей, мы позволимъ себѣ остановиться лишь на Заблудовскомъ говорѣ.

Всякому, знакомому съ сочиненіями проф. Потебни извѣстно, что этотъ говоръ играетъ очень большую роль въ его работахъ. Факты этого говора въ работахъ уважаемаго ученаго приводятся чуть не на каждой страницѣ, но почти вездѣ съ замѣчаніями, что въ Заблуд. гов. встрѣчается такая особенность, какая не свойственна малор. нар. Это вполнѣ естественно, и потому что Заблуд. гов. вполнѣ бѣлорусскій. Характеризуя говоръ, онъ заявляетъ, что однѣ изъ особенностей встрѣчаются въ малорус. говорахъ, другія предполагаются ими [1]). Въ Малорусскими предполагаются, а въ бѣлорусскихъ—составляютъ обычное явленіе. Въ Заблудовѣ встрѣчаются *д' = дз*, *т' = ц*; *е* — смягчается, *ы* и *и* различаются, *о=уо*, *е=іоо*, *ѣ=jѣ*, *г=h*, *дj=дж*, *в=у*, *у=в*, *л=в* и др. [2]) особенности вполнѣ бѣлорусскія. Отсутствуетъ аканье, которое пока однако должно оставаться подъ сомнѣніемъ [3]). Непонятное въ малор. *а=ые* въ *удыерыть*—представляетъ обычную бѣлор. форму [4]). *Р* — твердое, *ѣ* послѣ него = *ые*: *рыечка*, *рјѣчка* и др. ,какъ въ бѣлорусскими. Заблудовскій говоръ не можетъ быть признанъ никоимъ образомъ за малорусскій говоръ, а слѣдовательно и типичные въ немъ *уо* и *jѣ*—черты бѣлорусскія. И другіе пограничные говоры соединяютъ въ себѣ тѣ или другія черты бѣлор. и малор. нарѣчій: опредѣленно отнести ихъ къ тому или другому, безъ натяжекъ, трудно.

Но перезвуки *уо* и *іе* здѣсь едвали не черта бѣлорусская. Въ сосѣднихъ малор. говорахъ (т. е. въ средней части Черниговск. губ. и средней Волыни, хотя въ западн. части есть *пузно*, *рузно*), эти особенности не встрѣчаются, да и вообще не играютъ никакой роли въ малор. нар., кромѣ переходныхъ предполагаемыхъ перезвуковъ. Въ бѣлор. нар., во всей срединной и южной его территоріи они составляютъ коренную особенность. Между тѣмъ сохраненіе одинаковыхъ перезвуковъ въ сѣв. части Черниговской губ. и въ южной Гродненской, въ двухъ противуположныхъ концахъ, иначе не можетъ быть объяснено, какъ только вліяніемъ бѣлоруск. нар. Допустимъ, въ Полѣсьи, въ лѣсахъ (хотя Брестъ и Гродно были очень видными пунктами въ Польско-Литовскую эпоху, а Брестъ и въ древнѣйшемъ періодѣ: здѣсь было постоянное

---

[1]) Два изслѣдованія, 143.

[2]) Ibidem.

[3]) Зам. о малор. нар., р. 97; въ нѣск. пѣсняхъ изъ Заблудова, напечатанныхъ въ сборн. Гильдебранта, встрѣчаемъ *гарѣлка*, *адзинъ* и др.

[4]) Ibidem, 97.

движеніе, что должно было-бы вліять на ускореніе жизни языка),—здѣсь могли сохраниться архаичныя черты въ языкѣ, особенно, если вспомнимъ, что близкое къ этому имѣемъ и въ Зап. Волыни. Но какимъ образомъ сохранились архаичныя особенности на такомъ перекрестномъ пунктѣ, какъ пограничье Сѣверянъ и Радимичей,—территорія, черезъ которую проходила борьба Кіева съ Черниговомъ и Суздалемъ, территорія, на которой впослѣдствіи столкнулись интересы великорусскіе, малорусскіе и бѣлорусскіе? Однимъ словомъ, здѣсь мы менѣе всего можемъ ожидать архаизмовъ малор. языка: перезвуки *уо*, *іе* здѣсь являются, какъ и въ большинствѣ Гродненскихъ разнорѣчій, и поддерживаются подъ вліяніемъ сосѣдняго бѣлорусскаго нарѣчія. Или это нарѣчіе уступаетъ въ этихъ пунктахъ напору малорусскихъ элементовъ, но оставляетъ свое вліяніе въ этихъ и другихъ чертахъ, или же, наоборотъ, оно расширяется на этихъ окраинахъ, вытѣсняя элементы малорусскіе.

Покончивъ съ звуками *о* и *е*, перейдемъ къ другимъ звукамъ нашего говора.

Звуки *ы*, *и*. Сравнительно съ общебѣлор. употребленіемъ этихъ звуковъ Ново-Сверженскій говоръ не представляетъ особенностей. Произношеніе обоихъ звуковъ какъ и въ великорусскомъ. Нѣкоторыя замѣны являются лишь случайными явленіями, большею частью въ сферѣ отдѣльныхъ словъ. Встрѣчаемъ замѣну *ы* черезъ *у*: въ префиксѣ—в*у*хадзили и въ словѣ кал*у*белька. На мѣстѣ *ы* является *а* — в*а*труся — вытрусь, очевидно, вслѣдствіе перехода ударенія на *у*, аналогія съ *отыраться—отруся*. Въ суфиксѣ *ышко—ы* смѣняется *ю*, *у*: сонюшко, акуон*ю*шко, судзен*у*шк*у*. Болѣе крупное явленіе—это смѣна *и* на *е*. Оно бываетъ очень рѣдко въ корняхъ словъ, всегда подъ удареніемъ прас*е*дживали, с*е*дзя. Съ этимъ явленіемъ интересно сопоставить: непр*ѣ*темо въ Четьѣ 1489 г. 1) Зато въ повелит. множ., подъ удареніемъ, смѣна *и* черезъ *е*—явленіе необходимое: нятуж*е*ця, шл*е*цяся, прывяж*е*ця, учин*е*ця, побудз*е*ця, прывядз*е*ця, пакаж*е*ця, сяч*е*ця, прасьц*е*ця и др. Явленіе—давнишнее: въ Четьѣ 1489 г.: пуст*ѣ*те, твор*ѣ*те, говор*ѣ*те, помол*ѣ*тeся (Карпинскій р. 9).

Конечное *ы* въ им. множ., подъ удареніемъ переходитъ въ дифтонгъ *ые*, который иногда слышится просто какъ открытое э: залат*ые*, ключ*ые*, арл*ые*, вял*ые*, бяр*ые*, звяр*ые*, лист*ые*, сиўц*ые*, варанц*ые*, мяд*ые*, сват*ые*, вятр*ые*. Послѣ гортанныхъ это конечное *ые* (на мѣстѣ *и*) встрѣчается рѣже, произносится какъ среднее между *ые* и *ие*: палк*ие*, гаршк*ие*, луч*ие*, жалк*ие*; сюда же отдѣльныя: голуб*ые*, даждус*ие*.

1) Карпинскій. 9.

Въ срединѣ словъ, смѣна *ы* на *ые* встрѣтилось только въ чатые͡ры и кватые͡ра.

А не представляетъ также никакихъ особенностей. О смѣнѣ неударяемаго *о* въ *а* мы уже говорили. Отмѣтимъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ смѣны *а* другими гласными, *а* смѣняется *е*: гледзячи, проглéдзяла, рéбячи (отъ рябить). [1]) *А* ослабляется въ *іа* въ нарѣчіяхъ вѣрняя, сильня (здѣсь *я* изъ *о*). [2]), *Я* смѣняетъ *е* въ род. п. мѣстоим. *мине*, *тибе*, *сибе*.

Союзъ *якъ* (какъ) почти всегда *икъ*; *я* смѣнилось подъ вліяніемъ ударенія—*е*: да *паесу*.

Въ *разный* произносится правильно *уо*: *руозны*.

Конечное *я* въ частицѣ *ся* колеблется, склоняясь часто къ *е*: *закациласе*, *захацѣлосе* и пр.

М. Довнаръ-Запольскій.

---

1) Ср. светого, ѳентебря, завезалъ и др. въ Четьѣ 1489 г., Карпинскій, 9 и изъ Сб. XVII в. гледи, паметають и др., Карскій, Р. Ф. В., 1890 2, 284.

) И въ: *сильня-я* изъ *ѣ*, а не изъ *о*: нар. *сильнѣ*. *Ред.*

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

XLIV.

№ 32. Прага. 1841 годъ, Января 1-е

Наконецъ я одинъ и принимаюсь за перо, что-бы написать къ вамъ милая Маменька, хоть нѣсколько строчекъ.—Цѣлую вашу ручку и желаю что-бы вы начали и продолжали этотъ новый годъ, если не счастливо, то по крайней мѣрѣ мирно, безъ душевныхъ волненій и не безъ надежды на будущее. Богъ дастъ, вашъ странникъ воротится къ вамъ, и, научившись въ одиночествѣ дорожить сочувствіемъ съ родными, будетъ умѣть чувствовать огорченіе родныхъ какъ свое собственное, радоваться ихъ радости. Богъ дастъ, не напрасно я тоскую о счастливыхъ дняхъ, надѣюсь на нихъ и утѣшаю себя ими въ минуты грусти. Это правда, мнѣ приходитъ въ голову, что я, можетъ быть, во время путешествія такъ одичаю, что разучусь пользоваться сѣмейнымъ покоемъ, о которомъ теперь мечтаю; не забылъ я и тѣхъ огорченій, которыя вамъ дѣлалъ, и не могу не бояться за себя. Однако всетаки думаю что душа моя не очерствѣла, а опытность не напрасно давала и даетъ уроки разсудку. Богъ дастъ!.. И вотъ я уже переселился въ Харьковъ,—прилегъ съ братомъ къ вамъ,—душа въ душу разговариваемъ... Нѣтъ, я не могу писать; прилягу на софу, и помечтаю.

— Ale co ge to, Milost Páne! Swjčka gako by zhasla, a woni nebyto spégj (что-же это, сударь! Свѣчка будто погасла, а вы будто спите). Эти слова доброй дѣвочки, мнѣ прислуживающей, заставили меня вскочить и опуститься на землю.—На землѣ, тутъ, въ Прагѣ, я очень благодаренъ Прейсу. Товарищъ по трудамъ, онъ сдѣлался моимъ товарищемъ и въ жизни. Не проходитъ дня, что-бы мы не видались другъ съ другомъ по крайней мѣрѣ однажды: всегда вмѣстѣ обѣдаемъ и послѣ обѣда идемъ въ кофейню. «Zwey Russen, dwa Russy»: это въ Прагѣ въ родѣ Сіамскихъ близнецовъ. Въ гостинницѣ вмѣстѣ. въ кофейнѣ вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, гуляютъ вмѣстѣ: zwey Rus-

sen, dwa Russy. И въ добавокъ смѣются, безпрестанно смѣются, хохочутъ. Что-бы не забыть ничего: и влюблены вмѣстѣ. Да, влюблены, въ одно и тоже существо, и въ отвѣтъ на невыгодное слово одного изъ нихъ объ этомъ существѣ, другой кричитъ «зарѣжу!» Даже хотѣли (да не успѣли) сдѣлать этому существу одинъ общій подарокъ [1]).—Шутки въ сторону: сближеніе съ Петр. Ив. Прейсомъ меня утѣшаетъ. Относительно способа занятій мы различны (онъ называетъ меня человѣкомъ жизни, наблюдателемъ,—я его человѣкомъ книги, изыскателемъ); но это не мѣшаетъ нашей связи, скрѣпляетъ ее еще болѣе. Шафарикъ сказалъ однажды Прейсу: «какъ бы хорошо вамъ вмѣстѣ путешествовать по Сербіи и Болгаріи: вы бы покопались въ библіотекахъ, онъ бы побродилъ между народомъ!» Я безъ сомнѣнія не прочь отъ этого; но едва ли это случится. Вчера, идучи въ книжную лавку, мы уговорились и новый годъ встрѣтить вмѣстѣ. Вечеромъ пришелъ онъ ко мнѣ, пили чай, пили и Черносѣцкое, чокнулись, когда ударило двѣнадцать, а потомъ, я на свою постель, Прейсъ на софу, и болтали еще долго. Сегодня утромъ онъ пошелъ за билетами въ театръ Чешскій, въ полдень зашелъ за мною идти обѣдать, потомъ въ кофейню, потомъ опять ко мнѣ, потомъ въ театръ. Въ 6-ть было разошлись, но онъ, пришедши домой, не засталъ никого дома, и ко мнѣ. Пришелъ Коубекъ [2]), мой сосѣдъ, профессоръ Чешской литературы въ Университетѣ,—и опять провели время вмѣстѣ.—Теперь спать.

2-е

Дѣлъ было такъ много, что я принужденъ былъ, проживши въ Прагѣ мѣсяцъ, остаться еще на мѣсяцъ. Обстоятельства заставили съ одной квартиры перейдти на другую,—и я живу теперь на Большой площади въ 3-мъ этажѣ Крэнгауза. Видъ изъ оконъ на площадь, и прямо передъ глазами Тейнская церковь въ готическомъ вкусѣ, хоть и не чистомъ, но мнѣ очень нравящемся. На право отъ моей комнаты комната Коубка. И все бы хорошо, но на дняхъ морозы доходили до 18°, и у меня было такъ холодно, что я не зналъ, куда дѣваться: въ комнатѣ сидѣлъ въ шубѣ. У Коубка такой же холодъ; у Прейса— тоже; куда ни придешь — то-же. Меня упрашиваютъ остаться до 27-го; но нѣтъ: если бы и дѣла не гнали на югъ, одинъ холодъ заставилъ бы меня бѣжать изъ Праги. До 27-го упрашиваютъ остаться для того, что 27-го будетъ Чешскій балъ.

Чешскій балъ! Боже мой, что значитъ быть подвластнымъ народомъ! Позволеніе дать балъ получается отъ полиціи. Написали просьбу, подали; полицмейстеръ

---

[1]) Это существо, кажется,—Гроссерова, артистка Пражской оперы.
[2]) Jan Pravoslav Koubek (1805—1854).

загремѣлъ въ отвѣтъ: «но такой балъ, какой былъ въ прошломъ году, не можетъ быть». Въ прошломъ году все было на этомъ балѣ по Чешски. Говорить на балѣ по Чешски, разумѣется, запретить нельзя; но ни пригласительныхъ билетовъ, ни списка танцевъ, кондиторскихъ и буфетныхъ листковъ по Чешски печатать не позволили. Полицмейстеръ не посовѣстился сказать, что онъ считаетъ покушеніе давать такой балъ революльтомъ, а затѣвающихъ его революціонерами. Какъ будетъ, не знаю; а я бы, будучи Чехомъ, на пригласительномъ билетѣ написалъ бы только: Bal $18\frac{27}{1}41$ — и приложилъ бы печать. Безъ списка же танцевъ и кушаній обойтись легко.—Хуже всего тутъ то, что нѣтъ единодушія, нѣтъ открытости. Правительство не можетъ не подозрѣвать; а между тѣмъ тѣ, которыхъ подозрѣваетъ, всѣ до одного — невинные боязливцы, дѣти съ прихотями, но безъ злыхъ намѣреній. Они бы испугались сами себя, если-бы увидѣли въ въ себѣ злое намѣреніе.

Театръ въ Прагѣ идетъ своимъ чередомъ, и въ Чешскомъ число охотниковъ возростаетъ: за полгода число ихъ было замѣтно менѣе. Жаль, что выборъ пьесъ не соотвѣтствуетъ или силамъ актеровъ, или требованіямъ приличія. Недавно напримѣръ давали Валленштейна: окарнали, изщепили,—дали— курамъ на смѣхъ. Вчера давали «Возстаніе въ Серали», глупую поссу, гдѣ все, по самому намѣренію автора должно быть глупо,—и не поостереглись вставить туда пѣсню въ похвалу «отечества, Чешской власти»: этимъ соединеніемъ глупостей съ пѣснію объ отечествѣ можно отравить любовь къ отечеству, заставить презирать его, а не возбудить любви къ нему.

Больше писать не о чемъ. Жизнь моя въ Прагѣ такъ однообразна, что каждый день напередъ знаю, что будетъ. Занимаюсь теперь отчетомъ Университету. Претрудное дѣло: доносить есть о чемъ, но выбирать изъ многаго кое-что, очень тяжело. Надѣюсь кончить отчетъ прежде выѣзда изъ Праги.

Отвѣтъ на это письмо пишите въ Лайбахъ poste restante; въ Аграмъ пока не пишите.

Прощайте, милая маменька. Если братъ у васъ уже, то поцѣлуйте его за меня.

Вашъ Срз.

2 Янв. 1841.

Таскаюсь да и только! Сегодня цѣлое послѣ обѣда не былъ дома. Заболтавшись въ кофейнѣ съ Челяковскимъ, пошли съ нимъ бродить и болтать. А между тѣмъ еще за обѣдомъ Прейсъ далъ мнѣ билетъ въ концертъ, ска-

завши, что Шафарикъ будетъ насъ ждать около половины 5-го. Зашедши домой за картою, которую мнѣ нужно было сообщить Шафарику, пошелъ къ нему. Пришелъ и Прейсъ. Пошли. Объявленіе о концертѣ было Чешское. Давалъ капельмейстеръ Неедли. Публики сошлось ни мало, ни много. Дѣло началось увертюрой Бетховена: сошла порядочно. Потомъ вышелъ Коляръ, диллеттантъ на Чешской сценѣ, и началъ читать одно стихотвореніе Рубеша, самое глупое изъ всѣхъ стихотвореній Рубеша, въ которомъ онъ восхваляетъ все Чешское общими мѣстами безъ жизни, будто по заказу: прочиталъ гадко. Далѣе молодой гобоистъ Бауръ игралъ дивертиссеманъ на Чешскую народную мелодію: вступленіе нѣсколько длинно, переходъ отъ Allegro къ Adagio какъ-то неприличенъ, неловокъ; но за то сама пѣсня, adagio, вальсъ и финалъ прекрасны. За этимъ слѣдовало предурное квартетто пѣвцовъ и хоръ пѣвцовъ, пѣвшихъ арію изъ Бетховенова Христа на Олив. горѣ, гдѣ особенно гадка была слечна Вейтова: хоть бѣжать, до того доходило. Наконецъ слава Богу вышелъ Прахнеръ съ віолончелемъ и подъ акомпанеманъ фортепьяно игралъ варіаціи Франшома,—игралъ прекрасно, съ чувствомъ, съ искусствомъ. Дѣло кончилось хоромъ изъ Бетховена.—Впечатлѣніе, произведенное на насъ слечною Вейтовою было такъ кисло, что намъ стоило съ Прейсомъ только переглянуться, чтобы рѣшиться идти въ театръ. Тамъ даютъ Ганса Гейлинга, тамъ поетъ Гроссерова, наша милочка Гроссерова, пошли. Либретто написано Э. Девріаномъ, музыка Маршнеромъ,—и то, и другое прекрасно. Гансъ Гейлингъ — сынъ человѣка и царицы Кобольтовъ, подземныхъ духовъ — задумалъ пожить на землѣ, сдѣлался ученымъ, хиромантикомъ, и пріобрелъ уваженіе. Увидѣлъ Аннушку, крестьянскую дѣвушку, влюбился, и его подарки, корыстолюбіе матери Анютиной сдѣлали его женихомъ. Но ни онъ не любилъ ея истинно, ни она его. Заблудившись однажды ночью въ лѣсу, она узнала отъ Кобольтовъ, кто Гансъ. Къ счастію егерь, ея давній знакомецъ, встрѣтилъ ее и привелъ домой. Этого милаго егеря полюбить Анютѣ было естественнѣе: онъ и моложе, и красивѣе, и вовсе не страшенъ, не такъ, какъ мистеръ Гейлингъ. Гансъ узнаетъ это, закалываетъ егеря, но неудачно. Послѣ благословенія священника старонѣмецкій обычай приказываетъ молодымъ играть въ жмурки, ей искать его между молодыми людьми, ему искать ее между дѣвушками. Гансъ является, Анюта попадаетъ его руку. Она сбрасываетъ повязку, она трепещетъ, умоляетъ его, чтобъ онъ мстилъ на ней, а не на егерѣ. Гансъ не хочетъ... Вдругъ раскрывается пещера,—дворецъ царицы Кобольтовъ. Мать приказываетъ Гансу оставить людей, оставить Анюту счастливою, ведетъ его во дворецъ свой, дворецъ горитъ бѣлымъ огнемъ... Крестьяне прижались другъ къ другу, Анюта прижалась къ своему егерю. Занавѣсъ опустился. Пѣсни Ганса, пѣсня Анюты въ лѣсу, пѣсня егеря о

Кобольтахъ, пѣсни Кобольтовъ, и особенно увертюра—прекрасны [1]). — Такъ вашъ сынишка таскается.

Еще разъ прощайте. Письма не ждите скоро. Изъ Праги уже писать не буду.

Küsse die Hand.

XLV.

Вѣна. 23 Янв. 1841.

Ждалъ, ждалъ отъ Васъ письма, милая маменька,—и поѣхалъ изъ Праги. Пора. Дорога моя на югъ, на югѣ весна раскрывается рано, а мнѣ еще надобно научиться болтать хоть какъ-нибудь хоть на какомъ-нибудь изъ Иллирійскихъ нарѣчій, что-бы съ пользою продолжать свое путешествіе. Я бы и прежде выѣхалъ изъ Праги, да зубная боль, которая прошлой зимою ѣхала со мною въ Петербургъ и въ Берлинъ, заставила меня побояться себя. Вы впрочемъ не беспокойтесь за меня, душенька маменька: зубная боль несносна, но только несносна; а впрочемъ я здоровъ, и зубы уже не болятъ.

15-го выѣхалъ изъ Праги. Ганка, Прейсъ и Іорданъ (Лужичанинъ, съ которымъ я сблизился еще въ Сгорѣльцѣ) провожали меня, какъ родные. До выѣзда я еще успѣлъ съ Ганкою побывать въ концертѣ, и тамъ еще разъ поговорить съ Томашкомъ и Челяковскимъ. Съ Томашкомъ я познакомился: глубоко ученой теоретикъ, превосходно знаетъ исторію музыки, большой пуристъ: но играстъ безъ большого чувства, хоть и фантазируетъ чудо-мастерски. Въ бумажникѣ случилась у меня одна силезская пѣсенка. Онъ взглянулъ на нее, сѣлъ, взялъ нѣсколько дюжихъ аккордовъ, сыгралъ два раза тему, потомъ опять нѣсколько аккордовъ,—и затянулъ маршъ, далѣе Польской, далѣе мазурку, далѣе казачка, далѣе Чешскій рейдовакъ, между ними нѣсколько варіацій простыхъ,—я думалъ конца не будетъ... онъ раскраснѣлся какъ ракъ... Выбившись изъ силъ, онъ перешелъ опять въ Польской, въ которомъ нельзя было не слышать, какъ толпа расходится въ разныя стороны, тамъ болтаетъ, тутъ смѣется, уходитъ все далѣе, пѣсня слышна все менѣе,—и фантазія кончилась ауканьемъ. Черезъ четверть часа онъ принялся за другую. Видно, что подъ его рукою клавиши, что буквы подъ перомъ. Онъ уже старъ, за 60, но здоровъ, толстъ, жиренъ какъ быкъ, и ростомъ не менѣе быка. Веселой человѣкъ; очень милъ, когда слышитъ себѣ похвалы; бранитъ Листа за галиматью, гордится Дрейшокомъ, какъ ученикомъ, живетъ прекрасно.—Изъ Праги я поѣхалъ въ Крал. Градецъ, Лютомышль, и пр. до Брна. А сегодня, провожаемый Проф. Сушиломъ и студ. сѣлъ на паровозъ,—и по желѣзной до-

---

[1]) Описаніе этого спектакля см. въ письмѣ И. И. Срезневскаго къ Краевскому (Отеч. Записки, 1841 г. XIV, 100—102).

рогѣ, въ Вѣну. День былъ прекрасный, но холодно. Не разъ я сказалъ спасибо своей шубѣ: хоть лѣтомъ и причинлива, но за то зимою—чудо хороша. Бьетъ ¼ седьмого.. Быть сегодня ни у кого не успѣлъ. Завтра начну съ Копитара; а сегодня въ театръ. Поспѣшу, чтобъ не заблудиться. А идти тоже не близко: я остановился у Бѣлой Розы въ Леопольдъ Штадтѣ,—хоть и у воротъ въ городъ, но театръ на другой сторонѣ города. Прощайте.—

Не знаю гдѣ то въ Италіи, въ XIII вѣкѣ, стояли два замка—Салуццо и Савильяно. Лѣсъ и (подражая Тациту) взаимная вражда владѣвшихъ ими фамилій отдѣляли ихъ. У маркиза Салуццо была дочь Корона,—дѣвица-красавица, Итальянка духомъ, гордая, мстивая; отецъ былъ уже старъ. У графа Савильяно былъ сынъ,—молодецъ-красавецъ, рыцарь и трубадуръ; а отецъ былъ тоже старъ. Молодой графъ Гвидо долго странствовалъ, и наконецъ воротился домой, къ отцу. Вышедши однажды на охоту, онъ встрѣтилъ на охотѣ Корону, велѣлъ своимъ воинамъ напасть на свиту Короны, и всѣхъ, кто не умретъ, защищаясь, вести въ Савильяно; но взглянувши на Корону, очаровался ея красотою, готовъ былъ исполнить всѣ ея приказанія, и всѣмъ плѣннымъ далъ свободу, а, воротившись домой, не скрылъ отъ отца своей любви. Старикъ графъ былъ доброй старикъ, для счастія сына готовъ былъ забыть стародавнюю вражду, но зналъ Салуццо, и только жалѣлъ о сынѣ. Корона, не понимая любви, вздумала воспользоваться сердцемъ Гвидо, и послала ему сказать, что она будетъ его ждать къ себѣ вечеромъ, когда отецъ ея выѣдетъ на охоту. Заманивши къ себѣ въ замокъ, она хотѣла его или умертвить, или заперѣть въ темницу. Гвидо пошелъ, не смотря на предостереженія дѣвушки, служанки Короны. «Знаю, для чего ты призвала меня; но я все таки пришелъ,—и счастливъ, что хоть еще разъ увижу тебя. Вотъ тебѣ и мой мечь и мой кинжалъ; дѣлай со мною что хочешь: я умру, но счастливый.» Корона должна была повѣрить любви и—полюбила Гвидо. Отецъ вошелъ въ покой—и увидѣлъ ихъ въ объятіяхъ другъ друга. Месть въ немъ разгорѣлась; не смотря на мольбы дочери, велѣлъ бросить Гвидо въ темницу и, умертвивши его, послать къ отцу его сердце сына. Не ложилась еще въ постель Корона, когда тюремщикъ пришелъ ей сказать, что Гвидо убитъ, что отецъ приказалъ ей взглянуть на его голову, а сердце завтра рано пошлется въ Савильяно. Корона рѣшилась отмстить своему отцу за смерть Гвидо, рѣшилась сама предаться Савильяну, и сдѣлала это. Салуццо узналъ это и внѣ себя отъ страха, что и его дочь будетъ умерщвлена графомъ, какъ онъ умертвилъ сына его, поскакалъ въ Савильяно Онъ прискакалъ туда, когда графъ уже далъ приказаніе умертвить Корону. «Умерщвляй меня, но не дочь мою; бери мое имѣніе, заключи дочь въ монастырь, но оставь ей жизнь!»—Корона съ радостью готова была умерѣть, отмщая отцу за смерть Гвидо; теперь... она

радовалась вдвое смерти, какъ преступница противъ любви отцовской. Графъ хотѣлъ бы ихъ оставить живыми: но передъ нимъ чаша съ сердцемъ сына. «умрете оба!» Вдругъ является — Гвидо; убитъ онъ не былъ, тюремщикъ никого не убивалъ, какъ приказывалъ ему маркизъ, а сажалъ въ погребъ и освобождалъ, когда обстоятельства позволяли; съ Гвидо сдѣлалъ то-же. Гвидо явился; старики не примирились, но дѣтямъ своимъ дали благословеніе.—Таково содержаніе драмы Раупаха, которую сегодня давали на Гоф-бургъ-театрѣ. Маркиза старика игралъ де-ля-Рошъ—превосходно; Корону—Реттигова также очень хорошо, не дуренъ былъ и Лёве въ роли Гвидо. Слушалось съ большимъ удовольствіемъ.—Театръ невеликъ, но миленькій, освѣщенъ прекрасно. Публика хлопала мало, но со вкусомъ; многіе утирали слезы, скрывали ихъ другъ отъ друга, и въ антрактахъ заѣдали мороженнымъ.

27-е. Вечеръ.

Landstrasse, Untere Reisnere Strasse, № дома 481, на 4-мъ этажѣ, въ отдѣленіи 11-мъ. у...—не знаю самъ у кого, въ свѣтлой, чистой комнатѣ: вотъ гдѣ я теперь съ намѣреніемъ остаться на мѣсяцъ. Былъ у Вука Стефановича Караджича; онъ согласился мнѣ помогать въ изученіи Сербскаго языка, сверхъ того сыскалъ помощника себѣ, который будетъ ежедневно ходить ко мнѣ и знаетъ сверхъ Сербскаго и Хорватское нарѣчіе: нельзя не остаться въ Вѣнѣ. Былъ два раза и у Копитара: съ нимъ едва ли буду имѣть дѣло. . . . . Лучше не подходить, а то смотри и укуситъ. Довольно мнѣ и Вука: этотъ Волчокъ мнѣ нравится,— вотъ почему я переселился въ сосѣдство къ нему, чуть не дворъ обо дворъ.—Сегодня уже обѣдалъ съ Сербами и Хорватами, и начинаю ломать свой языкъ по ихнему. Еще неидетъ: черезъ недѣлю пойдетъ.

Есть и другія знакомства у меня. Сижу однажды въ театрѣ, оглядываю публику, гляжу: идетъ.. лице знакомое. «Заикинъ, здравствуйте!»—Ахъ здравствуйте! А я недѣлю ждалъ васъ въ Прагѣ.—Заикины, помните, жили у слѣпой старухи—рядомъ съ нами на Сѣнной улицѣ [1]). Одинъ изъ нихъ путешествуетъ, узналъ обо мнѣ въ Прагѣ, когда я былъ въ Селезіи или Лужицахъ, думалъ, что я скоро ворочусь и ждалъ меня. Съ нимъ пришелъ въ театръ другой молодой Русской —Анненковъ, служившій въ канцеляріи Министровъ [2]). Познакомился и съ нимъ. Оба—милые люди; немножко только богаты для меня: ѣдятъ за обѣдомъ на 2, на 3 рубля, а я не позволяю себѣ выхо-

---

[1]) Въ письмахъ изъ Петербурга о нихъ не упоминается; о Заикинѣ см. въ путевыхъ письмахъ П. В. Анненкова и въ письмахъ М. Н. Каткова къ Анненкову (П. В. Анненковъ и его друзья. С.-Пб. 1892).

[2]) П. В. Анненковъ; въ своихъ путевыхъ письмахъ онъ вспоминаетъ про знакомство съ И. И. (см. П. В. Анненковъ и его друзья. Спб. 1892, 138).

дить изъ предѣловъ трехъ гривенниковъ.—Другое знакомство было не менѣе пріятно. Пришелъ я къ Вуку; онъ и говоритъ мнѣ, что Княжевичъ [1]) и Надеждинъ тутъ. А они легки на поминѣ, какъ тутъ. Надеждинъ—землякъ [2]), еще дитятью зналъ объ Иванѣ Евсевьевичѣ [3]), и Осипѣ Евсевьевичѣ [4]); Княжевичъ самъ мнѣ сказалъ, что онъ Княжевичъ. Отъ Вука пошли вмѣстѣ, къ нимъ, тамъ я и завтракалъ, и обѣдалъ, и до вечера. Княжевичъ тутъ съ сѣмействомъ. Жена его Чешка, но забыла по Чешски, а съ сестрою ея мы рѣзались. Княжевичъ—прелестный человѣкъ. Онъ искалъ мнѣ квартиру по сосѣдству съ своей; но не нашлось. Да мнѣ и лучше поближе къ Вуку. Плачу 10 гульденовъ: безъ дровъ, но съ полною прислугой.

Въ театрѣ былъ два раза—на оперѣ. Разъ давали Роберта,—отличалась Люцерова: какой мягкій, нѣжный голосокъ! Другой разъ давали Вильгельма Теля Россини,—и отличалась Бартъ или Гассельтъ Бартъ: славной голосъ, только нижняя октава дишканта немного слишкомъ жидовская, въ носъ. Хоры прекрасны. Балеты мягки, но безъ чувства. Пріятныхъ личикъ также мало, какъ гадкихъ много.

Здрава будте мâ мила майка. Кушуючь васъ объимлемъ и остаjемъ вашъ.

Срз.

XLVI.

№ 35. Вѣна, 26 февр. 1841.

Сегодня въ 7 часовъ вечера мы выѣхали изъ Вѣны; и тутъ, какъ и всюду, я нашелъ для себя провожатыхъ. Заикинъ и Анненковъ напоили меня чаемъ, и проводили на почту. Вошедши на почтовый дворъ, вижу запряженную маленькую карету, спрашиваю: эта ѣдетъ въ Градецъ? «Эта». Я одинъ? «Нѣтъ, еще есть дама». Очень хорошо, и мы начали высматривать даму, которая поѣдетъ со мною. Смотримъ—вонъ и дама бѣжитъ. Вглядываюсь... Боже мой! да это—Харьковская, это—мадамъ Гельмъ. Она останавливается: точно. Тутъ оказались и два Росланевскіе. Они остаются въ Вѣнѣ; она ѣдетъ въ Голландію, пріѣзжала въ Вѣну покупать фортопьяна и экипажи. Слѣдовательно она не моя спутница. А вонъ и моя: садится въ карету. Почтальонъ трубитъ. Обнялись, поцѣловались. «Adieu, прощайте, добра шислива путъ,

---

[1]) Дм. Макс. Княжевичъ—попечитель Одесскаго учебнаго округа.

[2]) И. И. Срезневскій называетъ Н. И. Надеждина землякомъ, такъ какъ они оба были родомъ изъ Рязанской губерніи.

[3]) И. Е. Срезневскій—отецъ Изм. Ив. Срезневскаго.

[4]) Осипъ Евс. Срезневскій—дядя И. И. Срезневскаго—профессоръ Казанскаго университета.

adieu». Я сѣлъ, пріутюжился въ свою шубу. Еще разъ «прощайте»,—и началъ разговоръ съ сопутницей обычнымъ «pardonnez si je vous gène». Она отвѣчаетъ, но языкомъ, который какъ то не совсѣмъ разумѣется. Оказывается, что по Итальянски, Тирольскимъ выговоромъ. Она Тиролька, жила и живетъ въ Тріестѣ, и теперь ворочается туда изъ Вѣны, куда ѣздила къ сыну». «А вы Французъ»? Нѣтъ, я Русской. «Шинёро Рушшо! Брафо. Я люблю Русскихъ: они добры, они храбры, какъ Тирольцы. Они дали себя знать Наполію. Брафо». Словомъ еще мы не выѣхали изъ воротъ Вѣнскаго «штадта», а шинёро Рушшо и шинёра Тиролеша были друзьями. Разговоръ прерывался не чаще какъ черезъ 5 минутъ, когда она творила молитву.— Да нѣтъ, что ты болтаешь, Измайлуша! Ты ѣдешь изъ Вѣны! — Совершенная правда, ѣду изъ Вѣны и пишу изъ Вѣны, не выѣхавши еще изъ Вѣны. Я сижу теперь въ корчмѣ. Фурманы Краинцы наполняютъ столъ, потчуютъ и меня, и я ихъ потчую, а между тѣмъ записываю и пѣсню, которую они поютъ. Кстати арфистъ и скрипачь: я къ нимъ, прошу играть польку, прошу по Чешски, зная навѣрно, что арфистъ Чехъ. Полька заигралась, Краинцы изъ-за стола, и плясать: поняли, что заиграли родное, хоть и не Краинское.— Да гдѣ же дилижансъ, лошади, кучеръ, кондукторъ? Ихъ нѣтъ. — А компаньонка? Она тутъ-же въ корчмѣ, сидитъ и тоже пьетъ вино. Вотъ въ чемъ дѣло: ѣхали мы, ѣхали, болтали, молились; вдругъ карета начинаетъ медленно склоняться на мою сторону, прежде немного, потомъ все болѣе, болѣе,— и я, не двигаясь, не пошевеля ни пальцемъ, изъ сидячаго положенія принялъ очень покойное лежачее; компаньонка моя тоже, но не на меня, а рядомъ. И лежимъ. Зачѣмъ лежимъ, зачѣмъ не двигаемся—сами не знаемъ. Наконецъ сверху, т. е. изъ окна, показывается рука и предлагаетъ помощь. Моя дама поднимается и вылѣзаетъ; я за нею. Вышло, что ось переломилась, карета опрокинулась. Выходить было неловко, будто изъ юрты; а лежать ничего. Вылѣзши, спрашиваю, нѣтъ ли по близости гастгофа, куда бы отвести мою испуганную даму: отвелъ, сбрызнулъ водою, положилъ на скамью,— и самъ къ Краинцамъ. Почтальонъ поскакалъ съ письмами впередъ; кондукторъ пошелъ за новымъ экипажемъ. Ждемъ, да и ждемъ. Краинцы уже выбрались спать; а я за портфейль,—и вотъ записалъ знаменитый выѣздъ изъ Вѣны. «Не даромъ я говорила, что сегодня пятница», замѣтила моя шинёра. А я такъ все въ пятницу выѣзжаю: и изъ Праги въ пятницу, и изъ Брюна въ пятницу, и изъ Вѣны въ пятницу.

Штирія. Градецъ Нѣмецкій (Grätz) 28 февраля.

Вчера въ половинѣ 10-го вечеромъ пріѣхали мы сюда, надобно было бы пріѣхать къ 7, но третьегоднишнее паденіе помѣшало. Прошлую ночь я

проспалъ; мы поднимались на горы, спускались съ горъ,—ничего не знаю. На утро гляжу: горы на лѣво, горы на право, горы у дороги, изъ за нихъ другія вдали, горы высокія, пирамидальныя. Теперь онѣ покрыты снѣгомъ, и подъ лучами солнца рисуются живописно. Утромъ дорога шла по берегу Мурицы, послѣ обѣда по берегу Муры: текутъ быстро, гремя по камнямъ, и зелены (водою), и уже текутъ. Сельскіе домики деревянные съ маленькими окошечками. Городки очень часто. Народъ малорослой. Горластыхъ, у которыхъ горло вдвое больше головы, много; не мало и кретиновъ. На головахъ женщинъ бархатныя шапки въ родѣ мужскихъ, такія . По горамъ видны развалины замковъ. Изъ видовъ всего чаще такіе:

Еще вчера я заказалъ лондинеру, что-бы онъ узналъ, гдѣ живетъ Славян. профессоръ Квасъ: онъ распрашивалъ и не узналъ. Пошелъ я самъ справиться въ Университетѣ. Что-же! два часа искалъ Университетъ,—не нашелъ: одного спрашиваю, гдѣ—не знаетъ; другого—проводилъ въ полицію, третьяго—завелъ въ театръ, четвертаго—указалъ на губернаторскій домъ; а Университета все нѣтъ. Къ счастію я самъ замѣтилъ какую-то латинскую надпись и на ней iuventus или что-то такое. Пошелъ туда и нашелъ универ. библіотеку.

Она была отперта, и библіотекарь былъ такъ добръ, что обѣщалъ мнѣ все Теперь я воротился изъ Іоаннеума, прекраснаго заведенія въ пользу просвѣщающихся; иду въ театръ, что-бы только познакомиться съ публикою.

Вотъ я и воротился. Играли Раупахова Мельника. Мельникъ — старикъ, богачь, скряга; у мельника дочь, влюбленная въ бѣдняка. Отецъ при смерти; но готовъ скорѣе проклясть дочь, нежели позволить ей выдти за бѣдняка. Тутъ начало, тутъ и конецъ: мельникъ умираетъ, дочь его—тоже. Для прикрасы вставлено преданіе, что въ Сильвестровъ вечеръ, въ полночь можно видѣть всѣхъ, кто умретъ въ будущій годъ. Пьеса безъ идеи, безъ значенія, безъ связи. Играли только что порядочно. Между актрисами есть одна по имени Варгафтская: это было бы по русски Справедлиreferences Справедливерова. Театръ—прекрасное зданіе, хоть для Вѣны. Кулисы—гадость. —

Самъ Градецъ—40.000 жит.; 4 предмѣстія. Кругомъ горы. Въ самомъ городѣ гора вышиною выше Хорошевской [1]), и круче. Изъ мостовъ черезъ Муру—одинъ цѣпной прекрасной. Улицы узкія, домовъ большихъ много, много и маленькихъ, даже отдѣльно стоящихъ. Лѣтомъ тутъ рай: окрестности безподобны, живописны, веселы, разнообразны. А теперь все подъ снѣгомъ, только что начинаетъ таять.

О руководствахъ для А. Л. М. [2]) я право ничего не могу сказать, новаго хорошаго ничего нѣтъ.

Марбургъ. 9 мар.

«Гдѣ это?»—Въ той же Штиріи. Вы сыщите его на картѣ, на рѣкѣ Дравѣ, ниже Градца. Я пріѣхалъ сюда третьяго дни вечеромъ. Ѣхалъ медленно—9 миль цѣлой день,—но очень полезно и пріятно провелъ я этотъ день. До того мѣста, гдѣ Мура поворачиваетъ на востокъ, ѣхалъ я по Нѣмеціи, но уже встрѣчалъ многихъ Славянъ. Переѣхавши черезъ Муру, я увидѣлъ передъ собою такъ наз. Виндскіе Бугры (Windische Bühеln), холмы, покрытые виноградными садами. Тутъ живутъ Горчане. Одежда мужчинъ и женщинъ, какъ въ Чехіи; но языкъ совершенно другой: я говорилъ съ ними по Русски, ломая удареніе,—и они понимали меня лучше, нежели я ихъ.

Марбургъ маленькой, но лучшій городокъ послѣ Греца въ Штиріи. Положеніе прекрасное. Драва съ высокими гористыми берегами, горы кругомъ. Въ самомъ городкѣ есть хорошенькіе домики, но улицы теперь нечисты. Трактиры, судя по лучшему, въ которомъ я остановился, подъ вывѣскою Золотого Оленя, плохи: моя комната и прямо съ надворья, и мала, и даетъ

---

[1]) Около Харькова.

[2]) Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій.

банной теплоты на два часа, а потомъ похолодѣетъ. Время я провежу, впрочемъ, хорошо. Тутъ я нашелъ д-ра Пуфа, Нѣмца, до безумія влюбленнаго въ Славянъ, и познакомился съ нимъ сѣмейно. Вчера вмѣстѣ съ нимъ ѣздили мы въ селеніе Лембахъ, къ пастору Цвѣтку; а сегодня я у него провелъ почти цѣлой день: записывалъ отъ служанки его Штирійскія пѣсни, учился танцовать по Штирійски и т. д. Она премилая дѣвушка и хохочетъ отъ радости, что понимаетъ человѣка, пріѣхавшаго сюда изъ за 300 миль. Жена Пуфа плохо понимаетъ по Виндски, но поетъ пѣсни наизусть, и записала мнѣ два мотива.—Какая досада, что еще не весна: нельзя пѣшкомъ ходить; а стоило бы.

Свѣтлое Воскресенье. 12-е.

(Gross Sontag, Velika nedelja)

Тутъ я у пастора Дайнка, одного изъ плодовитѣйшихъ писателей Штирскихъ: онъ тутъ священникъ благочинный (Деканъ). Принятъ я по Славянски, и собираю что можно въ свой портфейль. Изъ Марбурга поѣхалъ въ Птую (Pettau), тоже на Дравѣ, и потомъ сюда. Отсюда загляну на Венгер. границы, и потомъ въ Кроацію. Природа уже развивается: луга зелены, виноградъ обрѣзываютъ, солнце свѣтитъ жарко.

Странно мнѣ было въ первый разъ взглянуть на здѣшняго Штирца. Бородку бы ему да штаны въ сапоги, такъ и былъ бы Русскій мужичокъ; а рубаха по нашему спущена и перепоясана тонкимъ пояскомъ. Головы женщинъ, какъ и въ Малороссіи: замужнія въ очепкахъ, дѣвушки въ лентахъ. Курныхъ избъ довольно, какъ и между Нѣмцами въ сѣверн. Штиріи; впрочемъ разрисованы какъ въ Великороссіи и выбѣлены какъ въ Малороссіи. Мѣста чудесныя. Мы ходили съ Дайнкомъ на одну виноградную гору любоваться, и точно есть, чѣмъ любоваться. У ногъ широко разстилается Птуйское поле, вдали блещетъ Драва, а за Дравой бѣлѣютъ подъ снѣгомъ горы, далѣе и далѣе однѣ изъ за другихъ, и въ самой дали блещутъ снѣжные Каринтійскіе Альпы.

Вино ни почемъ: 10 коп. бутылка, и прекрасное. Меня поятъ; я впрочемъ остерегаюсь. Красной носъ: это чего нибудь стоитъ.

Я ничего не сказалъ о Птуѣ: маленькій, порядочной городъ. Много Римскихъ древностей. Гостепріимство тамошнихъ духовныхъ, съ которыми я познакомился, перешло за границы: я пилъ кофе, я обѣдалъ, я пилъ вино, я курилъ цигары, я ужиналъ—все въ кофейняхъ,—и они не позволили мнѣ заплатить ни копейки.

Кроація. Загребъ (Agram). 17-е.

Сюда я пріѣхалъ изъ Вараздина, куда пріѣхалъ изъ Фридау. До Вараздина довезъ меня Дайнко; а тутъ я нанялъ голегенгейтъ, т. е. извощика, за 8 двугривенныхъ. Не дорого: отъ Вараздина до Загреба 10 миль, 70 верстъ. Ѣхали цѣлый день до полночи, сначала по величественной Дравской долинѣ, потомъ по горамъ. Останавливались 3 раза кормить лошадей,—и я издержалъ еще двугривенный на вино: мужички его пили на мое здоровье, и пѣли мнѣ пѣсни, разсказывали разныя разности, и пр.—На другое утро, я отправился къ Гаю [1]): стоило мнѣ сказать, что я Русскій и Срезневскій, какъ меня и Гай, и другіе, бывшіе у него, давай цѣловать, обнимать. Они меня не ждали: Шафарикъ писалъ имъ, что я буду въ Загребѣ изъ Далмаціи. Весь день провели вмѣстѣ. Гай предводитель здѣшняго Славянства, и въ 6 лѣтъ успѣлъ сдѣлать, что все и гражданство и дворянство стало говорить по Славянски. На другой день разболѣлись у меня зубы,—и я вотъ второй день не выхожу изъ дому. Не остаюсь однако одинъ: до сихъ поръ перебывало у меня новыхъ знакомыхъ человѣкъ до 15. Гай былъ прошлымъ лѣтомъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, восхитился Россіей [2]) и теперь восхищаетъ другихъ. Вотъ почему такое вниманіе и ко мнѣ. Хотятъ даже дать для меня еще разъ оперу Гризельду, которую играли прошлый четвергъ и сыграли неожиданно хорошо. Я говорю тутъ по Русски, и меня понимаютъ очень хорошо. Ну, ученымъ людямъ, куда бы ни шло; а то вотъ что меня разсмѣшило: третьяго дни ходили мы за городъ. Идемъ, идетъ Хорватъ. Я къ нему—и по Русски: все понимаетъ. Сопутники мои хохочутъ, что мы такъ легко разговариваемъ другъ съ другомъ, и спрашиваютъ Хорвата, откуда бы могъ я быть?—Хорватъ.—Да развѣ я говорю по Хорватки? – Да, по Хорватски.—Можетъ быть по Краински (изъ корол. Илліріи)? — Нѣтъ, не по Краински: Краньца самъ бѣсъ не разберетъ, какъ станетъ говорить; а этого господина я разумѣю.—И я же говорилъ, не ломая языка, а просто по Русски, по Московски.

Только, что я дописалъ это, какъ приходитъ Вразъ, и приноситъ ваше письмо отъ 10 февр. То-то была радость! Я вчера посылалъ на почту узнать, нѣтъ ли мнѣ письма: нѣтъ. Я не зналъ, что и думать. Зубы болятъ, а къ тому же грустно: я цѣлую ночь то и дѣло потушу свѣчу, да опять зажгу. Ну, слава Богу: вы здоровы, и братъ у васъ. Но скажите, душенька Маменька,

---

1) Знаменитый д-ръ Людевитъ Гай (1809—1872).

2) Объ этомъ путешествіи Гая см. у П. Б. Барсукова: Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 444 и слѣд.

ужели къ вамъ не доходили мои письма? Я, правда, сталъ рѣже писать, но все же каждый мѣсяцъ пишу, и если рѣже пишу, то вовсе не отъ лѣни. Куда мнѣ адресовать слѣд. письма? Въ Харьковъ или въ Кіевъ? Я такъ думаю сдѣлать: слѣдующее напишу кому нибудь изъ моихъ Харьковскихъ пріятелей; а когда получу отъ васъ вѣсть, то буду писать, куда назначите. Вы адресуйте Гаю: онъ будетъ мнѣ пересылать.

Какъ жизнь дешева въ Загребѣ: въ гостинницахъ обѣдаютъ за общимъ столомъ, подается 6—7 прекрасныхъ блюдъ, и платится 30 коп. сереб.

Темнѣетъ. Прилягу. Сегодня мнѣ лучше: но еще слабъ. Какъ я счастливъ, что пріѣхалъ лечиться сюда—къ роднымъ. А пріѣхалъ я случайно: я хотѣлъ прежде изъ Марбурга ѣхать въ Любляны (Лайбахъ). Все къ лучшему.

Прощайте, душенька Маменька.

Скажите Амвросію Лукіановичу, что-бы онъ на меня не сердился. Я люблю его, какъ любилъ, и не стою перемѣны *ты* на *вы*: скажи прямо, а не выкай [1]).

XLVII.

№ 37. 20-е марта. Омилье.

Помѣщичій домикъ на полугорѣ, за нимъ и кругомъ горы, подъ нимъ долина; всюду вокругъ виноградники, и тамъ и здѣсь разсѣяны сельскіе домики. Домикъ небольшой, но мило уютной; въ нижнемъ ярусѣ столовая, кабинетъ хозяина, кухня, чуланы; въ верхнемъ—небольшая гостинная, двѣ большихъ спальни по бокамъ и дѣвичья; въ сторонѣ отъ домика хозяйственныя пристройки. Прислуга большею частію мужеская. Небольшое сѣмейство хозяина увеличилось гостями: мы съ Вразомъ на одну ночь, другіе останутся на долѣе; между ними есть и одна дама, сосѣдняя помѣщица, захворавшая и живущая, какъ у себя дома. Мы съ Вразомъ ѣдемъ въ Загорье, и уже у горъ. Тотчасъ послѣ обѣда и въ путь.

Быстрица. 20—22.

Верхомъ на лошадяхъ или, лучше сказать, клячахъ тащились мы по горамъ въ Быстрицу. Дорога вьется, поднимается и опускается, то скроется въ лѣсу, то раскроетъ передъ нами широкій прекрасной видъ на горы и отдаленности, дорожка, а не дорога, то каменистая, то грязная. Мы тащимся; два Хорвата, въ широкополыхъ шляпахъ и кабаницахъ (свитахъ), изъ-за ко-

---

[1]) Приписка на полѣ (говорится объ А. Л. Метлинскомъ).

торыхъ видна рубаха, спущенная по Великорусски сверхъ широкихъ шароваръ, идутъ пѣшкомъ. Тащились мы, тащились, къ вечеру мелькнула намъ изъ за деревьевъ, съ горъ въ долину Быстрица; часу въ 8-мъ мы были тутъ.

Въ Быстрицѣ есть чудотворная статуя Божіей Матери и при церкви аббатство. Мы пошли къ аббату, прямо къ нему, остановились у него ночевать, быть у него въ гостяхъ все время, пока останемся въ Быстрицѣ. Добрый, почтенной старикъ принялъ насъ радушно, радовался, что принимаетъ Русскаго, надарилъ мнѣ разныхъ книжекъ, между прочимъ и вамъ, милая маменька, велѣлъ передать одинъ образокъ Божіей Матери Быстрицкой, оттиснутый на атласѣ. Быстрица знаменита тѣмъ, что сюда стекаются молельщики со всѣхъ Австрійско-Славянскихъ земель, и Римской, и Греческой вѣры, и аббатъ, хоть и самъ католикъ, но еще болѣе христіанинъ, и глядитъ на различіе между католицизмомъ и православіемъ, какъ на мелочь, желая отъ души соединенія ихъ вольнаго, безъ всякихъ папъ.

Крапина. 23-е.

Мнѣ снилась сегодня одна старушка, о которой я забылъ вамъ написать: это домоуправительница въ аббатствѣ. Предобрая старушка. Смотритъ на меня и смѣется: ей все кажется страннымъ, удивительнымъ, непонятнымъ, что я странникъ изъ за 250 миль, говоря съ нею на своемъ родномъ языкѣ, могу быть ей понятенъ. Еще не успѣетъ окончить своего вопроса мнѣ и уже смѣется, а потомъ промолвитъ про себя: «чудно! чудно!»—Такъ она мнѣ и снилась: стоитъ, сложа руки, передо мною, смотритъ на меня да смѣется.—Еще я забылъ сказать вамъ, что я въ Крапинѣ танцовалъ. «Съ кѣмъ?» Все своя братія: Вразъ, одинъ помѣщикъ, провожавшій меня до Быстрицы, мужъ больной дамы, да еще сыскался въ аббатствѣ нѣкій отставной майоръ, живущій то тутъ, то тамъ насчетъ правъ гостепріимства. И славно танцовали.

Плотно позавтракавши, мы сѣли на форшпангъ и далѣе въ Крапину. По дорогѣ заѣзжали къ одному помѣщику, застали не его, а его молодую жену, которая насъ угостила обѣдомъ, улыбками, выкрутасами въ родѣ «ничего-съ, помилуйте», впрочемъ, очень милыми.

А вотъ теперь мы въ Крапинѣ. Съ одной стороны гора и на ней развалины стараго замка Крапины, гдѣ когда-то живали, какъ говоритъ преданіе, Чехъ, Лехъ и Мехъ; съ другой стороны гора и на ней слѣды развалинъ другаго стараго замка Псари; между ними по узкой долинѣ улица съ домиками и двѣ церкви на пригоркахъ; въ одну сторону долина расширяется и выказываетъ горы за горами, въ другую сужается и пропадаетъ въ горахъ: вотъ это городокъ Крапина со своими окрестностями. Уединенное,

завидное мѣсто. Мы таскались по горамъ, по развалинамъ замковъ, слушали преданія, записывали пѣсни, и пр.

25-е. Корчма у Яковля.

Тутъ мы ночуемъ. Ждали, ждали форшпанга, и не дождались. Форшпангомъ называется во всей Венгріи нѣчто въ родѣ почты: телѣга, цугъ лошадей; на одной изъ нихъ сидитъ кучеръ, на козлахъ, сложивши руки, помощникъ его; каждую станцію телѣга и все перемѣняется: за станцію отъ лошади платится отъ 15 до 20 крейцеровъ серебра. Мужики поютъ, дѣвки кричатъ; дымъ изъ кухни за неимѣніемъ трубы валитъ въ сѣни и изъ сѣней въ поле; наша комната впрочемъ чиста.

27-е. Загребъ.

Сажусь сегодня за столъ обѣдать, снимаю салфетку съ прибора,—глядь—пакетъ, и на немъ женскою рукою «Izmaelju Ivanovicu Sreznjevskomu». Что это такое?—Вы не угадаете.—Это подарокъ сестры больной дамы, миленькой Загорки; это—каламанакъ Иллирскій, шапка въ родѣ калпака, красная суконная, серебромъ вышитая съ Иллирскимъ гербомъ (молодой мѣсяцъ и денница). Она (Драгоила Степановна) обѣщала мнѣ и исполнила обѣщаніе. —

Загребъ. Субота

Сегодня я былъ въ Сáборѣ, т. е. въ торжественномъ засѣданіи Читальницы Загребской. Къ пяти часамъ зала наполнилась: тутъ былъ между прочимъ графъ Янко Драшковичь—Президентъ, Загреб. Жупанъ Зденчай, Вицебанъ, графъ Оршичь и пр. и пр. Дѣло шло о покупкѣ дома для народ. Иллирскаго театра, гдѣ могла бы помѣщаться и библіотека Читальницы, зала для Ученаго Общества и т. д. Проэктъ прочтенъ, и всѣми одобренъ. Стали выбирать членовъ для непосредств. веденія этого дѣла. И тутъ обошлось безъ споровъ: Драшковичь произносилъ имя, и все начинало кричать «Богъ да живи» (Да здравствуетъ). Изумительно, какъ Гай могъ и умѣлъ сосредоточить частныя, себялюбивыя воли въ одну общую «домородную» (патріотическую волю): проэктъ писалъ Гай, и все, что онъ предложитъ, считается святостію. Подумаешь, Гай старикъ; а онъ молодой, прекрасный собою человѣкъ.

Изъ Сабора—въ театръ: давали двѣ пьесы по Нѣмецки и одну по Иллирски. Зрителей было мало. Большіе актеры играли плохо; но за то дитя 6—7 лѣтъ Пеппи Веисъ—превосходно.

Воскресенье.

Цѣлой день до вечера книги въ руки не бралъ. Въ 10-мъ часу пришолъ Бабукичь [1]),—и мы пошли съ нимъ къ Зденчаю. Почтенный старикъ, домородецъ, любитъ Русскихъ всею душою, читалъ и имѣетъ Карамзина, Пушкина и пр. Онъ пригласилъ меня обѣдать на сегодня.—Отъ него—къ Драшковичу. Опять почтенный старикъ, домородецъ, Славянинъ въ полномъ смыслѣ слова. Заговоривши со мною объ отношеніяхъ между Русскими и Поляками, онъ заплакалъ; «Боже мой! когда же наступитъ время, что всѣ мы—братья, Славяне,—подадимъ братскія руки другъ другу».—Вообще здѣсь всѣ домородцы бредятъ о соединеніи Славянъ,—и любимая пѣсня ихъ—

Боже, сложи све Славене,
Да имъ слава не повене.

Отъ Драшковича—въ Уніатскую церковь: богослуженіе на Славянскомъ языкѣ, какъ у насъ. Изъ Уніатской—въ Православную. Тутъ служба какъ у насъ, пѣсни какъ у старообрядцевъ нашихъ. Къ хору дьячковъ присоединяются и многіе мужчины. Женщины стоятъ сзади. Кругомъ церкви мѣста для стоянья, какъ въ монастыряхъ. Церковь маленькая, но чистенькая. При церкви училище въ родѣ Семинаріи. Далѣе пошли къ Цензору. Потомъ—обѣдать въ Иллирскую народную кофейню, какъ обыкновенно. Сюда въ 2 часа пришолъ одинъ молодой священникъ и просилъ, что-бы я «удостоилъ» посѣтить Семинарію, гдѣ меня ждутъ съ нетерпѣніемъ Семинаристы. Я пошелъ. Толпа молодыхъ людей меня окружила, глядя на меня во всѣ глаза. Одинъ сказалъ что-то въ родѣ поздравительной рѣчи,—и потомъ начали мнѣ хвалиться, что они учатся разнымъ Слав. языкамъ, одни—Чешскому, другіе—Русскому. По Русски учатся больше всего и съ удивительной ревностію. О домородствѣ ихъ нѣчего и говорить. И, хоть католики, настолько же уважаютъ православіе, какъ вообще всѣ домородцы здѣшніе. Оттуда—въ Соборъ: прекрасное зданіе (внутри), чистое, безъ излишнихъ католич. украшеній. Оттуда—на конецъ города къ церкви, не знаю какой по имени. Она окружена лугомъ и садомъ. Сюда имѣютъ обычай собираться гулять по воскресеньямъ въ продолженіе Великаго Поста. Передъ церковью лавки съ пряниками. Подалѣе нищіе.—Народу всѣхъ сословій множество. Дамы Загребскія не отличаются вкусомъ: пестро, вычурно, дико. Оттуда—къ Гаю; онъ былъ эти дни боленъ; теперь ему лучше. Читали отрывки изъ описанія Босніи, составленнаго однимъ Босн. монахомъ. Превосходное описаніе.—Неуспѣлъ прійдти домой, какъ явились ко

---

[1]) Одинъ изъ дѣятелей иллирскаго возрожденія.

мнѣ студенты Академіи, которымъ я на дняхъ показывалъ правила Русскаго чтенія. Ревность въ изученіи Русскаго языка страшная. Нашего царя любятъ, какъ Бога, Русскихъ не меньше. Если такъ пойдетъ дальше, то я не знаю, что будетъ черезъ 20 лѣтъ. Не только тутъ, но во всей Кроаціи, Славоніи, отчасти въ Далмаціи и далѣе все молодое поколѣніе за Русскихъ. Мадьяры напротивъ боятся и ненавидятъ насъ. Меня многіе увѣряютъ, что я составляю теперь въ Загребѣ одинъ изъ главныхъ предметовъ разговора: одни за меня, другіе противу меня. Никто только не воображалъ, что я такой маленькой ростомъ: всѣ тутъ воображаютъ Русскаго великаномъ, голова подъ потолокъ. Вечеръ мой обыкновенно оканчивается въ Иллирской кофейнѣ, гдѣ собираются литераторы.—

Вторникъ.

Воротился изъ Иллирскаго театра: давали Анджело Викторъ Гюго. Играли хорошо; страненъ только выборъ пьесы. Сначала я сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а потомъ въ ложѣ знакомаго доктора, съ его молоденькими сестрицами: сами зазвали. Премиленькія и предобренькія Хорватки. Завтра въ путь.— Прощайте!

И. Срез.

XLVIII.

№ 38. Юрово на Краинской Границѣ. 2-е Апрѣля.

Я согласился съ Вразомъ путешествовать вмѣстѣ по Краинѣ и Каринтіи, и путешествіе наше началось. 31-го Марта мы выѣхали изъ Загреба въ Карловецъ (по Нѣм. Карлштадтъ—вы найдете его на югъ отъ Загреба). Въ Карловцѣ уже насъ ожидали,—и вечеромъ пито было шампанское за здоровье всѣхъ и каждаго, пѣты пѣсни патріотическія, народныя и т. п.; на другой день намъ показали библіотеку тамошней «Читальницы» (какъ тутъ называютъ кабинетъ для чтенія), и пр. И въ Карловцѣ, какъ въ Загребѣ, домородство цвѣтетъ и уважается: вотъ почему и мы были принимаемы такъ «уважительно». На другой день послѣ обѣда (то есть вчера) мы поѣхали въ Юрово. Это—имѣніе одного изъ Карловецкихъ домородцевъ, Враницара, имѣніе богатое, прекрасное, гдѣ управителю приказано было принять насъ, какъ слѣдуетъ. Безъ шампанскаго не обошлось и тутъ. Сегодня утромъ забрались мы въ хату одного изъ селянъ и съ помощію «свѣтлыхъ грошей» и кусочковъ сахара, успѣли записать много всякой всячины. Дѣтей, дѣвушекъ, старухъ набралась полная хата: одни изъ-за другихъ, прячась другъ за друга, глядѣли они на насъ, и много было съ ними возни, пока у нихъ развязались языки.

Народъ тутъ бѣденъ, живетъ не такъ чисто, какъ въ Украинѣ, но добръ, простодушенъ, и только потому боится одѣтыхъ по Нѣмецки, что считаетъ всѣхъ такихъ за Нѣмцевъ.—Послѣ обѣда мы ѣздили черезъ границу Краинскую въ городокъ Метлику (Metling). На горѣ, разбитой пополамъ оврагомъ, нанизаны домики каменные и деревянные, большею частью нечистые, между ними церковь, а подлѣ нея приходской домъ: вотъ и весь городокъ. Тутъ ходили мы къ Декану (благочинному), а развѣдавши отъ него все, что было можно объ окрестныхъ жителяхъ, пошли въ кофейню, и тутъ набрали всего съ три короба. Кафеджіа самъ любитель пѣсенъ, самъ Краинецъ, имѣетъ 70 лѣтнюю мать, простую, предобрую старушку, да назвалъ одѣтыхъ по праздничному дѣвушекъ и женщинъ, стариковъ, знающихъ преданія: отъ 4 до 9 то и дѣла было, что записывать да рисовать [1]). Нарѣчіе тутъ еще не чистое Краинское; какъ бы то ни было, я преспокойно говорю по Русски, т. е. по Великорусски, и меня понимаютъ. Личикъ хорошенькихъ много: карія глазенки, улыбка на лицѣ, что-то хитренькое въ минѣ,—все это идетъ къ бѣленькому лицу, остренькому носику, узенькому подбородку и губамъ à la Алёна Романовна [2]). И вотъ какъ такое дѣвичье личико украшаетъ себя: коса вся подобрана сзади подъ мѣдную иглу въ родѣ дощечки и вложена клубкомъ въ вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ, къ которому на затылкѣ привязанъ цѣлый пукъ широкихъ разноцвѣтныхъ лентъ длиною четверти въ полторы; вѣнокъ очень малъ, такъ что покрываетъ голову только сзади, а съ переди по лбу и вокругъ всей головы идетъ парта красная суконная, въ полтора пальца узенькая, искусно вышитая бисеромъ и выложенная разноцвѣтными камнями. Все это очень мило.

Новое мѣсто (Neustadt) 3-го Апрѣля.

Сегодня опять счастливый день, счастливый, потому что многое успѣлось записать въ путевую книжку. Пріѣхавши опять въ Метлику мы пересѣли на другую тележку и поѣхали въ горы. Эти пограничныя Краинскія горы между Самоборомъ и Метликой называются Ускоцкими, по имени Ускоковъ, въ нихъ живущихъ. Горы высокія, дикія, каменистыя, на вершинахъ заросшія непроходимымъ лѣсомъ, по отлогостямъ кое-гдѣ покрытыя травою, кое-гдѣ совершенно голыя; между ними увалы и долины; на нихъ кое-гдѣ нивы, еще рѣже виноградники; кое-гдѣ стоитъ церковка; тамъ и сямъ то разбросанно, то

---

[1]) Въ путевыхъ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось значительное количество рисунковъ, главнымъ образомъ относящихся до этнографіи славянскихъ земель.

[2]) Е. И. Шидловская—Харьковская помѣщица, въ семьѣ которой И. И. Срезневскій давалъ уроки.

стѣснившись стоятъ хижины; и тутъ и тамъ пасутся овцы, и пастушокъ, сидя гдѣ-нибудь высоко на камнѣ, уныло поетъ «юнацкую» пѣсню, воспоминая въ ней о Маркѣ Кралевичѣ, Матвѣѣ Корвинѣ или Іоаннѣ Гуніадѣ. А вонъ у ручья, спадающаго съ горъ, стоитъ съ ведрицею дѣвушка, красная шапочка (капа) на головѣ; двѣ переднія коски и большая коса сплетены сзади въ одну и падаютъ по спинѣ широкой лентой, къ которой съ конца привязанъ уплѐтакъ изъ костей и стекляруса; кошуля съ широкими рукавами вышита на груди красными и синими нитками; широкій красный поясъ обхватываетъ талью, и спереди внизъ отъ нея виситъ красная прегача въ родѣ передника, снизу отороченная широкою бахрамою; изъ-за нея видны красные чулки, а сверху «постолы» на высокихъ узенькихъ клобучкахъ. Глаза и волосы черны какъ смоль, лицо смугло какъ у Итальянки; выраженіе лица добро, но гордо. Къ ней подошелъ «юнакъ» въ бѣлыхъ узкихъ лачахъ, въ мествахъ (полусапожкахъ), въ голубомъ плащѣ, изъ-за котораго виднѣется бѣлый долманъ, и въ широкополой шляпѣ. Она улыбнулась, взнесла ведрицу на голову, и пошла къ своей кучѣ [1]). Въ этой кучѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, большія сѣни съ печью, изъ которой дымъ идетъ черезъ потолокъ и кровлю; на одну сторону ихъ чуланъ, на другую изба, маленькая, съ туловищемъ печи, около котораго какъ мухи, сидятъ однѣ надъ другими дѣти, съ лавками вокругъ, со столомъ на извѣстномъ мѣстѣ, съ тремя маленькими оконцами и т. д. Въ этой кучѣ вы увидите много женщинъ, много дѣтей, нѣсколько стариковъ, и рѣдко, рѣдко свѣжаго человѣка, потому что все не состарѣвшееся отправляетъ военную службу, потому что всѣ Ускоки принадлежатъ къ военнымъ поселеніямъ. Не мудрено, что они бѣдны: обработывать полей, и вообще промышлять нѣкому, а военный поселенецъ Австрійской кромѣ того, что лишаетъ свою сѣмью работника, да сверхъ того еще долженъ самъ себя кормить, и за то не получаетъ отъ царя ничего.—Къ этимъ то Ускокамъ мы поѣхали сегодня. Доѣхавши до деревни Храстъ, мы пошли пѣшкомъ къ священнику въ другую деревню, не застали его дома и вошли въ ближнюю хату. Одѣливши дѣтей леденцомъ, мы освободились отъ застѣнчивости этихъ добрыхъ людей. Они не знали, какъ насъ посадить, какъ насъ угостить. Тотчасъ явились яйцы въ смятку, вино; но всего дороже намъ было ихъ радушіе. Они—Грекороссіяне, или, какъ ихъ называютъ Краинцы, Влахи, и старухи чуть не плакали, когда услышали отъ меня «Отче нашъ» слово въ слово и буква въ букву какъ сами его читаютъ. Пошли разсказы, пѣсни.—Священникъ между тѣмъ воротился домой, искалъ насъ, насилу нашелъ, позвалъ къ себѣ, угостилъ, опять разсказывалъ кое что. Часу въ 3-мъ мы отправились назадъ въ

[1]) Серб. куħа—домъ.

Храстъ, и поѣхали далѣе по Ускоцкимъ горамъ, по дорогѣ къ Новому мѣсту. Дорога—сначала все вверхъ и раскрыла предъ нами дивный видъ на отдаленности; потомъ—все внизъ, извиваясь какъ змѣя между холмовъ и удолій.

Теперь мы сидимъ за однимъ столомъ въ гостинницѣ у Солнца и пишемъ. Уже поздно: 10-й въ исходѣ. Мы уморились, собираемся спать.—Добрую ночь и вамъ, милая маменька и милой братъ. Начинается страшная недѣля. Вы можетъ быть говѣете: поговѣйте и за меня.

Любляны (Laibach). 5-е Апрѣля.

Вотъ я и тутъ. До 3-хъ часовъ, пока раскроется почтовая канцелярія, я напишу нѣсколько словъ о нашемъ переѣздѣ сюда; а потомъ пойду на почту, спросить, нѣтъ ли мнѣ письма отъ милой маменьки.—Дорога превосходная, очаровательная: горы да горы, виды да виды; по горамъ и въ долинахъ старые и новые замки, церкви, деревни; народъ одѣтъ чисто, опрятно, Мицки (Машеньки=дѣвушки) такія хорошенькія, и все, все такъ мило, что десять разъ можно проѣхать по этой дорогѣ съ одинакимъ удовольствіемъ. Одна досада: когда я читаю Краинскую книгу, понимаю почти все, развѣ какое нибудь слово заставитъ задуматься, а слушаю, когда говорятъ, какъ ни слушаю, какъ ни вслушиваюсь, такъ развѣ десятое слово разберу. Удареніе дивное, большая половина гласныхъ проглочены, другія измѣнены. Досада, да и только. А языкъ, особенно когда говоритъ имъ хорошенькая Мицка, очень пріятенъ для слуха. Такъ пойду же на почту.

Пошелъ и получилъ: только 5 дней лежало тутъ на почтѣ ваше письмо. Я читалъ его, и плакалъ, право плакалъ. Я чувствовалъ себя и счастливымъ, радуясь вашимъ счастіемъ,—и несчастнымъ, что не могу быть вмѣстѣ съ вами. Я вижу, братъ сдѣлался хозяйкою; мы бы не поссорились, дѣлясь съ нимъ этими трудами. Можетъ быть поспорили бы съ нимъ о Славянахъ; да ужъ потомъ бы навѣрно помирились. И ты, душа моя братъ, полюбилъ бы ихъ, какъ они того стоятъ; и ты бы принялъ сердечное участіе въ ихъ пробужденіи отъ сна. А говорить, разсказывать—это и по нашей части, милая маменька: мнѣ теперь кажется, что нашимъ взаимнымъ вопросамъ и отвѣтамъ и конца бы не было. Впрочемъ меня теперь занимаетъ и уже издавна—знаете ли что?—Надобно намъ всѣмъ тремъ прокатиться напримѣръ такъ:—изъ Россіи въ Варшаву, оттуда въ Берлинъ, потомъ въ Дрезденъ, Прагу, Мюнхенъ, потомъ въ Вѣну, потомъ въ Пестъ, Лембергъ и домой. Будемъ объ этомъ думать, собираться, соберемся—и въ путь. На это не надобно много

денегъ: 1500 довольно на 3 мѣсяца, если ничего не покупать, для всѣхъ трехъ. Богъ дастъ года черезъ два-три мы успѣемъ это привести въ исполненіе. А какъ бы это хорошо было! Я бы повторялъ впечатлѣнія и былъ бы вашимъ проводникомъ.

Что же касается до теперешняго окончанія моего путешествія, то я еще ничего не знаю. Во всякомъ случаѣ, милая маменька, я пріѣду къ вамъ въ Кіевъ, и, если поѣду черезъ Петербургъ, то буду просить о переводѣ въ Кіев. Университетъ. Это было бы для меня лучше во многихъ отношеніяхъ. Что же до совѣтовъ съ моей стороны, то, душенька маменька и душенька братъ, вы были, кажется, всегда увѣрены, что я всегда душевно радовался всему, что вы найдете хорошимъ. Полученіе пенсіи только не откладывайте на долгое время: для нея существуетъ какая то давность: лучше брать хоть по немногу. Но ваши глаза, милая маменька! Меня это мучитъ. Пожалуйста, не читайте вечеромъ; братъ же такой доброй: онъ будетъ вамъ читать.

Гусситская пѣсня написана Листомъ. Я было купилъ, чтобы послать вамъ, но варіаціи такъ трудны, что я считалъ это напраснымъ (и Томашекъ не могъ ихъ играть) и подарилъ одной дѣвушкѣ въ Прагѣ, вмѣсто подарка на новый годъ. Вы не будете за это на меня сердиться!

Настья и Зиновья, какъ пишешь ты, чудо дѣвки. Только я имѣю право завидовать: тебѣ она вывязала 14 паръ; а мнѣ вѣрно ни одной.—А что если бы ихъ учить читать? Хоть по праздникамъ вмѣсто конфетъ!

Александру Петровичу [1]) скажи, братъ, что я теперь въ странѣ, гдѣ о Бернульи [2]) не имѣютъ никакого понятія ни книгопродавцы, ни ученые. Очень жалѣю, что не купилъ его книги въ Дрезденѣ; теперь бы могъ послать ему. По части Амвросія Лукіяновича [3]) ничего нѣтъ важнаго. Прощайте. Цѣлую васъ.

Вашъ И. Ср.

XLIX.

№ 39. Любляна. 1841 г., Апр. 9.

Пятой день уже я живу въ Люблянахъ,—и могу вамъ сказать слова два объ этомъ городѣ. Между рѣкой Савой и рѣкой Любляницей, гдѣ она впадаетъ въ Саву, разостлалась прекрасная долина. Недалеко отъ устья Люблянницы возвышается въ долинѣ будто невзначай гора, вышиною въ Хорошевскую [4]) или немного ниже, у ея подошвы течетъ рѣчка Рагашница, по другую

---

[1]) Рославскій-Петровскій.
[2]) Вѣроятно Christophe Bernoulli—швейцарскій экономистъ и натуралистъ (1751—1834)
[3]) Метлинскій.
[4]) Около Харькова.

сторону рѣчки начинаются холмы, поднимаются все выше и грядами идутъ къ горамъ. На вышеупомянутой горѣ есть развалины стараго замка и нѣсколько новыхъ тюремныхъ домовъ. Подъ горою вокругъ нея городъ Любляна, по обѣ стороны рѣчки; главная часть города—между горой и рѣчкой, и такъ узка, что мѣсто, незанятое домами, едва достаточно для одной кривой улицы. Въ одномъ концѣ этой улицы соборъ, и потомъ начинается предмѣстіе; въ другомъ концѣ другая церковь, и за нею другое; за рѣчкою, черезъ которую проложено 5 довольно плохихъ мостковъ, большое предмѣстье, съ 4-мя или 5-ю церквами, прекрасными площадями, и пр. Все это не занимаетъ, впрочемъ, много мѣста, потому что въ Люблянѣ жителей около 13,000.—Городъ впрочемъ довольно оживленный: съ одной стороны много пріѣзжихъ, потому что онъ лежитъ на дорогѣ между Вѣной и Тріестомъ и сосредоточиваетъ въ себѣ торговлю цѣлой Краины; съ другой онъ привлекаетъ къ себѣ и простой Краинскій народъ съ разныхъ сторонъ. Особенно онъ оживленъ теперь въ послѣдніе дни великаго поста. (Народъ тутъ не только благочестивъ, но даже, кажется, ханжитъ; а духовенство старается это поддерживать). Сегодня базаръ. Главная улица уложилась рядами торговокъ, продающихъ сыръ, масло, картофли, писанки, «колачи и потíцы» (раз. рода пасхи) и т. п., не считая тѣхъ, кои постоянно продаютъ тутъ апельсины, яблоки, винныя ягоды, булки, сушеные плоды, губку, ленточки и всякую всячину. Шумъ, говоръ, какъ и у насъ. Мы съ Вразомъ нѣсколько разъ прошлись по базару, любуясь хорошенькими Мицками: право, удивительно, какъ ихъ тутъ много, этихъ Мицокъ, хорошенькихъ, миленькихъ.—Въ Люблянѣ есть прекрасное касино: каждый членъ платитъ 15—20 гульденовъ въ годъ и цѣлый годъ можетъ посѣщать кабинетъ для чтенія, балы и пр.—Есть и театръ; но онъ теперь, само собою разумѣется, запертъ. Полиція здѣшняя очень строга: и самыхъ малыхъ вечеринокъ, гдѣ танцуется подъ фортепьяно, нельзя дать безъ ея позволенія.—Окрестности Любляны прекрасны, и снѣжныя Каринтійскія альпы видны отвсюду.—Время провожу тутъ вотъ какимъ порядкомъ: одѣвшись, отправляемся пить кофе въ кофейню къ императору Австрійскому; оттуда въ библіотеку; потомъ домой обѣдать; послѣ обѣда я иду къ профессору Метелку [1]) и занимаюсь съ нимъ Краин. нарѣчіемъ,—и потомъ опять въ библіотеку; а вечеръ,—вы не повѣрите, милая маменька,—каждой вечеръ проходитъ въ томъ или другомъ кабакѣ, гдѣ собираются наши знакомые пить вино (я пью впрочемъ только по половинѣ зеглика т. е. по стакану и то съ водой). Знакомые

---

[1]) Метелко—профессоръ словѣнскаго языка и литературы въ Люблянскомъ лицеѣ; авторъ словѣнской грамматики; род. 1789, ум. 1861.

наши: д-ръ Прешернъ [1]) (онъ лучшій изъ живыхъ поэтовъ Краинскихъ), д-ръ Хорватъ—адвокатъ, библіотекарь, нѣсколько профессоровъ. Всѣ они пьютъ вино, какъ воду.

Кранъ (Krainburg). 11-е Апр.

Цѣлую васъ, маменька и братъ, и поздравляю васъ съ Свѣтлымъ Воскресеніемъ; оно и для васъ то-же

12-е Апр.

было вчера. А я его праздную довольно чудно. На дняхъ д-ръ Хорватъ сказалъ намъ: «въ субботу ѣду я въ Кранъ; поѣдемъ вмѣстѣ; увидимъ, какъ народъ нашъ празднуетъ этотъ праздникъ».—Почему нѣтъ! Пообѣдавши у Хорвата, мы сѣли и поѣхали, и черезъ 3 часа были въ Крани. Мы съ Вразомъ остановились въ гостинницѣ, а Хорватъ у декана. Вчера въ 8 часу пришелъ къ намъ Хорватъ, и повелъ въ церковь. Тутъ слышалъ я въ первый разъ Краинскую проповѣдь, и, благодаря Бога, хоть не все, но понялъ. Изъ церкви—гулять, потомъ обѣдать; послѣ обѣда—опять гулять изъ города вонъ подалѣе, зашли въ кабакъ, стали селянъ угощать виномъ, сдѣлали ихъ разговорчивыми, заставили ихъ разсказывать о ихъ житьѣ бытьѣ, сказки, пѣть пѣсни, и провели тамъ день до вечера. Это была для меня добрая школа: вслушиваясь въ рѣчь селянъ, особенно когда они хотятъ быть понятными, самъ чувствуешь, какъ успѣваешь. Краинскій языкъ очень пріятенъ: но большая часть гласныхъ выговаривается въ немъ вполовину, вскользь,—и притомъ удареніе престранное. Между женскими голосами есть превосходные; а между аріями, есть нѣкоторыя живо напоминающія о Тирольскихъ, хоть Тирольцы не могли имѣть никакого вліянія на Краинцевъ. На пасху пекутъ здѣсь колачи и потйцы. Колачь—большой хлѣбъ съ изюмомъ и съ дырою въ серединѣ......, а потицы (=повитицы)—булки, сдѣланныя изъ катаннаго тѣста такъ, что на каждой накатъ накладывается медъ съ макомъ. Съ писанками (пирхи) та-же исторія, что и у насъ. Все это освящается.

Кранъ—маленькій городокъ при впаденіи Кокры въ Саву. Въ средніе вѣка онъ былъ укрѣпленъ, и развалины стѣнъ и башенъ остаются. Исполинскія Каринтійскія альпы кажутся въ двухъ шагахъ, когда смотришь на ихъ вершины, облитыя сметаною снѣга; а посмотришь ниже,—и видишь тамъ церкви, стоящія по отлогостямъ, какъ свѣтлыя точки. Картина безподобная. Утромъ и вечеромъ горы видны до половины только: верхи обвились облаками. Вчера былъ прекрасный день, и мы видили вершину Триглава (Трглåу), высшей изъ горъ: какъ серебренное копье блестѣлъ онъ изъ за другихъ горъ.

---

[1]) Францъ Прешернъ (1800—1849); сборникъ его стихотвореній изданъ въ 1847 г. подъ заглавіемъ: Poezije doktora Franceta Prešerna.

12-е Апр.

Вчера послѣ обѣда мы ходили, съ Хорватомъ и Вразомъ, въ село Накласъ, верстахъ въ 5 отъ Крани, къ тамошнему священнику, и все время провели за жегнаномъ. Такъ называется закуска Свѣтловоскресенская, гдѣ главное мѣсто занимаетъ все освященное. Кромѣ калачей и потицъ, подавали окорокъ, телячью голову, еще кое-что, и въ заключеніе кофе.

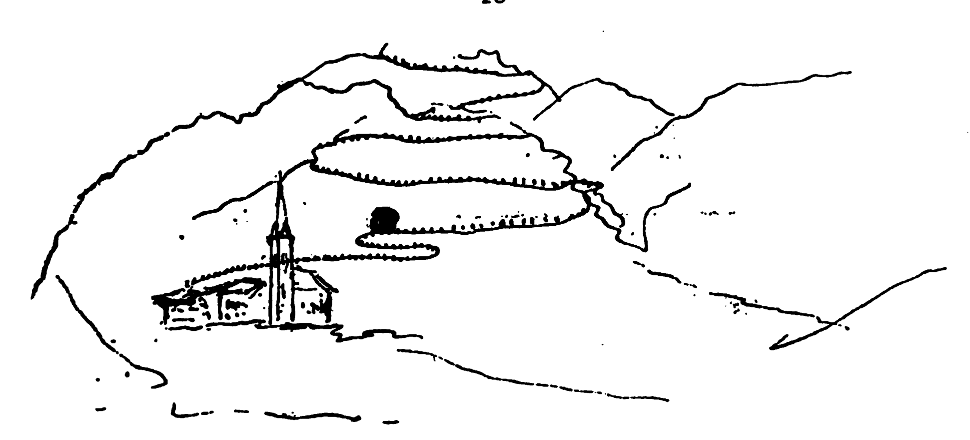
Разсказывали мнѣ между прочимъ многое о такъ называемыхъ Роковчарахъ. Это разбойники, живущіе въ Каринтійскихъ Альпахъ съ женами и дѣтьми. Они являются большею частью въ видѣ нищихъ, но не просятъ, а требуютъ милостыни, и такъ страшны, что никогда не получаютъ отказа, доходя до самой Любляны. Правительству доносили о нихъ, но оно будто и знать не хочетъ, что они существуютъ. Они такъ смѣлы, что на зиму переселяются изъ своихъ хижинъ въ домы поселянъ и живутъ на ихъ счетъ. Самая почта не безопасна, такъ что за нѣсколько лѣтъ дилижансы были провожаемы конвоемъ.

17 Апр. Целовецъ (Klagenfurt).

Сегодня я провелъ день неожиданно пріятно: я ѣхалъ сегодня изъ Любляны въ Целовецъ. Такой переѣздъ можно считать наслажденіемъ. За Кранью къ Торжцу дорога идетъ по долинѣ, и бѣлоголовыя горы поднимаются все выше надъ головою. Торжецъ—прекрасное мѣстечко, очень оживленное, но такъ сжатое между горами, что онѣ какъ привидѣнія высматриваютъ изъ-за домовъ. За Торжцемъ начинается горный переѣздъ. Дорога идетъ по долинѣ св. Анны, вдоль потока; и долина такъ узка, что остается на днѣ ея мѣста ровно только для потока, а дорогу вырубили въ камнѣ. Надъ головами громады скалъ, чуть не отвѣсныхъ, кое гдѣ покрытыхъ елями и буковьемъ, а болѣе голыхъ и до половины облитыхъ снѣгомъ. Еще недавно были такія страшныя лавины, что проѣзду не было; и теперь еще остаются слѣды ихъ. Долина расширяется при концѣ своемъ у подошвы Ибеля (Loibl). Тамъ стоитъ церковь и постоялый дворъ. Проѣхавши мимо ихъ, начинаетъ круто подниматься, какъ на нашу Холодную гору [1]), и не смотря на крутой взъѣздъ дорога поднимается террасами сама надъ собою такъ:

---

[1]) Въ Харьковѣ.



Полземъ, полземъ, и всползаемъ на высоту 5000 футовъ, то есть 700 саженъ отъ поверхности моря. Дорога сдѣлана превосходно: всюду, гдѣ нужно, мосты прочные, въ другихъ мѣстахъ плотины, что-бы потоки неразрушали дороги, и т. д. Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ болѣе чувствуешь высоту окрестныхъ громадъ, и вдали все болѣе развертывается видъ на Краину къ Крани, Любляны и далѣе; видъ впрочемъ самой ландшафтный; только кусокъ картины въ рамахъ, такъ: взъѣхавши на высоту, поворачиваешь на право мимо постоялаго двора, прощаешься съ Краиной—и видишь передъ собою пограничные столбы. До сего

мѣста, карета изъ Торжца ѣхала на 5 лошадяхъ; тутъ 2-хъ отпрягли, и мы начали спускаться внизъ между горами. Горы, горы и горы, лѣсъ, снѣгъ, потоки, глушь; такъ насъ встрѣтила Каринтія. Послѣ переѣзда черезъ малый Ибель мы увидѣли изъ-за лѣса очаровательную Дравскую долину, длинную, довольно широкую, обставленную горами какъ стѣнами, усѣянную деревнями, замками, церквями, и спустились въ нее. Послѣдняя станція къ Целовцу черезъ горы, но уже умѣренныя,—и вотъ сама долина, на которой букетомъ улегся красивый Целовецъ. Изъ Люблянъ выѣхали въ 6, сюда пріѣхали вечеромъ въ 8.

L.

№ 40. Горица (Görz). 1841. Мая 2.

Какъ давно я не писалъ вамъ, милая маменька. Но не сердитесь: право, нѣкогда было. То переходы и переѣзды, то распросы и записыванье,—и время проходило, самъ не знаю, куда дѣвалось. Я успѣвалъ только на клочкахъ бумажки карандашомъ замѣчать, о чемъ писать Вамъ. Нѣкоторые изъ этихъ клочковъ потерялись; приходится писать съ памяти. Въ это время я постран-

ствовалъ довольно, какъ увидите, и видѣлъ и узналъ много любопытнаго. Былъ и въ Италіи Вы удивляетесь, какъ это такъ; глядя на карту видите, что Целовецъ на сѣверѣ отъ Горицы; но я всетаки былъ въ Италіи, сегодня изъ нея. Вотъ какъ все это было:

Вразъ въ Люблянѣ заболѣлъ, и я поѣхалъ въ Целовецъ одинъ. Въ Целовцѣ я нашелъ ех-профессора Жупана [1]). Толстой, какъ Авдотья Өедоровна, веселой, болтунъ ученой, любящій поѣсть и полакомиться сладкимъ, какъ нашъ Микола [2]), и, повторяю, очень ученой. Въ Мошбургѣ, въ 3 часахъ отъ Целовца живетъ другой ученой Словенецъ, Ярникъ [3]), тоже очень ученой и очень милой старикъ. 17-го я пріѣхалъ въ Целовецъ; 18-го пошелъ въ Мошбургъ, 19-е пробылъ у Ярника, 20-го воротился въ Целовецъ, заходя къ Герцогскому стулу, любопытному Славян. памятнику IX вѣка; 21-е провелъ съ Жупаномъ въ Целовцѣ; 22-го поѣхалъ въ штельвагенѣ по дорогѣ въ Бѣлякъ (Willach) до Вербы (Velden), и оттуда пѣшкомъ къ Фарѣ св. Михаила въ Рожнѣ (Rosenthal). Дорога до Вербы лежитъ по берегу прекраснаго Клагенфуртскаго озера, своей шириной и берегами напомнившаго мнѣ Оку и Днѣпръ. Въ Рожнѣ мнѣ надобно было быть, потому что жители сохранили тамъ болѣе народности, нежели въ другихъ мѣстахъ Хорутаніи (Каринтіи). Въ Фарѣ я познакомился съ капелланомъ Майеромъ, любителемъ и знатокомъ народности Хорутанской, и провелъ съ нимъ въ разговорахъ и прогулкахъ по очаровательному Рожню 23-е. По Рожню протекаетъ Драва, пологости береговъ покрыты зеленью луговъ, нивъ, лѣсовъ, вверху еще блеститъ ярко снѣгъ; всюду разсѣяны деревеньки. 24-го пошелъ я въ Зильскую долину, и шелъ цѣлой день. Проводникъ несетъ мою котомку и зонтикъ въ колпакѣ, что заставляетъ всѣхъ щитать его за геометрическій инструментъ, а меня за инженера; мы болтаемъ и идемъ. Какъ полезно такое странствіе съ проводникомъ! Въ день узнаешь болѣе, нежели въ иную цѣлую недѣлю. Поздно вечеромъ пришелъ я въ Быстрицу (Feistritz), одно изъ главныхъ селъ въ Зильской долинѣ. Не знаю, найдете ли вы ее на картѣ. Зильская долина получила свое названіе отъ рѣки Зили (Итал. Gilia, Нѣм. Geil, слѣд. на Рус. картѣ Гаиль или Геиль). Окруженные со всѣхъ сторонъ Нѣмцами, жители сохранили свою оригинальность, и знамениты ею во всей Иллиріи.

---

[1]) Т. е. экстраординарнаго профессора. Въ донесеніи министру народнаго просвѣщенія И. И. Срезневскій говоритъ: Въ Цѣловцѣ я имѣлъ удовольствіе сблизиться съ экстр. профессоромъ Жупаномъ, отличнымъ знатокомъ Иллирскихъ нарѣчій и вообще ученымъ человѣкомъ (стр. 18).

[2]) Николай Ивановичь Срезневскій.

[3]) Патеръ Урбанъ Ярникъ (1784—1744)—поэтъ, знатокъ Хорутанскихъ нарѣчій (И. И. Срезневскій: Донесеніе министру народнаго просвѣщенія отъ 2 авг. 1841 г.).

25-го долженъ былъ быть въ деревнѣ св. Георга приходской праздникъ, и, переночевавши въ Быстрицѣ, ранымъ рано я отправился туда. Когда нибудь я подробно опишу вамъ этотъ праздникъ; а теперь только нѣсколько словъ объ одеждѣ Зилянокъ. Дѣвушки—настоящія барышни, и всѣ одѣты всегда какъ будто къ танцу: платьица коротенькія, почти до колѣнъ, чулки бѣлые, башмаки съ каблучками; на лифѣ платокъ, такъ что два угла пристегнуты у горла булавкой, а другіе два обхватываютъ талью и завязаны бантомъ сзади; на головѣ бѣлой платокъ, повязанной такъ, что 2 заднихъ угла подвернуты подъ косу, два другихъ легко повязаны сбоку, и одинъ долженъ быть непремѣнно на груди, а другой на спинѣ, а по лбу пришито къ платку 15 локтей кружева въ сборкахъ; наконецъ, рукава у рубашки (очень, очень коротенькой) не широкіе и съ кружевами, а на спинѣ отъ рубахи виситъ треугольная манишка, собранная густо и съ кружевами. Еще я забылъ сказать, что по тальи сверхъ платка идетъ черной кожаной поясъ, вышитой корѣшками павлиньихъ перьевъ, и на одномъ изъ концовъ, висящемъ до колѣнъ, пристегнутъ складной ножъ. Представьте себѣ такую чудачку, и непремѣнно одну руку подъ бокъ, а другую опустивши по офицерски, и вы вѣрно улыбнетесь. Изъ этихъ чудачекъ многія очень милы. Танцуютъ прекрасно: мужчина скачетъ, а дѣвушка, въ вышепомянутомъ положеніи, опустивши голову, идетъ кругомъ, оставаясь всегда спиною къ центру. Танцуютъ и поютъ; когда поютъ, то мужчина съ дѣвушкой идутъ à la polonaise, а потомъ начинаетъ играть музыка и начинается танцъ. Музыканты сидятъ подъ липой, и танцуютъ около липы. Весь этотъ праздникъ полонъ обрядовъ, и Богъ участвуетъ даже въ танцахъ: первой «высокой рай» (важной танецъ) начинается пѣснію:

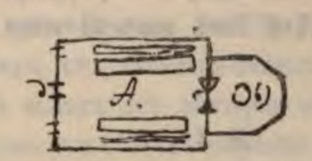
Бугъ, дай нанъ (намъ) добэръ чесъ тэ (этотъ) первы рай зачэти;
Тэ кай (какъ) да смэ зачели, ше (еще) такъ га (его) не бмэ нели.

Я адресовался въ св. Георгѣ къ священнику, онъ познакомилъ меня съ сѣмействомъ бароновъ Эйхельбурговъ, и баронесса была такъ мила, что старалась меня познакомить со всѣми особенностями Зилянъ. Тутъ же было нѣсколько чиновниковъ изъ Блейберга, гдѣ находятся знаменитые свинцовые рудники. Главный изъ нихъ уговорилъ меня потерять одинъ день на осмотрѣніе шахтъ, и изъ св. Георга я поѣхалъ съ нимъ ночевать въ Блейбергъ. 26-е провелъ я весь день въ шахтахъ. Удивительныя пещеры продѣлалъ тамъ человѣкъ: глубиной въ 150 сажень, длиною по прямому направленію болѣе $1^1/_2$ версты. Какъ какіе нибудь духи работаютъ тамъ одни надъ другими рудокопы, вдали одни отъ другихъ, и 12 часовъ не видя свѣта. Въ тотъ же вечеръ я воротился въ Быстрицу въ сопровожденіи одного Зиляка, и на другой день пошелъ далѣе въ Тарфисъ съ другимъ Зилякомъ. Въ Тарфисѣ—Нѣмцы. Но мнѣ

нужно было пройти черезъ него чтобы пробраться къ Резіянамъ. Эти Резіяне — жители Резіянской долины (Vale della Resia) въ Венеціанской Италіи на границахъ Краинскихъ. Два слова о нихъ были сообщены Добровскому когда-то, и съ тѣхъ поръ никто не говорилъ ни слова, такъ что даже и тутъ хорошо не знаю[тъ], гдѣ собственно лежитъ эта долина. Отыскавши на картѣ селеніе Резіуту, я не могъ предположить, что эта долина недалеко отъ Резіуты, и отправился въ Тарфисъ, съ тѣмъ чтобы оттуда пробраться въ Резіуту и далѣе, какъ Богъ дастъ. Я хотѣлъ 27-го же идти или ѣхать въ Резіуту, но въ этотъ день должна была пріѣхать въ Тарфисъ императрица, и потому я не сыскалъ гелегенгейта. По неволѣ остался ночевать, видѣлъ императрицу, видѣлъ равнодушіе народа къ ней и на другой день поѣхалъ въ Резіуту. Дорога лежитъ по дикой долинѣ: горы голы съ обѣихъ сторонъ, потокъ занимаетъ десятую долю своего каменистаго ложа; кустарники кое-гдѣ, пыль страшная, жаръ ужасной. Въ Понтеббѣ, переѣхавши черезъ мостъ, я былъ въ Италіи,—и увидѣлъ все иное: домики, самые бѣдные, изъ камня, яруса въ два и три, крыши плоскія, около домиковъ деревья и виноградныя гардины, глаза черные, волосы черные и рыжіе, по Нѣмецки никто ни слова, по Славянски тоже, а все по Фурлански (языкъ средній между Итальянскимъ и Французскимъ, прекрасной, но тѣмъ не менѣе досадно непонятной). Въ Дуньѣ я остановился обѣдать, все еще не зная, куда ѣду, и какъ найду Резію. Къ счастью хозяинъ зналъ два слова по Нѣмецки. Я спрашиваю его о Резіи, а онъ въ отвѣтъ указываетъ на молодого человѣка въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, говоря, что онъ капелланъ изъ Резіи. О счастіе! Недаромъ, подумалъ я, видѣлъ я молодой мѣсяцъ съ правой стороны. Къ нему—и по Нѣмецки. «No capisco» (не понимаю), отвѣчаетъ онъ мнѣ по Фурлански. Вотъ тѣ и счастіе! Что тутъ дѣлать! Надобно было рѣшиться въ первой разъ въ жизни начать говорить по Итальянски. Можете представить, какъ шло: однако шло. Къ тому же, капелланъ, хоть родомъ и Фурланъ, говоритъ однако по Резіански; такимъ образомъ, чего я не могъ ему объяснить по Итальянски, то добавлялъ по Краински, и на оборотъ,—и сошелся. Капелланъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что долженъ ѣхать сей же часъ по дѣламъ, но что въ Резіутѣ увидится со мною, и оттуда пойдемъ вмѣстѣ въ долину. Такимъ образомъ 28-го еще былъ я въ Резіи. Долина какъ котелъ, со всѣхъ сторонъ обнесенная дикими стремнинами, и только съ одной стороны дающая въ себя узкій проходъ. Отъ Резіуты $1^1/_2$ часа. Священникъ, старикъ 73 лѣтъ, но живой, веселой, и гордящійся тѣмъ, что Резія и Россія одно и тоже, обласкалъ меня какъ могъ и въ тотъ же вечеръ еще сообщилъ мнѣ много любопытныхъ извѣстій о жителяхъ. Русскіе были однако тутъ: нѣсколько солдатъ проходомъ изъ Италіи, да графъ Потоцкій (не бывшій у насъ попечителемъ,

а братъ его), случайно услышавши въ Резiутѣ нѣсколько Славянскихъ словъ. 29-е я провелъ весь день въ долинѣ, обходя деревни, распрашивая объ обычаяхъ, языкѣ и такъ далѣе. Капелланъ всюду со мною. Тутъ узналъ я и о другихъ Славянахъ Итальянскихъ, живущихъ въ горахъ на югъ отъ Резiи, взялъ одного Резiяна проводникомъ, и съ нимъ ходилъ 3 дни, дошедши до сюда. 30-го прошли черезъ Резiуту, Венцоне, Джемону въ Торченто. Городокъ Джемона лежитъ въ дивномъ мѣстоположенiи: кругомъ безконечные сады, въ серединѣ гора съ замкомъ, кру́гомъ кругомъ горы. Въ Т а р ч е н т о надобно было ночевать. Спрашиваемъ, гдѣ можно достать комнату съ постелью. Тамъ-то. Идемъ. Оштерiя какъ обыкновенно въ Италiи, вотъ какая:

А. Большая темная комната. а) столы съ лавками, с) большая дверь сводомъ въ маленькую комнату, кругомъ которой лавки, а въ серединѣ b) каменное наполье, на немъ разложенъ огонь, надъ огнемъ котелъ, сверху труба. Пока мы съ Тони Бобацомъ пили вино, мнѣ приготовили комнату;



потомъ я пошелъ въ нее... и ужасъ! Огромная постелище, кирпичной полъ, двери съ галлереи со щелями, стекла въ окнахъ разбиты, стѣны испачканы, стулъ на трехъ ногахъ, столъ на двухъ и держится объ стѣну, бѣлье на постели солдатское. Страшно да и только! Однако выспался хорошо, а вечеромъ, когда ѣлъ яичницу, пришли два Славина, или, какъ тутъ ихъ называютъ, Стьява, и я ихъ распрашивалъ о ихъ горахъ, жилищахъ, и пр. 1-го Мая пошелъ въ горы. Дивная тропинка! Горы вотъ такъ \/ ; въ глубинѣ потокъ безъ береговъ; тропинка съ камня на камень по серединѣ горы, и ни травки. Такъ я дошелъ до Роже́варо, гдѣ, какъ вчера узналъ, капелланомъ—урожд. Стьявъ. Предобрый старикъ. Съ нимъ я провелъ часа четыре, распрашивая его и обходя домики. Домики хоть и каменные, но страшно бѣдные; а народъ чрезвычайно красивъ. Далѣе пошелъ я въ Нимисъ по подоб. тропинкамъ. У Тьельминиса открылся очаровательный и огромный видъ на долину, гдѣ Удине, Чивидаль, и такъ далѣе. Священникъ въ Нимисѣ тоже Стьявъ, и сообщилъ мнѣ тоже кое-что о Стьявахъ. Нимисъ уже въ долинѣ. Спускъ съ горъ страшной: два часа по камнямъ, и круто. Въ долинѣ начинаются сады: деревья оплетены виноградомъ, а между рядами деревьевъ полосы нивъ. Ночевать пришли въ городъ Чивидаль. Спрашиваемъ гостинницу—указываютъ. Спрашиваемъ комнату—показываютъ. Избалованный Нѣмецкими комнатами, я покапризился, пошелъ искать другой гостинницы, и не нашелъ. Таскались, таскались, и рады были постелѣ въ одной комнатѣ съ постелью сапожника, нечистой, гадкой. Ночью просыпаюсь,—и не могу дышать! сапожникъ напился вина, спитъ и рыгаетъ, и

комната наполнилась уксуснымъ запахомъ, пронзительнымъ, удушливымъ. Прекрасное наказаніе за капризы. И тутъ-то я вспомнилъ Германію! Многое въ ней дурно, но гостинницы, комнаты въ нихъ, постели, и вообще всѣ удобства для путешественника, не то что въ Италіи. Сегодня шли изъ Чивидаля въ Горицу и пришли въ 3-мъ часу. Сегодня воскресенье: Фурланы прекрасно одѣты, играютъ, поютъ, всѣ въ цвѣтахъ. Подходя къ Горицѣ, увидѣлъ Изонцо: бирюзоваго цвѣта она катится, какъ струистая лента. Въ Горицѣ жители Краинцы и Нѣмцы, но господствующій языкъ Фурлано-Итальянскій. Изъ окна моего я видѣлъ всю здѣшнюю публику; дамы одѣты прекрасно, со вкусомъ и богато.

Цѣлую вашу ручку, милая маменька, и поздравляю васъ съ ангеломъ. Дай Богъ вамъ здоровья и спокойствія. Цѣлую и тебя, милый братъ.

LI.

№ 41. Горица, 1841. Мая 3-е.

Что за веселой народъ эти Горичане! Крикъ, шумъ, ходня, пѣсни, музыка, безпрестанно; сегодня вовсе не праздникъ, простой рабочій понедѣльникъ. Я стою al Cervo = у Оленя; съ одного боку главная площадь, съ другаго—одна изъ главныхъ улицъ, и покою нѣтъ, или, лучше сказать, заниматься не хочется: все бы смотрѣлъ въ окно, да слушалъ. То Неаполитанцы на скрипкѣ и на кларнетѣ играютъ прекрасное barcarollo; то Чехи съ арфами повторяютъ давно мнѣ знакомую польку; то соберется куча дѣтей, женщинъ и солдатъ около бродячаго органиста; а подъ ногами въ остеріи Фурланы собрались пить вино и поютъ. Горица, можно сказать, Фурлано-Итальянскій городъ. Господствующій языкъ народа Фурланскій, только приходящіе на базаръ Краинцы говорятъ по своему, а образованные говорятъ по Итальянски съ фурланизмами; на лавкахъ и на углахъ улицъ надписи Итальянскія, газеты въ кофейняхъ Итальянскія. Горица — порядочный городокъ. Лежитъ между Замковою горою и рѣкою Изонцо, ближе къ горѣ. Архитектура домовъ Итальянская.—Доброй вечеръ вамъ, маменька и братъ, кушайте на здоровье чай, а я буду пить воду съ виномъ и разбирать буквы.

LII.

№ 40 [1]). 11 Мая.

Нѣтъ, въ Венеціи пробыть 4 дня много! говорилъ одинъ Ивановичъ другому, а самъ легъ на софишку, между тѣмъ какъ другой сталъ (писать)

---

[1]) Вѣроятно описка вм. 42.

письмо къ роднымъ. Вотъ какъ все обстоитъ въ комнатѣ, гдѣ это важное происшествіе происходило: главную часть комнаты занимаетъ огромная трехспальная постель, выдающаяся своимъ корпусомъ на самую середину комнаты, и такъ высокая, что безъ помощи стула или даже стола и стула нѣтъ возможности возлечь на оную; у головъ по обѣ стороны постели по ночному столику; у стѣнъ три стула и софишка для $1^1/_2$ человѣкъ въ сидячемъ положеніи; далѣе съ одной стороны дверь, съ другой—окно; на четвертой стѣнѣ зеркало, рисующее человѣка въ разныхъ искривленныхъ положеніяхъ, и подъ нимъ комодъ; въ одномъ углу между комодомъ и окномъ треножникъ съ умывальней, въ которой мѣсто кувшина свинцовый чайникъ; въ другомъ углу между комодомъ и дверью кресло на случай болѣзни; остальное мѣсто середины комнаты занимаетъ круглой столъ, покрытой ковромъ; по стѣнамъ виды Венеціи. Это № 2-й della locanda alla Luna, находящійся въ 5 шагахъ отъ канальца-заливца, соединеннаго съ проливомъ della Guidecca, въ 15 шагахъ отъ галлереи или портика, окружающаго пьяццу di san Marco. Войдемъ подъ этотъ портикъ и сквозь арки его видимъ передъ собою соборъ св. Марка, великолѣпной Греческой архитектуры, далѣе съ боку башню Марковскую, изъ за нея кусочекъ del Palazzo dei Doggi и по обѣимъ сторонамъ во всю длину площади огромное зданіе въ три яруса надъ портикомъ. Площадь, какъ и вся Венеція, выложена правильно и красиво огромными квадратами камня, и на ней у портиковъ столы съ апельсинами, лимонами, яблоками, пряниками; а подъ портиками лавки, кофейни, канцеляріи адвокатовъ и т. п.,—и таскотня, шумъ по площади и подъ портиками безъ конца отъ ранняго рана до полуночи. На право отъ piazza за башней идетъ piazetta; съ одной стороны ея дожевъ palazzo, съ другой продолженіе зданія съ портикомъ—королевскій дворецъ, съ третьей — canale della Guidecca, т. е. море и гавань съ кораблями, и по берегу лавочки, а у берега гондолы. Далѣе на лѣво мимо дожева palazzo идетъ Славянское побережье—Riva dei Schiavoni, широкое, широкошумное, съ лавками и лавочками разнаго рода, съ кофейнями для простаго народа, съ балаганами дикихъ звѣрей и т. д. На сѣверъ площади св. Марка глубь города Венеціи и въ рединѣ Ponte Rialto, обстроенный лавочками, чудо-прочной, но и ничѣмъ болѣе не замѣчательной самъ по себѣ. Онъ перекинутъ смѣлой дугою черезъ Canale Grande, перерѣзывающій весь городъ неправильною буквою s. Отъ этого канала идутъ въ городъ по всѣмъ направленіямъ канальцы, узкіе какъ Нѣмецкія улички. Улички и сухопутныя есть, и по нимъ можно выходить всю Венецію но въ трое медленнѣе; а кругомъ всей Венеціи всетаки вода. Однако, что же я! Разсказываю вамъ о Венеціи, какъ будто житель Венеціи, а вы еще не знаете, кто эти Ивановичи, которые на 4-й день послѣ пріѣзда въ этотъ городъ уже скучаютъ, не зная что дѣлать. Эти два

4*

Ивановича—Петръ Ивановичъ Прейсъ и Измаилъ Ивановичъ—вашъ покорный слуга: не путешествовали вмѣстѣ по Славянскимъ землямъ, такъ поѣхали вмѣстѣ въ Венецію. Какъ случилось это, разсказать и трудно и легко. Трудно, потому что это соединено съ путешествіемъ Княжевича и Надеждина по Италіи и съ предположеніемъ ихъ и нашимъ путешествовать по Далмаціи; а легко, потому что—слушайте только: въ пятницу вечеромъ 8 мая пріѣзжаю я въ Тріестъ, останавливаюсь въ Locanda grande, спрашиваю книгу пріѣзжихъ, ищу именъ Прейса, Княжевича, Надеждина, нахожу Прейса подъ бокомъ, дверь обо дверь, лечу къ нему, болтаемъ за полночь, на другой день начинаемъ шляться по Тріесту, шляемся и наконецъ я подъѣзжаю къ Прейсу съ вопросикомъ: не прокатиться ли намъ въ Венецію? Онъ было туда-сюда; но побѣда осталась на моей сторонѣ; мы взяли мѣста на пароходѣ, въ половинѣ 10-го вечеромъ взошли на палубу, въ десять отчалили отъ берега, а въ 7 утра увидѣли передъ собою Венецію. Вотъ мы и въ Венеціи. Искали тутъ Княжевича и Надеждина, но не нашли, хоть они и пріѣхали за день прежде насъ, и выѣхали только въ понедѣльникъ. До вечера понедѣльника мы не успѣли распорядиться осмотрѣть Венецію, пароходъ ходитъ между Венеціей и Тріестомъ черезъ день, и мы остались въ Венеціи до сегодня, т. е. до середы. Письмо я началъ утромъ, и тогда мы сказали другъ другу: «четырехъ дней для Венеціи много». Теперь уже скоро пять, и я опять пишу, а Прейсъ, возлегши на нашу постелище, скукою лечится отъ скуки. «Изъ кожи лѣзу!» говоритъ, и вздыхаетъ. Двухъ дней для Венеціи довольно,—именно воскресенья и понедѣльника. Въ воскресенье прямо съ парохода въ церковь Марка, и, осмотрѣвши ее, взять гондолу и поѣхать по церквамъ изъ церкви въ церковь цѣлой день; на другой день въ дожевъ палаццо, академію художествъ, арсеналъ, нѣсколько частныхъ палацдовъ, королев. дворецъ, и вечеромъ останется еще время для прогулки по Riva dei Schiavoni и въ садъ.

Пароходъ Софія.

Вотъ мы и на пароходѣ, и уже утро. Солнце играетъ, вѣтеръ дуетъ, море волнуется, пароходъ колышется, какъ дѣтская колыбель. Если такъ колышется и корабль въ морѣ, если даже вдвое болѣе, то я способенъ къ переѣздамъ морскимъ, по крайней мѣрѣ короткимъ. Я улегся въ свой ящикъ и выспался прекрасно.

Тріестъ. 15 Мая.

Мы думали, желали найдти Княжевича и Надеждина въ Венеціи, и они были въ ней въ одно время съ нами, но мы узнали объ этомъ уже тогда, когда они уѣхали,—пріѣхавши сюда, прямо къ нимъ. У насъ было намѣ-

реніе ѣхать по Далмаціи вмѣстѣ всѣмъ; но оно оказалось невозможнымъ: они спѣшатъ, а намъ лучше и не быть, нежели спѣшить. Они ждали насъ, и мы проводили ихъ. Въ Тріестѣ я получилъ деньги, но Прейсъ еще нѣтъ, а дѣла довольно у обоихъ,—и мы рѣшились остаться тутъ на недѣльку. Въ слѣдствіе этого пріискали себѣ квартиру, и живемъ братски, не отступая ни на шагъ отъ условій однообразной жизни: пьемъ и ѣдимъ одно и тоже, выходимъ и приходимъ вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, все вмѣстѣ, и постоянно веселы. Я предоброй человѣкъ, онъ тоже, безъ претензій оба, и даже еще не спорили. Прилежаніе наше немножко лѣниво по причинѣ желанія поболтать другъ съ другомъ; но это же болтаніе и возбуждаетъ прилежаніе. Квартира у насъ—2 прекрасныя комнаты на Contrada del Canale grande, съ видомъ на множество мачтъ, изъ-за которыхъ видно море; платимъ въ день 1 флоринъ, т. е. $66^{2}/_{3}$ коп. сереб.

Надобно же досказать о Венеціи. Площадь св. Марка съ тѣмъ, что на ней,—одно, а городъ—совершенно другое. Площадь сама чудесна; кругомъ—превосходныя зданія, и особенно церковь и дожевъ палаццо, въ виду—море; все одушевлено, кипитъ жизнію. Въ 20 шагахъ отъ площади тѣсныя улички, такъ тѣсныя, что изъ окна въ окно черезъ улицу можно пожимать другъ другу руку и что угодно, грязные канальцы, нечистые или запустѣлые домы. Глядя съ башни, видимъ подъ ногами площадь, и далѣе громаду крышъ—ничего болѣе, плоскихъ, бѣло-красноватыхъ черепичныхъ, большею частію старыхъ, худо сложенныхъ съ огромными трубами въ родѣ вазъ. На площади Марка весело, а сойдешь съ нея—становится очень грустно. И такъ—на площадь. Въ церковь: она вся и снаружи и внутри выложена гранитомъ, мраморомъ и т. д., на полу мраморъ узоромъ, на сводахъ превосходная мозаика, а гдѣ нѣтъ мрамора и мозаики, тамъ или золото или живопись лучшихъ художниковъ. Церковь велика, высока и величественна, еще болѣе оригинальна, особенно для того, кто не знаетъ или давно не видалъ нашихъ православныхъ церквей. Дожевъ палаццо стоитъ рядомъ съ нею ближе къ морю. Дивная архитектура: два яруса портика одинъ надъ другимъ и потомъ пять оконъ по фасаду съ одной и пять съ другой стороны, можете представить какихъ огромныхъ оконъ; портики темнаго цвѣта, верхній ярусъ желтовато розоваго, и камни расположены узоромъ. Что внутри—надобно своими глазами видѣть. Особенно изумительна большая зала—sala del maggior Consiglio, огромная и вся кругомъ въ картинахъ лучшихъ художниковъ, полъ—мозаика. Теперь въ ней библіотека. Всѣ другія залы также богаты, только меньше. Въ этомъ дворцѣ никогда никто не жилъ, а были правительств. мѣста. У каждаго дожа былъ свой собственный дворецъ. Этихъ дворцовъ и дворцовъ другихъ вельможъ по Венеціи всюду разсѣяно множество; но жалко взглянуть на нихъ: ободранные, испачканные,

одичавшіе. Стоятъ они, какъ нищіе по смерти богача, ихъ кормившаго.— Церквей въ Венеціи множество, и много прекрасныхъ. Особенно мнѣ понравилась іезуитская: внутри она выложена розоватымъ мраморомъ, и по этому мрамору вдѣланы всюду узоры другимъ черноватымъ мраморомъ, а у алтаря разосланъ мраморный зеленоватый коверъ съ желтыми цвѣтами; работа нѣжная, бархатная. Извнѣ церкви почти всѣ на нашъ образецъ, только безъ нашихъ золотыхъ главъ. Архитектура частныхъ домовъ въ Венеціи отличается множествомъ оконъ, отдѣленныхъ одно отъ другого узенькими колоннами, и украшенными каменною рѣзною работою. У многихъ домовъ нѣтъ другихъ подъѣздовъ, кромѣ какъ съ канала: гондола останавливается,—и шагъ съ гондолы, а другой уже въ сѣняхъ. Между дворцами я посѣтилъ Барбариго и Манфринъ; у Барбариго есть между прочимъ Магдалина Тиціана въ портрет. видѣ,—плачетъ и заставляетъ плакать. И вообще картинъ, картинъ страшное множество всюду. Академія художествъ въ этомъ отношеніи бѣднѣе всего. Были и въ Арсеналѣ, гдѣ между прочимъ хранится модель Бучинторо, на которомъ выѣзжалъ дожъ вѣнчаться съ моремъ: онъ весь былъ позолоченный. Въ Воскресенье мы были въ двухъ театрахъ: Малибранъ—народный театръ, начинается въ 5, оканчивается въ 8-мъ, слѣд. при свѣтѣ дня; народу было множество и крикъ до поднятія занавѣса и при вызовѣ актеровъ такъ былъ ужасенъ, что надобно его слышать, что-бы повѣрить; костюмы публики тоже чудо: кто въ жилетѣ, кто въ одной сорочкѣ съ растегнутою грудью, кто босой,—и разносятъ апельсины, яблоки, воду, водку—какъ въ кабакѣ. Другой театръ —Fenice; но въ немъ не играютъ. Третій—Apollo, и въ немъ давали Норму: примадонна Годжи играла прекрасно. Четвертый театръ—Gallo. Въ немъ мы были во вторникъ, давали Весталку Меркаданте: шумная крикливая опера, то усыплявшая, то будившая Прейса. Въ этихъ театрахъ занавѣсъ поднимается въ 10-мъ часу, и игра продолжается до ½ 12-го. Понятно, что жизнь Венеціанская иначе, нежели у насъ: встаютъ поздно, завтракаютъ въ 11, обѣдаютъ въ 4—5, пьютъ кофе до 10 и долѣе, ложатся спать безъ ужина. Садовъ въ Венеціи не имѣется; есть кое-гдѣ аршинные садочки, есть такіе же кое-гдѣ на крышахъ; а публичной садъ, основанный Наполеономъ, вдвое меньше Робертинскаго [1]).—Что-же еще?—Право не вспомню, и перехожу къ отъѣзду (о Савѣ Шумѣ, православномъ христіанинѣ, о кралевичѣ-епископѣ разскажу дома).

Передъ отъѣздомъ спрашиваемъ conto—щетъ въ гостинницѣ: подаютъ. Мы жили 4 дня, три раза завтракали, два раза обѣдали, три раза ѣли котлеты,—и за это должны были заплатить—какъ бы вы думали, сколько? 12 флориновъ = 30 руб. асс. У меня чуть не стали волосы дыбомъ; но все таки надо было расплатиться. Вышли изъ комнаты—и пошли подаванья

---

[1]) *При пансіонѣ* де-Роберти въ Харьковѣ.

рукъ: одинъ чистилъ платье, другой сапоги, третій мелъ комнату, четвертый ходилъ въ полицію съ паспортами, пятый прислуживалъ при столѣ, шестой подавалъ ключь, когда мы приходили домой. Осердясь на Венецію, мы сѣли на пароходъ. «Нѣтъ, матушка, не воротимся къ тебѣ»! повторяли мы. И конечно: каждому изъ насъ стоила поѣздка въ Венецію по 70 рублей. А какъ-бы то ни было, о Венеціи нельзя имѣть понятія, не бывши въ ней лично. Картины Каналетто, которыя видѣлъ я въ Дрезденѣ и Вѣнѣ, становятся справедливыми только тогда, когда глядишь на нихъ, уже видѣвши Венецію. Искали Славянскаго—ничего не нашли.

Теперь, какъ вы знаете, мы въ Тріестѣ. Консульство наше съ нами очень вѣжливо и мило, само размѣняло мнѣ деньги, дало визо на путешествіе въ Черногорію, даже пріискало барку, на которой можемъ ѣхать въ Ровиньо. Изъ сего усматриваете вы, милая маменька, что мы хотимъ въ Истрію, Далмацію и Черную гору. Хотѣлось бы; а какъ будетъ, Богъ знаетъ. Это письмо отправлю отсюда, а въ Рагузѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо и пошлю вамъ слѣдующее.

17-го Мая.

Тріестъ—прекрасной городъ. Онъ стоитъ на маленьк. полуостровѣ внизу подъ горами. Подъѣзжая къ нему отъ Любляны, останавливаешься у памятника, и въ одно мгновеніе видишь передъ собою море, съ одной стороны берега твердой земли, съ другой берега Истріи, а внизу подъ ногами, какъ рисунокъ, какъ планъ, этотъ городъ. Картина ни съ чѣмъ не сравнимая. Съ чѣмъ нельзя свыкнуться, свыкся и я съ моремъ; а всетаки не могу вспомнить безъ наслажденія о видѣ со святаго Петра (гостинница у памятника). Въѣхавши въ городъ, не знаешь, на чемъ остановиться глазами: улицы по струнѣ, домы огромные, прекрасной архитектуры, дѣятельность безъ конца, разнообразіе костюмовъ, прелестные личики,—богатые магазины, и т. д. и т. д. Какіе домы тутъ строятъ,—довольно вспомнить, что недавно отстроенное Locandajo для проѣзжающихъ стоило 600,000 флориновъ = 1.500,000 руб. ас. Языкъ господствующій—Итальянскій. Съ Нѣмецкимъ уѣдешь не далеко.—Мы живемъ такъ: встаемъ въ 7 и пьемъ кофе; потомъ занимаемся—отчетами, напишемъ страничку, да и читать одинъ другому; въ часъ идемъ обѣдать (супъ да жаркое—на 20 коп. сер. съ души); и опять домой; въ сумерки идемъ въ кофейню, изъ кофейни гулять, и опять домой или въ театръ Итальянскій. Тутъ труппа Вестри, и самъ Вестри изумительной комикъ, управляющій лицомъ, какъ живописецъ кистью. Театръ начинается въ 8½, и слѣдовательно послѣ театра прямо спать, а если не идемъ въ театръ, то домой и занимаемся или болтаемъ до 11, 12 и позже.

Въ Харьковѣ ли вы, милая маменька, или въ Кіевѣ? Пишите ко мнѣ въ Аграмъ на имя Гая. Мнѣ уже грустно, что не получаю долго писемъ: самъ виноватъ, дурно распорядился.

Кланяйтесь знакомымъ и друзьямъ. Цѣлую васъ и брата.

И. Ср.

И здѣсь искалъ для Авросія Лукьяновича [1]) книгъ, но ничего не нашелъ.

LIII.

№ 43. Сень. 1841. 16 Іюня.

Мы пріѣхали сюда третьяго дни; а передъ этимъ три дни провели на островѣ Кркѣ (Веліи). На островъ мы переправились изъ Кралевицы (Porto Re) къ Возу—часа въ 2 или $2^1/_2$. Подъ говоръ весельщиковъ я заснулъ и проспалъ почти всю дорогу; подъ колыханье лодки съ волны на волну сонъ очень хорошъ. Возъ—двѣ хижины, гдѣ мы не нашли не только лошадей, но и человѣка, который бы насъ провелъ въ Омишаль (Castel Muschio). Мы думали уже, что придется самимъ тащить наши сумки; но весельщики были такъ добры, что предложили намъ свои услуги. Этотъ переходъ, все въ гору и по камнямъ, далъ намъ очень непріятное понятіе объ островѣ: жарко, ногамъ больно, а ни травки, ни тѣни. Въ Омишалѣ мы имѣли рекомендательное письмо къ попу, и остановились у него, съ нимъ ходили къ вечерни (Глаголической,—пѣніе очень похоже на наше монастырское), на развалины стараго замка, на бельведеръ (такъ называется скала, стѣною стоящая надъ маленькимъ заливомъ, съ которой прекрасной видъ на море и твердую землю) и пр. Омишаль—жалкой городокъ, гдѣ очень трудно отличить, что дворъ, а что улица, и все грязно, бѣдно. У попа домъ вотъ какъ расположенъ: прямо изъ узенькихъ воротъ поднимаемся на крыльцо, такъ что все нижнее отдѣленіе дома занято виннымъ погребомъ (вина тутъ чуть ли не больше нежели воды); въ серединѣ большаго крыльца цистерна; двери на право въ отдѣленіе тетки попа; двери прямо къ попу, и первая съ подворья комната—кухня съ Итальян. очагомъ и посудою по стѣнамъ; изъ нея на лѣво вновь пристроенная комната, гдѣ мы ужинали и чай пили, и гдѣ между прочимъ на столѣ и лошадиные приборы, и даже назначено мѣсто для печи; на право комната въ родѣ чулана съ сундуками, съ пшеничкою на потолкѣ, съ кроватью молоденькой кухарки, съ лестницею на верхъ; вверху три комнаты, изъ которыхъ въ одной спитъ попъ, въ другой спали мы, а

---

[1]) Метлинскій.

въ третьей книги, кажется, вѣчно спящія. Домъ хоть и каменный (какъ и всѣ), но (какъ и всѣ) такъ легко построенный, что отъ вольныхъ шаговъ по комнатѣ все въ домѣ трясется. На другой день мы пошли въ городъ Крkъ по острову, и шли 5 часовъ. Дорога хоть и большая, но запущенная, твердокаменная, несносная. По дорогѣ деревень очень мало, полей и садовъ довольно, лѣсовъ также видно много, но молодыхъ. Если бы не виноградъ, смоквы, оливы, лавръ, то можно бы подумать, что идешь по какой нибудь Новой Землѣ. Крkъ—городокъ приморской, маленькой, съ тѣсными уличками, очень похожій на закоулокъ Венеціи, и Венец. льва встрѣчаешь довольно часто. Уѣздный судья (podestá) принялъ насъ ласково, далъ квартиру и сдѣлалъ все, что могъ. Не далеко отъ Крка въ заливѣ лежитъ островокъ Кошмонъ (Cassione), и на немъ монастырь, окруженный вѣчнозеленымъ лавровымъ садомъ. Видъ островка не дуренъ, но въ монастырѣ мы не нашли для себя ничего. Изъ Крка города мы пошли по острову на востокъ. Опять тяжелая дорога, особенно сначала, пока взобрались на гору Тресковецъ; а когда начали опускаться въ долину, по которой течетъ потокъ Рѣка,—грязь и вода, и все разрушеніе. Вчера передъ тѣмъ шелъ ужасный дождь, размылъ дорогу, поля, потопилъ воловъ и козъ, вырвалъ съ корнемъ нѣсколько осинъ, разломалъ мосты, словомъ представилъ намъ такое же зрѣлище предъ очи, какъ помните, въ Ундинѣ. Такой сильной воды не помнятъ и старики: два часа не было прохода. Къ вечеру пришли мы въ Башку (Besca), и по рекомендательному письму обратились къ уѣздному судьѣ (волост. голова), но его не могли найдти. Не зная, что дѣлать, мы стали спрашивать, гдѣ-бы могли переночевать. Идетъ попъ, мы къ нему,—и онъ повелъ насъ къ себѣ, далъ комнату, накормилъ, и пр. Онъ былъ когда-то стихотворцемъ, и, хоть старикъ, но съ такимъ жаромъ читалъ намъ наизусть свои творенія, что отъ смѣху едва было можно удерживаться. На другое утро въ 5 часовъ постучался онъ и сказалъ, что барка ждетъ. И мы поѣхали въ Сень. До Сени оттуда только 2 часа, но если море не спокойно, то можно и 5 часовъ остаться на море. Такъ и случилось: отъѣхали съ полчаса, и море разыгралось; барка обернула на право, и пристала къ каменистому загорью. Барочники стали печь себѣ локарду (рыбу на золѣ). Мы думали, думали да и давай себѣ тоже варить кофе (мы съ запасомъ); воды насилу достали и то дурной, но кофе былъ не дуренъ. А потомъ поѣхали, и я—спать. Въ 11-ть пристали къ берегу.

Знакомства наши тутъ—православный попъ, и нѣсколько православ. купцовъ. Вчера обѣдали у епископа католическаго Ожеговича, и приняты имъ съ подобаемою честію. Онъ настоящій славянинъ, и хоть старъ, но свѣжъ, моложавъ, веселъ; а обѣдъ былъ чудесной.

Какъ пойдетъ нашъ путь далѣе, не знаемъ, а
съ-утра чемо преко Велебита.
(завтра хочемъ за Велебитъ-горы).

Carlopago. 21 Іюня.

По мѣстамъ этимъ путешествовать вовсе не дешево: за коляску отъ Сени до Берлога, 4 часа ѣзды, мы заплатили 7 гульденовъ (безъ малаго 4½ руб. сереб.), за переноску вещей отъ Берлога до Оточаца (2 часа или 3)—два двугривенныхъ, за телѣгу отъ Оточца до Госпича (7—8 часовъ)—4 гульдена, за такую же отъ Госпича сюда—тоже 4 гульдена (7 часовъ). Страна впрочемъ по ту сторону Велебита прекрасная; горы по одну, горы и по другую сторону, а въ серединѣ роскошныя долины; горы большею частію покрыты лѣсомъ; въ долинахъ поля, луга, рощи, разбросанные домики деревень всѣ подъ тѣнію ясеней, яворовъ, липъ; вдоль по дорогѣ тоже очень часто густая тѣнь. И вся эта земля—Военная Граница. Почти каждый изъ мужиковъ былъ солдатомъ; солдатъ встрѣчаешь на каждомъ шагу; а граница турецкая, хоть и далеко, верстахъ въ 70, но все заставляетъ думать, что она въ 5—6 верстахъ: по вершинамъ горъ и холмовъ стоятъ такъ называемые паноси, т. е. шесты, обвитые соломой, которая, если бы случилось на границѣ какое-нибудь беспокойство, зажигается, и вѣсть о безпокойствѣ переносится въ короткое время по цѣлой землѣ до моря; у каждаго хозяина есть свое клепало, въ которое бьютъ тревогу; кое-гдѣ по дорогамъ пикеты; по самой границѣ всегдашній кордонъ, и граничаръ, идущій на кордонъ беретъ запасъ хлѣбной съ собою. Народъ довольно бѣденъ; домики маленькіе, деревянные, курные, нечистые; только офицеры и сержанты живутъ хорошо. Въ Берлогѣ мы заѣхали къ православному попу: нельзя было не изумиться, глядя на его домашнюю одежду: синія военныя панталоны, опанки, синій прслукъ (куртка безъ рукавовъ), а на головѣ красная капа (въ родѣ колпака, какую тутъ носятъ и мужчины и женщины): онъ сидѣлъ у очага, и варилъ паленту. Въ Оточцѣ мы ночевали: это полковой городокъ, разметанной по долинѣ. Госпичь—тоже полковой городокъ, похожій на Оточацъ. Дорога изъ Госпича сюда, можно сказать, страшная: она идетъ черезъ Велебитъ. Эти горы тянутся черезъ всю Далмацію къ Балканамъ и, какъ въ Сени такъ и здѣсь, круто спускаются къ морю. Вчера мы опускались 2½ часа. Сторона горъ къ морю дика, безъ зелени, скалиста, а дорога иногда и очень крута, не смотря на то что вьется сама подъ себя. О видѣ съ горы я не говорю: ко всему можно привыкнуть, равно и къ такимъ видамъ, какъ отъ св. Петра въ Тріестѣ, съ Учки въ Истріи, съ Велебита у

Сени, съ Велебита здѣсь, но все они прекрасны. Тутъ видишь подъ ногами чудной формы островъ Паго, далѣе море, по которому разсѣяно множество другихъ островов, большихъ и маленькихъ, и далѣе чистое море, отдѣляющееся отъ неба тоненькою, едва замѣтною голубоватою полоскою. Солнце шло къ закату, и покрыло часть моря золотомъ, на которое глядѣть также трудно, какъ на самое солнце.

Пагъ. 23-е.

Съ письмомъ къ протопопу Пажскому, сѣли мы вчера на барку (т. е. лодочку) и поѣхали на островъ Пагъ. Переѣзду черезъ проливъ Морлацкій— одинъ часъ по вѣтру (послѣ обѣда обыкновенно дуетъ tramontana съ З. на В.) и полтора часа по заливу, окружаемому островомъ Пагомъ. Пристали къ городу Пагу и пошла возня: сначала въ претуру—показать паспорты, потомъ въ таможню—показать вещи, потомъ къ священнику—просить ночлега. Священникъ не былъ дома, поѣхалъ куда-то на прогулку по морю, и его надобно было ждать до 10-ти часовъ вечера. Онъ пріѣхалъ и оказался предобрымъ, преласковымъ старикомъ. До этого времени мы осмотрѣли городокъ: онъ лучше Carlopago, весь окруженъ стѣною и имѣетъ богатые солины— единственную надежду жителей на нынѣшній годъ, потому что хлѣба сгорѣли, а виноградъ побитъ градомъ. Въ городѣ все напоминаетъ о Венеціи, какъ и всюду, гдѣ была власть Венеціянъ: Венеціянскій левъ на стѣнахъ, архитектура домовъ та же, что и въ Венеціи, и самое нарѣчіе господствующее не Нѣмецкое, а Итальянское.

Нинъ (Nona). 23-е Іюня.

Изъ Пага въ Павіано (Павляна). Попъ соверш. мужикъ, добр. человѣкъ. Прутна. Отсюда переправа съ острова Пага въ Далмацію. Ла́джя: $^{3}/_{4}$ часа до Привлаки (Brevilaqua). До Нина $^{5}/_{4}$ часа пѣшкомъ. Епископъ. Знамена. Коло. Стрѣльба изъ ружей. Глупой разговоръ съ парохомъ: l'antiquità e maestro. Петръ Ивановичъ и воспоминаніе о Венеціи. Спальня съ разбитыми стеклами. Чай и коноплійка. Огни Ивановы... Спать хочется, или по крайней мѣрѣ нужно лечь.

Задръ (Zara). 24-е Іюня.

Прошлую ночь мы ночевали въ Нинѣ (Nona). Легли довольно рано, усталые думали прекрасно заснуть,—не тутъ-то было: мы легли, а блохи встали и пошли таскаться по насъ. До полуночи я валялся; наконецъ не стало мочи, я вскочилъ, читалъ, писалъ, всѣми силами старался забыть о

блохахъ, но блохи не забывали меня и кусали безпощадно. Петръ Ивановичъ ворочался еще часа два, бился о перину, какъ рыба объ ледъ, и наконецъ тоже вскочилъ. И вотъ такъ мы провели ночь, такъ встрѣтили восхожденіе солнца,—и въ пять искусанные и все еще кусаемые блохами отправились въ Зару. Тутъ, кажется, немного лучше: мы спали отъ 11-ти до 2-хъ и не слышали блохъ, а теперь, наступилъ вечеръ и начинаются страсти. Петръ Ивановичъ объявилъ имъ открытую войну, бьетъ ихъ безъ пощады; но проклятыя не унимаются. Здѣшнихъ блохъ съ нашими блохами и сравнивать невозможно: кусаются мучительно больно,—и теперь все наше тѣло покрыто будто сыпью, будто ранами. Кромѣ замѣтныхъ блохъ должны быть тутъ еще какіе-нибудь звѣрки крошечные, едва ли замѣтные для человѣческаго глаза, и они, кажется, въѣдаются въ кожу. Прибавьте къ этому жаръ безъ вѣтра, душной, вялящій жаръ, и можете представить, что нашему брату, сѣверянину, тутъ доходитъ чуть не до слезъ. О Задрѣ завтра, а сегодня попробую заснуть.

28-е Іюня.

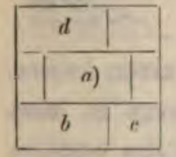
И мы все еще въ Задрѣ. Заняты? Лѣнивы. Захворали? И то нѣтъ хоть блохи мучатъ насъ, какъ преступниковъ. Сами не знаемъ, для чего живемъ. Пришедши въ Задръ мы встрѣтились съ православнымъ и богатымъ купцомъ Медовичемъ: это было наше первое знакомство; другое—православный попъ. Стали потомъ искать католическихъ знакомствъ: ходили къ одному, другому, третьему, разъ, два, четыре, пять разъ,—и никого не видали: то спятъ, то гуляютъ, то ѣдятъ, то Богъ знаетъ гдѣ. Стороной только узнали, что особенно любопытнаго ничего нѣтъ,—и потому ѣдемъ. Я одно только доброе дѣло и сдѣлалъ: съѣздилъ на островъ Углянъ, и провелъ тамъ, то есть въ пѣшешествіи и въ корчмахъ цѣлой день.—Надобно сказать вамъ по крайней мѣрѣ о наружности Задра, котораго улицы и переулочки мы исходили порядкомъ. Задръ стоитъ на полуостровѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ крѣпостной стѣной, имѣетъ улички очень узенькія, но довольно прямыя и кое-гдѣ прекрасно выстланныя мраморомъ, архитектурою домовъ и львами на стѣнахъ и старыхъ зданіяхъ напоминаетъ о Венеціи, имѣетъ 11 церквей, много монастырей, много поповъ и монаховъ, много солдатъ, много неумѣющихъ, или нехотящихъ говорить иначе какъ по Итальянски Венец. нарѣчіемъ, и ни одной души, понимающей что нибудь о Славянствѣ, ни одного хорошенькаго личика, привлекаетъ къ себѣ множество Далматинцевъ изъ разныхъ сторонъ, одѣтыхъ въ красное съ синимъ, съ усами и косами, молодцовъ, составляющихъ противоположность съ истощалыми статурами собственныхъ Задрянъ.

(Углянъ: переѣздъ туда вечеромъ подъ луной—2½ часа по морю. Мо-

настырь и патеръ Гауденціо. Куħа Медовича, пѣсни, кофе, вино, сыръ. Переходъ въ Лукорано: островъ зеленѣетъ и зимой. На гору св. Михаила: развалины стѣнъ и башни, на дворѣ церковь, гдѣ разъ въ году служба. Видъ. Корчма у Лукорано: пѣсни. Санто-Мишица; попа дома нѣтъ, мать его, сынокъ (?), пѣсни и пляски около церкви. Въ Задръ: 20 минутъ по маестро на 2-хъ веслахъ и подъ парусомъ, какъ по воздуху птица).

Монастырь Крка. 30-е.

Третьяго дня послѣ обѣда мы выѣхали изъ Задра (заплативши до Кистани 7 гульд.), ночевали въ Бенковцѣ, т. е. напились кофе и въ полночь поѣхали далѣе, такъ что къ 6 часамъ утра были въ Кистани. Жары почти не позволяютъ путешествовать днемъ: отъ жару я изъ поту почти не выхожу. Въ Кистани положили на коня нашу робу и пошли въ монастырь. Игуменъ встрѣтилъ насъ ласково и гостепріимно, поитъ, кормитъ, угождаетъ. Онъ молодой, образованной человѣкъ. Въ монастырѣ много Слав. рукописей, и Петръ Ивановичъ въ своей тарелкѣ. Монастырь лежитъ въ глубокой долинѣ, между стремнистыми горами, обросшими лѣсомъ. Около монастыря луга, по которымъ поросли деревья, въ нѣсколькихъ шагахъ рѣка Крка. Мѣстоположеніе оригинальное и прекрасное. Самъ монастырь очень малъ: монаховъ на лицѣ только два: одинъ—старикъ, другой—молодой; другіе—священствуютъ въ разныхъ приходахъ.



a) дворъ устланный мраморомъ и окруженной галлереей. b) церковь. c) трапеза. d) игуменъ.

Дернишъ. 2-е Іюля.

Тутъ мы приняты у купца Міовича, точно какъ дома. Сегодня послѣ обѣда мнѣ подвели коня и я поѣхалъ въ Коссово поле; до церкви (православной) Петра я ѣхалъ одинъ, только спереди меня бѣжалъ мальчишка; а тутъ, напившись у священника кофе, я поѣхалъ съ нимъ далѣе. Природа превосходная: горы, долины, зелень и все. Православныхъ тутъ въ Далмаціи 73,000; но церкви маленькія, бѣдненькія,—и вообще ихъ тутъ притѣсняютъ. Хотѣли и хотятъ обратить къ уніатству; сажаютъ даже въ темницы за твердость къ вѣрѣ. Отецъ Стефанъ Дернишскій, не смотря на все это, твердо стоитъ за свою вѣру, и убѣждаетъ народъ не колебаться.

Ивановича—Петръ Ивановичъ Прейсъ и Измаилъ Ивановичъ—вашъ покорный слуга: не путешествовали вмѣстѣ по Славянскимъ землямъ, такъ поѣхали вмѣстѣ въ Венецію. Какъ случилось это, разсказать и трудно и легко. Трудно, потому что это соединено съ путешествіемъ Княжевича и Надеждина по Италіи и съ предположеніемъ ихъ и нашимъ путешествовать по Далмаціи; а легко, потому что—слушайте только: въ пятницу вечеромъ 8 мая пріѣзжаю я въ Тріестъ, останавливаюсь въ Locanda grande, спрашиваю книгу пріѣзжихъ, ищу именъ Прейса, Княжевича, Надеждина, нахожу Прейса подъ бокомъ, дверь обо дверь, лечу къ нему, болтаемъ за полночь, на другой день начинаемъ шляться по Тріесту, шляемся и наконецъ я подъѣзжаю къ Прейсу съ вопросикомъ: не прокатиться ли намъ въ Венецію? Онъ было туда-сюда; но побѣда осталась на моей сторонѣ; мы взяли мѣста на пароходѣ, въ половинѣ 10-го вечеромъ взошли на палубу, въ десять отчалили отъ берега, а въ 7 утра увидѣли передъ собою Венецію. Вотъ мы и въ Венеціи. Искали тутъ Княжевича и Надеждина, но не нашли, хоть они и пріѣхали за день прежде насъ, и выѣхали только въ понедѣльникъ. До вечера понедѣльника мы не успѣли распорядиться осмотрѣть Венецію, пароходъ ходитъ между Венеціей и Тріестомъ черезъ день, и мы остались въ Венеціи до сегодня, т. е. до середы. Письмо я началъ утромъ, и тогда мы сказали другъ другу: «четырехъ дней для Венеціи много». Теперь уже скоро пять, и я опять пишу, а Прейсъ, возлегши на нашу постелище, скукою лечится отъ скуки. «Изъ кожи лѣзу!» говоритъ, и вздыхаетъ. Двухъ дней для Венеціи довольно,—именно воскресенья и понедѣльника. Въ воскресенье прямо съ парохода въ церковь Марка, и, осмотрѣвши ее, взять гондолу и поѣхать по церквамъ изъ церкви въ церковь цѣлой день; на другой день въ дожевъ палаццо, академію художествъ, арсеналъ, нѣсколько частныхъ палаццовъ, королев. дворецъ, и вечеромъ останется еще время для прогулки по Riva dei Schiavoni и въ садъ.

Пароходъ Софія.

Вотъ мы и на пароходѣ, и уже утро. Солнце играетъ, вѣтеръ дуетъ, море волнуется, пароходъ колышется, какъ дѣтская колыбель. Если такъ колышется и корабль въ морѣ, если даже вдвое болѣе, то я способенъ къ переѣздамъ морскимъ, по крайней мѣрѣ короткимъ. Я улегся въ свой ящикъ и выспался прекрасно.

Тріестъ. 15 Мая.

Мы думали, желали найдти Княжевича и Надеждина въ Венеціи, и они были въ ней въ одно время съ нами, но мы узнали объ этомъ уже тогда, когда они уѣхали,—пріѣхавши сюда, прямо къ нимъ. У насъ было намѣ-

реніе ѣхать по Далмаціи вмѣстѣ всѣмъ; но оно оказалось невозможнымъ: они спѣшатъ, а намъ лучше и не быть, нежели спѣшить. Они ждали насъ, и мы проводили ихъ. Въ Тріестѣ я получилъ деньги, но Прейсъ еще нѣтъ, а дѣла довольно у обоихъ,—и мы рѣшились остаться тутъ на недѣльку. Въ слѣдствіе этого пріискали себѣ квартиру, и живемъ братски, не отступая ни на шагъ отъ условій однообразной жизни: пьемъ и ѣдимъ одно и тоже, выходимъ и приходимъ вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, все вмѣстѣ, и постоянно веселы. Я предоброй человѣкъ, онъ тоже, безъ претензій оба, и даже еще не спорили. Прилежаніе наше немножко лѣниво по причинѣ желанія поболтать другъ съ другомъ; но это же болтаніе и возбуждаетъ прилежаніе. Квартира у насъ—2 прекрасныя комнаты на Contrada del Canale grande, съ видомъ на множество мачтъ, изъ-за которыхъ видно море; платимъ въ день 1 флоринъ, т. е. 66 2/3 коп. сереб.

Надобно же досказать о Венеціи. Площадь св. Марка съ тѣмъ, что на ней,—одно, а городъ—совершенно другое. Площадь сама чудесна; кругомъ—превосходныя зданія, и особенно церковь и дожевъ палаццо, въ виду—море; все одушевлено, кипитъ жизнію. Въ 20 шагахъ отъ площади тѣсныя улички, такъ тѣсныя, что изъ окна въ окно черезъ улицу можно пожимать другъ другу руку и что угодно, грязные канальцы, нечистые или запустѣлые домы. Глядя съ башни, видимъ подъ ногами площадь, и далѣе громаду крышъ—ничего болѣе, плоскихъ, бѣло-красноватыхъ черепичныхъ, большею частію старыхъ, худо сложенныхъ съ огромными трубами въ родѣ вазъ. На площади Марка весело, а сойдешь съ нея—становится очень грустно. И такъ—на площадь. Въ церковь: она вся и снаружи и внутри выложена гранитомъ, мраморомъ и т. д., на полу мраморъ узоромъ, на сводахъ превосходная мозаика, а гдѣ нѣтъ мрамора и мозаики, тамъ или золото или живопись лучшихъ художниковъ. Церковь велика, высока и величественна, еще болѣе оригинальна, особенно для того, кто не знаетъ или давно не видалъ нашихъ православныхъ церквей. Дожевъ палаццо стоитъ рядомъ съ нею ближе къ морю. Дивная архитектура: два яруса портика одинъ надъ другимъ и потомъ пять оконъ по фасаду съ одной и пять съ другой стороны, можете представить какихъ огромныхъ оконъ; портики темнаго цвѣта, верхній ярусъ желтовато розоваго, и камни расположены узоромъ. Что внутри—надобно своими глазами видѣть. Особенно изумительна большая зала—sala del maggior Consiglio, огромная и вся кругомъ въ картинахъ лучшихъ художниковъ, полъ—мозаика. Теперь въ ней библіотека. Всѣ другія залы также богаты, только меньше. Въ этомъ дворцѣ никогда никто не жилъ, а были правительств. мѣста. У каждаго дожа былъ свой собственный дворецъ. Этихъ дворцовъ и дворцовъ другихъ вельможъ по Венеціи всюду разсѣяно множество; но жалко взглянуть на нихъ: ободранные, испачканные,

О происхожденіи Корси (Куронъ).

Вопросъ о финскомъ происхожденіи древнихъ обитателей западной части нынѣшней Курляндіи, такъ наз. куронъ или куровъ, все еще остается подъ сомнѣніемъ, если не считать ихъ предками нынѣшнихъ жителей сѣвернаго побережья Курляндіи и не отожествлять съ ливами. Работы Шёгрена и Видемана относительно послѣднихъ привели къ тому безспорному заключенію, что ливонскіе ливы и нынѣшніе жители сѣвернаго побережья Курляндіи одинъ и тотъ же народъ, но только съ различными нарѣчіями. Но названные ученые простираютъ результаты своихъ изслѣдованій о ливахъ и на древнихъ куронъ, утверждая, что послѣдніе тождественны съ ливами. Это мнѣніе однако не подкрѣплено у нихъ какими-либо положительными доводами. Въ пользу этого мнѣнія можетъ говорить только отсутствіе у нихъ основательныхъ доказательствъ того, что нынѣшніе обитатели сѣвернаго побережья Курляндіи, которые несомнѣнно финскаго происхожденія, суть переселенцы изъ Ливоніи. Нельзя не согласиться съ методомъ Шегрена, которымъ онъ руководствовался въ своемъ изслѣдованіи и о которомъ онъ выражается такъ: «принимать за исходную точку наличныя и извѣстныя данныя курляндскихъ ливовъ, прослѣдить сообщенныя исторіею свидѣтельства и такимъ образомъ связать неизвѣстное (куровъ) съ извѣстными или по крайней мѣрѣ сблизить ихъ насколько возможно несравненно правильнѣе, чѣмъ опираться на неизвѣстное (куровъ) и построеннымъ на догадкахъ путемъ добираться до извѣстнаго (латышей)[1]). Однако, если, по его же словамъ, «отъ языка настоящихъ ливовъ сохранилась одна только небольшая фраза, а отъ языка куровъ и того менѣе», спрашивается, въ чемъ же будетъ состоять связующее ихъ звено? На это то звено и нѣтъ указаній въ его изслѣдованіи и, стало быть, результаты послѣдняго едва ли могутъ простираться на куронъ. Этого звена нужно было бы искать въ различныхъ аналогіяхъ, но въ изслѣдованіи повсюду уже предполагается тожественность ливовъ и куронъ и сообщенныя исторіею свидѣтельства о тѣхъ и другихъ просто приводятся рядомъ въ хронологическомъ или предметномъ порядкѣ, какъ относящіяся къ одному и тому же народу, носящему только въ различныхъ мѣстностяхъ различныя названія. Далѣе мнѣ представляется слишкомъ смѣлымъ отожествленіе ливонскихъ ливовъ

[1]) Видеманъ, Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія ливовъ, стр. 15—16.

и нынѣшнихъ обитателей сѣвернаго побережья Курляндіи лишь на основаніи сходства ихъ языка. Сходство языка можетъ свидѣтельствовать только о взаимномъ родствѣ ихъ, а не объ историческомъ тожествѣ ихъ. Историческое тожество ихъ можетъ быть доказываемо только историческими извѣстіями, а такія извѣстія относительно нынѣшнихъ обитателей сѣвернаго побережья Курляндіи, по моему мнѣнію, не говорятъ въ пользу отожествленія ихъ съ ливонскими ливами. О ливахъ въ Курляндіи, именно въ сѣверо-западной части ея, ранѣе всего мы узнаемъ только отъ писателей 16 и 17 вв. (Рюссовъ, Геннингъ, Брандисъ, Эйнгорнъ и др.), да и тѣ говорятъ преимущественно о языкѣ обитателей этого побережья, считая его ливскимъ или эстскимъ, и уже по языку заключаютъ о тожествѣ ихъ съ ливами или эстами, между тѣмъ какъ они сами и ихъ ближайшіе сосѣди-латыши и эзельцы не называютъ ихъ ливами. Слѣдовательно, представляется повидимому единственно справедливымъ считать обитателей сѣвернаго побережья Курляндіи просто родственными ливонскимъ ливамъ, а вопросъ о томъ, есть ли они потомки древнихъ куронъ или же переселились сюда изъ Ливоніи, остается открытымъ. Разъясненія или рѣшенія его нужно ожидать отъ историческихъ изысканій. Пока историческихъ данныхъ для рѣшенія его нѣтъ, изслѣдователю происхожденія куронъ остается руководствоваться тѣмъ же методомъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, т. е. отъ слѣдовъ куронъ къ самымъ куронамъ и такимъ образомъ связать неизвѣстное (куронъ) съ извѣстнымъ. Правда, слѣды эти въ большинствѣ случаевъ не могутъ быть названы извѣстными, но они пріобрѣтаютъ значительную долю извѣстности при сопоставленіи ихъ съ слѣдами несомнѣнно финскаго племени. Въ настоящей статьѣ я попытаюсь во первыхъ доказать финское происхожденіе куронъ и, насколько возможно, выяснить вопросъ объ ихъ ближайшемъ родствѣ съ какою-либо извѣстною финскою народностью и наконецъ указать на тѣ страны, гдѣ они или ихъ предки обитали до переселенія въ Курляндію. Съ этою цѣлью я проанализирую географическія названія, собственныя и нарицательныя имена, упоминаемыя въ древнихъ актахъ касательно куронъ и ихъ мѣстообиталищъ.

Разборъ мѣстныхъ географическихъ и личныхъ названій въ западной части Куроніи даетъ любопытныя указанія о народности ея древнихъ жителей. Въ 1230 году, когда здѣшніе куроны, предвидя безплодность борьбы съ рыцарями и предпочитая добровольно подчиниться римской церкви на болѣе выгодныхъ условіяхъ, покорились папскому легату Балдуину, обязуясь принять христіанство и священниковъ и снабжать ихъ десятиною хлѣба и сѣна, строить для нихъ новые дома и возобновлять старые, княземъ у нихъ былъ Lammechinus (фин. lemmiki, lemminki—любимецъ), имя котораго безъ сомнѣнія тожественно съ именемъ эпическаго героя финновъ и эстовъ Lemmin-

käinen, Lemmeküne, котораго удальство и рѣзвость воспѣвается въ народныхъ пѣсняхъ. Это имя встрѣчается и въ другихъ лифляндскихъ историческихъ актахъ, какъ напр. въ Ревелѣ между 1337—1340 годами упоминается оруженосецъ Lemmekinus (n. 925); въ другомъ актѣ упоминается нѣкій Laminge (n. 629), въ Курляндіи деревня Lammethin близь имѣнія Ливенгофа у Рижскаго залива, нѣм. Lamingen, лат. Lamins. Населенныя мѣста дѣлились также, какъ у эстовъ, эзельцевъ и финновъ, именно на области (terra), группы деревень (kilegunda [1]) и отдѣльныя деревни (villa). По одному акту (n. 103) все западное побережье Куроніи носило одно названіе Esestua (?), которое вѣроятно искажено. Во всей этой странѣ было нѣсколько областей и множество килегундъ. Области носили слѣдующія названія: Durpe (Durpes, Durpis [2]). Названіе это встрѣчается еще два раза въ другихъ частяхъ Куроніи, въ областяхъ Вредекуроніи и Бандовѣ (нынѣ нѣм. Durben, лат. Dohrbe). Вторая область называлась Sagara (Sagere)—фин. sakara, sakari — оконечность, внѣшній край, загнутая вѣтвь, дуга; эст. sagar — дверной крюкъ. Земли эти обнимали нижнее теченіе рѣки Виндавы и южнѣе по морскому побережью и потому онѣ назывались также по имени рѣки terra winda. Въ XIII в. упоминаются здѣсь слѣдующія килегунды: Targale (Targele, Thargilae, нынѣ Targeln — названіе происхожденія финскаго, а не ливскаго, ибо въ финскомъ tarha = лив. tara—засѣка, огороженное мѣсто, дворъ; «le»—падежное окончаніе на вопросъ куда; если же оно измѣненное изъ «la», то мѣстное окончаніе, Osua (Hasowe, нынѣ нѣм. Hasau, лат. uschawa) рѣка и имѣніе, ср. р. Ошва (Ашва) въ Литвѣ (? ф. usva, usma—туманъ, паръ (надъ водою). Langis (нынѣ Langseden); ср. лив. дер. Langula. Venese (нынѣ нѣм. Wensau, латыш. Wensawa); ср. уроч. Вени село Винженцы (въ Литвѣ); лив. veni—лодка; фин. wenese—въ лодку. Находится при р. Виндавѣ (у Литов. Вента).

Normis, Norme, нѣм. Nurmes, лат. Nurmis = фин. nurmi; лив. эст. nurm.— поле. Это весьма распространенное географическое названіе у финскихъ племенъ. На этомъ названіи подтверждается мнѣніе о томъ, что мѣстныя названія обыкновенно употреблялись у древнихъ куронъ въ мѣстныхъ падежахъ на вопросъ гдѣ и куда? А равно по нему ясно видно, что звуки i, e, o, и въ окончаніяхъ и въ корнѣ сплошь да рядомъ замѣняются одинъ дру-

[1]) Отожествляя куровъ съ ливами, гг. Шегренъ и Видеманъ совершенно неправильно утверждають, что обозначеніе мѣстностей посредствомъ слова «kilegunden» чисто ливское. Напротивъ о килегундахъ упоминается только у эзельцевъ и эстовъ.

[2]) Окончанія мѣстныхъ названій у куронъ по большей части представляютъ собою форму падежей сущ. именъ на вопросъ: гдѣ? куда? Падежъ на вопросъ гдѣ? въ фин. языкѣ оконч. на „s“, на вопросъ куда? на «sse». Впереди мы будемъ встрѣчать названія и въ той и другой формѣ. Изъ акта 1253 г. (n. 248) видно, что Дурбенскимъ озеромъ и *окрестными землями* владѣли куроны.

гимъ. Kiemala (Kemele, нынѣ Kihmalen)—фин. kia—черный дятелъ, ma—земля, male—обычное окончаніе дат. падежа на вопросъ куда? въ мѣстныхъ названіяхъ; ср. въ Финляндіи Kimola, Kianto=Suomussalmi и Kemi, Kemio (приходы). Pügavas—происхожденіе неизвѣстное, при томъ разъ только встрѣчается; если оно происходитъ отъ фин. püha—святой и va—вода, то было бы понятно, почему оно встрѣчается только разъ въ актѣ, говорящемъ о добровольномъ подчиненіи куронъ, тогда какъ въ послѣдующихъ актахъ, составленныхъ послѣ опустошенія и разоренія страны, оно не упоминается, вѣроятно потому, что она, какъ языческая святыня была совсѣмъ уничтожена. Sarnitus (Sarneke, нынѣ нѣм. Sarnaten, лат. Sarnates, Saraiku, Saraikes)=фин. saarni—ясень, Saarnikko, Saarnisto—ясеневый лѣсъ; лив. saarna, saarn—ясень, saarni—ясеневый. Повидимому болѣе вѣроятно объясненіе его съ финскаго языка, чѣмъ съ ливскаго. Sakke (нынѣ нѣм. Sackenhusen)—распространенное у финскихъ народовъ мѣстное названіе. Edwalia, Edwale (нынѣ нѣм. Edwahlen, лат. Ehdole)=фин. etu, G.-dun; лив. eddi—передній, переднее мѣсто (ср. на Эзелѣ Edowâlja); названіе нерѣдкое у финскихъ народовъ, но въ данной формѣ оно повидимому ближе къ финскому языку, чѣмъ къ ливскому. Aliswanges (Alswanghen)=Alis—Wanges=т. е. по ливски и фински Нижній Вангесъ (лив. alis, alli—нижній, фин. alis—внизу). Въ данной мѣстности дѣйствительно есть нѣсколько названій мѣстностей Wangen. Alostantachos=нынѣ Aloxte (прежде также Aloiste) притокъ Тебера; фин. takusta—лежащее за Алостой (фин. alosta—дно, основаніе). Замѣчательно, что здѣсь сохранился древній суффиксъ родит. падежа «n», нынѣ существующій у финновъ, но исчезнувшій у эстовъ; но къ какому изъ финскихъ нарѣчій ближе вторая половина названія «tachos» трудно рѣшить; въ фин. takusta, tausta, taus значитъ задняя сторона, наход. назади, у эстовъ tagas—позади, tagùse, Gen. отъ tagune, напр. Alutagùje, т. е. земля за Алу. Возможно, что въ XIII в. у ливовъ также употреблялась форма tagas, но это обстоятельство ничего не говоритъ въ пользу ливскаго происхожденія означеннаго мѣстнаго названія.

Восточная половина сѣверной части Куроніи у Рижскаго залива называлась Вредекуроніею (Wredecuronia). Слово это происхожденія финскаго, ибо по фински vierre-rteen—скатъ, наклонъ, берегъ; Вредекуронія будетъ означать «береговая Куронія». Въ подтвержденіе сказаннаго можно указать на упоминаемыя въ Западной Эстоніи въ XIV—XV вѣкахъ деревни Wierde, Wier и Iogenwierde (Iegewerde) (L. U. B. n. 229, 810, 825 и 1089). Древнія названія этой области, упоминаемыя въ актахъ XIII в., финскаго происхожденія. Названія главнѣйшихъ деревень слѣдующія: Rende—фин. rinta—отлогій, косой (rintomaa—косогорье); Galewalle напоминаетъ славную страну въ Финляндіи, — Kalewala, т. е. жилище Калева. Замѣчательно, что въ Литвѣ близь Мемеля въ XIV в.

упоминается antiquum castrum Kauve et Kalewiten, Kalevysten regio, т. е. область Калевидовъ, которую, полагаютъ, нужно искать между Старымъ и Новымъ Ковно на о. Виргалѣ (Script rer. Pruss. II. 88 и 559). Pedewalle (Pidewale, нынѣ нѣм. Pédwahlen, лат. Pedohle)—названіе, встрѣчающееся и въ другихъ мѣстахъ въ районѣ финскихъ племенъ. Названіе Matekule, (Matichulle, Matecul), судя по второй половинѣ слова, финскаго происхожденія, ибо въ Эстоніи и Финляндіи значительная часть мѣстныхъ географическихъ названій именно оканчивается на küla, küll,—деревня. Это названіе важно и въ томъ отношеніи, что по нему можно убѣдиться въ томъ, что звуки е, i, а обыкновенно въ актахъ замѣняютъ другъ друга, это особенно можно сказать объ а, когда имъ оканчивается финское названіе. Wane напоминаетъ имя одного ливскаго старшины и кромѣ того встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ населенныхъ финскими народностями. Въ ряду другихъ мѣстныхъ названій особеннаго вниманія заслуживаетъ названіе: Uge, Ugesse, Ugenesse, употребляемое, какъ видно, трояко. Формы эти однако правильны. Uge представляетъ именительный падежъ, а Ugesse и Ugenesse мѣстный падежъ на вопросъ: куда? Причемъ послѣдняя форма съ сохраненіемъ между корнемъ и суффиксомъ мѣстнаго падежа суффикса род. пад. «n» очень древняя и встрѣчается въ лифляндскихъ актахъ весьма рѣдко. Въ новѣйшей формѣ это названіе употребляется съ латышской приставкой zeem (нѣм. Uggunzeem или Uggenzeem, лат. Uguni), что значитъ деревня. Въ финскомъ языкѣ можно найти нѣсколько словъ, которыя можно считать одного съ нимъ корня, напр. uhe, Gen. uhen или uhku, Gen. uhun—талая вода на льду, туманъ; unhi, Gen. unhen—овца [1]. Новѣйшія названія этой мѣстности подтверждаютъ происхожденіе его отъ фин. uhe или uhku. Candowa, при рѣкѣ Абавѣ, фин. kaantuwainen—падающій. Anses (мѣст. пад.), Anse (им. пад.)—фин. ansa—силокъ, западня, встрѣчается нерѣдко въ поселеніяхъ финскихъ народностей. Нынѣ по нѣм. Anzen, по лат. Anze. Одно озеро въ Вредекуроніи носитъ наименованіе Canygerwe, эст. kaan, кур. pizaas піявка; фин. hanhi, эст. ani—гусь и jarwi—озеро, въ ливскомъ же языкѣ гусь googos, kuas, guz, озеро joora, jaara, jääru. Слѣд. и это названіе говоритъ не въ пользу ливскаго происхожденія куронъ, а финскаго. Въ области Гарріи въ Эстляндіи упоминается также въ одномъ актѣ (L.U.B. n. 1423) озеро Kanigerwe. Названіе озера и деревни въ этой же области Usme, Usma, Husmann, Usmeden (n. n. 248 и 534) по всей вѣроятности происходитъ отъ фин. usma (usva)—туманъ; дятлина сладкая (melilotus officinalis). Какъ видно, въ формѣ Husmann и Usmeden этого названія сохранился даже суффиксъ род. пад. «n» (ед. ч.), «den» (мн. ч.).

---

[1]) *Одного корня*, при совершенно разныхъ значеніяхъ словъ лат. и финск.? Вѣрнѣе сходство случайное. *Ред.*

Чѣмъ южнѣе мы подвигаемся отъ области Винды и Вредекуроніи, тѣмъ рѣже становятся финскія названія мѣстностей. Такъ, въ области Bihavelanc, простиравшейся по западному побережью къ югу отъ Винды отъ им. Сакенгофа до южной оконечности Либавскаго озера. Если самое названіе этой области можетъ быть произведено отъ финскаго püha wee lang —паденіе священной воды, то въ числѣ остальныхъ названій найдется немного финскаго происхожденія. Называлось ли первоначально Либавское озеро такъ, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ мѣстность эта представляется въ XIII вѣкѣ святилищемъ язычества; въ ней одна деревня между этимъ озеромъ и моремъ носила тогда названіе Percunencalwe, что по латышски или по литовски означаетъ «холмъ Перкуна»— очевидно названіе литовско-латышскаго происхожденія. На югъ отъ р. Бартау, впадающей въ Либавское озеро, располагалась область, которая носила священное названіе Devzare – лат. Deews-are—Божья пашня, въ которой упоминается священное озеро съ тѣмъ же названіемъ (Devzare), оставленное рыцарями въ 1253 г. нераздѣленнымъ (n. 248). Нынѣ оно называется Папенскимъ. На югъ отъ нея впадающая въ море рѣка называется еще нынѣ священною (Heiligen-Aa). Не называлась ли эта рѣка Pygavas? Здѣсь, какъ въ святилищѣ литово-латышскаго племени, было бы странно встрѣтить финскія названія, но то замѣчательно, что святыня эта находится почти на границѣ поселеній древнихъ куронъ. Очевидно, такое расположеніе населенія двухъ народностей указываетъ на насильственное вторженіе одной народности въ другую. Дѣло, вѣроятно, представляется такъ, что первоначально вторглись въ литовскія владѣнія куры, а потомъ имѣло мѣсто обратное явленіе—вторженіе латышей въ землю куронъ. И дѣйствительно, среди сплошнаго куронскаго населенія, чему доказательствомъ служатъ финскія названія ихъ поселеній, мы встрѣчаемъ уже въ XIII в. селенія латышскаго происхожденія, именно въ южныхъ частяхъ областей Бигавеланка, Винды и Бандовы, напр. Boynseme [1]) (по лат. деревня Боинъ), нынѣ нѣм. Bojen. лат. Bohju. Въ одномъ актѣ (n. 783) отъ 1338 г. она пишется Boienseme.

Во всякомъ случаѣ вторая половина этого названія латышская, и она свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ о томъ, что названіе это въ данной формѣ латышское. Притокъ Тебера въ древности носилъ названіе Alosta Aloiste, между тѣмъ въ настоящее время онъ называется у латышей Alokste; а въ Лифляндіи въ коренной латышской землѣ, въ такъ наз. Летигалліи притокъ Эвста называется Alluksne; озеро при Пебалгѣ Alokste—лат. alks—

---

1) Первая половина этого названія, вѣроятно, ливскаго происхожденія, ибо въ актахъ встрѣчается личное имя Boy, а склоняя его по фински род. пад. будетъ Boyn и въ такомъ случаѣ приведенное названіе означало-бы «деревня Боя»; ср. въ Лифляндіи назв. лат. Beijes, нѣм. Beienhof, лат. Beizeema, нѣм. Beizehm.

ольха, alksnene—ольховый, alksen—ольховникъ. Казалось-бы, что и въ Куроніи первоначальною формою названія нужно считать именно латышскую и поэтому приходится думать, что древняя куронская форма (Aloiste, Alosta) вторичная искаженная латышская. Если это предположеніе справедливо, то латышей въ предѣлахъ означенной Куроніи нужно считать аборигенами, а куронъ позднѣйшими пришельцами. Въ Бандовѣ упоминается въ 1253 году между прочимъ деревня по названію (villa, quae dicitur) «Swelgode», но по Генриху Латышскому одинъ Литовскій вождь также назывался Swelgote; на этомъ основаніи и судя по необыкновенному способу выраженія объ этой деревнѣ, можно думать, что эта деревня литово-латышскаго происхожденія. Въ актѣ 1253 г. (n. 248) упоминается въ области Bandove мѣстность Elkene, но въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ его уже съ латышскою приставкою Elkuseme, Elkeseem. Въ той же области упоминается въ 1259 г. названіе, довольно распространенное среди древнихъ финскихъ народностей, какъ относительно мѣстностей, такъ и лицъ, Pewe (pâiwa, pâew—солнце) (L. U. B. n. 343, въ актѣ n. 248 отъ 1253 г. Kewele ?=Pewele) и Adse, но столѣтіе спустя названіе Pewe (Pewele) является уже съ латышскою приставкою въ концѣ Pewenseme (n. 783 въ 1338), однако съ сохраненіемъ отличительнаго признака финскаго род. пад. («n»). Достойно вниманія, что эта деревня должна быть искома именно по близости нынѣшней деревни «Куронскіе короли» (Kurischkönige), въ которой еще недавно жили привилегированные древними грамотами крестьяне, выдававшіе себя за потомковъ древнихъ куронскихъ царей. Въ томъ же 1338 г. (n. 783) въ данной мѣстности подъ куронскимъ языкомъ (up Gursch) разумѣлся языкъ латышскій. Это видно изъ перевода названія одной рѣчки, о которой сказано: die hetet Agmenewalke up Cursch (въ копіи этого же акта отъ 1551 г. названіе это пишется нѣсколько иначе Ackmenewalke), а по лат. akmins—камень и walke—рѣчка, слѣдовательно, это названіе въ переводѣ означаетъ «каменная рѣчка» (ср. р. Акмяна, Окмяна въ Литвѣ). Другая рѣчка здѣсь же называлась Lepewaik (Lepewalken)=по лат. Липовая рѣчка. Однако въ XIV в., какъ можно судить по этому акту, сохранились здѣсь еще финскія формы въ языкѣ, именно окончаніе род. пад. множ. числа, когда обозначали жителей извѣстной деревни, напр. деревня Lipe, жители ея Lipaiten, Lipeiten, деревня Waipe, жители ея Waipsede, или земля Waipseden или граница между Iameiten и Lippaiten (ср. села и жит. Лепоите, Липоите въ Литвѣ). Такое-же окончаніе носятъ въ данной мѣстности (Bihavelanc) и многія деревни, напр. Iewaden, Zelden, Ilmede и т. п. и рѣка Nowade. Въ томъ же актѣ n. 1348 упоминается въ области Bihavelanc мѣстности Pundeken и Papundeken; послѣднее названіе, очевидно, то же, что первое, но съ приставкою въ началѣ слога «pa», а этотъ послѣдній

есть предлогъ въ латышскомъ языкѣ и значитъ въ отношеніи мѣстности: подъ.

Въ сѣверной части Куроніи, въ области Виндѣ также замѣтны перемѣны въ мѣстныхъ названіяхъ, такъ напр. къ прежнему названію Garde прибавлено mecce—фин. metsa—лѣсъ; прежнее названіе Udren теперь является съ окончаніемъ род. пад. Udrende. Недалеко отъ Gardemecce (Kardemethe) между владѣніями куронскаго епископа и ордена bis ut die Verpen, dat zu Dude (? sche) hetet ein horst, т. е. до Vepe, что на нѣмецкомъ языкѣ значитъ роща(?). По фин. virpi, G. -in, -rven—сукъ, вѣтвь; virvikki—лѣсъ съ длинными тонкими деревьями, роща (ср. въ Эстл. назв. Wirpe, Werpe, n. 98 Briefl.).

Но встрѣчаются и новыя названія съ латышскимъ элементомъ, напр., Mamesputtes (Mamespintes)—по лат. mahms putejs—нѣмой раздувальщикъ (колдунъ), а къ прежнему Sagaris прибавлено pyrksten—лат. pirkstes—тлѣющій огонь въ золѣ, pirksts—палецъ. По латышски звучитъ также названіе ближайшей мѣстности Iadeswaden.

Области и деревни, простирающіяся къ югу отъ собственно куронскихъ поселеній носятъ почти исключительно литово-латышскія названія. Таковы области Ceclis, Devzare, Megowe и Pilsaten. Онѣ назывались terrae incultae. Это выраженіе нужно понимать не въ буквальномъ смыслѣ, а такъ, что эта часть Куроніи, обнимая возвышенную и лѣсистую площадь, дѣйствительно была менѣе воздѣлана, чѣмъ сѣверная часть, занятая сплошнымъ куронскимъ населеніемъ, особенно вдоль рѣчныхъ долинъ и озеръ. Эта черта разселенія куронъ и служитъ объясненіемъ тому обстоятельству, что еще въ настоящее время въ Курляндіи, по рѣчнымъ бассейнамъ и въ долинахъ, господствуетъ особое латышское нарѣчіе, отличающееся отъ нарѣчія жителей нагорныхъ возвышенныхъ мѣстностей. Нѣкоторыя названія самыхъ областей повидимому латышскаго происхожденія, именно лат. Zeculis—коса, кисть: sekulis—мелкое мѣсто [1]); dews are—божья пашня; pilsjehta, pilsjahts—городъ и т. п. Повидимому латышскаго происхожденія представляются и слѣдующія названія деревень въ Ceculis: Leypiasseme (Leipiasme) и Letzime; въ области Poys: Seculnzeme и Calneseme [2]). Кажется, латышскій элементъ есть и въ названіи

[1]) Какъ рискованно вообще производство мѣстныхъ названій и основаніе на нихъ выводовъ, можетъ свидѣтельствовать это самое слово, такъ какъ въ Эстонской области Гарріи также упоминается въ XIII в. деревня Seculis (см. Lib. c. Dan).

[2]) Впрочемъ окончанія zeme, seme могутъ быть и финскаго происхожденія, ибо въ Кареліи напр. говорится kalmizoma, у онежскихъ жителей kalmuzema—земля, на которой хоронятъ (Suomi, 2 j. 170. p. 147). Съ другой стороны, въ Эстляндіи въ 1258 г. (V. B. n. 508) въ числѣ деревень, пожалованныхъ монастырю Св. Михаила, упоминается одна по имени Bergensöme. Да кромѣ того нерѣдко встрѣчаются въ актахъ эстонскія названія мѣстностей, кончающіяся на asome, т. е. мѣсто.

Sansugale (въ обл. Ceclis), ибо по лат. sems—низменный. Кромѣ того здѣсь встрѣчаются другіе признаки латышскаго происхожденія отдѣльныхъ селеній, именно множество названій, начинающихся двумя согласными буквами, что несвойственно западно-финскимъ нарѣчіямъ, напр. Dweristis [1]). Spernes, Scrunden и др. и начальный слогъ ne(—нѣтъ), напр. Neware (Newaren), Nederingo, Nebarge, Nebrungis, Negelite и др., окончаніе eycias (напр. Patteycias, pateizita—благодарность).

Косвеннымъ доказательствомъ разнородности куронъ съ одной стороны и земигалловъ и литовцевъ съ другой можетъ служить то обстоятельство, что въ настоящей Куроніи нѣтъ мѣстностей, которыя получили свое названіе отъ имени куронъ, тогда какъ это замѣтно въ названіяхъ земигалліи, напр. дворы крестьянскіе: Kuras, Kurseniki, Kurseme, Kuruseme, мыза Kurseischi или Kuršischi [2]).

Изъ позднѣйшаго времени, т. е. XIV в. (U. B. n. 1248 отъ 1387 г.) сохранились названія деревень Донданленской области, большинство которыхъ не упоминается въ XIII в. и кажется позднѣйшаго происхожденія, какъ и самое названіе области. Замѣчательно въ этихъ названіяхъ XIV в. то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ представляются латышскаго происхожденія, напр. Sigkragke (лат. rags—рогъ, мысъ; ср. нынѣ лив. Kuolka nana = лат. Kolku rags), дворы крестьянскіе: Gaylun, Gaylin; ср. имя латыша Gaile (gailis—пѣтухъ); Prekezadden et filiorum ejus и «Pretzemes». Нѣкоторыя названія кажутся даже отчасти нѣмецкими, напр. Barsbeke (нѣм. beke—ручей, рѣчка) и dovemunde (munde—устье). Здѣсь не упоминается извѣстныхъ въ новѣйшее время чисто литовскихъ названій мѣстностей, какъ они употребляются нынѣ въ устахъ латышей и ливовъ, напротивъ приведенное выше названіе Sigkragke произносится нынѣ у латышей Sihkraggen, а у ливовъ Siikryg, очевидно представляющее искаженіе латышскаго названія, равно какъ и нѣкоторыя другія названія въ этомъ родѣ, напр. лив. Pytrug—лат. Pitragen, лив. Kuoschtryg, лат. Kuoschtragen и т. п. Переведенными оказы-

---

1) Впрочемъ названіе Dweristis — и не литово-латышскаго происхожденія, такъ какъ у Литвы-Латышей оно употребляется лишь въ другой формѣ, именно въ Литвѣ: р. Жвиргзда, им. Жвирксды, село Жвирздѣ(—о); нива Жвирждн, Звирздя=латыш. Swirgsde, лит. źwirgzdas=русс. гверста, гверстица, хрящъ. Хотя въ словарѣ Шегрона-Видемана и приводится то-же слово по-курски zwirgzd, по судя по остаткамъ куро-ливскихъ названій въ Деревской и Шелонской пятинахъ, (въ древности это слово звучало у куро-ливовъ иначе, съ начальнымъ звукомъ «dw» (ср. подъ Дверстяница въ Дерев. пят., по моему изслѣд. «Чудскіе элементы въ Новгородскихъ пятинахъ»).

2) Названія имѣній Libischi (Ливы), Iggauni (эсты), Guddeniki, (лат. Guddas—полякъ, бѣлоруссъ (Готъ?) свидѣтельствуютъ о чуждыхъ элементахъ въ латышскомъ населеніи. Латыш. Kursu, Korsu, лит. Kursis (такъ называются нынѣ жители Kurischen Nehrung) даетъ право думать, что русскіе лѣтописцы заимствовали названіе куронъ «Корсь» отъ литово-латышскихъ народовъ.

ваются здѣсь только самыя обыденныя понятія, напр. гора, боръ, долина, новый, деревья и т. п., между тѣмъ какъ слова рѣдкія и менѣе понятныя оставлены латышами безъ перевода. Къ числу такихъ словъ принадлежатъ и самыя древнія названія на сѣверномъ побережьи Куроніи, каковы нынѣ нѣм. Irben, лат. Ihre, лив. Ira, эст. (у эзельцевъ) Irwekülа. Самую древнюю форму этого названія безспорно составляетъ Irwe. Въ древнѣйшихъ актахъ оно именно употребляется въ этой формѣ: р. Iruwe (n. 629 отъ 1310 г.) деревня и рѣка Irwa, деревня Irwemunde (n. 1248 отъ 1387 г.). По эст. hirw—дикая коза, по фин. hirwi, Gen.-en—лось, по лив. motsa tika (tik), а по Шегрену древнее Īra, Īrwa. Дѣйствительно ли у ливовъ въ древности была въ употребленіи послѣдняя форма или же это только предположеніе Шегрена, во всякомъ случаѣ первичною формою этого названія нужно признать фин. hirwi,—en. Отсюда образовано прежде всего нѣмецкое Irben, представляющее самую близкую къ оригиналу форму. Латышская же форма есть ни болѣе ни менѣе какъ искаженіе первичной финской или куронской формы. Названіе нѣм. Kohken; лив. Kuolka, лат. Kolku происходитъ отъ фин. kolkka—засовъ, уголъ, край, эст. kolk—уголъ, край, область, заливъ. Береговые пункты нерѣдко называются такъ въ поселеніяхъ финскихъ народностей. Но въ качествѣ нарицательнаго имени это слово употребляется нынѣ у эстовъ рѣдко; можетъ быть оно потеряло свой обыденный смыслъ и у жителей куронскаго побережья въ то время, когда туда явились поселенцы другихъ народностей. Этимъ вѣроятно и объясняется, что это названіе оставлено безъ перевода у латышей, которые не могли знать его дѣйствительнаго значенія. Весьма любопытно, что и предки нынѣшнихъ ливовъ у Доместеса незнали значенія его, ибо для обозначенія данной мѣстности, присоединили къ первичному названію «nana», т. е. носъ, мысъ (Kuolkanana). Въ лексиконѣ ливскаго языка Шегрена дѣйствительно нѣтъ этого слова. Латыши очевидно заимствовали названіе это отъ ливовъ, переведши при этомъ nana черезъ rags. Названіе Anger также финскаго происхожденія, значеніе котораго уже не было извѣстно первымъ поселенцамъ. Впервые оно употребляется въ 1253 г. (n. 248) въ качествѣ названія озера Angere въ Вредекуроніи, затѣмъ въ 1367 г. (n. 1248) въ качествѣ названія сѣнокоса Angeren. Подходящее слово для производства его находимъ опять въ финскомъ и эстонскомъ языкѣ. Фин. и эст. ankerias—угорь, angerias — болотное растеніе (spiraea ulmaria), у Дагенскихъ эстовъ anger—угорь. О нѣкоторыхъ другихъ древнихъ названіяхъ въ сѣверной части Куроніи было сказано выше. На основаніи сдѣланнаго выше сопоставленія мѣстныхъ названій мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: латыши или литовцы распространились съ удивительною быстротою по всему району куронскихъ поселеній, ассимилируя въ то же время

себѣ куронскую народность. При этомъ въ южныхъ частяхъ Куроніи совершилось это движеніе гораздо быстрѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ; тамъ они заимствовали прежнія названія мѣстностей въ цѣлости, измѣнивъ лишь ихъ произношеніе соотвѣтственно фонетическимъ требованіямъ своего языка, здѣсь они успѣли нѣсколько познакомиться съ аборигенами страны куронами, такъ что были въ состояніи перевести на свой языкъ обыденныя житейскія понятія. Впрочемъ, это знакомство съ куронскимъ или ливскимъ языкомъ было совсѣмъ небольшое, гораздо поверхностнѣе, чѣмъ это нынѣ замѣтно на границѣ между эстами и латышами въ Лифляндіи, гдѣ латыши также поглощаютъ въ себѣ эстовъ какъ они уже успѣли въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій поглотить всѣхъ лифляндскихъ ливовъ. Но судя по мѣстнымъ названіямъ нѣмцы еще менѣе были знакомы съ языками туземцевъ, чѣмъ латыши. Поэтому въ устахъ нѣмцевъ мы находимъ древнія туземныя названія мѣстностей вообще ближе къ ихъ первичной формѣ, чѣмъ у латышей названія ливскихъ или эстонскихъ мѣстностей.

Обратимся теперь къ древнимъ личнымъ именамъ куронъ. Личныя имена, какъ болѣе подлинный элементъ, чѣмъ мѣстныя названія, хотя и могутъ служить указаніемъ на ту или другую народность, но надежное ручательство все же едва ли могутъ дать, именно потому, что Куронія переживала періодъ переворотовъ во владѣніи и населеніи; земли переходили отъ одного владѣльца къ другому и населеніе подвергалось истребленію, а не выселенію. Поэтому понятно, что при неспокойности пребыванія населенія въ данной мѣстности, имена обитателей такой мѣстности не могутъ служить ручательствомъ въ томъ, что обитаемая ими земля дѣйствительно была достояніемъ и ихъ предковъ. Имѣя сами по себѣ небольшое значеніе при опредѣленіи народности, личныя имена пріобрѣтаютъ вѣсъ при сопоставленіи ихъ съ мѣстными географическими названіями.

По древности въ числѣ первыхъ, кромѣ имени куронскаго князя Ламмекина, нужно считать два имени Enu и Mutelene, которыя упоминаются въ XIII в. (U. B. и Reg. 321). Фактъ, что такія же имена встрѣчаются въ XIII в. у Эзельцевъ, именно Ennu (Enno), Mutedene или Murtedene (вѣроятно искажено, а правильнѣе, какъ у куронъ Mutelene) nn. 285 и Reg. 282), заслуживаетъ особеннаго вниманія, если еще окажется и сходство между эзельскими и куронскими мѣстными названіями. Затѣмъ слѣдуютъ, по старшинству, имена куронъ Lembitheo, Joneken[1]), Ludichen, Donseghen и Taurinen, упоминаемыя въ 1300 г. (n. 603). Въ 1397 г. здѣсь же упоминается дворъ (curia) Janekens (n. 1248). Первое изъ нихъ Lembit было очень распространено у финновъ и эстовъ, но о другихъ трехъ этого сказать нельзя; они встрѣчаются въ актахъ только разъ. Не имѣя себѣ соотвѣтствующихъ именъ въ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ

[1]) Въ 16 в. близь Новгорода въ Паозерскомъ погостѣ упоминается пустошь Іонкиновъ.

финскими народностями, приведенныя имена однако по формѣ и созвучію представляются финскаго происхожденія, ибо окончанія kene, ken, nen обычныя и преимущественно послѣднее въ личныхъ именахъ у нынѣшнихъ финновъ. Имя Ludichen напоминаетъ названіе Ljudi—народности финскаго племени у Онежскаго озера или же можетъ быть произведено отъ фин. ludikka, lutikainen клопъ. Ioneken напоминаетъ эстонское языческое имя Iane, встрѣчающееся въ Ревелѣ въ XIV в. Имя Taurinen можетъ быть произведено отъ фин. teurinen—тетерка или лив. taurio—бабочка [1]). Отъ 1310 г. (n. 629) сохранился цѣлый списокъ старшинъ и надежныхъ куронъ (seniores et fide digniores) въ области Донданген̃ѣ (лив. Duonig), именно: Aloyates, Reimege, Aloyate изъ Ugale, Laminge изъ Durtzuben вм. Dursuppen, Vetzates и Bitbunen изъ Vetzete, Laminge и Wargele изъ Uppesede (?), Setele и Meinates изъ Anscen, Warkele и Mamtilige изъ Stendan. Nacken и Minte изъ Gawesen, Stellegaten и Muggules изъ Lebbedagen (Vepdanghen [2]), Iohannes изъ Vetba который служитъ толмачомъ (онъ очевидно былъ крещенъ и зналъ куронскій языкъ, но кто онъ былъ родомъ, не видно) [3]). Безъ сомнѣнія нѣкоторыя изъ перечисленныхъ названій могутъ быть искажены, но все же разборъ ихъ можетъ дать кое какіе выводы объ ихъ народности. Прежде всего не можетъ не броситься въ глаза, что приведенныя имена отличаются если не по корнямъ, то по формѣ отъ извѣстныхъ намъ другихъ языческихъ именъ у лицъ финскихъ народностей. Разбивая каждое имя на двѣ части, мы получаемъ корни Alo (=Alo, ливскій старшина) съ приставкою yates, Vetz (=Vietzo, ливскій старшина), Mein — съ приставкою «ates», Lamin— Reime — Mamtili — съ приставкою ge; Sete, Warke съ приставкою le, Nack-,Stellegat съ приставкою en, Minte Aloya съ приставкою — te, Mugu съ приставкою — les и Bitbu съ прибавкою — ne. Здѣсь приставки ge, не вѣроятно сокращены изъ ken, nen, въ каковомъ видѣ мы встрѣчали ихъ въ приведенныхъ выше словахъ. Что касается корней, то первые два безспорно общефинскаго происхожденія, а приставки yates, ates по звуку s на концѣ сходны съ латышскими словами и можетъ быть свидѣтельствуютъ о латышскомъ вліяніи. Laminge имя куронское (ср. имя князя Lammechin). Въ

---

[1]) Въ Курляндіи въ Альтъ-Аутцѣ taurinsch, taurenis—также бабочка, но такъ какъ это названіе у латышей областное, а не общее, то его нужно считать заимствованнымъ отъ куронъ.

[2]) Судя по количеству деревень и перечисленныхъ старшинъ и достовѣрныхъ людей нужно думать, что у каждой деревни былъ по меньшей мѣрѣ одинъ старшина.

[3]) Въ названіяхъ приведенныхъ деревень повидимому замѣтна смѣсь латышскаго и финскаго элементовъ, такъ Dursuppe, Uppesede (лат. uppe—рѣка) кажется латышскаго происхожденія; стоящая нынѣ рядомъ съ Stenden дер. Pastenden (т. е. нижній Стенденъ) также представляется латышскаго происхожденія, но за то дер. Lebbidagen (фин. taga—позади) повидимому финскаго происхожденія.

числѣ приведенныхъ именъ Stellegaten по всей вѣроятности не куронскаго и не финскаго происхожденія, ибо близко къ литовскому имени Swelgote. По литовски или латышски звучатъ также имена Mamtilige и Mugules. Bitbune созвучно съ литовцемъ, барономъ и родственникомъ Миндовга Buxebune (n. 1393), Bune (n. 354). Что литовско-латышскій элементъ рано проникъ въ страну куронъ или по крайней мѣрѣ сосуществовалъ среди ихъ, это явствуетъ и изъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названій. Такъ еще въ 1258 г. въ Bandowe упоминается деревня Zamethen, Zamaiten, т. е. Samaiten—Жмудь. Деревня Perbona тамъ-же созвучна съ именемъ литовца Bune, Parbusse (n. 354 въ 1260 г.) изъ Nere (между тѣмъ деревня Neres упоминается въ Куроніи въ Бигавеланкѣ въ 1253 г.). Въ Ceclis деревня Cartine (n. 249) созвучно съ именемъ литовца Gerdine (n. 354), названіе деревни Vesete (sse n.n. 249 и 253) отчасти созвучно съ именемъ литовца Vesegele (п. 354). Въ 1253 г. (п. 249) въ области замка Poys (Proys) упоминается земля Twartikini или Twertikene, между тѣмъ вь томъ-же году (п. 247) въ числѣ куронскихъ вассаловъ именуется нѣкто Twertikene на ряду съ Velthune и его братъ Reggin, а также Saweyde, которые получили въ ленъ замокъ Cretyn. Такъ какъ здѣсь-же наряду съ этими лицами и рыцарями очевидно германскаго происхожденія упоминается и нѣкто куронъ Claus, то нужно думать, что упомянутыя выше лица не куронскаго происхожденія, а по созвучію скорѣе литовскаго происхожденія. Въ 1320 г. (n. 670) упоминается также объ одномъ латышѣ или литовцѣ по имени Toutegoden (лат. tautas gohds — слава народа), которому и его наслѣдникамъ было тоже пожаловано въ ленъ въ Средней Куроніи (у ручья Zereden и оз. Syp) два гакена, коими владѣлъ его покойный предшественникъ Христіанъ на общихъ съ другими вассалами условіяхъ.

Въ 1391 г. (n. Reg. 1548) въ Гольдингенской области упоминается нѣкто Imkyno Lesekenzee, которому было пожаловано въ деревнѣ Lesekenzee три гакена земли за ежегодную аренду. Въ 1391 же году (n. Reg. 1548) магистръ пожаловалъ Cantebuten'у и его сыновьямъ на вѣчныя времена грунты, которыми онъ уже владѣлъ при р. Абавѣ, а кромѣ того поле на 8 лофовъ посѣва, а также половину сѣнокоса при этой же деревнѣ. Въ 1392 г. (n. Reg 1565) братья Ouguthen (лат. ohgoht—сбирать ягоды) и Curen получаютъ отъ магистра ленную грамоту на половину участка земли при р. Абовѣ. Не были ли тѣ вассалы (infeodati) въ области Ceclis, о которыхъ упоминается въ актѣ отъ 1256 г. и которые не участвовали въ дѣленіи Куроніи, произведенномъ старшинами и надежнѣйшими людьми куронскихъ областей, латышскіе насельники? Объ этихъ насельникахъ говорится въ актѣ, что они in cujus partem ceciderint, in illius dominio remanebunt.

Пожалованіе латышамъ или литовцамъ въ ленъ земли повидимому свидѣтельствуетъ о движеніи литово-латышскаго элемента къ сѣверу. Приведу ниже для сравненія еще другія извѣстныя намъ языческія имена литовцевъ: Daugeruthe, Stecse (по Генриху Латышскому), литовскіе князья: Percune, Gotze Mundowe, Masare, Dindeke (Ginguke), Milgawin, Lengewin, Aleman, Suxe, Schariat и Traniat (по лифл. риѳмованной хроникѣ Альнпеке), Langwenus, Lygeyke, Schabbe и Vege (n. 384 отъ 1260 г.), Replen, сынъ Миндовга (n.n. 263, 363). Имена земигалловъ (латышей) по риѳмованной хроникѣ: Westers, Nameysis, Made, Gaile и Schabe (лат. gailis—пѣтухъ и schabals—слѣпецъ).

Для изслѣдователя народности куронъ должно быть не менѣе важно знать фактъ, что о ливахъ въ Куроніи нигдѣ въ древнихъ памятникахъ не говорится, напротивъ повсюду только о латышахъ, куронахъ и тѣхъ ливахъ, которые жили за Двиною близь Риги. Въ актахъ подчиненія Куроніи отъ 1230—31 гг. обитатели Куроніи называются вообще то «pagani de Curonia», то «Curones»; равно ни Генрихъ Латышскій, ни риѳмованная хроника XIII в. не смѣшиваютъ ихъ съ другими народностями, напротивъ послѣдняя прямо называетъ куронъ сосѣдями эзельцамъ, чего бы не могло случиться, еслибы на сѣверномъ побережьи Курляндіи жили ливы. Въ актахъ концà XIII и XIV вв. обитатели Куроніи называются еще куронами. Такъ, въ 1282 г. (n. 475), гдѣ говорится о пожалованіи Динаминдскому монастырю земли, quae vulgo Utenpewe [1]) dicitur, всякому курону, который имѣетъ плодоносныя деревья, позволяется пользоваться ими свободно согласно общему праву (commune jus) страны. Въ 1291 г. (n. 540) при раздѣленіи куронскихъ земель участвовали Curones, quibus terrarum constabat distinctio. Въ сѣверной части Куроніи еще въ 1310 г. (n. 629) по обоимъ берегамъ рѣки Ирбы (Iruwe) обитали донданrенскіе куроны. Но что куроны существовали еще въ началѣ XV в. какъ отдѣльный народъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ путешественникъ Жильбертъ Лануа, бывшій въ Лифляндіи зимою 1413—1414 гг. Описывая свое путешествіе изъ Пруссіи чрезъ Курляндію въ Ригу по дорогѣ, идущей чрезъ Либаву, Гробинъ, Гольдингенъ и Кандову, онъ говоритъ, что прошелъ чрезъ много деревень земигалловъ (semegael), куронъ (korres) и ливовъ (lives), изъ которыхъ каждый имѣетъ при себя свой языкъ [2]).

Нѣсколько дошедшихъ до насъ нарицательныхъ именъ въ актахъ касательно куронъ и Куроніи подкрѣпляютъ вышеизложенные доводы о родствѣ куронъ съ финнами. По акту 1253 г. (n. 248) прямо видно, что въ провинціяхъ

---

[1]) Чисто финское названіе «uuden päiwa»—новый день. Замѣчательно также, что въ немъ сохранился еще суффиксъ род. пад. en.

[2]) Bunge, Archiv t. V, p. 169.

Вандовѣ и Бигавеланкѣ коса (латин. falx) называлась vikcete (falce, qui vikcete dicitur). Отсюда еще не видно, на какомъ языкѣ коса называлась такъ. Но въ актѣ 1387 (n. 1387), гдѣ говорится между прочимъ о повинностяхъ жителей сѣвернаго побережья Куроніи, находится по этому вопросу чрезвычайно важное мѣсто гласящее такъ: «de pecunia victen, quae vulgaris denominationi Lettonica yscaxten vocantur videlicet de falcibus et de faeno neophitorum». Такимъ образомъ здѣсь прямо сказано, что названію victen соотвѣтствуетъ латышское yscaxten (нынѣ iskapts, iskapste). Но въ фин. vikahte, эст. wikat, лив. vikārt (vikat) = коса. Слѣд., не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что у туземныхъ жителей Куроніи въ XIII—XIV вв. было въ употребленіи названіе косы финскаго (въ общемъ смыслѣ) происхожденія [1]), которое у латышей звучало иначе. При заключеніи въ 1230 г. договора съ западными куронами по обѣимъ сторонамъ Абовы борона называется egede (форма род. пад. множ. ч. въ эст. языкѣ, напр. при выраженіи: съ боронъ = äkete pëäet)—erpica (vulgariter egede). Но это названіе представляется повидимому соотвѣтствующимъ названіямъ бороны въ финскихъ нарѣчіяхъ напр., фин. āes, G. akeen, эст. āes, G. äke, лив. äggos, egi, äggt, между тѣмъ какъ по латышски борона ezeschi, ezekhas, ezeklis. Изъ одного акта 1253 г. (n. 250) мы узнаемъ, что въ Куроніи для означенія отправленія въ походъ употреблялось слово malawe, обычное у юго-восточныхъ эстовъ и до селѣ сохранившееся въ Верроскихъ пѣсняхъ, именно malewa, malva (актъ отъ 3 февр. 1288 г. n. 521, а). Между тѣмъ при опредѣленіи повинностей латышей земигаловъ въ 1272 г. (n. 430) употребляется для означенія похода другое слово «Reise». Кромѣ того около 1300 г. (n. 603) упоминаются у жителей Дондангенской области названія vepas, tunna и ture, которыя также финскаго происхожденія. Фин. и эст. vaippa — покрывало, салопъ [2]); лат. veepe — покрывало, платокъ для женщинъ. Въ виду общей распространенности названія vaippa у финскихъ народностей, представляется болѣе вѣроятнымъ заключить, что латышское veepe заимствованное. Другія два слова: tunna = эст. tünn — боченокъ и ture = фин. tuura, эст. tuur — ломъ, копье, совсѣмъ отсутствуютъ въ нарѣчіяхъ народовъ литовскаго племени [3]) и поэтому народъ, въ языкѣ котораго они существовали, долженъ принадлежать къ какой-либо отрасли финскаго племени.

Если такимъ образомъ латыши явились въ Куроніи или по крайней мѣрѣ въ сѣверной части ея позже куронъ, то можно допытываться далѣе, была-ли здѣсь до пришествія куронъ какая-либо другая народность, откуда пришли

---

[1]) Считая куронъ за ливовъ Видеманъ безъ всякихъ основаній (Обзоръ происх., судьбы и нынѣшн. сост. ливовъ, стр. 130), утверждаетъ, что victen (нынѣ vikat) слово ливское.

[2]) Vepas ставится въ актѣ рядомъ съ tunicae virorum.

[3]) См. мое сочиненіе: Введеніе Христ. въ Лифляндіи, стр. 15.

куроны и какой отрасли финскаго племени они болѣе всего сродственны. Достовѣрное историческое извѣстіе о пребываніи на западномъ побережьи до куронъ народа Венедовъ, который, какъ извѣстно, въ древности населялъ южный берегъ Балтійскаго моря, мы имѣемъ отъ начала XIII в. у ливонскаго лѣтописца Генриха Латышскаго (Heinr. X, 14). Онъ пишетъ о венедахъ (Vendi), которые имѣли въ Ливоніи замокъ Венденъ, что они въ то время (1207 г.) были покорны и убоги, ибо были вытѣснены съ Винды, рѣки въ Куроніи и жили на Древней горѣ, подлѣ которой теперь (1201 г.) построенъ г. Рига; а куроны выгнали ихъ и отсюда, при чемъ многіе были убиты, прочіе бѣжали къ леттамъ. Эта горсть Венетовъ, сохранившаяся въ XIII в. въ Ливоніи, очевидно представляла отрасль тѣхъ же Венетовъ, которые владѣли южными берегами Балтійскаго моря, но потомъ были поглощены и уничтожены германскимъ элементомъ. Можно было бы думать, что Венеты, обитавшіе нѣкогда у рѣки Венды, переселились сюда именно во время натиска германцевъ на южное побережье Балтійскаго моря, въ VIII в., еслибы не казалось болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что поселеніе здѣсь Венетовъ, а потомъ куронъ совершилось раньше. О куронахъ извѣстія доходятъ до половины VI в. (у Іорнанда Caris), въ VIII в. о куронахъ извѣстно, что они участвовали въ великой Бравальской битвѣ (776 г.?), а во второй половинѣ IX в. біографъ и преемникъ св. Ансгарія, апостола Скандинавіи, Римбертъ († 888) сообщаетъ: куроны (chori, въ швед. пер. XIV в. Qurlandth) нѣкогда были покорены подъ шведскую власть, но уже съ давнихъ поръ, взбунтовавшись, отказались отъ этой зависимости. Зная это, датчане попытались покорить ихъ себѣ, но потерпѣли пораженіе, шведамъ же посчастливилось вскорѣ послѣ этого (около 854 г.) вновь покорить ихъ себѣ [1]). Представляется правдоподобнымъ думать, что Венеты были изгнаны куронами еще при покореніи ими западнаго побережья Куроніи, именно области Винды, гдѣ обитали Венеты. Что послѣдніе заселяли именно всю эту область, а не только устье рѣки Винды, это подтверждается существованіемъ въ XIII в. при рѣкѣ Газовѣ деревни Terewenden (фин. tiere — новь, жженіе вторично головень на нови; tiera — лишай каменный; ср. въ Финляндіи наз. Tärwantu); затѣмъ то обстоятельство, что рѣка Винда и городъ (у эзельцевъ Wentu, лат. Wenta) при ея устьѣ съ древними развалинами (латыш. Ventespils) получили свое наименованіе отъ Венетовъ, указываетъ на ихъ долговременное пребываніе въ данной мѣстности. Однако вендскихъ названій мѣстностей, кромѣ указанныхъ уже выше, не сохранилось. Это повидимому указываетъ на внезапное исчезновеніе отсюда прежнихъ

---

[1]) Vita S. Anscharii въ Script rer. Germ. recens. G. Waitz (in. us. schol.) Hannov. 1884. cap. 30. (pag. 60). Въ подтвержденіе того, что куроны дѣйствительно подчинялись шведамъ и датчанамъ см. актъ № 108 отъ 1230 г. (Livl. Urk. B.).

обитателей и насильственное овладѣніе ихъ страною. И только незначительная горсть ихъ спаслась у Двины на Древней Горѣ близь Риги. Но и здѣсь ихъ преслѣдовала ненависть куронъ; только это было уже гораздо позже — въ XI и XII в., когда куроны вытѣснили ихъ и отсюда, ибо въ началѣ XIII в. еще помнили, что при этомъ много вендовъ погибло. Если принять въ соображеніе, что народная память обыкновенно не заходитъ далѣе двухъ-трехъ вѣковъ, то нужно думать, что это изгнаніе совершилось въ IX—X вв. Фактъ, что при постройкѣ Риги (1201 г.) обладателями Древней Горы были ливы и что не упоминается о непріязни послѣднихъ къ вендамъ, и съ другой стороны, что между ливами и куронами была солидарность, можно-бы думать, что Древняя Гора была пустою до поселенія на ней вендовъ и что ливы поселились у устья Двины незадолго до XII вѣка.

Замѣчательно, что у Эзельцевъ въ названіи русскихъ (wened), равно какъ и эстовъ юговосточнаго нарѣчія (wend, wendlane) и у финновъ (wenät) сохранился коренной звукъ d, который въ позднѣйшее время выпалъ. Это явленіе совпадаетъ съ сосѣдствомъ эзельцевъ и вендовъ и если ужъ справедливо мнѣніе Др. Веске, основанное на филологическихъ соображеніяхъ, о происхожденіи названія русскихъ у финскихъ народовъ отъ Венеты, Венеды, Венды, то оно подтверждается отчасти и исторически въ отношеніи къ эзельскимъ эстамъ.

Есть еще одинъ способъ доказательства происхожденія названія извѣстной мѣстности, именно сопоставленіе географическихъ названій данной мѣстности съ такими же названіями въ другихъ мѣстахъ. Сходство въ этихъ названіяхъ указываетъ прежде всего на однородность населенія этихъ мѣстностей. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому способу доказательства, я считаю неизлишнимъ прибѣгнуть для всесторонняго разсмотрѣнія вопроса о происхожденіи куронъ и къ производству мѣстныхъ названій, которое хотя и не можетъ служить самостоятельнымъ доказательствомъ, но все же можетъ служить нѣкоторою опорою доказательствамъ сходства самыхъ географическихъ названій.

Какъ уже выше было замѣчено, при смѣшанности географич. названій въ Куроніи повидимому принадлежащихъ разнымъ народностямъ, замѣтно то явленіе, что разноплеменность названій увеличивается по мѣрѣ движенія къ центру Куроніи, къ литовскимъ предѣламъ. Это подтверждается и производствомъ мѣстныхъ названій. Латышскаго происхожденія представляются слѣдующія названія: Apusse—apse – осина, Nebrungis—bruhnis—дротикъ, Birsine—birse, birsine—борозда, Birstele (birstala) birstele—березовая изгородь; Byrsegalowe—galwa—голова (kalwa—холмъ); Damis—dombis—запруда; Dobe (лат. Dohbele)—могила, ровъ; Dohnen—dohne (a)—нижній или верхній конецъ *хлѣба (лит.* dūna—хлѣбъ); Drage—drehgi—носилки, drahka—сильный чело-

вѣкъ; Durpis (нынѣ Dorben, Durba)—durwis—дверь, dohrbe—лещъ, Duveneke (нынѣ Dubenalken, Dunolka)—duhwe, duhwina—прирученный голубь; Duzone—duhzis, duhze — кинжалообразный ножъ; Dondangen — dohnis — тростникъ, danda—ровъ отъ ѣзды, лужа, болотистая страна; Eze—ehzis—вересъ, можжевельникъ; Crewenis — krewelis — рубецъ, множество; Calneseme — kalnains — гористый, kalnejs—живущій на горахъ; Cartine—kahrtains—полосатый; Celde—zelsch—дорога, улица; Celme—zelms—пень; Cerwigal—zehrpa—холмъ, gals—конецъ, страна; Cesse—zehses—кучка хлѣба; Garista (нынѣ Gahrsde)—gahrscha—боръ; Maycenite—matsenit—молодость; Maysedis—maise—хлѣбъ; Prezitwe—preze—товаръ, сватовство; Sarde—sahrds (эст. sard)—подставка для сушенія льна, гороху; Sargamiten—sahrgs—сторожъ; Sirien—sirs—мародеръ; Schoden—schohde—skohte—шовъ; Seklums—мелкое мѣсто, мель; Wietzede—vezeetis—старецъ и др. Можно было бы привести еще не мало названій, происходящихъ видимо изъ латышскаго или литовскаго языка, но это производство теряетъ значительную долю цѣнности въ виду того, что въ латышскомъ языкѣ имѣется мало словъ, тожественныхъ съ финскими. Большая часть ихъ безспорно заимствована у ливовъ и куронъ одновременно съ поглощеніемъ этихъ народовъ, такъ какъ они имѣются и въ отдаленнѣйшихъ по пространству нарѣчіяхъ финскаго языка, но относительно тѣхъ словъ, которыя общи только у ливовъ, эстовъ и латышей, можно еще сомнѣваться, кѣмъ они заимствованы. Затѣмъ общія въ латышскомъ, литовскомъ, эстонскомъ и русскомъ языкахъ слова, служащія въ то же время мѣстными названіями, еще болѣе затрудняютъ сужденіе по мѣстнымъ названіямъ о народности обитателей извѣстной мѣстности. Дѣло было-бы нѣсколько проще, еслибы мы не знали, что славянскаго племени Венеты нѣкогда жили совмѣстно съ ливами и латышами, и слѣд., слившись съ ними, передали имъ и часть своего словеснаго творчества. Поэтому и такъ какъ вообще производство названій сопряжено съ произволомъ, тожественность названій въ различныхъ странахъ или мѣстностяхъ, независимо отъ ихъ значенія, пріобрѣтаетъ большую цѣнность, хотя нужно допустить, что и здѣсь сходство названій отдаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ иногда можетъ быть совершено случайное. Само собою разумѣется, что мы должны искать сходства названій въ ближайшихъ сосѣднихъ странахъ. Такъ какъ я имѣю дѣло собственно съ финскою народностью, то и обращусь къ сосѣдней Куроніи странѣ, о. Эзелю. Куронія получила свое названіе отъ населявшаго ее народа (нѣм. chur—land, латыш. kur—semme, лив. kur—ma, эст. kura—ma). Островъ Эзель (названіе шведское) называется нынѣ у материковыхъ эстовъ Saarema (=у русскихъ Островитская земля) и по имени города Kuresaar, Kuresaare linn—Аренсбургъ. Въ послѣднемъ названіи первая половина звучитъ почти одинаково съ именемъ народа, обитавшаго въ Куроніи.

Названіе свое островъ долженъ былъ вѣроятнѣе всего получить отъ ближайшихъ къ нему народовъ, каковыми были съ востока ливы, а на ливскомъ языкѣ kure значитъ «злой». Этотъ эпитетъ въ отношеніи къ Эзелю, населенному бѣглецами и удальцами—морскими пиратами, довольно подходящій. Мнѣніе Адама Бременскаго (1068—1075) по видимому подтверждаетъ наше предположеніе. Онъ представляетъ землю куронъ (churland) самымъ большимъ островомъ въ Балтійскомъ морѣ, который подчиняется шведскому владычеству и лежитъ на разстояніи 8 дней плаванія отъ Бремена. Нѣкоторыя черты населяющаго его народа болѣе подходятъ къ эзельцамъ, чѣмъ къ куронамъ. Онъ называетъ его жестокимъ по причинѣ чрезвычайнаго идольскаго культа. Но, какъ извѣстно изъ исторіи XII—XIII вв., куроны занимались болѣе торговлею, земледѣліемъ и скотоводствомъ, чѣмъ пиратствомъ; хотя Генрихъ латышскій (VII, 1) и приравниваетъ куронъ къ эзельскимъ эстамъ, которые до него имѣли обыкновеніе дѣлать грабительскіе набѣги на Данію и Швецію, но повѣствованія его не подтверждаютъ этого. Да и объ идольскомъ культѣ куронъ исторически особенно жестокаго неизвѣстно. Между тѣмъ какъ эзельцы, вынужденные поселиться на неплодородномъ островѣ, по неволѣ должны были заниматься пиратствомъ, какъ ремесломъ; а языческій культъ Тары былъ въ сильной степени развитъ на Эзелѣ. Далѣе Адамъ разсказываетъ, что у нихъ всѣ дома переполнены божественными авгурами и волшебниками, которые одѣты даже въ монашеское платье. Это можетъ относиться къ носимымъ частію у эзельцевъ длиннымъ чернымъ кафтанамъ и сильной развитости у эзельцевъ языческаго культа, остатки котораго сохранились доселѣ въ значительной степени. Наконецъ, Адамъ называетъ коней земли куровъ самыми лучшими, а эзельская порода лошадей, отличающихся малымъ ростомъ и чрезвычайною выносливостью, славится доселѣ. Я не имѣю здѣсь намѣренія доказывать, что описываемая Адамомъ, очевидно только по легендарнымъ разсказамъ мореплавателей, страна должна быть именно островъ Эзель. Я желаю только показать, что это описаніе въ нѣкоторыхъ частяхъ подходитъ къ эзельцамъ. Болѣе правдоподобнымъ представляется думать, что какъ островъ Эзель, такъ и сѣверо-западная часть Куроніи были населены однимъ и тѣмъ же народомъ Chori, Kur, Корсь, каковое имя перешло на него съ названія острова Kure saar.

Въ XI в., по Адаму Бременскому, на ряду съ Балтійскими славянами было извѣстно болѣе всего имя Haisti, какъ обитателей восточнаго побережья Балтійскаго моря; за ними обитали на этомъ побережьѣ aliquae diversae nationes (Gesta Hamb. lib. III, cap. 12), какъ неопредѣленно выражается Адамъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ по видимому называетъ Куронію Aestland, ибо ставитъ недалеко отъ послѣдней Бирку шведовъ (нынѣшній Бергхольмъ на

Оландѣ) [1]. Названіе Haisti повидимому было въ то время господствующимъ общимъ наименованіемъ народовъ, обитавшихъ по восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря, о которыхъ Адамъ имѣлъ темныя свѣдѣнія. Что по свидѣтельству житія св. Ансгарія, апостола Скандинавіи, относительно народа Chori, мѣсто обитанія его очевидно полагается въ Куроніи, это едва-ли исключаетъ возможность предполагать, что такъ назывался и народъ, населявшій островъ Эзель.

Обратимся теперь послѣ этихъ историческихъ замѣчаній къ сравненію мѣстныхъ географическихъ названій на Эзелѣ и въ Куроніи. Сравненіе это дѣйствительно, хотя и не вполнѣ подтверждаетъ наше предположеніе о связи между ихъ населеніемъ. Ниже приводятся въ алфавитномъ порядкѣ сходныя названія въ Куроніи и на Эзелѣ.

Aistere (Bih. [2])—Eiste.
Angere (Angern, Anger, Enger (Wr.)—Angern.
Anse (Wr.) — } Anse, Ansi,
Anzina (Scr. Semg.) } Ansekül.
Appule (Scr. Semg.)—Aubul.
Apussen (Wd.)—Hanpuse.
Aralden (B.) [3])—Artle.
Arowelle (Vr.)—Arowälja.
Damis (Scr. Semg.)—Tammist, Tamsel.
Duppele (Bih.)—Tubala,
Edwale (en) (Wd.)—Edowälja.
Garista (Scr. Semg.)—Harista.
Gerwe (Bih.)—Järwe.
Iameiten (Wd.)—Jama.
Iursalem (Iurselen) (B.)—Jurs.
Cabele (Wr.)—Kabila.
Calten (Wd.)—Kallaste.
Carkele (Bih.)—Karki, Kergel.
Cersanger (Vr.)—Kerste.
Cormele (B.)—Karmel.
Labbar (Scr. Sem.)—Lebara.
Lene (B.)—Lene.
Lessede (Wd.)—Leiste.
Lindale (Bih.)—Linnusse.
Lyva } (Bih.)—Liiwa, Liiwaküla.
Lypa }
Medce (Medcere) (Bih.) — Metsa, Metsara.
Medda (Bih.)—Mädaselja.
Moden (Wr.)—Mudaste,
Neres (Bih.)—Neris.
Normis (Norme) (Wd.)—Nurmes.
Pedewale (Wr.)—Pidul.
Pure (Wr.)—Puro.
Pusse (Wr.)—Pussa.
Rese (B.)—Ressa.
Sagaris (—gere—ra) (Wd.)—Sagaris.
Sacke (Wd.)—Sakela, Sakla.
Salden (Scr. Semg.)—Salo.
Sare (C.) } — Sarekül.
Sarde (Pil.) }
Serwe (Zerwe) (Bih.)—Sörwe.
Terewenden (Wa.)—Tere.
Tigwa (B.)—Tika.
Ugale (Wr.) Ugane.
Ullewa (Scr. Semg.)—Ulo.
Irien (Wd.)—Jro, Jere.
Walgele (Wr.)—Walgo.
Walteten (B.) Walde, Waldia.
Warzen (Dov.)—Waresse.
Welse (Dov.)—Welta.
Videle } (Wr.)—Wido, Wite полуо.
Vede } Wedele.
Zelende (Zerende) (Scr. Semg.) —
Zerle (? Scr. Semg.) } Zerel эст. Seremois.

Несомнѣнно, что многія изъ приведенныхъ названій въ дѣйствительности могутъ и не имѣть исторической связи, но есть между ними и такія, которыя

[1]) Ibid. lib. III, p. 17: cum illa superior (т. е. Aestland) non longe sit Birca Sveonum
[2]) Сокращенныя слова въ скобкахъ означаютъ названія областей.
[3]) По кур. arald—рѣдкій, негустой.

безспорно свидѣтельствуютъ о доисторической однородности населенія на Эзелѣ и въ Куроніи, таковы напр. Serwe, Zerle, Videle, Labbar, Sagaris, и др. Замѣчательно, что именно полуостровъ Сворбе (эст. Sörwe, т. е. край, берегъ) представляетъ въ Куроніи нѣсколько названій, именно на югѣ отъ Вредекуроніи въ невоздѣланной области между р. Абавой и Виндавой близъ Земигалліи. Названіе самаго полуострова «край» соотвѣтствуетъ ему вполнѣ, но будучи перенесено на мѣстность на материкѣ, оно даетъ основаніе думать, что на Эзелѣ оно первичное и что движеніе населенія совершалось съ Эзеля на материкъ. Вообще сходство въ названіяхъ замѣтно преимущественно въ области Вредекуроніи и юговосточной части Эзеля. Менѣе сходныхъ названій встрѣчается въ области Винды, и въ остальныхъ сходство наблюдается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то не несомнѣнное. Но при несомнѣнности перенесенія хотя немногихъ названій названія, возбуждающія сомнѣніе, имѣютъ все же значеніе второстепеннаго доказательства.

Судя по тому, что сходныя названія въ Куроніи разсѣяны по разнымъ областямъ, нужно думать, что выселеніе съ Эзеля имѣло частный, единичный характеръ; оно совершалось не посредствомъ воинственнаго вторженія или завоеванія, а ради исканія лучшихъ мѣстъ поселенія или по другимъ неизвѣстнымъ намъ причинамъ. Куронія, слѣдовательно, едва ли была заселена сплошь Эзельскими бѣглецами. Другое обстоятельство, ведущее къ тому же предположенію, заключается въ томъ, что сходныя названія преимущественно оказываются внутри Куроніи, а не по берегамъ ея: будь Эзельскіе обитатели первыми насельниками здѣсь, они заняли бы прибрежныя и прирѣчныя мѣста не слишкомъ далеко внутри страны, при томъ мѣста, которыя отличались бы по выгодности положенія и плодородію отъ другихъ. По крайней мѣрѣ таковыми не могли быть предки нынѣшнихъ обитателей Эзеля, представляющіе четыре разнородные по языку и обычаямъ и тѣсно сплоченные по разселенію элемента. Если предки нынѣшнихъ обитателей заняли Эзель съ бою, то побѣжденные могли быть именно первыми насельниками Куроніи. Но данныхъ для такого утвержденія никакихъ не имѣется, и потому попытки точнѣйшаго опредѣленія способа разселенія Куроніи. съ Эзеля были пустымъ фантазированіемъ. Впрочемъ, если будущіе изслѣдователи обратятъ вниманіе на измѣненія въ сходныхъ названіяхъ въ упомянутыхъ двухъ странахъ, то они, можетъ быть, найдутъ въ нихъ посылки для дальнѣйшихъ выводовъ.

Если и справедливо мнѣніе о родствѣ между куронами и эзельцами, то по нѣкоторымъ исторически извѣстнымъ обстоятельствамъ необходимо допустить ихъ бытовое различіе. Такъ, по актамъ XIII в. мы знаемъ, что способъ обработки земли былъ у нихъ различенъ. Куроны обработывали землю лошадьми (см. акты п.п. 105 и 405), а эзельцы — волами (п. 169). Кони Эзельцевъ

служили преимущественно для военныхъ цѣлей; на нихъ они отправлялись въ походъ на материкъ, обыкновенно въ зимнее время (n. 285). Была и разница въ производствѣ, хотя она можетъ быть вѣрнѣе всего объясняется мѣстными условіями почвы. Изъ продуктовъ земли у куронъ упоминается рожь, пшеница, ячмень, овесъ; изъ произведеній скотоводства: лошади, волы, свиньи, овцы, кромѣ того они держали куръ, ловили тюленей, занимались въ широкихъ размѣрахъ пчеловодствомъ и отчасти охотой и рыбной ловлей (n. 603). Между тѣмъ въ числѣ повинностей эзельцевъ упоминается только пшеница, куры, ячменное пиво, сѣно и дрова, штрафы платили озерингами и марками (n. 169). У латышей земигалловъ повинности платились рожью и ячменемъ, а въ случаѣ неимѣнія хлѣба они платили рижскими артингами серебра или куньими и векшиными шкурками (n. 430).

Если островъ Эзель недостаточно объясняетъ намъ происхожденіе населенія Куроніи, то мы должны обратиться къ болѣе отдаленнымъ странамъ, именно сперва къ Эстоніи. Если мы найдемъ здѣсь сходныя названія, то они по крайней мѣрѣ будутъ свидѣтельствовать объ однородности населенія этихъ двухъ странъ. Ниже приводятся сходныя названія, встрѣчающіяся въ Эстонскихъ областяхъ Гарріи (Ревельск. уѣзда), Вироніи (Везенб. у.) и Гервіи (Вейсеншт. у.) [1]).

Angern—Angern (Г.)
Appule (Ampule)—Afell (Г. n. 437). Ampele (Герв.)
Ardon, Arolde —Ardala (L. c. B.).
Agemine—Akimal (L. c. B.).
Barta—Warthe (L. c. Г.).
Baten—Wattkül, Watdekya (L. c. B.).
Cabele—Kappel, Kappala (L. c. B. Г.).
Calvien—Kalwi (B.).
Canygerwe—Kanigerwe (Оз. n. 1423. Г.).
Cersangere—Kaeris (L. c. Г.), Kaersae (L. c. B.).
Domesnes—Tamespe (n. 19 B.).
Jolgasame—Jalgsama, Ialksen, Iolgesim (Герв.).
Embare—Embere (Герв.).
Garde—Harde (Г.).
Jrben, Jrowe—Hirwe (L. c. Г.), Hyrvelae (L. c. B.).
Jrien—Hirae, Hyrenkulae (L. c. Г.).
Karkele—Kark (Г.).
Kewele—Kawal, Kawale, (L. c. B.), Kwale (L. c. Г.).
Kolk, Kolken - Kolke (L. c. Г.), Kolk.
Laydze—Laidus, Laidusce (L. c. Г.).
Lobe—Lopae (L. c. Г.). Lope.
Loke—Lockeda (n. 372), Lakethae (L. c. Г.)
Lole—Loal (L. c. Д.), Loole (n. 436).
Matre—Mataros (L. c. Г.).
Nabba—Napalae (L. c. B.).
Nemetne—Nemente (n. 19. B.).
Okto—Ochto (Г. n. 584.)
Octen—Octinus (L. c. B.).
Pakkare—Pakkari (L. c. B.).
Pateycias—Pategas (L. c. B.).
Pyctwe, Pytwe—Pitkow (n. 1179. Г.).
Razge—Raseke (n. 81. Г.), Raazik.
Rutzowe—Ruts (L. c. Г.).
Sarde—Sarde (Г.).
Sagothe (Zagaten)—Sagadi (B.).
Sakke—Saga, Sake (L. c. Г. B.)
Salden—Salda (L. c. B.), Salde (B.).
Sarneke—Sarnae (L. c. Г.).

---

[1]) Означеніе этихъ областей будетъ приводиться сокращенно подъ буквами: Г. В. при чемъ L. c. передъ ними будетъ означать Liber Census Daniae, документъ около половины XIII в., въ которомъ упоминается мѣстное названіе, а число при этомъ указываетъ на № акта въ Brieflade.

Seculmzeme—Seculis (L. c. Г.).
Serwe—Servewerae (L. c. Г.).
Uge—Uhe (B.).
Walgele—Walkal (L. c. Г.).
Wane—Wannae (L. c. B.).
Warta—Warthae (L. c. Г.), Warades (L. c B.).
Wangen—Wangelae (L. c. Г.).
Wasa—Wasal (L. c. Г.).
Welse—Vilsae (L. c. B.), Velze (n. 1446: B.).
Wede—Wethe (Г. n. 26 и др.), Vaetele (n. 8).
Wepele—Wopal (L. c. Г.), Wopele (n. 19).
Virga—Wircke (n. 19 Г.).
Weybene—Waeibigaerwa (L. c. Г.).

Всѣ вышеприведенныя названія безспорно финскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой они упоминаются въ Эстляндіи и свидѣтельствуютъ прежде всего объ однородности населенія въ Эстоніи и Куроніи. Но дальнѣйшихъ выводовъ (относительно переселенія и того, къ какой вѣтви финскаго племени принадлежали обитатели этихъ мѣстностей) я не рѣшаюсь дѣлать. Любопытно, что сходство въ названіяхъ падаетъ преимущественно на прибрежныя мѣстности, такъ напр. и названіе острова при Ревелѣ Wolwesöö, нынѣ Вульфъ (n. 50 отъ 1348 г.) встрѣчается и въ Курляндіи въ названіи сѣнокоса Wulvelangh (n. 1248 отъ 1387 г. ср. названія, кончающіяся на—lang въ Эстляндіи)—названіе, которое въ мѣстныхъ актахъ прилагается только къ двумъ упомянутымъ пунктамъ.

Сходство куронскихъ названій можно прослѣдить еще далѣе, въ предѣлахъ древнихъ Новгородскихъ пятинъ, насколько названія мѣстностей сохранились въ Писцовыхъ книгахъ. Къ числу такихъ названій относятся:

Appule—Ополеца (В. Д.).
Barta (Bih.)—Варца (Шел.)
Baten (B.)—Ватицкое оз. (Вод.), Ватово (Дер. Шел.)
Boynseme—оз. Буйно, Бойно въ Буйцѣ (Д.).
Duppele (B.) (нынѣ Dohbele)—Дупле (Д.).
Donen (B.)—Донецъ (В.).
Dondangen (Wr.)—Дангово (В.).
Drage (B.)—Дражина (Ш.),
Dwiristis (Cec.)—Дверстяница (Д.),
Garista (Cec.)—Карасть (В.), Гари (Ш.).
Usma (—n.) (Wr.)—Вузима (Д.).
Ilse, Ylse (Bih.)—Илшино (В.), Илже (Ш.).
Iwande, рѣка (n. Reg. 1461)—р. Иванье (Д.).
Lammethin (Wr.)—Лембитово (В.), Лембитово сидѣніе (В.), Лембика (В.).
Ladse (Wr.) / Laydze (Wr.) —Лячко (В.).
Lene (B.)—Ляны (В.).
Loke—Лука (Д.).
Lole—Лихола, (Д.; q. Lehol, Lehola, Lihola, Lihula въ Гарріи Кегельск. пр. и Війкѣ).
Norme (W) Нурмія (В.).
Padoren (B.)—Падерло (В.).
Prusse (Bih.)—Прусское (Д.), Пруссъ (Д.), Пруссово (Д.), Запрусье (Д.).
Razge (Bih.)—Разиково (Д.), Разикъ (В.), Разика (В.), Рашки (Д.).
Sagere (Cec.)—Загренецъ (Д.).
Sare (Cec.)—Сара (В.); Саря (В.).

Scherenden (B.)—Середа (В.)
Sirien (W.)—Сырь, Сиры (Д.).
Seculmzeme (Cec.)—Сяглицы (В.), Сеглицы (В.).
Tebber, рѣка—Тверца и гор. Тверь.
Telse (нынѣ Тальсенъ) (В.)—Тележово (Д.), Таложье (Д.), Талакша (В.).
Terewenden (W.)—Словъ, начинающихся съ Тере—очень много въ Водьской пят.
Twertiken—Твирца (Д.).
Udren (W.)—Вудрицы (Д.), Удрино (В. Д.), Удрицы (Д.).
Unseten (Bih.)—Унѣжковичи, Уншковичи (В.)
Walteten (B.) (нынѣ Walaten)—Валдайское, Валдайцы, Валдая, Валдино (В.), Валитово (В. Ш.).
Wartau (Bih.)—Варута (В.).
Warta (Bih.)—Воротавино (Д.).
Warwe (B.)—Вариво (Д. Ш.), Варвистъ (В.).
Welse (B.)—Велеша (В.), Вельска (Д.), Вельца (В.).
Wenese—Влодки (Д.).
Videle (Wr.)—Виделя (Д.).
Wietsede (Wr.)—Ветца (Ш. Д.), Ветчи (Ш.).
Wirga (Don.)—Вергѣжа (В.), Вергусова (Д.).
Witwizen (Cec.)—Видовичи (Пск. у. Логаз. вол.), Вичевицы (Ш.).
Wyllegale (B.)—Вилокала (В.), Вылыгалово (Ш.).
Zabele (Wr.)—Сабельскій пог. (В.).
Zilse (B.)—Зележъ (Ш.).

Едва ли можно признавать сходство вышеприведенныхъ названій случайнымъ. Допуская возможность случайнаго сходства въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, мы считаемъ однако сходство большинства ихъ неслучайнымъ, а имѣющимъ историческую связь, которая свидѣтельствуетъ по меньшей мѣры объ однородности обитателей мѣстностей, носящихъ сходныя названія. Къ числу названій, сходство которыхъ можно вѣроятнѣе всего объяснить случайнымъ временнымъ переселеніемъ (насильственнымъ) латышей въ Новгородскія владѣнія, относятся названія Латыгола, дер. въ Деревской пятинѣ, Симоголовъ, дер. въ Вотьской пят. и Зимогулье, дер. въ Шелонской пятинѣ. Эти названія по всей вѣроятности тожественны съ древнимъ наименованіемъ латышскихъ племенъ латыгола, летыгола, зимгола, земигалы. Эти названія суть слѣды враждебныхъ отношеній между обитателями Деревской и Шелонской пятинъ и латышей у береговъ Двины.

Болѣе всего сходныхъ куронскихъ названій оказывается въ Водьской пятинѣ, затѣмъ въ Деревской, а въ Шелонской менѣе всего. Нѣкоторыя изъ общихъ сходныхъ названій встрѣчаются и въ Эстоніи. Замѣчательно, что значительная часть сходныхъ названій падаетъ на югозападныя области въ Куроніи Бигавеланкъ и Бандову, гдѣ вообще финскихъ названій меньше, чѣмъ въ сѣверныхъ областяхъ.

Общій выводъ, какой можно бы сдѣлать на основаніи сходства приведенныхъ названій, тотъ, что по всей вѣроятности здѣсь мы имѣемъ слѣды однороднаго населенія, принадлежавшаго къ финскому племени. Но произошло ли поселеніе въ Куроніи финской народности, родственной древнимъ обитате-

лямъ Водьской и Деревской пятинъ [1]), одновременно съ поселеніемъ ихъ въ послѣднихъ областяхъ, это болѣе трудный вопросъ. Въ самыхъ названіяхъ мѣстностей я не вижу основаній, которыя давали бы право заключать о переселеніи (хотя если это переселеніе совершилось, то слѣды его должны были отпечатлѣться въ этихъ названіяхъ). Апріорное предположеніе, представляющееся болѣе правдоподобнымъ, состоитъ въ томъ, что Куронія была по времени послѣдней страной, гдѣ поселились финскія народности, подвигаясь къ Балтійскому морю. Промежуточными по пространству и времени мѣстами разселенія ихъ являются Эстонія (морское побережье ея) и о. Эзель съ о. Мономъ. Передвиженіе во всякомъ случаѣ должно было совершиться воднымъ путемъ по Балтійскому морю. Но кажется, что для аборигеновъ областей Куронскихъ Бигавеланка и Бандовы Эстонія и острова не служили остановочнымъ пунктомъ, а они прямо переселились изъ Новгородскихъ областей сюда. Частные выводы изъ этого сходства представляются болѣе рискованными.

Хотя въ доказательство народности обитателей извѣстной мѣстности производство мѣстныхъ названій съ научной точки зрѣнія не имѣетъ большой важности, тѣмъ не менѣе я попытаюсь ниже указать происхожденіе нѣкоторыхъ названій. Barta—фин. parta—борода (лив. abbon); parras,—rtaan—край, сторона; Baten—фин. pade, teen—стезя, путь; pada—горшокъ, котелъ; Düppele—ср. въ Финляндіи Tuovila (Toby); Donen—tuoni—богъ смерти, смерть; Hilse—фин. hilse—щепа, хлопья, снѣжинка, Lene—фин. lanig—une западъ; Normo—фин. nurmi—поле. Padoren—paatero—плита; paturi—горшечникъ (лив. potasena); Razge—фин. rahka—пѣна; Seculmzeme—фин. sekuli—смѣшанный посѣвъ; sekali—смѣшанная пища; sekalikko—смѣсь; Talse—фин. talsi—пріютъ, укрывалище; Udren—фин: uutera—прилежный; utra—злополучный; Unseten—фин. unhe—забывчивость; Warta—фин. цѣпъ; Warwe—фин. warpa—сукъ; Welse—фин. welho, лив. vol (vül), bura, arbi—волхвъ, колдунъ; Wyllegale—фин. willikko—дикій человѣкъ или звѣрь; wilukka—анемонъ, печеночная трава, ср. въ Финляндіи Willykala. Кромѣ доказательства финскаго происхожденія обитателей указанныхъ мѣстностей, это производство даетъ намъ кое-какія указанія и относительно ближайшаго опредѣленія племенной разности ихъ. Прежде всего бросается въ глаза, что приведенныя названія ближе всего къ финскому языку, въ ливскомъ отчасти совсѣмъ нѣтъ тѣхъ словъ, отъ которыхъ они происходятъ, отчасти употребляются въ другой формѣ. А главный научный интересъ представляетъ здѣсь отсутствіе звуковъ hk, ht въ названіяхъ и замѣна ихъ звукомъ sk, st. Между тѣмъ какъ въ финскихъ

---

[1]) Такъ какъ названія мѣстностей въ Обонежской пятинѣ пока неизвѣстны, то приходится именно говорить о Деревской и Вотьской пятинахъ, хотя мнѣ думается, что въ Обонежской пятинѣ сходныхъ названій болѣе всего.

словахъ, которыя одного и того же корня съ этими названіями, эти звуки существуютъ. Это обстоятельство наталкиваетъ насъ на то предположеніе, что обитатели мѣстностей съ такими названіями не принадлежали къ іемскому и тавастскому племенамъ, живущимъ нынѣ въ Финляндіи. Звуки sk, st въ срединѣ корней мы находимъ у корелъ, води и ливовъ. У этихъ трехъ народностей вообще звукъ s заступаетъ мѣсто звука h у настоящихъ финновъ и эстовъ. Судя по немногимъ примѣрамъ этого рода, нужно думать, что обитатели Куроніи принадлежали ближе къ корельской вѣтви финскаго племени. Съ другой стороны, изслѣдованія Видемана и Шегрена о языкѣ финскихъ жителей въ Курляндіи и ливовъ въ Лифляндіи, показывающія, что ливскій языкъ въ Лифляндіи и Курляндіи столько же, если не болѣе, различается, какъ эстонскій въ своихъ обоихъ главныхъ діалектахъ (Sjögrens ges. Schr. B. II. Th. I. p. C) скорѣе благопріятствуютъ вышеприведенному мнѣнію. Да и діалектическія разности двухъ курляндскихъ нарѣчій Колькскаго и Пизенскаго вынуждаютъ Видемана (ibid. CIV) заключить о раннемъ дальнѣйшемъ распространеніи ливовъ въ Курляндіи. Что же касается другой половины его заключенія, что поэтому они и не могутъ быть переселенцами съ о. Эзеля, «ибо, говоритъ онъ, было бы непонятно, какъ у пары тысячъ переселенцевъ могли при постоянныхъ сношеніяхъ съ родиною образоваться два нарѣчія», то она исходитъ изъ сомнительныхъ недоказанныхъ посылокъ, будто переселилось только около двухъ тысячъ жителей, и остальные сородичи остались на Эзелѣ. Напротивъ, какъ мнѣ кажется доказаннымъ, нынѣшніе финскіе обитатели сѣвернаго побережья Курляндіи есть только остатки нѣкогда могущественнаго финскаго народа въ Курляндіи и, слѣд., переселеніе сюда его должно было совершиться въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ каковое могло совершиться съ Эзеля и, съ другой стороны, сравненіе мѣстныхъ названій приводитъ къ заключенію, что съ Эзеля могла переселиться сюда только сравнительно малая часть древнихъ Курляндскихъ обитателей.

Такимъ образомъ по всѣмъ даннымъ кажется болѣе вѣроятнымъ тотъ общій выводъ, что Куроны (корсь), принадлежа къ общему финскому племени, ближе всего были родственны кореламъ и переселились въ Куронію моремъ, можетъ быть не прямо, а послѣ пребыванія нѣкотораго времени въ Эстоніи по побережью финскаго залива и на Эзелѣ и Моонѣ, гдѣ и оставили по себѣ слѣды [1]). А гдѣ собственно были ихъ ближайшія мѣста поселеній до этого времени, въ настоящее время нѣтъ возможности съ достовѣрностью рѣшить, но относительно этого можно дѣлать болѣе или менѣе правдоподобныя догадки

[1]) Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ переселеніи корелъ въ столь отдаленную страну, какъ нынѣшняя Курляндія, если припомнить, что во второй половинѣ XII в. они были въ состояніи разрушить Шведскую Сигтуну. См. мое соч. Введеніе Христ. въ Лифляндіи, стр. 155.

и предположенія. Уже приведенныя выше нѣкоторыя мѣстныя названія указывають на Новгородскія области, преимущественно на Водьскую и Деревскую пятины. Можно однако подобрать еще данныя другаго рода, приводящія къ тому же предположенію. Какъ таковыя можно указать своеобразное употребленіе въ началѣ многихъ словъ, начинающихся съ согласнаго звука в; эта особенность болѣе всего замѣтна въ мѣстныхъ названіяхъ Деревской пятины, напр. Вувима, Вудрицы и др. Въ новѣйшее время мнѣніе о переселеніи Куронъ моремъ изъ окрестностей Онежскаго озера высказано было между прочимъ уже г. Биленштейномъ (Balt. Mutschr. XXXVI, H. 2. 1889, p. 87—108.), но безъ какихъ либо доказательствъ. Разбирая вопросъ о томъ, кому принадлежитъ историческая первичность поселенія у береговъ Двины и Курляндіи, литовскому или финскому племени, Д-ръ Биленштейнъ приходитъ къ выводу въ пользу перваго племени. Но всѣ доводы его, видимо вѣскіе, на самомъ дѣлѣ представляются мнѣ слабыми. Устарѣлый методъ, которымъ руководствовался г. Биленштейнъ при своихъ сужденіяхъ, именно словопроизводство мѣстныхъ географическихъ названій, взятыхъ безъ сравненія со сходными названіями въ другихъ странахъ, лишаетъ всѣ его соображенія, какъ бы они ни казались иногда правдоподобными, большаго довѣрія; но будучи примѣнимъ съ такою самоувѣренностью, какъ это дѣлаетъ г. Биленштейнъ, онъ ведетъ къ самымъ невѣроятнымъ сужденіямъ. Изъ приводимыхъ у него свѣдѣній о Венетахъ въ нашу пользу говорятъ слѣдующія: недалеко отъ впаденія р. Миньe въ гавань, при широкомъ заливѣ, одна мѣстность у литовцевъ называется Wenczininkai (по латышски это слово звучало бы Wentineeki Биленшт.) и Винденбургъ (p. 95), и еще нынѣ Виндаускіе обитатели около Пильтена и въ сторону называются Wentini (p. 97). Затѣмъ производство названія мѣстности Cherenden (по акту 1253 г.), нынѣ Scherenden, Zerenden, между Алшвангеномъ и Гольдингеномъ, представляется мнѣ довольно правдоподобнымъ, а именно изъ ливскаго kärand—курчавая голова. По Биленштейну форма Cherenden ливская, а обѣ другія Scherenden, Zerenden видоизмѣненія чрезъ латышскую рѣчь (ср. Schkedes, Sprizis вмѣсто нѣм. Kette, Fritz и новѣйш. лат. Z вмѣсто древняго K, напр. Kepure, Zepure) p. 103. Для примѣра, какъ можно играть однимъ и тѣмъ-же методомъ, я укажу на одинъ только случай у г. Биленштейна: нѣсколько строкъ ниже тотъ же Биленштейнъ, силясь доказать первичность леттовъ въ Ливоніи, ссылается на латышское названіе Straupe, лив. Raupa, Ropa и утверждаетъ, что латышская форма первичная, такъ какъ ливы не могли произносить въ такой формѣ кореннаго латышскаго слова и выпустили потому одну начальную согласную. Если это справедливо, то г. Биленштейнъ долженъ былъ бы нѣсколько повыше также заключить, что нѣмецкое Kette и Fritz передѣланы съ латышскаго Schkedes и Sprizis.

Юрій Трусманъ.

Объ источникахъ сказки «О рыбакѣ и рыбкѣ» Пушкина.

Въ майской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1892 годъ напечатана статья В. В. Майкова подъ заглавіемъ: «Сказка «О рыбакѣ и рыбкѣ» Пушкина и ея источники». На основаніи нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ и собственныхъ соображеній почтенный авторъ даетъ слѣдующій отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ объ источникахъ этой сказки: Такъ какъ связь сказки «О рыбакѣ и рыбкѣ» съ устными разсказами няни Пушкина не подтверждается черновыми рукописями поэта, а связь этой сказки съ «Пѣснями Западныхъ Славянъ» чисто внѣшняя: то остается принять за источникъ ея сообщеніе Даля, чтѽ подтверждается и надписью Пушкина на рукописи сказки, подаренной Далю [1]). Сюжетъ сказки, говоритъ авторъ въ концѣ статьи, сообщенъ Пушкину Далемъ, а прототипъ ея можно видѣть въ нѣкоторыхъ сказкахъ у Аѳанасьева и Худякова. Поэтическое творчество поэта распространяло и развивало въ новые образы почти незамѣтныя черты своихъ источниковъ, нисколько не уклоняясь отъ общаго художественнаго колорита народной сказки. Аѳанасьевскій текстъ «Золотой рыбки», до такой степени сходный по содержанію и по отдѣльнымъ выраженіямъ съ сказкою Пушкина, происходитъ, по мнѣнію автора, уже изъ Пушкинской сказки: «Пушкинская сказка, проникнувъ въ народъ, сдѣлалась источникомъ этой послѣдней редакціи народнаго разсказа».

Мы ничего не имѣемъ противъ предположенія автора статьи, что источникомъ сказки Пушкина было сообщеніе Даля, но позволяемъ себѣ не согласиться съ нѣкоторыми дальнѣйшими выводами и предположеніями автора, а именно: 1) что Даль сообщилъ Пушкину только сюжетъ (канву) сказки и 2) что текстъ сказки «О золотой рыбкѣ» въ сборникѣ Аѳанасьева есть ничто иное, какъ народная передѣлка (редакція) Пушкинскаго разсказа.

Дѣло въ томъ, что сюжетъ Пушкинской сказки не спеціально русскій; у Нѣмцевъ и Шведовъ существуютъ сказки на ту же самую тему. Этого

---

[1]) «Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому сказочникъ Александръ Пушкинъ».

мало: сказки эти сходны съ Пушкинской не только по сюжету, но и по плану и даже по деталямъ. Особенно это сходство выступаетъ въ шведскомъ разсказѣ. Нельзя же думать, что Шведы и Нѣмцы заимствовали не только сюжетъ, но пріемы и подробности повѣствованія изъ Пушкинской сказки! Если мы не ошибаемся, первый томъ «Kinder-und Hausmärchen» изданъ Я Гриммомъ въ Берлинѣ въ 1812 году. А въ этомъ томѣ помѣщена и сказка: «Von dem Fischer un syne Fru». Правда, сказка эта во многихъ отношеніяхъ разнится отъ Пушкинскаго разсказа, но тема, общій планъ, а также нѣкоторыя детали одинаковы тамъ и здѣсь. Требованія старухи въ нѣмецкой сказкѣ идутъ въ такомъ порядкѣ: старуха желаетъ сначала избу, потомъ—замокъ; за симъ она хочетъ быть королемъ, императоромъ, папой и, наконецъ, самимъ Богомъ.

Шведская сказка «Guldfisken» по сюжету, плану и отдѣльнымъ подробностямъ поразительно напоминаетъ разсказъ Пушкина. Единственная разница между ними, за исключеніемъ, конечно, спеціально русскихъ подробностей и выраженій въ сказкѣ Пушкина,—это первое желаніе старухи въ шведскомъ разсказѣ: имѣть достаточно хлѣба для пропитанія.

Что же удивительнаго и невѣроятнаго въ томъ, что и у насъ на Руси извѣстна была въ народѣ сказка «О золотой рыбкѣ», до такой степени сходная по содержанію и по отдѣльнымъ выраженіямъ съ сказкою Пушкина? Если мы вмѣстѣ съ В. В. Майковымъ будемъ отрицать существованіе подобнаго народнаго разсказа на Руси, то спрашивается; не естественнѣе ли и не проще ли тогда предположить, что Пушкинъ (положимъ, черезъ Даля) воспользовался для своего разсказа указанными чужеземными источниками, выпустивъ и измѣнивъ въ нихъ со свойственнымъ ему мастерствомъ то, чтò онъ нашелъ несогласнымъ съ духомъ и колоритомъ русской народной сказки.

Намъ представляется болѣе удобнымъ и естественнымъ допустить заимствованіе Пушкинымъ сюжета, плана и даже отдѣльныхъ выраженій и пріемовъ изъ русскаго народнаго разсказа. Гораздо вѣроятнѣе, что Даль (или кто другой) сообщилъ ему не сюжетъ только, но болѣе или менѣе полный разсказъ близкій или тождественный съ сказкою «О золотой рыбкѣ», помѣщенной въ, сборникѣ Аѳанасьева. Въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой нужды искать объясненія плана, пріемовъ и подробностей Пушкинскаго разсказа въ иноземныхъ источникахъ или, какъ это дѣлаетъ авторъ статьи, въ другихъ русскихъ памятникахъ народнаго творчества.

„ЗОЛОТАЯ РЫБКА". сказка.

(переводъ со шведскаго) [1].

На берегу морскаго залива стояла убогая избушка; въ избушкѣ жилъ старикъ со своей старухой. Жили они въ большой бѣднотѣ. У старика была сѣть, которою онъ ловилъ рыбу; такъ добывали они себѣ насущное пропитаніе [2].

Разъ закинулъ старикъ сѣть въ море. Когда сталъ онъ тянуть ее вверхъ, она была тяжела, тяжелѣе, чѣмъ когда-либо; онъ долженъ былъ налечь всѣми силами, чтобы вытащить ее наружу. Сталъ онъ осматривать сѣть, и сначала не нашелъ въ ней ничего, но подъ конецъ усмотрѣлъ онъ одну рыбку. Но такую удивительную рыбку онъ никогда прежде не видывалъ: рыбка была золотая.

И заговорила рыбка голосомъ человѣчьимъ: «не бери меня, старче, отпусти меня въ синее море; сдѣлаешь это, дамъ тебѣ все, чего ты только не попросишь у меня». Думалъ-думалъ старикъ, на послѣдокъ сказалъ: «ну, не надо мнѣ тебя, такъ ступай себѣ опять въ море»! [3] Онъ бросилъ рыбку обратно въ море и пошелъ домой [4]. Дома жена спросила его: «ну, хорошъ былъ уловъ»? «О! я поймалъ лишь одну золотую рыбку, да и ту пустилъ назадъ въ море; она такъ мило просила меня, чтобъ я не бралъ ее. «Отпусти меня въ синее море, говорила она,—и я дамъ тебѣ все, чего ты ни попросишь у меня». Мнѣ стало жалко бѣдняжку, и я не взялъ съ нея выкупа, такъ пустилъ ее на волю».

«Старый дуралей! Счастье было у тебя въ рукахъ, и ты не умѣлъ пользоваться своей выгодой». Старуха не на шутку [5] осердилась; она бранила старика изо дня въ день и не давала ему ни на минуту покоя. «Хоть бы ты выпросилъ у твоей рыбки немножко хлѣба. У насъ нѣтъ и корки (куска) хлѣба, чтобъ положить въ ротъ. Чѣмъ будемъ мы жить»? Подъ конецъ не выдержалъ старикъ; пошелъ онъ попытаться, не встрѣтить-ли онъ свою рыбку, и попросить у нея немножко хлѣба.

Когда пришелъ онъ внизъ на берегъ, началъ онъ изо всѣхъ силъ кликать: «Золотая рыбка! Золотая рыбка! Поди сюда, повернувъ хвостъ въ море, а голову ко мнѣ»! Рыбка тотчасъ-же приплыла къ берегу. «Что тебѣ надобно, старче»? спросила она. «Жена моя очень сердится; она послала меня сюда, чтобъ попросить у тебя хлѣба». «Ступай домой, старче; тамъ найдешь ты хлѣбъ въ избыткѣ».

Вернувшись домой, старикъ спросилъ: «ну, есть у тебя хлѣбъ»? «Да, сколько душѣ угодно; да вотъ бѣда случилась у насъ: стиральное корыто раскололось, намъ не въ чёмъ бѣлье мыть. Поди, попроси у золотой рыбки новое корыто»!

Старикъ пошелъ внизъ къ морскому берегу и вновь сталъ кликать: «Золотая рыбка, поди сюда, повернувъ хвостъ въ воду, а голову ко мнѣ»! Приплыла золотая рыбка. «Что тебѣ надобно, старче»? спросила она. «Жена послала меня, она проситъ новое корыто». «Добро! Оно ужъ у тебя»!

Едва старикъ успѣлъ подойти къ двери, какъ старуха закричала: «ступай скорѣй опять на берегъ, старикъ, и проси золотую рыбку построить для насъ новую избу».

Снова пошелъ старикъ къ морскому берегу. «Золотая рыбка! Золотая рыбка! Поди сюда»! «Что тебѣ надобно»? спросила рыбка. «Построй намъ новую избу; жена— не въ духѣ; она говоритъ, что не хочетъ дольше жить въ старой избенкѣ, которая

---

[1]) «Svenska-Familj-Journalen», 1878, № 12, стр. 369—70: «Guldfisken», saga.

[2]) Начало нѣмецкой сказки также очень сходно: «Разъ были старикъ да старуха; жили они вмѣстѣ въ землянкѣ, у самаго моря. Старикъ ходилъ каждый день удить рыбу»...

[3]) Ut med dig=убирайся, вонъ.

[4]) Нѣм. текстъ: «и вернулся къ своей старухѣ въ землянку».

[5]) Rigtigt=дѣйствительно.

того и гляди рухнетъ». «Не печалься, старче; ступай домой и молись Богу,—желаніе твое исполнится».

Старикъ вернулся домой. На дворѣ стояла дубовая изба съ нарядными прикрасами. Старуха вышла къ нему на встрѣчу; она была злѣе, чѣмъ когда либо, и закричала на него громче обыкновеннаго: «Старый дуралей! Не умѣешь ты пользоваться своимъ счастіемъ: просишь одну новую избу и думаешь, что и вправду ты не промахъ. Ступай назадъ къ золотой рыбкѣ и скажи ей: моя старуха не хочетъ быть дольше простой крестьянкой; она хочетъ быть принцессой и повелѣвать многими слугами».

Пошелъ старикъ къ морю и справилъ порученіе.

«Добро» сказала рыбка,—«будетъ по твоему».

Воротился старикъ домой и видитъ предъ собой трехъэтажный каменный домъ; на дворѣ толпятся слуги, а на кухнѣ повара. Жена сидитъ госпожею въ шитомъ золотомъ и серебромъ нарядѣ и раздаетъ приказанія. «Здравствуй, старуха моя»! «Слышь, эдакій простофиля! Меня, принцессу, зоветъ своей женой! Свести его внизъ на конюшню и задать добрую порку»!

Подбѣжали слуги, схватили бѣднягу старика, привели въ конюшню и угостили здѣсь его хорошей баней. Послѣ такого славнаго дѣла старуха сдѣлала мужа дворникомъ. Она велѣла дать ему метлу и приказала, чтобъ онъ чистилъ дворъ и ѣлъ на кухнѣ.

«Экая вѣдьма», думалъ про себя бѣдняга старикъ; «выпало на ея долю счастье, она и катается въ немъ, какъ какая нибудь . . . Теперь она уже не хочетъ признать меня своимъ мужемъ»!

Нѣсколько времени спустя [1]) соскучилась старуха быть принцессой. Она приказала позвать къ себѣ старика и сказала ему: «Старый дуралей! Поди, отыщи золотую рыбку; скажи ей: жена моя не хочетъ дольше быть принцессой; она хочетъ быть царицей». Старикъ исполнилъ порученіе. «Добро, сказала рыбка,—ступай домой и молись Богу, такъ будетъ по твоему».

Старикъ отправился домой. Видитъ: предъ нимъ дворецъ съ золотою кровлей. Предъ дворцемъ стоятъ солдаты, не даютъ ему войти. Позади дворца раскинулся большой паркъ, а передъ нимъ стелется зеленый лугъ; на лугу собрано войско.

Старуха вышла на балконъ, одѣтая въ царскій нарядъ и окруженная генералами. Барабаны били дробь, музыка гремѣла, солдаты кричали ура.

Прошло нѣсколько времени, соскучилась старуха быть и царицей. Приказала она разыскать старика и привести предъ ея величество. Поднялась суматоха, генералы встревожились, царедворцы говорили: какой это старикъ? Каковъ онъ на видъ? Наконецъ отыскали старика гдѣ-то на заднемъ дворѣ и привели его къ царицѣ. «Слушай, старый дуралей! Поди, отыщи золотую рыбку и скажи ей: жена моя не хочетъ дольше быть царицей (kejsarinna); хочетъ быть она владычицей морской (drottning), хочетъ повелѣвать всѣми морями и всѣми рыбами». Старикъ осмѣлился перечить. «Иди сію минуту, а не то велю снять съ тебя голову!».

Собрался съ духомъ старикъ и пошелъ къ морскому берегу. Придя туда, сталъ онъ кликать: «Золотая рыбка! Золотая рыбка! Поди сюда, повернувъ хвостъ въ воду, а голову ко мнѣ»! Рыбка не показывалась. Старикъ кликнулъ еще разъ, но рыбка не являлась. Сталъ онъ кликать рыбку въ третій разъ. Заволновалось тутъ море, закипѣло; минуту назадъ было оно прозрачное и синее, а теперь почернѣло, какъ смола [2]). Золотая рыбка приплыла къ берегу. «Что тебѣ надобно, старче»? «Старуха моя начинаетъ изъ ума выживать. Она уже не хочетъ дольше быть царицей; она хочетъ

---

[1]) У Пушкина: «вотъ, недѣля-другая проходитъ»; въ нѣм. текстѣ: «so güng dat wol'n acht oder voertein Dag»

[2]) У Пушкина: «на морѣ черная буря—такъ и вздулись сердитыя волны, такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ». Въ нѣм. текстѣ: un de Himmel wöör gausz pickswart, un dat dunnerd un blitzd, un de See güng in so hoge swarte Bülgen, as Kirchentöörn un as Baarge, un de hadden bawen all ene witte Kroon von Schuum up».

быть владычицей морской, править всѣми водами и имѣть всѣхъ рыбъ у себя въ услуженіи». Ничего не отвѣтила старику рыбка и нырнула внизъ на дно морское.

Старикъ идетъ назадъ во дворецъ. Смотритъ онъ вокругъ себя и съ трудомъ вѣритъ своимъ глазамъ: дворецъ исчезъ. Тамъ, гдѣ онъ стоялъ, видитъ онъ лишь ветхую избушку, а въ избушкѣ старую старуху.

Начали они жить, какъ жили въ старые дни. Старикъ принялся опять за рыбную ловлю; но напрасно закидывалъ онъ свои сѣти въ море: ему уже никогда болѣе не привелось поймать золотую рыбку.

«Kinder und Hausmärchen», gesammelt durch die Brüder Grimm. Grosse Ausgabe, 1 Bd. По 7 изданію (Göttingen, 1857), p. 100—9: «Von dem Fischer un syne Fru». Сказка записана Рунге на померанскомъ нарѣчіи и въ 1809 году сообщена была Арнимомъ издателямъ сборника. Въ Гессенѣ также часто можно слышать эту сказку, хотя здѣсь она разсказывается менѣе полно и съ уклоненіями отъ помѣщеннаго въ сборникѣ текста. Въ Гессенѣ она извѣстна подъ названіемъ: «Vom Männchen Domine (иначе—von Hans Dudeldee) und Frauchen Dinderlinde». Въ альманахѣ Ю. Кернера за 1812 годъ (стр. 50—54) находится сказка, написанная стихами (Knittelversen), по содержанію сходная съ предыдущею, вѣроятно, въ южногерманской версіи. Рыбакъ зовется Hans Entender. Во второмъ изданіи дѣтскихъ сказокъ А. Л. Гримма (Heidelberg, 1817) помѣщена сказка о рыбакѣ, но въ прозѣ, по содержанію тождественная съ послѣднею. Сравн. также у Куна (Kuhn)— De Kossät und süne Fruu (№ 6) и въ Firmenichs Völkerstimme: «Et golde Fiske» (p. 377).—Начало сказки замѣчательно напоминаетъ одинъ разсказъ изъ 1001 ночи (1, 107 histoire de pecheur), а равно Валлійскую сказку у Talisien'a (Сравн. Altd. Wälder 1, 70.). Похожее начало имѣетъ также одна финская сказка (Freimutige, 1834, № 253—256). Подробнѣе объ этомъ въ III томѣ «Kinder und Hausmärchen» (во второмъ изданіи — Göttingen, 1856—p. 28—9).

Свящ. П. Р—въ.

Стокгольмъ.

ОТДѢЛЪ II.

Ритуалъ сибирской свадьбы.

Къ числу самыхъ раннихъ проявленій культурной жизни человѣчества принадлежитъ, безъ сомнѣнія, институтъ брака: древность его можно считать почти одинаковой съ древностью религіи. И это естественно: по мнѣнію многихъ ученыхъ—семья была первою ячейкою, розмноженіе которой создало человѣческое общество; и если это справедливо, то конечно брачный союзъ между мужчиной и женщиной не могъ избѣгнуть общественнаго контроля, выражающагося въ совокупности самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ формальностей и обычаевъ, которыми обставляется заключеніе брачнаго союза. Само собой разумѣется, что характеръ всѣхъ этихъ обычаевъ и формальностей зависитъ отъ культурнаго уровня того общества, среди котораго они возникаютъ. Христіанство значительно упростило эти обычаи, ограничивъ ихъ только заключеніемъ брака въ церкви и не иначе, какъ ея служителемъ; институтъ такъ называемаго гражданскаго брака, принятаго въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, еще болѣе сократилъ количество брачныхъ формальностей, считая бракъ вполнѣ законнымъ, если условія его занесены въ книгу мѣстнаго нотаріуса; а общественное самосознаніе уничтожило въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Англіи, и всѣ тѣ пиршества и празднества, которыми сопровождался бракъ въ прежнее время, установивъ, какъ обычай, свадебное путешествіе новобрачныхъ тотчасъ по совершеніи брака.

Среди низшихъ классовъ однако сохраняется множество брачныхъ обычаевъ, являющихся, безъ сомнѣнія, остатками самой сѣдой и притомъ языческой старины; среди нашего народа, не смотря на простоту православнаго брака, ни одно событіе частной и общественной жизни не обставлено такимъ множествомъ формальностей, какія сопровождаютъ заключеніе брачнаго союза—до и послѣ его освященія церковью. Можно сказать, что самый важный актъ брака—вѣнчаніе—просто теряется среди обилія тѣхъ обычаевъ и формальностей, которыми полна деревенская свадьба. Трудно сомнѣваться въ томъ, что эти пережитки давно изчезнувшихъ общественныхъ формъ жизни представляютъ значительный бытовой и даже научный интересъ. Автору этихъ строкъ пришлось познакомиться довольно близко съ ритуаломъ сибирской свадьбы, и онъ позволяетъ себѣ предложить свои наблюденія вниманію публики.

Обычаи сибирской свадьбы таковы, что они представляютъ еще спеціальный интересъ: они, во-первыхъ, носятъ нѣсколько азіатскій оттѣнокъ, и во-вторыхъ, могутъ считаться до нѣкоторой степени источникомъ объѣднѣнія сибирскихъ крестьянъ.

То, что мы называемъ азіатскимъ оттѣнкомъ, заключается въ обычаѣ «запроса», который сами крестьяне называютъ татарскимъ словомъ «калымъ»: женихъ долженъ заплатить за невѣсту извѣстную сумму денегъ, чтобы она могла сдѣлаться его женой. Правда, деньги эти возвращаются въ семью жениха, такъ какъ невѣста не оставляетъ ихъ своему отцу, а заводитъ на нихъ такіе предметы приданаго, которыхъ она не выработала своимъ домашнимъ трудомъ или которыхъ ей не даютъ родители; «запросъ», «калымъ» почти весь идетъ на покупку предметовъ роскоши: «дипломатовъ», «боти-

нокъ», шелковыхъ платьевъ и платковъ, шерстяныхъ шалей и т. п. Съ другой стороны, если женщина приноситъ съ собой «калымъ» обратно въ семью мужа, то всетаки онъ считается ея личною собственностью и въ случаѣ смерти мужа остается не въ его семьѣ, а у вдовы; и если она вторично выходитъ замужъ, то «калымъ» не отбирается у нея.

Обычай этотъ, вѣроятно, возникъ частью отъ сосѣдства съ киргизами кочевниками, а болѣе всего отъ первоначальнаго характера колонизаціи Сибири: при малочисленности населенія, когда рабочая и производительная сила женщины особенно цѣнится, при значительномъ наплывѣ въ Сибирь разныхъ удальцовъ—конечно безсемейныхъ—при обоихъ этихъ условіяхъ немудрено возникнуть обычаю «калыма», какъ выразителю численнаго преобладанія мужчинъ надъ женщинами. Въ настоящее время, когда населеніе Сибири все болѣе и болѣе увеличивается—благодаря всякаго рода колонизаціи—вольной и невольной, организованный и безпорядочный—обычай «запроса», «калыма» начинаетъ исчезать: крестьяне—особенно небогатые—женятся «убѣгомъ», т. е. тайно отъ родителей; тайна эта однако не составляетъ для послѣднихъ секрета; обыкновенно это дѣлается съ согласія родителей той и другой стороны, хотя и съ неохотой со стороны отца невѣсты, которому въ этомъ случаѣ всетаки дается «за руку» вино. Такая свадьба «убѣгомъ» избавляетъ жениха не только отъ «калыма», но и отъ большей части расходовъ по угощенію родственниковъ и знакомыхъ: «убѣгъ» всетаки считается неприличіемъ, и на такую свадьбу приглашаютъ только самыхъ близкихъ людей, причемъ празднованіе совершается очень скромно—безъ всякаго шума, звона и треска.

Что касается до раззорительности сибирской свадьбы (главнымъ образомъ, впрочемъ, для семьи жениха), то это можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, относящихся къ той мѣстности, свадебные обычаи которой мы будемъ далѣе описывать. Расходъ жениха состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) «запросъ», или «калымъ» невѣстѣ—80 р.; 2) отцу невѣсты «за руку» (т. е. за согласіе) вина 4 ведра по 6 р.—24 р.; 3) для гулянки въ домѣ жениха водки 6 ведеръ—36 р.; 4) вѣнчаніе—10 р.; 5) роднѣ невѣсты на подарки (пряниками и мыломъ) около 3 р.; 6) рыбы для пироговъ не менѣе 2 пудовъ по 2 р.—4 р.; 7) масла коровьяго одинъ пудъ—7 р.; 8) мяса 2 пуда по 1 р. 50 к.—3 р.; 9) чаю 2 фунта по 1 р. 50 к.—3 р.; 10) сахару 10 фунтовъ по 20 к.—2 р.; 11) орѣховъ, пряниковъ и карамели на 2 р.; 12) муки пшеничной 4 пуда по 70 к.—2 р. 80 к.. Всего будетъ стоить свадьба для жениха 176 р. 80 к. Замѣтимъ, что всѣ цифры взяты для крестьянина средняго состоянія; богатые крестьяне тратятъ вдвое и втрое болѣе вышеприведенныхъ цифръ: одинъ «калымъ» увеличивается до 200—300 р. и доходитъ иногда до 500 р.

Но свадебные расходы не исчерпываются издержками одного жениха; будущій тесть устраиваетъ у себя такую же гулянку, какъ и семья жениха; водки ему покупать не надо—ее онъ получилъ «за руку» отъ свата; но всякое угощеніе—рыба, мясо, масло, пряники, чай, сахаръ и т. д.—все это онъ долженъ купить въ томъ же размѣрѣ, какъ и женихъ, потому-что число пирующихъ въ его домѣ то же самое, какъ и въ домѣ жениха; поэтому, тестю гулянка стоитъ не менѣе 24 р.

Свадебные гости, которые «гуляли» у жениха и невѣсты и которыхъ съ той и другой стороны приблизительно по 6 человѣкъ, также устраиваютъ гулянки, на которыя приглашаются молодые съ ихъ ближайшими родственниками; эти гулянки, конечно, обходятся уже дешевле, потому-что и число пирующихъ меньше, и происходятъ онѣ втеченіе одного только дня, да и пьютъ тутъ сравнительно меньше (напримѣръ водки—1 ведро); по сдѣланнымъ разсчетамъ такія гулянки обходятся около 11 рублей для каждаго изъ свадебныхъ гостей; а такъ какъ ихъ бываетъ около 12 человѣкъ, то въ общей сложности расходъ на эти гулянки доходитъ до 132 р.

Повторяемъ, что мы взяли вездѣ среднія цифры для средне-зажиточныхъ крестьянъ; и мы видимъ, что свадебные расходы достигаютъ очень солидныхъ цифръ: женихъ истратитъ до 177 р., тесть—до 24 р., гости—не менѣе 132 р., т .е. всего около 333 рублей.

Попытаемся сосчитать, во что обойдется стоимость свадьбы для цѣлаго селенія,

Для примѣра мы возьмемъ д. Нагорскую, Утякской волости, Курганскаго округа, Тобольской губерніи [1]). Въ этомъ селеніи около 1000 наличныхъ душъ обоего пола, дворовъ 157, въ которыхъ 485 надѣльныхъ по землѣ и по податямъ душъ; всѣхъ налоговъ (казенныхъ и мірскихъ) приходилось въ 1888 г. по 4 р. 46,65 к. съ души, а всего съ 485 душъ—2,166 р. 25¼ к. Ежегодно въ этомъ селеніи играется отъ 8 до 9 свадьбъ; считая въ среднемъ 8½ свадьбъ и помножая эту цифру на 333 р., получимъ ежегодный свадебный расходъ селенія въ 2,830 р. 50 к.—т. е. на ¼ часть больше общей суммы всѣхъ налоговъ, которые платитъ крестьянская земля въ пользу казны и на общественные по волости и селенію расходы [2]).

Можетъ представиться возраженіе, что нашъ разсчетъ невѣренъ потому, что мы относимъ свадебные расходы на одну деревню, между тѣмъ какъ—въ случаѣ «привода» невѣсты изъ другого селенія—значительная часть расходовъ—со стороны невѣстиной родни—падетъ на другое селеніе; но если д. Нагорская беретъ извѣстное число невѣстъ изъ другихъ мѣстъ, то столько же приблизительно отдастъ туда своихъ дѣвицъ; и слѣдовательно расчетъ остается такимъ, какъ бы всѣ свадьбы происходили между жителями одной только д. Нагорской.

Мы видимъ, какое громадное чисто экономическое значеніе имѣетъ бракъ среди сибирскихъ крестьянъ: расходы на свадьбы значительно превышаютъ все податное обложеніе ихъ земель; хозяйственно-экономическое значеніе этихъ тратъ еще болѣе возрастетъ, если мы примемъ во вниманіе, что они единовременны для всѣхъ участниковъ свадьбы: въ то время, какъ податная тяжесть раскладывается на всѣхъ домохозяевъ сообразно количеству владѣемой каждымъ земли,—свадебные расходы падаютъ главнымъ образомъ на домохозяйство жениха. Понятно, что въ случаѣ отсутствія сбереженій это домохозяйство неизбѣжно должно входить въ долги, уплата которыхъ производится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, причемъ, конечно, платятся ростовщическіе проценты. Явленіе это можно считать почти обычнымъ, такъ какъ самая характерная черта сибирскаго крестьянина, воспитанная трехвѣковымъ земельнымъ привольемъ, состоитъ именно въ отсутствіи бережливости. Въ прежнія времена—лѣтъ 50—100 тому назадъ—быть можетъ свадебная расточительность была вполнѣ умѣстна и естественна, такъ какъ земли были свѣжи и не выпаханы, да и пространства ихъ столь обширны, что можно было выбирать любой участокъ для распашки и посѣва. Прибавимъ къ этому, что исчезнувшее въ настоящее время обиліе лѣсовъ было громаднымъ резервуаромъ влаги, предохранявшимъ земледѣліе отъ тѣхъ губительныхъ засухъ, которыя въ настоящее время составляютъ бичъ земледѣлія южной полосы Западной Сибири и приводятъ къ страшнымъ голодовкамъ (особенно для скота) на громадныхъ пространствахъ.

Въ описываемой мѣстности—т. е. въ Курганскомъ округѣ (да и въ близь лежащихъ около него—Тюменскомъ, Ялуторовскомъ и Ишимскомъ) земельный просторъ, позволявшій вести залежное и переложное хозяйство, составляетъ уже преданіе довольно далекаго прошлаго; въ средней сложности по всему Курганскому округу едва-ли найдется болѣе 12—13 десятинъ всѣхъ угодій на наличную душу мужскаго пола; и есть волости, гдѣ приходится уже не болѣе 9 десятинъ на наличную душу. Если принять еще во вниманіе то обстоятельство, что, благодаря уничтоженію лѣсовъ, климатъ дѣлается все болѣе и болѣе рѣзкимъ, и земледѣліе превращается просто въ лоттерею, то стано-

---

[1]) Обычаи сибирской свадьбы, которые мы будемъ дальше излагать, сообщены намъ крестьяниномъ именно этого селенія, Василіемъ Федоровичемъ Бобковымъ, человѣкомъ зажиточнымъ, обстоятельнымъ и хорошо знающимъ свадебные обычаи, такъ какъ самъ онъ на свадьбахъ играетъ почетную роль «вѣжливца» или церемоніймейстера. Считаемъ долгомъ благодарить здѣсь В. Ф. Бобкова за подробные разсказы намъ о всякихъ сибирскихъ обычаяхъ.

[2]) Въ настоящее время—послѣ двухъ-лѣтней голодовки въ Курганскомъ округѣ—расходы крестьянъ на свадьбы значительно сократились. Наши цифровыя свѣдѣнія о цѣнахъ на продукты, о податяхъ и т. п. относятся къ 1889 г., когда мы производили хозяйственно-экономическое изслѣдованіе Курганскаго округа по распоряженію г. Министра Государственныхъ Имуществъ.

вится понятной необходимость продовольственныхъ запасовъ не только для людей, но и для скота, и притомъ не на одинъ годъ, а на два, потому-что здѣсь бываютъ неурожаи по два и по три года сряду—какъ напримѣръ 1890 и 1891 гг. въ юго-западной части Курганскаго округа и въ 1883, 1884 и 1885 г. во всемъ округѣ.

Изъ предыдущаго видно, что привычки, воспитанныя земельнымъ просторомъ, свѣжестью пахатныхъ земель и сравнительной обезпеченностью урожаевъ, совершенно уже не соотвѣтствуютъ ни хозяйственнымъ, ни экономическимъ условіямъ настоящаго времени. Ясно, что если прежде можно было ради свадебъ залѣзать въ долги въ разсчетѣ на богатство природы и на щедрую оплату крестьянскаго труда, теперь—когда надвигается со всѣхъ сторонъ земельное утѣсненіе (мы говоримъ о юго-западной части Тобольской губ.) и когда природа сдѣлалась до послѣдней степени скупа—теперь свадьбы надо дѣлать не только на сбереженіе предыдущихъ лѣтъ, но и вообще слѣдуетъ сокращать эти расходы—во всякомъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, непроизводительные.

Еслибы свадебные расходы заключались главнымъ образомъ въ гулянкахъ и пьянствѣ, еслибы они вытекали исключительно изъ одного желанія повеселиться по случаю радостнаго событія для двухъ крестьянскихъ семействъ, то въ такомъ случаѣ сокращеніе свадебныхъ расходовъ зависѣло бы исключительно отъ одного только развитія бережливости въ средѣ сибирскаго крестьянства. Дѣло однако обстоитъ совершенно иначе: оказывается, что выработанный вѣками свадебный ритуалъ не только крайне сложенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обязателенъ, если только брачущіеся желаютъ, чтобы ихъ свадьба считалась приличною. А строгость, съ которою крестьяне относятся къ соблюденію приличій, можетъ быть сравниваема только съ обычаями high life'а; конечно, это очень смѣшно, что тотъ же крестьянинъ, который на улицѣ «матерится» трехъэтажными ругательствами и нерѣдко пьяный безобразно валяется около кабака—этотъ же самый мужикъ, когда придетъ въ гости или самъ принимаетъ гостей, становится чрезвычайно щепетильнымъ и обидчивымъ, если не соблюдетъ мельчайшихъ вѣжливостей и церемоній, освященныхъ вѣками. Но смѣшно или не смѣшно это—несомнѣненъ только тотъ фактъ, что у крестьянъ есть свое представленіе о «хорошемъ тонѣ», соблюденіе котораго столь же обязательно, какъ въ самомъ чопорномъ обществѣ.

Само собой понятно, что если «хорошій тонъ» обязателенъ при обыкновенныхъ пріемахъ гостей, то такое торжество, какъ свадьба, требуетъ уже настоящихъ церемоній. И дѣйствительно—церемоніи сибирской свадьбы настолько сложны и многочисленны, что жизнь выработала даже особыхъ знатоковъ свадебнаго ритуала, настоящихъ церемонійместеровъ, которыхъ народъ называетъ чисто русскимъ словомъ: «вѣжливецъ», «большакъ». Необходимо однако замѣтить, что вѣжливецъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію церемонійместера; роль эта есть остатокъ древнѣйшихъ суевѣрій, предполагающихъ, что бракъ окруженъ вліяніемъ темныхъ силъ, которыя могутъ повредить счастливому супружеству. Судя по сознанію самихъ крестьянъ и по тѣмъ манипуляціямъ, которыя производитъ вѣжливецъ и которыя будутъ описаны впослѣдствіи, вѣжливецъ или большакъ считается до нѣкоторой степени колдуномъ, предохраняющимъ теченіе свадьбы отъ вліянія другихъ колдуновъ, дѣйствующихъ или по собственной злобѣ на брачущихся, или по подговору ихъ враговъ. Не пригласить на свадьбу вѣжливца—это значитъ, по мнѣнію крестьянъ, не только запутаться въ сложныхъ обрядностяхъ свадьбы и сдѣлать множество неприличій и безтактностей по отношенію къ самымъ близкимъ и почетнымъ лицамъ; это значитъ не только сдѣлаться посмѣшищемъ цѣлаго селенія, такъ какъ вся свадьба вышла бы «не по людски»,—неприглашеніе вѣжливца ведетъ еще, по всеобщему мнѣнію крестьянъ, къ тому, что самый бракъ будетъ несчастливъ, что въ немъ не будетъ супружеской любви, независимо отъ того, что въ теченіе самой свадьбы можетъ случиться какое-нибудь несчастіе.

Въ виду всего изложеннаго на каждую свадьбу приглашается вѣжливецъ, который завѣдуетъ всѣмъ церемоніаломъ, играетъ самую почетную роль и получаетъ отъ невѣсты самые лучшіе дары.

Когда черезъ свахъ становится извѣстно, что родители дѣвушки согласны выдать ее замужъ, то отецъ жениха пріѣзжаетъ къ нимъ въ домъ для переговоровъ о матеріальной сторонѣ брака. Для родителей невѣсты не считается обязательнымъ давать дѣвушкѣ приданое; все, что она уноситъ изъ дома отца, она пріобрѣла сама—или денежнымъ заработкомъ на лѣтнихъ работахъ, или пряжей и тканьемъ изъ собственнаго льна. Надо замѣтить, что когда ленъ сѣется крестьяниномъ не для продажи, а для собственныхъ домашнихъ надобностей, то обыкновенно онъ засѣваетъ столько «лѣхъ» или «загоновъ» [1]), сколько въ семьѣ женщинъ-работницъ; этотъ ленъ находится въ полномъ распоряженіи женщинъ, и все, что останется послѣ постройки необходимаго для семьи бѣлья, считается полною собственностью женщинъ; изъ нихъ замужнія продаютъ холсты, а дѣвушки берегутъ ихъ себѣ на приданое.

Если родители даютъ что-нибудь дѣвушкѣ, то это считается добровольнымъ ихъ даромъ и называется «благословеніемъ»: «родитель мнѣ благословилъ корову да телушку», выражается невѣста о такихъ подаркахъ.

Такъ какъ родители невѣсты приданаго не даютъ, то суть переговоровъ, на такъ называемомъ «сосватаніи» главнымъ образомъ сосредоточивается на величинѣ «калыма» или «запроса» и на размѣрѣ количества вина, которое дается будущему тестю «за руку», т. е. за согласіе. Само собой разумѣется, что всѣ эти переговоры имѣютъ видъ настоящаго торга, въ которомъ каждая сторона стремится выгадать свои интересы; надо замѣтить, что отецъ невѣсты оказывается всетаки болѣе уступчивымъ въ величинѣ «калыма», чѣмъ въ количествѣ ведеръ водки, слѣдующихъ ему «за руку». Это естественно: «калымъ» идетъ въ пользу невѣсты, которая нашьетъ себѣ на него наряды, и, конечно, унесетъ ихъ въ домъ жениха; деньги же «за руку» идутъ исключительно въ пользу тестя, хотя, впрочемъ, на совершенно опредѣленный предметъ—именно на покупку водки для свадебнаго торжества въ его домѣ; если онъ получитъ «за руку» мало денегъ, то онъ долженъ будетъ устроить скудную гулянку и «осрамиться» передъ сосѣдями; а если не захочетъ «срамиться», то долженъ приложить своихъ денегъ. Бываютъ поэтому случаи, когда сваты, согласившись въ размѣрѣ калыма, расходятся изъ-за суммы денегъ «за руку»; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда свадьба совершается «убѣгомъ» и когда «калыма» женихомъ не платится—всетаки тесть получаетъ нѣкоторую сумму «за руку», хотя уже и въ меньшемъ противъ обыкновеннаго размѣрѣ, потому-что въ этихъ случаяхъ гулянка дѣлается самая скромная.

Сосватаніе и всѣ переговоры, сопровождающіе его, всегда ведется въ присутствіи третьяго лица, которое называется «сватовщикомъ»; когда будущіе сваты во всемъ согласились, то передъ иконами зажигаются восковыя свѣчи, всѣ молятся Богу, и совершается рукобитіе между отцами жениха и невѣсты. Съ этого момента дѣвушка считается просватанной и начинается снаряженіе приданаго.

Необходимымъ свадебнымъ праздникомъ является въ Сибири, какъ и вездѣ въ Россіи, дѣвишникъ, на который приглашаются—по зову отца невѣсты—его родственники, а по зову ея матери—сосѣднія дѣвушки или вообще ея подруги. Число приглашенныхъ родственниковъ зависитъ отъ обилія родства; обыкновенно ихъ бываетъ около 6 человѣкъ. На дѣвишникъ является и женихъ со своими родителями; невѣста одариваетъ жениха какъ своими издѣліями (скатерти, полотенца, ковры, одѣяла и т. п.), такъ и покупной «цвѣтниной»—шалями, подшалками, платками; всѣ эти подарки жениху впослѣдствіи, послѣ замужества дѣвушки, переходятъ къ ней назадъ и считаются ея собственностью. Такіе же подарки невѣста подноситъ и свекру со свекровью; эти подарки ей послѣ замужества не возвращаются и остаются въ собственности родителей жениха. Какъ женихъ, такъ и его родители тутъ же отдариваютъ невѣсту, кладя на подносъ деньги.

Послѣ окончанія процедуры одариванія начинается пирушка, причемъ родители

---

[1]) Лѣха или загонъ—извѣстная часть десятины, зависящая отъ размѣровъ послѣдней; если десятина имѣетъ 2500 кв. с., то лѣха=5×50=250 кв. с.; если десятина 3600 кв. с., то лѣха 5×60=300 кв. с., т. е. въ этой десятинѣ 12 лѣхъ или загоновъ, а въ десятинѣ 2500 кв. с.—только 10 лѣхъ.

жениха занимаютъ самое почетное мѣсто, а сосватанные садятся между ними. Женихъ и невѣста вина не пьютъ, прочіе же увеселяются по мѣрѣ силъ, такъ что «иногда бываетъ, что кто гдѣ сидѣлъ, тутъ и уснулъ». Словомъ—настоящая попойка, въ которой, впрочемъ, молодежь не участвуетъ; дѣвушки обыкновенно выходятъ съ парнями на улицу и катаются на жениховыхъ лошадяхъ. Возвратившись въ избу, дѣвушки поютъ, такъ называемые «припѣвки», за которыя получаютъ деньги отъ восхваляемыхъ «припѣвками» лицъ. Содержаніе припѣвковъ очень однообразно и заключается въ похвалахъ красотѣ и достоинству мужчины или женщины; кромѣ того въ нихъ выражаются различныя пожеланія: холостому—чтобы его полюбила та дѣвушка, которая ему нравится; женатымъ и замужнимъ высказываются пожеланія счастья отъ дѣтей, причемъ и послѣднія восхваляются. Впослѣдствіи мы приведемъ нѣсколько такихъ «припѣвковъ».

По окончаніи дѣвишника женихъ, свекоръ со свекровью и всѣ гости разъѣзжаются по домамъ, а дѣвушки остаются въ домѣ невѣсты до самой свадьбы, помогая ей снаряжать приданое. Дѣвушки живутъ у своей просватанной подруги недѣлю, а иногда и болѣе—словомъ до самаго момента вѣнчанія. Такъ какъ число приглашенныхъ дѣвушекъ и подругъ невѣсты простирается иногда до 10, то кормить ихъ втеченіе 7—14 дней составляетъ, конечно, большой разсчетъ для семьи невѣсты, тѣмъ болѣе, что, какъ мы выше видѣли, весь строй сибирской свадьбы приспособленъ къ наименьшимъ тратамъ невѣстиной семьи. Для того, чтобы приглашенныя дѣвушки не обременяли семьи своей подруги, выработался слѣдующій обычай. Послѣ сумерокъ всѣ дѣвушки (кромѣ, конечно, невѣсты) отправляются на лошадяхъ ея отца подъ окна къ кому-нибудь изъ приглашенныхъ на свадьбу и бывшихъ на дѣвишникѣ гостей; одна изъ дѣвушекъ принимаетъ на себя роль невѣсты и причитаетъ, а остальныя въ тактъ ея причитанью поютъ пѣсню: «Отказалъ родимый батюшка мнѣ отъ хлѣба и отъ соли, и мнѣ теперя горе-горькой скитатися по міру, по крещеному» и т. д. Затѣмъ входятъ въ домъ и говорятъ стишокъ: «покатилось колесничко вдоль по тесничкѣ [1])—по пиво, по шаньгѣ [2]), по мягкій хлѣбъ» и т. д. Хозяинъ дома надѣляетъ дѣвушекъ чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ—окорокомъ мяса, рыбой и т. п.; а на другой день хозяйка дома стряпаетъ гостинцы—для невѣсты и для дѣвушекъ особо—и къ обѣду сама сноситъ приготовленное въ домъ невѣсты. Вечеромъ дѣвушки опять пріѣзжаютъ подъ окна этого дома и поютъ хотя жалобныя причитанья, но уже въ благодарственномъ смыслѣ; а затѣмъ отправляются къ другому двору изъ приглашенныхъ на свадьбу и повторяютъ ту же исторію. Такъ и пропитываются дѣвушки во все время между дѣвишникомъ и вѣнчаніемъ.

На другой день послѣ дѣвишника отецъ жениха созываетъ своихъ родственниковъ «смотрѣть дары», которые были поднесены невѣстой на дѣвишникѣ. Въ этомъ собраніи никакого угощенія не дѣлается; оно имѣетъ, во-первыхъ, то значеніе, чтобы родственники и знакомые знали, кто изъ нихъ приглашается къ участію въ свадьбѣ: которые не были приглашены на «смотрѣніе даровъ», не будутъ участвовать въ свадьбѣ; во-вторыхъ, родители жениха оповѣщаютъ о днѣ свадьбы и просятъ всѣхъ быть готовыми къ этому дню. Послѣ родственниковъ приглашаются сосѣднія дѣвушки покататься на лошадяхъ жениха, а затѣмъ помочь его матери стряпать пельмени и корольки [3]).

До самой свадьбы въ домѣ жениха не совершается никакихъ церемоній—даже дѣвушки никакихъ пѣсенъ не поютъ. За то отцу жениха, какъ говорится, «хлопотъ—полонъ ротъ», особенно если невѣста изъ другаго прихода: въ этомъ случаѣ необхо-

---

[1]) Тесница, тесничка—узкая тонкая дощечка.

[2]) Шаньга—лепешка изъ кислаго тѣста; скоромная дѣлается на коровьемъ маслѣ и сверху намазывается смѣсью творога со сметаною; постная—на постномъ маслѣ, а сверху намазывается смѣсью тертаго картофеля съ постнымъ масломъ; очень вкусныя лепешки, особенно горячія.

[3]) Маленькіе сдобные крендельки—у богатыхъ изъ крупчатки, у бѣдныхъ—изъ обыкновенной пшеничной муки.

димо достать метрическую справку о лѣтахъ невѣсты, за что платится въ пользу причта отъ 4 до 10 руб. Со своимъ причтомъ также не мало хлопотъ: свадьбы—это особливо доходная статья священниковъ, изъ которой они стараются извлечь возможно больше пользы. Надо замѣтить, что хотя въ Сибири священники получаютъ жалованье и имѣютъ въ размежеванныхъ волостяхъ земельный надѣлъ въ 99 дес. на причтъ, тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстностяхъ они ѣздятъ съ «поборомъ» до 6 разъ въ годъ; не всѣ крестьяне щедры въ этихъ добровольныхъ подаяніяхъ священству—и послѣдніе замѣчаютъ особенно выдающихся скрягъ; и вотъ если такому крестьянину придется дѣлать свадьбу, то ужь ему припомнятъ его скупость при «поборахъ» и возьмутъ за вѣнчаніе весьма приличную сумму—до 20 и болѣе рублей. Конечно, оно отзывается вымогательствомъ, но въ защиту священства надо сказать то, что сибирскій крестьянинъ крайне равнодушенъ и къ религіи, и къ нуждамъ ея служителей. Намъ извѣстенъ, напр., такой случай: одинъ священникъ, уже пожилой и весьма почтенный, послуживъ въ разныхъ мѣстахъ Тобольской епархіи, возвратился къ себѣ на родину, занялъ мѣсто своего покойнаго отца—тоже священника. Желая уничтожить непріятный обычай торга за вѣнчанье, онъ при первой же свадьбѣ—какъ разъ въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ крестьянъ—сказалъ на вопросъ о цѣнѣ вѣнчанья: «сколько дашь, столько и ладно». По окончаніи вѣнчанія богатый предложилъ священнику... рубль! А прежде съ такого богача взяли бы не менѣе 30—40 р.; когда священникъ пристыдилъ свою духовную овцу, то она разщедрилась. . трешницей.

Въ день свадьбы—или самъ отецъ жениха, или одинъ изъ его родственниковъ—приглашаютъ сначала тѣхъ, которые должны участвовать въ свадебномъ поѣздѣ, а затѣмъ и всѣхъ тѣхъ, которые должны принимать участіе въ гулянкахъ—словомъ всѣхъ, бывшихъ на «смотрѣніи даровъ». Въ день же свадьбы приглашается и вѣжливецъ, который съ этого момента является руководителемъ всего свадебнаго распорядка и всѣхъ церемоній. Вся изба застилается соломой, къ дугамъ подвязываются колокольчики, и запряженныя для поѣзда лошади привязываются къ протянутой черезъ дворъ веревкѣ въ томъ порядкѣ, который указывается вѣжливцемъ.

Послѣ того какъ всѣ приглашенные на свадьбу соберутся, вѣжливецъ размѣщаетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: женихъ садится за столомъ въ переднемъ углу на той лавкѣ, которая стоитъ поперекъ избы; рядомъ съ нимъ—на лавкѣ, расположенной вдоль избы—садится тысяцкій, которымъ долженъ быть преимущественно крестный отецъ; столъ становится также поперекъ избы такъ что тысяцкій сидитъ на концѣ стола. По правую руку жениха, на поперечной же скамейкѣ, садится сваха, которою должна быть преимущественно крестная мать; отъ тысяцкаго на продольной скамейкѣ садятся «большіе бояра», т. е. ближайшіе и старѣйшіе родственники и почетныя лица; отъ свахи на поперечной скамейкѣ садятся «меньшіе бояра»—дальніе родственники и менѣе почетныя лица. Самъ вѣжливецъ не садится на лавкѣ, а «притыкается» гдѣнибудь у края стола на стулѣ или табуреткѣ; не смотря на свое почетное званіе, ему нельзя залѣзть за столъ, потому-что ему часто приходится выходить изъ избы.

Когда гости всѣ усѣлись по чину, сваха уводитъ жениха за занавѣску и подаетъ ему подвѣнечную рубашку, которая должна быть ея подаркомъ; затѣмъ она выводитъ жениха изъ-за занавѣски и одѣваетъ его при всей публикѣ въ подвѣнечный костюмъ—сюртукъ, жилетъ и шаровары; затѣмъ онъ садится на свое мѣсто. Во время одѣванія жениха дѣвушки поютъ первую въ его домѣ пѣсню: «Кто тебя (имя жениха) хороша народилъ? Народилъ меня родимый батюшка свѣцу (имя отца). Кто тебя (имя жениха) на бѣлъ свѣтъ пустилъ? Пустила меня родима матушка свѣцу (имя матери). Кто тебя (имя жениха) на бѣло умывалъ? Умывалъ меня крестный батюшка свѣцу (имя крестнаго). Кто тебя хорошо снаряжалъ? Снаряжала меня крестна матушка свѣцу (имя крестной)». Очевидно, что эта пѣсня напоминаетъ жениху о началѣ его тѣлесной и духовной жизни. Вторая пѣсня дѣвушекъ обращена къ родителямъ жениха: «Не лежи, боберъ, во крутомъ берегу, не сиди (имя отца) въ высокомъ терему; не пора сидѣть, пора свадьбу сряжать. У меня свадьба снаряженая, сорокъ комоней иззапряженые, сорокъ ковровъ изнакиданные. Не лежи, бобриха, во крутомъ берегу, не сиди (имя матери) въ высо-

комъ терему; не пора сидѣть, пора свадьбу сряжать. У меня свадьба снаряженная, сорокъ печей калачей испечено, сорокъ пироговъ изготовлено, сорокъ становъ испоставлено, сорокъ скатертей изнакидано».

Во время пѣнія этой пѣсни на дворѣ по распоряженію вѣжливца запряженныя телѣги или сани разставляются въ слѣдующемъ порядкѣ: первый отъ крыльца экипажъ—для большаго боярина и вѣжлица; второй—для тысяцкаго и жениха; третій—подъ сваху; четвертый—подъ отца жениха съ младшимъ бояриномъ. Пока на дворѣ вѣжливецъ разставляетъ по порядку лошадей, хозяйка дома въ избѣ кладетъ на столъ хлѣбъ для благословленія новобрачныхъ и рядомъ съ нимъ ставитъ кружку пива или квасъ; эти предметы въ теченіе всей свадьбы никѣмъ съ мѣста не трогаются; кромѣ того наблюдается, чтобы столъ, на которомъ они лежатъ, оставался неподвижнымъ.

Вѣжливецъ, по возвращеніи со двора, подаетъ жениху подносъ съ двумя рюмками, въ которыя наливаетъ вино и вызываетъ прежде всего родителей жениха; затѣмъ вызываетъ тысяцкаго со свахой; наконецъ, вызываются и всѣ поѣзжане къ выпивкѣ; всѣ пьютъ и поздравляютъ жениха «съ начатіемъ дѣла». Во время этой церемоніи дѣвушки поютъ: «Волга рѣка разливается, желта тафта разстилается, (имя жениха) на конѣ разгуляется, (отчество жениха) себѣ полкъ прибираетъ, гдѣ кому быть, въ большомъ мѣстѣ сидѣть». Далѣе въ пѣснѣ поется, кому быть хозяиномъ дома (отцу жениха), кому быть хозяйкой дома (матери жениха), кому быть тысяцкимъ, большими и меньшими боярами, кому быть рѣзвымъ дружкомъ (вѣжливцу)—словомъ въ пѣснѣ указывается мѣсто каждаго изъ поѣзжанъ и гостей; каждый членъ называется поименно, и пѣсня начинается для каждаго изъ нихъ съ самаго начала со словъ «Волга рѣка».

Подъ конецъ пѣсни хозяйка дома подаетъ на столъ непремѣнно рыбный пирогъ—и притомъ неразрѣзанный и неоткрытый; открыть и разрѣзать его лежитъ на обязанности вѣжливца. Послѣ пирога подаются щи, а затѣмъ закрытое тарелкой третье блюдо, которое вовсе не открывается. Послѣ этого подается ѣда «простая», которую ѣдятъ уже безо всякихъ церемоній. Во время столованія хозяинъ дома выходитъ изъ-за стола и подаетъ званымъ гостямъ по рюмкѣ водки; щедрый хозяинъ подаетъ и незваной публикѣ, которая всегда набирается на свадьбу, какъ на зрѣлище, и не участвуетъ ни въ какихъ церемоніяхъ и угощеніяхъ и которую всегда, въ случаѣ надобности, можно выпроводить безъ нарушенія приличій. Каждый выпившій поздравляетъ родителей жениха съ «начатіемъ дѣла», а жениха «съ храбрымъ поѣздомъ»; женихъ вмѣстѣ со свахой передъ каждымъ встаютъ и кланяются, а вѣжливецъ благодаритъ «на добромъ словѣ».

Въ томъ случаѣ, если женихъ не имѣетъ роднаго отца или матери, во время стола дѣвушки поютъ самымъ заунывнымъ тономъ слѣдующую пѣсню: «Ты рѣка, рѣка быстрая, ты течешь, неколыбнешься ни въ которую сторону, ни въ восточную, ни въ западную, ни въ сѣверную, ни въ полуденную; еще ходитъ добрый молодецъ, свѣтъ (имя и отчество жениха), онъ и кучится [1]), конается [2]) милосердому братенку: ужъ ты братецъ милосердный, свѣтъ (имя и отчество припѣваемаго брата), ты сходи же мой брателко, во завозню [3]) рѣшетчатую, ты возьми же, мой брателко, уздечку тесьменую; ты сходи же, мой брателко, во конюшню новую, дубовую; май-май же, мой брателко, ворона коня ступищатаго; засѣдлай же, мой брателко, во сѣдельце черкасское; поѣзжай же, мой брателко, ко матушкѣ Божьей церквѣ; ты взойди, мой брателко, на колокольню бѣлокаменную; ты ударь же, мой брателко, во самый большой колоколъ; подуди, мой брателко, моего родима батюшка (или матушку), свѣтъ (имя покойнаго отца или матери), какъ теперь мнѣ его надобно—я задумалъ пожениться»; далѣе поется, на какой дѣвицѣ хочетъ жениться, и что покойникъ нуженъ ему для благословенія на законный бракъ. Мелодія этой пѣсни настолько печальна, что всѣ женщины плачутъ навзрыдъ, да и женихъ не можетъ удержаться отъ слезъ.

---

[1]) Кучиться—просить, жаловаться. [2]) Конаться—отъ слова конъ—опредѣлять порядокъ, жеребьеваться, рисковать. [3]) Точное понятіе завозни—экипажный сарай; въ завозню складываются вообще всѣ принадлежности ѣзды.

По выходѣ изъ-за стола всѣ становятся къ нему лицомъ и женихъ впереди всѣхъ вѣжливецъ подаетъ отцу жениха благословленую икону съ зажженной восковой свѣчей, матери же подаетъ назначенный для благословенія хлѣбъ, который лежалъ на столѣ. Женихъ кладетъ передъ иконой два верховыхъ поклона, а третій земной; потомъ склоняется подъ благословеніе. Отецъ сначала благословляетъ его крестообразно иконой, потомъ передаетъ ее матери, хлѣбъ же беретъ отъ нея себѣ и трижды благословляетъ имъ жениха, дѣлая крестообразныя движенія. Послѣ этого женихъ вновь дѣлаетъ три поклона передъ находящеюся у матери иконою, и мать благословляетъ его иконой и хлѣбомъ въ томъ же порядкѣ и тѣмъ-же способомъ, какъ отецъ.

Во время благословенія дѣвицы поютъ: «Не стукъ стучитъ во теремѣ, не громъ гремитъ во высокомъ—застучали столы дубовые, загремѣли скамьи новыя, кипаристово дерево клонится; вотъ (имя жениха) Богу молится, (отчество жениха) низко кланяется, онъ и проситъ благословеніе у родимаго у батюшка, свѣтъ (имя, отчество отца)»; то же поется по отношеніи къ матери жениха.

По окончаніи благословенія женихъ и всѣ поѣзжано одѣваются въ верхнее платье; когда всѣ готовы, женихъ кланяется въ ноги отцу, матери, крестному и крестной, а затѣмъ старшимъ членамъ семьи: дѣду и бабкѣ, дядьямъ и теткамъ. Послѣ этого выходятъ на улицу въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ вѣжливецъ, за нимъ тысяцкій, потомъ женихъ, сваха и бояре по старшинству; за боярами — отецъ жениха. Дѣвушки сопровождаютъ процессію пѣсней: «Всѣ кони подъ коврами, реди-реди-лада моя; одинъ конь не подъ ковромъ, реди-реди-лада—моя; что никто не любитъ коня [1]); и никто не приголубитъ коня; (имя жениха) ходитъ вокругъ коня; по крутымъ ребрамъ треплетъ коня; ужь ты конь-ли ты, комонь мой, сослужи мнѣ службу; сбѣгай въ три дорожки». Эти три дорожки—одна въ городъ за покупками невѣстѣ, другая къ самой невѣстѣ, а третья—въ церковь для вѣнчанья.

Выйдя на крыльцо, всѣ становятся рядомъ—въ томъ порядкѣ, въ какомъ выходили изъ избы; вѣжливецъ же обходитъ три раза весь поѣздъ, читая про себя или молитвы, или разныя «статьи», заклинанія, которыми обороняется отъ постороннихъ колдуновъ; затѣмъ сдвигаетъ съ мѣста каждыя сани или телѣгу—въ знакъ того, что экипажи не приморожены никакимъ колдуномъ. Затѣмъ вѣжливецъ подходитъ къ поѣзжанамъ, ведетъ ихъ всѣхъ съ заду экипажей, указывая, гдѣ кому садиться. Прочіе приглашенные гости, не участвующіе въ поѣздѣ, отвязываютъ лошадей и выпускаютъ экипажи со двора въ порядкѣ, указываемомъ вѣжливцемъ.

Поѣздъ уѣхалъ; хозяйка дома начинаетъ угощать всѣхъ оставшихся, но разумѣется только тѣхъ, которые приглашены на гулянку; обыкновенные же зрители, хотя бы и сидѣли въ избѣ, къ угощенію не приглашаются. Для угощенія разставляются новые столы, такъ какъ за столъ, гдѣ сидѣлъ женихъ, никому нельзя садиться; находящіеся на немъ благословленый хлѣбъ и кружка съ квасомъ или пивомъ покрываются до пріѣзда жениха другою скатертью; этотъ столъ называется «княжескимъ престоломъ», да и самъ женихъ во многихъ случаяхъ называется «новобрачнымъ молодымъ княземъ». Приглашенныя на свадьбу дѣвушки по отбытіи поѣзда катаются по деревнѣ на жениховыхъ лошадяхъ, которыя всѣ остаются дома, такъ какъ только подъ отца жениха съ ящикомъ коралекъ и пряниковъ запрягаются собственныя лошади; подъ остальныхъ же поѣзжанъ кони приводятся съ разныхъ дворовъ: подъ жениха, напр., запрягаетъ своихъ лошадей тысяцкій; подъ сваху — ея проводникъ, большею частью мужъ; подъ вѣжливца—большій бояринъ и т. д.

Обратимся теперь въ домъ невѣсты.

Если она берется изъ другой деревни, то свадебный поѣздъ не пріѣзжаетъ прямо въ домъ невѣсты, а останавливается или у кого-нибудь изъ родственниковъ невѣсты, или у «сватовщика» — того свидѣтеля, который былъ на сосватаніи и рукобитіи. Заходятъ въ избу безъ всякихъ особенныхъ церемоній. Отсюда сватовщикъ и отецъ жениха ѣдутъ въ домъ невѣсты узнать, когда будетъ она «поправна» (т. е. готова) и

[1]) Припѣвка «реди-реди-лада моя» повторяется послѣ каждаго стиха.

можетъ-ли принять свадебный поѣздъ. Когда невѣста «поправна», то ея дѣвушекъ приглашаютъ къ жениху, гдѣ ихъ угощаютъ водкой, пряниками, орѣхами и разными домашними закусками. Дѣвушки, «опроставъ» рюмки, прячутъ ихъ въ карманы или просто подъ передники, «вымогая» деньги, которыя платитъ имъ вѣжливецъ (конечно, въ счетъ жениха) и «выкупаетъ» рюмки. Послѣ этого дѣвушекъ отвозятъ къ невѣстѣ; дѣвушки на прощаньи, кланяясь жениху, приглашаютъ его къ невѣстѣ со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ. Если невѣста живетъ въ одной деревнѣ съ женихомъ, то вышеописанная дѣвчья продѣлка происходитъ у него на дому, такъ какъ все равно безъ доклада къ невѣстѣ свадебный поѣздъ никогда не пріѣзжаетъ; иначе обидѣвшіеся родители невѣсты нарочно могутъ продержать поѣздъ на морозѣ, подыскавъ для этого какой-нибудь благовидный предлогъ—«невѣста-де еще не готова, потому въ избу впустить не можемъ».

Когда свадебный поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ невѣсты, дѣвушки стоятъ у крыльца и поютъ пѣсню: «Кони тѣ бѣгутъ (1), всѣ съ черна вороны (2), напередъ конь забѣгаетъ (1), одинъ лучше всѣхъ (2); голову конь несетъ (1), гоголемъ да гоголемъ (2); очи конь несетъ (1) — два ясныхъ сокола (2); брови конь несетъ (1)—два черныхъ соболя (2); уши конь несетъ (1)—два булатные ножа (2); гриву конь несетъ (1)—тонкій парусъ (2); копыта конь мечетъ (1)—купачемъ да купачемъ (2); спину конь несетъ (1)—дубовой скамеей (2); хвостомъ конь несетъ (1)—трубеей да трубеей (2); разлуку конь несетъ (1)—на сѣдѣльной на лукѣ (2); хочетъ разлучить (1)—(имя невѣсты) съ родиной (2); хочетъ разлучить (1)—(имя невѣсты)—съ отцомъ съ матерью (2)».

Вслѣдъ за этой поется другая пѣсня: «Вышелъ тесть на раскрашено крыльцо, вынесъ тесть сокола на рукѣ, предложилъ тесть добру молодцу—это не мое, это не суженое, это не ряженое; вышелъ тесть на широкой дворъ, вывелъ тесть ворона коня—предложилъ тесть добру молодцу—это не мое, не суженое, не ряженое, вышелъ тесть среди горницы, вывелъ тесть красну дѣвицу—это мое, это суженое, это ряженое».

Пока поются эти двѣ пѣсни, свадебный поѣздъ заворачивается на дворѣ, экипажи становятся въ томъ же порядкѣ, какъ на дворѣ жениха, а лошади также привязываются къ протянутой чрезъ дворъ веревкѣ. Поѣзжане высаживаются изъ телѣгъ или саней и подходитъ къ крыльцу въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сидѣли на поѣздѣ. Вѣжливецъ одинъ входитъ въ избу и спрашиваетъ сваху съ невѣстиной стороны. Вѣжливецъ проситъ ее выйти на улицу со своимъ проводникомъ и встрѣтить «женихову княжью свашеньку и новобрачнаго князя молодаго съ храбрымъ поѣздомъ». Невѣстина сваха беретъ подносъ съ одной рюмкой, а ея проводникъ (почти всегда мужъ) беретъ бутылку съ водкой, и выходятъ на улицу вслѣдъ за вѣжливцемъ; здѣсь сваха становится впереди дѣвушекъ; передъ ней постилаютъ коверъ или кошму (войлокъ). Жениховой свахѣ вѣжливецъ также подаетъ подносъ съ одной рюмкой, а ея проводнику—бутылку съ водкой. Обѣ свахи становятся другъ противъ друга, лицомъ къ лицу, каждая касаясь постланнаго ковра только носками ботинокъ; проводники обѣихъ свахъ стоятъ рядомъ съ ними, но ковра (или войлока) не касаются, а наливаютъ только по рюмкѣ водки. Процедура эта называется «сходомъ свахъ»; каждая изъ нихъ старается во что бы то ни стало или не подойти къ другой, или подойти возможно медленнѣе, такъ чтобы другая прошла большую половину ковра. Деревенскія женщины придаютъ особенное значеніе обряду «схода свахъ»: которая сваха подойдетъ скорѣе къ другой—та сторона супружеская будетъ въ подчиненіи и покорности у другой. Деревенскіе люди думаютъ, что каждая изъ свахъ находится подъ вліяніемъ невидимой силы и что сколько бы онѣ не упрямились (а онѣ конечно только объ этомъ и заботятся)—всетаки подойдетъ первая изъ нихъ та, чьей сторонѣ суждено быть въ супружескомъ подчиненіи. Такъ или иначе—но свахи всетаки сходятся, принимаютъ другъ отъ друга по рюмкѣ водки, выпиваютъ и потомъ цѣлуются.

Во время «схода свахъ» дѣвушки поютъ: «Пріѣхала свашенька, она горда спѣсива, не ступя ступень ступила, не хотя слово вымолвила»—всѣ слова повторяются по два раза.

Послѣ того какъ свахи поцѣлуются, каждая изъ нихъ наливаетъ по рюмкѣ водки

проводнику другой свахи; проводники пьютъ вино безъ всякихъ церемоній. Затѣмъ невѣстина сваха обноситъ водкой весь жениховъ поѣздъ (кромѣ самого жениха, который съ утра и до самаго вѣнчанія ничего не ѣстъ и не пьетъ); поднесеніе, конечно, производится въ строгомъ порядкѣ, по чинамъ и начинается съ тысяцкаго. По окончаніи поднесенія водки, невѣстина сваха присоединяется къ женихову поѣзду, и всѣ входятъ въ избу въ указанномъ уже ранѣе порядкѣ.

Въ избѣ за приготовленнымъ столомъ сидитъ невѣстинъ братъ съ кнутомъ; если у невѣсты нѣтъ брата, то за столомъ сидитъ кто-нибудь изъ ея родственниковъ. Поѣзжане должны выкупить у него мѣсто, и пока оно не выкуплено—никто изъ поѣзжанъ даже не раздѣвается. Выкупъ производится такимъ образомъ: наливаютъ рюмку водки, кладутъ на нее пряникъ и подносятъ сидящему за столомъ; обыкновенно тотъ упрямится, не принимаетъ этого дара; тогда на пряникъ кладутъ еще деньги—и когда невѣстинъ братъ перестанетъ «кобениться» и выйдетъ изъ-за стола—всѣ поѣзжане раздѣваются и садятся за столъ, по указанію вѣжливца. Порядокъ тотъ же, что и въ домѣ жениха, только невѣстина сваха садится по правую сторону жениховой свахи, стало быть выше меньшихъ бояръ. Отецъ и мать невѣсты сидятъ не за столомъ, а на стульяхъ и ничего не дѣлаютъ; отецъ жениха съ кѣмъ нибудь изъ меньшихъ бояръ вноситъ ящикъ съ коральками и пряниками; невѣста сидитъ въ кути за занавѣской съ дѣвушками: двѣ изъ нихъ сидятъ по правую и лѣвую ея сторону.

Поднимается тысяцкій съ однимъ изъ большихъ бояръ и идетъ къ невѣстѣ съ «малыми дарами»; на одномъ подносѣ рюмка съ виномъ, на другомъ—въ рукахъ большаго боярина—кусокъ мыла, зеркальце и гребень. Невѣста принимаетъ отъ тысяцкаго водку, но сама не пьетъ, а отдаетъ одной изъ дѣвушекъ; «послы» поясняютъ, что поднесенные ими дары—отъ жениха и что они пришли просить ее «выйти на смотръ», для чего принесли дары подходящіе (т. е. чтобы она умылась, причесалась и одѣлась). «Послы» уходятъ, а невѣста одѣвается; пѣсенъ при этомъ одѣваніи никакихъ не поется. Когда невѣста одѣнется, она выходитъ изъ-за занавѣски въ сопровожденіи двухъ дѣвушекъ, идущихъ по бокамъ; народъ разступается, всѣ три дѣвушки выходятъ на средину избы, кладутъ три поясныхъ поклона иконамъ, затѣмъ кланяются жениху и заворачиваются обратно за занавѣску. Все это дѣлается молча, и въ этомъ именно состоитъ «смотръ».

Возвратившись со «смотра» къ себѣ за занавѣску, невѣста начинаетъ плакать и причитать, а дѣвушки поютъ: «ты пріѣзжая княжья свашенька (имя отчество жениховой свахи), ты пожалуй княжья свашенька въ темную куть ты за занавѣску ко душамъ ко краснымъ дѣвицамъ; приступи-ка княжья свашенька, ко хорошей дѣвичьей красотѣ; расплети-ка княжья свашенька, ужъ ты мелкую трубчатую косу». Пѣніе это выполняется протяжнымъ и унылымъ тономъ въ тактъ къ «причетамъ» невѣсты. Женихова сваха на этотъ призывъ появляется за занавѣску вмѣстѣ съ своимъ проводникомъ, который приноситъ (конечно, на подносѣ) рюмку водки, а сваха несетъ гостинцы: рыбный пирогъ, коральку и пряникъ; тѣ же гостинцы даются и дѣвушкамъ. Невѣста принимаетъ рюмку, по прежнему отдаетъ вино дѣвушкамъ; взявъ же гостинцы, принесенныя свахой, кланяется ей въ ноги; послѣ этого сваха начинаетъ расплетать у невѣсты косу; расплетаніе это продолжается довольно долго, такъ какъ дѣвушки, заплетая невѣстѣ косу, стараются завязать заплетку самымъ мудренымъ и тугимъ узломъ, такъ-что иногда сваха, пробившись долгое время надъ развязываніемъ узла, просто перекусываетъ его вмѣстѣ даже съ волосами; развяжетъ-ли сваха заплетку или перекуситъ ее—во всякомъ случаѣ она беретъ ее себѣ и прячетъ или въ карманъ, или за пазуху, чтобы потомъ передать эту заплетку жениху, какъ «поводъ» отъ невѣсты. Во время расплетанія косы проводникъ свахи выходитъ изъ кути; дѣвушки же «полонятъ» сваху, не пускаютъ ее изъ кути до тѣхъ поръ, пока проводникъ не придетъ вновь и не одаритъ дѣвушекъ виномъ и деньгами.

По окончаніи расплетанія косы женихъ съ тысяцкимъ идутъ за занавѣску съ «большими дарами» невѣстѣ; тысяцкій несетъ на подносѣ рюмку водки, а женихъ несетъ ботинки, шубу и шаль; невѣста по прежнему передаетъ водку дѣвушкамъ, а

жениховы дары беретъ себѣ; при этомъ онъ цѣлуетъ невѣсту и всѣхъ дѣвушекъ по правую сторону отъ нея; затѣмъ опять цѣлуетъ невѣсту и всѣхъ дѣвушекъ, стоящихъ влѣво отъ нея; наконецъ цѣлуетъ ее въ третій разъ. Пока женихъ занимается поцѣлуями, тысяцкій уходитъ, а дѣвицы «полонятъ» жениха и щупаютъ его волосы—узнаютъ, будетъ-ли онъ добрымъ или сердитымъ мужемъ: если волосы жестки—значитъ сердитъ, если мягки—значитъ добръ; жениха не выпускаютъ и тысяцкому приходится опять итти къ дѣвушкамъ съ виномъ и деньгами выкупать «полоненнаго» жениха.

Когда тысяцкій выручитъ жениха, невѣсту одѣваютъ въ подвѣнечное платье и обуваютъ въ подаренныя женихомъ ботинки; послѣ этого отецъ беретъ ее за руку и въ сопровожденіи матери выводитъ на средину избы; женихъ выходитъ изъ-за стола и принимаетъ невѣсту отъ своего тестя; порядокъ принятія таковъ: женихъ правой рукой беретъ невѣсту за правую же руку, и притомъ старается взять ее не съ ладони, а съ верхней части; правыя руки жениха и невѣсты не пустыя: въ нихъ непремѣнно должны быть платки. Такъ совершается обрядъ выдачи родителями невѣсты въ замужество. Женихъ ведетъ ее за столъ и садитъ съ собой по правую руку—рядомъ со своей свахой; всѣ прочіе остаются на своихъ мѣстахъ. Дѣвушки въ это время поютъ пѣсню: «Отставала лебедь бѣлая отъ стада лебединаго; приставала лебедь бѣлая ко стаду гусей сѣрыихъ; ужь вы гуси, гуси сѣрые, не щиплите лебедь бѣлую: не сама она залетѣла къ вамъ, занесло ее погодушкой, завело ее неволюшкой» и т. д.

Затѣмъ начинается дареніе невѣстиной родни; изъ жениховыхъ бояръ одинъ беретъ подносъ для двухъ рюмокъ, въ которыя вѣжливецъ наливаетъ водку; другой беретъ также подносъ, на который отецъ жениха кладетъ двѣ коральки, два пряника, кусокъ мыла и нѣкоторую сумму денегъ; прежде всего дары эти подносятся невѣстинымъ родителямъ—сначала вино, а потомъ подарки. Все это продѣлывается по отношенію къ каждой парѣ (мужу и женѣ) родственниковъ невѣсты по порядку старшинства и съ постепеннымъ уменьшеніемъ «даровъ»—именно мыла и денегъ. Дѣвушки поютъ: «Чьи дары дарятъ? (имя жениха); чью родню дарятъ? (имя невѣсты)»—это повторяется по отношенію къ каждому одаряемому при поднесеніи даровъ. Въ теченіе всей этой процедуры женихъ и невѣста не сидятъ, а стоятъ за столомъ, причемъ женихъ держитъ своей правой рукой (съ платочкомъ) правую руку невѣсты (также съ платочкомъ). Этому держанію невѣсты женихомъ придается во мнѣніи крестьянъ большое значеніе: если онъ додержитъ ее за руку до конца церемоніала угощенія и одаренія гостей, какъ видно изъ предыдущаго—довольно продолжительнаго, то значитъ жена «покорится ему всѣми своими правами»; если же онъ оплошаетъ и какъ-нибудь выпуститъ невѣстину руку, то жена будетъ непокорной и бракъ будетъ несчастливъ.

По окончаніи даровъ женихъ и невѣста садятся; здѣсь опять примѣта: если невѣста сядетъ нѣсколькими мгновеніями раньше жениха, и если онъ, садясь, прижметъ ея платье подъ свое сидѣніе, то онъ будетъ главой семейства; если же наоборотъ—то жена будетъ «верховодить» всѣмъ домомъ. Какъ женихъ, такъ и невѣста заранѣе научены, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ, чтобы соблюсти свои интересы; но перевѣсъ большею частью за женихомъ, если онъ только обладаетъ хоть какой-нибудь смѣлостью: такъ какъ онъ держитъ невѣсту за руку во время церемоніи даровъ, то обыкновенно онъ употребляетъ маленькое насиліе для того, чтобы усадить ее раньше себя; разумѣется — это почти всегда ему удается, потому-что невѣста, какъ дѣвушка, робѣетъ при необычной для нея обстановкѣ со множествомъ мало знакомыхъ людей.

Когда кончится одареніе родни невѣсты, ея родители начинаютъ одарять женихову родню, конечно, съ соблюденіемъ того же чинопочитанія, какъ и въ первомъ случаѣ; но подарки здѣсь другіе: нѣтъ ни кoралекъ, ни пряниковъ, ни денегъ — вмѣсто всего этого дарятся платки и подшалки. Само собой разумѣется, что водка подносится столь же аккуратно, какъ и невѣстиной роднѣ. Дѣвушки поютъ тѣ-же пѣсни, какъ и на дѣвишникѣ, и «вымогаютъ» у пріѣзжихъ гостей деньги.

Послѣ этого хозяйка подаетъ неоткрытый и неразрѣзанный рыбный пирогъ, вскрытіемъ котораго, какъ и въ домѣ жениха, завѣдуетъ вѣжливецъ; за пирогомъ слѣдуютъ щи, за щами—третье блюдо, закрытое тарелкой. За этими оффиціальными

кушаньями слѣдуетъ уже «простая ѣда», къ которой относятся безъ церемоній; чай подается иногда, водка—всегда. Ни женихъ, ни невѣста ничего не ѣдятъ и не пьютъ до самаго вѣнца.

По окончаніи стола вѣжливецъ спрашиваетъ будущаго тестя, не желаетъ-ли онъ благословить жениха вмѣстѣ съ невѣстой. Если тесть не пожелаетъ благословлять обоихъ, то подходитъ къ своимъ родителямъ одна невѣста и благословляется иконой и хлѣбомъ тѣмъ-же порядкомъ, какъ женихъ у себя дома. «Благословленая» икона завертывается въ скатерть и кладется въ сундукъ съ приданымъ.

Пока совершались вышеизложенныя церемоніи, невѣстино приданое все уже вынесено, сложено на особую подводу и увязано подъ надзоромъ одного изъ родственниковъ невѣсты, «постельникомъ», къ которому иногда присоединяется особая женщина (обыкновенно его жена) подъ названіемъ «постельничей» свахи. Возъ съ приданымъ стараются сдѣлать возможно болѣе громоздкимъ (особенно если невѣста не изъ состоятельной семьи), чтобы всѣмъ казалось при проѣздѣ по улицамъ, что невѣста богата. Во многихъ случаяхъ, «постельникъ» даже нѣсколько разъ объѣзжаетъ свою и женихову деревню, такъ сказать публично демонстрируетъ все невѣстино достояніе.

Послѣ благословенія всѣ поѣзжане начинаютъ одѣваться, равно какъ и невѣста съ женихомъ. Дѣвушки въ это время поютъ: «Погости люба гостьюшка у родима у батюшка (имя и отчество), у родимыя у матушки (имя и отчество матери); ужь я рада бы погостила, да бояра всѣ на ногахъ стоятъ» и т. д. мотивъ пѣнія очень печальный, такъ что невѣста и мать ея почти всегда плачутъ. Если женихъ былъ благословленъ тестемъ, то, послѣ того какъ всѣ одѣнутся, онъ вмѣстѣ съ невѣстой кланяется въ ноги сначала родителямъ ея, а потомъ всѣмъ родичамъ ея по старшинству; если же онъ не былъ благословленъ родителями невѣсты, то послѣдняя выполняетъ одна этотъ обрядъ, по окончаніи котораго всѣ выходятъ изъ избы въ слѣдующемъ порядкѣ: вѣжливецъ впереди всѣхъ, за нимъ тысяцкій; женихъ, ведущій невѣсту правой рукой за правую же руку, невѣстина сваха вмѣстѣ съ жениховой, затѣмъ по старшинству поѣзжане, въ числѣ коихъ и постельникъ со своей свахой. Выйдя изъ избы, всѣ дожидаются, пока вѣжливецъ кончитъ свой троекратный обходъ всего поѣзда съ шевеливаніемъ каждаго экипажа и встряхиваніемъ ковровъ—то же, что онъ дѣлалъ и на дворѣ жениха. Затѣмъ вѣжливецъ ведетъ всѣхъ поѣзжанъ къ концу поѣзда и разставляетъ всѣхъ у тѣхъ саней или телѣгъ, гдѣ кому садиться. Свадьба выѣзжаетъ изъ ограды въ такомъ порядкѣ: 1) вѣжливецъ со своимъ бояриномъ; 2) тысяцкій со своимъ бояриномъ и женихомъ; 3) невѣста со своей свахой и бояриномъ; 4) женихова сваха со своимъ бояриномъ; 5) отецъ жениха со своимъ бояриномъ; 6) постельникъ со свахой на возу приданаго; 7) прочіе поѣзжане. Постельникъ не обязательно участвуетъ въ свадебномъ поѣздѣ; онъ можетъ ѣхать и раньше, и позже свадьбы, смотря по разстоянію до дома жениха, куда онъ во всякомъ случаѣ долженъ поспѣть раньше, чѣмъ пріѣдутъ молодые отъ вѣнца.

Когда на вѣнчающихся будутъ надѣты въ церкви вѣнцы, свекоръ уѣзжаетъ домой, чтобы встрѣтить новобрачныхъ; въ домѣ тестя (который не сопровождаетъ поѣзда) всѣ приглашенные родственники угощаются «до сыта», какъ на просватаніи или дѣвишникѣ.

Въ домѣ свекра дожидаются прежде всего постельника съ приданымъ; постельникъ пріѣхавъ останавливается у крыльца, но съ возу не слѣзаетъ, а ждетъ—вмѣстѣ съ постельничей свахой—угощенія. Свекровь съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ («подмогатель») выходитъ на улицу съ подносами: на одномъ стаканы и водка, на другомъ пряники и закуски; но постельникъ со свахой «черемонятся, кобенятся, не принимаютъ скоро угощенія»; тогда кладутъ на подносъ деньги; если они еще «кобенятся», то денегъ прибавляютъ; когда они удовлетворятся, то принимаютъ угощеніе и слѣзаютъ съ воза; по приглашенію свекрови, входятъ въ избу, а родственники жениха принимаютъ возъ, развязываютъ его и вносятъ все приданое въ домъ.

Пока постельникъ еще на возу, жениховы дѣвушки поютъ: «вотъ подъ яблонью кровать—да люли—подъ кудрявою тесовая—да люли; на кровати-то постеля—да люли—на постели-то сголовье—да люли—на сголовьѣ одѣяло, да люли» и. т. д.—что подъ одѣя-

ломъ спитъ (имя жениха), а у кровати стоитъ (имя невѣсты) и будитъ его. Вслѣдъ за этимъ дѣвушки поютъ другую пѣсню: «приплыли насады ко (имя свекра) двору, тутъ (имя жениха) по насадамъ похаживаетъ (отчество жениха), погуливаетъ (имя невѣсты), за ручку поваживаетъ (отчество невѣсты), за правую поддерживаетъ» и т. д.—что она у мужа отпрашивалась на часъ къ батюшкѣ сходить, забыла де ключи отъ кована сундука, нечѣмъ-де отворить сундукъ и нечѣмъ свекра и свекровь подарить.

Если есть постельная сваха, то она убираетъ или «снаряжаетъ» постель; если ея нѣтъ, то это дѣлаютъ дѣвушки.

Свекоръ, какъ сказано выше, пріѣзжаетъ раньше новобрачныхъ и оповѣщаетъ о скоромъ прибытіи свадебнаго поѣзда. Какъ только дѣвушки заслышатъ звуки колокольчиковъ, они выходятъ на крыльцо и встрѣчаютъ свадьбу слѣдующей пѣснью: «Соколы, соколы—соколы перелетные (2); бояре, бояре—бояре переѣзжіе (2)! вы куда соколы летали? Ужъ мы летали, соколы, съ моря да на море; вы кого, соколы, видѣли? мы видѣли, соколы, перепелицу во зеленомъ саду; вы о чемъ [1]) ея не поймали? ужъ мы рады бы поймали, право крылышко заломили, кровь горячую пролили. Вы куда, бояре, ѣздили? ужъ мы ѣздили, бояре, съ города на городъ; вы чего, бояре, видѣли? ужъ мы видѣли, бояре, красну дѣвицу во высокомъ терему; вы о чемъ съ собой не взяли? ужъ мы рады бы взяли съ собой—праву рученьку заломили, кровь горячую пролили».

Если погода благопріятствуетъ, то благословеніе новобрачныхъ происходитъ на открытомъ воздухѣ. Свекоръ со свекровью выходятъ изъ избы, становятся отъ крыльца лицемъ къ свадьбѣ и становятся на одну половину подстилки (кошма, на которой положенъ еще коверъ). Свекоръ держитъ икону съ зазженной восковой свѣчей, а свекровь—тотъ хлѣбъ, которымъ утромъ благословляла сына; на другую половину подстилки становятся новобрачные, и благословеніе происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и благословеніе жениха, о чемъ уже сказано было выше. Новобрачные кланяются въ одинъ поклонъ и подъ конецъ откусываютъ по кусочку благословленнаго хлѣба; этотъ хлѣбъ изрѣзывается на кусочки, высушивается и хранится супругами всю жизнь.

Когда поѣздъ войдетъ въ избу, дѣвушки поютъ: «красно солнце во теремъ катилося, за солнцемъ свѣтелъ мѣсяцъ, за мѣсяцемъ свѣтлы зореньки; за зореньками частыя звѣзды; красное солнце —князь молодой (имя новобрачнаго); свѣтелъ мѣсяцъ—новобрачная княжна молода (имя новобрачной)» и т. д., причемъ—«свѣтлы зореньки»—это свахи, а «частыя звѣзды»—бояре-поѣзжане. Свадьба вся раздѣвается, вѣжливецъ разсаживаетъ всѣхъ по чинамъ въ прежнемъ порядкѣ, кромѣ только свахъ: въ домѣ невѣсты рядомъ съ невѣстой сидѣла женихова сваха, а невѣстина—далѣе; теперь—наоборотъ: сваха невѣсты садится рядомъ съ ней (по правую сторону)—женихова же сваха садится далѣе. Передъ иконами зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи; въ знакъ непорочности невѣсты свѣча новобрачнаго перевита голубой лентой, а свѣча новобрачной—алой; это украшеніе дѣлается въ церкви передъ вѣнчаніемъ невѣстиной свахой. Въ то время, какъ свѣчи горятъ, происходитъ обрядъ «окрученія» новобрачной; окрученіе состоитъ въ томъ, что свахи заплетаютъ одновременно обѣ косы новобрачной: ея сваха заплетаетъ лѣвую косу, а сваха новобрачнаго—правую; потомъ надѣваютъ шашмуру [2]) и повязываютъ новобрачную платкомъ по-бабьи; все это дѣлается подъ покровомъ полотенца, причемъ дѣвушки поютъ; «Ужъ ты друженька, друженька, не ходи, дружка, посередѣ (?), не сѣки изъ кремня огня, не подпаливай, друженька, (имя новобрачной) трубчату косу, (отчество новобрачной), русы волосы». Тотчасъ-же поется другая пѣсня: «селезенюшка косы вьетъ, утица ухорашивается, бояре-же дивуются; не дивуйтеся, бояре, вы моему хорошеству; какъ мое-то хорошество разлучило со батюшкомъ, съ родимою матушкою». Пока производится окрученіе, вѣжливецъ нашептываетъ въ зеркало, «чтобы новобрачные жили въ любви»; по окончаніи обряда окрученія молодые поворачиваются лицомъ въ передній уголъ, а вѣжливецъ стоя позади ихъ, заноситъ одной

---

[1]) О чемъ=почему.

[2]) Особый головной уборъ.

рукой нашептанное зеркало передъ ихъ глаза; оба молодые смотрятъ въ зеркало и видятъ другъ друга; послѣ этого они цѣлуются и свѣчи гасятся [1]).

Одновременно съ этимъ роль жениховыхъ дѣвицъ оканчивается; онѣ ѣдутъ съ молодыми парнями кататься по деревнѣ на лошадяхъ тысяцкаго и жениховой свахи; возвратившись, онѣ благодарятъ за лошадей и расходятся по домамъ. Оставаться дѣвушкамъ теперь незачѣмъ: во-первыхъ, жениха и невѣсты уже нѣтъ, а есть молодые; во-вторыхъ, начинаются такіе разговоры, которыхъ дѣвушкамъ слушать неприлично. Вмѣстѣ съ дѣвушками расходятся и всѣ зрители свадьбы; остаются только приглашенные родственники, которые должны участвовать въ гулянкѣ.

Ужинъ идетъ по-просту; молодые пьютъ и ѣдятъ (они съ самаго утра голодные) поѣзжане и родственники пьютъ и поздравляютъ молодыхъ съ законнымъ бракомъ. Послѣ ужина убирается со стола благословленый хлѣбъ и завѣтный квасъ (или пиво).

Если домъ состоитъ изъ двухъ жилыхъ покоевъ (какъ большинство сибирскихъ домовъ), то гулянка всегда происходитъ въ избѣ (т. е. гдѣ «стряпчая» печь); а въ горницѣ (гдѣ голландская печь) приготовляется кровать для молодыхъ; въ горницу никому не дозволяется входить безъ надобности; большею частью ее запираютъ даже на ключъ.

Послѣ ужина молодыхъ ведутъ «на спокой», «на подклѣтъ». Сначала въ постельную комнату входитъ вся толпа пирующихъ на свадьбѣ; молодому даютъ бутылку съ виномъ, а молодой—подносъ съ двумя рюмками; онъ наливаетъ, она подноситъ всѣмъ по-парно, начиная со свекра и свекрови. Здѣсь опять поздравляютъ молодыхъ съ законнымъ бракомъ, желаютъ имъ другъ друга любить, дѣтей народить; приговариваютъ, что вино горько, что его надо подсластить и т. д. Всевозможныя пожеланія и приговариванія сопровождаются столь прозрачными намеками на супружескія отношенія, что «молодые хорошо знаютъ, что̀ имъ надо дѣлать ночью». Наконецъ, изъ спальной горницы уходятъ всѣ, кромѣ вѣжливца, тысяцкаго и обѣихъ свахъ—жениховой и невѣстиной. Тогда свахи раздѣваютъ молодую и съ должной подробностью осматриваютъ ея рубашку; которая должна быть бѣлая и ничѣмъ не запачканная. Наконецъ и тысяцкій со свахами уходитъ—съ молодыми остается одинъ вѣжливецъ; онъ укладываетъ молодыхъ въ постель и затѣмъ уже возвращается къ народу въ избу.

А въ избѣ уже настоящая попойка, безъ всякаго церемоніала, т. е. спеціально свадебнаго; остаются только обыкновенныя церемоніи, которыя соблюдаются, впрочемъ, по мѣрѣ трезвости гуляющихъ. Поютъ, пляшутъ—словомъ веселятся «во всю»; иногда бываетъ и музыка; однѣ только бабы поберегаютъ себя отъ выпивки: имъ на другой день надо рано вставать и заниматься стряпней, потому-что всѣ гости съ ранняго утра придутъ опохмѣляться и закусывать — главнымъ образомъ пельменями, приготовленіе которыхъ очень хлопотливо и требуетъ многихъ рукъ, особенно для такого числа гостей, которое бываетъ на свадьбѣ.

Когда на другой день всѣ вчерашніе гости соберутся, вѣжливецъ, тысяцкій и обѣ свахи идутъ къ молодымъ; свахи вновь осматриваютъ рубашку молодой и, если на ней окажутся знаки непорочности, объявляютъ объ этомъ свекру и свекрови, иногда даже приглашая ихъ самихъ удостовѣриться въ справедливости своихъ завѣреній. Если свекоръ и свекровь желаютъ «опубликовать» поведеніе своей невѣстки, то приказываютъ свахамъ провести молодую по избѣ въ одной рубашкѣ—чтобы всѣ гости удостовѣрились въ хорошемъ поведеніи невѣстки до замужества. Молодая затѣмъ одѣвается въ верхнее платье, ей даютъ подносъ съ двумя рюмками, а молодому бутылку вина—и оба они угощаютъ всѣхъ по старшинству, начиная со свекра и свекрови. Гости, выпивая водку, кладутъ на подносъ деньги «на честь молодой», т. е. за ея безупречное поведеніе. Очень нерѣдко бываетъ при этомъ, что мужчины, выпивъ водку, разбиваютъ рюмки, и затѣмъ и все, что̀ попадетъ подъ руки: горшки, латки, корчаги и т. п.—словомъ хрупкое. Женщины, зная объ этомъ обычаѣ, стараются въ это время убрать все, что̀

[1]) Съ этого момента новобрачные называются молодыми.

получше, и оставляютъ только никуда негодныя черепени; въ этомъ непристойномъ обычаѣ символизируется превращеніе дѣвушки въ женщину.

Закусивши и выпивши у молодыхъ, гости начинаютъ колобродить по деревнѣ: ходятъ изъ избы въ избу (но, конечно, только другъ къ другу, а не къ тѣмъ, которые въ свадьбѣ не участвуютъ), опять закусываютъ и выпиваютъ—словомъ настаетъ настоящее свадебное пьянство. Молодые же и вѣжливецъ изъ дому не отлучаются—ждутъ почетныхъ гостей—тестя и тещу.

Тесть и теща, ѣдучи «на почетье» къ своей дочери, везутъ еще и своихъ родственниковъ; теща обязательно ѣдетъ съ блинами для зятя; какъ только они являются во дворѣ свата, родители молодаго, сами молодые и вѣжливецъ выходятъ изъ избы встрѣчать дорогихъ гостей. Разумѣется, появляется неизбѣжный подносъ съ рюмками и нѣсколько бутылокъ водки. Первую «круговую» наливаетъ свекоръ и подноситъ тестю и тещѣ; какъ только они возьмутъ въ руки рюмки—молодые падаютъ имъ въ ноги, чѣмъ зять доказываетъ непорочность ихъ дочери; родители же молодаго благодарятъ сватьевъ за «хорошее воспитаніе» дочери. Вторую «круговую» или «рядовую» подаетъ уже свекровь, а третью—зять, каждый разъ начиная съ тестя и тещи и продолжая по старшинству. Такимъ образомъ еще на дворѣ всѣ пріѣзжіе со сватами гости выпиваютъ по три рюмки водки. Затѣмъ ведутъ всѣхъ въ избу и угощаютъ обыкновеннымъ образомъ.

Пока идетъ «обыкновенное» угощеніе пріѣзжихъ гостей, одинъ изъ членовъ семейства свекра ѣдетъ на лошади и приглашаетъ всѣхъ участвовавшихъ на брачномъ пирѣ. Приглашеніе дѣлается слѣдующей оффиціальной формулой: назвавъ домохозяина и все его семейство поименно, онъ говоритъ: «прошу пожаловать къ нашему батюшкѣ на пиръ, на бесѣду». Эта форма приглашенія считается самой изысканной, такъ какъ и торжество, на которое приглашаются гости считается самымъ оффиціальнымъ въ свадебномъ дѣлѣ; пирушка послѣ вѣнчанія считается до нѣкоторой степени домашнимъ дѣломъ, потому что на ней участвуетъ только женихова родня; а на этой гулянкѣ присутствуютъ всѣ родичи невѣсты—и потому хозяинъ старается «не ударить лицомъ въ грязь».

Приглашаемые прежде всего «ободряются» отъ утренняго похмѣлья, затѣмъ одѣваются въ самые лучшіе наряды и вмѣстѣ съ женами идутъ на «столованіе» попарно; каждый дворъ несетъ хлѣбъ и кусокъ мяса или рыбину. Когда всѣ соберутся, въ избѣ разставляютъ столы по числу пирующихъ; молодые являются также разодѣтые, и вѣжливецъ размѣщаетъ всю публику слѣдующимъ образомъ: за столъ въ переднемъ углу садится на «княжое мѣсто» молодой; по правую его руку—молодая; рядомъ съ ней—тесть и теща; тысяцкій остается на прежнемъ мѣстѣ—по лѣвую руку жениха; рядомъ съ тысяцкимъ—вѣжливецъ. За переднимъ же столомъ помѣщаются всѣ пріѣзжіе гости, причемъ невѣстина сваха, какъ пріѣзжая, садится на почетномъ мѣстѣ рядомъ съ матерью невѣсты. Жениховы бояре и сваха теряютъ теперь свое прежнее почетное положеніе, становятся обыкновенными гостями и садятся не за переднимъ столомъ. Когда всѣ усядутся, вѣжливецъ вызываетъ молодыхъ на средину избы; молодому даетъ подносъ съ двумя рюмками, а молодой—простой подносъ, обтянутый бѣлымъ платомъ; за молодыми изъ-за стола выходитъ и теща съ кошелемъ, въ которомъ лежатъ дары для родни молодаго. Затѣмъ вѣжливецъ вызываетъ на средину избы свекра и свекровь, молодой наливаетъ имъ двѣ рюмки, теща кладетъ на подносъ молодой предназначенный имъ подарокъ. Когда они выпьютъ вина и примутъ дары—молодые кланяются имъ въ ноги. Послѣ этого вѣжливецъ вызываетъ тысяцкаго съ женой, женихову сваху съ мужемъ, и т. д.—всю родню молодаго по-парно и по старшинству; всѣ они пьютъ водку и одариваются тещей; само собой разумѣется, что достоинство и количество даровъ уменьшается по мѣрѣ отдаленія родства одаряемыхъ лицъ отъ молодой.

Когда одареніе кончится, всѣ выходившіе изъ-за стола (четверо) возвращаются на свои мѣста, и тогда начинается столованіе. Всѣ столы должны быть накрыты молодиными скатертями—и не по одной, а по двѣ и даже по три; кромѣ того столы должны быть кругомъ обтянуты полотенцами—также работы молодой. Женщины все это подробно

осматриваютъ (впрочемъ не подавая вида), потому-что обычай этотъ имѣетъ цѣлью сдѣлать выставку образцовъ работы молодой—чтобы всѣ знали, что она хорошая рукодѣльница. Первое кушанье, которое подается невѣстиной свахой, это рыбные пироги, привезенные изъ-дому; послѣ свахиныхъ пироговъ свекровь подаетъ свои—также рыбные; затѣмъ теща подаетъ зятю привезенные съ собой блины и при этомъ на нихъ кладетъ какой-нибудь подарокъ — рубаху или штаны. Домашніе подаютъ молодому столько тарелокъ, сколько столовъ; на каждую тарелку онъ накладываетъ блины съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждаго гостя хватило по крайней мѣрѣ по одному блину; вѣжливецъ принимаетъ тарелки отъ молодаго и передаетъ на столы, приговаривая: «это тещины блины отъ милаго ея зятя». Нѣкоторые изъ гостей при съѣденіи блиновъ, начинаютъ давиться, приговаривая: «надо бы подмаслить»; другіе дѣлаютъ видъ, что ихъ тошнитъ отъ блиновъ и приговариваютъ: «горьки что-то блины—надо бы ихъ подсластить»; въ обоихъ случаяхъ молодые должны цѣловаться. За каждымъ столомъ сидитъ такъ называемый «подавчій», который безпрестанно угощаетъ виномъ своихъ собесѣдниковъ. Послѣ нѣсколькихъ простыхъ кушаній подъ конецъ столованія подается цѣликомъ зажаренный гусь. На обязанности тысяцкаго лежитъ разрѣзать этого гуся на столько частей, сколько столовъ; прежде всего тысяцкій вырѣзаетъ изъ гуся дужку и передаетъ ее молодой, «чтобы она отъ души любила мужа»; для молодаго вырѣзывается гузка, «чтобы онъ увлекался любовью жены». Нарѣзанныя части гуся кладутся на тарелки и передаются на столы; но спинка («хребтикъ») гуся отдается назадъ хозяйкѣ, «въ знакъ того, что гусь остался цѣлымъ и улетѣлъ обратно въ путь». Подачей гуся оканчивается церемоніальное столованіе и начинается простая гулянка, которая состоитъ въ томъ, что сначала пріѣзжіе гости катаются на затевыхъ лошадяхъ, а затѣмъ заѣзжаютъ поочередно къ родственникамъ его—выпивать и закусывать. При этихъ частныхъ попойкахъ соблюдается только одно, — чтобы молодые, равно какъ и тесть съ тещей занимали почетное мѣсто въ переднемъ углу. Тысяцкій и вѣжливецъ оставляютъ свои роли и становятся обыкновенными гостями. Гулянка эта продолжается большею частью всю ночь напролетъ.

Утромъ вся свадебная публика опять собирается къ молодымъ, опохмѣляются и закусываютъ пельменями. Молодуха начинаетъ первую работу въ домѣ мужа — стряпать блины; конечно, свекровь заведетъ ихъ и начнетъ работу, показывая молодой всѣ подробности; молодая, принявъ благословеніе отъ свекра и свекрови и, поцѣловавъ мужа, продолжаетъ начатую свекровью работу; блины тутъ же ѣдятъ поочередно и кладутъ молодой за всякій блинъ деньги. Послѣ стряпни блиновъ, молодая начинаетъ другую работу—мести избу; опять кланяется въ ноги свекру и свекрови и получаетъ отъ послѣдней вѣникъ, причемъ свекровь приговориваетъ общеизвѣстную пословицу: «избу мети, а соръ на улицу не кидай». Молодая мететъ избу, а присутствующіе стараются опять насорить на выметенномъ мѣстѣ, такъ что молодуха должна начинать работу сызнова; но ей это пріятно: на соръ бросаютъ деньги — каждый по желанію и средствамъ; она подбираетъ деньги и кланяется бросившему ихъ. На богатыхъ свадьбахъ молодая «наметаетъ» иногда до 25 рублей; нѣкоторые изъ гостей денегъ не бросаютъ, но «благословляютъ» скотиной, т. е. дарятъ молодой или корову или телку, или овцу. Это бываетъ, впрочемъ, только на очень богатыхъ свадьбахъ. Все, что̀ «наметено», становится безусловною собственностью молодыхъ.

Послѣ этого начинается опять гулянка по деревнѣ и роднѣ молодаго; въ этой гулянкѣ молодые уже не участвуютъ, а остаются дома. Въ вечеръ третьяго дня или утро четвертаго пріѣзжихъ со сватами гостей провожаютъ домой; всѣ выѣзжаютъ за околицу деревни, пьютъ на прощаньи вино и ломаютъ рюмки и бутылки.

Черезъ нѣкоторое время происходитъ гулянка зятевой родни у тестя и его родственниковъ, но уже безъ «столованія» и безъ свадебныхъ церемоній—остаются только общепринятыя при пріемѣ гостей приличія; гулянка у тестя и его родни продолжается два дня—также катаются по деревнѣ, также переходятъ изъ дома въ домъ и гости также провожаются за околицу деревни, какъ и на гулянкѣ у свекра послѣ «столо-

ванія». Тѣмъ и заканчиваются свадебныя пиршества въ обоихъ породнившихся крестьянскихъ дворахъ. Мы изложили съ возможною для насъ подробностью обычаи, соблюдаемые при сибирской свадьбѣ. Считаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки во избѣжаніе недоразумѣній и въ облегченіе другихъ изслѣдователей сибирскихъ обычаевъ. Во первыхъ, всѣ вышеизложенные обряды и обычаи относятся только къ Курганскому округу и были записаны въ Утякской волости. Вполнѣ возможно поэтому допустить, что въ другихъ мѣстностяхъ Сибири встрѣчаются иные свадебные обряды и обычаи. Во вторыхъ, этнографическій составъ населенія Курганскаго округа крайне однообразенъ: все это — судя по крайней мѣрѣ по языку и внѣшнему типу — чистѣйшіе великорссы. Значительное [1]) переселеніе крестьянъ въ этотъ округъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ почти вовсе не измѣнило этнографической физіономіи округа, такъ какъ переселенцы приходили главнымъ образомъ изъ Псковской, Орловской и Смоленской губерній. Въ третьихъ, не смотря на постоянный и довольно значительный наплывъ ссыльно-поселенцевъ, трудно допустить, чтобы этотъ элементъ населенія могъ повліять на свадебный ритуалъ сибиряковъ: во-первыхъ, большая часть поселенцевъ находится въ безвѣстной отлучкѣ; во-вторыхъ, 90% изъ нихъ—люди бездомовые, безхозяйные и безсемейные; въ третьихъ, наконецъ, они никогда не пользовались ни малѣйшимъ уваженіемъ въ глазахъ мѣстнаго населенія, такъ что не могли никогда привить какихъ-нибудь обычаевъ, о которыхъ они знали на своей родинѣ. Въ четвертыхъ, на всемъ протяженіи Курганскаго округа, равняющагося доброй великороссійской губерніи (около $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ), нѣтъ ни одного инородческаго поселка и, сколько можно судить по преданіямъ, ихъ и не бывало—по крайней мѣрѣ въ близкомъ прошедшемъ. Точно также и временно проживающихъ въ округѣ инородцевъ совершенно ничтожное количество; только въ южной, степной полосѣ округа довольно часто встрѣчаются «кыргызы» (киргизы), проживающіе у мѣстныхъ крестьянъ въ работникахъ—главнымъ образомъ въ пастухахъ. Въ пятыхъ, сельское населеніе Курганскаго округа почти исключительно земледѣльческое; въ юго-восточной части къ земледѣлію добавляется степное скотоводство; а въ сѣверо-восточной—по обилію лѣсовъ—нѣкоторые лѣсные промыслы: дрововозный, углежогный, бочкарный и т. п. Здѣсь же расположено нѣсколько стеклянныхъ—очень небольшихъ—заводовъ; отхожихъ же промысловъ въ округѣ вовсе не существуетъ; слѣдовательно, все населеніе осѣдлое, коренное занятіе котораго—земледѣліе. Въ шестыхъ, описанные выше обряды и обычаи относятся исключительно къ православному населенію округа; между тѣмъ довольно значительныя группы населенія принадлежатъ къ старообрядцамъ различныхъ толковъ, главнымъ образомъ австрійскаго и безпоповскаго. Въ какой мѣрѣ свадебные обычаи раскольниковъ похожи на вышеизложенные—мы сказать не можемъ. Послѣ этихъ замѣчаній мы можемъ закончить изложеніе свадебныхъ обычаевъ крестьянъ Курганскаго округа. Въ заключеніе позволимъ себѣ однако сказать нѣсколько словъ относительно вопроса, которымъ мы начали эту статью. Мы видѣли, что средній расходъ на свадьбу у средняго крестьянина достигаетъ весьма внушительной цифры 333 р., изъ коихъ почти 180 р. падаютъ на домъ жениха; мы видѣли далѣе, что въ разсчетѣ на цѣлое селеніе (д. Нагорскую), свадебные расходы превышаютъ въ полтора раза податной окладъ — казенный и мірской. Изложеніе всего порядка свадьбы показало намъ, изъ чего слагаются свадебные расходы; всѣ они могутъ быть сведены въ 4 рубрики: 1) калымъ—80 р.; 2) водка 22 ведра (6 ведеръ тратитъ женихъ, 4 ведра тесть, по 1 ведру каждыя изъ 6 лицъ, принимающихъ участіе съ той и другой стороны, т. е. всего 12 ведеръ), считая по 6 р.за ведро—всего 132 р.; 3) угощеніе пищею; 4) подарки; слѣдовательно, калымъ со-ставляется 24%, а водка—39,6% всѣхъ свадебныхъ расходовъ, все-же остальное,т. е. подарки и пища — только 36,4%. Чтобы понять размѣры свадебнаго пьянства, мы сдѣлаемъ разсчетъ, сколько водки приходится на каждаго изъ пирующихъ. Какъ сказано было въ своемъ мѣстѣ, на свадьбу пригла-

[1]) Въ одну только западную часть округа въ періодъ 1840—1850 гг. было переселено до 30,000 ревизскихъ душъ (Матер. для изуч. экон. быта госуд. крест. и инор. VIII изсл. Осипова, ст. 100).

шается въ среднемъ по 6 домовъ съ той и другой стороны; слѣдовательно гостей—24 человѣка (всѣ приходятъ и даже приглашаются съ женами); родители жениха и невѣсты—4 человѣка; двѣ свахи съ провожатыми—4 человѣка; тысяцкій съ женою, вѣжливецъ и женихъ съ невѣстой—5 человѣкъ; всего, слѣдовательно, участвующихъ до 37 человѣкъ, кромѣ дѣвушекъ и сопровождающихъ ихъ парней; но парни вовсе не угощаются водкой, а дѣвушки сами пьютъ очень мало, да и угощаются въ крайне ограниченныхъ предѣлахъ, такъ что ихъ можно вовсе не считать участницами въ попойкахъ. Что касается до женщинъ, то независимо отъ того, что онѣ вообще пьютъ значительно меньше мужчинъ, онѣ и «берегутъ» себя (о чемъ уже было сказано выше), такъ какъ на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы по угощенію гостей пирогами, блинами, пельменями и т. д.—вообще пищей; поэтому не будетъ съ нашей стороны преувеличеніемъ, если мы предполагаемъ, что женщины пьютъ на свадьбахъ вдвое меньше мужчинъ; слѣдовательно, считая двухъ женщинъза одного мужчину, «пьющихъ единицъ» будетъ 28; водки выпивается въ теченіе свадьбы 22 ведра = 440 бутылокъ, т. е. по $15^5/_7$ бутылокъ на единицу; такъ какъ свадьба продолжается 8 дней (1 день дѣвишникъ, 4 дня пирушка у свекра и его родни, 3 дня у тестя и его родни), то приходится въ день на каждую «пьющую единицу» почти 2 бутылки водки; говоря другими словами — каждый мужчина выпиваетъ на свадьбѣ 2 бутылки, а женщина 1 бутылку водки в ъ д е н ь. Но такая пропорція 2 женщины = 1 мужчина въ области выпивки (особенно при вышеописанныхъ условіяхъ) всетаки чрезмѣрно велика для женщинъ, и что для послѣднихъ за глаза довольно по полбутылкѣ въ день на сестру, чтобы быть въ хорошемъ «навеселѣ», то слѣдовательно мужчины выпиваютъ каждый приблизительно по $2^1/_2$ бутылки въ день. А это уже такая цифра, послѣ которой средній сибирскій мужикъ «не годится»; единственное обстоятельство, могущее умѣрять вліяніе такого количества спирта, состоитъ въ томъ, что нерѣдко водка разбавляется кабатчиками водой и что выпивка сопровождается весьма обильной ѣдой, что значительно ослабляетъ опьяняющее дѣйствіе спирта; но съ другой стороны необходимо принять во вниманіе, что крестьянская водка крайне плохой очистки и содержитъ значительный процентъ сивушнаго масла, одурманивающаго человѣка и производящаго тяжелое похмѣлье.

Такъ или иначе, но изъ предыдущаго очевидно, что на сибирскихъ свадьбахъ потребляется громадное количество водки, и расходъ на этотъ предметъ составляетъ почти 40% свадебныхъ расходовъ. Но если можно допустить, что такое потребленіе чрезмѣрно, то нельзя не видѣть и того обстоятельства, что весь «чинъ», весь церемоніалъ свадьбы всетаки требуетъ если и не такого, какъ 22 ведра, то всетаки очень значительнаго количества водки: мы видѣли, что выпивка на свадьбѣ—не простое кабацкое пьянство, гдѣ человѣкъ «нажрется, нальетъ зѣнки» безъ всякихъ закусокъ и безъ всякихъ церемоній—столько, «сколько влѣзетъ»; на свадьбѣ гость не самъ «наливаетъ»—ему «подносятъ» наравнѣ съ прочими, и онъ сдѣлаетъ хозяину обиду, если откажется отъ водки; только отъ тѣхъ это не считается обидой, о которыхъ положительно извѣстно, что они вовсе не пьютъ. Питье водки на свадьбѣ есть, слѣдовательно, бытовая черта, какъ всевозможные подарки, отдариванія, пѣсни и т. п. А стало быть и искорененіе свадебнаго пьянства возможно лишь при общемъ измѣненіи бытовой стороны заключенія сибирскихъ браковъ, что должно сказать и объ обычаѣ «калыма». И мы уже упоминали о начинающемъ распространяться обычаѣ «убѣга», при которомъ нѣтъ ни калыма, ни свадебныхъ церемоній, а пирушка дѣлается крайне скромной и неубыточной. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ благодѣтельный обычай распространялся и укрѣплялся, и чтобы духовенство приложило старанія для реабилитаціи его въ глазахъ сибирскихъ крестьянъ.

Н. О. Осиповъ.

С.П.Б.
Ноябрь 1891 г.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя.

Н. Ю. Зографъ. Антропометрическія изслѣдованія мужскаго великорусскаго населенія Владимірской, Ярославской и Костромской губерній. М. 1892.

Отдѣлъ Антропологіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи поручилъ профессору Н. Ю. Зографу произвести антропометрическія наблюденія въ предѣлахъ Владиміро-Суздальскаго края, выразивъ при этомъ желаніе, чтобъ онъ по преимуществу изслѣдовалъ мѣста по верхнему теченію Волги или между верхнимъ теченіемъ Волги и Окою. Проф. Зографъ по разнымъ соображеніямъ остановился на губерніяхъ Владимірской, Ярославской и Костромской и произвелъ измѣренія 191 уроженцевъ этихъ губерній, по преимуществу заводскихъ рабочихъ, маляровъ, плотниковъ, трактирныхъ служителей, а сверхъ того, воспользовался свѣдѣніями о призывныхъ къ исполненію воинской повинности.

Мы не беремся судить о томъ, какъ измѣрялъ г. Зографъ; равнымъ образомъ въ нашу задачу не входитъ сопоставленіе его данныхъ съ данными другихъ антропологовъ. Наше дѣло лишь сообщить результаты его изслѣдованія.

«Какъ тѣ антропологическія данныя, которыя получены наблюденіями моими и Н. И. Лыжина, такъ и тѣ данныя, которыя даетъ намъ литература, убѣждаютъ насъ въ томъ, что Великоруссы не являются народностью чистою, однообразною, что, напротивъ того, въ Великоруссѣ смѣшано нѣсколько типовъ, и типовъ, повидимому, разнообразныхъ и многочисленныхъ. Число этихъ типовъ, давшихъ начало великорусскому народу, опредѣляется разными авторами различно. Большая часть авторовъ, въ томъ числѣ почти всѣ многочисленные изслѣдователи культуры и языка русскаго народа, склонны къ тому, чтобы видѣть въ русскомъ народѣ вообще, въ Великоруссахъ же центральной Россіи въ частности слитіе двухъ преобладающихъ типовъ—славянскаго пришлаго, не кореннаго въ Великой Россіи, и древняго, кореннаго обитателя, который называется одними финнской, другими угорской, третьими болѣе общимъ названіемъ—урало-алтайской народностью»... Типы Великоруссовъ изслѣдованныхъ г. Зографомъ губерній «группируются въ двѣ довольно удобно различимыя группы, имѣющія общіе признаки, довольно характерно отличающіе ихъ другъ отъ друга», въ два общіе типа: великорослый и низкорослый.

Первый типъ имѣетъ «какъ средній, такъ и наиболѣе часто встрѣчающійся» ростъ около 1700 миллиметровъ; голова у него «суббрахицефалична, но съ наклонностью къ мезатицефаліи и съ случаями долихоцефаліи»; цвѣтъ волосъ преимущественно—свѣтлорусый, глазъ—cѣрый.

Второй типъ имѣетъ «какъ средній, такъ и наиболѣе часто встрѣчающійся» ростъ около 1630 миллиметровъ, голову суббрахицефаличную, съ наклонностью къ брахицефаліи, цвѣтъ волосъ преимущественно—темнорусый, глазъ—сѣрый.

Родоначальники перваго типа, высокорослаго и свѣтловолосаго, имѣющаго себѣ много родственнаго въ типахъ Бѣлоруссовъ, Малоруссовъ, Литовцевъ,—Славяне; родо-

рическое время нигдѣ не выказали стремленія къ обрусенію Финновъ, и Новгородцы, напримѣръ, столь мало позаботились объ обрусеніи своихъ Води и Ижоры, что послѣдніе и до сихъ поръ остаются Финнами; поэтому, кажется, вполнѣ позволительно думать, что Мурома, жившая при устьѣ Оки и сосѣдившая съ Мордвою, во всякомъ случаѣ не охваченная съ разныхъ сторонъ русскими поселеніями, если бы осталась въ мѣстахъ своего жительства, сохранила бы до позднѣйшаго времени свою народность. И такъ, повидимому, она ушла подъ напоромъ русскихъ сосѣдей и отъ притѣсненій русскихъ сборщиковъ дани.

Ни Начальная лѣтопись, ни другія не говорятъ объ мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ Русскихъ къ Финнамъ. Послѣдніе «даютъ дань Руси», даютъ, какъ естественно предполагать и какъ видно изъ показаній лѣтописей, не добровольно, а по принужденію. Если Водь и Ижора, сосѣди Новгородцевъ, въ историческое время уже смирились съ своею участью данниковъ [1]), то другіе Финны, болѣе отдаленные отъ большихъ русскихъ городовъ, платятъ дань лишь тогда, когда передъ ними являются «данщики» съ многочисленными дружинами или цѣлыя войска и когда сопротивленіе невозможно. Лишь только они чувствуютъ себя въ состояніи дать отпоръ Русскимъ, они отстаиваютъ свою свободу. Новгородская лѣтопись полна описаніями походовъ Новгородцевъ на западную «Чудь», т. е. на Эстовъ; въ ней же нѣсколько извѣстій объ избіеніи «данщиковъ» съ дружинами «за Волокомъ», въ Печерѣ и въ Югрѣ (1079, 1187, 1193 гг.). Суздальская лѣтопись не разъ говоритъ о походахъ Суздальцевъ на Мордву. Вообще въ историческое время (XI—XIV вв.), по лѣтописямъ, вездѣ—и на западѣ, и на сѣверѣ, и на востокѣ—взаимныя отношенія Русскихъ и Финновъ таковы, что вдали отъ большихъ русскихъ городовъ первымъ невозможно показываться среди послѣднихъ въ видѣ мирныхъ колонистовъ, семьями или даже небольшими общинами.

Нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія особенно интересны. Запись Паремейника 1271 года говоритъ, что онъ написанъ «Матигорцамъ за Волокъ», т. е. жителямъ поселенія Матигоры, на югѣ нынѣшней Архангельской губерніи, очевидно Русскимъ. Она показываетъ, что въ половинѣ XIII вѣка были уже болѣе или менѣе значительныя русскія поселенія по нижнему теченію Сѣверной Двины. Новгородская лѣтопись даетъ намъ право предполагать, что отношенія этой русской колоніи къ ея финнскимъ сосѣдямъ съ юга не были дружественными. Въ ней подъ 1219 годомъ упоминается о походѣ Новгородцевъ «на Тоймокары», т. е. по всей вѣроятности на жителей городка Тоймы, упоминаемаго въ уставѣ кн. Святослава Ольговича XII вѣка, на берегу рѣки Тоймы (въ нынѣшней Вологодской губ., близь границъ Архангельской), на тѣхъ «поганыхъ Тоймичей», о которыхъ говоритъ «Слово о погибели русской земли»; а подъ 1323, 1324, 1329 годами разсказывается о возстаніи Устюжанъ (т. е. Финновъ, владѣвшихъ городомъ, который Русскіе называли Устюгомъ), о походѣ на нихъ, кончившемся миромъ «по старой пошлинѣ», объ избіеніи ими Новгородцевъ. Какъ будто всѣ эти походы предприняты Новгородцами для защиты своей колоніи, занявшей очень выгодное для морскихъ промысловъ мѣсто и захватившей эти промыслы въ свои руки,—отъ тѣснившихъ ее туземцевъ [2]).

Современныя преданія или совсѣмъ молчатъ о Финнахъ (между прочимъ во всемъ великорусскомъ центрѣ), или говорятъ о борьбѣ съ ними, кончившейся ихъ бѣгствомъ или истребленіемъ. Нашъ сѣверъ (губерніи Архангельская, Вологодская, Олонецкая, отчасти даже Пермская) вообще богатъ преданіями о «Чуди бѣлоглазой», а ближайшая къ Двинѣ часть Архангельской губ. (уѣзды Шенкурскій и Холмогорскій) въ особенности.— Въ Шенкурскомъ уѣздѣ разсказываютъ, что прежніе его обитатели, Чудь, отчаянно за-

---

[1]) Лишь одинъ разъ, подъ 1069 г., Новгородская лѣтопись позволяетъ думать, что было возстаніе, или измѣна Води. Она говоритъ: «о велика бяше сѣча Вожаномъ! и паде ихъ бещисленое число».

[2]) Двинская колонія Новгородцевъ должна быть одной изъ старшихъ русскихъ колоній на сѣверѣ. Говоръ Двинянъ въ XIV вѣкѣ уже былъ отличенъ отъ новгородскаго того же времени. Говоры современныхъ потомковъ Двинянъ также имѣютъ свои рѣзкія особенности, какихъ нѣтъ въ другихъ говорахъ сѣвера, происшедшихъ отъ древняго новгородскаго.

щищались отъ Русскихъ и для этого строили крѣпости на каждомъ удобномъ мѣстѣ. Но защита имъ не удалась, и одни изъ нихъ бѣжали въ лѣса, другіе со всѣмъ имуществомъ закапывались въ глубокія ямы и тамъ убивали сами себя. Послѣднее дѣлалось такимъ образомъ. Выкопанныя ямы покрывались крышею на столбахъ, на крыши накладывались земля и камни; затѣмъ Чудь сходила въ ямы, подрубала столбы и гибла. Въ деревнѣ Чучепалѣ, на рѣкѣ Мезени (близь границы Вологодской губ.), разсказываютъ, что Русскіе, поселившіеся въ этихъ мѣстахъ, такъ расправились съ своими сосѣдями— «Чудью бѣлоглазою»: они зимою прорубили въ рѣкѣ ледъ и загнали Чудь въ полынью [1]).

Подобныя преданія прекрасно дополняются одной дѣтской игрой въ Пинежскомъ уѣздѣ. Она говоритъ только о Самоѣдахъ, но, конечно, характеризуетъ отношенія Русскихъ стараго времени вообще къ сосѣдямъ туземцамъ. Эта «игра въ Самоѣды», игра, сходная съ игрой въ прятки, состоитъ въ томъ, что половина играющихъ дѣтей прячется, а другая идетъ разыскивать ихъ съ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Пойдемъ Самоядь искать,
Самоядочку трепать;
Ужъ мы Самоядь найдемъ,
Пополамъ разорвемъ.

Найденные ведутся на веревкѣ и кладутся на землю; а поймавшіе, наложивъ имъ на грудь колѣно, спрашиваютъ: смерти или живота? и давятъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не скажутъ: живота [2]).

Что̀ наконецъ говоритъ намъ языкъ Великоруссовъ центра? Покойный Веске въ своихъ вообще очень почтенныхъ «Славяно-финскихъ культурныхъ отношеніяхъ по даннымъ языка» (Казань, 1890) отмѣтилъ небольшое количество словъ, будто бы заимствованныхъ Великоруссами центра у Финновъ и находящихся въ говорахъ центральныхъ губерній, въ родѣ торкать, турить, лебезить, холить, лытать, коверкать, кувыркать, ковырять, каверзить, юркій, вехоть, калужа. Но ни одно изъ этихъ словъ не можетъ быть признано даже съ нѣкоторою вѣроятностію за финское по происхожденію; напротивъ, большая часть или существуетъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (напримѣръ, въ словинскомъ vehet, въ чешскомъ trkati, kaluže), или

---

[1]) Преданія нашего сѣвера о Чуди собраны у Ефименка, Заволоцкая Чудь Архангельскъ, 1869.—Вотъ еще преданіе жителей г. Никольска (Вологодской губ.). Они разсказываютъ, что въ окрестностяхъ ихъ города нѣкогда жилъ поганый народъ, который прятался отъ Русскихъ въ ямы, прикрытыя сверху землею; что Русскіе обрушивали крыши на этихъ поганыхъ и тѣмъ душили ихъ. Вологодскій Сборникъ, V, 195.—Литература о Чуди отчасти указана А. Н. Веселовскимъ въ «Замѣткахъ о литературѣ и народной поэзіи», Спб. 1883, стр. 83—84. Слово Чудь въ Архангельской губерніи употребляется съ одной стороны какъ бранное, съ другой—матерьми для стращанья дѣтей.

[2]) Ефименко, Матеріалы по этнографіи р. населенія Арханг. губ. I, 155 (Изв. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этн., т. XXX).

Едва ли не о до-исторической борьбѣ Русскихъ съ Финнами говоритъ одна корельская легенда.

«Мудрецъ Похіольскій, старый вѣщунъ, собралъ всѣхъ Суомалайнъ, передалъ князю ихъ дары и приглашалъ послушать его слова. Онъ повѣдалъ только, что открылось ему въ полученномъ снѣ. Видѣлъ я, говорилъ мудрецъ, что въ далекой Vапоjа (Руси) подымается грозная буря... Идите отсюда поэтому по большой рѣкѣ (Волхову?) къ великому озеру (Ладожскому). Я слушалъ траву въ зеленомъ полѣ, слушалъ стрекотанье кузнечика въ густой зелени, спрашивалъ вѣтеръ, летящій отъ юга, вопрошалъ рыбу въ великой рѣкѣ, спрашивалъ быструю птицу, быстро несущагося зайца, мудраго медвѣдя и узналъ, что грозитъ бѣда народу Суомалайнъ. Послушались разумные люди и со стадами своими ушли по рѣкѣ къ великому озеру, а неразумные остались. Имъ жалко было бросить рыбу въ рѣкѣ, траву на лугахъ, пищу въ полѣ и въ лѣсу, и они не побоялись словъ похіольскаго старца. Сонъ же мудреца исполнился. Грозная буря поднялась съ далекой Vапоjа, великія волны разбили лодки непослушныхъ, добрый народъ погубили грозные люди, пришедшіе по великой рѣкѣ. Стонутъ сыны суомійскіе подъ тяжелою рукою страшныхъ враговъ; ихъ стрѣлы только скользятъ по искусно выкованнымъ грудямъ чужеземцевъ; добрый народъ изрубили южные люди, увели съ собою они прекрасныхъ какъ радуга дѣвъ сѣвера въ тяжкую неволю». Древн. и Нов. Россія 1880 г. № 10, стр. 273—274 (ст. Елисеева).

лый, съ бѣлымъ цвѣтомъ и съ правильными чертами лица, болѣе или менѣе красивый,— одинъ изъ чисто славянскихъ типовъ. Его мы находимъ въ Паозерьѣ, на берегахъ озера Ильменя, гдѣ живутъ прямые потомки древнихъ Новгородцевъ. «Въ этомъ краю, говорить наблюдатель, жители имѣютъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ прочихъ жителей губерніи. Народъ рослый, мускулистый, широкоплечій. Лицо широкое съ прямымъ, довольно мясистымъ носомъ, съ карими глазами, съ темнорусыми густыми волосами на головѣ и бородѣ. Характера твердаго до упрямства, смѣлаго и разудалаго» [1]). Этотъ типъ обыченъ въ средѣ великорусскаго духовенства (съ его свѣтскимъ потомствомъ), въ средѣ того сословія, которое издревле представляло нѣкоторую замкнутость и брачилось по преимуществу между собою [2]). Этотъ же типъ постоянно воспѣвается въ великорусскихъ пѣсняхъ разныхъ мѣстностей, когда они говорятъ о чернобровыхъ и черноглазыхъ:

Изъ лица она красавица:
Безъ бѣлилъ—лицо бѣлое,
Безъ румянъ—щечки розовы,
Безъ сурмилъ—брови черныя.

Прилегайте вы, кудри русыя,
Къ его лицу, лицу бѣлому,
Къ его щечкамъ, щечкамъ розовымъ,
Къ его бровямъ, бровямъ чернымъ.

—

Чернобровая моя, подыми шляпу (Казань).

—

Саша черноброва,
Черноброва хороша.

—

Чернобровый мальчикъ, черноглазый (Вологодская губ.) [3]).

А. Соболевскій.

Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (u latach 1861—1891), muzyce opracował Zygmunt Noskowski. Kraków. 1892. 8°, str. 361.

Какъ видно изъ словъ составителя, настоящій сборникъ образовался въ теченіи тридцати лѣтъ, посвященныхъ собиранію памятниковъ народнаго творчества. Въ предисловіи мы узнаемъ, что г. Глогеръ началъ собирать народныя пѣсни еще будучи ученикомъ 4-го класса, къ чему пріохотили его лекціи извѣстнаго К. В. Войцицкаго, одного изъ первыхъ собирателей польскихъ народныхъ пѣсенъ. Перечитывая затѣмъ другіе сборники г. Глогеръ пришелъ къ заключенію, что даже извѣстные этнографы допускали въ текстахъ записываемыхъ пѣсенъ значительныя ошибки вслѣдствіе неправильнаго способа записыванія. Онъ поставилъ себѣ задачей выбрать изъ массы матеріала тексты наиболѣе простые, но характеристичные, которые могли бы послужить пособіемъ при изученіи народной словесности. Такимъ образомъ появился настоящій

---

1) Новгородскій Сборникъ, I, стр. 3.

2) Это замѣчено не нами. См. Московскія Вѣдомости 1892 года №№ 210 («Научныя замѣтки») и 212.

3) Овсянниковъ, Русскія народн. пѣсни, записанныя въ г. Казани (Каз. 1886). Вологодск. Сборн., IV. То же у нашихъ поэтовъ, какъ у подражавшихъ народнымъ пѣснямъ: Чернобровый, черноглазый молодецъ удалый (Мерзляковъ), Лицо бѣлое,.. косы черныя (Кольцовъ), такъ часто и у не подражавшихъ (у Пушкина, Лермонтова). Пѣсни, и великорусскія, и малорусскія (свадебныя), говорятъ о русой косѣ. Но понятіе о русомъ цвѣтѣ—понятіе очень широкое: современный языкъ называетъ русыми волосами—волосы отъ самыхъ свѣтлыхъ до почти-черныхъ.

сборникъ, образовавшійся частью изъ пѣсенъ, записанныхъ самимъ г. Глогеромъ, частью изъ доставленныхъ ему, частью же—изъ найденныхъ имъ въ старыхъ рукописяхъ изъ разныхъ закоулковъ Царства Польскаго. Всего въ сборникѣ мы находимъ 1881 пѣсню, причемъ все это громадное количество сгруппировано составителемъ въ пять главныхъ отдѣловъ. Разсмотримъ эти пѣсни и постараемся дать безпристрастную оцѣнку труду собирателя ихъ—г. Глогера.

Обратимся къ содержанію сборника. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ 128 пѣсенъ, относящихся къ различнымъ праздникамъ; здѣсь мы находимъ колядки, пѣсни при дожинкахъ, пѣсни весеннія и др., причемъ нѣкоторыя носятъ слѣды большой древности, напр. стр. 16, № 26, стр. 31, № 53, стр. 55, № 107.

Второй отдѣлъ, въ которомъ искусно сгрупированы свадебныя пѣсни числомъ 570, даетъ полную и яркую картину свадебной драмы во всѣхъ ея перипетіяхъ.

Третій отдѣлъ, заключающій въ себѣ 164 думы и думки является для насъ наиболѣе интереснымъ. Большинство этихъ пѣсенъ представляютъ собой или странствующіе или общіе мотивы у всѣхъ славянскихъ и сосѣднихъ народовъ. Въ «Живой Старинѣ» уже были сдѣланы попытки дать библіографію подобныхъ мотивовъ, почему мы здѣсь и считаемъ нелишнимъ отмѣтить нѣкоторыя, наиболѣе распространенныя темы изъ сборника г. Глогера, тѣмъ болѣе, что къ нему не приложено ни оглавленія, ни указателя. Вотъ рядъ этихъ темъ:

Братъ, возвращающійся съ войны домой, находитъ у сестры-дѣвушки ребенка и въ наказаніе за грѣхъ убиваетъ ее, стр. 143, № 2.

Сестра отравляетъ брата, чтобы безпрепятственно жить съ любовникомъ стр. 147—9, № 7.

Дѣвушка убѣгаетъ съ любовникомъ, братья настигаютъ ихъ, убиваютъ любовника и возвращаютъ ее, стр. 149, № 9.

Молодецъ, взявъ у дѣвушки рутяной вѣнокъ, покидаетъ ее, ихъ разговоръ, стр. 149, № 10; стр. 150, № 11.

Дѣвушка плачетъ на кораблѣ, жалуясь на замужество противъ ея желанія, стр. 150, № 13.

Дѣвушку сманиваетъ, увозитъ молодецъ (1 вар.) или рыцари (2 вар.) стр. 152—3, № 14, № 15.

Дѣвушка проситъ взять ее съ собой на войну, стр. 159—62, № 26, 27.

Жена умираетъ въ отсутствіи мужа, стр. 163—5, № 28.

Молодецъ идетъ на войну, дѣвушку насильно выдаютъ замужъ; возвращеніе его домой, стр. 165, № 29.

Возвращеніе мужа, стр. 165, № 30.

Жена въ отсутствіи мужа измѣняетъ ему съ красавцемъ, стр. 161, № 31.

Жена убила мужа, стр. 168, № 33.

Молодецъ въ темницѣ сидитъ изъ-за дѣвицы, стр. 169, № 36.

Дѣвушка идетъ за водой; за разбитый жбанъ достался ей панъ, стр. 170, № 37.

Панъ Цыбульскій продаетъ жену, стр. 177—8, № 48.

Отецъ убилъ сына по наговору мачехи, сестра предупреждаетъ брата заранѣе, онъ не вѣритъ, стр. 178, № 49.

Дѣвушка убиваетъ себя, не желая пережить смерть возлюбленнаго, стр. 186, № 59.

Влюбленные умираютъ, стр. 195, № 73.

Мельникъ не отдаетъ дочь за старосту, хитрость послѣдняго, стр. 199—200, № 80.

Король требуетъ, чтобы краковянка пошла за него, она отказываетъ; ее казнятъ, стр. 200, № 81.

Мужъ тонетъ въ Дунаѣ, жена, не желая пережить его, зарѣзывается, стр. 201, № 83.

Милая выкупаетъ изъ неволи, стр. 204, № 88.

Мать запретила сыну жениться, его смерть, голосъ его изъ подъ земли, стр. 206, № 94.

Казаки сманили дѣвушку съ собой, она, видя ихъ бѣдность, плачетъ-горюетъ, стр. 206, № 95.

Сестра проситъ братьевъ сорвать яблочко и отнести матери, чтобы та вспомнила ее на далекой сторонѣ, стр. 211, № 99.

Дѣвушка убѣгаетъ съ любовникомъ, онъ ее топитъ, братъ спасаетъ, стр. 213, № 102; тоже, любовникъ убиваетъ ее, стр. 215, № 108.

Любовникъ указываетъ дѣвушкѣ на 8 убитыхъ женъ и хочетъ ее также убить, но она сама убиваетъ его хитростью, стр. 214, № 103.

Злая свекровь; сноха превращается въ тополь, стр. 214, № 104.

Отецъ (или мать) не хочетъ выдать дочери замужъ; она умираетъ, стр. 215, № 110 и стр. 231, № 132.

Мужъ разбойникъ, стр. 217 № 115.

Дѣвушка дѣтоубійца, стр 220, № 116.

Панъ Сава и гости съ Украйны—гайдамаки, стр. 230, № 131.

Всѣ пѣсни, темы которыхъ мы перечислили весьма распространены и имѣютъ массу варіантовъ.

Теперь перейдемъ къ четвертому отдѣлу. Въ него вошли kujawiaki, mazury, wiwaty, piésni pasterskie, żartobliwe, kołysanki и wyrwasy. Это — по большей части коротенькія пѣсенки самаго разнообразнаго содержанія, и какъ намъ кажется, не составляющія одного разряда, какъ по содержанію, такъ и съ чисто внѣшней стороны—по размѣрамъ. Большинство wyrwasów по своему общему типу весьма близко къ пѣснямъ V-го отдѣла—къ краковякамъ. Это пѣсни припѣваемыя при танцахъ, большею частью экспромты, порождающіеся въ громадномъ количествѣ, и скоро умирающіе. Одна мода смѣняетъ другую и одна припѣвка вытѣсняется массой другихъ, лишь станетъ извѣстной порядочному кругу молодежи. Въ нихъ отражается погоня за новостью, стремленіе къ оригинальности и современности. Если мы взглянемъ на русскую народную пѣсню, то увидимъ то же явленіе; припѣвка, маленькая четырехстрочная пѣсенка распространяется шире и шире, вытѣсняя старинную протяжную пѣсню. У нашихъ сосѣдей, латышей, подобная припѣвка совсѣмъ уже вытѣснила сложную пѣсню.

Въ сборникѣ г. Глогера мы находимъ 584 краковяка самаго различнаго содержанія. Общій типъ ихъ—также какъ и великорусскихъ припѣвокъ слѣдующій: первые два стиха—сравненіе, взятое изъ природы, слѣдующіе два — объясненіе его бытовыми чертами, напр. стр. 275, № 155 и др.

Многія пѣсни снабжены музыкой, обработанной г. Носковскимъ. Таковъ общій видъ сборника. Онъ представляетъ много интереснаго, но претензіи автора, что онъ можетъ служить какъ пособіе—совершенно напрасны. Трудно въ немъ розыскать даже извѣстную пѣсню: ни подробнаго оглавленія, ни указателя мы въ немъ не находимъ. Къ тому же г. Глогеръ, хотя и говоритъ, что прочелъ всѣ сборники, изданные другими, однако не потрудился сдѣлать при своихъ пѣсняхъ ссылки на варіанты—хотя бы на польскіе, а вѣдь это необходимое, какъ намъ кажется, условіе, чтобы сборникъ имѣлъ серьезное значеніе. Такія указанія мы находимъ даже въ старыхъ сборникахъ! Не думаемъ, чтобы подражаніе было здѣсь лишнимъ.

Указаніе на варіанты и версіи въ значительной мѣрѣ облегчило бы работу изслѣдователя, принужденнаго теперь заниматься долгой черновой подготовительной работой розысканія варіантовъ изучаемой имъ темы.

В. Н. Перетцъ.

Календарь Вятской губерніи на 1893 г. Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Вятка, 1892.

Мы говорили о содержаніи «Календаря» на 1892 годъ. «Календарь» на 1893 годъ лучше своего предшественника.

Онъ содержитъ статьи:

«Вотяки», П. А. Матвѣева, перепечатанную изъ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза-Ефрона;

«Алфавитъ языческихъ именъ Черемисъ Елабужскаго уѣзда». г. Магницкаго (небольшой списокъ черемисскихъ именъ, мужскихъ и женскихъ, въ которомъ не мало именъ русскихъ—христіанскихъ и еще болѣе татарскихъ—магометанскихъ);

«Матеріалы для объяснительнаго областнаго словаря вятскаго говора», г. Васнецова (продолженіе, буквы *г—ж*);

«Село Истобенское», г. Селивановскаго (описаніе хозяйственнаго быта одного изъ наиболѣе промысловыхъ селъ Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда);

«Каменныя орудія въ Слободскомъ уѣздѣ и связанныя съ ними суевѣрія», его же (они признаются народомъ за «громовыя стрѣлки», считаются приносящими счастье дому, гдѣ находятся, и охраняющими лицъ, которыя ими владѣютъ);

«Повѣрья, обряды и обычаи при рожденіи, бракѣ и смерти крестьянъ Слободскаго уѣзда», очеркъ, составленный мѣстною уроженкою, народною учительницею, и содержащій въ себѣ, между прочимъ, рядъ свадебныхъ пѣсенъ;

«На Великой рѣкѣ», г. Курбановскаго (впечатлѣнія богомольца, принявшаго участіе въ многолюдномъ крестномъ ходѣ изъ г. Вятки въ село Великорѣцкое для поклоненія древнему образу св. Николая Чудотворца);

«Зюздинскій край (Глазовскаго уѣзда)», г. Штейнфельда. Авторъ мастерски описалъ одинъ изъ медвѣжьихъ угловъ Вятской губ. (по верховьямъ Камы и западнымъ отрогамъ Уральскихъ горъ), населенный отчасти полу-обрусѣвшими Пермяками, отчасти полу-опермячившимися русскими, лишенный всякихъ промысловъ и исключительно хлѣбопашескій, хотя лѣса полны дичью, а рѣки рыбою. Жители его представляютъ собою нѣчто особенное по тупости и неразвитости и ведутъ скучную, замкнутую жизнь.—Эта статья—лучшая въ «Календарѣ».

Кромѣ названныхъ статей, въ «Календарѣ» находится нѣсколько статей историческаго и археологическаго содержанія (отрывки изъ сочиненій путешественниковъ XVI—XVIII вв. о Вяткѣ и ея обитателяхъ; путешествіе Эрдмана по Вятской губ. въ 1816 г.; о костеносныхъ городищахъ на сѣверо-востокѣ Россіи, и др.), на нашъ взглядъ, не представляющихъ значенія.

А. С—скій.

Brandstetter R. Charakterisirung der Epik der Malaien. Luzern. 1891. Стр. 46 in 4°.

Работа г. Брандстеттера даетъ рядъ краткихъ и неособенно новыхъ свѣдѣній объ эпической литературѣ Малайцевъ; для тѣхъ, кому доступны соотвѣтствующія сочиненія голландскихъ ученыхъ, она представляетъ мало интереснаго. Не безполезнымъ слѣдуетъ однако признать пересказъ, съ переводомъ отдѣльныхъ мѣстъ, трехъ поэмъ: Бидасари, Кенъ Тамбуханъ, Ятимъ Нустафа; надо только пожалѣть, что авторъ не счелъ нужнымъ остановиться на вопросѣ о несомнѣнно индѣйскомъ происхожденіи по крайней мѣрѣ первыхъ двухъ поэмъ.

С. О.

Zemmrich. Johannes. Toteniseln. und verwandte geographische Mythen. Mit einer Karte. Inaugural-dissertation zur Erlangung der philosophischen Doctorwürde an der Universität Leipzig. Leiden 1891. стр. 28. in 4°. (Отд. оттискъ изъ Intern. Arch. für Ethnographie).

Нельзя не пожалѣть, что авторъ не съузилъ своей задачи, для удачнаго исполненія которой у него очевидно недостаетъ свѣдѣній и которая выходитъ по обширности своей далеко за предѣлы брошюры. Получился благодаря этому не особенно систематическій и совсѣмъ не полный каталогъ мѣстностей, считаемыхъ «землею умершихъ» (гл. I. Die

Lage des Totenlandes). Къ нему прибавлены весьма краткіе, съ свѣдѣніями случайнаго характера, очерки (гл. II—V): объ источникѣ жизни. Пути и путешествія въ страну умершихъ. Параллели въ описаніяхъ страны умершихъ. Атлантида. Въ виду, повторяемъ опять совершенно случайнаго подбора фактовъ нечего и указывать на пропуски, замѣтимъ только, что напр. всему азіатскому материку посвящено 1½ стр. съ нѣсколькими, частью весьма сомнительными, чисто случайными, замѣчаніями. Особенно слѣдуетъ пожалѣть о такомъ характерѣ работы г. Цемириха, въ виду того, что сама тема, имъ избранная весьма, важная и матеріаловъ у него для ея обработки вполнѣ достаточно.

С. О.

Nöldeke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Garkoch. Herausgegeben, übersetzt und in seinem literarischen Zusammenhange beleuchtet. Berlin. 1891. стр. 54 in 4°. (Изъ Abh. d. Berl. Akad.).

Интересная работа проф. Нёльдеке касается сказки на тэму, извѣстную у насъ подъ именемъ «Морока» и особенно любопытна тѣмъ, что ему удается въ ней прослѣдить сказку до ея несомнѣннаго источника — легенды объ исторически извѣстномъ лицѣ. Въ виду того, что можетъ быть не всѣмъ извѣстна сказка, о которой идетъ рѣчь, я позволю себѣ, прежде всего, передать вкратцѣ ея содержаніе.

Однажды нѣкій врачъ во время своихъ странствованій пришелъ въ Багдадъ. Онъ увидѣлъ здѣсь молодого повара, владѣльца съѣстной лавки, прекраснаго собою, но весьма печальнаго; отвѣчая на распросы врача, онъ открылся ему и разсказалъ, что влюбленъ въ дочь халифа и, что тоска по ней и сознаніе невозможности обладать ею совсѣмъ уничтожаютъ его. Врачъ совершаетъ заклинанія и дочь халифа прилетаетъ ночью на своемъ ложѣ къ юношѣ. Такъ продолжается въ теченіи нѣкотораго времени; дочь халифа становится беременной; разгнѣванный халифъ требуетъ у нея объясненій, она разсказываетъ какъ было дѣло. Чтобы узнать, въ чей домъ царевна улетаетъ каждую ночь визирь совѣтуетъ положить къ ней открытый мѣшочекъ со пшеномъ: по слѣдамъ выпавшаго пшена и можно будетъ найти соблазнителя. Такъ и дѣлаютъ; врачъ при помощи своихъ чудесныхъ знаній предвидитъ что̀ случится, и уговариваетъ юношу не безпокоиться. Когда на утро халифъ является къ дому повара съ визиремъ и войскомъ, врачъ велитъ юношѣ вылить съ крыши кувшинъ воды; вокругъ дома является бушующая рѣка, которая поглощаетъ солдатъ, вошедшихъ въ нее по приказанію халифа. Халифъ испуганный возвращается во дворецъ, куда являются вскорѣ врачъ съ юношей. Царь хочетъ казнить юношу, но благодаря волшебной силѣ врача палачъ отрубаетъ голову не юношѣ, а сперва своему помощнику и затѣмъ себѣ самому. Испуганный халифъ преклоняется передъ врачемъ, который даетъ затѣмъ пробы своего волшебства: Львы, вытканные на занавѣсѣ рычатъ, послѣ чего врачъ обращаетъ ихъ въ кошекъ. Врачъ велитъ принести большой сосудъ съ водой и приглашаетъ визиря войти въ воду; министръ входитъ въ воду, и ему кажется, что онъ среди бушующихъ волнъ моря — волна выбрасываетъ его на берегъ, и онъ вдругъ видитъ, что превратился въ женщину; сынъ рыбака, который нашелъ его на берегу, беретъ его къ себѣ въ жены, и у него послѣдовательно рождается семь дѣтей. Съ горя, что ему столько приходится терпѣть, превращенный визирь хочетъ кинуться въ море и вдругъ оказывается, что онъ въ сосудѣ съ водою и что все это было волшебствомъ. Чтобы заставить халифа испытать тоже, что̀ и онъ самъ испыталъ, визирь увѣряетъ своего повелителя, что ему представились разныя райскія видѣнія. Царь идетъ въ воду и тоже оказывается въ морѣ, которое его и выбрасываетъ на берегъ. Послѣ разныхъ странствованій онъ поступаетъ въ услуженіе къ какому-то повару въ одномъ городѣ; это занятіе ему скоро надоѣдаетъ, онъ дѣлается посредникомъ между купцами на базарѣ. Однажды кто-то ему поручилъ продать драгоцѣнный камень; онъ предлагаетъ его различнымъ покупщикамъ и сговаривается съ однимъ изъ нихъ за 100,000, но тутъ вдругъ драгоцѣнный камень оказы-

вается кускомъ смолы, и халифа, какъ обманщика, ведутъ на казнь; его уже вѣшаютъ, какъ вдругъ онъ, открывъ широко глаза, видитъ, что находится въ своемъ дворцѣ, въ сосудѣ съ водой. Сказка кончается свадьбою повара и халифской дочери.

Проф. Нёлдеке, указывая на турецкія версіи сказки о врачѣ и поварѣ, опредѣляетъ время составленія арабской версіи между XIV—XV вв., полагая такимъ образомъ между временемъсочиненія сказки и смертью того лица, которое явилось въ ней героемъ, одно или два столѣтія. Лицо это, которое Нёлдеке удалось установить главнымъ образомъ благодаря сказкѣ въ «Сорока Визиряхъ», никто иное, какъ извѣстный мистикъ Шахаб-аддинъ Сухраварди, казненный за ересь, 17 января 1192 года, въ Алеппо. Легенда, окруживъ его ореоломъ мученичества, приписала ему близкое знакомство съ наукою—Симія, т. е. умѣньемъ внушать другимъ разныя фантастическія представленія; постепенно переходя въ сказку, легенда потеряла свой мистическо-волшебный характеръ и явилась веселымъ и забавнымъ разсказомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ правильности отожествленія проф. Нёлдеке мистика легенды съ врачемъ сказки, но для лучшаго выясненія вопроса о переходѣ вообще легенды въ сказку желательно было-бы найти еще нѣсколько промежуточныхъ звеньевъ, особенно въ области легенды о Сухраварди.

С. О.

ОТДѢЛЪ IV.

Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Соболевскимъ въ IV отд. «Жив. Стар.» II в. 1892 г.

Въ средѣ народа здѣшней мѣстности косметическія средства употребляются слѣдующія: обыкновенныя бѣлила и пудра и для румянъ карминъ, или просто фуксинъ; брови наводятъ саломъ. Всякое званое пиршество, вечорки, посѣщеніе церковныхъ службъ, прогулки во время праздниковъ вызываетъ желаніе каждой молодой женщины, а тѣмъ болѣе дѣвушки «притереться», по мѣстному выраженію, но общественное мнѣніе (какъ города, такъ и деревни) какъ-бы противъ того и про слишкомъ злоупотребившихъ косметикой говорятъ: «ну, ужъ и нащекатурена (штукатурена) была!»...

Иванъ Мамакинъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябининымъ.

Олонецкія былины въ сказѣ И. Т. Рябинина мнѣ случилось прослушать два раза 8 января въ засѣданіи И. Р. Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи [1]) и 15 числа того-же мѣсяца въ Спб. 7-ой гимназіи.

Иванъ Трофимовичъ Рябининъ, крестьянинъ деревни Горницы, Олонецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, сынъ извѣстнаго былиннаго пѣвца, отъ котораго въ 1871 году записалъ 23 былины покойный Гильфердингъ и издалъ въ своемъ сборникѣ «Онежскихъ былинъ». Низкаго роста, не плечистый, но крѣпкій и бодрый на видъ, безъ сѣдины, онъ выглядитъ моложе своихъ 49 лѣтъ; съ непривычнымъ положеніемъ среди «господъ» онъ освоился довольно скоро, такъ что во второй разъ я не замѣтилъ той застѣнчивости, какая была въ немъ въ собраніи Географическаго Общества. Рябининъ живетъ крестьянскимъ хозяйствомъ, продаетъ сѣно, отчасти хлѣбъ, а больше дрова въ Петрозаводскѣ; въ Петербургѣ онъ прежде никогда не бывалъ. Онъ совершенно неграмотный; былинамъ и духовнымъ стихамъ научился отъ своего отца съ голоса и, по словамъ г. Виноградова, преподавателя мѣстной гимназіи, привезшаго его въ Петербургъ, знаетъ болѣе 6,000 стиховъ. Голосъ у него сильнѣе, чище и пріятнѣе, чѣмъ у крестьянина Касьянова, сказывавшаго былины въ Обществѣ въ прошломъ году, и, какъ вообще у олончанъ, протяжный, вслѣдствіе чего является какая-то неясность, неотчетливость, открытость гласныхъ звуковъ въ слогахъ безъ ударенія, почти исключительно въ предшествующихъ ударяемому слогу и весьма рѣдко въ слѣдующихъ за нимъ. Мнѣ слышалось *а* вмѣсто *о*, *я* вмѣсто *е*, *и* вм. *е*, однако далеко не такъ ясно, какъ оно замѣчается въ южно-великорусскихъ говорахъ, въ слѣдующихъ случаяхъ.

Открытое, близкое къ *а*, было *о* въ словахъ: х*а*лодной, д*а*садушку, п*а*ѣдешь, к*а* городу, супр*а*тивникъ, п*а*дходелъ, м*а*лотцёвъ, с*а*ловая, к*а*ренья, п*а*дорожные, п*а*сылае, п*а*махивати, м*а*лодой, кр*а*волитія, пов*а*да, п*а*бьешь, в*а* свой, р*а*бёночка, к*а* тому к*а* двору, драг*а*цѣнную, с*а*бѣ (=собѣ), изъ к*а*ей орде и рѣже за ударяемымъ слогомъ: на сыру̀ в*а*ду, въ бор́зд*а*чки, ва синѐ м*а*ре, королѐвск*а*й сынъ, царь небѐсн*а*й.

Звукъ *я* вмѣсто *е* передъ ударяемымъ слогомъ находился въ словахъ: ул*я*тали, н*я*давно, н*я* вѣдаите, кл*я*новая, за*я*жжяли, сво*я*го, изъ т*я*мной орде, на н*я*го, во*я*вода, л*я*вонидова, с*я*годня, н*я* знаю, б*я*зъ года (послѣднія три слова я слышалъ въ разговорѣ съ Рябининымъ), *я*що, и послѣ шипящихъ: ч*а*ловѣческымъ, нич*а*го, ай ж*а*, ш*а*лковую; за ударяемымъ слогомъ: веч*а*ра, провож*а*я (=провожаетъ), могочі*я* люди, (вм. могочі*е*), широкі*я*хъ (=широкіехъ), кабацкі*я* (голи), столовы*я*хъ, золочёны*я*, разудалы*я*хъ, перелетны*я*хъ.

---

[1]) Мы воспользовались и замѣтками г. Тупикова и другихъ, отмѣчавшихъ вмѣстѣ съ нами особенности произношенія Рябинина въ этомъ засѣданіи Отдѣленія.

На мѣстѣ *е* безъ ударенія употреблено было *и* въ словахъ: Б*и*рсзова, б*и*рётъ, м*и*ня (=меня), мат*и*рѣть и уд*а́*л*и*нькой, отеч*и*ству.

Такъ какъ звукъ *а* вмѣсто неударяемаго *о* и звукъ *я* вмѣсто—*е* произносились не слишкомъ ясно и въ большомъ числѣ словъ вовсе отсутствовали, то считаю эту особенность узко-мѣстною, являющеюся подъ вліяніемъ сильнаго произношенія ударяемаго слога; по крайней мѣрѣ, ни въ записанныхъ Гильфердингомъ былинахъ, ни во многихъ другихъ изданныхъ сѣверно-великорусскихъ народныхъ памятникахъ, этой черты не замѣчается, исключая скудныхъ слѣдовъ: п*я*л*и*гримища (на Пудогѣ) Онежск. былины, Гильфердинга 1873 г., стр. 763; к*а*раблика, к*а*рабъ (Кенозеро и Моша), тамъ же, стр. 1132, 1133; хлѣбецъ *а*ржаной (Пинежск., Холмск., Шенкур. у., Архангельск. губ.), Матеріалы по этногр. рус. нас. Арханг. губ., собран. Ефименкомъ, въ трудахъ Этн. Отдѣленіи И. Общ. Люб. Еств., Антроп. и Этногр., кн. V, вп. II, 1878 г., стр. 247; отъ обѣдни воскресенскі*я*, тамъ же, 18; до тое березоньки кудрявы*я*, тамъ же, 27; весны красны*я* (род. ед.), здѣс*я* (Мезень), тамъ же, стр. 52, 80; безъ каз*а*ни вм. каз*е*ни= казни (Онега). Пѣсни, Кирѣевскаго, ч. III, стр. 62, изъ ты*я* норы (Олонецкъ) тамъ же, ч. II, стр. 27; коров*а́*шка при коровашка (Холмогор.) Словарь Арханг. нарѣчія, Подвысоцкаго, стр. 63; кр*а*ваточку (Новгор.) Причитанія сѣв. края, Барсова, ч. I, стр. 143, до лавочки торговы*я* (Олонецк.), тамъ же стр. 5; до церкви соборны*я*, отъ умны*я*, кроткі*я*, Пермскій сборникъ, ч. I, отд. II, стр. 78, ч*а*сала, тамъ же, стр. 46; кр*а*ватушкѣ, тамъ же, 37 (сравн. отъ с*я*стрицы, тамъ же, ч. II, стр. 141, с*я*стрица, ч. I, 66, кол*я*чка, 21, т*я*стюшко, тамъ же, ч. II, 141, т*я*ст—ётъ, 151); у Колосова, Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великор. нарѣчія (Прил. къ XXVIII т. Зап. Акад. Н.) записано въ Олон. губ., Каргоп. уѣздѣ: куч*я*ръ, ч*я*ямъ, вид*я*ли (стр. 41); въ Вятск. губ. п*а*лтора (Нолинскій уѣздъ), с*а*водни (Вятск. у.), сер*я*дь 46, (Нолинск. у.); менѣе рѣдко встрѣчается *и* вм. *е*: м*и*ня, Матеріалы, Ефименко, кн. V, вып. II, стр. 271; б*и*сѣдкѣ, тамъ же, 271; м*и*ня Пѣсни, Кирѣевскій, I, стр. 54,86; оч*и*нь, т*и*бѣ, с*и*бѣ Пермск. сборн. ч. II сказки, стр. 120, 121, 124. Сверхъ того, см. Очеркъ русской діалектологіи Проф. А. И. Соболевскаго «Живая Старина» 1892 г. Вып. II, стр. 14, 16 и слѣд.

Почти постоянно замѣнялъ Рябининъ посредствомъ *е* звукъ *я* и *а* (послѣ шипящихъ), какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: оставл*е*етъ, медв*е*ной, пр*е*моѣзжчоей, пол*е*ницъ, Светославговицъ, Карач*е*рова, на п*е*ту, п*е*тьсотъ, п*е*тьдесятъ, моя государын*е*, повытр*е*хнуть, Сел*е*ниновичъ, им*е*то; въ глаголахъ обыкновенно *се* вмѣсто *ся*: померитс*е*, насмѣхаесьс*е*, погибалис*е*, застоялис*е*, отламилис*е*.

Звукъ *и* на мѣстѣ *ѣ* попадается такъ рѣдко, что, напримѣръ, во второй разъ я не слыхалъ его ни въ одномъ словѣ; въ первый же, насколько отмѣтилъ, онъ находился въ словахъ: на св*и*ти, свер*и*пая, Богъ тоб*и* помочь, и иногда въ окончаніи: въ бороздачк*и*, въ пол*и* (стар.-рус. пол*и*), ч*и*мь (стар.-рус. чимь), а во всѣхъ прочихъ словахъ съ *ѣ* слышалось ясное *е*: зв*ѣ*ри, выб*ѣ*гали, об*ѣ*душку, цв*ѣ*точки, в*ѣ*даешь, *ѣ*ствушки, см*ѣ*ты н*ѣ*тъ, насм*ѣ*хаесьсе, сов*ѣ*тъ, м*ѣ*стечко, *ѣ*дешь, *ѣ*хали, л*ѣ*са, р*ѣ*кой, р*ѣ*чи, ор*ѣ*ховецъ, стр*ѣ*ляешь, стр*ѣ*лочекъ, р*ѣ*звы, с*ѣ*на (въ разговорѣ), вс*ѣ*хъ, ц*ѣ*лованіе, ц*ѣ*лой.

Довольно распространенною чертою являлось *е* вм. *и* и подъ удареніемъ и безъ ударенія: м*е*лосливой, прич*е*таетъ, на почестенъ п*е*ръ, тет*е*вочке, *Е*лья Иванов*е*чъ, К*е*ёвъ, обирал*е* кресты, пом*е*ритесе, м*е*ру, чадо м*е*лое, пон*е*же всѣхъ, с*е*лушке, муж*е*чки, ход*е*лъ, веход*е*лъ (=выходилъ), сад*е*лись, разл*е*вати, м*е*к*е*тынецъ, м*е*лость, скоч*е*лъ, р*е*бушке (=рибушке вм. рыбушки), ск*е*давалъ одеж*е*чю, беж*е*тъ, спуст*е*ть, баз*е*ка (=базика значитъ насмѣшникъ); вмѣсто Владиміръ постоянно употреблялось Влад*э*м*е*ръ, съ твердымъ *дэ*, близкимъ къ *ды*, что̀ отмѣчено было и самимъ Гильфердингомъ въ говорѣ Рябинина-отца.

Расширеніе е въ ё замѣчено мною въ словахъ: чисто полё, чадо милоё, пированіё, змiёнош*о*къ, моёй, коёй, соловоёй, попухиваё, поскриповаё, почиркиваё, третьёво дни (въ разговорѣ), булатнёго, всё, берёзы, въ трёхъ (въ разговорѣ), орётъ, берётъ, ёго, вѣдашь, Кеёвомъ, булатнёму, сошки кленовыё, именёмъ, перелётныяхъ утёношокъ, рабёночкомъ,

полёмъ, тёсть, по учёному, учёные, грош*о*въ, ай ж*о*, перыщ*о*, чёрнымъ, горынищё, тежолые, малотц*о*въ, близёхонько, дитё опальное, даже одёлъ (=одѣлъ) одежу; въ рѣдкихъ случаяхъ ё остается безъ измѣненія: пéстрой, отстéгивалъ, пристéгивалъ.

Замѣна ударяемаго *а* посредствомъ *о* представилась намъ въ словахъ: пл*о*чь вм. плачь, плочьте, орат*ó*юшка, ост*о*ва-ко (=оставь-ко), а также—безъ ударенія—ост*о*влéетъ, произл*о*гали.

Какъ весьма любопытную особенность слѣдуетъ замѣтить *о* на мѣстѣ *у*: мог*о*чіе люди, межд*о*, въ П*о*чай рѣкѣ, М*о*ромля, тамъ-же Муромля, р*о*ку (руку), Ис*о*са (=Іисуса), къ Ис*о*с*о*, по мер*о* (=міру), м*о*дросей, на др*о*гой день, ш*о*бку (=шубку) по Кéёв*о*, гору золотоё, хоть огнемъ пожг*о* (пожгу), расп*о*стить, голов*о* србл*ю*, дружинушку хоробр*о*ю; вмѣсто ѣствушка разъ было произнесено ѣств*е*шкой; вспомнилъ матушк*о*.

Колосовъ въ «Обзорѣ звук. и форм. особенностей нар. р. яз.», стр. 100, 101 приводитъ нѣсколько случаевъ постановки *о* вм. *у* (чаще въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ); впрочемъ только немногіе кажутся заслуживающими вниманія: ожг*о*тить (при ожгутить) Вологодск.; окр*о*ти (Олон. губ., Гильф., 246); перехож*о*ю (вин. ед. ж., тамъ же, 234); дост*о*плю (Влад.), к*о*нью (вм. куню, Рязанск.).

Слово кустъ, показалось мнѣ, выговаривалось какъ к*ӯ*стъ, а Богъ — какъ Б*ӯ*гъ, въ духовномъ стихѣ на Вознесеніе—Б*ӯ*гъ мелосливой.

Вмѣсто дородній въ записанныхъ Гильфердингомъ былинахъ, И. Т. Рябининъ говорилъ дуродней, и на бѣлы̆ н*у*чи (вм. н*о*чи).

Подобную черту въ Вятскомъ говорѣ подмѣтилъ Даль (О нарѣчіяхъ, стр. 27): онъ говоритъ, что вятское *о* произносится мѣстами какъ *уо* или *уы*: ничев*уо*, соб*уо*лья. Но Колосовъ считаетъ это обманомъ слуха и объясняетъ мѣстною склонностью къ растяженію, или, какъ онъ называетъ ее—долготою (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи сѣверно-великор. края, стр. 64—65).

Въ нѣкоторыхъ словахъ *е* было не умягчительнымъ звукомъ, какъ обыкновенно, а твердымъ: скорэшенько, дэнь, золотэя рѣчи.

Кромѣ выше указаннаго Владэмеръ, въ которомъ *э* звучитъ близко къ *ы*, подобный звукъ встрѣтился въ словѣ дэмъ вмѣсто дымъ: на дэмъ спущю; наконецъ слово громъ было сказано какъ грэмъ.

Въ употребленіи согласныхъ звуковъ наиболѣе замѣтною чертою является извѣстная постановка *ч* на мѣсто *ц* и наоборотъ, впрочемъ далеко не послѣдовательно слышавшаяся: *ч* вмѣсто *ц*: *ч*ѣлованіе, *ч*ѣловалъ, *ч*ѣлой, крестьянове*ч*ь, пали*ч*е, косн*ч*ею, *ч*ерквахъ, моло*дe*чь, пти*ч*ю, одежи*ч*ю, сер*ч*о; но правильно: ли*ц*ю, *ц*арь, *ц*аревичи, поляни*ц*а, пьяни*ц*ы, крыльи*ц*о, перьи*ц*о, каба*ц*кія, орѣхове*ц*ь, раздольи*ц*е, портомойни*ц*е, Микиткине*ц*ь, старц*е*.

Ц вмѣсто *ч* рѣже: Святославгови*ц*ь, пле*ц*я, тетево*ц*ка, ме*ц*ь; но правильно: *ч*адо, пло*ч*ь, обу*ч*енъ, *ч*ёрнымъ *ч*ёрно, *ч*аловѣческимъ, време*ч*ко, кри*ч*итъ, золо*ч*еные, могочіехъ, хочется, у*ч*еные, покон*ч*илась, полу*ч*кою, ве*ч*яра, жеребчикомъ, выволо*ч*у, *ч*исто, Пу*ч*ай, дале*ч*е, ни*ч*аго, гре*ч*еской, манише*ч*кой, рубаше*ч*ки, *ч*ерезъ, племни*ч*ку Забаву до*ч*ь Путяти*ч*ну, оте*ч*иству, Петрови*ч*а, по*ч*естенъ, пле*ч*ко.

Звуки *ч*, *ц* и *ж*, даже двойное *жж* выговаривались мягко: пти*чю*, кри*чи*тъ, ве*ч*яра, от*ця*-матери, ли*цю*, по раздольи*цю*, оде*жи*цю, питьи*це*й, пьяни*цы*, пле*ця* куплют*ця*, поха*жи*валъ, пова*жи*валъ, жеребчи*ко*мъ, пріѣ*жжя*лъ, заѣ*жжя*лъ, подъѣ*жжя*лъ, ѣ*жжи*валъ; впрочемъ слово лежитъ отмѣчено у меня съ твердымъ *ж*: ле*жы*тъ.

Звукъ *жд* находился въ словахъ: ро*жд*ѣляти при роздѣляти, мэ*жд*о и прохла*жд*аесьсе. Твердо произносилось *щ*: що, ащо, но всетаки не какъ два твердыхъ *ш*, которые замѣтны были въ словѣ вы*шше* (того); мягче было *щ*: пороспу*щ*ени, спу*щ*ю, деревеньщины.

Въ словѣ прямоѣзжая на мѣстѣ *зж* стояло *жч* (*ч* твердое)—премоѣ*жч*оей.

Мягкое *к* случилось подмѣтить въ словѣ тетевоц*кю*.

Вмѣсто что и чтобы выговаривалось што и штобы.

Слова *щ*ирокъ (=широкъ) и *щ*алыгой (=шалыгой) имѣли *щ* взамѣнъ *ш*.

Въ одномъ случаѣ наблюдалось *т* вм. *д*: *т*ушино (=душину) спустелъ.

Опущено было *с* передъ *тр* послѣ *д*: подтрѣлить, а потомъ въ словахъ: кресьянинъ, кресьянствовати, мелосливъ, есь; што есь людей.

Мягко звучало *р* въ *ре*бушке (вм. рибушке), Доб*ри*нюшко, далѣе пе*рь*вой, саха*рь*ный, богаты*рь*скаго.

Звукъ *г* произносился безъ придыханія одинаково—въ началѣ, серединѣ и исходѣ словъ: говорилъ, городъ, господъ, грошовъ, другой, ду-друга, могочіе, не могутъ, Вольга Святославговичъ, Богословіе, Богъ; въ окончаніи род. ед также всегда *г* безъ придыханія и не *в*: его, единаго, богатырьскаго, булатнёго, литовского.

Изъ особенностей въ формахъ словъ болѣе выдаются слѣдующія:

1. Въ мѣстоименіяхъ: имен. ед. 3 л. постоянно употребляется ёнъ, им. мн. опи и оны безъ различія рода; род. ед. ёго, нёго, его; попалъ ее (вин. ед. ж. р.); отъ ты—род. тобя, дат. тоби; отъ себя—дат. себѣ, тв. собою. Весь въ имен. мн. имѣетъ форму вси, всѣхъ родовъ; вмѣсто тотъ иногда ставилось тей, тв. ед. м.—ср. р. Тымъ: тымъ былиночка покончилась,—таками словами окончивалъ Рябининъ каждую былину; род. множ. тыхъ: съ тыхъ да горъ. Далѣе отмѣчу—дат. ед. ж. р. этоёй, род. мн. ж. моехъ (головъ), вин. ед. въ сво*е* горенку, занесъ свое руку правуё,

2. Въ существительныхъ: зват. Іане Богослове служилъ также именительнымъ; имен. мн. бояре, богатыре, род. мн. бояровъ; род. ед. ж. р. вышше голов*е*, изъ коёй орд*е*, изъ тямной орд*е*, хороброй Литв*е*; вин. мн. ж. р. обирале кресты-маковк*е*, въ паличк*е* булатніе, мелки рѣченк*е*; им. множ. ребушк*е*, палич*е* погибалисе; вин. множ. отцей-матерей; тв. множ. медама всё стоялыма.

3. Въ прилагательныхъ: имен. ед. м. р. всегда на *ой* и *ей*: царь небесн*ай* (—небесной), кёевскай удаленьк*ой*, молоденьк*ой*, прикован*ой*, цуродн*ей*, но иногда вмѣсто *ой* встрѣчается *ые* и *ое*: ай жа ты стар*ые* казакъ, братецъ крестов*ые*, молодой—стар*ое* казакъ; въ имен. множ. муж. женск. и средн. р. окончаніе *е* или *я*, замѣняющее *е*: богатые, шелковые (гужики), могочія (—могочіе) люди, кабацкія (—кабацкіе) голи; въ причастной формѣ им. пад. мн. ч. ср. р. на *и*: поростущен*и* (крыльица). Род. ед. муж., сред. р. обыкновенно оканчивается на *ого*: молодого, богатырского, литовского, булатнёго, соловьего,—если-же иногда слышалось у Рябинина окончаніе *аго*: богатырьск*аго*, то это можно объяснить звуковою особенностью—произношеніемъ неударяемаго о какъ *а*, или же книжнымъ вліяніемъ черезъ духовные стихи; сравн. слова тысяца, которой.

Род. ед. женск. р. кленовыё (сошки); род.-вин.-мѣстн. множ. ч. всѣхъ родовъ оканчивается на *ыехъ*, *іехъ* или съ *я* вм. неудар. *е*—*ыяхъ*, *іяхъ*, или же *ыихъ*, *іихъ*: могучіехъ, столовыяхъ, разудалыяхъ, вь тридцятыехъ, перелетныяхъ утёнышекъ, симедвяныихъ.

Дат. ед. ж. р. по быстроёй; дат. ед. ср. р. булатнюму; дат. мн. дубовыемъ, по норамъ по змѣиныемъ, широкіимъ.

Вин. ед. ж. р. шалковую, крекновитую, хороброю (дружинушку); вин. ед. м. р. молоде Луку на крутна берегъ; вин. мн. ж. р. горы сорочинскіе, золотая рѣчи, золоченыя.

Твор. ед. ж. р., прямоѣжчоей, востроей; тв. ед. м. р. родныемъ братцемъ.

Мѣстн. ед. ж. р. соловоей и на кобылки соловоё.

Отъ другой твор. ед. муж. р. другомъ (городомъ).

4. Въ именахъ числительныхъ: твор. тре*ма* город*амы*. Рябининъ на вопросъ, сколько лѣтъ, отвѣчалъ: петьдесятъ безъ единого.

5. Въ глаголахъ: въ 3 л. ед. ч. окончаніе *тъ* часто отпадаетъ: поскриповаё, отъ гл. хочу 2 л. ед. хотишь понукиваё почиркиваё, провожая (= провожаетъ).

Форма есть однажды была поставлена въ значеніи есмы: мы ест*е* Митреевичи.

Въ неопредѣл. накл. встрѣчаются окончанія *ти* и *ть*: остовлявати, роздѣляти, слушати, заступити, но—хотѣлъ спустеть, распостить, кресьянствовать.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить употребленіе члена: име-то, во чисто-то поле.

Въ синтаксическомъ отношеніи любопытно выраженіе: Мужикъ деревенщина везетъ батюшк*а*—прикованой.

ванія». Тѣмъ и заканчиваются свадебныя пиршества въ обоихъ породнившихся крестьянскихъ дворахъ. Мы изложили съ возможною для насъ подробностью обычаи, соблюдаемые при сибирской свадьбѣ. Считаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки во избѣжаніе недоразумѣній и въ облегченіе другихъ изслѣдователей сибирскихъ обычаевъ. Во первыхъ, всѣ вышеизложенные обряды и обычаи относятся только къ Курганскому округу и были записаны въ Утякской волости. Вполнѣ возможно поэтому допустить, что въ другихъ мѣстностяхъ Сибири встрѣчаются иные свадебные обряды и обычаи. Во вторыхъ, этнографическій составъ населенія Курганскаго округа крайне однообразенъ: все это — судя по крайней мѣрѣ по языку и внѣшнему типу — чистѣйшіе великороссы. Значительное [1]) переселеніе крестьянъ въ этотъ округъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ почти вовсе не измѣнило этнографической физіономіи округа, такъ какъ переселенцы приходили главнымъ образомъ изъ Псковской, Орловской и Смоленской губерній. Въ третьихъ, не смотря на постоянный и довольно значительный наплывъ ссыльно-поселенцевъ, трудно допустить, чтобы этотъ элементъ населенія могъ повліять на свадебный ритуалъ сибиряковъ: во-первыхъ, большая часть поселенцевъ находится въ безвѣстной отлучкѣ; во-вторыхъ, 90% изъ нихъ—люди бездомовые, безхозяйные и безсемейные; въ третьихъ, наконецъ, они никогда не пользовались ни малѣйшимъ уваженіемъ въ глазахъ мѣстнаго населенія, такъ что не могли никогда привить какихъ-нибудь обычаевъ, о которыхъ они знали на своей родинѣ. Въ четвертыхъ, на всемъ протяженіи Курганскаго округа, равняющагося доброй великороссійской губерніи (около 2½ милліоновъ десятинъ), нѣтъ ни одного инородческаго поселка и, сколько можно судить по преданіямъ, ихъ и не бывало—по крайней мѣрѣ въ близкомъ прошедшемъ. Точно также и временно проживающихъ въ округѣ инородцевъ совершенно ничтожное количество; только въ южной, степной полосѣ округа довольно часто встрѣчаются «кыргызы» (киргизы), проживающіе у мѣстныхъ крестьянъ въ работникахъ—главнымъ образомъ въ пастухахъ. Въ пятыхъ, сельское населеніе Курганскаго округа почти исключительно земледѣльческое; въ юго-восточной части къ земледѣлію добавляется степное скотоводство; а въ сѣверо-восточной—по обилію лѣсовъ—нѣкоторые лѣсные промыслы: дрововозный, углежогный, бочкарный и т. п. Здѣсь же расположено нѣсколько стеклянныхъ—очень небольшихъ—заводовъ; отхожихъ же промысловъ въ округѣ вовсе не существуетъ; слѣдовательно, все населеніе осѣдлое, коренное занятіе котораго—земледѣліе. Въ шестыхъ, описанные выше обряды и обычаи относятся исключительно къ православному населенію округа; между тѣмъ довольно значительныя группы населенія принадлежатъ къ старообрядцамъ различныхъ толковъ, главнымъ образомъ австрійскаго и безпоповскаго. Въ какой мѣрѣ свадебные обычаи раскольниковъ похожи на вышеизложенные—мы сказать не можемъ. Послѣ этихъ замѣчаній мы можемъ закончить изложеніе свадебныхъ обычаевъ крестьянъ Курганскаго округа. Въ заключеніе позволимъ себѣ однако сказать нѣсколько словъ относительно вопроса, которымъ мы начали эту статью. Мы видѣли, что средній расходъ на свадьбу у средняго крестьянина достигаетъ весьма внушительной цифры 333 р., изъ коихъ почти 180 р. падаютъ на домъ жениха; мы видѣли далѣе, что въ разсчетѣ на цѣлое селеніе (д. Нагорскую), свадебные расходы превышаютъ въ полтора раза податной окладъ — казенный и мірской. Изложеніе всего порядка свадьбы показало намъ, изъ чего слагаются свадебные расходы; всѣ они могутъ быть сведены въ 4 рубрики: 1) калымъ—80 р.; 2) водка 22 ведра (6 ведеръ тратитъ женихъ, 4 ведра тесть, по 1 ведру каждыя изъ 6 лицъ, принимающихъ участіе съ той и другой стороны, т. е. всего 12 ведеръ), считая по 6 р. за ведро—всего 132 р.; 3) угощеніе пищею; 4) подарки; слѣдовательно, калымъ со-ставляется 24%, а водка—39,6% всѣхъ свадебныхъ расходовъ, все-же остальное, т. е. подарки и пища — только 36,4%. Чтобы понять размѣры свадебнаго пьянства, мы сдѣлаемъ разсчетъ, сколько водки приходится на каждаго изъ пирующихъ. Какъ сказано было въ своемъ мѣстѣ, на свадьбу пригла-

[1]) Въ одну только западную часть округа въ періодъ 1840—1850 гг. было переселено до 30,000 ревизскихъ душъ (Матер. для изуч. экон. быта госуд. крест. и инор. VIII изсл. Осипова, ст. 100).

ками и только благодаря большому пособію христіанскихъ купцевъ, спасли себѣ жизнь. Двое изъ этихъ братьевъ-пароховъ (приходскихъ священниковъ), одинъ въ Смедеревѣ (Samandria) въ провинціи Срѣмской (di Srieno) и другой въ провинціи Пожеганской (al Barcariccio nella Provincia di Poszega) стали Турками (т. е. перешли въ исламъ) для свободы жизни, ибо Турки ихъ сдѣлали дворянами (cavalieri). Эти братья-парохи объявляютъ населенію, что у нихъ власти больше, чѣмъ у священниковъ, въ великіе праздники они раздаютъ индульгенціи, т. е. отпущеніе грѣховъ на 500 и 600 лѣтъ тѣмъ, кто присутствуетъ на ихъ мессахъ... «Въ провинціи Темешварской, гдѣ большинство—католики, нѣтъ ни единаго священника, и потому люди живутъ и умираютъ безъ таинствъ, а дѣти безъ крещенія. Въ провинціи Пожеганской (Nella provincia di Possega nel Ducato Zerni) есть одно дерево, называемое Липа (chiamato Lippa) въ мѣстности пустой, гдѣ всякое первое воскресенье девятой луны (in un luogo deserto, dove ogni prima Domenica della luna nona (собирается множество (concorre gran numero) Турокъ и Христіанъ съ жертвами и со свѣчами и другими предметами (con voti et candele et altre cose). Ближній приходскій священникъ (il parrochiano ivi vicino) за милостыню, которую здѣсь собираетъ, служитъ мессу. Они (т. е Турки и Христіане) обожаютъ это дерево (adorano quell' arbore), прикладываясь къ нему, какъ бы къ святымъ мощамъ (basciandolo come fossi un corpo santo) и сказываютъ, что оно творитъ чудеса и исцѣляетъ тѣхъ, кто приноситъ ему обѣты (con dire, che fa miracoli, et sana quelli, che fanno voto a detto albore), что одни отъ него выздоравливаютъ, къ другимъ болѣзнь ворочается съ теченіемъ времени (et alcuni ne sanano, et ad alcuni ritorna il male con progresso di tempo); указанные безпорядки происходятъ частью отъ турецкой тиранніи, частью отъ невѣжества правящихъ (не правящихъ ли слово Божье?—per ignoranza di rettori) (ibid. pp. 390—1).

Авторъ этого письма заявляетъ далѣе, что для устраненія всѣхъ такихъ безобразій нуженъ епископъ и рекомендуетъ для сего аббата Игнатія Аллегретти.—Редакторъ и составитель этого важнаго сборника источниковъ печальной исторіи вѣчно-несчастной Босны, францисканецъ Евс. Ферменджинъ присоединилъ любопытное примѣчаніе къ этому мѣсту письма о поклоненіи липѣ. «Объ этой липѣ, говоритъ онъ, ея чудесахъ и множествѣ сходившагося къ ней народа, писалъ епископъ боснійскій Іоаннъ Томко Морнявчичь въ житіи блаженнаго Августина, епископа Загребскаго. Онъ утверждаетъ, что эта липа была посажена блаженнымъ Августиномъ. См. Sigismundi Ferrari, Appendic... ad commentarios de rebus Hungaricae provinciae ordin. praedicatorum. Viennae. 1637».

Какъ для насъ не имѣетъ, такъ и для туземныхъ турокъ и христіанъ XVII в. не имѣло конечно значенія, была или не была эта липа посажена епископомъ Августиномъ. Надо полагать, что Морнявчичь самъ или кто другой изъ благочестивой братіи уже въ послѣдствіи сочинилъ эту басню, понадобившуюся имъ для оправданія вѣры населенія въ эту липу и въ творимыя ею чудеса [1]).

Адамъ Бременскій († ок. 1076 г.) говоритъ о Пруссахъ, что они не припускаютъ христіанъ къ своимъ рощамъ и источникамъ, дабы не осквернили ихъ. Поморскіе Славяне въ Штетинѣ имѣли большое дерево (орѣховое) посвященное божеству (идолу). Они просили Оттона Бамбергскаго не рубить его, обѣщая ему подъ клятвою, что не будутъ приносить тамъ жертвъ демонамъ, по выраженію Эбона.

Славянское житіе св. Константина философа, говоря о пребываніи его въ Крыму, расказываетъ о томъ, что старые христіане, жители Фуллъ (Готы?) поклонялись одному

---

[1]) Это извѣстіе о поклоненіи липѣ у Сербовъ и Хорватовъ (въ нач. XVII, въ к. XVI в.) служитъ дополненіемъ и поправкою прекрасной статьѣ Шулька (Zašta Slaveni poštuju lipu. Rad. Iugosl. Ak. Kn. XLIII, str. 149—188.

дереву:—Это былъ «дубъ велеи, сърасль се съ чрѣшнею, и подъ нимъ же трѣбы дѣахоу, нарицающе именемъ Александръ, женскоу полу не дающе приступити къ нему, ни къ трѣбамъ его». На замѣчанія Философа о великомъ грѣхѣ имъ, не эллинамъ, покланяться дереву, ходѣи вещи, они отвѣчали: «мы сего нѣсмы начали отъ ныня творити, нъ отъ отецъ есмы пріяли, и отъ того обрѣтаемъ вся за прошенія наша, дъждь наипаче и иная многа, и како сіе мы сътворимъ, его же нѣсть дерзнулъ никтоже отъ насъ сътворити? аще бо дерзнетъ кто се сътворити, тогда же съмрьтъ оузрить, и не имамы к тому дъжда видѣти до кончины».—Философъ всетаки уговорилъ ихъ срубить это дерево, что впрочемъ едва-ли отучило жителей отъ суевѣрій, а на уменьшеніе дождей въ ихъ мѣстности несомнѣнно имѣло вліянье. *В. Ламанскій.*

Двина рѣка.

У южныхъ Эстовъ она называется Weina-jogi (Wa'na-jogi), у сѣверныхъ—Tüina-jogi, у Ливовъ, вѣроятно, только верхнее теченіе называлось Vina (по Генриху Латышскому), а судя по тому, что прибрежные Ливы по нижнему теченію ея назывались Veinalenses, нужно думать, что нижнее теченіе ея называлось у Ливовъ Weina (ср. эст. wein, wein, кур. waina, лив. wein—проливъ, широкое устье (рѣки). Возможно впрочемъ, что названія Duna и Weina прилагались безразлично къ Двинѣ (ср. также у Скандинавовъ Сѣв. Двина — Vina). Возникаетъ вопросъ, тожественны ли этимологически эти три названія (Duna (Düina), Weina, Двина) и если тожественны, то какъ объяснить разность ихъ формы. Основываясь на соображеніяхъ, высказанныхъ выше (въ ст. о Корси) при разборѣ названія Двари, я признаю ихъ этимологическое тожество и нахожу первичную ихъ форму въ лит. twinti—вздуваться, подыматься (о водѣ); twinkti—вздуваться) о беременныхъ животныхъ, вымени, опухоли и др.); twindyti, twenkti—заставить вздуваться, подыматься (о водѣ); лит. twanas—наводненіе, разливъ, водополь; twaningas, twanus—разливающійся, наводняющійся. Относительно перехода гласныхъ ср. также эст. wing—лат. dwans, dwinga,—чадъ, угаръ; лит. twankas—духота. Вѣроятно того же корня русск. дунуть [1]), эст. tüne, кур.-лив. tün—беременный (о скотѣ) (? ф. tyyni—подушка); зыр. djyn, dyn, din—устье, истокъ; куро-лив. duunj, лит. duhnjas=тина (ср. р. Тене, Tinewa, оз. тиневатое въ Вологод. губ.). Сюда же вѣроятно нужно отнести польск. dunaj—рѣчка, потокъ; мазур. dunaj — глубокая вода (озеро, ручей) съ высокими берегами, пропасть; у русскихъ на югѣ и въ Олонец. губ. дунай—потокъ (см. ст. Соболевскаго въ Живой Старинѣ, II, 1890, стр. 101). Слѣдовательно названія рр. Двина и Дунай этимологически тожественны, а равно и тожественны русскій былинный герой Дунай и финскій главнаго герой—божественный пѣвецъ Вейне (Wainö), Вейнемейненъ (Wainamöinen). Любопытно, что и прозвища этого героя «Калевалы» подтверждаютъ мое толкованіе, именно Suwantolainen, Uwantolainen, т. е. обитатель Сувантолы, Увантолы: ф. Suvanto=tyven, tyyni—тихая вода между двумя водопадами или бурными мѣстами; кур.-лив. üva, övä, лоп. uvve—тихое теченіе; эст. hoowama (? древ. Soowama)—тихо и величественно течь; tüwene, tüwi—тихій и ровный (о водѣ). Ср. по лат. Daugawa—Двина лат. duga — вязкая слизь плывущая по водѣ, муть; duhgains—мутный. *Ю. Трусманъ.*

Ворожея XVII в.

Въ 1630 г. въ Лебедяни появилась татарка ворожея. О ней былъ произведенъ розыскъ, и мы изъ сыскныхъ рѣчей узнаемъ, какимъ образомъ эта женщина ворожила. Полнѣе и интереснѣе всего показанія стрѣльца Назара Мотюнина: «Ворожила де меня и лечила глаза, наговаривала де воду и сыпала де просо въ воду, и меня де умывала тою водою; да мнѣ же де пускала въ глаза женское молоко, а имала де женское молоко у стрѣлецкой жены Сазона Волкова». Иное сообщили о лѣченіи Назара Мотюнина двое другихъ изъ опрошенныхъ: «(одинъ) лечила де ему глаза, вынувъ печень изъ овцы, а лечила де у Назара глаза... поръ, о десятой пятницѣ, послѣ того какъ была у меня». «(другой): Взяла де у него алтынъ денегъ и подержала де у него на рукѣ и, подержавъ де, да привязала

[1]) Въ *доу-нж-ти н* принадлежитъ не корню, какъ очевидно въ приводимыхъ словахъ финскихъ. Ред.

Lage des Totenlandes). Къ нему прибавлены весьма краткіе, съ свѣдѣніями случайнаго характера, очерки (гл. II—V): объ источникѣ жизни. Пути и путешествія въ страну умершихъ. Параллели въ описаніяхъ страны умершихъ. Атлантида. Въ виду, повторяемъ опять совершенно случайнаго подбора фактовъ нечего и указывать на пропуски, замѣтимъ только, что напр. всему азіатскому материку посвящено $1^1/_2$ стр. съ нѣсколькими, частью весьма сомнительными, чисто случайными, замѣчаніями. Особенно слѣдуетъ пожалѣть о такомъ характерѣ работы г. Цеммриха, въ виду того, что сама тема, имъ избранная весьма, важная и матеріаловъ у него для ея обработки вполнѣ достаточно.

С. О.

Nöldeke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Garkoch. Herausgegeben, übersetzt und in seinem literarischen Zusammenhange beleuchtet. Berlin. 1891. стр. 54 in 4°. (Изъ Abh. d. Berl. Akad.).

Интересная работа проф. Нёльдеке касается сказки на тэму, извѣстную у насъ подъ именемъ «Морока» и особенно любопытна тѣмъ, что ему удается въ ней прослѣдить сказку до ея несомнѣннаго источника — легенды объ исторически извѣстномъ лицѣ. Въ виду того, что можетъ быть не всѣмъ извѣстна сказка, о которой идетъ рѣчь, я позволю себѣ, прежде всего, передать вкратцѣ ея содержаніе.

Однажды нѣкій врачъ во время своихъ странствованій пришелъ въ Багдадъ. Онъ увидѣлъ здѣсь молодого повара, владѣльца съѣстной лавки, прекраснаго собою, но весьма печальнаго; отвѣчая на распросы врача, онъ открылся ему и разсказалъ, что влюбленъ въ дочь халифа и, что тоска по ней и сознаніе невозможности обладать ею совсѣмъ уничтожаютъ его. Врачъ совершаетъ заклинанія и дочь халифа прилетаетъ ночью на своемъ ложѣ къ юношѣ. Такъ продолжается въ теченіи нѣкотораго времени; дочь халифа становится беременной; разгнѣванный халифъ требуетъ у нея объясненій, она разсказываетъ какъ было дѣло. Чтобы узнать, въ чей домъ царевна улетаетъ каждую ночь визирь совѣтуетъ положить къ ней открытый мѣшочекъ со пшеномъ: по слѣдамъ выпавшаго пшена и можно будетъ найти соблазнителя. Такъ и дѣлаютъ; врачъ при помощи своихъ чудесныхъ знаній предвидитъ что̀ случится, и уговариваетъ юношу не безпокоиться. Когда на утро халифъ является къ дому повара съ визиремъ и войскомъ, врачъ велитъ юношѣ вылить съ крыши кувшинъ воды; вокругъ дома является бушующая рѣка, которая поглощаетъ солдатъ, вошедшихъ въ нее по приказанію халифа. Халифъ испуганный возвращается во дворецъ, куда являются вскорѣ врачъ съ юношей. Царь хочетъ казнить юношу, но благодаря волшебной силѣ врача палачъ отрубаетъ голову не юношѣ, а сперва своему помощнику и затѣмъ себѣ самому. Испуганный халифъ преклоняется передъ врачемъ, который даетъ затѣмъ пробы своего волшебства: Львы, вытканные на занавѣсѣ рычатъ, послѣ чего врачъ обращаетъ ихъ въ кошекъ. Врачъ велитъ принести большой сосудъ съ водой и приглашаетъ визиря войти въ воду; министръ входитъ въ воду, и ему кажется, что онъ среди бушующихъ волнъ моря — волна выбрасываетъ его на берегъ, и онъ вдругъ видитъ, что превратился въ женщину; сынъ рыбака, который нашелъ его на берегу, беретъ его къ себѣ въ жены, и у него послѣдовательно рождается семь дѣтей. Съ горя, что ему столько приходится терпѣть, превращенный визирь хочетъ кинуться въ море и вдругъ оказывается, что онъ въ сосудѣ съ водою и что все это было волшебствомъ. Чтобы заставить халифа испытать тоже, что̀ и онъ самъ испыталъ, визирь увѣряетъ своего повелителя, что ему представились разныя райскія видѣнія. Царь идетъ въ воду и тоже оказывается въ морѣ, которое его и выбрасываетъ на берегъ. Послѣ разныхъ странствованій онъ поступаетъ въ услуженіе къ какому-то повару въ одномъ городѣ; это занятіе ему скоро надоѣдаетъ, онъ дѣлается посредникомъ между купцами на базарѣ. Однажды кто-то ему поручилъ продать драгоцѣнный камень; онъ предлагаетъ его различнымъ покупщикамъ и сговаривается съ однимъ изъ нихъ за 100,000, но тутъ вдругъ драгоцѣнный камень оказы-

вается кускомъ смолы, и халифа, какъ обманщика, ведутъ на казнь; его уже вѣшаютъ, какъ вдругъ онъ, открывъ широко глаза, видитъ, что находится въ своемъ дворцѣ, въ сосудѣ съ водой. Сказка кончается свадьбою повара и халифской дочери.

Проф. Нёлдеке, указывая на турецкія версіи сказки о врачѣ и поварѣ, опредѣляетъ время составленія арабской версіи между XIV—XV вв., полагая такимъ образомъ между временемъ сочиненія сказки и смертью того лица, которое явилось въ ней героемъ, одно или два столѣтія. Лицо это, которое Нёлдеке удалось установить главнымъ образомъ благодаря сказкѣ въ «Сорока Визиряхъ», никто иное, какъ извѣстный мистикъ Шахаб-аддинъ Сухраварди, казненный за ересь, 17 января 1192 года, въ Алеппо. Легенда, окруживъ его ореоломъ мученичества, приписала ему близкое знакомство съ наукою—Симія, т. е. умѣньемъ внушать другимъ разныя фантастическія представленія; постепенно переходя въ сказку, легенда потеряла свой мистическо-волшебный характеръ и явилась веселымъ и забавнымъ разсказомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ правильности отожествленія проф. Нёлдеке мистика легенды съ врачемъ сказки, но для лучшаго выясненія вопроса о переходѣ вообще легенды въ сказку желательно было-бы найти еще нѣсколько промежуточныхъ звеньевъ, особенно въ области легенды о Сухраварди.

С. О.

ОТДѢЛЪ IV.

Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Соболевскимъ въ IV отд. «Жив. Стар.» II в. 1892 г.

Въ средѣ народа здѣшней мѣстности косметическія средства употребляются слѣдующія: обыкновенныя бѣлила и пудра и для румянъ карминъ, или просто фуксинъ; брови наводятъ саломъ. Всякое званое пиршество, вечорки, посѣщеніе церковныхъ службъ, прогулки во время праздниковъ вызываетъ желаніе каждой молодой женщины, а тѣмъ болѣе дѣвушки «притереться», по мѣстному выраженію, но общественное мнѣніе (какъ города, такъ и деревни) какъ-бы противъ того и про слишкомъ злоупотребившихъ косметикой говорятъ: «ну, ужъ и нащекатурена (штукатурена) была!»...

Иванъ Мамакинъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябининымъ.

Олонецкія былины въ сказѣ И. Т. Рябинина мнѣ случилось прослушать два раза 8 января въ засѣданіи И. Р. Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи [1]) и 15 числа того-же мѣсяца въ Спб. 7-ой гимназіи.

Иванъ Трофимовичъ Рябининъ, крестьянинъ деревни Горницы, Олонецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, сынъ извѣстнаго былиннаго пѣвца, отъ котораго въ 1871 году записалъ 23 былины покойный Гильфердингъ и издалъ въ своемъ сборникѣ «Онежскихъ былинъ». Низкаго роста, не плечистый, но крѣпкій и бодрый на видъ, безъ сѣдины, онъ выглядитъ моложе своихъ 49 лѣтъ; съ непривычнымъ положеніемъ среди «господъ» онъ освоился довольно скоро, такъ что во второй разъ я не замѣтилъ той застѣнчивости, какая была въ немъ въ собраніи Географическаго Общества. Рябининъ живетъ крестьянскимъ хозяйствомъ, продаетъ сѣно, отчасти хлѣбъ, а больше дрова въ Петрозаводскѣ; въ Петербургѣ онъ прежде никогда не бывалъ. Онъ совершенно неграмотный; былинамъ и духовнымъ стихамъ научился отъ своего отца съ голоса и, по словамъ г. Виноградова, преподавателя мѣстной гимназіи, привезшаго его въ Петербургъ, знаетъ болѣе 6,000 стиховъ. Голосъ у него сильнѣе, чище и пріятнѣе, чѣмъ у крестьянина Касьянова, сказывавшаго былины въ Обществѣ въ прошломъ году, и, какъ вообще у олончанъ, протяжный, вслѣдствіе чего является какая-то неясность, неотчетливость, открытость гласныхъ звуковъ въ слогахъ безъ ударенія, почти исключительно въ предшествующихъ ударяемому слогу и весьма рѣдко въ слѣдующихъ за нимъ. Мнѣ слышалось *а* вмѣсто *о*, *я* вмѣсто *е*, *и* вм. *е*, однако далеко не такъ ясно, какъ оно замѣчается въ южно-великорусскихъ говорахъ, въ слѣдующихъ случаяхъ.

Открытое, близкое къ *а*, было *о* въ словахъ: х*а*лодной, д*а*садушку, п*а*ѣдешь, к*а* городу, супр*а*тивникъ, п*а*дходелъ, м*а*лотцёвъ, с*а*ловая, к*а*ренья, п*а*дорожные, п*а*сылае, п*а*махивати, м*а*лодой, кр*а*волитія, пов*а*да, п*а*бьешь, в*а* свой, р*а*бёночка, к*а* тому к*а* двору, драг*а*цѣнную, с*а*бѣ (=собѣ), изъ к*а*ей орде и рѣже за ударяемымъ слогомъ: на сыру̀ в*а*ду, въ боро́зд*а*чки, в*а* сине́ м*а*ре, короле́вск*а*й сынъ, царь небе́сн*а*й.

Звукъ *я* вмѣсто *е* передъ ударяемымъ слогомъ находился въ словахъ: ул*я*тали, н*я*давно, н*я* вѣдаите, кл*я*новая, за*я*жжяли, сво*я*го, изъ т*я*мной орде, на н*я*го, во*я*вода, л*я*вонидова, с*я*годня, н*я* знаю, б*я*зъ года (послѣднія три слова я слышалъ въ разговорѣ съ Рябининымъ), *я*що, и послѣ шипящихъ: ч*а*ловѣческымъ, нич*а*го, ай ж*а*, ш*а*лковую; за ударяемымъ слогомъ: веч*а*ра, провожа*я* (=провожаетъ), могочі*я* люди, (вм. могочі*е*), широкі*я*хъ (=широкіехъ), кабацкі*я* (голи), столовы*я*хъ, золочёны*я*, разудалы*я*хъ, перелетны*я*хъ.

---

[1]) Мы воспользовались и замѣтками г. Тупикова и другихъ, отмѣчавшихъ вмѣстѣ съ нами особенности произношенія Рябинина въ этомъ засѣданіи Отдѣленія.

На мѣстѣ *е* безъ ударенія употреблено было *и* въ словахъ: Б*и*резова, б*и*рётъ, м*и*ня (=меня), мат*и*рѣть и удáл*и*нькой, отеч*и*ству.

Такъ какъ звукъ *а* вмѣсто неударяемаго *о* и звукъ *я* вмѣсто—*е* произносились не слишкомъ ясно и въ большомъ числѣ словъ вовсе отсутствовали, то считаю эту особенность узко-мѣстною, являющеюся подъ вліяніемъ сильнаго произношенія ударяемаго слога; по крайней мѣрѣ, ни въ записанныхъ Гильфердингомъ былинахъ, ни во многихъ другихъ изданныхъ сѣверно-великорусскихъ народныхъ памятникахъ, этой черты не замѣчается, исключая скудныхъ слѣдовъ: п*я*лигримища (на Пудогѣ) Онежск. былины, Гильфердинга 1873 г., стр. 763; к*а*раблика, к*а*рабъ (Кенозеро и Моша), тамъ же, стр. 1132, 1133; хлѣбецъ *а*ржаной (Пинежск., Холмск., Шенкур. у., Архангельск. губ.), Матеріалы по этногр. рус. нас. Арханг. губ., собран. Ефименкомъ, въ трудахъ Этн. Отдѣленіи И. Общ. Люб. Еств., Антроп. и Этногр., кн. V, вп. II, 1878 г., стр. 247; отъ обѣдни воскресенскі*я*, тамъ же, 18; до тое березоньки кудрявы*я*, тамъ же, 27; весны красны*я* (род. ед.), здѣс*я* (Мезень), тамъ же, стр. 52, 80; безъ каз*а*ни вм. каз*е*ни=казни (Онега). Пѣсни, Кирѣевскаго, ч. III, стр. 62, изъ ты*я* норы (Олонецкъ) тамъ же, ч. II, стр. 27; кар*о*вáшка при короващка (Холмогор.) Словарь Арханг. нарѣчія, Подвысоцкаго, стр. 63; кр*а*ваточку (Новгор.) Причитанія сѣв. края, Барсова, ч. I, стр. 143, до лавочки торговы*я* (Олонецк.), тамъ же стр. 5; до церкви соборны*я*, отъ умны*я*, кроткі*я*, Пермскій сборникъ, ч. I, отд. II, стр. 78, ч*а*сала, тамъ же, стр. 46; кр*а*ватушкѣ, тамъ же, 37 (сравн. отъ с*я*стрицы, тамъ же, ч. II, стр. 141, с*я*стрица, ч. I, 66, кол*я*чка, 21, т*я*стюшко, тамъ же, ч. II, 141, т*я*ст—ётъ, 151); у Колосова, Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великор. нарѣчія (Прил. къ XXVIII т. Зап. Акад. Н.) записано въ Олон. губ., Каргоп. уѣздѣ: куч*я*ръ, ч*а*ямъ, вид*я*ли (стр. 41); въ Вятск. губ. п*а*лтора (Нолинскій уѣздъ), с*а*водни (Вятск. у.), сер*я*дь 46, (Нолинск. у.); менѣе рѣдко встрѣчается *и* вм. *е*: м*и*ня, Матеріалы, Ефименко, кн. V, вып. II, стр. 271; б*и*сѣдкѣ, тамъ же, 271; м*и*ня Пѣсни, Кирѣевскій, I, стр. 54,86; оч*и*нь, т*и*бѣ, с*и*бѣ Пермск. сборн. ч. II сказки, стр. 120, 121, 124. Сверхъ того, см. Очеркъ русской діалектологіи Проф. А. И. Соболевскаго «Живая Старина» 1892 г. Вып. II, стр. 14, 16 и слѣд.

Почти постоянно замѣнялъ Рябининъ посредствомъ *е* звукъ *я* и *а* (послѣ шипящихъ), какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: оставл*е*етъ, медв*е*ной, пр*е*моѣзжчоёй, пол*е*ницъ, Св*е*тославговицъ, Карач*е*рова, на п*е*ту, п*е*тьсотъ, п*е*тьдесятъ, моя государын*е*, повытр*е*хнуть, Сел*е*нниновичъ, им*е*то; въ глаголахъ обыкновенно *се* вмѣсто *ся*: померитис*е*, насмѣхаесьс*е*, погибалис*е*, застоялис*е*, отлампилис*е*.

Звукъ *и* на мѣстѣ *ѣ* попадается такъ рѣдко, что, напримѣръ, во второй разъ я не слыхалъ его ни въ одномъ словѣ; въ первый же, насколько отмѣтилъ, онъ находился въ словахъ: на св*и*т*и*, свер*и*пая, Богъ тоб*и* помочь, и иногда въ окончаніи: въ бороздачк*и*, въ пол*и* (стар.-рус. пол*и*), ч*и*мь (стар.-рус. чимь), а во всѣхъ прочихъ словахъ съ *ѣ* слышалось ясное *е*: зв*ѣ*ри, выб*ѣ*гали, об*ѣ*душку, цв*ѣ*точки, в*ѣ*даешь, *ѣ*ствушки, с*ѣ*ты н*ѣ*тъ, насм*ѣ*хаесьсе, сов*ѣ*тъ, м*ѣ*стечко, *ѣ*дешь, *ѣ*хали, л*ѣ*са, р*ѣ*кой, р*ѣ*чи, ор*ѣ*ховецъ, стр*ѣ*ляешь, стр*ѣ*лочекъ, р*ѣ*звы, с*ѣ*на (въ разговорѣ), вс*ѣ*хъ, ч*ѣ*лованіе, ч*ѣ*лой.

Довольно распространенною чертою являлось *е* вм. *и* и подъ удареніемъ и безъ ударенія: м*е*лосливой, прич*е*таетъ, на почестенъ п*е*ръ, тет*е*вочке, *Е*лья Иванов*е*чъ, К*е*ёвъ, обирал*е* кресты, пом*е*ритесе, м*е*ру, чадо м*е*лое, пон*е*же всѣхъ, с*е*лушке, муж*е*чки, ход*е*лъ, веход*е*лъ (=выходилъ), сад*е*лись, разл*е*вати, м*е*к*е*тынецъ, м*е*лость, скоч*е*лъ, р*е*бушке (=рибушке вм. рыбушки), ск*е*давалъ одеж*е*чю, беж*е*тъ, спуст*е*ть, баз*е*ка (=базика значитъ насмѣшникъ); вмѣсто Владимиръ постоянно употреблялось Владэм*е*ръ, съ твердымъ *дэ*, близкимъ къ *ды*, что̀ отмѣчено было и самимъ Гильфердингомъ въ говорѣ Рябинина-отца.

Расширеніе е въ ё замѣчено мною въ словахъ: чисто полё, чадо милоё, пированіё, змiёнош*о*къ, моёй, коёй, соловоёй, попухиваё, поскриповаё, почиркиваё, третьёво дни (въ *разговорѣ), булатнёго, всё, берёзы, въ трёхъ (въ разговорѣ), орётъ, берётъ, ёго, вѣдашь, *Кеёвомъ, булатнёму*, сошки кленовыё, именёмъ, перелётныяхъ утёношокъ, рабёночкомъ,

полёмъ, тёсть, по учёному, учёные, грошовъ, ай ж*о*, перыщ*о*, чёрнымъ, горынищё, тяж*о*лые, малотц*о*въ, близёхонько, дитё опальное, даже одёлъ (=одѣлъ) одежу; въ рѣдкихъ случаяхъ ё остается безъ измѣненія: пе́строй, отсте́гивалъ, присте́гивалъ.

Замѣна ударяемаго *а* посредствомъ *о* представилась намъ въ словахъ: пл*о*чь вм. плачь, пл*о*чьте, орат*о́*юшка, ост*о*ва-ко (=оставь-ко), а также—безъ ударенія—ост*о*влéетъ, произл*о*гали.

Какъ весьма любопытную особенность слѣдуетъ замѣтить *о* на мѣстѣ *у*: мог*о*чіе люди, межд*о*, въ П*о*чай рѣкѣ, М*о*ромля, тамъ-же Муромля, р*о*ку (руку), Ис*о*са (=Іисуса), къ Ис*о*с*о*, по мер*о* (=міру), м*о*дросей, на др*о*гой день, шобку (=шубку) по Ке́ёв*о*, гору золотоё, хоть огнемъ пожг*о* (пожгу), расп*о*стить, голов*о* сроблю, дружинушку хоробр*о*ю; вмѣсто ѣствушка разъ было произнесено ѣств*е*шкой; вспомнилъ матушк*о*.

Колосовъ въ «Обзорѣ звук. и форм. особенностей нар. р. яз.», стр. 100, 101 приводитъ нѣсколько случаевъ постановки *о* вм. *у* (чаще въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ); впрочемъ только немногіе кажутся заслуживающими вниманія: ожг*о*тить (при ожгутить) Вологодск.; окр*о*ти (Олон. губ., Гильф., 246); перехож*о*ю (вин. ед. ж., тамъ же, 234); дост*о*плю (Влад.), к*о*нью (вм. купью, Рязанск.).

Слово кустъ, показалось мнѣ, выговаривалось какъ кўстъ, а Богъ — какъ Бўгъ, въ духовномъ стихѣ на Вознесеніе—Бўгъ мелосливой.

Вмѣсто д*о*родній въ записанныхъ Гильфердингомъ былинахъ, И. Т. Рябининъ говорилъ дуродней, и на бѣлы̆ нучи (вм. ночи).

Подобную черту въ Вятскомъ говорѣ подмѣтилъ Даль (О нарѣчіяхъ, стр. 27): онъ говоритъ, что вятское *о* произносится мѣстами какъ *уо* или *уы*: ничев*уо*, соб*уо*лья. Но Колосовъ считаетъ это обманомъ слуха и объясняетъ мѣстною склонностью къ растяженію, или, какъ онъ называетъ ее—долготою (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи сѣверно-великор. края, стр. 64—65).

Въ нѣкоторыхъ словахъ *е* было не умягчительнымъ звукомъ, какъ обыкновенно, а твердымъ: скорэшенько, дэнь, золотэя рѣчи.

Кромѣ выше указаннаго Владэмеръ, въ которомъ *э* звучитъ близко къ *ы*, подобный звукъ встрѣтился въ словѣ дэмъ вмѣсто дымъ: на дэмъ спущю; наконецъ слово громъ было сказано какъ грэмъ.

Въ употребленіи согласныхъ звуковъ наиболѣе замѣтною чертою является извѣстная постановка *ч* на мѣсто *ц* и наоборотъ, впрочемъ далеко не послѣдовательно слышавшаяся: *ч* вмѣсто *ц*: *ч*ѣлованіе, *ч*ѣловалъ, *ч*ѣлой, крестьянове*ч*ь, пали*ч*е, коси*ч*ею, *ч*ерквахъ, молоде*ч*ь, пти*ч*ю, одежи*ч*ю, сер*ч*о; но правильно: ли*ц*ю, *ц*арь, *ц*аревичи, полянни*ц*а, пьяни*ц*ы, крыль*ц*о, перь*ц*о, каба*ц*кія, орѣхове*ц*ь, раздоль*ц*е, портомойни*ц*е, Микиткине*ц*ь, старц*е*.

Ц вмѣсто *ч* рѣже: Святославгови*ц*ь, пле*ц*я, тетево*ц*ка, ме*ц*ь; но правильно: *ч*адо, пло*ч*ь, обу*ч*енъ, *ч*ёрнымъ *ч*ёрно, *ч*аловѣческимъ, време*ч*ко, кри*ч*итъ, золо*ч*еные, могочіехъ, хо*ч*ется, у*ч*еные, покон*ч*илась, полу*ч*кою, ве*ч*яра, жиребчикомъ, выволо*ч*у, *ч*исто, Пу*ч*ай, дале*ч*е, ни*ч*аго, гре*ч*еской, манише*ч*кой, рубаше*ч*ки, *ч*ерезъ, племяни*ч*ку Забаву до*ч*ь Путяти*ч*ну, оте*ч*ству, Петрови*ч*а, по*ч*естенъ, пле*ч*ко.

Звуки *ч*, *ц* и *ж*, даже двойное *жж* выговаривались мягко: пти*чю*, кри*чи*тъ, ве*чя*ра, от*ця*-матери, ли*цю*, по раздоль*цю*, оде*жцю*, питьи*цей*, пьяни*цы*, пле*ця* куплют*ця*, поха*жи*валъ, пова*жи*валъ, жиреб*чи*комъ, прі*ѣжжя*лъ, зая*жжя*лъ, подъя*жжя*лъ, ѣ*жжи*валъ; впрочемъ слово лежитъ отмѣчено у меня съ твердымъ *ж*: ле*жы*тъ.

Звукъ *жд* находился въ словахъ: ро*жд*ѣляти при роздѣляти, мэ*жд*о и прокла*жд*аесьсе. Твердо произносилось *щ*: що, ащо, но всетаки не какъ два твердыхъ *ш*, которые замѣтны были въ словѣ вы*шше* (того); мягче было *щ*: поросну*щ*ени, спу*щ*ю, деревень*щ*ины.

Въ словѣ прямоѣзжая на мѣстѣ *зж* стояло *жч* (*ч* твердое)—премоѣ*жч*оей.

Мягкое *к* случилось подмѣтить въ словѣ тетевоц*кю*.

Вмѣсто что и чтобы выговаривалось што и штобы.

Слова *щ*ирокъ (=широкъ) и *щ*алыгой (=шалыгой) имѣли *щ* взамѣнъ *ш*.

Въ одномъ случаѣ наблюдалось т вм. *д*: *т*ушино (=душину) спустелъ.

Опущено было *с* передъ *тр* послѣ *д*: подтрѣлить, а потомъ въ словахъ: кресьянинъ, кресьянствовати, мелосливъ, есь; што есь людей.

Мягко звучало *р* въ *ре*бушке (вм. рибушке), Доб*ри*нюшко, далѣе пе*рь*вой, саха*рь*ный, богаты*рь*скаго.

Звукъ *г* произносился безъ придыханія одинаково—въ началѣ, серединѣ и исходѣ словъ: говорилъ, городъ, господъ, грошовъ, другой, ду-друга, могочіе, не могутъ, Вольга Святославговичъ, Богословіе, Богъ; въ окончаніи род. ед также всегда *г* безъ придыханія и не *в*: его, единаго, богатырьскаго, булатнёго, литовского.

Изъ особенностей въ формахъ словъ болѣе выдаются слѣдующія:

1. Въ мѣстоименіяхъ: имен. ед. 3 л. постоянно употребляется ёнъ, им. мн. опи и оны безъ различія рода; род. ед. ёго, нёго, его; поилъ ее (вин. ед. ж. р.); отъ ты— род. тобя, дат. тоби; отъ себя—дат. себѣ, тв. собою. Весь въ имен. мн. имѣетъ форму вси, всѣхъ родовъ; вмѣсто тотъ иногда ставилось тей, тв. ед. м.—ср. р. Тымъ: тымъ былиночка покончилась,—такими словами оканчивалъ Рябининъ каждую былину; род. множ. тыхъ: съ тыхъ да горъ. Далѣе отмѣчу—дат. ед. ж. р. этоёй, род. мн. ж. моехъ (головъ), вин. ед. въ сво*е* горенку, занесъ свое руку правуё,

2. Въ существительныхъ: зват. Іане Богослове служилъ также именительнымъ; имен. мн. бояре, богатыре, род. мн. бояровъ; род. ед. ж. р. вышше голов*е*, изъ коёй орд*е*, изъ тямной орд*е*, хороброй Литв*е*; вин. мн. ж. р. обирале кресты-маковк*е*, въ паличк*е* булатніе, мелкп рѣченк*е*; им. множ. ребушк*е*, палич*е* погибалисе; вин. множ. отцей-матерей; тв. множ. медама всё стоялыма.

3. Въ прилагательныхъ: имен. ед. м. р. всегда на *ой* и *ей*: царь небесн*ай* (—небесной), кёевскай удаленьк*ой*, молоденьк*ой*, прикован*ой*, цуродн*ей*, но иногда вмѣсто *ой* встрѣчается *ые* и *ое*: ай жа ты стар*ые* казакъ, братецъ крестов*ые*, молодой—стар*ое* казакъ; въ имен. множ. муж. женск. и средн. р. окончаніе *е* или *я*, замѣняющее *е*: богатые, шелковые (гужики), могочія (—могочіе) люди, кабацкія (—кабацкіе) голи; въ причастной формѣ им. пад. мн. ч. ср. р. на *и*: поростущен*и* (крыльица). Род. ед. муж., сред. р. обыкновенно оканчивается на *ого*: молодого, богатырского, литовского, булатнёго, соловьего,—если-же иногда слышалось у Рябинина окончаніе *аго*: богатырьск*аго*, то это можно объяснить звуковою особенностью—произношеніемъ неударяемаго о какъ *а*, или же книжнымъ вліяніемъ черезъ духовные стихи; сравн. слова тысяща, которой.

Род. ед. женск. р. кленовыё (сошки); род.-вин.-мѣстн. множ. ч. всѣхъ родовъ оканчивается на *ыехъ*, *іехъ* или съ *я* вм. неудар. *е—ыяхъ*, *іяхъ*, или же *ыихъ*, *іихъ*: могучіехъ, столовыяхъ, разудалыяхъ, въ тридцятыехъ, перелетныяхъ утёнышекъ, симедвяныихъ.

Дат. ед. ж. р. по быстроёй; дат. ед. ср. р. булатнюму; дат. мн. дубовыемъ, по норамъ по змѣиныемъ, широкіямъ.

Вин. ед. ж. р. шалковую, крекновитую, хороброю (дружинушку); вин. ед. м. р. молоде Луку на крутна берегъ; вин. мн. ж. р. горы сорочинскіе, золотэя рѣчи, золоченыя.

Твор. ед. ж. р., прямоѣжчоей, востроей; тв. ед. м. р. родныемъ братцемъ.

Мѣстн. ед. ж. р. соловоей и на кобылки соловоё.

Отъ другой твор. ед. муж. р. другомъ (городомъ).

4. Въ именахъ числительныхъ: твор. тре*ма* город*амы*. Рябининъ на вопросъ, сколько лѣтъ, отвѣчалъ: петьдесятъ безъ единого.

5. Въ глаголахъ: въ 3 л. ед. ч. окончаніе *тъ* часто отпадаетъ: поскриповаё, отъ гл. хочу 2 л. ед. хотишь понукиваё почиркиваё, провожая (= провожаетъ).

Форма есть однажды была поставлена въ значеніи есмы: мы ест*е* Митреевичи.

Въ неопредѣл. накл. встрѣчаются окончанія *ти* и *ть*: остовлявати, роздѣляти, слушати, заступити, но—хотѣлъ спустеть, распостить, кресьянствовать.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить употребленіе члена: име-то, во чисто-то поле.

Въ синтаксическомъ отношеніи любопытно выраженіе: Мужикъ деревенщина везетъ батюшк*а*—прикованой.

Не лишне указать нѣкоторыя особенности въ удареніи: на́ помочь, божьй помочь, му́жевья, зя́тевья, да́ры, у мо́его, покри́вились со́ловей, въ со́ловья — разбойника, мо́лодой, но́ сороку пудъ, въ бо́розду, петьсотъ бы дали, къ ка́заку, бога́тыре, имене́мъ, мѣстечко, мело́сть, по пиoriginallýному, на божьи́хъ, го́ворилъ, далече́ далече́.

Былины, сказанныя И. Т. Рябининымъ, не заключаютъ, насколько мнѣ удалось замѣтить, существенныхъ варіантовъ, которые бы дополняли былины, записанныя Гильфердингомъ отъ его отца; по большей части разница состоитъ въ перестановкѣ стиховъ, въ замѣнѣ однихъ словъ другими и отличіями въ звукахъ и формахъ.

Добавимъ недостающій стихъ въ былинѣ о Вольгѣ Святославговичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ (Гильфердингъ, Онежскія былины, стр. 437); «а кой лежа лежитъ, тотъ и вѣкъ не стоитъ». Слово базнка въ значеніи насмѣшникъ въ былинѣ «Королевичъ изъ Крякова» сохранилось у Рябинина—сына, но безъ страннаго эпитета «новодревняя»; стихъ у Гильфердинга въ той-же былинѣ: вынималъ-то свой онъ ножъ булатнюю (стр. 538), — съ сомнительною формою булатнюю — вин. един. муж. род.—былъ сказанъ Рябининымъ такъ: вынималъ то онъ да свой булатней ножъ; стихъ (тамъ же) — онъ весьма былъ обученъ бороться объ одной ручкѣ, звучащій какъ-то по книжному, — такъ именно и былъ повторенъ И. Т. Рябининымъ.

Въ музыкальномъ отношеніи былина складывалась изъ чередующихся двустишій, не всегда, впрочемъ, строго соблюдаемыхъ; первый стихъ представлялъ повышеніе, второй пониженіе; каждый изъ нихъ содержалъ въ себѣ иногда четыре (чаще въ первомъ), иногда три (чаще во второмъ стихѣ) тонической стопы:

1. Оретъ въ полѣ ратай й понукиваё,
2. Сошка у ратая поскрипываё.

Н. Волковъ.

Поклоненіе дереву.

Почтенный трудъ В. Маннгардта «Der Baumcultus der Germanen und ihre Nachbarstämme. Mythologishe Untersuchungen. Berlin 1875. Ss. XX+646— хотя и заключаетъ въ себѣ не мало указаній на поклоненіе дереву у Славянъ, Литовцевъ и другихъ народовъ нашего міра или нашей половины арійскаго и христіанскаго человѣчества, однако съ этой стороны могутъ быть сдѣланы значительныя дополненія какъ изъ произведеній устной словесности, живыхъ народныхъ преданій и обрядовъ, такъ и изъ разныхъ памятниковъ письменности. Сказанное относится не только до народовъ славянскихъ, но и всѣхъ почти настоящихъ или нѣкогда бывшихъ и уже исчезнувшихъ народовъ восточной Европы и Русской Азіи.

Въ недавно изданномъ югославянскою Академіею Наукъ въ Загребѣ XXIII-мъ томѣ драгоцѣннаго для науки изданія Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium (Zagrabiae 1892), посвященномъ Босніи, подъ названіемъ: «Acta Bosnae potissimum ecclesiastica cum insertis editorum documentorum regestis ab anno 925 usque ad annum 1752 (VI+613 стр.), помѣщено въ числѣ многихъ другихъ, доселѣ неизвѣстныхъ и болѣе или менѣе важныхъ документовъ, особенно XVI и XVII в., одно письмо 1629—30 г., писанное въ Римъ членамъ коллегіи пропаганды или другимъ вліятельнымъ людямъ въ Римской куріи однимъ неизвѣстнымъ духовнымъ лицемъ, посѣтившимъ находившіяся тогда подъ властью Турокъ Славонію и южныя части Венгріи. Жалуясь на печальное состояніе римско-католической церкви въ этихъ краяхъ, авторъ этого письма приводитъ въ доказательство разныя данныя. Такъ онъ указываетъ на отсутствіе монастырей и на недостатокъ священниковъ: въ иныхъ де приходахъ только монахи пришедшіе изъ Босны, «братья очень не любимы за свою распущенную жизнь, и потому (жители) предпочитаютъ священниковъ (тоже, прибавимъ холостыхъ, словно болѣе цѣломудренныхъ, чѣмъ монахи). Эти братья не хотѣли принять ревизоровъ (визитаторовъ) и обозвали ихъ папскими шпіонами, почему эти ревизоры были схвачены и задержаны Тур-

ками и только благодаря большому пособію христіанскихъ купцевъ, спасли себѣ жизнь. Двое изъ этихъ братьевъ-пароховъ (приходскихъ священниковъ), од⁻⁻ь въ Смедеревѣ (Samandria) въ провинціи Срѣмской (di Srieno) и другой въ провинціи Пожеганской (al Barcariccio nella Provincia di Poszega) стали Турками (т. е. перешли въ исламъ) для свободы жизни, ибо Турки ихъ сдѣлали дворянами (cavalieri). Эти братья-парохи объявляютъ населенію, что у нихъ власти больше, чѣмъ у священниковъ, въ великіе праздники они раздаютъ индульгенціи, т. е. отпущеніе грѣховъ на 500 и 600 лѣтъ тѣмъ, кто присутствуетъ на ихъ мессахъ... «Въ провинціи Темешварской, гдѣ большинство—католики, нѣтъ ни единаго священника, и потому люди живутъ и умираютъ безъ таинствъ, а дѣти безъ крещенія. Въ провинціи Пожеганской (Nella provincia di Possega nel Ducato Zerni) есть одно дерево, называемое Липа (chiamato Lippa) въ мѣстности пустой, гдѣ всякое первое воскресенье девятой луны (in un luogo deserto, dove ogni prima Domenica della luna nona (собирается множество (concorre gran numero) Турокъ и Христіанъ съ жертвами и со свѣчами и другими предметами (con voti et candele et altre cose). Ближній приходскій священникъ (il parrochiano ivi vicino) за милостыню, которую здѣсь собираетъ, служитъ мессу. Они (т. е Турки и Христіане) обожаютъ это дерево (adorano quell' arbore), прикладываясь къ нему, какъ бы къ святымъ мощамъ (basciandolo come fossi un corpo santo) и сказываютъ, что оно творитъ чудеса и исцѣляетъ тѣхъ, кто приноситъ ему обѣты (con dire, che fa miracoli, et sana quelli, che fanno voto a detto albore), что одни отъ него выздоравливаютъ, къ другимъ болѣзнь ворочается съ теченіемъ времени (et alcuni ne sanano, et ad alcuni ritorna il male con progresso di tempo); указанные безпорядки происходятъ частью отъ турецкой тиранніи, частью отъ невѣжества правящихъ (не правящихъ ли слово Божье?—per ignoranza di rettori) (ibid. pp. 390—1).

Авторъ этого письма заявляетъ далѣе, что для устраненія всѣхъ такихъ безобразій нуженъ епископъ и рекомендуетъ для сего аббата Игнатія Аллегретти.—Редакторъ и составитель этого важнаго сборника источниковъ печальной исторіи вѣчно-несчастной Босны, францисканецъ Евс. Ферменджинъ присоединилъ любопытное примѣчаніе къ этому мѣсту письма о поклоненіи липѣ. «Объ этой липѣ, говоритъ онъ, ея чудесахъ и о множествѣ сходившагося къ ней народа, писалъ епископъ боснійскій Іоаннъ Томко Морнявчичь въ житіи блаженнаго Августина, епископа Загребскаго. Онъ утверждаетъ, что эта липа была посажена блаженнымъ Августиномъ. См. Sigismundi Ferrari, Appendic... ad commentarios de rebus Hungaricae provinciae ordin. praedicatorum. Viennae. 1637».

Какъ для насъ не имѣетъ, такъ и для туземныхъ турокъ и христіанъ XVII в. не имѣло конечно значенія, была или не была эта липа посажена епископомъ Августиномъ. Надо полагать, что Морнявчичь самъ или кто другой изъ благочестивой братіи уже въ послѣдствіи сочинилъ эту басню, понадобившуюся имъ для оправданія вѣры населенія въ эту липу и въ творимыя ею чудеса [1]).

Адамъ Бременскій († ок. 1076 г.) говоритъ о Пруссахъ, что они не припускаютъ христіанъ къ своимъ рощамъ и источникамъ, дабы не осквернили ихъ. Поморскіе Славяне въ Штетинѣ имѣли большое дерево (орѣховое) посвященное божеству (идолу). Они просили Оттона Бамбергскаго не рубить его, обѣщая ему подъ клятвою, что не будутъ приносить тамъ жертвъ демонамъ, по выраженію Эбона.

Славянское житіе св. Константина философа, говоря о пребываніи его въ Крыму, расказываетъ о томъ, что старые христіане, жители Фуллъ (Готы?) поклонялись одному

---

[1]) Это извѣстіе о поклоненіи липѣ у Сербовъ и Хорватовъ (въ нач. XVII, въ к. XVI в.) служитъ дополненіемъ и поправкою прекрасной статьѣ Шулька (Zašta Slaveni poštuju lipu. Rad. Iugosl. Ak. Kn. XLIII, str. 149—188.

дереву:—Это былъ «дубъ велеи, сърасль се съ чрѣшнею, и подъ нимъ же трѣбы дѣахоу, нарицающе именемъ Александръ, женскоу полу не дающе приступити къ нему, ни къ трѣбамъ его». На замѣчанія Философа о великомъ грѣхѣ имъ, не эллинамъ, покланяться дереву, хоудѣи вещи, они отвѣчали: «мы сего нѣсмы начали отъ нынѣ творити, нъ отъ отецъ есмы пріяли, и отъ того обрѣтаемъ вся за прошенія наша, дъждь наипаче и инаа многа, и како сіе мы сътворимъ, его же нѣсть дерзнулъ никтоже отъ насъ сътворити? аще бо дерзнетъ кто се сътворити, тогда же съмрьтъ оузрить, и не имамы к тому дъжда видѣти до кончины».—Философъ всетаки уговорилъ ихъ срубить это дерево, что впрочемъ едва-ли отучило жителей отъ суевѣрій, а на уменьшеніе дождей въ ихъ мѣстности несомнѣнно имѣло вліянье. *В. Ламанскій.*

Двина рѣка.

У южныхъ Эстовъ она называется Weina-jogi (Wa'na-jogi), у сѣверныхъ—Tüina-jogi, у Ливовъ, вѣроятно, только верхнее теченіе называлось Vina (по Генриху Латышскому), а судя по тому, что прибрежные Ливы по нижнему теченію ея назывались Veinalenses, нужно думать, что нижнее теченіе ея называлось у Ливовъ Weina (ср. эст. wein, wein, кур. waina, лив. wein—проливъ, широкое устье (рѣки). Возможно впрочемъ, что названія Duna и Weina прилагались безразлично къ Двинѣ (ср. также у Скандинавовъ Сѣв. Двина — Vina). Возникаетъ вопросъ, тожественны ли этимологически эти три названія (Duna (Düina), Weina, Двина) и если тожественны, то какъ объяснить разность ихъ формы. Основываясь на соображеніяхъ, высказанныхъ выше (въ ст. о Корси) при разборѣ названія Двари, я признаю ихъ этимологическое тожество и нахожу первичную ихъ форму въ лит. twinti—вздуваться, подыматься (о водѣ); twinkti—вздуваться (о беременныхъ животныхъ, вымени, опухоли и др.); twindyti, twenkti—заставить вздуваться, подыматься (о водѣ); лит. twanas—наводненіе, разливъ, водополь; twaningas, twanus—разливающійся, наводняющійся. Относительно перехода гласныхъ ср. также эст. wing—лат. dwans, dwinga,—чадъ, угаръ; лит. twankas—духота. Вѣроятно того же корня русск. дупуть [1]), эст. tüne, кур.-лив. tün—беременный (о скотѣ) (? ф. tyyni—подушка); зыр. djyn, dyn, din—устье, истокъ; куро-лив. duunj, лит. duhnjas=тина (ср. р. Tene, Tinewa, оз. тиневатое въ Вологод. губ.). Сюда же вѣроятно нужно отнести польск. dunaj—рѣчка, потокъ; мазур. dunaj — глубокая вода (озеро, ручей) съ высокими берегами, пропасть; у русскихъ на югѣ и въ Олонец. губ. дунай—потокъ (см. ст. Соболевскаго въ Живой Старинѣ, II, 1890, стр. 101). Слѣдовательно названія рр. Двина и Дунай этимологически тожественны, а равно и тожественны русскій былинный герой Дунай и финскій гавнаго герой—божественный пѣвецъ Вейне (Wainö), Вейнемейненъ (Wainamöinen). Любопытно, что и прозвища этого героя «Калевалы» подтверждаютъ мое толкованіе, именно Suwantolainen, Uwantolainen, т. е. обитатель Сувантолы, Увантолы: ф. Suvanto=tyven, tyyni—тихая вода между двумя водопадами или бурными мѣстами; кур.-лив. üva, övä, лоп. uvve—тихое теченіе; эст. hoowama (? древ. Soowama)—тихо и величественно течь; tüwene, tüwi—тихій и ровный (о водѣ). Ср. по лат. Daugawa—Двина лат. duga — вязкая слизь плывущая по водѣ, муть; duhgains—мутный. *Ю. Трусманъ.*

Ворожея XVII в.

Въ 1630 г. въ Лебедяни появилась татарка ворожея. О ней былъ произведенъ розыскъ, и мы изъ сыскныхъ рѣчей узнаемъ, какимъ образомъ эта женщина ворожила. Полнѣе и интереснѣе всего показанія стрѣльца Назара Мотюнина: «Ворожила де меня и лечила глаза, наговаривала де воду и сыпала де просо въ воду, и меня де умывала тою водою; да мнѣ же де пускала въ глаза женское молоко, а имала де женское молоко у стрѣлецкой жены Сазона Волкова». Иное сообщили о лѣченіи Назара Мотюнина двое другихъ изъ опрошенныхъ: «(одинъ) лечила де ему глаза, вынувъ печень изъ овцы, а лечила де у Назара глаза ... поръ, о десятой пятницѣ, послѣ того какъ была у меня». «(другой): Взяла де у него алтынъ денегъ и подержала де у него на рукѣ и, подержавъ де, да привязала

---

[1]) Въ *доу-нж-ти н* принадлежитъ не корню, какъ очевидно въ приводимыхъ словахъ финскихъ. Ред.

на лбу надъ глазы и велѣла отслужить ему молебенъ Николѣ». Большинство сообщило, что ворожея при ворожбѣ «смотритъ на руку и на нутрю щупаетъ». У двоихъ изъ спрошенныхъ находимъ еще ту подробность, что она ворожила лукомъ.

(Дѣло объ этой ворожеѣ находится въ Актахъ Московскаго государства, т. I, стр. 303—305). Сообщилъ *Н. Тупиковъ.*

Отзывъ медальной коммисіи о трудахъ Д. Чл. Проф. А. И. Соболевскаго по исторіи и географіи Русскаго языка. [1]

Въ 1881 г. появилась небольшая книжка «Изслѣдованія въ области русской грамматики» (91 стр.), магистерская диссертація А. Соболевскаго. Въ этомъ молодомъ трудѣ уже можно было замѣтить незаурядныя качества: хорошее филологическое образованіе, близкое знакомство съ обнародованными памятниками древняго русскаго языка, мѣткость и точность въ наблюденіяхъ. Все это обратило вниманіе ученыхъ на молодого автора и возбудило въ нихъ надежды на него. И эти надежды были оправданы, скорѣе и болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ 1883 г. нашъ авторъ издалъ «Статьи по Славяно-Русскому языку» (37 стр.), а въ 1884 г. «Очеркъ изъ исторіи Русскаго языка» (156 стр.) и въ дополненіе къ нимъ двѣ статьи (въ Р. Фил. Вѣстн.): «Смоленско-Полоцкій говоръ въ XIII—XV в. (С. 18) и «Псковскій Трефолой 1446 г.», т. е. описаніе рукописи XV в. съ чертами Псковскаго говора. Въ своихъ Очеркахъ авторъ выяснилъ главныя особенности и отличительныя черты Галицко-Волынскаго нарѣчія въ теч. XII—XV в. на основаніи внимательнаго изученія правописанія и языка пятнадцати рукописей, нѣсколькихъ грамотъ и Ипатскаго списка Лѣтописи, и особенности Псковскаго говора въ XIV в. на основаніи пяти древнихъ списковъ Апостола 1307, Апостола 1309—1312 г., Параклитика 1369 г., Пролога 1383 г., Параклитика 1386 г. и еще трехъ рукописей безъ годовъ, но несомнѣнно XIV в. и одной XV в. Этотъ трудъ Соболевскаго, вышедшій 9 лѣтъ тому назадъ, обогатилъ науку множествомъ новыхъ, положительныхъ, точныхъ данныхъ по исторической грамматикѣ и въ особенности по исторіи поднарѣчій и говоровъ Русскаго языка. Обширное знакомство съ рукописною литературою, точность и мѣткость наблюденій съ замѣчательнымъ чутьемъ языка доставили А. И. Соболевскому видное мѣсто въ наукѣ, уже имѣвшей труды Срезневскаго, Буслаева, Потебни, Колосова. Съ годами укрѣплялись силы молодого ученаго, а съ переходомъ Проф. Соболевскаго изъ Кіевскаго въ Петербургскій Университетъ, когда открылась ему возможность работать болѣе прежняго надъ рукописями, въ богатыхъ здѣшнихъ книгохранилищахъ, возростала и начитанность нашего энергическаго, трудолюбиваго ученаго въ древнихъ и старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописяхъ. Въ настоящее время, смѣло можно сказать, проф. Соболевскому принадлежитъ почетное мѣсто перваго въ Россіи и въ цѣломъ Славянскомъ мірѣ ученаго знатока Русскаго языка въ его историческомъ развитіи и въ его географическомъ разнообразіи.

Не распространяясь о трехъ послѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) Звуки церковно-Славянскаго языка. 1888. Стр. 34. 2) Обще-славянскія измѣненія звуковъ. 1889. Стр. 49. 3) Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. 1891. Стр. 153 — хорошихъ пособіяхъ для университетскихъ слушателей, не лишенныхъ новыхъ цѣнныхъ замѣтокъ и соображеній,—остановимся на двухъ послѣднихъ трудахъ проф. Соболевскаго: Лекціи по исторіи русскаго языка, изданіе второе (первое вышло въ Кіевѣ въ 1888 г.) СПБ. 1891. V+270 стр. и Очеркъ русской діалектологіи, помѣщенный въ четырехъ книжкахъ «Живой Старины» 1892 (139 стр.).

Эти два труда А. И. Соболевскаго находятся въ тѣсной связи съ его Очерками изъ исторіи русскаго языка. Въ Очеркахъ и особенно въ лекціяхъ втораго изданія Русская историческая грамматика по двумъ отдѣламъ фонетики и морфологіи,—отдѣлъ

---

[1]) Отзывъ написанъ Предс. въ Отдѣленіи.

синтактическій еще разрабатывается авторомъ,—достигла небывалой еще полноты и обилія точныхъ, положительныхъ данныхъ, извлеченныхъ авторомъ изъ первоисточниковъ, древнихъ и старинныхъ нашихъ рукописей. Очеркъ русской діалектологіи состоитъ изъ 5 отдѣловъ: Введеніе, гдѣ выясняется важность изученія народныхъ говоровъ русскаго языка, указываются главнѣйшіе труды по этой части. Первая глава посвящена характеристикѣ Южнаго Великорусскаго нарѣчія и говоровъ акающихъ, вторая—характеристикѣ Сѣвернаго Великорусскаго нарѣчія и говоровъ окающихъ, третья—характеристикѣ Бѣлорусскаго нарѣчія и его говоровъ, четвертая—характеристикѣ Малорусскаго нарѣчія и его говоровъ. Само собой этотъ очеркъ страдаетъ большою неполнотой, немаловажными пробѣлами и неточностями. Никто конечно лучше автора не сознаетъ этого. Но авторъ рѣшился, а редакторъ Живой Старины съ радостью и признательностью взялся его напечатать на страницахъ журнала, дабы вызвать мѣстныхъ знатоковъ и наблюдателей со всей Россіи къ сообщенію въ редакцію необходимыхъ исправленій и пополненій всѣхъ неизбѣжныхъ въ настоящее время неточностей и пробѣловъ. Хотя въ наукѣ нашей и имѣются нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя діалектологическія наблюденія такихъ знатоковъ, какъ Даля или изслѣдованія такихъ ученыхъ, какъ Срезневскаго, Потебни, Семеновича, однако до труда Соболевскаго у насъ еще не было ни одного общаго, цѣльнаго очерка русской діалектологіи съ такими частными подробностями, ни одного свода разсѣянныхъ по самымъ разнообразнымъ изданіямъ свѣдѣній и данныхъ о различныхъ говорахъ всѣхъ трехъ русскихъ нарѣчій. Изъ всѣхъ наличныхъ русскихъ ученыхъ никто лучше Соболевскаго не былъ приготовленъ къ составленію такого очерка русской діалектологіи. Этотъ трудъ нашего ученаго уже вызвалъ и долго еще будетъ вызывать разныхъ мѣстныхъ наблюдателей къ доставленію въ отдѣленіе этнографіи необходимыхъ поправокъ и дополненій. Этотъ очеркъ Соболевскаго имѣетъ немалое значеніе и для не сознающихъ еще важности своего живаго знанія мѣстныхъ знатоковъ родныхъ говоровъ; онъ научитъ ихъ, что̀ именно достойно наблюденій и отмѣтъ въ языкѣ мѣстнаго населенія, и пріохотитъ многихъ и многихъ провинціальныхъ, уѣздныхъ жителей къ плодотворнымъ живымъ наблюденіямъ. Благодаря этому труду Соболевскаго можно будетъ такимъ образомъ черезъ нѣсколько лѣтъ приступить къ первому нанесенію на карту границъ разнообразныхъ говоровъ русскаго языка и къ составленію возможно-полной русской діалектологіи, что̀ конечно составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачь Отдѣленія Этнографіи.

Сверхъ упомянутыхъ трудовъ, А. И. Соболевскому принадлежитъ длинный рядъ значительныхъ статей и замѣтокъ по различнымъ вопросамъ славянской и русской филологіи, археологіи и этнографіи и разныхъ критическихъ разборовъ и отзывовъ о трудахъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ по этимъ предметамъ. Нерѣдко въ самыхъ небольшихъ статьяхъ и замѣткахъ нашего ученаго встрѣчаются цѣнныя новыя данныя, соображенія, объясненія.

Во вниманіе къ неутомимой энергіи даровитаго автора и отличнымъ его познаніямъ, въ уваженіе его заслугъ по исторіи и географіи Русскаго языка Отдѣленіе Этнографіи положило присудить Д. Чл. Общества Проф. А. И. Соболевскому большую золотую медаль Отдѣленія.

Примѣч. Подъ отвѣтомъ г. И. Мамакина (Вопр. и Отв.) слѣд. читать: «Зашт. гор. Починокъ Нижегор. губ.

Лица, внесшія при началѣ изданія Живой Старины 10 или 11 р. и не подписавшіяся еще на 1893 г., благоволятъ увѣдомить Редакцію, желаютъ ли они получать журналъ и въ текущемъ году.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябининымъ.

Олонецкія былины въ сказѣ И. Т. Рябинина мнѣ случилось прослушать два раза 8 января въ засѣданіи И. Р. Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи [1]) и 15 числа того-же мѣсяца въ Спб. 7-ой гимназіи.

Иванъ Трофимовичъ Рябининъ, крестьянинъ деревни Горницы, Олонецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, сынъ извѣстнаго былиннаго пѣвца, отъ котораго въ 1871 году записалъ 23 былины покойный Гильфердингъ и издалъ въ своемъ сборникѣ «Онежскихъ былинъ». Низкаго роста, не плечистый, но крѣпкій и бодрый на видъ, безъ сѣдины, онъ выглядитъ моложе своихъ 49 лѣтъ; съ непривычнымъ положеніемъ среди «господъ» онъ освоился довольно скоро, такъ что во второй разъ я не замѣтилъ той застѣнчивости, какая была въ немъ въ собраніи Географическаго Общества. Рябининъ живетъ крестьянскимъ хозяйствомъ, продаетъ сѣно, отчасти хлѣбъ, а больше дрова въ Петрозаводскѣ; въ Петербургѣ онъ прежде никогда не бывалъ. Онъ совершенно неграмотный; былинамъ и духовнымъ стихамъ научился отъ своего отца съ голоса и, по словамъ г. Виноградова, преподавателя мѣстной гимназіи, привезшаго его въ Петербургъ, знаетъ болѣе 6,000 стиховъ. Голосъ у него сильнѣе, чище и пріятнѣе, чѣмъ у крестьянина Касьянова, сказывавшаго былины въ Обществѣ въ прошломъ году, и, какъ вообще у олончанъ, протяжный, вслѣдствіе чего является какая-то неясность, неотчетливость, открытость гласныхъ звуковъ въ слогахъ безъ ударенія, почти исключительно въ предшествующихъ ударяемому слогу и весьма рѣдко въ слѣдующихъ за нимъ. Мнѣ слышалось *а* вмѣсто *о*, *я* вмѣсто *е*, *и* вм. *е*, однако далеко не такъ ясно, какъ оно замѣчается въ южно-великорусскихъ говорахъ, въ слѣдующихъ случаяхъ.

Открытое, близкое къ *а*, было *о* въ словахъ: х*а*лодной, д*а*садушку, п*а*ѣдешь, к*а* городу, супр*а*тивникъ, п*а*дходелъ, м*а*лотцёвъ, с*а*ловая, к*а*ренья, п*а*дорожные, п*а*сылае, п*а*махивати, м*а*лодой, кр*а*волитія, пов*а*да, п*а*бьешь, в*а* свой, р*а*бёночка, к*а* тому к*а* двору, драг*а*цѣнную, с*а*бѣ (=собѣ), изъ к*а*ей орде и рѣже за ударяемымъ слогомъ: на сыру в*а*ду, въ борóздачки, ва синé м*а*ре, королéвск*а*й сынъ, царь небéсн*а*й.

Звукъ *я* вмѣсто *е* передъ ударяемымъ слогомъ находился въ словахъ: ул*я*тали, н*я*давно, н*я* вѣдаите, кл*я*новая, за*я*жжяли, сво*я*го, изъ т*я*мной орде, на н*я*го, во*я*вода, л*я*вонидова, с*я*годня, н*я* знаю, б*я*зъ года (послѣднія три слова я слышалъ въ разговорѣ съ Рябининымъ), *я*що, и послѣ шипящихъ: ч*а*ловѣческымимъ, нич*а*го, ай ж*а*, ш*а*лковую; за ударяемымъ слогомъ: веч*а*ра, провожа*я* (=провожаетъ), могочі*я* люди, (вм. могочі*е*), широкі*я*хъ (=широкіехъ), кабацкі*я* (голи), столовы*я*хъ, золочёны*я*, разудалы*я*хъ, перелетны*я*хъ.

---

[1]) Мы воспользовались и замѣтками г. Тупикова и другихъ, отмѣчавшихъ вмѣстѣ съ нами особенности произношенія Рябинина въ этомъ засѣданіи Отдѣленія.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

LIV.

№ 44. Сплѣтъ. 7-го Іюля.

Письмо предидущее лежитъ еще не отправленное на столѣ, потому что забылъ справиться, гдѣ почта; а вотъ я уже начинаю другое.

Въ Сплѣтъ мы пріѣхали вчера съ однимъ изъ трехъ трагетто, которые ежедневно ходятъ сюда изъ Трогира. Сначала были хлопотни съ полиціей, потомъ съ квартирой, далѣе съ перемѣной бѣлья, далѣе съ кофіемъ; такъ что выбрались изъ дому уже вечеромъ — и отправились къ майору Каталиничу, Далмат. историку [1]). Оказался предобрый, толстой старикъ. Сегодня вмѣстѣ съ нимъ мы осматривали древности Сплѣта — остатки Діоклетіанова дворца или, лучше сказать, замка, и что потомъ строено Венгерцами и Венеціанами. Отъ Діоклетіанова дворца осталось немногое, и то такъ перемѣшано съ новыми пристройками и конопатками, что жалость смотрѣть: между колоннами врѣзались домишки, огромныя окна замѣнены маленькими, изъ одного яруса кое-гдѣ стало два, кое-гдѣ полтора, гдѣ были языческіе храмы, тамъ теперь христіан. церкви. Понять ничего нельзя; видно только, что прежде было такъ величественно, какъ теперь гадко. Старый такъ наз. Греческій храмикъ долженъ былъ быть прекрасенъ, а теперь воняетъ и снаружи и внутри; храмъ Діаны стоитъ безъ свода, и едва даетъ проходъ; изъ храма Юпитера сдѣлали соборъ. Къ нему приставлена прекрасная сквозная колокольня въ XIV в. Венграми. Изъ сѣней сдѣлали площадь; около нея остатки величеств. колоннады. Замокъ Венгерской съ тяжелыми башнями хорошъ для картины. Остатки Венец. укрѣпленій вовсе не живописны. Сплѣтъ довольно великъ,

---

[1]) Авторъ „Storia della Dalmazia.“ Zara, 1834—1835.

но улицы — лабиринтъ, и есть не шире шага или аршина. Тутъ не ѣздятъ, какъ и всюду въ Венец. городахъ. Жителей съ 4-мя предмѣстьями до 10,000. Дѣятельности торговой довольно; есть купцы и изъ Босніи. Есть 2 книжныя лавчонки. Есть продаватели старыхъ Римскихъ древностей, открываемыхъ неподалеку въ развалинахъ древней Салоны, гдѣ теперь село Салинъ. Портъ великъ и малыхъ кораблей не мало. Съ набережной (marina) видишь острова Солту и Брачь и прекрасной разливъ моря. Говорятъ тутъ по-Итальянски испорченнымъ Венец. нарѣчіемъ. Народъ одѣвается или въ лохмотья, такъ что всѣ части тѣла видны, или (женщины) со вкусомъ (женщины особенно): напр. на головѣ платокъ такъ: на тальи кофточка сверхъ корсета, большею частію прямая, съ серебр. пуговицами, безъ рукавовъ, а рукава отъ рубахи бѣлыя широкія, сверхъ юпки передникъ перевязанной пояскомъ, за которой заткнутъ платокъ и серебр. цѣпь съ ключомъ, красные чулки на ногахъ.—Все это очень мило. — Другое знакомство наше, — учитель Стазичь. Обѣдали въ кан. тратторіи: нечисто.

8-е Іюля.

Между Трогиромъ и Сплѣтомъ по берегу залива горы хоть и довольно высоки, но не очень круты, и къ морю опускаются полями. Эти поля засѣяны виноградомъ, маслинами, разными плодовыми деревьями, хлѣбами, цвѣтутъ и красуются. Въ прежнее время, когда владѣли еще Турки въ горахъ, были тутъ кое-гдѣ хуторки, и были построены какъ замки противъ нападенія Турокъ, и получили по этому названіе castelli. Это названіе сохранилось и доселѣ, хотя замки-хуторки превратились въ деревни. Всѣхъ 7. Почти всѣ, особенно три крайніе къ Трогиру, довольно чисто построены; есть домики премилые, и прекрасно опустились въ воду и окружены зеленью. Народъ богатъ и прекрасно одѣвается, и всего имѣетъ вдоволь. Въ эти castelli ѣздили мы сегодня на лодкѣ. Заѣзжали къ попу въ одинъ изъ нихъ, въ другомъ пили кофе у знакомой старухи, и т. д. Народъ весь на улицахъ: кто работаетъ, кто такъ сидитъ или лежитъ, кто спитъ, подъ тѣнію. Эти мѣста называются садомъ Далмаціи и стоятъ названія. Жаль только, что къ тѣни раинъ и кипарисовъ не прибавляется тѣни липъ или другихъ подобныхъ широкосѣнныхъ деревъ.

9-е. Пароходъ Митровскій у Курцолы.

Въ 7 часовъ утра вскочили мы сегодня на пароходъ и помчались отъ Сплѣта внизъ. Общество наше хоть и мало разнообразно, за то очень ве-

лико: 200 человѣкъ солдатъ, переправляемыхъ въ Рагузу, и нѣсколько офицеровъ. У городка Лесины остановились мы въ 11-мъ часу и простояли тамъ около 2-хъ часовъ; на берегъ мы не сходили. Въ 5 часовъ вечера пріѣхали сюда къ городку Курцолѣ и остановились тутъ на цѣлую ночь. Ѣдемъ быстро, но видѣть нечего: то одинъ, то другой островъ, то съ той, то съ этой стороны островъ гористой, сѣрой, такъ что зелень едва замѣтна. Въ Курцолѣ мы сошли на берегъ, чтобы немного осмотрѣться: городокъ, окруженной стѣнами, занимаетъ весь полуостровокъ, на которомъ построенъ; и страшно ходить по нему: домы надъ домами, много по архитектурѣ хорошихъ, но еще болѣе совершенно пустыхъ, безъ оконъ, безъ крышъ, отчасти потому что чума переморила жителей, отчасти потому что жители сами оставили дома и переселились кто въ предмѣстія, кто далеко. Мы бродили по городку до захода солнца, прячась отъ жару, потомъ вышли на набережную. Тутъ пристали къ намъ два медика, а между тѣмъ на лодкѣ ѣхалъ преторъ изъ Оребича (на Сабіончелло) домой. Онъ предлагаетъ намъ прокатиться съ нимъ, говоря что переѣздъ полчаса,—мы садимся и поѣхали. По дорогѣ онъ разсказывалъ намъ объ огромныхъ сомахъ, о семиручкахъ [1]), о ядовитыхъ змѣяхъ, о сѣрной пещерѣ въ горѣ Иліи, соединяющейся съ моремъ, и т. д. Подъѣзжаемъ,—видимъ прекрасные чистенькіе домики, кипарисы, пальмы и дивные костюмы. Женщины на головахъ носятъ шляпы (клобуки) изъ соломы съ лентами цвѣтами и перначемъ и волосы прелестно завиты, юбка голубая съ красно-желтою каймою, на лифѣ корсетъ, рукавчики синенькіе (трауръ черной). Я не успѣлъ еще сказать, что нахожу сходство костюма съ Испанскимъ, какъ преторъ объявилъ мнѣ, что дѣйствительно сюда переселилась когда-то Испанская колонія. Говорятъ впрочемъ теперь всѣ по-Далматински. Поздно ворочались мы домой—на 4-хъ веслахъ: маестралъ дулъ противъ насъ, но по маестралу хорошо ѣхать и противъ вѣтра. И наконецъ мы опять на пароходѣ. Завтра намѣрены пуститься въ путь въ 8 утра и къ 5 послѣ обѣда быть въ Дубровникѣ (Рагуза). Теперь покойная ночь.

10-е. Пароходъ.

Въ 3 часа пристали къ Дубровнику, сами не зная, что сдѣлаемъ—поѣдемъ-ли далѣе въ Котаръ, или останемся тутъ. Пошли прямо къ нашему консулу Гагичу, съ его помощью достали вещи наши, посланныя нами изъ Рѣки, деньги, посланныя изъ Тріеста, и т. д., и рѣшились ѣхать въ Котаръ на пароходѣ. Оттуда до Черной горы уже не далеко, и къ ней-то мы приближаемся. Дубровникъ стоитъ на мысу, окруженъ крѣпкими стѣнами,

[1]) Въ подлинномъ текстѣ рисунокъ.

опускающимися величественно въ море, съ двухъ сторонъ тянутся предмѣстья, а на горѣ, круто опускающейся къ городу, стоитъ высоко-высоко крѣпость. Видъ чудесный. И внутри городъ тоже хорошъ; главныя улицы широки и прямы, домы всѣ хороши, а нѣкоторые прекрасны; всюду чисто. Всего пріятнѣе слышать всюду родные звуки: хоть и говорятъ по-Итальянски, какъ у насъ по-Французски, хоть и на Итальянск. языкѣ ведутся всѣ дѣла, по-Иллирски говорить не стыдится никто. Гагичь предобрый старикъ. Еще познакомились мы съ Казначичемъ [1]), адвокатомъ и писателемъ; характерный старикъ. Онъ проводилъ насъ къ берегу, гдѣ мы на лодочкѣ переправились на пароходъ. О пріѣздѣ нашемъ всюду знаютъ, знаютъ даже, гдѣ мы были, куда ѣдемъ.

Но Боже мой, что за жаръ! На 23° стоитъ, не сдвигаясь, и ни утромъ, ни вечеромъ, ни ночью нѣтъ утѣшенія. Нѣтъ, въ эти мѣсяцы плохо путешествовать по такимъ южнымъ странамъ, и въ такіе жары у насъ лучше.

11-е. Катаро.

Сегодня мы выѣхали изъ Рагузы въ 6 утра. Я еще спалъ; пароходъ шумѣлъ колесами, югъ (scirocco) морщинилъ море и вылъ, но я ничего не слышалъ. Часа 3½ мы ѣхали по открытому морю; потомъ завернули въ Bocca di Cattaro. Тутъ море все ўже, горы все выше, но у моря внизу покрыты роскошною зеленью, и между зеленью у самого моря домики такіе миленькіе, веселенькіе, а надъ ними высоко стремнины скалъ.— Теперь въ Каттаро. Городокъ лежитъ какъ разъ подъ стѣнами скалъ, и въ этомъ мѣстѣ заливъ малъ и такъ окруженъ горами, что кажется озеромъ. На[дъ] городомъ высятся Черныя горы такъ, что надобно голову заламывать, глядя на нихъ, не только въ городѣ стоя, но и на набережной; горы дикія, стремнистыя, величественныя и страшныя. Въ Каттаро живетъ Чевкинъ [2]): съ чиновникомъ Австрійскимъ они хлопотали объ опредѣленіи границъ между Черногоріей и Австріей. Онъ былъ у насъ въ Тріестѣ; мы отплатили ему визитъ здѣсь. Все на насъ смотритъ и не одинъ Черногорецъ протягивалъ намъ сегодня руку, славя Московитовъ и Николая. Сегодня у Черногорцевъ большой праздникъ: Петра, а покойнаго митрополита Петра тѣло осталось нетлѣннымъ, и онъ считается ими святымъ. Очень жаль, что мы не успѣли быть на этомъ праздникѣ. Теперь прощайте до завтра.

---

[1]) Ант. Казначичь—поэтъ и историкъ Далмаціи.
[2]) Александръ Владиміровичъ Чевкинъ.

12-е. Цетинь въ Черной горѣ.

Сегодня утромъ въ 5 часовъ стали мы подниматься на Черную гору. Поднимались часа два,—подъемъ тяжелой,—съ каждымъ шагомъ выше по крайнѣй мѣрѣ на поларшина, и кое-гдѣ, чуть не карабкаясь. Крѣпость Котарская снизу намъ казалась Богъ знаетъ какъ высоко; поднявшись на 6-ю долю высоты, она уже была подъ ногами, а заливъ Котарскій какъ озерцо. Далѣе раскрылась вся бокка, а потомъ и море. И тутъ насъ встрѣтилъ туманъ. До границы Черногорской тропинка пренесносная. Далѣе идетъ порядочная дорожка, стоившая большихъ трудовъ. Поднявшись совсѣмъ на гору, мы пошли по вершинѣ далѣе и далѣе и дошли до деревни Нѣгуши, откуда родомъ и владыка. Жалкая деревня. Тутъ мы сварили себѣ кофе, пили вино, ѣли кола́чи. Далѣе я сѣлъ на мула и поѣхали въ Цетинь. Съ проходящими Черногорцами говорили мы часто. Многіе останавливали насъ вопросомъ, кто мы, но узнавши, что мы Русскіе, были очень дружелюбны. У одного колодца встрѣтили процессію: знамена, образъ, евангеліе, крестъ, — священникъ, одѣтый какъ и всѣ Черногорцы, только риза накинута сверху. Это очень странно, когда представите, что онъ въ опанкахъ, чулкахъ, коротк. шароварахъ курткѣ и за поясомъ ганжаръ (кинжалъ) и пистолеты. Приближаясь къ Цетини мы увидѣли башню и на ней на шестахъ множество Турецкихъ головъ. Было уже около 4 часовъ, когда мы подошли къ Цетини; епископъ спалъ, мы пришли къ его брату, и потомъ къ секретарю. Между тѣмъ епископъ проснулся, насъ позвали, — и можете представить мое новое изумленіе, когда я увидѣлъ епископа Петра Петровича Нѣгуша въ такомъ же Черногорскомъ костюмѣ только съ бородой. Гигант. роста, красавецъ, молодой, онъ говоритъ по Русски, Французски, Нѣмецки, Итальянски, очень обходителенъ, уменъ въ разговорѣ, и съ нами очень милъ. Въ главной комнатѣ его биліардъ, по стѣнамъ ружья отнятыя у Турокъ и портреты — Николая, Наполеона, Георгія Чернаго и Байрона. Николая тутъ всѣ чудно любятъ, называя своимъ императоромъ. Обѣдали вмѣстѣ. Далѣе кофе и трубки. Спать. Гулять. Вечерній разговоръ. Опять спать.—Все шумитъ, поетъ, оканчиваетъ вчерашнее праздкество. Черногорцы молодцы, и владыку любятъ, хоть онъ съ ними и не шутитъ. Цетинь — монастырь, возлѣ него господарева куча (дворецъ), обведенный стѣною, и нѣсколько корчемъ, а въ томъ числѣ и гостинница съ прекрасною комнатою. Камня много — нигдѣ столько, зелени мало; но не жарко, не душно и свѣжо.

13-е. Катаро.

Мы просили владыку позволить намъ путешествовать по его владѣніямъ дня два-три; онъ, разумѣется, былъ согласенъ, но самъ же и отсовѣ-

товалъ. «Я не говорю уже о томъ, сказалъ онъ намъ, что вы вмѣсто хорошихъ ночлеговъ найдете только гостепріимство бѣдняка, душею любящаго Русскихъ, но тѣмъ не менѣе слишкомъ бѣднаго; я боюсь за ваше здоровье: пары Волота (Lago di Scutari, куда мы хотѣли идти), въ это время и сильны и вредны». Мы послушались его совѣта и рѣшились ѣхать изъ Черной горы вмѣстѣ съ нимъ въ Катаро, тѣмъ болѣе, что такое возвращеніе могло быть для насъ любопытнѣе и полезнѣе 10 дней одинокаго пути. Сегодня рано, часу въ 5-мъ стучатъ къ намъ въ двери. «Avanti» (=herein=войдите). Входитъ одинъ изъ перьяниковъ (гвардейцевъ), говоря, что господарь проситъ насъ. Мы одѣлись, пошли въ церковь (церковка) къ гробу Петра, оттуда къ владыкѣ, напились кофе, и на коней. Намъ, почитая насъ за трусовъ, дали лошаковъ (мезга). Петру Ив. лошакъ порвалъ вчера сюртукъ, и онъ пошелъ пѣшкомъ, а я сѣлъ и ѣхалъ половину дороги. Отъ самаго выѣзда начались выстрѣлы, и продолжались до Катаро, а гдѣ ѣхали мимо церкви начинался звонъ колоколовъ. Картина чудесная: колокола звонятъ, выстрѣлы гремятъ и по три, по четыре раза повторяются горами, караванъ вьется по тропинкѣ и шумитъ; встрѣчающіеся довѣрчиво глядятъ въ лице владыкѣ и привѣтствуютъ его поклономъ и поцѣлуемъ въ свою руку. И чуденъ караванъ: впереди перьяники пѣшкомъ, далѣе владыка, Австрійскій капитанъ Оремовичь, одинъ изъ сердарей, братъ владыки, два или три изъ сенаторовъ, мы, кто на конѣ, кто на мулѣ, кто пѣшкомъ, нашъ проводникъ, слуги владыки,— странная смѣсь. Мезга моя отстала и мы съ Петромъ Ив. потеряли караванъ изъ виду, не доѣзжая до Нѣгушей. Какъ бѣжитъ Черногорецъ и говоритъ, что владыка ждетъ насъ у своего дома (онъ изъ этой деревни). Я соскочилъ и пошелъ пѣшкомъ вдвое скорѣе нежели ѣхалъ. Домъ порядочной, но устроенъ по мужицки, только больше и чище. Въ комнатѣ собралось все, подали кофе, потомъ окорокъ, баранины, вина. «Sans cérémonie!» сказалъ владыка намъ, и усадилъ около себя. Отца его мы видѣли въ Цетини (почтен. 80 лѣт. старикъ); а тутъ живетъ его мать и сестра. Мать здоровая, добрая, простая женщина, глядящая на сына какъ на солнце; мы адресовались къ ней съ привѣтствіемъ и по христіански облобызались. Завтракъ скоро кончился и мы далѣе. Я пошелъ пѣшкомъ, не отставая отъ владыки, и говоря съ нимъ о чемъ на умъ всходило—большею частію по французски. Такъ шло до границы. Тутъ сошли всѣ съ коней и муловъ и послѣ удалыхъ выстрѣловъ и криковъ пошли пѣшкомъ всѣ. Я сошелся съ однимъ изъ перьяниковъ, побратимился съ нимъ и отдался въ его волю, потому что безъ его помощи вѣрно упалъ бы не одинъ разъ. Взошедши на дорогу большую, владыка пересѣлъ на другого коня, котораго вели до сихъ поръ подъ уздцы, приказалъ мнѣ сѣсть на его перваго коня, и такимъ образомъ поѣхали мы къ городу.—Мы вошли на

минуту въ его квартиру, поблагодарили и отправились къ себѣ. — А теперь спать.

14-е.

Сегодня мы были опять у владыки, потомъ пошли съ нимъ и съ Чевкинымъ гулять на марину. Чѣмъ болѣе съ нимъ говоришь, тѣмъ болѣе удивляешься ему какъ человѣку и какъ правителю Черногорцевъ. Говоритъ хорошо, умно, съ чувствомъ, съ достоинствомъ и безъ натяжки, и во всѣхъ словахъ видна любовь къ народу такъ-же, какъ въ обращеніи Черногорская простота.

Видъ съ марины на Катаро чудесной: внизу городъ, надъ городомъ крѣпость, надъ крѣпостію Черныя горы—градъ Пустинъ и Ловчинъ, почти такъ:

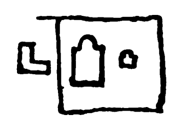
Но и страшно жарко въ Катарѣ: 28° и духота. Одно утѣшеніе на маринѣ. Я только что воротился. Тамъ все живо. На баркахъ огни, море отсвѣчиваетъ огни съ противуположнаго берега, а надъ Катаромъ горы какъ тучи.

(Въ Катарѣ 2 православ. церкви: Николая—большая и Луки—маленькая. Церковь, построенная Душаномъ, сдѣлалась теперь главною Римскою.

15-е Новый (Castelnuovo).

Наняли барку, простились съ владыкой, и поѣхали по Катарскому заливу. Заливъ очаровательный: вода какъ зеркало, по берегу прелестныя деревеньки, окруженныя виноградомъ, фигами, гранатами, оливами, кипарисами, орѣхами, черешнями; надъ ними скалы, упирающіяся въ небо. Особенно прекрасно то мѣсто залива, гдѣ море съузилось какъ рѣка, и которое называется Цѣпями (Вериги=Catene). Новый лежитъ амфитеатромъ на горѣ и окруженъ развалинами крѣпости; а на возвышеніи горы новая крѣпость. Городокъ бѣдной. Солдатъ множество. Верстахъ въ 2-хъ отъ города тоже на берегу моря лежитъ Савинъ монастырь. Въ надеждѣ найти тамъ старыя рукописи мы отправились туда. Дорожка, ведущая въ монастырь, поразила насъ: камня по ней мало, съ обѣихъ сторонъ надъ нею деревья и кустарники садовъ и лѣса, и сквозь вѣтвей видишь море. Монастырь почти со всѣхъ сторонъ окру-

женъ тоже лѣсомъ и садами. Середи главнаго двора стоитъ большая церковь, точно большая, прекрасно сложенная изъ большихъ камней, внутри выстланная мраморомъ, чистая и очень хорошо украшенная. Подлѣ нея стоитъ другая



крошечная церковка, а на другомъ дворѣ келіи, гдѣ та-же чистота, что и въ церкви, Игуменъ прекрасной старикъ. Остальныхъ монаховъ четыре. Мы ворочались вечеромъ и старались продлить прогулку.

17-е. Дубровникъ.

Въ Новомъ наняли мы верховыхъ лошадей и поѣхали въ Старой Дубровникъ. Пути—съ небольшимъ 6 часовъ. (Заплочено за три лошади 5 фл. 40 кр.). Сначала ѣхали близь берега моря, дорога обворожительная. Далѣе у Суторины пришли на границу Турецкую. Тутъ намъ дали гвардіяна и съ нимъ шли мы около часа по Турціи: населенія меньше, дорога гораздо хуже. Въ Дубровникъ Старый пришли мы въ концѣ 1-го. Жаръ былъ страшной. Переждавши его, мы сѣли на барку и поѣхали въ Дубровникъ. Пути съ хорошимъ вѣтромъ не болѣе 1-го часу.—Мы остановились въ Локандѣ al Vapore, лучшей. Намъ отвели 2 комнаты. Часу въ 11-мъ мы разошлись по постелямъ, и я скоро заснулъ. Вдругъ слышу кто то стучится въ дверь. «Кто тамъ?»—Отворите, Измаилъ Иванычь!» и вошелъ Петръ Ивановичь со свѣчею: «Я тутъ боюсь, я спать не буду». Что такое? «Пойдемъ посмотримъ: моя комната полна блохъ, клоповъ, таракановъ, всякой дьявольщины, и я видѣлъ что-то черное, величиною въ палецъ, со множествомъ ногъ». Мы искали этого стонога, но не нашли, и Петръ Ивановичъ сѣлъ читать-писать, а я легъ на свою постель такъ, чтобы осталось мѣсто и Петру Ив. Словомъ это была ночь въ родѣ Нинской ночи. Сегодня съ утра стали хлопотать о квартирѣ, и долго ничего не удавалось. Наконецъ (въ кофейнѣ) подходитъ къ намъ одинъ человѣкъ (Будмани), и предлагаетъ у себя квартиру. Мы было думали, что за деньги, и спросили есть ли у него двѣ комнаты. «Хоть десять» отвѣчаетъ онъ. «Мое семейство теперь въ Кампаньи, и вы можете быть у меня полными хозяевами, лишь бы вамъ понравилось. Можетъ быть развѣ далеко: вонъ на взгорьи». Мы не могли не принять его предложенія,—и вотъ у него въ домѣ. Домикъ прелестной, чистой. Намъ даны всѣ удобства, а изъ оконъ видъ на городъ и море. Словомъ, лучше ничего быть для насъ не можетъ. Одно горе: безъ платы.

Но что за жара! Страшно! Я весь облитъ потомъ, хоть вотъ уже 10½ вечера.

18-е.

У кофейни sotto pile есть площадь, уросшая ивами и орѣхами, вѣчно въ тѣни. Сюда Дубровчане собираются гулять, пить кофе, ѣсть мороженное. Сегодня была и музыка. Владыка сегодня утромъ пріѣхалъ сюда, и мы тутъ съ нимъ видѣлись. На него все засматривается, и толпы ходятъ въ слѣдъ за нимъ. Мы слышали, какъ одинъ Австріецъ говорилъ «какъ можно позволить этимъ Черногорцамъ ходить тутъ по городу въ вооруженіи». Мнѣ хотѣлось спросить его, уже-ли и Австрійскій офицеръ могъ бы ходить безъ шпаги въ чужомъ государствѣ, какъ арестованный.

Стонъ (Stagno). 21-е.

Еще третьяго дня мы наняли мѣста на баркѣ (за 2 фл.), но до вчерашняго вечера вѣтеръ не выпускалъ насъ изъ Дубровника; наконецъ,—и выбравшись вчера въ 7-мь вечера и ѣхавши цѣлую ночь, едва, едва доѣхали сюда въ 1 послѣ обѣда. Тутъ отдыхаемъ, и потомъ далѣе въ путь. Благодаря Бога, комната порядочная. До Сплѣта мы хотимъ по суху, а далѣе, на пароходъ, если только успѣемъ, чего не дай, Боже. Дубровникъ оставляетъ въ насъ по себѣ пріятное воспоминаніе: Адвокатъ Казначичь (литераторъ) и православный священникъ отецъ Григорій Николаевичь (тоже литераторъ) доставили намъ много пріятныхъ минутъ, а нашъ добрый хозяинъ Будманъ выше описанія. Консулъ Гагичь насъ забылъ, но мы равно забыли о немъ. Стонъ дрянной городишка съ дрян. крѣпостью и съ крѣпостными стѣнами, возвышающимися надъ городомъ по горѣ, какъ и въ Котарѣ.

Трагетто изъ Наренты въ море. 23-е.

Трагетто—корабликъ длиною сажня $2^1/_2$, шириною сажня $1^1/_2$, идетъ на парусахъ и на веслахъ; внутри его ямка съ покрышкою въ 1 квадр. сажень, гдѣ и дрова и боченки съ бивандой (вода съ виномъ), и наша поклажа, и мы, спасаясь отъ жара. Ѣдемъ по рѣкѣ Нарентѣ изъ Опузина (Fort Opus) въ море, чтобы пробраться въ Макарскую. Вчера ночью, выѣхавши вечеромъ изъ Стона, спали мы на маленькой барочкѣ, гдѣ едва могли помѣститься на ночлегъ 6 человѣкъ (мы и 4 весельщика) у берега моря при устьи Наренты. Спать было тѣсно, но спалось хорошо; а просыпавшись, я видѣлъ на морѣ огни рыболововъ, ловящихъ сарделли (крошеч. рыбенка въ родѣ снѣдковъ): огнями, разводимыми на лодкахъ, ихъ заманиваютъ, и огни эти всюду по морю, какъ иллюминація. Рано утромъ до солнца мы двинулись впередъ, и до 7-ми пріѣхали въ дрянной городишко Опузинъ, по рѣкѣ Неретвѣ или Нарентѣ. Тутъ природа другая: хоть скалистыя горы и видны кругомъ, но между

ними широкая равнина низкая и влажная, и по ней, опоясанная тростниками течетъ раз. рукавами рѣка Неретва. Климатъ тутъ ужасно нездоровой: лихорадки не перестаютъ, и больные въ каждомъ сѣмействѣ, разомъ по 2, по 3. Тутъ мы пили кофе, обѣдали, сѣли на трагетто и далѣе. Мы ѣдемъ на веслахъ; я лежу и пишу; комары жужжатъ и кусаютъ безпощадно; тутъ ихъ пропасть. Мы было хотѣли по суху ѣхать, но намъ отсовѣтовали, сказавши, что и дологъ путь, и нѣтъ ночлеговъ; а ѣздить тутъ не дешево; вчера до Опузина—5 флор.; а сегодня до Макарской—6.

Макарска. 24-е.

Маленькій городокъ на берегу моря надъ стремнистой огромною горою Біоковомъ. Мы пріѣхали сюда часовъ въ 6, когда еще солнце выходящее тутъ изъ за горъ, не свѣтило, и все дышало хоть и самой умѣренной, но всетаки прохладой. Ночевали на баркѣ; капитанъ (начальникъ барки) послалъ намъ коверъ, сдѣлалъ пологъ, и если бы еще могъ утишить волненіе своей барки, то далъ бы намъ сонъ, какого въ Далмаціи мы не имѣли; впрочемъ и качанье барки (вотъ такое ✕) не много намъ мѣшало, а въ просонкахъ можно было любоваться огнями рыбаковъ и фосфорич. блескомъ моря. Передъ сномъ же ужинъ нашъ состоялъ изъ нѣскольких яицъ и стакана чаю съ виномъ. Я уже не говорю о чистомъ винѣ: мы привыкли къ нему какъ къ чистой водѣ и даже болѣе, потому что чистую воду почти не пьемъ, остерегаясь нечистой.—Тутъ изъ нашей комнаты мы видѣли между прочимъ такую сцену: мясникъ покупалъ козъ у мужика, и давалъ за 7—8 двугривенныхъ, а мужикъ и отдалъ, думая что ихъ у него только шесть; отсюда споръ, и мы присовѣтовали мужику идти въ полицію (претуру) и оправдываться. Какой чудесный видъ изъ нашей комнаты: сѣрыя горы въ небѣ, много зелени по отлогостямъ, море; это надобно видѣть.

Омишь (Almissa). 25-е.

Ну и ночь была! Въ Макарской вчера наняли мы лодку, чтобы ѣхать сюда еще утромъ, но цѣлой день до вечера былъ маестралъ. Вечеромъ рѣшились ѣхать. Подошли къ баркѣ: глядь на барочку: игрушечка, чтобы ѣздить по Лопани, а не по морю. Отъѣхали нѣсколько, и барочники сами сказали, что надобно воротиться, что на этой барочкѣ ѣхать невозможно, что они имѣютъ другую большую. Воротились, пересѣли въ большую барку, легли на матрацѣ подъ палубой, поѣхали и подъ качку заснули. Насъ было 5: старая баба, рулевой, парусной и насъ двое. Я спалъ долго и хорошо. Вдругъ слышу на палубѣ стукъ и строгій говоръ, чувствую, что барка качается такъ ✕, вижу воду заливающуюся подъ матрацъ; высовываю голову на палубу,—свѣтаетъ,

море страшно вздымается и пѣнится, а парусъ надулся такъ, что вотъ порвется; спрашиваю—гдѣ мы? Еще на полпути (12 миль) у Врули. Тутъ вытекаетъ изъ горъ потокъ, и море «вретъ» т. е. бушуетъ почти всегда. Рулевой сказалъ мнѣ, чтобы я спокойно легъ, что Архангелъ Михаилъ спасетъ насъ. Каково же мнѣ было лечь! Да и лежать развѣ крѣпко спящему, какъ Петръ Ивановичъ, было можно, когда приходилось стоять, лежа чуть не на головѣ. Я сѣлъ подъ мачтой, и думалъ о васъ, милая маменька! Это заставляло меня забывать качку, мало по малу забываться, такъ что я непримѣтно заснулъ. Проснувшись въ другой разъ, я уже слышалъ отъ матросовъ нашихъ благодарность Михаилу: вѣтеръ шумѣлъ, море волновалось, барка качалась, но неслась,—и мы скоро увидѣли Динаръ—планину подъ которой стоитъ Омишь. Пріѣхавши часовъ въ 5 утра, сюда отправились въ кофейню, свели тутъ знакомство съ какими то горожанами, спросили объ Иллирскомъ семинаріумѣ и переправились черезъ Цетинь туда. Мѣсто, на которомъ стоитъ Омишь, очаровательное диво: горы спускаются къ городу почти перпендикулярно, а между ними мчится Цетинь. Семинарій остался только при названіи: въ немъ живетъ одинъ старикъ (88 лѣтъ)—учитель, а прежде было учениковъ болѣе 50, которые учились по Иллирски. Старикъ привязанъ къ Русскимъ, и, чуть только мы пришли къ нему, какъ явился и шпіонъ слушать, что мы будемъ говорить. Смѣшно! Но старикъ имѣетъ многое, касающееся до республики Польицы, и намъ работа. Остаемся тутъ на нѣсколько дней.

28-е. Сплѣтъ.

Вотъ и опять Сплѣтъ, и мѣста на пароходѣ нами уже взяты. Третьяго дни, оставивши Петра Ивановича за писаньемъ, ѣздилъ я вверхъ по р. Цетини къ водопаду Губавицѣ. Дорога идетъ два часа по берегу рѣки подъ скалами самой разнообразной формы, и всетаки перпендикулярными. Въ иныхъ мѣстахъ около рѣки расширяются луга, въ другихъ—рѣка съужается между скалами, такъ что едва остается мѣсто для искуственной тропинки. Другіе два часа ѣдешь (не иначе какъ верхомъ), не видя ни рѣки, ни мѣста, гдѣ она течетъ: по берегу рѣки дорожка тутъ и не могла быть проложена. Такъ ѣхалъ я до Задварья, и у него долженъ былъ подняться на большую гору, на которой остаются доселѣ крѣпкія развалины старой Турецкой крѣпости. Отъ маленькой этой деревеньки Задварья до того мѣста, съ котораго смотрятъ на водопадъ (въ част. саду) шаговъ сто. Рѣка течетъ тутъ глубоко между прорытыми ею скалами, и потомъ вдругъ бросается еще больше въ глубь сажень на 20 большимъ клубомъ воды, которая, еще не достигнувъ низу, разбивается въ пыль, и эта пыль какъ дымъ пожара поднимается опять вверхъ (передъ

но улицы — лабиринтъ, и есть не шире шага или аршина. Тутъ не ѣздятъ, какъ и всюду въ Венец. городахъ. Жителей съ 4-мя предмѣстьями до 10,000. Дѣятельности торговой довольно; есть купцы и изъ Босніи. Есть 2 книжныя лавчонки. Есть продаватели старыхъ Римскихъ древностей, открываемыхъ неподалеку въ развалинахъ древней Салоны, гдѣ теперь село Салинъ. Портъ великъ и малыхъ кораблей не мало. Съ набережной (marina) видишь острова Солту и Брачь и прекрасной разливъ моря. Говорятъ тутъ по-Итальянски испорченнымъ Венец. нарѣчіемъ. Народъ одѣвается или въ лохмотья, такъ что всѣ части тѣла видны, или (женщины) со вкусомъ (женщины особенно): напр. на головѣ платокъ такъ: на тальи кофточка сверхъ корсета, большею частію прямая, съ серебр. пуговицами, безъ рукавовъ, а рукава отъ рубахи бѣлыя широкія, сверхъ юпки передникъ перевязанной пояскомъ, за которой заткнутъ платокъ и серебр. цѣпь съ ключомъ, красные чулки на ногахъ.—Все это очень мило. — Другое знакомство наше, — учитель Стазичь. Обѣдали въ кан. тратторіи: нечисто.

8-е Іюля.

Между Трогиромъ и Сплѣтомъ по берегу залива горы хоть и довольно высоки, но не очень круты, и къ морю опускаются полями. Эти поля засѣяны виноградомъ, маслинами, разными плодовыми деревьями, хлѣбами, цвѣтутъ и красуются. Въ прежнее время, когда владѣли еще Турки въ горахъ, были тутъ кое-гдѣ хуторки, и были построены какъ замки противъ нападенія Турокъ, и получили по этому названіе castelli. Это названіе сохранилось и доселѣ, хотя замки-хуторки превратились въ деревни. Всѣхъ 7. Почти всѣ, особенно три крайніе къ Трогиру, довольно чисто построены; есть домики премилые, и прекрасно опустились въ воду и окружены зеленью. Народъ богатъ и прекрасно одѣвается, и всего имѣетъ вдоволь. Въ эти castelli ѣздили мы сегодня на лодкѣ. Заѣзжали къ попу въ одинъ изъ нихъ, въ другомъ пили кофе у знакомой старухи, и т. д. Народъ весь на улицахъ: кто работаетъ, кто такъ сидитъ или лежитъ, кто спитъ, подъ тѣнію. Эти мѣста называются садомъ Далмаціи и стоятъ названія. Жаль только, что къ тѣни раинъ и кипарисовъ не прибавляется тѣни липъ или другихъ подобныхъ широкосѣнныхъ деревъ.

9-е. Пароходъ Митровскій у Курцолы.

Въ 7 часовъ утра вскочили мы сегодня на пароходъ и помчались отъ Сплѣта внизъ. Общество наше хоть и мало разнообразно, за то очень ве-

лико: 200 человѣкъ солдатъ, переправляемыхъ въ Рагузу, и нѣсколько офицеровъ. У городка Лесины остановились мы въ 11-мъ часу и простояли тамъ около 2-хъ часовъ; на берегъ мы не сходили. Въ 5 часовъ вечера пріѣхали сюда къ городку Курцолѣ и остановились тутъ на цѣлую ночь. Ѣдемъ быстро, но видѣть нечего: то одинъ, то другой островъ, то съ той, то съ этой стороны островъ гористой, сѣрой, такъ что зелень едва замѣтна. Въ Курцолѣ мы сошли на берегъ, чтобы немного осмотрѣться: городокъ, окруженной стѣнами, занимаетъ весь полуостровокъ, на которомъ построенъ; и страшно ходить по нему: домы надъ домами, много по архитектурѣ хорошихъ, но еще болѣе совершенно пустыхъ, безъ оконъ, безъ крышъ, отчасти потому что чума переморила жителей, отчасти потому что жители сами оставили дома и переселились кто въ предмѣстія, кто далеко. Мы бродили по городку до захода солнца, прячась отъ жару, потомъ вышли на набережную. Тутъ пристали къ намъ два медика, а между тѣмъ на лодкѣ ѣхалъ преторъ изъ Оребича (на Сабіончелло) домой. Онъ предлагаетъ намъ прокатиться съ нимъ, говоря что переѣздъ полчаса,—мы садимся и поѣхали. По дорогѣ онъ разсказывалъ намъ объ огромныхъ сомахъ, о семиручкахъ [1]), о ядовитыхъ змѣяхъ, о сѣрной пещерѣ въ горѣ Иліи, соединяющейся съ моремъ, и т. д. Подъѣзжаемъ,—видимъ прекрасные чистенькіе домики, кипарисы, пальмы и дивные костюмы. Женщины на головахъ носятъ шляпы (клобуки) изъ соломы съ лентами цвѣтами и перначемъ и волосы прелестно завиты, юбка голубая съ красножелтою каймою, на лифѣ корсетъ, рукавчики синенькіе (трауръ черной). Я не успѣлъ еще сказать, что нахожу сходство костюма съ Испанскимъ, какъ преторъ объявилъ мнѣ, что дѣйствительно сюда переселилась когда-то Испанская колонія. Говорятъ впрочемъ теперь всѣ по-Далматински. Поздно ворочались мы домой—на 4-хъ веслахъ: маестралъ дулъ противъ насъ, но по маестралу хорошо ѣхать и противъ вѣтра. И наконецъ мы опять на пароходѣ. Завтра намѣрены пуститься въ путь въ 8 утра и къ 5 послѣ обѣда быть въ Дубровникѣ (Рагуза). Теперь покойная ночь.

10-е. Пароходъ.

Въ 3 часа пристали къ Дубровнику, сами не зная, что сдѣлаемъ—поѣдемъ-ли далѣе въ Котаръ, или останемся тутъ. Пошли прямо къ нашему консулу Гагичу, съ его помощью достали вещи наши, посланныя нами изъ Рѣки, деньги, посланныя изъ Тріеста, и т. д., и рѣшились ѣхать въ Котаръ на пароходѣ. Оттуда до Черной горы уже не далеко, и къ ней-то мы приближаемся. Дубровникъ стоитъ на мысу, окруженъ крѣпкими стѣнами,

---

[1]) Въ подлинномъ текстѣ рисунокъ.

опускающимися величественно въ море, съ двухъ сторонъ тянутся предмѣстья, а на горѣ, круто опускающейся къ городу, стоитъ высоко-высоко крѣпость. Видъ чудесный. И внутри городъ тоже хорошъ; главныя улицы широки и прямы, домы всѣ хороши, а нѣкоторые прекрасны; всюду чисто. Всего пріятнѣе слышать всюду родные звуки: хоть и говорятъ по-Итальянски, какъ у насъ по-Французски, хоть и на Итальянск. языкѣ ведутся всѣ дѣла, по-Иллирски говорить не стыдится никто. Гагичь предобрый старикъ. Еще познакомились мы съ Казначичемъ [1]), адвокатомъ и писателемъ; характерный старикъ. Онъ проводилъ насъ къ берегу, гдѣ мы на лодочкѣ переправились на пароходъ. О пріѣздѣ нашемъ всюду знаютъ, знаютъ даже, гдѣ мы были, куда ѣдемъ.

Но Боже мой, что за жаръ! На 23° стоитъ, не сдвигаясь, и ни утромъ, ни вечеромъ, ни ночью нѣтъ утѣшенія. Нѣтъ, въ эти мѣсяцы плохо путешествовать по такимъ южнымъ странамъ, и въ такіе жары у насъ лучше.

11-е. Катаро.

Сегодня мы выѣхали изъ Рагузы въ 6 утра. Я еще спалъ; пароходъ шумѣлъ колесами, югъ (scirocco) морщинилъ море и вылъ, но я ничего не слышалъ. Часа 3½ мы ѣхали по открытому морю; потомъ завернули въ Bocca di Cattaro. Тутъ море все ўже, горы все выше, но у моря внизу покрыты роскошною зеленью, и между зеленью у самого моря домики такіе миленькіе, веселенькіе, а надъ ними высоко стремнины скалъ.— Теперь въ Каттаро. Городокъ лежитъ какъ разъ подъ стѣнами скалъ, и въ этомъ мѣстѣ заливъ малъ и такъ окруженъ горами, что кажется озеромъ. На[дъ] городомъ высятся Черныя горы такъ, что надобно голову заламывать, глядя на нихъ, не только въ городѣ стоя, но и на набережной; горы дикія, стремнистыя, величественныя и страшныя. Въ Каттаро живетъ Чевкинъ [2]): съ чиновникомъ Австрійскимъ они хлопотали объ опредѣленіи границъ между Черногоріей и Австріей. Онъ былъ у насъ въ Тріестѣ; мы отплатили ему визитъ здѣсь. Все на насъ смотритъ и не одинъ Черногорецъ протягивалъ намъ сегодня руку, славя Московитовъ и Николая. Сегодня у Черногорцевъ большой праздникъ: Петра, а покойнаго митрополита Петра тѣло осталось нетлѣннымъ, и онъ считается ими святымъ. Очень жаль, что мы не успѣли быть на этомъ праздникѣ. Теперь прощайте до завтра.

---

[1]) Ант. Казначичь—поэтъ и историкъ Далмаціи.

[2]) Александръ Владиміровичъ Чевкинъ.

12-е. Цетинь въ Черной горѣ.

Сегодня утромъ въ 5 часовъ стали мы подниматься на Черную гору. Поднимались часа два,—подъемъ тяжелой,—съ каждымъ шагомъ выше по крайнѣй мѣрѣ на поларшина, и кое-гдѣ, чуть не карабкаясь. Крѣпость Котарская снизу намъ казалась Богъ знаетъ какъ высоко; поднявшись на 6-ю долю высоты, она уже была подъ ногами, а заливъ Котарскій какъ озерцо. Далѣе раскрылась вся бокка, а потомъ и море. И тутъ насъ встрѣтилъ туманъ. До границы Черногорской тропинка пренесносная. Далѣе идетъ порядочная дорожка, стоившая большихъ трудовъ. Поднявшись совсѣмъ на гору, мы пошли по вершинѣ далѣе и далѣе и дошли до деревни Нѣгуши, откуда родомъ и владыка. Жалкая деревня. Тутъ мы сварили себѣ кофе, пили вино, ѣли кола́чи. Далѣе я сѣлъ на мула и поѣхали въ Цетинь. Съ проходящими Черногорцами говорили мы часто. Многіе останавливали насъ вопросомъ, кто мы, но узнавши, что мы Русскіе, были очень дружелюбны. У одного колодца встрѣтили процессію: знамена, образъ, евангеліе, крестъ, — священникъ, одѣтый какъ и всѣ Черногорцы, только риза накинута сверху. Это очень странно, когда представите, что онъ въ опанкахъ, чулкахъ, коротк. шароварахъ курткѣ и за поясомъ ганжаръ (кинжалъ) и пистолеты. Приближаясь къ Цетини мы увидѣли башню и на ней на шестахъ множество Турецкихъ головъ. Было уже около 4 часовъ, когда мы подошли къ Цетини; епископъ спалъ, мы пришли къ его брату, и потомъ къ секретарю. Между тѣмъ епископъ проснулся, насъ позвали, — и можете представить мое новое изумленіе, когда я увидѣлъ епископа Петра Петровича Нѣгуша въ такомъ же Черногорскомъ костюмѣ только съ бородой. Гигант. роста, красавецъ, молодой, онъ говоритъ по Русски, Французски, Нѣмецки, Итальянски, очень обходителенъ, уменъ въ разговорѣ, и съ нами очень милъ. Въ главной комнатѣ его биліардъ, по стѣнамъ ружья отнятыя у Турокъ и портреты — Николая, Наполеона, Георгія Чернаго и Байрона. Николая тутъ всѣ чудно любятъ, называя своимъ императоромъ. Обѣдали вмѣстѣ. Далѣе кофе и трубки. Спать. Гулять. Вечерній разговоръ. Опять спать.—Все шумитъ, поетъ, оканчиваетъ вчерашнее празднество. Черногорцы молодцы, и владыку любятъ, хоть онъ съ ними и не шутитъ. Цетинь — монастырь, возлѣ него господарева куча (дворецъ), обведенный стѣною, и нѣсколько корчемъ, а въ томъ числѣ и гостинница съ прекрасною комнатою. Камня много — нигдѣ столько, зелени мало; но не жарко, не душно и свѣжо.

13-е. Катаро.

Мы просили владыку позволить намъ путешествовать по его владѣніямъ дня два-три; онъ, разумѣется, былъ согласенъ, но самъ же и отсовѣ-

товалъ. «Я не говорю уже о томъ, сказалъ онъ намъ, что вы вмѣсто хорошихъ ночлеговъ найдете только гостепріимство бѣдняка, душею любящаго Русскихъ, но тѣмъ не менѣе слишкомъ бѣднаго; я боюсь за ваше здоровье: пары Болота (Lago di Scutari, куда мы хотѣли идти), въ это время и сильны и вредны». Мы послушались его совѣта и рѣшились ѣхать изъ Черной горы вмѣстѣ съ нимъ въ Катаро, тѣмъ болѣе, что такое возвращеніе могло быть для насъ любопытнѣе и полезнѣе 10 дней одинокаго пути. Сегодня рано, часу въ 5-мъ стучатъ къ намъ въ двери. «Avanti» (=herein=войдите). Входитъ одинъ изъ перьяниковъ (гвардейцевъ), говоря, что господарь проситъ насъ. Мы одѣлись, пошли въ церковь (церковка) къ гробу Петра, оттуда къ владыкѣ, напились кофе, и на коней. Намъ, почитая насъ за трусовъ, дали лошаковъ (мезга). Петру Ив. лошакъ порвалъ вчера сюртукъ, и онъ пошелъ пѣшкомъ, а я сѣлъ и ѣхалъ половину дороги. Отъ самаго выѣзда начались выстрѣлы, и продолжались до Катаро, а гдѣ ѣхали мимо церкви начинался звонъ колоколовъ. Картина чудесная: колокола звонятъ, выстрѣлы гремятъ и по три, по четыре раза повторяются горами, караванъ вьется по тропинкѣ и шумитъ; встрѣчающіеся довѣрчиво глядятъ въ лице владыкѣ и привѣтствуютъ его поклономъ и поцѣлуемъ въ свою руку. И чуденъ караванъ: впереди перьяники пѣшкомъ, далѣе владыка, Австрійскій капитанъ Оремовичь, одинъ изъ сердарей, братъ владыки, два или три изъ сенаторовъ, мы, кто на конѣ, кто на мулѣ, кто пѣшкомъ, нашъ проводникъ, слуги владыки,— странная смѣсь. Мезга моя отстала и мы съ Петромъ Ив. потеряли караванъ изъ виду, не доѣзжая до Нѣгушей. Какъ бѣжитъ Черногорецъ и говоритъ, что владыка ждетъ насъ у своего дома (онъ изъ этой деревни). Я соскочилъ и пошелъ пѣшкомъ вдвое скорѣе нежели ѣхалъ. Домъ порядочной, но устроенъ по мужицки, только больше и чище. Въ комнатѣ собралось все, подали кофе, потомъ окорокъ, баранины, вина. «Sans cérémonie!» сказалъ владыка намъ, и усадилъ около себя. Отца его мы видѣли въ Цетини (почтен. 80 лѣт. старикъ); а тутъ живетъ его мать и сестра. Мать здоровая, добрая, простая женщина, глядящая на сына какъ на солнце; мы адресовались къ ней съ привѣтствіемъ и по христіански облобызались. Завтракъ скоро кончился и мы далѣе. Я пошелъ пѣшкомъ, не отставая отъ владыки, и говоря съ нимъ о чемъ на умъ всходило—большею частію по французски. Такъ шло до границы. Тутъ сошли всѣ съ коней и муловъ и послѣ удалыхъ выстрѣловъ и криковъ пошли пѣшкомъ всѣ. Я сошелся съ однимъ изъ перьяниковъ, побратимился съ нимъ и отдался въ его волю, потому что безъ его помощи вѣрно упалъ бы не одинъ разъ. Взошедши на дорогу большую, владыка пересѣлъ на другого коня, котораго вели до сихъ поръ подъ уздцы, приказалъ мнѣ сѣсть на его перваго коня, и такимъ образомъ поѣхали мы къ городу.—Мы вошли на

минуту въ его квартиру, поблагодарили и отправились къ себѣ. — А теперь спать.

14-е.

Сегодня мы были опять у владыки, потомъ пошли съ нимъ и съ Чевкинымъ гулять на марину. Чѣмъ болѣе съ нимъ говоришь, тѣмъ болѣе удивляешься ему какъ человѣку и какъ правителю Черногорцевъ. Говоритъ хорошо, умно, съ чувствомъ, съ достоинствомъ и безъ натяжки, и во всѣхъ словахъ видна любовь къ народу такъ-же, какъ въ обращеніи Черногорская простота.

Видъ съ марины на Катаро чудесной: внизу городъ, надъ городомъ крѣпость, надъ крѣпостію Черныя горы—градъ Пустинъ и Ловчинъ, почти такъ:

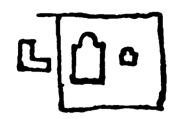
Но и страшно жарко въ Катарѣ: 28° и духота. Одно утѣшеніе на маринѣ. Я только что воротился. Тамъ все живо. На баркахъ огни, море отсвѣчиваетъ огни съ противуположнаго берега, а надъ Катаромъ горы какъ тучи.

(Въ Катарѣ 2 православ. церкви: Николая—большая и Луки—маленькая. Церковь, построенная Душаномъ, сдѣлалась теперь главною Римскою.

15-е Новый (Castelnuovo).

Наняли барку, простились съ владыкой, и поѣхали по Катарскому заливу. Заливъ очаровательный: вода какъ зеркало, по берегу прелестныя деревеньки, окруженныя виноградомъ, фигами, гранатами, оливами, кипарисами, орѣхами, черешнями; надъ ними скалы, упирающіяся въ небо. Особенно прекрасно то мѣсто залива, гдѣ море съузилось какъ рѣка, и которое называется Цѣпями (Вериги=Catene). Новый лежитъ амфитеатромъ на горѣ и окруженъ развалинами крѣпости; а на возвышеніи горы новая крѣпость. Городокъ бѣдной. Солдатъ множество. Верстахъ въ 2-хъ отъ города тоже на берегу моря лежитъ Савинъ монастырь. Въ надеждѣ найти тамъ старыя рукописи мы отправились туда. Дорожка, ведущая въ монастырь, поразила насъ: камня по ней мало, съ обѣихъ сторонъ надъ нею деревья и кустарники садовъ и лѣса, и сквозь вѣтвей видишь море. Монастырь почти со всѣхъ сторонъ окру-

женъ тоже лѣсомъ и садами. Середи главнаго двора стоитъ большая церковь, точно большая, прекрасно сложенная изъ большихъ камней, внутри высланная мраморомъ, чистая и очень хорошо украшенная. Подлѣ нея стоитъ другая



крошечная церковка, а на другомъ дворѣ келіи, гдѣ та-же чистота, что и въ церкви, Игуменъ прекрасной старикъ. Остальныхъ монаховъ четыре. Мы ворочались вечеромъ и старались продлить прогулку.

17-е. Дубровникъ.

Въ Новомъ наняли мы верховыхъ лошадей и поѣхали въ Старой Дубровникъ. Пути—съ небольшимъ 6 часовъ. (Заплочено за три лошади 5 фл. 40 кр.). Сначала ѣхали близь берега моря, дорога обворожительная. Далѣе у Суторины пришли на границу Турецкую. Тутъ намъ дали гвардіяна и съ нимъ шли мы около часа по Турціи: населенія меньше, дорога гораздо хуже. Въ Дубровникъ Старый пришли мы въ концѣ 1-го. Жаръ былъ страшной. Переждавши его, мы сѣли на барку и поѣхали въ Дубровникъ. Пути съ хорошимъ вѣтромъ не болѣе 1-го часу.—Мы остановились въ Локандѣ al Vapore, лучшей. Намъ отвели 2 комнаты. Часу въ 11-мъ мы разошлись по постелямъ, и я скоро заснулъ. Вдругъ слышу кто то стучится въ дверь. «Кто тамъ?»—Отворите, Измаилъ Иванычъ!» и вошелъ Петръ Ивановичь со свѣчею: «Я тутъ боюсь, я спать не буду». Что такое? «Пойдемъ посмотримъ: моя комната полна блохъ, клоповъ, таракановъ, всякой дьявольщины, и я видѣлъ что-то черное, величиною въ палецъ, со множествомъ ногъ». Мы искали этого стонога, но не нашли, и Петръ Ивановичъ сѣлъ читать-писать, а я легъ на свою постель такъ, чтобы осталось мѣсто и Петру Ив. Словомъ это была ночь въ родѣ Нинской ночи. Сегодня съ утра стали хлопотать о квартирѣ, и долго ничего не удавалось. Наконецъ (въ кофейнѣ) подходитъ къ намъ одинъ человѣкъ (Будмани), и предлагаетъ у себя квартиру. Мы было думали, что за деньги, и спросили есть ли у него двѣ комнаты. «Хоть десять» отвѣчаетъ онъ. «Мое семейство теперь въ Кампаньи, и вы можете быть у меня полными хозяевами, лишь бы вамъ понравилось. Можетъ быть развѣ далеко: вонъ на взгорьи». Мы не могли не принять его предложенія,—и вотъ у него въ домѣ. Домикъ прелестной, чистой. Намъ даны всѣ удобства, а изъ оконъ видъ на городъ и море. Словомъ, лучше ничего быть для насъ не можетъ. Одно горе: безъ платы.

Но что за жара! Страшно! Я весь облитъ потомъ, хоть вотъ уже 10½ вечера.

18-е.

У кофейни sotto pile есть площадь, уросшая ивами и орѣхами, вѣчно въ тѣни. Сюда Дубровчане собираются гулять, пить кофе, ѣсть мороженное. Сегодня была и музыка. Владыка сегодня утромъ пріѣхалъ сюда, и мы тутъ съ нимъ видѣлись. На него все засматривается, и толпы ходятъ въ слѣдъ за нимъ. Мы слышали, какъ одинъ Австріецъ говорилъ «какъ можно позволить этимъ Черногорцамъ ходить тутъ по городу въ вооруженіи». Мнѣ хотѣлось спросить его, уже-ли и Австрійскій офицеръ могъ бы ходить безъ шпаги въ чужомъ государствѣ, какъ арестованный.

Стонъ (Stagno). 21-е.

Еще третьяго дня мы наняли мѣста на баркѣ (за 2 фл.), но до вчерашняго вечера вѣтеръ не выпускалъ насъ изъ Дубровника; наконецъ,—и выбравшись вчера въ 7-мь вечера и ѣхавши цѣлую ночь, едва, едва доѣхали сюда въ 1 послѣ обѣда. Тутъ отдыхаемъ, и потомъ далѣе въ путь. Благодаря Бога, комната порядочная. До Сплѣта мы хотимъ по суху, а далѣе, на пароходъ, если только успѣемъ, чего не дай, Боже. Дубровникъ оставляетъ въ насъ по себѣ пріятное воспоминаніе: Адвокатъ Казначичь (литераторъ) и православный священникъ отецъ Григорій Николаевичь (тоже литераторъ) доставили намъ много пріятныхъ минутъ, а нашъ добрый хозяинъ Будманъ выше описанія. Консулъ Гагичь насъ забылъ, но мы равно забыли о немъ. Стонъ дрянной городишка съ дрян. крѣпостью и съ крѣпостными стѣнами, возвышающимися надъ городомъ по горѣ, какъ и въ Котарѣ.

Трагетто изъ Наренты въ море. 23-е.

Трагетто—корабликъ длиною сажня $2^1/_2$, шириною сажня $1^1/_2$, идетъ на парусахъ и на веслахъ; внутри его ямка съ покрышкою въ 1 квадр. сажень, гдѣ и дрова и боченки съ бивандой (вода съ виномъ), и наша поклажа, и мы, спасаясь отъ жара. Ѣдемъ по рѣкѣ Нарентѣ изъ Опузина (Fort Opus) въ море, чтобы пробраться въ Макарскую. Вчера ночью, выѣхавши вечеромъ изъ Стона, спали мы на маленькой барочкѣ, гдѣ едва могли помѣститься на почлегъ 6 человѣкъ (мы и 4 весельщика) у берега моря при устьи Наренты. Спать было тѣсно, но спалось хорошо; а просыпавшись, я видѣлъ на морѣ огни рыболововъ, ловящихъ сарделли (крошеч. рыбенка въ родѣ снѣдковъ): огнями, разводимыми на лодкахъ, ихъ заманиваютъ, и огни эти всюду по морю, какъ иллюминація. Рано утромъ до солнца мы двинулись впередъ, и до 7-ми пріѣхали въ дрянной городишко Опузинъ, по рѣкѣ Неретвѣ или Нарентѣ. Тутъ природа другая: хоть скалистыя горы и видны кругомъ, но между

ними широкая равнина низкая и влажная, и по ней, опоясанная тростниками течетъ раз. рукавами рѣка Неретва. Климатъ тутъ ужасно нездоровой: лихорадки не перестаютъ, и больные въ каждомъ сѣмействѣ, разомъ по 2, по 3. Тутъ мы пили кофе, обѣдали, сѣли на трагетто и далѣе. Мы ѣдемъ на веслахъ; я лежу и пишу; комары жужжатъ и кусаютъ безпощадно; тутъ ихъ пропасть. Мы было хотѣли по суху ѣхать, но намъ отсовѣтовали, сказавши, что и дологъ путь, и нѣтъ ночлеговъ; а ѣздить тутъ не дешево; вчера до Опузина—5 флор.; а сегодня до Макарской—6.

Макарска. 24-е.

Маленькій городокъ на берегу моря надъ стремнистой огромною горою Біоковомъ. Мы пріѣхали сюда часовъ въ 6, когда еще солнце выходящее тутъ изъ за горъ, не свѣтило, и все дышало хоть и самой умѣренной, но всетаки прохладой. Ночевали на баркѣ; капитанъ (начальникъ барки) послалъ намъ коверъ, сдѣлалъ пологъ, и если бы еще могъ утишить волненіе своей барки, то далъ бы намъ сонъ, какого въ Далмаціи мы не имѣли; впрочемъ и качанье барки (вотъ такое ×) не много намъ мѣшало, а въ просонкахъ можно было любоваться огнями рыбаковъ и фосфорич. блескомъ моря. Передъ сномъ же ужинъ нашъ состоялъ изъ нѣсколькихъ яицъ и стакана чаю съ виномъ. Я уже не говорю о чистомъ винѣ: мы привыкли къ нему какъ къ чистой водѣ и даже болѣе, потому что чистую воду почти не пьемъ, остерегаясь нечистой.—Тутъ изъ нашей комнаты мы видѣли между прочимъ такую сцену: мясникъ покупалъ козъ у мужика, и давалъ за 7—8 двугривенныхъ, а мужикъ и отдалъ, думая что ихъ у него только шесть; отсюда споръ, и мы присовѣтовали мужику идти въ полицію (претуру) и оправдываться. Какой чудесный видъ изъ нашей комнаты: сѣрыя горы въ небѣ, много зелени по отлогостямъ, море; это надобно видѣть.

Омишь (Almissa). 25-е.

Ну и ночь была! Въ Макарской вчера наняли мы лодку, чтобы ѣхать сюда еще утромъ, но цѣлой день до вечера былъ маестралъ. Вечеромъ рѣшились ѣхать. Подошли къ баркѣ: глядь на барочку: игрушечка, чтобы ѣздить по Лопани, а не по морю. Отъѣхали нѣсколько, и барочники сами сказали, что надобно воротиться, что на этой барочкѣ ѣхать невозможно, что они имѣютъ другую большую. Воротились, пересѣли въ большую барку, легли на матрацѣ подъ палубой, поѣхали и подъ качку заснули. Насъ было 5: старая баба, рулевой, парусной и насъ двое. Я спалъ долго и хорошо. Вдругъ слышу на палубѣ стукъ и строгій говоръ, чувствую, что барка качается такъ ×, вижу воду заливающуюся подъ матрацъ; высовываю голову на палубу,—свѣтаетъ,

море страшно вздымается и пѣнится, а парусъ надулся такъ, что вотъ порвется; спрашиваю—гдѣ мы? Еще на полпути (12 миль) у Врули. Тутъ вытекаетъ изъ горъ потокъ, и море «вретъ» т. е. бушуетъ почти всегда. Рулевой сказалъ мнѣ, чтобы я спокойно легъ, что Архангелъ Михаилъ спасетъ насъ. Каково же мнѣ было лечь! Да и лежать развѣ крѣпко спящему, какъ Петръ Ивановичъ, было можно, когда приходилось стоять, лежа чуть не на головѣ. Я сѣлъ подъ мачтой, и думалъ о васъ, милая маменька! Это заставляло меня забывать качку, мало по малу забываться, такъ что я непримѣтно заснулъ. Проснувшись въ другой разъ, я уже слышалъ отъ матросовъ нашихъ благодарность Михаилу: вѣтеръ шумѣлъ, море волновалось, барка качалась, но неслась,—и мы скоро увидѣли Динаръ—планину подъ которой стоитъ Омишь. Пріѣхавши часовъ въ 5 утра, сюда отправились въ кофейню, свели тутъ знакомство съ какими то горожанами, спросили объ Иллирскомъ семинаріумѣ и переправились черезъ Цетинь туда. Мѣсто, на которомъ стоитъ Омишь, очаровательное диво: горы спускаются къ городу почти перпендикулярно, а между ними мчится Цетинь. Семинарій остался только при названіи: въ немъ живетъ одинъ старикъ (88 лѣтъ)—учитель, а прежде было учениковъ болѣе 50, которые учились по Иллирски. Старикъ привязанъ къ Русскимъ, и, чуть только мы пришли къ нему, какъ явился и шпіонъ слушать, что мы будемъ говорить. Смѣшно! Но старикъ имѣетъ многое, касающееся до республики Польицы, и намъ работа. Остаемся тутъ на нѣсколько дней.

28-е. Сплѣтъ.

Вотъ и опять Сплѣтъ, и мѣста на пароходѣ нами уже взяты. Третьяго дни, оставивши Петра Ивановича за писаньемъ, ѣздилъ я вверхъ по р. Цетини къ водопаду Губавицѣ. Дорога идетъ два часа по берегу рѣки подъ скалами самой разнообразной формы, и всетаки перпендикулярными. Въ иныхъ мѣстахъ около рѣки расширяются луга, въ другихъ—рѣка съужается между скалами, такъ что едва остается мѣсто для искуственной тропинки. Другіе два часа ѣдешь (не иначе какъ верхомъ), не видя ни рѣки, ни мѣста, гдѣ она течетъ: по берегу рѣки дорожка тутъ и не могла быть проложена. Такъ ѣхалъ я до Задварья, и у него долженъ былъ подняться на большую гору, на которой остаются доселѣ крѣпкія развалины старой Турецкой крѣпости. Отъ маленькой этой деревеньки Задварья до того мѣста, съ котораго смотрятъ на водопадъ (въ част. саду) шаговъ сто. Рѣка течетъ тутъ глубоко между прорытыми ею скалами, и потомъ вдругъ бросается еще больше въ глубь сажень на 20 большимъ клубомъ воды, которая, еще не достигнувъ низу, разбивается въ пыль, и эта пыль какъ дымъ пожара поднимается опять вверхъ (передъ

бурею за день дымъ этотъ такъ великъ, что и изъ Задварья кажется дымомъ пожара, такъ высоко поднимается). Зимою водопадъ вдвое полнѣе и блеститъ всѣми цвѣтами. Я зналъ, что сходить внизъ къ рѣкѣ трудно, но побывавши на Черной горѣ, рѣшился, и не раскаявался. Очень пріятно было подышать свѣжимъ воздухомъ и прохладой. Назадъ ѣхалъ я медленно, чтобы подолѣе насладиться видами, и пріѣхалъ поздно вечеромъ, когда Петръ Ивановичъ начиналъ уже бояться за меня, куда я дѣвался. Слѣдующій день пробыли въ Омишѣ, а потомъ черезъ Польицы въ Сплѣтъ, простившись съ добрымъ старикомъ (Кружичевичемъ), какъ съ роднымъ дядей.

31-е. Пароходъ Митровскій изъ Задра въ Рѣку.

Третьяго дни въ 11 часовъ утра выѣхали изъ Сплѣта и пріѣхали въ Шебеникъ въ 4 часа послѣ обѣда. Въ Шебеникѣ застали принца Моденскаго, а на площади множество простаго народа, пляшущаго коло и посковчицу, чтобы принца познакомить съ обычаями страны. На другой день въ 10 часовъ хотѣли было двинуться, но недоставало машиниста и двухъ пасажировъ, ѣздившихъ на Скардонскій водопадъ, о которомъ я уже писалъ вамъ; двинулись въ 11 и пріѣхали опять въ 4; сегодня вышли въ путь въ 6 утра изъ Задра и ѣдемъ въ Рѣку. Общество наше безпрерывно уменьшается; въ Задрѣ остались многіе. Солдатъ нѣтъ. Чевкинъ тоже ѣдетъ съ нами до Рѣки и далѣе въ Тріестъ, чтобы оттуда въ Вѣну.— Ѣдемъ теперь мимо Паго, прощай Далмація!

31-е. Рѣка.

И мы въ Рѣкѣ. Пріѣхали въ 5 часовъ. Петръ Ив. легъ: ему немного дурно, а мнѣ безъ него тоже не хочется выходить.

Съ нетерпѣніемъ жду времени, когда пріѣду въ Загребъ: тамъ наконецъ надѣюсь получить ваши письма. Продолжайте писать туда. Цѣлую ручку вашу и брата. Вашъ Измаилуха.

LV.

№ 45. Рѣка. 1841. Августа 4.

Вотъ и Августъ! Если не получу позволенія остаться, то скоро и въ Россію, скоро и къ вамъ, милая маменька. Все къ лучшему. Хотѣлось бы познакомиться со Срѣмомъ, Сербіей, Галиціей, Венгріей, Польшей; но хочется и къ вамъ. Какъ сдѣлается, такъ и будетъ хорошо.

Теперь мы опять въ Рѣкѣ; вотъ уже четыре дня Петръ Ив. захворалъ,

и сегодня только въ первой разъ выходилъ; а я между тѣмъ занимаюсь приведенiемъ въ порядокъ собраннаго на пути. Дѣла всегда много. Матерiалы на примѣръ для 3-го отчета приготовлены еще въ Трiестѣ, на пути думалъ переписать и послать, да не удалось, ни здѣсь не удастся.

Сегодня вечеромъ ходилъ я со здѣшнимъ правосл. попомъ на гору Трсатъ. На ней развалины стараго замка, принадлежавшаго графамъ Франгипанамъ, и монастырь. Въ монастырѣ образъ Божiей Матери чудотворной, писанный акй-бы евангел. Лукою; а прежде былъ тутъ тотъ образъ, который теперь въ Лоретто. Моряки очень уважаютъ Трсатскую икону: въ церкви виситъ множество вѣнцовъ, принесенныхъ отъ кораблей, спущенныхъ въ море, и также много картинокъ, съ изображенiемъ кораблекрушенiй, гдѣ Трсатская Божiя Матерь являлась спасительницей. Человѣкъ мирно живущiй на мелководьи сухопутной жизни можетъ сдѣлаться равнодушнымъ ко всему, что выходитъ изъ круга его всепонятной жизни; но тамъ, гдѣ онъ подъ властiю природы, въ глубинѣ ли рудника или надъ глубиною моря, гдѣ передъ ея силою ежеминутно видитъ онъ свою слабость, тамъ религiозное чувство необходимо, и переливается съ кровiю по жиламъ. Услышишь отъ моряка, борющагося съ волнами и вѣтромъ, какъ онъ благочестиво скажетъ: «Богородица, помоги намъ!»—и невольно встрепенешься. Вотъ почему я не могу смотрѣть безъ чувства и на эти вѣнцы, принесенные моряками: это вѣнцы надежды на Провидѣнiе.—Трсатъ производитъ и хорошее вино; мы спросили бутылку, попробовали, и бросили: хорошое выпито, а дурное всюду можно достать. Бутылка стоила 10 копеекъ мѣди; вотъ если бы можно было достать по 15 к. было бы хорошо. На Трсатъ входишь по сходцамъ въ 411 ступеней, очень хорошо сдѣланнымъ изъ камня съ очень частыми передышками.

Мрзлаводица 6-е Августа на 5-й милѣ отъ Рѣки въ Карловацъ.

Четыре мили съ половиной (32 версты) поднимались мы на гору, и поднялись на 2936 футовъ=419 сажень, но за то и поднимались семь часовъ. Море съ островами и Истрiей то показывалось, то скрывалось. Стали спускаться, оно скрылось. Прощай море! Три мѣсяца я былъ на берегахъ его, случалось и боялся его, чаще любовался, и теперь мнѣ жаль его, жаль. Будетъ можетъ быть, время, что пожалѣемъ и о Далмацiи, какъ ужъ жалѣли о Венецiи. Жить тамъ, быть тамъ долго—другое дѣло, наскучитъ; но еще разъ взглянуть, повторить впечатлѣнiя, очень-бы хотѣлось. Теперь мы ѣдемъ въ Загребъ,—и оттуда—Богъ знаетъ еще какъ случится. Наняли коляску до Карловца за 22 флорина=50 руб. 76 коп. Ѣзды два дни. Дорого, но все дешевле, нежели въ Далмацiи.

8-е Авгус. Карловацъ.

Вчера часу въ 10-мъ мы своротили съ большой дороги вправо, съ горы, къ рѣчкѣ Доброй Водѣ, и черезъ 3/4 часа пріѣхали въ монастырь Гомирью. Маленькій древній монастырикъ полуразрушенный и теперь опять мало по малу обстраеваемый. Игуменъ Севастьянъ Іовичь зналъ о нашемъ путешествіи по Далмаціи изъ журналовъ, и очень обрадовался нашему пріѣзду. Къ часу былъ готовъ обѣдъ, сытный и прекрасный, а въ концѣ обѣда пили за здравіе, и монахи пѣли «многая лѣта», и колокола звонили. Монаховъ на лице 4 человѣка, да есть еще нѣсколько по сосѣд. приходамъ священниками. Игуменъ самъ образованной человѣкъ, любитель построекъ, и всякой годъ что-нибудь да и построитъ. Монастырь лежитъ невидимо между холмами, и ни видовъ около себя, ни вида на себя не имѣетъ. Въ четыре выѣхали мы, и вечеромъ пріѣхали въ Северинъ, на Кулпѣ, на границѣ Краины. Переждавши тутъ часа три-четыре, сѣли опять и поѣхали на цѣлую ночь. Какая разница между ночами приморскими и здѣшними: тутъ ночи прохладны такъ, что мы надѣли на себя шинели, и даже призакутались.—Въ Карловацъ пріѣхали въ 6-мъ часу. Обѣдали у адв. Вакановича. Съ нимъ же, можетъ быть, проведемъ и вечеръ. Завтра надѣемся быть въ Загребѣ,—и я, наконецъ, долженъ получить отъ васъ вѣсточку. Такъ долго я еще никогда не ждалъ.

10-е. Загребъ.

И слава Богу получилъ—хоть и одно, но и то хорошо. Знаю по крайней мѣрѣ, что вы здоровы, что вы въ Харьковѣ. Не знаю только, что будетъ со мною. Душевно благодарю Федора Леонтьевича [1]) и не менѣе того князя Цертелева [2]); но тутъ еще не конецъ: что скажетъ еще министръ и что царь. И ужъ бы такъ или не такъ, да знать; на мое письмо къ помощнику секретаря Вѣнскаго посольства онъ отвѣчалъ мнѣ, что еще ничего въ посольствѣ нѣтъ обо мнѣ. Это меня ставитъ въ затруднительное положеніе: самъ не знаю, какъ и что дѣлать.

16-е.

Сегодня было въ театрѣ чудное представленіе; давали «Осаду Сигета». Дѣйствующія лица Хорваты, которыми начальствуетъ графъ Зринскій, и Турки съ султаномъ Солиманомъ. Хорваты говорили всѣ по Хорватски, а Турки — вы подумаете, по Турецки?—нѣтъ, по Нѣмецки. Тутъ еще не все. Представленіе было въ пользу одного Нѣмецкаго актера Шмидта, штокъ-Нѣмца, не знаю-

---

[1]) Тюринъ, инспекторъ казенныхъ училищъ въ Харьковѣ.

[2]) Помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

щаго никакого языка кромѣ Нѣмецкаго,—и онъ штокъ-Нѣмецъ игралъ Зринскаго—подумаете по Нѣмецки? Нѣтъ. Какъ не придумать Нѣмцу, что только Нѣмецъ придумать можетъ! Онъ рѣшилъ дать свою ролю по Хорватски, и, рѣшившись, сдѣлалъ, на что рѣшился. Цѣлой мѣсяцъ онъ училъ свою Хорватскую ролю, ни мало не понимая Хорватскаго языка, выучилъ—и игралъ. Выговоръ, само собою разумѣется былъ жестокой: *п* и *б*, *ж* и *ш*, *з* и *с* и такъ далѣе мѣшались, иногда и понять было трудно, что говорилъ, но высказалъ все, что слѣдовало по роли. Не истинно-ли Нѣмецкое терпѣніе! Публика, не ожидая ничего, и тѣмъ была довольна, и осыпала его рукоплесканіями.

17-е.

Сегодня я перечитывалъ ваше письмо и отъ Амвросія Лукіановича [1]). И мнѣ стало грустно. Есть, конечно, люди, которые, должая постепенно другимъ, становятся имъ несносны: естественно; но уже-ли и я изъ такихъ людей? Никогда я не воображалъ, что мой доброй, мой всегда милой Амвросій Лукіановичъ измѣнится прежде нежели я къ нему. Я и теперь этому не вѣрю, не хочу вѣрить; но всетаки грустно. Амвросій Лукіановичъ! Вспомните наше знакомство отъ перваго дни свиданія до послѣдняго, подалъ ли я поводъ къ тому, чтобы вы меня могли считать подло-расчетливымъ относительно денегъ, и способнымъ вводить васъ въ издержки, вамъ не принадлежащія? По моему такія дѣла суть дѣла чести: безпечности я тутъ не понимаю, а забывчивость можетъ простираться только до того градуса, гдѣ начинаетъ занятая сумма быть важною болѣе или менѣе для того, у кого занято. Не надѣясь на свою память, я напоминалъ маменькѣ, что взялъ у того или другаго гривенникъ на извощика; но тутъ и все. Впрочемъ баста! Одного прошу у тебя, мой дорогой Амвросій: будь веселѣе, гляди равнодушнѣе на дѣла свѣта, и—«'оди по свиjету, као 'чела по цвиjету»—любуйся и собирай по немножку. И веселѣе! Ты когда-то жилъ такъ весело самъ въ себѣ! Маменьку мою прошу не забывать.

18-е.

Исторія, которую хочу вамъ разсказать, началась третьяго дни. Приходитъ въ нашу комнату кёлнеръ (подхозяинъ гостинницы) и говоритъ, что мы должны искать гостинницу другую, что эта комната уже прежде нанята. «Я объ этомъ ничего не знаю», говорю я, «и останусь, сколько мнѣ угодно».— Вчера приходитъ онъ опять, приходитъ нѣсколько разъ, наконецъ даже съ рехнунгомъ, т. е. съ запиской о томъ, что мы платимъ, какъ это обыкновенно

[1]) Метлинскій.

дѣлается при выѣздѣ. Я рву рехнунгъ, и говорю, что не знаю ничего о ихныхъ прежнихъ условіяхъ, и знать не хочу. Сегодня опять; но уже съ покорнѣйшею просьбою отъ хозяина, говоря, что онъ даетъ вамъ другую комнату, и что только на три, четыре дни. «Очень хорошо!» Я хотѣлъ идти къ Зденчаю (о которомъ вамъ прежде писалъ), и, пришедши, распорядиться. Прихожу: мой Петръ Ивановичь уже переселился, и, не зная ничего (онъ притомъ нездоровъ лихорадкой), перешелъ въ первую комнату, которую ему указали. Комната треугольная, и одна изъ кроватей стоитъ такъ, что могла бы сбить съ ногъ и не въ потьмахъ. Нечего было дѣлать; надобно искать квартиры. Искали, искали, — нѣтъ. Тутъ наступаетъ ярмарка, и все что было для найма или обѣщано или безъ мебели. Раковцу [1]), съ которымъ я ходилъ, приходитъ на мысль, что въ Кригеровомъ саду есть цѣлой домъ пустой; идетъ туда— и отдаютъ. Я обѣдалъ у Зденчая; потомъ пошелъ къ Кригеровымъ, оттуда въ ихъ садъ, все съ Раковцемъ, устроили съ хозяйкой комнаты; далѣе за Прейсомъ и вещами,—перевезли ихъ и Прейса. Приходимъ назадъ, а тутъ насъ уже ждутъ дѣвушки (дочери Кригера), и тоже оканчиваютъ устроеніе нашихъ комнатъ.—Наконецъ, слава Богу, мы покойны. Только бѣдный Петръ Ивановичь нездоровъ: черезъ день лихорадка. Меня хранитъ Богъ: вчера бокъ болѣлъ, но не надолго; иногда болитъ голова, и то мало.—А Петръ Ивановичь уже нѣсколько разъ хворалъ! . . . . [2])

21-е.

Сегодня въ Загребѣ ярмарка—ва̀шаръ, са̀ямъ—и для горожанъ, и для селянъ. На площади передъ Иллирской народной кофейней рядами разставлены палатки, и въ нихъ продаютъ въ одномъ ряду бронзу и мѣдь, жен[скія] и мужскія готовыя платья, шляпы, шляпки и чепчики, посуду, въ другихъ народныя платья, кожи, узды, ремни и т. д. На другой площади,—новой— толпы народа—и главной торгъ лошадьми, коровами и пр. Послѣ обѣда былъ Иллирскій театръ подъ открытымъ небомъ. Потомъ пошелъ я съ Вразомъ на народную площадь. Народъ въ колибахъ—палаткахъ, пьетъ вино, ѣстъ пржолицу—печеное на огнѣ мясо,—пляшетъ и поетъ; передъ палатками на огнѣ печется мясо; кое-гдѣ продаютъ рыбу, сыръ. Танцуютъ больше всего поскочицу: молодецъ съ молодецъ другъ передъ другомъ поскакиваютъ, перебирая ногами, потомъ кружатся взявшись за руки на одну и на другую сторону, и

---

[1]) Раковецъ—Хорватскій писатель, поэтъ и народный дѣятель; былъ выдающимся сотрудникомъ Гая (ум. въ 1854 г. на 41-омъ г. жизни).

[2]) Въ этомъ мѣстѣ наклѣены образчики народныхъ Илирійскихъ облатокъ при нихъ слѣд. приписка И. И. С—го: Это образчики народныхъ Иллирскихъ облатокъ, недавно вышедшихъ. Амвросій Лукіановичъ хочетъ вамъ ихъ перевести по русски.

опять принимаются прыгать. Въ двухъ изъ колибъ я нашелъ транспаранты, на которыхъ нарисованы бочка и винопродавцы. На одной изъ нихъ надпись:

Schenkt mir Eure Huld noch diesen Markt.
Sonst bleib'ich ein armer Theufel mein Lebelang.
На другомъ:
Bog živeǃ
Sanctus Paulus war ein Medicus,
Er sprach zu dem Thimotheus,
Um deines schwachen Magenswillen,
Must du den Durst mit Weinbrau stillen,
Drum freunde kehren bei mir ein,
Bei mir bekömt man guten Wein.

28 Августа.

На этихъ дняхъ я ѣздилъ изъ Загреба, и стоитъ сказать вамъ, душенька маменька, хоть нѣсколько словъ о томъ, гдѣ я былъ.—Однажды за обѣдомъ я получилъ билетъ пригласительный, на которомъ написано: «Mirko Franjo Šandor (и пр.) uzima si čest na dan 25. Kolovoza kao na godovni dan gosp. Dra Ljudevita Gaja k prijateljskomu ručku i narodnoj zabavi na imanje svoj Psarjevo preuljudno pozvati», т. е. Шандоръ имѣетъ честь звать на 25 Августа, какъ на день ангела Г. Д. Людевита Гаја къ пріятельскому обѣду и народному увеселенію въ свое имѣнье Псарево.—Съ Шандоромъ я еще не былъ знакомъ, познакомился позже, обѣщалъ быть, и вмѣстѣ съ Раковцемъ поѣхалъ 25-го, часовъ въ 9-ть. Псарево отъ Загреба въ 4 часахъ. Не смотря на дождливую погоду, гости собирались прилежно, и домикъ помѣщика, недавно обдѣланной, наполнился гостями. Мы и Гай пріѣхали позже другихъ, и Гая встрѣтили выстрѣлами еще версты за три до дома. Обѣдъ долженъ былъ быть на чистомъ воздухѣ, но на всякій случай приготовлена была пивница (погребъ винной) вмѣсто залы. Погода заставила расположиться обѣдомъ тамъ. Пивница была впрочемъ убрана такъ, что ее трудно было не счесть залой: стѣны и сводъ выбѣлены, по стѣнамъ транспаранты и шкалики. Надъ главнымъ мѣстомъ висѣлъ портретъ Гая, украшенный цвѣтами. Подъ нимъ сидѣлъ Гай, съ одной стороны хозяйка, съ другой жена Штаудуара (мать вамъ знакомой душечки Габріелы), подлѣ нея я, за мною Вразъ и т. д. Я сѣлъ, снялъ салфетку, и вижу подъ приборомъ печатанные стихи въ честь Гаю: тоже нашелъ и всякій, и самъ Гай. Послѣ супа хозяинъ попросилъ гостей (насъ было 48) налить вино въ стаканы,—и пить за здоровье того, «чье имя въ сегодняшній день не для чего повторять». Все закричало «Богъ да живи Людевита Гая!» и стали пѣть стихи которые начинаются такъ:

Ljudevite! Ti si blago za nás përvi žërtvovao,
Përvi sve, što ikad drago tebi biaše, rodu dao.

(Людевитъ! Ты первый пожертвовалъ за насъ своимъ имуществомъ, ты первой, все, что было тебѣ дорого, отдалъ своей родинѣ). Пѣло все, Гай чуть не плакалъ. За вторымъ блюдомъ былъ тостъ за всѣхъ Славянъ—Иллировъ, Русовъ, Чеховъ, Поляковъ,—и запѣли пѣсню, въ которой стоитъ между прочимъ: «Богъ да живи сви Славяне!» Тутъ и у меня слеза канула: пѣли сложно, а напѣвъ простъ и величественъ. За каждымъ кушаньемъ шли тосты безъ конца, и послѣ обѣда продолжались опять безъ конца. Хозяинъ еще въ началѣ обѣда, по старому Хорватскому обычаю, передалъ право управленія тостами и всѣмъ одному изъ гостей (такой называется кучегазда), Смедревцу, человѣку истинно для этого созданному, которой искусно и выбиралъ тосты, и назначалъ чиновниковъ стола (пѣвчихъ изъ тѣхъ, кто худо поетъ, толстыхъ сватовъ изъ худощавыхъ, церемонимейстеровъ изъ неловкихъ, и пр. и пр.), и заставлялъ смѣяться, и пить. Послѣ стола все пошло съ мѣстъ, веселое, можно сказать, счастливое, и въ эти минуты радости пошли побратимства. Это старой обычай, дающій обязанность говорить побратавшимся ты, съ посестримами цѣловаться въ губы, а не по Нѣмецки, и т д. Съ кѣмъ я побратимился я и счету не сведу: не знаю какъ и разговоръ начинать—съ ты или съ вы. Между прочимъ съ Гаемъ, съ графиней Чачковичь, и прежде всего съ моей милой сосѣдкой, Драгоилой Степановной. Прекрасно; но мнѣ все какъ-то совѣстно говорить моимъ посестримамъ ты, и еще подставлять свои губы. Дождь между тѣмъ лилъ ливмя, и всѣмъ надобно было оставаться въ Псаревѣ. Пошла возня съ сѣномъ: всѣ комнаты обратились въ одну постель. Только дамы да Гай имѣли отдѣльныя кровати. На другой день Драгоила Степановна расказывала мнѣ съ хохотомъ, какъ она въ этомъ кладбищѣ искала, вставши рано, своего мужа: подойдетъ къ одному, тронетъ ногой, спроситъ: «Вѣкославъ, это ты?» Отвѣтъ: «нѣтъ!»—и къ другому, и къ третьему, и насилу нашла.—На другой день, по обѣщанію, я и Вразъ сѣли въ одну коляску съ нашими посестримами, и поѣхали прежде въ Омилье пить кофе,—а потомъ, пересѣвши въ возъ, запряженный двумя лошадьми и двумя волами, съ Драгоилой Степановной, Вразомъ и душечкой Габріелой, въ Быстрицу, тоже вамъ знакомую, къ аббату. Аббатъ обрадовался, увидя меня,—и я опять былъ чуть какъ не дома. Я нашелъ между прочимъ тамъ голубя, которому дали имя Измаила. Сестра моей посестримы, Паулина, подарившая мнѣ шапочку, теперь въ Вѣнѣ у родныхъ: это ее выдумка.—Вчера мы разстались—со слезами: я цѣловалъ Габріелицу въ глаза, и глоталъ ее слезы. Это ангелъ, а не дитя, моя Габріелица.

15-е Сентября.

Около 10-го я уже хотѣлъ выѣзжать изъ Загреба, какъ получается вѣсть, что сюда ѣдетъ Колларъ по пути въ Италію. Надобно было остаться. Онъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ 12-го рано. Превосходной человѣкъ, фанатикъ въ любви къ Славянству, и кротокъ, простъ въ обхожденіи какъ послушное дитя. Увидя его, нельзя не полюбить. Теперь начинается исторія: Гая не было когда онъ пріѣхалъ. 14-го назначили здѣшніе литераторы обѣдъ, а 13-го вечеромъ молодые люди хотѣли ему пропѣть серенаду. 13-го вечеромъ пріѣзжаетъ Гай, узнаетъ о серенадѣ, и запрещаетъ, потому-де, что онъ протестантъ, и каноники католическіе осердятся. Молодежь осердилась, но серенады не было. Какъ это горько было намъ съ Прейсомъ, можете посудить. Мы не спали долго, и нашли на мысль, что на обѣдъ намъ идти не слѣдуетъ: 1) чтобъ показать Гаю, что мы это замѣтили; 2) Колларъ могъ имѣть непріятность открытую на обѣдѣ,—и мы не могли ручиться за себя и свое хладнокровіе, 3) и притомъ мы вспомнили, что мы въ Венгріи, гдѣ Русскихъ Мадьяры ненавидятъ, и могутъ наше присутствіе перетолковать далеко не въ нашу пользу. Вчера былъ обѣдъ,—и все было хорошо. Пито было и за наше здоровье, и Гай объяснилъ публикѣ, что мы больны. Колларъ сегодня пришелъ къ намъ рано, и удивился, что мы здоровы. Чтобы не огорчить его мы скрыли первую причину и вторую. Во время обѣда имѣли тихую перестрѣлку съ Гаемъ: онъ сдѣлалъ все изъ эгоизма, и отлыгался дѣтски. За насъ всѣ, понявшіе дѣло. Какъ жаль, что Гай, такъ хорошо возбудившій Кроацію къ литературному соединенію съ другими единоязычными Славянами, вовсе не то, чѣмъ я себѣ представлялъ его: ищетъ только своего прославленія, и въ своемъ эгоизмѣ забываетъ нравственность. Дома раскажу подробно всѣ эти дѣла.

Сегодня послѣ обѣда мы гуляли около Загреба съ дамами очень милыми; а вечеромъ были въ театрѣ. Колларъ тоже былъ, и, кажется, начинаетъ понимать Гая.—Можетъ быть завтра ѣду изъ Загреба.—Цѣлую ручку вашу. И. С.

LVI.

№ 46. Градишка. 18-е Сент. 1841.

Третьяго дни послѣ обѣда я выѣхалъ изъ Загреба. Прейсъ и Вразъ съ Раковцемъ провожали меня до Максимира (епископскій садъ-лѣсъ въ $^1/_4$ часа отъ Загреба),—и потомъ оставили одного. Послѣ 5 мѣсячной привычки быть не однимъ на пути, одиночество не можетъ быть пріятно,—и мнѣ взгрустнулось. Мы же съ Прейсомъ жили истинно пріятельски, и, кажется, вовсе не

потому что онъ принужденъ былъ задолжать мнѣ 280 гульденовъ, слѣд. болѣе 600 руб.; также мы жили съ нимъ и въ Прагѣ, безъ обязательства другъ другу. Притомъ мнѣ жаль было разставаться и съ Загребомъ, и съ Кроаціей вообще: въ Загребѣ я оставилъ не только побратима, но и истиннаго друга— Враза, а въ Загорьи—трехъ милыхъ посестримъ, и душечку Габріелицу, и многихъ, кого не могу не любить. Вся прошедшая дѣйствительность сдѣлалась мечтою воспоминанія: по неволѣ взгрустнется.—Вчера вечеромъ я выѣхалъ въ Славонію, и сегодня около полудня пріѣхалъ въ Градишку, глав. городокъ Градишкаго пограничнаго полка въ Славонской Военной границѣ. (За путь въ телѣжкѣ заплатилъ 14 гульд. сереб.). Въ отвѣтъ на визитную карточку пришелъ ко мнѣ капелланъ Петекъ, молодой домородецъ, послѣ пришелъ отставной капитанъ 60 лѣтъ изъ православныхъ,—и послѣ обѣда мы отправились гулять. По городку нечего было ходить долго: во всемъ не болѣе 300 домиковъ. Улицы широки и ровны; въ серединѣ очень большая площадь, покрытая зеленью, и съ одной стороны ее ходникъ—аллея для гулянья. Церквей три: одна наша, двѣ римскихъ, изъ которыхъ одна сгорѣла. Зелени и въ городѣ, и около множество. Да и вся Славонія въ зелени: нѣтъ домика не подъ тѣнью липъ, тополей, яворовъ, и безъ садовъ сливовыхъ и яблочныхъ; а гдѣ отлогость, тамъ и виноградъ.—Мы пошли далѣе въ Капистранскій Францисканскій монастырь, минутахъ въ 10 отъ города. Тамъ около насъ въ трапезѣ (refectorium) собрались четыре монаха, между ними и игуменъ (guardianus)—и давай меня разспрашивать. Но у старика капитана была совсѣмъ другая мысль. Увидя черный хлѣбъ, онъ поднялся съ вопросомъ: «И у васъ лучшаго нѣтъ?»—«А, есть!» отвѣчали ему.—«Да принесите хоть воды!»— Принесли хлѣбъ, пошли за водой, а капитанъ продолжалъ: «Ну а вотъ господинъ Русскій профессоръ искалъ по цѣлому городу гроздья. Что, г. гвардіанъ, вашихъ виноградовъ не побилъ градъ?»—«А, есть гроздья вдоволь». —«Нука на столъ, святой отецъ,—вотъ г. профессору; да и я не прочь». Гвардіанъ пошелъ за виноградомъ, а между тѣмъ принесли вино. Гвардіанъ воротился съ корзиной, наполненной прекрасными грушами, предлагая попробовать ихъ, пока нарвутъ винограду; а у капитана было уже готово слово: «Знаете, святой отецъ, ваше вино что-то водянисто; въ прежнее время бывало святые отцы только захожимъ нищимъ давали такое вино.»—«Есть и лучшее.» —Гвардіанъ далъ ключь отъ пивницы, что бы принесли стараго краснаго.—Пришло и старое красное; принесли и кошикъ съ гроздіемъ,—и мы давай уплетать; а капитанъ, уплетая, приговаривать: «То-то всюду, и съ святыми отцами, нужна ловкость. А? није ли истина, свети отче?»—Словомъ заглянуть въ библіотеку было послѣднимъ дѣломъ; впрочемъ, тамъ не нашлось ничего добраго для меня. Рефекторіумъ понравился мнѣ болѣе: такое общество, какъ

было наше, подъ старыми сводами, освѣщенными свѣтомъ изъ оконъ, обросшихъ виноградомъ, мнѣ все представляется сценой изъ романа.—Впрочемъ я лягу: отъ дороги я усталъ, а завтра опять въ путь, и я не знаю еще, какъ случится спать.

21-е. Бродъ.

Эти дни я былъ не одинъ,—и теперь опять одинъ. 19-го я и Петекъ поѣхали по пути въ Бродъ черезъ Пожегу. Въ Капистранскій монастырь заѣхали обѣдать; а на вечеръ пріѣхали въ селеніе Брестовацъ (въ провинц. Славоніи) къ приход. священнику Фергичу. Его застали мы записывающимъ народныя пѣсни и кругомъ его толпу дѣвушекъ. Мы обрадовались его доброму дѣлу, онъ обрадовался намъ,—и вечеръ провели прекрасно. Между прочимъ дѣвушки пѣли пѣсни, танцовали коло. На другое утро послѣ завтрака рано поѣхали въ Пожегу, гдѣ Фергичу хотѣлось познакомить меня съ д-ромъ Павичемъ [1]). Пожега—маленькій городокъ на Пожежскомъ полѣ—стоитъ, прислонившись къ холмамъ, покрытымъ лѣсами и виноградами. Славонія—словно обѣтованная земля: все въ зелени, въ плодахъ,—и мирисъ (благовоніе) слѣдитъ за вами по дорогѣ. Въ одиннадцатомъ утра мы простились съ Павичемъ и Фергичемъ, осмотрѣвши прежде Орфанотрофіумъ и монастырь,—и поѣхали въ Бродъ. Ѣхали весело, а между тѣмъ дождь лилъ да лилъ, и вымочилъ насъ порядочно, не позволяя намъ притомъ и ѣхать скоро. Только въ 9 вечера пріѣхали мы въ Бродъ. Сегодня рано ходили мы въ монастырь, въ крѣпость и по городку. Городокъ маленькой и весь деревянной. Крѣпость тоже очень небольшая рядомъ съ нимъ. Оба на берегу Савы. По ту сторону Савы—Турція. По берегу ходятъ сторожевые солдаты. Три раза въ недѣлю (понед., среда и пятница) бываютъ скелы, т. е. базары для подданныхъ Турецкихъ съ Австрійскими. По рѣкѣ довольно барокъ и плавающихъ мельницъ. Лазаретъ = 21 день.—Далѣе пошли мы къ купцу Берличу, извѣстному своей Иллирской грамматикой [2]). Онъ приготовляетъ ее къ новому изданію, имѣетъ хорошее собраніе книгъ, а торгуетъ всѣмъ—и книгами, и желѣзомъ, и бумагой, и полотномъ, и мыломъ, и всѣмъ. Довольно образованной человѣкъ. Его библіотека и кабинетъ занимаютъ уголокъ въ его лавкѣ, отдѣленный отъ лавки стеклянною дверью; ждя покупщика, онъ читаетъ или пишетъ; а придетъ покупщикъ, онъ выбѣжитъ изъ уголка, продастъ, и потомъ опять въ свой уголокъ. Естественно, что отъ такого купца запросовъ ждать нельзя; цѣна опредѣлена, и всѣ къ ней привыкли, торговаться ему ни охоты, ни времени нѣтъ.

---

[1]) Арминъ Павичъ—авторъ «Исторіи дубровницкой драмы», «Народныхъ пѣсенъ о Коссовской битвѣ 1389 г.» и др.

[2]) Игнатій Берличъ (род. 1795, ум. 1855).

22-е.

Сегодня утромъ я ходилъ на скелу. Такъ называется базаръ между Турками и Граникарами. Турки привозятъ черезъ Саву кожи, медъ, коровъ и т. д. Мѣсто скелы загорожено оградой такъ, что Турокъ съ Граничаромъ говорить могутъ, но руки подать другъ другу не могутъ, потому что рѣшетка двойная. Деньги и товары переходятъ съ одной стороны на другую помощію чиновника, и товары продаваемые Турками, переходятъ черезъ чистилище, а деньги не иначе какъ выкупавшись въ уксусѣ. Все это ради чумы. Теперь карантинное время 10 дней, а недавно, за нѣсколько дней было 21 день; бываетъ иногда, что и вовсе нѣтъ карантина.—Въ 12-мъ часу мы поѣхали съ Берличемъ въ его виноградникъ, въ получасѣ отъ Брода,—и тамъ обѣдали. Время сборки винограда настало, и все собираетъ. Женщины собираютъ и поютъ; мужчины выжимаютъ сокъ и съ пѣснями развозятъ по домамъ. Все весело—Славонія была бы раемъ, если бы только не была такъ лихорадочна; отъ лихорадки страдаютъ не только чужіе, но и рожденные тутъ.

23-е. Винковцы.

Сегодня въ 1/2 9-го выѣхалъ я изъ Брода, и пріѣхалъ сюда въ Винковцы вечеромъ въ 8. Славонія всюду одна и та же, всюду прекрасно. Народъ одѣтъ не богато, но чисто, и между дѣвушками чуть ли не пятая красавица. Между сельскими домиками попадаются нерѣдко оштукатуренные, крытые черепицей. Сѣмьи, какъ и у насъ въ Великороссіи, очень велики.

24-е. Вуковаръ.

Винковцы—маленькой военной городокъ. Нечаяннымъ образомъ я попалъ тутъ на ночлегъ къ почмейстеру и вмѣстѣ содержателю корчмы. На мой вопросъ, есть-ли особенная комната, онъ отвѣчалъ: «найдется, найдется». И между тѣмъ она не нашлась; а на другое утро я заплатилъ ему за дрянной его ночлегъ, соусъ вечеромъ и кофе утромъ - флоринъ серебромъ. Въ Винковцахъ я познакомился съ литераторомъ капеланомъ Топаловичемъ [1],—и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Вуковаръ, важной торговой городокъ на Дунаѣ,—и прямо въ Франциск. монастырь Капистрановъ, гдѣ гвардіаномъ Гаджичь [2])—врлый домородецъ. Онъ оставилъ меня ночевать, и мы болтали съ нимъ до полночи.

---

[1]) Мато Топаловичь († 1861)—первый изъ Славонцевъ, принявшій участіе въ Иллирскомъ движеніи.

[2]) Вѣроятно Николай Гаджичь (Hadžić)—Хорватскій писатель.

25-е. Монастырь Ковешдинъ.

Сегодня я началъ странствіе по монастырямъ православнымъ Фрушкогорскимъ. Ихъ 13; всѣ менѣе или болѣе богаты, и основаны Сербскими царями во время Турскихъ первыхъ нападеній. Фрушка-гора не гора, а долгая пологость. Монастыри расположены по ней съ обѣихъ сторонъ. Мѣста богатыя всѣмъ —и полями, и лѣсами, и виноградами. Къ обѣду я пріѣхалъ въ монастырь Прибина глава; а ночевать—сюда. Ковешдинъ отлично построенъ. Игуменъ старой, доброй человѣкъ. Все теперь хлопочетъ здѣсь собирать виноградъ. Народъ веселъ, поетъ и пьянъ. Я видѣлъ какъ дѣлаютъ вино: глядѣть гадко.

26-е. Городъ Митровица.

Изъ Ковешдина я поѣхалъ въ Шишатовацъ—сегодня утромъ въ 8 часовъ. Дорога идетъ по равнинѣ, влѣво Фрушкогорскія отлогости, а вправо и впереди простирается огромная равнина, извѣстная подъ именемъ ровнаго Срѣма,—и далеко вправо, за Савой видны Сербскія горы—Церъ и Вальево. Въ Шишатовцѣ—архимандритъ, принявшій меня очень ласково. До обѣдни мы ходили по саду и осмотрѣли церковь, ризницу и библіотеку. Въ церкви почиваютъ мощи царя Сербскаго Стефана Уроша; онѣ уже 300 лѣтъ тутъ, въ монастырѣ. Церковь довольно просторна и очень хороша. Драгоцѣнныхъ вещей и ризъ много. Обѣдня—какъ и у насъ, напѣвъ впрочемъ иной. Послѣ обѣдни обѣдъ—и далѣе, въ Бешетово. Это тоже монастырь. Церковь очень старая, но древностей особенныхъ нѣтъ. За-то настоятель монастыря протосингель—молодой красавецъ, немного похожій на Черногорскаго владыку, милой, образованной человѣкъ. Отъ Бешетова до Митровицы—съ небольшимъ часъ. И вотъ я опять на границѣ, на Савѣ. Сегодня воскресенье, и я засталъ Митровицу въ полномъ уборѣ; но меня не могло [не] поразить, что я увидѣлъ въ кофейномъ домѣ, гдѣ остановился: около бильярда офицеры и дѣвушки, по лицамъ которыхъ не трудно узнать, кто они. Митровица можетъ быть сравнена съ Чугуевымъ; ну что бы сказали у насъ, если бы въ Чугуевѣ офицеры въ публичныхъ мѣстахъ миловались съ продажными дѣвами. Я пошелъ гулять,—и на площади увидѣлъ то-же самое: тѣ же пары; а заходя къ одному офицеру на квартиру, я засталъ офицерскихъ супругъ десяткомъ на крыльцѣ съ дѣтьми. Какъ это мило!—Ворочаюсь къ монастырямъ: всѣ они въ оврагахъ, между деревьями, такъ что увидишь церковь только тогда, когда уже передъ носомъ. Келейные домы въ 2 яруса, и очень хороши. Комнаты для гостей особенно, и прекрасны. Кругомъ дома садъ, а далѣе или лѣсъ, или виноградники. Монахи живутъ, какъ коты въ маслѣ. Теперь виноберьба. По дорогѣ я встрѣчалъ бочки съ иконой: онѣ ставятся отъ церквей: желающіе бросаютъ

въ нихъ гроздія въ пользу церкви. Винограда—ѣшь не хочу. Продаютъ не фунтами, а кистями: полная тарелка стоитъ копеекъ пять. Сливъ тутъ тоже множество; онѣ уже собраны; изъ нихъ дѣлается водка.

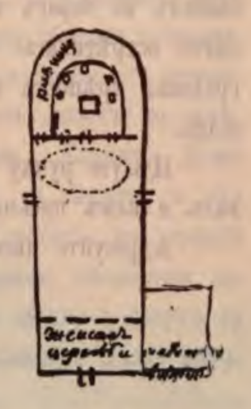
27-е. Крушедолъ.

Сегоднишній день начался для меня прогулкой по городу Митровицѣ: небольшой, но порядочной городокъ. По другую сторону Савы—Сербія, именно деревня Ганъ. Православная церковь просторна и хороша. Есть шелковая фабрика: на ней можно видѣть, какъ красивы Срѣмскія дѣвушки; пятая непремѣнно очень хороша. Изъ древностей есть нѣсколько Римскихъ саркофаговъ. Въ 1/2 10-го я выѣхалъ, и къ обѣду поспѣлъ въ дрянной городокъ Руму. Черезъ часъ потомъ былъ въ городкѣ Ирегѣ, а черезъ полчаса потомъ въ монастырѣ Оповѣ (Хоповѣ). Игуменъ старичокъ; есть Кормчая XVI вѣка; церковь XVI вѣка; да больше и ничего. Оттуда поѣхалъ я въ монастырь Гергетекъ. Прекрасно лежитъ, окруженной садомъ; архимандрита не было дома, и потому я раздѣлался съ этимъ монастыремъ скоро. Въ получасѣ оттуда монастырь Крушедолъ, знаменитѣйшій изъ Фрушкогорскихъ монастырей. Архимандритъ—старичокъ, 79 лѣтъ и препочтеннѣйшій старичокъ. Въ 7 часовъ мы пошли ужинать, и теперь 1/2 9-го, а я уже въ своей комнатѣ. За ужиномъ пили ваше здоровье, милая маменька.

28-е. Варадинъ (Petrowardein).

Это имя, т. е. Петровардеинъ, можете наконецъ найдти и на картѣ, на Дунаѣ между Пестомъ и Землиномъ,—а, зная, гдѣ Загребъ, приблизительно узнать и путь мой. Между тѣмъ вотъ приключенія мои сегодня.—Утромъ, послѣ кофе, пошли мы въ библіотеку съ архимандритомъ, и тамъ провели часа два: есть любопытныя рукописи и разныя любопытныя вещи; между послѣдними есть сосуды, архіер. шапки, жезлы, ризы отъ 300 и болѣе лѣтъ. Русскія вещи цѣнятся и берегутся болѣе всѣхъ другихъ. Въ 10-мъ часу я сѣлъ на телѣгу и въ 11 пріѣхалъ въ Карловцы (Karlowitz). Дорога идетъ черезъ Фрушку-гору. Видъ съ верху нея чудесной: на право Срѣмъ, какъ на ладони, и вдали чуть виденъ Бѣлоградъ и Сербскія горы, между которыми особенно возвышается Авала; а на лѣво Банатъ и Венгрія съ Дунаемъ—безконечная равнина. Въ Карловцахъ я посѣтилъ директора гимназіи Геркича, и съ нимъ провелъ все время. Тутъ резиденція православнаго архіепископа, начальника всей православной паствы въ Австрійской имперіи. Послѣдній Станковичь умеръ, и еще никто не избранъ на его мѣсто. Комнаты, библіо-

тека, даже погребъ—все заперто и запечатано, и ничего нельзя было видѣть. Православная соборная церковь очень, очень хороша и велика. Вотъ планъ:



Полъ устланъ мраморомъ. Надъ переднею частью церкви овальный темный куполъ. Иконостасъ до верху. Что мы называемъ папертью, то тутъ называютъ женскою церковью, и женщины дѣйствительно стоятъ въ ней исключительно. Всѣ церкви болѣе или менѣе построены тутъ по этому образцу. Кромѣ этой соборной есть въ Карловцахъ еще 2 православныя церкви, и одна Римская. Самъ городокъ очень нечистъ. Съ выѣздомъ изъ Карловцовъ мнѣ не совсѣмъ посчастливилось. Обыкновенно платится 40 копѣекъ до Варадина, а я заплатилъ 160 коп., и то насилу сыскалъ телѣгу; а отъ Митровицы до Карловцовъ заплатилъ только 5 рублей, т. е. 2 гульдена серебромъ. Сюда пріѣхалъ я въ 6 часовъ, ѣзды 3/4 часа, и дорога очень хороша. Варадинъ стоитъ на лѣвомъ берегу Дуная. Это—отлично обстроенная и вооруженная крѣпость. На правомъ берегу Дуная городъ Новый Садъ (Neusatz). Черезъ Дунай мостъ. Пошедши туда искать знакомыхъ, я нашелъ наконецъ сенатора Гаджича [1]), писавшаго для Сербіи законы и въ его сѣмействѣ провелъ весь вечеръ. Разговорчивый человѣкъ, имѣетъ милую жену. Живетъ прекрасно. Господствующій языкъ Сербскій, до того что дочька, вышедши мнѣ на встрѣчу, не умѣла отвѣчать мнѣ по Нѣмецки. Она—дитя еще, но въ другихъ домахъ и въ пеленкахъ дѣти говорятъ по Нѣмецки. Звали меня завтра обѣдать, но я едва ли могу, потому что долженъ ждать парохода. А завтра—Софія: мать Гаджича и дочушка—имянинницы. Завтра Софія. Гдѣ-то я буду завтра въ тотъ часъ, когда за два года разставался съ вами, душенька маменька! Сегодня въ это время я сидѣлъ съ вами на софѣ и мечталъ о пути. Теперь тогдашнія мечты—дѣйствительность, а мечтою, желаніемъ стало быть дома, сидѣть съ вами. Охъ, хочется.

30-е. Землинъ.

На другой день познакомился съ Іоанновичемъ, профессоромъ, издателемъ Бачкой Вилы [2]) съ д-ромъ Шафарикомъ. Обѣдалъ у Аджича, потому что пароходъ долженъ былъ прійдти къ вечеру. Аджичь и Шафарикъ провожали

---

[1]) Іованъ Гаджичь—докторъ правъ, извѣстный своими трудами по филологіи и исторіи (род. 1799 г.).

[2]) Петръ Іовановичъ (род. 1801).

меня до берега, но парохода мы не дождались: онъ пришелъ вечеромъ и остался на ночь. Сегодня утромъ, въ 6-мъ часу онъ двинулся,—и въ 12-ть я вышелъ на берегъ въ Землинѣ. Дорога очень незанимательна. Съ Чевкинымъ опять встрѣтились: онъ ѣдетъ въ Россію. Землинъ порядочной городокъ. Бѣлградская крѣпость и Бѣлградъ рисуются вблизи. Есть развалины замка Гуніада.

Цѣлую ручку вашу, милая маменька. Боже мой, какъ давно не посылалъ я вамъ письма. Отъ Рѣки до Землина! Кланяйтесь знакомымъ.

Адресуйте письмо Ганкѣ въ Прагу: онъ лучше знаетъ, гдѣ я.

Из. Ср.

LVII.

№ 47. Бѣлградъ. 1-е Октября 1841.

Я «смѣшался» (ich bin gemischt), я въ Сербіи, я въ Бѣлградѣ. Помните-ли, когда-то въ космoрамѣ глядѣли мы на Бѣлградъ и Саву, текущую подъ нимъ; въ то время было во мнѣ не столько надежды, сколько желанія быть въ немъ. Долго росла надежда—и исполнилась.—Еще вчера я визировалъ свой паспортъ въ Землинскомъ генералъ-командо и въ санитетѣ (карантинное начальство)—и меня записали въ число переѣзжающихъ въ Турцію съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться и «смѣшаться». Такіе, ворочаясь назадъ, должны выдержать карантинъ. Это сидѣнье теперь ограничивается 10-ю днями; я не могъ не рѣшиться десятидневнымъ заключеніемъ заплатить за путешествіе по Сербіи, тѣмъ болѣе, что у меня теперь есть что дѣлать и десять дней заключенія мною потеряны быть не могутъ. Сегодня я пошелъ въ таможню, потомъ въ корабельное начальство, которое должно было приготовить мнѣ лодку для переѣзда,—и на берегу простившись съ добрымъ Маріановичемъ, всюду меня водившимъ, вскочилъ въ лодку. Три солдата гребли, два чиновника—одинъ отъ санитета, другой отъ таможни меня провожали. За Землиномъ должно было показать паспортъ сторожевому офицеру, ведущему щетъ всѣмъ, приходящимъ изъ Сербіи и идущимъ въ Сербію. Мы ѣхали до Бѣлграда около $^1/_2$ часа — прежде вдоль по Дунаю, потомъ черезъ Саву у ея устья, и вверхъ по Савѣ подъ Бѣлградской крѣпостью къ пристани; можно бы и въ 10 минутъ пріѣхать, но былъ противный вѣтеръ. Приставши, солдаты вынесли мой багажъ (т. е. сумку, шляпную коробку и зонтикъ; остальное я оставилъ у Маріановича, взявши только самое необходимое), положили на пѣсокъ; чиновники простились со мною, и оставили меня одного. Они не смѣли «мѣшаться» т. е. прикасаться ни къ чему Бѣлградскому. Тотчасъ

явился момакъ (хлопецъ), Сербъ, предложившій мнѣ свои услуги. Я велѣлъ ему вести меня и нести мои вещи въ домъ Русскаго консула. Тутъ Русскимъ генеральнымъ консуломъ Ващенко (Герасимъ Васильевичь). Онъ принялъ меня ласково, послалъ искать квартиру, попотчивалъ по Турецкому обычаю табакомъ и кофеемъ и пригласилъ обѣдать. За обѣдомъ я познакомился съ его женою: премилая женщина, жаль, что безносая. Въ 5-мъ часу онъ зашелъ ко мнѣ, чтобы идти къ брату прежняго князя Сербскаго Милоша, Ефрему. Домъ прекрасно меблированъ и украшенъ. Его самого я однако не видалъ, а его жену. Женщина простая, но привѣтливая. Одѣта по-Сербски: на головѣ шапочка, обвязанная платочкомъ и волосами, и надѣваемая нѣсколько на бекрень. На юбку надѣвается кофточка съ рукавами безъ полъ, а сверхъ ее бархатная, опушенная соболемъ другая курточка безъ рукавовъ. Очень мило. Дѣвушки одѣты также, только на головѣ нѣтъ платочка.

Потомъ пошли къ Тиролю [1]), бывшему учителю княжеской фамиліи, котораго Ващенко рекомендовалъ мнѣ какъ человѣка, лучше другихъ могущаго мнѣ помогать въ моихъ изслѣдованіяхъ. Оттуда гулять, и далѣе къ Ващенку чай пить. Ужинать я не остался, да и ѣсть не хочется. О городѣ могу сказать немного: онъ стоитъ при впаденіи Савы въ Дунай; на стрѣлкѣ на возвышеніи стоитъ крѣпость, находящаяся, какъ и всѣ Сербскія крѣпости, въ рукахъ Турокъ, а далѣе городъ [2]). Въ крѣпости, гдѣ живетъ трехбунчужной паша, я еще не былъ; въ городѣ улицы кривыя, довольно узкія, домики довольно бѣдные, большею частію изъ дерева, есть впрочемъ и нѣсколько хорошихъ кирпичныхъ домовъ, и нѣсколько другихъ строится. Лавки всею передней стѣною открыты; въ лавкахъ портняжныхъ и сапожныхъ работники работаютъ открыто и зимой и лѣтомъ. Мечетей множество; церковь наша только одна, снаружности прекрасная. Сербы одѣты, почти какъ Черногорцы или Далматинцы, въ шароварахъ, поясахъ, за которыми пистолеты, и курткахъ, съ красными шапками на головахъ и косами. Языка другого не слышно кромѣ Сербскаго. Высшее общество начинаетъ, впрочемъ, поговаривать по-Русски. У Ващенка люди понимаютъ и даже отчасти говорятъ по-Русски; а самъ онъ, жена и тетка хоть и говорятъ по-Сербски, но плохо, и чаще по-Русски. Мнѣ всѣ удивляются, что я въ короткое время научился говорить по-Сербски.—Комната моя довольно чиста, довольно хорошо меблирована. Да, чтобъ не забыть: переѣздъ изъ Землина въ Бѣлградъ сталъ мнѣ 3 гульд. 38 крейц. сереб., то есть 8 руб. асс.: 1 гульд. 18 кр. въ Санитетѣ, 1 г. 30 въ корабельномъ заведеніи, остальное на водку солдатамъ и прочее.

---

[1]) Дм. Тироль—литераторъ Сербо-хорватскій, издатель Банатскаго альманаха.
[2]) Здѣсь въ подлин. русунокъ.

3-е.

Вчера я былъ съ Тиролемъ у Ефрема, у нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, въ типографіи и пр.—Сегодня утромъ были важные визиты. Сначала мы поѣхали съ Ващенкомъ къ пашѣ (въ крѣпости Бѣлградской сидитъ трехбунчужный паша). Въ сѣняхъ и передней множество прислужниковъ и офицеровъ. На право изъ передней довольно большая зала, прямо—двѣ комнаты кабинета. Паша встрѣтилъ насъ вѣжливымъ поклономъ, вышедши изъ другой комнаты. Ему лѣтъ 40; онъ очень красивъ собою, хоть и съ бородой; одѣтъ въ венгерскую àтилу, а на головѣ красная шапка, похожая на козацкую и съ большею шелковою кистію. Усадивши насъ на диваны, онъ началъ было говорить по Французски, но какъ ему это худо шло, то перешелъ въ Турецкій, и Ващенко былъ драгоманомъ, въ томъ что относилось ко мнѣ. Комната довольно небольшая на полуевропейскій манеръ: по одной стѣнѣ широкій Турецкій диванъ, по другой—креслы, у третьей—диванъ Европейскій; есть этажерка съ книгами; сама комната окрашена желтой нечистой краской, довольно высока, съ полусводомъ и довольно темна. Угощенье началось тѣмъ что подали варенье съ водою. Далѣе подали трубки и черезъ нѣсколько минутъ кофе. Я курилъ, наконецъ мнѣ наскучило, я оставилъ; паша подумалъ, что у меня погасла трубка, и предложилъ другую; это свело разговоръ на куренье табаку. Я спросилъ, употребляется ли кальянъ, или какъ Турки называютъ—наргилé, и признался что никогда еще не видалъ кальяна. Паша велѣлъ подать—и подали: графинъ съ водою до половины и съ трубкою, всаженною вмѣсто пробки, сталъ на полу, а мнѣ подали конецъ огромнаго трехсаженнаго кожанаго чубука; но съ куреньемъ разомъ не пошло: воздухъ изъ чубука надобно сильно втягивать въ себя, такъ что вода въ кальянѣ отъ этого бурлитъ. Паша распрашивалъ, гдѣ я ѣздилъ, и даже сказалъ нѣсколько словъ о филологіи. Передъ уходомъ онъ велѣлъ подать портфель и попросилъ меня записать свое имя. — Отъ паши мы поѣхали къ князю Михаилу. Послѣ резигнаціи отца своего Милоша и смерти старшаго брата Милана, онъ остался владѣтелемъ Сербіи 16-ти лѣтъ. Довольно высокій, довольно хорошенькій, несовсѣмъ здоровый молодой человѣкъ, мало образованъ, но очень добръ. Съ нимъ разговоръ былъ о балахъ, которые онъ хочетъ составить зимою, и о театрѣ, который также хочетъ образовать. Я замѣтилъ ему, что лучше бы всего было начать съ театра дилетантовъ. —Отъ князя зашли къ княгинѣ Любицѣ, его матери. Умная старуха, хоть и простая. Одѣта по-Сербски. А князь имѣетъ Русскій военный мундиръ, который введенъ и въ войско Сербское.—Далѣе поѣхали къ митрополиту. Ученый, образованный человѣкъ, старающійся о просвѣщеніи духовенства. Тутъ трубокъ не курили, но безъ кофе дѣло не

обошлось. Кофе подается здѣсь въ маленькихъ чашечкахъ, безъ блюдечекъ. Отсюда Ващенко поѣхалъ домой, а я далѣе къ Ефрему на обѣдъ. Тутъ познакомился со всѣмъ его сѣмойствомъ, т. е. съ 4-мя дочками, изъ которыхъ одна замужемъ, а три дѣвушки, и одна—Анка—была недавно въ Вѣнѣ. Всѣ три одѣты по Европейски, а говоритъ одна Анка, и по-Сербски говоритъ прекрасно. Два часа прошло очень пріятно. Далѣе пріѣхалъ князь (Ефремъ ему дядя),—и я посидѣвши немного отправился во свояси. Вечеръ провелъ у Ващенка, чай пилъ, ужиналъ, болталъ.

5-е.

Вчера я обѣдалъ у министра Народнаго Просвѣщенія, а вечеръ провелъ съ Тиролемъ. Сегодня былъ въ Нормальной школѣ и въ Лицеѣ; а вечеромъ опять у министра. Завтра предполагаю выѣхать въ Сербію.—Правительство, слыша, что Надеждинъ стороною нѣсколько жаловался на свое путешествіе по Сербіи, и не желая, чтобы то-же самое повторилось со мною, отрядило одного изъ чиновниковъ провожатымъ мнѣ. Извощика я уже договорилъ: за все путешествіе, которое продолжится не менѣе 13 дней, плачу ему 36 гульденовъ, т. е. около 86 руб. асс. Лучшіе извощики въ Сербіи—Турки, т. е. тѣ-же Сербы изъ Босніи или Булгаріи, только магометанскаго закона: они держатъ слово и не пьютъ.

Въ Бѣлградѣ и вообще въ Сербіи дороже всего квартиры и слуги. За квартиру въ 3 — 4 комнаты, вовсе не отличныхъ, платятъ въ годъ отъ 800 до 1000 руб. Слугѣ въ мѣсяцъ платятъ до трехъ червонцевъ. Деньги считаются талерами (каждый 2 гульд. = около 4 р. 80 к.), цванцигерами (двугривенными), также дукатами (червонцами = 2 талера каждый), грошами (3 крейц. сереб. = піястръ); а мелочь Турецкая, о которой я еще не имѣю понятія.

8-е. Лужницка ме'ана.

«На колjену ситну книjгу пишем».

Вчера въ 10-мъ часу я выѣхалъ изъ Бѣлграда. Для сопровожденія моего по Сербіи назначенъ особый чиновникъ министерства Внутреннихъ дѣлъ С. Милодраговичъ, молодой человѣкъ родомъ изъ Эрцеговины, бывшій въ Далмаціи, Босніи и пр., довольно видѣвшій, довольно знающій Сербію. Данъ и особенный паспортъ... и, что всего чуднѣе, правительство — я еще не знаю кто именно—назначило даже издержки на мое путешествіе. Это мнѣ кажется не только страннымъ, но и неприличнымъ. Издержками завѣдываетъ мой проводникъ; я постараюсь однако заплатить за все и теперь записываю издержки. И такъ вчера мы выѣхали.—Прекрасная земля—Сербія: плодоносныя поля, лѣсу множество, виноградъ, рогатый скотъ, овцы, свиней, свиней и чудо жир-

ныхъ, всего вдоволь, а по дорогѣ встрѣтишь однѣ ме'аны (постоялые дворы), селенія же въ разбродѣ: домикъ тамъ, а домикъ тамъ, два три видно во всей окрестности; можно бы подумать, что народу нѣтъ, а между тѣмъ въ Сербіи до милліона жителей. Эта невидимость жилищъ человѣческихъ безъ сомнѣнія слѣдствіе Турецкаго владѣнія. И въ ме'анахъ видно, что землей владѣли Турки: онѣ построены на Турецкій манеръ, безъ столовъ, почти безъ стульевъ, безъ ножей и почти безъ вилокъ, и совершенно безъ женщинъ. Отъ этого нечистота. Дороговизна изумительная.

Дорога въ Крагуевацъ какъ наша сельская; вратницы (околицы) попадаются очень часто; съ горы на гору безпрестанно, и съ каждой горы раскрывается новый видъ на окрестныя горы или долины и лѣса. Человѣкъ встрѣчается довольно рѣдко, особенно женщины. Въ ме'анахъ можно достать вино, курицу, хлѣбъ, яйца, кофе, рѣдко молоко и вдоволь сыру. Ночевали мы въ Сопунѣ: тутъ есть меана и господаревъ (княжескій) конакъ (ночлегъ); меана какъ меана, а конакъ немного лучше: это домикъ въ 4 комнаты совершенно пустыхъ, кромѣ одной, въ которой на полу сѣно покрыто ковромъ. Тутъ спали и мы. Такихъ конаковъ по дорогѣ до Крагуевца два, есть еще одинъ въ Жабрѣ. Сегодня думали мы дойдти до Крагуевца, но запоздали,— и ночуемъ — чудесно. Представьте себѣ чуланчикъ безъ оконца; половину заняло сѣно, покрытое ковромъ. Мѣсто стульевъ маленькія низенькія скамеечки, а вмѣсто стола—софра, т. е. толстая круглая доска на крошечныхъ, въ 1 четверть аршина вышиною ножкахъ. Мы поѣли сыра, попили вина и чаю,—и вотъ я пишу—по восточному обычаю, на колѣнѣ. Не дурно, особенно, когда все кругомъ сидитъ поджавши ноги, или на цыпочкахъ, въ широчайшихъ шальварахъ, съ длиннѣйшими усами. Народъ Сербскій очень красивъ, и, если не добръ, то по крайней мѣрѣ съ характеромъ. Теперь онъ начинаетъ отдыхать отъ прежнихъ бѣдъ. Недавно ѣздилъ князь по Сербіи; народъ всюду встрѣчалъ его съ восторгомъ, и говорилъ ему: «мы ради платить не по 5 талеровъ отъ головы, а и по 8, и по 10, и по 12, лишь бы не было буны (возмущеній)». Теперь народъ платитъ такъ: всякій женатой по 5 талеровъ, а если отецъ имѣетъ два женатыхъ сына, то самъ ничего не платитъ, а если же имѣетъ 4 женатыхъ, то платятъ только 3 изъ нихъ. Народъ богатъ, хотя и живетъ чрезвычайно бѣдно; есть много мужиковъ, имѣющихъ по 1000 и по 2000 червонцевъ капитала. Свободны одинаково всѣ; по селеніямъ заводятся училища, и никому не преграждено ни учиться, ни переступать со степени на степень выше.

9-е. Радковачка ме'ана.

Сегодня у меня для писанья есть и столъ. Какой,—сейчасъ скажу; а прежде вотъ, какъ прошелъ мой день. До Крагуевца оставалось намъ 3 часа.

Проснулись мы рано, но долго ждали молока, и въ Крагуевацъ пріѣхали въ 9 утра. Здѣсь нашли мы что-то въ родѣ комнаты съ кирпичнымъ поломъ и съ длиннымъ, во всю стѣну диваномъ, широкимъ и мягкимъ. Тутъ явился къ намъ помочникъ окружнаго начальника, предлагая услугу для «обозрѣнія достопримѣчательностей» города. Вы знаете, что Крагуевацъ былъ, еще и году нѣтъ, главнымъ городомъ Сербіи, въ которомъ князь Милошь царствовалъ какъ въ Царѣградѣ султанъ. И такъ въ Крагуевцѣ долженъ быть дворецъ, должны быть дома правительства, и т. д., и т. д. Мы пошли прежде всего на ча̀ршію, т. е. главную базарную площадь. Сегодня суббота—базарной день (въ цѣлой Сербіи базаръ по субботамъ, только въ Бѣлградѣ въ субботу и понедѣльникъ—для жидовъ)—и чаршія полна народу. Женщины въ старинныхъ народныхъ костюмахъ; мужчины тоже въ длинныхъ рубахахъ сверхъ штановъ, но въ турецкихъ капахъ, и народъ, особенно мужчины, чудесной,—рослой, плечистой, усачи, юнаки. Дучаны (лавки), какъ въ Бѣлградѣ. Далѣе пошли мы по уличкамъ... Идя мимо одного свѣтленькаго домика, я похвалилъ его чистоту, а хозяинъ оказался нашъ проводникъ, и пригласилъ насъ зайдти. Вотъ планъ домика: 1) широкій крытый конкъ (галерея) 2) кабинетъ хозяина съ диванами, 3) кухня, 4) спальня, 5) гостинная. Садъ и дворъ въ чудесной чистотѣ; равно и въ домѣ все какъ будто (все) только что перемыто и перечищено. Угощеніе началось трубками. Далѣе вышла хозяйка въ опушенной соболями коротенькой шкуртелькѣ, и поднесла намъ варенье съ водой. Потомъ явилась со сливовицей. Наконецъ съ кофе. При всякомъ выпиваніи было пожеланіе здравія. Когда мы уходили, она уже была безъ шкуртельки, и проводила насъ за ворота. Хозяйственность Сербокъ мнѣ очень нравится; но униженіе ихъ предъ мужчинами, чуть не Турецкое, приводитъ въ досаду. Далѣе пошли мы въ конакъ (дворецъ) господаревъ (княжескій). Зданіе въ два яруса съ огромнымъ конкомъ посрединѣ, а съ трехъ сторонъ комнаты. Пріемная не велика, украшена вся кругомъ диванами, и покрыта ковромъ, на стѣнахъ портреты большею частью русскихъ царей, и портретъ Николая вмѣстѣ съ образами. Передъ домомъ древ. Римскій памятникъ; дворъ большой, и передъ дворомъ сарай съ 9 пушками; черезъ уличку еще нѣсколько домовъ принадлежащихъ къ конаку, и середи улицы кухня. По другую сторону рѣчки Лепеницы церковь—довольно бѣдненькая съ деревянной папертью. Пообѣдавши, мы переждали дождь и поѣхали. Дорога живописная и большею частью лѣсомъ. Въ лѣсу былъ страшный ураганъ, о которомъ я прежде зналъ только по романамъ. Нашъ кучеръ Мехмедъ-Мулла, едва-едва могъ отыскивать проходъ: дорогу завалило переломленными деревьями; мы замѣтили нѣсколько вырванныхъ съ корнемъ—и какихъ! Дубовъ сажень въ 8

ною. Вотъ почему мы и принуждены были ночевать, не доѣхавши до порядочной меаны. Эта, въ которую мы заѣхали, вотъ какова: большія сѣни и середи нихъ огонь; направо одинъ закоулокъ съ борошномъ, другой съ виномъ, третій съ лошадьми. Намъ послали мокраго сѣна въ винномъ закоулкѣ. а я за писанье: сыскалъ боченокъ съ капустой, покрылъ софрой, засвѣтилъ восковой огарокъ, по счастью случившійся въ моей сумкѣ,—и хорошо. На наши вопросы: что есть за ѣло, отвѣтъ былъ готовъ: ничего. Достали только кусокъ хлѣба изъ проса да горячей воды для чаю.

10-е. Залагоевацъ.

Лягли. Пошелъ дождь. Сквозь черепицы онъ идетъ свободно, и насъ промочило порядкомъ. Цѣлый день мы шли сегодня по грязи. Передъ вечеромъ попали сопутника, которой и довелъ насъ въ это село. Меаны тутъ нѣтъ, и мы остановились у одного селянина. Впереди сѣни съ огнищемъ; съ одного боку соба (комнатка) съ женскою кроватью, а съ другаго другая съ разными разностями. Эту намъ очистили, разослали соломы, покрыли ковромъ, накурили ладономъ. Ждемъ ужина. Я сижу на своей сумкѣ, и опять пишу на колѣнѣ; потому что ни стола, ни стула. Ужинать будемъ по Турецки, сложивши ноги подъ себя на постели. Народъ превѣжливой, прегостепріимный. *NB.* Не знавши, гдѣ живетъ кметъ (сельск. староста), мы взяли за проводника мальчика и дѣвочку. Когда они насъ довели, мы дали имъ по піастру; мальчикъ взялъ монету и сталъ разсматривать, а потомъ спросилъ: «шта je то». Онъ думалъ, что это пуговица: такъ тутъ знаютъ дѣти деньги. Да и вообще деньги мало извѣстны; а природное богатство изумительное.

13-е. Баня.

Ни вчера, ни третьяго дни не могъ взяться за перо. Третьяго дни къ обѣду пріѣхали мы въ городокъ Крушевацъ, дрянной, довольно разбросанный; но знаменитый тѣмъ, что въ немъ жилъ знаменитый князь Лазарь. До сихъ поръ сохранилась развалина башни отъ дворца, въ которомъ жила, какъ говоритъ преданіе, царица Милица, его жена; есть также и церковь, построенная Лазаремъ; послѣ битвы на Коссовомъ полѣ она была разрушена отчасти, и стояла такъ до недавняго времени, пока князь Милошь не возобновилъ ее. Стѣны оставались цѣлы, а потому и теперь можно судить о вкусѣ времени Лазаря, и бранить его нельзя. Мы было заказали себѣ обѣдъ въ кафанѣ[1], но курицы не нашлось, и насъ пригласилъ къ себѣ обѣдать секретарь суда. Онъ изъ Австрійскихъ Сербовъ, жена—тоже, и хоть одѣта по Сербски, но очень разговорчива, и чужихъ мужчинъ не стыдится, и въ домѣ хозяйка. Послѣ

[1]) Серб. кофана—кофейня.

обѣда поѣхали далѣе, думали ночевать въ монастырѣ св. Романа, опоздали и принуждены были переночевать въ простомъ шалашѣ у перевоза черезъ рѣку Мораву. Шалашь очень великъ, хорошо сдѣланъ, но вѣтеръ и холодъ пробиваетъ насквозь; а огонь на огнищѣ угасъ еще до полуночи. Въ шалашѣ мы нашли только кусокъ хлѣба да сѣно. Вчера пріѣхали часу въ 10-мъ въ Алексинацъ. Тоже дрянной городокъ, но важный по положенію: онъ стоитъ близь Турецкой Болгарской границы, и имѣетъ карантинъ; еще недавно былъ онъ дряннымъ селеніемъ. Въ Алексинцѣ мы остановились у помочника окружнаго начальника, и приняты имъ очень ласково. Тотъ часъ по пріѣздѣ намъ дали трубки, потомъ жена вышла съ вареньемъ, далѣе съ водкой, потомъ съ кофе, и угостивши насъ, хотѣла еще приложиться къ нашимъ рукамъ; это конечно не допущено было, и мы поцѣловались съ нею по Старорусски. Передъ обѣдомъ дочь, дѣвушка прехорошенькая, подавала намъ умыть руки, и за столъ не садились ни она, ни мать. Послѣ обѣда опять мытье рукъ. За ужиномъ тоже. За ужиномъ, какъ и за обѣдомъ, пили здоровье Покровителя Сербіи Николая. Послѣ ужина пришла дочь снимать съ насъ сапоги; а когда я предоставилъ трудъ этотъ самому себѣ, то она пришла съ водою, чтобы мыть ноги. Отказаться отъ этого было мнѣ всего труднѣе. Церемонія продолжалась до половины 10-го. Расположиться съ писаньемъ было негдѣ, и я просто легъ. Главная комната убрана совершенно по Турецки: на полу во всю комнату коверъ, на коврѣ по стѣнамъ подушки; на этомъ коврѣ были и намъ постланы постели. Сегодня рано утромъ, послѣ кофе, мы поѣхали далѣе,—и я въ знакъ моей благодарности поцѣловалъ руку хозяйки: это было такъ ново для нея, что она покраснѣла. Въ Алексинцѣ мнѣ показывали карантинъ, прекрасно устроенный; онъ занимаетъ цѣлую улицу: съ одной стороны амбары для очищаемыхъ товаровъ, а съ другой—комнаты для людей; есть комната и для гостей не изъ простаго народа, есть и конюшни для лошадей; есть и парлаторіумъ, какъ въ Бродѣ или Митровицѣ. Въ Алексинцѣ я наслушался довольно о прежнемъ и теперешнемъ состояніи несчастныхъ Болгаровъ: Турки поступаютъ съ ними хуже нежели со звѣрями. Каждый день идутъ они толпами въ Сербію снискать кусокъ хлѣба. Недавно одинъ христіан. купецъ былъ пашою Нишкимъ ограбленъ, потому что онъ ворочался изъ Вѣны въ Турцію съ деньгами, полученными за проданный товаръ; другой купецъ былъ однимъ турецкимъ помѣщикомъ не только ограбленъ, но и убитъ.—Отъ Алексинца до Бани 5 часовъ; по дорогѣ мы не нашли ни одной меаны, и принуждены были голодать до Бани. Тутъ мы обѣдали и остались на ночь. Баня крошечной дрянной городишко и имѣетъ свое названіе отъ цѣлительныхъ сѣрныхъ водъ; еще Турки построили надъ водами баню, а Милошь пристроилъ къ банѣ домикъ для себя и большой домъ для гостей, посѣщающихъ воды.

Мы ночуемъ въ Милошевскомъ конакѣ; я купался, и потомъ лежалъ, отдыхая, съ полчаса; вода очень горяча, въ томъ мѣстѣ гдѣ она течетъ въ цистерну, яйцо варится въ 15 минутъ.

15-е. Чюпрія (то есть Мостъ).

Вчера сдѣлали мы малый переѣздъ въ Ражань, 6 часовъ отъ Бани, городокъ (или какъ тутъ называется паланка) въ нѣсколько домиковъ. Товарищъ мой захворалъ, а квартиру достали мы не лучше той, какую имѣли въ Колибѣ на Моравѣ. Удивительно, что во всей Сербіи стеклянныя окна чрезвычайно рѣдки и лѣтомъ до холодовъ окна стоятъ совсѣмъ раскрытыя, а зимою заставляются окончинами изъ бумаги. Въ нашей комнаткѣ окно не имѣло также стеколъ. Притворили ставень, но остались щели, а ночь была сырая и дулъ вѣтеръ; и надобно было заложить щели соломой. Въ комнатѣ и была печь, но не топилась цѣлые полгода, и слѣд., надобно было удовольствоваться горячими углями, которые принесли въ большой сковородѣ. На возвышеніи, занимающемъ большую часть горенки, разослали ковры, и мы разлеглись. Я напился чаю и согрѣлся. Отъ Ражени до Чюпріи 8 часовъ. Черезъ два часа пріѣхали мы въ село Шупелякъ; тутъ строится прекрасная мензуль'ана, т. е. станція для верховыхъ лошадей. Другихъ почтъ въ Сербіи нѣтъ; а за верховаго коня платится въ часъ по 2 гроша или піастра; кто хочетъ ѣхать скорѣе, тотъ беретъ едекъ, т. е. запасныхъ лошадей, потому что станціи велики,—отъ 4 до 6 и 8 лошадей. Въ городкѣ Парачинѣ построенъ новый хорошій мостъ черезъ Црницу. И Парачинъ похожъ на Ражань, но чаршія богаче. За Парачиномъ видѣли мечкаря, т. е. водящаго медвѣдя. Въ 5 часовъ пріѣхали сюда, и съ помощью различныхъ начальниковъ нашли порядочную комнатку, чистую и полную мириса (благоуханія) отъ дунь (дуня или туня—плодъ въ родѣ яблока, только тверже и больше); онѣ рядомъ лежатъ на полочкѣ подъ потолкомъ вокругъ всей комнаты, а въ потолокъ воткнуты раз. цвѣты, особенно цмилы (immortella) и босилье (василекъ), также кадифе (бархатки), и пр.—Пишу опять на колѣнѣ. Погода опять разыгривается. Чюпрія стоитъ на правомъ берегу Моравы; кругомъ—обширное поле, а кругомъ его—далеко горы. Морава широка. Черезъ нее строится мостъ; онъ будетъ деревянный, но основанія на берегу кладутся такъ прочно, что въ послѣдствіе можетъ быть поставленъ и каменный.

17-е. Луковица.

Опять два дни не писалъ; а есть что записать для будущихъ воспоминаній. Вчера утромъ въ сопровожденіи начальника и эскадроннаго командира мы ходили осматривать Чупрійскія казармы. Онѣ порядочно построены и

очень чисты; конюшня очень хороша. Вся кавалерія Сербская (260 челов.) состоитъ изъ улановъ, стоящихъ въ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ и Чупріи. Офицеры учились въ Россіи, въ Новороссійскихъ военныхъ поселеніяхъ. Одежда совершенно Русская; ухватки тоже. На мѣстѣ, гдѣ стоятъ теперь казармы, была прежде крѣпость, и народъ вспоминаетъ о латинскомъ царѣ Троянѣ; теперь отъ крѣпости остались кое-гдѣ камни въ землѣ. Изъ Чупріи мы намѣрены были посѣтить два монастыря, а дорогу къ нимъ не знали,—и потому и получили отъ начальника проводникомъ пандура (слугу въ начальствѣ). Пандуръ одѣтъ по Турецки, хорошо вооруженъ и на конѣ. Монастырь Раваница отстоитъ отъ Чюпріи 2 часа, и совершенно загребенъ въ узкой долинѣ между горами и лѣсомъ. Церковь строилъ князь Лазарь; подлѣ церкви развалины 2 башенъ: одна Лазаря, другая Милоша Обилича, была и третья—Вука Бранковича, но разрушена. Особенное чувство рождается, глядя на эти остатки древности, воспѣваемой народомъ въ пѣсняхъ. Въ монастырѣ игуменъ и 4 монаха. До послѣдняго времени послѣ Коссовской битвы всѣ монастыри Сербскіе были во власти Турокъ и употребляемы, какъ конюшни. Въ церкви сохранилась однако еще старинная живопись. Подлѣ есть пещера (печина), очень глубокая, по преданію идущая къ Черной Рѣкѣ. Монашеское угощеніе заставило насъ запоздать и остаться на ночь. Сегодня утромъ рано поѣхали мы въ другой монастырь—Манасію на р. Ресавѣ. Подъѣзжая къ нему, видишь только горы покрытыя лѣсомъ, а у подошвы скалы, и между ними узкое ущелье, по которому течетъ Ресава. Далѣе долина расширяется, скалы увеличиваются, и вдругъ между ними и роскошной зеленью выказываются огромныя старинныя башни, соединенныя стѣною, желтыя, обросшія деревьями и мохомъ. Видъ поразительный. Вошедши въ ворота, изумляешься еще болѣе: если развалины такъ огромны и величественны, каково должно быть все это новымъ. Бòльшая изъ башень — замокъ Стефана Деспота, сына Лазарева, строившаго все это. Церковь влѣво на дворѣ, — очень велика и величава; живопись еще видна; еще болѣе видны слѣды разоренія. Алтарь пустъ, иконостасъ изъ простыхъ досокъ съ 4 образами, священникъ въ отрепьяхъ; кельи жалки, да и монаховъ всего на все 2. Послѣ обѣда поѣхали мы далѣе, не успѣли доѣхать до городка Свилейнца, и ночуемъ тутъ у мужика: соба [1]) изрядная, сѣна вдоволь, ковровъ тоже, надѣюсь выспаться, какъ слѣдуетъ.

19-е. Смедерево.

Утромъ вчера оставалось намъ пути полчаса до городка Свилейнца, мы въѣхали тутъ на господарскій конакъ, хотѣли только отдохнуть, но Срезскій начальникъ не пустилъ насъ безъ завтрака, а завтракъ приготовлялся какъ

[1]) Серб. соба—комната.

обѣдъ, и мы выѣхали въ 11. Какъ вездѣ, такъ и тутъ пилось за здравіе Покровителя Сербіи Николая и Сербскаго князя, а я прибавлялъ: «и Сербскаго народа». Свилейнацъ имѣетъ очень хорошую чаршію. Ночевали во Влашкомъ долѣ—въ жалкой мужицкой кучѣ. Дорога изъ Свилейнца прекрасная, мѣстами какъ шоссе. Обѣдали сегодня въ городкѣ Пожаревцѣ. Въ немъ есть господарскіе конаки: тутъ жилъ князь Милошь довольно часто. Кругомъ города—равнина. Ночевать пріѣхали сюда въ Смедерево (Семендрія). Довольно большая варошъ [1]). Въ крѣпости, строенной Юріемъ Бранковичемъ и теперь населенной Турками, находится 19 башенъ; видъ ея очень хорошъ, но она вся въ развалинахъ, и домишки Турецкіе точно Волошскія. Кстати: отъ Манассіи и даже прежде мы видѣли довольно Волошскихъ селъ. Страшно взглянуть на домишки, въ которыхъ живутъ Волохи: точно хлѣвы, крошечные, безъ оконъ, безъ дверей, сквозятъ. Въ Смедереву дучановъ (лавокъ) множество, но домиковъ, хоть нѣсколько порядочныхъ мало. Благодаря начальнику, впрочемъ, мы имѣемъ маленькую комнатку. Дунай въ глазахъ.

22-е. Землинъ.

Знаете-ли вы, что это «контраманцъ?»—Это свѣтленькая комнатка, въ которой стоитъ столъ, два стула, кровать, вѣшалка для платья, печь и sonst nichts. Передъ окнами рѣшетка, за рѣшеткою дворъ; съ другой стороны двора такая-же рѣшетка, и за рѣшетками такія-же комнатки какъ и эта; изъ-за домиковъ видно 2 церкви—римская и наша. Рѣшетка передъ домикомъ всегда заперта на замокъ; ключь у опредѣленнаго слуги, который приходитъ, приноситъ все, что нужно и уходитъ, замкнувши крѣпко комнатку на замокъ. Ко мнѣ могутъ приходить посѣтители, но разговоръ идетъ черезъ рѣшетку подъ строгимъ присмотромъ чтобы разговаривающіе со мною «не помѣшались». Это вамъ Землинскій контраманцъ, то-есть контумацъ, т. е. карантинъ—и въ немъ я заключенъ на 10 дней. Какъ я попалъ въ этотъ контраманцъ, о томъ слѣдуетъ реляція. 20-го я выѣхалъ изъ Смедерева послѣ осмотра крѣпости. Цѣлой день ѣхалъ, и вечеромъ въ 7 часовъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ, когда уже его джаміи (мечети) были всѣ освѣщены (что бываетъ каждую ночь въ Рамазанъ, недавно начавшійся). Тотчасъ къ Иващенку и до 11 проболталъ. На другой день визиты министру внутреннихъ дѣлъ, министру просвѣщенія, князю, митрополиту, Обреновичу, генералу Даниловичу (служившему въ русской службѣ болѣе 50 лѣтъ) и пр.; обѣдалъ и вечеръ провелъ у Ващенковыхъ. Сегодня опять визиты, обѣдъ у Ващенка—и на лодку. Тироль и Милодраговичь меня провожали до Землина и сдали въ контраманцъ. А путешествовалъ я по Сербіи точно даромъ: такъ желалъ князь, и, прощаясь со мною, сказалъ: «мы

[1]) Серб. варош—городъ.

дорожимъ и должны дорожить такими путешественниками, какъ вы». Ну что еще сказать! И вчера, и сегодня Ващенковы кормили меня прекрасной кашей.— Этимъ, кажется, должна окончиться и каша моего письма. Что я буду писать изъ моего заключенія? Посмотримъ какъ-то пройдутъ эти 10 дней.

1-е. Землинъ.

Я еще въ карантинѣ, но вотъ вотъ скоро явится ревизоръ, осмотритъ вещи и пуститъ насъ на свободу. Многіе уже отпущены. Сегодня, надобно знать, отпускаются всѣ, безъ исключенія, и карантинъ растворяется. Если бы я все это время прожилъ въ Бѣлградѣ, то бы и въ карантинѣ не былъ. Впрочемъ, своимъ пребываніемъ въ карантинѣ я доволенъ: занимался безъ помѣхи. И скучно не было. Маріановичь посѣщалъ меня ежедневно. Нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ и генералъ Гауеръ. Онъ тутъ по какимъ то политическимъ цѣлямъ, а я, вы знаете, тоже политическое лице!

Я вышелъ изъ карантина, переселился на новую квартиру, а черезъ полчаса получилъ пакетъ отъ Гауера, который былъ сегодня въ Бѣлградѣ и взялъ его у Ващенка для передачи мнѣ: въ немъ Прейсъ прислалъ мнѣ разныя письма, между прочимъ и ваше письмо подъ № 47 (?) отъ сент. 15. Душевно радуюсь вашей поѣздкѣ въ Кіевъ; а брата жаль. Позволеніе остаться еще на годъ добылъ; нельзя ли вамъ, душенька маменька, спросить кого-нибудь въ университетѣ, посланы ли мнѣ деньги? Цѣлую вашу ручку. Писалъ бы и болѣе, да нѣгдѣ. Поздравьте, хотѣлъ сказать кланяйтесь (по Сербски поздравьте) Рославскаго, Метлинскаго.

LVIII.

№ 48. Землинъ, 1-го Ноября.

И такъ еще на одинъ годъ остаюсь вдали отъ васъ, милая маменька! Да сохранитъ Господь Богъ ваше здоровье; на свое я осмѣливаюсь надѣяться. Былъ въ карантинѣ мало боленъ лихорадкою, но она прошла и надѣюсь не воротится. Да и болѣть-то мнѣ некогда. Пройдетъ и этотъ годъ, какъ прошли два прежніе, и я ворочусь къ вамъ.

Пароходъ Зринскій. 15-е.

Моя лихорадка прошла не такъ скоро, какъ я вообразилъ. 1-го я вышелъ изъ карантина, а 2-го послѣ обѣда—въ постель. Къ счастію нашелся между моими добрыми знакомыми докторъ Пантеличь, который явился тотчасъ, велѣлъ лежать, на другой день прописалъ желудочныя пилюли, потомъ пилюли противу лихорадки,—и посѣщалъ меня каждый день по два и по три раза, просиживая по часу и по два. Маріановичь приходилъ также по нѣскольку разъ въ день. Жилъ я у учителя Сенчича, и со стороны хозяевъ

3-е.

Вчера я былъ съ Тиролемъ у Ефрема, у нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, въ типографіи и пр.—Сегодня утромъ были важные визиты. Сначала мы поѣхали съ Ващенкомъ къ пашѣ (въ крѣпости Бѣлградской сидитъ трехбунчужный паша). Въ сѣняхъ и передней множество прислужниковъ и офицеровъ. На право изъ передней довольно большая зала, прямо—двѣ комнаты кабинета. Паша встрѣтилъ насъ вѣжливымъ поклономъ, вышедши изъ другой комнаты. Ему лѣтъ 40; онъ очень красивъ собою, хоть и съ бородой; одѣтъ въ венгерскую ȧтилу, а на головѣ красная шапка, похожая на козацкую и съ большею шелковою кистію. Усадивши насъ на диваны, онъ началъ было говорить по Французски, но какъ ему это худо шло, то перешелъ въ Турецкій, и Ващенко былъ драгоманомъ, въ томъ что относилось ко мнѣ. Комната довольно небольшая на полуевропейскій манеръ: по одной стѣнѣ широкій Турецкій диванъ, по другой—кресла, у третьей—диванъ Европейскій; есть этажерка съ книгами; сама комната окрашена желтой нечистой краской, довольно высока, съ полусводомъ и довольно темна. Угощенье началось тѣмъ что подали варенье съ водою. Далѣе подали трубки и черезъ нѣсколько минутъ кофе. Я курилъ, наконецъ мнѣ наскучило, я оставилъ; паша подумалъ, что у меня погасла трубка, и предложилъ другую; это свело разговоръ на куренье табаку. Я спросилъ, употребляется ли кальянъ, или какъ Турки называютъ—наргилé, и признался что никогда еще не видалъ кальяна. Паша велѣлъ подать—и подали: графинъ съ водою до половины и съ трубкою, всаженною вмѣсто пробки, сталъ на полу, а мнѣ подали конецъ огромнаго трехсаженнаго кожанаго чубука; но съ куреньемъ разомъ не пошло: воздухъ изъ чубука надобно сильно втягивать въ себя, такъ что вода въ кальянѣ отъ этого бурлитъ. Паша распрашивалъ, гдѣ я ѣздилъ, и даже сказалъ нѣсколько словъ о филологіи. Передъ уходомъ онъ велѣлъ подать портфель и попросилъ меня записать свое имя. — Отъ паши мы поѣхали къ князю Михаилу. Послѣ резигнаціи отца своего Милоша и смерти старшаго брата Милана, онъ остался владѣтелемъ Сербіи 16-ти лѣтъ. Довольно высокій, довольно хорошенькій, несовсѣмъ здоровый молодой человѣкъ, мало образованъ, но очень добръ. Съ нимъ разговоръ былъ о балахъ, которые онъ хочетъ составить зимою, и о театрѣ, который также хочетъ образовать. Я замѣтилъ ему, что лучше бы всего было начать съ театра дилетантовъ.—Отъ князя зашли къ княгинѣ Любицѣ, его матери. Умная старуха, хоть и простая. Одѣта по-Сербски. А князь имѣетъ Русскій военный мундиръ, который введенъ и въ войско Сербское.—Далѣе поѣхали къ митрополиту. Ученый, образованный человѣкъ, старающійся о просвѣщеніи духовенства. Тутъ трубокъ не курили, но безъ кофе дѣло не

обошлось. Кофе подается здѣсь въ маленькихъ чашечкахъ, безъ блюдечекъ. Отсюда Ващенко поѣхалъ домой, а я далѣе къ Ефрему на обѣдъ. Тутъ познакомился со всѣмъ его сѣмействомъ, т. е. съ 4-мя дочками, изъ которыхъ одна замужемъ, а три дѣвушки, и одна—Анка—была недавно въ Вѣнѣ. Всѣ три одѣты по Европейски, а говоритъ одна Анка, и по-Сербски говоритъ прекрасно. Два часа прошло очень пріятно. Далѣе пріѣхалъ князь (Ефремъ ему дядя),—и я посидѣвши немного отправился во своя-си. Вечеръ провелъ у Ващенка, чай пилъ, ужиналъ, болталъ.

5-е.

Вчера я обѣдалъ у министра Народнаго Просвѣщенія, а вечеръ провелъ съ Тиролемъ. Сегодня былъ въ Нормальной школѣ и въ Лицеѣ; а вечеромъ опять у министра. Завтра предполагаю выѣхать въ Сербію.—Правительство, слыша, что Надеждинъ стороною нѣсколько жаловался на свое путешествіе по Сербіи, и не желая, чтобы то-же самое повторилось со мною, отрядило одного изъ чиновниковъ провожатымъ мнѣ. Извощика я уже договорилъ: за все путешествіе, которое продолжится не менѣе 13 дней, плачу ему 36 гульденовъ, т. е. около 86 руб. асс. Лучшіе извощики въ Сербіи—Турки, т. е. тѣ-же Сербы изъ Босніи или Булгаріи, только магометанскаго закона: они держатъ слово и не пьютъ.

Въ Бѣлградѣ и вообще въ Сербіи дороже всего квартиры и слуги. За квартиру въ 3 — 4 комнаты, вовсе не отличныхъ, платятъ въ годъ отъ 800 до 1000 руб. Слугѣ въ мѣсяцъ платятъ до трехъ червонцевъ. Деньги считаются талерами (каждый 2 гульд. = около 4 р. 80 к.), цванцигерами (двугривенными), также дукатами (червонцами = 2 талера каждый), грошами (3 крейц. сереб. = піастръ); а мелочь Турецкая, о которой я еще не имѣю понятія.

8-е. Лужницка ме'ана.

«На колјену ситну књигу пишем».

Вчера въ 10-мъ часу я выѣхалъ изъ Бѣлграда. Для сопровожденія моего по Сербіи назначенъ особый чиновникъ министерства Внутреннихъ дѣлъ С. Милодраговичъ, молодой человѣкъ родомъ изъ Эрцеговины, бывшій въ Далмаціи, Босніи и пр., довольно видѣвшій, довольно знающій Сербію. Данъ и особенный паспортъ... и, что всего чуднѣе, правительство — я еще не знаю кто именно—назначило даже издержки на мое путешествіе. Это мнѣ кажется не только страннымъ, но и неприличнымъ. Издержками завѣдываетъ мой проводникъ; я постараюсь однако заплатить за все и теперь записываю издержки. И такъ вчера мы выѣхали.—Прекрасная земля—Сербія: плодоносныя поля, лѣсу множество, виноградъ, рогатый скотъ, овцы, свиней, свиней и чудо жир-

ныхъ, всего вдоволь, а по дорогѣ встрѣтишь однѣ ме'аны (постоялые дворы), селенія же въ разбродѣ: домикъ тамъ, а домикъ тамъ, два три видно во всей окрестности; можно бы подумать, что народу нѣтъ, а между тѣмъ въ Сербіи до милліона жителей. Эта невидимость жилищъ человѣческихъ безъ сомнѣнія слѣдствіе Турецкаго владѣнія. И въ ме'анахъ видно, что землей владѣли Турки: онѣ построены на Турецкій манеръ, безъ столовъ, почти безъ стульевъ, безъ ножей и почти безъ вилокъ, и совершенно безъ женщинъ. Отъ этого нечистота. Дороговизна изумительная.

Дорога въ Крагуевацъ какъ наша сельская; вратницы (околицы) попадаются очень часто; съ горы на гору безпрестанно, и съ каждой горы раскрывается новый видъ на окрестныя горы или долины и лѣса. Человѣкъ встрѣчается довольно рѣдко, особенно женщины. Въ ме'анахъ можно достать вино, курицу, хлѣбъ, яйца, кофе, рѣдко молоко и вдоволь сыру. Ночевали мы въ Сопунѣ: тутъ есть меана и господаревъ (княжескій) конакъ (ночлегъ); меана какъ меана, а конакъ немного лучше: это домикъ въ 4 комнаты совершенно пустыхъ, кромѣ одной, въ которой на полу сѣно покрыто ковромъ. Тутъ спали и мы. Такихъ конаковъ по дорогѣ до Крагуевца два, есть еще одинъ въ Жабрѣ. Сегодня думали мы дойдти до Крагуевца, но запоздали,— и ночуемъ — чудесно. Представьте себѣ чуланчикъ безъ оконца; половину заняло сѣно, покрытое ковромъ. Мѣсто стульевъ маленькія низенькія скамеечки, а вмѣсто стола—софра, т. е. толстая круглая доска на крошечныхъ, въ 1 четверть аршина вышиною ножкахъ. Мы поѣли сыра, попили вина и чаю,—и вотъ я пишу—по восточному обычаю, на колѣнѣ. Не дурно, особенно, когда все кругомъ сидитъ поджавши ноги, или на цыпочкахъ, въ широчайшихъ шальварахъ, съ длиннѣйшими усами. Народъ Сербскій очень красивъ, и, если не добръ, то по крайней мѣрѣ съ характеромъ. Теперь онъ начинаетъ отдыхать отъ прежнихъ бѣдъ. Недавно ѣздилъ князь по Сербіи; народъ всюду встрѣчалъ его съ восторгомъ, и говорилъ ему: «мы ради платить не по 5 талеровъ отъ головы, а и по 8, и по 10, и по 12, лишь бы не было буны (возмущеній)». Теперь народъ платитъ такъ: всякій женатой по 5 талеровъ, а если отецъ имѣетъ два женатыхъ сына, то самъ ничего не платитъ, а если же имѣетъ 4 женатыхъ, то платятъ только 3 изъ нихъ. Народъ богатъ, хотя и живетъ чрезвычайно бѣдно; есть много мужиковъ, имѣющихъ по 1000 и по 2000 червонцевъ капитала. Свободны одинаково всѣ; по селеніямъ заводятся училища, и никому не преграждено ни учиться, ни переступать со степени на степень выше.

9-е. Радковачка ме'ана.

Сегодня у меня для писанья есть и столъ. Какой,—сейчасъ скажу; а прежде вотъ, какъ прошелъ мой день. До Крагуевца оставалось намъ 3 часа.

Проснулись мы рано, но долго ждали молока, и въ Крагуевацъ пріѣхали въ 9 утра. Здѣсь нашли мы что-то въ родѣ комнаты съ кирпичнымъ поломъ и съ длиннымъ, во всю стѣну диваномъ, широкимъ и мягкимъ. Тутъ явился къ намъ помочникъ окружнаго начальника, предлагая услугу для «обозрѣнія достопримѣчательностей» города. Вы знаете, что Крагуевацъ былъ, еще и году нѣтъ, главнымъ городомъ Сербіи, въ которомъ князь Милошъ царствовалъ какъ въ Царѣградѣ султанъ. И такъ въ Крагуевцѣ долженъ быть дворецъ, должны быть дома правительства, и т. д., и т. д. Мы пошли прежде всего на ча́ршію, т. е. главную базарную площадь. Сегодня суббота—базарной день (въ цѣлой Сербіи базаръ по субботамъ, только въ Бѣлградѣ въ субботу и понедѣльникъ—для жидовъ)—и чаршія полна народу. Женщины въ старинныхъ народныхъ костюмахъ; мужчины тоже въ длинныхъ рубахахъ сверхъ штановъ, но въ турецкихъ капахъ, и народъ, особенно мужчины, чудесной,—рослой, плечистой, усачи, юнаки. Дучаны (лавки), какъ въ Бѣлградѣ. Далѣе пошли мы по уличкамъ... Идя мимо одного свѣтленькаго домика, я похвалилъ его чистоту, а хозяинъ оказался нашъ проводникъ, и пригласилъ насъ зайдти. Вотъ планъ домика: 1) широкій крытый конкъ (галерея) 2) кабинетъ хозяина съ диванами, 3) кухня, 4) спальня, 5) гостинная. Садъ и дворъ въ чудесной чистотѣ; равно и въ домѣ все какъ будто (все) только что перемыто и перечищено. Угощеніе началось трубками. Далѣе вышла хозяйка въ опушенной соболями коротенькой шкуртелькѣ, и поднесла намъ варенье съ водой. Потомъ явилась со сливовицей. Наконецъ съ кофе. При всякомъ выпиваніи было пожеланіе здравія. Когда мы уходили, она уже была безъ шкуртельки, и проводила насъ за ворота. Хозяйственность Сербокъ мнѣ очень нравится; но униженіе ихъ предъ мужчинами, чуть не Турецкое, приводитъ въ досаду. Далѣе пошли мы въ конакъ (дворецъ) господаревъ (княжескій). Зданіе въ два яруса съ огромнымъ конкомъ посрединѣ, а съ трехъ сторонъ комнаты. Пріемная не велика, украшена вся кругомъ диванами, и покрыта ковромъ, на стѣнахъ портреты большею частью русскихъ царей, и портретъ Николая вмѣстѣ съ образами. Передъ домомъ древ. Римскій памятникъ; дворъ большой, и передъ дворомъ сарай съ 9 пушками; черезъ уличку еще нѣсколько домовъ принадлежащихъ къ конаку, и середи улицы кухня. По другую сторону рѣчки Лепеницы церковь—довольно бѣдненькая съ деревянной папертью. Пообѣдавши, мы переждали дождь и поѣхали. Дорога живописная и большею частью лѣсомъ. Въ лѣсу былъ страшный ураганъ, о которомъ я прежде зналъ только по романамъ. Нашъ кучеръ Мехмедъ-Мулла, едва-едва могъ отыскивать проходъ: дорогу завалило переломленными деревьями; мы замѣтили даже нѣсколько вырванныхъ съ корнемъ—и какихъ! Дубовъ сажень въ 8 выши-

ною. Вотъ почему мы и принуждены были ночевать, не доѣхавши до порядочной меаны. Эта, въ которую мы заѣхали, вотъ какова: большія сѣни и середи нихъ огонь; направо одинъ закоулокъ съ борошномъ, другой съ виномъ, третій съ лошадьми. Намъ послали мокраго сѣна въ винномъ закоулкѣ. а я за писанье: сыскалъ боченокъ съ капустой, покрылъ софрой, засвѣтилъ восковой огарокъ, по счастью случившійся въ моей сумкѣ,—и хорошо. На наши вопросы: что есть за ѣло, отвѣтъ былъ готовъ: ничего. Достали только кусокъ хлѣба изъ проса да горячей воды для чаю.

10-е. Залагоевацъ.

Легли. Пошелъ дождь. Сквозь черепицы онъ идетъ свободно, и насъ промочило порядкомъ. Цѣлый день мы шли сегодня по грязи. Передъ вечеромъ попали сопутника, которой и довелъ насъ въ это село. Меаны тутъ нѣтъ, и мы остановились у одного селянина. Впереди сѣни съ огнищемъ; съ одного боку соба (комнатка) съ женскою кроватью, а съ другаго другая съ разными разностями. Эту намъ очистили, разослали соломы, покрыли ковромъ, накурили ладономъ. Ждемъ ужина. Я сижу на своей сумкѣ, и опять пишу на колѣнѣ; потому что ни стола, ни стула. Ужинать будемъ по Турецки, сложивши ноги подъ себя на постели. Народъ превѣжливой, прегостепріимный. *NB.* Не знавши, гдѣ живетъ кметъ (сельск. староста), мы взяли за проводника мальчика и дѣвочку. Когда они насъ довели, мы дали имъ по піастру; мальчикъ взялъ монету и сталъ разсматривать, а потомъ спросилъ: «шта је то». Онъ думалъ, что это пуговица: такъ тутъ знаютъ дѣти деньги. Да и вообще деньги мало извѣстны; а природное богатство изумительное.

13-е. Баня.

Ни вчера, ни третьяго дни не могъ взяться за перо. Третьяго дни къ обѣду пріѣхали мы въ городокъ Крушевацъ, дрянной, довольно разбросанный; но знаменитый тѣмъ, что въ немъ жилъ знаменитый князь Лазарь. До сихъ поръ сохранилась развалина башни отъ дворца, въ которомъ жила, какъ говоритъ преданіе, царица Милица, его жена; есть также и церковь, построенная Лазаремъ; послѣ битвы на Коссовомъ полѣ она была разрушена отчасти, и стояла такъ до недавняго времени, пока князь Милошь не возобновилъ ее. Стѣны оставались цѣлы, а потому и теперь можно судить о вкусѣ времени Лазаря, и бранить его нельзя. Мы было заказали себѣ обѣдъ въ кафанѣ[1], но курицы не нашлось, и насъ пригласилъ къ себѣ обѣдать секретарь суда. Онъ изъ Австрійскихъ Сербовъ, жена—тоже, и хоть одѣта по Сербски, но очень разговорчива, и чужихъ мужчинъ не стыдится, и въ домѣ хозяйка. Послѣ

[1]) Серб. кофана—кофейня.

обѣда поѣхали далѣе, думали ночевать въ монастырѣ св. Романа, опоздали и принуждены были переночевать въ простомъ шалашѣ у перевоза черезъ рѣку Мораву. Шалашъ очень великъ, хорошо сдѣланъ, но вѣтеръ и холодъ пробиваетъ насквозь; а огонь на огнищѣ угасъ еще до полуночи. Въ шалашѣ мы нашли только кусокъ хлѣба да сѣно. Вчера пріѣхали часу въ 10-мъ въ Алексинацъ. Тоже дрянной городокъ, но важный по положенію: онъ стоитъ близъ Турецкой Болгарской границы, и имѣетъ карантинъ; еще недавно былъ онъ дряннымъ селеніемъ. Въ Алексинцѣ мы остановились у помочника окружнаго начальника, и приняты имъ очень ласково. Тотъ часъ по пріѣздѣ намъ дали трубки, потомъ жена вышла съ вареньемъ, далѣе съ водкой, потомъ съ кофе, и угостивши насъ, хотѣла еще приложиться къ нашимъ рукамъ; это конечно не допущено было, и мы поцѣловались съ нею по Старорусски. Передъ обѣдомъ дочь, дѣвушка прехорошенькая, подавала намъ умыть руки, и за столъ не садились ни она, ни мать. Послѣ обѣда опять мытье рукъ. За ужиномъ тоже. За ужиномъ, какъ и за обѣдомъ, пили здоровье Покровителя Сербіи Николая. Послѣ ужина пришла дочь снимать съ насъ сапоги; а когда я предоставилъ трудъ этотъ самому себѣ, то она пришла съ водою, чтобы мыть ноги. Отказаться отъ этого было мнѣ всего труднѣе. Церемонія продолжалась до половины 10-го. Расположиться съ писаньемъ было негдѣ, и я просто легъ. Главная комната убрана совершенно по Турецки: на полу во всю комнату коверъ, на коврѣ по стѣнамъ подушки; на этомъ коврѣ были и намъ постланы постели. Сегодня рано утромъ, послѣ кофе, мы поѣхали далѣе,—и я въ знакъ моей благодарности поцѣловалъ руку хозяйки: это было такъ ново для нея, что она покраснѣла. Въ Алексинцѣ мнѣ показывали карантинъ, прекрасно устроенный; онъ занимаетъ цѣлую улицу: съ одной стороны амбары для очищаемыхъ товаровъ, а съ другой—комнаты для людей; есть комната и для гостей не изъ простаго народа, есть и конюшни для лошадей; есть и парлаторіумъ, какъ въ Бродѣ или Митровицѣ. Въ Алексинцѣ я наслушался довольно о прежнемъ и теперешнемъ состояніи несчастныхъ Болгаровъ: Турки поступаютъ съ ними хуже нежели со звѣрями. Каждый день идутъ они толпами въ Сербію снискать кусокъ хлѣба. Недавно одинъ христіан. купецъ былъ пашою Нишкимъ ограбленъ, потому что онъ ворочался изъ Вѣны въ Турцію съ деньгами, полученными за проданный товаръ; другой купецъ былъ однимъ турецкимъ помѣщикомъ не только ограбленъ, но и убитъ.—Отъ Алексинца до Бани 5 часовъ; по дорогѣ мы не нашли ни одной меаны, и принуждены были голодать до Бани. Тутъ мы обѣдали и остались на ночь. Баня крошечной дрянной городишко и имѣетъ свое названіе отъ цѣлительныхъ сѣрныхъ водъ; еще Турки построили надъ водами баню, а Милошъ пристроилъ къ банѣ домикъ для себя и большой домъ для гостей, посѣщающихъ воды.

Мы ночуемъ въ Милошевскомъ конакѣ; я купался, и потомъ лежалъ, отдыхая, съ полчаса; вода очень горяча, въ томъ мѣстѣ гдѣ она течетъ въ цистерну, яйцо варится въ 15 минутъ.

15-е. Чюпрія (то есть Мостъ).

Вчера сдѣлали мы малый переѣздъ въ Ражань, 6 часовъ отъ Бани, городокъ (или какъ тутъ называется паланка) въ нѣсколько домиковъ. Товарищъ мой захворалъ, а квартиру достали мы не лучше той, какую имѣли въ Колибѣ на Моравѣ. Удивительно, что во всей Сербіи стеклянныя окна чрезвычайно рѣдки и лѣтомъ до холодовъ окна стоятъ совсѣмъ раскрытыя, а зимою заставляются окончинами изъ бумаги. Въ нашей комнаткѣ окно не имѣло также стеколъ. Притворили ставень, но остались щели, а ночь была сырая и дулъ вѣтеръ; и надобно было заложить щели соломой. Въ комнатѣ и была печь, но не топилась цѣлые полгода, и слѣд., надобно было удовольствоваться горячими углями, которые принесли въ большой сковородѣ. На возвышеніи, занимающемъ большую часть горенки, разослали ковры, и мы разлеглись. Я напился чаю и согрѣлся. Отъ Раженя до Чюпріи 8 часовъ. Черезъ два часа пріѣхали мы въ село Шупелякъ; тутъ строится прекрасная мензуль'ана, т. е. станція для верховыхъ лошадей. Другихъ почтъ въ Сербіи нѣтъ; а за верховаго коня платится въ часъ по 2 гроша или піастра; кто хочетъ ѣхать скорѣе, тотъ беретъ едекъ, т. е. запасныхъ лошадей, потому что станціи велики,—отъ 4 до 6 и 8 лошадей. Въ городкѣ Парачинѣ построенъ новый хорошій мостъ черезъ Црницу. И Парачинъ похожъ на Ражань, но чаршія богаче. За Парачиномъ видѣли мечкаря, т. е. водящаго медвѣдя. Въ 5 часовъ пріѣхали сюда, и съ помощью различныхъ начальниковъ нашли порядочную комнатку, чистую и полную мириса (благоуханія) отъ дунь (дуня или туня—плодъ въ родѣ яблока, только тверже и больше); онѣ рядомъ лежатъ на полочкѣ подъ потолкомъ вокругъ всей комнаты, а въ потолокъ воткнуты раз. цвѣты, особенно цмилы (immortella) и босилье (василекъ), также кадифе (бархатки), и пр.—Пишу опять на колѣнѣ. Погода опять разыгривается. Чюпрія стоитъ на правомъ берегу Моравы; кругомъ—обширное поле, а кругомъ его—далеко горы. Морава широка. Черезъ нее строится мостъ; онъ будетъ деревянный, но основанія на берегу кладутся такъ прочно, что въ послѣдствіе можетъ быть поставленъ и каменный.

17-е. Луковица.

Опять два дни не писалъ; а есть что записать для будущихъ воспоминаній. Вчера утромъ въ сопровожденіи начальника и эскадроннаго командира мы ходили осматривать Чупрійскія казармы. Онѣ порядочно построены и

очень чисты; конюшня очень хороша. Вся кавалерія Сербская (260 челов.) состоитъ изъ улановъ, стоящихъ въ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ и Чупріи. Офицеры учились въ Россіи, въ Новороссійскихъ военныхъ поселеніяхъ. Одежда совершенно Русская; ухватки тоже. На мѣстѣ, гдѣ стоятъ теперь казармы, была прежде крѣпость, и народъ вспоминаетъ о латинскомъ царѣ Троянѣ; теперь отъ крѣпости остались кое-гдѣ камни въ землѣ. Изъ Чупріи мы намѣрены были посѣтить два монастыря, а дорогу къ нимъ не знали,—и потому и получили отъ начальника проводникомъ пандура (слугу въ начальствѣ). Пандуръ одѣтъ по Турецки, хорошо вооруженъ и на конѣ. Монастырь Раваница отстоитъ отъ Чюпріи 2 часа, и совершенно загребенъ въ узкой долинѣ между горами и лѣсомъ. Церковь строилъ князь Лазарь; подлѣ церкви развалины 2 башенъ: одна Лазаря, другая Милоша Обилича, была и третья—Вука Бранковича, но разрушена. Особенное чувство рождается, глядя на эти остатки древности, воспѣваемой народомъ въ пѣсняхъ. Въ монастырѣ игуменъ и 4 монаха. До послѣдняго времени послѣ Коссовской битвы всѣ монастыри Сербскіе были во власти Турокъ и употребляемы, какъ конюшни. Въ церкви сохранилась однако еще старинная живопись. Подлѣ есть пещера (печина), очень глубокая, по преданію идущая къ Черной Рѣкѣ. Монашеское угощеніе заставило насъ запоздать и остаться на ночь. Сегодня утромъ рано поѣхали мы въ другой монастырь—Манасію на р. Ресавѣ. Подъѣзжая къ нему, видишь только горы покрытыя лѣсомъ, а у подошвы скалы, и между ними узкое ущелье, по которому течетъ Ресава. Далѣе долина расширяется, скалы увеличиваются, и вдругъ между ними и роскошной зеленью выказываются огромныя старинныя башни, соединенныя стѣною, желтыя, обросшія деревьями и мохомъ. Видъ поразительный. Вошедши въ ворота, изумляешься еще болѣе: если развалины такъ огромны и величественны, каково должно быть все это новымъ. Бо̀льшая изъ башень — замокъ Стефана Деспота, сына Лазарева, строившаго все это. Церковь влѣво на дворѣ, — очень велика и величава; живопись еще видна; еще болѣе видны слѣды разоренія. Алтарь пустъ, иконостасъ изъ простыхъ досокъ съ 4 образами, священникъ въ отрепьяхъ; кельи жалки, да и монаховъ всего на все 2. Послѣ обѣда поѣхали мы далѣе, не успѣли доѣхать до городка Свилейнца, и ночуемъ тутъ у мужика: соба [1]) изрядная, сѣна вдоволь, ковровъ тоже, надѣюсь выспаться, какъ слѣдуетъ.

19-е. Смедерево.

Утромъ вчера оставалось намъ пути полчаса до городка Свилейнца, мы въѣхали тутъ на господарскій конакъ, хотѣли только отдохнуть, но Срезскій начальникъ не пустилъ насъ безъ завтрака, а завтракъ приготовлялся какъ

[1]) Серб. соба—комната.

мнѣ было прекрасно: хозяинъ и хозяйка ухаживали за мною, будто родные. А Марья Евстафьевна Ващенкова прислала мнѣ изъ Бѣлграда чаю. Такъ я провелъ 8 дней; и 9-го вмѣстѣ съ Загребскимъ литераторомъ Бабукичемъ поѣхалъ въ Новый Садъ черезъ Срѣмъ, т. е. черезъ Индію, Карловцы и Варадинъ. Тутъ не могши найдти квартиры ни у Зеленаго Вѣнца, ни у Фазана, я долженъ былъ отправиться ночевать къ Шафарику, а тотъ меня совсѣмъ не пустилъ,—и я прожилъ у него до вчера. Предоброй человѣкъ. Мы жили съ нимъ, какъ братья. На другой день послѣ пріѣзда я пошелъ къ Хаджичу, встрѣчаю мать его, далѣе сестру, далѣе жену,—никто мнѣ ни слова, просятъ впередъ; вхожу въ комнату спальную, у окна дама задомъ ко мнѣ, толстая дама, очень знакомая, а кто не вижу. «Марья Евстафьевна!» закричалъ я, а она захохотала. Я пришелъ нечаянно, а то она хотѣла сыграть со мною цѣлую комедію: Хаджичь долженъ былъ меня позвать къ обѣду, и распрашивать о Бѣлградѣ, а тутъ бы послѣ перваго вопроса о Ващенковой, и явилась бы она сама. Она осталась до субботы, и, разумѣется, я долженъ былъ и обѣдать вмѣстѣ, у Хаджича, и на комедію ходить вмѣстѣ; и нахохотались вдоволь. Она пріѣхала въ Новый Садъ закупать разныя разности для Бѣлградскихъ дамъ для баловъ. Звала меня воротиться. А знаете ли какъ отозвалась обо мнѣ господична Анка (Обреновичъ): «есть люди, которые съ перваго взгляда противны; есть и такіе, къ которымъ и послѣ долгаго знакомства не чувствуешь ничего; а Срезневскій съ перваго разговора былъ для меня какъ будто роднымъ». Комедія Новосадская—конная: комедіянты дѣлаютъ разныя штуки на лошадяхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ истинно превосходны. Публика собирается подъ огромный шатеръ, въ серединѣ котораго круглая большая арена, на которой скачутъ. Особенно мнѣ понравилась скачка утопающаго матроса: сначала онъ мчался съ весломъ, какъ будто гребя, потомъ весло поломалось и онъ началъ тонуть, т. е. скользиться по коню какъ утопающій по волнамъ, и стоя на лошади принималъ иногда положеніе почти горизонтальное; лошадь мчалась, а на ней не было не только сѣдла, но и узды. Это общество Чеховъ подъ начальствомъ Беранка.—Вчера (воскр.) я отправился къ пароходной канцеляріи въ 9 утра, а пароходъ пришелъ въ 5 послѣ обѣда; все это время я долженъ былъ ждать. Ѣхали цѣлую ночь: первая станція была въ Илокѣ, вторая въ Вуковарѣ, 3-я въ Даѣ—все ночью. Теперь ѣдемъ, а дождь ливмя льетъ; мы всѣ въ комнатѣ, одни играютъ въ карты, другіе читаютъ, нѣкоторые дремлютъ, а я вотъ писалъ. Пароходъ изрядной, но ночью комната превращается въ одну постель: отовсюду изъ дивановъ выдвигаются ящики, на которые кладутся подушки, обитыя сукномъ,—и все укладывается ногами къ печи, отопляющей комнату, а столы подлѣ нея громоздятся одинъ на другой; это

нельзя назвать покойнымъ, особенно когда пассажировъ много. Вчера съ пароходомъ я получилъ отъ моей Землинской хозяйки подарокъ на память—вышитое бисеромъ для портфеля или я не знаю для чего.

16-е Ноября.

Цѣлый день вчера шелъ дождь; сегодня тоже идетъ, и вѣтрено; словомъ осень. Вчера ѣхали до 6 часовъ; потомъ стало темно, и мы стали. Утромъ сегодня около 5 часовъ подвинулись далѣе, — и черезъ часъ были подъ Могачемъ. Городокъ дрянной, а знаменитъ битвою, на которой Турки разбили Мадьяровъ. Здѣсь пароходъ запасся угольемъ. Между прочимъ явилась на палубу Мадьярка невѣста, цѣловала всякому руку, и за это отъ всякаго добыла по двугривенному. Одѣта изрядно, въ гладкомъ чепчикѣ на головѣ, къ которому сзади привязано множество лентъ красныхъ, зеленыхъ и бѣлыхъ; юпка и кофточка цвѣтныя, сапоги красные. На шляпѣ жениха дѣланые цвѣты; куртка, узкіе штаны въ сапоги.—Въ нашей комнаткѣ довольно прохладно: печичка крошечная, и топятъ мало.

17-е.

Вотъ уже 12-й часъ, а я еще не сплю, и многіе не спятъ. Въ одномъ углу играютъ въ банкъ, около играющихъ собралось много зрителей; другіе, лежа, разговариваютъ; я, пользуясь свѣтомъ, читалъ, и теперь сталъ писать. Наше общество сдѣлалось очень разнообразно: нѣсколько графовъ, нѣсколько простыхъ дворянъ, нѣсколько купцовъ, нѣсколько людей безъ особеннаго званія, нѣсколько дамъ, всего по нѣскольку. Говорятъ по Нѣмецки, Мадьярски (Венгерски), Французски, Итальянски, Англійски, Сербски. Мое любопытство узнать что нибудь о Мадьяр. языкѣ и литературѣ и о Венгріи привлекло ко мнѣ милость Мадьяровъ, и кавалеры и дамы учатъ меня по Мадьярски и въ восхищеніи, что нашли Русскаго, любопытствующаго узнать Мадьярскій языкъ. Вечеромъ сегодня маленькое общество наше собралось въ уголокъ противу банковаго угла,—и давай разсказывать сказки. Ирма Кишасонъ (мамзель Марія) получила первый жребій, и передала жребій мнѣ: я, расказавши сказку о Бабѣ-Ягѣ передалъ жребій Етелкѣ Кишасонъ, и такъ далѣе. Хохоту было столько, что даже около банковаго стола мѣста опустѣли, и около насъ сгустились, а мы принимали въ свое общество только тѣхъ, кто соглашался расказать сказку, если бы на него палъ жребій.—Теперь мы остановились подъ Пестомъ: огни всюду, видно нѣсколько прекрасныхъ фасадовъ, и болѣе ничего, потому что ночь темна. Тутъ уже снѣгъ, а давно-ли я былъ въ Сербіи, а тамъ еще не падали листья съ деревьевъ.

мнѣ было прекрасно: хозяинъ и хозяйка ухаживали за мною, будто родные. А Марья Евстафьевна Ващенкова прислала мнѣ изъ Бѣлграда чаю. Такъ я провелъ 8 дней; и 9-го вмѣстѣ съ Загребскимъ литераторомъ Бабукичемъ поѣхалъ въ Новый Садъ черезъ Срѣмъ, т. е. черезъ Индію, Карловцы и Варадинъ. Тутъ не могши найдти квартиры ни у Зеленаго Вѣнца, ни у Фазана, я долженъ былъ отправиться ночевать къ Шафарику, а тотъ меня совсѣмъ не пустилъ,—и я прожилъ у него до вчера. Предоброй человѣкъ. Мы жили съ нимъ, какъ братья. На другой день послѣ пріѣзда я пошелъ къ Хаджичу, встрѣчаю мать его, далѣе сестру, далѣе жену,—никто мнѣ ни слова, просятъ впередъ; вхожу въ комнату спальную, у окна дама задомъ ко мнѣ, толстая дама, очень знакомая, а кто не вижу. «Марья Евстафьевна!» закричалъ я, а она захохотала. Я пришелъ нечаянно, а то она хотѣла сыграть со мною цѣлую комедію: Хаджичь долженъ былъ меня позвать къ обѣду, и распрашивать о Бѣлградѣ, а тутъ бы послѣ перваго вопроса о Ващенковой, и явилась бы она сама. Она осталась до субботы, и, разумѣется, я долженъ былъ и обѣдать вмѣстѣ, у Хаджича, и на комедію ходить вмѣстѣ; и нахохотались вдоволь. Она пріѣхала въ Новый Садъ закупать разныя разности для Бѣлградскихъ дамъ для баловъ. Звала меня воротиться. А знаете ли какъ отозвалась обо мнѣ господична Анка (Обреновичъ): «есть люди, которые съ перваго взгляда противны; есть и такіе, къ которымъ и послѣ долгаго знакомства не чувствуешь ничего; а Срезневскій съ перваго разговора былъ для меня какъ будто роднымъ». Комедія Новосадская— конная: комедіянты дѣлаютъ разныя штуки на лошадяхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ истинно превосходны. Публика собирается подъ огромный шатеръ, въ серединѣ котораго круглая большая арена, на которой скачутъ. Особенно мнѣ понравилась скачка утопающаго матроса: сначала онъ мчался съ весломъ, какъ будто гребя, потомъ весло поломалось и онъ началъ тонуть, т. е. скользиться по коню какъ утопающій по волнамъ, и стоя на лошади принималъ иногда положеніе почти горизонтальное; лошадь мчалась, а на ней не было не только сѣдла, но и узды. Это общество Чеховъ подъ начальствомъ Беранка.—Вчера (воскр.) я отправился къ пароходной канцеляріи въ 9 утра, а пароходъ пришелъ въ 5 послѣ обѣда; все это время я долженъ былъ ждать. Ѣхали цѣлую ночь: первая станція была въ Илокѣ, вторая въ Вуковарѣ, 3-я въ Даѣ—все ночью. Теперь ѣдемъ, а дождь ливмя льетъ; мы всѣ въ комнатѣ, одни играютъ въ карты, другіе читаютъ, нѣкоторые дремлютъ, а я вотъ писалъ. Пароходъ изрядной, но ночью комната превращается въ одну постель: отовсюду изъ дивановъ выдвигаются ящики, на которые кладутся подушки, обитыя сукномъ,—и все укладывается ногами къ печи, отопляющей комнату, а столы подлѣ нея громоздятся одинъ на другой; это

нельзя назвать покойнымъ, особенно когда пассажировъ много. Вчера съ пароходомъ я получилъ отъ моей Землинской хозяйки подарокъ на память— вышитое бисеромъ для портфеля или я не знаю для чего.

16-е Ноября.

Цѣлый день вчера шелъ дождь; сегодня тоже идетъ, и вѣтрено; словомъ осень. Вчера ѣхали до 6 часовъ; потомъ стало темно, и мы стали. Утромъ сегодня около 5 часовъ подвинулись далѣе, — и черезъ часъ были подъ Могачемъ. Городокъ дрянной, а знаменитъ битвою, на которой Турки разбили Мадьяровъ. Здѣсь пароходъ запасся угольемъ. Между прочимъ явилась на палубу Мадьярка невѣста, цѣловала всякому руку, и за это отъ всякаго добыла по двугривенному. Одѣта изрядно, въ гладкомъ чепчикѣ на головѣ, къ которому сзади привязано множество лентъ красныхъ, зеленыхъ и бѣлыхъ; юпка и кофточка цвѣтныя, сапоги красные. На шляпѣ жениха дѣланые цвѣты; куртка, узкіе штаны въ сапоги.—Въ нашей комнаткѣ довольно прохладно: печичка крошечная, и топятъ мало.

17-е.

Вотъ уже 12-й часъ, а я еще не сплю, и многіе не спятъ. Въ одномъ углу играютъ въ банкъ, около играющихъ собралось много зрителей; другіе, лежа, разговариваютъ; я, пользуясь свѣтомъ, читалъ, и теперь сталъ писать. Наше общество сдѣлалось очень разнообразно: нѣсколько графовъ, нѣсколько простыхъ дворянъ, нѣсколько купцовъ, нѣсколько людей безъ особеннаго званія, нѣсколько дамъ, всего по нѣскольку. Говорятъ по Нѣмецки, Мадьярски (Венгерски), Французски, Итальянски, Англійски, Сербски. Мое любопытство узнать что нибудь о Мадьяр. языкѣ и литературѣ и о Венгріи привлекло ко мнѣ милость Мадьяровъ, и кавалеры и дамы учатъ меня по Мадьярски и въ восхищеніи, что нашли Русскаго, любопытствующаго узнать Мадьярскій языкъ. Вечеромъ сегодня маленькое общество наше собралось въ уголокъ противу банковаго угла,—и давай разсказывать сказки. Ирма Кишасонъ (мамзель Марія) получила первый жребій, и передала жребій мнѣ: я, расказавши сказку о Бабѣ-Ягѣ передалъ жребій Етелкѣ Кишасонъ, и такъ далѣе. Хохоту было столько, что даже около банковаго стола мѣста опустѣли, и около насъ сгустились, а мы принимали въ свое общество только тѣхъ, кто соглашался расказать сказку, если бы на него палъ жребій.—Теперь мы остановились подъ Пестомъ: огни всюду, видно нѣсколько прекрасныхъ фасадовъ, и болѣе ничего, потому что ночь темна. Тутъ уже снѣгъ, а давно-ли я былъ въ Сербіи, а тамъ еще не падали листья съ деревьевъ.

21-е Печь (Пештъ, Пестъ).

На другое утро рано я вышелъ на берегъ, и занялъ комнату въ отели Англійской королевы. Черезъ часъ я уже былъ у Коллара (онъ уже воротился изъ своего путешествія) и просидѣлъ цѣлое утро. Вечеромъ былъ въ Мадьярскомъ театрѣ. Давали оперу «Лукреція Борджія»; дѣвица Карлъ пѣла прекрасно, музыка изрядна. Театръ очень хорошъ и великъ. Зрителей много. Но Мадьярскій языкъ вовсе не присталъ оперѣ.—19-го цѣлое утро—съ Колларомъ, и у него обѣдалъ. Послѣ обѣда съ издателемъ Серб. газеты Ѳед. Павловичемъ; съ нимъ и въ Нѣмецкій театръ. Давали драму Пряничница Рöсель, и г-жа Гринь играла очень хорошо. Театръ еще больше нежели Мадьярскій, и очень хорошъ. Вчера опять утро съ Колларомъ и съ Суботичемъ, издателемъ Серб. Лѣтописи (журнала); и послѣ обѣда тоже съ нимъ. Вчера же былъ въ Университетской библіотекѣ, гдѣ 80,000 книгъ, есть кабинетъ для чтенія, и мало порядка; а рукописи подъ замками, и только показываются, но читать не даются.

Пестъ прекрасный городъ; послѣ Вѣны, Праги и Тріеста—лучшій изъ видѣнныхъ мною. Улицы широки и прямы, вымощены какъ и въ Вѣнѣ; домы прекрасной архитектуры, особенно у берега Дуная. Дунай величественнъ. Съ противной стороны его Оффенъ, что по Нѣмецки значитъ тоже Печь, а [по] Славянски [называемый] Буда. На горѣ крѣпость, подъ горою тянется самъ городъ; онъ очень длиненъ. Между обоими городами черезъ рѣку мостъ на баркахъ, какъ и между Новымъ Садомъ и Варадиномъ. Къ сожалѣнію погода дурна; и я не могу проходиться какъ бы слѣдовало.

24-е.

Сегодня я обѣдалъ у православнаго епископа. Онъ привезъ меня назадъ домой и зашелъ ко мнѣ. Человѣкъ довольно образованной и милой въ обращеніи.—Завтра ѣду.

28-е Вѣна.

Вчера пріѣхалъ рано въ 5-мъ часу. Изъ Печи проводилъ меня Павловичь. Я думалъ ѣхать до Бретислави (Пресбурга) съ пароходомъ: но мнѣ отсовѣтовали, говоря, что туманъ можетъ меня долго задержать на пути. А такъ какъ я не имѣлъ съ собою зимняго платья, то Павловичь снабдилъ меня своею бундой, т. е. смушковой претеплой шубой. Сегодня я былъ у Вука и въ библіотекѣ у Копитара.

Декабрь.

Въ посольствѣ я получилъ новый паспортъ и деньги, т. е. вексель на цѣлой годъ; нанялъ квартиру очень милую, недалеко отъ Вука и съ видомъ на гласисъ и городъ,—и остаюсь въ Вѣнѣ мѣсяца на два. По цѣлымъ днямъ остаюсь дома безвыходно, и занимаюсь. Въ томъ же домѣ есть трактиръ,—и обѣдать мнѣ приносятъ; утромъ пью кофе, а вечеромъ самъ себѣ варю чай. Сосѣди мои - люди очень для меня пріятные: во первыхъ тихи, во вторыхъ съ фортепьяно, на которомъ нерѣдко слышу то самое, что когда то слышалъ отъ васъ, душенька маменька. Это переноситъ меня въ Харьковъ. Иногда я совершенно забываюсь, думая, что я не въ Вѣнѣ, а въ Харьковѣ; какъ же не забыться, когда я слышу и варіаціи на «Ѣхалъ козакъ», и «Боже царя храни», и Мазурку Шопена, и Тальберга № 16, и отрывки изъ «Жизни за царя». Тутъ мнѣ приходитъ въ голову, что я дурно сдѣлалъ, не упросившій васъ ѣхать вмѣстѣ со мною: лѣтомъ бы я прощался съ вами отъ станціи до станціи; а зимы цѣлыя проводили бы вмѣстѣ—неразлучно. Больше писать нечего. Цѣлую ручку вашу. Будьте здоровы и пишите мнѣ слѣд. письмо въ Вѣну: In Wien, Landstrasse, Am Glasis, № 498, 2-e Stock, Thür № 16. Herrn, Herrn von Sreznjewski,—или на имя Ганки въ Прагу.

(*Продолженіе будетъ*).

Нидерландскія народныя пѣсни.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что цивилизація во всѣ времена оказывала уничтожающее дѣйствіе на творческую силу поэзіи простаго народа, и чѣмъ выше любая нація поднялась на лѣстницѣ образованности, тѣмъ больше потеряла она изъ своихъ старыхъ обычаевъ и народныхъ особенностей, изъ своихъ старыхъ суевѣрій и анимизма, своихъ героическихъ сагъ и пѣсенъ. Гомеровскія поэмы возникли не въ то время, когда Грецiя была велика въ искусствѣ и въ наукѣ, въ философіи и политикѣ, но идутъ въ глубь временъ, къ юности греческаго народа, когда духовная жизнь не вышла еще изъ непосредственной жизни чувства и страсти. Точно также и Индійцы создали свои саги въ тѣ времена, когда они еще смѣло и радостно боролись за обладаніе земными благами: позднѣйшія поколѣнія, которыя столь охотно погружались въ философскія и теологическія мечтанія, хотя еще любили старыя сказанія о Yuddhishthira и Draupadī, о Dhritarāshtra и Bhīma, однако не могли уже создать никакихъ новыхъ и только сбирали старыя, дошедшія до нихъ, пѣсни и саги въ удивительно обширные сборники, изъ которыхъ самымъ большимъ и самымъ знаменитымъ является Mahābhārata. Но не въ настоящемъ, не въ первоначальномъ видѣ были собраны учеными браминами отголоски героическихъ временъ; съ религіозными и политическими цѣлями въ нихъ было прибавлено многое, вовсе не народное, и передѣлка сагъ была столь существенна, что нынѣшніе ученые касательно Rāma—эпоса сомнѣваются, не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ аллегорическимъ искусственнымъ произведеніемъ, которое не содержитъ никакихъ воспоминаній о прежнихъ герояхъ и битвахъ! И всетаки еще много можно въ Rāmāyana найти такого, что обязано своимъ происхожденіемъ не фантазіи искусственнаго поэта, а старымъ повѣствованіямъ и пѣснямъ индійскаго народа. Среди современныхъ европейскихъ народовъ нѣтъ ни одного, народная поэзія котораго, по богатству мотивовъ и величественной красотѣ, могла бы стать на ряду съ былинами и пѣснями Русскихъ, однако и здѣсь пестрое множество историческихъ и лирическихъ пѣсенъ исчезаетъ подъ давленіемъ все болѣе и болѣе укрѣпляющейся западной цивилизаціи, какъ снѣгъ подъ солнечными лучами. Вмѣсто пѣсенъ о князѣ Владимірѣ Красномъ солнышкѣ, объ Ильѣ Муромцѣ и Добрынѣ Никитичѣ, вмѣсто полныхъ поэтическаго полета пѣсенъ, въ которыхъ рисуется

суровая жизнь разбойниковъ и бурлаковъ приволжскихъ областей, теперь въ устахъ низшихъ слоевъ городскаго населенія живутъ новыя, безсмысленныя пѣсеньки, которыя слишкомъ хорошо можно характеризовать именемъ «лакейскихъ пѣсенъ». Или, еще хуже, далеко по Россіи расходятся французскія шансонетки, и тотъ же народъ, предки котораго воспѣвали матушку Волгу, наслаждается теперь плебейской безсмыслицей (пѣсенокъ въ родѣ) «Nicolas» и «En revenant de la revue».

Тотъ же процессъ, который начался и въ Россіи, у насъ уже давно окончился. Правда еще живутъ кой какія искаженныя пѣсни, которыя восходятъ къ среднимъ вѣкамъ, однако онѣ въ не поэтической передѣлкѣ своей совершенно потеряли свой первоначальный характеръ и отъ новыхъ народныхъ пѣсенокъ отличаются лишь старинными выраженіями и тирадами. Эти новыя пѣсни не имѣютъ почти никакихъ достоинствъ: это большею частью слова, лишенныя смысла, и часто очень грубыя и неприличныя слова. Поэтому нечего удивляться, если изо ста образованныхъ Голландцевъ съ трудомъ найдется одинъ, который при словѣ «народная пѣсня» припомнилъ бы нѣчто иное, чѣмъ грязь и грубость. Правда любители нашей старинной народной поэзіи не мало старались сдѣлать ее вновь популярной, но время пѣсни въ Голландіи прошло и не вернется никогда. Среди лицъ, оказавшихъ большія услуги въ области средневѣковой народной поэзіи въ сѣверныхъ и южныхъ Нидерландахъ, на первомъ мѣстѣ надо назвать Гоффмана ф. Фаллерслебена. Въ 1855 г. въ своихъ Horae Belgicae (XI) онъ переиздалъ Антверпенскую книгу пѣсенъ 1544 г. [1]). Еще въ 1848 г. Бельгіецъ Виллемсъ издалъ сборникъ Oude Vlaemsche liederen, однако этотъ трудъ не можетъ идти въ сравненіе съ работою Гоффмана. Нѣсколько позже объ этомъ предметѣ написалъ Кальфъ (Kalff) [2]) весьма содержательную и поучительную книгу. Она значительно расширила наши познанія въ этой области. Кальфъ въ своемъ изслѣдованіи разсмотрѣлъ различные старинные сборники пѣсенъ и, сравнивая различныя версіи, какъ онѣ сохранились намъ въ печатныхъ сборникахъ пѣсень XVI и XVII вв., часто успѣвалъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, опредѣлить первоначальный видъ пѣсни. Кромѣ Гоффмана и Кальфа особенныя услуги оказалъ въ этой области прежній Девентерскій профессоръ I. фанъ-Флотенъ (Iohannes van Vloten), издатель большихъ сборниковъ историческихъ и дѣтскихъ пѣсенъ [3]).

На основаніи всего сдѣланнаго этими учеными, я хочу, слѣдуя любезному приглашенію Э. А. Вольтера, попытаться на слѣдующихъ страницахъ

---

[1]) Horae Belgicae XI. Antwerpene liederbuchr von jahre 1544 г. Hannover 1855.

[2]) Het lied in de middeleeuwen. Leiden 1883 г.

[3]) Nederlandsche geschiedzangen. Amsterdam. 1852 (второе изданіе 1864). Nederlandsche Baker—en Kinderrijmen. Leiden (три изданія, послѣднее—1874 г.).

дать картину старой нидерландской народной поэзіи; однако я буду по преимуществу говорить здѣсь о пѣсняхъ, до сихъ поръ мало изслѣдованныхъ и къ разъясненію коихъ я имѣю нѣчто сказать. Для наглядности я раздѣлю пѣсни на нѣсколько категорій, именно: I) Повѣствовательныя пѣсни, II) Любовныя пѣсни, III) Историческія пѣсни, IV) Дѣтскія пѣсни. Кромѣ того есть еще много средневѣковыхъ пѣсенъ духовнаго содержанія, но онѣ не имѣютъ истинно-народнаго характера, почему и не будутъ здѣсь разсматриваемы. О свѣтскихъ пѣсняхъ, коимъ посвящена эта статья, замѣтимъ, что по красотѣ поэтической онѣ стоятъ далеко ниже русскихъ, сербскихъ и литовскихъ пѣсенъ: наиболѣе изящныя и вдохновенныя находимъ мы большею частью среди древнѣйшихъ. Пѣсни болѣе позднихъ временъ имѣютъ по преимуществу грубоватый, но все-таки веселый характеръ, совершенно отличный отъ меланхолическаго и жалобнаго духа русскихъ семейныхъ и любовныхъ пѣсенъ.

I. Повѣствовательныя пѣсни.

Въ древнѣйшемъ слоѣ этого рода пѣсенъ еще можно найти темныя воспоминанія о старогерманской героической сагѣ, и едва ли этому можно удивляться, потому что, какъ извѣстно, Нибелунги, Гудрунъ, Беовульфъ и др. имѣютъ не мало отношеній къ нидерландской почвѣ, особенно если употреблять слово «Нидерланды» въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, что̀ дается ему политическими границами Голландіи и Бельгіи. Кальфъ изслѣдовалъ эти старыя, давно уже замолкнувшія пѣсни и отчасти указалъ на ихъ древнѣйшій источникъ. По мнѣнію этого изслѣдователя, пѣсня о Halewijn'ѣ [1]) принадлежитъ къ древнѣйшимъ повѣствовательнымъ, и онъ полагаетъ возможнымъ отнести ее къ XIV столѣтію, хотя едва-ли справедливо [2]). Она принадлежитъ къ семейству Гамельнскаго крысолова: дѣйствительно ли она основывается на миѳической подкладкѣ, рѣшить трудно. Скорѣе можно доказать это относительно пѣсни «Van heer Danielken» [3]), которая является версіей сказанія о Тангейзерѣ [4]). Однако вообще отыскивать миѳологическое ядро сказокъ и сказаній — работа мало удовлетворительная и опасная: очень часто этого ядра и нѣтъ, и мы имѣемъ дѣло съ переработками сказаній и сказочныхъ мотивовъ, изъ далека широко распространившихся на западъ и сѣверъ. Поэтому я не рѣшаюсь высказать въ этихъ случаяхъ самостоятельное сужденіе и охотно указываю на подробности у Кальфа.

---

[1]) Kalff, 53 сл.

[2]) См. о древности балладъ и романсовъ Te Winkel, Geschiedenis der Nederlandsche letterkunde, I, 454 сл.

[3]) Horae Belgicae XI. 238 сл.

[4]) Kalff, 65.

При другой, широко извѣстной, пѣснѣ мы стоимъ на почвѣ гораздо болѣе твердой, ибо здѣсь ярко выступаетъ родство съ древнимъ сказаніемъ о Гильдебрандѣ [1]). Я разумѣю пѣсню «Van den ouden Hillebrant» [2]), которая, какъ доказалъ Кальфъ, возникла изъ нижне-нѣмецкой пѣсни. Извѣстно, что сказаніе о боѣ отца съ сыномъ не только германское, но и персидское (Рустемъ и Зорабъ) и русское (Илья Муромецъ) и пр. Въ древнѣйшемъ видѣ германскаго сказанія конецъ былъ трагическій, ибо отецъ убиваетъ своего сына, такъ какъ онъ не хочетъ вѣрить, что чужой всадникъ — его отецъ, Гильдебрандъ. Къ сожалѣнію конецъ старо-верхне-нѣмецкой пѣсни не дошелъ до насъ, и мы можемъ только догадываться объ исходѣ битвы. Въ голландской, какъ и въ новыхъ нѣмецкихъ пѣсняхъ, Гильдебрандъ не убиваетъ своего сына, а ворочается, послѣ того, какъ узналъ въ Гадубрандѣ своего сына, вмѣстѣ съ нимъ въ Верону (въ нашей голландской пѣсни — Барненъ Barnen).

Какъ очевидна связь этой пѣсни со старыми сагами о Гильдебрандѣ и Дитрихѣ, точно такъ же очевидно родство пѣсни объ Алевинѣ (Alewyn) и Гудруны [3]), но вмѣстѣ съ тѣмъ самое важное изъ эпическихъ воспоминаній въ нидерландской пѣснѣ уже заглохло [4]).

Въ пятнадцатомъ столѣтіи—и это едва-ли можно подвергать сомнѣнію— было много романсовъ, что̀ распѣвались въ народѣ и вышли изъ его собственной среды. Но весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ восходятъ къ четырнадцатому столѣтію, въ особенности это относится къ красивому романсу «Het daghet in den Oosten» [5]); вмѣстѣ съ его разновидностями онъ подробно разсмотрѣнъ Кальфомъ [6]). Пѣсня въ Антверпенской версіи имѣетъ 14 строфъ и заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, быть приведенною здѣсь безъ сокращенія [7]).

---

[1]) Kalff. 77 сcл.

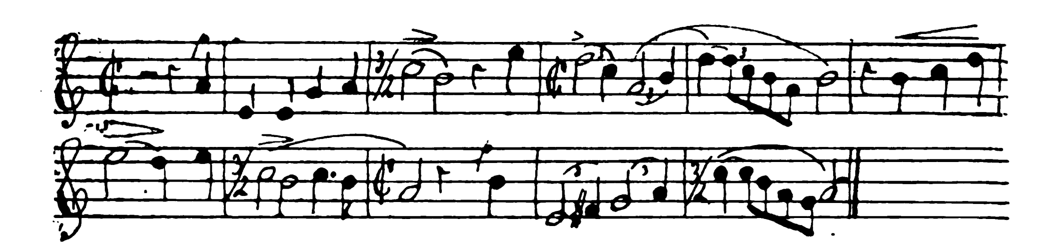
[2]) Horae Belgicae XI, 122 сcл.

[3]) Kalff. 93 сcл.

[4]) Мимоходомъ замѣтимъ, что и въ русскихъ былинахъ нельзя не признать вліянія германской поэзіи; такъ очевидно исторія Вольги Буслаевича содержитъ въ себѣ черты, которыя заимствованы изъ Karel—и Elegast Sage. Весьма поразительно также совпаденіе боя Добрыни съ дракономъ въ Почай-рѣкѣ (Кирѣевскій, Пѣсни II, 24 ff.) и боя Беовульфа съ матерью Гренделя (Holder, Beowulf II, 55 f.). Особенно надо замѣтить, что Добрыня одолѣваетъ дракона, взявъ „насыпанъ колпакъ земли греческой", который случайно лежитъ на берегу. Подобнымъ образомъ и Беовульфъ изъ бѣды избавленъ мечомъ, который онъ внезапно замѣчаетъ въ морской глубинѣ. Что былина объ Ильѣ Муромцѣ, который сражается съ сыномъ своимъ Бориской и бросаетъ его „выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго" (Кирѣевскій, пѣсни I, 10), покоится на былинѣ о Гильдебрандѣ — это весьма вѣроятно.

[5]) Horae Belgicae XI, 108 сcл.

[6]) Kalff. 148 сcл. Противъ этого Te Winkel 454 сcл.

[7]) Предлагаемая здѣсь мелодія—старинная. См. между прочимъ Van Duyse Oude Nederlandsche Liederen. Brussel. 1891 г.

1. Het daghet in den oosten,
Het lichtet oueral;
Hoe luttel weet mijn liefken [1])
Och waer ick henen sal.

2. Och warent al mijn vrienden
Dat mijn vianden zijn,
Ick voerde u uuten lande [2])
Mijn lief, mijn minnekijn. [3])

3. Dats waer soudi mi voeren,
Stout ridder wel gemeyt? [4])
Ic ligge in myns liefs armkens
Met grooter waerdicheyt.

4. Ligdy in uws liefs armen,
Bilo ghi en segt niet waer! [5])
Gaet henen ter linde groene
Versleghen so leyt hi daer.

5. 't Meysken nam haren mantel
Ende si ghinc eenen ganck
Al totter linde groene [6])
Daer si den dooden vant.

6. Och ligdy hier verslaghen,
Versmoort al in u bloet! [7])
Dat heeft gedaen u roemen
Ende uwen hooghen moet.

7. Och lichdy hier verslaghen,
Die mi te troosten plach
Wat hebdy mi ghelaten
So menighen droeven dach.

8. 't Meysken nam haren mantel
Ende si ghinck eenen ganck.
Alvoor haers vaders poorte,
Die si ontsloten vant. [8])

9. Och is hier eenich heere
Oft eenich edelman
Die mi mijnen dooden
Begraven helpen can?

10. Die heeren sweghen stille,
Si en maecten gheen geluyt.
Dat meysken keerde haer omme,
Si ghinc al weenende uut.

11. Si nam hem in haren armen,
Si custe hem voor den mont,
In eender corter wijlen
Tot also mengher stont.

12. Met sinen blancken swaerde
Dat si die aerde op groef,
Met haer sneewitten armen
Ten grave dat si hem droech.

13. Nu wil ic mi gaen begeven
In een cleyn cloosterkijn
Ende draghen swarte wijlen [9])
Ende worden een nonnekijn.

14. Met haer claer stemme
Die misse dat si sanck,
Met haer sneewitten handen
Dat si dat belleken clanck. [10])

---

[1]) hoe luttel weet mijn liefken — какъ мало знаетъ моя возлюбленная.
[2]) uuten lande — изъ земли.
[3]) minnekijn — моя любезнѣйшая.
[4]) wel gemeyt несовсѣмъ ясно, б. м. «Смѣлый».
[5]) bilo клянусь св. Элигіемъ (Eligius), правда, воистину (fürwahr).
[6]) totter — къ, zur.
[7]) versmoort — задушенный (erstickt).
[8]) ontsloten — открытый.
[9]) wijlen — покровъ, покрывало.
[10]) belleken — колокольчикъ.

1. Брезжитъ день на востокѣ,
Всюду свѣтъ;
Какъ мало знаетъ моя дорогая,
Куда я долженъ ѣхать.

2. Еслибы всѣ мои недруги
Были моими друзьями,
Я увезъ бы тебя изъ земли,
Моя любовь, моя возлюбленная.

3. «Куда же ты умчишь меня,
Гордый отважный рыцарь»?
Я лежу на рукахъ своего возлюбленнаго
Съ большимъ достоинствомъ.

4. Ты лежишь на рукахъ своего возлюбленнаго?
Клянусь, ты говоришь неправду!
Ступай подъ зеленую липу,
Онъ тамъ лежитъ убитый.

5. Дѣвушка взяла свой плащъ
И пошла она
Къ зеленой липѣ.
Тамъ нашла она мертваго.

6. «Ты лежишь здѣсь убитый,
Сраженный, весь въ крови!
Этому причина твоя высокомѣрность
И твой гордый духъ.

7. И ты лежишь здѣсь пораженный
Ты, что̀ бывало меня утѣшалъ,
Зачѣмъ ты покинулъ меня
На столько печальныхъ дней»?

8. Дѣвушка взяла свой плащъ
И пошла она (шагать)
Къ дверямъ своего отца,
Она нашла ихъ отворенными.

9. «Есть ли здѣсь какой-либо баронъ
Или какой-либо дворянинъ,
Что̀ моего мертвеца
Помогъ бы мнѣ похоронить»?

10. Всѣ молчатъ,
Они не издали ни одного звука.
Дѣвушка повернулась
И съ плачемъ вышла вонъ.

11. Она взяла его на свои руки,
Она цѣловала его въ уста,
Въ одинъ короткій мигъ
На долгія времена.

12. Его тупымъ мечемъ
Выкопала она могилу (землю),
На своихъ бѣлоснѣжныхъ рукахъ
Снесла она его къ могилѣ.

13. «Теперь пойду я постричься
Въ небольшой монастырь
И стану носить черную мантію
И сдѣлаюсь монахиней».

14. Своимъ яснымъ голосомъ
Пѣла она службу,
Своими бѣлоснѣжными руками
Звонила она въ колокола.

Если въ «Het daghet in den oosten» мы имѣемъ дѣло съ пѣсней первоначально голландской, то не всѣ однако распѣвавшіяся въ позднія времена среднихъ вѣковъ въ Нидерландахъ, пѣсни возникли на нашей собственной почвѣ. Нѣкоторыя пѣсни зашли къ намъ изъ Германіи, и между ними много такихъ, которыя не уступаютъ въ красотѣ чисто туземнымъ пѣснямъ. Очень любима была пѣсня «Naer Oostland», въ которой, конечно, не содержится никакихъ историческихъ воспоминаній о переселеніи изъ Голлан-

діи на берега балтійскаго моря (Ostseeküsten), а выражается только общее всѣмъ людямъ желаніе лучшей родины, гдѣ можно жить легко и безъ напряженія, гдѣ нѣтъ ни голода, ни жажды, ни бѣдности, ни нищеты. Что пѣсня «Naer Oostland» никакъ не можетъ быть нидерландскаго происхожденія—это доказательно выяснилъ Кальфъ сравненіемъ съ нѣмецкой и шведской пѣснями. Наша пѣсня весьма коротка и гласитъ слѣдующее:

1. Naer Oostland willen wy ryden,
Naer Oostland willen wy mee,
Al over die groene heiden,
Frisch over die heiden,
Daer isser een betere steê.

2. Als wy binnen Oostland komen
Al onder dat hooge huys,
Daer worden wy binnen gelaten,
Frisch over die heiden,
Zy heeten ons willekom-zyn.

4. Ja, willekom moeten wy wezen,
Zeer willekom moeten wy zyn;
Daer zullen wy avond en morgen
Frisch over die heiden,
Nog drinken den koelen wyn.

5. Wy drinken den wyn er uit schalen
En't bier ook zoo veel ons belieft,
Daer is het zoo vroolyk te leven,
Frisch over dlie heiden,
Daer woont er myn zoete lief.

1. Мы помчимся на востокъ,
На востокъ помчимся мы вмѣстѣ,
Тамъ за зелеными равнинами,
Тамъ за равнинами,
Тамъ находится лучшая страна.

2. И когда мы прибудемъ на востокъ
Въ высокій домъ,
Тамъ насъ впустятъ,
Тамъ за равнинами
Они привѣтствуютъ насъ.

4. Да, насъ будутъ привѣтствовать,
Очень насъ будутъ привѣтствовать,
Тамъ будемъ мы, вечеромъ и утромъ,
Тамъ за равнинами,
Пить прохладное вино.

5. Мы будемъ пить вино изъ чашъ
И пиво, сколько намъ хочется.
Тамъ такъ весело жить,
За равнинами,
Тамъ живетъ моя ненаглядная голубка.

Я думаю, читатель едвали найдетъ въ этой прекрасной пѣснѣ нѣчто иное, чѣмъ выраженіе стремленія къ лучшимъ условіямъ жизни, какъ оно сказывается и въ наши дни въ народной пѣснѣ «In den hemel daar is 't beter dan hier» съ припѣвомъ «En alle dagen, en alle dagen soep met vleesch». Естественно, что «Naer Oostland» не возникла независимо отъ нѣмецкихъ пѣсенъ, гдѣ вмѣсто восточной земли (Ostland) говорится о восточномъ царствѣ Австріи (Oesterreich). И у другихъ народовъ есть подобныя пѣсни, напримѣръ литовская застольная пѣсня о венгерской землѣ, гдѣ рѣки текутъ виномъ, гдѣ золотые яблоки, гдѣ ѣдятъ голубей, которыхъ жарятъ на солнечныхъ лучахъ, гдѣ пьютъ вино и пиво и ложатся спать на шелковыя постели. Легко предположить, что и эта пѣсня есть передѣлка

нѣмецкой пѣсни, и что Vengriu žeme (венгерская земля) есть плохой переводъ слова: Oesterreich.

Что Австрія и восточный край въ пѣсняхъ этого рода не означаютъ какой-нибудь опредѣленной страны, а лишь востокъ вообще, т. е. отдаленную сказочную волшебную страну, то, по изслѣдованіямъ Уланда и Кальфа, оно не можетъ подлежать сомнѣнію. Литовская же «Szendën alu gersim» также заимствовала различныя черты изъ другого сказанія, именно изъ широко распространенной сказки о странѣ, въ которой, не трудясь, всегда получаешь отличныя яствы и дорогія одежды, и которая у нѣмцевъ извѣстна обыкновенно подъ названіемъ «Kurrelmurre» или «Schlaraffenland», а у насъ подъ именемъ «Kokanje» или «Luilekkerland». Сказаніе объ этомъ земномъ раѣ побудило литовцевъ разукрасить Венгрію многими чудесами, по своему происхожденію чуждыми восточному краю и Австріи. Вѣдь въ нѣмецкихъ пѣсняхъ не разсказывается, что Австрія изобилуетъ разнообразнѣйшими яствами и питіями, а воспѣвается лишь блестящій замокъ, «von silber und von rothem gold, mit marmelstein vermauert» [1]). Напротивъ въ литовской пѣснѣ говорится о жареныхъ цыплятахъ и голубяхъ, совершенно также, какъ и въ довольно новой нидерландской пѣснѣ «Luy-Lekkerland» [2]):

Daar loopen hazen, konynen,
Patryzen, hoenders, duyven mee,
Gebraden by dozynen.

Тамъ бѣгаютъ зайцы, кролики,
Куропатки, курицы, голуби,
Жареные дюжинами.

Въ литовской Венгріи одѣваются въ короткіе кафтаны съ золотыми пуговицами, а въ нашей пѣснѣ прославляются драгоцѣнныя одежды Luy-Lekkerland'a.

Излюбленною пѣсней, нѣмецкое происхожденіе которой основательно доказано Кальфомъ [3]), является еще и теперь извѣстная во многихъ мѣстахъ нашей страны «Ic stont op hoogen Bergen», которая вмѣстѣ съ литовской «Ant auk sztoje kalnelie» [4]) и латышской «Es kap'oz aukstim kalnim [5]) очевидно восходитъ къ верхне-нѣмецкому романсу. Старинная пѣсня, какъ она передана въ Антверпенскомъ сборникѣ пѣсенъ, гласитъ [6]):

---

[1]) Kalff 363. Сравни «dat hooge huys».
[2]) Kalff 490 сл.
[3]) Kalff 156.
[4]) Leskien Brugmann 14.
[5]) Bezzenberger Ueber die Sprache der preussischen Letten 7.
[6]) Horae Belgicae XI, 181 сл.

1. Ic stont op hoogen bergen,
Ic sach ter zee waert in.
Ic sach een scheepken dryven,
Daer waren drie ruyters in.
Den eenen stont in minen sin.

2. Den alder ioncsten ruyter,
Die in dat scheepken was,
Die scanc mi eens te drinckeu
Den wyn uut een glas.
God loons hem, die dat was.

3. Ick brenghet u cleyn haveloos
meysken.
Ghi zijt van haven bloot.
Om dat ghi een cleyn haveloos
meysken zijt,
Daer om ick u laten moet.
Ghi en hebter ia gheen goet.

4. Ben ick een cleyn haveloose
meysken,
Ick en bens alleyne niet.
In een cloosterken wil ic rijden.
God loons hem diet mi riet,
Dat ic uut alle genoechten sciet.

5. Och ioncfrou nonne als ghy te
clooster gaet
Ende als ghi wijnge ontfaet
Hoe geerne soude ick weten,
Hoe u die nonne cleyder staen,
Als ghi in een clooster wilt gaen.

6. Mer doen si in dat clooster quam,

Haer vader die was doot.
Men vant in al myns heren lant
Geen rijcker kint ende was groot
Ende niet van haven bloot.

7. Den ruyter had so haest vernomen,
Hi sprac: Sadelt mi myn paert.
Dat si int clooster is gecomen,
Dat mynder herten se sere deert.
Het is mi wel rijdens waert.

8. Mer doen hi voor clooster quam,
Hi clopte aen den rinc:
Waer is dat ioncste nonneken,
Dat hier lest wijnge ontfinc?
Het is so schoonen kint.

9. Dat alder ioncste nonneken

En mach niet comen uut.
Si sidt al hier besloten

Ende si is jesus bruyt.
Si looft hem overluyt

10. Dat alder ioncste nonneken

Ghinc voor den ruyter staen,
Haer hayrken was afgescoren,
Die minne was al ghedaen.
Nonne cleederen had si aen.

11. Ghi moecht wel t'huyswaert rijden,

Stout ruyter, ghi moecht wel gaeu.
Ghi moecht een ander verkiesen,
Mijn minnen is al ghedaen.
Ic hebbe een ander leven aenghegaen

12. Doen ic een cleyn haveloos meys-
ken was,
Doen stiet ghi mi metten voet.
Om dat ic ionc ende arm was.
Ic en hadde doen gheen spoet,
Stelt nu te vreden uwen moet.

1. Я стояла на высокихъ горахъ,
Я смотрѣла въ море,
Я видѣла, какъ несется корабликъ,
Тамъ было три всадника.
Одинъ былъ всегда въ моихъ мысляхъ.

2. Самый юный всадникъ,
Который былъ на томъ кораблѣ,
Налилъ мнѣ въ стаканъ
Вина, чтобы я напилась.
Да наградитъ его Богъ.

3. Я приношу вамъ этотъ стаканъ
бѣдная, бездомная дѣвушка.
— Вы бездомная!
Такъ какъ вы маленькая бездомная дѣвушка,
То долженъ я васъ отпустить.
Вы вѣдь не имѣете никакого имущества.

4. Я маленькая бездомная дѣвушка,
Но я не одна.
Я поѣду въ монастырь.
Да наградитъ Богъ того, кто мнѣ далъ этотъ совѣтъ,
Чтобы я разсталась со всѣми радостями.

5. Когда вы, молодая монахиня, пойдете въ монастырь,
И примете посвященіе,
Какъ охотно посмотрѣлъ-бы я тогда,
Какъ идутъ къ вамъ монашескія рясы,
Когда вы пойдете въ монастырь.

6. Но когда она пришла въ монастырь
Ея отецъ умеръ.
Не нашли-бы во всей этой странѣ
Болѣе богатой наслѣдницы, и она была знатна,
И не бѣдна.

7. Едва рыцарь услышалъ это
Онъ сказалъ: сѣдлайте мнѣ моего коня!
Она ушла въ монастырь,
И это такъ огорчаетъ мое сердце,
Вотъ зачѣмъ я хочу ѣхать.

8. Когда же онъ пришелъ въ монастырь,
Онъ постучалъ:
Гдѣ та молоденькая монахиня,
Которая здѣсь недавно приняла постриженье?
Она такое прекрасное дитя.

9. Младшая монахиня
Не можетъ выйти.
Она сидитъ въ заключеніи
И она Христова невѣста.
Она громко его восхваляетъ.

10. Молоденькая монахиня
Пришла къ рыцарю,
Ея волосы были обстрижены
Ея любовь кончилась,
Она носила монашескія одежды.

11. «Вы можете спокойно ѣхать домой,
Смѣлый всадникъ, вы можете идти.
Вы можете выбрать другую,
Моя любовь кончилась,
Я начала другую жизнь.

12. Когда я была маленькой бездомной дѣвушкой
Тогда вы оттолкнули меня съ презрѣньемъ,
Ибо я была молода и бѣдна.
Я тогда не имѣла счастья,
Теперь успокойте ваше сердце».

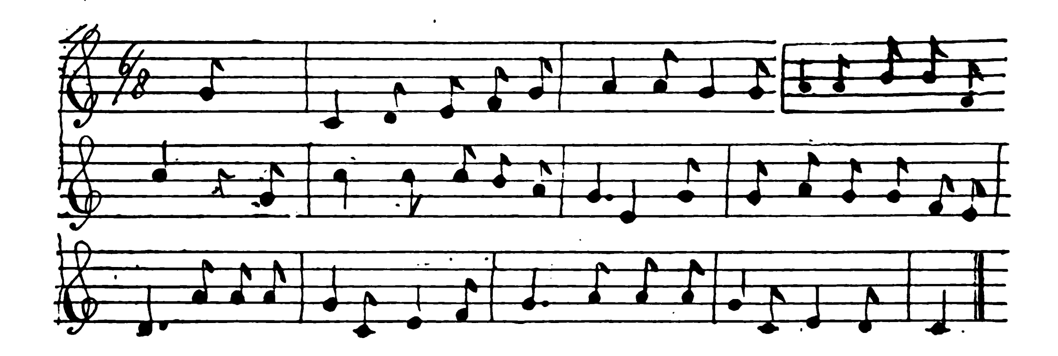
Въ новѣйшее время многое тутъ измѣнилось. Въ теперешней передѣлкѣ пѣсни отверженный любовникъ поджигаетъ монастырь, но такъ какъ возлюбленная и теперь отталкиваетъ его, то онъ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ. Разумѣется здѣсь припоминаются другія пѣсни, гдѣ разсказывается, что монахиня находитъ трупъ всадника и погребаетъ его «al onder dien rozemarijn». Это мѣсто сильно походитъ на заключеніе уже приведенной «Het daghet». Первыя двѣ строфы гласятъ теперь:

1. Toen ik op Neêrlands bergen stond,
Zag ik het zeegat in.
Daar zag ik een scheepje zeilen,
Daar zaten drie ruitertjes in.
Een van die drie was naar mijn zin.

2. Dat allerliefste ruitertje,
Dat er in dat scheepje zat,
Dat bood my eens te drinken;
Het was koele wijn uit een vat.
Het was de beste, dien hij bezat.

1. Когда я стояла на нидерландскихъ горахъ,
Я смотрѣла на море.
Тамъ увидѣла я плывущій корабликъ,
Въ которомъ сидѣли три всадника.
Одинъ изъ троихъ былъ мнѣ по сердцу.

2. Тотъ милый всадникъ,
Который сидѣлъ въ корабликѣ,
Далъ мнѣ напиться:
Это было прохладное вино изъ бочки,
Оно было лучшее, какое только онъ имѣлъ.

Она поется слѣдующимъ образомъ, взамѣнъ прежняго напѣва:

Существенную перемѣну въ нидерландскихъ народныхъ пѣсняхъ произвело распространеніе многочисленныхъ повѣстей (fabliaux) позднѣйшаго времени среднихъ вѣковъ.

У насъ онѣ были весьма любимы въ образованномъ обществѣ приблизительно въ XV вѣкѣ, и оттуда уже проникли въ народъ. Время героическаго

эпоса для насъ уже миновало, и рыцарская поэзія со своей отвагой и почитаніемъ женщины, на время могла правда привиться и у насъ, по крайней мѣрѣ среди дворянъ, но никогда не могла утвердиться въ народѣ. Она уже утратила свою прелесть, и мелкій горожанинъ слушалъ охотно то веселые, то трагическіе, но всегда остроумные романическіе разсказы, распространявшіеся тогда почти по всей Европѣ и переданные намъ южными сосѣдями. Народъ не только воспринялъ ихъ, но и придалъ новый, національный характеръ, далъ имъ всѣмъ отпечатокъ правда не рыцарскаго, зато жизнерадостнаго веселаго духа. Вслѣдствіе этого является новый родъ пѣсенъ; по своему содержанію онъ опирается на распространенные тогда повѣствовательные мотивы, но въ то же время отличается чисто голландскимъ оттѣнкомъ. Интереснымъ примѣромсъ этого служитъ пѣсня «Het was een vrouwtje van Amersfoort» [1]), гдѣ разсказывается про молодую женщину, вышедшую замужъ за стараго человѣка. Она послала его достать сѣна. Когда онъ ушелъ, она отправила свою дочь за пасторомъ. Дочь сказала пастору:

Och pater—seyde sy—Domine,
Komt by myn moedertje slapen;
Myn vader is uyt om hoy &.

Pater, сказала она, domine,
Приходите на ночь къ моей матушкѣ
Мой отецъ уѣхалъ за сѣномъ.

Пасторъ охотно внялъ этому приглашенію, и, когда онъ пришелъ къ вѣроломной женщинѣ, она сказала ему слѣдующее:

Och Pater—seyde sy—Domine!
Wat sullen wy t'avont drincken?
Rinse Wyntje alsoo klaer,
Dat in ons hertje sal sincken.
Myn man is uyt om hoy &.

Och Pater—seyde sy—Domine!
Wat sullen wy t'avont eten?
Hoenders en kapoendertjes
Gebraden aan de speten.
Myn man is uyt om hoy &.

Pater, сказала она, domine,
Что будемъ мы ѣсть вечеромъ?
Курицъ и каплуновъ
Зажаренныхъ на вертелѣ.
Мой мужъ уѣхалъ за сѣномъ и пр.

Pater, сказала она, domine,
Что будемъ мы пить вечеромъ?
Рейнское вино прозрачное,
Оно проникнетъ до нашего сердца.
Мой мужъ уѣхалъ за сѣномъ и пр.

Въ это время вернулся домой обманутый мужъ и спрятался за занавѣски. Вдругъ онъ обращается къ своей женѣ:

Ick bender soo verre van huyse niet,
Ick legh achter de gordjjnen.
Het spelletje, dat je spelen wilt,
Dat doet myn hertje quynen.
Ick gader niet meer om hoy &.

[1]) Kalff 421 сл.

Я не такъ далеко отъ дома,
Я лежу за занавѣской.
Эта шутка, которую ты хочешь
сыграть,
Она огорчаетъ мое сердце.
Я больше не ѣду за сѣномъ... и пр.

Что касается происхожденія этой пѣсни, то я полагаю, ее можно съ полною достовѣрностью отнести къ разряду новеллъ, во французской словесности представленныхъ fabliaux «Du pauvre clerc» и Aloul [1]), а въ русской—былиною «Гость Терентьище» [2]). Сюда же относится принадлежащая XV-му вѣку комедія «Playerwater» [3]), близко подходящая къ «Гостю Терентьищу», почему она не можетъ происходить изъ fabliau «Du pauvre clerc». Голландская комедія и русская былина сводятся скорѣе къ французскому или итальянскому разсказу, близкому къ упомянутому fabliau, но ни въ какомъ случаѣ не тожественному съ нимъ. Прежняя форма разсказа видна изъ четвертой повѣсти Pancatantra: какъ и въ разсказѣ о Playerwater'ѣ мужъ вышелъ изъ дому чтобы достать напитокъ (по индійски madyapāna, нѣчто въ родѣ водки, а въ разсказѣ цѣлебное средство); какъ и въ fabliau «Du pauvre clerc» мужъ приглашаетъ бѣднаго священника (въ Pancatantra бѣдный, ограбленный браминъ Devaçarman, а въ fabliau студентъ-теологъ), и приказываетъ женѣ хорошенько его накормить, но она плохо исполняетъ его приказанія, также какъ и въ fabliau именно этотъ гость обнаруживаетъ невѣрность жены. Какъ и въ Pancatantra открываетъ священникъ въ fabliau обманъ жены сообщеніемъ разсказа изъ жизни животныхъ, который онъ будто-бы самъ пережилъ (въ Pancatantra онъ дѣйствительно пережилъ). Разсказъ ткача въ Pancatantra [4]) смѣшанъ съ другимъ сказочнымъ мотивомъ, именно съ разсказомъ о невѣрной женѣ, которая въ наказаніе лишилась носа. Этотъ мотивъ былъ прекрасно обслѣдованъ Benfey'емъ [5]).—Въ былинѣ «О Гостѣ Терентьищѣ» бѣдный священникъ замѣненъ «веселыми скоморохами», а въ Playerwater'ѣ продавецъ курицъ обнаруживаетъ преступную связь жены съ пасторомъ. Въ приведенной голландской пѣснѣ исторія очень упрощена и получила весьма комическій характеръ, болѣе чѣмъ въ fabliau.

Очень распространеннымъ въ средніе вѣка разсказомъ была исторія о Геро и Леандрѣ, который мы имѣемъ въ голландскомъ текстѣ въ «Het waren twee coninckinderen [6]). Нельзя точно опредѣлить, какимъ путемъ онъ проникъ

---

1) Le grand d'Aussy, Fabliaux, 3-e éd. IV 55 стр. и 200 сл.
2) Кирша Даниловъ, изд. Bühler'a, стр. 9.
3) Winkel. 527.
4) Bombay Sanskrit series IV, Panchatantra I, 30 сл.
5) Benfey Pantschatantra I, 140 сл.
6) Kalf, 227.

въ Голландію; весьма вѣроятно, что голландская редакція непосредственно произошла изъ fabliau. Во всякомъ случаѣ пѣсня, въ которой воспѣвается судьба обоихъ царскихъ дѣтей, значительной древности, по Кальфу она относится къ началу XIV века.

Одна, широко распространенная по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, пѣсня заключаетъ въ себѣ разсказъ о томъ, что одна дѣвушка изъ многочисленныхъ жениховъ выбираетъ себѣ солдата (fussknecht). Голландская редакція пѣсни есть передѣлка верхне-нѣмецкой. Дѣвушка, въ нашей пѣснѣ не хочетъ ничего слышать ни о всадникѣ, ни о «boermans soon»; (крестьянскій сынъ), такъ какъ въ теченіи цѣлаго лѣта она должна была бы надѣвать всаднику сапоги и шпоры и, что касается до мужиковъ:

Boeren dat zijn boeren,	So en doet die vrome lansknecht niet.
Sy drincken so selden den wijn	Hi schencter so dapperlic in.
Мужики они,—и только,	Но молодецкій пѣхотинецъ этого не
Они такъ рѣдко пьютъ вино	Онъ такъ хорошо наливаетъ. [1]) дѣлаетъ

Подобную пѣсню находимъ у литовцевъ: въ одной daina у Leskien-Brugmann'a [2]) разсказывается про дѣвушку, которая отказываетъ сапожнику и портному и скорѣе соглашается быть женою солдата, хотя онъ и пьяница, ибо, говоритъ она: «tik želnërka busiu». Мнѣ кажется, что эта пѣсня, равно какъ и голландская, происходятъ изъ нѣмецкаго источника, и что обѣ родственны съ «Jc stont op hoogen bergen». Это выясняется изъ третьей строфы.

Формы hous и ous вмѣсто huys и uyt доказываютъ верхне-нѣмецкое происхожденіе пѣсни.

Ic stont op hooghen berghen,	Daer rijden alle merghen
Ic sach een steynen hous.	Drie stoute slumerkens ous.
Я стоялъ на высокой горѣ,	Оттуда выѣзжаютъ всякое утро
Я видѣлъ каменный домъ	Три смѣлыхъ молодчика.

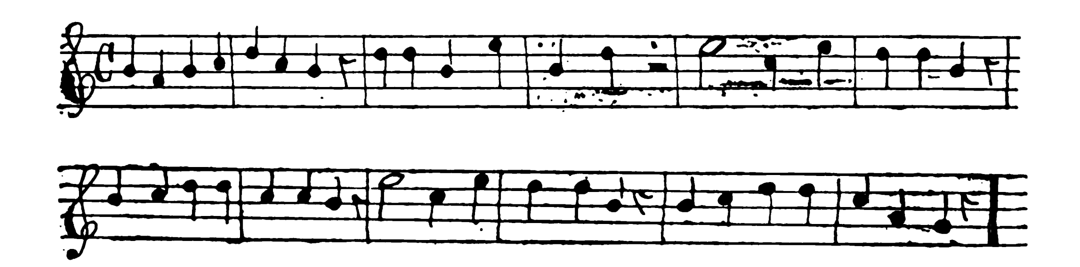
Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы несомнѣнно признать чужеземное вліяніе на повѣствовательныя и сказочныя пѣсни среднихъ вѣковъ; поэтому теперь я хочу сообщить еще нѣчто о чисто нидерландскихъ романсахъ. Къ тѣмъ немногимъ пѣснямъ, которыя до сихъ поръ поются народомъ въ сѣверной и южной Голландіи, принадлежитъ и пѣсня, приведенная въ Антверпенскомъ сборникѣ: «Van den Lantsknecht». Въ старой редакціи 6 первыхъ строфъ таковы [3]).

[1]) Horae Belgicae XI, 330.
[2]) Leskien-Brugmann 41.
[3]) Horae Belgicae XI, 195 сл.

1. Och moeder, seyde si, moeder
Nu geeft mi goeden raet.
Mi vrijdt een lantsknecht seere,
Hi volcht mi altijt na.
2. Vrijdt u een lantsknecht seere,
Volcht hi u altijt na,
So slaet u ooghen nedere
Ende laet hem henen gaen.
3. Och moeder, seyde si, moeder,
Dien raet en ben ic niet vroet.
Ick hebbe die lantsknecht liever
Dan alle mijns vaders goet.
4. Hebdy den lantsknecht liever
Dan alle uws vaders goet,
Och des moet God ontfermen
Dat ic u oeyt gedroech.
5. Hi namse al biden handen
Bi haer sneewitte hant.
Hi leydese also verre
Al daer hijt schoone vant.
6. Wat gaf hi haer te loone
Tot haren nieuuen iaer?
Een kindeken in de wieghen
et sinen ghecrulden haer,

1. Матушка, сказала она, матушка,
Теперь дай мнѣ хорошій совѣтъ.
За мною ухаживаетъ очень солдатъ,
Онъ всегда преслѣдуетъ меня.
2. Если за тобой очень ухаживаетъ солдатъ
И всегда преслѣдуетъ тебя,
То опускай свои глаза
И вели ему уходить прочь.
3. Матушка, сказала она, матушка,
Этого совѣта я не понимаю,
Я люблю того солдата больше.
Чѣмъ все имущество моего отца
4. Ты любишь того солдата больше
Чѣмъ все имущество твоего отца?
Богъ долженъ пожалѣть,
Что я нѣкогда произвела тебя на свѣтъ.
5. Онъ взялъ ее обѣими руками
За ея бѣлоснѣжную руку.
Онъ повелъ ее далеко
Куда ему нравилося.
6. Что же далъ онъ ей въ награду
Къ новому году?
Дитя въ колыбели
Съ вьющимися кудрями.

Семь послѣднихъ строфъ принадлежали первоначально другой пѣснѣ. Въ настоящемъ видѣ я часто слыхалъ ихъ, но, насколько мнѣ извѣстно, они не попали въ этомъ видѣ въ наши сборники.

Ее поютъ теперь на эту мелодію:

По существу и внѣшности, она совсѣмъ измѣнилась; для сравненія быть можетъ небезполезно привести здѣсь эту новую пѣсню:

1. Daar achter op die velden,
Daar is een molen klein,
Die maalt van den ochtend tot den avond
En die maalt er zoo donders fijn.

2. Och moeder, lieve moeder,
Geef mij een goeden raad!
Sla twee blauwe oogjes naar beneden
Als je minnaar voor je staat.

3. Och moeder, lieve moeder,
Die raad, die is niet goed!
Geeb mij maar vijftienhonderd gulden
En de helft van mijn vaders goed.

4. Die vijftienhonderd gulden,
Waar zouden die wel zijn?
Die heeft je vader opgezopen
Aan jenever en brandewijn.

5. Daar achter op die velden,
Daar is een waterplas.
Ik wou dat die lieve jongen
Daarin verzopen was.

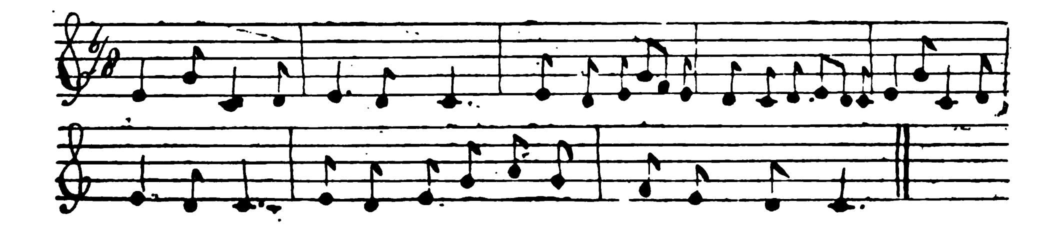
1. Тамъ вдалекѣ за полями
Стоитъ небольшая мельница.
Она мелетъ съ утра до вечера
И мелетъ она очень мелко.

2. Ахъ, матушка, дорогая матушка,
Дай мнѣ хорошій совѣтъ!
«Опускай оба голубыхъ глаза
Когда любовникъ твой передъ тобой.

3. Ахъ матушка, дорогая матушка,
Твой совѣтъ не хорошъ!
Дай мнѣ 1500 гульденовъ
И половину имущества моего отца.

4. 1500 гульденовъ?
Гдѣ же они теперь?
Ихъ пропилъ твой отецъ
На можевеловкѣ и водкѣ.

5. Тамъ вдалекѣ за полями
Тамъ есть прудъ.
Я хотѣлъ бы, что бъ тотъ молодчикъ
Въ немъ утопился.

Какъ образецъ новѣйшей повѣствовательной пѣсни можно привести еще и теперь весьма распространенную «Жила однажды хитрая дѣвушка». («Daar was eens een meisje loos»). Она сложилась на нашей родной почвѣ, вѣроятно среди моряковъ или корабельщиковъ и никакъ не позже, чѣмъ въ семнадцатомъ столѣтіи. Она поется такъ:

1. Daar was eens een meisje loos,
Dat woû gaan varen (bis),
Dat woû gaan varen als licht matroos.
2. Toen bracht zij haar kist aan boord.
Gelijk een braaf (bis),
Gelyk een braaf matroos behoort.
3. Zij moest klimmen in den mast,
Binden de zeilen (bis).
Binden de zeilen met touwtjes vast.
4. Eens met storm en slecht weêr,
Sloegen de zeilen (bis)
Sloegen de zeilen van boven neêr.
5. Och kapteintje, sla mÿ niet,
Ik ben je liefje (bis),
Ik ben je liefje, zooals je ziet.
6. Toen zij kwamen aar den wal,
Was er een jong (bis),
Was er een jong matroosjen al

1. Была однажды хитрая дѣвушка,
Которая хотѣла ѣхать (bis)
Которая хотѣла ѣхать простымъ матросомъ.
2. Тогда она принесла свой сундукъ на бортъ,
Какъ порядочному (bis),
Какъ порядочному матросу слѣдуетъ.
3. Она должна была взбираться на мачты
Связывать паруса (bis),
Связывать паруса канатами.
4. Разъ была лихая погода съ бурею,
Паруса были сбиты (bis)
Паруса были сбиты сверху внизъ.
5. Ахъ капитанъ, не бей меня,
Вѣдь я твоя милая (bis)
Вѣдь я твоя милая, какъ ты видишь.
6. Когда они прибыли къ берегу,
Съ ними уже былъ молодой,
Былъ молодой матросикъ.

Вмѣсто четвертой строфы также поютъ:

Eens had zij wat kwaad gedaan
En de kaptein (bis),
En de kaptein, die woû haar slaan.

Однажды она провинилася въ чемъ то
И капитанъ (bis),
И капитанъ хотѣлъ ее прибить.

Представивъ нѣсколько образцовъ нашей повѣствовательной народной поэзіи, могу теперь перейти къ разряду любовныхъ пѣсенъ. Вѣроятно русскій читатель уже вынесъ то впечатлѣніе, что и среди нидерландскихъ народныхъ пѣсенъ можно найти нѣсколько хорошихъ и что наша народная литература можетъ имѣть притязаніе на нѣкоторый интересъ въ исторіи всеобщей литературы.

II. Любовныя пѣсни.

Разбирая пѣсни «Ахъ матушка, дорогая матушка» и «Жила одна хитрая дѣвушка», мы дошли до девятнадцатаго столѣтія; любовная пѣсня напротивъ уводитъ насъ въ глубину среднихъ вѣковъ. Первыя попытки этого

рода народной поэзіи встрѣчаются уже въ четырнадцатомъ столѣтіи, и языкъ этихъ старинныхъ пѣсенъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что воспѣваніе весны и любви въ нашемъ отечествѣ, мало одушевленномъ поэзіей, началось не безъ чужаго вліянія. Нѣмецкіе миннезингеры дали первый толчекъ нашей эротической поэзіи, которая является несомнѣннымъ пріобрѣтеніемъ нидерландской литературы [1]). Какъ образецъ пѣсни, сложенной на полу-нѣмецкомъ языкѣ, можно привести здѣсь слѣдующія строки [2]):

1. Vaer wech ghepeins, God gheve dir leit,
Dattu ye quaems in myn ghedacht.
Du bist vortan van mi ontseit,
Ende ic ontsegghe al dyn gheslacht.
Vaer wech!
Vaer wech ende vliet van mi ghereit,
Dune laets mi rusten dach no nacht.
2. Du aens ghebrant met onbesceit
Myn hertze ende al myns zinnes cracht:
Mi dwinct so zere dyn aerbeit,
In haen no vruecht, no vruechden macht.
Vaer wech!
Vaer wech ende doe van mi gesceit.
Dune laets mi rusten dach no nacht.,
Ach groen nu zi myn ommecleit,
Want ich mi nie so moede en vacht.
Helpstu mir niet, soot mir nu steit,
So werdic zaen ghevanghen bracht.
Vaer wech!
Vaer wech, helf God om vroilicheit,
In can gherusten dach no nacht.

**1. Удались прочь, мрачное размышленіе, Богъ пусть накажетъ тебя,
Зачѣмъ ты появилось въ моей головѣ.
Я больше не хочу жить съ тобою
Ни со всѣмъ твоимъ родомъ.
Удались прочь!
Удались прочь, быстро улети отъ меня,
Ты не даешь мнѣ покою ни днемъ ни ночью.
2. Ты наполнило безуміемъ
Мое сердце и всю мощь моей мысли:
Твое мученіе такъ мучитъ меня,
Я не имѣю ни радости, ни возможности радоваться.
Удались прочь!
Удались прочь и разстанься со мною.
Ты не даешь мнѣ покою ни ночью ни днемъ.
Ахъ! чтобы моя одежда была зелена!
Потому что я никогда не уставалъ такъ въ борьбѣ.
Если ты не поможешь мнѣ въ моемъ теперешнемъ положеніи,
То скоро я буду плѣнникомъ.
Удались прочь!
Удались прочь! Боже, пошли радость:
Я не могу успокоиться ни днемъ, ни ночью!**

---

[1]) Te Winkel, 444 сл. Kalff, 251 сл.
[2]) Kalff 269 сл.

Впрочемъ, можно еще сомнѣваться въ правѣ-ли мы говорить именно о народныхъ пѣсняхъ, разбирая любовныя пѣсни четырнадцатаго столѣтія, — ибо онѣ имѣютъ рѣзкій придворный отпечатокъ поэзіи высшаго общества. Только въ образованныхъ кругахъ общества могли возникнуть сантиментальныя, любовныя пѣсни, обращенныя къ возлюбленной, въ ту грубую эпоху среднихъ вѣковъ. Кальфъ обращаетъ также вниманіе на то обстоятельство, что въ наиболѣе старыхъ пѣсняхъ обнаруживается глубокое презрѣніе къ глупымъ, неуклюжимъ крестьянамъ [1]), какъ это замѣчается также въ средневѣковой поэзіи у другихъ европейскихъ народовъ. Онъ приводитъ между прочимъ слѣдующую строфу, написанную несомнѣнно придворнымъ поэтомъ:

Maer altoos es in vruechden ryc
Lief bi lief in trouwen ren.;
Een kerel ghert der vruechden geyn,
Hi mint den scat, spise ende wyn;
Want elc ende elc neemt gerne tsyn [2]).

Всегда вмѣстѣ находится любовники
Въ высокой радости, въ чистой вѣрности,
Но мужикъ не желаетъ этой радости,
Онъ находитъ удовольствіе въ деньгахъ, ѣдѣ и винѣ;
Ибо всякому человѣку нравится свое.

Тоже можно сказать и о «старой пѣсенкѣ», сохранившейся въ Антверпенскомъ сборникѣ пѣсенъ [3]):

1. Een ionck herteken, goet van prijse,
Ghinck voor een ioncfrouwe staen.
Hi seyde: ioncfrouwe, met goeden avijse
Mochte ic in uwen boomgaert gaen.
Ick soude van den bladerkens plucken
Ende die rooskens laten staen.
Si seyde: ionck heere, dat is wel verstaen
Mer ten sal also niet zijn.

2. Daer en is maer eén alleyn,
Die van mÿnen boomken reyn
Plucken sal een bladekijn.
Hi seyde: wel over schoone ioncfrouwe,
Laet mi in uwen boomgaert gaen
Ende ic sal van die rooskens plucken
Ende die bladerkens laten staen.
Si seyde: ionck here, dat waer wel gedaen.
Mer ten mach also niet zijn
Want daer en is mer een alleyn & c.

3. Hi seyde: wel over schoone ioncfrouwe,
En verantwoordet niet so fel.
Ick hebbe veel berghen sien hoogher dalen
Dan dat torreken, datter neder daelt.
Si seyde: ionck heere, ick ghelooves wel,
Mer ten sal also niet zijn.

4. Daer en is mer eèn alleyn & c.
Hi seyde: wel over schoone ioncfrouwe,
Ick leghhe mÿn hooft in uwen schoot
Moechdy mi nu gheen troost gheven,
So blijve ic van trouwe doot.
Si seyde: ionc here, ghi en hebt gheen noot,
Ghi verliest uwen tijt.
Daer en is mer eèn alleyn & c.

---

[1]) Kalff, 261.
[2]) Horae Belgicae XI, 59 сл.
[3]) Daelt, конечно, вмѣсто болѣе древняго vel, нѣм. fiel. См. Franck Mittelniederländische grammatik § 153.

1. Одинъ доблестный молодчикъ
Пришелъ къ дѣвицѣ.
Онъ сказалъ: Дѣвица! Съ добрымъ намѣреніемъ
Могу я пройти въ твой садъ?
Я хотѣлъ бы сорвать листочки,
А розы оставить.
Она сказала: рыцарь! Я хорошо понимаю это,
Но этому не бывать.
Есть только вѣдь одинъ человѣкъ,
Который отъ моего нѣжнаго куста
Оторветъ листочекъ.

2. Онъ сказалъ: Хорошо, прекрасная дѣвица!
Позволь мнѣ пройти въ твой садъ.
Я хочу сорвать розы,
А листики оставить.
Она сказала: рыцарь, хорошо было бы это,
Но все же этому не бывать
Ибо есть только одинъ человѣкъ и т. д.

3. Онъ сказалъ: прекрасная дѣвица!
Не отвѣчай такъ дерзко
Я видѣлъ паденіе многихъ горъ болѣе высокихъ,
Чѣмъ эта башенька, которая повалилась.
Она сказала: Рыцарь, я вѣрю этому вполнѣ,
Но все же этому не бывать.
Только есть одинъ человѣкъ...

4. Онъ сказалъ: прекрасная дѣвица,
Я положу свою голову на твои колѣни.
Если ты не можешь дать мнѣ никакой отрады,
То я умру отъ любви.
Она сказала: Рыцарь, — все это безполезно,
Ты теряешь время.
Тамъ есть одинъ человѣкъ и т. д.

Такой дворянскій характеръ носятъ многочисленныя такъ называемыя «сторожевыя пѣсни», въ которыхъ молодой рыцарь тайно посѣщаетъ свою возлюбленную и рано утромъ, когда стражъ поетъ свою «утреннюю пѣсню» — быстро долженъ убираться отсюда, чтобы не быть пойманнымъ [1]). Для образца можно привести слѣдующую пѣсню изъ Антверпенскаго сборника [2]):

1. Het viel een coelen douwe
Tot eender veynster in.
Tot eender huebscer vrouwen,
Ghevanghen int herte mijn.
O lieffelijc ombevanghen [3]),
Staet op ende laet mi in.
Na u so staet mijn verlanghen
By dy so wil ick zijn.

2. Dat meysken was beheynde:
Si liet den knape in
So heymelijc op een eynde
Ai in een camerkijn.
Daar laghen si twee biden ander;
Die wile en was haer niet lanc;
De wachter opter tinnen lach,
Hi hief op een liet, hi sanck.

[1]) Kalff 281 сл.
[2]) Horae Belgicae XI, 107 сл.
[3]) Ombevanghen безъ боязни.

3. Swyghet, wachter, stille!
Ick wil u ghoven loon.
Mi duncteen vroulic beelde.
Des ick gheen rou en hae,
Si leyt in mijnder herten,
Si breket mijnen sin.
Bi haer so wil ick bliven,
Si is die liefste mijn.
4. Bi haer so wil ick blijven,
Bi haer so ben ick gaerne
Si heeft twee valcken oogen,
Si is mijn morghensterre.
Si heeft twee witte wanghen [1])
Ende eenen rooden mont.
Ons heer god wilse behoeden
In alder duecht ghesont.
5. Al voor myns vaders hove
Daer staen twee boomkens fijn,
Die een draecht noten mischaten
Die ander goede nagelkijns.
Die noten, die sijn soet,
Die naghelen zijn goet,
Die wil ic die liefste draghen
Tot eenen frisschen, vrijen moet.

1. Свѣжая, утренняя роса
Проникала черезъ окошко
Къ прекрасной женщинѣ,
Которая полюбилась моему сердцу.
—Дорогая, безъ боязни
Встань и впусти меня.
Мое желаніе—съ тобою одной,
Я хочу быть у тебя.
2. Дѣвушка поспѣшила,
И впустила пажа
Наконецъ тайно
Въ свою комнатку.
Тамъ лежали они оба вмѣстѣ;
Время для нихъ было коротко:
Стражъ лежалъ у зубцовъ на стѣнѣ,
Началъ пѣсню и запѣлъ.
3. Молчи, стражъ,—успокойся!
Я дамъ тебѣ награду.
Одинъ женскій образъ,
—Я въ этомъ не раскаиваюся—
Лежитъ въ моемъ сердцѣ,
Волнуетъ мою мысль.
У нея я останусь,
Она моя возлюбленная.
4. У нея я останусь,
У нея мнѣ такъ хорошо!
У нея два соколиныхъ глаза,
Она моя утренняя звѣзда
У нея бѣлыя ланиты
И алыя уста.
Да сохранитъ ее Господь Богъ
Невредимою въ добродѣтели.
5. Передъ дворомъ моего отца
Стоятъ два хорошенькихъ деревца,
Одно имѣетъ на себѣ мускатные орѣхи,
Другое хорошую гвоздику.
Орѣхи,—(они) хороши,
Гвоздика—хороша,
Все это снесу я любезной
На свѣжую вольную радость.

Въ другой пѣсни, которая весьма близко стоитъ къ сторожевымъ пѣснямъ, одного молодца пригласила на ночь благородная дѣвица. И дальше пѣсня идетъ такъ [2]):

---

[1]) Wanghen—въ текстѣ не даетъ смысла; вмѣсто si heeft twee witte wanghen лучше бы сказать si heefter witte tanden.

[2]) Horae Belgicae XI, 145 сл.

5. Den dach die nam een eynde,
Die iongheline quam al daer,
Met sinen blancken armen
Woude hijse ombevaen.
6. Nu staet, ioncheer, stille
En rijdt mi niet te na!
Ick moet noch eerste weten,
Wat loon ic soude ontfaen.

7. Bergen ende lant, schoon ioncfrouwe,
Sal u vrij eygen zyn,
Ende boven alle die daer leven
Suldi die alderliefste zijn.
8. Sal ic boven alle ioncfrouwen
Dijn alderliefste zijn,
So suldy, ridder coene,
Mÿns lijfs geweldich zijn.

5. День уже кончался,
Юноша пришелъ туда,
Своими бѣлыми руками
Хотѣлъ онъ ее обнять.
6.—«Остановись, рыцарь,
И не подходи ко мнѣ слишкомъ близко!
Я должна еще сперва узнать,
Какую награду я получу».

7.—«Горы и земли, красавица,
Будутъ твоими собственными,
И выше всѣхъ тамъ живущихъ
Будешь ты, моя возлюбленная.—
8. Если выше всѣхъ дѣвицъ
Буду я, твоя возлюбленная,
То, смѣлый рыцарь,
Владѣй моимъ тѣломъ.

Такъ она рѣшила, и юноша повелъ ее «подъ зеленую липу», тамъ оба они легли и оставались напролетъ долгую, чудную ночь, пока не наступилъ свѣтлый день. Въ XV-мъ столѣтіи любовныя пѣсни приняли болѣе буржуазный, народный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе грубый характеръ. Теперь уже не благородный рыцарь и не юноша обращается съ вкрадчивыми, льстивыми словами къ возлюбленной, — но какой нибудь торговецъ, мельникъ или солдатъ, выступаетъ въ болѣе молодыхъ любовныхъ пѣсняхъ. Курьезный, но весьма не пристойный образецъ этихъ буржуазныхъ любовныхъ пѣсенъ, представляетъ намъ одна фламандская пѣсенка о бѣдномъ торговцѣ (scamel mersenier), который, выставляя свои товары, заводитъ съ молодой дѣвушкой двусмысленный разговоръ [1]).

Каждая строфа кончается воззваніемъ торговца:

Naelden, spellen, trompen, bellen!
Ic wil myn merse hier neder stellen.
Laet zien, of ic vercopen can.

Иголки, булавки, трубы, колокольчики!
Я поставлю здѣсь свои товары,
Посмотрите,—не могу ли я продать—(т. е. не купите ли вы чего).

[1]) Kalff 307 сл.

Въ другой пѣснѣ говорится о мельникѣ, который былъ опечаленъ тѣмъ, что никто не приносилъ къ нему ничего молоть, однако онъ находитъ возможность разсѣяться въ любовной связи съ красивой дѣвушкой (goelyck meysken) [1]). Лучше кажется пѣсня о молодомъ рыбакѣ, который не можетъ пройти мимо мельницы, не поцѣловавъ молодой мельничихи. Рыбакъ спрашиваетъ, чтò дурного онъ сдѣлалъ мельничихѣ, зачѣмъ она запрещаетъ ему ходить этой дорогой. Она отвѣчаетъ:

Ghi hebt mi niet misdreven,
Ghi hebt mi niet misdaen,
Maer ghi moet mi driemael soenen,
Eer ghi van hier meucht gaen [2]).

Ты ничѣмъ не обидѣлъ меня,
Ты ничѣмъ не оскорбилъ меня,
Но ты долженъ поцѣловать меня три раза
Прежде чѣмъ уйти отсюда.

Очень часто встрѣчаются въ эротическихъ пѣсняхъ XV-го и XVI-го столѣтій всадники и солдаты (landsknechte). Для примѣра можно привести 3 первыхъ строфы пѣсни, которая въ Антверпенской книгѣ пѣсенъ названа «nyeu liedeken» (новая пѣсенка), но восходитъ конечно къ XV-му вѣку.

1. Het reghende seer ende ick worde nat;
Bi mynen boel sliep ick te nacht,
Bi mynen boel alleyne.

Ryc god, mocht ick die liefste zyn.
2. Hi clopte voor haer cleyn veynsterkyn:
Staet op, myn lief. ende laet mi in:
Ic heb hier so langhe ghestanden;
Mi dunct, dat ic vervrosen ben
3. Dat meysken schoot aen een hemdeken,
Si liet in den ruyter fyn.
In haren blancken armen
Hiet si den ruyter wellecoem zyn [3]).

1. Шелъ сильный дождь, и я промокъ:
У моей возлюбленной проспалъ я сегодня ночью,
Съ моей возлюбленной вдвоемъ.
О Боже всесильный! Если бы я былъ ея дорогимъ возлюбленнымъ!
2. Онъ постучалъ въ ея маленькое окно:
«Встань, моя любовь, и впусти меня;
Я стоялъ здѣсь такъ долго!
Мнѣ кажется, что я замерзъ!»
3. Дѣвушка надѣла рубашку
Она впустила прекраснаго всадника
И въ объятіяхъ своихъ бѣлыхъ рукъ
Пріютила она всадника.

[1]) Horae Belgicae XI, 271 сся.
[2]) Kalff 413.
[3]) Horae Belgicae XI, 118. Срв. начало одной литовской daina (Leskien-Brugmann 70): Sutems tamsi naktužele, Nudergs dargus oružėlis. Kur asz pernakvosiu, nakvynele gausiu? и т. д. Сходство съ нашей пѣсней конечно только случайное.

Большинство пѣсенъ, въ которыхъ главную роль играетъ простой солдатъ или всадникъ, — носитъ повѣствовательный характеръ и въ романсахъ мы встрѣчали ихъ уже не разъ. Мы должны еще прибавить о нидерландскихъ любовныхъ пѣсняхъ, что въ нихъ поется не только о любовныхъ подвигахъ свѣтскихъ героевъ, — часто и монахъ или пасторъ нарушаетъ свой обѣтъ безбрачія какой либо любовной связью и даже монахини не отказываются порою принимать въ свою монастырскую келью молодаго человѣка. Однако на возникновеніе такихъ пѣсенъ вліяли не только факты изъ дѣйствительной жизни, но и такіе разсказы, какъ напр. разсказъ о бѣдномъ священникѣ (clerc). Въ наши дни любовныя пѣсни въ Голландіи давно уже замолкли, или пришлось бы такіе романсы какъ «я стоялъ на высокой горѣ» — причислить къ этому разряду. Есть также скудные остатки отъ древнихъ любовныхъ пѣсенъ здѣсь и тамъ въ дѣтскихъ пѣсняхъ, но они потеряли вполнѣ, какъ и слѣдовало ожидать, свой первоначальный характеръ [1]).

III. Историческія пѣсни.

Если часто нельзя бываетъ провести рѣзкой грани между повѣствовательными и любовными пѣснями, такъ какъ сюжетомъ для первыхъ служатъ, по большей части, любовныя исторіи, а вторыя часто принимаютъ характеръ повѣствованія, то историческія пѣсни, наоборотъ, составляютъ совершенно особую категорію, рѣзко отдѣленную отъ другихъ; въ крайнемъ случаѣ, въ нихъ встрѣчаются дѣтскіе мотивы, о которыхъ мы намѣреваемся вкратцѣ поговорить въ 4-мъ отдѣлѣ этой статьи: довольно часто историческія воспоминанія излагались въ стихахъ для дѣтей.

Отъ среднихъ вѣковъ до насъ дошло лишь незначительное количество пѣсенъ историческаго содержанія; но и ихъ довольно, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ въ былыя времена незамысловатая пѣсня спасала, зачастую, отъ забвенія то или другое событіе, выдающееся въ жизни Нидерландовъ. Такъ сохранилась старая пѣсня, сложившаяся тотчасъ послѣ убіенія голландскаго графа Флориса V, въ которой это убійство описано въ грубыхъ выраженіяхъ. Народъ объясняетъ это убійство иначе, чѣмъ это дѣлаетъ современная историческая наука, и думаетъ, что это злодѣяніе было дѣломъ личной мести и не имѣло никакой политической подкладки. Эта пѣсня дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна—значительно позднѣйшаго происхожденія [2]). Болѣе древняя редакція пѣсни начинается такъ:

---

[1]) Срв. ниже.

[2]) Обѣ редакціи находятся у Hoffmann von Fallersleben. Horae Belgicae II. Древнѣшая также у Jonckbloet, Geschiedenis der Nederlandsche letterkunde II, 292 сл., новѣйшая у van Vloten, Geschiedzangen I, 14 сл. Срв. Kalff 117 сл. и Te Winkel I, 453 сл.

Wie wil hooren een nieu liet?
En dat sal ic u singhen,
Hoe Gheraert van Velsen Graef Floris verriet:
't sijn wonderlike dinghen.

Хотите вы послушать новую пѣсню?
Я вамъ пропою,
Какъ Герардъ-фан-Фельзенъ измѣнилъ графу Флорису.
Это удивительное происшествіе.

Въ пѣснѣ говорится, какъ графъ Флорисъ хотѣлъ принудить дворянина Герарта фанъ-Фельзена жениться на своей прежней любовницѣ. Но Фельзенъ не хотѣлъ и слышать о возлюбленной графа, такъ какъ, говоритъ онъ; «Ваши старые башмаки мнѣ не годятся». Графъ гнѣвно отвѣчалъ на это:

Ghi sultse draghen, 't si u lief of leet,
Al hadt ghij 't bi uw riddershals ghesworen!

«Вы должны носить ихъ, нравится ли вамъ это или нѣтъ,
Хотя бы вы поклялись вашей рыцарской головою».

Спустя нѣсколько времени Фельзенъ женился на другой, и тогда графъ могъ привести въ исполненіе свой планъ и наставить рога упрямому дворянину. Флорисъ зоветъ Фельзена къ себѣ, и когда этотъ послѣдній покинулъ свой замокъ, графъ воспользовался удобнымъ случаемъ.

Gheraart van Vesen dorst het laten niet;
Hi reet aen gheen lantsouwe.
Terwijl sliep den grave van Hollant
Al bi sijn overschoone vrouwe.

«Герардъ-фан-Фельзенъ не смѣлъ ослушаться
Онъ поѣхалъ въ ту страну.
Тѣмъ временемъ графъ Голландскій почивалъ
У его прекрасной жены».

Конечно оскорбленная дворянка закричала: «Насиліе! Что вы дѣлаете со мною, господинъ?» но это не помогло:

Crijten en kermen mocht haer baten niet,
Haer eer moest si daer laten.
En doe hi sijn willeken hadde ghedaen,
Reet hi tot Vtrecht al in der straten.

«Ей не помогли крики и вопли,
Она должна была проститься со своей честью.
А онъ, совершивъ свою волю,
Поѣхалъ въ Утрехтъ по столбовой дорогѣ».

Когда Фельзенъ вернулся домой и узналъ о случившемся отъ своей оскорбленной супруги, онъ говоритъ:

Dat hi uw eertje ghenomen heeft,
Dat is u, soete lief, al vergheven;
Ghister was hi mijn heer, nu ben ic de sijn,
En dat sal hem costen sijn leven.

«Что онъ отнялъ у тебя честь,
Это я тебѣ уже простилъ, милая моя;
Вчера онъ былъ моимъ господиномъ, — сегодня мой чередъ быть его господиномъ.
Это должно искупиться его смертью».

Далѣе слѣдуетъ описаніе соколиной охоты, на которой графъ былъ захваченъ нѣкоторыми дворянами, и сцена убійства. Послѣднія строфы разсказываютъ о дальнѣйшей участи фанъ-Фельзена, который выставляется въ пѣснѣ, какъ главный виновникъ убійства.

Een corte wijl was daer niet lanc,
Gheraert van Velsen wiert ghevanghen:
Hi docht so dicwils bi siner eer:
Rijc God, nu sal ic moeten hanghen!

«Короткая минута не затянулась,
Герардъ фан-Фельзенъ былъ схваченъ.
Онъ думалъ такъ часто, клявшися своею честью:
О Боже! теперь я буду повѣшенъ!»

Но «повѣшенія было для него мало», онъ былъ посаженъ въ бочку, обитую изнутри гвоздями, и въ ней его катали въ продолженіи трехъ дней. Передъ смертью его спросили, какъ онъ себя чувствуетъ? Отвѣтомъ его оканчивается древняя пѣсня:

Hoe mi nu te moede is?
Dat sal ic u wel segghen:
Jc ben noch al de selve man,
Die Graef Floris sijn jonc leven nam.

«Какъ я чувствую себя?
Это я вамъ выскажу:
Я все тотъ же человѣкъ,
Который отнялъ молодую жизнь у графа Флориса».

Другимъ примѣромъ нашихъ историческихъ средневѣковыхъ пѣсенъ можетъ служить та, въ которой описываются поселяне (kerels). Она сложилась,

по мнѣнію ученыхъ, во время войны фламандскихъ крестьянъ (1323—1328) и хорошо выражаетъ то презрѣніе, съ какимъ воинъ смотрѣлъ тогда на своего грубаго и неотесаннаго противника. Вотъ первая строфа этой пѣсни:

Wi willen van den kerels zinghen,
Si sijn van quader aert;
Si willen de ruters dwinghen,
Si draghen enen langhen baert.
Haer cleedren die zijn al ontnait,
Een hoedekin op haer hooft ghecapt,
't Caproen staet al verdrayt
Haer cousen ende haer scoen ghelapt.
Wronghele ende wey, broot ende caes
Dat heit hi al den dach;
Daerom es de kerel so daes,
Hi hetes meer dan hijs mach,

«Мы хотимъ пропѣть о мужикахъ,
Они дурные люди;
Они притѣсняютъ всадниковъ,
Они носятъ длинную бороду.
Ихъ одежды всѣ изорваны,
На головѣ у нихъ шляпа,
Шапочка ихъ вывернута,
Чулки и башмаки зачинены;
Жидкое молоко и сыворотка, хлѣбъ и сыръ
—Его ежедневная пища.
Поэтому мужикъ такой дуракъ,
Онъ ѣстъ больше, чѣмъ можетъ».—

И въ послѣдней строфѣ говорится, что крестьянъ надо учить и вѣшать, такъ какъ борода у нихъ слишкомъ длинна, и они не умѣютъ жить на свободѣ.

Еще надо прибавить, что большинство пѣсенъ историческаго и политическаго характера возникло впервые въ половинѣ XVI в., когда Голландія была угнетена ужасными казнями «духовнаго судилища» и на каждомъ шагу была оскорбляема въ своихъ правахъ и привилегіяхъ своимъ наслѣдственнымъ государемъ Филиппомъ III (онъ же въ Испаніи—король Филиппъ II). И когда наконецъ народъ возсталъ, когда герцогинѣ Пармской было вручено прошеніе о смягченіи преслѣдованія еретиковъ, и баронъ Барлэмонъ далъ дворянамъ просителямъ кличку «gueux», тогда возникла масса страстныхъ политическихъ пѣсенъ, въ то время распространяемыхъ смѣлыми приверженцами принца Оранскаго.

Впрочемъ еще вопросъ, принадлежитъ ли большинство этихъ пѣсенъ къ народной поэзіи: намъ извѣстны авторы многихъ изъ нихъ. Такъ извѣстная военная пѣсня «Slaet opten trommele» (бейте въ барабанъ) принадлежитъ пастору Аренту Дирксену [1]); еще болѣе извѣстная «Wilhelmus van-Nassouwe» написана дворяниномъ Филиппомъ фанъ-Марниксъ ванъ-Синтъ-Альдегонде [2]). Для иностранца не достаточно хорошо знакомаго съ событіями этого періода, эти пѣсни

[1]) Van Vloten. Geschiedzangen I, 386 сл.
[2]) Van Vloten. Geschiedzangen I, 365 сл.

представляютъ также лишь незначительный интересъ. О позднѣйшихъ историческихъ пѣсняхъ много говорить нечего; нѣкоторыхъ изъ нихъ мы коснемся въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

IV. Дѣтскія пѣсни.

Я опасаюсь, что уже слишкомъ долго занималъ русскаго читателя нашими народными произведеніями и потому при изложеніи дѣтскихъ пѣсенъ буду по возможности кратокъ. Относящійся сюда матеріалъ, какъ уже выше упомянуто, собранъ профессоромъ фанъ-Флотеномъ, но еще доселѣ не нашелъ никакого примѣненія. Было бы интересной задачей для нидерландскаго филолога изслѣдовать, въ какой степени замѣтны въ нихъ слѣды старыхъ пѣсенъ или историческихъ событій. Большая часть этихъ пѣсенъ извѣстна только въ новой формѣ, но тѣмъ не менѣе во многихъ варіантахъ, число которыхъ можно увеличивать съ каждымъ днемъ, такъ какъ во всѣхъ частяхъ Голландіи и Фландріи эти пѣсни живутъ еще въ устахъ народа, и еще много времени пройдетъ, пока эти послѣдніе остатки нашей нѣкогда столь богатой народной словесности (folklore) исчезнутъ изъ памяти нидерландцевъ. Дѣтскія пѣсни Голландіи и Бельгіи ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ пѣсенъ сосѣднихъ народовъ: тѣже безсмысленныя слова, тотъ же монотонный речитативъ. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія тѣ пѣсни, которыя поются дѣтьми въ извѣстныхъ случаяхъ и въ праздничные дни. Всѣмъ извѣстна среди такихъ пѣсенъ—пѣсенка Св. Мартина: 11-го Ноября (Св. Мартина) дѣти ходятъ въ городахъ и деревняхъ по дворамъ съ зажженными свѣчами, чтобы выпросить у жителей нѣсколько центовъ, причемъ они поютъ:

Hier woont een rijk man,
Die veel geven kan.
Veel zal hij geven,
Zalig zal hij leven.
Zalig zal hij sterven,
Den hemel zal hij erven.

Здѣсь живетъ богатый человѣкъ
Онъ много дастъ.
Если онъ много дастъ,
То счастливо онъ проживетъ,
Счастливо умретъ
И наслѣдуетъ небесное царство.

Если они ничего не получаютъ, то прибавляютъ еще слѣдующее:

Een zakje met zemelen,
Een zakje kruit,
Hiet hangt de gierige duivel uit.

Мѣшокъ съ отрубями
Мѣшокъ съ порохомъ,
Здѣсь на вывѣскѣ стоитъ скупой чортъ.—

Также очень извѣстна слѣдующая пѣсенка св. Николая, которую дѣти поютъ въ домахъ вечеромъ 5 Декабря, слѣд. въ канунъ Николина дня (6 Дек.):

Sinterklaas, goed heilig man,
Trek je besten tabbaard an,
Rijd er mee naar Amsterdam,
Van Amsterdam naar Spanje,
Appeltjes van Oranje,
Peertjes van den hoogen boom.
Sinterklaas is peetoom!

Святой Никола, блаженный человѣкъ,
Надѣнь лучшій кафтанъ,
Отправься въ Амстердамъ,
Изъ Амстердама въ Испанію,
Привези яблочки изъ Орана,
Грушки съ высокаго дерева,
Святой Никола — нашъ крестный отецъ.—

Въ сѣверной Голландіи есть обычай—въ опредѣленный зимній день (при жизни покойнаго короля въ день его рожденія 19-го Февраля) всѣ деревенскія дѣти обходятъ поселянъ, чтобы выпросить немного дровъ или соломы, и при этомъ поютъ:

Ikkie, tikkie zoo,
Boer mag ik een bosje stroo?
Ikkie tikkie tarwe,
Dan mag jij je komen warmen,
Ikkie, tikkie ton,
Al op het leege land,
Sinte Pieter schoven.
Als je dan niet geven wil,
Dan zal ik het je ontrooven.

Ики тики, такъ (припѣвъ)
Можно унести охапку соломы?
Ики, тики, хлѣбъ,
Тогда ты можешь прійти погрѣться.
Ики, тики, бочка,
Въ открытомъ полѣ
Стоятъ снопы Святаго Петра.
Коли мнѣ не хотите ничего дать,
Такъ я самъ возьму [1]).

Да и въ дѣтскихъ играхъ употребляется еще много пѣсенокъ, среди которыхъ есть навѣрно очень древнія. Такъ слова слѣдующей пѣсни заключаютъ темное историческое воспоминаніе, которое можно было бы отнести къ 1672 году, когда Голландія вела войну съ Англіей и Франціей. Или эта пѣсня можетъ быть болѣе новаго происхожденія и обязана имъ событіямъ 1795 года? Но едва ли такъ.

Onder de holle boomen,
Daar ligt een Engelsch schip.
De Franschman is gekomen,
Hij is zoo rijk als ik.
Ulpe, tulpe, tÿnen,
Hij draagt een hoed met pluimen.
Eerst ben ik matroos geweest,
Nu ben ik soldaatje.
Een, tien, dubbele tien,
Honderd, duizend dertien.

---

[1] Вечеромъ собранное сжигается большимъ костромъ. Этотъ обычай называется bekenen или въ другихъ мѣстахъ bekemen.

Подъ деревьями съ дуплами
Лежитъ англійскій корабль.
Пришелъ французъ.
Онъ такъ же богатъ, какъ я.
Ульпе, Тульпе, тэйненъ

Онъ носитъ шляпу съ перьями.
Прежде я былъ матросомъ,
Теперь я солдатикъ.
Разъ, десять, дважды десять,
Сто, тысяча тринадцать.

Въ этомъ видѣ поютъ ее дѣти въ сѣверной Голландіи, прыгая черезъ веревку (bochten). По Кальфу, который сообщаетъ [1]) варіантъ этой пѣсни, она употребляется и въ той игрѣ, когда одинъ выбирается догонять другихъ и ловить ихъ.

Къ числу болѣе древнихъ дѣтскихъ пѣсенъ принадлежитъ конечно и пѣсенка: «маленькая, маленькая дѣвчурка» которая, повидимому, является отголоскомъ средневѣковыхъ пѣсенъ.

Klein, klein kleutertje,
Wat doe je in mÿn hof?

Jÿ plukt me al de bloempjes af,
Je maakt het veel te grof.

Маленькая, маленькая дѣвчурка, [2])
Что ты дѣлаешь у меня на дворѣ?

Ты срываешь цвѣточки,
Ты слишкомъ ужъ шальлива.

Ср. напр. слѣдующія слова въ пѣснѣ: «Жили — были двое королевскихъ дѣтей» «Het waren twee conincskinderen» (Геро и Леандръ)

Myn alderjoncste suster,
Dat is also cleinen kint,
Si pluct maer al de roosjes,
Diesi in haer wegen vint.

Si pluct maer al de roosjes
En die bladertjes laet si staen.
Dan segghen maer alle de lieden:
Dat hebben conincskinderen ghedaen.

Моя младшая сестра
—Такой маленькій ребенокъ;
Она срываетъ всѣ розы,
Что̀ она находитъ на пути.

Она срываетъ всѣ розы,
И оставляетъ листики.
И тогда говорятъ всѣ люди:
Это сдѣлали королевскія дѣти.

и уже приведенныя выше слова изъ древней любовной пѣсни:

Mochte ic in uwen boomgaert gaen,
Ick soude vanden bladerkens plucken
Ende die rooskens laten staen & c.

Если бъ я попалъ въ вашъ садъ,
Я сталъ бы срывать листики,
И оставлять розы.

---

[1]) Kalff 547.
[2]) Kalff 547.

Въ заключеніе этой статьи я сообщу очень старинную дѣтскую пѣсенку въ двухъ варіантахъ; оба встрѣчены мною въ сѣверной Голландіи:

Heb je wel gehoord van den hollen bollen wagen,
Waar die groote Gijs op zat? (тоже: hongerige gÿs).
Hij kon schrokken tien pond brokken (auders: groote brokken),
Zeven kannen bier en een pot vol smeer.
Hap, zei de beer, en ik lust nog meer.

Слыхали-ли вы о славной повозкѣ,
Въ которой сидѣлъ большой Гейсъ? (иначе: голодный Гейсъ).
Онъ можетъ съѣсть десять фунтовъ всякой всячины (иначе: большихъ кусковъ)
Выпить семь чаръ пива и покончить съ горшкомъ сала.—
Пожалуйте поѣсть, сказалъ медвѣдь,—я хочу еще больше.

Другой варіантъ вмѣсто двухъ послѣднихъ строкъ имѣетъ:

Een koe en een kalf en een dood paard half,
Een os en een stier, zeven tonnen bier,
Een hok vol schapen, een schip vol rapen,
En nog kon die Gijs van den honger niet slapen.

Корову и теленка, половину мертвой лошади,
Быка и вола, семь бочекъ пива.
Стойло полное овецъ, корабль полный рѣпы,—
И все же Гейсъ отъ голода не могъ заснуть.—

Этихъ немногихъ примѣровъ вполнѣ достаточно для общаго представленія о нашихъ дѣтскихъ пѣсняхъ, и этимъ я считаю поконченной свою задачу — дать очеркъ нидерландской народной пѣсни древней и новой.

Амстердамъ, Дек. 1892 г.

К. К. Уленбекъ.

ОТДѢЛЪ II.

Мордовская свадьба.

(Продолженіе).

Третій вечеръ.

Начинается такъ-же, какъ и въ предыдущіе вечера:

Мень седей кирьдезь санмемъ!
. . . .
. . . .

Промодо, ялганъ, промодо!
Сэрь лажамо тарказонъ,
Промодо, оянъ, промодо!
Сэрь вальмамо тарказонъ.

Умокъ марясынь, ялгинень,
Московъ баяга вайгеленкъ
Умокъ марясынь, оинень,
Мазы циновка вайгеленкъ.
Лисиксэлень каршозонкъ,
Лисиксэлень срѣчамонкъ,
Бояръ-аваксъ чимъ мартонъ арасель.
Мазыксъ-пароксъ чимъ мартонъ арасель.
Аволь тукшнось, ялгинень,
Кафто енга шабрава
Ломань превень вешнеме,
Ломань превень кевснеме:
Соньсинзэ-якъ ульнесьть, ялгинень,
Паро превень максынзэ,
Паро превень ёфтынзэ.
Бояръ-аваксъ-чимъ, ялгинень,
Вере, вере утомсоль,
Верь утомонь цюлансоль,
Цюланъ мазы вальмалоль,
Ашо кеньде алонзоль,
Сіянь мукорь пильгалонзоль,
Тужо тевзэ кецэнзэль,—
Ашо коневъ коцтозо,
Коневъ сёрматъ артонзо
Сіянь салмуксъ кецэнзэ

Собирайтесь, мои подруженьки собирайтесь!
На причитанье моего тѣла,
Собирайтесь, мои голубушки, собирайтесь!
На оплакиванье моего стана.
Давно я слышу, подруженьки,
Московскіе колокола—ваши голоса.
Давно я слышу, голубушки,
Пріятные бубеньчики—ваши голоса.
Хотѣла выйти я на встрѣчу вамъ,
Хотѣла выйти я встрѣтить васъ,
Моего дѣвичества со мной не было,
Моей красоты со мной не было.
Не уходило оно, подруженьки,
На двѣ стороны—по шабрамъ.
Искать чужаго ума-разума,
У чужихъ ума спрашивать
И у самой были, подруженьки,
Доброму уму наставляющіе,
Доброму уму научающіе.
Мое дѣвичество, подруженьки,
Было въ самой верхней клѣти,
Въ верхней клѣти во чуланѣ,
У краснаго окна (того) чулана,
Подъ нимъ была кошма бѣлая,
Подъ ногами стулъ серебряный.
Въ рукахъ у него дѣло спорое,—
Бѣлая бумага—холстъ его.
Картинки на бумагѣ—узоры его.
Въ рукахъ его серебряна игла,

Во время этого причитанья, крестная мать садится рядомъ съ невѣстой и даритъ ей свадебный подарокъ [1]). Подарки даются сообразно состоянію. Принимая подарки невѣста причитываетъ:

«Не подарочкомъ меня ты подарила,
А съ волюшкой-красой ты разлучила».

Послѣ этого невѣста собирается уѣзжать. Одѣвшись она подходитъ къ крестной матери, и приглашаетъ ее пожаловать на ея свадьбу.

«Ты пожалуй, желанна крестна матушка,
Ко мнѣ,—къ невольной красной дѣвицѣ,
На уныму-честну свадебку,
На слезливое пированьице».

Наконецъ, выходя изъ квартиры, невѣста, имѣя въ вид', что она выходитъ изъ этого дома дѣвицей въ послѣдній разъ,—прощается въ такихъ выраженіяхъ съ домомъ, гдѣ она была дорогой, желанной гостьей:

«Ты прости, прости, сердечное гостибьице,
Прости, сладкое да уѣданьице,
Прости, нѣжное мое да высыпаньице.
Ты прости меня, желанна, крестна матушка,
Я не въ перво теперь нунь,—а въ послѣднее...
Западетъ моя путь—широка дороженька
Въ это сердечное гостибьице».

При посѣщеніи и приглашеніи другихъ родственницъ происходитъ то же, что и у крестной матери. Если имѣть въ виду различіе въ наименованіяхъ родственниковъ и родственницъ, и нѣкоторое самое незначительное различіе въ выраженіяхъ, то этимъ исчерпывается вся особенность причитаній невѣсты при посѣщеніи того или другаго родственнаго дома. Содержаніе же—одно и то же: тѣ-же сѣтованія на родителей и родственниковъ, тѣ-же печальныя думы о недалекомъ будущемъ, та-же благодарность за угощеніе и прежнее сердечное гостепріимство и т. под.

Только посѣщая подругъ своихъ, невѣста причитываетъ иначе. Встрѣченная подругою опять-же въ сѣняхъ, невѣста проситъ принять ее не въ первый разъ, а въ послѣдній; затѣмъ проситъ подругу взять ея дѣвичью «вольну-волюшку», но потомъ предполагаетъ, что подруга измѣнитъ ея волю, выйдя сама замужъ, а потому намѣревается посѣять волю подъ косивчатымъ окошечкомъ, гдѣ весною и разцвѣтетъ ея вольвольная и будетъ служить напоминаніемъ о невольной красной дѣвицѣ [2]).

При встрѣчѣ подругою невѣста причитываетъ:

Слава Богу, слава Господу!
На сѣняхъ меня обжидаютъ,
На крыльцѣ меня встрѣчаютъ.
Ты, совѣтна мила подружка
Я пріѣхала къ тебѣ со стадомъ лебединымъ
. . . .
. . . .
Я не въ первый разъ, а во послѣдній.
Я впредь сего до этого
Не недѣльной была гостьицей,
А воскресной честной была бесѣдницей.
Подъ однимъ съ тобою сидѣли косивчатымъ окошечкомъ,
Одну думали съ тобой совѣтъ да думу крѣпкую.

Послѣ этого входитъ въ комнату, и здѣсь ее угощаютъ. За угощеніе она благодаритъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и крестную мать, опуская только послѣднія слова:

«Поучи жить меня...
На остудной чужой сторонушкѣ».

Принимая подарокъ отъ подруги, который ясно показываетъ, что она гоститъ не по старому и не по прежнему, что она уже просватана, невѣста опять-же причитываетъ:

---

[1]) Смотря по состоятельности даритъ—или ситцу на платье, или холста на рубашку.
[2]) Указано совмѣстно содержаніе причитаній при пріѣздѣ и при отъѣздѣ невѣсты отъ подруги.

«Не подарочкомъ меня ты подарила,
А съ волюшкой красой меня ты разлучила.
Мнѣ-ка въ волюшкѣ болѣе не бывать,
А вамъ дѣвушкой меня ужъ не видать».

Одѣвшись и пригласивъ подругу на унылую свадебку, она такъ продолжаетъ:

«Ты, совѣтна мила подружка,
По присядемъ-ка на брусову бѣлу лавочку,
Подъ косивчатымъ окошечкомъ,
Не въ первой разъ теперь, а въ послѣдній,
И подумаемъ совѣтъ, да думу крѣпкую.
Ты возьми-тко, совѣтна, мила подружка,
Мою вольну-волюшку.
Ты въ день держи на младой головушкѣ;
Ты въ стряпню [1]) клади въ ларцы да въ окованныя,
За замки да за рублевыя;
А въ ночь клади да подъ подушечку...
Я раздумаюсь невольна красна дѣвица,
Не отдамъ тебѣ свою я вольну-волюшку:
Ты сама дѣвушка на возрастѣ,
Сама красная на выдаваньѣ,
Ты измѣнишь волю-вольную.
Тебя сватухи станутъ засватывать,
Женихи будуть засматривать,
Ты позаришься, да поукинешься
На красу-басу да на угожество молодецкое.
Лучше у твоего родителя батюшки
Спросимъ мѣстечко подъ косивчатымъ окошечкомъ,
И посѣемъ вольную-волюшку
Подъ косивчато окошечко.
Какъ придетъ весна да красная—
Разцвѣтетъ моя бажена вольна-волюшка...
Я какъ буду, невольна красна дѣвица,
Священникомъ въ Божьей церкви повѣнчана,
Буду жить я на остудной чужой сторонушкѣ,
Мнѣ какъ вздохнется тамъ да тяжелешенько,
И клокнется да тихошенько,
Вспомню, вздумаю тогда, невольна красна дѣвица,
Что меня вспомнила совѣтна мила подруженька,
Глядючись на мою бажену волюшку.
Что на красѣ басѣ да на угожествѣ —
Разцвѣла моя воля-вольная
Близко пѣнія церковнаго,
Близко звона колокольнаго,
Близъ владычняго Божьяго праздника,
На прогульной на широкой на дороженькѣ.

Закончивъ это причитанье, невѣста прощается съ домомъ, въ которомъ была частой бесѣдницей (см.—причитанье «прости, прости сердечное гостибьице») и съ самой подругой и со словами:

«Западетъ моя путь-широка дороженька
Въ это сердечное бесѣдное гостибьице»

выходитъ изъ дома подруги и направляется къ другой подругѣ, гдѣ повторяется то же.

Возвратившись домой невѣста, встрѣченная матерью въ сѣняхъ, начинаетъ причитывать:

Слава Богу, слава Господу!
На сѣняхъ меня обжидаютъ,
На крыльцѣ меня встрѣчаютъ.
Не возьми во гнѣвъ ты, родитель, моя матушка,
Что долго ѣздила невольна красна дѣвица,
Не сердитесь, свѣтушки братцы родимые,
Что пріустали ваши тягловыя лошадушки.
Я не въ первый ѣздила теперь разъ, а въ послѣдній;
Меня встрѣчали нунь да не по старому,
Принимали, да не по прежнему.

Когда поѣздки къ роднымъ бываютъ закончены, невѣста остальное свадебное время проводитъ дома. Подруги ея не разлучаются съ ней. Время проходитъ среди приготовленій къ свадебному дню, разсужденій о предстоящей новой жизни невѣсты и среди веселій: поютъ различныя пѣсни, танцуютъ, ѣздятъ кататься по деревнѣ. Невѣста болѣе катается на родительскихъ лошадяхъ. Но бываетъ такъ, что пріѣзжаетъ кто-либо изъ родственниковъ или сосѣдей (особенно если невѣста—бѣдная дѣвушка и у ея родителей нѣтъ лошади),—и приглашаетъ невѣсту покататься. Та, конечно, не отказывается.—

[1]) Во время исполненія дѣлъ въ хозяйствѣ.

Иногда, послѣ катанья, невѣста заѣзжаетъ въ гости къ сосѣду, на лошадяхъ котораго она каталась. Тамъ встрѣчаетъ радушный пріемъ: ее обыкновенно уже ожидаютъ и рады бываютъ принять и угостить сосѣдку—невѣсту. Не обходится и тутъ безъ причитаній подобныхъ тѣмъ, которыми сопровождалось посѣщеніе родственниковъ. («Слава Богу, слава Господу», «Прости, прости сердечное гостибьице»). Пріѣхавъ къ своему дому, невѣста, выйдя изъ саней, подходитъ къ тому, кто былъ извозчикомъ и, причитывая, благодаритъ его за то, что онъ не пожалѣлъ «ступисчатыхъ лошадушекъ»—покаталъ ее «невольну красну дѣвицу».

Въ одинъ изъ свадебныхъ дней, послѣ поѣздки къ роднымъ, женихъ пріѣзжаетъ въ гости къ невѣстѣ. Иногда и невѣста, послѣ пріѣзда жениха, ѣздитъ къ нему, такъ сказать, оттащивать, но только не всякая невѣста ѣздитъ къ жениху. Женихъ же всегда считаетъ долгомъ посѣтить свою невѣсту, хотя-бы одинъ разъ. Эта поѣздка въ гости бываетъ днемъ.

По-вечеру же нерѣдко женихъ со своими друзьями пріѣзжаетъ къ невѣстѣ, гдѣ и устраивается вечеринка съ танцами и пѣснями [1]). Никакихъ причитаній и ничего печальнаго на вечеринкахъ не допускается. Женихъ пріѣзжаетъ, чтобы провести послѣдніе дни холостой жизни въ кругу молодежи, среди веселья и развлеченій, а потому слезы и причитанья считаются уже неумѣстными.

Между посѣщеніями родственниковъ и знакомыхъ, между приготовленіями и развлеченіями, незамѣтно проходитъ свадебное время, послѣдніе дни дѣвической жизни невѣсты, а холостой—жениха; и наступаетъ день вѣнчанія

Невѣста-сирота—на могилѣ родителей.

Не всякая невѣста имѣетъ возможность высказывать въ причитаньяхъ свои жалобы на родителей за скорую думу о ея судьбѣ и за лишеніе воли дѣвичьей. Въ причитаніяхъ невѣсты-сироты уже слышатся сѣтованія, что нѣтъ у ней «желанныхъ»—родителя-батюшка, или родительницы-матушки, не съ кѣмъ ей думать думу крѣпкую, и что только вслѣдствіе сиротства, она рѣшается разстаться съ волей дѣвичьей. Хотя эти сѣтованія замѣчаются во многихъ причитаньяхъ невѣсты-сироты (будетъ-ли она круглой сиротой, или нѣтъ, все равно), но преимущественно высказываетъ невѣста свои сѣтованія о сиротствѣ въ причитаньѣ на могилѣ умершихъ родителей. Посѣтить могилу родителей—испросить ихъ благословеніе на всю новую жизнь—невѣста считаетъ своимъ дочернимъ долгомъ. Пріѣхавъ на могилу родителей, въ сопровожденіи неразлучныхъ подругъ, невѣста припадаетъ къ сырой землѣ и такъ причитываетъ:

«Путь дороженька моя да скороталася,
Мнѣ-ка тутъ пришло мое сердечное гостибьице.
Вѣрно тутъ мои желанные родители...
Размуравтесь-ко вы, травушки муравые,
Пораздвинься-ко, мать сыра земля, да ворошеная
Раскатитесь-ко, катучи бѣлы камешки,
Покажисъ оттуль, колода лѣсу бѣлаго,
Ты раскройся, гробова доска дубовая,
Вы разшейтесь, саваночки тонко-бѣлые.
Покажись оттуль, родитель моя матушка [2])
Налетите-тко съ неба, Ангелы-Архангелы—
Вы вложите-тко великое желаньице
Воздыханьице—во бѣлую грудь;
Вы ужъ зрѣньице—во ясны очушки,
Прежній умъ—во разумную головушку,
Размышленьице—въ ретиво сердечушко,
Вы могутушку—въ могучи ейны плечушки,
Вы маханьице—во бѣлые рученьки,
Вы хожденьице—во рѣзвы ноженьки...
Ты ужъ стань-востань родитель оттуль матушка,
Ты ужъ сдѣлай со мной доброе здоровьице,
Ты забай [3]) со мной единое словечушко...

[1]) Вечеринка бываетъ, если невѣста изъ богатаго или зажиточнаго дома. Если же невѣста—бѣдная, то родители ея не имѣютъ возможности устроить вечеринки, а потому женихъ и невѣста и др. свадебная молодежь веселится на общихъ деревенскихъ бесѣдахъ.

[2]) На могилѣ отца—«родитель мой батюшка».

[3]) Баять—говорить.

Знать разгнѣвалась родитель моя матушка
На меня несчастну красну дѣвушку,
На меня горемычну сиротинушку,
Что не сходила я на могилушку умершіихъ,
Я не призвала къ ручному рукобитьицу,
Не подумала я крѣпкой съ тобой думушки.
Глупо сдѣлала невольна красна-дѣвица,
Что не призвала тебя, родитель мою матушку...
Но родитель моя матушка,
Какъ безъ тебя живу невольна красна дѣвушка,
Такъ поспѣшила идти на чужу на сторонушку,
Убоялась я невольна красна дѣвушка:
Чтобы вѣтрушки меня въ дѣвицахъ не обвѣяли,
Чтобы людюшки меня да не оббаяли;
Я того во дѣвушкакъ сидѣть да убоялася,
Я того сидѣть во красныхъ устрашилася,
Я того идти на чужу на сторонушку поспѣшилася.
Кабы въ живности была ты, родитель моя матушка,
Я бы умышкомъ можетъ не подумала,
Я бы мыслями можетъ не помыслила,
Ты на меня, родитель, не прогнѣвайся.
Ты пойдемъ-ка въ домъ да нашу жирушку,
Пойдемъ къ родителю ко батюшкѣ,
Пойдемъ на честное пированьице.
Пойдемъ ко мнѣ на слезное проливаньице,
Надѣлить меня нунь таланомъ-участью,
Наградить меня родительскимъ награжденьицемъ,
Благословить меня родительскимъ благословеньицемъ,
Чтобы далъ Господь талану тамъ и участи
Какъ на этой жить на чужой на сторонушкѣ.
Такъ ты когды придешь ко мнѣ, родитель моя матушка?
По утру ли придешь ранешенько?
Али въ вечеру придешь поздешенько?
Али днемъ по красному по солнышку?
Буду ждать тебя, родитель моя матушка,
Я стоять буду на переднемъ на крылечушкѣ.
Тебя встрѣтила бы я, родитель моя матушка,
Провела бы я въ хоромное строеньице
Я большухой въ домъ тебя да экономницей,
Домовой бы я тебя да домовшницей...
Пораздумаюсь невольна красна дѣвица,
Хоть звать тебя, родитель моя матушка,— да не дозваться,
Хоть ждать невольной красной дѣвицѣ,— да не дождаться.
Вѣрно такъ пойдти съ сердечнаго гостибьица;
У родители въ гостяхъ я побывала,
А родительницы въ глаза я не видала,
Хлѣба-соли у родительницы не ѣдала,
Воды-квасу у родительницы не пивала...
Хоть родители желанной не видала,
Хоть мнѣ жаль пойдти отъ родительницы отъ матушки,
Хоть жаль пойдти,—да надо поразстаться,
Хоть тошнехонько,—да надо распроститься.
Ты прости, прости, родитель моя матушка,
Прости, милое родительско-лежаньице».

Съ послѣдними словами невѣста съ подругами оставляетъ могилу матери или отца. Вслѣдъ за невѣстой расходятся по своимъ домамъ и зрительницы-сосѣдки, всегда собирающіяся къ могилѣ послушать, какъ «голоситъ» невѣста. Надобно сказать, что причитанье невѣсты на могилѣ родителей производитъ большее впечатлѣніе, чѣмъ всѣ причитанья въ домахъ. Многія возвращаются съ могилы съ заплаканными глазами, утирая капающія изъ глазъ на холодный снѣгъ или песокъ, слезы.

День вѣнчанія.

Наступаетъ день вѣнчанія. Этотъ день самый интересный изъ свадебныхъ дней. Главный интересъ опять же сосредочивается вокругъ невѣсты. Въ ея домѣ въ послѣдній день можно наблюдать за приглашеніемъ и хожденіемъ (невѣсты) въ баню, за заплетеніемъ и расплетеніемъ косы, за пріѣздомъ жениха и слѣдующею за пріѣздомъ, такъ называемою, «ставкою». Всѣ эти явленія народной свадьбы сопровождаются соотвѣтственными причитаніями, которыя въ домѣ невѣсты и заканчиваются.—Послѣ отъѣзда жениха и невѣсты и ихъ вѣнчанія слѣдуетъ свадебный пиръ въ домѣ жениха, гдѣ и заключается тогда весь интересъ, но слезливыхъ причитаній здѣсь уже не бываетъ.

Умокъ марясынь, ялгинень,
Московъ баяга вайгеленкъ;
Вачтынь вальма чирева,—
Московъ пораткасьть кувалма
Мазы ялганъ кепетецьть,
Ашо диганъ полк(о)ксъ сынь сыргасьть.
Котова таргазь сынстъ палясгъ,

Клетка мартотъ сынстъ руцястъ;
Ашотъ цюлкастъ каштордыть,
Сафьянойть котастъ чикордыть;
Мазы моротъ сынь морыть,
Васолдо-якъ марявить...
Вачтынь омбоце вальмава:
Цёра ялганъ кепетецьть,—
Седить мазы седямсо;
Поярышиойть чапаностъ,
Подяцейксъ карксазь сынстъ карксостъ,
Кримской шапкатъ сынстъ прясостъ,
Чикордыть кемть сынстъ пилькссэстъ.
Вачтынь колмоце вальмава,—
Пиже дуганъ кепетецьть,
Гулькань полкоксъ сынь сыргасьть.
О, ялгинень—оинень!
О, ялгинень—душнень!
Лисикскелень каршозонкъ,
Лисикскелень вастомонкъ—
Визьдинь монъ, ялгинень,
Эсь панстомо пирядонъ:
Виде килей тынкъ сэренкъ,
Мазы срипка уставонкъ,
Якстерь (е) умарь тынкъ чаманкъ,
Мако лопатъ тынкъ руцянкъ,
Вачтынь сэрень кувалма,—
Пайстомо сэремъ нувара,
Мазы тусомъ оланя.
Вачтынь ашо палянъ ланксъ,
Ашо палямъ румакаць,
Клетка руцямъ олакаць.
Сесъ эзинь листь каршозонкъ,
Сесъ эзинь листь сречамонкъ.
Илямизь-га осудя,
Илядо-я пеняця.
Аштеде, ялганъ, ёфниса.
Кода чизэ печтія,
Кода шканьть ютафтыя:
Лисинь—совинь, ялгинень,
Диринь—тетянь кардазга.
Кордазонть вить пелензэ
Шачозь мазы поляна.
Ниле рядо тикшезэ:
Пильге лапава—ташто гавданзо;
Карьксъ тапардамга—цяпоръ тикшезэ;
Кумажава—керясь тикшезэ;

Давно я слышу, подруженьки,
Московскіе колокола—ваши голоса:
Взглянула я въ край окна,—
Вдоль улицы Московской
Красавицы подруги мои поднялися,
Стаей бѣлыхъ гусей онѣ двинулись:
Въ шесть полосъ вышиты ихъ рубашечки,
Клѣтками украшены ихъ руци,
Бѣлые чулочки ихъ шурчатъ,
Башмачки сафьяновые скрипятъ.
Красивыя пѣсни онѣ поютъ,
Издалека онѣ слышатся...
Взглянула я въ другое окно:
Поднялися парни—мои товарищи,—
Играютъ на красивой музыкѣ.
Чапаны ихъ поярочные,
Кушаками по-барски опоясаны,
На головахъ ихъ шапки крымскія,
На ногахъ—сапоги скрипучіе.
Взглянула я въ третье окно:
Сестрички мои поднялися,
Голубиной стаей онѣ двинулись.
О, подруженьки—мои голубушки!
О, подруженьки-мои душеньки!
Хотѣла выйти я на встрѣчу вамъ,
Хотѣла выйти встрѣтить васъ.
Постыдилась я, подруженьки,
Своей головушки несчастной:
Вашъ ростъ—береза прямая.
Вашъ станъ—скрипка красивая,
Ваши личики—ягоды красныя,
Ваши руци—какъ маковъ цвѣтъ.
Посмотрѣла я на себя.
Мой несчастный ростъ поблекъ,
Мое лицо красивое—потускнѣло,
Посмотрѣла я на свою рубашку бѣлую,
Рубашка бѣлая потемнѣла;
Руця клѣтчатая полиняла.
Потому не вышла я на встрѣчу вамъ,
Потому я васъ не встрѣтила.
Не осудите вы меня,
Не пеняйте на меня.
Постойте, подруженьки, разскажу,
Какъ сегодняшній день я провела,
Какъ я это время провела:
Ходила я, подруженьки,
По двору батюшки родимаго;
На дворѣ, на правой сторонѣ
Уродилася красивая поляна:
Въ четыре ряда трава ея,—
По ступню—отава старая;
По оборамъ—трава богородская;
По колѣна—пырей трава;

б) Баня.

Утромъ въ день вѣнчанія для невѣсты топятъ баню [1]). Истопщицами бываютъ ея подруги. Когда баня бываетъ истоплена, дѣвицы приходятъ приглашать невѣсту въ баню. Происходитъ приглашеніе обыкновенно такимъ образомъ. Невѣсту садятъ въ большой уголъ. Дѣвицы подходятъ къ ней. Затѣмъ одна изъ дѣвицъ подругъ выходитъ изъ комнаты за дверь и, начиная тамъ причитывать, возвращается сряду же къ невѣстѣ. Въ своемъ причитаньѣ она передаетъ о фантастическихъ путешествіяхъ за ключевой водой, говоритъ, что многіе желали сходить въ парну баенку и съ этой цѣлію подкупали ее, и угрожали ей, но она не впустила никого, а приглашаетъ пожаловать во парну баенку «совѣтну милу подружку».

Начинаетъ причитывать дѣвица, какъ сказано, за дверями, что и видно изъ начальныхъ словъ причитанья:

«Отворитесь-ко, двери новы дубовыя,
Отогнитесь-ко, петли шелковыя,
Открючьтесь-ко, крючки да золоченыя».

Входя въ комнату:

«Вы раздвиньтесь-ко народъ—да люди добрые,
Вы мнѣ дайте-ка тропиночку—съ мостиночку,
Подходя къ невѣстѣ продолжаетъ:
«Ты пожалуй ка, совѣтна мила подружка,
Ты пожалуй-ка во парную во баенку;
Парна баенка истоплена,
Ключева вода наношена.
Извини, совѣтна подружка,
Долго топила я твою дѣвичью парну баенку,
Того дольше я носила ключеву воду.
Мнѣ сказали люди добрые,
Что во Питерѣ—во славномъ городѣ,
Есть три колодца студеныя,
Тамъ вода чиста да ключевая.
Я пріѣхала душа да красна дѣвица
Ко этимъ колодцамъ студенымъ
Тамъ вѣдь царская дочи да умывалася,
Измутила ключеву воду.
Мнѣ еще сказали люди добрые
Что за Онегомъ страховитымъ,
Есть три колодца студеныя,
Почерпушка—золоченая.
Я спросила своего родителя батюшка,
Я взяла свѣтушковъ—братцовъ родимыихъ,
Я садилась въ малогребну легку лодочку,
Я поѣхала за Онего страховитое.
Завѣяли тутъ вѣтры буйные,
Занесло меня бѣлую лебедушку
Во острова да незаѣздные
Въ берега да небывалые.
Простояла тамъ урочную недѣлюшку
Какъ пріутихли вѣтры буйные,
Нашла я эти колодца студеныя.
Какъ во первомъ колодцѣ—съ омутомъ
Вода да возмутилася;
Во второмъ—съ пескомъ
Да сбуторажилася,
А лишь въ третьемъ колодцѣ
Водушка серебристая,
Почерпушка золоченая.
Я черпнула лишь ключевой воды,
Вдругъ слышу стучитъ гремитъ
Копыто лошадиное;
Оглянулась я душа да красна дѣвица,
Вижу наѣхалъ тутъ остудникъ
Чужъ отецкій сынъ.
На допросъ бралъ меня душу
Да красну дѣвицу:
Про кого берешь ты ключеву воду?
Я стояла—не дрожала,
Говорила—не мѣшалася:
Я беру воду про совѣтну милу подружку,
Про невольну красну дѣвицу.
Онъ сулилъ мнѣ тутъ засуливалъ
Города да съ пригородками,
Села сулилъ да съ приселками,
Мнѣ на плечики сулилъ
Да шаль Турецкую,
На шейку—да много жемчугу.
Онъ сулилъ мнѣ это все,
Мнѣ пройти во почетный да большой уголъ,
Мнѣ ступень ступить во сто рублей,
Мнѣ другу ступить въ пятьсотъ рублей,
Мнѣ увидѣть тамъ совѣтну милу подружку».

---

[1]) Иногда топятъ баню для невѣсты и не въ самый день вѣнчанія, а наканунѣ.

Чтобъ измѣнила я твою
Да волю вольную.
Но я не взяла городовъ
Да съ пригорками,
Я вѣдь не взяла селъ
Да съ приселками,
На плечики не взяла я шали Турецкоей,
На шейку я не взяла жемчугу
Да мелкообразнаго.
Я стояла не дрожала,
Говорила не смѣшалась,
Не продала я и не отдала,
Остуднику—чужу сыну отецкому
Твоей да воли дѣвичьей...
И... подъѣхала къ твоей
Да парной баенкѣ.
Какъ у твоей у парной баенки
Поуставлены да лавочки торговыя
Всѣ торговцы—не знакомые.
Всѣ давалися во парну баенку,
Меня дарили жемчугомъ
Да перебранымимъ,
Меня дарили шелкомъ
Заграничнымимъ;
Ни на что я не позарилась,
Ни на что я не покинулась
И еще у твоей у парной баенки
Стояли полки солдатъ да Государевы.
Угрожали мнѣ солдаты новобранные
Какъ у вашей у парной у баенки
У насъ подкопаны подкопы подземельные,
У насъ подкопаны туда да бочки сорока-
ведерныя,
Съ лютымъ зельемъ—съ чернымъ поро-
хомъ.
Какъ пойдетъ твоя, невольна красна дѣ-
вушка,
Со совѣтными со милыми подружками
Взрывъ мы сдѣлаемъ тогда
Съ подкоповъ подземельныихъ.
Унесетъ тогда подневольну красну дѣвицу
Съ совѣтными милыми подружками,
И тебя душу да красну дѣвицу—
Парной баенки истопщицу,
Ключевой воды изнощицу.
Ты спусти насъ во парну баенку
Измѣни ты ея волю вольную,
Мы снимемъ тогда бочки сорокаведерныя
Съ лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохомъ,
Мы разроемъ всѣ подкопы подземельные.
Я стояла не дрожала, говорила не мѣшалась,
Не пустила ихъ во парну баенку,
Не измѣнила твоей да воли дѣвичьей.
Ты пожалуй-ко, совѣтна мила подружка,
Ты пожалуй-ко во парную во баенку.
Безъ измѣны байня топлена
Безъ измѣны вода ношена».

Когда причитаніе дѣвицы-истопщицы бываетъ закончено, невѣста отправляется въ баню. Ее сопровождаютъ подруги и посторонніи зрительницы,—дѣвушки поютъ пѣсни. Придя къ банѣ, онѣ остаются въ сѣняхъ бани и продолжаютъ услаждать слухъ невѣсты пѣніемъ. Невѣсту въ это время моютъ. Принято обыкновенно, чтобы мыла невѣсту замужняя женщина. Когда невѣста вымоется, дѣвушки входятъ въ баню и моютъ лице той водой, которой только-что мылась невѣста. Съ послѣднимъ обычаемъ связано суевѣрное мнѣніе, что дѣвица, умывшаяся водой, которой мылась невѣста, будетъ пользоваться большимъ «почетомъ» («славой»—«славутная»). И вотъ, чтобы наложить честь на себя, какъ выражаются въ простонародьѣ,—дѣвицы и умываются водой невѣсты [1].— Послѣ

[1]) Существуетъ еще слѣдующій суевѣрный обычай, наблюдаемый при свадьбахъ:

Когда невѣста вымоется въ банѣ, то тѣло ея обтираютъ полотенцемъ и затѣмъ, пока полотенце еще сырое, выжимаютъ воду изъ него въ какой либо сосудъ. Вода эта или потъ съ тѣла считается какимъ-то симпатическимъ средствомъ. Какъ симпатическое средство вода эта, незамѣтнымъ образомъ—въ кушаньѣ или питьѣ дается жениху, въ предположеніи, что женихъ, принявъ эту воду, будетъ сильнѣе любить невѣсту. Хотя указанный суевѣрный, омерзительный обычай и существуетъ, но практикуется далеко не всѣми. Надобно думать, что многихъ отталкиваетъ отъ примѣненія чувство гадливости, которое естественно возбуждается подобнымъ средствомъ.—А въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но въ очень дальнемъ разстояніи отъ Тольца (Горскомъ, Кондорожскомъ и др. приходахъ), по разсказамъ, существуетъ подобнаго же рода обычай. Невѣсту, послѣ того какъ оботрутъ полотенцемъ, обливаютъ молокомъ и тѣло ея обтираютъ тѣстомъ Изъ тѣста этого приготовляются пироги, которые и предлагаются жениху и невѣстѣ, за отдѣльнымъ столомъ, предъ самымъ поѣздомъ ихъ на погостъ для вѣнчанія. Вмѣстѣ съ пирогами подается и молоко, которымъ была облита невѣста. Все это дѣлается съ указанною выше цѣлію.

этого невѣста и дѣвицы выходятъ изъ бани и направляются домой. Подруги ведутъ невѣсту подъ руки и голосятъ протяжную пѣсенку.

Возвратившись домой, невѣста, какъ и передъ отхожденіемъ въ баню, садится въ большой уголъ и начинаетъ причитывать подругѣ, баенной-истопщицѣ, которая чрезъ причитанье приглашала ее въ баню.

Такъ какъ хожденіе въ баню считается, такъ сказать, однимъ изъ послѣднихъ явленій дѣвической жизни, напоминающимъ о скорой перемѣнѣ этой жизни на жизнь супружескую, то и въ причитаніи невѣсты послѣ бани мы слышимъ упреки ея, баенной истопщицѣ, что та допустила измѣну воли дѣвичьей:

«Вы, совѣтны милы подружки!
Гдѣ же баенна истопница,
Ключевой воды износница?
Гдѣ же Питерска обманщица,
Вытегорская измѣнница?
Буди проклята, совѣтна мила подружка,
Измѣнила ты да волю вольную,
Измѣнила ты мою волю дѣвичью.
Я пришла какъ въ парну баенку,—
Моя волюшка съ головушки бросалася,
Во мѣдны тазы она кидалася,
Въ чистой водушкѣ да искупалася;
Она въ печеньку бросалася,
Зрѣлымъ углемъ показалася;
Она на каменку бросалася,
Огнемъ пламеннымъ да показалася;
Она въ двери какъ бросалася,
Сѣрой уточкой да показалася.
Поплыла какъ эта сѣра уточка
По широкому, по славному Онегушку,
Тутъ по крутому по бережку
Ходилъ полѣсовалъ [1]) остудникъ
Младъ отецкій сынъ.
Онъ убилъ да сѣру уточку
На широкомъ славномъ Онегушкѣ.
Это не уточка была,
Это была да воля дѣвичья.

Затѣмъ, обращаясь къ матери, продолжаетъ причитывать:

«Ужъ ты, родитель моя матушка,
Вѣдь я бѣлая лебедушка
Безъ воли нунь вольноей.
Вы зовите свѣтушковъ
Да братцовъ родимыхъ:
Пусть догонятъ остудника
Млада сына отецкаго,
Пусть отнимутъ мою да волю вольную,
Пусть отнимутъ мою
Да волю дѣвичью».

в) Заплетеніе и расплетеніе косы.

По возвращеніи изъ бани и окончаніи приведеннаго выше баеннаго причитанья, начинается расчесываніе и заплетеніе невѣстиной косы. Почесать волосы невѣста приглашаетъ каждаго изъ окружающихъ и никто не отказывается. При приглашеніи невѣста соблюдаетъ порядокъ. Прежде всего приглашается и чешетъ голову мать, затѣмъ отецъ, сестры, братья и другіе родственники и родственницы, потомъ уже подруги, посторонніе женщины и мужчины и т. далѣе.

При расчесываніи наблюдается слѣдующее. Всякій приглашенный, взявъ гребень, подноситъ его къ устамъ; подойдя къ невѣстѣ, онъ дѣлаетъ крестное знаменіе на ея головѣ и чешетъ. Остающіеся на гребнѣ волосы не отбрасываются, а обвертываются всегда вокругъ гребня. Понятно, что каждый чешетъ голову невѣсты не долго, но такъ какъ зрителей въ то время собирается не мало и каждый приглашается къ расчесыванію особымъ, хотя и краткимъ причитываніемъ, то процедура эта занимаетъ довольно продолжительное время.

Невѣста приглашаетъ почесать ея «младу головушку» въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

---

[1]) Полѣсовать—охотиться въ лѣсу.

«Ты, родитель моя матушка,
Подойди ко мнѣ, невольной красной дѣвицѣ,
Почеши мою младу головушку
Не первый разъ—послѣдній.
Моя головушка не гладится
Волосъ въ волосу не ладится.
Вѣрно, слышитъ руса косынька,
Что будутъ волюшку
Отнимомъ отнимать».

Мать беретъ гребень и разчесываетъ волосы своей дочери. Когда она кончитъ, то невѣста такъ благодаритъ ее:

«Спасетъ Богъ тебя желанна, моя матушка,
Почесала моей младой головушки,
Не первый разъ чесала нунь,—послѣдній.
Больше въ волюшкѣ мнѣ да не бывать
Меня красной дѣвушкой вамъ—да не видать».

Мать передаетъ гребень отцу невѣсты, которая причитаньемъ же приглашаетъ его разчесать волосы, и въ тѣхъ же выраженіяхъ благодаритъ его, когда онъ почешетъ.

Отецъ передаетъ гребень сыну или дочери; тѣ слѣдующему и повторяется одно и то же пока всѣ не примутъ участія въ разчесываніи косы.

Въ причитаньяхъ, обращенныхъ къ посороннимъ, иногда бываетъ нѣкоторое прибавленіе, всегда касающееся какой либо болѣе или менѣе характерной черты жизни того лица, который приглашается почесать волосы невѣсты.

Такъ, приглашая разчесать волосы женщину богатую, невѣста присовокупляетъ:

«Поучи жить на остудной чужой сторонушкѣ,
Надѣли невольну красну дѣвицу таланомъ участью;
Тебѣ вѣдь міромъ покланяются,
Ума-разума срѣкаются» [1]).

Къ другимъ же женщинамъ обращается, прибавляя только: «Поучи жить на остудной чужой сторонушкѣ».

Когда же приглашаетъ женщину бѣдную, находящуюся не рѣдко въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, не пользующуюся особеннымъ благоволеніемъ судьбы, невѣста прибавляетъ слѣдующее:

«Попросила бы я тебя невольня красна дѣвица
Надѣлить меня таланомъ участью,
Но вѣдь твои рученьки несчастливы,
Твои бѣлы не талантливы».

Бѣдная женщина, тронутая напоминаніемъ объ ея горькой незавидной долѣ, такъ отвѣчаетъ невѣстѣ:

«Я присѣла бы къ тебѣ, совѣтна мила дѣвица,
Почесала бы младу головушку,
Заплела бы русу косыньку,
Да не смѣю наложить я ручки бѣлыя
На твою младу головушку;
Мои рученьки несчастливы,
Мои бѣлы—неталантливы».

Не смотря на такія рѣчи, голову невѣсты чешетъ и несчастная.

Обращаясь къ подругѣ дѣвицѣ, невѣста прибавляетъ:

«Ты, совѣтна мила подружка,
Возьми мою да волю вольную».

Но когда проситъ почесать волосы дѣвицу изъ бѣдной семьи, или дѣвицу сироту, то причитываетъ другое:

---

[1]) Совѣта спрашиваютъ, совѣтуются.

«Не отдамъ тебѣ я воли вольноей;
Моя волюшка съ твоею не поладится;
Твоя волюшка да не дроченая;
Безъ родительницы вѣдь ты росла безъ матушки;
У тя по недѣлюшкѣ головушка была не чесана,
По мѣсяцу руса коса не плетена,
Возрастаньице твое было съ унываньицемъ.
Моя жъ волюшка дроченая,
Мнѣ родитель моя матушка—
Цѣлый вешній день чесала младу головушку,
Цѣлый лѣтній день заплетала русу косыньку,
Всю недѣлюшку за головушкой проваживала.

Самой послѣдней чешетъ волосы та изъ подругъ невѣсты, которая пользуется большею ея любовію и расположеніемъ. Когда подруга любимица разчешетъ волосы,—невѣста проситъ ее и заплести ей косыньку:

Ты, совѣтна мила подружка!
Заплети мою ты русу косыньку,
Возьми ты мою волю вольную,
Не по старому плети, да не по прежнему:
Вѣдь светушки мои братцы родимые,
Рожники [1]) да перезольники,
Вѣдь они будутъ подкуплены
Отъ остудника млада сына отецкаго;
Будутъ косыньку мою да расплетать,
Будутъ волюшку мою да отнимать.

Исполняя просьбу невѣсты, подруга начинаетъ заплетать, въ чемъ помогаютъ ей и другія дѣвицы.

Такъ какъ расплетеніе косы у невѣсты служитъ какъ бы прообразомъ лишенія воли дѣвичьей, лишиться же послѣдней для невѣсты, по словамъ ея, не желательно; то дѣвицы заплетаютъ косу такъ, чтобы было не легко расплести. Съ этою цѣлію онѣ раздѣляютъ волосы на много косичекъ и переплетаютъ ихъ очень мелко. При этомъ волосы и ленточка, которая вплетается въ косу, перевязываются въ узлы, и въ такомъ видѣ заплетается и вкалывается въ косу много очень булавокъ. Всѣ эти воздвигаемыя для расплетанія косы препятствія, какъ бы, должны свидѣтельствовать о высказываемомъ въ причитаньяхъ нежеланіи, чтобы коса была расплетена, а воля дѣвичья отнята.

Когда коса бываетъ заплетена, дѣвица, которую невѣста просила заплести косу, причитывая, сообщаетъ невѣстѣ, что она заплела косу не по старому и не по прежнему, она вплела въ косу и малое озерушко, и лядину лѣсу темнаго, и Свирь рѣку и Ладожское (оз.) спѣсивое, и три ножа булатные, такъ что тѣ, которые будутъ расплетать, то или обрѣжутъ свои руки, или потонутъ въ озерѣ, или заблудятся въ лѣсу, и невѣста останется въ вольной волюшкѣ, во прекрасномъ дѣвичествѣ. Вотъ и самое причитанье:

«Ты послушай-ко, невольна красна дѣвица,
Ты совѣтна мила подружка.
Зачесала я твою младу головушку,
Заплела твою я русу косыньку,
Не по старому плела, да не по прежнему.
На верховищѣ вчесала тебѣ кругло-малое озерушко,
Во корень косы вплела тебѣ
Три лядины лѣсу темнаго,
По срединѣ косы—Свирь—
Рѣку свирѣпую.
Во вторыхъ еще Ладожско спѣсивое,
Въ конецъ косы три ножа булатные.
Будутъ волюшку съ головушки снимать,
Будутъ косыньку твою да расплетать,
Пріобрѣжутъ руки бѣлыя въ три ножа булатные,
Потонутъ они въ Ладожскомъ спѣсивоемъ,
Унесетъ ихъ Свирь рѣка свирѣпая,
Заблудятся въ лядинахъ лѣсу темнаго,
Пріутонутъ въ кругломъ маломъ озерушкѣ.
И тогда невольна красна дѣвица
Ты останешься въ вольной волюшкѣ,
Во прекрасномъ своемъ дѣвичествѣ».

[1]) Рожниками принято называть мужчинъ—родственниковъ невѣсты, участвующихъ въ свадьбѣ, женщинъ съ невѣстиной стороны называютъ приставницами;—родственниковъ жениха: мужчину—поѣзжанинъ, а женщину—брюдга.

Вмѣстѣ съ невѣстой ѣздятъ обыкновенно и ея подруги. Послѣднія дорогой распѣваютъ протяжныя и нѣсколько унылыя пѣсни. При посѣщеніи невѣста старается соблюсти порядокъ въ приглашеніяхъ. Первой всегда приглашается крестная мать, затѣмъ близкіе родственники и наконецъ подруги. Конечно, соблюдается порядокъ въ приглашеніяхъ только отчасти. Поѣздка къ роднымъ продолжается различно. Иногда невѣста посѣтитъ всѣхъ родныхъ въ одинъ день, иногда же потребуется на это два и болѣе дней,— смотря по тому, много-ли родни, далеко-ли живутъ другъ отъ друга и побуждаетъ-ли свадебное время спѣшить, или нѣтъ. Если поѣздка продолжается нѣсколько дней, то на ночь все же невѣста въ каждый день возвращается домой.

Въ то время какъ невѣста посѣщаетъ и приглашаетъ родственниковъ, и женихъ въ свою очередь также ѣздитъ къ своимъ родственникамъ [1]) и, какъ выражается народъ, собираетъ породу [2]). Происходитъ это слѣдующимъ образомъ. Посѣтивъ родственника, женихъ приглашаетъ его на свадьбу, и послѣ угощенія ѣдетъ къ слѣдующему родственнику, а вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ и приглашенный родственникъ. Изъ втораго дома родственниковъ ѣдутъ въ третій—женихъ и два представителя родственныхъ домовъ и т. д. Такимъ образомъ вокругъ жениха собирается въ концѣ концовъ вся родня или порода.

Если въ одинъ день не успѣютъ пригласить всѣхъ родственниковъ, то на ночь разъѣзжаются по домамъ. На другой же день собираются снова въ условленное мѣсто и продолжаютъ поѣздку какъ и наканунѣ. Когда же бываетъ собрана вся родня, тогда они изъ дома жениха возвращаются къ домамъ своимъ до дня вѣнчанія.

Слѣдя за поѣздкой невѣсты къ роднымъ и приглашеніемъ ихъ на свадьбу, вниманіе прежде всего должно быть остановлено на тѣхъ причитаньяхъ, которыми сопровождается отъѣздъ невѣсты изъ дому, пріѣздъ къ родственникамъ, пребываніе и отъѣздъ отъ нихъ и возвращеніе въ родительскій домъ [3]).

Выѣзжая изъ своего дома, невѣста, какъ бы представляетъ, что она ѣдетъ въ гости къ родственникамъ безъ всякой особенной цѣли,—какъ ѣздила въ теченіи своей дѣвической жизни,—съ такими словами обращается къ матери:

«Ты прости, прости, родима матушка,
Я ѣду въ сердечное гостибьице,
Ко крестной своей матушкѣ [4]).
Дай мнѣ пяльца да точеныя,
Дай иголочку да золоченую,
Дай трубу холста да столокотную [5]):
Прогощу я у крестной матушки
Урочныхъ три недѣлюшки».

Пропѣвъ эти, не сотвѣтствующія дѣйствительности слова, невѣста ѣдетъ къ крестной матери, какъ сказано выше, въ сопровожденіи подругъ-дѣвицъ. Подъѣхавъ къ дому крестной матери, дѣвицы берутъ невѣсту подъ руки и направляются въ домъ. Въ сѣняхъ невѣсту встрѣчаетъ крестная мать съ образомъ и хлѣбомъ-солью. Увидѣвъ крестную мать, невѣста закрываетъ платкомъ глаза и начинаетъ причитывать. Прежде всего она какъ бы выражаетъ радость, что «на сѣняхъ ее обжидаютъ»,—«на крыльцѣ ее вострѣчаютъ»; затѣмъ уже сѣтуетъ на крестную мать, что она и родители ея (невѣсты) «скоро вздумали совѣтъ, да думу крѣпкую», «скоро сдѣлали ручное рукобитьице»; не въ привлекательномъ видѣ рисуетъ жизнь «за остудникомъ, младымъ сыномъ отецкіимъ, къ семьѣ котораго надобно «золотомъ присыпаться и жемчугомъ присаждаться»,— тогда только можно въ честь попасть, и въ заключеніе говоритъ, что схватятся впослѣдствіи они, т. е. ея родители и крестная мать, да будетъ поздно.

Приведенныя мысли причитанья выражаются такъ:

---

[1]) Первымъ приглашается крестный отецъ.

[2]) Родня.

[3]) Родственники и родственницы невѣсты не сопровождаютъ ее послѣ приглашенія, какъ принято сопровождать жениха.

[4]) Къ крестной матери, какъ было замѣчено ранѣе, невѣста ѣдетъ къ первой. Но если поѣздка продолжается нѣсколько дней, то, отъѣзжая во вторый день, въ причитаньѣ упоминаетъ ту родственницу, къ которой намѣревается ѣхать прежде другихъ.

[5]) Сто локтей длины.

«Слава Богу, слава Господу,—
На сѣняхъ меня обжидаютъ,
На крыльцѣ меня встрѣчаютъ.
Ты желанна крестна матушка!
Я пріѣхала къ тебѣ въ сердечное гостибьице,
Я не въ перво нупь, а во послѣднее,
Я пріѣхала со стадомъ лебединымъ,
Со совѣтными со милыми подружками,
Со милыми свѣтушками,
Со братцами со родимыми.—
Ты слушай-ко, желанна крестна матушка,
Ты какъ была на ручномъ моемъ да рукобитьицѣ [1])
Я несу гнѣвъ невольна красна дѣвица
На тебя, крестова матушка,
Что скоро вздумали [2])
Совѣтъ да думу крѣпкую,
Что скоро сдѣлали
Ручное челобитьице.
Вы бы думали урочный долгій годичекъ,
Вы бы дѣлали ручное рукобитьице
Цѣлу вешнюю недѣлюшку,
А то у васъ думушка была часовая,
А мнѣ опирушка будетъ вѣковая.
Я несу гнѣвъ невольна красна дѣвица,—
Что вы скупъ взяли съ млада сына отецкаго.
Ты, желанна крестна матушка,
Ты отъ креста меня да принимала,
Ты вѣдь заповѣдь велику полагала,
Что стѣной стоять буду городовою;
Нунь же измѣну сдѣлала,
Желанна крестна матушка,
Промѣняла меня на великое неволище.
Вы вѣдь глупу-молоду меня теперь просватали,
Вы заботой обзаботили,
Вы неволей обневолили.
Я какъ слышала, невольна красна дѣвица,
Какъ о чужой-то сторонушкѣ,
Объ остудникѣ младомъ сынѣ отецкоемъ:
Темны ноченьки во картахъ онъ проигрывать
Вѣшни красны дни въ кабакѣ онъ просиживаетъ;
У нихъ вздорная семья, не однодумная.
Вы на что, на что позарались?
Вы на что, на что укинулись?
Вѣрно, я вамъ надоѣла, напрокучила,
Просидѣла ваши лавочки дубовыя,
Проглядѣла я косивчаты окошечки,
Пріустали ваши ступисчаты лошадушки,
Принаскучила любимымъ я повозникамъ.
Какъ на чужой на дальней на сторонушкѣ,
Надо силушку туда звѣриную,
Мнѣ работать тамъ надо по лошадиному
Надо золотомъ къ семьѣ да присыпатися,
Надо жемчугомъ къ семьѣ да присаждатися,
То́жно [3]) въ честь приду невольна красна дѣвица,
На остуднy чужу сторону.
А какъ я бы,—моя крестна матушка,
Возрастала у желанныхъ родителей
Я бы въ вольной жила волюшкѣ...
Не умѣю я корить ретиваго сердечушка,
Не умѣю клонить младой головушки,
Не подъ силу будетъ мнѣ тяжелая работушка,
Я вѣдь возрастомъ малешенька,
Умомъ-разумомъ глупешенька,
Мои годы молодешеньки;
Не созрѣла я въ бору, да будто ягодка,
Будто птичка буду въ клѣтку я посажена,
Будто рыбка буду въ сѣтку я заловлена.
Вы вѣдь схватитесь тогда, да не воротите [4]).

Когда невѣста закончитъ причитывать, крестная мать благословляетъ ее иконою, и затѣмъ крестница проходитъ въ комнаты. Здѣсь, какъ невѣстѣ, такъ и подругамъ ея, бываетъ предложено угощеніе. Откушавъ предложеннаго хлѣба-соли (или напившись чаю), невѣста садится въ большой уголъ и, причитывая, такъ благодаритъ за угощеніе:

«Спасетъ Богъ тебя, да крестна матушка,
За хлѣбъ за соль, за столовое угощеньице,
За питья да за медовыя,
Да за кушанья сахарныя.
Ты приняла меня теперь—да не по-старому
Не по старому—да не по прежнему.
Я не въ перво теперь,
Да вѣдь въ послѣднее.
Научижъ меня, желанна крестна матушка,
Жить на остудной чужой сторонушкѣ».

---

[1]) Слова этой строки не причитываются, если крестная мать не была въ домѣ невѣсты при благословеніи.
[2]) Родители ея, крестная мать и другіе родственники.
[3]) Тогда только...
[4]) Покорять.

Во время этого причитанья, крестная мать садится рядомъ съ невѣстой и дарить ей свадебный подарокъ [1]). Подарки даются сообразно состоянію. Принимая подарки невѣста причитываетъ:

«Не подарочкомъ меня ты подарила,
А съ волюшкой-красой ты разлучила».

Послѣ этого невѣста собирается уѣзжать. Одѣвшись она подходитъ къ крестной матери, и приглашаетъ ее пожаловать на ея свадьбу.

«Ты пожалуй, желанна крестна матушка,
Ко мнѣ,—къ невольной красной дѣвицѣ,
На унылу-честну свадебку,
На слезливое пированьице».

Наконецъ, выходя изъ квартиры, невѣста, имѣя въ виду, что она выходитъ изъ этого дома дѣвицей въ послѣдній разъ,—прощается въ такихъ выраженіяхъ съ домомъ, гдѣ она была дорогой, желанной гостьей:

«Ты прости, прости, сердечное гостибьице,
Прости, сладкое да уѣданьице,
Прости, нѣжное мое да высыпаньице.
Ты прости меня, желанна, крестна матушка,
Я не въ перво теперь нунь,—а въ послѣднее...
Западетъ моя путь—широка дороженька
Въ это сердечное гостибьице».

При посѣщеніи и приглашеніи другихъ родственницъ происходитъ то же, что и у крестной матери. Если имѣть въ виду различіе въ наименованіяхъ родственниковъ и родственницъ, и нѣкоторое самое незначительное различіе въ выраженіяхъ, то этимъ исчерпывается вся особенность причитаній невѣсты при посѣщеніи того или другаго родственнаго дома. Содержаніе же—одно и то же: тѣ-же сѣтованія на родителей и родственниковъ, тѣ-же печальныя думы о недалекомъ будущемъ, та-же благодарность за угощеніе и прежнее сердечное гостепріимство и т. под.

Только посѣщая подругъ своихъ, невѣста причитываетъ иначе. Встрѣченная подругою опять-же въ сѣняхъ, невѣста проситъ принять ее не въ первый разъ, а въ послѣдній; затѣмъ проситъ подругу взять ея дѣвичью «вольну-волюшку», но потомъ предполагаетъ, что подруга измѣнитъ ея волю, выйдя сама замужъ, а потому намѣревается посѣять волю подъ косивчатымъ окошечкомъ, гдѣ весною и разцвѣтетъ ея воля-вольная и будетъ служить напоминаніемъ о невольной красной дѣвицѣ [2]).

При встрѣчѣ подругою невѣста причитываетъ:

Слава Богу, слава Господу!
На сѣняхъ меня обжидаютъ,
На крыльцѣ меня встрѣчаютъ.
Ты, совѣтна мила подружка
Я пріѣхала къ тебѣ со стадомъ лебединымъ
. . . .
. . . .
Я не въ первый разъ, а во послѣдній.
Я впредь сего до этого
Не недѣльной была гостьицей,
А воскресной честной была бесѣдницей.
Подъ однимъ съ тобою сидѣли косивчатымъ окошечкомъ,
Одну думали съ тобой совѣтъ да думу крѣпкую.

Послѣ этого входитъ въ комнату, и здѣсь ее угощаютъ. За угощеніе она благодаритъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и крестную мать, опуская только послѣднія слова:

«Поучи жить меня...
На остудной чужой сторонушкѣ».

Принимая подарокъ отъ подруги, который ясно показываетъ, что она гоститъ не по старому и не по прежнему, что она уже просватана, невѣста опять-же причитываетъ:

---

[1]) Смотря по состоятельности даритъ—или ситцу на платье, или холста на рубашку.
[2]) Указано совмѣстно содержаніе причитаній при пріѣздѣ и при отъѣздѣ невѣсты отъ подруги.

«Не подарочкомъ меня ты подарила,
А съ волюшкой красой меня ты разлучила.
Мнѣ-ка въ волюшкѣ болѣе не бывать,
А вамъ дѣвушкой меня ужъ не видать».

Одѣвшись и пригласивъ подругу на унылую свадебку, она такъ продолжаетъ:

«Ты, совѣтна мила подружка,
По присядемъ-ка на брусову бѣлу лавочку,
Подъ косивчатымъ окошечкомъ,
Не въ первой разъ теперь, а въ послѣдній,
И подумаемъ совѣтъ, да думу крѣпкую.
Ты возьми-тко, совѣтна, мила подружка,
Мою вольну-волюшку.
Ты въ день держи на младой головушкѣ;
Ты въ стряпню [1]) клади въ ларцы да въ окованныя,
За замки да за рублевыя;
А въ ночь клади да подъ подушечку...
Я раздумаюсь невольна красна дѣвица,
Не отдамъ тебѣ свою я вольну-волюшку:
Ты сама дѣвушка на возрастѣ,
Сама красная на выдаваньѣ,
Ты измѣнишь волю-вольную.
Тебя сватухи станутъ засватывать,
Женихи будутъ засматривать,
Ты позаришься, да поукинешься
На красу-басу да на угожество молодецкое.
Лучше у твоего родителя батюшки
Спросимъ мѣстечко подъ косивчатымъ окошечкомъ,
И посѣемъ вольную-волюшку
Подъ косивчато окошечко.
Какъ придетъ весна да красная—
Разцвѣтетъ моя бажена вольна-волюшка...
Я какъ буду, невольна красна дѣвица,
Священникомъ въ Божьей церкви повѣнчана,
Буду жить я на остудной чужой сторонушкѣ,
Мнѣ какъ вздохнется тамъ да тяжелешенько,
И клокнется да тихошенько,
Вспомню, вздумаю тогда, невольна красна дѣвица,
Что меня вспомнила совѣтна мила подруженька,
Глядючись на мою бажену волюшку.
Что на красѣ басѣ да на угожествѣ —
Разцвѣла моя воля-вольная
Близко пѣнія церковнаго,
Близко звона колокольнаго,
Близъ владычняго Божьяго праздника,
На прогульной на широкой на дороженькѣ.

Закончивъ это причитанье, невѣста прощается съ домомъ, въ которомъ была частой бесѣдницей (см.—причитанье «прости, прости сердечное гостибьице») и съ самой подругой и со словами:

«Западетъ моя путь-широка дороженька
Въ это сердечное бесѣдное гостибьице»

выходитъ изъ дома подруги и направляется къ другой подругѣ, гдѣ повторяется то же.

Возвратившись домой невѣста, встрѣченная матерью въ сѣняхъ, начинаетъ причитывать:

Слава Богу, слава Господу!
На сѣняхъ меня обжидаютъ,
На крыльцѣ меня встрѣчаютъ.
Не возьми во гнѣвъ ты, родитель, моя матушка,
Что долго ѣздила невольна красна дѣвица,
Не сердитесь, свѣтушки братцы родимые,
Что пріустали ваши тягловыя лошадушки.
Я не въ первый ѣздила теперь разъ, а въ послѣдній;
Меня встрѣчали нунь да не по старому,
Принимали, да не по прежнему.

Когда поѣздки къ роднымъ бываютъ закончены, невѣста остальное свадебное время проводитъ дома. Подруги ея не разлучаются съ ней. Время проходитъ среди приготовленій къ свадебному дню, разсужденій о предстоящей новой жизни невѣсты и среди веселій: поютъ различныя пѣсни, танцуютъ, ѣздятъ кататься по деревнѣ. Невѣста болѣе катается на родительскихъ лошадяхъ. Но бываетъ такъ, что пріѣзжаетъ кто-либо изъ родственниковъ или сосѣдей (особенно если невѣста—бѣдная дѣвушка и у ея родителей нѣтъ лошади),—и приглашаетъ невѣсту покататься. Та, конечно, не отказывается.—

---

[1]) Во время исполненія дѣлъ въ хозяйствѣ.

Иногда, после катанья, невѣста заѣзжаетъ въ гости къ сосѣду, на лошадяхъ котораго она каталась. Тамъ встрѣчаетъ радушный пріемъ: ее обыкновенно уже ожидаютъ и рады бываютъ принять и угостить сосѣдку—невѣсту. Не обходится и тутъ безъ причитаній подобныхъ тѣмъ, которыми сопровождалось посѣщеніе родственниковъ. («Слава Богу, слава Господу», «Прости, прости сердечное гостибьице»). Пріѣхавъ къ своему дому, невѣста, выйдя изъ саней, подходитъ къ тому, кто былъ извозчикомъ и, причитывая, благодаритъ его за то, что онъ не пожалѣлъ «ступисчатыхъ лошадушекъ»—покаталъ ее «невольну красну дѣвицу».

Въ одинъ изъ свадебныхъ дней, послѣ поѣздки къ роднымъ, женихъ пріѣзжаетъ въ гости къ невѣстѣ. Иногда и невѣста, послѣ пріѣзда жениха, ѣздитъ къ нему, такъ сказать, отгащивать, но только не всякая невѣста ѣздитъ къ жениху. Женихъ же всегда считаетъ долгомъ посѣтить свою невѣсту, хотя-бы одинъ разъ. Эта поѣздка въ гости бываетъ днемъ.

По-вечеру же нерѣдко женихъ со своими друзьями пріѣзжаетъ къ невѣстѣ, гдѣ и устраивается вечеринка съ танцами и пѣснями [1]). Никакихъ причитаній и ничего печальнаго на вечеринкахъ не допускается. Женихъ пріѣзжаетъ, чтобы провести послѣдніе дни холостой жизни въ кругу молодежи, среди веселья и развлеченій, а потому слезы и причитанья считаются уже неумѣстными.

Между посѣщеніями родственниковъ и знакомыхъ, между приготовленіями и развлеченіями, незамѣтно проходитъ свадебное время, послѣдніе дни дѣвической жизни невѣсты, а холостой—жениха; и наступаетъ день вѣнчанія

Невѣста-сирота—на могилѣ родителей.

Не всякая невѣста имѣетъ возможность высказывать въ причитаньяхъ свои жалобы на родителей за скорую думу о ея судьбѣ и за лишеніе воли дѣвичьей. Въ причитаніяхъ невѣсты-сироты уже слышатся сѣтованія, что нѣтъ у ней «желанныхъ»—родителя-батюшка, или родительницы-матушки, не съ кѣмъ ей думать думу крѣпкую, и что только вслѣдствіе сиротства, она рѣшается разстаться съ волей дѣвичьей. Хотя эти сѣтованія замѣчаются во многихъ причитаньяхъ невѣсты-сироты (будетъ-ли она круглой сиротой, или нѣтъ, все равно), но преимущественно высказываетъ невѣста свои сѣтованія о сиротствѣ въ причитаньѣ на могилѣ умершихъ родителей. Посѣтить могилу родителей—испросить ихъ благословеніе на всю новую жизнь—невѣста считаетъ своимъ дочернимъ долгомъ. Пріѣхавъ на могилу родителей, въ сопровожденіи неразлучныхъ подругъ, невѣста припадаетъ къ сырой землѣ и такъ причитываетъ:

«Путь дороженька моя да скороталася,
Мнѣ-ка тутъ пришло мое сердечное гостибьице.
Вѣрно тутъ мои желанные родители...
Размуравтесь-ко вы, травушки муравые,
Пораздвинься-ко, мать сыра земля, да ворошеная
Раскатитесь-ко, катучи бѣлы камешки,
Покажисъ оттуль, колода лѣсу бѣлаго,
Ты раскройся, гробова доска дубовая,
Вы разшейтесь, саваночки тонко-бѣлые.
Покажись оттуль, родитель моя матушка [2])
Налетите-тко съ неба, Ангелы-Архангелы—
Вы вложите-тко великое желаньице
Воздыханьице—во бѣлую грудь;
Вы ужъ зрѣньице—во ясны очушки,
Прежній умъ—во разумную головушку,
Размышленьице—въ ретиво сердечушко,
Вы могутушку—въ могучи ейны плечушки,
Вы маханьице—во бѣлые рученьки,
Вы хожденьице—во рѣзвы ноженьки...
Ты ужь стань-востань родитель оттуль матушка,
Ты ужъ сдѣлай со мной доброе здоровьице,
Ты забай [3]) со мной единое словечушко...

[1]) Вечеринка бываетъ, если невѣста изъ богатаго или зажиточнаго дома. Если же невѣста—бѣдная, то родители ея не имѣютъ возможности устроить вечеринки, а потому женихъ и невѣста и др. свадебная молодежь веселится на общихъ деревенскихъ бесѣдахъ.

[2]) На могилѣ отца—«родитель мой батюшка».

[3]) Баять—говорить.

Знать разгнѣвалась родитель моя матушка
На меня несчастну красну дѣвушку,
На меня горемычну сиротинушку,
Что не сходила я на могилушку умершіихъ,
Я не призвала къ ручному рукобитьицу,
Не подумала я крѣпкой съ тобой думушки.
Глупо сдѣлала невольна красна-дѣвица,
Что не призвала тебя, родитель мою матушку...
Но родитель моя матушка,
Какъ безъ тебя живу невольна красна дѣвушка,
Такъ поспѣшила идти на чужу на сторонушку,
Убоялась я невольна красна дѣвушка:
Чтобы вѣтрушки меня въ дѣвицахъ не обвѣяли,
Чтобы людюшки меня да не оббаяли;
Я того во дѣвушкакъ сидѣть да убоялася,
Я того сидѣть во красныхъ устрашилася,
Я того идти на чужу на сторонушку поспѣшилася.
Кабы въ живности была ты, родитель моя матушка,
Я бы умышкомъ можетъ не подумала,
Я бы мыслями можетъ не помыслила,
Ты на меня, родитель, не прогнѣвайся.
Ты пойдемъ-ка въ домъ да нашу жирушку,
Пойдемъ къ родителю ко батюшкѣ,
Пойдемъ на честное пированьице,
Пойдемъ ко мнѣ на слезное проливаньице,
Надѣлить меня нунь таланомъ-участью,
Наградить меня родительскимъ награжденьицемъ,
Благословить меня родительскимъ благословеньицемъ,
Чтобы далъ Господь талану тамъ и участи
Какъ на этой жить на чужой на сторонушкѣ.
Такъ ты когды придешь ко мнѣ, родитель моя матушка?
По утру ли придешь ранешенько?
Али въ вечеру придешь поздешенько?
Али днемъ по красному по солнышку?
Буду ждать тебя, родитель моя матушка,
Я стоять буду на переднемъ на крылечушкѣ.
Тебя встрѣтила бы я, родитель моя матушка,
Провела бы я въ хоромное строеньице
Я большухой въ домъ тебя да экономницей,
Домовой бы я тебя да домовшницей...
Пораздумаюсь невольна красна дѣвица,
Хоть звать тебя, родитель моя матушка,—да не дозваться,
Хоть ждать невольной красной дѣвицѣ,—да не дождаться.
Вѣрно такъ пойдти съ сердечнаго гостибьица;
У родители въ гостяхъ я побывала,
А родительницы въ глаза я не видала,
Хлѣба-соли у родительницы не ѣдала,
Воды-квасу у родительницы не пивала...
Хоть родители желанной не видала,
Хоть мнѣ жаль поидти отъ родительницы отъ матушки,
Хоть жаль поидти,—да надо поразстаться,
Хоть тошнехонько,—да надо распроститься.
Ты прости, прости, родитель моя матушка,
Прости, милое родительско-лежаньице».

Съ послѣдними словами невѣста съ подругами оставляетъ могилу матери или отца. Вслѣдъ за невѣстой расходятся по своимъ домамъ и зрительницы-сосѣдки, всегда собирающіяся къ могилѣ послушать, какъ «голоситъ» невѣста. Надобно сказать, что причитанье невѣсты на могилѣ родителей производитъ большее впечатлѣніе, чѣмъ всѣ причитанья въ домахъ. Многія возвращаются съ могилы съ заплаканными глазами, утирая капающія изъ глазъ на холодный снѣгъ или песокъ, слезы.

День вѣнчанія.

Наступаетъ день вѣнчанія. Этотъ день самый интересный изъ свадебныхъ дней. Главный интересъ опять же сосредочивается вокругъ невѣсты. Въ ея домѣ въ послѣдній день можно наблюдать за приглашеніемъ и хожденіемъ (невѣсты) въ баню, за заплетеніемъ и расплетеніемъ косы, за пріѣздомъ жениха и слѣдующею за пріѣздомъ, такъ называемою, «ставкою». Всѣ эти явленія народной свадьбы сопровождаются соотвѣтственными причитаніями, которыя въ домѣ невѣсты и заканчиваются.—Послѣ отъѣзда жениха и невѣсты и ихъ вѣнчанія слѣдуетъ свадебный пиръ въ домѣ жениха, гдѣ и заключается тогда весь интересъ, но слезливыхъ причитаній здѣсь уже не бываетъ.

а) Пробужденіе невѣсты.

Особенность послѣдняго свадебнаго дня сказывается съ ранняго утра.—Когда невѣста еще спитъ-почиваетъ, мать ея подходитъ къ постели и въ послѣдній разъ будитъ свою дочь-дѣвицу. Пробуждаетъ она слѣдующимъ причитаніемъ:

«Сердечно, мило мое дитятко!
Полно спать да высыпаться;
Пора вставать да пробуждаться.
По крестьянскимъ сараямъ пѣтухи поютъ,
По бобыльскимъ фатерамъ печи топятся,
У меня состряпана стряпния да суетливая,
Убрана дворовая скотинушка,
Кофеи сварены, самовары скипячены.
Стань-возстань, сердечно мое дитятко,
Ко кушаньямъ сахарніимъ,
Ко питьнцамъ медовыимъ».

На такое бужденіе матери невѣста, причитывая, высказываетъ, что мать будила ее въ этотъ день не по старому и не по прежнему,—значитъ будила не въ первый разъ, а въ послѣдній:

«Спасетъ Богъ тебя, родитель моя матушка,
Что разбудила невольну красну дѣвушку,—
Не по старому будила нунь—да не по прежнему.
Ужъ какъ предь сего—до этой поры времени
По ранешеньку лебедушку будила:
Ко стряпнѣ да суетливой,
Ко убору дворовой скотинушки,
Вѣрно не перво теперь будишь, а въ послѣднее».—

Послѣ этого невѣста встаетъ и, одѣвшись, опять причитываетъ. Она передаетъ матери въ этомъ причитаньѣ свой сонъ, который ей, будто бы, снился въ эту ночь.—Такъ какъ сонъ касался предстоящей ей замужней,—не совсѣмъ приглядной,—жизни, то невѣста въ причитаньѣ предлагаетъ, что не лучше ли отказать остуднику—младу сыну отецкому.

Сонъ и желаніе отказать жениху невѣста передаетъ матери въ такихъ выраженіяхъ:

«Ужъ я слышала, родитель моя матушка,
Какъ подошла ты къ тесовой кроваточкѣ,
Ты изголовьице подладила,
И по головушкѣ меня погладила.
Какъ сегодняшней долгой ноченькой
Мнѣ малешенько спалось, да грозно видѣлось:
Прилетѣла перелетна мала пташечка,
И сказала мнѣ перелетна птиченька:
Что-жъ ты спишь, душа, да красна дѣвица,
Какъ на твоей на остудной чужой сторонушкѣ,
Тамъ справляются, да снаряжаются
За тобой за красной дѣвицей,
Тамъ вѣдь ходитъ богоданна твоя матушка,
Ходитъ по хоромному строеньицу расхаживаетъ,
Своимъ сусѣдушкамъ разсказываетъ,
Какъ въ сегодняшній Господень Божій денечекъ
Приведутъ душу, да красну дѣвицу,
На поля наши работницу,
На поля да сѣнокосы—сѣнокощицу,
На Онего [1]) рыболовщицу.
Выходила богоданна твоя матушка
На путь на широкую дороженьку
Выбирала мѣстечка немножечко.
Своимъ сусѣдушкамъ разсказывала:
Я срублю здѣсь малу клѣточку,
Посажу невольну красну дѣвицу,
И не выпущу до самой теплой веснушки,
До крестьянской до работушки...
Тутъ устрашилась я, да убоялася,
Ночью темною мнѣ да не поспалося.
Не откажемъ ли, родитель моя матушка,
Остудника млада сына отецкаго.
Ты отдай меня невольну красну дѣвицу
Хоть во лѣтнія работницы,
Хоть во зимнія кухарочки,
Лишь не выдай на остудну чужу сторону.
Я у родителя своего у батюшки
Буду клубышкомъ въ ногахъ его кататися,
Буду червушкомъ свиватися,
Буду упрашивать да умаливать,
Чтобы не выдалъ на остудну чужу сторону,
Оставилъ бы во вольной волюшкѣ
Во безцѣнномъ во дѣвичествѣ».

---

[1]) Онежское озеро, при которомъ расположены деревни.

б) Баня.

Утромъ въ день вѣнчанія для невѣсты топятъ баню [1]). Истопщицами бываютъ ея подруги. Когда баня бываетъ истоплена, дѣвицы приходятъ приглашать невѣсту въ баню. Происходитъ приглашеніе обыкновенно такимъ образомъ. Невѣсту садятъ въ большой уголъ. Дѣвицы подходятъ къ ней. Затѣмъ одна изъ дѣвицъ подругъ выходитъ изъ комнаты за дверь и, начиная тамъ причитывать, возвращается сряду же къ невѣстѣ. Въ своемъ причитаньѣ она передаетъ о фантастическихъ путешествіяхъ за ключевой водой, говоритъ, что многіе желали сходить въ парну баенку и съ этой цѣлію подкупали ее, и угрожали ей, но она не впустила никого, а приглашаетъ пожаловать во парну баенку «совѣтну милу подружку».

Начинаетъ причитывать дѣвица, какъ сказано, за дверями, что и видно изъ начальныхъ словъ причитанья:

«Отворитесь-ко, двери новы дубовыя,
Отогнитесь-ко, петли шелковыя,
Открючьтесь-ко, крючки да золоченыя».

Входя въ комнату:

«Вы раздвиньтесь-ко народъ—да люди добрые,
Вы мнѣ дайте-ка тропиночку—съ мостиночку,

Подходя къ невѣстѣ продолжаетъ:

«Ты пожалуй ка, совѣтна мила подружка,
Ты пожалуй-ка во парную во баенку;
Парна баенка истоплена,
Ключева вода наношена.
Извини, совѣтна подружка,
Долго топила я твою дѣвичью парну баенку,
Того дольше я носила ключеву воду.
Мнѣ сказали люди добрые,
Что во Питерѣ—во славномъ городѣ,
Есть три колодца студеныя,
Тамъ вода чиста да ключевая.
Я пріѣхала душа да красна дѣвица
Ко этимъ колодцамъ студенымъ
Тамъ вѣдь царская дочи да умывалася,
Измутила ключеву воду.
Мнѣ еще сказали люди добрые
Что за Онегомъ страховитымъ,
Есть три колодца студеныя,
Почерпушка—золоченая.
Я спросила своего родителя батюшка,
Я взяла свѣтушковъ—братцовъ родимыихъ,
Я садилась въ малогребну легку лодочку,
Я поѣхала за Онего страховитое.
Завѣяли тутъ вѣтры буйные,
Занесло меня бѣлую лебедушку
Во острова да незаѣздные
Въ берега да небывалые.
Простояла тамъ урочную недѣлюшку
Какъ пріутихли вѣтры буйные,
Нашла я эти колодца студеныя.
Какъ во первомъ колодцѣ—съ омутомъ
Вода да возмутилася;
Во второмъ—съ пескомъ
Да сбутоpажилася,
А лишь въ третьемъ колодцѣ
Водушка серебристая,
Почерпушка золоченая.
Я черпнула лишь ключевой воды,
Вдругъ слышу стучитъ гремитъ
Копыто лошадиное;
Оглянулась я душа да красна дѣвица,
Вижу наѣхалъ тутъ остудникъ
Чужъ отецкій сынъ.
На допросъ бралъ меня душу
Да красну дѣвицу:
Про кого берешь ты ключеву воду?
Я стояла—не дрожала,
Говорила—не мѣшалася:
Я беру воду про совѣтну милу подружку,
Про невольну красну дѣвицу.
Онъ сулилъ мнѣ тутъ засуливалъ
Города да съ пригородками,
Села сулилъ да съ приселками,
Мнѣ на плечики сулилъ
Да шаль Турецкую,
На шейку—да много жемчугу.
Онъ сулилъ мнѣ это все,
Мнѣ пройти во почетный да большой уголъ,
Мнѣ ступень ступить во сто рублей,
Мнѣ другу ступить въ пятьсотъ рублей,
Мнѣ увидѣть тамъ совѣтну милу подружку».

---

[1]) Иногда топятъ баню для невѣсты не въ самый день вѣнчанія, а наканунѣ.

Чтобъ измѣнила я твою
Да волю вольную.
Но я не взяла городовъ
Да съ пригорками,
Я вѣдь не взяла селъ
Да съ приселками,
На плечики не взяла я шали Турецкоей,
На шейку я не взяла жемчугу
Да мелкообразнаго.
Я стояла не дрожала,
Говорила не смѣшалась,
Не продала я и не отдала,
Остуднику—чужу сыну отецкому
Твоей да воли дѣвичьей...
И... подъѣхала къ твоей
Да парной баенкѣ.
Какъ у твоей у парной баенки
Поуставлены да лавочки торговыя
Всѣ торговцы—не знакомые.
Всѣ давалися во парну баенку,
Меня дарили жемчугомъ
Да перебраннымъ,
Меня дарили шелкомъ
Заграничнымъ;
Ни на что я не позарилась,
Ни на что я не покинулась
И еще у твоей у парной баенки
Стояли полки солдатъ да Государевы.
Угрожали мнѣ солдаты новобранные
Какъ у вашей у парной у баенки
У насъ подкопаны подкопы подземельные,
У насъ подкопаны туда да бочки сорокаведерныя,
Съ лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохомъ.
Какъ пойдетъ твоя, невольна красна дѣвушка,
Со совѣтными со милыми подружками
Взрывъ мы сдѣлаемъ тогда
Съ подкоповъ подземельныихъ.
Унесетъ тогда подневольну красну дѣвицу
Съ совѣтными милыми подружками,
И тебя душу да красну дѣвицу—
Парной баенки истопщицу,
Ключевой воды изнощицу.
Ты спусти насъ во парну баенку
Измѣни ты ея волю вольную,
Мы снимемъ тогда бочки сорокаведерныя
Съ лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохомъ,
Мы разроемъ всѣ подкопы подземельные.
Я стояла не дрожала, говорила не мѣшалась,
Не пустила ихъ во парну баенку,
Не измѣнила твоей да воли дѣвичьей.
Ты пожалуй-ко, совѣтна мила подружка,
Ты пожалуй-ко во парную во баенку.
Безъ измѣны байня топлена
Безъ измѣны вода ношена».

Когда причитаніе дѣвицы-истопщицы бываетъ закончено, невѣста отправляется въ баню. Ее сопровождаютъ подруги и постороннія зрительницы,—дѣвушки поютъ пѣсни. Придя къ банѣ, онѣ остаются въ сѣняхъ бани и продолжаютъ услаждать слухъ невѣсты пѣніемъ. Невѣсту въ это время моютъ. Принято обыкновенно, чтобы мыла невѣсту замужняя женщина. Когда невѣста вымоется, дѣвушки входятъ въ баню и моютъ лице той водой, которой только-что мылась невѣста. Съ послѣднимъ обычаемъ связано суевѣрное мнѣніе, что дѣвица, умывшаяся водой, которой мылась невѣста, будетъ пользоваться большимъ «почетомъ» («славой»—«славутная»). И вотъ, чтобы наложить честь на себя, какъ выражаются въ простонародьѣ,—дѣвицы и умываются водой невѣсты [1]).— Послѣ

[1]) Существуетъ еще слѣдующій суевѣрный обычай, наблюдаемый при свадьбахъ:

Когда невѣста вымоется въ банѣ, то тѣло ея обтираютъ полотенцемъ и затѣмъ, пока полотенце еще сырое, выжимаютъ воду изъ него въ какой либо сосудъ. Вода эта или потъ съ тѣла считается какимъ-то симпатическимъ средствомъ. Какъ симпатическое средство вода эта, незамѣтнымъ образомъ—въ кушаньѣ или питьѣ дается жениху, въ предположеніи, что женихъ, принявъ эту воду, будетъ сильнѣе любить невѣсту. Хотя указанный суевѣрный, омерзительный обычай и существуетъ, но практикуется далеко не всѣми. Надобно думать, что многихъ отталкиваетъ отъ примѣненія чувство гадливости, которое естественно возбуждается подобнымъ средствомъ.—А въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но въ очень дальнемъ разстояніи отъ Тольца (Горскомъ, Кондорожскомъ и др. приходахъ), по разсказамъ, существуетъ подобнаго же рода обычай. Невѣсту, послѣ того какъ оботрутъ полотенцемъ, обливаютъ молокомъ и тѣло ея обтираютъ тѣстомъ Изъ тѣста этого приготовляются пироги, которые и предлагаются жениху и невѣстѣ, за отдѣльнымъ столомъ, предъ самымъ поѣздомъ ихъ на погостъ для вѣнчанія. Вмѣстѣ съ пирогами подается и молоко, которымъ была облита невѣста. Все это дѣлается съ указанною выше цѣлію.

этого невѣста и дѣвицы выходятъ изъ бани и направляются домой. Подруги ведутъ невѣсту подъ руки и голосятъ протяжную пѣсенку.

Возвратившись домой, невѣста, какъ и передъ отхожденіемъ въ баню, садится въ большой уголъ и начинаетъ причитывать подругѣ, баенной-истопщицѣ, которая чрезъ причитанье приглашала ее въ баню.

Такъ какъ хожденіе въ баню считается, такъ сказать, однимъ изъ послѣднихъ явленій дѣвической жизни, напоминающимъ о скорой перемѣнѣ этой жизни на жизнь супружескую, то и въ причитаніи невѣсты послѣ бани мы слышимъ упреки ея, баенной истопщицѣ, что та допустила измѣну воли дѣвичьей:

«Вы, совѣтны милы подружки!
Гдѣ же баенна истопница,
Ключевой воды износница?
Гдѣ же Питерска обманщица,
Вытегорская измѣнница?
Буди проклята, совѣтна мила подружка,
Измѣнила ты да волю вольную,
Измѣнила ты мою волю дѣвичью.
Я пришла какъ въ парну баенку,—
Моя волюшка съ головушки бросалася,
Во мѣдны тазы она кидалася,
Въ чистой водушкѣ да искупалася;
Она въ печеньку бросалася,
Зрѣлымъ углемъ показалася;
Она на каменку бросалася,
Огнемъ пламеннымъ да показалася;
Она въ двери какъ бросалася,
Сѣрой уточкой да показалася.
Поплыла какъ эта сѣра уточка
По широкому, по славному Онегушку,
Тутъ по крутому по бережку
Ходилъ полѣсовалъ [1]) остудникъ
Младъ отецкій сынъ.
Онъ убилъ да сѣру уточку
На широкомъ славномъ Онегушкѣ.
Это не уточка была,
Это была да воля дѣвичья.

Затѣмъ, обращаясь къ матери, продолжаетъ причитывать:

«Ужъ ты, родитель моя матушка,
Вѣдь я бѣлая лебедушка
Безъ воли нунь вольноей.
Вы зовите свѣтушковъ
Да братцовъ родимыихъ:
Пусть догонятъ остудника
Млада сына отецкаго,
Пусть отнимутъ мою да волю вольную,
Пусть отнимутъ мою
Да волю дѣвичью».

в) Заплетеніе и расплетеніе косы.

По возвращеніи изъ бани и окончаніи приведеннаго выше баеннаго причитанья, начинается расчесываніе и заплетеніе невѣстиной косы. Почесать волосы невѣста приглашаетъ каждаго изъ окружающихъ и никто не отказывается. При приглашеніи невѣста соблюдаетъ порядокъ. Прежде всего приглашается и чешетъ голову мать, затѣмъ отецъ, сестры, братья и другіе родственники и родственницы, потомъ уже подруги, посторонніе женщины и мужчины и т. далѣе.

При расчесываніи наблюдается слѣдующее. Всякій приглашенный, взявъ гребень, подноситъ его къ устамъ; подойдя къ невѣстѣ, онъ дѣлаетъ крестное знаменіе на ея головѣ и чешетъ. Остающіеся на гребнѣ волосы не отбрасываются, а обвертываются всегда вокругъ гребня. Понятно, что каждый чешетъ голову невѣсты не долго, но такъ какъ зрителей въ то время собирается не мало и каждый приглашается къ расчесыванью особымъ, хотя и краткимъ причитываніемъ, то процедура эта занимаетъ довольно продолжительное время.

Невѣста приглашаетъ почесать ея «младу головушку» въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

[1]) Полѣсовать—охотиться въ лѣсу.

«Ты, родитель моя матушка,
Подойди ко мнѣ, невольной красной дѣвицѣ,
Почеши мою младу головушку
Не первый разъ—послѣдній.
Моя головушка не гладится
Волосъ къ волосу не ладится.
Вѣрно, слышитъ руса косынька,
Что будутъ волюшку
Отнимомъ отнимать».

Мать беретъ гребень и разчесываетъ волосы своей дочери. Когда она кончитъ, то невѣста такъ благодаритъ ее:

«Спасетъ Богъ тебя желанна, моя матушка,
Почесала моей младой головушки,
Не первый разъ чесала нунь,—послѣдній.
Больше въ волюшкѣ мнѣ да не бывать
Меня красной дѣвушкой вамъ—да не видать».

Мать передаетъ гребень отцу невѣсты, которая причитаньемъ же приглашаетъ его разчесать волосы, и въ тѣхъ же выраженіяхъ благодаритъ его, когда онъ почешетъ.

Отецъ передаетъ гребень сыну или дочери; тѣ слѣдующему и повторяется одно и то же пока всѣ не примутъ участія въ разчесываніи косы.

Въ причитаньяхъ, обращенныхъ къ постороннимъ, иногда бываетъ нѣкоторое прибавленіе, всегда касающееся какой либо болѣе или менѣе характерной черты жизни того лица, который приглашается почесать волосы невѣсты.

Такъ, приглашая разчесать волосы женщину богатую, невѣста присовокупляетъ:

«Поучи жить на остудной чужой сторонушкѣ,
Надѣли невольну красну дѣвицу таланомъ участью;
Тебѣ вѣдь міромъ покланяются,
Ума-разума срѣкаются» [1]).

Къ другимъ же женщинамъ обращается, прибавляя только: «Поучи жить на остудной чужой сторонушкѣ».

Когда же приглашаетъ женщину бѣдную, находящуюся не рѣдко въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, не пользующуюся особеннымъ благоволеніемъ судьбы, невѣста прибавляетъ слѣдующее:

«Попросила бы я тебя невольня красна дѣвица
Надѣлить меня таланомъ участью,
Но вѣдь твои рученьки несчастливы,
Твои бѣлы не талантливы».

Бѣдная женщина, тронутая напоминаніемъ объ ея горькой незавидной долѣ, такъ отвѣчаетъ невѣстѣ:

«Я присѣла бы къ тебѣ, совѣтна мила дѣвица,
Почесала бы младу головушку,
Заплела бы русу косыньку,
Да не смѣю наложить я ручки бѣлыя
На твою младу головушку;
Мои рученьки несчастливы,
Мои бѣлы—неталантливы».

Не смотря на такія рѣчи, голову невѣсты чешетъ и несчастная.

Обращаясь къ подругѣ дѣвицѣ, невѣста прибавляетъ:

«Ты, совѣтна мила подружка,
Возьми мою да волю вольную».

Но когда проситъ почесать волосы дѣвицу изъ бѣдной семьи, или дѣвицу сироту, то причитываетъ другое:

---

[1]) Совѣта спрашиваютъ, совѣтуются.

«Не отдамъ тебѣ я воли вольноей;
Моя волюшка съ твоею не поладится;
Твоя волюшка да не дроченая;
Безъ родительницы вѣдь ты росла безъ матушки;
У тя по недѣлюшкѣ головушка была не чесана,
По мѣсяцу руса коса не плетена,
Возрастаньице твое было съ унываньицемъ.
Моя жъ волюшка дроченая,
Мнѣ родитель моя матушка—
Цѣлый вешній день чесала младу головушку,
Цѣлый лѣтній день заплетала русу косыньку,
Всю недѣлюшку за головушкой проваживала.

Самой послѣдней чешетъ волосы та изъ подругъ невѣсты, которая пользуется большею ея любовію и расположеніемъ. Когда подруга любимица разчешетъ волосы,— невѣста проситъ ее и заплести ей косыньку:

Ты, совѣтна мила подружка!
Заплети мою ты русу косыньку,
Возьми ты мою волю вольную,
Не по старому плети, да не по прежнему:
Вѣдь свѣтушки мои братцы родимые,
Рожники [1]) да перезольники,
Вѣдь они будутъ подкуплены
Отъ остудника млада сына отецкаго;
Будутъ косыньку мою да расплетать,
Будутъ волюшку мою да отнимать.

Исполняя просьбу невѣсты, подруга начинаетъ заплетать, въ чемъ помогаютъ ей и другія дѣвицы.

Такъ какъ расплетеніе косы у невѣсты служитъ какъ бы прообразомъ лишенія воли дѣвичьей, лишиться же послѣдней для невѣсты, по словамъ ея, не желательно; то дѣвицы заплетаютъ косу такъ, чтобы было не легко расплести. Съ этою цѣлію онѣ раздѣляютъ волосы на много косичекъ и переплетаютъ ихъ очень мелко. При этомъ волосы и ленточка, которая вплетается въ косу, перевязываются въ узлы, и въ такомъ видѣ заплетается и вкалывается въ косу много очень булавокъ. Всѣ эти воздвигаемыя для расплетанія косы препятствія, какъ бы, должны свидѣтельствовать о высказываемомъ въ причитаньяхъ нежеланіи, чтобы коса была расплетена, а воля дѣвичья отнята.

Когда коса бываетъ заплетена, дѣвица, которую невѣста просила заплести косу, причитывая, сообщаетъ невѣстѣ, что она заплела косу не по старому и не по прежнему, она вплела въ косу и малое озерушко, и лядину лѣсу темнаго, и Свирь рѣку и Ладожское (оз.) спѣсивое, и три ножа булатные, такъ что тѣ, которые будутъ расплетать, то или обрѣжутъ свои руки, или потонутъ въ озерѣ, или заблудятся въ лѣсу, и невѣста останется въ вольной волюшкѣ, во прекрасномъ дѣвичествѣ. Вотъ и самое причитанье:

«Ты послушай-ко, невольна красна дѣвица,
Ты совѣтна мила подружка.
Зачесала я твою младу головушку,
Заплела твою я русу косыньку,
Не по старому плела, да не по прежнему.
На верховищѣ вчесала тебѣ кругло-малое озерушко,
Во корень косы вплела тебѣ
Три лядины лѣсу темнаго,
По срединѣ косы—Свирь—
Рѣку свирѣпую.
Во вторыхъ еще Ладожско спѣсивое,
Въ конецъ косы три ножа булатные.
Будутъ волюшку съ головушки снимать,
Будутъ косыньку твою да расплетать,
Пріобрѣжутъ руки бѣлыя въ три ножа булатные,
Потонутъ они въ Ладожскомъ спѣсивоемъ,
Унесетъ ихъ Свирь рѣка свирѣпая,
Заблудятся въ лядинахъ лѣсу темнаго,
Пріутонутъ въ кругломъ малоемъ озерушкѣ.
И тогда невольна красна дѣвица
Ты останешься въ вольной волюшкѣ,
Во прекрасномъ своемъ дѣвичествѣ».

[1]) Рожниками принято называть мужчинъ—родственниковъ невѣсты, участвующихъ въ свадьбѣ, женщинъ съ невѣстиной стороны называютъ приставницами;—родственниковъ жениха: мужчину—поѣзжанинъ, а женщину—брюдга.

Выслушавъ причитанье подруги, невѣста обращается къ братьямъ, а если ихъ нѣтъ, то къ родственникамъ-мужчинамъ и проситъ ихъ расплести ея русу косыньку.

«Свѣтики братцы родимые,—
Подойдите вы къ невольной красной дѣвицѣ,
Вы погладьте мою младую головушку,
Расплетите мою русу косыньку».

Приглашенные начинаютъ расплетать косу. Дѣвицы наблюдаютъ, чтобы были развязаны всѣ узлы, какъ въ ленточкѣ, такъ и въ волосахъ. Невѣста же движеніемъ или мотаніемъ головы старается не дать расплести свою косу и въ то же время причитываетъ:

«Надоѣла вѣрно вамъ я, напрокучила,
Что срывомъ волюшку срываете,
Что отнимомъ отнимаете;
Притрепали вы мою русу косыньку,
Вы прирвали алы ленточки;
Знать просидѣла я невольна красна дѣвица
Ваши лавочки дубовые,
Проглядѣла я косивчаты окошечки,
Пріустали ваши ступисчаты лошадушки,
Принаскучила любимымъ я повозникамъ,
Приточила я вашу золоту казну
. . . .
и т. под. жалобы.
Что меня невольну красну дѣвицу
Разлучаете нунь съ вольной волюшкой,
Что меня вы глупу-молоду
Лишаете прекраснаго дѣвичества,
Отдаете за остудника
Млада сына отецкаго.

Пока невѣста причитываетъ, коса, не смотря на всѣ трудности бываетъ расплетена. Невѣста остается съ распущенными волосами, а дѣвицы-подруги берутъ чашку съ водой, опускаетъ каждая нѣсколько копѣекъ въ воду и подносятъ эту чашку въ невѣстѣ, чтобы она умыла лице.

Невѣста встаетъ, чтобы умыться, но вдругъ, какъ бы замѣтивъ что-то въ водѣ, начинаетъ причитывать:

Вы совѣтны милы подруженьки!
Гдѣ вы брали ключеву воду?
Вы во Питерѣ брали, во славномъ городѣ
Тамъ вѣдь царская дочи да умывалась,
Измутила она ключеву воду.
Не умою я своего лица бѣлаго.
Вы возьмите воду во Ладожскомъ
Да страховитомъ,
Тутъ умою свое я лице бѣлое [1]).

Дѣвицы, дѣлая видъ, что онѣ считаютъ просьбу невѣсты вполнѣ основательной и возможной для исполненія, повертываются по солнцу и уходятъ въ сѣни, при этомъ каждая старается держаться за чашку. Постоявъ въ сѣняхъ, онѣ возвращаются въ комнату и снова предлагаютъ невѣстѣ умыть лицо. Та снова отказывается, объясняя отказъ тѣмъ, что въ Ладожскомъ—вода съ омутомъ помутилася, и проситъ принести воды изъ «славнаго Онегушка [2])».

«Вы совѣтны милы подруженьки!
Гдѣ вы брали ключеву воду?
Вы брали воду во Ладожскомъ да страховитоемъ,—
Тамъ вода вѣдь съ омутомъ—да помутилася.
Не умою я своего лица бѣлаго.
Вы возьмите воду въ Онегѣ
Славномъ озерѣ
Тутъ умою я свое лицо бѣлое».

Дѣвицы во второй разъ выходятъ въ сѣни и, возвратившись, опять подносятъ воду невѣстѣ.

---

[1]) Если же село, или деревня расположены не на берегу Онежскаго озера, то въ первый же разъ невѣста проситъ принести воду изъ Онежскаго, а не изъ Ладожскаго озера, а во второй разъ проситъ принести—изъ мѣстнаго озера, если деревня при озерѣ, или изъ ключеваго колодца.

[2]) Село Толвуя расположено на берегу Онежскаго озера.

На этотъ разъ невѣста со словами:

«Ужъ мнѣ сколько-ли не ломаться,
А ужъ съ волюшкой прійдется разстаться»,

умываетъ свое лице, а оставшуюся воду плещетъ рукою на подругъ. Тѣ же въ свою очередь стараются плеснуть воды въ лицо подруги невѣсты.

Послѣ исполненія всѣхъ указанныхъ свадебныхъ обычаевъ слѣдуетъ ожиданіе и пріѣздъ жениха. Въ большинствѣ случаевъ ожидать не приходится или приходится очень не долго, такъ какъ хожденіе въ баню, заплетеніе и расплетеніе косы, — все это дѣлается съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы закончить только къ часу, назначенному для пріѣзда жениха за невѣстою.

г) Отъѣздъ жениха изъ дому и пріѣздъ его къ невѣстѣ.

Въ то время, когда невѣста ходитъ въ баню, когда ей заплетаютъ и расплетаютъ косу,—родственники жениха, приглашенные участвовать въ свадьбѣ, въ назначенное время собираются къ нему, чтобы всѣмъ вмѣстѣ отъѣзжать за невѣстой и потомъ везти ее «къ вѣнцу».

Предъ отъѣздомъ въ домѣ жениха бываетъ предложенъ хлѣбъ-соль. По окончаніи обѣда, на столъ полагается подносъ или тарелка, покрытая платкомъ жениха, на которые всѣ сидящіе за столомъ полагаютъ деньги. Деньги эти идутъ въ пользу жениха. Сообразно количеству положенныхъ денегъ, женихъ въ день же вѣнчанія послѣ ужина даетъ подарки. Для того же, чтобы обдарить сообразно даннымъ деньгамъ, сряду, какъ только полагаютъ деньги на тарелку, записываютъ сколько положилъ тотъ или другой родственникъ [1]).

Во время обѣда женихъ одѣвается [2]), или вѣрнѣе сказать его одѣваютъ на готово. При одѣваніи въ одежду его полагаютъ какъ можно болѣе иголокъ (безъ ушекъ) и булавокъ. Дѣлаютъ это вѣря примѣтѣ, что иголки и булавки предохраняютъ отъ порчи со стороны злыхъ людей [3]).

Надобно сказать, что вѣра въ силу «порченья» продолжаетъ существовать въ народѣ и особенно опасаются порченья при свадьбахъ.

Сряду послѣ обѣда слѣдуетъ отъѣздъ къ невѣстѣ.

Въ какое бы время года свадьба не происходила, впереди ѣдутъ дружки или шафера верхомъ; почему они и называются еще вершниками, передоѣзжими. Остальные родственники, или какъ называютъ ихъ, поѣзжане, ѣдутъ въ саняхъ или телѣгахъ. Мальчики деревенскіе зажигаютъ при отъѣздѣ жениха маяки (пучки соломы) и при такой иллюминаціи и крикахъ «ура» провожаютъ отъѣзжающаго жениха. За такое усердіе дѣти нерѣдко получаютъ нѣсколько копѣекъ на пряники, чему они конечно бываютъ весьма рады, и—тогда—вечеромъ, при возвращеніи новобрачныхъ еще съ большею готовностью жгутъ маяки и съ большимъ воодушевленіемъ кричатъ «ура».

Въ домъ невѣсты прежде жениха пріѣзжаютъ дружки-вершники. Войдя въ домъ старшій изъ нихъ ударяетъ кнутовищемъ въ балку и громко произноситъ:

---

[1]) Записываютъ только деньги, полученныя отъ мужчины, такъ какъ мужъ полагаетъ деньги и за себя и за жену (30 к.—3 р.); жена же если и полагаетъ деньги, то полагаетъ только лишь въ силу обычая, чтобы всѣ обѣдающіе—полагали на тарелку деньги—и потому полагаетъ лишь нѣсколько копѣекъ (3 к.—15 к.) и деньги эти въ запись не идутъ.

[2]) По установившемуся обычаю ни женихъ, ни невѣста въ день вѣнчанія—до брака не ѣдятъ.

[3]) Существуетъ и другая подобная примѣта: женихъ во все свое свадебное время носитъ привязанную къ тѣлу сѣтку. По мнѣнію суевѣровъ, это также предохранительное средство отъ колдовства.

«Часъ перечасъ, призамолкните на часъ:
Старыя старушки, молоды молодушки,
Красныя дѣвушки, удалы добры молодцы.
Есть ли въ семъ домѣ у невѣсты молодой
Батюшка родной?»

Для переговоровъ съ ними выходитъ кто либо изъ родственниковъ невѣсты, болѣе бойкій на слова. Къ вышедшему дру́жка обращается съ слѣдующими словами:

«Мы есть-посланы отъ князя молодаго
Дружки-вѣрные служки:
На ногахъ подходимъ, на рукахъ подносимъ,
Голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ.
—Есть ли у Ивана Ивановича [1])
Дочь родная, невѣста молодая?»

На послѣдній запросъ родственникъ невѣсты отвѣчаетъ:

«Нѣтъ невѣсты молодой
У Ивана Ивановича.
Была, да обернулась въ лебедь бѣлую
И улетѣла за море».

Послѣ такого заявленія начинаются переговоры съ приговорами (съ той и другой стороны выбираются такія личности, у которыхъ «языкъ съ приговоромъ») между дружкою и уполномоченнымъ невѣсты. Каждая сторона старается подтрунить, съострить на счетъ другой. Дружка высказываетъ предположенія относительно причины отсутствія невѣсты; со стороны же невѣсты подсмѣиваются надъ дружками, которые вдругъ пріѣхали за невѣстой, а невѣсты нѣтъ, и предлагаютъ имъ заняться исполненіемъ у нихъ какой-либо черной работы. Насказавъ другъ другу милыхъ нелюбезностей, обѣ стороны въ концѣ концовъ приходятъ къ соглашенію. Дружкамъ объявляется, что у Ив. Ив. дочь невѣста, дѣйствительно, есть; что она дома и находится въ ожиданіи жениха. Затѣмъ дружкамъ прикалываютъ банты и они возвращаются къ жениху. Встрѣтивъ жениха, дружки возвѣщаютъ, что:

«Невѣста много кланяется N. N.
И приглашаетъ его въ гости».

Проговоривъ эту фразу, дружки опять уѣзжаютъ впередъ и являются въ домъ невѣсты—объявить, что женихъ скоро прибудетъ [2]). Теперь ихъ принимаютъ гораздо любезнѣе, нежели въ первый разъ: угощаютъ виномъ и дарятъ имъ по полотенцу.—Обвязавъ полотенца черезъ плечо, дружки во второй разъ уѣзжаютъ къ жениху. Повстрѣчавъ послѣдняго, дружки присоединяются къ свадебному поѣзду и весь свадебный поѣздъ подъѣзжаетъ къ дому невѣсты. Встрѣченные и любезно принятые поѣзжане, во главѣ съ женихомъ, входятъ въ комнату, гдѣ стоятъ приготовленные для нихъ столы. Но за столами сидятъ дѣвицы—подруги невѣсты и—женихъ долженъ бываетъ выкупить столъ. Онъ даетъ дѣвицамъ пряниковъ, конфектъ или кренделей, и тѣ, получивъ гостинцы, освобождаютъ мѣста и удаляются. Женихъ и поѣзжане разсаживаются вокругъ стола и начинается «ставка».

д) Ставка.

Въ самый моментъ пріѣзда жениха, невѣста бываетъ въ отдѣльной комнатѣ отъ той, гдѣ намѣрены принимать гостей. Если же другой комнаты нѣтъ, то она уходитъ

[1]) Называютъ по имени и отчеству отца невѣсты. Для примѣра взятъ Иванъ Ивановичъ.

[2]) Собрать приговоры, которыми сопровождаются переговоры дружки и родственника невѣсты, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось по обстоятельствамъ совершенно независящимъ отъ меня. Поэтому я ограничился только передачею содержанія приговоровъ. Со временемъ быть можетъ я буду имѣть возможность пополнить указанный недостатокъ.

въ кладовую (чуланъ). Когда женихъ и гости войдутъ въ комнату и всѣ садутъ за столъ, невѣста, покрывъ голову фатой (платкомъ), направляется въ комнату, гдѣ женихъ и гости. Впереди ея идутъ дѣвицы и поютъ слѣдующую пѣсню:

«Винна ягодка по сахару плыла,
По меду, меду, крупивчатому.
Марья [1]) по бархату шла
Ивановна [1]) по аленькому,
Приходила ко бѣлому ко шатру.
Бѣлъ шатеръ растворенъ стоитъ,
Во шатрѣ стоитъ убранный столъ,
За столомъ сидитъ Иванъ—господинъ, [2])
За столомъ сидитъ Ивановичь [2]).
Тебѣ хлѣбъ да соль, Иванъ господинъ,
Тебѣ хлѣбъ да соль, Ивановичь.
Хлѣба кушать, Марья душа,
Хлѣба кушать, Ивановна.
Я не ѣсть пришла не кушати:
Я пришла поиграть съ тобой,
Поиграть да позаботиться
Во всѣ шашки, во всѣ шахматы,
Во всѣ игры молодецкія,
Во забавы во Турецкія...
Проигралася Марья душа
Проигралась Ивановна,—
Со головушки—волюшку,
Съ русой косы—ленточку,
Золотую перевязочку...

Эту пѣсню дѣвицы поютъ два раза. При повтореніи онѣ заканчиваютъ ее такъ:

«Проигрался Иванъ-господинъ,
Проигрался Ивановичъ,
Со кармана золотые часы
Со другаго позолоченыя».

Распѣвая такую пѣсню, дѣвицы и невѣста подходятъ къ столу, за которымъ возсѣдаетъ женихъ и др. гости. Когда дѣвицы окончатъ пѣсню, старшій изъ сватовъ подходитъ къ невѣстѣ, и, взявъ за платокъ, которымъ бываетъ покрыто лицо невѣсты, говоритъ: «Покажите ту ли привели молодую невѣсту». Затѣмъ, повернувъ платокъ вокругъ головы трижды, онъ снимаетъ его, и невѣста остается стоять безъ покрывала. Послѣ этого начинаютъ подносить гостямъ вино (или водку). Первую рюмку подносятъ старшему свату, а затѣмъ по очереди всѣмъ гостямъ. Подголосница, припѣвая, проситъ каждаго гостя «встать на рѣзвыя ноженьки и выпить чару зелена вина» [3]). При этомъ подголосница почти всякому изъ гостей причитываетъ что либо, касающееся его лично. Такъ какъ подголосницѣ всякій уже дастъ много или мало денегъ, то она, предполагая сколько можетъ получить за привѣтъ, сообразно съ этимъ и припѣваетъ. Отъ кого надѣется получить копѣекъ 10—15, того она расхваливаетъ, указывая свѣтлыя стороны его жизни: богатство, разсудительность, пользованіе почетомъ и др. т. под. Когда же видитъ, что болѣе 2—3 коп. ожидать нельзя, то и причитываетъ уже совсѣмъ о другомъ—о бѣдности, о горькой долѣ, о зависимости отъ богатыхъ сосѣдей и прочемъ въ этомъ родѣ.

Справедливость требуетъ сказать, что послѣдняго рода причитанья можно слышать довольно рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ подголосница, обращаясь къ бѣднымъ и незнатнымъ гостямъ, причитывая, не высказываетъ ничего, кромѣ предложенія выпить чару зелена вина. Да и когда и бываетъ, что упоминаетъ о мрачной сторонѣ жизни гостя, то дѣлаетъ это въ добродушно-шутливомъ тонѣ, такъ что никто оскорбляться не думаетъ.

Указавъ въ общемъ содержаніе отдѣльныхъ причитаній подголосницы, мы не будемъ приводить ихъ дословно, такъ какъ онѣ слишкомъ разнообразны, а ограничимся общимъ краткимъ причитаньемъ, которое бываетъ обращаемо ко всякому гостю безъ исключенія. Вотъ это причитанье:

---

[1]) Имя и отчество невѣсты.
[2]) Имя и отчество жениха.
[3]) При «ставкѣ» вмѣсто невѣсты всегда причитываетъ подголосница. Ранѣе же приведенныя причитанья—причитываются когда подголосницей, а иногда и невѣстой, если причитанья ей знакомы. Въ виду такой условности—о подголосницѣ и умалчивалось.

«Ты послушай-ко разсказъ
Да большой сватъ—
Встань на рѣзвыя на ноженьки,
Выпей чару зелена вина
Мое [1]) сладкое вино да не похмѣльное
Не даетъ хмѣлю во разумную головушку [2]).

Приглашаемый сватъ-гость встаетъ изъ-за стола, беретъ предлагаемую рюмку и пьетъ. Вмѣстѣ съ рюмкою онъ полагаетъ на подносъ деньги. Деньги идутъ подъ подарки, которые въ скоромъ времени и раздаются. Подголосницѣ даются деньги отдѣльно. Послѣ старшаго свата приглашается выпить слѣдующій гость. Онъ тоже даетъ деньги подъ подарки [3]) и со всѣми повторяется одно и то же. Послѣднему подносится рюмка жениху. Ему причитываютъ слѣдующее:

«Ужъ ты встань, возстань, удалый добрый молодецъ,
Что спрошу тебя невольна красна дѣвица,—
Ты зачѣмъ пришелъ въ мой домъ—хоромное строеньице?
Со всѣмъ родомъ, со всей племенью!
Ты въ проѣздѣ ли съ городовъ, да небывалыхъ?
Что незнаешь ты пути—да широкой доророженьки.
Да вы не ѣздили ли за Онего страховитое!
Васъ не бросало-ль буйною погодою?
Вы подите-ка на широкую уличку,
Покажу я путь широкую дороженьку...
Я раздумаюсь невольна красна дѣвица
Ужъ ты не спрашивать зашелъ—пути широкой дороженьки,
А знать за мной зашелъ за красной дѣвицей.
Гдѣ-жъ высмотрѣлъ меня да красну дѣвицу?
О Христова—дни-ль качаючись?
Иль о Петрова—дни-ль гуляючись?
Иль о масляной катаючись?
Иль на праздникахъ да на игрищахъ?
Вѣдь я тамъ была подкручена,
Вѣдь я тамъ была да поднаряжена,
Мое личико набѣлено,
Мои щечки нарумянены
Русы волосы да напомажены.
Ты раздумайся удалый добрый молодецъ
Ты раздумайся, остудникъ младъ – отецкій сынъ,
Я тружница вѣдь буду,—не работница.
Я изпѣжена вѣдь, да испотакана,
Многородная вѣдь я, да многоплеменная,
У меня невольной красной дѣвицы
Тридцать тетушокъ-добротушокъ,
Сорокъ дядюшекъ—желанныхъ,
Пятьдесятъ братцевъ да родимыхъ.
И не счетно есть сестрицъ да двухъ—родимыхъ.
Чѣмъ дарить ты будешь ихъ,
Остудникъ младъ—отецкій сынъ?
Моихъ тетушекъ дарить надо—шелками,
Моихъ дядюшекъ дарить надо—сукнами,
Сестрицъ моихъ—парчами,
И моихъ братцевъ—соболями.
У тя куплено ли все да исправлено?
Все-ль готово да прилажено?
Встань, востань же, удалый добрый молодецъ,
Встань на рѣзвыя на ноженьки,
Выпей чару зелена вина.
Мое сладкое вино да не похмѣльное:
Не даетъ хмѣлю во разумную головушку,
Выпей-жъ, выкушай, добрый молодецъ,
Я вѣдь дочь поднощица—княгиня обрученная».

Женихъ и невѣста [4]) берутъ по рюмкѣ, чокаются и затѣмъ, который либо изъ нихъ, болѣе проворный, выливаетъ вино изъ своей рюмки въ рюмку другаго или другой. Кто успѣетъ скорѣе вылить, тотъ по народнымъ примѣтамъ, будетъ «начало вести»,

---

[1]) Подголосница поетъ отъ имени невѣсты.

[2]) Обращаясь къ другимъ гостямъ, подголосница первыхъ 2-хъ строкъ не повторяетъ. А послѣ третьей строки она называетъ гостя тѣмъ родственнымъ именемъ, какимъ невѣста должна будетъ именовать его послѣ вѣнца. Такъ, обращаясь къ сестрѣ жениха, подголосница причитываетъ:

Встань, востань на рѣзвыя на ноженьки
Ты, по мѣсту знать—сестрица богоданная
Выпей... и т. д. и т. п.

[3]) Женщины полагаютъ деньги, завязавъ ихъ въ платокъ.

[4]) Для обоихъ вино подносится на одномъ подносѣ.

т. е. въ супружеской жизни будетъ имѣть большее вліяніе на другаго (будетъ управлять). Послѣ того какъ вино вылито, женихъ беретъ невѣсту за руки и старается черезъ столъ привлечь къ себѣ, чтобы поцѣловать. Невѣста въ свою очередь тянетъ за руки жениха къ себѣ. Та или другая сторона привлекаетъ болѣе къ себѣ и уста ихъ сливаются въ поцѣлуй. Примѣчаютъ—кто привлечетъ ближе къ себѣ, тотъ будетъ «начало вести». Послѣ поцѣлуя женихъ подаетъ невѣстѣ свадебныя подарки въ шкатулкѣ [1]). Подарки даются сообразно матеріальной обезпеченности жениха. Зажиточный женихъ даритъ на платье матерію, затѣмъ штиблеты, чулки и туалетныя принадлежности. Бѣдный же женихъ ограничивается поднесеніемъ въ подарокъ ситцу или матеріи на платье. Чтобы ни было въ шкатулкѣ, но для невѣсты интересно посмотрѣть подарокъ жениха, а между тѣмъ шкатулка бываетъ заперта и ключъ отъ нея остается у жениха. Невѣста проситъ ключъ.—Женихъ говоритъ, что онъ позабылъ ключъ дома. Понимая, что это значитъ и къ чему клонится рѣчь, невѣста цѣлуетъ жениха, и снова проситъ ключъ. Женихъ отвѣчаетъ, что хотя и взялъ (ключъ) изъ дому, но должно быть обронилъ въ дорогѣ. Невѣста повторяетъ поцѣлуй и просьбу. Женихъ даетъ ключъ, но ключъ оказывается не подходящимъ къ замку и слѣдуетъ новый поцѣлуй. Послѣ сего уже невѣста получаетъ, купленный поцѣлуями, ключъ отъ шкатулки.

Получивъ шкатулку и ключъ, невѣста причитываетъ. Она жалуется своимъ родителямъ на гостя «остудника млада сына отецкаго», который пристыдилъ ея лицо дѣвичье, поцѣловавъ «во уста сахарьнія».

Высказываетъ жалобу невѣста въ слѣдующихъ словахъ:

«Вы послушайте, желанные родители!
У васъ что это за гости приглашенные?
Ужъ я сколько-ли у васъ да возрастала,
Ужъ я такихъ гостей да не видала.
. . . .
Тамъ сидитъ остудникъ—отецкій сынъ.

Схватилъ за ручку меня за правую,
Ступилъ на ножку да на лѣвую,
Взглянулъ взглядомъ невеселымъ,
Пристыдилъ мое да лицо бѣлое,
Поцѣловалъ во уста да во сахарьнія».

Съ послѣдними словами невѣста удаляется въ другую комнату. Здѣсь она разсматриваетъ подарки жениха, а также сосчитываетъ деньги, положенныя на блюдо.

Гости же, угостившись чаемъ или и кофе, продолжаютъ сидѣть за столомъ въ ожиданіи свадебныхъ подарковъ отъ невѣсты. Подарки тотчасъ же по уходѣ невѣсты и даются. Женщинамъ подаютъ подарки въ тѣ платки, въ которые у нихъ были положены деньги.—Получивъ и разсмотрѣвъ подарки (рубашки или полотенца) женщины прячутъ ихъ, а мужчины обвязываютъ чрезъ плечи крестъ на крестъ.

Съ раздачей подарковъ родственникамъ и родственницамъ жениха, или вѣрнѣе съ уходомъ невѣсты отъ стола, послѣ довольно продолжительной стоянки во время подчиванія виномъ и причитаній подголосницы, стоянки, во время которой невѣста была предметомъ вниманія и наблюденій окружающихъ, какъ бы «на выставкѣ»—оканчивается такъ называемая въ народной свадьбѣ «ставка».

Еще въ недавнее прошлое время бывало при свадьбѣ двѣ ставки. Въ первый разъ невѣста являлась къ столу гостей и угощала ихъ виномъ, а затѣмъ угощала и всѣхъ постороннихъ зрителей. Во второй же разъ приходила невѣста къ столу потчивать жениха и принять отъ него подарки. Въ настоящее же время, если и практикуется гдѣ двѣ ставки, то очень рѣдко, и—почти всегда бываетъ одна, описанная выше.

е) Свадебныя пѣсни при обѣдѣ гостей у невѣсты.

Послѣ ставки слѣдуетъ обѣдъ (часто неранній). Дѣвицы приводятъ къ столу невѣсту [2]) и она садится рядомъ съ женихомъ. Но какъ женихъ, такъ и невѣста при-

---

[1]) Только бѣдные женихи подаютъ подарки завернутыми въ бумагу.
[2]) Невѣсту приводятъ покрытую фатой—платкомъ.

нимають участіе въ обѣдѣ только своимъ присутствіемъ. До кушаній они такъ сказать не дотрагиваются, въ силу обычая не ѣсть до вѣнчанія. Кромѣ того они сохраняютъ, или по крайней мѣрѣ стараются сохранить молчаніе во все время, пока продолжается обѣдъ. Послѣдній обычай имѣетъ суевѣрную и одну и ту же подкладку. Заговорившій ранѣе подпадетъ подъ вліяніе молчаливаго.

Когда ведутъ къ столу невѣсту, сопровождающія ее дѣвицы поютъ одну или нѣсколько изъ слѣдующихъ пѣсенъ:

1. «Во Китай во крѣпкомъ городѣ,
На коврѣ, на чистомъ золотѣ,
У стола стола дубоваго,
Противъ зеркала хрустальнаго стекла,—
Тамъ дѣтинушка чесалъ кудри.
Онъ чесалъ да перечесывалъ,
Душу дѣвицу (N имя рекъ) да перекликивалъ.
Ужъ ты N . . . извей кудри
N . . . вна — русыя.
Захочу я кудри перевью,
Не хочу кудрей не перевью,
Не твое я ѣла-кушала,
Не тебя я буду слушати,
Ѣла кушала у батюшки,
Буду слушать родну матушку».

Поется эта пѣсня три раза. Во второй разъ, какъ и въ первый, поется о нежеланіи (молодой) дѣвицы перевить кудри молодца. Въ третій же разъ дѣвицы поютъ о готовности перевить кудри:

«Нунь хочу я—кудри перевью,
Нунь твое я ѣла кушала,
Нунь тебя я буду слушати».

2. «Еще съ высока на высоко
N (имя дѣвицы) шла
Еще съ терема на теремъ
N . . . вна шла. Играйте горяже,
Не могу идти; башмачки глюстятъ;
Башмачки глюстятъ, пяты ломятся;
Пяты ломятся,—гвозди сыплются.
Подьте, дайте приведите
Коня батюшкина.
Еще батюшкинъ конь
Не поѣхалъ, не повезъ
Къ золоту вѣнцу, ко виту кольцу».

И эта пѣсня повторяется трижды. Во второй разъ нѣсколько видоизмѣняется:

«Подьте дайте приведите
Коня матушкина
и опять
Еще матушкинъ конь
Не поѣхалъ, не повезъ
Къ золоту вѣнцу, ко виту кольцу».

А послѣдній разъ уже поютъ:

«Подьте дайте приведите
Добра молодца коня,
Какъ добра молодца конь,
И поѣхалъ и повезъ
Къ золоту вѣнцу, ко виту кольцу».

3. «Какъ во городѣ кровать,
люли-люли
Во пригородѣ кроват[1]
люли-люли [2]).
Тамъ дѣтинушка спалъ (припѣвъ).
Къ нему матушка подходила,
По головушкѣ подрочила.
Стань-ко, дитятко, пробудись;
На море корабль ушелъ,
Съ чистымъ серебромъ ушелъ.
—Не могу, мати, стать,
Буйной головы поднять,
Руки—ноги приподнять».

Поется три раза. Во второй разъ корабль
«Съ чистымъ золотомъ ушелъ».

---

1) Усѣченное окончаніе вм. добраго.
2) Припѣвъ «люли-люли» слѣдуетъ послѣ каждаго стиха.

Но молодецъ и для чистаго золота не можетъ подняться.

Въ третій же разъ:

« . . . . корабль
Съ красной дѣвицей ушелъ
люли-люли.
Могу мати встать,
Буйну голову поднять,
Руку ногу приподнять.
Вы подайте-ко чулки,
По скорѣе сапоги,
Кафтанишко на плечишки.
Рукавицы на рученка,
И шапченку на бочепко [1]).
Какъ могу—корабль догоню,
Красну дѣвицу схвачу
И обратно привезу».
Люли-люли.

4. Какъ на горочкѣ елочка,
Подъ горой была бесѣдушка,
Во бесѣдѣ красна дѣвушка,
Красна дѣвушка NN.
Приходила родна матушка.
Ты пойдемъ пойдемъ N (ласкательно) домой.
Не иду, не иду, родна матушка;
Лѣса густыя, ночи темныя,
Ночи темныя, рѣки быстрыя,
Рѣки быстрыя, перевощичковъ нѣтъ».

Во второй разъ поется, что приходилъ родной батюшка домой звать, но дѣвица по тѣмъ же причинамъ не пошла домой.

Въ третій разъ...
Приходилъ добрый молодецъ,
—Приходилъ N да N—ичъ.
Ты пойдемъ N домой,
Ты пойдемъ N . . . вна домой.
Иду, иду, миленькій, домой:
Лѣса рѣдкіе, ночи свѣтлыя,
Рѣки тихія—перевощичекъ есть».

5. «По край бережка часовенка стоитъ
люли-люли.
Какъ никто въ эту часовенку не ходитъ
люли-люли.
Шла дѣвушка заходила (прип.)
Шла N (ласкательно) заходила,
За маменьку Бога молила,
Три поклончика положила.
Отъ того голова заболѣла,
Домой пошла завопѣла [2])

При повтореніи поютъ, что за батюшка Бога молила и отъ того голова заболѣла.

Третій же разъ:

. . . .
«За милаго Бога молила,
Сто поклончиковъ положила,
Отъ того голова не болѣла,
Домой пошла не вопѣла».

Всѣ приведенныя пѣсни поются предъ обѣдомъ (и, отчасти, и во время) гостей. Содержаніе этихъ пѣсенъ, какъ видимъ, подходящее къ свадебному времени. Въ пѣсняхъ поется, то о желаніи дѣвицы перевить кудри молодцу, то о предпочтеніи ею молодца даже родителямъ, то о привязанности молодца къ дѣвицѣ болѣе сильной, нежели привязанность къ серебру и золоту и т. д.

Кстати приведемъ еще три пѣсни, которыя также поются въ свадебное время, но не при угощеніи гостей.

1. «Слезно было посмотрѣть
Ваня [3]) у окошка.
Проходила за водой
Маша [4]) за графиномъ;
Со улыбочкой такой
Рѣчи говорила;
Рѣчи, рѣчи говорила
Въ уста цѣловала
Что жъ ты розовый цвѣточикъ
Сидишь слезно плачешь?

---

[1]) При поспѣшности шапка часто одѣвается на бекрень, на бокъ.
[2]) Вопить—плакать.
[3]) Ласкательно имя молодца жениха.
[4]) Ласкательно имя дѣвицы.

Не слыхали ль злыя люди
Не сказали-ль супостаты
Нашихъ разговоровъ?
Твоей родимой
У тя чей на ручкѣ перстень?
Перстень перстень росписной
Съ чистымъ изумрудомъ.
Возьмемъ перстень этотъ вмѣстѣ,
Вмѣстѣ поцѣлуемъ.
Вмѣстѣ перстень поцѣлуемъ
Тоску растоскуемъ.—
Перелей тоску кручину
Ты въ мое сердечко
Жаркимъ поцѣлуемъ.
Вербочка, вербочка
Канарейка-Машенька
Соловейко-Ванюшка.
Это чей? это чей?
Удивительной такой?
Удивилъ меня милой
Своей чудной красотой.
Поцѣлуемся жъ съ тобой».

2. «Жарко, жарко во теремѣ,
Жарко, жарко во высокомъ.
Жарко свѣчи горятъ
Воску яраго горятъ
Жалко плакала Машенька [1]),
Жалко тужила Ивановна [2]),
По своей по воли вольноей
По русой косѣ.
Унимаетъ ю (ее) мамнька,
Уговариваетъ татинька:
Ты не плачь, наша умница,
Не тужи, наша разумница,
Мы тебя вѣдь не въ полонъ дадимъ,
Мы тебя вѣдь въ замужъ выдадимъ,
Мы за умнаго, за разумнаго.
За высокаго, за красиваго,
За богатаго, за почетнаго...
Не одну дадимъ:
Мы дадимъ братца въ провожатые.
Провожая братъ наказывалъ,
Братъ сестрицу уговаривалъ:
Ты, сестрица родимая,
Носи золото—не снашивай,
Терпи горе—не разсказывай.
Милый братецъ дорогой!
Носясь золото сносится,
Потерпѣвши, горе скажется!»

3. «Я не знала, я не вѣдала,
Когда сваха и наѣхала.
Сваха гордая спѣсивая,
Она ступила, не ступила,
Слово молвила, не молвила:
Снаряжайся, наша умница,
Снаряжайся-ко, наша разумница,
Ты во ту ли церковь Божію,
Ко тому-ли суду Божію,
Ко тому-ли ко злату вѣнцу.
У злата вѣнца ножки ломятся,
Подъ вѣнцомъ стоять—голова болитъ,
Со ясныхъ очей слезы катятся,
Во бѣлыхъ рукахъ свѣчи гасятся,
А злодѣй стоитъ, все подталкиваетъ.
Отойди ты прочь, обманщица,
Отойди ты прочь, подговорщица,
Безъ тебя мнѣ тошнехонько.
Безъ тебя мнѣ тяжелехонько
Разставаться съ отцомъ—батюшкой
Разлучаться съ родной матушкой,
Распрощаться съ родомъ племенемъ.

Поѣздка на погостъ.

Какъ только обѣдъ бываетъ законченъ, — женихъ съ невѣстой и участники свадьбы съ той и другой стороны—ѣдутъ на погостъ. Женихъ и невѣста ѣдутъ въ отдѣльныхъ экипажахъ. Сряду по пріѣздѣ въ село невѣста смѣняетъ дорожный костюмъ на подвѣнечный. Затѣмъ по исполненіи необходимаго для приступленія къ вѣнчанію, они отправляются въ церковь. Ихъ сопровождаютъ родственники и посторонніе лица, всегда усердно присутствующіе въ храмѣ при совершеніи брака. Только родители жениха и невѣсты не посѣщаютъ храма, когда вѣнчаются ихъ дѣти. Идя въ храмъ для вѣнчанія и обратно, женихъ и невѣста сохраняютъ молчаніе [3]). Путь ихъ туда и обратно освѣщается огнями маяковъ и оглушается криками «ура». Когда послѣ вѣнчанія новобрачные сядутъ въ сани, намѣреваясь ѣхать домой, толпа зрителей кричитъ: «лошадь не ѣдетъ,—сани подольнули». Новобрачная цѣлуетъ мужа... и уѣзжаютъ.

[1]) Имя невѣсты.
[2]) Отчество ея.
[3]) Причина таже, что и раньше сказано (при обѣдѣ).

Послѣ вѣнчанія.

Въ домѣ жениха молодыхъ встрѣчаютъ въ сѣняхъ съ образомъ, хлѣбомъ и солью, и здѣсь же благословляютъ ихъ. Послѣ благословенія иногда даютъ молодымъ пить молока въ надеждѣ, что дѣти ихъ будутъ бѣлокровнѣе. По сѣнямъ и по комнатѣ бываетъ подостланъ холстъ, по которому молодые и идутъ. Когда они идутъ по сѣнямъ, то сзади, чрезъ головы ихъ, бросаютъ житомъ. Дѣлаютъ это для того, чтобы жизнь молодыхъ была счастливая, съ совѣтомъ да любовію. У людей же состоятельныхъ богатыхъ бросаютъ чрезъ головы молодыхъ вмѣсто жита — пухъ, чтобы молодая толстѣла (пушило). Придя въ комнату, молодыхъ садятъ. Но прежде чѣмъ приступить къ угощенію новобрачныхъ и гостей, «молодую княгиню», какъ называетъ новобрачную народъ,—уводятъ въ отдѣльную комнату и здѣсь смѣняютъ ея дѣвичій головной уборъ на женскій. Въ комнату, гдѣ находится новобрачная, приходитъ ея свекровь. Новобрачная привѣтствуетъ свою богоданную матушку. Проводницы между тѣмъ, снимаютъ съ головы новобрачной «поднизъ» или жемчужную сѣтку, которыми голова бываетъ украшена во время вѣнчанія. Новобрачная, закрывъ лицо платкомъ, наклоняетъ голову. Свекровь же раздѣляетъ волосы своей новой невѣстки на двѣ половины (отъ средины лба до затылка), расчесываетъ ихъ и полагаетъ на голову деньги (1 — 5 руб.), которыя новобрачная сряду же беретъ себѣ.

Расчесавъ волосы свекровь обращается къ проводницамъ, кланяется имъ и говоритъ: «сватьюшки!—все вамъ, все вамъ, мнѣ не свободно». Этими словами свекровь отказывается сама заплести косы и поручаетъ исполнить это проводницамъ. Тѣ, по обыкновенію, отвѣчаютъ: «не много надобно времени, сватьюшка, заплети-ка сама». Но со словами: «нѣтъ, сватьюшки, не свободно, все вамъ», удаляется, а проводницы, или присутствующія постороннія женщины заплетаютъ волосы новобрачной на двѣ косы, какъ обыкновенно носятъ женщины, и надѣваютъ повойникъ (головной уборъ)—отличительный признакъ замужней женщины-крестьянки. Всякой женщинѣ принимающей то или другое участіе при перемѣнѣ головнаго убора новобрачной даютъ матеріи или ситцу на повойникъ.

Когда головной уборъ смѣненъ, къ новобрачной приводятъ мужа, который садится на колѣни жены. Ему даютъ зеркало и просятъ посмотрѣть—«его-ли молодая?» Новобрачный смотритъ въ зеркало и говоритъ: «Не моя, не признаю; моя была въ поднизи, а эта въ повойникѣ; нѣтъ — не моя». Молодая цѣлуетъ мужа, и послѣдній снова смотритъ въ зеркало. Посмотрѣвъ онъ произноситъ: «Кажется, что моя, ей бы надо быть; да нѣтъ не она». Слѣдуетъ поцѣлуй отъ жены. Взглянувъ въ третій разъ въ зеркало, молодой мужъ, какъ бы теперь только узнавъ свою жену громко восклицаетъ: «Моя, моя! Дѣйствительно моя!»

Послѣ описанной церемоніи новобрачные приходятъ въ комнату, гдѣ находятся гости, и садятся противъ средины стола, На мѣстѣ, приготовленномъ для новобрачныхъ, бываютъ положены шуба и подушка. На этихъ предметахъ и сидятъ новобрачные во все время вечера. Вслѣдъ за молодыми усаживаются вокругъ столовъ родственники новобрачной. Начинается угощеніе ихъ чаемъ, новобрачнымъ подается одинъ приборъ. Предъ чаемъ подносятъ гостямъ вино или водку. Каждый гость, взявъ рюмку, привѣтствуетъ молодыхъ «съ законнымъ бракомъ» и пьетъ за ихъ счастіе. Отпивъ глотокъ вина, гость произноситъ: «горько». Молодые цѣлуются. Гость продолжаетъ пить. Отпивъ еще нѣсколько капель, онъ снова говоритъ: «слаще стало, да все еще горьковато». Цѣлуются. Гость допиваетъ остатокъ вина и со словами: «ну, вотъ теперь и сладко», полагаетъ рюмку на подносъ.

Сряду послѣ чаепитія накрываютъ столы и просятъ гостей хлѣба соли покушать. Новобрачные и родственники молодой садятся и начинаютъ уничтожать предлагаемыя явства и питья. Послѣднимъ блюдомъ за свадебнымъ столомъ подается каша. Когда это послѣднее кушанье бываетъ скушано, приносятъ горшокъ съ сыромъ и крендели. То и другое раздается зрителямъ. Это угощеніе называется «залозное». Водкой зрителей много или мало угощаютъ отъ молодыхъ заранѣе. Предъ раздачею же «залоз-

наго» старшій изъ сватовъ стучитъ палочкою въ потолокъ и обращаясь къ зрителямъ громко произноситъ:

«Часъ перечасъ, призамолкните на часъ:
Старыя старушки, молоды молодушки,
Красныя дѣвушки, удалы добры молодцы.
Князь молодой даетъ залозное,
А княгиня низко кланяется».

Новобрачные стоятъ за столомъ и кланяются. Одинъ изъ зрителей, выбранный прочими за распорядителя и называемый старостою, раздаетъ залозное присутствующимъ [1]).

По окончаніи раздачи залознаго старшій сватъ опять стучитъ въ потолокъ призывая присутствующихъ къ порядку и вниманію, и, обратившись къ сидящимъ за столомъ, спрашиваетъ: «Кашу ѣли?»—отвѣчаютъ: «Ѣли». Затѣмъ обращается съ вопросами къ зрителямъ: «Залозное ѣли?» «Ѣли». «Водку пили?» «Пили».

Получивъ утвердительные отвѣты, сватъ произноситъ: «Похвалите же нашу молодую» и съ этими словами бросаетъ кверху горшокъ. Зрители, по почину старосты, въ одинъ голосъ кричатъ: «Хороша молода», «Хороша молода». Сватъ возвышаетъ снова свой голосъ и проситъ похвалить поѣзжанъ. Зрители хвалятъ гостей: «Хороши приставницы», «хороши рожники».

Когда всѣ гости бываютъ расхвалены зрителями, начинаютъ раздавать дары родственникамъ жениха. Дары бываютъ привезены отъ невѣсты и раздаются слѣдующимъ образомъ. Старшій сватъ, какъ и прежде, стучитъ въ потолокъ и произноситъ:

«Часъ перечасъ, призамолкните на часъ.
Старыя старушки, молоды молодушки,
Красныя дѣвицы, удалы добры молодцы.
Есть-ли у князя молодаго батюшка
родной
NN.
Если есть, то повѣстите;
Спитъ, такъ побудите.
Нѣтъ,—такъ поищите
И сюда—ко мнѣ пришлите».

Отецъ молодаго князя подходитъ къ столу. Сватъ разсказъ (какъ называетъ его въ причитаньи подголостница), какъ бы не зная отца жениха, спрашиваетъ его, указывая на сына. «Вашъ сынокъ?» — «Мой», отвѣчаетъ отецъ. «Вы ростили сынка?» опять спрашиваетъ сватъ.—«Ростилъ».—«Теперь жените?»—«Женю».—«Получите же вотъ подарочки. Князь молодой ихъ даритъ [2]), а княгиня низко кланяется». Молодые стоятъ и кланяются. Отецъ беретъ подарокъ [3]). (Подарокъ дается не изъ рукъ въ руки, а полагается на палочку, которою сватъ ранѣе стучалъ въ потолокъ).

Принявъ подарокъ, отецъ подноситъ его (подарокъ) къ губамъ, а затѣмъ кланяется и благодаритъ новобрачныхъ.

Послѣ отца сватъ вызываетъ мать жениха. Стучитъ и начинаетъ приговаривать:

---

[1]) Иногда бываетъ и такъ: Во время ужина присутствующіе зрители — мужчины выбираютъ изъ своей среды одного распорядителя — старосту. Этотъ староста подходитъ сначала къ «молодому князю», затѣмъ «княгинѣ», затѣмъ къ каждому изъ присутствующихъ за столомъ гостей и обращается съ просьбою дать что-либо на угощеніе зрителямъ. Каждый даетъ нѣсколько копѣекъ (20—5). На собранныя деньги староста покупаетъ кренделей и раздаетъ ихъ зрителямъ.

[2]) Подарокъ, какъ замѣчено выше, отъ невѣсты. Но послѣ вѣнчанія имѣется въ виду уже общность интересовъ и имущество молодыхъ, а потому сватъ и выражается: «князь молодой даритъ».

[3]) Не всегда сряду сватъ отдаетъ подарокъ. Бываетъ нерѣдко и такъ, что отецъ жениха, протянувъ руку, готовъ взять подарокъ, а сватъ относитъ въ сторону подарокъ и второй разъ предлагаетъ вопросы: «Вашъ ли сынъ? Да вы ли ростили? Жените ли? Ваши ли молодые»? и т. п. Наспрашивавшись такимъ образомъ и, потомивъ отца жениха, сватъ наконецъ передаетъ ему подарки «князя и княгини молодыхъ».

«Часъ перечасъ, призамолкните на часъ.
и. т. д.
Есть-ли въ семъ домѣ у князя молодаго

Матушка родная NN
Если есть . . . . .
. . . . . то пришлите».

Когда мать приходитъ къ столу, то и ей сватъ предлагаетъ подобные же, какъ и отцу вопросы. Отвѣтивъ на предложенные вопросы, мать получаетъ подарокъ, благодаритъ молодыхъ и удаляется. За матерью вызываются братья, сестры, невѣстки, племянники и другіе родственники жениха по старшинству и подобнымъ указанному образомъ получаютъ подарки, только дѣвицы, сестры жениха не вызываются къ столу. Вмѣсто же ихъ вызывается мать и, увѣривъ свата, что у ней, дѣйствительно есть дочь и зовутъ такъ (N) и величаютъ такъ-то (N), она получаетъ подарокъ для передачи дочери. А между тѣмъ зрители каждаго, получившаго подарки, а также родственниковъ невѣсты, съ криками «ура» поднимаютъ кверху, за что съ нѣкоторыхъ и получаютъ на водку.

Съ раздачею подарковъ заканчивается ужинъ и какъ молодые, такъ и гости отправляются на отдыхъ послѣ треволненій свадебнаго дня.

Въ какое-бы время года свадьба не происходила,—принято, чтобы молодые первое время спали въ холодной комнатѣ (кладовой, на чердакѣ, вышкѣ и т. п.). Когда новобрачные явятся въ спальную комнату, ложе ихъ оказывается занято дружками—шаферами. Однѣ просьбы оставить ложе и удалиться изъ спальни не дѣйствуютъ на дружекъ и невѣста должна бываетъ прибѣгнуть къ выкупу ложа. Она даритъ дружкамъ кому рубашку, кому полотенце, платокъ и т. п. Заполучивъ подарки, они удаляются, пожелавъ новобрачнымъ пріятныхъ сновъ.

Дружки удалились и молодой супругъ ложится на ложо, супруга же разобуваетъ его, снимая сапоги съ ногъ. За сниманіе сапоговъ супругъ даетъ деньги женѣ, полагая ихъ въ сапоги (въ руки не даетъ). Такимъ образомъ, какъ ни старалась невѣста предугадать—будетъ-ли она подъ началомъ, или ей придется начальствовать, и можетъ быть въ будущемъ ей удастся захватить въ свои руки «бразды правленія» мужемъ,—но почти первое ея дѣйствіе (разобуваніе) по отношенію къ мужу говоритъ, кажется, не въ ея пользу. Исполняя обычай она показала, очень легко хоть и безсознательно, что должна и готова исполнять желаніе мужа, подчиниться его волѣ, и за это будетъ получать обезпеченіе. Не знаю имѣли-ли установители приведеннаго обычая мысль о подчиненіи жены мужу, (полагаю, что имѣли) и сознаютъ ли ее послѣдователи установленнаго обычая, но изъ поступка мысль вытекаетъ сама собою «понимай-де молъ, чего моя нога хочетъ, поняла, исполнила,—получи деньги.

Наконецъ наступитъ ночь. Узы Гименея соединятъ еще двухъ законныхъ супруговъ, Морфей же смежитъ очи счастливцевъ и навѣетъ сладостныя грезы. Среди грезъ они едва-ли замѣтятъ, какъ пройдетъ ночь и наступитъ утро, когда предупредительные дружки, стукомъ въ дверь, возвратятъ ихъ изъ міра сновидѣній къ обыденной дѣйствительности.

Второй и послѣдующіе дни новобрачныхъ.

Первымъ дѣломъ, какъ только встанутъ, молодые отправляются въ баню. Дружки, вѣрнѣе — служки и здѣсь ихъ встрѣчаютъ, но бани не оставляютъ. Невѣста, какъ и съ ложа, заставляетъ ихъ удалиться подарками.

Возвратившись изъ бани молодые являются въ общество родственниковъ, гдѣ тѣ поздравляютъ ихъ «съ добрымъ утромъ», а другъ друга «съ молодыми».

Послѣ сего слѣдуетъ кофе-питіе и чае-питіе, а все это заканчивается обѣдомъ, который носитъ названіе «княжьяго стола». Послѣ княжьяго стола «молодая княгиня» даетъ подарки свекру, свекрови и другимъ близкимъ родственникамъ мужа.

Пообѣдавъ участники свадьбы разъѣзжаются по своимъ селамъ, деревнямъ и домамъ.

Спустя нѣсколько дней, чаще всего въ первый послѣ вѣнчанія воскресный или праздничный день, молодые и ихъ односемейные ѣдутъ въ гости къ родителямъ молодой. Это первое посѣщеніе молодыми дома родителей невѣсты — называется «хлѣбины». На хлѣбинахъ молодая даритъ подарки всѣхъ пріѣхавшимъ.

Во многихъ мѣстахъ [1]), въ скоромъ времени послѣ «хлѣбинъ», ближайшіе родственники со стороны невѣсты (молодой) пріѣзжаютъ къ жениху (молодому), какъ говорятъ: «печь ронить», а на самомъ дѣлѣ посмотрѣть на обоюдную жизнь молодыхъ и погостить у нихъ.

Визитами, такъ сказать, съ той и другой стороны заканчивается свадебное время. Молодые—главныя дѣйствующія лица—мало-по-малу входятъ и привыкаютъ къ новой жизни, а о прежней—холостой и дѣвической жизни остаются одни воспоминанія, которыя долго и долго хранятся въ памяти и для большинства бываютъ пріятными.

П. Пѣвинъ.

---

[1]) Въ Толвуйскомъ приходѣ «грече-роненье» соблюдается далеко не всѣми; между тѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Петрот. уѣзда этотъ обычай исполняется строго.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ.

Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. П. Житецкаго. Кіевъ, 1893.

Трудъ г. Житецкаго распадается на три части. Изъ нихъ одна посвящена малорусскимъ думамъ; другая говоритъ о такъ называемыхъ виршахъ, написанныхъ на малорусскомъ языкѣ; третью занимаютъ тексты 13-ти думъ, записанные неизвѣстнымъ лицомъ въ началѣ настоящаго столѣтія (сборникъ покойнаго А. А. Котляревскаго).

Нѣтъ сомнѣнія, что наиболѣе важна третья часть книги г. Житецкаго, хотя ея матеріалы не представляютъ полной новизны: ими уже воспользовался, и не мало, въ своихъ позднѣйшихъ статьяхъ Н. И. Костомаровъ. Она, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ эту книгу необходимою для каждаго любителя малорусской народной поэзіи. Но насъ въ трудѣ г. Житецкаго интересуетъ по преимуществу первая часть, излагающая мысли автора о думахъ.

Эти мысли вполнѣ неожиданны. До сихъ поръ въ литературѣ о думахъ мы не встрѣчали ничего такого, что могло бы насъ сколько-нибудь подготовить къ подобнымъ мыслямъ...

Думы, говоритъ авторъ, — «сложный родъ поэзіи»... Онѣ представляютъ собою «особенныя формы поэтическаго творчества, народныя по міровоззрѣнію и языку и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія». Это видно изъ риѳмы и стихотворнаго размѣра думъ. Первая играетъ въ нихъ «видную роль». Въ угоду ей являются даже «невозможныя формы словъ». Впрочемъ она «неразнообразна и вообще скудна». Ея появленіе въ думахъ повело къ «неравномѣрности» стиховъ: ѳдни изъ послѣднихъ имѣютъ болѣе 20 слоговъ, другіе, стоящіе рядомъ съ ними, ограничиваются семью-восемью, даже четырьмя слогами. Та же книжность видна изъ стилистическихъ особенностей думъ. Въ нихъ преобладаетъ глагольная риѳма, и такъ какъ каждый стихъ составляетъ самостоятельное предложеніе, то понятно, въ нихъ предложенія отличаются отъ обычныхъ предложеній тѣмъ, что имѣютъ сказуемое, отодвинутое отъ подлежащаго, на самомъ концѣ. Онѣ изобилуютъ синонимами, особенно глагольными, повторяютъ, для ясности, слова и выраженія, часто употребляютъ, и въ большомъ количествѣ, придаточныя предложенія, любятъ союзы, даже для соединенія главныхъ предложеній съ придаточными, вообще отличаются «періодическою рѣчью», а вмѣстѣ и «прозаическимъ складомъ рѣчи», причемъ въ нихъ встрѣчаются періоды «какъ будто составленные по всѣмъ правиламъ реторическаго искусства». Наконецъ, о книжности говоритъ словарный матеріалъ думъ: въ немъ не мало книжныхъ, церковно-славянскихъ элементовъ, попадаются книжныя же старинныя слова.

«Едва ли можно сомнѣваться, заключаетъ авторъ, въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ».

Таковы мысли г. Житецкаго о думахъ, изложенныя и отчасти снабженныя доказательствами на первыхъ 38 страницахъ его труда.

Намъ кажется, единственное достоинство этихъ мыслей—ихъ новизна...

Что такое дума?

Мы напрасно стали бы искать у автора отвѣта на этотъ вопросъ. Г. Житецкій много разъ употребляетъ слова дума и пѣсня, но нигдѣ не опредѣляетъ, чѣмъ отличается дума отъ пѣсни. Иногда онъ даже не отличаетъ ихъ одну отъ другой. Такъ, мы у него читаемъ: «То же нужно сказать и о думахъ, изображающихъ боевыя столкновенія козаковъ съ Татарами и Турками. Излюбленный образъ пѣсенъ, сюда относящихся. .» (стр. 143). Или, онъ излагаетъ содержаніе одной думы и одной пѣсни и затѣмъ говоритъ: «двѣ разобранныя нами думы» (стр. 146). Другіе авторы, писавшіе о думахъ, также не даютъ намъ опредѣленія, что они называютъ думой. Гг. Антоновичъ и Драгомановъ въ извѣстномъ своемъ сборникѣ при однихъ пьесахъ пишутъ послѣ заглавія: «дума»; при другихъ, однородныхъ, не пишутъ этого слова. Покойный Головацкій называетъ думами и думками всѣ пьесы перваго тома «Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси». Покойный О. Ѳ. Миллеръ, употребляетъ названіе дума въ примѣненіи ко всѣмъ малорусскимъ историческимъ пѣснямъ, воспѣвающимъ борьбу козаковъ съ бусурманами и Ляхами, между прочимъ къ пѣснямъ о Байдѣ и о Морозенкѣ [1]).

Самое слово дума не говоритъ ничего. Г. Житецкій полагаетъ, что «въ думѣ передается продуманный разсказъ о событіи» (стр. 7), но во-первыхъ, во всякой исторической пѣснѣ мы имѣемъ право видѣть продуманный разсказъ, а во-вторыхъ, крайне сомнительно, чтобъ слово дума, употребляющееся какъ названіе пѣсни по крайней мѣрѣ съ начала XVI вѣка, значило то же, что наше современное дума. Во всякомъ случаѣ древне-русскій языкъ знаетъ глаголъ думати въ значеніи совѣщаться, бесѣдовать, а въ болгарскомъ языкѣ тотъ же глаголъ значитъ: говорить; слѣдовательно, слово дума нѣкогда могло значить, между прочимъ: бесѣда, разсказъ.

Авторъ, говоря о думахъ, цитируетъ по преимуществу тѣ историческія и бытовыя пѣсни, которыя поются не народомъ, а исключительно пѣвцами-нищими, слѣпыми бандуристами и лирниками, и которыя по своимъ внѣшнимъ особенностямъ рѣзко выдѣляются изъ массы произведеній малорусской народной музы. Только эти пѣсни мы считаемъ заслуживающими названія думъ и только ихъ мы далѣе будемъ называть думами.

Авторъ видитъ въ думахъ произведенія полу-народныя, полу-искусственныя. Намъ кажется, онъ относится къ нимъ несправедливо, потому что беретъ ихъ особнякомъ, такъ сказать, вырвавъ ихъ изъ ряда произведеній малорусской поэзіи, и забываетъ особенности большей части послѣднихъ... Мы надѣемся защитить отъ него думы и освободить отъ взведеннаго на нихъ обвиненія въ тѣсной связи ихъ съ виршами.

Посмотримъ на доказательства г. Житецкаго,

Онъ указываетъ въ думахъ прежде всего, какъ признакъ ихъ искусственности,— риѳму, но признается, что она появляется въ думахъ «непреднамѣренно и какъ-бы случайно» и что «слагатели думъ не особенно заботились объ ея обработкѣ». «Цѣнилась, говоритъ онъ, только та риѳма, которая сама, такъ сказать, напрашивалась въ стихъ» (стр. 4). Дѣйствительно, риѳма вовсе не необходимая принадлежность стиха въ думахъ; она можетъ быть, можетъ не быть. Вотъ, напримѣръ, начало думы о трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ Азова:

---

[1]) Галаховъ, Исторія русск. словесности, изд. 2-е, I, 130—132.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ.

Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. П. Житецкаго. Кіевъ, 1893.

Трудъ г. Житецкаго распадается на три части. Изъ нихъ одна посвящена малорусскимъ думамъ; другая говоритъ о такъ называемыхъ виршахъ, написанныхъ на малорусскомъ языкѣ; третью занимаютъ тексты 13-ти думъ, записанные неизвѣстнымъ лицомъ въ началѣ настоящаго столѣтія (сборникъ покойнаго А. А. Котляревскаго).

Нѣтъ сомнѣнія, что наиболѣе важна третья часть книги г. Житецкаго, хотя ея матеріалы не представляютъ полной новизны: ими уже воспользовался, и не мало, въ своихъ позднѣйшихъ статьяхъ Н. И. Костомаровъ. Она, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ эту книгу необходимою для каждаго любителя малорусской народной поэзіи. Но насъ въ трудѣ г. Житецкаго интересуетъ по преимуществу первая часть, излагающая мысли автора о думахъ.

Эти мысли вполнѣ неожиданны. До сихъ поръ въ литературѣ о думахъ мы не встрѣчали ничего такого, что могло бы насъ сколько-нибудь подготовить къ подобнымъ мыслямъ...

Думы, говоритъ авторъ, — «сложный родъ поэзіи»... Онѣ представляютъ собою «особенныя формы поэтическаго творчества, народныя по міровоззрѣнію и языку и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія». Это видно изъ риѳмы и стихотворнаго размѣра думъ. Первая играетъ въ нихъ «видную роль». Въ угоду ей являются даже «невозможныя формы словъ». Впрочемъ она «неразнообразна и вообще скудна». Ея появленіе въ думахъ повело къ «неравномѣрности» стиховъ: одни изъ послѣднихъ имѣютъ болѣе 20 слоговъ, другіе, стоящіе рядомъ съ ними, ограничиваются семью-восемью, даже четырьмя слогами. Та же книжность видна изъ стилистическихъ особенностей думъ. Въ нихъ преобладаетъ глагольная риѳма, и такъ какъ каждый стихъ составляетъ самостоятельное предложеніе, то понятно, въ нихъ предложенія отличаются отъ обычныхъ предложеній тѣмъ, что имѣютъ сказуемое, отодвинутое отъ подлежащаго, на самомъ концѣ. Онѣ изобилуютъ синонимами, особенно глагольными, повторяютъ, для ясности, слова и выраженія, часто употребляютъ, и въ большомъ количествѣ, придаточныя предложенія, любятъ союзы, даже для соединенія главныхъ предложеній съ придаточными, вообще отличаются «періодическою рѣчью», а вмѣстѣ и «прозаическимъ складомъ рѣчи», причемъ въ нихъ встрѣчаются періоды «какъ будто составленные по всѣмъ правиламъ реторическаго искусства». Наконецъ, о книжности говоритъ словарный матеріалъ думъ: въ немъ не мало книжныхъ, церковно-славянскихъ элементовъ, попадаются книжныя же старинныя слова.

Далѣе г. Житецкій говоритъ объ построеніи предложеній въ думахъ—съ сказуемымъ на концѣ. Но и оно не можетъ быть считаемо за признакъ искусственности. Подобное построеніе свойственно не однимъ думамъ; оно обычно во всѣхъ прочихъ малорусскихъ пѣсняхъ, только въ послѣднихъ, благодаря сравнительной краткости ихъ стиховъ, постановка сказуемаго (или вообще глагольной формы) въ концѣ предложеній не бросается въ глаза. Вотъ, напримѣръ, галицкая пѣсня изъ сборника Головацкаго (I, 267):

Чомъ ты, коню, воду не пьешь, ци дорогу чуешь?
Чому, сину ти Василю, дома не ночуешь?
Ой, якъ мені, моя мати, дома ночовати:
Темна нічка въ Петрівочку, ні съ кимъ розмовляти.
— Ой, маешь ти, мой синочку, коня вороного,
Заведи го до стаенки, промовляй до нёго!
— Бодай тобі, моя мати, такъ було вмерати,
Та якъ мені молодому съ конемъ розмовляти!
Я до коня промовляю, а вінъ не говоритъ,
Лишень мене, моя мати, въ білші літа вводитъ.
Високая ліщиноньска широкій листъ мае;
Гірше любовь відъ болести серденько вривае.
Що я болю, переболю, умру, перебуду,
А вже туту сучу любуниякъ не забуду!

На оборотъ, вирши такого построенія предложеній (по нашему мнѣнію, архаическаго) почти не знаютъ. Вотъ для сравненія первый отрывокъ вирши, попавшійся намъ на глаза въ книгѣ г. Житецкаго (стр. 44):

Не пнись, что тебѣ не дано отъ Бога.
Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
Если не рожденъ, не сунься въ науку:
Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
Не многихъ мати породила въ школѣ.
Хочъ ли блаженъ быть? Будь сытъ въ своей долѣ!

Наконецъ, что до соединенія предложеній союзами, до періодичности рѣчи, до книжнаго элемента въ словарномъ матеріалѣ, на которыя также ссылается г. Житецкій,—все это въ думахъ не сильнѣе, чѣмъ въ великорусскихъ былинахъ, и если о чемъ-нибудь говоритъ, то развѣ только о томъ, что пѣвцы думъ поютъ также псальмы съ ихъ искусственнымъ языкомъ.

Мы покончили съ наиболѣе существенною частью мыслей г. Житецкаго. Теперь нѣсколько словъ о виршахъ, которыя, по мнѣнію автора, оказали вліяніе на думы.

Г. Житецкій для сравненія съ думами приводитъ извлеченія изъ виршей безъ всякаго разбора. Рядомъ съ немногими виршами, дошедшими до насъ въ рукописяхъ XVIII вѣка, онъ помѣщаетъ вирши, записанныя въ новѣйшее время и имѣющія разные признаки новѣйшаго составленія: тоническій размѣръ, чередующіяся черезъ стихъ риомы, юморъ во вкусѣ «Энеиды» И. П. Котляревскаго, словомъ—вирши въ родѣ помѣщенныхъ на стр. 83, 95—96, 134:

Родивсь Христосъ, Адамъ гуляе,
И Ева въ плахті похожае,
Е нова свитка и кожухъ,
И знову радіе духъ.

—

Рудий богатирь Самсонъ,
Що бувъ вельми ласъ на сонъ,
Наробивъ вінъ въ пеклі трусу,
Крикнувъ Навину Ісусу,
Щобъ вінъ сонце придержавъ.
Адъ затрясся, задрожавъ.

Далѣе, рядомъ съ собственно-виршами, онъ пользуется діалогами въ комическихъ интермедіяхъ прошлаго вѣка и вертепной драмѣ. Все это и по времени, и по формѣ, и по содержанію не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ думамъ и не можетъ давать ихъ особенностямъ никакого объясненія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что думы по своей формѣ рѣзко отличаются отъ народныхъ пѣсенъ. Чѣмъ это объясняется?

По нашему мнѣнію, различіе между думами и пѣснями находится въ зависимости отъ того, что однѣ поются исключительно пѣвцами-нищими, а другія—народомъ.

Пѣвцы-нищіе болѣе или менѣе консервативно относятся къ тому, что поютъ; они вносятъ мало измѣненій въ заученныя пѣсни и сохраняютъ ихъ форму, ихъ слова (иногда имъ непонятныя), ихъ музыку. Напротивъ того, народъ заботится о приданіи своимъ пѣснямъ лучшей (по его мнѣнію) формы, о внесеніи большей ясности въ ихъ содержаніе, о снабженіи ихъ лучшей музыкою, и его пѣсня [1]) съ теченіемъ времени, при измѣненіи его вкуса, постепенно измѣняется.

Такимъ образомъ различіе между думами и пѣснями можетъ быть сведенно къ тому, что дума представляетъ собою народную эпическую пѣсню съ тою формою и музыкою, какую она имѣла въ старину, въ тѣ времена, когда перешла отъ народа къ пѣвцамъ нищимъ[2]), а пѣсня—нѣчто сравнительно новое во всѣхъ отношеніяхъ, получившееся послѣ продолжительной, еще не закончившейся обработки народомъ первоначальнаго пѣсеннаго текста.

А. Соболевскій.

Богатырь-козакъ Илья Муромецъ какъ историческое лицо. Д. И. Иловайскаго (Русскій Архивъ 1893 года № 5.)

Настоящая статья написана нашимъ почтеннымъ историкомъ по поводу «Экскурсовъ въ область русскаго народнаго эпоса», проф. В. Ѳ. Миллера, и посвящена главнымъ образомъ разрѣшенію вопроса: почему Илья Муромецъ въ былинахъ называется козакомъ?

Авторъ вѣритъ, что былинный Добрыня «пошелъ» отъ лѣтописнаго Добрыни, дяди Владимирова, что былинный Ставръ—тотъ Ставръ, который жилъ при Мономахѣ, что былинный Дунай—тотъ Дунай, о которомъ упоминаетъ галицко-волынская лѣтопись. Онъ признаетъ возможнымъ, что прототипъ Ильи Муромца, какой-то знатный витязь Илья, воспѣвался въ дружинной поэзіи уже въ XI — XII вв., и отказываетъ въ древности лишь эпитету Ильи—козакъ. Ему прекрасно извѣстно, что слово козакъ въ старой Руси означало работника, но онъ почему-то хочетъ понимать его какъ эпитетъ Ильи не въ старомъ, а въ современномъ его значеніи. Отсюда поиски, результатъ которыхъ таковъ.

Царь Василій Шуйскій въ 1609 году осадилъ въ Тулѣ одного изъ мелкихъ самозванцевъ, лже-Петра, и заставилъ его сдаться вмѣстѣ съ окружавшими его козаками. Этотъ самозванецъ передъ казнью былъ допрошенъ и оказался сыномъ торговаго человѣка Ильею, родомъ изъ Мурома, служившимъ сначала въ судовыхъ рабочихъ (въ «козакахъ») на Волгѣ, а потомъ приставшимъ къ волжскимъ козакамъ. Личность этого историческаго козачьяго атамана Ильи Муромца, по мнѣнію Д. И. Иловайскаго, слилась съ легендарнымъ его, такъ сказать, тезкой и однофамильцемъ, и съ тѣхъ поръ богатырь Илья сталъ представляться козакомъ.

---

[1]) Кромѣ, до извѣстной степени, пѣсни обрядовой, которую полагается пѣть такъ, какъ она пѣлась прежде.

[2]) Дума по неравномѣрности своихъ стиховъ очень близка къ нѣкоторымъ великорусскихъ духовнымъ стихамъ, а по своей музыкѣ—къ сербскимъ эпическимъ пѣснямъ (о послѣднемъ смотри между прочимъ въ ст. *Ровинскаго* „Сербская Морава“ (*Вѣстн. Евр.* 1876 г. № 4, стр. 529—531).

Авторъ въ февралѣ настоящаго года прочелъ свои замѣтки на «Экскурсы» въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Онѣ встрѣтили возраженія, которыя Д. И. Иловайскій излагаетъ и опровергаетъ въ концѣ своей статьи. Однѣ изъ нихъ таковы, что ихъ можно бы не излагать, но другія заслуживаютъ вниманія. Онѣ указываютъ на невозможность сліянія былиннаго богатыря съ историческимъ самозванцемъ. Дѣйствительно, послѣдній былъ слишкомъ ничтоженъ во всѣхъ отношеніяхъ, слишкомъ мало извѣстенъ, его дѣятельность была слишкомъ не блестяща и кратковременна, чтобы народъ могъ получить о немъ сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія. Лѣтописцы смутнаго времени, какъ говоритъ самъ Д. И. Иловайскій, не знаютъ ничего достовѣрнаго объ его личности, и если бы не дошла до насъ царская грамота, излагающая его показанія, мы бы не знали, что онъ былъ Илья изъ Мурома. Само собою разумѣется, онъ не могъ быть «слитъ» народомъ съ его любимымъ старымъ богатыремъ.

Годъ назадъ (въ Живой Старинѣ 1892 года, вып. 2-й), по поводу тѣхъ-же «Экскурсовъ» В. Ѳ. Миллера, мы высказали мнѣніе, что слово козакъ, какъ эпитетъ Ильи значитъ: сельскій работникъ (пожалуй: бездомовный, бродячій крестьянинъ), и позволяемъ себѣ остаться при этомъ мнѣніи, тѣмъ съ большимъ правомъ, что наша статья «О типѣ Ильи Муромца», гдѣ оно изложено, равно какъ и другая наша статья, посвященная былинному эпосу (въ Живой Старинѣ 1890 года, вып. 2-й), остались Д. И. Иловайскому неизвѣстны.

А. Соболевскій.

Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ. А. И. Кирпичникова. Спб. 1891.

Скоморохамъ у насъ въ послѣднее время очень посчастливилось. Г. Фаминцынъ посвятилъ имъ отдѣльную книгу; академикъ Веселовскій говоритъ о нихъ на цѣломъ рядѣ страницъ своихъ «Розысканій въ области русскихъ духовныхъ стиховъ»; наконецъ на нихъ остановился проф. Кирпичниковъ въ брошюрѣ, изданной Академіею Наукъ. Предметъ ея—слово скомрахъ, скоморохъ. Авторъ затрудняется принять какое-либо изъ существующихъ производствъ этого слова и предлагаетъ свое. Онъ спрашиваетъ: «отчего не производить скомрахъ отъ σκῶμμα—шутка и ἄρχω—начальствую, изъ σκωμμάρχης?», но при этомъ самъ даетъ читателю право отвѣтить ему отрицательно, признаваясь, что слова σκωμμάρχης въ византійскихъ памятникахъ пока еще не найдено.

Проф. Кирпичниковъ убѣжденъ, что скоморохи явились на Руси «какъ продуктъ вліянія на нее чуждой цивилизаціи и первоначально цивилизаціи византійской». «Немного позднѣе, продолжаетъ онъ, къ намъ проникаютъ шпильманы западные въ своемъ кротопольномъ костюмѣ, и къ періоду московскому изъ этихъ двухъ пришлыхъ и одного туземнаго элемента образуется такая же интересная амальгама, какъ и русская былинная поэзія и стиль русскихъ церквей». Мы не видимъ достаточнаго основанія для такого убѣжденія. Всѣ наши свѣдѣнія о скоморохахъ до-московскаго періода нашей исторіи отличаются сомнительнымъ достоинствомъ. Упоминаніе о нихъ, какъ о людяхъ носившихъ латинскій костюмъ и «кротополіе», въ Лѣтописцѣ Переяславскомъ лишено значенія, такъ какъ этотъ Лѣтописецъ относится къ концу XV или даже къ началу XVI вѣка и принадлежитъ къ числу памятниковъ западно-русской письменности. Описаніе гимнастическихъ и другихъ представленій въ одной редакціи «Слова» Даніила Заточника ничѣмъ не указываетъ на тожество гимнастовъ съ русскими скоморохами. Личности, изображенныя на разрисованныхъ буквахъ нѣкоторыхъ русскихъ рукописей XIV в. (главнымъ образомъ евангелій) и принимаемыя г. Кирпичниковымъ за русскихъ скомороховъ,—едва-ли имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ русской дѣйствительности, какъ почти всѣ фигуры, находящіяся въ орнаментѣ нашихъ рукописей того времени [1]); да и невозможно предполагать, чтобы наши благочестивые предки допустили изображенія ненавистныхъ церкви скомороховъ на страницы напрестоль-

---

[1]) Нѣкоторые рисунки нашихъ рукописей—несомнѣнныя копіи съ южно-славянскихъ оригиналовъ.

ныхъ евангелій. О изображеніяхъ на фрескахъ кіевскаго Софійскаго собора нѣтъ надобности распространяться: они сдѣланы Греками-художниками и передаютъ византійскую дѣйствительность. Далѣе: мы ничего не знаемъ о переходѣ къ намъ съ запада нѣмецкихъ шпильмановъ; можетъ быть, они переходили къ намъ, по крайней мѣрѣ въ юго-западную Русь; можетъ быть, не переходили; во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ основанія думать, что слово шпильманъ когда-нибудь существовало въ живомъ русскомъ языкѣ: оно находится только въ русскихъ спискахъ съ южно-славянскихъ оригиналовъ [1]).

Вообще, по нашему мнѣнію, вопросъ о происхожденіи русскихъ скомороховъ и отношеніяхъ между ними и ихъ греческими и западно-европейскими собратами пока еще нельзя считать рѣшеннымъ.

Кстати. Никто изъ нашихъ ученыхъ, интересующихся скоморохами, не занялся современными потомками скомороховъ, тѣми пѣсенниками, которые даютъ представленія въ Москвѣ на масляницѣ и святой недѣлѣ въ такъ называемыхъ самокатахъ. И сами пѣсенники, составляющіе, кажется, артели, подъ управленіемъ болѣе или менѣе извѣстнаго въ народѣ пѣвца, и ихъ пѣніе, сопровождаемое разнообразнымъ музыкальнымъ аккомпаниментомъ, а иногда и пляскою, вполнѣ заслуживаютъ вниманія.

А. Соболевскій.

Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора. *Е. Будде.* Варшава, 1892.

Г. Будде лично «обслѣдовалъ» только Скопинскій, Ряжскій и Пронскій уѣзды Рязанской губ., первый «почти вполнѣ», второй и третій—«отчасти». Если бы онъ далъ намъ подробное описаніе говора «обслѣдованныхъ» имъ мѣстъ, мы могли бы только привѣтствовать его диссертацію и радоваться ея появленію. Къ сожалѣнію, г. Будде не ограничился ролью скромнаго, но добросовѣстнаго изслѣдователя. Собравъ кое-какія данныя изъ другихъ уѣздовъ Рязанской губ., то при помощи «вопросныхъ листовъ», то черезъ учениковъ Скопинскаго реальнаго училища, онъ выступилъ въ качествѣ знатока «рязанскаго говора» вообще, т. е. всей Рязанской губ., и составилъ описаніе этого не существующаго говора въ его цѣломъ. При этомъ онъ обнаружилъ большую самоувѣренность и смѣлость. Читаетъ онъ, напримѣръ, что въ Раненбургскомъ уѣздѣ (въ которомъ онъ никогда не бывалъ) нѣтъ мѣны *в* и *у* и слышится мягкое *т* вмѣсто мягкаго *к*, и рѣшительно заявляетъ, что это «невѣрно» (стр. III). Или, сообщаютъ ему, что въ Зарайскомъ уѣздѣ (въ которомъ онъ также никогда не бывалъ) звукъ *г* звучитъ какъ лат. *g*; онъ не видитъ въ этомъ ничего невозможнаго (стр. 51), но тѣмъ не менѣе увѣряетъ, что *г*=*g* «почти неизвѣстно рязанскому нарѣчію» (стр. 50). Отсюда можно видѣть, что къ труду г. Будде, особенно къ его категорическимъ заявленіямъ, въ родѣ того, что «въ Рязанской губ. нѣтъ простолюдина или даже горожанина», который бы не употреблялъ мягкаго *к* (Вань*кя* и т. п.; стр. 56), или что въ вольныхъ селахъ и деревняхъ Рязанской губ. *что* «всегда» произносится какъ *що* (стр. 77), или что окончаніе 3-го лица *ть* «единственное и повсемѣстное» въ Рязанской губ., что въ ней окончанія *тъ* «нѣтъ совсѣмъ» (стр. 97), необходимо относиться съ большою осторожностью.

Тѣмъ не менѣе матеріалъ, сообщаемый г. Будде, не лишенъ цѣнности.

Наши свѣдѣнія о говорахъ Рязанской губ. до сихъ поръ были до чрезвычайности скудны и случайны. Г. Будде нѣсколько пополнилъ ихъ. Какъ ни отрывочны его данныя, все таки теперь мы уже можемъ не сомнѣваться, что въ южной половинѣ губерніи слышится сильно акающій говоръ тотъ же въ главныхъ своихъ особенностяхъ, что въ

---

[1]) Слово шпиль, встрѣчающееся у насъ только какъ собственное имя (духовная до 1459 г. Акты Калачева I, 547), едва-ли имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ нѣмецкимъ шпильманамъ, точно также какъ и слово шпынь, явившееся у насъ лишь въ XVII вѣкѣ, въ текстахъ изобилующихъ полонизмами.

губерніяхъ Тульской, Калужской, Орловской, Курской и друг. [1]), но съ рѣдкою (и не повсемѣстною) мѣною *у* и *в*. Также теперь мы уже знаемъ кое-что о говорѣ сѣверо-западнаго угла губерніи, Касимовскаго уѣзда, который оказывается хотя не совсѣмъ такимъ, какимъ изобразилъ его Даль, но тѣмъ не менѣе очень любопытнымъ. Онъ, подобно своему сосѣду, говору Меленковскаго и Муромскаго уѣздовъ Владимірской губ., представляетъ смѣсь сѣверно-великорусскихъ чертъ, повидимому, въ немъ исконныхъ, съ чертами южно-великорусскими, заимствованными. Именно, въ немъ встрѣчается *у* вмѣсто неударяемаго *о*: за нявѣстуй, самауцкуй, ёлыцкуй (твор. ед., стр. 49), *е* вмѣсто *я* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ: апеть, *де*дя, въ *е*сляхъ (стр. 24), мѣна *ц* и *ч*: крыцыть, спцасъ, *ц*атыря, *ч*арь (стр. 82—83), группа *нн* вмѣсто *дн*: винна=видно, два *нн*и и т. п. (стр. 73), и рядомъ аканье, не такое рѣзкое, какъ на югѣ губерніи (стр. 6), съ случаями употребленія глухаго *ы* въ слогѣ передъ удареніемъ: гыстила, сысвàталъ (стр. 31), спорадическое *у* вмѣсто *вв*: *у* дóми, *у* куцки (=въ кучкѣ, стр. 66), пристрастіе къ *х* и *хв* вмѣсто *ф*: *Х*илипъ, *Хв*ёдаръ. Сверхъ того, въ говорѣ Касимовскаго уѣзда (въ Тумскомъ краѣ) отмѣчено опущеніе *в* между гласными: пріозютъ, *де*ить=девять, да*и*ча, и замѣна *в* черезъ *й* передъ согласными и въ концѣ словъ: ла*й*ки=лавки, любо*й*=любовь, пятро*й* день=петровъ. Затѣмъ, мы имѣемъ у г. Будде нѣсколько данныхъ изъ Егорьевскаго уѣзда, которыя показываютъ, что въ немъ говоръ также рѣзко отличается отъ говора южныхъ уѣздовъ губерніи и, подобно касимовскому, имѣетъ мѣну *ц* и *ч* (стр. 83).

Г. Будде сопровождаетъ приводимыя имъ данныя «рязанскаго говора» историческимъ комментаріемъ, не всегда удачнымъ, на которомъ нам нѣтъ надобности останавливаться.

Книга г. Будде даетъ понять, какъ много интереснаго представляютъ нѣкоторые говоры великорусскаго центра, не удостоиваемые вниманія нашими наблюдателями, и какъ важно было бы имѣть о нихъ достовѣрныя свѣдѣнія.

Кромѣ изслѣдованія, г. Будде помѣстилъ небольшой словарикъ мѣстныхъ словъ и 58 пѣсенъ (между прочимъ изъ Касимовскаго уѣзда). *А. Соболевскій.*

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1893 годъ. Воронежъ, 1892 года.

Настоящая «Книжка» не представляетъ большаго интереса. Она заключаетъ въ себѣ «Статистическій обзоръ Воронежской губерніи за 1891 годъ», съ подробными свѣдѣніями о народномъ образованіи въ Воронежской губерніи за 1891 г., обработанными г. Дикаревымъ, и съ приложеніемъ тринадцати статистическихъ таблицъ и алфавитнаго списка церковныхъ приходовъ Воронежской епархіи (здѣсь показаны число душъ въ приходѣ и количество церковной земли).

Далѣе въ «Книжкѣ» слѣдуютъ слѣдующія статьи:

«Историческій обзоръ дѣятельности Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета», г. Воскресенскаго [2]). Комитетъ, учрежденный въ 1835 г., первые годы провелъ въ полномъ бездѣйствіи и въ 1853 году даже не могъ дать отвѣта на запросъ: были-ли въ немъ когда-нибудь засѣданія и составлялись ли журналы? Только съ 1853 г. началась дѣйствительная жизнь Комитета, а въ 1856 г. вышла первая воронежская «Памятная книжка».

«Разрушеніе почвенныхъ покрововъ», г. Щербины. Здѣсь указывается на послѣдствія нерасчетливыхъ распашекъ и нераціональнаго истребленія лѣсовъ въ Воронежской губерніи.

«Выселенія крестьянъ изъ Воронежской губерніи въ 1874—1892 годахъ», г. Бычковскаго.

---

[1]) О немъ см. „Очеркъ русской діалектологіи“ (*Живая Стар.* 1892 г. вып. I).

[2]) Перепечатано съ измѣненіями и дополненіями изъ книги „Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Томъ I, стр. 523 и слѣд.

«Статистическія данныя для характеристики торговли г. Воронежа за 1874—1891 годы», г. Сверчкова.

«Кольцовъ какъ народный поэтъ», Е. Маркова.

«Старая Донская пустынь и Донецкій казачій городокъ», Е. Маркова. Здѣсь описывается слобода Монастырщина, расположенная на самомъ краю Богучарскаго уѣзда, въ 7—8 верстахъ отъ Земли Войска Донскаго, на мѣстѣ донскаго Верховаго городка, и приводится рядъ историческихъ данныхъ.

«Валуйская старина. Валуйскій Пристанскій монастырь по разрядной описи XVII вѣка», г. Федяевскаго. Текстъ книгъ описныхъ Валуйскаго Пристанскаго монастыря 1641 года.

«Воронежскія древности (статистическія данныя о находкахъ древнихъ каменныхъ и бронзовыхъ издѣлій въ Воронежской губерніи съ 1863 по 1893 г.)», г. Звѣрева, со снимкомъ издѣлій. Объ одной кремневой стрѣлѣ разсказывается, что она принадлежала старухѣ знахаркѣ, которая ее употребляла для лѣченія болѣзней, прикладывая къ больному мѣсту.

«Холерная эпидемія въ Воронежской губерніи въ 1892 году», г. Зарянка.

Н. Т—овъ.

Н. П. Остроумовъ. Сарты. Этнографическіе матеріялы, вып. II. Народныя сказки сартовъ. Ташкентъ. 1893.

Средняя Азія, поле столь многихъ и великихъ событій, не можетъ быть названа забытою страною. Изъ глубокой древности идутъ о ней извѣстія и чѣмъ ближе къ нашей эпохѣ, тѣмъ все больше и больше. (Ср. «Карманная книжка для любителей землевѣдѣнія, изд. И. Р. Г. О.» 1848 г. ст. Савельева «Средняя Азія»). Особенно плодотворнымъ для изученія ея было время русскихъ завоеваній въ Туркестанѣ. Новая, малоизвѣстная для русскихъ страна обратила на себя живѣйшее вниманіе, возбудила оживленный интересъ къ своему историческому прошлому, къ своему внутреннему строю, своимъ насущнымъ потребностямъ. Не смотря на всѣ неудобства полупоходной обстановки не по днямъ, а по часамъ росла литература статей, брошюръ, отдѣльныхъ сочиненій о вновь завоеванномъ краѣ. Межовъ насчиталъ, не ручаясь еще за полноту, до 3000 статей и цѣльныхъ сочиненій о Средней Азіи за 10 лѣтъ нашего владычества въ краѣ. «Этотъ край былъ изслѣдуемъ и описанъ въ всевозможныхъ отношеніяхъ и быть можетъ извѣстенъ намъ болѣе, чѣмъ, напр., наши сѣверныя губерніи или Сибирь, которыя однакоже принадлежатъ Россіи нѣсколько столѣтій» («Туркестанскій Сборникъ ст. отн. до Ср. Азіи вообще и турк. края въ особ.» Предисловіе.). Второе десятилѣтіе нашего пребыванія въ краѣ какъ будто остудило энергію, любознательность притупилась, явилось дряблое уныніе, жизнь заполонили мелочи личнаго существованія. Такъ скоро оживленіе первой военной обстановки, увлеченіе новизной смѣнилось затишьемъ стоячаго болота. Но и на этомъ болотѣ иногда блуждали огоньки.

Печатный станокъ совершенно не ослабѣвалъ—продолжала выходить, хотя съ меньшимъ содержаніемъ, газета «Туркестанскія Вѣдомости», издавались «Труды Сыръ-Дарьинскаго областнаго статистическаго комитета», нынче переименованные въ «Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области», существовали, конечно, ежегодные оффиціальные обзоры областей Туркестанскаго края. Въ общемъ, казалось бы неумѣстнымъ жаловаться на бѣдность литературы по Средней Азіи вообще и нашихъ въ ней владѣній въ частности и однако этнографъ ею неудовлетворенъ. Просмотрите огромные систематическіе указатели Межова, переберите всѣ статьи въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», въ статистическихъ сборникахъ—много-ли тамъ собственно этнографическаго матеріала? Два-три очерка наиболѣе выдающихся пунктовъ (напр. «Азіатскій Ташкентъ» Маева), нѣсколько пословицъ, загадокъ и затѣмъ столь обманчивая (если судить о богатствѣ литературы по количеству названій соч.) масса путевыхъ замѣтокъ—все это впечатлѣніе глаза, случайный матеріалъ, а не систематическое изученіе края по опредѣленной

програмкѣ, съ серьезной цѣлью—не развлечь читателя легкимъ наброскомъ чего нибудь любопытнаго, а самымъ внечатлительнымъ детальнымъ изученіемъ края уяснить себѣ настоящую основу его быта, вѣрованій, вообще—жизни. Вѣдь важность такого изученія не только для науки, но и для нашей жизни и дѣятельности въ краѣ стала общимъ мѣстомъ. Чтобы это сознаніе не оставалось лишь на словахъ, а переходило бы въ дѣло, нужна чья-либо инициатива. Ее, кажется могла бы на себя взять школа. Такъ мы думаемъ во 1-хъ, имѣя въ виду примѣръ кавказскаго учебнаго округа. Не можемъ не привести слѣдующихъ весьма основательныхъ соображеній. «Управленіе Кавказскаго учебнаго округа признаю полезнымъ, сверхъ указанія цѣлесообразнаго исполненія народными учителями прямыхъ обязанностей, обратить ихъ вниманіе на возможно всестороннее изученіе ими тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они живутъ и гдѣ сосредоточена ихъ дѣятельность. Это изученіе, составляя серьезное и весьма полезное занятіе безъ всякаго сомнѣнія, возбудитъ во многихъ изъ нихъ интересъ къ наблюденію природы и, имѣя значеніе умственно-освѣжающаго труда, окажетъ благотворное вліяніе и на педагогическую ихъ дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ. Оно не только будетъ служить къ огражденію учителей отъ апатіи, ложнаго направленія и увлеченій вредными посторонними внушеніями, но и къ поддержанію ихъ на уровнѣ полученнаго ими образованія и дальнѣйшему самосовершенствованію. Кромѣ указаннаго значенія лучшія работы учителей и учительницъ по описанію разнообразныхъ мѣстностей Кавказа могутъ со временемъ представить хорошій матеріалъ для описанія цѣлаго края». («Матеріалы для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа», изд. Упр. К. Учеб. Окр., вып. I. Пред. II—III).

Всѣмъ интересующимся этнографіей Кавказа извѣстно, какіе богатѣйшіе плоды принесло это начинаніе.

Вторымъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія, что школа должна дать импульсъ къ болѣе систематическому изученію края, служатъ «этнографическіе матеріалы о Сартахъ» Н. П. Остроумова, къ которымъ мы теперь и переходимъ. Н. П. Остроумовъ, директоръ классической гимназіи въ Ташкентѣ и редакторъ «Туземной Газеты», давно уже занимается выдѣленіемъ спеціально этнографическаго матеріала изъ нашихъ свѣдѣній о Русской Азіи. такъ, кромѣ мелкихъ статей и замѣтокъ въ «Запискахъ вост. отд. имп. русск. арх. общества» (напр. т. II, в. III; т. VII и др.), въ «Этнограф. Обозрѣніи» (кн. II) ему принадлежатъ «Пословицы туземнаго населенія Туркестанскаго края» и «Сарты» вып. I (1890), II (1893). Сложныя прямыя обязанности не позволяютъ Н. П. Остроумову съ достаточною внимательностью разобраться въ издаваемыхъ матеріалахъ да и самъ матеріалъ этотъ не такого свойства, чтобы легко было его обобщать, дѣлать изъ него выводы—вотъ гдѣ оправданіе отъ нападокъ, сдѣланныхъ на 1 выпускъ «Сартовъ», и объясненіе тѣхъ недочетовъ, которые могли бы найти въ предисловіи ко 2-му выпуску. Невѣрныя заключенія можно легко отбросить, матеріалъ же, собранный какъ самимъ г. Остроумовымъ такъ и другими подъ его руководствомъ, останется навсегда цѣннымъ вкладомъ въ нашу этнографическую литературу Азіи. Желательно только выполненіе одного существеннаго условія меньше случайности, больше системы, а то напечатанныя въ сборникѣ 26 сказокъ набраны чуть не со всѣхъ мѣстъ края, какъ будто бы для характеристики сказки, гдѣ ее сказываютъ—въ Ташкентѣ, Самаркандѣ или Кокандѣ и Наманганѣ, а о нѣкоторыхъ сказкахъ и совсѣмъ неизвѣстно, гдѣ и съ чьихъ словъ онѣ записаны (напр., 21, 22, 24). Есть одна интересная особенность въ сборникѣ этихъ сказокъ именно, что онѣ всѣ записаны народными учителями или учениками Ташкентской гимназіи. Фактъ очень важный, на которомъ мы, какъ выше было сказано, основываемъ наши надежды на болѣе систематическое и внимательное изученіе края. Отчего бы и здѣсь въ Туркестанѣ, какъ то сдѣлано на Кавказѣ, не поощрить учителей къ изученію мѣстной природы и жизни отчего бы лѣтомъ не устроить учебныхъ экспедицій въ разныя мѣста? Ташкентская гимназія—одна на весь край, составъ ея пришлый изъ трехъ областей, на лѣто всѣ разъѣзжаются изъ Ташкента. Вотъ бы и снабдить болѣе взрослыхъ программами и указаніями, какъ изучать то, что насъ окружаетъ—сколько бы матеріалу навезли они къ осени! Для такой работы нужны лишь охота наблюдательность да терпѣніе, качества, которыхъ достаточно въ молодежи. Языкъ же мѣстный, какъ мы сами знаемъ, понятенъ огромному

большинству учениковъ гимназіи [1]) То же, еще въ большой мѣрѣ, примѣнимо и къ ученикамъ Семинаріи.

Мы не считаемъ этотъ планъ неисполнимымъ, п. ч. первые шаги сдѣланы уже въ сборникѣ Н. П. Остроумова.

Дружнѣе только надо приняться за работу! Не трудно работать, когда знаешь, какъ сладки будутъ плоды этой работы.

Переходя теперь къ самимъ сартовскимъ сказкамъ мы прежде всего остановимся на вопросѣ о сказочникахъ. Очень жаль, что г. Остроумовъ, посвятивъ 5 страницъ предисловія выпискамъ о сказкахъ самаго общаго характера изъ Афанасьева, К. Аксакова, Котляревскаго, Пыпина, Буслаева, Порфирьева, Галахова, только слѣдующія строки удѣлилъ сказочникамъ «Въ осенніе и зимніе вечера богатые и бѣдные сарты составляютъ особыя товарищества (джура), въ 10—30 человѣкъ, вносятъ условленную сумму и собираются въ извѣстномъ (чаще нанятомъ) помѣщеніи, чтобы за общей трапезой послушать пѣвца или разсказчика (иртякчи)» (Пред. XII) О спеціалистахъ—пѣвцахъ мы имѣемъ достаточно свѣдѣній—дѣйствительно безъ «ойлянчей (ульгёнчи) у киргизъ, Радловъ. Образцы ч. V (Этн. Об. 1889, кн. III) «амиковъ» на Кавказѣ («Сб, мат.» XIII стр. XXXIV, 109 изд.), «гегуаковъ» у татаръ горцевъ («Сб. мат.» I. отд. II стр. IV), «гафизовъ» у сартовъ не обходится никакой общественный или семейный праздникъ—мы сами не разъ заслушивались этихъ пѣсенъ, часто оч. трогательныхъ, всегда поэтическихъ, но сказочниковъ, да еще въ собраніи, не слыхали. Впрочемъ, въ параллель къ вышеприведенному можемъ сообщить одно кавказское обыкновеніе. «По вечерамъ ал-махинскіе молодые люди собираются въ чью-либо саклю, на другой день въ другую, на 3—въ 3 и т. д., пока очередь не дойдетъ опять до первой. Тамъ они поютъ пѣсни, пляшутъ разговариваютъ и внимаютъ разсказамъ стариковъ, преданіямъ и сказкамъ». («Сб. свѣд. о кавк. горц.» VIII стр. 21) Жизнь вездѣ сплетается изъ хорошаго и дурнаго и въ человѣчествѣ всегда будетъ жить стремленіе уйти изъ узкой сферы будничныхъ интересовъ въ иной міръ, гдѣ легче дышется, свободнѣе достигается цѣль, въ міръ поэтическаго вымысла, гдѣ все такъ необыкновенно и красиво. Мы ничуть не сомнѣваемся въ существованіи у сартовъ сказокъ, въ любви сартовъ къ сказкамъ, но желали бы знать отъ собирателей кое-что о разсказывающихъ сказки, (о мѣстѣ ихъ жительства, о степени образованности и т. п.) Что касается самихъ сказокъ, то намъ приходится пока ограничиться предварительной описательной работой, п. ч. для выполненія истинной задачи этнографіи — истолкованія явленія — нужно нѣсколько болѣе матеріала, чѣмъ 26 изданныхъ сказокъ, да и больше эрудиціи въ этой области науки, чѣмъ какая есть у насъ. Матеріалъ, предлагаемый данными сказками, чрезвычайно разнообразный — съ одной стороны онъ намъ кажется давно знакомымъ, съ другой—мы здѣсь находимъ много оригинальнаго, своеобразнаго. Выдѣлимъ то и другое. Въ каждой почти сартской сказкѣ мы находимъ что нибудь знакомое намъ изъ русскихъ или европейскихъ сказокъ—прекрасныя царевны, смѣлые юноши, ищущіе ихъ руки, чудовища, какъ, препятствія на пути къ извѣстной цѣли, чудесныя средства для побѣды надъ всѣми препятствіями—яблоки, ковры-самолеты, гребенки, полотенца, шкатулки, вѣщія птицы, оборотни... Есть нѣкоторыя общія подробности такъ сказать традиціонныя, нѣкоторые обыкновенные эпическіе пріемы напримѣръ, изъ 3-хъ братьевъ непремѣнно 3-й считается дуракомъ, въ презрѣніи старшихъ, на дѣлѣ же оказывается всегда торжествующимъ побѣдителемъ, великодушнымъ [2]). При самомъ отправленіи на подвиги герою встрѣчаются 3 дороги съ надписью относительно того, кто по нимъ поѣдетъ (ср. 55, стр. 104 и др.), затѣмъ, возьмите числа въ сказкахъ—40 положительно преобладаетъ, изъ другихъ мы

---

[1]) Теперь уже не мало среди гимназистовъ природныхъ туземцевъ.

[2]) Ср. стр. 52. «Этотъ 3-й царскій сынъ только у своихъ домашнихъ и въ народѣ считался за дурака, а на самомъ дѣлѣ былъ умный юноша, умѣвшій говорить читать и писать на разныхъ иностранныхъ языкахъ. Научившись многому царевичъ не любилъ однако выставлять свои знанія на видъ и хвастать ими, а больше молчалъ и потому считался дуракомъ».

встрѣчаемъ 60, 7, 9, 3; кончается обыкновенно свадьбой... Все это конечно, нельзя объяснить однимъ заимствованіемъ—общее родство индоевропейскихъ народовъ, общность извѣстныхъ психологическихъ представленій едва ли не рѣшаетъ этой задачи. Помимо этого болѣе или менѣе общаго сходства есть между изданными сарт. сказками и рус. болѣе тѣсное сходство. Такъ мы укажемъ ск. «бѣдный мальчикъ, сдѣлавшійся царемъ», при помощи собаки, крылатаго змѣя, которымъ онъ спасъ жизнь. (Ср. Аѳон. 112. «Сб. св.» VIII. Прил. VII) XVI ск. «Злая мачеха и коварныя жены царя», даже въ мелочахъ напоминающая нашу сказку «о сестрицѣ Аленушкѣ и братцѣ Иванушкѣ» (Аѳ. 116, первая часть ср. «Сб. мат.» VI. 101). Слѣдующую XVII ск. «Царевичъ Хасанъ-паша, достающій при помощи волка трехъ волшебныхъ птицъ, красавицу царевну и желтаго коня» можно сравнить съ нашей сказкой «Иванъ царевичъ, сѣрый волкъ и жаръ-птица» (аѳ. 102) XX ск. «Бирюза пророка Сулеймана», играющаго оч. важную роль въ мусульманскихъ преданіяхъ (ср. «Сб. св.» I, 37) напоминаетъ своей чудесной благодѣтельной силой «Коробочку» малор. сказки. Также и XXII ск. «Три слѣпца», которыхъ надулъ одинъ зрячій, м. б. поставлена въ параллель съ нѣк. в. и малорусскими сказками.

Конечно, на основаніи этихъ сходствъ мы еще не можемъ окончательно рѣшать вопроса о взаимоотношеніяхъ рус. и сартской сказочной литературы, но позаимствованіе нами тутъ очевидно. Сличивъ тѣ же сказки съ кавказскими мы находимъ, что кавказскія сказки дальше отстоятъ отъ русскихъ—слѣдовательно, мы можемъ сдѣлать выводъ и о пути заимствованія—именно не черезъ кавказскую среду (какъ хотятъ другіе), а черезъ прямыхъ сосѣдей—туркомонголовъ; сюда же онѣ попали отъ Персіянъ, Арабовъ, но это уже другой вопросъ. Главный интересъ, при чтеніи сказокъ, сосредоточивается однако на этихъ знакомыхъ чертахъ, а на томъ своеобразномъ міровоззрѣніи, на той характерной обстановкѣ жизни народа, среди котораго сказка развилась или возникла.

Это характерное мы можемъ опять таки выдѣлить благодаря сравненію сартовскихъ сказокъ съ русскими. Прекрасныя царевны и въ русскихъ сказкахъ прельщаютъ своей красотой храбрыхъ героевъ, но жители востока не удовольствовались общимъ мотивомъ; они остановились на самой красотѣ, постарались разукрасить ее всѣми средствами своего воображенія [1]); не менѣе сильно изображено и чувство увлеченія «при видѣ красавицы многіе даже обмирали» (41): «взоры юноши и красавицы встрѣтились: юноша едва удержался на ногахъ отъ волненія» (42): «пери такъ сильно понравилась мнѣ, что я въ этотъ моментъ совершенно потерялъ сознаніе и упалъ, какъ подкошенный колосъ среди цвѣтовъ» (76). «Когда царевичъ увидалъ красавицу, то упалъ какъ подкошенный отъ волненія» (129) и пр. (83, 123, 128). Герои сартовскихъ сказокъ бываютъ сильны только, какъ русскіе богатыри: самыя большія тяжести, работы, требующія не одного, а нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, имъ ни почемъ—таковы Хосръ (XIV), Хазаръ-Гейсу (IX), Хырсъ-Палвакъ (XXVI) и др. Но интересъ сказки не столько въ этихъ первыхъ лицахъ—героиняхъ и герояхъ, сколько въ обстановкѣ ихъ жизни и подвиговъ. Прежде всего о разныхъ чудовищахъ. О нихъ мы въ дополненіяхъ къ сказкамъ находимъ небольшіе экскурсы издателя: I—о происхожденіи демоновъ, народное повѣріе сходное съ изложеніемъ корана II—дивы, изъ разряда демоновъ. Эти злые духи отличаются безобразной наружностью «чорта, съ рогами на головѣ, съ большими оскаленными клыками, съ когтями на рукахъ и ногахъ и съ длиннымъ хвостомъ» (166), обладаютъ необыкновенной силой и волшебными свойствами. Однимъизъглавныхъ дивовъ является т. н. Бѣлый дивъ. (Ср. Миллеръ экскурсы 104 ст.) III — драконъ

---

[1]) «Она была такая красавица, какихъ я никогда еще не видѣлъ на свѣтѣ: ея черные, какъ уголь глаза горѣли при свѣтѣ луны огнемъ и жизнью; ея станъ былъ стройнѣе кипариса; губы ея были алѣе цвѣтка хины, черные волосы ея были такъ густы и длинны, что она съ трудомъ, медленно поворачивала головой и въ тоже время часто своей нѣжной бѣлой рукой ихъ отбрасывала назадъ; скромностью своей она превосходила тибетскую серну» и т. д. (123). Голосъ восхваляется также въ сильной степени, особенно м. б. благодаря любви туземцевъ къ пѣнію (ср. 85.)

(аждаха, саабанъ), одно изъ популярнѣйшихъ созданій народной фантазіи. По описанію одного персидскаго соч. «драконъ животное большое, имѣющее видъ ужасный. Маленькіе драконы бываютъ пяти аршинъ, а большіе достигаютъ тридцати аршинъ и даже болѣе. Это животное водится въ Индіи. Цвѣтъ его кожи желто-черный; брови его закрываютъ глаза; пасть онъ открываетъ широко; зубовъ во рту много; шеи не видно: шерсть на ихъ шеѣ закрываетъ все тѣло. Самцы драконы больше и злѣе самокъ. Когда драконъ подходитъ къ какому нибудь животному и раскрываетъ свою пасть, то животное само попадаетъ въ его ротъ: драконъ издали притягиваетъ къ себѣ животное. Послѣ того драконъ обертывается вокругъ древеснаго пня или вокругъ камня и т. о. ломаетъ кости проглоченнаго животнаго. Большую часть жизни драконы проводятъ въ водѣ и потому называются водяными змѣями; нѣкоторые драконы живутъ въ степи» (168). Судя по роли ихъ въ сартскихъ сказкахъ можно ихъ приравнять къ Змѣю нашихъ сказокъ [1]). У нѣкоторыхъ Монгольскихъ племенъ драконъ еще является въ слѣдующемъ видѣ: «Онъ имѣетъ рога оленя, уши быка, голову верблюда, круглые глаза, шею змѣиную, чешую рыбью, лапы тигра и когти орла. Тѣло его похоже на тѣло устрицы. По произволу своему можетъ онъ дѣлаться большимъ и малымъ, длиннымъ и короткимъ, и принимать всевозможные виды. Весною онъ восходитъ къ небу, осенью же погружается опять на дно морское». (Спб. Вѣд. 1835. № 294. 1180 с.). IV—птица Симургъ или Анна (араб. назв.), отличающаяся столь огромнымъ размѣромъ, что «когда распускаетъ свои крылья, то закрываетъ солнечный свѣтъ», такой силой, что «можетъ унести верблюда или слона», живетъ въ лѣсу на высокомъ деревѣ, по сказкамъ помагаетъ герою за то, что онъ спасъ ея дѣтенышей отъ волка (стр. 71) или по другой сказкѣ отъ крылатаго змѣя. (Ср. XXVI л.; съ тѣми-же чертами и сходнымъ именемъ «Синамаркъ» эта птица является въ кавказ. сказ. «Сб. мат.» IX, 196). V—водяная лошадь (асби-аби) съ головой лошади, копытами рогатаго скота, хвостомъ свиньи, по сказкамъ она снабжена крыльями (XIX ск.). Среди своеобразныхъ сказочныхъ типовъ можетъ быть поставлена и баба-яга; ея роль въ сартовскихъ сказкахъ не меньше, чѣмъ въ русскихъ. много чертъ общихъ. но есть нѣчто и оригинальное. Ея главное качество по сартовскимъ сказк.—прожорливость: она цѣлыхъ барановъ въ разъ глотаетъ, безобразный видъ, затѣмъ быстрота ея передвиженій, отчего при ея появленіи происходитъ сильный вѣтеръ, большею частью она враждебна человѣку и спастись отъ нея можно лишь при помощи какой-нибудь волшебной силы (ск. I, III, IV и др.), но иногда, въ сартовскихъ сказкахъ особенно за почтительность къ ней, она услуживаетъ герою своимъ совѣтомъ, волшебными средствами (ск. XI, XVIII). Помимо людей, какъ героевъ сказки и сверхъестественныхъ существъ, созданія необузданной фантазіи, въ сказкахъ мы видимъ дѣйствующимъ и міръ звѣрей, птицъ и даже неодушевленную природу. Все окружающее человѣка участвуетъ въ его радостяхъ или печали, такъ или иначе ему помогаетъ. Перечислимъ животныхъ, которыхъ знаютъ сартовскія сказки—отсюда однако нельзя выводить о томъ чего они не знаютъ, потому что собранный мотеріалъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ, что еще находится въ устномъ обращеніи (Ср. Предисловіе XIV). Первое мѣсто, конечно, занимаетъ лошадь (Ср. ея роль въ вост. нар. лит. и русск. былинахъ Миллеръ. экскурсы 217. 220); въ сказкахъ упоминаются прекраснѣйшія по наружности, преимущественно бѣлыя, лошади (6. 80 стр.), самое дорогое ихъ качество—быстрота и крѣпость (59, 120, 157), герою онѣ обыкновенно даютъ клокъ своей шерсти: стоитъ ее зажечь, чтобы онѣ явились (6, 11), своимъ ржаніемъ онѣ иногда предупреждаютъ героя объ опасности (43). Далѣе видную роль въ сказкахъ

---

[1]) Въ IV сказкѣ говорится о драконѣ, который ходитъ въ одинъ городъ и каждый день пожираетъ по очереди по одной дѣвицѣ изъ каждой семьи и по одному барану, послѣ ему прямо стали выводить за городъ по дѣвицѣ и по барану, чтобы онъ въ городъ самъ не ходилъ и меньше страху наводилъ (25); въ XXVI ск. тотъ же мотивъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ деталяхъ—такъ дракону возятъ не ежедневно, а разъ въ годъ дѣвицу, верблюда и барана. Когда дошла очередь до семьи царской, тогда выступаетъ на борьбу съ дракономъ Хырсъ-Палванъ. Нѣтъ ли тутъ какого сходства съ греч. миѳомъ о Минотаврѣ? Возможность такого сходства нельзя отрицать, потому что это не будетъ первымъ примѣромъ сходства средне-азіятскихъ сказаній съ греческими миѳами (Э. о. II). Возможность того же для Кавказа ср. «Сб. мат.» XII.

играетъ волкъ то на службѣ у Дива (58), то какъ пожирающій птенцовъ Симрака (70), то чаще какъ помощникъ сказочныхъ героевъ, которыхъ онъ перевозитъ на себѣ черезъ моря и земли, предупреждаетъ въ опасности, спасаетъ благодаря своему оборотничеству (104, 109. 114. 116 стр.). Изъ прочихъ животныхъ мы встрѣчаемъ собаку, изъ охотничьихъ породъ (11, 124), или обыкновенную, съ своимъ постояннымъ аттрибутомъ вѣрности человѣку (73); лисицу, какъ всегда, хитрую и ловкую (18); оленя быстроногаго, завлекающаго охотника въ глубь лѣса (34, 46); обезьяну (93), осла (95), тигра (97), козу (98)—въ нихъ превращаются тѣ или другіе сказочные персонажи, упоминаются быки, верблюды какъ вьючныя животныя, бараны, какъ главная пища на пирахъ и въ обыденное время. Изъ птицъ, кромѣ Симурга, мы здѣсь встрѣчаемъ цаплю (32), попугая (38. 128. 129), сокола (39. 98), орла (80) — всѣ онѣ помогаютъ сказочнымъ героямъ достичь своей цѣли, то перенося ихъ съ неимовѣрной быстротой, куда угодно, то открывая имъ судьбу и давая средство предотвратить ее и т. п. Въ голубя преимущественно обращается женщина при помощи чародѣйственной силы (80); въ наказаніе одна царица была превращена въ курицу (70). Изъ рыбъ упоминается рыба-чудовище, проглатывающая людей и животныхъ (19. 20. 80), въ сказкѣ «Царевна и Попугай» говорится о рыбѣ «въ 110,000 пудовъ. которой принадлежала земля» (129 стр.), есть и золотая рыбка въ искуственномъ водоемѣ (21). Изъ растеній нужно отмѣтить мѣстныя—чинаръ (70, 155), карагачъ (144), урюкъ (141), тутовое дерево (96), тополь (21, 92) и безымянныя большія деревья. Цвѣты всегда упоминаются какъ необходимѣйшее украшеніе садовъ (75 и пр.). Естественно многія растенія играютъ роль цѣлебныхъ—такъ одинъ Индіецъ въ сказкѣ «о богачѣ Атаметоѣ» [1]) излѣчиваетъ больнаго, которому черви разъѣли ухо, распаренной на огнѣ вѣткой (77), растеніями какъ лѣкарствами пользуются и знахари (ск. XXVI).

Все вышеизложенное можно считать отголоскомъ языческой старины, остаткомъ отъ доисторической эпохи, первобытная основа вѣрованія продолжаетъ жить часто подъ другимъ именемъ и при болѣе реальной обстановкѣ, но есть и совершенно новыя черты, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ ислама дѣйствующаго какъ черезъ школу и грамотность, такъ особенно благодаря воизамъ и моддахамъ-разказчикамъ въ строго мусульманскомъ духѣ. «Подъ вліяніемъ ислама, говоритъ издатель сказокъ, произошла въ народныхъ сказкахъ сартовъ замѣна древнихъ чудовищъ дьяволомъ (шайтаномъ), равно какъ явились представленія о разныхъ догматическихъ, обрядовыхъ и бытовыхъ особенностяхъ мусульманской жизни: совершенія намаза, мѣсяцъ Рамазанъ, отвращеніе къ свиньямъ и пр.» (Пред. XI). Намъ кажется, не указано здѣсь одно изъ могущественнѣйшихъ вліяній мусульманства—отношеніе къ Аллаху, его святымъ и юродивымъ. Въ критическую минуту герои не разъ обращаются къ нимъ съ молитвой и немедленно получаютъ помощь (особ. сказка XIV, VII. 112—XXXI, 149 и др.); однимъ изъ добрыхъ пожеланій герою является «да сохранитъ тебя Аллахъ» (58 и пр. и пр.). Сказка не пѣсня, изъ которой ничего не выкинешь, не измѣнишь, потому что съ этимъ мѣняется ея размѣръ, и нечего удивляться, что въ сартовскихъ сказкахъ отразился исламъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы склонны даже видѣть вліяніе русской жизни и обычаевъ — такъ въ III сказкѣ дѣвушка проситъ мать выдать ее замужъ въ такое царство «гдѣ по закону, у мужа только одна жена и гдѣ всѣ женщины и дѣвицы ходятъ съ открытымъ лицомъ» (15) къ этому же вліянію должно, къ несчастію, отнести и ведро водки, которая, появившись въ дѣйствительной жизни туземцевъ, перешла и въ сказки (157) и др. Но дороже всего для этнографа отраженіе въ сказкахъ настоящаго быта и условій страны, въ которой сказка вращается. Такого матеріала сартовскія сказки даютъ много—не выбирая его съ мелочной тщательностью мы лишь укажемъ на прекрасные сады, лучшее украшеніе азіятскихъ городовъ (21, 44, 102, 117 и др.), чай-ханы, любимое мѣсто времяпрепровожденія туземцевъ (55), шатры, въ которыхъ разост-

---

[1]) Интересна сказка. Не рѣшаясь заняться ею спеціально, укажемъ мимоходомъ на сходство ея начала съ 3 новеллой X дня Декамерона Боккачьо.

ланы ковры (15), изъ одежды—халатъ, тюбитейка, ичиги; изъ пищи—палау, лепешки, баранина, шурпа; питья—чай, кумысъ; затѣмъ разнаго рода мѣстные фрукты—виноградъ, яблоки, дыни, арбузы, урюкъ, персики (81), курятъ чилимъ (126), анашу (92). Рядомъ съ этими внѣшними условіями жизни сартовъ въ сказкахъ отражаются мѣстами и нѣкоторыя особенности ихъ внутренняго быта—бракъ, отношенія членовъ семьи, общественное управленіе, система наказаній (напр. привязываніе виновныхъ къ хвостамъ дикихъ лошадей 65, 101, 104 и др.), ежедневныя занятія и развлеченія и пр. и пр.

Несомнѣнно, что чѣмъ больше будетъ издано сартовскихъ сказокъ, тѣмъ больше сторонъ въ жизни сартовъ откроется—надо только торопиться съ собираніемъ, потому что и здѣсь жизнь подчиняется закону непрерывнаго измѣненія, и здѣсь искусственная словесность заглушаетъ непосредственное народное творчество, догматы ислама становятся на мѣсто языческихъ суевѣрій.

А. Липовскій.

Записки товариства імени Шевченка. Видавництво, присьвячене науці і письменьству украіньско-руского народу. Впорядкував др. Юліян Целевич. Частина I. У Львові. 1892.

Обществу имени Шевченка предшествовало литературное общество «Просьвита» (съ 1868 г.) имѣющее цѣлью распространеніе просвѣщенія среди народа, а также изданіе литературныхъ и научныхъ книгъ и учебниковъ. Однако, сама по себѣ задача просвѣщенія народа оказалась слишкомъ широкой и трудной, и общество «Просьвита» не могло съ успѣхомъ выполнить вторую часть своей программы: изданіе научныхъ и литературныхъ трудовъ. Ее приняло на себя «Общество имени Шевченка», получившее свое начало въ 1873 г., благодаря энергіи немногочисленныхъ (девяти) дѣятелей науки и литературы. Обществу на первыхъ же порахъ удалось на пожертвованныя суммы завести свою типографію. Типографія принесла огромную пользу мѣстной литературѣ, такъ какъ печатала по умѣреннымъ цѣнамъ и предоставляла кредитъ издателямъ. Въ 1885 г. проф. Партицкій передалъ обществу журналъ «Зорю», издающійся до сего времени. Кромѣ того, общество издало: «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache»—проф. Огоновскаго, его же Исторію русской литературы—4 тома, повѣсти Левицкаго, Подоленка, Чайченка и пр. Затѣмъ едва-ли не всѣ періодическія изданія и учебники для гимназій, печатаются въ той же типографіи. Тѣмъ не менѣе, общество имени Шевченка далеко еще не можетъ сравнить свою дѣятельность съ дѣятельностью другихъ славянскихъ ученыхъ обществъ въ Австріи носящихъ названія академій. Администрація и финансовая сторона отнимаетъ слишкомъ много времени, литературно-научные отступили на второй планъ. Между тѣмъ для того, чтобы общество стало на самомъ дѣлѣ центромъ и свѣточемъ литературнаго движенія въ австрійской Руси, необходима новая его организація. Шестое общее собраніе общества (въ мартѣ 1892 г.) положило начало новой эпохѣ въ исторіи общества. Рѣшено было переименовать общество въ «*Науковое* товариство имени Шевченка», представить на утвержденіе правительства одобренный общими собраніями новый уставъ. *Ученое общество имени Шевченка* должно имѣть заботу о развитіи науки на украинско-русскомъ языкѣ, искусства, собирать и охранять памятники старины. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: филологическаго, историко-философскаго и отдѣла наукъ естественныхъ, математическихъ и медицинскихъ. Члены общества дѣйствительные вносятъ 2 рубля одновременно и по 3 р. ежегодно, члены-учредители одновременно 50 р. Общество предприняло изданіе «Записокъ», первый томъ которыхъ передъ нами.

Въ небольшой, но изящно изданный, томъ вошла прежде всего статья *О. Я. Кониsскаго* «Дѣтство Т. Г. Шевченка», историко-біографическій очеркъ, переведенный съ нѣкоторыми сокращеніями въ 3 № «Русской Мысли». Въ очеркѣ, написанномъ съ замѣчательной теплотой и талантливо, объединены новыя свѣдѣнія о жизни великаго поэта. Обстоятельная статья *Александра Колесса* «Украинскія народныя пѣсни въ

твореніяхъ Богдана Залѣсскаго» посвящена одному изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ, о вліяніи народнаго творчества на литературную украинско-польскую школу. Авторъ даетъ краткую біографію Залѣсскаго, приводитъ массу сопоставленій между народными пѣснями и стихотвореніями польскаго поэта, наконецъ останавливается на самомъ языкѣ этихъ стихотвореній, переполненыхъ малоруссизмами. Повидимому, только такое детальное изученіе можетъ служить основой для характеристики начала народнаго, романтическаго, идеально-сантиментальнаго въ произведеніяхъ писателей украинской школы Сравнительно мало новаго (съ фактической стороны) даетъ статья *М. Сергіенка* «Народное движеніе на Украинѣ-Руси въ XIII в.», трактующая объ отношеніи народа къ княжеской власти. Лично мнѣ кажется, что самая постановка вопроса сдѣлана тенденціозно. Статья *Ѳ. Рыльскаго* «Изслѣдованіе надъ основами распредѣленія богатства» пока незакончена; но и въ первой своей части характеризуетъ обычную начитанность и обдуманность положеній автора. Въ концѣ книги помѣщены свѣдѣнія объ основаніи и развитіи дѣятельности общества имени Шевченка, главнѣйшія изъ которыхъ я привелъ въ началѣ замѣтки.

Первый томъ «Записокъ» оставляетъ самое благопріятное впечатлѣніе. Нельзя не пожелать, чтобы обществу удалось выполнить свою программу.

Арк. Л—нко.

Самарово, село Тобольской губ. и округа. Матеріалы и воспоминанія о его прошломъ Хрисанфа Лопарева, съ картою, планами и тремя видами. СПБ. 1892.

Въ небольшой брошюрѣ г. Лопарева представлено краткое историко-этнографическое описаніе с. Самарова, одного изъ бойкихъ пунктовъ по рѣкѣ Иртышу. Въ историческомъ очеркѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о первыхъ поселенцахъ Самаровскаго яма, житьѣ ямщиковъ, приводится цѣлый рядъ свидѣтельствъ путешественниковъ (съ конца XVII в. до самаго послѣдняго времени) о с. Самаровѣ. Этнографическія замѣтки основаны на личныхъ воспоминаніяхъ автора (стр. 30—45, 56—60). Изъ обычаевъ отмѣчены имъ: слушанье во время крещенскихъ святокъ, особенно торжественное празднованіе Ильина дня. Приводимыя пѣсни уже подверглись сильному городскому вліянію; какъ напримѣръ:

Какъ во маленькой деревнѣ,
Во веселой слободѣ
Жилъ мальчишко, лѣтъ семнадцать,
Неженатой, холостой...

Существуетъ въ народѣ пѣсня и о Ванькѣ ключникѣ. Вотъ ея начало:

Въ полѣ ягодка лѣсная
Призакрытая цвѣла;
Тамъ княгиня молодая
Съ княземъ въ теремѣ жила и т. д. (Сравн. «Пѣсни Рыбникова. М. 1861, I, 409—410).

Довольно полную картину на основаніи книги г. Лопарева можно составить о промыслахъ и занятіяхъ жителей с. Самарова. Главнѣйшія изъ нихъ гусиный промыселъ, сборъ кедровыхъ шишекъ, ловля сѣтями утокъ, сѣнокосъ, рыбный промыселъ, отчасти огородничество (воздѣлываніе картофеля). Хлѣбопашество, по причинѣ неблагопріятныхъ природныхъ условій, не прививается, и хлѣбъ жители Самарова и его окрестностей получаютъ съ южныхъ частей Иртыша. Воспоминанія заканчиваются описаніемъ «славленья» Христа малыми ребятами и обученія въ школѣ. Въ концѣ книги приложенъ небольшой «образчикъ словаря, языка и говора въ с. Самаровѣ», въ который однако совершенно напрасно внесены слова общеупотребительныя, каковы: ась, баять, вередъ, бѣдный, кликать и т. д.

Книгѣ г. Лопарева очень вредитъ отсутствіе строгаго плана. Историческая часть ея не выдѣлена отъ этнографической. За описаніемъ села слѣдуетъ перечисленіе путешествій разныхъ лицъ въ Самарово, замѣчанія объ экономическомъ положеніи

крестьянъ, личныя семейныя воспоминанія автора, отчетъ о посѣщеніи села Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, за которымъ снова слѣдуетъ лѣтопись села: «Въ іюлѣ мѣсяцѣ застрѣлился въ пьяномъ видѣ товарищъ моего дѣтства, Федоръ Зеленскій, 25 лѣтъ отъ роду. Сѣнокосъ начался въ первыхъ числахъ августа. Къ декабрю мѣсяцу почувствовался недостатокъ хлѣба»... Указаніемъ на начинающееся тяжелое время отъ недостатка хлѣба заканчивается книга.

Арк. Л—нко.

Волынскія Губернскія Вѣдомости въ 1838—1887 гг.

Въ 1888 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ существованія «Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», издающихся въ г. Житомирѣ съ 1838 года. Пользованіе матеріалами, помѣщенными за періодъ въ ихъ неоффиціальной части, бывало всегда затруднительнымъ, за отсутствіемъ полнаго къ нимъ указателя. Правда, А. В. Братчиковымъ въ 1880 г. (въ приложеніи къ «Волын. Г. В.») былъ напечатанъ указатель статей неоффиціальнаго отдѣла за 1867—79 гг., т. е. за время наибольшаго обилія матеріаловъ, явившихся въ газетѣ. Но и этотъ указатель остался мало извѣстенъ, затерявшись въ одномъ изъ томовъ изданія. Нѣкоторыя указанія нашли себѣ мѣсто въ библіографическомъ трудѣ З. Пенкиной «Полѣсье», обнимающемъ періодъ съ 1855 по 1880 годъ. Между тѣмъ, «Волынскія Губ. Вѣдомости» за время ихъ существованія помѣстили на своихъ страницахъ немало цѣнныхъ матеріаловъ по этнографіи, статистикѣ, исторіи Волынской губерніи. Въ виду этого я счелъ нелишнимъ предложить редакціи «Живой Старины» напечатать составленный мною указатель статей и матеріаловъ по изученію губерніи, напечатанныхъ въ «Волын. Г. Вѣд.». Въ него не вошли указанія на замѣтки случайнаго характера, мѣстную хронику, свѣдѣнія о театрѣ, концертахъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ и т. п. Все же, относящееся къ этнографіи, исторіи и статистикѣ населенія, отмѣчено съ возможною полнотой (газета была просмотрѣна два раза). Такимъ образомъ, при указаніи географическаго имени напр. м. Полоннаго нужно разумѣть не случайную корреспонденцію, а историко-этнографическое описаніе мѣстечка.—Имена редакторовъ неоффиціальной части «Волын. Г. Вѣдомостей» до 1854 г. неизвѣстны. Съ 1854 состоялъ редакторомъ А. Перлштейнъ; съ 1858—Каменцовъ; съ начала 1860 г.—Крушинскій; съ 29 № 1861 года—секретарь Статистическаго Комитета—Ѳ. Китченко; съ 7 № 1865 г.—М. Мицкевичъ и съ 1866 г. по конецъ 1891 г.—В. А. Братчиковъ. Біографическими свѣдѣніями о нихъ я не располагаю. *А. Перлштейнъ*—состоялъ членомъ Московскаго Общества исторіи и древностей, въ изданіяхъ котораго помѣстилъ нѣсколько статей по исторіи Западной Руси. *Ѳедоръ Китченко* былъ директоромъ Житомирской гимназіи. Кромѣ дѣятельнаго участія въ «Волын. Губ. Вѣдом.» онъ помѣстилъ въ «Вѣстн. Юго-Зап. и Зап. Россіи» статьи: 1) Селеніе Гульча (Острожск. у.) и источникъ св. Николая (1864, январь, т. III). 2) Иновѣрцы Волын. губ. (1863, май, т. IV и октябрь, т. II). 3) Городно и Люблинъ или добровольная унія (1863, XI).—*В. А. Братчиковъ*, кажется, воспитанникъ Московскаго университета, переѣхалъ въ Житомиръ изъ Воронежа. (О немъ см. Н. Воскресенскій. Пятидесятилѣтіе «Ворон. Г. Вѣд.» стр. 141, 265). Онъ былъ редакторомъ «Волын. Губ. Вѣдомостей» въ теченіе 25 лѣтъ, начало которыхъ было самымъ блестящимъ временемъ въ ихъ исторіи; въ послѣдніе годы ему приходилось быть чуть ли не единственнымъ сотрудникомъ газеты. Г. Братчикову принадлежатъ цѣлыя сотни статей и замѣтокъ по разнообразнымъ мѣстнымъ вопросамъ. Конечно, далеко не всѣ онѣ носятъ полную законченность и имѣютъ одинаковое значеніе, но даже однѣ его статьи по статистикѣ, этнографіи и мѣстному хозяйству послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ изслѣдователей. Часть ихъ вошла въ книгу «Матеріалы для изслѣдованія Волын. губ. въ статистич., этнографич., сельско-хозяйствен. и др. отнош. Вып. 1 и 2. Житомиръ 1868 и 1869 гг.» (О ней см. «Кіевлянинъ» 1868, № 108, III).

Конецъ пятидесятыхъ и шестидесятые годы были лучшею порою «Волын. Губ. Вѣдом.». Я не стану перечислять хотя бы даже только главнѣйшія статьи; назову только имена болѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ; каковы: Л. М Бонштокъ [1]), бывшій нѣкоторое время помощникомъ редактора Вѣдомостей, свящ. Вас. Комашко [2]), Г. О. Оссовскій [3]), Б. И. Пероговскій [4]), Л. М. Рафальскій [5]), Н. Н. Трипольскій [6]).

Аркадій Лященко.

1838.

1. О ярмонкахъ въ Волын. губ. № 2, 7.—2. Историч. воспоминанія. Губ. г. Житомиръ. (Изъ Волын. записокъ) № 12. 3. Описаніе Игоревой и Олеговой могилъ, а также другихъ древностей въ Овручск. у. № 13.—4. Историко-статистич. описаніе г. Кременца. № 15.—5. Историко-статистич. опис. г. Острога. № 17, 18.—6. Статистич. описаніе Староконстантин. у., сост. въ 1838 г. № 39, 40.

1840.

1. Теофипольск. дворянское училище. № 38.

1841.

1. Мысли о способахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія. № 13.

1843.

1. Волынская старина.—Древнѣйшія церкви: св. Василія въ Овручѣ и Владимирѣ. № 26. (Перепеч. въ № 24 за 1844 г.).

1845.

1. *И. Г.* Почаевская Лавра. № 9.—2. *Финке Эд.* О гидропатич. заведеніи въ м. Любарѣ Нов.-Вол. у. № 10.

1846.

1. *Финке Эд.* Медицинскія наблюденія въ Волын. губ. № 3—5.—2. О послѣдствіяхъ перемѣны евреями одежды въ Волын. губ. № 13.—3. *Финке.* О Любарскомъ гидропатич. заведеніи въ 1845 г. № 19.

1847.

1. Объ урожаѣ въ Волын. губ. за 1846 г. № 3.—2. Историч. воспоминанія. Волынь. Сельскій бытъ с. Дѣдковецъ. (Замѣтки о народн. обычаяхъ и вѣрованіяхъ. Пословицы. Коляда). № 14—16.—3. М. Полонное Нов.-Вол. у. (Кратк. историч. очеркъ).

---

[1]) О немъ. С. Венгеровъ. Критико-біографич. словарь рус. писателей. т. III.

[2]) Срвн. Ю. Тиховскій. Указатель къ неоффиц. ч. Волын. Епарх. Вѣдом. Почаевъ. 1888.

[3]) Kraj, 1881, № 1; Ruch, kalendar enciklopedyczny na 1889 r.;—Кіевск. Стар. 1890, май, 566,—Братчиковъ. Указатель къ Волын. Г. Вѣд. Pamiętnik piętnostoiejtniej dzi alnosci Akad. umjetnosci w. Krakovie. 1880.

[4]) О немъ. Волын. Еп. Вѣд. 1881, № 17;—Языковъ. Обзоръ дѣятельн. покойныхъ писателей, вып. 2;—Кіевлянинъ 1881, № 156;—Заря, 1881. № 125;—Трудъ, 1881, № 46;—Чтенія въ Общ. Нестора лѣтописца, т. III (1888), стр. 100—102, 170.

[5]) Волын. Еп. Вѣд 1886, № 3;—Языковъ, вып. 3 (Ист. Вѣстн. 1889, № 12);—Волынь 1886, № 7;—Волын. Г. Вѣд. 1886, № 5.

[6]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1888, № 8 (проток., 218), № 11, стр. 390—2. Срвн. Указатель къ Волын. Еп. Вѣдом. Н. Тиховскаго.

№ 17.—**4.** М. Пересопница. (Ровен. у.). № 18.—**5.** Игорева могила (Овруч. у.) № 19.— **6.** Истор. воспоминанія. Житомиръ. № 20—28.—**7.** Дерманскій монастырь (и его библіотека). № 20, 22—27.—**8.** Ольгинъ колодецъ и купальня (Овр. у.). № 21, 22.— **9** Олегова могила. (Предполагаемая могила Олега Святославича въ Овр. у.). № 33.

1851.

1. *И. Г.* Житомиръ съ 1793. (Краткая лѣтопись по 1841 г.). № 24.

1853.

1. Высочайше утвержденный планъ Житомира. № 17.—**2.** Открытіе 1853—4 уч. г. въ Волын. Губ. Гимназіи. № 36.

1854.

1. *Свящ. В. Комашко.* Кратк. описаніе м. Любомирки (Нов.-Вол. у.). № 3.— **2.** *А. П.* (*Перлштейнъ*). Полѣсская коляда. № 3.—**3.** Отъ редакціи (приглашеніе сотрудниковъ). № 4.—**4.** *А. П.* (*Перлштейнъ*). Чудотворная икона въ Боромлѣ № 4.— **5.** *А. Перлштейнъ.* Древнѣйшій монастырь въ с. Ставкахъ, близь м. Турійска. № 5.—**6.** *Н. Верблицкій.* Описаніе Овруч. у. и его достопримѣчательностей (Кратк. историч. взглядъ. М. Искорость. Г. Овручъ. Историч. достопримѣчательности въ уѣздѣ могила Игоря, курганы, м. Могильно, с. Шатрище. Натуральныя достопримѣч. Идолопоклонства, храмы (?) и обычаи древлянъ. Заушская шляхта. Хозяйство и источники промышленности въ Овруч. у. Гербъ Овруча. Народныя преданія и повѣрья). № 5—8, 11—14, 16 (Историч. часть статьи оч. слаба; интересны этнографич. замѣтки, любопытны преданія о происхожденіи нѣкоторыхъ фамилій за-Ушской шляхты).—**7.** *А. Перлштейнъ.* М. Кодня, Жит. у № 15.—**8.** Торжественный актъ Волын. Губ Гимназіи. (Краткій историч. очеркъ ея съ 1803 г.). № 30.—**9.** *Свящ. В. Комашко* Церковь и ярмарка въ с. Колодежно (Нов.-Вол. у.). № 52.

1855.

1. *А. Перлштейнъ.* Очеркъ исторіи типографій на Волыни. № 5.—**2.** Дѣвичій монастырь и Успенская церковь въ м. Полонномъ. № 9, 10.—**3.** *А. Перлштейнъ.* Волынское Полѣсье. (Экономич. и этнографич. замѣтки). Статьи I—IX. № 13, 15, 17, 19, 21, 24, 26, 32 и 48. (Многія свѣдѣнія о бытѣ помѣщиковъ были доставлены автору *Крашевскимъ*, № 26).—**4.** Ярмарки въ городахъ и мѣстечкахъ Волын. губ. № 19, 27, 33, 45.—**5.** *Свящ. В. Комашко.* М. Краснополье, Жит. у. № 30.—**6.** *Новоселецкій П.* М. Степань, Овруч. у. № 37.—**7.** *Гр. Плятеръ.* М. Домбровица, Ров. у.; пер. съ польск. *А. Тимочкинъ.* № 39.—**8.** Перечень статей въ «Волын. Губ. Вѣд.» за 1853 и 1854 г.г. № 52—53.

1856.

1. *Свящ. В. Комашко.* Нѣчто о пчеловодствѣ въ южн. части Нов.-Волын. у. № 3.—**2.** *Перлштейнъ.* Отрывокъ изъ сочин. «Опытъ исторіи общественнаго воспитанія на Волыни. № 5.—**3.** *А. Перлштейнъ.* Кременецъ и его замокъ. № 8, 9.—**4.** *А... П...* (*Перлштейнъ*). Мѣстное повѣрье о предохраненіи скота во время эпидеміи. № 17.—**5.** *А. Перлштейнъ.* Люстрація Овручскаго замка въ 1552 г. № 20—24.—**6.** Нѣкоторыя подробности о сплавѣ лѣсныхъ матеріаловъ въ нашемъ краѣ (изъ «Kronina»), пер. съ пол. *Перлштейнъ.* № 32. (Приведена пѣсня *плисановъ* во время плаванія).—**7.** *А. Перлштейнъ.* Фабрики и заводы на Волыни № 42.—**8.** Фарфоровая фабрика въ м. Барановкѣ. № 43.—**9.** *Перлштейнъ.* Хронологич. обозрѣніе русскихъ князей, господствовавшихъ на Волыни (изъ книги митроп. *Сестренцевича* «O Rossyi Zachodniej»). № 48.

Конецъ пятидесятыхъ и шестидесятые годы были лучшею порою «Волын. Губ. Вѣдом.». Я не стану перечислять хотя бы даже только главнѣйшія статьи; назову только имена болѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ; каковы: Л. М Бонштокъ [1]), бывшій нѣкоторое время помощникомъ редактора Вѣдомостей, свящ. Вас. Комашко [2]), Г. О. Оссовскій [3]), Б. И. Пероговскій [4]), Л. М. Рафальскій [5]), Н. Н. Трипольскій [6]).

Аркадій Лященко.

1838.

1. О ярмонкахъ въ Волын. губ. № 2, 7.—**2**. Историч. воспоминанія. Губ. г. Житомиръ. (Изъ Волын. записокъ) № 12. **3**. Описаніе Игоревой и Олеговой могилъ, а также другихъ древностей въ Овручск. у. № 13.—**4**. Историко-статистич. описаніе г. Кременца. № 15.—**5**. Историко-статистич. опис. г. Острога. № 17, 18.—**6**. Статистич. описаніе Староконстантин. у., сост. въ 1838 г. № 39, 40.

1840.

1. Теофипольск. дворянское училище. № 38.

1841.

1. Мысли о способахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія. № 13.

1843.

1. Волынская старина.—Древнѣйшія церкви: св. Василія въ Овручѣ и Владимирѣ. № 26. (Перепеч. въ № 24 за 1844 г.).

1845.

1. *И. Г.* Почаевская Лавра. № 9.—**2**. *Финке Эд.* О гидропатич. заведеніи въ м. Любарѣ Нов.-Вол. у. № 10.

1846.

1. *Финке Эд.* Медицинскія наблюденія въ Волын. губ. № 3—5.—**2**. О послѣдствіяхъ перемѣны евреями одежды въ Волын. губ. № 13.—**3**. *Финке.* О Любарскомъ гидропатич. заведеніи въ 1845 г. № 19.

1847.

1. Объ урожаѣ въ Волын. губ. за 1846 г. № 3.—**2**. Историч. воспоминанія. Волынь. Сельскій бытъ с. Дѣдковецъ. (Замѣтки о народн. обычаяхъ и вѣрованіяхъ. Пословицы. Коляда). № 14—16.—**3**. М. Полонное Нов.-Вол. у. (Кратк. историч. очеркъ).

---

[1]) О немъ. С. Венгеровъ. Критико-біографич. словарь рус. писателей. т. III.

[2]) Срвн. Ю. Тиховскій. Указатель къ неоффиц. ч. Волын. Епарх. Вѣдом. Почаевъ. 1888.

[3]) Kraj, 1881, № 1; Ruch, kalendar encinlopedicznу na 1889 г.;—Кіевск. Стар. 1890, май, 566,—Братчиковъ. Указатель къ Волын. Г. Вѣд. Pamiętnik pięłnostoiejtniej dzi alnosci Akad. umjetnosci w. Krakovie. 1880.

[4]) О немъ. Волын. Еп. Вѣд. 1881, № 17;—Языковъ. Обзоръ дѣятельн. покойныхъ писателей, вып. 2;—Кіевлянинъ 1881, № 156;—Заря, 1881. № 125;—Трудъ, 1881, № 46;—Чтенія въ Общ. Нестора лѣтописца, т. III (1888), стр. 100—102, 170.

[5]) Волын. Еп. Вѣд 1886, № 3;—Языковъ, вып. 3 (Ист. Вѣстн. 1889, № 12);—Волынь 1886, № 7;—Волын. Г. Вѣд. 1886, № 5.

[6]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1888, № 8 (проток., 218), № 11, стр. 390—2. Срвн. Указатель къ Волын. Еп. Вѣдом. Н. Тиховскаго.

№ 17.—**4**. М. Пересопница. (Ровен. у.). № 18.—**5**. Игорева могила (Овруч. у.) № 19.— **6**. Истор. воспоминанія. Житоміръ. № 20—28.—**7**. Дерманскій монастырь (и его библіотека). № 20, 22—27.—**8**. Ольгинъ колодецъ и купальня (Овр. у.). № 21, 22.— **9** Олегова могила. (Предполагаемая могила Олега Святославича въ Овр. у.). № 33.

1851.

1. *И. Г.* Житоміръ съ 1793. (Краткая лѣтопись по 1841 г.). № 24.

1853.

1. Высочайше утвержденный планъ Житомира. № 17.—**2**. Открытіе 1853—4 уч. г. въ Волын. Губ. Гимназіи. № 36.

1854.

1. *Свящ. В. Комашко*. Кратк. описаніе м. Любомирки (Нов.-Вол. у.). № 3.— **2**. *А. П.* (*Перлштейнъ*). Полѣсская коляда. № 3.—**3**. Отъ редакціи (приглашеніе сотрудниковъ). № 4.—**4**. *А. П.* (*Перлштейнъ*). Чудотворная икона въ Боромлѣ № 4.— **5**. *А. Перлштейнъ*. Древнѣйшій монастырь въ с. Ставкахъ, близь м. Турійска. № 5.—**6**. *Н. Верблицкій*. Описаніе Овруч. у. и его достопримѣчательностей (Кратк. историч. взглядъ. М. Искорость. Г. Овручъ. Историч. достопримѣчательности въ уѣздѣ могила Игоря, курганы, м. Могильно, с. Шатрище. Натуральныя достопримѣч. Идолопоклонства, храмы (?) и обычаи древлянъ. Заушская шляхта. Хозяйство и источники промышленности въ Овруч. у. Гербъ Овруча. Народныя преданія и повѣрья). № 5—8, 11—14, 16 (Историч. часть статьи оч. слаба; интересны этнографич. замѣтки, любопытны преданія о происхожденіи нѣкоторыхъ фамилій за-Ушской шляхты).—**7**. *А. Перлштейнъ*. М. Кодня, Жит. у № 15.—**8**. Торжественный актъ Волын. Губ Гимназіи. (Краткій историч. очеркъ ея съ 1803 г.). № 30.—**9**. *Свящ. В. Комашко* Церковь и ярмарка въ с. Колодежно (Нов.-Вол. у.). № 52.

1855.

1. *А. Перлштейнъ*. Очеркъ исторіи типографій на Волыни. № 5.—**2**. Дѣвичій монастырь и Успенская церковь въ м. Полонномъ. № 9, 10.—**3**. *А. Перлштейнъ*. Волынское Полѣсье. (Экономич. и этнографич. замѣтки). Статьи I—IX. № 13, 15, 17, 19, 21, 24, 26, 32 и 48. (Многія свѣдѣнія о бытѣ помѣщиковъ были доставлены автору *Крашевскимъ*, № 26).—**4**. Ярмарки въ городахъ и мѣстечкахъ Волын. губ. № 19, 27, 33, 45.—**5**. *Свящ. В. Комашко*. М. Краснополье, Жит. у. № 30.—**6**. *Новоселецкій П*. М. Степань, Овруч. у. № 37.—**7**. *Гр. Плятеръ*. М. Домбровица, Ров. у.; пер. съ польск. *А. Тимочкинъ*. № 39.—**8**. Перечень статей въ «Волын. Губ. Вѣд.» за 1853 и 1854 г.г. № 52—53.

1856.

1. *Свящ. В. Комашко*. Нѣчто о пчеловодствѣ въ южн. части Нов.-Волын. у. № 3.—**2**. *Перлштейнъ*. Отрывокъ изъ сочин. «Опытъ исторіи общественнаго воспитанія на Волыни. № 5.—**3**. *А. Перлштейнъ*. Кременецъ и его замокъ. № 8, 9.—**4**. *А... П...* (*Перлштейнъ*). Мѣстное повѣрье о предохраненіи скота во время эпидеміи. № 17.—**5**. *А. Перлштейнъ*. Люстрація Овручскаго замка въ 1552 г. № 20—24.—**6**. Нѣкоторыя подробности о сплавѣ лѣсныхъ матеріаловъ въ нашемъ краѣ (изъ «Kronina»), пер. съ пол. *Перлштейнъ*. № 32. (Приведена пѣсня *плисановъ* во время плаванія).—**7**. *А. Перлштейнъ*. Фабрики и заводы на Волыни № 42.—**8**. Фарфоровая фабрика въ м. Барановкѣ. № 43.—**9**. *Перлштейнъ*. Хронологич. обозрѣніе русскихъ князей, господствовавшихъ на Волыни (изъ книги митроп. *Сестренцевича* «O Rossyi Zachodniej»). № 48.

1857.

1. Перечень статей въ «Волын. Г. Вѣд.» за 1856 г. № 1.—**2.** *Перлштейнъ.* Охота на Волыни и въ Полѣсьѣ. № 16, 18.—**3.** *Перлштейнъ.* Ярмарочная торговля на Волыни въ 1856 г. № 23.—**4.** *Перлштейнъ.* Рѣчное судоходства на Волыни. № 24.

1858.

1. *Каменцовъ.* Отъ редакціи. (О цѣли изданія и приглашеніе сотрудниковъ). № 3.—**2.** Программа неоффиц. части «Волын. Г. Вѣд.». № 4.—**3.** *Л. Крушинскій.* О способахъ собиранія въ Волын. губ. червеца, или русской кошенили. № 4—**4.** Статистич. описаніе Староконстантинов. у. № 6—9.—**5.** Кіевская выставка сельскихъ произведеній въ 1857 г. № 10—12, 15.—**6.** М. Вишневецъ, съ польск. (Przezdiecki Podole. Wolyń.) № 13.—**7.** О солтысахъ, проживающихъ въ Волынск. губ. (Ков., Влад. и Кремн. у.). № 16, 17, 20. (Любопытная, но незаконченная историч. справка) —**8.** Статистич. описаніе Житом. у. № 21—26, 30.—**9.** Замѣтка *свящ. Барановскаго* (о маломъ сочувствіи общества къ «Губерн. Вѣдом.»). № 38—**10.** Статистич. опис. Нов.-Вол. у. № 41—47. (Окончаніе 1859 г. въ № 4)—**11.** М. Искорость. Пер. съ пол. (Przezdiecki. Podole, Wolyń..) *Крушинскій.* № 49.—**12.** *Л. Крушинскій.* Г. Овручъ. № 51.—**13.** Садоводство Миклера на Волыни (изъ книги Podole, Wolyn. Przezdieckiego). № 51 (Оконч. въ № 1 за 1859 г.).

1859.

1. Народный бытъ Волынскаго Полѣсья. (Наружность, языкъ, домашній бытъ, одежда, пища жителей. Обычаи и обряды при рожденіи, крещеніи, погребеніи и поминовеніи умершихъ. Обычаи при пожарахъ, при моровыхъ язвахъ. Обстановка общественнаго народнаго быта. Хозяйственные промыслы. Развитіе религіозное и нравственное; суевѣрія. Народныя повѣсти: Судъ аистовъ, Удержанное мщеніе змѣя, Благодарный медвѣдь. Умственное развитіе Полѣсскаго народа. Сказки и предразсудки). № 15—20, 37.—**2.** Статистич. описаніе Заслав. у. № 38, 40—42, 44—46, 48, 49.—**2.** *Свящ. А. Ясинскій.* Статистич. описаніе с. Ярославичъ (Дуб. у.). № 50—52. (Оконч. въ № 1 за 1860) (Приведены пословицы и пѣсни).

1860.

1. *Крушинскій.* Обычаи поселянъ въ окрестностяхъ м. Чуднова, Житом. у. (Вечерница, досвитки, улыця, свадебные обычаи и пѣсни). № 6—13.—**2.** *Крушинскій.* Торговля г. Житомира. № 15—17.—**3.** *Крушинскій.* Простонародная пасхалія. № 18.—**4.** *А. Стуцкій.* Статист. описаніе м. Волочиска, Старокон. у. № 19.—**5.** Погребальные обряды въ Житом. у. № 29—33 (Приведены пословицы о смерти).—**6.** Обороты на ярмаркахъ Волын. губ. № 36.—**7.** О рѣчномъ судоходствѣ въ Волын. губ. № 37.—**8.** М. Теофиполь. Пер. съ польск. № 38, 39.—**9.** Римско-католическ. епископство на Волыни (Краткій историч. очеркъ). № 43.—**10.** Житомир. хроника. Книжное дѣло и типографіи въ Житомирѣ. № 44, 46.

1861.

1. *Свящ. В. Абрамовичъ.* Пословицы и поговорки, употребляемыя въ Волын. губ. (преимущ. въ Ровен. у.). № 2—4.—**2.** Историко-статистич. описаніе г. Острога и Острожск. у. № 7—16, 23.—**3.** Протоколъ засѣданія Волын. Губ. Статистич. Комитета (Краткія свѣдѣнія о дѣятельности комитета, со дня открытія его, 2 февр. 1836). № 31, 32.—**4.** *Свящ. В. Комашко.* М. Новая Чарторыя, Нов.-Вол. у. № 39.—**5.** *Свящ. В. Комашко.* М. Любаръ. № 40—42.—**6.** *Θ. К....ко (Китченко).* Жито-

мир. библіографич. извѣстія (дѣятельность типографій въ 1859 г.) № 43—45.—**7.** Городло № 46, 47.

1862.

1. *X. Корнаковскій.* М. Полонное, Нов.-Вол. у. № **1—6.—2.** *Ѳ. К.....ко Китченко.* Дубенскіе контракты. № 7.—**3.** *Ѳ. Китченко.* О судоходныхъ и сплавныхъ рѣкахъ Волын. г. (съ польск.). № 9—12.—**4.** Статистич. замѣтка. Раскольницы неплоды. (Дополн. къ статьѣ «С.-Петерб. Вѣд.» № 259, о Волын. губ., по свѣдѣніямъ Волын. Губ. Статистич. Комитета). № 49.

1863.

1. Статистич. замѣчанія о губерніи. Народное продовольствіе въ 1862 г. № 3.—**2.** Гигіенич. состояніе Волын. губ. въ 1861. № 8.—**3.** *X. Корнаковскій* Волынскіе очерки. Первобытъ Волынянъ. Князья Волынскіе и домашняя жизнь ихъ. Дружина. Войско. Города на Волыни. № 9, 11, 33, 34, 36—38, 41—43.—**4.** Крещенск. ярмарка въ Дубно въ 1863 г. № 10.—**5.** *X. Корнаковскій.* Г. Кременецъ и Чацкій. № 12—20.—**6.** Происшествія въ Волын. губ. Свѣдѣнія о польскомъ возстаніи и шайкахъ. Казни. № 20—23, 25—29, 31, 32, 34, 35, 38, 40, 41, 45, 47.—**7.** *Корнаковскій.* Прошедшій бытъ евреевъ въ Польшѣ и Юго-зап. Россіи (на основаніи конституцій и распоряженій польск. правительства). № 21—23.—**8.** Учебныя заведенія въ Волын. губ. Статистич. свѣдѣнія за 1862 г. № 26.—**9.** *Свящ. М. Фотинскій.* С. Липна, Нов.-Вол. у.—Истор.-Этнографич. очеркъ. № 30.—**10.** Отъ редакціи. (Приглашеніе сотрудниковъ). № 30.—**10.** М. Шумскъ, Крем. у. № 45.—**12.** М. Домбровица, Ровен. у. № 46.—**13.** М. Олыка, Дубен. у. № 47.—**14.** М. Рахмановъ, Крем. у. № 48.—**15.** *X. Корнаковскій.* Памятные люди для Волыни (въ ней родившіеся или дѣйствовавшіе). № 50, 52.

1864.

1. *К—ій.* Перемиль, Беремель и Тихомль. Матер. для исторіи Волыни. № 4—6.—**2.** *К—ій.* М. Вишневецъ, Крем. у. № 9—11.—**3.** *Ѳ. К.....ко* (*Китченко*). Дарственная запись кн. Любарта Луцкой церкви и епископству. (Съ польск.). № 13.—**4.** *К—ій.* Г. Острогъ. Острожскіе князья и Острожская ординація. № 14—18, 20—23.—**5.** Обращеніе къ мировымъ посредникамъ Волын. губ. (О мѣрахъ къ распространенію народнаго образованія). № 18. (срвн. № 49).—6. *К.* Чарторійскъ, Колки, Охонекъ. Матер. для исторіи Волыни (по Wspomnienia Polesia Wolynie u Litwy) № 24.—**7.** Свѣдѣнія о выкупѣ по Волын. губ. № 26, 42.—**8.** Конституція 1792 г., подъ заглав.: Объясненіе конституціи 1764 г., послѣдовавшей отъ конвокаціоннаго сейма, подъ заглавіемъ: «О поповичахъ». № 31.—**9.** Послѣдній польскій судъ надъ русскимъ духовенствомъ. (1789 г.). № 33—35, 37—39.—**10.** Мирскія ссудныя кассы (вообще и въ Волын. губ., напр., въ Смолдыревск. волости, Дубен. у.). № 42, 43.—**11.** Потомки польской шляхты. № 44.—**12.** Прекращеніе обязательн. отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и выкупъ въ зап. губерніяхъ. № 47, 48.

1865.

1. Православные монастыри на Волыни. № 4—7.—**2.** Отъ редакціи. (Значен. «Губ. Вѣдом.». Приглашеніе сотрудниковъ). № 8.—**3.**—*вз.* О ярмаркахъ въ Житомирѣ. № 10, 11.—**4.** *Чиновникъ.* Мукомольныя мельницы въ Волын. губ. № 11.—**5.** Луцкъ. Некрологъ мир посредника А. Е. Гурьева. № 11.—**6.** Куда дѣвалась бывшая (въ тридцатыхъ год.) въ Житомирѣ Публичная библіотека? № 12—14.—**7.** Протоколы засѣданій Волынск. Г. Статистич. Комитета № 18, 36.—**8.** Крестьянское дѣло въ Волын. губ. № 22, 31.—**9.** *Оссовскій Г.* Норинская каменоломня. (Овруч. у.). № 32.—**10.** Что такое города Волын. губ. № 33.—**11.** Учрежденіе въ Житомирѣ рус-

ской публичной библіотеки. № 36.—**12**. Пріятная новость. (Первый рус. книжный магазинъ въ Житомирѣ). № 38.—**13**. *Г. Оссовскій*. О гиперитахъ на Волыни и въ особенности о гиперитѣ Горошковскомъ. № 39, 40.—**14**. Къ вопросу о Житом. рус. прбличн. библіотекѣ. № 41, 44, 48, 49.—**15**. *Свящ. В. Комашко*. М. Полонное, Нов.-Вол. у. № 42, 43. — **16**. *Редакторъ*. По поводу предшеств. статьи. № 43.—**17**. *Свящ. В. Комашко*. По поводу замѣчаній редактора. № 48.— **18**. *Г. Оссовскій*. Важность геогнозіи въ практич. ея примѣненіи вообще и въ особенности на Волыни. № 44. (Примѣч. *редактора* объ устройствѣ Волынскаго мѣстнаго музея съ геологич. отдѣломъ).—**19**. *Свящ. В. Комашко*. Тригорскій монастырь и окрестности его. № 46.—**20**. «Выпись с книгъ огродскихъ воеводства Кіевскаго» (1622 г.). № 47.—**21**. Изъ недавняго прошлаго. (Польскія демонстраціи въ Луцкѣ). № 48.—**23**. *Свящ. В. Комашко*. Дер. Монастырекъ. № 51.

1866.

1. *Л. Крушинскій*. Острогская ординація. Историч. очеркъ № 1.—**2**. Протоколъ засѣдан. Волын. Г. Статистич. Комитета. № 1.—**3**. Учебныя заведенія Волын. губ. въ 1864. № 1.—**4**. *Г. Оссовскій*. Горный хрусталь на Волыни. № 2.—**5**. Народная нравственность. Изъ отчета Волын. губернатора за 1864 г. № 2.—**6**. Лигнитъ въ Кременцѣ. № 3.—**7**. *Свящ. Жолтовскій*. Замѣтка о с. Бахмановкѣ и его окресностяхъ. № 3.—**8**. Некрологъ. Миров. поср. В. Рогаля—Левицкій № 3.—**9**. Народное здоровье. Изъ отчета Волын. губернат. за 1864. № 4.—**10**. *Л. Крушинскій*. Что такое Волынь? № 5.—**11**. *Свящ. Правосудовичъ*. Это то село, что куры не поютъ (с. Чернелевка, Староконст. у.). № 5, 8.—**12**. Читальня въ Староконстантиновѣ. № 6, 41.—**13**. Общественное призрѣніе. (Изъ отчета Волын. губернат. за 1864 г.). № 6.—**14**. *Свящ. І. Шиманскій*. Жизнь Волынскаго крестьянина послѣ освобожденія отъ крѣпостной завнсимости. (Наружный видъ крестьянъ и ихъ костюмъ. Состояніе церковно-приходскихъ школъ до освобожденія). № 7, 9, 15. (Статья, повидимому, незакончена).— **15**. *А. Бурчакъ-Абрамовичъ*. Состояніе нѣкоторыхъ сельскихъ школъ въ Овруч. у. № 8.—**16**. *В. Пуріевичъ*. Нѣкоторые обычаи моихъ земляковъ въ частномъ быту (Луцк. у.) (Справленіе «Андрея». Богатый щедрый вечеръ. Пѣсни). № 10, 11, 13, 14.—**17**. *Свящ. В Немоловскій*. С. Стрибежъ, Жит. у. № 12.—**18**. *Барановичъ И*. Новградъ-Волынскъ. (Читальня). № 13.—**19**. Фабричная и заводская промышленность Волын. губ. № 15.—**20**. Открытіе Житом. Публичной библіотеки. Рѣчь *Богаевскаго* № 16.—**21**. Нѣсколько словъ о предполагаемомъ русско-еврейскомъ обществѣ въ Житомирѣ. № 19.—**22**. Отчеты Житом. Публ. Библіотеки. № 23, 24, 29, 32, 37, 41, 46, 50.—**23**. *Братчиковъ*. О ходѣ растительности въ губерніи. № 28.—**24**. *Свящ. П. Сѣницкій*. Замѣтка о с. Немиринцахъ. Староконст. у. № 31.—**25**. *Братчиковъ*. Житомиръ. Публичная библіотека. № 33—37.— **26**. Горнозаводскія свѣдѣнія по Волын. губ. за 1865 г. № 35—37.—**27**. Состояніе горнозаводск. промышленности въ Волын. губ. за 1865 г. (изъ оффиц. источника). № 37.—**28**. Тонкорунное овцеводство въ Волын. г. № 38.—**29**. Вѣдомость врачебной Губ. Управы о холерѣ въ Волын. г. № 39.—52.—**30**. *Братчиковъ*. Объ изданіи памятниковъ старины на Волыни. № 40, 41.—**31**. *Свящ. В. Пуріевичъ*. Нѣчто изъ обычаевъ и повѣрій Волын. крестьянъ. Великдни. (Приведены 2 пѣсни). № 43.—**32**. *Свящ. Е. Л—ій*. Замѣтка объ обычаяхъ у здѣшнихъ крестьянъ славленія Христа на Рождество. № 43.— **33**. Движеніе выкупнаго дѣла въ Волын. губ. № 38, 40.—**34**. Крестьянское дѣло въ Волын. губ. № 39—53 и приложенія къ нимъ.—**35**. *Я. Вайнраубъ*. Нѣкоторыя замѣчанія о еврейск. благотворит. учрежденіяхъ вообще и о Житом. Талмудъ-Торѣ въ особ. № 44.—**36**. *Братчиковъ*. Обозрѣніе Волын. г. въ гигіенич. отношеніи. № 44, 45, 47.—**37**. Г. Дубно (Истор. и современ. очеркъ). № 44.—**38**. О ходѣ русскаго дѣла на Волыни. № 45.—**39**. Замковое возвышеніе въ Острогѣ. № 46, 47.—**40**. Къ вопросу о водвореніи русскихъ землевладѣльцевъ на Волыни. № 47.—**41**. *Братчиковъ*. Къ еврейскому вопросу.

№ 48.—**42**. М. Межиричь, Острожск. у. № 48.—**43**. Острогская ординація. № 49.—**44**. Статистич. свѣдѣнія объ имѣніяхъ (въ Дуб. у.), назначенныхъ въ публичную продажу. № 49.—**45**. Извѣстіе о Кирилло-Меѳодіев. братствѣ. № 50.—**46**. Курьезная черта къ характеристикѣ зап.-русскаго еврейства. № 50.—**47**. *И. Вейсъ*. Замѣтка о Староконстантиновѣ. № 51.

1867.

1. Житомиръ. (Значеніе «Губ. Вѣдом.» и политическаго въ нихъ отдѣла. № 1.—**2**. *Л. Рафальскій*. С. Дермань (и монастырь въ Дуб. у.). № 1—5.—**3**. Взглядъ на прошлое и настоящее Волыни. (Положеніе мѣстн. общества и отношеніе его къ выкупной операціи). № 2.—**4**. *Бѣлоконовъ*. О посѣтителяхъ Житом. Публ. библіотеки. № 3, 17, 27, 41, 53, 67, 78, 91, 105, 119, 130, 147.—**5**. (*П. А. Скуратовъ*) Крестьянское дѣло. № 4, 6.—**6**. *Л. Рафальскій*. Сѣв.-зап. уголъ Острожск. у. (с. Верховъ, м. Михалполь, д. Гремяче, с. Розважъ, д. Курганъ, д. Хоровъ, с. Бродовъ, Краево, Вильгоръ, Томахово, Рясники, м. Тайнцуры, д. Ст. Мысль, с.с. Новомысль, Здолбино, Гульча). № 5—7, 38.—**7**. *В. Пероговскій* Историч. воспоминанія о Волыни. № 12.—**8**. *Рафальскій*. С. Дорогобужъ, Остр. у. № 13—15, 26, 27.—**9**. (*Братчиковъ*). Тонкорунное овцеводство въ Волын. губ. № 14.—**10**. *Г. Раевскій*. Очерки по земельной статистики Дуб. у. № 14, 15, 17—22.—**11**. (*Братчиковъ*) Нѣсколько данныхъ къ статистикѣ хлѣбныхъ урожаевъ въ Волын. губ. въ 1866 г. № 16.—**12**. Къ статист. Житом. больницы и сиротскаго дома за 1866 г. № 17.—**13**. Таможенныя извѣстія по Радзивиловскому и другимъ округамъ за 1865—66гг. № 23, 25, 29, 30, 32—35.—**14**. Крещенск. ярмарка въ Дубно. № 24.—**15**. (*Братчиковъ*). Коннозаводская промышленность въ Волын. губ. въ 1866 г. № 25.—**16**. *А. Хевреманъ*. Нѣсколько словъ объ еврейск. обществахъ въ Волын. губ. подъ назван. Хебра-Кадима. № 25.—**17**. (*Г. М. Раевскій*). Замѣтки о евреяхъ въ Волын. губ. № 31.—**18**. *Житом. старожилъ*. Прошлое и настоящее (города). № 33.—**19**. *К. Щукинъ*. Къ вопросу о западно-русскомъ еврействѣ. № 34.—**20**. *И. Кулишеръ*. Статистич. обзоръ смертности евреевъ въ періодъ за 1851—66 гг. № 35, 36.—**21**. *Я. Вайнраубъ*. О житомир. талмудъ-торѣ. № 37.—**22**. *Пероговскій*. Историч. и статистич. описаніе г. Нов.-Волынска. № 40 (оконч. во 2 № за 1868 г.).—**23**. *Л. Бинштокъ*. Евреи Волын. губ. № 41, 42, 49, 51, 57, 60—63, 65, 70, 75, 81, 82, 88, 91, 94, 96.—**24**. *І. Розенталь*. Замѣтка о Кременцѣ. № 43.—**25**. *Протоіерей Яворскій*. Гробница въ бывш. іезуитскомъ Острожскомъ коллегіумѣ. № 45.—**26**. (*Рышковъ*). Атласъ поземельн. цѣнности Волын. губ. № 46.—**27**. (*Братчиковъ*). Взглядъ на мѣры къ обрусенію края. № 47, 48,—**28**. (*Братчиковъ*). Фабричн. и Заводская промышлен. Волын. г. № 50, 52.—**29**. Отчетъ Житом. Публ. Библіотеки за 1865—6 г. № 54, 56.—**30**. Любопытныя данныя относит. послѣдн. польск. мятежа. № 56.—**31**. *И. Вейсъ*. О хедерахъ. № 59.—**32**. *Рафальскій*. Восточн. полоса по р. Горыни (с.с. Вельбовка, Волосковецъ, Мышковецъ, Могиляны, Симоново). № 61, 62.—**33**. *Волынецъ*. Волынскіе и литовск. евреи. № 66.—**34**. *Русскій Моисеевой вѣры*. Быть или не быть цадикизму въ Волын. г. № 67.—**35**. *Братчиковъ*. Крестьянское дѣло на Волыни. № 71.—**36**. Отъ Распорядительн. Комитета Житом. Публ. Библіотеки. № 71.—**37**. Острожское св. Кирилло-Меѳодіевск. братство. № 72, 77, 87, 100, 101.—**38**. Нѣмцы на Волыни. №73 —**39**. *П. Самойловичъ*. С. Стыдины, Ров. у. Очеркъ. № 80.—**40**. *Щукинъ*. Замѣтка о больницахъ въ Волын. г. № 90, 104, 108, 109.—**41**. *Братчиковъ*. Лѣса Волын. г. № 97—99.—**42**. *Братчиковъ*. Цадикъ въ Житомирѣ. № 98.—**43**. *Братчиковъ*. Замѣтка для русскихъ (Объ отношеніи магометанъ). № 99.—**44**. *В. Пероговскій*. Г. Староконстантиновъ. Исторія и нынѣшнее его состояніе. № 105—107, 116—118 (Оконч. № 3—7 за 1868 г.).—**45**. *Кн. Имеретинскій*. Дворянство Волын. губ. Ст. I—IV. № 111—115, 136—139, 141—154,—**46**. *Братчиковъ*. Русскій театръ въ Житомирѣ. № 112, 115, 118, 121, 124, 128, 140, 151. (Оконч. № 4, 19 за 1868 г.).—**47**. *Братчиковъ*. Къ крестьянскому дѣлу. № 119, 122, 127, 133, 145.—**48** *М. М—янсъ*

(*Маргулисг*). Стат. очеркъ Волын. г., сравнительно съ двумя другими губ. Ю.-Зап. края. № 121—126.—**50**. (*Братчиковг*) Къ крестьянскому вопросу. (Волынскіе политико-экономы. Помѣщики и жиды). № 122, 133, 127.—**51**. Недавнее минувшее Волыни (польскіе безпорядки по оффиц. источник.). № 127—135. (Оконч. № 71—73 за 1868 г.)—**52**. (*Братчиковг*). Къ вопросу о водвореніи русскаго землевладѣнія въ западн. краѣ. № 142, 143.

1868.

1. О посѣтителяхъ Житомир. Публичн. Библіотеки. № 6, 18, 35, 44, 53, 65, 79, 91, 105, 120, 134, 143, 148.—**2**. Урожай хлѣбовъ въ Волын. г. и отношеніе ея жителей къ земледѣлію. *Братчиковг*. № 7, 8.—**3**. *Рафальскій*. М. Гоща (Остр. у.). № 8—12.—**4**. Изъ Острога (обученіе крестьянскихъ дѣтей). № 13.—**5**. *Братчиковг*. Къ еврейскому вопросу. Еврей-миссіонеръ № 14.—**6**. *Братчиковг*. Архивныя дѣла. Дѣло о побояхъ, нанесенныхъ помѣщикомъ Бардецкимъ священнику Левчинскому. № 15.—**7**. *Братчиковг*. Современные экономич. вопросы. № 17.—**8**. М. Вишневецъ, Остр. у. № 20.—**9**. *Г. Оссовскій*. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Житом. и Овруч. у. въ 1867 г. № 21—24.—**10**. По поводу найма въ рекруты. (Нравы евреевъ). № 25.—**11**. *Кн. Имеретинскій*. Дворянство Волын. г. (Процессы о подлогахъ дворянскихъ документовъ). № 26—28, 30,—33, 38.—**12**. Взглядъ пріѣзжаго на покупку и теперешнее положеніе здѣшнихъ имѣній. № 27.—**13**. *Рофальскій*. Сѣв.-восточн. уголъ Острож. у. (дер. Дулѣбы, с.с. Майковъ, Руссивль, Кривичъ и пр.). № 29.—**14**. Къ мѣстной хроникѣ. (Рознь въ современ. обществѣ). № 30, 45.—**15**. *Рафальскій*. Южн. часть Остр. у. (с. Миньковцы, м. Малая Радогоща, Плужно, Иновцы, Корытно, Ляховцы, Гулевцы, Бережницы, с. Погорелецъ; Воробіевка, Тихомль и пр.) № 36, 37, 39, 47, 48.—**16**. *Братчиковг*. Взглядъ на хлѣбопашество и сельское хозяйство Волын. г. № 40—46, 48—52.—**17**. Народн. образованіе въ Волын. г. въ 1868 г. № 41, 13.—**18**. *Рафальскій*. Сѣв.-Зап. часть Кременец. у. (м. Бережцы и проч.). № 45, 121, 122, 124.—**19**. Училища и сельскія школы Волын. г. № 50.—**20**. *Пероговскій*. Анна Алоизія, кн. Острожская, вдова по воеводѣ Виленскомъ, гетм. Ходкевичѣ, фундаторша іезуитск. коллегіума въ Острогѣ. № 53—59, 62, 63.—**21**. *Братчиковг*. Житомиръ (Необходимость геологич. изслѣдованія губ.). № 61.—**22**. *Рафальскій*. Урочище св. Николая въ м. Гульчѣ № 64—67.—**23**. Отчетъ Житом. библіотеки за 1867—68 г. № 68.—**24**. *Братчиковг*. Мѣстныя экономич. извѣстія. № 70, 80.—**25**. *Рафальскій*. Дерманскія горы, Антоновецкій лѣсъ и стожко-образныя возвышен. въ Кременецк. горахъ (Изъ путевыхъ замѣтокъ по Волыни Крем. и Дуб. у.) № 74, 75.—**26**. *Г. Оссовскій*. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Волыни (Наблюденія въ отношеніи земледѣлія и фабрично-промышлен. состоянія губерніи, археологич. и этнографич. замѣтки, мѣстныя народныя преданія и легенды) Ст. I—V. № 76—78, 94—96, 101—104, 107—111, 116, 118—120.—**27**. *Свящ. Хр. Боговскій*. Фамильный склепъ гр. Ходкевичей въ м. Млыновѣ, Дубен. у. № 79.—**28**. *Пероговскій*. Г. Заславль. Исторія и теперешнее состояніе. № 81, 82, 83, 85,—**29**. *Пероговскій*. Мѣстечко Заславскаго у. № 89—91.—**30**. Объ отношеніяхъ евреевъ къ вольнонаемнымъ рабочимъ изъ крестьянъ. № 92.—**31**. Ружицкій и его шайка. (Къ свѣдѣн. о польск. безпорядкахъ) № 93.—**32**. *Свящ. Ѳ. Пашкевичг*. Случай изъ послѣдняго польскаго возстанія на Волыни. № 97.—**33**. Кременецъ у. гор. № 98.—101.—**34**. Житомиръ (Обществ. и частная благотворительность въ 1867 и 1868 г. № 105.—**35**. О томъ, какъ прежніе годы шло на Волыни судопроизводство. № 109.—**36**. *Братчиковг*. Производство и сбытъ хлѣба въ Волын. г. № 113—115, 117.—**37**. *Рафальскій*. Сѣв.-Зап. часть Кремен. у. (м. Бережцы, д. Плянявскія гаи, м. Орля, Опарисны, Радзивиловъ и др.). № 121—123.—**38**. *Братчиковг*. Домашняя жизнь Волынскихъ крестьянъ, ихъ нравы, обычаи и предразсудки. Волынское Полѣсье. Народные типы: Полѣшукъ, Будникъ, Плисакъ. Крестьян. дворъ и домостроительство. Обычаи свадебные и друг. Обычаи и поговорки, относящіеся къ земледѣлію и промышленности. Народный календарь и предсказаніе погоды. Народная медицина. Повѣрья и

предразсудки. Численность старообрядцевъ или раскольниковъ. Выдержки изъ мѣстной уголовной статистики. № 125, 127, 130, 133, 138.—**39.** *Братчиковъ.* Хлѣбный урожай въ губ. въ 1868 г. № 126, 142.—**40.** *Рафальскій.* М. Почаевъ. № 129, 131, 132.—**41.** Карты, составленныя для послѣдняго польск. возстанія и переданныя въ Кіев. Статистич. Комитетъ. № 142.—**42.** *Братчиковъ.* Нѣмецкія колоніи въ Волын. г. (ист. стат. очеркъ). № 146—148.—**43.** *Пероговскій.* Волынскія малороссійскія пѣсни. № 149—152 (Оконч. № 1—3 за 1869 г.).

1869.

1. Отчетъ о посѣтителяхъ Житом. Публ. Библіот. № 2, 17, 27, 54, 64, 76, 92.—**2.** *Оссовскій Г.* Изъ путевыхъ замѣтокъ по Волыни. Ст. VI—VII. № 4—7, 11—14.—**3**. *Рафальскій.* Кременецкія горы въ уѣздѣ того же названія (М. Куневъ, Шумскъ, с. Угорнъ, Желобки, Залѣсцы, Бриковъ, Новоставъ и др.) № 8—10.—**4.** *Пероговскій.* М. Олыка. № 15, 16.—**5.** Житомиръ. (Библіотека). 18.—**5.** *Пероговскій.* Волынскія малороссійскія пословицы и поговорки № 21—26.—**6.** *Пероговскій.* М. Берестечко и битва при немъ. № 34, 37, 40, 41, 44, 45.—**7.** *Блажіенко.* Еще нѣсколько словъ о Волын. малороссійск. народныхъ пѣсняхъ. № 35.—**8.** Къ вопросу о судебной реформѣ въ Волын. г. № 36.—**9.** *Братчиковъ.* Состояніе коневодства въ Волын. г. № 39.—**10.** Къ вопросу объ обрусеніи евреевъ. № 42.—**11**. *Братчиковъ.* О городахъ и мѣстечкахъ Волын. г. въ торговомъ отношеніи, № 43, 58—60, 62—69, 71, 72, 74, 75, 77—89, 93.—**12.** Изъ отчета о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Волын. Г. Стат. Комитета. № 50—**13.** Изъ отчета Житом. Публ. Библіот. за 1868—69 г. № 51.—**14.** Имп. Александръ I въ Волын. г. въ 1818 г. № 54.—**15.** Извѣстіе о св. Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ № 69.—**16.** Правда о польскомъ возстаніи 1869 г. № 73.—**17.** Русскій языкъ при католическомъ богослуженіи. № 75.—**18.** Евреи. Къ еврейскому вопросу. № 80, 82, 105, 120.—**19.** Сельско-хозяйственныя извѣстія изъ уѣздовъ. № 82.—**20.** Успѣхи русскаго яз. среди католиковъ. № 85.—**21.** Ген.-губ. Безакъ. (Его значеніе для края). № 86, 88.—**22.** *Тремутъ О.* Къ вопросу о мѣстномъ тонкорунномъ овцеводствѣ. № 97.—**23.** Продажа имѣній русскимъ въ Волын. г. № 103.—**24.** Училище при Почаевской лаврѣ. № 136, 149.—**25.** Находка древнихъ монетъ. № 139.—**26.** Адресъ Государынѣ Императрицѣ священнослужителей Волын. г. № 141.—**27.** О ходѣ торговли въ Волын. г. № 148.

1870.

1. Къ вопросу о продажѣ имѣній въ Ю.-Зап. краѣ № 7, 14—**2.** Къ еврейскому вопросу (о правахъ, предоставляемыхъ евреямъ. № 11.—**3.** О еврейск. молитвенникѣ въ русск. переводѣ № 13, 24.—**4.** Суевѣріе евреевъ. № 13.—**5.** *Чубинскій П.* О результатахъ крестьянск. реформы въ Староконст. у. № 13.—**6.** Къ вопросу о развитіи ремесленнаго образованія въ Ю.-Зап. краѣ. № 13.—**7.** Численность католич. духовенства въ бывшей Польшѣ. № 17.—**8.** *Братчиковъ.* Объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ въ Волын. г. № 21.—**9.** Къ вопросу о стремленіи послѣдователей запад. церкви къ православію. № 23.—**10.** О еврейскихъ братствахъ мѣстныхъ и всемірныхъ. № 28.—**11.** *Братчиковъ.* О состояніи благотворит. учрежденій въ Волын. г. въ 1869 г. № 28.—**12.** Извѣстія и свѣдѣнія къ еврейскому вопросу (изувѣрство и самоуправство, книга Кагала). № 38.—**13.** Острожское Кирилло-Меѳодіевское братство. № 41, 104.—**14.** Отчетъ Житом. Публ. Библіотеки въ 1869 г. № 45, 46.—**15**. *Свящ. В. Комашко.* М. Народичи, Овр. у. Ист.-статистич. очеркъ. № 49.—**16.** Протоколъ Волын. Г. Стат. Комитета. № 49.—**17.** *Рафальскій.* Юго-зап. часть Крем. у. (с. Дворецъ, Колосовъ, Комаринъ, ст. Таразъ, Радомль, Порѣчье, Ростокъ, Поповцы, ст. Алексинецъ, м. Новый Алексинецъ, с. Гнѣздичко, Колодно, Шилы). № 55—57.—**18.** *Пероговскій.* Дубно, нѣсколько историч. о немъ свѣдѣній и теперешнее его состояніе. Ист.-статистич. очеркъ. № 58, 61, 63, 69, 70.—**19.** *Братчиковъ.* О проявленіи народной самодѣятельности. № 59.—**20.** (*Братчиковъ*) О евреяхъ. № 60.—**21.** Къ вопросу о польской народно-

сти въ Россіи и заграницей № 64.—**22**. Народныя школы въ Юго-Зап. краѣ. № 65.—**23**. Къ ист. борьбы православія съ католичествомъ. № 65.—**24**. Къ вопросу о томъ, какое значеніе въ будущемъ могутъ имѣть «Губ. Вѣдом.» и другія провинц. газеты и что должно б. главнѣйшею задачею публицистики въ зап. краѣ. № 65.—**25**. Къ истор. отжившаго польскаго панства съ его феодальными замашками. № 69:—**26**. Находки древнихъ монетъ въ Нов.-Вол. у. № 74.—**27**. Происводство выкупнаго дѣла въ Волын. г. № 79.—**28**. *Рафальскій*. Юго-зап. часть Крем. у. (с. Горынка, м. Вышегородокъ, с. Счастновка, Бѣлозерки, м. Лановцы, с. Загайцы, м. Теофиполь, м. Любарь, Полонное, м. Мирополь, м. Чудновъ, Высокая Печь, Денеши) № 80—82, 110—112.—**29**. Острогъ. (Передача крестьянск. пансіона въ вѣдомство Народн. Просвѣщ.) № 83.—**30**. (*Братчиковъ*). О ходѣ взаимнаго страхованія въ Волын. г. за послѣдніе годы. № 96.—**31**. Принятіе чехами русскаго подданства (Дубно). № 100, 102, 106.—**32**. Къ вопросу о сельскихъ банкахъ. № 105.—**33**. (*Омелянскій В. Н.*) О частныхъ сельскихъ ссудныхъ банкахъ Волын. г. № 109.—**34**. Всеподданнѣйшій адресъ Волынскихъ чеховъ. № 118.—**35**. *I. Ф.* О появленіи въ Волын. г. земледѣльческихъ артелей изъ евреевъ № 126

1871.

1. Острожское Кирилло-Меѳодіев. братство (Дѣятельность по народному образованію). № 8.—**2**. О положеніи выкупной операціи въ Волын. г. по 1 янв. 1871 г. № 9.—**3**. Къ вопросу о народномъ образованіи. № 20.—**4**. Объявленіе отъ Житом. Публ. Библіотеки. № 20.—**5**. (*Братчиковъ*). Объ урожаѣ травъ и хлѣбовъ и средствахъ продовольствія въ Волын. г. въ 1870 г. № 47.—**6**. Отчетъ Житом. Публичн. Библіотеки за 1870—71 г. № 53.—**7**. Къ воспоминаніямъ объ Острож. еписк. Іерофеѣ. № 60.—**8**. Дѣятельн. этнограф.-статистич. экспедиціи въ Юго-Зап. краѣ. № 63.—**9**. Религіозное движеніе чеховъ Волын. г. № 83.—**10**. Житом. раввинское училище № 99.—**11**.Чехи на Волыни. (Ист.-Этногр. замѣтка). № 101, 107.—**12**. Замѣчательная церковь въ с. Ярославичь, Дуб. у. (къ ист. царствов. Александра I) (Срвн. № 54 за 1869 г.) № 131.

1872.

1. *Омелянскій В.* Къ вопросу о чехахъ на Волыни. № 3. — **2**. Домашняя гигіена (Народная медицина). № 14, 15.—**3**. *Омелянскій В.* Результаты взысканія податей и недоимокъ въ Волынской губ. № 15. — **4**. Торговля солью въ Волынской губ. № 17.—**5**. *Братчиковъ*. О произростаніи травъ и хлѣбовъ, торговыхъ цѣнахъ и хлѣбныхъ запасахъ въ 1871 г. № 18. — **6**. *Братчиковъ*. Крестьянское дѣло на Волыни (за послѣдніе годы). № 26. — **7**. Относительно собиранія свѣдѣній о юридическомъ бытѣ русскаго народа. № 30. — **8**. Отчетъ Жит. Публ. Библіотеки за 1871 — 72 г. № 33. — **9**. *Братчиковъ*. Житомиръ. О вліяніи судебной реформы, гласности и проч. на сближеніе сословій. № 38.—**10**. *Омелянскій В.* Къ вопросу о переселеніи чеховъ. № 67. — **11**. Житомиръ. Общество Волын. врачей. № 87.—**12**. *Братчиковъ*. Ив. Ник. Поляновскій. Некрологъ. № 89. — **13**. Къ дѣлу о народномъ образованіи. № 90.

1873.

1. *Розенталь X.* Замѣтка о м. Радзивиловѣ, Кр. у. (ист.-стат. замѣчанія). № 5.—**2**. О чехахъ, поселившихся въ Дуб. у. № 20.—**3**. *Братчиковъ*. Житомиръ. (Урожай 1872 г.). № 23.—**4**. *......скій*. (*Омелянскій*). Очеркъ Житомира въ историческ. и современ. его положеніи. № 24, 25. — **5**. Къ воспоминаніямъ о врачѣ И. Ѳ. Лазаревѣ. № 32. — **6**. В. Г. Головачевскій. Некрологъ. № 32. — **7**. *......скій*. (*Омелянскій*). Къ вопросу о народномъ образованіи въ Волынской губ. въ 1873 г. № 36.—**8**. Ген.-лейт. М. В. Сумороцкій. Некрологъ. № 38.—**9**. Протоколъ собранія Волын. Г. Стат. комитета (обзоръ дѣятельности въ 1872 г.). № 40.—**10**. (*Братчиковъ*). Крестьянское дѣло въ Волын. губ. въ 1872 г. № 53. — **11**. Отчеты Жи-

том. Публ. Библіотеки за 1872 г. № 56, 57. — **12**. Засѣданіе Волын. Г. Стат. Комитета (о коммиссіи для однодневной переписи г. Житомира). № 59. — **13**. Къ вопросу о народныхъ училищахъ (Нов.-Вол. у.) № 62. — **14**. Статистич. свѣдѣнія о Волын. губ. въ 1872 г., извлеченныя изъ отчетовъ Г. Статист. Комитета. № 64.— **15**. Положеніе повѣрочныхъ люстраціонныхъ работъ. № 67.—**16**. Изъ народной жизни (Волын. крестьянамъ къ свѣдѣнію). № 67.—**17**. Протоколъ Волын. Г. Статист. Комитета. (Перепись Житом. Соображенія о желѣзной дорогѣ изъ Житомира въ Бердичевъ). № 81.

1874.

1. Каменный топоръ (найден. въ Житом.). № 2. — **2**. (*Братчиковъ*). Изъ мѣстныхъ наблюденій (Рыбные рынки и рыболовство въ Волын. губ.). № 8.—**3**. Протоколъ особаго комитета, учрежденнаго Волын. Г. Стат. Комит. для однодневн. переписи г. Житомира. № 8.—**4**. Къ вопросу о сельскомъ хозяйствѣ. № 21, 24, 52.— **5**. Ходъ крестьянскаго дѣла въ 1873 г. № 36—38.—**6**. Отчетъ Житом. Публ. библіотеки. № 46.—**7**. Управляющій Луцко-Житом. рим.-католич. епархіей еп. Аматинскій Людвигъ Бранкъ. Некрологъ. № 65.—**8**. Драгоцѣнный лимонъ (изъ еврейскихъ обычаевъ).—**9**. (*Братчиковъ*). Житомиръ. Общество Волын. врачей № 88.

1875.

1. (*Братчиковъ*). Житомиръ. Урожай хлѣба въ Волын. губ. въ 1874 г. № 6.—**2**. О результатахъ однодневной переписи г. Житомира. № 11.—**3**. Ковель въ историч. отношеніи и въ современномъ положеніи. № 12.—**4**. По поводу результатовъ однодневной переписи Житомира. № 13. — **5**. Объ оборотахъ ссудныхъ кассъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Волын. губ. въ 1874 г. № 14. — **6**. (*Братчиковъ*). Житом. Публичныя чтенія въ обществѣ врачей. № 15, 17, 25.—**7**. Евреи на Волыни (евреи-арендаторы). № 19.—**8**. О соляныхъ оборотахъ въ Волын. губ. въ 1874 г. № 20.— **9**. (*Братчиковъ*). Изъ еврейскаго быта. № 20. — **10**. О переписи евреевъ въ Волынской губ. № 22. — **11**. (*Братчиковъ*). Охота. Къ свѣдѣнію Волын. любителей охоты. № 23, 65, 67. — **12**. *Рогге В.* Отчетъ о дѣятельности Волын. Г. Статист. Комитета въ 1874 г. № 24. — **13**. Протоколъ общаго собранія Вол. Г. Стат. Комит. № 25.—**14**. Отчетъ Житом. Публ. библіотеки за 1874 — 75 гг. № 40, 41. — **15**. (*Братчиковъ*). Отчетъ Волын. общества врачей за 1874 г. № 79. — **16**. Объ иностран. поселенцахъ въ Волын. губ. (статистич. данныя). № 81. — **17**. Житомиръ. Засѣданіе Г. Комитета общест. здравія и общества врачей. № 89.—**18**. *Братчиковъ*. Къ воспоминаніямъ о М. П. Погодинѣ. № 90.

1876.

1. Архіеп. Агаѳангелъ. Некрологъ. № 19. — **2**. В. О. Земенскій, предводитель дворянства. Некрологъ. № 21. — **3**. (*Братчиковъ*). Мѣстныя извѣстія Общ. Волын. врачей. № 30.—**4**. Отчетъ Житом. Публ. библіотеки. № 46, 47.—**5**. (*Братчиковъ*). Къ вопросу о Публ. библіот. № 49.—**6**. *Рудченко И. Я.* Десять лѣтъ Жит. Публ. библіотеки. № 49—52. — **7**. *Пероговскій*. М. Корецъ и князья Корецкіе № 79, 87—89, 94, 96.

1877.

1. *Трипольскій Н.* Протоіерей П. Д. Сольскій. Некрологъ. № 1. — **2**. *Трипольскій Н.* Историч. изслѣдованіе о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волын. губ. Г. Острогъ съ древними его училищами и монастырями. № 4—10, 12—16, 18—23, 25, 28, 30, 31, 37, 40, 42, 45, 47, 52, 54, 58, 64, 67, 69, 73, 74, 79, 84, 89.—*Окончаніе* въ 1878 г. № 1, 3, 4.—*Поправка*. 1877. № 83. — **3**. Всеподданнѣйшій адресъ пасторовъ евангелическо-баптистскаго исповѣданія колоній Житом. у.

№ 11.—**4.** *Братчиковъ.* Что недостаетъ въ мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ. № **12**, 22, 23. — *Окончаніе* въ 1878 г. № 5, 7, 10 — 12, 15, 49, 51, 53, 54, 64, 65, 77, 78, 83, 84, 88.—**5.** (*Братчиковъ*). О развалинахъ бывшаго Преображенскаго монастыря въ Острогѣ. № 14. — **6.** Всеподданнѣйшіе адресы: 1) Житом. город. общества. 2) Дворянъ Новор.-Волын. у. 3) Дворянъ Дубен. у. № 16, 47.—**7.** Житомирскій листокъ. (О расширеніи неоффиц. части Губерн. Вѣдом.). № 34.—**8.** *Пероговскій.* Дубно. Нѣсколько историческихъ о немъ свѣдѣній и теперешнее его положеніе. № 38, 44, 46, 49, 53, 56, 57, 59, 60, 62, 66, 68, 71, 76, 86. — *Окончаніе* въ 1878 г. № 8, 10, 12, 15. — **9.** *Іустинъ епископъ.* Замѣтка о Острожск. Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ. № 83.— **10.** *Братчиковъ.* По поводу юбилея имп. Александра I. Изъ мѣстной хроники. № 85.

1878.

1. *Трипольскій Н. свящ.* Историч. изслѣдованія о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волын. губ. (М. Межиричъ, Ляховцы) № 6, 7, 9, 11, 14, 16; (Гоща и Гощанскій монастырь) 18, 19, 22—25; (Аннополь, Куневъ) 26; (Кнликіевъ, Тайкуры) 28, 30; (Гульча и урочище Св. Николая) 32, 35, 40, 42, 48, 50; (Ново-Малинъ, Хоровъ) 52, 55; (Тихомль) 57, 59, 65; (Вельбовно) 67, 68; (Розважъ, Бродовъ, Вильгоръ, Томаховъ, Майковъ, Руссивль, Сапожинъ) 69, 76; (Сивка, Кривчинъ) 86; Б. Боровица, Ивновцы, Плужно, М. Радогоща) 90; (Шкириницы, Корытно, Гулевцы) 93.—**2.** Статистич. свѣдѣнія о народныхъ училищахъ Житом., Нов.-Волын. и Овруч. у. за 1877 г. № 27. — **3.** *Пероговскій.* Историч. и статистич. свѣдѣнія о г. Житомирѣ. №№ 27, 29, 31, 34, 38, 41, 44, 49, 51, 54, 56, 58, 61, 66, 68, 70,—72, 74, 78, 80, 81, 83, 89, 91; 1879 г. №№ 1, 8, 10, 13, 21, 34, 37, 58, 59, 61, 67, 70, 72, 74, 77, 79, 82, 84; 1880 г. №№ 9, 11, 12, 17, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 28, 30, 32, 37, 38, 41, 42, 63, 75, 76, 89; 1881 г. № 27.—**4.** *Братчиковъ.* Г.-м. И. В. Галлеръ. Некрологъ. № 31.—**5.** *Доманевскій.* Отчетъ о трудахъ и занятіяхъ общества врачей Волынской губ. въ 1877 г. № 32. — **6.** *Братчиковъ.* Къ свѣдѣнію любителей-художниковъ. (О трехъ частныхъ собраніяхъ картинъ въ Житомирѣ), № 33. — **7.** Участіе Волын. Г. Статистич. Комитета по устройству антропологич. выставки Общ. Естествознанія, антропологіи. № 45.— **8.** *Братчиковъ.* Замѣтка относительно обрусенія евреевъ. № 60. — **9.** Списокъ Волын. губернаторовъ и вице-губернат. съ 1796 по 1878 г. № 63. — **10.** Отчетъ Житом. Публ. библіотеки за 1877 г. № 67.—**11.** Къ вопросу о народномъ образованіи (въ Житом., Н.-Волын. и Овруч. у.) № 73.—**12.** *Рафальскій Л.* Изъ поѣздки въ Радзивиловъ, Почаевъ и Кременецъ. (Историко-статистич. замѣтки) №№ 79, 82, 85, 88.

1879.

1. *Трипольскій.* Историч. изслѣдованія о город., мѣстечкахъ и селахъ Волын. г. № 2, 6, 7, 12, 14, 17, 27, 29. — **2.** *Розенталь Х.* Замѣтка о м. Теофиполѣ (Староконст. у). № 10, 20. —**3.** *Пероговскій.* О народномъ обычномъ правѣ на Волыни. № 25. — **4.** Отчетъ Житом. Публичн. библіотеки за 1878 г. № 31. — **5.** *Братчиковъ.* Замѣтки и извѣстія по экономич., гигіенич. и санитарнымъ вопросамъ, въ примѣненіи къ мѣстнымъ вопросамъ. № 54, 62, 65, 66, 76, 81. — **6.** *Баторевичъ.* Замѣтки о значеніи кургановъ, какъ славянскихъ могилъ языческ. эпохи № 78.

1880.

1. *Баторевичъ.* Свадебные простонародные обычаи въ с. Сарнахъ Ровен. у. № 3—8.—**2.** Отчетъ Житом. Публ. библіотеки за 1879 г. № 19. — **3.** (*Братчиковъ*). Къ матеріаламъ для изслѣдованія Волын. г. въ историч. и другихъ отношеніяхъ. 1) С. Ярославичи (Дуб. у.). № 24; 2) Коладежное и Любомирка № 61.—**4.** *Баторевичъ Л.* Историч. значеніе городищъ и свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ въ Волын. губ. I—V Владимир., Ковельск., Луцк., Ровен., Дубен. у. № 89—93; VI—XII

Кременец., Острожск., Заслав., Староконст., Житом., Нов.-Волын., Овруч. у. 1881. № 27—29.

1881.

1. Е. А. Бѣлогрудъ (учитель Ж. гимн.). Некрологъ. № 8. — **2.** Археологич. находки. Монеты. № 20, 42.—**3.** Отчетъ Житом. Публич. библіотеки за 1880 г.— № 21.—**4.** *Братчиковъ.* Общество Волынскихъ врачей. № 44.—**5.** *Оглоблинъ В.* Очеркъ благотворительности въ Волын. губ. въ концѣ прошлаго столѣтія. № 74, 81, 82.—**6.** *Братчиковъ.* Протіерей А. Овсянкинъ. Некрологъ. № 92.

1882.

1. (*Братчиковъ*). Статистико-хозяйственный очеркъ воздѣлыванія хмеля въ Волын. губ. № 5.—**2.** *Б.* (*Братчиковъ*). Житомиръ. Общество врачей. № 9, 10. — **3**. *Братчиковъ.* О мѣстномъ пчеловодствѣ. № 17.—**4.** Археологич. находки. Монеты. № 31, 84. — **5.** *Братчиковъ.* Къ вопросу о мѣстныхъ народныхъ способахъ врачеванія болѣзней. № 49, 51.

1883.

1. К. С. Щукинъ, секретарь Волын. Г. Стат. Комит. (Некрологъ). № 10. — **2.** *Кулишеръ.* Къ исторіи коробочнаго сбора на Волыни. № 14, 16.—**3.** *Б.* (*Братчиковъ*). По вопросамъ мѣстнаго скотоводства и огородничества. № 28—31, 64—66, 68.—**4.** *Братчиковъ.* Къ изслѣдованіямъ о мѣстномъ народномъ календарѣ и о его значеніи въ сельскомъ хозяйствѣ. (Библіографич. замѣтка). № 46.—**5.** *Братчиковъ.* Къ матеріаламъ для изслѣдованія Волын. губ. въ статистич., историч. и этнографич. отношен. Татары на Волыни. № 70 —**6.** *Братчиковъ.* Волын. крестьянство въ его обществен. и домашнемъ бытѣ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, преданіяхъ и предразсудкахъ. № 74, 79, 81, 87, 94.—*Окончаніе* въ 1884 г. № 11, 13.

1884.

1. Протоколъ общ. собран. Волын. Г. Статистич. Комитета. № 12.—**2.** *Братчиковъ.* Статистич. очеркъ эпизоотич. болѣзней въ Волын. губ. за 37 лѣтъ (1847—1884), № 61—63, 68, 70, 71, 73, 75, 77, 79, 81, 83, 85, 87, 89, 91, 93, 99, 100.—**3.** *Братчиковъ.* Статистич. очеркъ урожаевъ хлѣбовъ и другихъ растеній въВолын. губ. № 68, 70, 71, 73, 75, 77, 79, 81, 83, 85, 87, 91, 93, 99, 100.— *Оконч.* въ 1885 г. № 2, 4, 8, 11, 15, 19, 21.—**4**. Археологич. находки. Монеты. № 72, 86.—**5.** *Самборскій Т.* О климатѣ г. Житомира. № 77, 79, 81, 83, 85, 87, 91, 93, 99.—*Оконч.* въ 1885 г. № 11, 33.—**6**. Изслѣдованіе о кладахъ Волын. губ. № 77, 79, 81, 83, 85, 87, 89, 91, 93. — **7.** *Рафальскій.* Ровен. у. въ полосѣ р. Стубели и Устья, притоковъ въ Горыни. № 77, 79, 81, 83, 85, 87, 89, 91, 93, 95, 97, 99; 1885 г. № 2, 4, 6, 8, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29, 31, 33, 35, 37, 42, 43, 45, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 59, 63.—*Приложенія къ статьѣ*: 1) Запись князей Чарторыскихъ въ пользу замковой церкви. № 63, 2) Родословныя таблицы для объясненія родовыхъ отношеній князей, занимавшихъ Пересопницкій и Дорогобужскій столы на Волыни. № 73,

1885.

1. *Братчиковъ.* Статистич. очеркъ населенія Волын. губ. № 29, 32, 35, 42, 45, 46, 48, 50, 52, 54, 56, 58, 61, 64, 66, 68, 70, 76, 79, 83, 84.—**2.** Протоколъ общ. собранія Волын. Г. Стат. Комитета. Отчетъ о занятіяхъ за 1884 г. № 29.—32.—**3.** Археологич. находки. Монеты. № 51, 53, 55, 60.—**4.** Географич., геологич. и историч. очеркъ Волын. губ. № 77.—**5.** Выводъ изъ статистич. таблицъ Волын. губ. за 1884 г. № 78, 80—82.—**6.** *Братчиковъ.* Волынское полѣсье. Его

прошлое и настоящее въ историко-культурномъ отношеніи № 88—90, 92, 94 (пѣсни) 99, за 1886 г. № 1, 3, 9.

1886.

1. *Братчиковъ.* Л. М. Рафальскій. Некрологъ. № 5.—2. Протоколъ общ. собранія Волын. Г. Стат. Котитета. № 21.—3. Археологич. находки. Монеты. № 23.—4. *Братчиковъ.* Замѣтки о мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ. № 26, 29, 40, 42. 45, 48, 50, 52, 55, 56, 58, 61, 63, 66, 77, 84, 85, 91, 93; *оконч.* въ 1887 г. № 3, 4, 9, 13, 16, 20, 21, 24, 27, 29, 33.—5. Отчетъ Жит. Публичн. библіотеки за 1885 г. № 78.

1887.

1. Общество улучшенія народнаго труда, въ память Царя-Освободителя. Мѣстные комитеты Общ. № 5—8.—2. Отчетъ Волын. Г. Стат. Комитета за 1886 г. № 22.—3. *Мацкевичъ И.* Выводы изъ статистич. таблицъ Волын. губ. за 1885 г. № 23.—4. Отчетъ Ж. публич. библіот. № 44.—5. *Братчиковъ.* Изъ прошлаго (имп. Александра I на Волыни) № 66.—6. *Вержбицкій Т.* Краткое описаніе г. Житомира. № 63—67.—7. *Братчиковъ.* Изслѣдованіе народныхъ лѣчебныхъ средствъ обычныхъ у Волынскихъ крестьянъ. № 61, 66, 67, 73, 78, 85.—8. *Гамченко С. С.* Изслѣдованіе Житом. могильника. № 68, 70, 72, 74, 81, 86, 88; *оконч.* въ 1888 г. № 6, 10, 14, 18, 21, 24, 25—27, 36, 38.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

I. Бѣлоруссы.

1. Расположена ли бѣлорусская деревня улицею, какъ великорусская, такъ что дома идутъ въ рядъ близко одинъ отъ другого (тѣсно примыкая) по одной или по двумъ сторонамъ прямой и длинной улицы, образующей деревню? Выходятъ ли жилые дома переднимъ фасадомъ непосредственно на улицу, не отдѣляясь заборомъ двора?

2. Находится ли каждая сушильня позади соотвѣтствующаго двора, или всѣ сушильни цѣлой деревни вмѣстѣ находятся внѣ ея?

3. По Носовичу («Бѣлорусс. Словарь») сушильня въ Бѣлоруссіи имѣетъ два названія «рейа» и «евна» (евня, ёвня), Такъ какъ первое примыкаетъ къ принадлежащему балтійскимъ финнамъ названію «рига», а послѣднее къ великорусскому «овинъ», то надо предполагать, что бѣлорусская область распространенія слова «рейя» примыкаетъ географически къ соотвѣтствующей балтійской области, а область распространенія слова «евна» граничитъ съ великорусс. областью распространенія слова «овинъ». Но по Носовичу выходитъ совсѣмъ наоборотъ, такъ какъ «рейя», по его словамъ, употребляется въ Гродненской и Минской губ., въ остальныхъ же «евна». Вѣрно ли это? Въ этомъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ изумительнымъ передвиженіемъ (литов. jauja во всякомъ случаѣ заимствовано изъ бѣлорусс. яз.).

3. Есть ли между «рейя» и «евна» разница, подобная разницѣ между «рига» и «овинъ», такъ что въ первомъ случаѣ отопленіе производится посредствомъ настоящей печи, находящейся въ самомъ помѣщеніи сушильни, въ другомъ случаѣ, какъ въ овинѣ, посредствомъ разведеннаго въ помѣщеніи подъ землею огня (яма, ямникъ)?

4. Гдѣ молотятъ? Въ самой ли сушильнѣ, какъ было еще въ древнихъ крестьянскихъ ригахъ восточной Финляндіи, или на открытомъ мѣстѣ, или на соединенномъ съ сушильнею токѣ? Находится ли на немъ маленькая печь для того, чтобы содѣйствовать выпаденію зеренъ, какъ дѣлалось прежде въ Литвѣ?

5. Поляки и малоруссы не знаютъ сушильни; вмѣсто нея у нихъ по нѣмецкому способу амбаръ (стодоля, клуня). Оба названія встрѣчаются также и теперь въ Бѣлоруссіи, но въ какомъ значеніи? Вѣдь сушильня и амбаръ, по настоящему, исключаютъ другъ друга.

6. Употребительна ли въ Бѣлоруссіи подвижная (вверхъ и внизъ) предохранительная крыша на 4—6 столбахъ, поставленныхъ кругомъ, для сѣна и хлѣба (польск. brog)?

7. Вѣроятно раздѣленіе бѣлорусс. избы такое же, какъ и великорусской: по серединѣ лицевого фасада сѣни, по одну сторону жилая комната (изба), по другую лѣтняя комната (свѣтлица). Стоитъ ли бѣлорусская жилая комната прямо на землѣ или бываетъ на высотѣ одного этажа, какъ великорусская? очень было бы важно установленіе границъ между комнатой, находящейся прямо на землѣ и комнатой на верху.

8. Стоитъ ли печь въ углу, обращенномъ сторонами внутрь комнаты, а не къ улицѣ, и устье печи бываетъ ли въ сторону двери, или въ противуположную? Такъ какъ по Носовичу между печью и заднею стѣнкою находится «полъ», широкія нары, то слѣдуетъ предположить первое.

9. Не встрѣчается ли слово «grycza, grynicza», обозначающее у сосѣдей-литовцевъ жилую комнату, также въ сосѣднихъ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ?

10. Какъ называется амбаръ? Служатъ ли они также и для спанья, по крайней мѣрѣ лѣтомъ? Для всего семейства или для части?

II. Латыши.

Вообще сюда относятся тѣ же вопросные пункты, насколько они не нашли себѣ разрѣшенія въ «Inflanty Polskie». Для жилой комнаты въ особенности: названіе жилого дома, жилой комнаты, сѣней, мѣсто печи, наръ («полъ, лава»)?

III. Поляки.

Встрѣчается ли у настоящихъ польскихъ крестьянъ сушильня и подъ какимъ названіемъ? А баня? У Кольберга я не нашелъ упоминанія ни о томъ, ни о другомъ.

Что я буду очень радъ очеркамъ древнихъ крестьянскихъ дворовъ и домовъ, даже самымъ простымъ, врядъ ли мнѣ надо говорить.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Бесѣдныя игры: тетёра, въ гуси, въ кони.

(Новг. губ. Тихв. у., д. Заборовье).

II.

Въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ «Живой Старины» [1]) мы дали описаніе игры со вьюномъ и привели поющіяся при этой игрѣ пѣсни. Теперь дадимъ описаніе еще нѣсколькихъ игръ, разнообразящихъ нѣсколько ровную и скучную зимнюю жизнь деревенской молодежи, не ушедшей на промыслы, а оставшейся дома.

Извѣстностью и притомъ не малой пользуется игра, называемая тетёрой. Играютъ въ нее такъ: посерёдъ избы становятся двое ребятъ, взявшись за руки, а дѣвушки по избѣ плетнемъ, т. е. цѣпью бѣгаютъ и все поютъ:

1. Какъ тетёра шла, гой, гой,
Да рябая шла, гой, гой,
Шла по каменью, гой, гой,
Да по раменью, гой гой.

При этихъ словахъ къ молодцамъ подходитъ тетёра матка—передовая дѣвушка, которая наводитъ, кланяется имъ и проситъ:

Ужъ вы свѣты мои, гой, гой,
Доброхоты молодцы, гой, гой,
Пропустите меня, гой, гой,
Мнѣ самой пройтить, гой, гой,
И дѣтей провестить, гой, гой.

И пройдя сама между ними—

Я сама прошла и дѣтей провела,
Самолучшева дѣтёнка вамъ оставила!

Тутъ стоящіе двое парней хватаютъ дѣвушекъ и бросаютъ на колѣна ребятамъ, что сидятъ по лавкамъ, кругъ избы, до тѣхъ поръ пока всѣмъ хватитъ, а парень поцѣлуетъ дѣвушку и пускаетъ. Затѣмъ дѣвушки становятся опять плетнемъ, и игра тѣмъже порядкомъ продолжается, или же съ небольшимъ измѣненіемъ. Именно, ходятъ утками или гусями. Въ этихъ случаяхъ поются такія пѣсни:

2. Утка шла по бережку,
Сѣрая по крутому,
Дѣтокъ вела за собою
Меньшово и большово,
Середнево и меньшово.
Ахъ ути, ахъ ути,
Ахъ куды же мнѣ уйти?
Кабы озеро воды—
Утопилася бы я,
Кабы вострой ножъ—
Я-бъ зарѣзалася [2]).
Дѣвушки, стерегитеся!
Милые, не сдавайтеся!

---

[1]) Ж. С. 1892 г., в. II, стр. 162.

[2]) Отчасти сходно съ хоров. игровой сб. Шейна, стр. 219 (1-й нумераціи) № 166, тамъ же описаніе игры, несходной съ нашей.

Тутъ ребята и хватаютъ дѣвушекъ. Въ томъ же заключается и игра «гусямъ», только тутъ поютъ слѣд. пѣсню:

3. Ахъ вы гу̑си, гуси, да го, го,
Далеко́ летали, да го, го,
Ково вы видали? да го, го,
Мы вид'ли—видали, да го, го,
Мы сѣрово волка, да го, го,
Принимайся во́лчокъ, да го го.
За сѣрыхъ ове́чокъ, да го, го,
За малыихъ дѣтокъ, да го, го.

Помимо сходства этой игры съ обычной дѣтской игрой въ гуси весьма распространенной и извѣстной каждому, отмѣтимъ сходную игру у малорусовъ «сірий вовкъ» [1]), которая является исключительно дѣтской забавой (тогда какъ въ выше названныя игры—«гусямъ» и «уткамъ» играютъ главнымъ образомъ взрослые): по жребію выбираютъ одного изъ играющихъ въ «волки». Волкъ сидитъ сгорбившись, остальные участники игры щиплютъ травку возлѣ него и приговариваютъ:

Ирву, ирву горішечки,
Не боюсь вовка ні трішечки,

и бросаютъ травой въ волка, который ловитъ ихъ, и пойманный дѣлается въ свою очередь волкомъ: «Ся играшка у другихъ краяхъ зоветься «гуси», діти зовуться «гусьми»—замѣчаетъ записавшій эту игру, и это замѣчаніе еще болѣе ясно опредѣляетъ отношеніе вышеописанныхъ великорусскихъ игръ къ малорусской. Съ описанными нами играми сходны малорусскій «ящуръ» [2]) и великорусскіе—«сѣрый волкъ» и «коршунъ» [3]). Въ Пермскомъ сборникѣ II, 56 стр. упоминается объ игрѣ въ гуси,—но приведенная тамъ запись не имѣетъ съ нашей ничего общаго.

Болѣе сходства съ игрой записанной и помѣщенной въ Пермскомъ сб. II 56 стр., подъ названіемъ «оброкъ» имѣетъ игра «конямъ», которую мы и опишемъ.

Парень съ парнемъ торгуются, какъ цыгане, при покупкѣ лошади, а дѣвушки также плетнемъ—взявшись за руки ходятъ по избѣ и поютъ.

4. Кони ль вы, кони,
Кони вороныи;
Кони воды нѐ пьютъ—
Дороженьку чуютъ
Чаю не чаю, гдѣ милой ночуе.
Ночуе мой милой
Въ полѣ при долины,
Въ широкомъ раздольи,
Въ хорошемъ привольи.
Купите коня, продайте меня.

Потомъ уже, когда всѣхъ дѣвушекъ разберутъ, тѣ, которые продавали начнутъ спрашивать купившихъ: «Ну-ка, молодецъ, хорошо ль свою лошадь кормилъ?». А дѣвушка встанетъ и захромаетъ; тогда продавецъ бьетъ покупщика кнутомъ (жгутомъ, скрученнымъ изъ платка): «Зачѣмъ, говоритъ, худо кормилъ! Видно она у тебя шапки боится?»—и шапку сыметъ, а какъ она опять нейдетъ—«видно тогда она у тебя еще чего боится» (назоветъ вещь)—и тоё сыметъ. А иная дѣвушка и сразу пойдетъ. И такъ мѣняютъ коней, пока не надо́ѣстъ, причемъ продающій получаетъ отступнаго, покупающій ставитъ магарычъ, и всё это платятъ поцѣлуями съ дѣвушки. Игры и припѣвки къ нимъ записаны нами со словъ крестьянки Новг. г. Тихв. у д. Заборовья, Палагеи Ѳедоровой. Сходныя же игры видѣли мы и въ другой мѣстности Тихв. у.—въ д. Будагощи, уже упомянутой нами въ первомъ очеркѣ.

Владимiръ Перетцъ.

---

[1]) Труды Этн. Ст. Эксп. въ Ю.-Зап. Край, т. III, стр. 103 № 50.
[2]) Тамъ же, стр. 96, № 38.
[3]) *Сахаровъ*. Сказ. р. нар. II, стр. 76 и 81, также и др.

Замѣтки по бѣлорусской этнографіи.

Ниже я предлагаю вниманію читателя нѣсколько замѣтокъ объ обрядахъ, повѣріяхъ и обычаяхъ бѣлорусскаго населенія Минской губ. Матерьялъ собранъ мною во время моихъ лѣтнихъ экскурсій.

Я старался выбрать изъ моихъ матерьяловъ лишь то, что имѣетъ интересъ сравнительно съ уже изданнымъ. Поэтому замѣтки имѣютъ отрывочный характеръ. Пѣсни къ описываемымъ обрядамъ будутъ изданы мною впослѣдствіи отдѣльнымъ собраніемъ.

1. Пѣсни [1]). Весеннія пѣсни начинаютъ пѣть въ среднихъ числахъ марта и кончаютъ на Тройцу, наз. Сёмуху. Поютъ только женщины во время работъ. Въ Мозырскомъ у. сохранился еще обычай кликать весну. Дѣвушки и молодицы собираются на улицахъ и гдѣ нибудь подъ заборомъ поютъ пѣсни, что и назыв. кликать весну. Появленіе мужчины заставляетъ ихъ немедленно удаляться въ другое укромное мѣстечко, гдѣ продолжаютъ снова пѣть. Шутники парни такимъ образомъ умудряются перегнать ихъ не разъ изъ конца въ конецъ села. Кликаютъ только до наступленія теплыхъ весеннихъ дней.

2. Великодныя пѣсни. Хожденіе съ великодными пѣснями извѣстно въ настоящее время въ немногихъ мѣстахъ; обычаи этого времени выводятся. Въ Минскомъ у. еще ходятъ съ Великодными пѣснями, такъ наз. хадзиць па валачуопнаму, отсюда названіе валачуопники а); въ Слуцкомъ у. они обычнѣе называются кукуольники, но оба названія не безъизвѣстны и въ другихъ мѣстахъ губ. Волочобники сначала поютъ духовныя пѣсни, обычно польскую кантату, потомъ начинаютъ пѣсню—гаспадару, гаспадыни, дзѣткамъ. По разсказамъ крестьянъ, прежнія поколѣнія очень уважали волочобниковъ, семья по часамъ слушала ихъ пѣсни и платила хорошія деньги, но теперь если гдѣ и поютъ, такъ только подъ окнами, даютъ мало. Волочобниками бываютъ мужчины и женщины. Всѣ или часть своихъ заработковъ они отдаютъ на приходскую церковь. По разсказамъ прежде волочобниками могли быть не всѣ, но только нѣкоторыя лица въ приходѣ, которые наиболѣе старались объ обогащеніи храма. Занятіе считалось почетнымъ. Судя по всему, волочобники составляли тѣсно замкнутое общество, братство; ихъ пѣсни, наиболѣе быть можетъ, интересныя,—секретъ для этнографовъ. Старики говорятъ объ устройствѣ волочобническихъ братствъ неохотно, молодежь ничего не знаетъ. Одни хвалятъ прежнихъ за поддержку храмовъ, другіе указываютъ па то, что деньги пропивались. Вотъ все; вопросъ крайне интересный и загадочный.

3. Св. Юрій. Въ Минскомъ у. сохраняютъ ко дню св. Георгія кости отъ освященнаго на Пасху мяса. Въ самый день святаго мужчины съ женщинами, парни съ дѣвушками идутъ на засѣянное озимымъ хлѣбомъ поле, съ водкой и закусками. Въ избранномъ мѣстѣ закапываютъ принесенныя кости отъ пасхальнаго мяса б) и здѣсь же начинаютъ подъ пѣсни пить водку и закусывать. Это празднество называется росою. Подвыпивъ, компанія забираетъ остатки отъ стола и идетъ въ корчму, гдѣ продолжаютъ пировать до поздней ночи. Парни и дѣвушки пляшутъ.

Есть повѣріе, что кто въ день св. Георгія выйдетъ очень рано въ поле, тотъ увидитъ святаго разъѣзжающимъ на бѣломъ конѣ по полю. — Если кто въ день св. Георгія выгонитъ рано скотъ и успѣетъ напасти его до восхода солнца на всходахъ ржи, тотъ цѣлое лѣто не будетъ имѣть недостатка въ молокѣ.

4. Выгонъ скота въ с. Никольскѣ Минскаго у. [2]). Весною въ маѣ или въ началѣ іюня—времени точно не обозначается, подъ вечеръ,—«икъ туолоки почни сутуняцця» (вечерять),—собираются бабы и дѣвушки въ одну какую нибудь избу. Собираются только женщины, которыя «ня дарасли гадуоу, чи пярарасли»—т. е. подростки-

---

[1]) По наблюденіямъ въ Минскомъ, Рѣчицкомъ и Мозырскомъ уѣздахъ.
[2]) Изъ сообщенія г. Демидовича.

дѣвушки и пожилыя женщины. Каждая изъ приходящихъ захватываетъ съ собою прялку (прясницу), веретено и немного (касьмыкъ) льну (кудзели). Собравшись въ избу, онѣ тотчасъ принимаются за работу, предварительно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Однѣ изъ нихъ, преимущественно дѣвушки, принимаются за прядиво, другія стараются скорѣй сновацъ, т. е. положить основу на ткацкій станокъ, «верстатъ». Основа кладется предварительно на особаго рода гребни деревянные и когда все приготовятъ вносятъ верстатъ, неразобранный. Всѣ спѣшатъ поскорѣе сложить его, положить основу и принимаются ткать. Въ это время поютъ рядъ пѣсенъ, начинаютъ польской духовной кантатой; характеръ мотива грустный и заунывный. Продолжается самая спѣшная работа. Всѣ спѣшатъ, чтобы къ разсвѣту выткать полотно, по длинѣ равное серединѣ улицы. Какъ только полотно готово, всѣ разбѣгаются по домамъ, чтобы оповѣстить домашнихъ и ближайшихъ сосѣдей. Дѣло въ томъ, что знаютъ о подготовленіи полотна только участвующія, да немногіе изъ ихъ домашнихъ; для большинства же время изготовленія—это тайна. Таинственности придаютъ большую силу.

Бабы, мужики, кто какъ попало, схватываются и бѣгутъ на улицу, выгоняя впереди себя скотъ. Между тѣмъ нѣсколько старыхъ женщинъ выносятъ полотно на край села и разстилаютъ его черезъ улицу. Весь скотъ деревни долженъ пройти черезъ это полотно. Вынесшія его женщины остаются все время тутъ: онѣ наблюдаютъ, чтобы ни одна изъ женщинъ не переступила черезъ него, такъ какъ это строго воспрещается. Обыкновенно выжидаютъ, чтобы непремѣнно весь скотъ деревни прошелъ. Этотъ переходъ, по вѣрованію крестьянъ, весьма полезенъ для здоровья скота, и грѣшно было-бы кому помѣшать или не дать знать о прогонѣ. Перегоняютъ только рогатый скотъ. Весь перегнанный скотъ собираютъ въ кучу, бабы окружаютъ его; приносятъ полотно и недопряденные остатки кудели—и все это сжигаютъ. Весь этотъ обрядъ долженъ быть непремѣнно исполненъ до восхода солнца.

5. Купала. День этотъ считается священнымъ, преисполненнымъ таинственности. Вѣра въ разцвѣтаніе папоротника и нахожденіе кладовъ—очень сильна. Кладъ является въ видѣ какого нибудь страшилища; нужно только не испугаться и сумѣть его взять. Вѣдьмы и всякіе нечистые духи обдѣлываютъ въ эту ночь свои дѣла. Вѣдьмы на этотъ день вселяются въ жабъ, а потому всѣ стараются избить какъ можно больше этихъ животныхъ въ этотъ день. Вѣдьмы особенно вредятъ молоку. Чтобы предотвратить его кражу или порчу, втыкаютъ въ двери домовъ и въ ворота хлѣвовъ крапиву, зеленыя березовыя вѣтки и особую траву, такъ и извѣстную подъ названіемъ «купала». Празднованіе вечеромъ у огней купалы выводится, но лѣтъ десять-пятнадцать оно было повсемѣстно, не исключая и городовъ. Парни и дѣвушки запасаются водкой и закуской и идутъ на перекрестокъ дороги. Здѣсь раскладываютъ огромный костеръ изъ осиновыхъ дровъ (осина—дерево несчастное, на ней повѣсился Іуда предатель). Въ котелкѣ ставятъ на костеръ вариться цадзилку, т. е. ситце или тонкую тряпочку, чрезъ которыя процѣживаютъ молоко. Вся компанія садится кругомъ караулить вѣдьму, потому что она непремѣнно захочетъ украсть цѣдилку. Вѣдьма является или въ своемъ видѣ, или въ видѣ животнаго—собаки, кошки. Вѣдьмѣ, пришедшей красть цѣдилку, отрубливаютъ пальцы на рукахъ, а животнымъ—на переднихъ ногахъ. Извѣстно нѣсколько случаевъ изувѣченія случайно попавшихъ женщинъ. Карауленье кончается выпивкой. закуской, прыганьемъ черезъ огонь. Въ Мозырскомъ у. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ костеръ раскладываютъ изъ лозы и вербы, въ него бросаютъ всякій мусоръ, рваную одежду и пр.; раскладываютъ костеръ на берегу рѣки.

На Купала—солнце купается, а на Ивана сушится. Видѣть могутъ только счастливые люди передъ восходомъ солнца.

6. Зажинки и дожинки. Начинаютъ въ счастливые дни: въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и субботу. Зажинная рожь, крестьянка первую «жменю» сжатыхъ колосьевъ кладетъ въ сторону и вечеромъ приноситъ домой. Въ прежнее время вмѣстѣ съ этою рожью приносился еще и вѣнокъ изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ; теперь этотъ обычай исчезъ. Принесенный пучекъ ржи в) хозяинъ дома, помолившись передъ ужиномъ и зажегши передъ иконами свѣчку, торжественно кладетъ за иконы. 6 или

15 августа ее освящаютъ въ церкви. Въ новый посѣвъ крестьянинъ смѣшиваетъ рожь для посѣва съ этою освященною рожью.

Дожинки въ послѣднее время выводятся. Отдѣльные крестьяне рѣдко справляютъ дожиночный пиръ. Только гуртовыя, толочныя дожинки справляются: плетутъ изъ ржи и цвѣтовъ вѣнокъ, несутъ съ пѣснями домой, слѣдуетъ угощеніе. Въ с. Никольскѣ Минскаго у. совершается слѣдующій интересный обычай (по сообщенію П. Н. Демидовича): на томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается жатва ржи, жнецы оставляютъ небольшую кучку ея несжатой г) въ срединѣ ея или очень близко отъ нея кладутъ крестообразно четыре небольшихъ (съ кулакъ) камня, на нихъ два пучка ржи, положенные крестообразно, сверху—кусочекъ хлѣба и щепотку соли [1]).

Зажинки и дожинки относятся только ко ржи.

7) Дзѣды въ м. Тимковичахъ, Слуцкаго уѣзда. Въ особо установленные дни—Родительскія субботы—Православная церковь совершаетъ общее поминовеніе умершихъ православныхъ христіанъ. Съ этими днями во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи соединяется и домашнее поминовеніе умершихъ, подъ названіемъ «дзѣдо́у».

Мы остановимся на томъ, какъ «спрауляютца» дзѣды въ м. Тимковичахъ, гдѣ ихъ въ году бываетъ трое: «пилипаускіе дзѣды, дзѣды перадъ Тройцаю и дзѣды пера̀дъ Великимъ по́стомъ.

Дзѣды всѣ равны, но «пилипаускіе» выдѣляются изъ ряда остальныхъ тѣмъ, что имъ предшествуетъ въ каждой семьѣ годовое поминовеніе умершихъ, начинающееся недѣль за шесть до дзѣдоу, чтобы общей молитвой въ самый день дзѣдоу окончить «паминки» умершихъ. Еще задолго до дзѣдоу просятъ священника отслужить: кто обѣдню, кто панихиду, кто вынуть частицу (мшу, панахиду, выняць часницу.) Если въ данномъ году были умершіе, то на могилахъ передъ дзѣдами ставятся кресты [2]) и кладутся «приклады» [3]).

Дзѣды обыкновенно начинаются въ пятницу вечеромъ. Передъ ужиномъ при зажженной «громничной» свѣчѣ всей семьей читаются молитвы за умершихъ. Къ ужину приготовляется нѣсколько лучшихъ кушаній, чего въ обыкновенные дни не бываетъ. Подается селедка, квасъ или капуста съ грибами, рыба, лапша съ грибами или «фарфели» [4]) съ грибами, сушенныя яблоки и груши съ черникою, сливами и медомъ и каша съ медомъ. Это дзѣды постные, называемые нѣкоторыми «бабами». Самое же важное и торжественное откладывается до вечера въ субботу.

Въ субботу утромъ прежде всего приготовляется «канонъ» [5]). Канону приготовляется столько, чтобы съ остаткомъ хватило для всей семьи. Когда канонъ приготовленъ, если не вся семья, то, по крайней мѣрѣ, свободные отъ работы члены, идутъ въ церковь, чтобы помолиться за умершихъ. Одинъ изъ членовъ семьи несетъ въ церковь стаканъ или кружку кано́ну съ двумя цѣлыми «абаранками». Канонъ выливается въ общую чашу, стоящую по срединѣ церкви передъ аналоемъ, покрытымъ чернымъ сукномъ съ бѣлымъ крестомъ посрединѣ и головою Адама внизу (символъ смерти), а абаранки кладутся на другое, такое же сукно, разостланное на полу.

Послѣ заупокойной обѣдни около указаннаго аналоя совершается общая панихида; затѣмъ бывшіе въ церкви идутъ домой и принимаются за обычныя работы [6]).

Къ вечеру хозяйкой дома затапливается печка, пекутся блины и приготовляются кушанья. Хата чисто выметается и высыпается желтымъ пескомъ, столы и лавки чисто смываются. Всѣ члены семьи умываются, надѣваютъ чистыя рубахи и, когда ужинъ готовъ, садятся за столъ. На «покуци» [7]) занимаетъ мѣсто хозяинъ, по правую

---

[1]) Сообщеніе г. В. Ляховскаго.

[2]) Крыжи.

[3]) Прикладъ — деревянный брусокъ въ длину могилы или камень съ надписью: имя, фамилія, время рожденія и смерти. На нѣкоторыхъ прикладахъ подъ надписью находятся узлы ∞. Объ этихъ узлахъ говорится, что они развяжутся въ день страшнаго суда.

[4]) Рубленое тѣсто.

[5]) Канонъ—кушанье изъ разсыченнаго меду съ калачами («абаранками»).

[6]) Въ дни дзѣдоу теперь дозволяется работать, но было время, когда старухи воздерживались отъ пряжи и шитья.

[7]) Красный уголъ.

только она скажетъ послѣднее, остальныя дѣвушки бросаются къ ней и начинаютъ щипать з).

9) Вечорки, игрища, взгляды на цѣломудріе дѣвушекъ. Условія крестьянской жизни далеко не препятствуютъ знакомству и общенію молодыхъ людей обоего пола. Прежде всего они сталкиваются во время деревенскихъ празднествъ, для совершенія Купальскихъ, Троицкихъ и др. обрядовъ, во время лѣтнихъ хороводовъ, игръ; зимою—на вечоркахъ, имѣющихъ болѣе интимный характеръ.

Труднѣе свести знакомство парню и дѣвушкѣ изъ различныхъ селъ. Для послѣдней цѣли служатъ «хвэсты» храмовые праздники сосѣднихъ церквей. Затѣмъ слѣдуютъ «прощи», мѣста считающіяся священными въ глазахъ окрестнаго крестьянства. Теперь на мѣстѣ прощи находится икона, крестъ или «капличка», часовня. Эти предметы стоятъ надъ колодцемъ, ручьемъ, источникомъ, а иногда прямо въ глухомъ лѣсу, въ рощѣ. Водные источники считаются священными: больные сходятся ихъ пить, омыть больные глаза, части тѣла. Прощи всегда въ глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу, среди болота. Прощи теперь носятъ имена христіанскихъ святыхъ, праздниковъ, во время которыхъ туда и сходится окрестное крестьянство помолиться, приглашаютъ священника и т. д.

Иногда прощи встрѣчаются вблизи старинныхъ кладбищъ. Особенно интересную прощу въ послѣднемъ родѣ я встрѣтилъ въ Пинскомъ у., около с. Порѣчья. Среди обширнаго болота, по которому теперь еще проведена дорога, стоитъ, недалеко отъ дороги колодецъ, покрытый навѣсомъ; подъ навѣсомъ старинная икона св. Николая. Кругомъ—знаки усерднаго поклоненія: куски холста, кисеи, навѣшанные на икону и столбы, почернѣвшіе отъ времени. Черезъ дорогу—обширный отлогій курганъ, почти несомнѣнно искусственнаго происхожденія. На курганѣ старинная дубовая церковь (простой срубъ, покрытый соломой, такихъ церквей еще не мало въ Пинщинѣ), а кругомъ старинное кладбище. На большинствѣ могилъ стоятъ прямо плохо обдѣланные камни и только на немногихъ каменные кресты; нѣсколько болѣе изящныхъ каменныхъ плитъ указываютъ своими надписями, что въ прошломъ вѣкѣ здѣсь хоронили свои останки сосѣдніе помѣщики. Мѣстность эта, вообще, очень интересна.

Собираясь на эти прощи, парни и дѣвушки различныхъ селъ заводятъ между собою знакомство. Еще есть случай для подобныхъ знакомствъ—это деревенскіе «кирмаши», ярмарки, не менѣе, какъ и фесты и прощи, посѣщаемые окрестнымъ крестьянствомъ, частью болѣе изъ любопытства, чѣмъ по торговой нуждѣ.

Присмотрѣвшись разъ другой на фестахъ, кирмашахъ, прощахъ, къ дѣвушкѣ изъ сосѣдней деревни, парень старается пробраться въ среду парней ея деревни, чтобы потомъ принимать участіе въ вечернихъ зимнихъ собраніяхъ молодежи. Парни неохотно пускаютъ на свои вечорки парней изъ сосѣднихъ деревень, особенно если замѣтятъ въ немъ желаніе ухаживать за красивой, веселой дѣвушкой, до которой найдется немало охотниковъ и въ своей средѣ. Средствомъ добиться благосклонности деревенскихъ парней служитъ водка, угощеніе. Сосѣдскій парень разъ другой нанимаетъ «музыку» на свой счетъ для всей молодежи и пр. Но и заручившись согласіемъ парней, парень изъ сосѣдней деревни не всегда гарантированъ отъ непріятныхъ столкновеній, а потому часто собираются ходить на вечорки парни сосѣдней деревни гурьбой, и тогда надѣются больше на силу. Бываютъ и серьезныя побоища. Для дѣвушки это считается большою честью, если къ ней ходятъ парни изъ сосѣднихъ деревень, такъ что онѣ относятся благосклоннѣе къ послѣднимъ, чѣмъ къ своимъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что ловкіе сосѣдскіе парни, въ своихъ сношеніяхъ съ дѣвицами сосѣдней, особенно отдаленной деревни, легко доводятъ дѣло до интимныхъ отношеній и затѣмъ покидаютъ свою возлюбленную. Расчетъ тотъ, что такому парню легче увернуться отъ женитьбы: его родичи, несвязанные ничемъ съ родичами пострадавшей, не обратятъ на это вниманіе; самому парню не придется сталкиваться потомъ съ родичами дѣвушки, терпѣть обычныхъ въ такихъ случаяхъ непріятностей и пр.; наконецъ, и родственники дѣвушки менѣе охотно берутся защищать ее: предпочесть своихъ

парней чужому, да еще не устоять передъ ними, считается черезъ чуръ зазорнымъ, такъ что отъ нея и свои отворачиваются.

Большія села дѣлятся на «кутки» (концы) и каждый кутокъ составляетъ свою компанію для игрищъ и собраній. Отношеніе между кутками такое же, какъ и отношеніе между сосѣдскими деревнями. Иногда раздѣленіе замѣчается не только по концамъ, но и по общественному положенію. Въ одномъ большомъ селѣ Пинскаго уѣзда (с. Выгоношты) я замѣтилъ большой антагонизмъ между кутками. Изъ разговоровъ выяснилось, что причина лежала въ экономическомъ положеніи крестьянъ. Одна часть села—земледѣльцы, люди зажиточные, строго придерживающіеся старинныхъ порядковъ; они не ходятъ въ сплавъ. Другая часть — бурлаки, распившіеся и забросившіе земли, бѣдная и несчастная часть населенія, цѣликомъ находящаяся въ рукахъ евреевъ. Замѣчу, что въ Пинскомъ у. вездѣ такіе контрасты, и замѣчается сильный антагонизмъ между обѣими частями населенія. Это отношеніе «хозяиноў» къ бурлакамъ перешло и къ дѣтямъ тѣхъ и другихъ, проводящихъ усердно эту вражду на своихъ сборищахъ.

Собранія молодежи бываютъ лѣтнія и зимнія. Лѣтнія не представляютъ ничего особеннаго. Кромѣ дней Троицкихъ, Петровскихъ, Купальскихъ, зажиночныхъ, которыя связаны съ извѣстными обрядами, молодежь собирается по вечерамъ праздничныхъ дней гдѣ нибудь на завалинку или на колоды; дѣвушки садятся въ кругъ, поютъ пѣсни, а молодые люди стоятъ поодаль, перебрасываются съ ними шутками, остротами и пр. Когда дѣвушки расходятся по домамъ, ихъ сопровождаютъ парни. Лѣтомъ крестьяне рѣдко спятъ въ избахъ, развѣ старики, спятъ же обычно на сѣновалахъ, въ сѣняхъ, въ сараяхъ. Парень, сопровождающій дѣвушку, съ которой «любится», обыкновенно и подначевываетъ съ нею гдѣ—нибудь на сѣновалѣ.

Въ большіе праздники, когда молодежь собирается вмѣстѣ изъ цѣлой деревни или кутка, устраиваютъ танцы, хороводы, сопровождаемые пѣснями. Хороводныхъ лѣтнихъ пѣсенъ очень много и содержаніе ихъ разнообразно. Нѣсколько десятковъ ихъ записано и мною. Нѣсколько другой характеръ носятъ зимнія собранія молодежи. Онѣ прежде всего различаются на «игрища» и на «вячорки»; послѣднія соотвѣтствуютъ великор. посидѣлкамъ и малорус. вечерницамъ.

Игрища—это большія сборища молодежи, бывающія обычно въ большія праздники, на Рождество, масляницу и др. На игрище приглашаютъ музыканта со скрипкой или гармоніей, а иногда и другаго еще съ бубномъ; музыканту платятъ за вечеръ рубля полтора; но бываетъ и такъ (въ Мозырскомъ у.), что музыканту платитъ отдѣльно каждая пара, вступающая въ танецъ, копѣйку—двѣ, а подъ городами и по пятачку. Деньги на музыканта, равно какъ и на всякіе другіе расходы парни собираютъ между собою. Мѣстомъ собраній служитъ изба какого нибудь хозяина, или же (въ послѣднее время чаще всего) — корчма. Въ селахъ, куда еще не проникла «цивилизація» танцуютъ «лявониху», «бычка», «подушечку» и др., а въ подгородныхъ селахъ встрѣтите и «кандреля», «вальца». Парни угощаютъ между танцами дѣвушекъ медкомъ, конфектами, а въ уголкахъ и щипками. Сюда же собираются и старшіе: поглазѣть, покалякать. Въ углу ребятишки и подростки подражаютъ взрослымъ: танцуютъ, угощаютъ другъ дружку и пр. Подобныя игрища кончаются однако зачастую очень печально: подвыпившіе парни заводятъ между собою ссору, не обходится иногда безъ серьезной драки.

Совсѣмъ другой характеръ носятъ «вячорки», съ болѣе интимнымъ характеромъ.

Онѣ устраиваются такимъ образомъ. Въ началѣ зимы, вѣрнѣе осенью, дѣвушки сговариваются съ какимъ нибудь хозяиномъ о разрѣшеніи имъ у него собираться. Выбираютъ избу побольше, а хозяина попокладистѣе, чтобъ не мѣшалъ молодежи. Платы за избу ни хозяинъ, ни хозяйка не получаютъ, но зато при всякомъ случаѣ молодежь старается угощать ихъ. Иногда, если не находятъ постоянной избы, то переходятъ каждый вечеръ отъ одного хозяина къ другому.

Деревеньки въ Бѣлоруссіи маленькія, а потому вся молодежь легко собирается

къ одному хозяину. Если не вмѣщаются, или не поладятъ,—дѣлятся по «куткамъ» и образуется нѣсколько клубовъ.

Вечеръ начинается очень чинно. Дѣвушки приходятъ съ «кужалемъ» и прядутъ, тихо распѣвая. Иногда старушка разсказываетъ имъ сказки. Но вотъ гурьбою вваливаются парни. Начинаются шутки, балагурятъ, «жартуюць». Парни подсѣдаютъ къ дѣвушкамъ, дѣло не обходится безъ обниманій, поцѣлуевъ, щипковъ. Вообще, извѣстная вольность въ обращеніи на вечоркахъ не только допускается, но даже требуется обычаемъ, признается закономъ, и дѣвушка можетъ быть исключена изъ собраній, если черезчуръ усердно сопротивляется обычнымъ шуткамъ. Впрочемъ, не нужно думать, что шутки эти и вольности заходятъ слишкомъ далеко, или принимаютъ не совсѣмъ удобный видъ. Одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей, г. Ярмаковичъ, сообщаетъ мнѣ изъ Минскаго у. факты, которые впрочемъ намъ приходилось наблюдать и въ Рѣчицкомъ и Мозырскомъ у. На вечоркахъ не существуетъ разницы между богатымъ и бѣднымъ парнемъ, красивымъ и безобразнымъ. Всѣ одинаково равны. Самый бѣдный и самый некрасивый можетъ подсѣсть къ красивой и богатой дѣвушкѣ, шутить съ нею и пр., независимо отъ того, симпатизируетъ ли она ему или нѣтъ. На вечоркахъ подсѣдаютъ къ дѣвушкамъ и шутятъ не только парни, съ которыми онѣ «любятся», но кто съ кѣмъ придется. Дѣвушка не должна оскорблять парня ударомъ, грубымъ словомъ и пр., она не можетъ также не допустить парня подсѣсть къ ней.

Эти замѣчанія очень важны, потому что въ обычное время, въ отношеніяхъ и сближеніяхъ молодежи замѣтна разница экономическаго состоянія ихъ отцовъ. Далѣе, дѣвушка не на вечоркахъ ни за что не позволитъ парню даже самыхъ невинныхъ заигрываній, даже парню, который ей нравится. Брань, негодованія и удары увѣсистой дѣвичьей ручки будутъ въ отвѣтъ смѣльчаку. На этотъ счетъ бѣлорусскія дѣвицы очень щепетильны.

Интересенъ способъ выраженія взаимной симпатіи молодыхъ людей. Они незамѣтно пожимаютъ другъ другу руки, и это пожатіе, наз. «поданіемъ», равносильно клятвѣ въ любви.

Такъ проходитъ время до поздней ночи. Но иногда мирное теченіе вечера измѣняется. Дѣвушки приносятъ съ собой закуски: сало, хлѣбъ, крупу. Парни съ своей стороны прикупаютъ сластей, водку, призываютъ «музыку», а иногда являются музыканты и изъ ихъ среды. Мало по малу мирная бесѣда смѣняется музыкой и танцами.

Вечорки кончаются поздно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заведенъ обычай, что дѣвушки, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя (напр. свояченицы хозяйки) остаются тутъ же на ночь, принесши предварительно сюда свою постель. Парней дѣвушки шутя изгоняютъ изъ избы, но, когда потушатъ лучину или лампу, они понемногу снова появляются въ избѣ и ложатся съ тѣми, съ которыми «любятся». Если дѣвушки расходятся по домамъ, то и тогда не отказываются отъ совмѣстнаго спанья. Парень провожаетъ дѣвушку; она входитъ въ избу, гдѣ уже всѣ спятъ, ложится поближе къ дверямъ и чрезъ нѣкоторое время, увѣрившись что всѣ крѣпко спятъ, впускаетъ къ себѣ парня, который передъ разсвѣтомъ, конечно удаляется.

Разумѣется, родители дѣвушки и парня хорошо знаютъ объ этихъ подночевываніяхъ: домашнимъ не разъ приходится и слышать, какъ дѣвица впускаетъ парня, и заставать его не успѣвшимъ уйти. Но они вовсе не препятствуютъ дочери, стараясь лишь предупредить послѣдствія. Нерѣдко встрѣтить, что и два, а не то и три парня разомъ ухаживаютъ за дѣвицей, подначевываютъ съ нею вмѣстѣ, если можно, или по одиночкѣ.

Но было бы большой несправедливостью думать, что это совмѣстное ночеванье ведетъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Конечно, теперь порядки значительно измѣнившіеся, основы старой бытовой жизни сильно поколебались, и жалобы на потерю цѣломудрія дѣвушками раздаются все сильнѣе. Но это слѣдствіе уже новыхъ вѣяній. Но зато тамъ, гдѣ новыя вѣянія сильны, и сами вечорки измѣнили свой начальный характеръ. Такія открытыя подначевыванія вышли изъ обычаевъ, преслѣдуются родственниками. Въ подгородних селахъ, если парень ходитъ къ дѣвушкѣ по ночамъ, то

изъ этого ничего не выйдетъ хорошаго. Но описанный видъ вечорокъ я встрѣчалъ въ очень глухихъ мѣстахъ Минской губ., въ Рѣчицкомъ, Мозырскомъ, Пинскомъ уѣздахъ. Имѣю также аналогичныя описанія изъ Минскаго у. Дурныхъ послѣдствій отъ вечорокъ не бываетъ. Крестьяне смотрятъ на посѣщеніе ихъ дѣтьми вечорокъ какъ на обрядъ, установленный дѣдами и потому требуемый обычаемъ. Сидя вечеромъ въ крестьянской избѣ, можно подмѣтить, какъ сейчасъ послѣ ужина или даже до него мать всунетъ въ руки дочери «кудзелю», кусокъ хлѣба и сала и выправитъ на вечорки. Хожденіе дѣвушки на вечорки считается однимъ изъ требованій обычая, столь строгимъ что нарушить этотъ обычай рѣшаются лишь въ подгороднихъ селахъ. Мать будетъ серьезно огорчена, если ея дочь не хочетъ посѣщать вечорокъ, если къ ней не ходятъ спать хлопцы; напротивъ, будетъ польщена вниманіемъ ихъ.

Наши вечорки, какъ великорусскія посидѣлки, бесѣды, малорусскіе вечерницы въ своемъ обрядовомъ значеніи сводятся къ переживаніямъ этого первобытнаго гетеризма. Послѣ того, что сдѣлано въ наукѣ объ этомъ вопросѣ, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ такомъ этнологическомъ значеніи и бѣлорусскихъ вечерокъ и).

Въ практической повседневной жизни вечорки имѣютъ не менѣе важное значеніе. Близкія отношенія молодыхъ людей обоего пола препятствовали развитію взгляда на женщину, какъ на существо низшее, подчиненное мужчинѣ. На вечоркахъ и игрищахъ оба пола не только равны, но дѣвушкамъ отдается предпочтеніе во всѣхъ отношеніяхъ Парень обращается съ дѣвушкой, какъ съ равной себѣ; женившись онъ сохраняетъ то же отношеніе и къ своей женѣ. Въ самомъ дѣлѣ, женщина въ бѣлорусской семьѣ занимаетъ очень высокое положеніе.

Но не вѣрно было бы думать, что сближенія молодыхъ людей обоего пола всегда ведутъ къ браку ихъ. Въ послѣднее время, конечно порядки измѣняются: парень требуетъ, чтобы батьки слали сватовъ къ той дѣвушкѣ, съ которой онъ «любится». Въ малой семьѣ, гдѣ всякій работникъ очень дорогъ, гдѣ чувства родителей къ дѣтямъ имѣютъ больше простора въ своемъ развитіи, молодые люди достигаютъ своихъ требованій. Но въ большихъ семьяхъ, гдѣ общій режимъ стоитъ выше чувствъ, гдѣ подчиненіе отдѣльнаго члена «хозяину» (большаку) сильнѣе,—тамъ еще и теперь парня женятъ, а дѣвушку выдаютъ замужъ, мало справляясь съ ихъ желаніями. Обрядовое значеніе вечорокъ выступаетъ и въ этомъ случаѣ: въ болѣе глухихъ селахъ, гдѣ сохранилось еще много большихъ семей, семейныхъ общинъ, вечорки, какъ и всѣ обряды, строго выполняются. Но именно здѣсь то бракъ всецѣло находится въ рукахъ старшихъ членовъ. Напротивъ, въ подгороднихъ селахъ, гдѣ народились уже новыя условія жизни, гдѣ вечорки потеряли обрядовое значеніе, гдѣ на совмѣстное спанье смотрятъ косо, потому что оно добромъ не кончится,—здѣсь то бракъ совершается по желанію молодыхъ людей.

Я всегда интересовался вопросомъ о свободѣ выбора брачной пары и при всякомъ случаѣ разспрашивалъ особенно старухъ и пожилыхъ, объ ихъ выходѣ замужъ. Бывали счастливыя совпаденія, когда сваты приходили отъ парня, съ которымъ дѣвушка «любилась», но и это объяснялось сторонними соображеніями родителей обѣихъ сторонъ. Но большею частью мнѣ приходилось встрѣчать обратное: вопроса о желаніи или нежеланіи не только никто не подымалъ изъ родныхъ, но и самимъ молодымъ людямъ онъ не приходилъ въ голову.

И старухи и пожилыя выражаютъ удивленіе по поводу современныхъ порядковъ, по поводу требованій молодежи. «За насъ того ня було», говорятъ онѣ.

Послѣднія наблюденія даютъ возможность утверждать, что еще лѣтъ 20 — 30 тому назадъ заключеніе брака, выборъ жениха или невѣсты, находился всецѣло во власти родителей и старшихъ въ семьѣ.

Въ заключеніе прибавлю нѣсколько словъ о взглядѣ народа на цѣломудріе до брака. Въ настоящее время, конечно, народныя воззрѣнія на этотъ счетъ сильно пошатнулись. Но все таки цѣломудріе отъ дѣвушки требуется безусловно. Посадъ невѣсты во время свадьбы исполняется повсемѣстно. Дѣвушка не сядетъ на посадъ, не осквернитъ этого священнаго мѣста (дежа или «услонъ», скамейка, застланная вывернутымъ

кожухомъ) и обряда, если потеряла цѣломудріе. Даже если женихъ здѣсь же объявитъ себя виновникомъ несчастія, то и тогда невѣстѣ не избѣжать упрековъ, брани, слезъ матери, увѣсистыхъ, прощальныхъ побоевъ отца. И все таки только время смываетъ позоръ съ самой невѣсты и ея семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ посадъ бываетъ до церковнаго вѣнчанія (болѣе древній видъ его), въ другихъ—послѣ. Въ первомъ случаѣ, если дѣвушка не сѣла на посадъ, женихова сторона немедленно уѣзжаетъ (если, конечно, женихъ не принимаетъ на себя вины) съ бранью и криками, съ требованіемъ возвращенія убытковъ, платы за потерянное въ проволочкахъ рабочее время и пр. Если посадъ бываетъ послѣ вѣнчанія и дѣвушка не сядетъ на посадъ, то всѣ свадебные обряды прекращаются и гости расходятся. Въ рѣдкихъ случаяхъ женихъ, если онъ не виноватъ, забираетъ молодую тотчасъ къ себѣ. Гораздо чаще, что забираетъ онъ ее только черезъ нѣсколько дней, послѣ долгихъ переговоровъ, увѣщаній. Часто этимъ случаемъ пользуются, чтобъ вытребовать у стороны невѣсты побольше подарковъ, приданое, денегъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда повѣнчанные молодые люди начинали сожительство лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ, даже полгода послѣ вѣнчанія, когда уляжется взаимная вражда.

Очень замѣчательно, что цѣломудріе до брака требуется и отъ парня. Посадъ жениха еще сохранился въ свадебномъ ритуалѣ бо́льшей части Бѣлоруссіи; женихъ также не имѣетъ права сѣсть на посадъ, если не цѣломудренъ. Въ Минскомъ, Игуменскомъ, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рѣчицкаго у., а вѣроятно, и во многихъ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи (точныхъ свѣдѣній не имѣется), требованія на этотъ счетъ очень строги. Въ Минскомъ у., напр., невѣста можетъ отказаться отъ вступленія въ бракъ, если женихъ не сядетъ на посадъ (свѣд. изъ Ново-Сверженской вол.). Въ Игуменскомъ у., записывая пѣсни, я сталъ распрашивать моихъ разскащицъ объ этомъ.— «Цяперь ня вельми на гэта глядзяць, яле, якъ бы даунѣй, дыкъ ня павязли бъ нявѣсту да церквы»,—получилъ я въ отвѣтъ.

Таковы взгляды болѣе консервативной части населенія Минской губ.

10) «Припѣўки» во время танцевъ и игръ. Ниже я привожу небольшой сборникъ припѣвокъ которыя поются крестьянами во время танцевъ и игръ. Такихъ припѣвокъ въ Бѣлоруссіи очень много. Онѣ не имѣютъ опредѣленнаго времени или обряда, при которыхъ-бы пѣлись, но поются во время лѣтнихъ танцевъ, хороводовъ, веселыхъ игръ, не имѣющихъ своего круга пѣсенъ, изъ обрядовъ—на родинахъ, крестинахъ, послѣ брачной ночи на свадьбахъ. Поютъ ихъ преимущественно замужнія женщины.

Подобнаго рода пѣсенокъ мы находимъ не мало въ уже изданныхъ сборникахъ (Романова, Шейна, Радоски и др.), но я старался выбрать изъ моего собранія лишь такія которыхъ нѣтъ среди изданныхъ. Особенность ихъ та, что всѣ онѣ не лишены фаллизма. Конечно, это непріятно дѣйствуетъ на слухъ читателя, но для изслѣдователя подобнаго рода пѣсни (къ сожалѣнію, ихъ часто пропускаютъ собиратели) должны представить важный матеріалъ.

№ 1.

Ѣхау, ѣхау,—
Чаму ка мнѣ ни заѣхау?
У мине сѣни, хата,
У мине жинка зуховата.

№ 2.

Ахъ, ты Сидоръ макацёръ!
На парози бабу цёръ.
Якъ паверня, баба пердня;
Якъ пацисня,—баба дрысня.

№ 3.

Грай, грай, музыка,
Капъ я поскакала;
Купи, милы, чаравички,
Капъ я патаптала.

№ 4.

Раня, раня!
Перья ни драня!
На што мнѣ драци,
Кали не съ кимъ спаци.
Икъ я была мала,
Зъ мамаю спала;
А циперъ я велика,
Трэба мнѣ чалавѣка.

№ 5.

Стары, стары!
Гани валэ,—
Стары растагнауся.
Стары, стары!
Лѣзь на бабу,—
Стары разсмяяуся.

№ 6.

Икъ я была мала,
Мине мама калыхала;
Я икъ стала подрастаци,
Стали хлопци калыхаци—
Ту у калысци, ту у каробцы,
Ту у гуменцы на саломцы.
Альбо шъ мине калышеця
Альбо шъ замужъ вы меня вазьмеця,
Альбо шъ на паперы выпишеця.

№ 7.

Гопъ, мае таукачыки,
Гопъ, мае дубовые!
Семъ готъ валилися,
Пакиль у ступи сабралися.

№ 8.

Икъ хадзили тры—чатэры,
Дакъ ничога ни зрабили;
А циперъ жа адзинъ ходзиць,
И спадница ни сыходзиць.

№ 9.

Ка мнѣ дзякъ прыхадзиу,
Рѣшата пирагоу прынасиу;
А я яму дала гаршокъ масла,
Капъ цалавау часта

№ 10.

Ка мнѣ папоу сынъ прыхадзиу,
Патъ крысомъ чаравички прынасиу
А я дурна была,
Яму ганьбу дала,
Капъ я ганьбы ни давала,
Ту я пъ за имъ папавала:
Енъ бы торбы насиу,
Енъ бы хлѣба прасиу;
А я пъ кія надавала,
Сабаками пъ заскавала.

№ 11.

Наскакала пъ казачка,
Да баюся мужычка,
Мой мужъ ня великъ,
Да скакаць ня велиць.

№ 12.

Паненачка, мае сэрца!
Падыдзи падъ акенца,
Падыми кашульку,
Пакажы зязюльку.

№ 13.

Добры вечаръ! гаспадыньки, прашу васъ,
И ни зайшла мая курачка да васъ?
У маей курачки жоута перья и чубокъ
И на ношцы касмычокъ.
Да хадзила мая курка па начы,
Да злавили яе панычы,
Да загнали у кутокъ,
Абарвали жоута перья и чубокъ.

№ 14.

Дзяучата!
Котора зъ васъ пачата?
Катора нѣ,
Нясецця мнѣ.

№ 15.

Выскачила зъ лябяды—
Здраствуйця, дзяучата!
Семъ готъ была у лябядзѣ
И ще ни пачата.

№ 16.

Па саломи качалася,
Мнѣ ничога ни сталася
Я но шъ тоя сѣна
Мине зьѣла,
Маё цѣла папаунѣла.

№ 17.

Паненачки, мае милы!
Падрантвѣли мае жилы,
Ня такъ жилы, какъ суставы.
Скину штанэ, лягу зъ вами,
Скину штанэ и сарочку,
Лягу зъ вами у халадочку.

№ 18.

Пасѣю я рѣпку
Ни густу, нирѣдку:
Расьци, мая рѣпка,
Ни густà, ни рѣдка!
Пайду я рана,
Мая рѣпка рвана;
Пайду я па начы,
У маёй рѣпцы паничы;
Пайду я ѐще,
У маёй рѣпцы цѐща.

№ 19.

А я роду ни такога,
Какъ любила абы якога;
А я роду ацецкаго,
Люблю сына купецкаго.

№ 20.

На вулицы скрыпка грая,
Мине маци гуляць ни пуская.
—Пусьци, маци, погуляци,
Будзяшъ сабѣ зяця маци, (м ѣ ц ь)
Ни такога, ни сякога,
Кавалера маладога. [1])

№ 21.

Свиньня ў рѣпи (2),
Парасята у гряэццы;—
А музыка пязъ языка
Каля дзяўчатакъ мнецца.

№ 22.

Антонъ харошаньки
Казу вядзе за рожаньки;
Каза ни даецца,
Антонъ валачецца.

№ 23.

Антонъ харошаньки,
Мантонъ кароцяньки;
Вѣцеръ падзимая,
Мантонъ падымая.

---

[1]) (Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 549, № 682).

№ 24.

Казаў тата: казу дамъ
И зъ маленькимъ казенямъ;
Будзямъ казу даици,
Будзямъ хлопцаў паици.

№ 25.

Зъ Богамъ, хлопцы, зъ Богамъ,
Заткнуўшы сраку рогамъ,
Той рогъ съ табакаю,
А вы бягайця за сабакаю.

№ 26.

А мой жа стары нябожа!
Капъ ты памёръ, дай Божа;
А я пъ пашла гуляци,
Маладога шукаци.
А на што мнѣ малодшы,
Кали стары харошшы:
Енъ паѣдзя, пакиня,
Прыѣхаушы, абдымя.

№ 27.

Стары старычокъ,
Пашыў баби каўпачокъ!
И пашыў, и надзѣў,
И на бабу паглядзѣў.

№ 28.

А мой жа Антончыку!
А што ў цибе на кончыку?
Залатая булавачка,
Для паненачакъ забавачка.

№ 29.

Я гарэлки ни пила,
Мнѣ меду дайця;
Я на сына заступила,
Мине павамайця.

№ 30.

Дзяўчыначка липиначка,
Харошага стану!
Няхай цибе хлопцы любяць,
А я пярастану.

№ 31.

На ганку стаю,
Слёзы котяцца;
Дзяўке замужъ идуць,
И мнѣ хочацца. [1])

№ 32.

Ци я такая урадзилася,
Ци мая такая доля?
Пашла пъ замужъ за старога,
Барадою коля;
Ой пайду я за такога,
Што ни мая вуса;
Енъ мине пацалуя,
А я засмяюся.

№ 33.

Кали любишъ, люби разьня;
А ня любишъ—идзи, блазьня—
Ня задавай сэрцу туги,
Ня возьмяшъ ты—возьмя други.

№ 34.

Ой, той жа мнѣ ни да душы,
Што ходзиць у кажуси;
Ой, той жа мнѣ спада́баўся,
Што ў гузички ушпиляўся.

[1]) Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 548, № 673).

№ 35.

Кароцяньки Станислаў
Тыкаў, тыкаў, ни достаў,
Калодачки ни знашоў,
Заплакаў ды пашоў.

№ 36.

Скачы, скачы, кульгавы,
Атъ прыпячка да лавы;
А вы дзяуке, знайця,
Кульгаваму дайця.

№ 37.

Причитываніе дѣтей надъ навозн. жукомъ.

Жучку!
Падай мнѣ ручку,
Падай мнѣ другую—
Я цибе ратую.
Прыляцидь маци,
Будзя гадаваци.
Дзѣ твой домъ?
Падъ гаўномъ.
Ѣхау панъ,
Растаптаў,
Прышли дзѣци
Паглядзѣци;
Прышла маци
Паплакаци.
Бздынь, бздынь!

№ 38.

Бусялъ—клекля:
Твоя маци у пекля.
Малилася Богу,
Ды зламала ногу;
Паляцѣла на тую,
Ды зламала другую.

М. Давнаръ-Запальскій.

Примѣчанія.

а) О волочобникахъ см. Шейнъ, Матерьялы и пр., ч. I, р. 133 и сл. и въ примѣч. тутъ же и литерат. вопроса.

б) Ср. подобный обычай въ Витебской губ.; закапываютъ кости передъ посѣвомъ, Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, р. 172.

в) Въ др. мѣстностяхъ сохраняютъ первый снопъ, ср. Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 174.

г) Въ другихъ мѣстн. оставляютъ охапку ржи, Радченко, Гомельскія пѣсни, р. XXXI, или же кладутъ также и краюху хлѣба, Шейнъ, Матерьялы, ч. I, 266, 270, ср. «завиваніе бороды», Шейнъ, Бѣл. п., 176.

д) Бѣлорусскіе варьянты игры см. Шейнъ, Матерьялы, ч. I, р. 111, пѣсни вар. у Беронова, Бѣлор. пѣсни, р. 81; отдаленный великор. вар. у Терещенки, Бытъ русск. нар., IV, 290—1.; о припѣвѣ «ящеръ» ср. Потебня, объясн. малор. и нѣкот. сродныхъ пѣсенъ, р. 27 и сл.,—здѣсь же указ. сродныхъ малор. и великор. вар.

е) Бѣлор. вар. ср. у Шейна, Мат., ч. I, 546, Киркоръ, въ Вѣстн. Русск. Геогр общ., 1857 г. кн. IV, р. 286, Романовъ, Бѣлор. сборн., в. I, р. 285, № 240, великор.—у Терещенки, Быт., IV, 185. Въ указ. вар. пѣсня кончается словомъ «подарую».

ж) Ср. у Радченко, Гомельскія пѣсни. р. XXVIII и 45.; великор. вар., Терещенко. IV, 27.

з) Приведенныя игры относятся къ переживаніямъ первобытнаго гетеризма; съ этой стороны празднованія «подушечки» на Дону разсматривалъ проф. Смирновъ, Очерки сем, отнош. по обычному праву русск. нар., Юридич Вѣстн., 1877; № 1, р. 62—63. О знач. игръ и танцевъ съ этой стороны см. Kulischer. Die geschlechtliche Zuchtwahl, въ «Zeitschrift für Ethnologie». 1876, и 2, р. 142 и слѣд.

и) Этнологическое значеніе посидѣлокъ основывается на выводахъ о первобытномъ гетеризмѣ Леббока, Спенсера, Летурно, Жиро-Телона, Ковалевскаго, Вилькена, Поста и др. Ср. Ковалевскій, Первобытное право, II, 28—29, Сопоставленія изъ русской жизни приведены у Якушкина, Обычное право, в. I, Ярославль, 1875, р. VII, Смирновъ, Очерки. Юридич. В., 1877, и 1, р. 52 и слѣд., «L'Antropologie», см. Волкова, 1891 г., р. 174—5 (т. II, № 2), Сумцовъ, Досвитки, Кіевск. стар., 1886, январь и др.

Ой, люблю-жъ Коську, гэй, нашъ, нашъ!
Што ў русуой касцы (припѣвъ повторяется)
У залатуой прасьцицы,
У шауковумъ паясочку,
У руцьвяномъ вяночку.

Названная дѣвушка подходитъ къ парню и отдаетъ свою какую нибудь вещицу. Парень уступаетъ мѣсто другому, тотъ снова дѣлаетъ выборъ и т. далѣе, пока не выберутъ всѣ участвующіе себѣ паръ.

По окончаніи выбора, парень бывшій первымъ ящаромъ, садится у стѣны. Дѣвушки становятся въ рядъ у противоположной стѣны и взявшись за руки, идутъ къ ящару съ пѣсней:

Ой, ящару, паночку,
Прашу оддаць вяночку
Красныи Марыськи,
Што у русуой касицы,
У залаценькой прасьцицы,
У шаўковымъ паясочку,
Да у руцьвянуомъ вяночку.
Да яна нуочанку няспала
Да вяночикъ завивала,
Па край мори хадзила,
Да красачки зьбирала,
Да у садочку саджала,
Прыгарщнии паливала.
—Расьцеця, красачки, тонкія высоки,
На лисьцяйка широки,
На кареньня--глыбоки.

Ящаръ, по окончаніи пѣсни отдаетъ вещь по принадлежности и удаляется, уступая мѣсто другому, и такъ далѣе, пока не возвратятъ всѣхъ вещей.

Въ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ эта игра извѣстна почти безъ измѣненій.

б) Танецъ «подушачка» е). Составляется кругъ изъ дѣвицъ, одна входитъ въ него и поетъ:

Подушачка, подушачка, мая пухавая!
Малодачка, малодачка, мая маладая!
Каго люблю, каго люблю,— таго й пацалую
Падушачку пухавую таму й падарую!
Быў-жиў, да нима, да паѣхоуй да лигина,
Бѣдная мая галованька—одна спаци легла!
Быў-жиў да нима, да поѣхау на рѣчку,
Кабъ вѣдала,—што утапиўся, паставила-бъ свѣчку,
Ой жаль жа мнѣ, што ня варнецца,
Падушачка пуховая—пяревярнецця!

Остальныя ей подтягиваютъ и плавно танцуютъ круговую, то раскачиваясь верхней частью туловища, то прихлопываютъ на мѣстѣ. По окончаніи пѣсни стоявшая въ кругу беретъ одну изъ дѣвушекъ, остальныя становятся также въ пары и начинаютъ танцовать «круціолку». Потомъ дѣвушка, танцовавшая съ запѣвалой, входитъ въ кругъ,—и снова повторяется та же игра.

Игра повсемѣстно извѣстна въ Бѣлоруссіи. Народная музыка знаетъ особые мотивы для этой игры, также называемая «подушачка». Тѣлодвиженія танцующихъ сначала мѣрны и плавны, но при «круціолкѣ» танецъ носитъ бурный характеръ. Вообще весь танецъ носитъ оргіастическій характеръ, и повидимому, сроденъ съ игрой «подушечка» на Дону.

Калодачка ж). Посреди избы ставятъ колодку, или *заслонку* (доску, которою заслоняется печь). На нее садится одна изъ дѣвушекъ, остальныя стоятъ вокругъ нея и поютъ:

На гары макъ, макъ,
А у *падоли* такъ, такъ!
Бѣдная мая галовачка,
Золотая маковочка!
Ци паспѣу макъ?

Сидящая дѣвушка, когда пропоютъ первый разъ пѣсню, говоритъ «пасѣяла!», во второй разъ—«узышоу», въ третій—«цьвице!» и въ четвертый—«паспѣу!». Какъ

только она скажетъ послѣднее, остальныя дѣвушки бросаются къ ней и начинаютъ щипать з).

9) **Вечорки, игрища, взгляды на цѣломудріе дѣвушекъ.** Условія крестьянской жизни далеко не препятствуютъ знакомству и общенію молодыхъ людей обоего пола. Прежде всего они сталкиваются во время деревенскихъ празднествъ, для совершенія Купальскихъ, Троицкихъ и др. обрядовъ, во время лѣтнихъ хороводовъ, игръ; зимою—на вечоркахъ, имѣющихъ болѣе интимный характеръ.

Труднѣе свести знакомство парню и дѣвушкѣ изъ различныхъ селъ. Для послѣдней цѣли служатъ «хвэсты» храмовые праздники сосѣднихъ церквей. Затѣмъ слѣдуютъ «прощи», мѣста считающіяся священными въ глазахъ окрестнаго крестьянства. Теперь на мѣстѣ прощи находится икона, крестъ или «капличка», часовня. Эти предметы стоятъ надъ колодцемъ, ручьемъ, источникомъ, а иногда прямо въ глухомъ лѣсу, въ рощѣ. Водные источники считаются священными: больные сходятся ихъ пить, омыть больные глаза, части тѣла. Прощи всегда въ глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу, среди болота. Прощи теперь носятъ имена христіанскихъ святыхъ, праздниковъ, во время которыхъ туда и сходится окрестное крестьянство помолиться, приглашаютъ священника и т. д.

Иногда прощи встрѣчаются вблизи старинныхъ кладбищъ. Особенно интересную прощу въ послѣднемъ родѣ я встрѣтилъ въ Пинскомъ у., около с. Порѣчья. Среди обширнаго болота, по которому теперь еще проведена дорога, стоитъ, недалеко отъ дороги колодецъ, покрытый навѣсомъ; подъ навѣсомъ старинная икона св. Николая. Кругомъ—знаки усерднаго поклоненія: куски холста, кисеи, навѣшанные на икону и столбы, почернѣвшіе отъ времени. Черезъ дорогу—обширный отлогій курганъ, почти несомнѣнно искусственнаго происхожденія. На курганѣ старинная дубовая церковь (простой срубъ, покрытый соломой, такихъ церквей еще не мало въ Пинщинѣ), а кругомъ старинное кладбище. На большинствѣ могилъ стоятъ прямо плохо обдѣланные камни и только на немногихъ каменные кресты; нѣсколько болѣе изящныхъ каменныхъ плитъ указываютъ своими надписями, что въ прошломъ вѣкѣ здѣсь хоронили свои останки сосѣдніе помѣщики. Мѣстность эта, вообще, очень интересна.

Собираясь на эти прощи, парни и дѣвушки различныхъ селъ заводятъ между собою знакомство. Еще есть случай для подобныхъ знакомствъ—это деревенскіе «кирмаши», ярмарки, не менѣе, какъ и фесты и прощи, посѣщаемые окрестнымъ крестьянствомъ, частью болѣе изъ любопытства, чѣмъ по торговой нуждѣ.

Присмотрѣвшись разъ другой на фестахъ, кирмашахъ, прощахъ, къ дѣвушкѣ изъ сосѣдней деревни, парень старается пробраться въ среду парней ея деревни, чтобы потомъ принимать участіе въ вечернихъ зимнихъ собраніяхъ молодежи. Парни неохотно пускаютъ на свои вечорки парней изъ сосѣднихъ деревень, особенно если замѣтятъ въ немъ желаніе ухаживать за красивой, веселой дѣвушкой, до которой найдется немало охотниковъ и въ своей средѣ. Средствомъ добиться благосклонности деревенскихъ парней служитъ водка, угощеніе. Сосѣдскій парень разъ другой нанимаетъ «музыку» на свой счетъ для всей молодежи и пр. Но и заручившись согласіемъ парней, парень изъ сосѣдней деревни не всегда гарантированъ отъ непріятныхъ столкновеній, а потому часто собираются ходить на вечорки парни сосѣдней деревни гурьбой, и тогда надѣются больше на силу. Бываютъ и серьезныя побоища. Для дѣвушки это считается большою честью, если къ ней ходятъ парни изъ сосѣднихъ деревень, такъ что онѣ относятся благосклоннѣе къ послѣднимъ, чѣмъ къ своимъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что ловкіе сосѣдскіе парни, въ своихъ сношеніяхъ съ дѣвицами сосѣдней, особенно отдаленной деревни, легко доводятъ дѣло до интимныхъ отношеній и затѣмъ покидаютъ свою возлюбленную. Расчетъ тотъ, что такому парню легче увернуться отъ женитьбы: его родичи, несвязанные ничемъ съ родичами пострадавшей, не обратятъ на это вниманіе; самому парню не придется сталкиваться потомъ съ родичами дѣвушки, терпѣть обычныхъ въ такихъ случаяхъ непріятностей и пр.; наконецъ, и родственники дѣвушки менѣе охотно берутся защищать ее: предпочесть своихъ

Ой, люблю-жъ Коську, гэй, нашъ, нашъ!	У шауковумъ паясочку,
Што ў русуой касицы (припѣвъ повторяется)	У руцьвяномъ вяночку.
У залатуой прасьцицы,	

Названная дѣвушка подходитъ къ парню и отдаетъ свою какую нибудь вещицу. Парень уступаетъ мѣсто другому, тотъ снова дѣлаетъ выборъ и т. далѣе, пока не выберутъ всѣ участвующіе себѣ паръ.

По окончаніи выбора, парень бывшій первымъ ящаромъ, садится у стѣны. Дѣвушки становятся въ рядъ у противоположной стѣны и взявшись за руки, идутъ къ ящару съ пѣсней:

Ой, ящару, паночку,	Да вяночикъ завивала,
Прашу оддаць вяночку	Па край мори хадзила,
Красныи Марыськи,	Да красачки зьбирала,
Што у русуой касицы,	Да у садочку саджала,
У залаценькой прасьцицы,	Прыгарщнми паливала.
У шаўковымъ паясочку,	—Расьцецця, красачки, тонкія высоки,
Да у руцьвянуомъ вяночку.	На лисьцяйка широки,
Да яна нуочанку няспала	На карения—-глыбоки.

Ящаръ, по окончаніи пѣсни отдаетъ вещь по принадлежности и удаляется, уступая мѣсто другому, и такъ далѣе, пока не возвратятъ всѣхъ вещей.

Въ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ эта игра извѣстна почти безъ измѣненій.

б) Т а н е ц ъ «п о д у ш а ч к а» е). Составляется кругъ изъ дѣвицъ, одна входитъ въ него и поетъ:

Подушачка, подушачка, мая пухавая!	Бѣдная мая галованька—одна спаци легла!
Малодачка, малодачка, мая маладая!	Быў-жиў да нима, да поѣхау на рѣчку,
Каго люблю, каго люблю, — таго й пацалую	Кабъ вѣдала,—што утапиўся, паставила-бъ свѣчку,
Надушачку пухавую таму й падарую!	Ой жаль жа мнѣ, што ня вярнецца,
Быў-жиў, да нима, да паѣхоуй да лигина,	Падушачка пуховая—пяревярнецця!

Остальныя ей подтягиваютъ и плавно танцуютъ круговую, то раскачиваясь верхней частью туловища, то прихлопываютъ на мѣстѣ. По окончаніи пѣсни стоявшая въ кругу беретъ одну изъ дѣвушекъ, остальныя становятся также въ пары и начинаютъ танцовать «круціолку». Потомъ дѣвушка, танцовавшая съ запѣвалой, входитъ въ кругъ,—и снова повторяется та же игра.

Игра повсемѣстно извѣстна въ Бѣлоруссіи. Народная музыка знаетъ особые мотивы для этой игры, также называемая «подушачка». Тѣлодвиженія танцующихъ сначала мѣрны и плавны, но при «круціолкѣ» танецъ носитъ бурный характеръ. Вообще весь танецъ носитъ оргіастическій характеръ, и повидимому, сроденъ съ игрой «подушечка» на Дону.

К а л о д а ч к а ж). Посреди избы ставятъ колодку, или *заслонку* (доску, которою заслоняется печь). На нее садится одна изъ дѣвушекъ, остальныя стоятъ вокругъ нея и поютъ:

На гары макъ, макъ,	Золотая маковочка!
А у *паддли* такъ, такъ!	Ци паспѣу макъ?
Бѣдная мая галовачка,	

Сидящая дѣвушка, когда пропоютъ первый разъ пѣсню, говоритъ «пасѣяла!», во второй разъ—«узышоу», въ третій—«цьвице!» и въ четвертый—«паспѣу!». Какъ

только она скажетъ послѣднее, остальныя дѣвушки бросаются къ ней и начинаютъ щипать з).

9) Вечорки, игрища, взгляды на цѣломудріе дѣвушекъ. Условія крестьянской жизни далеко не препятствуютъ знакомству и общенію молодыхъ людей обоего пола. Прежде всего они сталкиваются во время деревенскихъ празднествъ, для совершенія Купальскихъ, Троицкихъ и др. обрядовъ, во время лѣтнихъ хороводовъ, игръ; зимою—на вечоркахъ, имѣющихъ болѣе интимный характеръ.

Труднѣе свести знакомство парню и дѣвушкѣ изъ различныхъ селъ. Для послѣдней цѣли служатъ «хвэсты» храмовые праздники сосѣднихъ церквей. Затѣмъ слѣдуютъ «прощи», мѣста считающіяся священными въ глазахъ окрестнаго крестьянства. Теперь на мѣстѣ прощи находится икона, крестъ или «капличка», часовня. Эти предметы стоятъ надъ колодцемъ, ручьемъ, источникомъ, а иногда прямо въ глухомъ лѣсу, въ рощѣ. Водные источники считаются священными: больные сходятся ихъ пить, омыть больные глаза, части тѣла. Прощи всегда въ глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу, среди болота. Прощи теперь носятъ имена христіанскихъ святыхъ, праздниковъ, во время которыхъ туда и сходится окрестное крестьянство помолиться, приглашаютъ священника и т. д.

Иногда прощи встрѣчаются вблизи старинныхъ кладбищъ. Особенно интересную прощу въ послѣднемъ родѣ я встрѣтилъ въ Пинскомъ у., около с. Порѣчья. Среди обширнаго болота, по которому теперь еще проведена дорога, стоитъ, недалеко отъ дороги колодецъ, покрытый навѣсомъ; подъ навѣсомъ старинная икона св. Николая. Кругомъ—знаки усерднаго поклоненія: куски холста, кисеи, навѣшанные на икону и столбы, почернѣвшіе отъ времени. Черезъ дорогу—обширный отлогій курганъ, почти несомнѣнно искусственнаго происхожденія. На курганѣ старинная дубовая церковь (простой срубъ, покрытый соломой, такихъ церквей еще не мало въ Пинщинѣ), а кругомъ старинное кладбище. На большинствѣ могилъ стоятъ прямо плохо обдѣланные камни и только на немногихъ каменные кресты; нѣсколько болѣе изящныхъ каменныхъ плитъ указываютъ своими надписями, что въ прошломъ вѣкѣ здѣсь хоронили свои останки сосѣдніе помѣщики. Мѣстность эта, вообще, очень интересна.

Собираясь на эти прощи, парни и дѣвушки различныхъ селъ заводятъ между собою знакомство. Еще есть случай для подобныхъ знакомствъ—это деревенскіе «кирмаши», ярмарки, не менѣе, какъ и фесты и прощи, посѣщаемые окрестнымъ крестьянствомъ, частью болѣе изъ любопытства, чѣмъ по торговой нуждѣ.

Присмотрѣвшись разъ другой на фестахъ, кирмашахъ, прощахъ, къ дѣвушкѣ изъ сосѣдней деревни, парень старается пробраться въ среду парней ея деревни, чтобы потомъ принимать участіе въ вечернихъ зимнихъ собраніяхъ молодежи. Парни неохотно пускаютъ на свои вечорки парней изъ сосѣднихъ деревень, особенно если замѣтятъ въ немъ желаніе ухаживать за красивой, веселой дѣвушкой, до которой найдется немало охотниковъ и въ своей средѣ. Средствомъ добиться благосклонности деревенскихъ парней служитъ водка, угощеніе. Сосѣдскій парень разъ другой нанимаетъ «музыку» на свой счетъ для всей молодежи и пр. Но и заручившись согласіемъ парней, парень изъ сосѣдней деревни не всегда гарантированъ отъ непріятныхъ столкновеній, а потому часто собираются ходить на вечорки парни сосѣдней деревни гурьбой, и тогда надѣются больше на силу. Бываютъ и серьезныя побоища. Для дѣвушки это считается большою честью, если къ ней ходятъ парни изъ сосѣднихъ деревень, такъ что онѣ относятся благосклоннѣе къ послѣднимъ, чѣмъ къ своимъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что ловкіе сосѣдскіе парни, въ своихъ сношеніяхъ съ дѣвицами сосѣдней, особенно отдаленной деревни, легко доводятъ дѣло до интимныхъ отношеній и затѣмъ покидаютъ свою возлюбленную. Расчетъ тотъ, что такому парню легче увернуться отъ женитьбы: его родичи, несвязанные ничемъ съ родичами пострадавшей, не обратятъ на это вниманіе; самому парню не придется сталкиваться потомъ съ родичами дѣвушки, терпѣть обычныхъ въ такихъ случаяхъ непріятностей и пр.; наконецъ, и родственники дѣвушки менѣе охотно берутся защищать ее: предпочесть своихъ

парней чужому, да еще не устоять передъ ними, считается черезъ чуръ зазорнымъ, такъ что отъ нея и свои отворачиваются.

Большія села дѣлятся на «кутки» (концы) и каждый кутокъ составляетъ свою компанію для игрищъ и собраній. Отношеніе между кутками такое же, какъ и отношеніе между сосѣдскими деревнями. Иногда раздѣленіе замѣчается не только по концамъ, но и по общественному положенію. Въ одномъ большомъ селѣ Пинскаго уѣзда (с. Выгоношты) я замѣтилъ большой антагонизмъ между кутками. Изъ разговоровъ выяснилось, что причина лежала въ экономическомъ положеніи крестьянъ. Одна часть села—земледѣльцы, люди зажиточные, строго придерживающіеся старинныхъ порядковъ; они не ходятъ въ сплавъ. Другая часть — бурлаки, распившіеся и забросившіе земли, бѣдная и несчастная часть населенія, цѣликомъ находящаяся въ рукахъ евреевъ. Замѣчу, что въ Пинскомъ у. вездѣ такіе контрасты, и замѣчается сильный антагонизмъ между обѣими частями населенія. Это отношеніе «хозяиноЎ» къ бурлакамъ перешло и къ дѣтямъ тѣхъ и другихъ, проводящихъ усердно эту вражду на своихъ сборищахъ.

Собранія молодежи бываютъ лѣтнія и зимнія. Лѣтнія не представляютъ ничего особеннаго. Кромѣ дней Троицкихъ, Петровскихъ, Купальскихъ, зажиночныхъ, которыя связаны съ извѣстными обрядами, молодежь собирается по вечерамъ праздничныхъ дней гдѣ нибудь на завалинку или на колоды; дѣвушки садятся въ кругъ, поютъ пѣсни, а молодые люди стоятъ поодаль, перебрасываются съ ними шутками, остротами и пр. Когда дѣвушки расходятся по домамъ, ихъ сопровождаютъ парни. Лѣтомъ крестьяне рѣдко спятъ въ избахъ, развѣ старики, спятъ же обычно на сѣновалахъ, въ сѣняхъ, въ сараяхъ. Парень, сопровождающій дѣвушку, съ которой «любится», обыкновенно и подначевываетъ съ нею гдѣ—нибудь на сѣновалѣ.

Въ большіе праздники, когда молодежь собирается вмѣстѣ изъ цѣлой деревни или кутка, устраиваютъ танцы, хороводы, сопровождаемые пѣснями. Хороводныхъ лѣтнихъ пѣсенъ очень много и содержаніе ихъ разнообразно. Нѣсколько десятковъ ихъ записано и мною. Нѣсколько другой характеръ носятъ зимнія собранія молодежи. Онѣ прежде всего различаются на «игрища» и на «вячорки»; послѣднія соотвѣтствуютъ великор. посидѣлкамъ и малорус. вечерницамъ.

Игрища—это большія сборища молодежи, бывающія обычно въ большія праздники, на Рождество, масляницу и др. На игрище приглашаютъ музыканта со скрипкой или гармоніей, а иногда и другаго еще съ бубномъ; музыканту платятъ за вечеръ рубля полтора; но бываетъ и такъ (въ Мозырскомъ у.), что музыканту платитъ отдѣльно каждая пара, вступающая въ танецъ, копѣйку—двѣ, а подъ городами и по пятачку. Деньги на музыканта, равно какъ и на всякіе другіе расходы парни собираютъ между собою. Мѣстомъ собраній служитъ изба какого нибудь хозяина, или же (въ послѣднее время чаще всего) — корчма. Въ селахъ, куда еще не проникла «цивилизація» танцуютъ «лявониху», «бычка», «подушечку» и др., а въ подгородныхъ селахъ встрѣтите и «кандреля», «вальца». Парни угощаютъ между танцами дѣвушекъ медкомъ, конфектами, а въ уголкахъ и щипками. Сюда же собираются и старшіе: поглазѣть, покалякать. Въ углу ребятишки и подростки подражаютъ взрослымъ: танцуютъ, угощаютъ другъ дружку и пр. Подобныя игрища кончаются однако зачастую очень печально: подвыпившіе парни заводятъ между собою ссору, не обходится иногда безъ серьезной драки.

Совсѣмъ другой характеръ носятъ «вячорки», съ болѣе интимнымъ характеромъ. Онѣ устраиваются такимъ образомъ. Въ началѣ зимы, вѣрнѣе осенью, дѣвушки сговариваются съ какимъ нибудь хозяиномъ о разрѣшеніи имъ у него собираться. Выбираютъ избу побольше, а хозяина попокладистѣе, чтобъ не мѣшалъ молодежи. Платы за избу ни хозяинъ, ни хозяйка не получаютъ, но зато при всякомъ случаѣ молодежь старается угощать ихъ. Иногда, если не находятъ постоянной избы, то переходятъ каждый вечеръ отъ одного хозяина къ другому.

Деревеньки въ Бѣлоруссіи маленькія, а потому вся молодежь легко собирается

къ одному хозяину. Если не вмѣщаются, или не поладятъ,—дѣлятся по «куткамъ» и образуется нѣсколько клубовъ.

Вечеръ начинается очень чинно. Дѣвушки приходятъ съ «кужалемъ» и прядутъ, тихо распѣвая. Иногда старушка разсказываетъ имъ сказки. Но вотъ гурьбою вваливаются парни. Начинаются шутки, балагурятъ, «жартуюць». Парни подсѣдаютъ къ дѣвушкамъ, дѣло не обходится безъ обниманій, поцѣлуевъ, щипковъ. Вообще, извѣстная вольность въ обращеніи на вечоркахъ не только допускается, но даже требуется обычаемъ, признается закономъ, и дѣвушка можетъ быть исключена изъ собраній, если черезчуръ усердно сопротивляется обычнымъ шуткамъ. Впрочемъ, не нужно думать, что шутки эти и вольности заходятъ слишкомъ далеко, или принимаютъ не совсѣмъ удобный видъ. Одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей, г. Ярмаковичъ, сообщаетъ мнѣ изъ Минскаго у. факты, которые впрочемъ намъ приходилось наблюдать и въ Рѣчицкомъ и Мозырскомъ у. На вечоркахъ не существуетъ разницы между богатымъ и бѣднымъ парнемъ, красивымъ и безобразнымъ. Всѣ одинаково равны. Самый бѣдный и самый некрасивый можетъ подсѣсть къ красивой и богатой дѣвушкѣ, шутить съ нею и пр., независимо отъ того, симпатизируетъ ли она ему или нѣтъ. На вечоркахъ подсѣдаютъ къ дѣвушкамъ и шутятъ не только парни, съ которыми онѣ «любятся», но кто съ кѣмъ придется. Дѣвушка не должна оскорблять парня ударомъ, грубымъ словомъ и пр., она не можетъ также не допустить парня подсѣсть къ ней.

Эти замѣчанія очень важны, потому что въ обычное время, въ отношеніяхъ и сближеніяхъ молодежи замѣтна разница экономическаго состоянія ихъ отцовъ. Далѣе, дѣвушка не на вечоркахъ ни за что не позволитъ парню даже самыхъ невинныхъ заигрываній, даже парню, который ей нравится. Брань, негодованія и удары увѣсистой дѣвичьей ручки будутъ въ отвѣтъ смѣльчаку. На этотъ счетъ бѣлорусскія дѣвицы очень щепетильны.

Интересенъ способъ выраженія взаимной симпатіи молодыхъ людей. Они незамѣтно пожимаютъ другъ другу руки, и это пожатіе, наз. «поданіемъ», равносильно клятвѣ въ любви.

Такъ проходитъ время до поздней ночи. Но иногда мирное теченіе вечера измѣняется. Дѣвушки приносятъ съ собой закуски: сало, хлѣбъ, крупу. Парни съ своей стороны прикупаютъ сластей, водку, призываютъ «музыку», а иногда являются музыканты и изъ ихъ среды. Мало по малу мирная бесѣда смѣняется музыкой и танцами.

Вечорки кончаются поздно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заведенъ обычай, что дѣвушки, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя (напр. свояченицы хозяйки) остаются тутъ же на ночь, принесши предварительно сюда свою постель. Парней дѣвушки шутя изгоняютъ изъ избы, но, когда потушатъ лучину или лампу, они понемногу снова появляются въ избѣ и ложатся съ тѣми, съ которыми «любятся». Если дѣвушки расходятся по домамъ, то и тогда не отказываются отъ совмѣстнаго спанья. Парень провожаетъ дѣвушку; она входитъ въ избу, гдѣ уже всѣ спятъ, ложится поближе къ дверямъ и чрезъ нѣкоторое время, увѣрившись что всѣ крѣпко спятъ, впускаетъ къ себѣ парня, который передъ разсвѣтомъ, конечно удаляется.

Разумѣется, родители дѣвушки и парня хорошо знаютъ объ этихъ подночевываніяхъ: домашнимъ не разъ приходится и слышать, какъ дѣвица впускаетъ парня, и заставать его не успѣвшимъ уйти. Но они вовсе не препятствуютъ дочери, стараясь лишь предупредить послѣдствія. Нерѣдко встрѣтить, что и два, а не то и три парня разомъ ухаживаютъ за дѣвицей, подначевываютъ съ нею вмѣстѣ, если можно, или по одиночкѣ.

Но было бы большой несправедливостью думать, что это совмѣстное ночеванье ведетъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Конечно, теперь порядки значительно измѣнившіеся, основы старой бытовой жизни сильно поколебались, и жалобы на потерю цѣломудрія дѣвушками раздаются все сильнѣе. Но это слѣдствіе уже новыхъ вѣяній. Но зато тамъ, гдѣ новыя вѣянія сильны, и сами вечорки измѣнили свой начальный характеръ. Такія открытыя подначевыванія вышли изъ обычаевъ, преслѣдуются родственниками. Въ подгороднихъ селахъ, если парень ходитъ къ дѣвушкѣ по ночамъ, то

изъ этого ничего не выйдетъ хорошаго. Но описанный видъ вечорокъ я встрѣчалъ въ очень глухихъ мѣстахъ Минской губ., въ Рѣчицкомъ, Мозырскомъ, Пинскомъ уѣздахъ. Имѣю также аналогичныя описанія изъ Минскаго у. Дурныхъ послѣдствій отъ вечорокъ не бываетъ. Крестьяне смотрятъ на посѣщеніе ихъ дѣтьми вечорокъ какъ на обрядъ, установленный дѣдами и потому требуемый обычаемъ. Сидя вечеромъ въ крестьянской избѣ, можно подмѣтить, какъ сейчасъ послѣ ужина или даже до него мать всунетъ въ руки дочери «кудзелю», кусокъ хлѣба и сала и выправитъ на вечорки. Хожденіе дѣвушки на вечорки считается однимъ изъ требованій обычая, столь строгимъ что нарушить этотъ обычай рѣшаются лишь въ подгородныхъ селахъ. Мать будетъ серьезно огорчена, если ея дочь не хочетъ посѣщать вечорокъ, если къ ней не ходятъ спать хлопцы; напротивъ, будетъ польщена вниманіемъ ихъ.

Наши вечорки, какъ великорусскія посидѣлки, бесѣды, малорусскіе вечерницы въ своемъ обрядовомъ значеніи сводятся къ переживаніямъ этого первобытнаго гетеризма. Послѣ того, что сдѣлано въ наукѣ объ этомъ вопросѣ, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ такомъ этнологическомъ значеніи и бѣлорусскихъ вечерокъ и).

Въ практической повседневной жизни вечорки имѣютъ не менѣе важное значеніе. Близкія отношенія молодыхъ людей обоего пола препятствовали развитію взгляда на женщину, какъ на существо низшее, подчиненное мужчинѣ. На вечоркахъ и игрищахъ оба пола не только равны, но дѣвушкамъ отдается предпочтеніе во всѣхъ отношеніяхъ Парень обращается съ дѣвушкой, какъ съ равной себѣ; женившись онъ сохраняетъ то же отношеніе и къ своей женѣ. Въ самомъ дѣлѣ, женщина въ бѣлорусской семьѣ занимаетъ очень высокое положеніе.

Но не вѣрно было бы думать, что сближенія молодыхъ людей обоего пола всегда ведутъ къ браку ихъ. Въ послѣднее время, конечно порядки измѣняются: парень требуетъ, чтобы батьки слали сватовъ къ той дѣвушкѣ, съ которой онъ «любится». Въ малой семьѣ, гдѣ всякій работникъ очень дорогъ, гдѣ чувства родителей къ дѣтямъ имѣютъ больше простора въ своемъ развитіи, молодые люди достигаютъ своихъ требованій. Но въ большихъ семьяхъ, гдѣ общій режимъ стоитъ выше чувствъ, гдѣ подчиненіе отдѣльнаго члена «хозяину» (большаку) сильнѣе,—тамъ еще и теперь парня женятъ, а дѣвушку выдаютъ замужъ, мало справляясь съ ихъ желаніями. Обрядовое значеніе вечорокъ выступаетъ и въ этомъ случаѣ: въ болѣе глухихъ селахъ, гдѣ сохранилось еще много большихъ семей, семейныхъ общинъ, вечорки, какъ и всѣ обряды, строго выполняются. Но именно здѣсь то бракъ всецѣло находится въ рукахъ старшихъ членовъ. Напротивъ, въ подгородныхъ селахъ, гдѣ народились уже новыя условія жизни, гдѣ вечорки потеряли обрядовое значеніе, гдѣ на совмѣстное спанье смотрятъ косо, потому что оно добромъ не кончится,—здѣсь то бракъ совершается по желанію молодыхъ людей.

Я всегда интересовался вопросомъ о свободѣ выбора брачной пары и при всякомъ случаѣ разспрашивалъ особенно старухъ и пожилыхъ, объ ихъ выходѣ замужъ. Бывали счастливыя совпаденія, когда сваты приходили отъ парня, съ которымъ дѣвушка «любилась», но и это объяснялось сторонними соображеніями родителей обѣихъ сторонъ. Но большею частью мнѣ приходилось встрѣчать обратное: вопроса о желаніи или нежеланіи не только никто не подымалъ изъ родныхъ, но и самимъ молодымъ людямъ онъ не приходилъ въ голову.

И старухи и пожилыя выражаютъ удивленіе по поводу современныхъ порядковъ, по поводу требованій молодежи. «За насъ того ня було», говорятъ онѣ.

Послѣднія наблюденія даютъ возможность утверждать, что еще лѣтъ 20 — 30 тому назадъ заключеніе брака, выборъ жениха или невѣсты, находился всецѣло во власти родителей и старшихъ въ семьѣ.

Въ заключеніе прибавлю нѣсколько словъ о взглядѣ народа на цѣломудріе до брака. Въ настоящее время, конечно, народныя воззрѣнія на этотъ счетъ сильно пошатнулись. Но все таки цѣломудріе отъ дѣвушки требуется безусловно. Посадъ невѣсты во время свадьбы исполняется повсемѣстно. Дѣвушка не сядетъ на посадъ, не осквернитъ этого священнаго мѣста (дежа или «услонъ», скамейка, застланная вывернутымъ

кожухомъ) и обряда, если потеряла цѣломудріе. Даже если женихъ здѣсь же объявитъ себя виновникомъ несчастія, то и тогда невѣстѣ не избѣжать упрековъ, брани, слезъ матери, увѣсистыхъ, прощальныхъ побоевъ отца. И все таки только время смываетъ позоръ съ самой невѣсты и ея семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ посадъ бываетъ до церковнаго вѣнчанія (болѣе древній видъ его), въ другихъ—послѣ. Въ первомъ случаѣ, если дѣвушка не сѣла на посадъ, женихова сторона немедленно уѣзжаетъ (если, конечно, женихъ не принимаетъ на себя вины) съ бранью и криками, съ требованіемъ возвращенія убытковъ, платы за потерянное въ проволочкахъ рабочее время и пр. Если посадъ бываетъ послѣ вѣнчанія и дѣвушка не сядетъ на посадъ, то всѣ свадебные обряды прекращаются и гости расходятся. Въ рѣдкихъ случаяхъ женихъ, если онъ не виноватъ, забираетъ молодую тотчасъ къ себѣ. Гораздо чаще, что забираетъ онъ ее только черезъ нѣсколько дней, послѣ долгихъ переговоровъ, увѣщаній. Часто этимъ случаемъ пользуются, чтобъ вытребовать у стороны невѣсты побольше подарковъ, приданое, денегъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда повѣнчанные молодые люди начинали сожительство лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ, даже полгода послѣ вѣнчанія, когда уляжется взаимная вражда.

Очень замѣчательно, что цѣломудріе до брака требуется и отъ парня. Посадъ жениха еще сохранился въ свадебномъ ритуалѣ бо̀льшей части Бѣлоруссіи; женихъ также не имѣетъ права сѣсть на посадъ, если не цѣломудренъ. Въ Минскомъ, Игуменскомъ, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рѣчицкаго у., а вѣроятно, и во многихъ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи (точныхъ свѣдѣній не имѣется), требованія на этотъ счетъ очень строги. Въ Минскомъ у., напр., невѣста можетъ отказаться отъ вступленія въ бракъ, если женихъ не сядетъ на посадъ (свѣд. изъ Ново-Сверженской вол.). Въ Игуменскомъ у., записывая пѣсни, я сталъ распрашивать моихъ разскащицъ объ этомъ.— «Цяперь ня вельми на гэта глядзяць, яле, якъ бы даунѣй, дыкъ ня павязли бъ нявѣсту да церквы»,—получилъ я въ отвѣтъ.

Таковы взгляды болѣе консервативной части населенія Минской губ.

10) «Припѣўки» во время танцевъ и игръ. Ниже я привожу небольшой сборникъ припѣвокъ которыя поются крестьянами во время танцевъ и игръ. Такихъ припѣвокъ въ Бѣлоруссіи очень много. Онѣ не имѣютъ опредѣленнаго времени или обряда, при которыхъ-бы пѣлись, но поются во время лѣтнихъ танцевъ, хороводовъ, веселыхъ игръ, не имѣющихъ своего круга пѣсенъ, изъ обрядовъ—на родинахъ, крестинахъ, послѣ брачной ночи на свадьбахъ. Поютъ ихъ преимущественно замужнія женщины.

Подобнаго рода пѣсенокъ мы находимъ не мало въ уже изданныхъ сборникахъ (Романова, Шейна, Радоски и др.), но я старался выбрать изъ моего собранія лишь такія которыхъ нѣтъ среди изданныхъ. Особенность ихъ та, что всѣ онѣ не лишены фаллизма. Конечно, это непріятно дѣйствуетъ на слухъ читателя, но для изслѣдователя подобнаго рода пѣсни (къ сожалѣнію, ихъ часто пропускаютъ собиратели) должны представить важный матеріалъ.

№ 1.

Ѣхау, ѣхау,—
Чаму ка мнѣ ни заѣхау?
У мине сѣни, хата,
У мине жинка зуховата.

№ 2.

Ахъ, ты Сидоръ макацёръ!
На парози бабу цёръ.
Якъ паверня, баба пердня;
Якъ пацисня,—баба дрысня.

№ 3.

Грай, грай, музыка,
Капъ я поскакала;
Купи, милы, чаравички,
Капъ я патаптала.

№ 4.

Раня, раня!
Перья ни драня!
На што мнѣ драци,
Кали не съ кимъ спаци.

Икъ я была мала,
Зъ мамаю спала;
А циперъ я велика,
Трэба мнѣ чалавѣка.

№ 5.

Стары, стары!
Гани валэ,—
Стары растагнауся.

Стары, стары!
Лѣзь на бабу,—
Стары разсмяяуся.

№ 6.

Икъ я была мала,
Мине мама калыхала;
Я икъ стала подрастаци,
Стали хлопци калыхаци—
Ту у калысци, ту у каробцы,
Ту у гуменцы на саломцы.
Альбо шъ мине калышеця
Альбо шъ замужъ вы меня вазьмеця,
Альбо шъ на паперы выпишеця.

№ 7.

Гопъ, мае таукачыки,
Гопъ, мае дубовые!

Семъ готъ валялися,
Пакиль у ступи сабралися.

№ 8.

Икъ хадзили тры—чатэры,
Дакъ ничога ни зрабили;

А циперъ жа адзинъ ходзиць,
И спадница ни сыходзиць.

№ 9.

Ка мнѣ дзякъ прыхадзиу,
Рѣшата пирагоу прынасиу;

А я яму дала гаршокъ масла,
Капъ цалавау часта

№ 10.

Ка мнѣ напоу сынъ прыхадзиу,
Патъ крысомъ чаравички прынасиу
А я дурна была,
Яму ганьбу дала,
Капъ я ганьбы ни давала,

Ту я пъ за имъ панавала:
Енъ бы торбы насиу,
Енъ бы хлѣба прасиу;
А я пъ кія надавала,
Сабаками пъ заскавала.

№ 11.

Наскакала пъ казачка,
Да баюся мужычка,

Мой мужъ ня великъ,
Да скакаць ня велиць.

№ 12.

Паненачка, маё сэрца!
Падыдзи падъ акенца,

Падыми кашульку,
Пакажы зязюльку.

№ 13.

Добры вечаръ! гаспадыньки, прашу васъ,
И ни зайшла мая курачка да васъ?
У маей курачки жоута перья и чубокъ
И на ношцы касмычокъ.

Да хадзила мая курка па начы,
Да злавили яе паничы,
Да загнали у кутокъ,
Абарвали жоута перья и чубокъ.

№ 14.

Дзяучата!
Котора зъ васъ пачата?
Катора нѣ,
Нясецця мнѣ.

№ 15.

Выскачила зъ лябяды—
Здраствуйця, дзяучата!
Семъ готъ была у лябядзѣ
И ще ни пачата.

№ 16.

Па саломи качалася,
Мнѣ ничога ни сталася
Я но шъ тоя сѣна
Мине зьѣла,
Маё цѣла папаунѣла.

№ 17.

Паненачки, мае милы!
Падрантвѣли мае жилы,
Ня такъ жилы, какъ суставы.
Скину штанэ, лягу зъ вами,
Скину штанэ и сарочку,
Лягу зъ вами у халадочку.

№ 18.

Пасѣю я рѣпку
Ни густу, ни рѣдку:
Расьци, мая рѣпка,
Ни густà, ни рѣдка!
Пайду я рана,
Мая рѣпка рвана;
Пайду я па начы,
У маёй рѣпцы паничы;
Пайду я ѐще,
У маёй рѣпцы цѐща.

№ 19.

А я роду ни такога,
Какъ любила абы якога;
А я роду ацецкаго,
Люблю сына купецкаго.

№ 20.

На вулицы скрыпка грая,
Мине маци гуляць ни пуская.
—Пусьци, маци, погуляци,
Будзяшъ сабѣ зяця маци, (мѣць)
Ни такога, ни сякога,
Кавалера маладога. [1])

№ 21.

Свиньня ў рѣпи (2),
Парасята у граэццы;—
А музыка пязъ языка
Каля дзяўчатакъ мнецца.

№ 22.

Антонъ харошаньки
Казу вядзе за рожаньки;
Каза ни даецца,
Антонъ валачецца.

№ 23.

Антонъ харошаньки,
Мантонъ кароцяньки;
Вѣцеръ падзимая,
Мантонъ падымая.

---

[1]) (Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 549, № 682).

№ 24.

Казаў тата: казу дамъ
И зъ маленькимъ казенямъ;
Будзямъ казу даици,
Будзямъ хлопцаў паици.

№ 25.

Зъ Богамъ, хлопцы, зъ Богамъ,
Заткнуўшы сраку рогамъ,
Той рогъ съ табакаю,
А вы бягайця за сабакаю.

№ 26.

А мой жа стары нябожа!
Капъ ты памёръ, дай Божа;
А я пъ пашла гуляци,
Маладога шукаци.
А на што мнѣ малодшы,
Кали стары харошшы:
Енъ паѣдзя, пакиня,
Прыѣхаушы, абдымя.

№ 27.

Стары старычокъ,
Пашыў баби каўпачокъ!
И пашыў, и надзѣў,
И на бабу паглядзѣў.

№ 28.

А мой жа Антончыку!
А што ў цибе на кончыку?
Залатая булавачка,
Для паненачакъ забавачка.

№ 29.

Я гарэлки ни пила,
Мнѣ меду дайця;
Я на сына заступила,
Мине паважайця.

№ 30.

Дзяўчыначка липиначка,
Харошага стану!
Няхай цибе хлопцы любяць,
А я пярастану.

№ 31.

На ганку стаю,
Слёзы котяцца;
Дзяўке замужъ идуць,
И мнѣ хочацца. [1])

№ 32.

Ци я такая урадзилася,
Ци мая такая доля?
Пашла пъ замужъ за старога,
Барадою коля;
Ой пайду я за такога,
Што ни мая вуса;
Енъ мине пацалуя,
А я засмяюся.

№ 33.

Кали любишъ, люби разьня;
А ня любишъ—идзи, блазьня—
Ня задавай сэрцу туги,
Ня возьмяшъ ты—возьмя други.

№ 34.

Ой, той жа мнѣ ни да душы,
Што ходзиць у кажуси;
Ой, той жа мнѣ спада́баўся,
Што ў гузички ушпиляўся.

---

[1]) Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 548, № 673).

№ 35.

Кароцяньки Станиславў
Тыкаў, тыкаў, ни доставў,
Калодачки ни знашоў,
Заплакаў ды пашоў.

№ 36.

Скачы, скачы, кульгавы,
Атъ прыпячка да лавы;
А вы дзяуке, знайця,
Кульгаваму дайця.

№ 37.

Причитываніе дѣтей надъ навозн. жукомъ.

Жучку!
Падай мнѣ ручку,
Падай мнѣ другую—
Я цибе ратую.
Прыляцицъ маци,
Будзя гадаваци.
Дзѣ твой домъ?
Падъ гаўномъ.
Ѣхау панъ,
Растаптаў,
Прышли дзѣци
Паглядзѣци;
Прышла маци
Паплакаци.
Бздынь, бздынь!

№ 38.

Бусялъ—клекля:
Твоя маци у пекля.
Малилася Богу,
Ды зламала ногу;
Палязѣла на тую,
Ды зламала другую.

М. Давнаръ-Запалѣскій.

Примѣчанія.

а) О волочобникахъ см. Шейнъ, Матерьялы и пр., ч. I, р. 133 и сл. и въ примѣч. тутъ же и литерат. вопроса.

б) Ср. подобный обычай въ Витебской губ.; закапываютъ кости передъ посѣвомъ, Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, р. 172.

в) Въ др. мѣстностяхъ сохраняютъ первый снопъ, ср. Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 174.

г) Въ другихъ мѣстн. оставляютъ охапку ржи, Радченко, Гомельскія пѣсни, р. XXXI, или же кладутъ также и краюху хлѣба, Шейнъ, Матерьялы, ч. I, 266, 270, ср. «завиваніе бороды», Шейнъ, Бѣл. п., 176.

д) Бѣлорусскіе варьянты игры см. Шейнъ, Матерьялы, ч. I, р. 111, пѣсни вар. у Беронова, Бѣлор. пѣсни, р. 81; отдаленный великор. вар. у Терещенки, Бытъ русск. нар., IV, 290—1.; о припѣвѣ «ящеръ» ср. Потебня, объясн. малор. и нѣкот. сродныхъ пѣсенъ, р. 27 и сл.,—здѣсь же указ. сродныхъ малор. и великор. вар.

е) Бѣлор. вар. ср. у Шейна, Мат., ч. I, 546, Киркоръ, въ Вѣстн. Русск. Геогр общ., 1857 г. кн. IV, р. 286, Романовъ, Бѣлор. сборн., в. I, р. 285, № 210, великор.—у Терещенки. Быт., IV, 185. Въ указ. вар пѣсня кончается словомъ «подарую».

ж) Ср. у Радченко, Гомельскія пѣсни. р. XXVIII и 45.; великор. вар., Терещенко. IV, 27.

з) Приведенныя игры относятся къ переживаніямъ первобытнаго гетеризма; съ этой стороны празднованія «подушечки» на Дону разсматривалъ проф. Смирновъ, Очерки сем, отнош. по обычному праву русск. нар., Юридич Вѣстн., 1877; № 1, р. 62—63. О знач. игръ и танцевъ съ этой стороны см. Kulischer. Die geschlechtliche Zuchtwahl, въ «Zeitschrift für Ethnologie». 1876, и 2, р. 142 и слѣд.

и) Этнологическое значеніе посидѣлокъ основывается на выводахъ о первобытномъ гетеризмѣ Леббока, Спенсера, Летурно, Жиро-Телона, Ковалевскаго, Вилькена, Поста и др. Ср. Ковалевскій, Первобытное право, II, 28—29, Сопоставленія изъ русской жизни приведены у Якушкина, Обычное право, в. I, Ярославль, 1875, р. VII, Смирновъ, Очерки. Юридич. В., 1877, и 1, р. 52 и слѣд., «L'Antropologie», см. Волкова. 1891 г., р. 174—5 (т. II, № 2), Сумцовъ, Досвитки, Кіевск. стар., 1886, январь и др.

Этнографическія наблюденія въ Абхазіи.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 22 декабря 1892 года).

Мм. Гг.!

Путешествуя въ теченіе 5 лѣтъ по Абхазіи, я имѣлъ возможность болѣе или менѣе коротко познакомиться съ населеніемъ страны—съ его домашнимъ и общественнымъ бытомъ, съ его характеромъ, религіозными воззрѣніями, кое-какими преданіями и проч. При всякомъ удобномъ случаѣ я старался заносить свои наблюденія въ записную книжку. Я долженъ однако сказать, что наблюденія эти велись безъ всякой опредѣленной системы: цѣль моихъ путешествій была совершенно иная—ботаническія изслѣдованія страны,—и я записывалъ лишь то, что приходилось случайно увидѣть или услышать во время моихъ кратковременныхъ остановокъ въ абхазскихъ аулахъ. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ отрывочныхъ наблюденій составилось извѣстное количество матерьяла, который, быть можетъ, представитъ нѣкоторое значеніе для лицъ, интересующихся этнографіей Кавказа. Впрочемъ, я не осмѣлился бы рекомендовать мои скромныя наблюденія Вашему просвѣщенному вниманію, если бы не побуждали меня къ этому слѣдующія соображенія: во-первыхъ, крайняя сбивчивость литературныхъ свѣдѣній объ образцахъ, и во-вторыхъ, быстрая утрата этимъ народомъ своей племенной самобытности, заставляющая опасаться, что въ скоромъ времени могутъ исчезнуть многіе распространенные теперь обычаи, и что такимъ образомъ будущій этнографъ при своемъ стремленіи возстановить старинный бытъ страны можетъ встрѣтить величайшія затрудненія. Остановимся нѣсколько подробнѣе на первомъ изъ этихъ соображеній. Что касается литературы объ Абхазіи, мы должны сказать, что едва-ли о какомъ-нибудь другомъ горскомъ племени Кавказа писали такъ много, какъ объ Аб-

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Этнографическія наблюденія въ Абхазіи.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 22 декабря 1892 года).

Мм. Гг.!

Путешествуя въ теченіе 5 лѣтъ по Абхазіи, я имѣлъ возможность болѣе или менѣе коротко познакомиться съ населеніемъ страны—съ его домашнимъ и общественнымъ бытомъ, съ его характеромъ, религіозными воззрѣніями, кое-какими преданіями и проч. При всякомъ удобномъ случаѣ я старался заносить свои наблюденія въ записную книжку. Я долженъ однако сказать, что наблюденія эти велись безъ всякой опредѣленной системы: цѣль моихъ путешествій была совершенно иная—ботаническія изслѣдованія страны,—и я записывалъ лишь то, что приходилось случайно увидѣть или услышать во время моихъ кратковременныхъ остановокъ въ абхазскихъ аулахъ. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ отрывочныхъ наблюденій составилось извѣстное количество матерьяла, который, быть можетъ, представитъ нѣкоторое значеніе для лицъ, интересующихся этнографіей Кавказа. Впрочемъ, я не осмѣлился бы рекомендовать мои скромныя наблюденія Вашему просвѣщенному вниманію, если бы не побуждали меня къ этому слѣдующія соображенія: во-первыхъ, крайняя сбивчивость литературныхъ свѣдѣній объ образцахъ, и во-вторыхъ, быстрая утрата этимъ народомъ своей племенной самобытности, заставляющая опасаться, что въ скоромъ времени могутъ исчезнуть многіе распространенные теперь обычаи, и что такимъ образомъ будущій этнографъ при своемъ стремленіи возстановить старинный бытъ страны можетъ встрѣтить величайшія затрудненія. Остановимся нѣсколько подробнѣе на первомъ изъ этихъ соображеній. Что касается литературы объ Абхазіи, мы должны сказать, что едва-ли о какомъ-нибудь другомъ горскомъ племени Кавказа писали такъ много, какъ объ Аб-

хазцахъ. Но, если перечесть всю эту груду печатнаго матерьяла, разбросаннаго въ повременныхъ кавказскихъ изданіяхъ за 1860 и 1870 годы,— въ нашихъ представленіяхъ объ образцахъ неминуемо долженъ получиться необыкновенный сумбуръ: такъ сбивчивы, неясны, а часто и прямо противорѣчивы сообщаемыя о нихъ разными авторами свѣдѣнія. Мы не станемъ упрекать за это лицъ, собиравшихъ эти свѣдѣнія. Не слѣдуетъ забывать, что эти лица жили и дѣйствовали въ то время, когда мы еще далеко не могли назвать себя хозяевами положенія въ Абхазіи, и, вслѣдствіе этого, собираніе свѣдѣній въ странѣ было сопряжено съ величайшими затрудненіями и даже нерѣдко съ опасностью для жизни собирателя. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ среди литературы объ Абхазіи много весьма цѣнныхъ статей, которыя должны послужить основой для будущихъ этнографическихъ изслѣдованій Абхазіи. Изъ этихъ статей на первомъ планѣ должны быть поставлены просто, но правдиво и толково написанные «Очерки Абхазской Миѳологіи» Соломона Званбайя, дающіе намъ превосходное понятіе о религіозныхъ вѣрованіяхъ Абхазцевъ, а также цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ» за 1870 и 1871 гг. и принадлежащихъ перу частію бывшаго начальника Сухумскаго Округа г. Введенскаго [1]), частію ген. Краевича [2]), частію неизвѣстнаго мнѣ автора, скрывшагося за 3 звѣздочками [3]), которыя обстоятельно знакомятъ насъ съ религіознымъ состояніемъ Абхазцевъ, а также отчасти съ ихъ соціальнымъ бытомъ, именно: съ раздѣленіемъ на сословія, съ нѣкоторыми основаніями обычнаго права, со взглядами на бракъ. Укажемъ затѣмъ на статью г. Люлье въ Запискахъ Кавказ. Отдѣла Русск. Географ. Общества за 1857 г. [4]), точно устанавливающую границы абхазскаго племени на Кавказѣ и связь его съ другими кавказскими народностями. Отрывочныя, но чрезвычайно правдивыя и притомъ художественно изложенныя свѣдѣнія объ Абхазіи находятся въ извѣстныхъ «Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера фонъ-Торнау [5]). Статьи гг. Заводскаго и Аверкіева, помѣщенныя въ газетѣ «Кавказъ» за 1860 годы, незначительны и по сравненію

---

[1]) Религіозныя вѣрованія абхазцевъ, А—а (Введенскаго). Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. V.

[2]) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани). Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. V.

Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани. Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. III.

[3]) Абхазцы (Азега),—по поводу сочиненія Дубровина: «Очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ». Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. VI.

Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горц. вып. IV.

[4]) Общій взглядъ на страны, занимаемыя черкесами, абхазцами и другими народами. Зап. Кавк. Отд. Рус. Геогр. Общ. кн. 4, 1857 г.

[5]) Приложеніе къ «Русск. Вѣстн.», 1864 г.

съ вышеупомянутыми статьями не представляютъ ничего новаго. Къ статьямъ гг. Мачварьяни и Чернявскаго слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью, такъ какъ эти господа собираютъ свѣдѣнія не на мѣстѣ, а изъ десятыхъ устъ. Абсолютно—невѣрныя, искажающія истинное положеніе вещей свѣдѣнія (которыя, къ сожалѣнію, нашли себѣ мѣсто въ почтенномъ трудѣ Дубровина «Исторія Кавказской войны»), находятся въ запискахъ Гавріила, еп. Имеретинскаго [1]) и въ полубеллетристическихъ очеркахъ писателя 50 годовъ Савинова (см. его «Достовѣрные разсказы объ Абхазіи», «Два года въ плѣну у горцевъ» и проч.). Вотъ вся главнѣйшая этнографическая литература объ Абхазіи. Если прибавить еще къ этому старинныя сочиненія Dubois de Montpereux, Клапрота и Гастгаузена—мы перечислимъ все, что писалось заслуживающаго вниманія объ Абхазіи. (Мы не говоримъ о многочисленныхъ статейкахъ, принадлежащихъ перу болѣе мелкихъ авторовъ, которыя разбросаны въ газ. «Кавказъ» за 1850—1870 гг.: сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія настолько скудны и такъ противорѣчивы, что о нихъ не стоитъ совершенно упоминать. Равнымъ образомъ, мы проходимъ молчаніемъ книжку, изданную братіей Ново-Аѳонскаго монастыря (близь Сухума) подъ громкимъ заглавіемъ: «Описаніе Абхазіи»; это произведеніе, принадлежащее перу какого-нибудь доморощеннаго монастырскаго писаки, наполнено частію заимствованіями изъ другихъ авторовъ, частію собственными измышленіями, завѣдомо искажающими истину).

Какъ видно изъ этого краткаго очерка, литература объ Абхазіи не отличается особенною полнотою. Не говоря уже о томъ, что въ ней совершенно отсутствуютъ археологическія свѣдѣнія (если не считать сочиненій Dubois de Montpereux, Кондакова, Нордманна и друг., трактующихъ исключительно о древнихъ памятникахъ христіанской культуры) и не сообщается ничего о преданіяхъ народа,—и по другимъ отдѣламъ сообщаемыя въ ней свѣдѣнія частію неполны, частію сбивчивы. Вслѣдствіе этого, смѣю думать, что мои наблюденія оказались бы не лишними, пополнивъ собою нѣкоторые изъ существующихъ въ литературѣ объ Абхазіи пробѣловъ.

Первоначальной моей мыслью было сообщить вамъ, Мм. Гг., мои наблюденія въ томъ самомъ отрывочномъ видѣ, какъ они собирались и записывались. Но послѣ я рѣшилъ, что сообщеніе мое значительно выиграло бы въ интересности, если бы я, дополнивъ свои наблюденія нѣкоторыми свѣдѣніями, помѣщенными въ наиболѣе солидныхъ изъ вышеупомянутыхъ статей, представилъ бы вамъ болѣе или менѣе связный очеркъ современной Абхазіи. Такимъ образомъ въ мое сообщеніе, кромѣ моихъ личныхъ наблюденій, войдутъ

---

[1]) Обозрѣніе абхазскихъ приходовъ («Кавказъ» 1870 г., №№ 42, 43, 44).

кожухомъ) и обряда, если потеряла цѣломудріе. Даже если женихъ здѣсь же объявитъ себя виновникомъ несчастія, то и тогда невѣстѣ не избѣжать упрековъ, брани, слезъ матери, увѣсистыхъ, прощальныхъ побоевъ отца. И все таки только время смываетъ позоръ съ самой невѣсты и ея семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ посадъ бываетъ до церковнаго вѣнчанія (болѣе древній видъ его), въ другихъ—послѣ. Въ первомъ случаѣ, если дѣвушка не сѣла на посадъ, женихова сторона немедленно уѣзжаетъ (если, конечно, женихъ не принимаетъ на себя вины) съ бранью и криками, съ требованіемъ возвращенія убытковъ, платы за потерянное въ проволочкахъ рабочее время и пр. Если посадъ бываетъ послѣ вѣнчанія и дѣвушка не сядетъ на посадъ, то всѣ свадебные обряды прекращаются и гости расходятся. Въ рѣдкихъ случаяхъ женихъ, если онъ не виноватъ, забираетъ молодую тотчасъ къ себѣ. Гораздо чаще, что забираетъ онъ ее только черезъ нѣсколько дней, послѣ долгихъ переговоровъ, увѣщаній. Часто этимъ случаемъ пользуются, чтобъ вытребовать у стороны невѣсты побольше подарковъ, приданое, денегъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда повѣнчанные молодые люди начинали сожительство лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ, даже полгода послѣ вѣнчанія, когда уляжется взаимная вражда.

Очень замѣчательно, что цѣломудріе до брака требуется и отъ парня. Посадъ жениха еще сохранился въ свадебномъ ритуалѣ бо́льшей части Бѣлоруссіи; женихъ также не имѣетъ права сѣсть на посадъ, если не цѣломудренъ. Въ Минскомъ, Игуменскомъ, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рѣчицкаго у., а вѣроятно, и во многихъ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи (точныхъ свѣдѣній не имѣется), требованія на этотъ счетъ очень строги. Въ Минскомъ у., напр., невѣста можетъ отказаться отъ вступленія въ бракъ, если женихъ не сядетъ на посадъ (свѣд. изъ Ново-Сверженской вол.). Въ Игуменскомъ у., записывая пѣсни, я сталъ распрашивать моихъ разсказчицъ объ этомъ.— «Цяперь ня вельми на гэта глядзяць, яле, якъ бы даунѣй, дыкъ ня павязли бъ нявѣсту да церквы»,—получилъ я въ отвѣтъ.

Таковы взгляды болѣе консервативной части населенія Минской губ.

10) «Припѣўки» во время танцевъ и игръ. Ниже я привожу небольшой сборникъ припѣвокъ которыя поются крестьянами во время танцевъ и игръ. Такихъ припѣвокъ въ Бѣлоруссіи очень много. Онѣ не имѣютъ опредѣленнаго времени или обряда, при которыхъ-бы пѣлись, но поются во время лѣтнихъ танцевъ, хороводовъ, веселыхъ игръ, не имѣющихъ своего круга пѣсенъ, изъ обрядовъ—на родинахъ, крестинахъ, послѣ брачной ночи на свадьбахъ. Поютъ ихъ преимущественно замужнія женщины.

Подобнаго рода пѣсенокъ мы находимъ не мало въ уже изданныхъ сборникахъ (Романова, Шейна, Радоски и др.), но я старался выбрать изъ моего собранія лишь такія которыхъ нѣтъ среди изданныхъ. Особенность ихъ та, что всѣ онѣ не лишены фаллизма. Конечно, это непріятно дѣйствуетъ на слухъ читателя, но для изслѣдователя подобнаго рода пѣсни (къ сожалѣнію, ихъ часто пропускаютъ собиратели) должны представить важный матеріалъ.

№ 1.

Ѣхау, ѣхау,—
Чаму ка мнѣ ни заѣхау?
У мине сѣни, хата,
У мине жинка зуховата.

№ 2.

Ахъ, ты Сидоръ макацёръ!
На парози бабу цёръ.
Якъ паверня, баба пердня;
Якъ пацисня,—баба дрысня.

№ 3.

Грай, грай, музыка,
Капъ я поскакала;
Купи, милы, чаравички,
Капъ я патаптала.

№ 4.

Раня, раня!
Перья ни драня!
На што мнѣ драци,
Кали не съ кимъ спаци.

Икъ я была мала,
Зъ мамаю спала;
А циперъ я велика,
Трэба мнѣ чалавѣка.

№ 5.

Стары, стары!
Гани валэ,—
Стары растагнауся.

Стары, стары!
Лѣзь на бабу,—
Стары разсмяяуся.

№ 6.

Икъ я была мала,
Мине мама калыхала;
Я икъ стала подрастаци,
Стали хлопци калыхаци—
Ту у калысци, ту у каробцы,
Ту у гуменцы на саломцы.
Альбо шъ мине калышеця
Альбо шъ замужъ вы меня вазьмеця,
Альбо шъ на паперы выпишеця.

№ 7.

Гопъ, мае таукачыки,
Гопъ, мае дубовые!

Семъ готъ валилися,
Пакиль у ступи сабралися.

№ 8.

Икъ хадзили тры—чатэры,
Дакъ ничога ни зрабили;

А циперъ жа адзинъ ходзиць,
И спадница ни сыходзиць.

№ 9.

Ка мнѣ дзякъ прыхадзиу,
Рѣшата пирагоу прынасиу;

А я яму дала гаршокъ масла,
Капъ цалавау часта

№ 10.

Ка мнѣ папоу сынъ прыхадзиу,
Патъ крысомъ чаравички прынасиу
А я дурна была,
Яму ганьбу дала,
Капъ я ганьбы ни давала,

Ту я пъ за имъ панавала:
Енъ бы торбы насиу,
Енъ бы хлѣба прасиу;
А я пъ кія надавала,
Сабаками пъ заскавала.

№ 11.

Паскакала пъ казачка,
Да баюся мужычка,

Мой мужъ ня великъ,
Да скакаць ня велиць.

№ 12.

Паненачка, маё сэрца!
Падыдзи падъ акенца,

Падыми кашульку,
Пакажы зязюльку.

№ 13.

Добры вечаръ! гаспадыньки, прашу васъ,
И ни зайшла мая курачка да васъ?
У маей курачки жоута перья и чубокъ
И на ношцы касмычокъ.

Да хадзила мая курка па начы́,
Да злавили яе паничы,
Да загнали у кутокъ,
Абарвали жоута перья и чубокъ.

№ 14.

Дзяучата!
Котора зъ васъ пачата?
Катора нѣ,
Нясеця мнѣ.

№ 15.

Выскачила зъ лябяды—
Здраствуйця, дзяучата!
Семъ готъ была у лябядзѣ
И ще ни пачата.

№ 16.

Па саломи качалася,
Мнѣ ничога ни сталася
Я но штъ тоя сѣна
Мине зьѣла,
Маё цѣла папаунѣла.

№ 17.

Паненачки, мае милы!
Падрантвѣли мае жилы,
Ня такъ жилы, какъ суставы.
Скпну штанэ, лягу зъ вами,
Скину штанэ и сарочку,
Лягу зъ вами у халадочку.

№ 18.

Пасѣю я рѣпку
Ни густу, нирѣдку:
Расьци, мая рѣпка,
Ни густà, ни рѣдка!
Пайду я рана,
Мая рѣпка рвана;
Пайду я па начы,
У маёй рѣпцы паничы;
Пайду я ѐще,
У маёй рѣпцы цѐща.

№ 19.

А я роду ни такога,
Какъ любила абы якога;
А я роду ацецкаго,
Люблю сына купецкаго.

№ 20.

На вулицы скрыпка грая,
Мине маци гуляць ни пуская.
—Пусьци, маци, погуляци,
Будзяшъ сабѣ зяця маци, (м ѣ ц ь)
Ни такога, ни сякога,
Кавалера маладога. [1])

№ 21.

Свиньня ў рѣпи (2),
Парасятаў у гряэцы;—
А музыка пязъ языка
Каля дзяўчатакъ мнецца.

№ 22.

Антонъ харошаньки
Казу вядзе за рожаньки;
Каза ни даецца,
Антонъ валачецца.

№ 23.

Антонъ харошаньки,
Мантонъ кароцяньки;
Вѣцеръ падзимая,
Мантонъ падымая.

---

[1]) (Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 549, № 682).

№ 24.

Казаў тата: казу дамъ
И зъ маленькимъ казенямъ;
Будзямъ казу данци,
Будзямъ хлопцаў пайци.

№ 25.

Зъ Богамъ, хлопцы, зъ Богамъ,
Заткнуўшы сраку рогамъ,
Той рогъ съ табакаю,
А вы бягайця за сабакаю.

№ 26.

А мой жа стары нябожа!
Капъ ты памёръ, дай Божа;
А я пъ пашла гуляци,
Маладога шукаци.
А на што мнѣ малодшы,
Кали стары харошшы:
Енъ паѣдзя, пакиня,
Прыѣхаушы, абдымя.

№ 27.

Стары старычокъ,
Пашыў баби каўпачокъ!
И пашыў, и надзѣў,
И на бабу паглядзѣў.

№ 28.

А мой жа Антончыку!
А што ў цибе на кончыку?
Залатая булавачка,
Для паненачакъ забавачка.

№ 29.

Я гарэлки ни пила,
Мнѣ меду дайця;
Я на сына заступила,
Мине паважайця.

№ 30.

Дзяўчыначка липиначка,
Харошага стану!
Няхай цибе хлопцы любяць,
А я пярастану.

№ 31.

На ганку стаю,
Слёзы котяцца;
Дзяўке замужъ идуць,
И мнѣ хочацца. [1])

№ 32.

Ци я такая урадзилася,
Ци мая такая доля?
Пашла пъ замужъ за старога,
Барадою коля;
Ой пайду я за такога,
Што ни мая вуса;
Енъ мине пацалуя,
А я засмяюся.

№ 33.

Кали любишъ, люби разьня;
А ня любишъ—идзи, блазьня—
Ня задавай сэрцу туги,
Ня возьмяшъ ты—возьмя други.

№ 34.

Ой, той жа мнѣ ни да душы,
Што ходзиць у кажуси;
Ой, той жа мнѣ спада́баўся,
Што ў гузички ушпиляўся.

---

[1]) Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 548, № 673).

№ 35.

Кароцяньки Станиславў
Тыкаў, тыкаў, ни достаў,
Калодачки ни знашоў,
Заплакаў ды пашоў.

№ 36.

Скачы, скачы, кульгавы,
Атъ прыпячка да лавы;
А вы дзяуке, знайця,
Кульгаваму дайця.

№ 37.

Причитываніе дѣтей надъ навозн. жукомъ.

Жучку!
Падай мнѣ ручку,
Падай мнѣ другую—
Я цибе ратую.
Прыляцниць маци,
Будзя гадаваци.
Дзѣ твой домъ?
Падъ гаўномъ.
Ѣхау панъ,
Растаптаў,
Прышли дзѣци
Паглядзѣци;
Прышла маци
Паплакаци.
Бздынь, бздынь!

№ 38.

Бусялъ—клекля:
Твоя маци у пекля.
Малилася Богу,
Ды зламала ногу;
Паляцѣла на тую,
Ды зламала другую.

М. Давнаръ-Запалвскій.

Примѣчанія.

а) О волочобникахъ см. Шейнъ, Матерьялы и пр., ч. I, p. 133 и сл. и въ примѣч. тутъ же и литерат. вопроса.

б) Ср. подобный обычай въ Витебской губ.; закапываютъ кости передъ посѣвомъ, Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, p. 172.

в) Въ др. мѣстностяхъ сохраняютъ первый снопъ, ср. Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 174.

г) Въ другихъ мѣстн. оставляютъ охапку ржи, Радченко, Гомельскія пѣсни, p. XXXI, или же кладутъ также и краюху хлѣба, Шейнъ, Матерьялы, ч. I, 266, 270, ср. «завиваніе бороды», Шейнъ, Бѣл. п., 176.

д) Бѣлорусскіе варьянты игры см. Шейнъ, Матерьялы, ч. I, p. 111, пѣсни вар. у Беронова, Бѣлор. пѣсни, p. 81; отдаленный великор. вар. у Терещенки, Бытъ русск. нар., IV, 290—1.; о припѣвѣ «ящеръ» ср. Потебня, объясн. малор. и нѣкот. сродныхъ пѣсенъ, p. 27 и сл.,—здѣсь же указ. сродныхъ малор. и великор. вар.

е) Бѣлор. вар. ср. у Шейна, Мат., ч. I, 546, Киркоръ, въ Вѣстн. Русск. Геогр общ., 1857 г. кн. IV, p. 286, Романовъ, Бѣлор. сборн., в. I, p. 285, № 240, великор.—у Терещенки. Быт., IV, 185. Въ указ. вар. пѣсня кончается словомъ «подарую».

ж) Ср. у Радченко, Гомельскія пѣсни. p. XXVIII и 45.; великор. вар., Терещенко. IV, 27.

з) Приведенныя игры относятся къ переживаніямъ первобытнаго гетеризма; съ этой стороны празднованія «подушечки» на Дону разсматривалъ проф. Смирновъ, Очерки сем, отнош. по обычному праву русск. нар., Юридич Вѣстн., 1877; № 1, p. 62—63. О знач. игръ и танцевъ съ этой стороны см. Kulischer. Die geschlechtliche Zuchtwahl, въ «Zeitschrift für Ethnologie». 1876, и 2, p. 142 и слѣд.

и) Этнологическое значеніе посидѣлокъ основывается на выводахъ о первобытномъ гетеризмѣ Леббока, Спенсера, Летурно, Жиро-Телона, Ковалевскаго, Вилькена, Поста и др. Ср. Ковалевскій, Первобытное право, II, 28—29, Сопоставленія изъ русской жизни приведены у Якушкина, Обычное право, в. I, Ярославль, 1875, p. VII, Смирновъ, Очерки. Юридич. В., 1877, и 1, p. 52 и слѣд., «L'Antropologie», см. Волкова, 1891 г., p. 174—5 (т. II, № 2), Сумцовъ, Досвитки, Кіевск. стар., 1886, январь и др.

всё, что осталось отъ прежняго населенія Абхазіи, исчислявшагося въ 30-хъ годахъ въ 50 слишкомъ тысячъ, а въ 60-хъ въ 70 слишкомъ тысячъ.— Жители Гудаутскаго участка, или Бзыбской Абхазіи значительно рознятся по языку отъ жителей Кодорскаго участка, или Абживской Абхазіи. У первыхъ въ языкѣ вошло очень много черкесскихъ словъ, заимствованныхъ ими отъ своихъ сосѣдей—Черноморскихъ Черкесовъ; у вторыхъ вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Самурзаканью и Мингреліей, языкъ заимствовалъ много мингрельскихъ словъ. Кромѣ того, въ языкѣ тѣхъ и другихъ существуетъ разница и въ самыхъ звукахъ. Вообще, по словамъ знатоковъ абхазскаго языка, нарѣчіе Бзыбское и Кодорское различаются между собою почти въ такой же степени, какъ великорусское нарѣчіе отъ малороссійскаго. Кромѣ различія въ языкѣ, между населеніемъ Бзыбской и Абживской Абхазіи существуетъ нѣкоторая разница и въ обычаяхъ (о нихъ будетъ рѣчь ниже). Что же касается Самурзаканцевъ, то о происхожденіи ихъ существуютъ два взаимно противуположныхъ мнѣнія. Одни утверждаютъ, что Самурзаканцы представляютъ пеструю смѣсь разныхъ народностей абхазцевъ, мингрельцевъ, имеретинъ, гурійцевъ, грузинъ, разновременно сюда переселившихся, основывая свое мнѣніе на языкѣ Самурзаканцевъ представляющемъ особое нарѣчіе мингрельскаго языка. Другіе же считаютъ ихъ народомъ абхазскаго происхожденія, въ который лишь впослѣдствіи, всего лѣтъ 200 назадъ, благодаря долговременному политическому вліянію на Самурзакань Мингреліи, вошелъ элементъ мингрельскій. Въ подтвержденіе своей мысли, они указываютъ между прочимъ на тотъ фактъ, что самыя распространенныя въ Самурзакани фамиліи—Зухбайя, Анчибайя, Акыртава, суть коренныя абхазскія, только видоизмѣненныя на мингрельскій образецъ—Зухба, Ачиба, Акыртаа. Мы лично относительно національности Самурзаканцевъ могли выяснить на мѣстѣ слѣдующее: Во 1) многія изъ самурзаканскихъ фамилій, дѣйствительно, настоящія абхазскія и даже считаются въ родствѣ съ таковыми же фамиліями Бзыбской Абхазіи. Въ 2) господствующій типъ населенія въ СЗ. части страны, на границѣ съ Абжуа, чисто абхазскій, въ ЮВ. части страны—чисто мингрельскій. Посерединѣ, около м. Окумъ, преобладаетъ типъ смѣшанный. Точно также варьируетъ и языкъ. Въ СЗ. части страны говорятъ почти чистымъ абхазскимъ языкомъ лишь съ самой незначительной примѣсью мингрельскихъ словъ; въ центрѣ Самурзакани, около Окума, говорятъ больше по мингрельски, хотя встрѣчаются и знающіе абхазскій языкъ. Наконецъ на ЮВ. отъ Окума, въ общинахъ Соберіи, Дихазурги, Чубурисхинджи и др., исключительно—господствующимъ языкомъ является мингрельскій, хотя старики разсказывали мнѣ, что въ старину здѣсь говорили больше по абхазски. Въ 3) названія горъ и рѣчекъ—почти исключительно абхазскія. Въ 4) часть религіозныхъ обрядовъ—несомнѣнно абхазскаго происхожденія, тогда какъ другіе мингрельскіе, а мо-

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Этнографическія наблюденія въ Абхазіи.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 22 декабря 1892 года).

Мм. Гг.!

Путешествуя въ теченіе 5 лѣтъ по Абхазіи, я имѣлъ возможность болѣе или менѣе коротко познакомиться съ населеніемъ страны—съ его домашнимъ и общественнымъ бытомъ, съ его характеромъ, религіозными воззрѣніями, кое-какими преданіями и проч. При всякомъ удобномъ случаѣ я старался заносить свои наблюденія въ записную книжку. Я долженъ однако сказать, что наблюденія эти велись безъ всякой опредѣленной системы: цѣль моихъ путешествій была совершенно иная—ботаническія изслѣдованія страны,—и я записывалъ лишь то, что приходилось случайно увидѣть или услышать во время моихъ кратковременныхъ остановокъ въ абхазскихъ аулахъ. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ отрывочныхъ наблюденій составилось извѣстное количество матерьяла, который, быть можетъ, представитъ нѣкоторое значеніе для лицъ, интересующихся этнографіей Кавказа. Впрочемъ, я не осмѣлился бы рекомендовать мои скромныя наблюденія Вашему просвѣщенному вниманію, если бы не побуждали меня къ этому слѣдующія соображенія: во-первыхъ, крайняя сбивчивость литературныхъ свѣдѣній объ образцахъ, и во-вторыхъ, быстрая утрата этимъ народомъ своей племенной самобытности, заставляющая опасаться, что въ скоромъ времени могутъ исчезнуть многіе распространенные теперь обычаи, и что такимъ образомъ будущій этнографъ при своемъ стремленіи возстановить старинный бытъ страны можетъ встрѣтить величайшія затрудненія. Остановимся нѣсколько подробнѣе на первомъ изъ этихъ соображеній. Что касается литературы объ Абхазіи, мы должны сказать, что едва-ли о какомъ-нибудь другомъ горскомъ племени Кавказа писали такъ много, какъ объ Аб-

хазцахъ. Но, если перечесть всю эту груду печатнаго матерьяла, разбросаннаго въ повременныхъ кавказскихъ изданіяхъ за 1860 и 1870 годы,— въ нашихъ представленіяхъ объ образцахъ неминуемо долженъ получиться необыкновенный сумбуръ: такъ сбивчивы, неясны, а часто и прямо противорѣчивы сообщаемыя о нихъ разными авторами свѣдѣнія. Мы не станемъ упрекать за это лицъ, собиравшихъ эти свѣдѣнія. Не слѣдуетъ забывать, что эти лица жили и дѣйствовали въ то время, когда мы еще далеко не могли назвать себя хозяевами положенія въ Абхазіи, и, вслѣдствіе этого, собираніе свѣдѣній въ странѣ было сопряжено съ величайшими затрудненіями и даже нерѣдко съ опасностью для жизни собирателя. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ среди литературы объ Абхазіи много весьма цѣнныхъ статей, которыя должны послужить основой для будущихъ этнографическихъ изслѣдованій Абхазіи. Изъ этихъ статей на первомъ планѣ должны быть поставлены просто, но правдиво и толково написанные «Очерки Абхазской Миѳологіи» Соломона Званбайя, дающіе намъ превосходное понятіе о религіозныхъ вѣрованіяхъ Абхазцевъ, а также цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ» за 1870 и 1871 гг. и принадлежащихъ перу частію бывшаго начальника Сухумскаго Округа г. Введенскаго [1]), частію ген. Краевича [2]), частію неизвѣстнаго мнѣ автора, скрывшагося за 3 звѣздочками [3]), которыя обстоятельно знакомятъ насъ съ религіознымъ состояніемъ Абхазцевъ, а также отчасти съ ихъ соціальнымъ бытомъ, именно: съ раздѣленіемъ на сословія, съ нѣкоторыми основаніями обычнаго права, со взглядами на бракъ. Укажемъ затѣмъ на статью г. Люлье въ Запискахъ Кавказ. Отдѣла Русск. Географ. Общества за 1857 г. [4]), точно устанавливающую границы абхазскаго племени на Кавказѣ и связь его съ другими кавказскими народностями. Отрывочныя, но чрезвычайно правдивыя и притомъ художественно изложенныя свѣдѣнія объ Абхазіи находятся въ извѣстныхъ «Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера фонъ-Торнау [5]). Статьи гг. Заводскаго и Аверкіева, помѣщенныя въ газетѣ «Кавказъ» за 1860 годы, незначительны и по сравненію

---

[1]) Религіозныя вѣрованія абхазцевъ, А—а (Введенскаго). Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. V.

[2]) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани). Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. V.

Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани. Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. III.

[3]) Абхазцы (Азега),—по поводу сочиненія Дубровина: «Очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ». Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. VI.

Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горц. вып. IV.

[4]) Общій взглядъ на страны, занимаемыя черкесами, абхазцами и другими народами. Зап. Кавк. Отд. Рус. Геогр. Общ. кн. 4, 1857 г.

[5]) Приложеніе къ «Русск. Вѣстн.», 1864 г.

съ вышеупомянутыми статьями не представляютъ ничего новаго. Къ статьямъ гг. Мачварьяни и Чернявскаго слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью, такъ какъ эти господа собираютъ свѣдѣнія не на мѣстѣ, а изъ десятыхъ устъ. Абсолютно—невѣрныя, искажающія истинное положеніе вещей свѣдѣнія (которыя, къ сожалѣнію, нашли себѣ мѣсто въ почтенномъ трудѣ Дубровина «Исторія Кавказской войны»), находятся въ запискахъ Гавріила, еп. Имеретинскаго [1]) и въ полубеллетристическихъ очеркахъ писателя 50 годовъ Савинова (см. его «Достовѣрные разсказы объ Абхазіи», «Два года въ плѣну у горцевъ» и проч.). Вотъ вся главнѣйшая этнографическая литература объ Абхазіи. Если прибавить еще къ этому старинныя сочиненія Dubois de Montpereux, Клапрота и Гастгаузена—мы перечислимъ все, что писалось заслуживающаго вниманія объ Абхазіи. (Мы не говоримъ о многочисленныхъ статейкахъ, принадлежащихъ перу болѣе мелкихъ авторовъ, которыя разбросаны въ газ. «Кавказъ» за 1850—1870 гг.: сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія настолько скудны и такъ противорѣчивы, что о нихъ не стоитъ совершенно упоминать. Равнымъ образомъ, мы проходимъ молчаніемъ книжку, изданную братіей Ново-Аѳонскаго монастыря (близь Сухума) подъ громкимъ заглавіемъ: «Описаніе Абхазіи»; это произведеніе, принадлежащее перу какого-нибудь доморощеннаго монастырскаго писаки, наполнено частію заимствованіями изъ другихъ авторовъ, частію собственными измышленіями, завѣдомо искажающими истину).

Какъ видно изъ этого краткаго очерка, литература объ Абхазіи не отличается особенною полнотою. Не говоря уже о томъ, что въ ней совершенно отсутствуютъ археологическія свѣдѣнія (если не считать сочиненій Dubois de Montpereux, Кондакова, Нордманна и друг., трактующихъ исключительно о древнихъ памятникахъ христіанской культуры) и не сообщается ничего о преданіяхъ народа,—и по другимъ отдѣламъ сообщаемыя въ ней свѣдѣнія частію неполны, частію сбивчивы. Вслѣдствіе этого, смѣю думать, что мои наблюденія оказались бы не лишними, пополнивъ собою нѣкоторые изъ существующихъ въ литературѣ объ Абхазіи пробѣловъ.

Первоначальной моей мыслью было сообщить вамъ, Мм. Гг., мои наблюденія въ томъ самомъ отрывочномъ видѣ, какъ они собирались и записывались. Но послѣ я рѣшилъ, что сообщеніе мое значительно выиграло бы въ интересности, если бы я, дополнивъ свои наблюденія нѣкоторыми свѣдѣніями, помѣщенными въ наиболѣе солидныхъ изъ вышеупомянутыхъ статей, представилъ бы вамъ болѣе или менѣе связный очеркъ современной Абхазіи. Такимъ образомъ въ мое сообщеніе, кромѣ моихъ личныхъ наблюденій, войдутъ

---

[1]) Обозрѣніе абхазскихъ приходовъ («Кавказъ» 1870 г., №№ 42, 43, 44).

№ 14.

Дзяучата!
Котора зъ васъ пачата?
Катора нѣ,
Нясеця мнѣ.

№ 15.

Выскачила зъ лябяды—
Здраствуйця, дзяучата!
Семъ готъ была у лябядзѣ
И ще ни пачата.

№ 16.

Па саломи качалася,
Мнѣ ничога ни сталася
Я но штъ тоя сѣна
Мине зьѣла,
Маё цѣла папаунѣла.

№ 17.

Паненачки, мае милы!
Падрантвѣли мае жилы,
Ня такъ жилы, какъ суставы.
Скину штанэ, лягу зъ вами,
Скину штанэ и сарочку,
Лягу зъ вами у халадочку.

№ 18.

Пасѣю я рѣпку
Ни густу, ни рѣдку:
Расьци, мая рѣпка,
Ни густа̀, ни рѣдка!
Пайду я рана,
Мая рѣпка рвана;
Пайду я па начы,
У маёй рѣпцы паничы;
Пайду я ѐще,
У маёй рѣпцы цѣща.

№ 19.

А я роду ни такога,
Какъ любила абы якога;
А я роду ацецкаго,
Люблю сына купецкаго.

№ 20.

На вулицы скрыпка грая,
Мине маци гуляць ни пуская.
—Пусьци, маци, погуляци,
Будзяшъ сабѣ зяця маци, (м ѣ ц ь)
Ни такога, ни сякога,
Кавалера маладога. [1])

№ 21.

Свиньпя ў рѣпи (2),
Парасята у гряэццы;—
А музыка пязъ языка
Каля дзяўчатакъ мнецца.

№ 22.

Антонъ харошаньки
Казу вядзе за рожаньки;
Каза ни даецца,
Антонъ валачецца.

№ 23.

Антонъ харошаньки,
Мантонъ кароцяньки;
Вѣцеръ падзимая,
Мантонъ падымая.

---

[1]) (Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 549, № 682).

№ 24.

Казаў тата: казу дамъ
И зъ маленькимъ казенямъ;
Будзямъ казу даици,
Будзямъ хлопцаў паици.

№ 25.

Зъ Богамъ, хлопцы, зъ Богамъ,
Заткнуўшы сраку рогамъ,
Той рогъ съ табакаю,
А вы бягайця за сабакаю.

№ 26.

А мой жа стары нябожа!
Капъ ты памёръ, дай Божа;
А я пъ пашла гуляци,
Маладога шукаци.
А на што мнѣ малодшы,
Кали стары харошшы:
Енъ паѣдзя, пакиня,
Прыѣхаушы, абдымя.

№ 27.

Стары старычокъ,
Пашыў баби каўпачокъ!
И пашыў, и надзѣў,
И на бабу паглядзѣў.

№ 28.

А мой жа Антончыку!
А што ў цибе на кончыку?
Залатая булавачка,
Для паненачакъ забавачка.

№ 29.

Я гарэлки ни пила,
Мнѣ меду дайця;
Я на сына заступила,
Мине паважайця.

№ 30.

Дзяўчыначка липиначка,
Харошага стану!
Няхай цибе хлопцы любяць,
А я пярастану.

№ 31.

На ганку стаю,
Слёзы котяцца;
Дзяўке замужъ идуць,
И мнѣ хочацца. [1])

№ 32.

Ци я такая урадзилася,
Ци мая такая доля?
Пашла пъ замужъ за старога,
Барадою коля;
Ой пайду я за такога,
Што ни мая вуса;
Енъ мине пацалуя,
А я засмяюся.

№ 33.

Кали любишъ, люби разьня;
А ня любишъ—идзи, блазьня—
Ня задавай сэрцу туги,
Ня возьмяшъ ты—возьмя други.

№ 34.

Ой, той жа мнѣ ни да душы,
Што ходзпць у кажуси;
Ой, той жа мнѣ спада́баўся,
Што ў гузички ушпиляўся.

---

[1]) Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 548, № 673).

дѣятельной торговлей, главн. образ. отправкой кукурузы и самшитоваго дерева за границу.

Описывая занятія жителей, намъ слѣдовало бы теперь сказать нѣсколько словъ объ ихъ бывшемъ сословномъ раздѣленіи. Но такъ какъ со времени введенія въ 1866 году на Кавказѣ крестьянской реформы раздѣленія на сословія болѣе не существуетъ, и жизнь населенія складывается теперь совсѣмъ уже на другихъ началахъ чѣмъ прежде, то мы считаемъ это излишнимъ и отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ обстоятельнымъ статьямъ объ этомъ предметѣ, напечатаннымъ въ «Сборникѣ Свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ» за 70-й и 71-й годы [1]).

Покончивъ съ обозрѣніемъ физическаго типа абхазцевъ и ихъ внѣшней культуры, перейдемъ теперь къ характеристикѣ изъ внутренняго міра. Начнемъ съ характера абхазцевъ. Абхазцы вообще очень живы, порывисты въ душевныхъ движеніяхъ, крайне любопытны и склонны къ болтливости не менѣе женщины. Поговорка: «болтливъ какъ баба», поэтому не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Наблюдая разговоръ абхазцевъ, удивляешься его живости и массѣ жестикуляцій и звукоподражаній, которыя его сопровождаютъ.—Абхазцы—большіе любители пѣнья. Пѣсни ихъ однако очень монотонны и дики для нашего слуха, и состоятъ по большей части изъ повторенія безсмысленныхъ словъ: «уара да, уара да» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Обыкновенно кто-нибудь высокимъ голосомъ запѣваетъ, а остальные хоромъ ему временами вторятъ, какъ бы аккомпанируя, обыкновенно на низкихъ нотахъ, Иногда запѣвало импровизируетъ, разсказывая какой-нибудь забавный случай или кого-нибудь восхваляя. Дѣвушки поютъ очень рѣдко, изъ скромности. Абхазцы любятъ потанцовать; но танцы ихъ очень однообразны и неинтересны. Въ Абжуа и Самурзакани еще пляшутъ съ грѣхомъ пополамъ лезгинку, но въ Бзыбской Абхазіи танцы solo напоминаютъ прыганье козы. Самый распространенный изъ всѣхъ танцевъ—это т. н. «круговой танецъ», или «танецъ плечъ» (по абхаз. напэй эбапныквашера, по самурзакански «худжи скапуа). Молодые люди и дѣвушки берутся за руки и составляютъ общій кругъ. Подъ звуки пѣсни, которая поется всѣмъ хоромъ, всѣ въ тактъ подпрыгиваютъ или кружатся въ ту или другую сторону. Такіе танцы устраиваются на собраніяхъ въ большіе праздники—праздникъ Пасхи, Рождества, Св. Георгія и на свадьбахъ. Занятіе музыкой въ большомъ

---

[1]) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани). „Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.“ вып. V.

Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани. „Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.“ вып. III.

ходу въ Абхазіи. Почти въ каждой саклѣ имѣется какой-нибудь музыкальный инструментъ. Въ Бзыбской Абхазіи преобладаетъ родъ скрипки, называемой по абхазски «а б х е р ц а̀» или «ч і а н у р ъ», въ Абжуа и Самурзакани—мингрельскій ч о н г у р и. Послѣдній инструментъ разительно напоминаетъ своей формой испанскую мандолину. Абживскія абхазки и самурзаканки большія мастерицы играть на чонгури. Въ послѣднее время въ Бзыбской Абхазіи стала быстро распространяться русская гармоника.

Одно изъ любимѣйшихъ увеселеній абхазцевъ составляютъ с к а ч к и. Онѣ устраиваются при всякомъ удобномъ случаѣ, когда только бываетъ народное собраніе—на праздникахъ, на свадьбахъ, на поминкахъ. На поминкахъ устраиваются спеціальныя скачки—скачки дѣтей. Карапузиковъ, едва видныхъ отъ земли отъ 8—10 лѣтъ, сажаютъ на горячихъ коней, и они мчатся на нихъ во весь карьеръ. С т р ѣ л ь б а в ъ ц ѣ л ь составляетъ также излюбленную народную забаву, безъ которой не обходятся ни одни поминки и ни одна свадьба.

Абхазцы очень привѣтливы, вѣжливы въ обращеніи и даже, если хотите, галантны. Иногда бываешь положительно пораженъ тактомъ, съ какимъ умѣетъ держать себя какой-нибудь простой абхазскій крестьянинъ. Умѣнье держать себя, такъ сказать хорошій тонъ абхазцевъ особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ихъ съ другими горцами, напримѣръ—ихъ кубанскими сосѣдями, карачаевцами: послѣдніе кажутся въ сравненіи съ абхазцами какими-то неучами и дикарями. Когда вы пріѣзжаете въ абхазскій домъ, хозяинъ и хозяйка послѣ первыхъ привѣтствій сейчасъ же освѣдомляются о состояніи здоровья васъ самихъ и вашего семейства, и если бы вамъ хотѣлось съ дороги отдохнуть, спѣшатъ удовлетворить ваше желаніе и оставляютъ васъ въ покоѣ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ того назойливаго любопытства, доходящаго до безцеремонности, которое проявляютъ по отношенію къ гостю карачаевцы или сванеты. Когда вы находитесь въ дорогѣ—всё равно, кто бы вы ни были, вы получаете отъ всѣхъ встрѣчныхъ привѣтливое «здравствуй» («бзелаабыйдъ») или «добрый день», «добрый вечеръ» («шабзе», «хулабзе»). Этого уже вы не встрѣтите на дорогахъ въ Мингреліи. Къ встрѣчнымъ пастухамъ обращаются съ привѣтствіемъ «бзе-хэйтъ», «да будетъ здоровъ твой скотъ»; людей, занятыхъ полевыми работами, привѣтствуютъ словами: «бзе жуй», т. е. «да спорится твоя работа», и т. д.—Что касается абхазскаго г о с т е п р і и м с т в а, то оно, полагаю, слишкомъ общеизвѣстно, чтобы о немъ стоило распространяться. Скажу только, что на основаніи обычая гостепріимства, всякій проѣзжающій имѣетъ полное право остановиться въ любой [illegible] то ни было время дня и ночи, и домохозяинъ не только [illegible]ненія, но, напротивъ, будетъ чрезвычайно доволенъ т[illegible] его жилище. Совершенно невѣрно ходячее въ пуб[illegible]новаъ проѣзжаго

къ себѣ въ саклю и хорошо угостивъ его, затѣмъ подстерегаетъ его на дорогѣ, грабитъ и убиваетъ. Ничего подобнаго на дѣлѣ не существуетъ, и самый фактъ этотъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ абхазскимъ взглядомъ на обязанности хозяина по отношенію къ гостю. Гостепріимство здѣсь не только простой обычай, но скорѣе—законъ, вообще нѣчто священное, что нарушить считается важнымъ грѣхомъ, не говоря уже о томъ, что нарушеніе его навлекаетъ на того, кто дозволитъ себѣ сдѣлать это, всеобщее порицаніе. Каждый хозяинъ, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, старается предложить гостю все, что у него есть лучшаго изъ съѣстнаго, и приготовить ему для отдыха самое пышное, какое только найдется у него въ домѣ ложе. Во время угощенія хозяинъ будетъ все время стоять, не смѣя сѣсть съ вами за столъ безъ вашего приглашенія. Его старшая дочь или жена разноситъ вамъ кушанья и подаетъ воду для омовенія рукъ до и послѣ ужина, а когда вы будете ложиться спать, та же дѣвушка подойдетъ къ вамъ помочь вамъ раздѣться и омыть ваши ноги.

У абхозуевъ очень развито чувство собственнаго достоинства. Они не такъ обидчивы и вспыльчивы какъ гурійцы, но тѣмъ не менѣе, не выносятъ даже простой брани и тѣмъ болѣе—побоевъ. Всякаго, кто позволитъ себѣ оскорбить абхазца дѣйствіемъ, ожидаетъ кровная месть со стороны обиженнаго. Ругательствъ на обхазскомъ языкѣ не существуетъ, и сварливые люди не пользуются въ странѣ никакимъ уваженіемъ. Особенно позорнымъ считается оскорбить, хотя бы простыми словами, женщину и въ особенности дѣвушку. Не было еще примѣра, чтобы такое оскорбленіе оставалось безнаказаннымъ: обидчика неминуемо ожидаетъ смерть отъ руки брата или мужа обиженной.

Абхазцы довольно лѣнивы, медлительны въ своихъ движеніяхъ и чрезвычайно склонны къ праздности. Проѣзжающій постоянно видитъ цѣлыя группы туземцевъ, праздно валяющихся лѣтними жаркими днями въ тѣни раскидистыхъ орѣховъ. Когда надоѣдаетъ лежать подъ однимъ деревомъ, переходятъ подъ другое. Время для абхазцевъ ничего не стоитъ, и проѣзжему путешественнику, вступившему въ сношенія съ ними по какому-нибудь дѣлу, напримѣръ, по найму лошади, приходится сильно испытывать свое терпѣніе. Впрочемъ, упрекъ въ лѣности и праздности мы не имѣемъ права бросать въ лицо всѣмъ голословно. Среди туземцевъ попадаются много очень работящихъ людей, которые не любятъ сидѣть ни минуты безъ дѣла, и благосостояніе которыхъ создалось исключительно ихъ честнымъ трудомъ.

Абхазцевъ очень часто, и не безъ нѣкотораго основанія, упрекаютъ въ страсти къ конокрадству. Въ послѣдніе годы, дѣйствительно, порокъ этотъ достигъ ужасающихъ размѣровъ и принялъ характеръ настоящаго народнаго зла. То, что дѣлалось въ Абхазіи въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ на-

стоящаго (1892) года, положительно выходитъ за предѣлы вѣроятнаго. Тѣмъ не менѣе, рискованно приписывать это дурное качество всему народу. Какъ отлично извѣстно всякому, кому случилось пожить болѣе или менѣе долгое время въ Абхазіи, занятіе конокрадствомъ въ настоящее время стало почти исключительной привиллегіей бывшаго класса князей и дворянъ, считающихъ унизительнымъ для себя заниматься какой бы то ни было работой. Почти въ каждомъ селеніи укажутъ вамъ на какого-нибудь изъ князей Шервашидзе или Анчабадзе, или дворянъ Лакербайя и Моргани, какъ на извѣстнаго въ округѣ вора. Вообще же у абхазцевъ занятіе конокрадствомъ считается дѣломъ предосудительнымъ, и человѣкъ, разъ въ немъ заподозрѣнный, не пользуется уже никакимъ уваженіемъ.

Абхазцы отличаются необыкновенной выносливостью и способны въ дорогѣ дѣлать громадные переходы при самой скудной пищѣ. Трудно бываетъ повѣрить, чтобы тотъ же самый лѣнивый абхазецъ, который внизу, въ деревнѣ, составлялъ ваше мученіе, досаждая вамъ своею медлительностью, могъ такъ внезапно и такъ полно переродиться, какъ только онъ попадаетъ въ горы. Горы и лѣсъ—это настоящая стихія абхазца.

Абхазцы чрезвычайно воздержны въ пищѣ. Ѣдятъ обыкновенно всего 2 раза въ день—утромъ и вечеромъ—пищу, неизмѣнно состоящую изъ кукурузной каши, т. н. «абысты» (тоже что у черкесовъ «пааста»), изъ свѣжаго или круто просоленнаго козьяго или коровьяго сыру и кислаго молока. Иногда къ этому скудному обѣду присоединяютъ еще имеретинскую лобію (по абхаз. «ȧкодъ»), т. е. вареную фасоль, протертую вмѣстѣ съ грецкими орѣхами и краснымъ перцемъ, поджаренный на огнѣ початокъ молодой кукурузы и кой-какія овощи. Въ случаѣ пріѣзда гостя всегда рѣжется курица, а иногда—баранъ, и печется сдобный кукурузный хлѣбъ съ сыромъ. Масла туземцы приготовлять не умѣютъ и потому его нѣтъ въ употребленіи. Вина туземцы выдѣлываютъ много (есть иные домохозяева, изъ простыхъ крестьянъ, которые заготовляютъ его до 500 ведеръ въ годъ), потому что они большіе любители этого напитка и пьютъ его много, въ особенности въ гостяхъ. Впрочемъ пьянство здѣсь совершенно неизвѣстно, и считается крайне неприличнымъ для мужчины быть на-веселѣ и вообще выказывать какіе бы то ни было признаки опьяненія.

Равнымъ образомъ, абхазцы чрезвычайно цѣломудренны. Мужчины не знаютъ женщинъ иногда лѣтъ до 30—35, до самой своей женитьбы. Совершенно лишены основанія сообщаемыя Гавріиломъ, еп. Имеретинскимъ, свѣдѣнія о половой разнузданности абхазцевъ. Отношенія молодыхъ людей обоего пола, напротивъ того, отличаются безукоризненной чистотой, доходящей до пуризма. Никакихъ внѣбрачныхъ отношеній не допускается, и молодого че-

ловѣка, соблазнившаго дѣвушку, неизбѣжно ожидаетъ кровная месть со стороны ея родственниковъ. Если же дѣвушка согласилась раздѣлить его любовь добровольно, ее ожидаетъ всеобщее презрѣніе. Обычай не позволяетъ даже молодому человѣку объясниться въ любви дѣвушкѣ и тѣмъ болѣе—обратно. Это считается чрезвычайно стыднымъ, и никто не рѣшится сдѣлать этого. Обыкновенно, если молодому человѣку нравится дѣвушка, и онъ хотѣлъ бы на ней жениться, онъ подсылаетъ отъ себя какое-нибудь довѣренное лицо къ ея наперсницѣ вывѣдать, нравится ли ея подругѣ такой-то? Если окажется, что—да, начинается формальное сватовство. Хотя въ настоящее время браки устраиваются по большей части родителями, но тѣмъ не менѣе желаніе послѣднихъ не обязательно для дѣвушки, и она вольна выбрать себѣ кого ей хочется.

Абхазцы, повидимому, очень страстны—что доказывается лучше всего уголовной хроникой: наибольшее число убійствъ въ странѣ—которыя, кстати сказать, приняли въ послѣдніе годы хроническій характеръ, совершаясь регулярно разъ или даже по два раза въ мѣсяцъ—вызваны ревностью или же являются послѣдствіями очень распространеннаго въ странѣ обычая умыкать невѣстъ. Умыканіе производится или съ предварительнаго согласія дѣвушки или же насильно, и въ послѣднемъ случаѣ дѣло не обходится безъ нѣсколькихъ жертвъ, какъ со стороны партіи похитителя, такъ и со стороны родственниковъ дѣвушки, которые бросаются въ погоню за похитителемъ.

Что касается брака, то въ нашей формѣ, т. е. брака, освященнаго церковью, у абхазцевъ не существуетъ. Его избѣгаютъ даже самурзаканцы, которые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ревностные христіане. Существуетъ 2 типа брака у туземцевъ, изъ которыхъ одинъ—чисто туземный, а другой—заимствованъ изъ Турціи, и его придерживаются исключительно магометане (здѣсь мы дѣлаемъ оговорку, что нѣкоторую часть свѣдѣній о бракѣ мы заимствуемъ изъ статьи неизвѣстнаго автора (три звѣздочки) въ VI вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.» [1]). Первый родъ брака состоитъ въ томъ, что, заручившись согласіемъ дѣвушки и ея родителей, женихъ приноситъ отцу дѣвушки, ея матери и ближайшимъ родственникамъ болѣе или менѣе цѣнные подарки. Цѣнность подарковъ обусловливается состояніемъ жениха. У богатыхъ князей иногда идутъ въ даръ цѣлые табуны породистыхъ лошадей. Съ своей стороны, отецъ невѣсты отдариваетъ жениха подарками равной стоимости. Разъ обмѣнъ подарками произошелъ, бракъ считается заключеннымъ, и женихъ имѣетъ право взять къ себѣ дѣвушку. Брачный пиръ обыкновенно слѣдуетъ

---

[1]) Абхазцы (Азега),—по поводу сочиненія г. Дубровина «Очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ».

сейчасъ же послѣ обмѣна подарками. Но такъ какъ женихъ или отецъ невѣсты очень часто не могутъ собраться съ средствами, чтобы представить всѣ подарки сразу, то брачный пиръ откладывается на болѣе или менѣе продолжительное время, иногда на годъ или даже на два. Въ промежутокъ времени между первымъ обмѣномъ подарками и свадебнымъ пиромъ, дѣвушка или уходитъ въ домъ къ своему мужу — въ случаѣ, если остановка за подарками произошла со стороны отца невѣсты, или же—въ случаѣ, если задержка за подарками существуетъ у жениха—продолжаетъ жить въ родительскомъ домѣ, гдѣ однако женихъ можетъ свободно видаться съ ней. Это одинъ родъ брака, наиболѣе въ странѣ распространенный. Другой видъ брака, заимствованный у мусульманъ, состоитъ въ томъ, что женихъ даетъ дѣвушкѣ такъ называемый «мѣкяхъ», или письменное обязательство обезпечить ее извѣстной суммой денегъ на случай добровольнаго развода или его смерти (жена въ Абхазіи не пользуется имущественными правами послѣ смерти мужа). Мѣкяхъ закрѣпляется муллой и свидѣтелями, при прочтеніи извѣстной молитвы. Ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать мѣкяхъ съ калымомъ. Калымъ всегда означаетъ покупку женщины и указываетъ на приниженное состояніе женщины въ странѣ, гдѣ онъ существуетъ. Мѣкяхъ же, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о сравнительно свободномъ положеніи женщины. О значительномъ развитіи правъ женщины говоритъ между прочимъ и тотъ фактъ, что разводъ въ Абхазіи крайне обыкновенное явленіе и совершается чрезвычайно легко; женщина послѣ развода вольна выйти замужъ за кого ей угодно. Но это бываетъ лишь въ томъ случаѣ, если разводъ произошелъ по добровольному соглашенію супруговъ. Если же разводъ произошелъ по винѣ жены, виновную ожидаетъ общее презрѣніе, а мужъ, мало того, что воленъ расправиться какъ ему угодно съ соблазнителемъ, имѣетъ еще право требовать отъ родственниковъ жены уплаты кровомщенія (т. е. цѣны крови его жены, которую, по обычаю, онъ могъ бы убить за ея невѣрность).

Скажу теперь нѣсколько словъ о положеніи женщины въ домѣ мужа и о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Жена въ домѣ считается полной хозяйкой и вовсе не занимаетъ въ домѣ того угнетеннаго положенія, на которое указываютъ нѣкоторые авторы, а со словъ ихъ и Дубровинъ. Напротивъ того, какъ мы уже это видѣли, на женщинахъ лежитъ весьма мало хозяйственныхъ обязанностей. Жена можетъ самостоятельно принимать въ отсутствіе мужа гостей, и сама выѣзжать изъ дому безъ мужа, лишь въ сопровожденіи свиты изъ нѣсколькихъ приближенныхъ людей (свита эта назначается вовсе не для охраненія женщины въ дорогѣ, а исключительно для почета). Очень часто бываетъ, что жена отправляется одна хлопотать по разнымъ дѣламъ мужа. Роль хозяйки дома—вѣжливой, обходительной, распоря-

дительной, абхазки, даже изъ простыхъ крестьянокъ, ведутъ съ поразительнымъ умѣньемъ. Вообще, относительно абхазской женщины можно сказать, что она по развитію стоитъ гораздо выше мужчины. Многія абхазки получаютъ въ настоящее время образованіе въ 3-классной женской прогимназіи въ Сухумѣ, тогда какъ для абхазскихъ мальчиковъ другихъ школъ, кромѣ первоначальныхъ горскихъ, въ краѣ не существуетъ.—Посторонняго человѣка поражаетъ необыкновенная странность отношеній, существующихъ въ абхазской семьѣ между супругами, въ особенности между молодыми. Такъ, новобрачные въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ брака не имѣютъ права въ присутствіи отца, матери, старшаго брата или гостя, находиться вмѣстѣ: если мужъ входитъ въ комнату, гдѣ находится одно изъ названныхъ лицъ, жена сейчасъ же удаляется изъ комнаты, и наоборотъ. Точно также, мужъ не можетъ обращаться къ своей женѣ въ присутствіи такихъ лицъ, съ какимъ-либо вопросомъ или приказаніемъ: онъ всегда ей передаетъ таковые черезъ третье лицо. Наконецъ, мужъ не смѣетъ произносить настоящаго имени своей жены. Если кто-нибудь незнакомый съ абхазскими обычаями спроситъ у абхазца, какъ зовутъ его жену, ему ни за что не удастся добиться отъ послѣдняго отвѣта, и онъ поневолѣ долженъ будетъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ кому-нибудь изъ присутствующихъ. Для того, чтобы обращаться къ своей женѣ, мужъ придумываетъ ей какую-нибудь условную кличку. Но Боже его избави назвать ее по имени: это навлекло бы на него всеобщее порицаніе. Всѣ эти курьезные факты, насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ объ образцахъ не упоминались. Будучи крайне заинтересованъ ими, я подвергъ ихъ тщательной провѣркѣ. Оказывается, что такія странныя отношенія между супругами распространены во всей Бзыбской Абхазіи, Абжуа и даже отчасти въ Самурзакани. Любопытно, что подобныя же отношенія между супругами существовали и у черкесовъ, напримѣръ—у кабардинцевъ [1]).

Полагаю, что сказаннаго совершенно достаточно, чтобы дать вамъ понятіе о взглядѣ абхазцевъ на бракъ и на взаимныя отношенія супруговъ. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ отношеній между родителями и дѣтьми. Отношенія родителей къ дѣтямъ у абхазцевъ отличаются необыкновенной нѣжностью. Совершенно лишено основанія утвержденіе, высказываемое Гавріиломъ еп. Имеретинскимъ, будто абхазцы никогда не ласкаютъ и вообще не любятъ своихъ дѣтей. Напротивъ того, все, что мы видѣли, указываетъ на то, что въ отношеніяхъ родителей къ своимъ дѣтямъ существуетъ самая трогательная нѣжность. Тѣлесныхъ наказаній—не только розогъ, но и

---

[1]) Срв. народныя сказанія Кабардинцевъ, помѣщенныя въ «Сборникѣ Свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ», за 1871 годъ.

болѣе невинныхъ, въ родѣ щелчковъ, дранья за волосы и т. п., при воспитаніи совершенно не практикуется, такъ какъ туземцы вообще гнушаются тѣлесныхъ наказаній и тѣмъ болѣе позорнымъ считаютъ примѣнять ихъ къ существамъ беззащитнымъ и притомъ столь дорогимъ для нихъ, какъ дѣти. Вообще, на нашъ взглядъ, дѣтей въ Абхазіи даже черезчуръ балуютъ. Намъ рѣдко случалось слышать даже, чтобы мать прикрикнула на своего ребенка. Въ свою очередь, дѣти платятъ родителямъ крайней почтительностью и послушаніемъ. Почтительное отношеніе къ старшимъ вообще составляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ жизни Абхазіи. Дѣти и даже взрослые молодые люди по обычаю не имѣютъ права въ присутствіи старшихъ садиться и должны все время скромно молчать до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ старшихъ не обратится къ нимъ съ вопросомъ. Всегда, какъ только входитъ въ комнату старикъ, принято всѣмъ, и старымъ и малымъ, вставать съ мѣста и садиться вновь только тогда, когда старикъ пригласитъ ихъ; всякое лицо, какъ бы вліятельно оно ни было, не исключая и князей, подчиняется этому обычаю. Всякое мнѣніе, высказываемое стариками, выслушивается присутствующими съ величайшимъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Говоря объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, мы должны упомянуть о чрезвычайно распространенномъ въ Абхазіи и въ особенности въ Самурзакани обычаѣ отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужую семью. Обычай этотъ существуетъ преимущественно у князей и дворянъ, а изъ простыхъ крестьянъ у тѣхъ, кто имѣетъ большія средства, такъ какъ отдача дѣтей на воспитаніе, равно какъ и усыновленіе ихъ сопряжены съ большими расходами. Обычай требуетъ, чтобы какъ лицо, отдающее ребенка на воспитаніе, такъ и вскормившій его воспитатель обмѣнялись цѣнными подарками. Обычай отдавать дѣтей на воспитаніе вызывается вовсе не какими-нибудь корыстными или вообще мелко-практическаго свойства соображеніями, а возникъ еще въ давнія времена, вслѣдствіе желанія установить болѣе тѣсную связь между различными фамиліями. Желаніе это въ особенности имѣло свой raison d'être въ эпоху до покоренія нами Абхазіи, когда страна была раздираема постоянными междоусобіями, и кровная вражда была въ полномъ разгарѣ. Къ обычаю усыновленія часто прибѣгали, чтобы покончить мирнымъ путемъ кровавую вражду, существовавшую между 2 семействами. Въ послѣднемъ случаѣ обидчикъ отдавалъ своего сына на воспитаніе къ обиженному, и когда тотъ возвращалъ ему послѣдняго съ подарками, вражда считалась поконченной. Иногда лицо, которое желало заручиться чьимъ либо содѣйствіемъ въ очень важномъ для него дѣлѣ, если оно не разсчитывало на простое обѣщаніе этого послѣдняго и хотѣло получить отъ него болѣе надежную гарантію, оно вступало съ нимъ въ молочное родство; для этого оно прикладывалось гу-

бами къ сосцамъ его жены или матери, послѣ чего оно считалось ими усыновленнымъ, и его новые молочные родственники были обязаны заботиться о немъ, какъ о родномъ сынѣ или братѣ. Подобный обрядъ усыновленія пришлось между прочимъ продѣлать автору «Воспоминаній Кавказскаго Офицера», когда онъ нанималъ проводника для своего опаснаго путешествія въ горы и желалъ получить отъ послѣдняго гарантію въ томъ, что онъ его не выдастъ. Вообще, лицо, взявшее ребенка на воспитаніе, относится къ нему какъ бы къ собственному сыну, окружая его не меньшей заботливостью, чѣмъ родной отецъ или мать. Такъ какъ ребенокъ находится у кормильца лѣтъ до 12, а мальчики даже и до 16, и только тогда возвращается родителямъ, то это разумѣется вліяетъ до нѣкоторой степени на отношеніе его къ этимъ послѣднимъ: платя имъ должную дань уваженія, онъ, естественно, съ большей нѣжностью будетъ относиться къ своимъ кормильцамъ. Молочное родство у абхазцевъ считается отнюдь не менѣе важнымъ чѣмъ кровное. Лицо изъ фамиліи, которая находится въ молочномъ родствѣ съ другою фамиліей, не имѣетъ права вступать въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ этой послѣдней фамиліи—хотя бы то были отдаленные родственники. Замѣтимъ, что обычай вступать въ молочное родство былъ сильно развитъ и у черкесовъ, гдѣ онъ носилъ названіе аталычества (аталыкъ-кормилецъ).

Теперь намъ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о туземномъ обычномъ правѣ и о примѣненіи судебныхъ обычаевъ къ судопроизводству. Предметъ этотъ, однако, настолько обширный, что разсмотрѣніе его завлекло бы насъ слишкомъ далеко,—къ тому же мы лично почти не собрали о немъ свѣдѣній. Отсылаемъ поэтому гг. интересующихся къ обстоятельной статьѣ, посвященной этому предмету въ IV вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.» [1]).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію религіознаго состоянія абхазцевъ. О религіозномъ состояніи Абхазіи писалось очень много —пожалуй, болѣе чѣмъ о чемъ-либо прочемъ. Къ сожалѣнію, далеко не все написанное по этому вопросу заслуживаетъ довѣрія. Въ особенности грѣшатъ противъ истины мелкія статейки разныхъ неизвѣстныхъ авторовъ, помѣщавшіяся въ газетѣ «Кавказъ» за 60-е годы. Свѣдѣнія же о религіи абхазцевъ, сообщаемыя беллетристомъ 50-хъ годовъ Савиновымъ въ его «Достовѣрныхъ разсказахъ объ Абхазіи» абсолютно не вѣрны и не имѣютъ рѣшительно никакой цѣны. Авторъ во 1) пользуется чужими наблюденіями, которыя онъ прикрашиваетъ произведеніями собственной фантазіи, и во 2) онъ постоянно путаетъ Абазеховъ, Абазинъ и Абхазцевъ, между тѣмъ какъ первые, какъ мы

---

[1]) Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству въ Абхазіи.

уже упоминали, представляютъ народъ, относящійся къ черкесской группѣ адыге и не имѣющій съ абхазцами рѣшительно ничего общаго ни въ языкѣ, ни въ религіи. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, у Савинова попадаютъ въ число абхазскихъ божествъ такія, какъ Тлепсъ, богъ огня, какъ Мизитхъ, богъ лѣсовъ—божества чисто черкесскія, о которыхъ абхазцы не имѣютъ никакого представленія. Къ сожалѣнію, сообщаемыя Савиновымъ свѣдѣнія вошли полностью въ почтенный трудъ Дубровина.—Цѣнныя свѣдѣнія о языческихъ божествахъ Абхазіи мы находимъ въ статьѣ бывшаго начальника Сухумскаго округа, г. Введенскаго (въ V вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.» [1]). Кажется однако, что почтенный авторъ излишне умножилъ число абхазскихъ божествъ, а о нѣкоторыхъ даетъ не совсѣмъ вѣрное представленіе. Такъ напримѣръ, онъ упоминаетъ объ абхазскомъ божествѣ адзызланъ, которую онъ называетъ покровительницей водъ. Адзызланъ, по нашимъ разспросамъ, есть просто русалка, водяная нимфа, по большей части очень злая женщина, по однимъ очень безобразная, съ длинными отвислыми грудями, которыя она забрасываетъ себѣ за плечи; по другимъ—напротивъ, очень красивая голубоглазая дѣвушка съ длинными распущенными волосами. Вообще, показанія объ адзызланъ отличаются сбивчивостью: очевидно, старыя преданія стали уже забываться. Однако всѣ сходятся на томъ, что адзызланъ — всѣ очень сильныя женщины, и всякому, кто имѣетъ несчастіе встрѣтиться съ ними, предлагаютъ помѣряться силами: если адзызланъ одолѣетъ, она заставляетъ побѣжденнаго жить съ ней въ теченіи извѣстнаго времени.—Самыя цѣльныя свѣдѣнія о языческой религіи абхазцевъ мы находимъ въ «Очеркахъ Абхазской Миѳологіи», написанныхъ природнымъ абхазцемъ, Соломономъ Званбойя. [2]) Наши мимолетныя наблюденія не могли ничего прибавить существеннаго къ этимъ свѣдѣніямъ и потому мы отсылаемъ къ статьямъ Званбойя и Введенскаго всѣхъ интересующихся въ подробностяхъ религіозными воззрѣніями абхазцевъ. Здѣсь же, для полноты нашего этнографическаго очерка, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о религіозномъ состояніи, въ которомъ мы застаемъ страну въ настоящее время. Абхазія въ настоящее время переживаетъ тотъ моментъ, когда религіозныя вѣрованія, завѣщанныя стариной, забываются, а новыхъ основъ религіи населеніе воспринять не успѣло. Вслѣдствіе этого, въ умахъ населенія существуетъ полный хаосъ воззрѣній; обрывки языческихъ вѣрованій перемѣшиваются въ нихъ съ остатками стариннаго христіанства и съ кой-какими магометанскими предразсудками. Хотя теперь въ странѣ усиленно стараются распространять христіанство, но способъ, принятый для распростране-

---

[1]) Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ, А—а (Введенскаго).

[2]) „Кавказъ“ 1867 г. №№№ 74, 75, 76.

нія его таковъ, что едвали можетъ положить прочную основу христіанскаго ученія въ умахъ населенія. А между тѣмъ, какъ легко было бы посѣять здѣсь сѣмена христіанства. Абхазія вѣдь съиздавна была христіанской страной. Какъ извѣстно, абхазцы приняли христіанскую вѣру еще при императорѣ Юстиніанѣ. До сихъ поръ еще въ странѣ сохранилось уваженіе къ древнимъ храмамъ въ Пицундѣ, Драндахъ, Лыхнахъ, Илори—памятникамъ христіанской культуры XI вѣка, которыя такъ обстоятельно описаны въ сочиненіяхъ Dubois de Montpéreux, Кондакова, Нордманна и проч. Этимъ храмамъ приносятся въ извѣстное время жертвы, они считаются неприкосновенными, и присяга, произнесенная въ нихъ, нерушимой. До сихъ поръ туземцы исполняютъ нѣкоторые христіанскіе обряды, чтутъ Великій и Успенскій посты, празднуютъ день св. Пасхи, Рождества, св. Георгія, Михаила и Гавріила, на Пасху красятъ яйца и проч. Кромѣ того, если прочесть внимательно Очерки Абхазской Миѳологіи» Званбойя, не трудно убѣдиться, что даже при своихъ языческихъ жертвоприношеніяхъ, называя имя какого-нибудь языческаго бога, абхазцы тѣмъ не менѣе обращаются не къ какимъ нибудь фетишамъ или олицетвореніямъ божества, а къ всемогущему Вышнему Богу. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи отвѣтъ, данный однимъ абхазцемъ Соломону Званбойя. Званбойя однажды спросилъ старика-пастуха, совершавшаго жертвоприношеніе, кого онъ подразумѣваетъ подъ именемъ «Хахту» (Всевышній), котораго онъ призывалъ при обрядѣ. Тотъ отвѣчалъ ему: «Бога, Создателя всего міра и человѣка». Званбойя предложилъ ему принять христіанскую вѣру. Пастухъ сказалъ, что радъ сдѣлать это, но не знаетъ, что читаетъ священникъ; когда же онъ самъ съ открытою душою простираетъ руки къ Богу и собственными словами проситъ о прощеніи грѣховъ и ниспосланіи благъ, то на душѣ дѣлается легче».– Къ числу остатковъ древняго христіанства слѣдуетъ между прочимъ отнести очень распространенное въ Абжуа и Самурзакани моленіе архангеламъ Михаилу и Гавріилу (по самурзакан. Самгаріа-хвама, по абхаз. Самкагаріа-лыпха-хавай, или Микамгаріа-анэхера). Объ этомъ моленіи въ литературѣ не упоминалось, и поэтому я вкратцѣ опишу его. Моленіе въ честь Михаила и Гавріила совершается разъ въ годъ, обыкновенно по понедѣльникамъ. Домохозяинъ, задумавшій его, приглашаетъ къ себѣ всѣхъ сосѣдей (мужчинъ). Передъ началомъ моленія рѣжутъ теленка, и всѣ присутствующіе гости и члены семейства собираются въ саклѣ около кувшина съ виномъ, зарытаго въ землѣ. Затѣмъ всѣ преклоняютъ колѣна и старшій въ семьѣ зажигаетъ восковую свѣчу и бросаетъ на уголья ладанъ, моля при этомъ архангеловъ Михаила и Гавріила о дарованіи здоровья всему семейству. Послѣ этого, достаютъ изъ земли кувшинъ съ виномъ и начинается пиръ. Жертвенное мясо при этомъ могутъ ѣсть только одни мужчины.

Что касается остатковъ языческихъ вѣрованій, то они, въ краткихъ словахъ, сводятся къ слѣдующему: Абхазцы почитаютъ нѣсколько божествъ, управляющихъ тѣми или другими явленіями природы, которымъ они приносятъ въ извѣстное время года жертвы. Вотъ названія этихъ божествъ: Афу, богъ грома и вообще атмосферныхъ явленій. Ему приносятъ жертвы во 1) при отправленіи стадъ въ горы и при возвращеніи ихъ оттуда, во 2) время лѣтней засухи и 3) послѣ того, какъ убьетъ громомъ человѣка или домашнее животное. Въ послѣднемъ случаѣ, по словамъ Званбойя, «хозяинъ собираетъ всю деревню, безъ различія пола, устраиваетъ на 4 столбахъ вышку такой вышины, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звѣри. Устроивъ вышку, всѣ присутствующіе совершаютъ вокругъ убитой скотины пляску, напѣвая извѣстныя слова, именно, одна половина поетъ хоромъ Воетла, а другая Чаупаръ, и скотину поднимаютъ на вышку. Тамъ она остается на жертву хищнымъ птицамъ. По совершеніи пляски и поднятіи трупа убитой скотины, хозяинъ, въ знакъ благодарности Богу за посѣщеніе, приноситъ ему въ жертву другую скотину. Однако же, въ заключеніе молитвы, читаемой во время жертвоприношенія онъ проситъ Бога пощадить на будущее время какъ его самого, такъ и стада его. Если громомъ поразитъ человѣка, то и надъ его тѣломъ совершаютъ подобный же обрядъ. Во время круговой пляски родственники убитаго не должны плакать, потому что, по понятіямъ абхазцевъ, Афы поразитъ всѣхъ присутствующихъ однимъ ударомъ. Описываемое суевѣріе до такой степени укоренилось въ Абхазіи, что никто безъ пляски и пѣсни не рѣшится поднять тѣло убитаго громомъ человѣка или скотины». Мы нарочно привели во всей подробности эту выдержку изъ статьи Званбойя. Дѣло въ томъ, что мы въ христіанской Самурзакани обнаружили существованіе почти такого же самаго обряда. Онъ извѣстенъ здѣсь подъ названіемъ «жинишь-хвама», что значитъ верхняя молитва, и абхазцы изъ Абжуа прямо переводили мнѣ это названіе на абхазскій языкъ: «афулыпха», т. е. молитва въ честь Афу. И дѣйствительно, жинишь-хвама есть почти буквальное повтореніе вышеописаннаго абхазскаго обряда, лишь съ незначительными измѣненіями. Названіе «верхней молитвы» присвоено ей потому, что совершается она на горѣ [1]). Курьезно, что подобный же обрядъ существовалъ и

---

[1]) Вотъ подробное описаніе этого обряда (сообщенное намъ образованной самурзаканской дѣвушкой, Дзааку Кордава): Когда убьетъ громомъ человѣка или скотину, берутъ большой мѣдный котелъ съ цѣпью, который до тѣхъ поръ хранился въ домѣ безъ употребленія, серебряный шнурокъ и лучшаго козла изъ стада, и съ этими предметами отправляются на ближнюю гору, гдѣ собирается народъ со всего околотка. Тамъ втыкаютъ въ землю 4 столба, на нихъ кладутъ перекладины и все покрываютъ листьями и окружаютъ со всѣхъ сторонъ серебрянымъ шнуркомъ. Затѣмъ рѣжутъ козла и мясо его кладутъ на

у черноморскихъ черкесовъ (ноткуаджь и шапсуговъ) [1]).—За Афу, богомъ грома, слѣдующимъ по степени важности божествомъ является Шасшу, богъ кузнецовъ. Ему молятся кузнецы наканунѣ Новаго Года. У абхазцевъ, даже у абживцевъ и самурзаканцевъ, чрезвычайно распространено почитаніе Шасшу. Самой дѣйствительной въ странѣ присягой считается присяга, произнесенная на кузницѣ. Присягающій при этомъ говоритъ: «если я не скажу правды о томъ, о чемъ меня спрашиваютъ», или: «если я виноватъ въ чемъ меня обвиняютъ, то да разобьетъ Шасшу голову мою молоткомъ по наковальнѣ «и при этихъ словахъ ударяетъ три раза молоткомъ по наковальнѣ. (Сол. Званбойя). Но еще болѣе дѣйствительной считается въ Бзыбской Абхазіи присяга, принятая на г. Дидрипшь, которая служитъ мѣстожительствомъ какого-то всемогущаго божества Анэбснеха, а въ Самурзакани и Абжуа—присяга, произнесенная предъ древнимъ образомъ св. Георгія, въ Илорской церкви. Кромѣ боговъ Афы и Шасшу, ствуютъ еще: богъ Ашвепшааа-Абна-Инчваху, покровитель охотниковъ, которому молятся при отправленіи на охоту; Айтаръ, покровитель домашняго скота, которому приносятъ жертву пастухи; Джаджи—богъ земного плодородія, которому молятся домохозяева по снятіи плодовъ съ полей и садовъ. Любопытно, что крайне характерный языческій обрядъ, который продѣлываютъ абхазскія дѣвушки во время засухи, описанный въ статьяхъ Званбойя и Введенскаго, существуетъ полностью, по моимъ разспросамъ, и въ Самурзакани. Характерно при этомъ, что слова распѣваемой при этомъ пѣсенки произносятся по-абхазски [2]).

Вотъ всѣ главнѣйшіе остатки языческихъ вѣрованій въ Абхазіи. О проявленіяхъ магометанскаго вліянія мы не станемъ говорить вовсе, потому что оно слишкомъ ничтожно и касается исключительно внѣшнихъ обрядовъ.

листья. Послѣ этого всѣ пляшутъ круговую пляску, поютъ и въ заключеніе творятъ молитву Вышнему, чтобы онъ въ другой разъ пощадилъ ихъ. Если при этомъ въ средѣ присутствующихъ окажется кто-нибудь невѣрующій, онъ сдѣлается бѣшенымъ, и болѣзнь его пройдетъ лишь тогда, когда онъ помолится Вышнему.

[1]) Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки черкесъ, Л. Я. Люлье. Зап. Кавк Отд. Русск. Геогр. Общ. кн. V. 1862.

[2]) Сообщаемъ вкратцѣ суть этого обряда для лицъ, незнакомыхъ съ упомянутыми статьями. Когда въ Абхазіи или Самурзакани бываетъ сильная засуха, дѣвушки со всего селенія собираются въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ дѣлаютъ куклу изъ соломы, которую онѣ одѣваютъ въ женское платье. Эту куклу сажаютъ затѣмъ на осла, прикрывъ послѣдняго бѣлой простыней, и всѣ отправляются къ какой-нибудь рѣчкѣ, гдѣ заранѣе былъ ими приготовленъ маленькій плотъ. При этомъ, всѣ дѣвушки, участвующія въ процессіи, распѣваютъ слѣдующія слова: „Дзіау, дзіау дзари! Ква ква мыкрыд апш-ах ипа дидшиуайт адзы хучик адзы хучик“, что значитъ въ буквальномъ переводѣ: Воды, воды достать: Достать воды дождевой-маргаритку красную. Сынъ Владыки, жаждемъ немного воды, немного воды. Дойдя до рѣчки, снимаютъ куклу съ осла, кладутъ ее на плотъ, зажигаютъ и пускаютъ плотъ по теченію рѣки. Затѣмъ стараются перегнать осла черезъ рѣчку и наблюдаютъ, закричитъ онъ при этомъ или нѣтъ. Если закричитъ—это считается за хорошій признакъ. за предзнаменованіе скораго дождя; и чѣмъ сильнѣе будетъ ревѣть оселъ, тѣмъ сильнѣе будетъ дождикъ. Если оселъ не станетъ кричать, черезъ нѣсколько дней обрядъ повторяютъ снова.

Теперь намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ абхазскихъ народныхъ преданіяхъ и о памятникахъ сѣдой старины въ странѣ. Что касается перваго предмета, то насколько мнѣ извѣстно, онъ почти не затронутъ въ литературѣ. Я по крайней мѣрѣ встрѣчалъ въ литературѣ всего 2 преданія: самурзаканское преданіе объ очокочи (лѣсныхъ, людяхъ) и абживское преданіе о богатырѣ Брискиллія (или Абрсклъ), напечатанныя въ «Сборникѣ Матерьяловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» [1]). Въ виду этого, крайне желательно было бы, чтобы кто-нибудь изъ этнографовъ взялся поскорѣе собрать абхазскія преданія, пока они еще не исчезли изъ памяти народа. Намъ лично привелось слышать всего 3 преданія; это во 1) преданіе о великанахъ Адоў, или Адоуква (мн. ч). существующее въ Бзыбской Абхазіи, 2) о лѣсныхъ людяхъ (обнаоэ) и 3) о карликахъ Цаніяхъ (или Ацанъ); послѣднія 2 преданія распространены по всей Абхазіи. Первое преданіе гласитъ, что нѣкогда, въ ущельи рѣки Бзыби, около Калдахваръ, жило племя страшныхъ великановъ людоѣдовъ съ семью и болѣе головами, которые имѣли во лбу по одному глазу. Они долгое время разбойничали въ странѣ, наводя ужасъ на окрестныхъ жителей, пока не явились сюда богатыри Норты и не побѣдили ихъ. Могилу одного изъ этихъ великановъ одноглазовъ еще донынѣ указываютъ въ Калдахварскомъ ущельи, близъ развалинъ крѣпости Хассань-Табо. Остановимся нѣсколько на этомъ интересномъ преданіи. Адоў по абхазски значитъ собственно богатырь. Въ Абхазіи именемъ Доу или Адоў названъ между прочимъ одинъ изъ извѣстныхъ переваловъ (гдѣ, кстати сказать, находятъ въ землѣ въ большомъ количествѣ старинныя желѣзныя стрѣлы). Это абхазское преданіе невольно приводитъ намъ на мысль совершенно подобныя преданія, существующія у другихъ кавказскихъ горцевъ. У осетинъ мы также сталкиваемся съ сказаніями о борьбѣ богатырей Доў или Дзау, составлявшихъ въ древнія времена туземное населеніе Осетіи, съ храбрыми и неустрашимыми рыцарями-Нартами, явившимися къ нимъ изъ Персіи и вступившими съ ними въ упорную борьбу, которая кончилась пораженіемъ нартовъ и сліяніемъ ихъ съ туземцами [2]). У кабардинцевъ и черноморскихъ черкесовъ также чрезвычайно распространены преданія о борьбѣ неуклюжихъ великановъ-людо-

---

[1]) Вып. XIII, отд. II (1892 г.) и вып. V (1886 г.).

[2]) Настоящая статья была уже приготовлена для печати, когда мы получили отъ нашего корреспондента въ Абхазіи, учителя Горской Школы при Ново-Аѳонскомъ монастырѣ (въ Псыртсхѣ), Б. Г. Хорава, письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ существующую въ Абхазіи легенду о Нартахъ, совершенно аналогичную Нартовскимъ сказаніямъ Осетинъ и Черкесовъ—Адыге. „Эта легенда, вмѣстѣ съ другими преданіями, сообщаемыми г. Хорава, будетъ напечатана нами впослѣдствіи въ подробностяхъ. Любопытно, что главнымъ героемъ

ѣдовъ съ храбрыми и хитрыми Нартами [1]) [2]).—Передавая абхазское сказаніе о Циклопахъ, я не могу удержаться, чтобы не упомянуть здѣсь кстати о любопытнѣйшемъ преданіи о великанахъ одноглазахъ, записанномъ въ Мингреліи, близъ границъ Самурзакани [3]). Преданіе это представляетъ почти буквальное повтореніе Гомеровскаго сказанія о Циклопахъ. Любопытно, что преданіе пріурочиваетъ мѣстожительство этихъ великановъ къ какимъ-то скаламъ на берегу Чернаго Моря, изъ которыхъ вытекаетъ мёдъ. По нашему разумѣнію, это должно быть не что иное, какъ знаменитыя медовыя скалы на Черныхъ горахъ между Гаграми и Адлеромъ (недалеко отъ устья Бзыби), гдѣ въ громадномъ количествѣ гнѣздятся дикія пчелы, дающія въ изобиліи превосходный мёдъ. Такимъ образомъ, мингрельское преданіе сходится съ абхазскимъ, съ указаніемъ на мѣстожительство великановъ.

Второе сказаніе, которое намъ особенно часто приходилось слышать, такъ какъ оно чрезвычайно распространено въ странѣ—это сказаніе о лѣсныхъ людяхъ (обнаоэ). Эти лѣсные люди изображаются въ сказаніи чрезвычайно дикими существами, которыя живутъ въ глуши дѣвственныхъ лѣсовъ Абхазіи. Они имѣютъ длинные волосы. Одѣваются они въ звѣриныя шкуры, и на груди у нихъ всегда бываетъ привѣшанъ небольшой топоръ. Они очень злы, и встрѣча съ ними въ лѣсу не обѣщаетъ ничего хорошаго. Живутъ лѣсные люди охотой. Въ старое время, когда абхазцы только что явились въ страну, лѣсные люди жили всюду по лѣсамъ Абхазіи и пришлецамъ пришлось вынести съ ними упорную борьбу. Любопытно, что англійскій путешественникъ по Кавказу Фрешфильдъ принялъ это преданіе за истину и въ своемъ Отчетѣ въ Королевскомъ Географическомъ Обществѣ объ экспедиціи для разысканія погибшихъ на Кавказѣ англичанъ, сообщаетъ, ссылаясь на авторитетъ русскихъ оффиціальныхъ лицъ, о существованіи въ лѣсахъ Абхазіи, въ долинѣ р. Кодора, дикихъ лѣсныхъ людей.

Третье преданіе, о Цаніяхъ, или Ацанахъ, безспорно, самое любопытное изъ всѣхъ. Насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ оно пока не появлялось. Прежде чѣмъ разсказать его, я долженъ ознакомить Васъ, Мм.

является здѣсь, какъ и въ Осетинскихъ и Черкесскихъ сказаніяхъ, все тотъ же Сосрыко (по абхаз. Сесрква, черкесск. Саузерукъ), рожденный чудеснымъ образомъ отъ обольстительной и хитрой женщины Сатанэ.

[1]) Нартовскія сказанія Осетинъ, Джантемира Шанаева (Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц. вып. V).

[2]) Изъ Кабардинскихъ сказаній о Нартахъ (Сборн. Свѣд. о Кавк. Горцахъ, вып. V).
Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки Черкесъ, Л. Я. Люлье, Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. V, 1862 г.

[3]) Петровъ, И. Мингрельское сказаніе объ одноглазѣ (Сборн. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. V, 1886 г.)

Гг., съ оригинальными постройками, съ которыми это преданіе связано. Постройки эти замѣчательны какъ по своему оригинальному типу, такъ въ особенности по своему положенію высоко въ горахъ, близь вѣчныхъ снѣговъ. Въ археологической литературѣ о нихъ я не нашелъ никакихъ свѣдѣній. Почти на всѣхъ горахъ Абхазіи, на высотѣ отъ 7000 до 8000 футъ, находятся оригинальныя городища, имѣющія видъ очень низенькихъ каменныхъ оградъ, сложенныхъ изъ необтесаннаго камня и замкнутыхъ обыкновенно въ видѣ четыреугольника. Большею частію, они находятся въ полуразрушенномъ состояніи, и неопытному глазу въ такихъ случаяхъ бываетъ трудно отличить ихъ отъ естественныхъ грудъ камней, образующихся на этихъ высотахъ путемъ обваловъ и осыпей. Расположены они обыкновенно гдѣ-нибудь на ровной лужайкѣ, удобной для пастьбы скота, близь горнаго потока. Эти постройки носятъ у туземцевъ названіе Цани-гвара, т. е. ограда Цаніевъ. Вотъ что говоритъ объ этихъ Цаніяхъ народное преданіе (замѣтимъ — совершенно тожественное какъ въ Бзыбской Абхазіи, такъ и въ Абжуа и Самурзакани). Нѣкогда въ этихъ оградахъ жили карлики, принадлежавшіе къ племени Ацанъ или Цаніа (первое названіе абхазское, второе—самурзаканское). Тогда на землѣ было еще то блаженное время, когда не существовало ни вѣтра, ни холода, ни дождя, ни снѣга, ни даже—различія между днемъ и ночью. Солнце вѣчно сіяло на безоблачномъ небѣ, и Цаніямъ не было вовсе холодно на этихъ высотахъ, которыя теперь доступны для жительства лишь въ теченіе 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Цаніи беззаботно жили здѣсь со своими стадами, которыя паслись на сочной травѣ нагорныхъ луговъ, возлѣ прохладныхъ ручьевъ, бѣжавшихъ изъ подземныхъ источниковъ. Питались Цаніи исключительно молочными продуктами и мясомъ козъ; мясо ѣли сырымъ, такъ какъ употребленія огня не знали. Цаніи были очень нечестивый народъ, который совершенно не хотѣлъ признавать существованіе Бога. И вотъ Богъ, разгнѣвавшись на нихъ за ихъ невѣріе, задумалъ наказать ихъ. Однажды, кто-то изъ Цаніевъ замѣтилъ, что у козла, стоявшаго неподалеку на скалѣ, стала пошевеливаться борода, и вслѣдъ за этимъ Цаніи почувствовали новое для нихъ ощущеніе холода. Это былъ вѣтеръ, который послалъ въ 1-й разъ Богъ на землю, чтобы наказать нечестивыхъ Цаніевъ. Вѣтеръ нагналъ черныя тучи, которыя закрыли отъ Цаніевъ солнце, и вскорѣ съ неба стали падать бѣлые хлопья ваты, которые и покрыли всю землю. Вслѣдъ за тѣмъ, Богъ послалъ съ неба огонь, который воспламенилъ вату и сжегъ Цаніевъ.—Вотъ сущность преданія о Цаніяхъ. Преданіе это я слышалъ отъ нѣсколькихъ лицъ, и всѣ они его повторяли приблизительно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Разсказавъ о постройкахъ Цаніевъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ крайне любопытномъ памятникѣ старины, который мнѣ также довелось наблю-

дать въ горахъ Абхазіи. Именно, я хочу сказать о жертвенникаху, которые находятся на многихъ горныхъ перевалахъ. Я лично видѣлъ ихъ на высокихъ перевалахъ Дзина и Хымсы. Въ «Воспоминаніяхъ Кавказскаго Офицера» упоминается о подобномъ же жертвенникѣ на перевалѣ черезъ Главный Кавказскій Хребетъ, въ Абхазіи, у г. Капышистры. Жертвенники эти состоятъ изъ нѣсколькихъ сложенныхъ въ видѣ четыреугольника камней. Сюда каждый переваливающій черезъ хребетъ обязанъ положить какое-нибудь приношеніе Духу Горъ, который иначе пошлетъ ему на дорогѣ туманъ или снѣжную вьюгу. Приношенія эти бываютъ самаго разнообразнаго характера. Обыкновенно кладутъ пули, деньги, какое-нибудь ненужное оружіе; женщины—пуговицы, ножницы, лоскутки. На жертвенникѣ Дзина я встрѣтилъ въ числѣ приношеній между прочимъ большой кристаллъ известковаго шпата. Никто изъ спутниковъ не смѣетъ присвоить себѣ какую-либо изъ находящихся на жертвенникѣ вещей, подъ страхомъ неминуемаго наказанія свыше. Описываемые жертвенники принадлежатъ, очевидно, глубокой древности, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ грудѣ накопившихся вѣками приношеній находятся, между прочимъ, желѣзные наконечники стрѣлъ и копій, откуда и происходитъ абхазское названіе такихъ жертвенниковъ «Ахчаквахыку», т. е. мѣсто, гдѣ лежатъ стрѣлы. Вотъ образцы этихъ наконечниковъ, собранные мною въ землѣ на пер. Ачавчара. Они совершенно подобны тѣмъ, которые находятся на пер. Дзина (съ пер. Дзина я не могъ захватить ихъ, такъ какъ зорко наблюдавшій за мною все время проводникъ не позволялъ мнѣ сдѣлать этого [1]).

Вообще, памятники старины въ Абхазіи едва затронуты изслѣдованіями и нуждаются въ дѣятельномъ, дальнѣйшемъ, изученіи. Въ Абхазіи напримѣръ, есть много пещеръ, служившихъ нѣкогда мѣстожительствомъ человѣка, которыя крайне интересно бы изслѣдовать. Самая любопытная изъ этихъ пещеръ или, вѣрнѣе, пещерныхъ жилищъ, есть Мычишская пещера, между сел. Отхары и Блабурхва. Она находится въ скалѣ, изъ подъ которой вытекаетъ р. Мычишъ. Подойдя ближе къ этому мѣсту, вы увидите передъ собою громадную совершенно отвѣсную скалу, въ которой виднѣются въ разныхъ мѣстахъ 4-угольныхъ отверстія—родъ оконъ. Вообще, скала имѣетъ совершенное подобіе знаменитой скалы Уплисъ-Цихе, близъ г. Гори. Въ мычишскую пещеру въ недавнее время, говорятъ, пробовалъ пробраться одинъ абхазскій князь, проживавшій въ сел. Отхары, Маджаръ Ширвашидзе (не-

---

[1]) Въ Черноморскомъ округѣ, въ бассейнѣ р. Мзымты, около одного долмена близь сел. Романовскаго, находятъ наконечники стрѣлъ и копій, совершенно сходные съ описываемыми.

давно умершій). Для этого онъ съ помощью нѣсколькихъ десятковъ людей соорудилъ родъ воздушнаго моста, по которому онъ достигъ одного изъ оконъ и черезъ него спустился въ пещеру. Князь ограничился однако изслѣдованіями только первой комнаты, такъ какъ не рѣшился спутиться въ другія. Въ этой комнатѣ онъ нашелъ какіе-то серебряные сосуды, которые, говорятъ, были переданы имъ мѣстному участковому начальнику. Какая дальнѣйшая судьба постигла ихъ—мнѣ неизвѣстно. Не мѣшало бы поэтому гг. археологамъ серьозно заняться обслѣдованіемъ Мычишской пещеры. Равнымъ образомъ я хотѣлъ бы обратить вниманіе археологоловъ на крайне-интересную въ археологическомъ отношеніи мѣстность, находящуюся въ Самурзакани, на правомъ берегу р. Ингура, около селенія Дихазурги. Это такъ наз. Д и х а г у з б а. Мѣстность, извѣстная подъ этимъ именемъ, лежитъ на СВ. склонѣ г. Сатанжи, которая сама по себѣ представляетъ много интереснаго. На вершинѣ этой страны находится высокая старинная башня, видная издалёка, а внизу у подошвы горы, на берегу р. Ингура, также находятся какія-то развалины. Въ районѣ этой мѣстности сыздавна, при распашкѣ земли, дѣлаютъ находки разныхъ вещей, преимущественно оружія. Я имѣлъ случай видѣть нѣсколько такихъ находокъ. Это суть: мѣдный (или бронзовый) топоръ, наконечникъ копья и женская застежка (фибула).

Этимъ свѣдѣніемъ я и закончу свое сообщеніе, которое и безъ того уже разрослось до нежелательныхъ размѣровъ.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ повторить, что я вовсе не имѣлъ въ виду своимъ сообщеніемъ вносить что-либо существенно-новое въ этнографическую литературу объ Абхазіи. Я желалъ лишь, изложеніемъ своихъ личныхъ 5-лѣтнихъ наблюденій, устранить кое-какія ошибки, вкравшіяся въ эту литературу и до сихъ поръ неисправленныя. Мнѣ хотѣлось также возбудить среди энтографовъ интересъ къ абхазцамъ — этому любопытному народу, являющемуся въ настоящее время единственнымъ представителемъ тѣхъ рыцарскихъ черкесскихъ племенъ, которыя нѣкогда, еще не такъ давно, занимали все Восточное побережье Чернаго моря вплоть до р. Ингура,—народу, который, къ сожалѣнію, теперь подъ давленіемъ русской культуры быстро утрачиваетъ свою племенную самобытность.

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

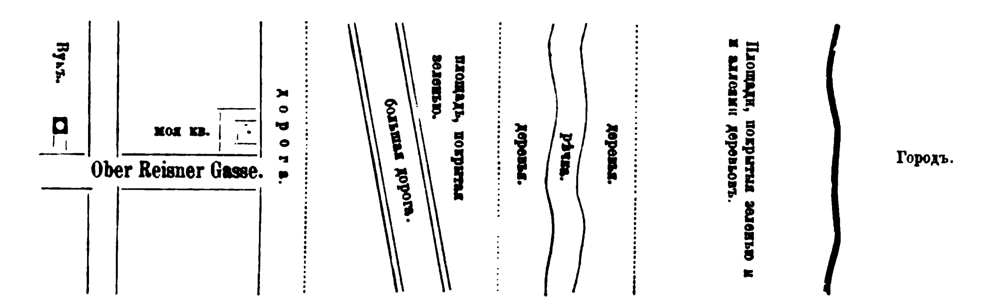
LIX.

№ 49. Копія (потому что подлинникъ написался такъ, что и мнѣ самому трудно читать... И такъ копія:)

Вѣна. Декабрь 1841.

Я не пишу числа, потому что дни у меня текутъ одинъ за другимъ безъ различія, и это съ малыми перемѣнами будетъ продолжаться, кажется, все время пока буду въ Вѣнѣ. Почти каждой и почти цѣлой день я дома: въ 8 часовъ пью кофе; потомъ занимаюсь до обѣда; потомъ въ 3/4 перваго приносятъ мнѣ обѣдъ; послѣ обѣда лежа читаю пока свѣтло, иногда, впрочемъ иногда, и вздремну; далѣе зажгу звѣчку—и за работу до чаю, въ 1/8 пью чай, и потомъ опять занимаюсь до 9; въ 9 ложусь на софу, и читаю что нибудь легкое для развлеченія (напр. теперь Ифланда драмы). Выхожу изъ дому, когда или что нужно купить или въ книжныя лавки расплачиваться (а книги присылаютъ мнѣ на домъ, и я выбираю, что нужно), или въ библіотеку, или къ Вуку, или наконецъ въ театръ (не болѣе разу въ недѣлю), или, что еще рѣже, на почту отдать письмо и спросить, нѣтъ-ли мнѣ. Меня посѣщаютъ рѣдко: раза два въ недѣлю молодой Сербской литераторъ—студентъ университета Петровичь, иногда на вечеръ зайдетъ Вукъ. Мнѣ не скучно, а бываетъ грустно (вотъ почему и читаю драмы и повѣсти): не получивъ еще позволенія остаться за границей, я боялся, что мнѣ откажутъ въ просьбѣ; а теперь, получивши его, я бы полетѣлъ домой. Моя несносная сосѣдка заставляетъ меня каждой день повторять: «хорошо въ чужи, а дома лучше»; играетъ себѣ да играетъ то самое, что вы играли тогда, когда—фу! за два года слишкомъ. Если-бы уже скорѣе лѣто, т. е. весна: пошелъ бы бродить,—ужъ теперь побреду на востокъ, все ближе къ вамъ.

Моя квартира на углу той улицы, гдѣ я жилъ прошлую зиму, вотъ такъ:



Дорога въ городъ та же; та же старушонка счищаетъ грязь съ дороги, гдѣ люди переходятъ, и также получаетъ отъ меня по 2 крейцера въ недѣлю и за то зоветъ меня Милостью; та-же шармантка подлѣ мостика и тѣ-же яблоки и пирожки подлѣ шармантки, и та-же нищая съ дитятью за мостикомъ.

Въ Стефановской церкви бываю довольно часто. Кстати: въ варварской Россіи ликъ Божіей Матери пересталъ лить слезы при Петрѣ; а въ образованной Германіи, въ Вѣнѣ—у деревянной статуи распятія въ церкви Стефана еще и до днесь борода растетъ и бороду стригутъ. Я приглядывался къ этой бородѣ: густая, черная; растетъ-ли, примѣтить мудрено, а всѣ ей молятся и говорятъ, что ей-Богу растетъ. Чудная борода. Да и Стефановская церковь чудна: кто ходитъ въ нее молиться, кто (какъ я грѣшной) проходитъ черезъ нее, чтобы не обходить ее; а кто ради свиданія—кавалеръ для свиданія съ дамой, дама съ кавалеромъ. Церковь огромна, угловъ множество, темно всегда: никто не знаетъ и не видитъ, кто молится, кто проходитъ мимо, кто «свидается».

22-е дек.

Вчерашній вечеръ я провелъ такъ, какъ давно уже, давно не проводилъ. Въ Hofburgtheater вчера разыгрывали Гайдново Сотвореніе міра. Сцена во всю длину претворилась въ амфитеатръ пульпетовъ, у которыхъ по скамьямъ сѣли около 150 музыкантовъ; передъ ними на возвышеніи режиссеръ, ниже ихъ, т. е. ближе къ публикѣ около 100 пѣвчихъ; еще ближе Штаудигль, Лосъ и г-жа Гассель-Бартъ, а между ними фортепіано. Театръ былъ довольно полонъ, хотя впрочемъ и были пустыя мѣста; былъ императоръ съ императрицей, нѣсколько принцевъ и принцессъ.—Впечатлѣній передать вамъ не могу; скажу только, что я плакалъ, не могъ удержаться, сколько ни старался.—А вотъ содержаніе ораторіи:—Вступленіе громовито; только иногда громы смолкаютъ, и нѣжный, стройной, тихій, но могущественный голосъ отъ

скрыпки къ скрыпкѣ, отъ віолончели къ флейтѣ, и—опять громъ и трескъ. Далѣе арх. Рафаилъ (Штаудигль—бассъ) поетъ: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю и земля была безъ образа и пуста, и тьма лежала надъ глубиною». Хоръ ангеловъ: «И духъ Божій носился надъ водами, и Богъ молвилъ: Будь свѣтъ, и сталъ свѣтъ». Арх. Уріилъ (Лосъ—теноръ): «И Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы»,—и далѣе поетъ пѣсню о первомъ днѣ и паденіи демоновъ. Хоръ: «съ отчаяніемъ, яростью, ужасомъ пали они—и новый свѣтъ возсталъ по Божью слову». Арх. Рафаилъ: о сотвореніи тверди и пѣсню о воздушныхъ явленіяхъ. Арх. Гавріилъ (Гассель-Бартъ—дискантъ) пѣсню хвалы Творцу. Хоръ повторяетъ. Рафаилъ: объ отдѣленіи суши отъ водъ и пѣсню о морѣ и рожденіи скалъ, потоковъ, рѣкъ. Гавріилъ: «да будетъ зелень, деревья, плоды»—и пѣсня. Уріилъ съ хоромъ поетъ хвалу Богу, и потомъ: о звѣздахъ, солнцѣ и мѣсяцѣ. Далѣе тріо (три архангела): «день дню и ночь ночи повѣдаютъ славу его,—и слово Его идетъ по свѣту, звучное для всякаго слуха, и ничьему слуху не чуждое». Хоръ повторяетъ. Финалъ оканчиваетъ первое отдѣленіе. Вотъ мѣста, гдѣ я не могъ удержаться отъ слезъ: «И сталъ свѣтъ», «Колышется море», «И мѣсяцъ восходитъ» (это неподражаемо: начинаютъ низкіе инструменты—контрабасы, барабаны, но едва слышно, потомъ пристаютъ віолончели, далѣе альты, а между контрабасы и барабаны уже едва слышны, далѣе скрыпки—и все тихо, и медленно, и все скорѣе, все громче), послѣдній хоръ и конецъ тріо «ничьему голосу не чуждое, ничьему!.. ничьему?—ничьему». 2-ое отдѣленіе. Гавріилъ: «И Богъ молвилъ да будутъ живыя творенія и птицы», и пѣсню: «На могучемъ крылѣ паритъ гордо орелъ, и мчится къ солнцу; жаворонокъ веселой пѣснію встрѣчаетъ утро, и о любви коркуетъ (girrt) пара голубковъ, а по рощамъ раздаются соловьи—еще не тосковали они». Я опять въ слезы; а мѣсто о парѣ голубковъ было выше слезъ. Рафаилъ: о созданіи рыбъ. Тріо. Рафаилъ: «И Богъ рекъ: да будутъ звѣри», и потомъ пѣсню. Уріилъ: И Богъ создалъ человѣка по образу своему, и далъ ему душу. Общая пѣсня о человѣкѣ—простая, но достоиная человѣка. Тріо. Хоръ. Алелуя. Въ третьемъ отдѣленіи остается одинъ Уріилъ, и являются Адамъ и Ева (Штаудигль и Гассель-Бартъ). Они поютъ пѣсню хвалы Богу, и еще одинъ дуетъ (превосходной) о своей любви. Хоръ. Финалъ.—Музыка исполнила свое дѣло чудесно; пѣвчіе было мало чѣмъ хуже нашихъ (дишканты плохи—это были ученики). Штаудигль пѣлъ съ чувствомъ, но это не протодьяконской бассъ. Гассель-Бартъ была превосходна: ея партія чрезвычайно трудна и разнообразна; но слушатель не могъ замѣтить ни въ ея голосѣ, ни въ движеніяхъ, гдѣ ей трудно. О согласіи цѣлаго я не говорю.—Давно я не наслаждался такъ,—и никогда не жалѣлъ болѣе, что васъ нѣтъ: мы бы забрались въ уголокъ

ложи—и вдоволь бы наплакались. Въ одиночку меньше чувствуешь, да притомъ въ партерѣ что не разсѣетъ: впереди меня напр. сидѣлъ какой то провинціальный франтъ (Боже избави, если Русской), и то разваливался какъ пьяный (къ счастію его мѣсто подлѣ его было не занято, а то бы негдѣ было разваливаться), то любовался своею перчаткой. А сзади я не могъ не слышать по временамъ: ach, s'is' hübsch=ахъ, вишь ты какъ мило! Это проклятое hübsch: у Нѣмца все hübsch—и холстинковое платье въ 1/2 гульдена, и только не коровье лице, и—божественное произведеніе искуства.

26-е.

Сегодня утромъ я былъ съ Вукомъ у князя Милоша. Милошъ былъ въ 1839 изгнанъ изъ Сербіи, и какъ помѣщикъ жилъ въ Валахіи, между тѣмъ какъ его сынъ Миланъ (іюня 1839), а послѣ его смерти другой сынъ Михаилъ избранъ княземъ. Милошъ изгнанъ за жестокости. Онъ впрочемъ сдѣлалъ много для Сербіи. Я принятъ былъ имъ ласково и просто. Говорили большею частію о древностяхъ Сербіи: видно, что онъ знаетъ Сербію прекрасно. Онъ уже здѣсь лѣто и зиму. Не добивается ли чего черезъ Австрію? Не мудрено... а молодецъ: настоящій Запорожскій гетманъ.

30-е.

19-го я былъ въ театрѣ, когда давали Лира; а сегодня слушалъ Гамлета. Лиръ былъ данъ превосходно: Аншюцъ игралъ Лира, и точно, надобно его слушать, что бы понять, какъ все въ этой роли естественно, даже самой монологъ: «Бушуйте вѣтры (Blow, winds). Лёве игралъ шута, Лёве—шута—и чудесно. Всѣ другіе играли хорошо.—Вчера было не то: пьесу окоротили, выбросивши много прекрасныхъ мѣстъ. Гамлета игралъ Лёве—очень хорошо; впрочемъ не въ монологѣ «Быть или не быть» и не въ отвѣтѣ Полонію «Слова, слова, слова». Реттигова играла Офелію: были мѣста прекрасныя, но вся Офелія мнѣ не понравилась. Аншюцъ въ роли духа-короля былъ тоже хорошъ. Остальные дрянь. Не ожидалъ я этого въ Вѣнѣ. Лучше бы было остаться дома и читать съ Вукомъ пѣсни: каждый вечеръ приходитъ онъ ко мнѣ, снимаетъ свою деревянную ногу, ложится,—пьемъ чай, а потомъ читаемъ пѣсни.

Finis copiae.

Вотъ на отвѣтъ письму № 18, которое получилъ я вчера—и мѣста нѣтъ. Слѣдующій листокъ начатъ; но онъ въ другое время пошлется, какъ

№ 50. Приходится тамъ отвѣчать. Не сердитесь, душенька маменька, если рѣдко буду писать: не о чемъ. Струве [1]) сейчасъ буду писать: надпишите на конвертѣ его имя и отчество.

LX.

№ 50. Вѣна. 4 Января 1842.

Наконецъ зима: 1-го января былъ морозъ, 2-го и 3-го рѣчка Вѣна стала, сегодня снѣгъ, Русской снѣгъ,—и на душѣ у меня какъ-то весело—не потому что холодно на дворѣ, а потому что у меня тепло. До сихъ поръ я сижу дома въ легенькомъ холстинковомъ полу-халатѣ, и водятся даже мухи. Одна изъ этихъ мухъ очень любитъ скрыпъ моего пера, живетъ на моемъ столѣ, и прилетаетъ иногда на бумагу, на которой я пишу, ходитъ туда и сюда, осматриваетъ внимательно, что я написалъ или что пишу, суетится около пера, какъ будто желая помочь мнѣ,—предобрая муха. Время мое идетъ по прежнему: дома, а вечеромъ приходитъ Вукъ, пьемъ чай и читаемъ Черногорскія пѣсни. Эти чтенія и бесѣды съ нимъ мнѣ очень полезны, и со стороны глядя даже милы: старикъ сниметъ свою деревянную ногу, ляжетъ на софу, гдѣ я заранѣе приготовлю ему подушку; а я у столика съ книгой и карандашомъ въ рукѣ.

Третьяго дни былъ въ Kärntherthor театрѣ. Давали Роберта-дьявола. Прекрасная вещь. Къ тому же Люцерова. Эта дѣвушка вся изъ бархата, и весела, даже до досады, потому что часто неумѣстно; а голосъ—бархатное серебро. Другіе посредственны; а почтенный Робертъ-дьяволъ ниже посредственности: это теноръ въ родѣ нашихъ извощичьихъ, кричащихъ «пади».—Сегодня даютъ Гугенотовъ, т. е. Гвельфовъ и Джибеллиновъ, какъ ихъ въ Австріи перекрестили. Не знаю, идти или нѣтъ. И въ театрѣ хорошо, и съ Вукомъ то-же...

1/13 Января 1842.

Вукъ ушолъ; я остался одинъ; читалъ сидя, читалъ лежа; погасилъ свѣчу, думалъ заснуть,—и черезъ часъ опять зажегъ свѣчу. А вотъ теперь бьетъ полночь: новый годъ нашъ. Три года тому назадъ мы были вмѣстѣ. Помню, какъ сидѣлъ я на вашей постели, какъ мы разговаривали съ вами о Маничкѣ (дай, Боже, ей счастья). Какъ бы я желалъ опять сидѣть на вашей постели, и разговаривать—о чемъ угодно, хоть молча сидѣть, лишь бы съ вами, лишь бы чувствовать, что я не одинъ на этомъ свѣтѣ. И знаете-ли, душенька маменька, я боюсь за себя: мнѣ все кажется, что странническая

---

[1]) Н. И. Струве—лекторъ англійскаго яз. въ Харьковскомъ университетѣ.

жизнь сдѣлала меня такимъ круглымъ сиротою, что я уже и чувствовать пересталъ, имѣю ли родныхъ; мнѣ все кажется, что я люблю васъ менѣе нежели прежде. Думаю объ этомъ и пугаюсь самъ себя. А утѣшаю себя въ минуты грусти тѣмъ, что не знаю грусти безъ воспоминанія о васъ, что чувствую грусть только потому, что васъ нѣтъ. И въ минуты радости опять радость моя не полна, потому что мнѣ бы хотѣлось раздѣлить ее съ вами. Я боюсь; впрочемъ и утѣшаю себя. Да и если бы,—три года привычки къ равнодушію изгладятся, какъ не бывали, въ одинъ мѣсяцъ, менѣе, когда буду каждый день, каждый часъ чувствовать вашу любовь ко мнѣ. Цѣлую вашу ручку, и молюсь, да сохранитъ Богъ ваше здоровье и покой.—Поклонитесь нашимъ знакомымъ, и поздравьте ихъ отъ меня съ новымъ годомъ,—по крайней мѣрѣ съ Крещенской [1]).

Все еще $^{1}/_{13}$.

Былъ сегодня у Милоша князя. Очень былъ радъ моему посѣщенію.—Послѣ обѣда лежу покойно на софѣ. Вдругъ кто-то стучится, по обычаю, въ дверь.—Herein, то есть милости просимъ, говорю я,—и входитъ дама, а съ нею дитя. «Не угодно ли вамъ пожаловать herüber (не знаю какъ, бы перевести: «на нашу сторону», что ли, или «напротивъ»), если угодно, какъ любителю и знатоку взглянуть на tableau, тамъ выставленные!» Мало по малу—по голосу, я узналъ, что это моя сосѣдка (голосъ мнѣ слышенъ черезъ двери, а ее я еще не видалъ). Прошу садиться, прошу объяснить дѣло. Далѣе я одѣлся и пошелъ. Сосѣдъ мой отставной офицеръ—калѣка, не старой человѣкъ (а что съ костылемъ, это я тоже слышалъ черезъ дверь); у него жена и дочь; у нихъ родственница,—кажется, дѣвушка, хоть я и назвалъ ее «gnädige Frau» (это та самая, которая была у меня). Впрочемъ вотъ картина или табло: изъ бумаги и дерева сдѣланъ аршина въ $2^{1}/_{2}$ шириною и вышиною дворецъ съ подъѣздомъ; передъ нимъ пѣшіе и конные, экипажи и возы, все небольшое, но сдѣлано такъ, что и колеса крутятся, и дверцы отворяются, и внутри сидятъ одѣтыя дамы и кавалеры. Потомъ поднялась передняя стѣна и я увидѣлъ большую залу съ зеркалами, съ люстрами, со множествомъ народа: одни идутъ польскій, другіе играютъ въ биліардъ, иные въ карты, и такъ далѣе, всего штукъ до 300. Это все дѣлалъ отъ скуки мой сосѣдъ. Но этимъ не все кончилось. Онъ повелъ меня къ столику и показалъ мнѣ точно чудеса: по желѣзной дорогѣ идетъ машина, тянетъ за собой экипажей 10, внутри наполненныхъ людьми, коровами, а на заднемъ возѣ

---

[1]) Т. е. съ Харьковской Крещенской ярмаркой.

коляска, и въ коляскѣ лакей показываетъ барину на что-то рукою, а баринъ глядитъ въ подзорную трубу,—и все это приводится въ дѣйствіе, то есть тянется, одною блохою: можете представить, какъ все это велико. Различ. такихъ крошечныхъ экипажей съ колесами, дверцами, людьми внутри, у него множество. Есть и блохи, которыхъ онъ кормитъ своей кровью.—Каждая блоха въ платьи, то есть приклѣена спиною къ платью. Есть блохи, играющія на скрыпкѣ и флейтѣ, фехтующія шпагами и прочая.—Чудеса да и только! Вукъ идетъ.—

20-е.

Сегодня Вукъ пришелъ ко мнѣ съ такой исторіей: въ суботу шли дѣти изъ училища; между ними и сынъ живописца Галера съ другимъ. Подходитъ къ нему какой-то человѣкъ, приласкалъ, далъ ему что-то, и прибавилъ, что «иди вонъ къ тому человѣку,—онъ дастъ тебѣ кое-что». Дитя пошло.—На другое утро нашли дитя мертвое подъ стѣной городской, какъ будто бы оно упало со стѣны, и убилось. Взяли тѣло въ больницу или клинику—не знаю; оказалось, что оно было изнасиловано и удавлено. Полиція ищетъ преступника,—и, если въ этой ужасной исторіи замѣшанъ какой нибудь баринъ, то конечно не найдетъ.—А простыхъ убійствъ бываетъ довольно: такъ что по гласису (по алеямъ между мною и городомъ) ходить поздно не безопасно; иной подумаетъ, что у проходящаго деньги въ карманѣ, да отведетъ къ Харону. Это я уже знаю, и идя по гласису изъ театра всегда вооруженъ (!) горстью песку, который постоянно остается въ карманѣ сертука.

Сегодня балъ при дворѣ, и площадь передъ дворцомъ уложена соломой отъ стука экипажей, какъ будто для тяжело больнаго.

25-е.

Преступникъ найденъ: родной дядя дитяти и еще кто-то. Ужасно! Открылась и еще подобная исторія.

Вчера я былъ въ Греческой церкви, гдѣ славили день Савы; пѣли по Сербски. Оттуда къ Милошу.—А вечеромъ былъ въ театрѣ, въ которомъ еще никогда не былъ—въ Theater an der Wien. Это собственно Вѣнскій театръ. Все играется на Вѣнскомъ простомъ нарѣчіи; понимать очень трудно; а играютъ очень хорошо, по крайней мѣрѣ очень смѣшно. Вчера давали Цыганъ. Гдѣ-то на границѣ было помѣстье одного Гутбезитцера (помѣщика), старика, который за двадцать лѣтъ имѣлъ жену, и въ нещастномъ случаѣ потерялъ ее въ лѣсу вмѣстѣ съ сыномъ малюткой, а черезъ 20 лѣтъ забылъ о всемъ и, хоть старъ, но думаетъ жениться. Не надѣясь на другую партію,

онъ хочетъ жениться на дочери каменотеса, живущаго въ его селѣ. Камердинеръ его находитъ себѣ невѣсту въ дочери угольщика. Между тѣмъ у каменотеса есть работникъ, любящій его дочь и ею любимый, славный парень, только безъ свидѣтельства о рожденіи, а потому и прозванный Цыганомъ. Помѣщикъ, узнавши объ этомъ, выгоняетъ его въ пограничный лѣсъ. Парень попадаетъ въ руки гусарамъ, а капралъ ихъ, узнавши эту исторію и вспомня, что онъ за 20 лѣтъ потерялъ сына, когда еще былъ самъ бродячимъ Цыганомъ, принимаетъ его за своего сына, и сдѣлавши его своимъ quasi рекрутомъ, ставитъ на квартиру къ каменотесу. Камердинеръ, получивши отъ своей невѣсты обручальное кольцо, читаетъ на немъ имя своего барина, въ припадкѣ ревности думаетъ, что баринъ соблазнилъ ее, отказывается отъ нее, и указываетъ барину кольцо. По этому кольцу тутъ дѣло раскрывается: и кольцо и другія разныя разности найдены въ лѣсу капраломъ, когда еще онъ былъ Цыганомъ, и даны угольщику за квартиру, когда онъ у него стоялъ, и принадлежали женѣ помѣщика; а молодой парень сынъ помѣщика.—Нестрой игралъ камердинера, Карлъ—помѣщика, Шульцъ—каменотеса. Это три знаменитости. Играли прекрасно. Театръ очень милъ; но публика совсѣмъ другая: смѣхъ во все горло, сидятъ въ шляпахъ, много нечистаго народу, и лицъ заранѣе отцвѣтшихъ.

1-е февр.

Въ прошлое воскресенье былъ я въ редутѣ, на маскарадѣ. Не танцуютъ, а ходятъ. Замѣчательныхъ масокъ не было, и то замаскированы были однѣ женщины—какія, легко распозналось къ полночи. Они сами заговаривали съ незнакомыми мужчинами, набивались на вниманіе, успѣвали его находить, если не тутъ, такъ и тамъ, и каждая счастливица ждала потомъ удобнаго случая улизнуть изъ залы со своимъ счастливцемъ. Мужчины со своей стороны были также свободны съ масками, отъ словъ доходило до объемовъ. И такой балъ могъ даваться въ императорской залѣ!

А между тѣмъ исторія о задавленномъ дитяти и другомъ, погибшемъ въ школѣ профессора педагогіи и тоже священника, гремитъ. Царь велѣлъ строго рѣшить, говоря—какъ носится въ публикѣ—что «иначе бы подумали, что въ мое царствованіе все идетъ на перекоръ (alles gehet umgekehrt)». Простодушіе, достойное его доброй души. Особенно кричатъ женщины, какъ о дѣлѣ до нихъ касающемся.

Къ ихъ большому сожалѣнію, нѣтъ для многихъ изъ нихъ и баловъ: Русскаго посланника нѣтъ, Англійскій не имѣетъ жены, Французскій еще не устроился, и т. далѣе, а въ царскомъ дворѣ больные. И между тѣмъ фашингъ

(масляница) скоро—черезъ 8 дней—кончится. Завтра будетъ балъ при дворѣ, но начнется въ 7 часовъ, и такъ какъ послѣ завтра середа, то и кончится до полночи.

Наши чтенія съ Вукомъ продолжаются; и потому въ театрѣ я не бываю; да и особеннаго ничего не даютъ.

6-е февр.

Вчера я воротился домой около полуночи. Опять былъ на балѣ, былъ въ Елизіумѣ. Такъ называется глубокій двух-ярусный погребъ (въ Johanesgasse), довольно большой и оригинально украшенной. Великъ онъ такъ, что можетъ помѣстить болѣе 1000 народу; а украшенъ вотъ какъ:—спустившись внизъ и прошедши на лѣво, мимо двухъ гардеробовъ, гдѣ отдаются подъ сохраненіе плащи и т. подоб., входишь въ длинную и узкую залу, поддерживаемую вмѣсто столбовъ слонами, и разрисованную по стѣнамъ разными очень недурными картинами, на которыхъ видите африканцевъ; въ концѣ залы полупрозрачная картина съ изображеніемъ женщины на львѣ, имѣющей представлять Африку, и все освѣщеніе въ фонаряхъ зелено-желто-краснаго цвѣта. Эта зала называется Африка. Изъ нее, корридоромъ, въ которомъ находятся дамскіе туалеты и то, что бываетъ нужно и для мужчинъ и для женщинъ, приходите къ углу, въ которомъ на лѣво спускъ въ низъ, а прямо зала небольшая, называемая Мѣсяцъ, разрисованная изображеніями обитателей мѣсяца, съ двумя хорами, изъ которыхъ одни для зрителей съ кругловатыми окошками, а другіе для музыки, т. е. для пяти особъ, изъ которыхъ одна играетъ на скрипкѣ, другая—на гитарѣ, третья—на цитрѣ, четвертая дѣвушка, поющая въ обыкновенномъ костюмѣ, а пятая баба, поющая по Тирольски. (Я забылъ сказать, что въ Африкѣ музыка скрывается за полупрозрачной картиной). Въ залѣ вдоль стѣнъ, также какъ и въ Африкѣ, разставлены столы съ приборами. Вышедши изъ Мѣсяца и спустившись внизъ по двумъ лѣсницамъ, на право имѣете Европу, а на лѣво Азію. Европа есть зала, тоже болѣе узкая нежели большая, съ паркетированнымъ поломъ, съ колоннами на которыхъ поддерживаются хоры, идущіе вокругъ всей залы; по стѣнамъ вдоль залы диванчики и стулья. Азія раздѣляется на два отдѣленія: одно—Китайское съ Китайскими картинами и со сценой для Китайскихъ представленій, подъ которою богатая конфектная лавка (есть конфектная лавка и въ Африкѣ, но не такъ богатая); другое отдѣленіе—театръ обыкновенный, съ ложами для дамъ по обѣ стороны. Черезъ Азію проходишь въ корридоръ, и имъ доходишь въ Америку, которая также раздѣляется на два отдѣленія: одно съ музыкой и готовыми приборами, а другое въ родѣ лѣсу съ колеями желѣзной дороги. Тутъ къ услугамъ

вашимъ готовы экипажи, довольно уродливо-красивые, запряженные дрянными лошадьми; стоитъ купить билетъ, сѣсть въ экипажъ—и поѣдете въ Австралію. Подлѣ того мѣста, гдѣ садятся въ экипажи есть водопадъ смердящей воды (а въ Мѣсяцѣ запахъ напоминаетъ запахъ бани). Австралія вся въ гротахъ, а на небольшой площадкѣ сидятъ три дикихъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на гитарѣ, другой на скрипкѣ, а третій на гармоникѣ. Во всѣхъ мѣстахъ хорошо освѣщено, а гдѣ стоятъ столы съ приборами тамъ на столахъ стоятъ стеариновыя свѣчи. По всѣмъ мѣстамъ, кромѣ людей, смотрящихъ за порядкомъ, ходятъ различные шуты, одѣтые кто арлекински, кто во Французскій кафтанъ прошлаго столѣтія, и т. д. Начало въ 7 часовъ вечера. Мы пришли рано, и должны были ждать съ цѣлой толпою другихъ, пока отопрутся ворота. Можете представить, что за публика сходится въ Елизіумъ, когда въ числѣ ожидающихъ было болѣе такъ называемыхъ дамъ, нежели такъ называемыхъ кавалеровъ. Въ 8 музыка начала играть, а въ 9 было уже такъ полно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было продраться. Въ Африкѣ, Америкѣ и на Мѣсяцѣ пошли возиться кёлнера съ виномъ и кушаньями; въ Европѣ начали вальсировать и галопировать; по Австраліи ѣздить на клячахъ; въ Азіи то Китайскія нѣмыя сцены, то театръ; шуты всюду забавлять публику различными смѣшными предиками. Въ половинѣ 10-го былъ поѣздъ или лучше сказать походъ Геркулесовъ, котораго я не видалъ; а въ половинѣ 12-го походъ Фашинга (Масляницы), состоящій изъ различныхъ шутовъ и шутихъ. Однимъ словомъ пестрота занимательная. Различныхъ забавляющихъ и прислуживающихъ было конечно болѣе 100. Публики болѣе 1000. Между личиками встрѣчались и очень хорошенькія, но всѣ размалеваны какъ на театрѣ. За входъ платится 30 крейцеровъ серебр. т. е. 1 —20 коп. Согласитесь, что дешево.

8-е февр.

Сегодня я выѣзжалъ изъ Вѣны, чтобы взглянуть еще на одну забаву Вѣнцевъ. Завтра пепельная середа, начало поста великаго, а сегодня послѣдній день Фашинга; какъ не поплакать надъ окончаніемъ Фашинга, не повеселиться въ послѣдній разъ какъ можно веселѣе. Чтобы и поплакать и повеселиться вмѣстѣ, Вѣнцы выдумали обрядъ погребенія Фашинга и исполняютъ его въ различныхъ мѣстахъ около Вѣны. Мы поѣхали въ Дорнбахъ, гдѣ этотъ праздникъ въ рукахъ водовозовъ, полчаса отъ линіи Вѣнской. За сапную коляску заплатили мы 4 двугривенныхъ,—и... не думайте, что помчались. Отъ самой Вѣны до самаго Дорнбаха тянулась тесьмою непрерывная толпа народа пѣшаго и сотни экипажей. Всюду, гдѣ было возможно ъ

кучера напомнить мнѣ о Россіи, о нашемъ катаньи; но ему рѣдко удавалось вольно ѣхать, еще рѣже обгонять. Когда же ворочались мы назадъ, то должны были каждую секунду ожидать, пробиваясь сквозь густую толпу народа.— Что же было тамъ?—спрашиваете вы, милая маменька. Это былъ народный маскерадъ въ огромномъ размѣрѣ. Я уже не говорю о различныхъ отдѣльныхъ группахъ и лицахъ въ различныхъ маскахъ, конныхъ и пѣшихъ; тутъ были цѣлые возы масокъ,—на одномъ, напримѣръ, паша съ гаремомъ, на другомъ всякаго рода селянки съ масломъ, съ курятниками, съ овощами; на третьемъ разнаго рода ремесленники; тамъ ѣдетъ карточная игра, или любители пива; тамъ ѣдетъ не возъ, а огромный пукъ хворосту, и на немъ дерутся маски, будто не въ шутку; на главномъ возѣ самъ фашингъ—чучело съ раз. чучелами по бокамъ, и сзади высоко надъ нимъ еще одно чучело съ фонаремъ; кругомъ бѣгаютъ мальчишки маскированные уродливо и пестро, и, тряся ящичками, собираютъ деньги на этотъ обрядъ; прыгаютъ шуты, водятъ маску—медвѣдя, женщина, замаскированная въ осла ведется мужчиною въ маскѣ козы, и пр. и пр.—И тутъ же военная музыка—безъ масокъ! Весь этотъ поѣздъ выѣзжалъ изъ селенія, объѣхалъ тамъ по полямъ, и воротился. Мы поѣхали назадъ; но пляска и питье и пѣсни будутъ продолжатся до полночи. Ударитъ полночь,—посыплются пепломъ, и спать, чтобы проснуться съ горькою мыслью, что фашингъ умеръ.

20 февр.

Сегодня я былъ въ Leopoldstadttheater. Театръ очень бѣдной, и построенъ такъ что-бы болѣе было мѣста для простого народа, а ложь очень мало; публика очень, очень простая, за то много крику и вольности. Актеры тѣ же, что и въ Theater an der Wien, и господствующій діалектъ Вѣнскій, и играютъ фарсы, а слѣдовательно хохоту просторъ. У одного помѣщика есть дочка, есть надежда выдать ее за какого то графа, и есть егерь, который столько же нравится ей, т. е. не надеждѣ, а дочкѣ, сколько и самъ ее любитъ. Графъ у помѣщика въ замкѣ, получилъ отъ отца слово, а егерю со своей стороны дочка дала обѣщаніе бѣжать съ нимъ и, обвѣнчавшись, просить у отца прощенія. Помѣщикъ выѣзжаетъ на охоту, между тѣмъ какъ два ободранные Вѣнца шляпочникъ и сапожникъ, бѣдняки со сквозными карманами, голодные, встрѣтившись нечаянно въ лѣсу помѣщика близь рѣки и познакомившись другъ съ другомъ помощію голода, думаютъ идти въ деревню и промыслить себѣ хоть кусокъ хлѣба. Какъ дичь попадаются они охотникамъ, помѣщикъ велитъ имъ немедля выйдти изъ его имѣнія; но они мало объ этомъ думаютъ и, нашедши уды, давай пробовать счастья въ ловлѣ рыбы.

Тутъ попадаютъ ихъ мужики и, считая ихъ за воровъ, ведутъ къ сельскому судьѣ. У судьи есть племянница, молоденькая и прехорошенькая, и сколько она ни представляетъ ему, что она имѣетъ уже либгабера, что она готова и утопиться, и повѣсится, и изъ окна упасть, однако старикъ судья неумолимо хочетъ жениться на ней самъ. А тутъ и ведутъ шляпочника и сапожника, которые очень рады, если ихъ запрутъ на хлѣбъ и на воду, лишь бы не умереть съ голода... и на ихъ счастіе судья въ сапожникѣ находитъ своего сына, а Фанни въ шляпочникѣ своего незабвеннаго либгабера.—Судья радъ сыну, а Фанни хитра, и обоимъ хорошо: оба не только сыты, но и добыли чистое платье. Фанни назначаетъ своему шляпочнику свиданіе въ лѣсу въ тѣ же 6 часовъ, когда и егерь дочери помѣщика и въ томъ же мѣстѣ. Между тѣмъ приходятъ въ деревню странствующіе актеры; а сапожникъ, провѣдавши какъ-то о назначенномъ свиданіи шляпочника съ Фанни, и сказавши объ этомъ отцу, предлагаетъ отцу запереть Фанни, а самъ, переодѣвшись въ женское платье, идти на свиданье. Въ лѣсу темно. Приходитъ шляпочникъ, приходитъ дочь помѣщика: псъ, псъ, какъ знакомые побѣжали далѣе. Приходитъ сапожникъ, переодѣтой въ женское платье, приходитъ егерь; псъ, псъ,—и тоже хотятъ идти. Но егерю показалась ручка любезной очень жесткою, онъ вглядывается, даетъ пощечину, и уходитъ искать предметъ своей любви. Сцена перемѣняется: дочь помѣщика въ слезахъ, что попалась въ руки шляпочника, а не егеря, а шляпочникъ сердится что попалъ на нее, а не на свою Фанни. Слышутся рога, шляпочникъ на дерево, а егерь съ охотниками отводятъ дочь помѣщика къ отцу. (Между тѣмъ директоръ труппы, искавши между селянками актрисы, нападаетъ на мамзель сапожника, уговариваетъ его—ее, и получаетъ согласіе). Шляпочникъ остается на деревѣ, какъ приходитъ кто-то, разговариваетъ самъ съ собою, изъ чего и открывается, что онъ, такъ названный графъ не графъ, а просто мошенникъ, и, укравши у помѣщика шкатулку съ деньгами и драгоцѣнностями, хочетъ дать драла. Шляпочникъ понялъ это, осторожно соскочилъ съ дерева къ нему, за воротъ его, и не пустилъ, пока не сошлись люди. Ихъ повели къ помѣщику; мошенникъ хотѣлъ было обвинить шляпочника въ покражѣ шкатулки, но это ему не удалось, а шляпочникъ въ награжденіе получилъ отъ помѣщика домикъ и Фанни, и егерь его дочку. Послѣдняя сцена въ театрѣ, гдѣ сапожникъ играетъ женскую ролю.—Смѣшныхъ сценъ безъ щету. Сапожника игралъ Нестрой, а шляпочника—Шульцъ превосходно.

23-е февр.

Жила была гдѣ-то у горъ, а впрочемъ въ землѣ гдѣ владычествуетъ еще Австрійское нарѣчіе, нѣкая молоденькая, столько же веселая, сколько

капризная Виртинъ, т. е. содержательница постоялаго двора. Жилъ былъ Гутбезицеръ, часто заѣзжавшій къ ней съ охоты—поѣсть и попить, и былъ очень богатъ. Жилъ былъ жидъ, отдававшій деньги взаймы, если ему давали 1000 на 100. Жилъ былъ молодой живописецъ, очень молодой, очень доброй и очень любившій снимать съ природы виды, а слѣдовательно и бродить по горамъ, между прочимъ и мечтать. Одного недоставало у него—денегъ. Онъ долженъ былъ Виртинѣ чуть-ли не 100 флориновъ, не зналъ какъ ей заплатить. Она однако нашла средство. «Женись на мнѣ,—и долгъ твой заплаченъ». Подумалъ живописецъ и согласился, и переселился къ ней жить, и досталъ у нея слугу для ношенья по горамъ его живописныхъ инструментовъ. Бродя однажды по горамъ, онъ нашелъ на такое мѣсто, куда, какъ ему сказалъ поселянинъ, слетаются иногда феи играться, и пришелъ тогда, когда онѣ готовы были прилетѣть. Онъ притаился подъ кустомъ. Смотритъ, и въ самомъ дѣлѣ слетаются феи, а между ними и молодая ихъ княжна. Чтобы веселиться свободнѣе, онѣ сняли свои покрывала, и княжна также, однако замѣтя имъ, что онѣ должны беречь ихъ, что кто изъ нихъ потеряетъ покрывало, та останется на землѣ, какъ женщина. Игрались, прыгали; а между тѣмъ живописецъ схватилъ съ дерева покрывало княжны, и драла. Наступила буря; феи собрались улетѣть, и улетѣли, а княжна осталась на землѣ, плакала, и улетѣть не могла. Надобно было подумать о землѣ. Къ счастію нашла она пастушій плащь, и обернувшись въ него пошла искать пристанища... Случилось ей прежде всего придти къ Виртинѣ, и та приняла ее какъ келнерку (трактирную служанку). Живописецъ узналъ въ нэй свой идеалъ, упросилъ ее ввѣрить ему свою судьбу, взялъ у жида на два мѣсяца 100 флориновъ, съ тѣмъ чтобъ заплатить 1000, и пошелъ съ феей. Виртинъ бѣсилась, да нечего дѣлать; а Гутбезицеръ перекупилъ у жида вексель, и пригласилъ Виртину съ собою въ городъ, чтобы она была у него хозяйкой. Та согласилась. И пошло все хорошо. Живописецъ любилъ нѣжно свою фею, не зная, что она фея; а она и любила его и боялась любить. Однажды подслушалъ живописецъ ее разговоръ съ самой собою и съ сестрами, спросилъ что все это значитъ, и, узнавши, что она фея, что можетъ улетѣть на небо, если достанетъ свое покрывало, далъ ей его. Фея было обрадовалась, но, подумавши о томъ, что оставить должна на землѣ живописца, отдала ему назадъ. Было время винобơрьбы. На праздникъ сошлось множество народа. Надобно было выбрать и королеву; а обычай требовалъ, чтобы та была ею, кому достанется бѣлая роза, изъ корзины, гдѣ множество красныхъ и только одна бѣлая. Выбралась бѣлая роза феѣ, а она выбрала королемъ живописца. Ее короновали, и пошли плясать. А тутъ Гутбезицеръ и показалъ живописцу вексель. Живописецъ счастливо работалъ, но когда хотѣлъ заплатить, хвать—въ карманѣ нѣтъ бумажника: украли Цыгане.

Гутбезицеръ призвалъ полицію, чтобы схватить живописца. Тотъ выхватываетъ у одного изъ солдатъ ружье, хочетъ его, а тутъ прибѣгаетъ фея, и онъ ранитъ не солдата, а ее, ранитъ смертно, и его уводятъ въ тюрьму. Сидитъ онъ въ тюрьмѣ; а фея между тѣмъ выздоровѣла, и узнавши, за что посадили его въ тюрьму, стала работать и выплачивать долгъ. Ея покрывало украла у живописца Виртина. Черезъ нѣкоторое время Гутбезицеръ призвалъ живописца и фею, предлагая простить долгъ, если живописецъ уступитъ фею ему. Живописецъ не согласился, а Виртина, зная уже тайну покрывала и думая, что этимъ избавитъ себя отъ феи, заставитъ живописца любить себя, и отомститъ невѣрному Гутбезицеру, накинула на фею покрывало—и та улетѣла. Царица фей обрадовалась ея возврату, горюя о ея страданіяхъ на землѣ, и позволила ей пожелать, чего хочетъ. Фея пожелала воротиться на землю. Прискорбно было царицѣ; но исполнила ее желаніе, и обѣщалась всегда ей помогать, на всегда сохранить за нею сердце живописца. Выпроводили феи свою сестру. Летя надъ землей на облакахъ мимо разныхъ селъ и городовъ, онѣ остановились тамъ, гдѣ указала фея, передъ окномъ у котораго стоялъ живописецъ, и пала къ нему въ объятія.—Вотъ содержаніе пьесы, которую сегодня видѣлъ я въ Josefstadt-театрѣ. Мысль прекрасная; исполненіе, хоть и полное смѣшнаго, глупо. Декораціи прекрасны: особенно послѣдняя—въ облакахъ, на небѣ, и особенно вторая ея половина, когда земля шла мимо облаковъ, безпрестанно мѣняя виды. Музыка набрана изъ разныхъ оперъ. Піеса дѣлаетъ въ Вѣнѣ furore. Играютъ ее теперь почти каждой день, и всякой день биткомъ набито. Я не могъ достать Sperrsitz, и долженъ былъ простоять. Театръ не оченъ великъ, но хорошенькой. Главное достоинство его декораціи, рисуемыя однимъ живописцемъ Полякомъ, по имени Юшковичемъ или какъ то иначе.

26-е.

Сегодня получилъ письмо Алекс. Петр. съ прибавленіемъ отъ васъ и Амвросія [1]). А я было уже и грустить собирался. Слава Богу, вы здоровы; но Амвросій пишетъ, что вы рѣдко выходите изъ дому. Это не хорошо, душенька маменька! Вотъ настаетъ весна, надобно прогуливаться. А къ осени ждите меня. Изъ Вѣны уже скоро выѣду. Книги пошлю изъ Вѣны въ Броды; самъ же тамъ еще не скоро буду. Впрочемъ изъ будущихъ писемъ будете видѣть, куда поведетъ мой путь.—Цѣлую вашу ручку. Вашъ вѣрный сынъ.

Из. Срезневскій.

---

[1]) Ал. П. Рославскій и Амв. Л. Метлинскій.

№ 50. Приходится тамъ отвѣчать. Не сердитесь, душенька маменька, если рѣдко буду писать: не о чемъ. Струве [1]) сейчасъ буду писать: надпишите на конвертѣ его имя и отчество.

LX.

№ 50. Вѣна. 4 Января 1842.

Наконецъ зима: 1-го января былъ морозъ, 2-го и 3-го рѣчка Вѣна стала, сегодня снѣгъ, Русской снѣгъ,—и на душѣ у меня какъ-то весело— не потому что холодно на дворѣ, а потому что у меня тепло. До сихъ поръ я сижу дома въ легенькомъ холстинковомъ полу-халатѣ, и водятся даже мухи. Одна изъ этихъ мухъ очень любитъ скрыпъ моего пера, живетъ на моемъ столѣ, и прилетаетъ иногда на бумагу, на которой я пишу, ходитъ туда и сюда, осматриваетъ внимательно, что я написалъ или что пишу, суетится около пера, какъ будто желая помочь мнѣ,—предобрая муха. Время мое идетъ по прежнему: дома, а вечеромъ приходитъ Вукъ, пьемъ чай и читаемъ Черногорскія пѣсни. Эти чтенія и бесѣды съ нимъ мнѣ очень полезны, и со стороны глядя даже милы: старикъ сниметъ свою деревянную ногу, ляжетъ на софу, гдѣ я заранѣе приготовлю ему подушку; а я у столика съ книгой и карандашомъ въ рукѣ.

Третьяго дни былъ въ Kärntherthor театрѣ. Давали Роберта-дьявола. Прекрасная вещь. Къ тому же Люцерова. Эта дѣвушка вся изъ бархата, и весела, даже до досады, потому что часто неумѣстно; а голосъ—бархатное серебро. Другіе посредственны; а почтенный Робертъ-дьяволъ ниже посредственности: это теноръ въ родѣ нашихъ извощичьихъ, кричащихъ «падй».— Сегодня даютъ Гугенотовъ, т. е. Гвельфовъ и Джибеллиновъ, какъ ихъ въ Австріи перекрестили. Не знаю, идти или нѣтъ. И въ театрѣ хорошо, и съ Вукомъ то-же...

1/13 Января 1842.

Вукъ ушолъ; я остался одинъ; читалъ сидя, читалъ лежа; погасилъ свѣчу, думалъ заснуть,—и черезъ часъ опять зажегъ свѣчу. А вотъ теперь бьетъ полночь: новый годъ нашъ. Три года тому назадъ мы были вмѣстѣ. Помню, какъ сидѣлъ я на вашей постели, какъ мы разговаривали съ вами о Маничкѣ (дай, Боже, ей счастья). Какъ бы я желалъ опять сидѣть на вашей постели, и разговаривать—о чемъ угодно, хоть молча сидѣть, лишь бы съ вами, лишь бы чувствовать, что я не одинъ на этомъ свѣтѣ. И знаете-ли, душенька маменька, я боюсь за себя: мнѣ все кажется, что странническая

[1]) Н. И. Струве—лекторъ англійскаго яз. въ Харьковскомъ университетѣ.

жизнь сдѣлала меня такимъ круглымъ сиротою, что я уже и чувствовать пересталъ, имѣю ли родныхъ; мнѣ все кажется, что я люблю васъ менѣе нежели прежде. Думаю объ этомъ и пугаюсь самъ себя. А утѣшаю себя въ минуты грусти тѣмъ, что не знаю грусти безъ воспоминанія о васъ; что чувствую грусть только потому, что васъ нѣтъ. И въ минуты радости опять радость моя не полна, потому что мнѣ бы хотѣлось раздѣлить ее съ вами. Я боюсь; впрочемъ и утѣшаю себя. Да и если бы,—три года привычки къ равнодушію изгладятся, какъ не бывали, въ одинъ мѣсяцъ, менѣе, когда буду каждый день, каждый часъ чувствовать вашу любовь ко мнѣ. Цѣлую вашу ручку, и молюсь, да сохранитъ Богъ ваше здоровье и покой.—Поклонитесь нашимъ знакомымъ, и поздравьте ихъ отъ меня съ новымъ годомъ,—по крайней мѣрѣ съ Крещенской [1]).

Все еще 1/13.

Былъ сегодня у Милоша князя. Очень былъ радъ моему посѣщенію.—Послѣ обѣда лежу покойно на софѣ. Вдругъ кто-то стучится, по обычаю, въ дверь.—Herein, то есть милости просимъ, говорю я,—и входитъ дама, а съ нею дитя. «Не угодно ли вамъ пожаловать herüber (не знаю какъ, бы перевести: «на нашу сторону», что ли, или «напротивъ»), если угодно, какъ любителю и знатоку взглянуть на tableau, тамъ выставленные!» Мало по малу—по голосу, я узналъ, что это моя сосѣдка (голосъ мнѣ слышенъ черезъ двери, а ее я еще не видалъ). Прошу садиться, прошу объяснить дѣло. Далѣе я одѣлся и пошелъ. Сосѣдъ мой отставной офицеръ — калѣка, не старой человѣкъ (а что съ костылемъ, это я тоже слышалъ черезъ дверь); у него жена и дочь; у нихъ родственница,—кажется, дѣвушка, хоть я и назвалъ ее «gnädige Frau» (это та самая, которая была у меня). Впрочемъ вотъ картина или табло: изъ бумаги и дерева сдѣланъ аршина въ 2 1/2 шириною и вышиною дворецъ съ подъѣздомъ; передъ нимъ пѣшіе и конные, экипажи и возы, все небольшое, но сдѣлано такъ, что и колеса крутятся, и дверцы отворяются, и внутри сидятъ одѣтыя дамы и кавалеры. Потомъ поднялась передняя стѣна и я увидѣлъ большую залу съ зеркалами, съ люстрами, со множествомъ народа: одни идутъ польскій, другіе играютъ въ биліардъ, иные въ карты, и такъ далѣе, всего штукъ до 300. Это все дѣлалъ отъ скуки мой сосѣдъ. Но этимъ не все кончилось. Онъ повелъ меня къ столику и показалъ мнѣ точно чудеса: по желѣзной дорогѣ идетъ машина, тянетъ за собой экипажей 10, внутри наполненныхъ людьми, коровами, а на заднемъ возѣ

[1]) Т. е. съ Харьковской Крещенской ярмаркой.

коляска, и въ колyскѣ лакей показываетъ барину на что-то рукою, а баринъ глядитъ въ подзорную трубу, —и все это приводится въ дѣйствіе, то есть тянется, одною блохою: можете представить, какъ все это велико. Различ. такихъ крошечныхъ экипажей съ колесами, дверцами, людьми внутри, у него множество. Есть и блохи, которыхъ онъ кормитъ своей кровью.—Каждая блоха въ платьи, то есть приклѣена спиною къ платью. Есть блохи, играющія на скрыпкѣ и флейтѣ, фехтующія шпагами и прочая.—Чудеса да и только! Вукъ идетъ.—

20-е.

Сегодня Вукъ пришелъ ко мнѣ съ такой исторіей: въ суботу шли дѣти изъ училища; между ними и сынъ живописца Галера съ другимъ. Подходитъ къ нему какой-то человѣкъ, приласкалъ, далъ ему что-то, и прибавилъ, что «иди вонъ къ тому человѣку,—онъ дастъ тебѣ кое-что». Дитя пошло.—На другое утро нашли дитя мертвое подъ стѣной городской, какъ будто бы оно упало со стѣны, и убилось. Взяли тѣло въ больницу или клинику—не знаю; оказалось, что оно было изнасиловано и удавлено. Полиція ищетъ преступника,—и, если въ этой ужасной исторіи замѣшанъ какой нибудь баринъ, то конечно не найдетъ.—А простыхъ убійствъ бываетъ довольно: такъ что по гласису (по алеямъ между мною и городомъ) ходить поздно не безопасно; иной подумаетъ, что у проходящаго деньги въ карманѣ, да отведетъ къ Харону. Это я уже знаю, и идя по гласису изъ театра всегда вооруженъ (!) горстью песку, который постоянно остается въ карманѣ сертука.

Сегодня балъ при дворѣ, и площадь передъ дворцомъ уложена соломой отъ стука экипажей, какъ будто для тяжело больнаго.

25-е.

Преступникъ найденъ: родной дядя дитяти и еще кто-то. Ужасно! Открылась и еще подобная исторія.

Вчера я былъ въ Греческой церкви, гдѣ славили день Савы; пѣли по Сербски. Оттуда къ Милошу.—А вечеромъ былъ въ театрѣ, въ которомъ еще никогда не былъ—въ Theater an der Wien. Это собственно Вѣнскій театръ. Все играется на Вѣнскомъ простомъ нарѣчіи; понимать очень трудно; а играютъ очень хорошо, по крайней мѣрѣ очень смѣшно. Вчера давали Цыганъ. Гдѣ-то на границѣ было помѣстье одного Гутбезитцера (помѣщика), старика, который за двадцать лѣтъ имѣлъ жену, и въ нещастномъ случаѣ потерялъ ее въ лѣсу вмѣстѣ съ сыномъ малюткой, а черезъ 20 лѣтъ забылъ о всемъ и, хоть старъ, но думаетъ жениться. Не надѣясь на другую партію,

онъ хочетъ жениться на дочери каменотеса, живущаго въ его селѣ. Камердинеръ его находитъ себѣ невѣсту въ дочери угольщика. Между тѣмъ у каменотеса есть работникъ, любяшій его дочь и ею любимый, славный парень, только безъ свидѣтельства о рожденіи, а потому и прозванный Цыганомъ. Помѣщикъ, узнавши объ этомъ, выгоняетъ его въ пограничный лѣсъ. Парень попадаетъ въ руки гусарамъ, а капралъ ихъ, узнавши эту исторію и вспомня, что онъ за 20 лѣтъ потерялъ сына, когда еще былъ самъ бродячимъ Цыганомъ, принимаетъ его за своего сына, и сдѣлавши его своимъ quasi рекрутомъ, ставитъ на квартиру къ каменотесу. Камердинеръ, получивши отъ своей невѣсты обручальное кольцо, читаетъ на немъ имя своего барина, въ припадкѣ ревности думаетъ, что баринъ соблазнилъ ее, отказывается отъ нее, и указываетъ барину кольцо. По этому кольцу тутъ дѣло раскрывается: и кольцо и другія разныя разности найдены въ лѣсу капраломъ, когда еще онъ былъ Цыганомъ, и даны угольщику за квартиру, когда онъ у него стоялъ, и принадлежали женѣ помѣщика; а молодой парень сынъ помѣщика.—Нестрой игралъ камердинера, Карлъ—помѣщика, Шульцъ— каменотеса. Это три знаменитости. Играли прекрасно. Театръ очень милъ; но публика совсѣмъ другая: смѣхъ во все горло, сидятъ въ шляпахъ, много нечистаго народу, и лицъ заранѣе отцвѣтшихъ.

1-е февр.

Въ прошлое воскресенье былъ я въ редутѣ, на маскарадѣ. Не танцуютъ, а ходятъ. Замѣчательныхъ масокъ не было, и то замаскированы были однѣ женщины—какія, легко распозналось къ полночи. Они сами заговаривали съ незнакомыми мужчинами, набивались на вниманіе, успѣвали его находить, если не тутъ, такъ и тамъ, и каждая счастливица ждала потомъ удобнаго случая улизнуть изъ залы со своимъ счастливцемъ. Мужчины со своей стороны были также свободны съ масками, отъ словъ доходило до объемовъ. И такой балъ могъ даваться въ императорской залѣ!

А между тѣмъ исторія о задавленномъ дитяти и другомъ, погибшемъ въ школѣ профессора педагогіи и тоже священника, гремитъ. Царь велѣлъ строго рѣшить, говоря—какъ носится въ публикѣ—что «иначе бы подумали, что въ мое царствованіе все идетъ на перекоръ (alles gehet umgekehrt)». Простодушіе, достойное его доброй души. Особенно кричатъ женщины, какъ о дѣлѣ до нихъ касающемся.

Къ ихъ большому сожалѣнію, нѣтъ для многихъ изъ нихъ и баловъ: Русскаго посланника нѣтъ, Англійскій не имѣетъ жены, Французскій еще не устроился, и т. далѣе, а въ царскомъ дворѣ больные. И между тѣмъ фашингъ

(масляница) скоро—через 8 дней—кончится. Завтра будетъ балъ при дворѣ, но начнется въ 7 часовъ, и такъ какъ послѣ завтра середа, то и кончится до полночи.

Наши чтенія съ Вукомъ продолжаются; и потому въ театрѣ я не бываю; да и особеннаго ничего не даютъ.

6-е февр.

Вчера я воротился домой около полуночи. Опять былъ на балѣ, былъ въ Елизіумѣ. Такъ называется глубокій двух-ярусный погребъ (въ Johanesgasse), довольно большой и оригинально украшенной. Великъ онъ такъ, что можетъ помѣстить болѣе 1000 народу; а украшенъ вотъ какъ:—спустившись внизъ и прошедши на лѣво, мимо двухъ гардеробовъ, гдѣ отдаются подъ сохраненіе плащи и т. подоб., входишь въ длинную и узкую залу, поддерживаемую вмѣсто столбовъ слонами, и разрисованную по стѣнамъ разными очень недурными картинами, на которыхъ видите африканцевъ; въ концѣ залы полупрозрачная картина съ изображеніемъ женщины на львѣ, имѣющей представлять Африку, и все освѣщеніе въ фонаряхъ зелено-желто-краснаго цвѣта. Эта зала называется Африка. Изъ нее, корридоромъ, въ которомъ находятся дамскіе туалеты и то, что бываетъ нужно и для мужчинъ и для женщинъ, приходите къ углу, въ которомъ на лѣво спускъ въ низъ, а прямо зала небольшая, называемая Мѣсяцъ, разрисованная изображеніями обитателей мѣсяца, съ двумя хорами, изъ которыхъ одни для зрителей съ кругловатыми окошками, а другіе для музыки, т. е. для пяти особъ, изъ которыхъ одна играетъ на скрипкѣ, другая—на гитарѣ, третья—на цитрѣ, четвертая дѣвушка, поющая въ обыкновенномъ костюмѣ, а пятая баба, поющая по Тирольски. (Я забылъ сказать, что въ Африкѣ музыка скрывается за полупрозрачной картиной). Въ залѣ вдоль стѣнъ, также какъ и въ Африкѣ, разставлены столы съ приборами. Вышедши изъ Мѣсяца и спустившись внизъ по двумъ лѣсницамъ, на право имѣете Европу, а на лѣво Азію. Европа есть зала, тоже болѣе узкая нежели большая, съ паркетированнымъ поломъ, съ колоннами на которыхъ поддерживаются хоры, идущіе вокругъ всей залы; по стѣнамъ вдоль залы диванчики и стулья. Азія раздѣляотся на два отдѣленія: одно—Китайское съ Китайскими картинами и со сценой для Китайскихъ представленій, подъ которою богатая конфектная лавка (есть конфектная лавка и въ Африкѣ, но не такъ богатая); другое отдѣленіе—театръ обыкновенный, съ ложами для дамъ по обѣ стороны. Черезъ Азію проходишь въ корридоръ, и имъ доходишь въ Америку, которая также раздѣляется на два отдѣленія: одно съ музыкой и готовыми приборами, а другое въ родѣ лѣсу съ колеями желѣзной дороги. Тутъ къ услугамъ

вашимъ готовы экипажи, довольно уродливо-красивые, запряженные дрянными лошадьми; стоитъ купить билетъ, сѣсть въ экипажъ—и поѣдете въ Австралію. Подлѣ того мѣста, гдѣ садятся въ экипажи есть водопадъ смердящей воды (а въ Мѣсяцѣ запахъ напоминаетъ запахъ бани). Австралія вся въ гротахъ, а на небольшой площадкѣ сидятъ три дикихъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на гитарѣ, другой на скрипкѣ, а третій на гармоникѣ. Во всѣхъ мѣстахъ хорошо освѣщено, а гдѣ стоятъ столы съ приборами тамъ на столахъ стоятъ стеариновыя свѣчи. По всѣмъ мѣстамъ, кромѣ людей, смотрящихъ за порядкомъ, ходятъ различные шуты, одѣтые кто арлекински, кто во Французскій кафтанъ прошлаго столѣтія, и т. д. Начало въ 7 часовъ вечера. Мы пришли рано, и должны были ждать съ цѣлой толпою другихъ, пока отопрутся ворота. Можете представить, что за публика сходится въ Елизіумъ, когда въ числѣ ожидающихъ было болѣе такъ называемыхъ дамъ, нежели такъ называемыхъ кавалеровъ. Въ 8 музыка начала играть, а въ 9 было уже такъ полно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было продраться. Въ Африкѣ, Америкѣ и на Мѣсяцѣ пошли возиться кёлнера съ виномъ и кушаньями; въ Европѣ начали вальсировать и галопировать; по Австраліи ѣздить на клячахъ; въ Азіи то Китайскія нѣмыя сцены, то театръ; шуты всюду забавлять публику различными смѣшными предиками. Въ половинѣ 10-го былъ поѣздъ или лучше сказать походъ Геркулесовъ, котораго я не видалъ; а въ половинѣ 12-го походъ Фашинга (Масляницы), состоящій изъ различныхъ шутовъ и шутихъ. Однимъ словомъ пестрота занимательная. Различныхъ забавляющихъ и прислуживающихъ было конечно болѣе 100. Публики болѣе 1000. Между личиками встрѣчались и очень хорошенькія, но всѣ размалеваны какъ на театрѣ. За входъ платится 30 крейцеровъ серебр. т. е. 1—20 коп. Согласитесь, что дешево.

8-е февр.

Сегодня я выѣзжалъ изъ Вѣны, чтобы взглянуть еще на одну забаву Вѣнцевъ. Завтра пепельная середа, начало поста великаго, а сегодня послѣдній день Фашинга; какъ не поплакать надъ окончаніемъ Фашинга, не повеселиться въ послѣдній разъ какъ можно веселѣе. Чтобы и поплакать и повеселиться вмѣстѣ, Вѣнцы выдумали обрядъ погребенія Фашинга и исполняютъ его въ различныхъ мѣстахъ около Вѣны. Мы поѣхали въ Дорнбахъ, гдѣ этотъ праздникъ въ рукахъ водовозовъ, полчаса отъ линіи Вѣнской. За санную коляску заплатили мы 4 двугривенныхъ,—и... не думайте, что помчались. Отъ самой Вѣны до самаго Дорнбаха тянулась тесьмою непрерывная толпа народа пѣшаго и сотни экипажей. Всюду, гдѣ было возможно я просилъ

кучера напомнить мнѣ о Россіи, о нашемъ катаньи; но ему рѣдко удавалось вольно ѣхать, еще рѣже обгонять. Когда же ворочались мы назадъ, то должны были каждую секунду ожидать, пробиваясь сквозь густую толпу народа.— Что же было тамъ?—спрашиваете вы, милая маменька. Это былъ народный маскерадъ въ огромномъ размѣрѣ. Я уже не говорю о различныхъ отдѣльныхъ группахъ и лицахъ въ различныхъ маскахъ, конныхъ и пѣшихъ; тутъ были цѣлые возы масокъ,—на одномъ, напримѣръ, паша съ гаремомъ, на другомъ всякаго рода селянки съ масломъ, съ курятниками, съ овощами; на третьемъ разнаго рода ремесленники; тамъ ѣдетъ карточная игра, или любители пива; тамъ ѣдетъ не возъ, а огромный пукъ хворосту, и на немъ дерутся маски, будто не въ шутку; на главномъ возѣ самъ фашингъ—чучело съ раз. чучелами по бокамъ, и сзади высоко надъ нимъ еще одно чучело съ фонаремъ; кругомъ бѣгаютъ мальчишки маскированные уродливо и пестро, и, тряся ящичками, собираютъ деньги на этотъ обрядъ; прыгаютъ шуты, водятъ маску— медвѣдя, женщина, замаскированная въ осла ведется мужчиною въ маскѣ козы, и пр. и пр.—И тутъ же военная музыка—безъ масокъ! Весь этотъ поѣздъ выѣзжалъ изъ селенія, объѣхалъ тамъ по полямъ, и воротился. Мы поѣхали назадъ; но пляска и питье и пѣсни будутъ продолжатся до полночи. Ударитъ полночь,—посыплются пепломъ, и спать, чтобы проснуться съ горькою мыслью, что фашингъ умеръ.

20 февр.

Сегодня я былъ въ Leopoldstadttheater. Театръ очень бѣдной, и построенъ такъ что-бы болѣе было мѣста для простого народа, а ложъ очень мало; публика очень, очень простая, за то много крику и вольности. Актеры тѣ же, что и въ Theater an der Wien, и господствующій діалектъ Вѣнскій, и играютъ фарсы, а слѣдовательно хохоту просторъ. У одного помѣщика есть дочка, есть надежда выдать ее за какого то графа, и есть егерь, который столько же нравится ей, т. е. не надеждѣ, а дочкѣ, сколько и самъ ее любитъ. Графъ у помѣщика въ замкѣ, получилъ отъ отца слово, а егерю со своей стороны дочка дала обѣщаніе бѣжать съ нимъ и, обвѣнчавшись, просить у отца прощенія. Помѣщикъ выѣзжаетъ на охоту, между тѣмъ какъ два ободранные Вѣнца шляпочникъ и сапожникъ, бѣдняки со сквозными карманами, голодные, встрѣтившись нечаянно въ лѣсу помѣщика близь рѣки и познакомившись другъ съ другомъ помощію голода, думаютъ идти въ деревню и промыслить себѣ хоть кусокъ хлѣба. Какъ дичь попадаются они охотникамъ, помѣщикъ велитъ имъ немедля выйдти изъ его имѣнія; но они мало объ этомъ думаютъ и, нашедши уды, давай пробовать счастья въ ловлѣ рыбы.

Тутъ попадаютъ ихъ мужики и, считая ихъ за воровъ, ведутъ къ сельскому судьѣ. У судьи есть племянница, молоденькая и прехорошенькая, и сколько она ни представляетъ ему, что она имѣетъ уже либгабера, что она готова и утопиться, и повѣсится, и изъ окна упасть, однако старикъ судья неумолимо хочетъ жениться на ней самъ. А тутъ и ведутъ шляпочника и сапожника, которые очень рады, если ихъ запрутъ на хлѣбъ и на воду, лишь бы не умереть съ голода... и на ихъ счастіе судья въ сапожникѣ находитъ своего сына, а Фанни въ шляпочникѣ своего незабвеннаго либгабера.—Судья радъ сыну, а Фанни хитра, и обоимъ хорошо: оба не только сыты, но и добыли чистое платье. Фанни назначаетъ своему шляпочнику свиданіе въ лѣсу въ тѣ же 6 часовъ, когда и егерь дочери помѣщика и въ томъ же мѣстѣ. Между тѣмъ приходятъ въ деревню странствующіе актеры; а сапожникъ, провѣдавши какъ-то о назначенномъ свиданіи шляпочника съ Фанни, и сказавши объ этомъ отцу, предлагаетъ отцу запереть Фанни, а самъ, переодѣвшись въ женское платье, идти на свиданье. Въ лѣсу темно. Приходитъ шляпочникъ, приходитъ дочь помѣщика: псъ, псъ, какъ знакомые побѣжали далѣе. Приходитъ сапожникъ, переодѣтой въ женское платье, приходитъ егерь; псъ, псъ,—и тоже хотятъ идти. Но егерю показалась ручка любезной очень жесткою, онъ вглядывается, даетъ пощечину, и уходитъ искать предметъ своей любви. Сцена перемѣняется: дочь помѣщика въ слезахъ, что попалась въ руки шляпочника, а не егеря, а шляпочникъ сердится что попалъ на нее, а не на свою Фанни. Слышутся рога, шляпочникъ на дерево, а егерь съ охотниками отводятъ дочь помѣщика къ отцу. (Между тѣмъ директоръ труппы, искавши между селянками актрисы, нападаетъ на мамзель сапожника, уговариваетъ его—ее, и получаетъ согласіе). Шляпочникъ остается на деревѣ, какъ приходитъ кто-то, разговариваетъ самъ съ собою, изъ чего и открывается, что онъ, такъ названный графъ не графъ, а просто мошенникъ, и, укравши у помѣщика шкатулку съ деньгами и драгоцѣнностями, хочетъ дать драла. Шляпочникъ понялъ это, осторожно соскочилъ съ дерева къ нему, за воротъ его, и не пустилъ, пока не сошлись люди. Ихъ повели къ помѣщику; мошенникъ хотѣлъ было обвинить шляпочника въ покражѣ шкатулки, но это ему не удалось, а шляпочникъ въ награжденіе получилъ отъ помѣщика домикъ и Фанни, и егерь его дочку. Послѣдняя сцена въ театрѣ, гдѣ сапожникъ играетъ женскую ролю.—Смѣшныхъ сценъ безъ щету. Сапожника игралъ Нестрой, а шляпочника—Шульцъ превосходно.

23-е февр.

Жила была гдѣ-то у горъ, а впрочемъ въ землѣ гдѣ владычествуетъ еще Австрійское нарѣчіе, нѣкая молоденькая, столько же веселая, сколько

LXI.

№ 51. Вѣна. 4-е мар. 1842.

Какая ужасная погода! Дождь и вѣтеръ. Дождь еще бы туда-сюда, но Вѣнской вѣтеръ—такой вѣтеръ, о которомъ имѣютъ понятіе только степняки наши. Зонтики ломаются, широкіе подолы надуваются какъ паруса, и дамы летятъ... и пр. Воды пошли. Кругомъ Вѣны черезъ воду проходу нѣтъ, а слѣдовательно въ Вѣнѣ должны постить по крайней мѣрѣ безъ молока: такъ мнѣ объявила моя Рези. .

5-е.

Сегодня ужъ совсѣмъ не то: солнце свѣтитъ, тепло, свѣжо; окно у меня отворено; Вѣнцы и Вѣнки встрѣчаютъ весну, гордо выступая, приглаженные, разряженные; травка начинаетъ зеленѣть.

У меня все «выглядываетъ» (говоря по Чешски) или «изгледа» (говоря по Сербски) походомъ: въ комнатѣ, гдѣ занимаюсь, тетради связываются въ связки, а въ другой сундукъ на сундукѣ съ книгами, и ждутъ времени, пока уляжутся на возъ и поѣдутъ въ Львовъ сирѣчь Лембергъ.

Я былъ сегодня въ Iosephinum'ѣ, въ анатомическомъ кабинетѣ, гдѣ всѣ части человѣческія и цѣлый человѣкъ представлены изъ воска—и какъ въ природѣ. Превосходно—и гадко, отвратительно гадко. Всѣ фигуры сдѣланы во Флоренціи и перевезены на ослахъ сюда.

6-е.

Сегодня я слышалъ такія новости: въ Петербургѣ появился старый пророкъ, какой-то священникъ, предрекшій смерть Екатеринѣ и Павлу, а Александру—войну 12-го года и пожаръ Москвы, теперь царю Николаю онъ предрекаетъ, что въ этомъ 1842 году Англія должна утонуть, Франція останется какъ корабль на морѣ, залита будетъ и Россія и не будетъ въ ней покойно.—Папу ожидаютъ въ Вѣну въ маѣ. Императоръ собирается въ Галицію объявить лично прощеніе заключеннымъ тамъ Полякамъ. Въ той же Галиціи захватили въ тюрьмы священниковъ, которые, ако-бы подъ вліяніемъ Русскимъ, обратились отъ уніятства къ православію.

Я былъ сегодня на представленіи Егмонта Гетева; Егмонта игралъ Лёве порядочно; Оранскаго — Аншюцъ порядочно; Маргариту — Реттигова превосходно, Альбу—Марксъ очень, очень хорошо, Клэрхенъ—г-жа Пехе не

Гутбезицеръ призвалъ полицію, чтобы схватить живописца. Тотъ выхватываетъ у одного изъ солдатъ ружье, хочетъ его, а тутъ прибѣгаетъ фея, и онъ ранитъ не солдата, а ее, ранитъ смертно, и его уводятъ въ тюрьму. Сидитъ онъ въ тюрьмѣ; а фея между тѣмъ выздоровѣла, и узнавши, за что посадили его въ тюрьму, стала работать и выплачивать долгъ. Ея покрывало украла у живописца Виртина. Черезъ нѣкоторое время Гутбезицеръ призвалъ живописца и фею, предлагая простить долгъ, если живописецъ уступитъ фею ему. Живописецъ не согласился, а Виртина, зная уже тайну покрывала и думая, что этимъ избавитъ себя отъ феи, заставитъ живописца любить себя, и отомститъ невѣрному Гутбезицеру, накинула на фею покрывало—и та улетѣла. Царица фей обрадовалась ея возврату, горюя о ея страданіяхъ на землѣ, и позволила ей пожелать, чего хочетъ. Фея пожелала воротиться на землю. Прискорбно было царицѣ; но исполнила ее желаніе, и обѣщалась всегда ей помогать, на всегда сохранить за нею сердце живописца. Выпроводили феи свою сестру. Летя надъ землей на облакахъ мимо разныхъ селъ и городовъ, онѣ остановились тамъ, гдѣ указала фея, передъ окномъ у котораго стоялъ живописецъ, и пала къ нему въ объятія.—Вотъ содержаніе пьесы, которую сегодня видѣлъ я въ Josefstadt-театрѣ. Мысль прекрасная; исполненіе, хоть и полное смѣшнаго, глупо. Декораціи прекрасны: особенно послѣдняя—въ облакахъ, на небѣ, и особенно вторая ея половина, когда земля шла мимо облаковъ, безпрестанно мѣняя виды. Музыка набрана изъ разныхъ оперъ. Піеса дѣлаетъ въ Вѣнѣ furore. Играютъ ее теперь почти каждой день, и всякой день биткомъ набито. Я не могъ достать Sperrsitz, и долженъ былъ простоять. Театръ не оченъ великъ, но хорошенькой. Главное достоинство его декораціи, рисуемыя однимъ живописцемъ Полякомъ, по имени Юшковичемъ или какъ то иначе.

26-е.

Сегодня получилъ письмо Алекс. Петр. съ прибавленіемъ отъ васъ и Амвросія [1]). А я было уже и грустить собирался. Слава Богу, вы здоровы; но Амвросій пишетъ, что вы рѣдко выходите изъ дому. Это не хорошо, душенька маменька! Вотъ настаетъ весна, надобно прогуливаться. А къ осени ждите меня. Изъ Вѣны уже скоро выѣду. Книги пошлю изъ Вѣны въ Броды; самъ же тамъ еще не скоро буду. Впрочемъ изъ будущихъ писемъ будете видѣть, куда поведетъ мой путь.—Цѣлую вашу ручку. Вашъ вѣрный сынъ.

Из. Срезневскій.

---

[1]) Ал. П. Рославскій и Амв. Л. Метлинскій.

LXI.

№ 51. Вѣна. 4-е мар. 1842.

Какая ужасная погода! Дождь и вѣтеръ. Дождь еще бы туда-сюда, но Вѣнской вѣтеръ—такой вѣтеръ, о которомъ имѣютъ понятіе только степняки наши. Зонтики ломаются, широкіе подолы надуваются какъ паруса, и дамы летятъ... и пр. Воды пошли. Кругомъ Вѣны черезъ воду проходу нѣтъ, а слѣдовательно въ Вѣнѣ должны постить по крайней мѣрѣ безъ молока: такъ мнѣ объявила моя Рези. .

5-е.

Сегодня ужъ совсѣмъ не то: солнце свѣтитъ, тепло, свѣжо; окно у меня отворено; Вѣнцы и Вѣнки встрѣчаютъ весну, гордо выступая, приглаженные, разряженные; травка начинаетъ зеленѣть.

У меня все «выглядываетъ» (говоря по Чешски) или «изгледа» (говоря по Сербски) походомъ: въ комнатѣ, гдѣ занимаюсь, тетради связываются въ связки, а въ другой сундукъ на сундукѣ съ книгами, и ждутъ времени, пока уляжутся на возъ и поѣдутъ въ Львовъ сирѣчь Лембергъ.

Я былъ сегодня въ Iosephinum'ѣ, въ анатомическомъ кабинетѣ, гдѣ всѣ части человѣческія и цѣлый человѣкъ представлены изъ воска—и какъ въ природѣ. Превосходно—и гадко, отвратительно гадко. Всѣ фигуры сдѣланы во Флоренціи и перевезены на ослахъ сюда.

6-е.

Сегодня я слышалъ такія новости: въ Петербургѣ появился старый пророкъ, какой-то священникъ, предрекшій смерть Екатеринѣ и Павлу, а Александру—войну 12-го года и пожаръ Москвы, теперь царю Николаю онъ предрекаетъ, что въ этомъ 1842 году Англія должна утопнуть, Франція останется какъ корабль на морѣ, залита будетъ и Россія и не будетъ въ ней покойно.—Папу ожидаютъ въ Вѣну въ маѣ. Императоръ собирается въ Галицію объявить лично прощеніе заключеннымъ тамъ Полякамъ. Въ той же Галиціи захватили въ тюрьмы священниковъ, которые, ако-бы подъ вліяніемъ Русскимъ, обратились отъ уніятства къ православію.

Я былъ сегодня на представленіи Егмонта Гетева; Егмонта игралъ Лёве порядочно; Оранскаго — Аншюцъ порядочно; Маргариту — Реттигова превосходно, Альбу—Марксъ очень, очень хорошо, Клэрхенъ—г-жа Пехе не

совсѣмъ ровно, но съ чувствомъ, писца Фанзена—де-ла-Рошъ чудесно. Пьеса была сокращена. Музыка къ ней небольшая, но очень хороша. А сосѣдкою моей была Люцерова. Полная, жирная дѣвка, лѣтъ двадцати пяти. Не знаю почему, но мнѣ подлѣ нея было тѣсно. Три антракта я ни слова; на четвертый я рѣшился, и то уже садясь опять на мѣсто, и сказалъ ей «prosjm za otpuštěnj». Она стала подбирать свое широкое черное платье, и отвѣчала: «to nic ne delá». Потомъ она спросила меня: Sind sie lange aus Böhmen?— Ein jahr, etwas mehr.—Sie sind ein Böhme? - Um Verzeihung, ich bin kein Böhme.—Und sie sprechen doch Böhmisch? Gefält ihnen diese Sprache?... O, sehr.— Ja, ja, ja—una bella lingua.—Si, signora, e veramente bella, come quella che potesse... Ich danke höflichst... и за этимъ сдѣлала такую мину, что я не зналъ что и отвѣчать. Кстати была начавшаяся сцена. Послѣ окончанія акта она вышла, оставивши мнѣ поклонъ въ родѣ той старухи, съ которою ушла. Сидѣла скромно и даже безъ лорнета, по моему.

1/13 Марта.

Вукъ получилъ отъ нашего царя большую золотую медаль, и на радости давалъ вчера званый обѣдъ въ домѣ купца Тюрки. Надобно знать, что мать этого Тюрки была первая благодѣтельница Вука. Цѣлую недѣлю работая какъ прилежная хозяйка, воскресенья посвящала она книгамъ и литературѣ, особенно Сербской, была дружна съ Добровскимъ, со многими другими учеными, и когда Вукъ сталъ печатать свой Словарь, дала ему 2000 флор. серебр. (безъ малаго 5000 руб.). Сынъ уже не то что покойная мать, но всетаки добрый человѣкъ, и Вукъ по прежнему въ домѣ другъ. За обѣдомъ былъ Милошъ, его секретарь и нѣкій Гоппе, человѣкъ въ родѣ Милошева хвоста, идеалъ раба, а впрочемъ корреспондентъ Аугсбурской Всеобщей Газеты. Обѣдъ былъ прекрасный, вина пили вдоволь, и веселы были всѣ. Милошъ началъ здравицей царю, я отвѣчалъ ему на это здравицей его; далѣе пили за здоровье Вука, за память покойной хозяйки и пр. Передъ концомъ выпилъ Милошъ за счастливое мое путешествіе и я отвѣчалъ ему опять его здоровьемъ. Разошлись въ 7 часу.

16-е Шопронь (Oedinburg) въ Венгріи.

Вы сыщете этотъ городокъ не далеко отъ Вѣны на югъ. Вотъ какимъ побытомъ я очутился въ немъ:—по дорогѣ изъ Вѣны въ Тріестъ, близь Вѣны есть городокъ Wiener Neustadt; въ немъ есть кадетскій корпусъ, а въ немъ профессоромъ Чехъ Фіялка. Фіялка былъ у меня въ Вѣнѣ, и предложилъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ прогулку къ Хорватамъ, живущимъ

Венгрія на границахъ Австріи вокругъ Железнаго (Eisenstadt), Шопрони и близъ Мутенскаго озера (Neusidler See). Такимъ образомъ я сѣлъ на желѣзную дорогу вчера послѣ обѣда, и черезъ два часа былъ въ Нейштатѣ: а сегодня сѣли мы съ Фіалкой въ коляску—и пріѣхали сюда. Съ нами вмѣстѣ ѣздилъ Древницкій, тоже профессоръ корпуса. Осмотрѣвши этотъ городокъ, мы пошли къ озеру (1 1/2 часа отъ города) и полюбовались на него; воротившись, пошли къ попу изъ Хорватовъ и распрашивали его, а теперь, воротившись, собираемся спать. Завтра идемъ назадъ пѣшкомъ черезъ Хорват. деревни.

17. Нейштадтъ.

4 мили пути. Я не усталъ, но мои сапоги скривились, и ноги на пятахъ болятъ. Хорваты чудесной народъ: мужчины высоки ростомъ, женщины красавицы, и одежда прелестная. Нравственностью отличаются отъ всѣхъ сосѣдей. Домики большею частію каменные, свѣтленькіе, чистенькіе.

19. Нейштадтъ.

Вчерашній день я остался въ Нейштатѣ чтобы привести въ порядокъ то, что собралъ третьяго дни, и чтобы исполнить желаніе одного изъ профессоровъ, Бурьяна, позвавшаго меня на обѣдъ. Бурьянъ извѣстенъ въ литературѣ Чешской грамматикой. И жилъ я все это время въ корпусѣ у Фіалки: онъ не допустилъ меня остаться въ трактирѣ. Корпусъ или академія помѣщается въ замкѣ ерцгерцога, огромномъ домѣ съ огромнымъ садомъ. Учениковъ до 500, Между языками преподается и Чешскій.

19-е Вѣна.

Здравствуй, Вѣна.—Прощай, Вѣна!—

19-е Брѣтиславль (Presburg).

Я было написалъ 20-е вмѣсто 19-го, а между тѣмъ еще 19-е, и еще 6 часовъ, и уже я цѣлой часъ тутъ, да и въ Вѣнѣ пробылъ отъ 9-ти утра до 2-хъ послѣ обѣда, т. е. всего въ дорогѣ изъ Нейштата сюда 5 часовъ, благодаря парамъ. По желѣзной дорогѣ изъ Нейштата въ Вѣну нужно 1 3/4 часа, да изъ Вѣны въ Брѣтиславль или, какъ мы привыкли называть, Пресбургъ, 3 часа на пароходѣ. Въ Вѣнѣ мнѣ было хлопотъ по самое горло: пришелъ въ полицію за паспортомъ, стали распрашивать и сколько останусь въ Брѣтислави, и зачѣмъ тамъ останусь, и куда далѣе поѣду, и всетаки не дали паспорта, а послали въ посольство за цертификатомъ для проѣзда въ Венгрію; въ посольство пришелъ, не дали цертификата безъ паспорта; опять въ полицію за паспортомъ, опять въ посольство, и опять въ полицію,

прежде въ № 6, потомъ въ № 2-й. Вещи я оставлялъ у Вука. Вукъ хотѣлъ было меня проводить, но не могъ, потому что спѣшилъ къ Милошу (звалъ и меня, но въ такомъ случаѣ я бы долженъ былъ остаться въ Вѣнѣ на цѣлыя сутки, и слѣдовательно нанять квартиру), а проводилъ меня до парохода Курелацъ. Пароходъ Гермина (по имени покойной принцессы, племянницы нашего царя) устроенъ чудесно, роскошно, и вдоль по Дунаю мчится какъ пухъ.

И такъ я опять въ Венгріи. За спиною Карпаты, на сердцѣ Словаки,— и они то причиной всѣхъ распросовъ и цертификатовъ; они любятъ Русскихъ, а Мадьяры ихъ ненавидятъ, какъ и Русскихъ; Австрійцы же каждаго Рус. путешественника считаютъ эмиссаромъ, и очень не жалуютъ, что я такъ долго гуляю по Австріи, занимаясь одними Словянами.

Ходилъ къ одному изъ здѣшнихъ ревностныхъ Славянъ, Штуру [1]), съ которымъ познакомился еще въ Галле, не засталъ дома, оставилъ карту, и жду.

24-е.

Наконецъ я имѣю квартиру, и остаюсь тутъ на мѣсяцъ, а съ квартирою можно сказать что были хлопоты. Комнаты меблированныя тутъ чрезвычайно рѣдки, а если и дадутъ мебель, то такую гадкую, что взглянуть стыдно. Наконецъ удалось мнѣ найти чистую комнату на Зеленой площади, а мебель долженъ былъ взять у такъ называемаго Тендлера, т. е. продавца разныхъ разностей, между прочимъ и мебели. За комнату плачу въ мѣсяцъ 4 гульд. сереб. = $2^2/_3$ руб. сереб. да за мебель 4 руб. сереб.; женщинѣ прислуживающей надобно будетъ дать при отъѣздѣ съ небольшимъ гульденъ. Итого квартира обойдется 11 гульденовъ: все таки дешевле нежели въ Вѣнѣ, гдѣ я платилъ 18 гульд. за одну квартиру безъ услуги (не нашлось другой подлѣ Вука), и втрое дешевле противу того, что бы стало у Солнца, гдѣ я было остановился.

Брѣтиславь имѣетъ жителей до 35,000, но гораздо меньше Харькова, и на мои глаза хуже. Онъ расположенъ по берегу Дуная и идетъ на гору, на которой стоятъ развалины замка.

Площадей довольно, домы не высоки. Жители большею частію Нѣмцы, а простой народъ на площадяхъ Словаки.

27-е. Модра.

Только что воротились изъ Словацкаго протестанскаго костела; сегодня здѣсь Свѣтлое воскресенье. Церковь велика, народу множество, все сидитъ

---

[1]) Людевитъ Штуръ (1815—1856)—одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей національнаго возрожденія Словаковъ.

(масляница) скоро—через 8 дней—кончится. Завтра будетъ балъ при дворѣ, но начнется въ 7 часовъ, и такъ какъ послѣ завтра середа, то и кончится до полночи.

Наши чтенія съ Вукомъ продолжаются; и потому въ театрѣ я не бываю: да и особеннаго ничего не даютъ.

6-е февр.

Вчера я воротился домой около полуночи. Опять былъ на балѣ, былъ въ Елизіумѣ. Такъ называется глубокій двух-ярусный погребъ (въ Johanesgasse), довольно большой и оригинально украшенной. Великъ онъ такъ, что можетъ помѣстить болѣе 1000 народу; а украшенъ вотъ какъ:—спустившись внизъ и прошедши на лѣво, мимо двухъ гардеробовъ, гдѣ отдаются подъ сохраненіе плащи и т. подоб., входишь въ длинную и узкую залу, поддерживаемую вмѣсто столбовъ слонами, и разрисованную по стѣнамъ разными очень недурными картинами, на которыхъ видите африканцевъ; въ концѣ залы полупрозрачная картина съ изображеніемъ женщины на львѣ, имѣющей представлять Африку, и все освѣщеніе въ фонаряхъ зелено-желто-краснаго цвѣта. Эта зала называется Африка. Изъ нее, корридоромъ, въ которомъ находятся дамскіе туалеты и то, что бываетъ нужно и для мужчинъ и для женщинъ, приходите къ углу, въ которомъ на лѣво спускъ въ низъ, а прямо зала небольшая, называемая Мѣсяцъ, разрисованная изображеніями обитателей мѣсяца, съ двумя хорами, изъ которыхъ одни для зрителей съ кругловатыми окошками, а другіе для музыки, т. е. для пяти особъ, изъ которыхъ одна играетъ на скрипкѣ, другая—на гитарѣ, третья—на цитрѣ, четвертая дѣвушка, поющая въ обыкновенномъ костюмѣ, а пятая баба, поющая по Тирольски. (Я забылъ сказать, что въ Африкѣ музыка скрывается за полупрозрачной картиной). Въ залѣ вдоль стѣнъ, также какъ и въ Африкѣ, разставлены столы съ приборами. Вышедши изъ Мѣсяца и спустившись внизъ по двумъ лѣсницамъ, на право имѣете Европу, а на лѣво Азію. Европа есть зала, тоже болѣе узкая нежели большая, съ паркетированнымъ поломъ, съ колоннами на которыхъ поддерживаются хоры, идущіе вокругъ всей залы; по стѣнамъ вдоль залы диванчики и стулья. Азія раздѣляется на два отдѣленія: одно—Китайское съ Китайскими картинами и со сценой для Китайскихъ представленій, подъ которою богатая конфектная лавка (есть конфектная лавка и въ Африкѣ, но не такъ богатая); другое отдѣленіе—театръ обыкновенный, съ ложами для дамъ по обѣ стороны. Черезъ Азію проходишь въ корридоръ, и имъ доходишь въ Америку, которая также раздѣляется на два отдѣленія: одно съ музыкой и готовыми приборами, а другое въ родѣ лѣсу съ колеями желѣзной дороги. Тутъ къ услугамъ

вашимъ готовы экипажи, довольно уродливо-красивые, запряженные дрянными лошадьми; стоитъ купить билетъ, сѣсть въ экипажъ—и поѣдете въ Австралію. Подлѣ того мѣста, гдѣ садятся въ экипажи есть водопадъ смердящей воды (а въ Мѣсяцѣ запахъ напоминаетъ запахъ бани). Австралія вся въ гротахъ, а на небольшой площадкѣ сидятъ три дикихъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на гитарѣ, другой на скрипкѣ, а третій на гармоникѣ. Во всѣхъ мѣстахъ хорошо освѣщено, а гдѣ стоятъ столы съ приборами тамъ на столахъ стоятъ стеариновыя свѣчи. По всѣмъ мѣстамъ, кромѣ людей, смотрящихъ за порядкомъ, ходятъ различные шуты, одѣтые кто арлекински, кто во Французскій кафтанъ прошлаго столѣтія, и т. д. Начало въ 7 часовъ вечера. Мы пришли рано, и должны были ждать съ цѣлой толпою другихъ, пока отопрутся ворота. Можете представить, что за публика сходится въ Елизіумъ, когда въ числѣ ожидающихъ было болѣе такъ называемыхъ дамъ, нежели такъ называемыхъ кавалеровъ. Въ 8 музыка начала играть, а въ 9 было уже такъ полно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было продраться. Въ Африкѣ, Америкѣ и на Мѣсяцѣ пошли возиться кёлнера съ виномъ и кушаньями; въ Европѣ начали вальсировать и галопировать; по Австраліи ѣздить на клячахъ; въ Азіи то Китайскія нѣмыя сцены, то театръ; шуты всюду забавлять публику различными смѣшными предиками. Въ половинѣ 10-го былъ поѣздъ или лучше сказать походъ Геркулесовъ, котораго я не видалъ; а въ половинѣ 12-го походъ Фашинга (Масляницы), состоящій изъ различныхъ шутовъ и шутихъ. Однимъ словомъ пестрота занимательная. Различныхъ забавляющихъ и прислуживающихъ было конечно болѣе 100. Публики болѣе 1000. Между личиками встрѣчались и очень хорошенькія, но всѣ размалеваны какъ на театрѣ. За входъ платится 30 крейцеровъ серебр. т. е. 1 —20 коп. Согласитесь, что дешево.

8-е февр.

Сегодня я выѣзжалъ изъ Вѣны, чтобы взглянуть еще на одну забаву Вѣнцевъ. Завтра пепельная середа, начало поста великаго, а сегодня послѣдній день Фашинга; какъ не поплакать надъ окончаніемъ Фашинга, не повеселиться въ послѣдній разъ какъ можно веселѣе. Чтобы и поплакать и повеселиться вмѣстѣ, Вѣнцы выдумали обрядъ погребенія Фашинга и исполняютъ его въ различныхъ мѣстахъ около Вѣны. Мы поѣхали въ Дорнбахъ, гдѣ этотъ праздникъ въ рукахъ водовозовъ, полчаса отъ линіи Вѣнской. За санную коляску заплатили мы 4 двугривенныхъ,—и... не думайте, что помчались. Отъ самой Вѣны до самаго Дорнбаха тянулась тесьмою непрерывная толпа народа пѣшаго и сотни экипажей. Всюду, гдѣ было возможно я просилъ

кучера напомнить мнѣ о Россіи, о нашемъ катаньи; но ему рѣдко удавалось вольно ѣхать, еще рѣже обгонять. Когда же ворочались мы назадъ, то должны были каждую секунду ожидать, пробиваясь сквозь густую толпу народа.— Что же было тамъ?—спрашиваете вы, милая маменька. Это былъ народный маскерадъ въ огромномъ размѣрѣ. Я уже не говорю о различныхъ отдѣльныхъ группахъ и лицахъ въ различныхъ маскахъ, конныхъ и пѣшихъ; тутъ были цѣлые возы масокъ,—на одномъ, напримѣръ, паша съ гаремомъ, на другомъ всякаго рода селянки съ масломъ, съ курятниками, съ овощами; на третьемъ разнаго рода ремесленники; тамъ ѣдетъ карточная игра, или любители пива; тамъ ѣдетъ не возъ, а огромный пукъ хворосту, и на немъ дерутся маски, будто не въ шутку; на главномъ возѣ самъ фашингъ—чучело съ раз. чучелами по бокамъ, и сзади высоко надъ нимъ еще одно чучело съ фонаремъ; кругомъ бѣгаютъ мальчишки маскированные уродливо и пестро, и, тряся ящичками, собираютъ деньги на этотъ обрядъ; прыгаютъ шуты, водятъ маску—медвѣдя, женщина, замаскированная въ осла ведется мужчиною въ маскѣ козы, и пр. и пр.—И тутъ же военная музыка—безъ масокъ! Весь этотъ поѣздъ выѣзжалъ изъ селенія, объѣхалъ тамъ по полямъ, и воротился. Мы поѣхали назадъ; но пляска и питье и пѣсни будутъ продолжатся до полночи. Ударитъ полночь,—посыплются пепломъ, и спать, чтобы проснуться съ горькою мыслью, что фашингъ умеръ.

20 февр.

Сегодня я былъ въ Leopoldstadttheater. Театръ очень бѣдной, и построенъ такъ что-бы болѣе было мѣста для простого народа, а ложь очень мало; публика очень, очень простая, за то много крику и вольности. Актеры тѣ же, что и въ Theater an der Wien, и господствующій діалектъ Вѣнскій, и играютъ фарсы, а слѣдовательно хохоту просторъ. У одного помѣщика есть дочка, есть надежда выдать ее за какого то графа, и есть егерь, который столько же нравится ей, т. е. не надеждѣ, а дочкѣ, сколько и самъ ее любитъ. Графъ у помѣщика въ замкѣ, получилъ отъ отца слово, а егерю со своей стороны дочка дала обѣщаніе бѣжать съ нимъ и, обвѣнчавшись, просить у отца прощенія. Помѣщикъ выѣзжаетъ на охоту, между тѣмъ какъ два ободранные Вѣнца шляпочникъ и сапожникъ, бѣдняки со сквозными карманами, голодные, встрѣтившись нечаянно въ лѣсу помѣщика близь рѣки и познакомившись другъ съ другомъ помощію голода, думаютъ идти въ деревню и промыслить себѣ хоть кусокъ хлѣба. Какъ дичь попадаются они охотникамъ, помѣщикъ велитъ имъ немедля выйдти изъ его имѣнія; но они мало объ этомъ думаютъ и, нашедши уды, давай пробовать счастья въ ловлѣ рыбы.

Тутъ попадаютъ ихъ мужики и, считая ихъ за воровъ, ведутъ къ сельскому судьѣ. У судьи есть племянница, молоденькая и прехорошенькая, и сколько она ни представляетъ ему, что она имѣетъ уже либгабера, что она готова и утопиться, и повѣсится, и изъ окна упасть, однако старикъ судья неумолимо хочетъ жениться на ней самъ. А тутъ и ведутъ шляпочника и сапожника, которые очень рады, если ихъ запрутъ на хлѣбъ и на воду, лишь бы не умереть съ голода... и на ихъ счастіе судья въ сапожникѣ находитъ своего сына, а Фанни въ шляпочникѣ своего незабвеннаго либгабера.—Судья радъ сыну, а Фанни хитра, и обоимъ хорошо: оба не только сыты, но и добыли чистое платье. Фанни назначаетъ своему шляпочнику свиданіе въ лѣсу въ тѣ же 6 часовъ, когда и егерь дочери помѣщика и въ томъ же мѣстѣ. Между тѣмъ приходятъ въ деревню странствующіе актеры; а сапожникъ, провѣдавши какъ-то о назначенномъ свиданіи шляпочника съ Фанни, и сказавши объ этомъ отцу, предлагаетъ отцу запереть Фанни, а самъ, переодѣвшись въ женское платье, идти на свиданье. Въ лѣсу темно. Приходитъ шляпочникъ, приходитъ дочь помѣщика: псъ, псъ, какъ знакомые побѣжали далѣе. Приходитъ сапожникъ, переодѣтой въ женское платье, приходитъ егерь; псъ, псъ,—и тоже хотятъ идти. Но егерю показалась ручка любезной очень жесткою, онъ вглядывается, даетъ пощечину, и уходитъ искать предметъ своей любви. Сцена перемѣняется: дочь помѣщика въ слезахъ, что попалась въ руки шляпочника, а не егеря, а шляпочникъ сердится что попалъ на нее, а не на свою Фанни. Слышутся рога, шляпочникъ на дерево, а егерь съ охотниками отводять дочь помѣщика къ отцу. (Между тѣмъ директоръ труппы, искавши между селянками актрисы, нападаетъ на мамзель сапожника, уговариваетъ его—ее, и получаетъ согласіе). Шляпочникъ остается на деревѣ, какъ приходитъ кто-то, разговариваетъ самъ съ собою, изъ чего и открывается, что онъ, такъ названный графъ не графъ, а просто мошенникъ, и, укравши у помѣщика шкатулку съ деньгами и драгоцѣнностями, хочетъ дать драла. Шляпочникъ понялъ это, осторожно соскочилъ съ дерева къ нему, за воротъ его, и не пустилъ, пока не сошлись люди. Ихъ повели къ помѣщику; мошенникъ хотѣлъ было обвинить шляпочника въ покражѣ шкатулки, но это ему не удалось, а шляпочникъ въ награжденіе получилъ отъ помѣщика домикъ и Фанни, и егерь его дочку. Послѣдняя сцена въ театрѣ, гдѣ сапожникъ играетъ женскую ролю.—Смѣшныхъ сценъ безъ щету. Сапожника игралъ Нестрой, а шляпочника—Шульцъ превосходно.

23-е февр.

Жила была гдѣ-то у горъ, а впрочемъ въ землѣ гдѣ владычествуетъ еще Австрійское нарѣчіе, нѣкая молоденькая, столько же веселая, сколько

капризная Виртинъ, т. е. содержательница постоялаго двора. Жилъ былъ Гутбезицеръ, часто заѣзжавшій къ ней съ охоты—поѣсть и попить, и былъ очень богатъ. Жилъ былъ жидъ, отдававшій деньги взаймы, если ему давали 1000 на 100. Жилъ былъ молодой живописецъ, очень молодой, очень доброй и очень любившій снимать съ природы виды, а слѣдовательно и бродить по горамъ, между прочимъ и мечтать. Одного недоставало у него—денегъ. Онъ долженъ былъ Виртинѣ чуть-ли не 100 флориновъ, не зналъ какъ ей заплатить. Она однако нашла средство. «Женись на мнѣ,—и долгъ твой заплаченъ». Подумалъ живописецъ и согласился, и переселился къ ней жить, и досталъ у нея слугу для ношенья по горамъ его живописныхъ инструментовъ. Бродя однажды по горамъ, онъ нашелъ на такое мѣсто, куда, какъ ему сказалъ поселянинъ, слетаются иногда феи играться, и пришелъ тогда, когда онѣ готовы были прилетѣть. Онъ притаился подъ кустомъ. Смотритъ, и въ самомъ дѣлѣ слетаются феи, а между ними и молодая ихъ княжна. Чтобы веселиться свободнѣе, онѣ сняли свои покрывала, и княжна также, однако замѣтя имъ, что онѣ должны беречь ихъ, что кто изъ нихъ потеряетъ покрывало, та останется на землѣ, какъ женщина. Игрались, прыгали; а между тѣмъ живописецъ схватилъ съ дерева покрывало княжны, и драла. Наступила буря; феи собрались улетѣть, и улетѣли, а княжна осталась на землѣ, плакала, и улетѣть не могла. Надобно было подумать о землѣ. Къ счастію нашла она пастушій плащь, и обернувшись въ него пошла искать пристанища... Случилось ей прежде всего придти къ Виртинѣ, и та приняла ее какъ келнерку (трактирную служанку). Живописецъ узналъ въ нэй свой идеалъ, упросилъ ее ввѣрить ему свою судьбу, взялъ у жида на два мѣсяца 100 флориновъ, съ тѣмъ чтобъ заплатить 1000, и пошелъ съ феей. Виртинъ бѣсилась, да нечего дѣлать; а Гутбезицеръ перекупилъ у жида вексель, и пригласилъ Виртину съ собою въ городъ, чтобы она была у него хозяйкой. Та согласилась. И пошло все хорошо. Живописецъ любилъ нѣжно свою фею, не зная, что она фея; а она и любила его и боялась любить. Однажды подслушалъ живописецъ ее разговоръ съ самой собою и съ сестрами, спросилъ что все это значитъ, и, узнавши, что она фея, что можетъ улетѣть на небо, если достанетъ свое покрывало, далъ ей его. Фея было обрадовалась, но, подумавши о томъ, что оставить должна на землѣ живописца, отдала ему назадъ. Было время виноберьбы. На праздникъ сошлось множество народа. Надобно было выбрать и королеву; а обычай требовалъ, чтобы та была ею, кому достанется бѣлая роза, изъ корзины, гдѣ множество красныхъ и только одна бѣлая. Выбралась бѣлая роза феѣ, а она выбрала королемъ живописца. Ее короновали, и пошли плясать. А тутъ Гутбезицеръ и показалъ живописцу вексель. Живописецъ счастливо работалъ, но когда хотѣлъ заплатить, хвать—въ карманѣ нѣтъ бумажника: украли Цыгане.

Гутбезицеръ призвалъ полицію, чтобы схватить живописца. Тотъ выхватываетъ у одного изъ солдатъ ружье, хочетъ его, а тутъ прибѣгаетъ фея, и онъ ранитъ не солдата, а ее, ранитъ смертно, и его уводятъ въ тюрьму. Сидитъ онъ въ тюрьмѣ; а фея между тѣмъ выздоровѣла, и узнавши, за что посадили его въ тюрьму, стала работать и выплачивать долгъ. Ея покрывало украла у живописца Виртина. Черезъ нѣкоторое время Гутбезицеръ призвалъ живописца и фею, предлагая простить долгъ, если живописецъ уступитъ фею ему. Живописецъ не согласился, а Виртина, зная уже тайну покрывала и думая, что этимъ избавитъ себя отъ феи, заставитъ живописца любить себя, и отомститъ невѣрному Гутбезицеру, накинула на фею покрывало—и та улетѣла. Царица фей обрадовалась ея возврату, горюя о ея страданіяхъ на землѣ, и позволила ей пожелать, чего хочетъ. Фея пожелала воротиться на землю. Прискорбно было царицѣ; но исполнила ее желаніе, и обѣщалась всегда ей помогать, на всегда сохранить за нею сердце живописца. Выпроводили феи свою сестру. Летя надъ землей на облакахъ мимо разныхъ селъ и городовъ, онѣ остановились тамъ, гдѣ указала фея, передъ окномъ у котораго стоялъ живописецъ, и пала къ нему въ объятія.—Вотъ содержаніе пьесы, которую сегодня видѣлъ я въ Josefstadt-театрѣ. Мысль прекрасная; исполненіе, хоть и полное смѣшнаго, глупо. Декораціи прекрасны: особенно послѣдняя—въ облакахъ, на небѣ, и особенно вторая ея половина, когда земля шла мимо облаковъ, безпрестанно мѣняя виды. Музыка набрана изъ разныхъ оперъ. Піеса дѣлаетъ въ Вѣнѣ furore. Играютъ ее теперь почти каждой день, и всякой день биткомъ набито. Я не могъ достать Sperrsitz, и долженъ былъ простоять. Театръ не оченъ великъ, но хорошенькой. Главное достоинство его декораціи, рисуемыя однимъ живописцемъ Полякомъ, по имени Юшковичемъ или какъ то иначе.

26-е.

Сегодня получилъ письмо Алекс. Петр. съ прибавленіемъ отъ васъ и Амвросія [1]). А я было уже и грустить собирался. Слава Богу, вы здоровы; но Амвросій пишетъ, что вы рѣдко выходите изъ дому. Это не хорошо, душенька маменька! Вотъ настаетъ весна, надобно прогуливаться. А къ осени ждите меня. Изъ Вѣны уже скоро выѣду. Книги пошлю изъ Вѣны въ Броды; самъ же тамъ еще не скоро буду. Впрочемъ изъ будущихъ писемъ будете видѣть, куда поведетъ мой путь.—Цѣлую вашу ручку. Вашъ вѣрный сынъ.

Из. Срезневскій.

---

[1]) Ал. П. Рославскій и Амв. Л. Метлинскій.

Докторъ завезъ меня во Фраштакѣ къ Сербскому купцу, уединенно тутъ живущему въ дали отъ православія и родины. Онъ обрадовался, увидя православнаго Русса, оставилъ обѣдать и потомъ далъ проводника до Мадуницъ, стараго хожалаго Словака.—И вотъ я тутъ. Мадуницы—деревенька, небольшая, небогатая, съ крошечной церковью, съ бѣднымъ приходскимъ домикомъ; но знаменита у Словаковъ болѣе многихъ большихъ и богатыхъ городовъ. Тутъ священникомъ Иванъ Голый—великій поэтъ, Чехо-Словенскій Державинъ. Къ сожалѣнію я не засталъ его дома: онъ поѣхалъ въ городокъ Тернову сегодня утромъ, и воротится можетъ быть поздно вечеромъ. Сижу въ комнатѣ его кухарки и жду. Можетъ быть и еще придется ждать нѣсколько часовъ. А хотѣлось бы уже скорѣй увидѣть Голаго. Словакъ, ведшій меня сюда, разсказывалъ мнѣ о немъ многое: «Такого князя (священника) и между тысячами не найдешь, такого добраго человѣка и на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ; ни отъ кого ничего не требуетъ—ни десятины, ни за погребеніе или вѣнчанье, что дадутъ то и возметъ, а самъ раздаетъ всѣмъ, отъ этого и бѣденъ. Впрочемъ онъ и [не] думаетъ объ этомъ: ему уже давали и лучшіе приходы, хотѣли сдѣлать и кананикомъ,—не хочетъ, хочетъ и умереть въ Мадуницахъ. А пѣсни-то какъ складываетъ, хей!..»

4-е. Тернава.

Сидя съ кухаркою, я распрашивалъ и ее о Голомъ, а къ ея расказамъ прибавляли свои замѣчанія дѣвочки служанки то же самое. О хозяйствѣ онъ не думаетъ, все оставляетъ на руки кухарки; и такъ бывало, что кухарка опьется, а онъ остается цѣлый день на одномъ хлѣбѣ, и съ досады, чтобъ не видѣть пьяной кухарки, уйдетъ въ свою рощу Млечь (=Мличь), и просидитъ тамъ до 10—11 вечера. Съ женщинами говоритъ только тогда, когда это необходимо, и говоривши никогда не взглянетъ. Даже съ самими мужчинами говоритъ, очень рѣдко глядя на нихъ. Все въ окрестности, и священники, и помѣщики, его любятъ, желали бы его видѣть чаще; но онъ не любитъ общества, и выѣдетъ изъ своихъ Мадуницъ только въ случаѣ крайней нужды. Далѣе Брѣтиславы еще не былъ.—Къ вечеру кухарка пошла перестилать ему постель и пригласила меня посмотрѣть на его комнаты: ихъ двѣ, одна довольно большая, довольно бѣдно меблированная съ постелью для гостя, а другая крошечная, съ полками для книгъ, съ письменнымъ столомъ, съ его постелью, нечистая; въ этой другой онъ сидитъ всегда, тутъ и обѣдаетъ (онъ только обѣдаетъ, а завтракъ и ужинъ не знаетъ). «Однако тутъ холодно», сказалъ я, и хотѣлъ идти на другую половину, къ кухаркѣ, какъ вдругъ отворяются двери, и въ нихъ уставляется высокая плотная фигура. «Имѣю ли счастье видѣть васъ, словутный пане Голый!» Давая распоряженіе кучеру,

чтобы онъ сносилъ съ воза вещи, фигура отвѣчала мнѣ какъ то не-хотя, и я самъ не знаю что. Ну, думаю, это какой нибудь фарарь сосѣдскій, странный человѣкъ, и говорю ему: «Вы вѣрно хотѣли тоже видѣть Голаго; но его нѣтъ, и можетъ быть воротится еще поздно изъ Тернавы». Фигура оборотилась ко мнѣ и спрашиваетъ: «а вы имѣете какую нибудь нужду къ Голому?» — «О да: я бы пошелъ на конецъ свѣта, чтобы только его увидѣть.» «А откуда вы?» — «Я Русскій путешественникъ» — Русской? «Русской? О Боже мой!» — И мы обнялись, какъ родные, какъ отецъ съ сыномъ. Кухарка принесла свѣчу, и я увидѣлъ лице знакомаго незнакомца: бѣлое, довольно полное, покрытое свѣжимъ румянцемъ, съ голубыми глазами, съ длинными бѣлосѣдыми волосами, важное, можно сказать гордое, и между тѣмъ дѣтски, невинно доброе. Радость видѣть Русскаго одушевляла его. Голый обнималъ меня, цѣловалъ, жалъ руки. «Русской?! О вы, Русскіе, великій народъ, слава Славянъ! Русской!» Онъ утиралъ слезы. Мы перешли въ маленькую комнатку, закурили трубки и давай болтать о томъ о семъ. Моя фамилья была уже ему извѣстна; онъ впрочемъ не думалъ, чтобы я пришелъ къ нему. Весь вечеръ до ½ перваго мы говорили о Россіи, о Русскомъ народѣ, о царѣ, о казакахъ. Онъ знаетъ прекрасно нашу исторію, помнитъ множество анекдотовъ, объясняющихъ Русскій характеръ, о Николаѣ говоритъ съ одушевленіемъ урожденнаго Русскаго. Вообще нигдѣ не видалъ я той глубокой любви къ намъ, нашей славѣ и нашему царю, какъ у Словаковъ: въ этомъ одинаковы и Словаки евангелисты, и Словаки католики. И тѣ и другіе уважаютъ даже наше православіе. Англичане же для нихъ — кровные враги. Утромъ я и не слышалъ, когда Голый всталъ и пошелъ въ церковь служить. Въ ½ 9-го онъ воротился, и мы опять стали разговаривать о Россіи. Передъ обѣдомъ мы пошли въ рощу Млечь, гдѣ онъ написалъ большую часть своихъ сочиненій: шелъ дождь, я уговаривалъ его остаться дома, пустить меня одного, но онъ никакъ не соглашался. Роща довольно густая, но большія деревья всѣ вырублены, народъ оставилъ несрубленнымъ только тотъ дубъ, подъ которымъ Голый любитъ сидѣть. «Прежде онъ былъ вѣтвистѣе — говорилъ Голый — свѣжѣе, зеленѣе, а теперь, оставшись одинъ, долженъ бѣдный терпѣть отъ вѣтровъ и бурь». Подъ нимъ онъ сидитъ на травѣ, а когда мокро, то переходитъ на ближній пень и садится въ чащѣ на немъ. «Тутъ мнѣ никто не мѣшаетъ: никто не видитъ меня, никого я, и мысли ложатся вольно на бумагу». Воротившись, мы обѣдали. Потомъ я переждалъ дождь, и взявши проводника, собрался въ путь. Голый проводилъ меня до ближней деревни; прощаясь, онъ цѣловалъ меня въ губы и лобъ, благословилъ, приговаривая: «не забывай, милый другъ, въ твоей великой родинѣ на насъ, бѣдныхъ Словаковъ; скажи своимъ, что мы ихъ любимъ, какъ братьевъ, и молимся за нихъ Богу: сильному дѣло, слабому

молитва». Мы плакали, прощаясь, и прощались нѣсколько разъ.—Голый высокаго роста, довольно плотный мужчина, величественной осанки. Каждый, увидя его, сказалъ бы, что онъ рожденъ быть поэтомъ: о давно прошедшемъ онъ говоритъ какъ будто о томъ, что только что было передъ его глазами, все живо чувствуетъ, плачетъ, припоминая что-нибудь великое или прекрасное, или злое. Простодушенъ онъ, какъ дитя; о томъ, что такое двумысліе, поддѣльность мысли или чувства, онъ, кажется, не имѣетъ и понятія; скромность удивительная: онъ не можетъ не знать, какъ его уважаютъ, даже иностранцы (пріѣзжающіе въ Питуянскія минераль-[ныя] воды въ 2 миляхъ отъ Мадуницъ),—и между тѣмъ съ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ говорилъ мнѣ: «Повѣрь, милый другъ, мнѣ тяжело, мнѣ горько, что я недостоинъ того вниманія, которое мнѣ оказываютъ. Я бы хотѣлъ сдѣлать и то, и другое, я чувствую недостатки въ моихъ сочиненіяхъ, и между тѣмъ силъ не достаетъ».

5-е. Тернава.

Отъ Мадуницъ до Тернавы я пришелъ въ 3 часа. Деревеньки Словаковъ, черезъ которыя шелъ, довольно чисты: домики выштукатурены снаружи, покрыты соломой, стоятъ ровными линіями. Въ поляхъ слышны пѣсни Украинскихъ напѣвовъ. Тернава маленькій городокъ, но очень мило выстроенъ. Улицы ровны и широки, есть много большихъ домовъ, 9 церквей, почему и называется Тернава малымъ Римомъ. Отъ старыхъ стѣнъ еще остаются остатки; поповъ множество. Есть и нѣсколько сѣмей православныхъ, но священника не имѣютъ. Вокругъ Тернавы огромная равнина. Недалеко отъ Тернавы есть крѣпость Леопольдштадтъ (Опольдъ), построенная противу Турокъ; страшно подумать что Турки были такъ сильны, что укрѣпляться противъ нихъ надобно было у самаго подножія Карпатовъ, какъ будто они шли съ этихъ горъ. Черезъ $^1/_4$ часа я ѣду въ Брѣтиславу: мѣсто въ штельвагенѣ (покойная карета) стоитъ 1 гульденъ серебра = 2,30 к.

7-е. Брѣтислава.

Годжу я нашелъ въ Брѣтиславѣ: молодой человѣкъ, очень образованный и пылкій Словакъ. О, если бы такихъ болѣе въ этомъ угнѣтенномъ народѣ. У Штура очень много заботъ, и потому мы съ нимъ вдвоемъ проводимъ почти цѣлой день. На вечеръ сходимся всѣ вмѣстѣ.

8-е. Пароходъ Карлъ Францъ.

Вчера, узнавши, что я ѣду изъ Брѣтислави, и съ тѣмъ чтобы не воро-

титься, пришли ко мнѣ прощаться Сербы и Словаки, прежде одни, потомъ другіе, поручивши за всѣхъ говорить одному изъ товарищей, благодарили меня за посѣщеніе Брѣтиславы, за дружбу, за совѣты, за братскую взаимность... Я бы желалъ, чтобы кто нибудь изъ Русскихъ, я самъ желалъ бы быть свидѣтелемъ подобной сцены. Отвѣчая имъ, сколько могъ выразить свои чувства на ихъ нарѣчіи, я плакалъ; видя въ цѣлой толпѣ нравственныхъ юношей одну мысль, одну надежду, одну молитву, и къ себѣ такое искренно-родственное чувство, заплакалъ бы на моемъ мѣстѣ всякій. Вечеръ провели мы вмѣстѣ съ Штуромъ Людевитомъ и Годжей Михаиломъ, и побратались на жизнь. Такими братьями гордиться могу. Сегодня въ 6-мъ часу у насъ (Годжа ѣдетъ вмѣстѣ со мною и ночевалъ у меня) уже комната была полна молодыми Сербами и Словаками, захотѣвшими насъ проводить до парохода. Мы толпою пришли къ берегу, простились, отдѣлились, поѣхали, но шляпы и шапки еще долго, долго мелькали надъ головами. Одного такого прощанья было бы довольно для того, въ комъ еще не пробудилось чувство Славянское. Прощай, Брѣтислава, разцвѣтай для будущей славы Славянъ!... Я ѣду въ Пешть...

После обѣда у Вацова (Wattzew)

Уже 1/2 6-го послѣ обѣда. Передъ обѣдомъ останавливались мы на нѣсколько минутъ у Коморна: порядочной городокъ, а далѣе на берегу крѣпость, одна изъ сильнѣйшихъ во всей Венгріи. До Остригома (Gran) Дунай очень однообразенъ, равнина да лѣса, и то молодые, а равнина видна сажня на два отъ берега: скучно. У Остригома опять начинаются гористые берега. Въ самомъ Остригомѣ есть довольно большая гора, и на ней строится величественная церковь, жаль что поставленная къ Дунаю задомъ, но всетаки огромная и величественная; внутри уже многое сдѣлано; снаружи недостаетъ башень; вся обшита мраморомъ. Чѣмъ далѣе отъ Остригома, тѣмъ горы выше, между горами кое-гдѣ долинки, все блещетъ весенней зеленью. Только что теперь потерялся изъ виду Вышеградъ — развалины замка на горѣ вышиною до 300 сажень. Передъ Вышеградомъ горы такъ сперлись со всѣхъ сторонъ, что для плывущаго Дунай кажется озеромъ. Есть преданіе о Нѣмцахъ, въ первый разъ сюда приплывшихъ: думая что Дунай тутъ кончился, они пристали къ берегу, вышли на гору, увидѣли, что рѣка течетъ далѣе, и — перетащили черезъ гору свои лодки на плечахъ. А между тѣмъ и между этими горами Дунай широкъ очень довольно. Развалины Вышеграда огромны и занимаютъ не только верхушку горы, но спускаются и къ самому берегу: видны башни, видны стѣны, все огромныхъ размѣровъ. Теперь около Вышеграда живутъ Нѣмцы; а Славяне за ними; прежде Нѣмцевъ не было. У Вацова пристанемъ на нѣсколько минутъ. Об-

щество наше довольно незначительно. Занимательнѣйшія лица: а) Графъ Батьяни, богачь, цѣлой день лежавшій то на палубѣ, то въ камерѣ, отворотивши заднюю часть тѣла къ публикѣ, b) баронъ Радецкій, съ которымъ я случайно познакомился, и объявившій мнѣ, что онъ имѣетъ пять материнскихъ языковъ, c) всеобщая жена, знающая понемногу каждый языкъ, между прочимъ и Русской, и искавшая себѣ прочнаго пріятеля. Изъ Вацова пристало къ намъ множество гостей; но общество отъ этого не одушевилось.

Пештъ.

Въ $8^1/_4$ пристали мы къ берегу, и снесши багажь къ Англійской королевѣ, тотчасъ пошли къ Колляру и просидѣли до 10.

9-е. Пештъ.

Утромъ былъ у Павловича [1]), у Субботича [2]) и потомъ обѣдалъ у Коллара. Послѣ обѣда пошли въ 3-хъ съ Колларомъ къ Долежалку, съ которымъ встрѣтился вчера на пароходѣ, и оттуда поѣхали въ Ирму (1 часъ отъ Будима), гдѣ погребена Александра Павловна, покойная супруга палатина. Въ долинѣ между горами лежитъ это село. Въ сторонѣ отъ села, окруженная садами стоитъ часовня, очень маленькая, но прекрасно выстроенная изъ дикаго камня и мрамора; далѣе домъ для пѣвчихъ, а еще далѣе домъ священника отца Амфилохія. Онъ спалъ когда мы пріѣхали; насъ проводилъ въ часовню пѣвчій Марсовъ. Ризы, чаша и сосуды, евангеліе, покровы, все великолѣпно богато. Подъ часовнею погребъ, въ который спускаешься по витой лестницѣ. Тамъ въ мѣдномъ гробу, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, лежитъ другой гробъ обитый парчею, и въ немъ покоится тѣло. Одинъ ключь отъ гроба у ерцгергога, другой у священника, и гробъ отпирается для освидѣтельствованія только при перемѣнѣ священника. Обѣдня служится каждое воскресенье и въ великіе праздники. Если бы землѣ угрожала какая нибудь военная безопасность, то тѣло перевозится въ Будимскую крѣпость (это уже случалось два раза). Поклонившись праху и осмотрѣвши часовню, мы пошли къ священнику. Моя фамилья была ему извѣстна по газетамъ; а самъ онъ очень милый человѣкъ: мы провели у него съ часъ очень весело. Онъ уже тутъ 11 лѣтъ, и начинаетъ забывать Русской языкъ, выговариваетъ чисто, но забываетъ выраженія. Душою впрочемъ не только Русской, но и Славянинъ. Воротились мы назадъ къ половинѣ 7-го и въ театръ. Давали Роберта дьявола: принцессу Изабеллу играла Вѣнская Гассельбартъ, и играла безподобно: я еще не слышалъ, чтобъ она выдѣлывала всѣ пассажи съ такимъ искусствомъ и непринужденностью; Бертрамъ (Драклеръ)

[1]) Тодоръ Павловичь—Сербо-хорватскій литераторъ, редакторъ «Сербскаго народнаго листа», «Сербской лѣтописи» (съ 1837 г.) и др.

[2]) Іованъ Субботичь (род. 1817)—извѣстный Сербо-хорватскій писатель и литераторъ новаго времени.

былъ также хорошъ. Остальные посредственны; оркестръ превосходенъ (оркестръ тутъ находится подъ дирекціей молодого Славика, брата знаменитаго Славика (извѣстнаго подъ именемъ Долче).

10-е.

По Венгріи, какъ мнѣ говорили въ книжной лавкѣ, распространено около 300 Англичанъ, распространяющихъ въ Мадьярахъ вражду къ Русскимъ. Такъ они боятся насъ.

11-е.

Былъ у почтеннаго издателя сочиненій Голаго М. Гамульяка. Не горько ли подумать, что эти безсмертныя творенья могли печататься только въ 300 экз. и что, такъ какъ подписная цѣна очень дешева (6 флор. сереб. = 4 руб. сер. за 4 большихъ тома), то Гамульякъ долженъ прибавить своихъ денегъ. Бѣдные Словаки: Мадьяры ихъ преслѣдуютъ, а публика ихъ мала, и помощи ни откуда!

Больше писать не буду въ этомъ письмѣ. Начну № 53, а этотъ пошлю сегодня.

Милая душенька маменька! Поздравляю васъ съ наступающимъ днемъ вашего ангела. Сохрани Господь Богъ ваше здоровье. Будьте веселы: скоро, ужь скоро я буду у васъ. Цѣлую вашу ручку. Поклонитесь всѣмъ знакомымъ нашимъ.

Богъ васъ опатруй. Вашъ сынъ Измаилъ Срезневскій.

LXII.

№ 53. Остригомъ (Gran). 12-е мая.

Въ семь часовъ утра я выѣхалъ сегодня изъ Пешти на пароходѣ и пріѣхалъ сюда въ началѣ третьяго послѣ обѣда. Сначала въ строющуюся церковь: огромная будетъ, великолѣпная, но покамѣстъ остается еще многое въ ожиданіи. Потомъ къ профессору Руми. Онъ Мадьяръ родомъ, но умный человѣкъ, бранитъ Мадьяровъ за ихъ желаніе все омадьярить, знаетъ хорошо языкъ Сербскій, самъ выписываетъ Гаевы Иллирскія Новины и Денницу и пишетъ не только Мадьярски но и Сербски. Онъ одинъ изъ ученѣйшихъ Мадьяровъ. Съ нимъ вмѣстѣ и съ однимъ Мадьярскимъ графомъ, сопутникомъ по пароходу, мы пошли въ архіепископскую библіотеку, а потомъ въ церковь. Отдѣлана въ ней только Стефанова капелла, въ которой поставленъ до времени и алтарный огромный образъ, изображающій вѣнчаніе короля Стефана. Отдѣ-

ланы также погреба, и превосходны: онѣ опредѣлены для тѣлъ архіепископовъ и каноников, идутъ подъ всей церковью, высоки и величественны. Статуи, которыя будутъ стоять передъ церковью (Петръ и Павелъ) огромныхъ размѣровъ (сажени въ 3 вышиною каждый) дѣлаются Казаграндою; подъ его же смотрѣніемъ приготовляютъ и барельефы. Казагранда умный художникъ. Ходили мы на самый верхъ церькви, видѣли и модель цѣлаго зданія; впрочемъ планъ теперь измѣненъ. Подъ горою прямо къ Дунаю епископскій городъ, а далѣе собств. свобод. городъ. Немощенъ, нечистъ, дурно построенъ. Все Мадьярское. Есть впрочемъ и Сербская церковь. Мѣстоположеніе роскошно: кругомъ горы, покрытыя лѣсами и виноградниками. Особенно хорошъ видъ съ горы, гдѣ церковь; Дунай и Дунайская долина роскошно разстилаются въ обѣ стороны; приближающійся пароходъ виденъ въ одну сторону за 2, въ другую за 1 часъ до прихода.

Немци (Nemeti) $\frac{13}{1}$ мая.

Гранъ=Остригомъ стоитъ на правомъ берегу Дуная; на другой сторонѣ черезъ мостъ селеніе Парканъ, чисто Мадьярское, очень чистое и промышленное. Тамъ всего легче найдти извощика изъ Грана въ любую сторону. Этотъ извощикъ запрягаетъ въ свой безконечно длинный возъ четыре лошади цугомъ, садится на одну изъ увозныхъ—и пошелъ. Возъ почти вдвое длиннѣе Русскаго воза, переложенъ во всю длину обручами, и по обручамъ покрытъ полотномъ. Внутри положатъ сѣна, сколько угодно, покроютъ чѣмъ нибудь, путешественникъ ляжетъ тамъ какъ убитой волъ, и пока сѣно не сляжется, можетъ спокойно спать, не чувствуя тряски. Первый переѣздъ великъ и проворенъ; далѣе, не смотря на три часа отдыха, лошади бѣжатъ уже не хотя; а наконецъ, не слушаясь ни понуканій, ни хлестанья бича, ни ударовъ, тащутся едва-едва. Вчера Парканцы приходили ко мнѣ одинъ за другимъ отъ 7 до 9 вечера; я не взялъ однако ни одного: одни просили много, другіе не понимали ни слова ни по Нѣмецки, ни по Словенски. Сегодня я договорилъ Нѣмецкій штейерльвагенъ (повозочку) о двухъ добрыхъ лошадяхъ за 10 гульд. серб., выѣхалъ въ 10, обѣдалъ въ Иполи, а на ночь пріѣхалъ сюда. Кучеръ мой хоть и Мадьяръ, но говоритъ и по Словенски. До Иполи и въ Иполи все Мадьярское, однако съ хозяйкой я говорилъ по Словенски. Кучеръ говорилъ мнѣ, что и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ Словаковъ и вовсе нѣтъ, на постоялыхъ дворахъ всѣ понимаютъ Словенскій языкъ. За Ипольемъ начинаются Словаки. Мужчины одѣты беднѣе, женщины чище, лица пріятнѣе. Въ селеніяхъ все приготовляется къ Турицамъ (Троицѣ—послѣ завтра): перины вывѣшены на заборы, домики бѣлятся... Въ поляхъ сѣютъ. За часъ до Нѣм-

цевъ проѣзжалъ я черезъ маленькую деревеньку, гдѣ домики всѣ до одного курные. Какъ она, такъ и другія селенія часа три отъ Немцевъ лежатъ въ узкой долинѣ, по которой течетъ рѣченка Штявница. Склоны съ обѣихъ сторонъ покрыты лѣсомъ; соловьевъ множество. Гостинница гдѣ я остановился очень порядочная: комната которую мнѣ отвели велика, чиста, съ готовыми постелями... Я выпилъ чашку чернаго кофію, и теперь велѣлъ подать себѣ молока съ бѣлымъ хлѣбомъ: и молоко и хлѣбъ прекрасны. Вообще во всей Венгріи хлѣбъ очень хорошъ, и бѣлой и житной. Мясо тоже прекрасное... И тутъ былъ пожаръ: весна время пожаровъ въ Венгріи, выгораютъ цѣлыя села и городки; такъ нынѣшнею весною выгорѣла и Модра.

$\frac{2}{14}$ мая. Штявница (Schemnitz).

Сюда я пріѣхалъ въ началѣ 10-го. Хотѣлъ было идти къ суперинтенденту Северини, спрашиваю о его квартирѣ; болтливый мальчикъ, хотѣвшій меня провести къ нему, объявляетъ мнѣ, что онъ бываетъ въ трактирѣ часто, что онъ посѣщаетъ тутъ больнаго. Кто онъ?—Не знаю.—Давно-ли?—Съ мѣсяцъ. Лечу—и не ошибся: Прейсъ еще тутъ, и бѣдный боленъ. Еще Годжа говорилъ мнѣ, что онъ видѣлся съ нимъ тутъ, но этому прошло уже почти двѣ недѣли, я воображалъ, что Прейсъ уже въ Варшавѣ. Онъ впрочемъ меня ждалъ со дня на день. Обрадовавшись встрѣчѣ, мы провели съ нимъ цѣлый день. Только передъ вечеромъ съ однимъ Сербомъ, приходившимъ къ Прейсу, я выходилъ на полчаса прогуляться, и съ одного возвышенія взглянулъ на городъ. Городъ маленькій, не дурно выстроенный, но весь на косогорѣ такъ, что нѣтъ ни одной улички неспускающейся внизъ; кругомъ поднимаются разомъ горы. Съ возвышенія видѣлъ я и бѣлоснѣжныя вершины Карпатовъ. Теперь уже спать пора, и глаза смыкаются, и потому я только скажу еще то, что Штявница извѣстна своими рудокопнями и что во вторникъ начинается ярмарка, а потому я и не могъ получить тутъ комнату, какую хотѣлъ.

16-е мая.

Сегодня разбудилъ меня горный практикантъ здѣшній, родомъ Сербъ изъ княжества, Бранковичь, въ половинѣ втораго: такъ мы уговорились съ нимъ вчера, чтобъ идти на гору Сытно и встрѣтить тамъ восходъ солнца. Къ намъ пристали еще два практиканта Павловичъ Сербъ и Фридакъ Словакъ. Мы шли до вершины горы часа два съ половиной, не останавливаясь.

Подъемы не круты, но прежде нежели достигнемъ вершины, надобно нѣсколько разъ спуститься въ долины, и слѣдовательно опять подниматься. Гора возвышается на 4,500 фут. надъ моремъ, и около 3,000 ф. надъ Штявницей. Главное ея возвышеніе почти всюду покрыто лѣсомъ; только на самой вершинѣ поднимаются огромныя, отвѣсистыя скалы. На нихъ стоитъ бесѣдка, немного ниже корчма, въ которой мы могли найдти вдоволь молока. Восходъ солнца былъ впрочемъ очень скученъ, изъ за облаковъ. Отъ этого нельзя было видѣть и всѣхъ горъ: всѣ окрестныя казались или холмами, или сливались въ одну равнину; отдаленныя, и особенно снѣжныя нельзя было и видѣть хорошо изъ за тумана; въ другое время видно до Коморна и Дунай и на сѣверѣ вершины Карпатовъ. Сытно значитъ адъ: Богъ знаетъ почему такое названіе могла получить гора. Говорятъ, что на немъ открывали клады, что видѣнъ иногда возъ на огненныхъ колесахъ быстро бѣгущій, что въ его пещерахъ живутъ чуть не безсмертные люди; поютъ впрочемъ о немъ и самыя невинныя пѣсни, напр.: na tom Sytně ruža kwitne, kdo ju bude trhati... Мы воротились назадъ къ 10 часамъ. По дорогѣ встрѣчались люди, идущіе изъ церкви: и мужчины, и женщины очень хорошо одѣты; но лица мужчинъ измождены, иные хромы, другіе слѣпы или кривы, и т. д. Работниковъ въ здѣшнихъ рудокопняхъ до 4000. Чистаго дохода получаетъ правительство никогда болѣе 150,000 гульд. сереб. Плата работнику отъ 8 до 9 гульд. въ мѣсяцъ. Плата хороша, но всетаки жаль на такую работу употреблять честныхъ людей.

18-е мая.

Вчера вечеромъ въ началѣ 9-го пришли за мною Бранковичь и Фрндакъ съ лампами и съ горнымъ платьемъ (штаны и куртка изъ толстой крашенины, кожа на задъ и шапка высокая валеная зеленая), и мы пошли въ рудокопни. Около трехъ часовъ оставался я подъ землею, и вышелъ изъ подъ земли въ Виндшахтѣ, за ³/₄ часа отъ Штявницы. Несмотря на то, что мы опускались въ одномъ мѣстѣ слишкомъ на 50 лѣстницъ, и потомъ поднялись на 106 лѣстницъ вверхъ (каждая около и болѣе сажня и назыв. фартъ), однако работающихъ еще не видали: такъ они глубоко подъ землею. Особенное чувство рождается когда бродишь подъ землею, по проходамъ, прорытымъ самимъ человѣкомъ... Каждая [лѣстница] пригвождена сверху, и снизу укрѣплена на узенькомъ полу, работникъ опускаясь или поднимаясь, держитъ въ одной рукѣ лампу, а въ зубахъ трубку. Около лѣстницъ машина, поднимающая воду и руду. Главная у Виндшахты машина занимаетъ въ глубь 1,250 футовъ. Въ Виндшахтѣ пришли мы къ бергману Добрянскому, Русину изъ Спижской столицы: и онъ

русистъ, надъ постелью у него Петръ Великій, а со всѣхъ сторонъ карты частей свѣта, гдѣ Россія имѣетъ свои владѣнія; портретъ Николая на другой сторонѣ; о Россіи говоритъ онъ съ какою то чудной гордостью и любовью. Мы воротились домой въ половинѣ 1-го.

19-е. Лиготка.

Сегодня въ 10-мъ часу я простился со Штявницей и Прейсомъ. Болѣзнь удержитъ его тамъ еще съ недѣлю, а потомъ онъ проѣдетъ въ Краковъ скорымъ маршемъ; а я хочу обойдти Словаковъ порядочно, и слѣдовательно не смѣю терять времени. До Склѣнной Топлицы провожалъ меня Бранковичь (2 часа хода отъ Штявницы): тамъ мы зашли въ баню минераль[ныхъ] горячихъ водъ, выкупались и потомъ пообѣдали. Дорога шла сначала тяжело на гору, потомъ горою внизъ и вверхъ по лѣсамъ и далѣе долиной. Купалень пять, хорошо обстроены, но кажется всѣ для мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ. Далѣе пошелъ я съ проводникомъ одинъ въ деревню Крестъ (Крижъ, Kreutz, Керстъ) черезъ гору, которой вершина называется Золотой столъ, и потомъ спустился въ долину къ Грону. Въ Крестѣ есть замокъ, гдѣ живетъ епископъ Бѣлянскій, покровительствующій Голому. Онъ боленъ, и я не рѣшился безпокоить его посѣщеніемъ, а пошелъ далѣе и пришелъ сюда: постоялой дворъ у дороги въ Кремницъ, за нею потокъ Руница, за Руницей на холмѣ деревня Лиготка.

20-е мая. Кремница (Kremnitz).

Въ 10-мъ часу сегодня я пришелъ сюда, при самомъ входѣ въ городъ встрѣтилъ г. Ивачковича, къ которому адресовалъ меня Бранковичь, и съ нимъ пошелъ въ топильни, гдѣ руда топится, металъ очищается и добывается. Кромѣ множества олова, и довольно порядочнаго количества серебра, получается и до 6 пудовъ золота. Не смотря однако на это, правительство питается надеждами на будущее и теряетъ ежегодно до 60,000 гульд. серебромъ. Въ топильняхъ (Hütten) все показывалъ и объяснялъ мнѣ директоръ топилень, молодой, бойкой человѣкъ. Кремница лежитъ у истоковъ Руницы, такъ же какъ Штявница между горами; обстроена хуже.

21-е.

Послѣ обѣда мы отправились вчера на монетный дворъ. Это единственный для цѣлой Венгріи: на немъ чеканится ежегодно около 250,000 червонцевъ и на 1.200,000 гульд. серебра ежегодно. Серебро и золото поступаютъ сюда еще въ смѣси, отдѣляется, тянется въ ленты, изъ которыхъ вы-

рѣзываются монетные кружки, потомъ кружки подпиливаются по должному вѣсу, серебренные для цванцигеровъ (двугривенныхъ), оксидируются, чтобы получили бѣлый серебренный цвѣтъ (а до этого серебро кажется оловомъ, такъ нечисто), правильно округляются гладко и наконецъ чеканятся. Мы застали чеканенье и серебра и золота и я даже самъ отчеканилъ себѣ нѣсколько цванцигеровъ. Далѣе пошли мы къ евангелическому Словенскому пастору, и ходили съ нимъ вмѣстѣ въ такъ назыв. замокъ, гдѣ старая церковь, и на фарфоровую фабрику. Глина выжигается изъ кремнозема. Выжигать впрочемъ тутъ не умѣютъ. Назадъ шли мы мимо домовъ, гдѣ прежде жили храмовые рыцари, или какъ народъ ихъ называетъ Красные монахи. Они были и въ Штявницѣ. Нѣмцы пришли впрочемъ сюда прежде нихъ, и Нѣмецкій языкъ тутъ очень силенъ, особенно въ классѣ горныхъ и монетныхъ работниковъ.

Сегодня мы ходили съ пасторомъ Главачемъ къ фискалу-архиварiусу городского архива. Онъ мадьяроманъ, а я Русской, и потому отвѣтомъ было, что въ архивѣ ничего нѣтъ примѣчательнаго. Хоть онъ потомъ склонился показать; но въ данное время въ архивъ не пришелъ, а оставилъ только реестръ. Огромная книга, на просмотръ которой надобно по крайней мѣрѣ два или три дня. Я могъ только замѣтить, что есть вещи изъ перв. половины XIII вѣка Напишу Палацкому, пускай прiѣзжаетъ самъ.

21-е Теплица у Гая.

Опять въ Теплицѣ,—и въ добавокъ въ Турчанской столицѣ, откуда приходятъ къ намъ Словаки съ лекарствами, что тутъ зовутся олейкари. Большая часть этой столицы представляетъ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, на которыхъ кое гдѣ еще до сихъ поръ остался снѣгъ. Дорога изъ Кремницы идетъ на гору, между лѣсами еловыми, и мимо Нѣмецкихъ деревень; потомъ постепенно спускается и наконецъ за Alt Stuben къ Neu Stuben идетъ по долинѣ. Долина очень велика, покрыта лугами, полями, лѣсами, тоже большею частью еловыми. Природа вообще здѣсь прекрасна. Бани тутъ теплыя. Я купался сегодня въ самой холодной, и та довольно тепла. Со мною еще купались мужъ съ женою, незнаю кто. Гостей еще кажется мало. Комнаты очень дурны: мебель мужицкая и полы нечисты. Я впрочемъ останусь тутъ до вторника (сегодня суббота): обѣщалъ придти Главачь, чтобы вмѣстѣ идти къ какимъ то развалинамъ. Время не потеряю, я между тѣмъ и покупаюсь. Отъ Кремницы сюда четыре часа ходьбы: я заплатилъ 2 двугривенныхъ вожатому, несшему мое добро; а отъ Штявницы до Кремницы 4 двугривенныхъ. Около Кремницы есть много кретиновъ, людей низкихъ, глупыхъ, едва понятно выговаривающихъ,—и всѣ они изъ Нѣмцевъ.

22. Воскресенье.

Сегодня послѣ купанья пошелъ я къ евангелическому князю (священнику) Мартини въ Гай, за 1/4 часа отъ Теплицы, и съ нимъ въ церковь. Церковь по обычаю покрыта лавками, каждый приходитъ съ молитвенникомъ и кладетъ передъ собою. Надъ лавками довольно высоко, почти надъ цѣлой половиной церкви хоры: на хорахъ стоятъ мужчины, особенно молодые, внизу жены, а спереди дѣвушки. Передъ обѣдней и послѣ обѣдни сверху внизъ кидаются такъ называемыя вонячки, т. е. букетики цвѣтовъ: каждый бросаетъ своей милой; впрочемъ не переглядываются. Турчанки славятся красотою, и въ самомъ дѣлѣ есть много хорошенькихъ. Одѣты всѣ очень чисто. Обыкновенный цвѣтъ синій.

24-е.

Сегодня вмѣстѣ съ Мартини ходили мы на Градки (1 часъ отъ Гая), гору на которой былъ когда то замокъ. Теперь уже все заросло деревьями. Остаются только камни и кирпичи, и преданіе, которое между прочимъ говоритъ, что погребъ въ глубинѣ горы открывается самъ собою каждые три года въ неизвѣстный день, и что кто попадетъ въ это время въ погребъ, тотъ можетъ набрать золота въ волю. Нѣкоторые думаютъ, что тутъ было Eborum. Видъ съ горы роскошной: съ одной стороны на Турчанскую долину и горы, а съ другой въ глубокое удолье, въ глубинѣ котораго стремится горный потокъ, а на одной изъ отлогостей стоитъ пастушій салашь, и вокругъ пасутся между густымъ лѣсомъ на полянахъ овцы и козы.

Мошовцы, 27 мая.

Третьяго дня рано я вышелъ изъ Теплицы въ мѣстечко Мошовцы и остановился было въ постояломъ дворѣ; но священникъ Кубовичь, котораго я тотчасъ посѣтилъ, заставилъ меня перейдти къ себѣ. День прошелъ въ разговорѣ, а на вечеръ съ учителемъ Чипкаемъ отправились въ Блатницу къ священнику Месу, съ тѣмъ чтобы на другой день сдѣлать прогулку въ горы. Вчера рано пристала къ намъ и жена Кубовича съ двумя дѣвушками и жена Меса съ сестрой да различнаго съѣдомаго плечей 5. Мимо стараго Блатницкаго замка долиной пошли мы къ горѣ Толстой, и потомъ по ней, къ Махарной пещерѣ: къ ней карабкались, съ нее скатились; а тамъ и варили, и пекли, и жарили, и пѣли пѣсни, а между тѣмъ въ мою записную книжку перепадало и то другое любопытное, что мнѣ разсказывали. Теперь мы опять въ Мошовцахъ и собираемся въ новый путь. Блатница знаменита тѣмъ, что имѣетъ много Руссовъ,

т. е. олейкарей, ходившихъ по Россіи; они богатые люди; говорятъ языкомъ смѣшаннымъ, ни Словенски, ни Русски, имѣютъ самовары и чашки, и пьютъ чай, приняли разные Русскіе обычаи, и нѣкоторые по Русски говорятъ довольно хорошо, даже самъ священникъ выучился.

Блатница. 29.

Я все еще тутъ, въ Турчанской столицѣ. Третьяго дни ѣздили мы въ четырехъ въ село Шклабиню, къ развалинамъ стараго замка. Вчера цѣлый день остался въ Блатницѣ и разспрашивалъ объ обычаяхъ, а сегодня хочу присутствовать на свадьбѣ. Третьяго дни вечеромъ мы пили чай у одного изъ Москвалей (какъ тутъ называютъ ходящихъ въ Россію): чай былъ хорошъ когда то, но потерялъ запахъ и отзывается разными маслами. Онъ мнѣ сказалъ, что Блатничане, не ходя въ Россію, не могли бы жить.

Иванчина. 1-е Іюня.

Со мною случилась исторія. Жаль, что подробно разсказать ее не могу въ письмѣ. 29-го (воскресенье) я былъ въ Блатницѣ на сватебномъ обрядѣ и послѣ обѣда вмѣстѣ съ священникомъ и его женою пошли въ Мошовцы. Пришедши, мы пили чай, пѣли, плясали. Въ 12-мъ часу вечера пришелъ присяжный, который, узнавши обо мнѣ, захотѣлъ меня видѣть. Сначала было хорошо, но, опившись вина и чаю съ ромомъ, онъ захотѣлъ показать себя какъ чиновника важнаго на мнѣ; я ему замѣтилъ, что мы теперь въ приватномъ обществѣ, и всѣ равно приватные люди. Ich, ich bin ein privat? взревѣлъ онъ и напустился на меня, говоря что въ столицѣ и самъ Kaiser von Oesterreich зависитъ отъ него, что меня онъ можетъ взять въ арестъ, можетъ повѣсить. Я показалъ ему часы (было ½ 2-го за полночь) и, сказавши, что могу разговоромъ ввести его еще въ большее искушеніе, пожелалъ ему покойной ночи. Aber der Pass?—Паспортъ покажу завтра, а сегодня хочу спать. Съ этимъ я ушелъ въ другую комнату. Еще сильнѣе взбурился мой присяжной, кричалъ, грозилъ, и все это продолжалось до ½ 4-го. Меша стоялъ за меня, говорилъ, что такимъ обхожденіемъ со мною онъ подаетъ мнѣ худое мнѣніе не только о себѣ, но и о невѣ[же]ствѣ цѣлой столицы. Мало по малу онъ усмирѣлъ. Меша пришелъ ко мнѣ, прося, чтобы я ему показалъ паспортъ и отвязался отъ него. Я отвѣчалъ: пожалуй, пусть придетъ ко мнѣ ex officio съ вопросомъ, кто я и имѣю ли паспортъ. Онъ пришелъ, я принялъ его, какъ новое, совершенно незнакомое лице, показалъ паспортъ; онъ сталъ просить прощенія, и въ пылу желанія благодѣтельствовать мнѣ сказалъ, что дастъ форспангъ (почтов. лошадей, которыя тутъ даются только безъ денегъ, по казенной надобности).

Впрочемъ примиреніемъ дѣло не окончилось: онъ ушелъ уже въ 6-мъ часу, напившись кофію. Тогда только легли мы спать. Послѣ обѣда всѣ мы пошли вмѣстѣ въ Иванчину, гдѣ священникомъ Солтисъ, одинъ изъ извѣст. писателей: меня хотѣли проводить. День прошелъ пріятно, я остался ночевать у Солтиса, на другой день думая далѣе. Вчера пошли мы прогуливаться съ Солтисомъ къ р. Турцу, какъ вдругъ намъ даютъ знать что пріѣхалъ служный (Stullrichter, земскій судья) и хочетъ меня видѣть. Онъ просилъ меня показать паспортъ, разспрашивая о моихъ путешествіяхъ и разговаривая довольно вѣжливо; а потомъ сказалъ, что мой паспортъ недостаточенъ, что теперь въ Венгріи владычествуетъ націонализмъ (т. е. мадьяризмъ), что Славяне вооружаются противъ него, хотѣли бы имѣть царемъ Русскаго царя и что поэтому всякой Русскій подозрителенъ (verdächtig). Далѣе далъ мнѣ совѣтъ идти къ вице-ишпану столицы и просить его визировать паспортъ. Вице-ишпанъ чортъ знаетъ гдѣ, и потому я рѣшился прямо къ обер-ишпану, живущему въ Мошовцахъ, какъ въ помѣстьи. Съ Солтисомъ я воротился въ Мошовцы, былъ у обер-ишпана, очень хорошо имъ принятъ, и получилъ отъ него своеручное визо. На мое удивленіе, какъ могъ мнѣ служный сказать, что всякой Русскій подозрителенъ въ Венгріи и что паспортъ данный правительствомъ Русскимъ и утвержденный правительствомъ Австрійскимъ, недостаточенъ, баронъ Ревай отвѣчалъ мнѣ: простите невѣжеству сказавшаго, и чтобы не имѣть впередъ дѣла съ невѣжами, представляйте всюду свой пашпортъ вице-ишпану сами. Онъ оставлялъ меня на вечеръ, но мнѣ хотѣлось еще посѣтить домъ, гдѣ родился Колляръ, и католическую церковь. Братъ Колляра—скорнякъ, очень бѣдной. Въ церкви я видѣлъ дерев. статуи Кирилла и Мефодія, безъ всякихъ римскихъ признаковъ, вставленныя въ коробъ или шкафъ съ дверями, похожій на наши складни, и на дверяхъ образа греческой школы въ золотомъ полѣ. Ночевалъ въ Мошовцахъ, а сегодня воротился въ Иванчину, и по дорогѣ смокъ, а потому и долженъ былъ остаться на ночь. Не я первый остановленъ былъ въ Турчанской столицѣ: и у короля Саксонскаго, шедшаго по Карпатамъ, спросили тутъ паспортъ, и онъ отдѣлался подарками. Турчанскіе дворяне чрезвычайно бѣдны, иные бѣднѣе бѣднѣйшихъ мужиковъ, и ихъ множество; а между тѣмъ они хотятъ казаться богатыми.

Угровцы. 2-е іюня.

Сегодня изъ Иванчины я переѣхалъ въ мѣстечко Словенское Правно, похожее на деревушку, къ священнику Бѣлогорскому, и пообѣдавши у него, отправился далѣе, нанявши тутъ «прилежитость» до Тренчина за 18 гульденовъ, т. е. за 16 рублей. Переѣхавши черезъ горы Жары или по здѣшнему выговору Жьяры, мы спустились въ Нитранскую столицу. Чудесная долина, плодо-

родіе удивительное, земля прекрасно вздѣлана, бѣдныхъ земановъ (помѣщиковъ) очень мало, а мужики богаты, хоть и гораздо хуже одѣты. По дорогѣ встрѣчались господскіе домы очень милые, окруженные садами, а замокъ Пальфи графа, близь мѣстечка Привидзы, въ другомъ мѣстечкѣ Бановцахъ, огроменъ и великолѣпенъ. Угровцы крошечное селеніе въ $^3/_4$ часа за другимъ мѣстечкомъ Осланомъ.

Тренчинъ. 6-е.

Взглянувши на карту вы увидите, что я подвинулся довольно далеко на западъ къ Вагу. Тренчинъ—главный городъ Тренчанской столицы, крошечной городокъ, въ которомъ болѣе половины жителей Жиды. По широкой долинѣ, между лугами течетъ Вагъ, надъ долиною слѣва возвышается стѣною огромная скала, на скалѣ огромныя развалины замка, подъ самой скалой прижался городъ, не имѣющій ни одной улицы, а только нѣсколько переулковъ и длинную площадь, оканчивающуюся съ обѣихъ сторонъ воротами, за которыми съ южной стороны тянется въ сторону и около города предмѣстіе. Въ самомъ городѣ есть порядочные домики; въ предмѣстіи дрянныя какъ за Лопанью по Рождеств. улицѣ, и хуже. Монастырь піаристовъ большое зданіе. Но лучше всего развалины и видъ съ нихъ на окрестность, равно и вербовыя аллеи по долинѣ. 4-го я былъ у вице-ишпана и показалъ ему свой паспортъ, ходилъ на развалины (колодезь въ скалѣ чрезвычайно глубокой, страшно глубокая яма, гдѣ когда-то умирали голодомъ протестанты гонимые католиками, башня Матвея Корвина, тройная стѣна), и съ башни піаристовъ снималъ видъ развалинъ. Вчера ѣздилъ въ Теплицы ($^5/_4$ часа отъ Тренчина) вмѣстѣ съ протест. священникомъ Долежаломъ, его женою и крошечнымъ миленькимъ сынкомъ Самуиломъ: тамъ мы купались, гуляли. Близь Теплицъ село, кругомъ горы, покрытыя лѣсомъ, на площади около церкви лавки съ разными товарами большею частью изъ Пресбурга. Гостей еще не много, но уже съѣзжаются (тутъ бываетъ много и изъ Польши); вчера было воскресенье, и потому много съѣхалось изъ Тренчина особенно дворянъ, пріѣхавшихъ въ Тренчинъ по дѣламъ. Теплицы вмѣстѣ съ мѣстечкомъ Дубницы принадлежатъ Вѣнскому банкиру барону Синѣ.

Жилина. 7-е.

Это тоже городокъ въ Тренчанской столицѣ. Вчера въ 2 часа пополудни выѣхалъ я изъ Тренчина, ночевалъ въ Быстрицѣ, и сюда пріѣхалъ въ концѣ 11-го. Дорога по лѣвому берегу Вага; виды очаровательны, но къ сожалѣнію видѣть ихъ мѣшалъ дождь. Лишь только начинается дождь тутъ, горы тотчасъ застилаются облаками и видны только кусочками. Долина между

горами—садъ. У Быстрицы есть развалины замка на неприступной скалѣ. Вообще тутъ замковъ въ развалинахъ по горамъ очень много. За Быстрицей начинаются небѣленыя курныя избенки. Народъ тутъ чрезвычайно бѣденъ: полей мало, а народу много; единств[енный] промыслъ сплавъ деревъ по Вагу въ Дунай, плти т. е. плоты идутъ во множествѣ, но такъ какъ отъ нихъ доходу мало, то Тренчане должны ходить въ другія столицы промышлять хлѣбъ и ходятъ не только въ другія столицы, но и далеко по свѣту. Турчане ходятъ, какъ олейкари, а Тренчане, какъ дротари, продаютъ дротъ, дротятъ разбитые горшки, продаютъ также простые ножи, губку деревянную (prachno) и пр. Они заходятъ даже въ Америку. Разсказываютъ, что однажды два Тренчана сошлись въ Америкѣ и не мало тому удивились: одинъ былъ попъ, а другой дротарь; дротарь пришелъ исповѣдываться къ попу, и попъ не узналъ своего земляка до тѣхъ поръ пока дротарь не сталъ молиться по Словенски. Хоть избенки и дурны, но глядѣть на нихъ пріятно: домика за зеленью деревьевъ почти не видно, весь дворъ какъ садъ, покрытъ яблонями, черешнями, вишнями, липами, тополями, дикими каштанами и т. п.

За обѣдомъ я слышалъ, что народъ тутъ хлѣба не ѣстъ, а ѣстъ картофель; хлѣбъ продаетъ и имъ платитъ дань. Страшно подумать, что дань вырываетъ послѣдній кусокъ изо рту.

Сегодня послѣ обѣда я ѣздилъ въ деревню Лѣтаву ($1\frac{1}{4}$ отъ Жилины), въ горы. Мѣстоположенія очень похожи на Фріульскія, гдѣ я былъ за 13 мѣсяцевъ: тѣ же скалистыя горы, потоки по камнямъ, только зелени больше и деревеньки хоть и столь же нечистыя, но не изъ камня, а изъ дерева. Надъ Лѣтавою возвышается на огромной, крутой горѣ замокъ, знаменитый въ преданіяхъ угнѣтеній иновѣрцевъ—чуть ли не православныхъ. Далѣе на югъ есть гора Жибридъ, въ долинѣ подъ горою, говоритъ народъ, былъ монастырь черныхъ бородатыхъ монаховъ, а теперь ему слѣдовъ нѣтъ. Лѣтавскіе паны сожгли его, а монаха взяли въ замокъ, мучили, и потомъ сбросили со скалы замковой; гдѣ онъ палъ, тамъ камни растворились, и опять лягли какъ будто ничего не бывало. Онъ впрочемъ, говоритъ народъ, былъ кациръ (еретикъ). Въ Лѣтавѣ священникомъ почтенный старикъ Горецкій, хоть и католикъ, но хорошій Словакъ. Въ церквѣ, въ постройкѣ которой замѣтно что-то православное (раздѣлена она на три части: алтарь, церковь и паперть), есть старый образъ, составлявшій часть складня, изображающій множество голыхъ, пронзенныхъ кольями, на которые были кинуты съ горы, гдѣ стоятъ люди въ Татарскихъ долгополыхъ кафтанахъ, и одного, какъ будто Нѣмца въ костюмѣ XVII—XVIII вѣка, толкающаго одного голаго съ горы внизъ ногою. Между многими очень много бородатыхъ, а одинъ и въ Римской митрѣ, тоже голый. Поле образа—золотое въ узорѣ.

Сучаны. 8-е.

Я опять въ Турчанской столицѣ; старые мои знакомые отъ меня вблизи, часахъ въ 4-хъ, въ 5-ти. Изъ Жилины я продолжалъ путь далѣе все берегомъ Вага. До Стрѣчна продолжались прежніе виды—широкая долина, въ серединѣ Вагъ, далѣе горы. За Стрѣчномъ горы сходятся; Вагъ течетъ узко и бурливо, а съ обѣихъ сторонъ поднимаются скалы, почти отвѣсно. Онѣ только что прикрыты лѣсомъ. Дорога прорублена по лѣвому берегу, и хоть исправляется арестантами безпрерывно. однако вода обваливаетъ клочки ея въ воду и дѣлаетъ ее непроходимою. У Стрѣчна тутъ есть чудесныя развалины, далѣе въ горахъ другія, потомъ нѣтъ ни жилья, ни человѣка. Эта дичь продолжается и въ Турчанскую столицу, но тамъ мало по малу горы раздвигаются, и потомъ опять передъ глазами долина—и горы видны до вершины.

Ясенова. 10-е.

Вчера рано утромъ выѣхалъ изъ Сучанъ на сѣверъ въ Оравскую столицу, изъ долины опять въ горы, опять по берегу Вага между скалами, потомъ оставилъ Вагъ на право и вверхъ по берегу Оравы пріѣхалъ въ Истѣбио къ священнику евангел. Матушкѣ. Предоброй молодой человѣкъ, жена прелестная молодая дама изъ богатаго дома и проста, какъ сестра. Церковь тутъ деревянная, бѣдная. Сегодня съ Матушкой поѣхалъ я въ Оравскій замокъ, принадлежавшій Турзу, а теперь многимъ. Смѣло поставленъ онъ на узкой торчащей сахар[ной] головою скалѣ, и сохранилъ многое отъ стараго времени. Тамъ обѣдали, потомъ поѣхали въ городокъ Кубинъ, главной въ Оравской столицѣ. Тутъ переѣхали черезъ деревянный, сдѣланный сводомъ мостъ съ крышей. чудной архитектуры. Кубинъ дрянной городишка. Тутъ мы останавливались у стараго евангел. священника, и къ вечеру пріѣхали въ Ясеново, гдѣ священникомъ Цохіусъ, молодой чел., приготовляющійся жениться и для меня очень полезный. Тутъ я остаюсь на завтра. У этихъ людей я, какъ дома. Орава вся въ горахъ. Сегодня видѣлъ съ замка и собств. Татры. Снѣгу на нихъ еще довольно. Эта столица также знаменита полотняниками, какъ Турчанская шафранниками и олейкарями, а Тренчанская дротарами: полотно возятъ они въ Турцію, Грецію и т. д.

Св. Микулашь. 13-е.

Вчера пріѣхалъ я сюда подъ вечеръ: это главный городокъ Липтовской столицы. Изъ Ясеновой надобно было подняться на основаніе огромной горы Хоча и потомъ спуститься къ Вагу. Тутъ у входа въ Липтовскую долину

стоитъ городокъ Ружемберкъ, дрянной, но годится для картинки, потому что кругомъ огромныя живописныя горы. Микулашь и Врбица два мѣстечка, соединенныя улицами. Есть нѣсколько порядочныхъ домовъ, но всѣхъ мало, и все безъ порядка. Тутъ пасторомъ Годжа [1]). Онъ только что воротился изъ Вѣны и ужиналъ у тестя; я пошелъ туда и познакомился съ тестемъ и съ молодой Годжевой женою. Пріятно глядѣть на эту пару голубковъ. Годжа былъ въ Вѣнѣ съ другими и съ суперинтендентомъ Іозефи просить правительство защиты противу Мадьяровъ. Меттернихъ и Коловратъ приняли ихъ прекрасно; Людвигъ взялъ просьбу и можно надѣяться, что просьба подана не напрасно. Сегодня утромъ я провелъ время отчасти дома, отчасти съ Фейерпатаки, здѣшнимъ книгопродавцемъ, обѣдалъ у Годжи, а послѣ обѣда ѣздилъ съ капелланомъ Носакомъ въ Демановскую пещеру, въ 2 часахъ отъ Микулаша. Въ пещерѣ мы были два часа. Она въ родѣ Аделсберской, но стара, уже не родитъ капельника, и спускъ въ нее чрезвычайно крутъ, несносенъ, Одна часть его,—Ледовà дùра очень занимательна: тамъ всѣ фигуры изъ леду, страшны, красивы, оригинальны. Ледъ никогда не таетъ.

16-е.

Третьяго дни утромъ я съ Носакомъ и мѣщаниномъ Бѣлою поѣхалъ изъ Микулаша на прогулку къ Татрамъ. Цѣлая Липтовская столица окружена горами, до сихъ поръ покрытыми снѣгомъ, собственныя Татры на сѣверо-востокѣ, съ тремя своими главными шпицами, Криванью, Герлашскимъ шпицемъ и Ломницей. Мы не надѣялись взойти ни на одинъ изъ шпицовъ, потому что снѣга совершенно покрываютъ ихъ, однако рѣшились ѣхать—взглянуть хоть на плеса (горныя озера), если не на что другое. По дорогѣ заѣзжали мы въ св. Янъ (село). Тутъ есть замѣчательное эхо: оно повторяетъ 14 слоговъ очень внятно. Мы закричали: да здравствуетъ царь Русскій Николай! и эхо повторило все это до буковки. Оно впрочемъ не громко, хоть и внятно. Чтобы слышать эхо, надобно стоять въ извѣстномъ мѣстѣ среди поля; сзади тянется поле далеко подъ гору и оканчивается лѣсистой горой, а спереди тоже ровный лугъ и потомъ горка длинная (она то повторяетъ голосъ), на право горы сгущаются, на лѣво расширяется Липтовская долина. Тутъ же близь церкви есть источникъ соленой воды: раннимъ утромъ пролетающая надъ нимъ птица падаетъ и умираетъ. Въ Гибахъ мы уговорили сопутствовать намъ доктора Гвота и кандидата Крауса, и, взявши проводникомъ ловца Гакеля, рѣшились попытаться взойти на Кривань, и поѣхали ночевать подъ самую гору въ лѣсъ. Тамъ въ лѣсу стоятъ халупы, хорошо выстроенныя изъ дерева, не хуже Сербскихъ хижинъ. Едва мы успѣли

[1]) См. выше, стр. 352.

добраться до нихъ (въ ½ 11-го), какъ собрались тучи и начались раскаты грома. Мы разложили огонь въ халупѣ, набрали на ночь сухихъ вѣтвей и коры; Носакъ наварилъ намъ супу и говядины, Гвотъ напекъ солонины, окорока; вина, хлѣба, сыра было у насъ вдоволь; были всѣ веселы. А Гакель придавалъ на[мъ] еще болѣе бодрости, увѣряя, что къ утру небо очистится И въ самомъ дѣлѣ, послѣ трехъ бурь, грозно раздававшихся между горами, солнце встало ясно, остались только густые туманы по горамъ. Мы съѣли по куску сыра и хлѣба, запили виномъ, и отправились въ путь въ половинѣ шестаго. Съ часъ шли мы лѣсомъ, потомъ голой отлогостью очень удобно, и такъ дошли подъ кончуръ (верхушку), мимо трехъ прегибъ. Съ послѣдней взглянулъ я опять на кончуръ, и повторилъ по крайней мѣрѣ въ 10-й разъ, что я не понимаю, какъ бы можно было добраться до верха. Онъ такъ крутъ, какъ только можетъ быть круто поставлена лѣстница,—и ничего кромѣ камня и снѣга. «Э, пойдемъ», сказали мнѣ товарищи, и мы начали карабкаться. Гакель шёлъ впереди и указывалъ путь: это настоящая коза, бѣгаетъ, прыгаетъ съ камня на камень надъ пропастями, какъ со стула на стулъ, прокладываетъ дорогу по снѣгу, и одинъ только обремененъ ношею (онъ имѣлъ въ сумкѣ хлѣбъ, вино, сыръ, порохъ, пули) и ружьемъ. Мнѣ непривычному было тяжелѣе всѣхъ; въ иныхъ мѣстахъ я не зналъ какъ и ступить слѣдующій шагъ, за какой камень взяться рукой, куда переставить ногу, а ползти по снѣгу было и страшно и досадно: я того и ждалъ что скачусь въ пропасть. Эта исторія продолжалась болѣе часу, и я самъ не знаю, какъ я наконецъ очутился у памятника Саксонскому королю, бывшему тутъ за нѣсколько лѣтъ. Верхушка совершенно завалена снѣгомъ; только около памятника оттаялъ онъ, и еще намъ было мѣстечко въ квадратную сажень. Мы тутъ сѣли. Все вокругъ было закрыто густыми облаками тумана: мы были какъ будто въ небѣ, и такъ продолжалось отъ 10 до 11. Мы закусили, стали пить за здравіе всѣхъ кто намъ дорогъ, пѣть пѣсни. Между прочимъ мы пѣли одну патріотическую пѣсню Словенскую. При стихѣ «Мы стоиме стале певнѣ» мы встали и не успѣли пропѣть куплета, какъ подулъ сильный вѣтеръ, разогналъ туманы и мы увидѣли Татры подъ ногами, и далѣе Липтовскую столицу, Спишскую, часть Зволейской, Шаришской, Оравской, часть Галиціи до Кракова. Видъ великолѣпной. Татры покрыты еще всюду глубокимъ снѣгомъ. Снѣгъ этотъ стекаетъ въ долины и образуетъ плеса; ихъ видѣли мы съ Кривани 7. До полудня (2 часа) мы остались на вершинѣ, потомъ стали спускаться. Гакель выбралъ другую дорогу, съ другой стороны кончура, говоря, что тамъ будетъ легче спускаться. Я впрочемъ всетаки не понималъ, какъ спустимся, и признаюсь думалъ не воротиться живымъ. Все окончилось однако счастливо. Съ полчаса было мучительно, а потомъ, хоть и не легко, но я уже

привыкъ прыгать и дѣло пошло весело. Въ три часа мы были уже опять въ Колибахъ. Краусъ не ходилъ на Кривань, а варилъ намъ мясо. Къ вечеру мы были въ Гибахъ, и тамъ остались на ночь. Намъ не хотѣли вѣрить, что мы были на Кривани, и самъ Гакель утверждаетъ, что мы первые, рѣшившіеся до Ивана (24 іюня) идти на Кривань; обыкновенно всходятъ въ августѣ и въ сентябрѣ, когда снѣгъ сойдетъ; тогда и дорожка на вершину открывается, и хоть тяжела, но далеко не то, что испытали мы. Усталости я не чувствую, но ноги выше колѣнъ болятъ. Кривань вышиною 7,600 футовъ. Только въ самомъ низу покрыта она лѣсомъ, далѣе до самаго кончура пологости покрыты травою, и послѣ косодревиной (Krumholz), на кончурѣ голый камень и мохъ.

20-е. Банская Быстрица.

Вчера былъ на Годжевой проповѣди: говорилъ о томъ, что значитъ человѣкъ строгій къ самому себѣ и другимъ, и говорилъ превосходно. Я и не думалъ, что онъ, мой милый Мишко, такой чудесный проповѣдникъ. Послѣ обѣда я сѣлъ и поѣхалъ далѣе. Жаль мнѣ было разставаться съ этою доброю милою парою. Онъ меланхоликъ, она веселая, онъ съ характеромъ твердымъ, она краснѣетъ съ каждымъ словомъ, и оба добры, милы, какъ нельзя болѣе.

Тутъ оканчиваю свое письмо и начинаю слѣдующее. Цѣлую ручку, милая маменька.

Вашъ вѣрный сынъ Измаилъ.

ОТДѢЛЪ II.

О говорѣ крестьянъ южной части Череповецкаго уѣзда Новгородской губ.

Южная часть Череповецкаго уѣзда граничитъ съ Устюженскимъ уѣзд. Новг. губ., Весьегонскимъ уѣзд. Тверской губ. и Моложскимъ уѣзд. Ярославской губ. и заключаетъ въ себѣ слѣдующія волости: Уломскую, Дмитріевскую, Колоденскую, Горскую, Хотовецкую и Мороцкую. Означенныя волости отчасти расположены по лѣвому берегу р. Мологи и тянутся до р. Шексны.

Въ говорѣ означенной мѣстности характерными чертами будутъ: сохраненіе древняго Новгородскаго говора: цваканье и чваканье; затѣмъ большая часть рѣчи пересыпается теканьемъ, т. е. послѣ словъ ставится приставка *те*, и наконецъ т. е. мѣна *ѣ* въ *и*, а иногда *и* въ *ы*. Примѣры будутъ указаны ниже.

Переходъ твердыхъ гласныхъ въ мягкія чаще, чѣмъ на оборотъ, отсюда въ разговорѣ замѣчается нѣкоторая мягкость.

Перехожу къ особенностямъ отдѣльно по каждой буквѣ, начиная съ измѣненій въ гласныхъ:

1. А въ *я* и *о* въ словахъ: ярмякъ, якушерка, больняя, шальняя, дальняя, проштяйте, корета, покасть.
2. О въ *ё*, *у* и *ы* въ словахъ: ёнъ, льдёмъ, коренней, лёжится, сильнё, трёсникъ, Микулай, дотрыгаться.
3. Ы въ *і* и *у* въ словахъ: больніе, кореннiе, [1]) прущъ.
4. У въ *ю* и *а* въ словахъ: Дюня, льдю, двюхъ (многіе произносятъ и двехъ), штюка (щука), купчю, отчю, швечю, франчюзъ, маравей, Маравьево село [2]).
5. Я въ *е* и *а* въ словахъ: легу, сѣду (деревня Химелина), нельзе, грезь (Улома), преду, прести, прежа, порежена, (с. Мороцкое), запрегать (с. Дмитріевской). опеть, гулеть (д. Островъ), трести, воденой, хозеинъ (Улома); байна, байну, баенка.
6. Е—*о*, *у* и *я* въ словахъ: пещора, пришодцы, должонъ, доржать, поддорживать безчостно, небезчостно, очосался, робенокъ, кресла (кресла), Надежа (Надежда—имя); очунь, качуля, болязь. *Ѣ*—*и* въ словахъ: *лисъ*, *исть*, *сиверъ* (д. Островъ), *мисяцъ*, встрича, обидня, мисто, висшь, тмя, одить (с. Мороцкое), листница (д. Пехтиево), хлибъ (с. Кондашъ), билый (с. Дмитріевское), сиия.
7. И—*ы* и *о* въ словахъ: смородына, архотына, отростыли; бѣлочій, дѣвочій [3]).
8. Ю—*и* въ словѣ: слина.

---

[1]) Желательно знать, только ли въ имен. множ. мужск. р. или и въ винит. множ. ч. женск. р.—требуются разные примѣры. *Ред.*

[2]) Здѣсь *о* не изъ *и*, а изъ стар. ъ—бѣлъка, дѣвъка, наше же *дѣвичій* отъ *дѣвина*. *Ред.*

[3]) Тутъ *у* изъ *о*: мравій (старосл.), русск. моровей.

Измѣненія въ согласныхъ:

9. К—*г*, *т* и *х* въ словахъ: *г*лючь, *г*лубника, *г*лавдія, зер*г*ало, *г*ачать и *г*ичать; *т*рахмалъ, по*т*а (=пока), до*т*а (дока); верь*х*овъ (=вершковъ).
10. Г—*х* въ словѣ: ша*х*омъ.
11. Х—*ф* въ словахъ: ку*ф*арка, ку*ф*ня.
12. П—*т* и *м* въ словахъ: *т*робка, пере*т*она, пере*т*онка; *м*тица, *м*ташка.
13. Б—*г* въ словѣ: *г*умага.
14. В—*р* и *с* въ словахъ: *р*озлѣ, *с*кусъ.
15. Т—*ч* и *н* въ словахъ; у*ч*ажелять, поч*н*и (=почти).
16. Д—*н* въ словахъ: ки*н*ать, ски*н*ывать.
17. Ч—*ц* въ словахъ: *ц*ай, сда*ц*а, *ц*истый, мо*ц*ить, полу*ц*ить, ле*ц*ъ, пе*ц*ка, *ц*ѣво (=чего), *ц*аро*ц*ка, до*ц*ка, но*ц*ка. Нужно замѣтить, что перемѣна звуковъ ч въ *ц* болѣе рѣзко выдается въ Николо-Раменскомъ и Вауцкомъ приходахъ Горской волости.
18. Ч—*п* въ словѣ: *п*ерезъ (=черезъ).
19. Ш—*с* въ словѣ: *с*алашъ.
20. Щ—*шт* въ словахъ: пи*шт*я, ве*шт*и, кре*шт*еніе, уго*шт*еніе, про*шт*яйтя, *шт*ипать, пу*шт*е, *шт*и, *шт*юка (=щука), е*шт*е.
21 Ж—*з* въ словѣ: поро*з*ной.
22. Ц—*ч* въ словахъ: *ч*ѣпь, *ч*ѣна, *ч*арь, работни*ч*а, двад*ч*ать, трид*ч*ать, *ч*ерковь, молоде*ч*ъ, боре*ч*ъ, мудре*ч*ъ.
23. Л—*в* и *н* въ словахъ: пой*в*о, корми*н*ецъ.
24. Р—*л* въ словахъ: тракти*л*ь, карак*т*е*л*ь.
25. Н—*м* въ словахъ: поч*м*етъ, *М*икита.

Наконецъ можно привести нѣсколько словъ съ лишними буквами: *с*посуда, *с*кряду, *с*копія, *в*оспа, *в*острый, Ле(*в*)онидъ, Лари(*в*)онъ, пере(*н*)борка, з*д*р*а*, ба*й*на; (*с*)колько (сколько), поемъ (пойдемъ), тя*г*о*вый*, топч*ивый* и отмѣтить перестановку въ: ус*к*усъ (=уксусъ).

Переходя къ склоненіямъ именъ существительныхъ можно указать на слѣдующее: имена оканчивающіеся на *чъ* во множественномъ числѣ родительнаго падежа вмѣсто окончанія *овъ* выговариваются *ей*: куп*чей*, зай*чей*, жне*чей*, огур*чей*, руб*чей*, кон*чей*. Имена прилагательныя оканчивающіеся на *вскій* въ произношеніи измѣняются на *ськой*: Моско*ськой*, Ру*ськой*, боро*ськой*, остро*ськой*, Панфило*ськой*, Корото*ськой* (отъ названій селеній).

Глаголы повелительнаго наклоненія, настоящаго времени, единственнаго числа вмѣсто окончанія *ся* произносится *си*: грѣй*си*, мой*си*, ломай*си*, шатай*си*, мотай*си*, май*си*, лай*си*.

Въ глаголахъ взаимныхъ и страдательныхъ окончаніе *тыся* произносится *тцы* и вм. *лся-лсы*: сбира*тцы*. броса*тцы*, руга*тцы*. боро*тцы*, боя*тцы*, смѣя*тцы*; има*лсы*, насидѣ*лсы*, наѣ*лсы*, напи*лсы*, насмотрѣ*лсы*, жени*лсы*, ложи*лсы*.

Въ глаголахъ изъявительнаго наклоненія окончанія *шъ* и *чъ* произносятся на *си* и *ци*: даси, недаси, иси, поси, леци, немоци, береци.

Мѣстоименія единственнаго числа, женскаго рода въ родительномъ падежѣ вмѣсто окончанія *ой* и *еи* сохраняютъ въ *ые* и *ее*: т*ые*, сам*ые*, ин*ые*; тво*ее*, мо*ее*.

Имена числительныя въ тѣхъ же направленіяхъ измѣняются въ произношеніи: одн*ые*, друг*іе*мъ.

Мѣстоимѣніе или членъ *те* слѣдуетъ послѣ именъ существительныхъ множественнаго числа: кони-*те*, сѣна-*те*, *уши-те*, наши-*те*, руки-*те*, дороги-*те*, плеча-*те*, коровы-*те*, слезы-*те*, дѣвокъ-*те*. Повторяю, что это теканье придаетъ особую характерность мѣстному говору.

Ударенія на первомъ слогѣ слышны въ слѣдующихъ словахъ: ко̀вать, сѝнѣть, ко̀ней.

Прилагаю ниже списокъ мѣстныхъ словъ, которыя могутъ служить дополнительнымъ матеріаломъ къ «Новгородскому областному словарю», если таковой существуетъ. Еще нужно добавить, что слова, отмѣченныя у меня звѣздочкой (*) распространены и въ другихъ мѣстностяхъ [1]).

А.

Ахетало, ахеталось—Случилось, угораздило.
Аховой—Удалый, смѣлый человѣкъ.

В.

*Бася, баской,—ая—Красота, красивый, нарядный.
Бархатникъ.—Сарафанъ изъ бархатной матеріи.
*Бажничать, забажничалось.—Хотѣть, желать чего нибудь.
Балаболошникъ—Водяное растеніе желтые кувшинчики (Nymphea flava).
Бѣломойка—Растеніе, сокомъ котораго дѣвушки натираютъ себѣ лице, при этомъ оно сильно разгорается.
Бережникъ.—Сарафанъ изъ синяго холста, носимый старухами.
*Божатко, божка, божинька—Крестный отецъ и мать.
Болоно, болонья—Невоспалительныя опухоли на тѣлѣ.
Болѣлый—Нездоровый, больной.
Волятокъ—Прыщь, короста.
Бобка, бобочка—Игрушка, забавка, потѣшка, какой нибудь предметъ для дѣтей.
Брила, брилка—Губа, подбородокъ.
Брунецъ—Ягоды моховаго вереска, черноголовника (Poterium).
Буршень—Майскій жукъ.
Бѣль—Сулема.
Вредъ—Конопляныя изгреби.
Вредовина, бредникъ—Кустарникъ ива.
Вачина—Палка, колъ.
Вотать—Загонить рыбу.
Вобушки, воспица—Болѣзнь оспа.
Вагонникъ—Растеніе богульникъ (Andromena polifolia).
Брага, бражка.
Блинникъ—Пирогъ съ блинами, пересыпанными крупой или яйцами. Стряпаютъ къ имянинамъ и къ праздникамъ.
*Большакъ—уха.—Хозяинъ дома, глава семейства.
Былецъ—Трава (=?).
Бало̀вка—Дѣвушка или женщина худого поведенія.
*Ваять—Говорить, сказывать.
Вайдакъ—Толстыя доски; половой тесъ.
Бруниться—Колосится
Бродко̀й, небродко̀й—Бойкій, рѣшительный человѣкъ и обратное значеніе.
Векеша—Кафтанъ, крытый сукномъ.

---

[1]) Рудновъ. Статистическія свѣдѣнія о Новгородской губ. 1866 г. (Но въ какомъ уѣздѣ записаны неизвѣстно).

Я. Свѣтловъ. О говорѣ жителей Каргопольскаго края. („Живая Старина», выпускъ III, 1892 г.).

Н. Лѣсковъ. О вліяніи корельскаго языка на Русскій въ предѣлахъ Олонецкой губ. („Живая Старина“, вып. IV, 1892 г.).

Благодать—Худая погода, наступившая вдругъ, какъ то: буря, мятель, дождь, громъ и молнія.
Бухвостить (=?).
Балжашъ—Шутникъ, озорникъ.

В.

Вализна—Воспаленіе подкожной жирной клѣтчатки.
Вѣтреница—Хроническая сыпь по тѣлу.
Векшарь—Грибъ козлякъ (Boletus granulatus).
Вёшница—Лихорадка.
Вешнетинье, вешти.—Лекарство, средство.
Вихлецъ—Поносъ у дѣтей, зависящій, якобы, отъ свертыванія копчиковой или хвосцовой кости наружу и вслѣдствіе этого задній проходъ остается открытымъ.
*Вица—Вѣтка, хворостина.
Вольный—Лѣсовикъ, лѣшій.
*Волога, воложный, поволожистей.—Жирно, маслянисто.
Волошокъ—Глиняная крышка для горшка.
Волосъ—Свищи, холодные нарывы, костоѣда съ сильнымъ отдѣленіемъ гноя, гдѣ предполагаются животныя, едва видимыя глазомъ въ формѣ волоса.
Ворогуха—Лихорадка.
Выть—Ѣда, время обѣда и ужина.
Високъ, виски.—Обрывокъ, кусокъ тряпки, отрепья.
Вятерь—Рыболовный снарядъ.
Возгри, возгреватый—Сопли, соплягый.
Встрѣшникъ—Болѣзнь лошадей.
Варево—Супъ изъ ячневой крупы.
Выть, воетъ.—Плакать, голосить.
Валёжъ—Лѣсъ, подрубленный съ весны, осенью его чистятъ и употребляютъ на уголья.
Вѣтрунòкъ—Нѣжные лепестки, береста на березѣ, которыя отъ малѣйшаго вѣтерка двигаются.
Волочуга, волочушка—Небольшой возъ сѣна.
*Взабыль, взабыльшной—Вѣрно, правда.
Вершокъ—Чулокъ, носокъ.
Важеватый—Ласковый, привѣтливый въ обращеніи.
Волокошко—Невладѣющій членъ, напр. рука или нога.
*Волоть.—Стебель у зерновыхъ хлѣбовъ.
Воврѣть, воврѣло—Пристало, прилипло.
Варзà, варзаться—Неспокойный, придирчивый человѣкъ.
Волосникъ—Старинный женскій головной уборъ съ тремя рожками.
Вирять. (=?).
Верстать—Отдавать за мужъ.
Вражки—Дѣвичья игра на подобіе горѣлокъ.
Вересовое сусло Праздничный напитокъ, приготовляемый изъ можжевеловыхъ ягодъ.
*Вёснусь—Прошлой весной.

Г.

Галуха, галится—Смѣхъ, смѣяться.
Гарусникъ—Сарафанъ изъ шерстяной матеріи.
Голомено—Чистое пространство между сучьями у сосны; колѣно, часть.
*Голчить—Говорить.

Гораздо, не гораздо—Очень, не очень.
Гошиться—Готовиться, припасаться.
Горькуша—Растеніе полынь (Herba absinthis).
Грамотка—Бумага.
Гуня, гунька—Дѣтская пеленка.
Гнетуха—Лихорадка.
Горлянка—Болѣзни: дифтеритъ и скарлатина.
Горлоуша—Тоже.
Глотуха—Черемуха (Fructus pruni padi).
Головникъ—Головная боль, соединенная съ гноетеченіемъ изъ ушей.
Горяцка—Различныя формы тифа.
Голомьями—Временами, непостоянно.
***Горбуша**—Коса съ короткой ручкой.
Грыжная трава—Растеніе (=?).
***Гверста**—Дресва, крупный песокъ. Въ Боров. у. **Хверсть**.
Грива—Возвышенное мѣсто среди болота, поросшее крупнымъ лѣсомъ.

Д.

Десятокъ—Связка льна изъ 10 павѣсимъ.
До лонскаго—Въ позапрошломъ году.
***Даро(=ме)ми**—Ничего, не бойся.
Доспѣшникъ—Праздничный пирогъ съ блинами, пересыпанными крупой, горохомъ или яйцами.
Добро—Ладно, хорошо.
Двинеть—Болѣзни брюшныхъ органовъ у грудныхъ дѣтей.
Дюкъ, въ дюкъ—Прокъ, въ пользу.
Духмянка—Лѣсная мята (Herba menthoe silv.).
Домаха—Старая дѣвица, откинувшая мысль о замужествѣ.
Деряба—Плаунное сѣмя. (Semes licopodii clavot.).
Дрозженикъ
***Дубецъ**.—Вѣтка, прутъ.
Доспѣшка, доспѣлось.—Ушибы и другія травматическія поврежденія, случившіяся внезапнымъ и страннымъ образомъ и затянувшіяся въ леченіи на долгое время, а начальная причина ихъ приписывается нечистой силѣ.
Декопъ—Растенія. (=?).
До слова (дать).—Безъ разговоровъ, безъ отказу.
Дóвѣдь—Страданіе, мýка, безпокойство.
Дубовикъ—Бѣлый грибъ (Boletus edulis).
Дѣковаться—Издѣваться, смѣяться.
Дýдора—Ругательное слово.
Двою—Два раза, дважды.

Е.

Ежа, éжи.—Пища, ѣда.
Езъ, езовище.—Запруда черезъ всю рѣчку или ручеекъ, состоящая изъ вбитыхъ въ дно рѣчки кольевъ, переплетенныхъ между собою древесными вѣтвями, съ нѣсколькими отверстіями; въ которыя вставляются «кужи» для ловли рыбы.
Ески—Есть.

Ж.

Жиловатикъ—Бѣлый грибъ съ длинными изогнутымъ корнемъ, растущій во мху.

*Журавика—Клюква. (Fructus oxycoccus).
Животная трава—Растеніе медуница.
Жабка—Воспаленіе языка.
Желтякъ—Старый бѣлый грибъ.
Желтикъ—Верхній слой почвы, состоящій изъ мельчайшаго желтаго песка.

З.

Заносище—Остановка мѣсячныхъ очищеній.
Звякать, вячеть—Кричать.
Замàй—Болѣзни брюшныхъ органовъ у грудныхъ дѣтей.
Занаяться, маяться—Измучиться, утомиться.
Запанъ—Женскій передникъ, надѣваемый съ головы,
Заворъ—Ворота для проѣзда въ огородахъ между полей.
Зажоры—Скопленіе воды подъ снѣгомъ по дорогамъ весной при таяніи его.
Захребетникъ—Человѣкъ пользующійся чужимъ трудомъ.
Здобляться—Одѣваться, собираться.
Золотникъ—Матка.
Золить—Упрекать, ругать.
*Зобенька—Корзинка съ ручкой.
*Зыбка—Дѣтская люлька, колыбель.
Зимовка—Небольшая изба для зимы.
*Заспа—Ячменная крупа.
Затолшъ, затоличной—Глухое мѣсто, въ сторонѣ отъ большой дороги; проселочная дорога.
Захватъ—Запоръ мочи и кала у дѣтей.
Зарѣяться, обрѣяться—Тяжело дышать отъ быстрой ходьбы или во время болѣзни.
Заезокъ—Часть еза; запруда не во всю рѣку.
Знаткú—Знахаря.
Замилаха—Любовно-ласкательное слово.
Западать, западп—Перестань, отстань.
Зáпески—Песчаныя отмели на рѣкѣ.
Заводить—Начинать.
Згáга—Тошнота, рвота.
Запросный, запросенъ.—Доступный человѣкъ и хорошій въ обхожденіи съ людьми
Загнётка
*Зимусь—Прошлой зимой

И.

Исподъ, исподомъ—Низъ, низомъ.
Игрушка—Гармоника.
Избывать—Расходовать, изводить.
Исполу—По половинной части.
Иматься, неиматься—Хотѣть, обѣщаться.
Имёмъ, иму, имутъ—Будемъ, станемъ.

К.

Кербь.—Десять десятковъ трепанаго льну.
Кичига.—Валекъ для выколачиванія мокраго бѣлья.
Кислица конявья.—Растеніе, конскій щавель.
Копёръ.—Козлы для забойки свай.

Кбнцѣ—Окончательно, рѣшительно.

Кобурить, закобурило—Разобрало, взяло (о дѣйствіи водки).

Килы, каменныя килы—Опухоли и нарывы на различныхъ частяхъ тѣла, приписываемыя злобѣ и дурному глазу нѣкоторыхъ людей, способныхъ «насаживать килы».

Кбпани—Дерево съ корнемъ, идущее для постройки лодокъ.

Коникъ—Лавка въ избѣ.

Короватикъ—Бѣлый грибъ.

Красуха, красушка—Грибъ солодяшка (Agaricus russula).

Кашлюнья—Лихорадка съ кашлемъ.

Крякосъ—Зеленовато-жидкія испражненія при поносѣ.

Красйкъ—Краснорожій, толсторожій (дружеско-ругательное слово женщины къ мущинѣ).

Изъ хлѣба вышелъ — Объясненіе слабости, послѣ болѣзни.

Земли на одну копейку.—Счетъ земли на «копейки» ведется въ д. Клюпузовѣ. Копейка обозначаетъ одинъ душевой надѣлъ земли; на двѣ копейки—на двѣ души земли. Полъ души обозначается «денежкой». Сей оригинальный счетъ можно-ли объяснять тѣмъ, что въ старину «души» были такъ удивительно дешевы?

Кой ножъ, кой усовъ — Восклицаніе при какомъ-нибудь недоразумѣніи или удивленіи.

Кузовъ, кузовокъ—Большая корзина.

Кундосить—Дѣлать, пачкать.

Кужель—Часть льна, прикрѣпляемая къ прялкѣ.

*Крятать, крени, скрятать—Поднимать, подвинь, тронь съ мѣста, сдвинуть.

*Клепь, клепцы—Капканъ для ловли звѣрей.

Кужа—Конусообразная корзина изъ прутьевъ для ловли рыбы, вставляемая въ «езъ».

Крыланъ, крылачъ—Рыболовный снарядъ.

Колбтикъ—Слизь, осѣдающая въ водѣ на древесныхъ сучьяхъ.

Кустолонъ—Короткій кафтанъ изъ толстаго ряднаго холста.

Купавки, купаленки—Растеніе колокольчики.

Колучъ, усовная трава—Растеніе (Turritis glabra).

Куцить, покуцить—Просить.

Колй—Когда.

Клàди—Бревна положенныя на землю, для прохода черезъ болота.

Корюха, корюшка—Болѣзнь корь.

Казакинтъ—Суконный лѣтній кафтанъ.

Курича—Рыболовный снарядъ.

Каначъ—Кабанъ льда.

*Кузло—Кузнечное мастерство, промыселъ.

Кузленикъ—Занимающійся кузнечнымъ промысломъ.

Кувалда—Желѣзный молотъ въ 20 и болѣе фунтовъ.

Клинья—Желѣзный клинообразный коротенькій ломъ.

Крица—Кусокъ желѣза отъ 30 до 50 фунтовъ.

Кумачникъ—Сарафанъ изъ кумача.

Комель—Берестяная плоская корзинка, одѣваемая на спину въ родѣ котомки, для съѣстныхъ припасовъ, берущихся на сѣнокосы и для сбора ягодъ.

Костовикъ—Болѣзнь костоѣда.

Косторывъ—Тоже.

Костоломъ, костоломище—Ревматизмъ.

Курапы, курапки—Вязанки обитые холстиной.

Колянѣть, коленой.—Потерять гибкость въ членахъ, негибкій.

Куфтырь—Узелъ чего нибудь; свертокъ.

Косица—Височная часть головы.

Колосовикъ—Ранній бѣлый грибъ, ростетъ когда колосится рожь.

Корноватикъ—Коренной зубъ.
Корёжка—Долбленый лотокъ для катанья дѣтямъ зимой.

Л.

Летучій огонь—Хроническая сыпь; коросты на губахъ и на лицѣ.
*Лонись—Въ прошломъ году.
Ляга—Яма: рытвина на дорогѣ.
Лопнуть, лопну—Ударить, хватить, хлеснуть.
Лютǒ—Сильно.
Лемéна—Пятна.
Лепушки, лепушникъ—Растеніе (?)
*Ладить, излаживать—Дѣлать, приготовлять.
Лѣха, лѣшить, облѣшено—Ставить вѣхи зимой изъ прутьевъ по сторонамъ дороги.
Ледунецъ, ледунешникъ—Кусты красной смородины.
Лѣтось—Прошлымъ лѣтомъ.
Лумки—Дѣтская игра.
Леваши—Сушоный сокъ гонобоѣя ввидѣ листовъ.

М.

Малёнка—Мѣра.
Мездра—Внутренняя поверхность съ выдѣл. шкуръ.
Мёжкорица—Часть спины, между лопатками.
Межговѣнье—Время отъ Крещенія до Масленой недѣли.
Межмолоки—Время, въ которое корова не даетъ молока.
Межугалокъ—Промежутокъ.
Межеумокъ, багорникъ—Сортъ гвоздей по величинѣ средній между однотесомъ и купорнымъ.
Мостина—Большая корзина для носки сѣна. Въ Боров. у. всякая корзина, и самая маленькая—мостинка.
Мягкій—Ватрушка безъ начинки.
Молокита.—Болотное растеніе (ѣдятъ дѣти).
Мокрецъ—Трава, вытягивающая жаръ.
Матъ, манитъ, приманило—Призракъ, привидѣніе; представилось что-нибудь сверхъестественное.
Мордовать—Тошнить, рвать, блевать.
Мусинка—Крошечка, милый, хорошій.
Мальга—Младшая изъ сестеръ съ одинаковыми именами.
Марышъ—Младшій изъ братьевъ съ одинаковыми именами.
Милёнокъ—Любовно-ласкательное слово.
Моленникъ—Свадебный бѣлый хлѣбъ съ украшеніеми.
Мǒлоди—Маленькій, молодой лѣсокъ.
Молотникъ—Работникъ, бьющій молотомъ въ кузницѣ.
Морянки, томлянки—Угольныя ямы.
Мрашить—(=?)
Марышевникъ—Муравейникъ.
Мулить—Вертѣть.
Молóшопка—Цвѣтъ во рту у дѣтей.
Мадежи—Пятна на тѣлѣ.
Могильная косточка—Мѣшетчатая опухоль на кистевомъ суставѣ.

Н.

Наземъ.—Навозъ.
Надсада, натуга.—Послѣдствія тяжелой работы.

Напущенная зябель — Истерическіе припадки и обмороки у женщинъ, приписываются «порчѣ».
Незамогъ—Сдѣлался нездоровъ.
Нечистище—Болѣзнь чесотка.
Нўда—Тоже.
Нутникъ—Мясникъ.
Нырокъ—Раковое новообразованіе на губѣ и на другихъ частяхъ тѣла
Насмягло—Непріятное ощущеніе во рту во время болѣзни.
Недужницы, натужницы—Множественныя чирьи по тѣлу.
Недокунокъ—Безтолковый, неумѣлый.
Ночники—Пустулезная сыпь или водяной прыщъ, появляющійся ночью.
Неять—Нельзя, не могу, невозможно.
Наперстокъ—Чулокъ, носокъ.
Намётка—Рыболовный снарядъ.
Непӧбытомъ—Необычайно, неестественно.
Набиваться—Предлагать что-нибудь, напрашиваться.
Нередя—Часто, постоянно.
Налйванка
Надўшникъ—Растеніе.
Ночной щипокъ—Прыщъ.
Нарохтиться—Намѣреваться.
Насыкаться—Напрашиваться.
Нетель—Молодая нетелившаяся еще корова.
На́плавни—Перекладины на крышѣ.
На умирало—Бѣлье и платье, приготовленное заранѣе на случай смерти.
Надымы, надымный снѣгъ—Сугробы, рыхлый снѣгъ.
На́жиль—Верхній слой земли изъ перегнившихъ листьевъ и хвои.
На лѣсъ сказано — Вставочная фраза во время разговора о чемъ-нибудь страшномъ, чтобы отвести отъ разговаривающихъ какія-нибудь дурныя послѣдствія, такъ какъ въ лѣсу водится «вольный», т. е. лѣсовикъ или лѣшій, то на него и сваливаютъ.
На голо хорошо, на готово хорошо—Очень, весьма хорошо.
На́ пиво не теча — При неудавшемся пивѣ, когда «сложенное» пиво плохо цѣдится. Отсюда эта поговорка употребляется при всякой неудачѣ.
На ма̀лѣ такихъ—Мало, рѣдко такихъ.
На два яка сказали—Двояко говорили.

О.

*Осенесь—Прошлой осенью.
Одинова—Однажды.
Откутай, закутай лазейку—Отвори, затвори дверь.
Отопки—Дѣтская игра.
Оболокаться—Одѣваться.
Озыкъ—Легкое лихорадочное состояніе или недомоганіе, происходящее отъ «дурнаго глазу».
Озимочекъ—Лошадь въ возрастѣ одного года.
Озерко и дитеньки—Зрачекъ и отраженіе человѣчковъ въ глазу.
Осѣкъ—Огородъ.
Опёкишъ—Остатокъ тѣста отъ хлѣбовъ, испеченный въ видѣ лепешки.
Осеннуха—Лихорадка.
Отводъ, отводокъ—То же, что «заворъ».
Опнуться, припнуться—Остановиться, подождать.
Осерпа—Болотная рѣжущая трава.

Отвага—Облегченіе, улучшеніе.
Отвѣдывать—Узнавать, справляться.
Обмѣнъ—Человѣкъ, измѣнившійся послѣ болѣзни до неузнаваемости; непохожій.
Познобель—Чувство озноба въ тѣлѣ.
Охрѣять, неохрѣять—Перенести болѣзнь, поправиться послѣ болѣзни.
Осарки—Кузнечные отбросы.
Окалина—Тоже.
Оконечко.—Глухая ватрушка съ окномъ.
Обезрѣдить—Обездолить, опечалить.
Опышка—Одышка, затрудненное дыханіе.
Обѣчаться, обѣчанось.—Задумано, обѣщанось.
Обда́лъ, обдалка, обдальничать—Хитрый, пронырливый, умѣющій ловко обойти людей.
Овянника—Дрова, заготовленныя для сушки снопов на овинѣ.
Осовень—Капустная кочерыжка.
ОбрУшить—Повредить, поранить.
***Очепъ**—Шестъ, къ которому привѣшивается люлька.
Остроклинный сарафанъ—Старнннаго покроя сарафанъ.
Обогушка—Одежда, которой покрываются ночью.
Оттолнуть—Оттаять отъ морозу.
Особе—Врозь, отдѣльно.
Осьмакъ—Условная по величинѣ площадь земли или лѣса, которая дѣлится по ровну на душу.

П.

Пакха—Бѣда, напасть, невзгода.
Патья—Угольная пыль.
Павесма—Мотокъ нитокъ.
Пасма—Четыре пучка по 60 нитокъ.
Паренина—Поле, предназначенное для посѣва ржи.
Паузиться—Перегружаться.
Подшалимокъ—Мѣшокъ на боку, подвѣшиваемый черезъ плечо.
Помани—Подожди.
Полевой опоръ—Боль въ поясницѣ, случившаяся въ полѣ во время работы.
Порный—Сильный, здоровый.
***Понитокъ**—Легкій кафтанъ, затканный по льняной пряжѣ шерстяными нитками.
Похолстникъ—Тоже.
Почечуй—Геморой.
Порозъ, порозочекъ—Быкъ, бычекъ.
Порховица—Дождевикъ, грибъ табашникъ (Licoperdon brevisti).
Полуторникъ—Лошадь въ возрастѣ $1^1/_2$ годовъ.
Поскакушки—Растеніе.
Пошерсть, пошесть—Эпидемическое распространеніе какой нибудь болѣзни на людяхъ.
Поглумъ—Ушибы и другія травматическія поврежденія, случившіеся внезапнымъ и страннымъ образомъ и затянувшіеся на долгое время, а начальная причина ихъ приписывается нечистой силѣ.
Притка, **Прикосъ** — Тоже.
***Прихехеня**—Любовникъ, другъ.
Простень—Веретено съ нитками.
***Платно**—Сарафанъ изъ шелковой матеріи.
Пятистѣнокъ—Большая лѣтняя изба о пяти капитальныхъ стѣнахъ.

Польникъ—Тетеревъ.
Переломъ—Болѣзни глазъ.
Порѣзъ—Кровоостанавливающее растеніе.
Помазень.—Ватрушка имѣющая начинку сверху.
Поторжной—Бойкій, отчаянный.
Пооначе—Отличіе въ чемъ нибудь отъ другихъ.
Почесуньки, почесульки—Болѣзнь чесотка.
Полуночница—Безсонница у дѣтей повидимому здоровыхъ.
Понять, понятье—Взять съ собой, пригласить.
*Поро́чка—Корзинка изъ береста.
Помилёнокъ—Любовно-ласкательное слово.
Походни—Мостки на низенькихъ стойкахъ черезъ болотистыя мѣста.
Пытаться—Совѣтоваться со знахарями на счетъ болѣзни.
Полоска—Кусокъ желѣза длиною около ½ арш. вѣсомъ отъ 15 до 25 фунт., изъ крицы ихъ выходитъ двѣ, затѣмъ ихъ на желѣзо-рѣзательныхъ заводахъ вытягиваютъ въ *полосы*, далѣе разрѣзываютъ на *прутья*, изъ которыхъ уже и выковываютъ гвозди.
*Пріузь—Цѣпъ молотильный.
Плюсно—Срѣзанная корка съ брюквы и ягодъ.
По́дкуръ, подкуры—Высокія подстановки, на которыхъ мечутся стога сѣна на низкихъ, болотистыхъ мѣстахъ, чтобы ихъ не хватала разливающаяся вода.
Пришвица—
Пустоваръ—Постный супъ изъ ячневой крупы.
Панія—Рыболовный снарядъ.
Повлешсь—Пришли.
Пѣтаться, упѣтаться—Стараться, мучиться.
По́тка, поточка—Половой членъ у маленькихъ мальчиковъ.
Пожня—Сѣнокосный лугъ.
Пастилка—Высушенный сокъ ягодъ черники или гоноболя въ формѣ листиковъ или плитокъ.
Прижитникъ, пережитникъ—Крыльцо у амбара, навѣсъ во всю стѣну.
Протка.—Глотка.
Паздёрнуть—Ударить.
Прогалеечка, перегалеечка, пригалеечка—Перехватъ, ложбинка.
Порастуньки—Недомоганіе у дѣтей къ росту.
Прудить—Сгребать сѣно.
Полувозы—Полъ воза клади.
Пожиналки—Послѣдній снопикъ сжатаго овса.
Посвятой уголъ—Передній уголъ въ избѣ, гдѣ находятся иконы.
Поскотина—Мѣсто, гдѣ пасется стадо.
Похилокъ—Вѣтерокъ.
Попрошать—Сбирать милостыню.
«Проштяйте всѣ рядомъ»—Уходящій изъ избы, гдѣ остается нѣсколько человѣкъ, вмѣсто рукопожатія и прощанія съ каждымъ, произноситъ эту фразу.
«Печка на̀ весело топилась»—Опредѣленіе утренняго времени.
Приторомко—Неловко, больно смотрѣть глазами.
«Попала лента, далъ ленту»—О нанесеніи удара, раны или побоевъ.
Пытали—Долго, много. Вообще это слово прибавляется къ глаголамъ для усиленія дѣйствія, напр.: пытали смѣятцы, пытали звать, пытали искать и проч.

Р.

Ражій, раженькій—Большой, большинькій.
Разгай—Открой.

Раздробить—Растолковать, разсказать.
Рогушка.—Ватрушка, начинка сверху съ защипанными краями.
Рученька—Небольшое ведерко съ крышкой и ручкой.
Рукотертикъ—Полотенце.
Рудометъ, рудометка—Кровопускатели.
Рыкнуть—Крикнуть.
Рядовикъ—Грибъ козлякъ.
Розливъ—Маточное кровотеченіе вслѣдствіе выкидыша.
Рясы́—Пловучее водяное растеніе водоросль.
Разстрѣлъ—Періодическія невралгіи въ различныхъ частяхъ тѣла.
Разче́тный—Умный, положительный человѣкъ.
Рыбникъ—Праздничный пирогъ съ рыбой.
Рыжѣть, зарыжѣло́—Краснѣть.
*Рибуша, рибокъ—Оборванное платье.

С.

Самоходка—Дѣвушка, вышедшая замужъ безъ согласія родителей.
Своробъ, своробокъ, своробатый—Болѣзнь чесотка.
Своё—Родничекъ у грудныхъ дѣтей.
Сбыло, сбываетъ—Прибыло, увеличивается.
Сбирушки, вертушки—Коротенькія пѣсни, поющіяся на бесѣдахъ.
Сѣло—Случилось, сдѣлалось.
Ситникъ—Рѣчной тростникъ.
Славутникъ, славутница—Молодые люди, обладающіе хорошимъ нарядомъ; щеголи.
Солощій—Жадный на ѣду.
Ссячи, ссягу—Достать.
Скать, скётъ—Сучить, свивать.
Смиренчикъ—Родничекъ у грудныхъ дѣтей и ревматическія боли у взрослыхъ.
Су́ровъ, су́ровой—Проворный, прилѣжный.
Скрипунъ—Воспаленіе сухожилій и сумокъ на рукѣ.
Смонуть—Тереть, шаркать.
Стыскать—Жаловаться, страдать.
Статитъся, статись—Бодриться, стыдится, охорашиваться.
Сукрупь—Овсяная крупа.
Стырь—Шкворень у телеги.
Синюхи—Растеніе Васильки. (Ocimum calaminthoe).
Сторонникъ—Человѣкъ имѣющій физическій недостатокъ или слабоватый умомъ.
Своебышникъ—Настойчивый, упрямый.
Съ воли—Съ наружи.
Сѣтево—Лукошко повѣшерное черезъ плечо изъ котораго сѣютъ.
Ситцевикъ—Сарафанъ изъ ситца.
Середо́вый—Человѣкъ средняго роста.
Сутёрпка—Терпота.—Терпѣніе.
Стожаръ—Шестъ вокругъ котораго намѣтываютъ стогъ сѣна.
Сѣменникъ—Ватрушка намазанная толченымъ конопляннымъ сѣменемъ.
Сйверикъ—Растеніе (?).
*Середа—(«На середѣ управлялась»). Часть избы передъ шесткомъ печки.
Сукорочный—Сердитый, вспыльчивый, ворчливый.
Стама́я рѣка—Бережистая рѣка.
Серхнуть—Дрябнуть, деревенѣть. Потерять чувствительность въ какой нибудь части тѣла.
Сухмень—Сухое время.

Счувать—Убѣждать, уговаривать.
Стрычокъ—Стрѣкоза, коромысло.
Сукораниваться, сукораньсе—Прятаться.
Скрипка—Древесный грибъ, трутовикъ (Roleutas hepatiem).
Сѣрышъ— Волкъ.
Сулоецъ—Разсолъ съ капусты.
Снѣжникъ—Погребъ, ледникъ.
Скоржобится—Ходить согнувшись.
Супротивный—Свѣжій, только что приготовленный.
Супротивъ, насупротивъ—Сейчасъ, теперь-же.
Сутычъ, въ сутычъ—Дѣлать что нибудь неохотно съ сердцемъ.
Ссочить—Украсть, стянуть.
Стамённый нестамённый—Чистый, вымытый и обратное значеніе.
Севечеръ, сеночи, севогоду—Приставка «се» означаетъ слово нынѣшній.
Столбики—Дѣтская игра.

Т.

Ташка—Мѣшокъ, котомка за спиной.
Талька—Десять пучковъ нитокъ.
Тихонькой—Подимчикъ у грудныхъ дѣтей и ревматическія боли у взрослыхъ.
Трясуха—Лихорадка.
Триха—Знахарха растирающая больныхъ въ печахъ и баняхъ.
Тоопить—Мочить.
Текунъ—Растеніе плаунъ.
Турикъ—Грудь, грудная клѣтка.
Туровить—Торопить, подгонять.
Темиться—Возиться, проводить время.
Тюмйрь, тюмйри—Угрюмый, необщительный, боящійся людей.
Тугунъ—Неповоротливый.
Тягунъ—Растеніе (?).
Трать, потрать—Тереть.
Туха—Снѣжная мятель.
Трою—Трижды, три раза.

У.

Убоецъ—Человѣкъ, пострадавшій въ дракѣ, будучи раненъ или избитъ.
Упаки—Сапоги изъ красной кожи.
Уповодъ—Время (отъ выти до выти) въ нѣсколько часовъ.
Усовъ, усовья, усовить, разусовило—Колотье въ бокахъ.
*Утресь—Прошлымъ утромъ.
Утинъ—Ревматизмъ поясничныхъ мышцъ.
Уроки—Легкое лихорадочное состояніе или недомоганіе; происходитъ отъ «дурного глазу».
Учулъ—Услышалъ.
Ушевникъ—Растеніе трифоль (Herba trifobii).
Уразина—Палка, колъ.
Ухорѣзъ—Бранно-ласкательное слово.
Удобариваться—Управляться.
Узгъ, узги, въ узгу—Углы глазъ, гдѣ соединяются верхнія и нижнія вѣки.
Уряда—Приданое дѣвушки.
Урѣзъ—Обрывистый берегъ рѣки.
*Юкнуть—Ударить, стукнуть.

Х.

Хоровина—Теща.
Холодянка—Чахотка.
Худая боль, простуда—Сифилисъ; венер. боль.
Хворосты—Сдобная, сухая лепешка.
Хлопотница—Полка-ящикъ съ крышкой.
Хизкой—Рѣзкій, пронзительный (о вѣтрѣ).
Хнькать—Капризничать, хныкать.
Хрящовка—Крупный песокъ для точенія косъ.
Хаманья, хамать—Зѣваніе.

Ц.

Цимеръ—Головная боль.
Цѣпить, выцѣпить—Высыпать.
Цвѣтъ—Сыпь у дѣтей въ первые дни послѣ рожденія.
Цыба—Дѣтская игра въ ямку и кочку.

Ч.

Чекалина,—ка—Трещина.
Череуха—Поносъ.
Чи(-е)ликъ—Сѣрый грибъ, подберезовикъ (Boletus scober).
Чужакъ—Человѣкъ изъ другой деревни.
Чекменить, зачекменило—Разобрало, подѣйствовало, взяло (о дѣйствіи водки)
Чересленница—Гастралгическія боли въ животѣ, или катарръ желудка и кишекъ.
Чернобыльникъ—Растеніе полынь (Artemisio vulg.).
Чешуя, чешуйникъ—Мелкія частицы желѣза, идущія на крючья; человѣкъ, занимающійся собираніемъ и покупкою чешуи.
Чёсъ—Болѣзнь чесотка.
Чело—Начало трубы надъ устьемъ печки.
Чуна—Трава (?).
Чигать—Бросать.
Чохать—Блевать, рвать.
Чуики—Маленькія санки.
Чупа—Заливъ на рѣкѣ, берега котораго поросли лѣсомъ.

Ш.

*Шаньга—Лепешка
Швечъ—Портной.
Штофникъ—Сарафанъ изъ штофной матеріи.
*Шаверье—Сучья и разный ломъ на днѣ рѣки.
Шольникъ—Водяное растеніе: бѣлые кувшинчики (Nympahaebal).
Шарки, шаркуны, шаркунки—Бубенчики.
Шаирить, зашаирило—Шумитъ въ головѣ отъ вина.
Шатъ—Головокруженіе.

Щ.

Щера—Камень-плитнякъ.
Щетинка—Неспокойное состояніе ребенка; при чемъ онъ плачетъ и верт[illegible] зыбкѣ, какъ будто его покалываютъ въ бочка.
Щекотунъ—Тоже, что щетинка.

Щечи—Смѣйся, шути.
Щемота—Ноющая боль въ какой нибудь части тѣла.

Я.

Яблоки—Картофель.
*Язвица—Барсукъ.

М. Герасимовъ (С. Курилово Черепов.у.)

Говоръ жителей сѣверо-восточной части Вытегорскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

(Волости—Ухотская, Тихмангская и Шильдская).

Волости—Ухотская, Тихмангская и Шильдская по этнографическому составу и по географическому положенію представляютъ изъ себя одно цѣлое. Онѣ лежатъ въ самомъ сѣверо-восточномъ углу Вытегорскаго уѣзда на границахъ съ уѣздами Каргопольскимъ (Олонец. губ.) и Кирилловскимъ (Новгородской губ.). Въ древности здѣсь, вѣроятно, обитала Заволоцкая Чудь, какъ показываютъ самыя названія этихъ волостей и сохранившіяся здѣсь преданія. Однако русскіе поселились здѣсь весьма давно—нѣсколько столѣтій тому назадъ [1]), такъ что слѣды первоначальнаго обитанія здѣсь Чуди совершенно изгладились. Народное преданіе указываетъ болѣе позднѣйшее столкновеніе Чуди съ русскими, не оставшееся безъ вліянія на послѣднихъ. Такъ, въ Ухотской волости существуетъ преданіе, что когда здѣсь утвердилось русское населеніе и имѣло уже церковь, Бѣлоглазая Чудь сдѣлала нападеніе на него. Не дойдя немного до церкви, она стала ругаться и смѣяться надъ нею, за что была чудесно ослѣплена и избита другъ другомъ. Только два три человѣка уцѣлѣли отъ этой шайки и поселились въ деревни Никифоровой, отъ которыхъ жители послѣдней и теперь называются «каюрами черноухими» и сохраняютъ особенность въ говорѣ—«тяпанье» (отсюда они называются «тяпунами»). Несомнѣнно, на жителяхъ этихъ волостей отчасти отразилось чудское вліяніе, чѣмъ объясняется и существованіе въ ихъ языкѣ финскихъ словъ (налтать, рипакъ, бахилы); но вліяніе это было чисто случайное и весьма слабое и не могло наложить своего отпечатка ни на физическомъ типѣ, ни на бытѣ, ни на говорѣ жителей. Не осталось безъ вліянія въ этнографическомъ отношеніи то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей (въ Ухотской) долгое время существовало крѣпостное право [2]), котораго не знали другія волости Вытегорскаго уѣзда. Оно вліяло отчасти на этнографическій составъ населенія, такъ какъ помѣщики весьма часто переселяли сюда крестьянъ изъ другихъ областей Россіи (напр. изъ среднихъ). Такимъ образомъ съ самыхъ первыхъ временъ колонизаціи этого края различными выходцами изъ Новгородской и особенно изъ Бѣлозерской области—населеніе его слагалось изъ разныхъ элементовъ, и подъ разными вліяніями. Забившееся въ самую глушь края, окруженное лѣсами и болотами, свободное въ главномъ отъ инородческихъ вліяній, оно до послѣдняго времени сохранило у себя древне-русскія черты и въ своей физіономіи и бытѣ и говорѣ. По физическимъ свойствамъ

---

[1]) Церкви этихъ приходовъ построены около 250 лѣтъ тому назадъ,—а въ Паловскомъ приходѣ (Ухотск. вол.) болѣе 300 лѣтъ.

[2]) Въ Ухотской волости было до 20 помѣщиковъ. Поселеніе ихъ народъ объясняетъ тѣмъ, что давно-давно здѣсь свирѣпствовали разбойники, для усмиренія которыхъ были посланы правительств. чиновники. Живя здѣсь долгое время, они прибрали себѣ лучшія земли и поселились здѣсь навсегда.

здѣшніе жители представляютъ изъ себя вполнѣ русскій типъ. Росту они выше средняго, черты лица имѣютъ довольно правильныя и крупныя, волосы русые или черноватые, глаза свѣтло-сѣрые или каріе; въ характерѣ ихъ выдаются простота, доброта и радушіе. Одежда ихъ до сихъ поръ сохраняетъ особенности древне-русскаго костюма. Женщины носятъ сарафаны, рубашки съ широкими и короткими рукавами, шугаи, а на головѣ—перевязки и кокошники. У мужчинъ сохраняются длинныя сибирки, кафтаны, тулупы (въ послѣднее время начинаетъ проникать сюда и нѣмецкая городская одежда, въ родѣ—пинжаковъ, платьевъ, казачковъ и т. п.). Въ самой архитектурѣ зданій сохранились древне-русскія черты. Высокія избы на два ската съ рѣзнымъ князькомъ, съ рѣзными или расписными наличниками у оконъ, съ открытой рѣзной «галдареей»—весьма часто встрѣчаются въ здѣшнихъ селахъ на ряду съ новыми домами на городской манеръ. Здѣсь же сохранилась масса чисто русскихъ обычаевъ, а также цѣлое богатство словесныхъ произведеній народнаго творчества въ родѣ причетовъ, заговоровъ, духовныхъ стиховъ, апокрифовъ и т. п.

Безъ сомнѣнія, и говоръ здѣшнихъ жителей сохраняетъ многія древне-русскія особенности.

Одна изъ основныхъ чертъ здѣшняго говора—оканье.

Древнее неударяемое *о* сохраняется вездѣ (с*о*тона, з*о*ря, ст*о*канъ, *о*тла́съ, к*о*лачъ, кр*о*пива). *О* во всѣхъ словахъ произносится открыто и твердо, такъ что произношеніе такихъ словъ отличается грубостью и непріятно рѣжетъ слухъ. Есть даже нѣсколько словъ гдѣ *о* переходитъ въ *у* (напр. яблунь). Аканье не пользуется сочувствіемъ крестьянъ и подвергается насмѣшкамъ, какъ нѣчто не естественное, фальшивое. Кто акаетъ, тотъ, по выраженію крестьянъ, старается говорить «по-московски», «по-питёрски».

А произносится открыто и ясно только послѣ твердыхъ согласныхъ.

Древнее неударяемое *е* въ срединѣ и концѣ словъ произносится какъ ё (Ст*ё*панъ, куд*р*ёватой, зёрно, ма́тёрной, пшёно, рожденьё, прощаньё, серцё, играётъ), а въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ даже какъ *о*. Вообще *ё* на ряду съ *о* царитъ въ здѣшнемъ говорѣ. Оно вездѣ предпочитается мягкому открытому *е*, гдѣ только безъ рѣзкаго неблагозвучія можно поставить первое (сёмой,=седьмой, осённой, телёга, шагаётъ); благодаря этому часто измѣняются въ произношеніи и слѣдующія за *ё* гласныя (напр. осённ*о*й вм. осенній, сердесьнёё вм. сердечное, синёё вм. синее).

Я всегда произносится какъ *е* (д*е*дя, дь*е*цёкъ, д*е*тёлъ, отн*е*ть, п*е*ть); впрочемъ, въ концѣ словъ, кромѣ возвратной частицы *ся*, оно сохраняетъ свое настоящее произношеніе (им*я*, сим*я*, обид*я*).

Ударяемое *ѣ* выговаривается какъ *и* (д*и*ти, р*и*цька=рѣчка, об*и*дня, в*и*тёръ, зд*и*сь).

Чистое, открытое *е* въ здѣшнемъ говорѣ слышится весьма рѣдко: оно переходитъ въ *ё* и даже *о*, или выговаривается какъ *и* и *я* (симяна, имяна).

Ае часто произносится какъ *а*, а *ое*—какъ *о*. Первое произношеніе особенно встрѣчается въ глагольныхъ окончаніяхъ (дел*ашь*, игр*ашь*, шаг*ашъ*), а второе—предъ окончаніемъ родительнаго падежа *во* (м*о*во, св*о*во, тв*о*во).

Бм и *бв* выговариваются—1-е какъ *мм* (или просто *м*), а второе—какъ *вв* (о*мм*анъ=обманъ, о*м*и*л*ёлъ=обмелѣлъ; о*вв*инцеть=обвѣнчать, о*вв*оровать=обворовать).

Хв произносится какъ *ф* (*ф*астунъ, *ф*оростъ=хворостъ, *ф*остъ, *ф*оя=хвоя).

К предъ *р* часто выговаривается какъ *х* (*х*ресьенинъ, *х*ресница).

Ж предъ согласными (особенно предъ другимъ *ж* и *з*) выговаривается какъ *жд* (*жд*рать, ѣ*жд*ялъ, дро*жд*и, во*жд*и).

Г всегда произносится съ густымъ придыханіемъ, близко къ *х*; въ началѣ словъ передъ гласными оно часто опускается (*О*сподь, *о*сударь, *е*фералъ, *о*сподинъ). Тонкое *г* никогда не слышится и при удобномъ случаѣ всегда переходитъ въ *в* (въ окончаніи родительнаго падежа *го*).

Щ произносится какъ *шт* (*шт*юка, *шт*и, ро*шт*я).

Цоканье составляетъ основную черту здѣшняго говора. Здѣсь во всей силѣ сохраняется древне-новгородская особенность—замѣна звука *ч* звукомъ *ц*. Въ говорѣ мужчинъ естественно отличающемся большею твердостью и грубостью, цоканье выдается не такъ

сильно и рельефно; но въ говорѣ женщинъ оно доходитъ до слащавости, до приторности, цёрной, цесь=честь, оци, цястой, стрица=встрѣча, рици=рѣчи). Звукъ *ч* предъ *н* выговаривается какъ *сь*, при чемъ слѣдующая за *н* гласная смягчается—*ы* въ *и*, *о* въ *е* и т. д. (сердесьній, наросьнё, молосьній); *ч* предъ *т* приближается къ *ш* (што, поштенье).

Замѣна звука *ц* звукомъ *ч* строго не соблюдается. *Ц* произносится какъ нѣчто среднее между *ч* и *ц* (ближе къ *ч*), не выражаемое опредѣленной буквой, но никогда не выговаривается открыто и ясно

Наряду съ цоканьемъ нужно поставить другую особенность—стремленіе вообще къ легкому, плавному произношенію согласныхъ звуковъ, при чемъ неизбѣжно нарушается правильность и раздѣльность произношенія. Такъ, въ произношеніи слоговъ и суффиксовъ *ст, ств—т* всегда выпадаетъ (госьбищё, счёсье=счастье, ротсво, ѣсва=яства, хресьенинъ, цесь=честь, жалосливой, милосливой). Вообще при соединеніи нѣсколькихъ согласныхъ, трудно произносимыхъ вмѣстѣ, они произносятся не всѣ; получается скрадываніе звуковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—плавность и мягкость произношенія (напр. скусно. стрица, позно, зрасвуй, сяко, сонцё, болѣсь=болѣзнь, журафь). Этимъ же стремленіемъ къ легкости и плавности произношенія—объясняется и выпусканіе въ возвратныхъ глаголахъ окончанія дѣйствительнаго залога *шь* (справленсе=справляешься, одиваисе, надіисе, ругаисе).

Указанными звуковыми особенностями опредѣляются и особенности въ образованіи грамматическихъ формъ.

Изъ нихъ замѣтимъ слѣдующія:

Именит. и винит. падежи множеств. числа именъ существительныхъ на *в* и *ь* (имѣющихъ у насъ во множеств. ч. два окончанія *ы* и *ья*)—оканчиваются на *ьё* (колосьё, кореньё, поесьё, кольё, полозьё).

Родительн. и предложн. падежи единств. ч. именъ женскаго рода оканчиваются часто вмѣсто *и* на *ѣ* (въ грезѣ, въ кровѣ, по путѣ, въ мекотѣ=мякоти).

Творит. пад. множеств. числа именъ существительныхъ вмѣсто *ями* всегда кончается на *еми* (напр. писнеми, братьеми, друзьеми, полеми).

Формы именит. падежа единств. числа именъ прилагательныхъ всегда имѣютъ *ой* (доброй, славной, мягкой, осённой, сцесливой, рѣдкой, миленькой), а послѣ мягкаго *н—ей* (см. *ій*); напр. синей, зимней, сердесьней и т. п.

Родительный падежъ единств. числа прилагательныхъ мужскаго рода кончается па *ово* и на *ево*, но никогда на *аго* или *яго* (доброво, мокрово, рѣдково, синево, зимнево).

Сравнительная степень именъ прилагательныхъ вмѣсто *ѣе* имѣетъ *яя* (красняя, полняя, синяя, добряя, а превосходная—образуется часто чрезъ прибавленіе нарѣчія *больно* (*больно* красивой, *больно* низкой).

Въ глаголахъ форма неопредѣленнаго наклоненія на *чь* замѣняется формою на *кчи* (*кци*) текци,=течь, сйкци=сѣчь, легци, толкци); формы этихъ глаголовъ въ личныхъ окончаніяхъ настоящаго времени вездѣ сохраняютъ *ч*, *ц*: течцемъ, хоцете, толцемъ, тецёте.

Неопредѣленное наклоненіе глаголовъ возвратнаго и страдательнаго залоговъ вмѣсто «ться» кончается на *тце* (одѣватце, ломйтце, ругатце, соватце, коситце); во всѣхъ формахъ этихъ глаголовъ частица *ся* переходитъ или въ *се*, или *це*: гнетце, лóмитце (3 л.), опоесьсе, убьютце, надійсе, а во второмъ лицѣ единств. числа предъ *ся* выпадаетъ окончаніе *шь*, при чемъ гласная предъ нимъ удлиняется (догáдываисе, опоесьсе, бранисе, нóсисе).

Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія *ять* измѣняется въ *еть*, а окончаніе *ѣть*—въ *ить* (занеть, понеть, баеть; гледить, пить=пѣть, потить).

Формы—*éсте* вмѣсто *есть* (3 л.) и *иси* вмѣсто—*ѣшь*.

Нарѣчія мѣста и времени, кончающіяся на *а* замѣняютъ это окончаніе окончаніемъ *ы* (тогды, всёгды, иногды).

Опредѣленныя нарѣчія, образующіяся отъ именъ существительныхъ, по большей части оканчиваются на *сь* (вчерась, лѣтось, зимусь, вёснусь, утрось, досюлесь).

Нѣкоторыя нарѣчія вмѣсто окончанія *ѣ* принимаютъ *я* (опосля, вмистяхъ).

Формы личныхъ мѣстоименій: 1-го лица—*мня* (меня), 2-го л.—*тя* (тебя), *тѣ* (тебѣ), 3-го лица—*ёнъ*, *ёна*, *ёно*, мн. ч.—*ёне* (они и онѣ): другія мѣстоименія: *эвтотъ* (этотъ), *кажинной* (каждый), *колько*.

Союзы: *конь* (какъ), *тонь* (такъ), *коли*, *коли ежели* (если), *ажно* (даже, такъ что, что).

Особенности числительныхъ слѣдующія: числительное *одинъ*, особенно въ соединеніи съ отрицаніемъ *ни* склоняется такъ: *единый*, *едново*, *едному*, *еднымъ*; особенности другихъ числительныхъ—*двожды*, *трожды*, *шостой*, *сёмой*, *óсьмой*, *восьминадцеть* (18).

Междометія: *охти мнѣ*, *охти мнеценько* (горе, увы).

Относительно всѣхъ частей рѣчи нужно замѣтить, что полныя формы въ нихъ предпочитаются сокращеннымъ; напр. молонья (молнія), оболокъ (облако), жеребей, середу, добёръ, чёрёнъ; угонилъ (угналъ), черезъ, передъ и т. п.

Уменьшительныя, ласкательныя и увеличительныя слова во многихъ случаяхъ производятся довольно своеобразно; напр. братёлко, дѣвонька, дѣтоньки, ма́лешкой, малехо́нной; домина, собачища, большинской, толстинской.

Нужно замѣтить еще частое употребленіе въ здѣшнемъ говорѣ частицъ *то*, *те*, *ты*, *ту*, *ко*, *се*. Особенно часто употребляются первыя 4 и представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ члена (дорога-*то*, рѣки-*те*, поля-*те*, эку-*ту*, эко-*ты* чудо!). Ни одно предложеніе не обходится безъ этихъ частицъ, а иногда онѣ употребляются черезчуръ часто (напр.:—вчерасе-*тка*, когда пошелъ ты въ лѣсъ-*то*... Пойдемъ-*ко* вмистяхъ-*то*).

Указанныя особенности придаютъ особый характеръ говору здѣшнихъ крестьянъ. Въ произношеніи гласныхъ является твердость и растянутость рѣчи. Удареніе придаетъ гласнымъ почти двойную долготу въ сравненіи съ другими слогами, чему способствуетъ и замѣна ударяемыхъ короткихъ гласныхъ долгими. Всѣ гласные звуки произносятся откры о и твердо. Оканье и ёканье придаетъ въ общемъ говору крѣпость и даже грубость. Стремленіе къ ясности и растянутости произношенія отдѣльныхъ слоговъ, вмѣстѣ съ удлиненіемъ конечныхъ слоговъ и частымъ употребленіемъ частицъ, которыя смягчаютъ рѣзкость перехода отъ одного слова къ другому и избавляютъ рѣчь отъ отрывчивости и усѣченности,—все это вмѣстѣ придаетъ здѣшнему говору особую плавность и мелодичность. Равномѣрно и правильно употребляющіяся сильныя ударенія еще болѣе усиливаютъ эти свойства рѣчи. Говоръ здѣшнихъ бабъ отличается музыкальностью особенно если слушать его со стороны.

Для образца здѣшняго говора приведемъ нѣсколько словесныхъ произведеній, записанныхъ со словъ одной крестьянки Ухотской волости.

Заговоръ—остуду кинуть (т. е. поселить нелюбовь).

Стану я не благословесь, пойду не перекрестесь, пойду ни двиреми, ни воротами, пойду косой огородой. Выйду я во цистоё полё. Во цистомъ полѣ стоитъ дубъ. Поклонюсь я на всѣ цётыре стороны; поклонюсе и покорюсе. Вы послушайте-ко друзья-братья невирные. Друзья братья отвитили: пойди ко дубу, зайди въ дубъ. И въ эвтомъ дубу лёжатъ двѣ кошки вмистяхъ хрёбтами; бьютце, дерутце, цѣпаютце и въ крофь убиваютце, Какъ эвти кошки бьютце, дер., цѣп. и въ кр. убив., такъ дрались-бы, бил., цѣп. и въ кр. убивались (такой-то и такая-то). Выйду я изъ эвтово дуба на цистоё поле. Пойду я къ быстрой рицькѣ; покорюсь и помолюсь. Какъ у тя берега не сходятце вмистяхъ, такъ бы не сошлйсе (такой-то и такая-то) отъ нынѣ и до вику, дрались иципались и въ кровь убивались.—Аминь.

Причёты надъ умершимъ дядей, съ которымъ наказываетъ поклонъ своему умершему отцу:

Ты жолапной мой дедюшка,
Ты снеси поклонъ да цёлобитьицё
Моему родимому батюшкѣ.
Я напишу поклонъ да цёлобитьицё
Не перомъ и не цернилами,
А горюцьми слёзьми текуцими.
Ужь нажились мы три года круглые,
Много славушки да натерпилисе,

Прослыли мы не досужнии, да не работницами,
Похожалками и гуляками.
Жоланной мой родитель-батюшко
Пусь помолитце Пресвятой да Богородичцѣ.
Штобъ дала́ она здоровьица
Моему жоланному дѣдушкѣ.

Хоть онъ и старъ-то да при старостѣ
И древёнъ-то при древности,
А ушь все наредитъ насъ на роботушку.
Со цюжими людеми, со многими.
Ретиво-серцё да надрываитце,
Горюцьми слёзьми да обливаитце.
Посылаётъ насъ на роботушку
Не жоланной-то родитель-батюшко.

Александръ *Мельницкій.*

Говоръ Велико-Устюжскаго Уѣзда. Волог. г.

Въ Устюжскомъ говорѣ 1) вмѣсто *а* слышится *е*; напр.: пец*е*ль, нац*е*ть, пец*е*ть, (печаль, начать, печать); также *о*, напр. с*о*гона, р*о*бота (сатана, работа); *ы*, напр.: сюд*ы*, туд*ы*, ковд*ы* и ко́уд*ы*, товд*ы* и то́уд*ы* (сюда, туда, когда, тогда),

2) Вмѣсто *е* слышится *а*, напр. *жала̀ю* (желаю), кр*а*шанина, крош*а*нина и краш*е*нина и крош*е*нина (первое — крашеный холстъ, полотно, второе — отъ глаг. крошить), — *и*, напр.: артиль (артель) и т. д.

3) Вмѣсто *е*—*ё*, напр., ду́ётъ, понима̀ётъ, розуміётъ; бѣлоё, ма̀лыё, бѣлыё *е*, (множ. числ.), ходитё къ намъ, побесѣдуёмъ; объ ёмъ, объ ёй, её я не вижу, у её (безъ *н*); твореньё, созданьё, помышленьё (*іе*=*ье*), вм. *о*—ё, ёнъ, ёна́ (онъ она) и, т. д.

4) *Ё* встрѣчается вмѣсто *я* въ окончаніяхъ именъ существительныхъ средняго рода: пле́мё, имё, вре́мё, берѐмё (племя, имя, время, беремя); далѣе, — *е* вм. *я* встрѣчается въ неопред. накл., оканчивающемся на *ять*, поне́ть, прине́ть, зане́ть (понять и т. д.); также — енцё (яйцо), всячина̀ (всецина), де́дя (дядя), опеть (опять), племеньникъ, масьленьниця (племянникъ, масляница); *е* встрѣчается вмѣсто *і*, наприм. Божей цёловѣкъ, вражей сынъ (Божій, вражій).

5) А + е = а, напримѣръ, — понимаётъ и понимать, бываётъ и бывать, знаётъ и знатъ.

6) Вмѣсто *ѣ*—*и*, наприм., сивёръ, нед*и*ля, пить п*и*сьни, лёфъ звирь, сьисти (сѣверъ, недѣля, пѣть пѣсни и т. д.); въ окончаніяхъ неопр. накл. на *ѣть* напр. влад*и*ть, онѣм*и*ть (владѣть, онѣмѣть).

7) Звукъ *о* встрѣчается вмѣсто *і* и *ы* въ окончаніяхъ им. прилагат., наприм. хоро́шой, до́брой, сере́враной (вм.—шій,—рый,—ный); — вмѣсто *е*, напр. жона́, пшоно́, каж*о*цьця (жена, пшено, кажется).

8) *У* слышится въ прошедшемъ времени вмѣсто *л*, напр., слыша*у*, по́ня*у*, бы*у*, пошо́*у* (слышалъ, понялъ и т. д); въ словахъ, оканчивающихся на *л*, напр., козе́у, ко́локоу, (козелъ, колоколъ); въ серединѣ словъ, напр., доуго, поуно (долго, полно); также ў слышится вм. *в* въ концѣ словъ: Крыло́*у*, Бакрылоу (Крыловъ—ловъ); въ срединѣ словъ, — напр. поддёука (поддевка), заутра (завтра), да*у*но (давно); въ началѣ словъ, напр., *у*рагъ *у*рёшь, (врагъ, врешь), вм. *г*, напр. — ко*у*д*ы*, ко*в*ды, (когда), то*у*ды, то*в*ды (тогда) и т. д.

9) *Бм*=*мм*: о*м*мыть, о*м*макивать, о*м*манывать, (обманывать и т. д.), *бл*, *бр*,= *П*—кара̀*п*ъ (корабль), голо́*ф*ъ (голавль), Декабрь—Декапъ, Ноябрь—Нояпъ, и т. д., *мн*=*мл*, по*мл*ю (помню), су*мле*нье (сомнѣніе); *ст*=*с*, стра*сь*, лисья (страсть, листья); вм. *к*—*х*, хресьянинъ, трахтъ (крестьянинъ, трактъ); *зж*=*жж*, поѣ*жжа*й и т. д.

10) Твердое *л*, какъ передъ *н*, такъ и передъ другими согласными, напр. бо*лн*ой, си̇*лн*ой, бо*лш*ў*ш*ой, ба*л*за̀нъ (*н* вм. *м*), олхо́вой прутъ (больной, большой, бальзамъ и т. д.).

11) *С* вм. *ш*, молоcной, *я*сная мука, шпонисьникъ, одѣвáёсься, (молошный,-чный, *яш*ная мука и т. д.).

12) *Ц* вм. *ч* и наоборотъ, *ч* вм. *ц*, и то и другое произношеніе вмѣстѣ, напр.,— *ч*арь и *ц*ярь, *ч*апля и *ц*япля, *ч*ѣлой и *ц*ѣлой, Павлови*ць*, *ц*ёловѣкъ, *ц*яшка и т. д.

13) *Ц*—мягко, напр., молодéць, отéць, гонéць и т. д.

14) *Ш* вм. *ч*., напр. коне*ш*но, серде*ш*но (конечно, сердечно), мѣстоим. *что*= *шьтё*, *щё*.

15) Вмѣсто *щ* два *ш*, напр.—ишшó (еще), пýшше (сильнѣе), ця̀шше (чаще) и т. д.

16) Встрѣчается форма род. пад. на *ово* и на *ова*, напр.—дóбров*а* дня, ётов*о*, нецев*о*; я *тѣ* и *тибѣ* (также говорится: *сибѣ*, себѣ) *ефтова* и *етово* не обѣшша̀ў.

17) Дат. пад. оканчивается на *е* вм. *и*, напр. къ доцер*é*, къ матер*е*, ко двер*е* и т. д.

18) Сравнительн. степень встрѣч. на *ѣ*: мéнѣ, бóлѣ (менѣе, болѣе), и на *я*, басься (я), силня̀(я), миля̀ (я), крѣпця̀ и крѣпце (красивѣе, сильнѣе, милѣе и т. д.).

19) Возвратный залогъ кончается на *цьця* какъ въ неопредѣл., такъ и въ изъявительномъ наклоненіи, напр. одѣва̀*цьця* (=одѣваться и одѣвается), гля̀нё*цьця* (глянется, нравится), улыба̀*цьця* (улыбается) и т. д.

20) Встрѣчаются членъ и частицы,—напр., молодéцё*тъ* (молодецъ-отъ), бабы-*ти*, бабу-*ту*, село-*то*, какъ сказать-*то* и т. д.; мнѣ-*ка*, тебѣ-ка, уйди-*ко*, возьми-*ко* нуткося, подиткося и т. д. *А. Дмитріевъ.*

Цюжое добро.

Пришли въ Питёръ для за̀работковъ двóе хресья̀нъ, Степанъ да Гаурі́ло. По деревнямъ онѣ были сусѝди и на цюжóй сторонѣ сошлúся вмѝстѣ, поступили въ одну биржевýю артíль. Живутъ онѣ годъ, два, и петь лѣтъ, зашибаютъ хорошую копейку; работа идетъ всё прибылна̀я. Пришла пора и ца побы̀ўку. Лёккó сказать, не были на родинѣ петь лѣтъ! Домашніё, цяй, ждутъ не дождуцьця!

Собралися было онѣ о̀ба, да ўдру̀гъ вы̀шеў такой слуця̀й, шьтё Гаурилѣ нельзя некакъ ѣхать: хозéинъ ждетъ изъ-за̀ моря кораблéй, и нé на ково болѣ расположицьца при вы̀грускѣ товарофъ (или роў), какъ на Гаврилу. Прибавляётъ ему жа̀лованья и проситъ повременить отъѣздомъ. Шьтё-жо? нельзя не уважить хорòшова цёловѣка, надавно (надаувно-вм. бно) подождать хошь до первозимья. «Дѣлать нéцево», говоритъ Гаурило своему товаришшу, поѣжжа̀й одинъ». Да ужъ сдѣлай милось, исправь за меня шьтё слѣдуётъ. Батюшко ономедни грамотку послаў, приказыватъ на сцётъ денёгъ, дакъ доста̀фь ты ему мою казну; вотъ тутока̀ ро̀уно три ты̀сеци. Да сестрёнкамъ связешь по какому небуть госьтúньцю. Кланейся, дружúшшо, всѣмъ (усѣмъ). Ну, съ Богомъ, братъ».

Роспростúлися земляки, и отпра̀віуся Степанъ ко дворамъ. Дóўго ле, корóтко-ле онъ ѣхау—не знаю, тольки въ (у)дорогѣ нецево особеннова съ имъ не приклюцилось. Вотъ блеснýу передъ имъ кýпаў (поў) родной цéрькьви . . . . . и стало лёккó на̀ серьцѣ у Степана . . . . А ужъ шьтё было дома, какъ переступіу онъ порокъ своей избы, и росказать нельзя: слёзы, обнима̀нья, смѣхъ, а̀ханьё и опеть слёзы. Распрòсамъ не было коньця̀. Не насмòтряцьця друкъ на друга, не наговоря̀цься; до Гаурúловыхъ ле поруценій тутъ? усьпіются и за̀ўтра. Не вида̀ли какъ свецерѣло и на покой итти пришла пора. Стихло все въ домѣ и на (дерѐвнѣ) селѣ. Ўдрукъ (вдругъ), въ глухую поўночь, какъ мóўнея пронёссе по селу стра̀шной крикъ: «пожаръ, пожаръ!» Всѣ пе-

реполошилися. При витрѣ быстро заиграло пламё по солöмянныиъ крышамъ, мигомъ охватило поудерéвни и спалило всё до тла. Врасплóхъ застигнутыё бѣдой, хресьяне не успили спасти поцьти нецево изъ сваево имушшества; мнóгiё едва успили выскоцить сами тöльки. Въ етомъ числѣ несьцясныхъ бы̌у и Степанъ съ семьёй. Самъ онъ тольки успѣу схватить кафтанъ, лёжавшой въ изголовьѣ, да вывесьти его со двора пару лошадей. Соньце стояло высокó ужъ, коуды оконьцiуся пожаръ. Хто шьте дѣлау: иныё тоуковали межу собой, другiе сидили понуря голову, иныё откапывали скарбъ... Болно было гледить на стихъ несьцясныхъ, а бóлѣ всѣхъ (усѣх) на Степана. Не(в)мно(у)го цясовъ состарили ево десяткомъ лѣтъ. Дóуго сидѣу онъ, думау, не отвѣцау на роспрóсы родныхъ. Наконець перекрестiуся, стау и пошоу къ Гаврилину отцю. Поуторы версты дóуго-ли пройти?

«Богъ на помошшъ, дедя Григóрей» молвiуонъ ему.

«А Стёпа любёзной, здороу-ле? какими ето судьбами? Шьтё-жо безъ Гаурюшки?

«Да вотъ онъ прислау тибѣ поклонъ нисской и всѣмъ. Самóтъ разѣ (вм. звѣ) тольки къ Николину дню прiидётъ (ѣдетъ). «А грамотки нѣту?» «нѣту, писать было не коуды», проговорiу Степанъ съ какимъ то смушеньемъ. Слышау я, братъ, про вашу бѣду и самъ дажеци видѣу, здись было свѣтля дня! Шьтё дѣлать? Божья воля. Уцѣлѣла ли твоя изба!

Какъ есь не едйнова бреуна, сами выскоцили поцесь нагiё. Сердешно жаль. Послѣ экой бѣды не скоро оправисься. Да, я, цяй, ты привёзъ таки изъ Питёра коё-какiё денжонки, опстроицьця-то хватитъ? Безъ малова 2 тысеци привёсъ. Да видно быть грѣху такому. Положiу я ихъ позавцярась въ яшшикъ, а въ сумятицѣ-то и изъ головы вонъ захватить то ево съ собой! Выскочiу, опамятивауся, гляну, а изъ избы то пламё-то такъ и хлёшшотъ! Прогнѣвауся за грѣхи на насъ Госпоть! Вѣсьтимо ноётъ серьцё по трудовой копеикѣ. Но пушше тово, дедя Григорей, взяу меня ужасъ, какъ хватiуся я даве твоихъ тенёгъ. Шьтё свои? Наживноё дѣло, Богъ съ ими! А за цюжiё дашь отвѣтъ (отвѣтишь) добрымъ людямъ здись, да и на томъ свитѣ спросятъ! Кац выбѣжау, преже всево хвадiуся ларця-то: нѣтъ нецево при сибѣ—въ одной рубахѣ! Туды, сюды, заметауся во всѣ стороны, не оброніулъ-ле какъ, спросiу своихъ, не брау-ле кто ларьця, нѣту, всё съѣу огонь! Серьце такъ и замёрло. Шьтё скажу дедѣ Григорью? цѣмъ уплацю? Ушъ, знать, паметь ту у меня всю отшибло. И не догадаюсь, шьтё твою-ту казну я положiу въ ка(у)фтанъ, а онъ у меня подъ мышкой торцитъ! Ошшупау я карманъ, вынуу бумаженникъ, пересситау (сьсётъ чаще, чѣмъ сьцётъ), всё цѣлёхонько. Какъ гора у меня съ плецъ свалилась, ожила душа!

Да про какiё деньги ты наладiу?

Да про твои жо, говорю, шьтё послау тѣ Гаурило. Мои сгорили, а твои Богъ помиловау. Вотъ онѣ, принимай сьсётомъ: копейка въ копейку, три тысечи рублей» и передалъ дедѣ Григорью. (Вольперъ, Русская рѣчь, «Чужое добро», стр. 15—16 изд. 16-е).

Пѣсня изъ новыхъ.

По Никóльському по траху
Бéрешка крутéнькiё,
Бéрешка крутéнькiё
Водйця холодьнéнькая.
Не хоцю водйци пить,
Водйця изъ канавушки,
Лажусь парьня полюбить,
Боюсь худой я славушки.
Не любить—не славицьця,
Не ходйть—не маёцьця,
По жердоцькѣ милой шоу
Другая спогибаёцься
Во дерéвнюшку зашоу
Дѣуцёнка дожидаёцця:
У богатой, у проклятой
Цѣлу нóцьку ноцевау
У милашки, у бѣдняшки
Саламату похлебау.
Ясной мисець—
Рупъ цѣукóвой,

Цясты звѣзды—
Цетвертакъ,
Моётъ милой
Бестоуковой
Съ посидѣнку
Ушоу такъ!
Онъ недоуго посидитъ,
Тольки серьдецюшко сушитъ;
У тоцёнова стоуба
Нѣту сьцястья никогда
Коуды вѣтеръ коуды дожъ
Коуды дѣуцёнку доуго ждешь.
Я дѣуцоньку выуцю,
Не пушшу на улицю,—
Коуды та пора придёть,
Шьтё отъ меня не отойдеть!
Пусь достанецьця Малашенька
Не людямъ и не мнѣ,
Шьтё не людямъ и не мнѣ,—
Сырой матере землѣ!..
Доставалася милашенька
Не людямъ и не мнѣ,
Шьтё не людямъ и не мнѣ,
Сырой матере землѣ.
Опояшусь коньцикомъ,
Поѣду съ колокольцикамъ...

Горё (немного на стрнный ладъ).

Охъ ты горе мое, горё великоё,
Я пойду съ горя в тёмню лѣса,
Во тёмном лѣсу,—тёмнешенько,
Въ зеленомъ лугу—зеленешенько,
Тамъ ростутъ цьвѣты—
Цьвѣты лазорёвыё,
Я сорву, цьвѣтокъ,—
Совью вѣнокъ,
Милому дружку—
На головушку.

А. В. Дмитріевъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Населеніе Украйны въ XVI вѣкѣ.

A. *Iabłonowski*: 1) Kolonizacya Ukrainy za ostatnich Jagełłonów; 2) Etnicka postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną (Kwartalnik Historyczny 1893 года, выпуски 1-й и 3-й).

Г. Яблоновскій, уже пользующійся у насъ нѣкоторою извѣстностью какъ историкъ [1]), выступаетъ теперь передъ нами на поприще исторической этнографіи съ изслѣдованіемъ о тѣхъ этическихъ элементахъ, которые составляли во второй половинѣ XVI вѣка населеніе Украйны.

Украйна, точнѣе—Украйна великаго княжества Литовскаго, занимавшая огромное степное пространство на обоихъ берегахъ Днѣпра и Буга, отъ Днѣстра на западѣ почти до Донца на востокѣ, и упиравшаяся на сѣверѣ въ кіево-волынское и черниговское Полѣсье, въ половинѣ XVI вѣка была степью, лишенною городовъ и селъ и имѣвшею лишь пустыя «городища» и «селища», посреди «гоновъ», «уходовъ», «пасѣкъ». Она украшалась лишь нѣсколькими «замками»—Каневомъ и Черкасами на Днѣпрѣ, Винницею и Брацлавомъ на Бугѣ. Но она не была пустыней. Не смотря на нерѣдкіе наѣзды Крымцевъ, въ ней была жизнь и ея «гоны», «уходы», «пасѣки» не оставались безъ эксплуатаціи.

Кто же жилъ въ ней?

Г. Яблоновскій даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ на основаніи архивныхъ источниковъ, главнымъ образомъ на основаніи описаній замковъ 1545 и 1552 годовъ и вновь найденнаго, имѣющаго въ скоромъ времени быть изданнымъ, именнаго списка 500 запорожскихъ казаковъ 1581 года. Его данныя 1) собственныя имена и фамиліи замковыхъ обитателей, 2) собственныя имена и фамиліи казаковъ и 3)—въ немногихъ случаяхъ—прозвища тѣхъ и другихъ, указывающія на ихъ племенное происхожденіе или на ихъ родину («Сербъ», «Волохъ», «Мозырянинъ» и т. п.). Другихъ источниковъ и данныхъ авторъ не знаетъ.

Онъ прежде всего останавливается—нѣсколько неожиданно для читателя—на Тюркахъ. Онъ припоминаетъ Торковъ, Берендеевъ, Черныхъ клобуковъ до-монгольскаго періода, указываетъ на ихъ вражду къ Половцамъ (которыхъ однако лѣтопись называетъ ихъ «сватами»!) и единеніе съ Русскими, предполагаетъ, безъ основаній, что Татары не

---

[1]) Большая статья его по исторіи Украйны въ варшавскомъ Atenеumѣ 1888 г. №№ 1 и 2, 1891 г. № 12.

принудили ихъ уйти изъ степи вслѣдъ за Половцами или присоединиться къ своимъ ордамъ, а позволили имъ оставаться по прежнему въ степи. Потомъ онъ разыскиваетъ Тюрковъ и ихъ потомковъ среди обитателей украинныхъ замковъ, среди «земянъ», среди запорожцевъ и ихъ находитъ вездѣ и всюду. Это—Байдикъ, Балхова, Базыргенъ, Борякъ, Ботракъ, Буба, Чатый, Чаплій, Чигашъ, Гусеймъ, Кубеча, Кудакъ, Махмедеръ, Малыкбаша, Мехедъ, Сохей, Ширай, Убобъ въ Черкасахъ [1]), Балычъ, Хурсъ, Челехъ, Карака, Каранда, Киптай, Колмага, Котанъ, Кунашъ, Шейшей, Шульга въ Винницѣ, Бальма, Борзукъ, Бруханъ, Харланъ, Черкасъ, Чурба, Карай, Кобызъ, Моксанъ, Нагай, Охматъ, Шеколъ, Шульга въ Кіевѣ, Аксакъ, Байбуза, Баланеръ, Берендей, Булыга, Халаимъ, Ханбекъ, Фурсъ, Елецъ, Кобызевичъ, Коробай, Кутлубай, Обдула, Солтанъ, Сынгуръ, Баглай, Бокій, Балабанъ, Бундура, Коцуба, Козуба, Мормуля, Скиндаръ, Талалай среди «Земянъ»; это—Бахтіаръ, «очевидно, крещоный татаринъ» (стр. 428), и т. д. Мы не имѣемъ надобности распространяться объ длинномъ спискѣ тюркскихъ, по автору, именъ; достаточно сказать, что Хурсъ-Фурсъ обычное въ старой Руси христіанское имя (=соврем. Ѳирсъ), равно какъ и Харланъ (Харлампій); что Брюханъ, Ширяй, Елецъ—исконныя русскія слова, что еще именъ по крайней мѣрѣ десять звучитъ совсѣмъ не по-тюркски. Для насъ важно узнать, дѣйствительно ли тюркское имя говоритъ о тюркскомъ происхожденіи его владѣльца. Для этого мы заглянемъ въ акты какъ юго-западной, такъ и московской Руси XV—XVII вѣковъ. Они заключаютъ въ себѣ очень много именъ несомнѣнно тюркскихъ, но принадлежащихъ несомнѣнно Русскимъ. Здѣсь мы находимъ Кирдея и Васка Савчичей (Арх. Юго-Зап. Р., VI, I, 67), князя Солтана Васильевича (Arch. Sang. I, 54), гомельскаго крестьянина Селима Стефановича (А. Ю.-Зап. Р. V, 43). Здѣсь передъ нами угличанинъ Салтанъ Петровъ сынъ Демьяновъ (А. Юр. 323), костромитинъ Мурза Степановъ сынъ Щукина (А. Юр. 303), астраханскій городничій Тавруй Погановъ (А. Кал. I, 459), Охматъ Михайловъ, Шишмей Омельяновъ, Бахтеяръ Григорьевъ, Карамышъ Матвеевъ, Китай Емельяновъ (А. Ѳед.—Чех. [2]). И такъ, имена нисколько не указываютъ на происхожденіе, и нѣтъ основанія видѣть въ южно-русскихъ Байдыкахъ, Аксакахъ, Караяхъ-Тюрковъ или ихъ потомковъ и говорить объ «очень сильномъ» участіи тюркскаго элемента [3]) въ образованіи украинскаго племени (стр. 434).

Затѣмъ г. Яблоновскій обращаетъ вниманіе на поляковъ. Не только всѣ Станиславы, Яны, Северины отнесены имъ къ полякамъ; въ ихъ число попали даже значащіеся въ написанномъ по-польски спискѣ запорожскихъ казаковъ Sobko Trubacz и Andrzei Bubennica, не смотря на явно русскую окраску ихъ прозвищъ... И здѣсь имена, съ употребленіемъ которыхъ въ Старой Руси авторъ слишкомъ уже мало знакомъ, не даютъ права дѣлать какіе-либо выводы [4]).

Но этнографу Украйны, естественно, всего болѣе приходится говорить о Русскихъ. Какіе русскіе элементы были въ украинскомъ населеніи XVI вѣка? Откуда они пришли?

Авторъ указываетъ, что арендаторами черкасскихъ «уходовъ» по Днѣпру, Ворсклѣ, Орели, Самарѣ, въ 1552 году были Мозыряне, Быховцы, Могилевцы; что каневскіе «уходы» въ устьѣ Сулы арендовали Могилевцы; что эти Бѣлоруссы приходили на промыселъ къ лѣту и возвращались на родину къ зимѣ. Имъ не оставляются безъ вни-

---

[1]) Мы оставляемъ имена (или фамиліи) въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ приводитъ авторъ, но должны замѣтить, что въ источникахъ при этихъ именахъ обыкновенно стоитъ христіанское имя: Федко Байдикъ, Иванъ Балхожа, Игнатъ Сохей (Архивъ Юго-Зап. Россіи, VII, I, 113—114).

[2]) Какъ извѣстно, не мало князей Рюриковичей и Гедиминовичей носили тюркскія имена. Припомнимъ хотя бы предковъ Бахтеяровыхъ-Ростовскихъ и Булгаковыхъ.

[3]) Словарный матеріалъ украинскаго говора не бѣденъ тюркизмами, но они въ немъ тѣ же, что и въ другихъ малорусскихъ говорахъ. Ихъ въ малорусскомъ нарѣчіи не больше, чѣмъ въ великорусскомъ.

[4]) Г. Яблоновскій навѣрное призналъ бы и *Франциска* Скорину и *Адама* Киселя за Поляковъ, но несомнѣнно, они были Русскіе.

манія приднѣпровскіе с е в р у к и, потомки, по его мнѣнію [1]), древнихъ Сѣверянъ, которые, вмѣстѣ съ древними Полянами и Древлянами, представляются ему членами малорусской вѣтви Русскаго народа. Далѣе онъ сообщаетъ свѣдѣнія о 500 запорожскихъ казаковъ по списку 1586 года. Въ числѣ этихъ «молодцовъ» оказывается порядочно Бѣлоруссовъ (изъ Мозыря 16, изъ Бобруйска 10, изъ Быхова 8, изъ Могилева 11, изъ Мстиславля 10), немного изъ Волыни (изъ Дубна 9, изъ Константинова 7, изъ Кременца 6, изъ Острога 6), еще меньше изъ Подолья, Галиціи, совсѣмъ мало изъ Полѣсья (изъ Овруча 1, изъ Житомира ни одного).

Но этимъ данныя автора ограничиваются, и читателю его статей остается неяснымъ, кто въ XVI вѣкѣ далъ Украйнѣ большинство колонистовъ, Бѣлоруссія, Полѣсье, или Подолье съ Галиціей.

Въ виду этого мы попробуемъ разрѣшить поставленный имъ вопросъ, воспользо, ваться тѣми данными [2]), которыя г. Яблоновскій (какъ и всѣ его предшественники упускали совершенно изъ виду, но которыя намъ кажутся въ высшей степени важными) имѣющими рѣшающими значеніе. Они находятся въ я з ы к ѣ нынѣшнихъ Украинцевъ, прямыхъ потомковъ колонистовъ XVI вѣка, то есть—въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія.

Какъ извѣстно, малорусскіе говоры дѣлятся на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга группы—сѣверно-малорусскую и южно-малорусскую [3]), изъ которыхъ первая употребляетъ въ извѣстныхъ случаяхъ, на мѣстѣ древняго и великорусскаго *о*, гласные *у*, *ю* или разнообразные дифтонги: *уо*, *уэ*, *уи*, *уы*: кунь, кюнь, к*уо*нь, к*уэ*нь, к*уи*нь, к*уы*нь (=к*о*нь), а вторая въ тѣхъ же случаяхъ имѣетъ гласный *і*: к*і*нь.

Мы не знаемъ, когда именно произошло раздѣленіе малорусскихъ говоровъ на эти двѣ группы; но имѣемъ основаніе думать, что къ XVI вѣку оно уже существовало. Несомнѣнно, въ этомъ столѣтіи сѣверно-малорусскіе говоры слышались въ волынскомъ Полѣсьѣ съ частями нынѣшнихъ Минской, Гродненской и Сѣдлецкой губерній и на сѣверѣ старой Кіевщины, тамъ, гдѣ слышатся теперь; но вѣроятно, ихъ территорія тогда простиралась дальше на югъ, чѣмъ въ наши дни, такъ что на мѣстѣ переходныхъ говоровъ, занимающихъ теперь среднюю часть Кіевской губ. и юго-восточную окраину волынскаго Полѣсья (въ Житомирскомъ уѣздѣ), въ то время звучали говоры вполнѣ сѣверно-малорусскіе. Во всякомъ случаѣ въ Кіевѣ половины XVI вѣка говорили по сѣверно-малорусски: отк*у*ль (южно-малор. відк*і*ль), Овдутья (южно-малор. В*і*вдя, Явдоха [4]).

Южно-малорусскимъ говорамъ принадлежали Подолье и Галиція съ прилегающею къ нимъ частью Волынской губерніи. [5]) Въ какую группу входитъ говоръ обитателей Украйны XVI вѣка?

Его прямой потомокъ, современный говоръ украинскій, принадлежитъ къ числу южно-малорусскихъ и очень близокъ къ говорамъ Подолья и Галиціи съ сосѣднею частью Волынской губ.

Взглянемъ по внимательнѣе на украинскій говоръ.

Первое, что обращаетъ въ немъ на себя наше вниманіе, это полное отсутствіе сѣверно-малорусскихъ особенностей (не говоря уже о бѣлорусскихъ). Предоставляя изъ

---

[1]) Требующему доказательствъ. Проф. В. Д. Смирновъ указалъ намъ на турецкое sawruq или sawraq, которые по словарю Redhouse'a, значитъ: wild, very impulsive or violent. Великорусское с е в р ю к ъ=угрюмый человѣкъ.

[2]) Мы, сверхъ того, имѣемъ въ виду тѣ данныя о сравнительной населенности Подолья въ XVI вѣкѣ, которыя собралъ М. Ф. Владимирскій-Будановъ въ своей статьѣ въ Архивѣ Юго-Западной Россіи VII. II.

[3]) Данныя, которыми мы здѣсь пользуемся, находятся въ нашемъ „Очеркѣ Русской діалектологіи" (Ж и в а я С т а р и н а 1892 года, вып. 4).

[4]) Описаніе кіевскаго замка 1552 года. А р х и в ъ Ю г о-З а п. Р о с с і и VII. I, 112, 113. Въ Черкасахъ въ это время говорили уже по южно-малорусски: чакивница, Макогинъ (тамъ-же, 79, 89).

[5]) Съ собственно Волынью.

себя одно цѣлое на всемъ степномъ пространствѣ отъ Днѣпра до Дона, этотъ говоръ никоимъ образомъ не можетъ быть причисленъ къ говорамъ смѣшаннымъ. Онъ не заключаетъ въ себѣ ни одного слова съ сѣверно-малорусскимъ дифтонгомъ. Онъ имѣетъ всего лишь два слова съ сѣверно-малорусскимъ *у* на мѣстѣ древняго *о*, гдѣ должно бы быть, по южно-малорусски, *і*: парубокъ и гультяй (но они оба находятся и въ другихъ южно-малорусскихъ говорахъ. Въ немъ нѣтъ словъ съ нерѣдкимъ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ *е* на мѣстѣ древняго *ѣ* (ничтожныя мѣстныя исключенія не въ счетъ). Наконецъ ему совершенно чужды мелкія явленія, свойственныя лишь сѣверно-малорусскимъ говорамъ, въ родѣ формъ возвратнаго залога на *са* и *со*. Такимъ образомъ украинскій говоръ принадлежитъ вполнѣ южно-малорусскому нарѣчію.

Затѣмъ, если мы сопоставимъ украинскій говоръ съ говорами подольскимъ, галицкими, западно-волынскими, то увидимъ, что всѣ его отличительныя черты находятся въ одномъ или въ нѣсколькихъ изъ этихъ послѣднихъ. Твердые (до извѣстной степени) согласные передъ *і* изъ *о* (въ нісъ=носъ), отсутствующіе въ подольскомъ и большей части галицкихъ, слышатся въ волынскихъ; звонкіе согласные въ концѣ словъ въ серединѣ передъ *к* и *о* (дідъ, тяжко) неизвѣстны подольскому и галицкимъ, также сохраняются говорами волынскими, и т. д.

Сверхъ того, вездѣ, гдѣ украинскій говоръ наиболѣе рѣзко отличается отъ своихъ западныхъ сосѣдей, его черты сравнительно съ чертами послѣднихъ—архаическія и такія, какія должны были нѣкогда въ нихъ быть и какія могли въ нихъ еще быть въ началѣ XVI вѣка. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что твердыя согласныя передъ *і* изъ *о* древнѣе, чѣмъ мягкіе, что *я* въ узяти, *хв* въ *хв*алити, мягкое *ц* въ хлопе*ць*—древнѣе, чѣмъ въ тѣхъ же словахъ *е*, *ф*, твердое *ц*. Словомъ, особенности украинскаго говора—вмѣстѣ особенности подольско-галицко-волынскаго говора того времени, когда онъ составлялъ еще одно цѣлое.

И такъ, главная масса украинцевъ въ XVI вѣкѣ вышла въ Украйну изъ Подолья и Галиціи и изъ сосѣдней съ ними части Волынской губ., масса, въ которой исчезло безслѣдно то сравнительно ничтожное количество колонистовъ, которое дало Украйнѣ Полѣсье, Кіевщина и Бѣлоруссія.

Еще нѣсколько словъ въ заключеніе. Причина разницы въ доляхъ колонизаціи будетъ намъ вполнѣ ясна, если мы взглянемъ на карту Южной Руси XVI вѣка.

Подолье, Галиція, юго-западная Волынь не имѣли для колонизаціи ничего, кромѣ Украйны, и по необходимости должны были идти въ ея степи, опираясь на замки Винницы и Брацлава. Волынскимъ и Кіевскимъ Полѣшукамъ также какъ и ихъ сосѣдямъ (съ сѣвера Бѣлоруссамъ), благодаря Припети и ея притокамъ, было гораздо болѣе удобно направляться на востокъ, въ Заднѣпровье, чѣмъ на югъ, и мы дѣйствительно видимъ ихъ рядомъ съ Бѣлоруссами въ древней Сѣверщинѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя или совсѣмъ не заняты были до ихъ прихода осѣдлымъ населеніемъ, или лишились значительной части населенія [1]) въ эпоху самозванцевъ; ихъ говоры до сихъ поръ еще вполнѣ сохраняютъ свои полѣсскія черты (дифтонги и проч.), а нѣкоторые изъ нихъ, на восточномъ берегу Днѣпра, сходны до тожества съ своими сосѣдями на берегу западномъ.

А. Соболевскій.

Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. Akademische Abhandlung von Joos. J. Mikkola. Helsingfors, 1893.

Книжка г. Миккола посвящена вопросу о славянскомъ, главнымъ образомъ русскомъ вліяніи на западно-финскіе языки. Авторъ начинаетъ обзоромъ того немногаго, что уже сдѣлано по этому вопросу, и при этомъ особенно долго останавливается на трудѣ

---

[1]) Это населеніе было, конечно, великорусское, а не малорусское. Помимо другихъ данныхъ, на это указываетъ самое названіе сѣверной столицы, звучащее у Малоруссовъ по-великорусски: Черніговъ (чисто малорусская форма должна бы звучать Чер*н*иговъ).

покойнаго Веске, къ которому впрочемъ относится не безъ строгости. Затѣмъ онъ говоритъ объ относительной древности вліянія на западно-финскіе языки, языковъ германскихъ, славянскихъ и высказывается, на основаніи фонетическихъ особенностей заимствованныхъ у Германцевъ финнскихъ словъ, въ пользу большей древности германскаго вліянія. Остальная, наибольшая часть книжки г. Миккола заключаетъ въ себѣ списокъ финнскихъ словъ славянскаго происхожденія, съ указаніями, какими финнскими звуками передается тотъ или другой славянскій звукъ и какія изъ заимствованій могутъ быть признаны за древнія, какія за новыя. Нѣкоторыя слова этого списка, въ высшей степени интересны: akkuna = др.-русск. окъно, lusikka = др.-р. лъжька, paltina = др.-р. полотьно, talkkuna = др.-р. толокъно, karsta = короста, sarka = сорока (сорочка), värttänä = веретено, kuontalo = ц.-слав. къдѣль, suntia = ц.-сл. сѫдии, und = ц.-сл. ѫда (часть уже извѣстна намъ изъ книги Веске).

Трудъ г. Миккола, превосходно исполненный, представляетъ большую цѣнность и для археологовъ, и для лингвистовъ. Единственное, за что мы должны посѣтовать на автора, это—невниманіе къ ударенію славянскихъ словъ. По нашему мнѣнію, разнообразіе въ передачѣ одного и того же славянскаго звука, нерѣдко объясняется не чѣмъ другимъ, какъ присутствіемъ или отсутствіемъ на этомъ звукѣ ударенія. Напримѣръ, различіе между звуками: *a* въ raamattu = грáмота, laatu = лáдъ, лáда, laatia = лáдить, paasma = пáсмо съ одной стороны и ă въ raja = край, на краю́, края́, краёвъ, ravita = травúть, наиболѣе легко объясняется ударяемостью и неударяемостью славянскихъ звуковъ. Сверхъ того, мы не рѣшаемся вездѣ согласиться съ авторомъ относительно степени древности заимствованія и сомнѣваемся, напримѣръ, что turku, hursti, hurta, должны непремѣнно восходить къ търгъ, хълстъ, хъртъ, а не къ торгъ, холстъ, хортъ,—въ виду sulkku = шолкъ.
А. С—скій.

Ирано-финнскія лексикальныя отношенія. Барона Р. Р. Штакельберга. (Древности Восточныя. Труды Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ I, М. 1893).

Авторъ обратилъ вниманіе на небольшую группу словъ въ восточно-финнскихъ языкахъ, по его мнѣнію, заимствованныхъ восточными финнами у ихъ древнихъ сосѣдей съ юга—у близкихъ родственниковъ или даже предковъ нынѣшнихъ Оссетинъ, во всякомъ случаѣ у народа иранской семьи (вѣроятно, у Скиѳовъ греческихъ писателей), и собралъ 58 финнскихъ словъ сходныхъ по звукамъ и по значенію съ словами оссетинскими, армянскими, курдскими, зендскими и т. д. Изъ этихъ словъ, кажется, лишь меньшая половина можетъ быть признана за заимствованныя, между прочимъ: зырянск. з а р н і золото (при зендск. zaranya, ново-перс. zar золото), вотяцк. к о р т желѣзо (при зендск. kareta, ножъ, оссет. к а р д мечъ), вотяцк. к у а л а, к в а л а домъ, изба (при курдск. kol хижина, оссет. к'у л внутренняя часть сакли), зыр. ӧ к с ы князь (при оссет. ä х с і н княгиня), морд. с а д а, вогул. с а т сто (при зендск. sata, оссет. с ä д ä сто), вогул. ч а х соль (при оссет. ц ä х соль), пермяцк. ш е н изба (при зендск. źayana мѣсто обитанія), перм. ш о д з ь деревянная игла, спица (при оссет. с о д з і н ä игла). Что касается до прочихъ, приведенныхъ авторомъ, то исконная принадлежность однихъ изъ нихъ иранской семьѣ языковъ подлежитъ сомнѣнію (они находятся только въ оссетинскомъ языкѣ и могли быть заимствованы Оссетинами у Финновъ или и Финнами, и Оссетинами у какого-нибудь третьяго народа), заимствованіе же другихъ въ виду ихъ значенія (медвѣдь, муха, рогъ, шерсть, волосы, губы и т. д.) не вполнѣ вѣроятно; наконецъ два слова получены Финнами скорѣе отъ Славянъ, чѣмъ отъ Иранцевъ: зыр. п о р с ь свинья, пер. к у т і собака (сравни великорусск. к у т ё н о к ъ щенокъ и друг.).
А. С—скій.

Mythiske bytosće lužiskich Serbow. Napisal Adolf Černý. I zwjazk. Budyšin. 1893. 239 str.

Высшая миѳологія славянскихъ народовъ была постоянно «камнемъ преткновенія для всѣхъ изслѣдователей, и, какъ показываютъ многочисленныя книги и статьи—продолжаетъ быть имъ по прежнему. Древне-славянскіе культы еще не настолько развились и выработались, чтобы вступить повсемѣстно въ упорную борьбу съ наступательнымъ движеніемъ христіанства. Съ появленіемъ христіанства масса скоро отказалась отъ Перуна, Хорса и др. божествъ, хотя и сохранила массу суевѣрій и обычаевъ, связанныхъ съ культомъ ихъ. Исчезновеніе язычества произошло у насъ такъ, что мы съ большимъ трудомъ можемъ собрать изъ старыхъ памятниковъ и современныхъ народныхъ преданій лишь самыя ограниченныя свѣдѣнія даже о самыхъ крупныхъ фактахъ языческаго міровоззрѣнія славянъ, о языческой космогоніи. Отъ глубокой древности намъ остались только преданія и вѣрованія въ цѣлый рядъ низшихъ божествъ, которые съ принятіемъ христіанства отожествились съ нечистою силой, и почти неприкосновенно дошли до насъ.

Названное выше сочиненіе имѣетъ своей задачей объединить и отчасти обобщить матеріалъ по изученію низшей миѳологіи у лужицкихъ сербовъ. Авторъ, г. Адольфъ Черный (Adolf Černý) предпосылаетъ своему труду введеніе, которое знакомитъ насъ въ сжатомъ видѣ съ теченіемъ изученій фольклора, а въ частности—сравнительной миѳологіи. Въ немъ онъ обозрѣваетъ труды крупнѣйшихъ ученыхъ, работавшихъ на этомъ поприщѣ и излагаетъ главнѣйшіе ихъ принципы и выводы. Самъ авторъ является послѣдователемъ школы Тэйлора и Ланга.

Послѣ этого краткаго вступленія авторъ даетъ библіографическій обзоръ литературы, касающейся народной поэзіи лужицкихъ сербовъ, указываетъ рядъ сборниковъ, отдѣльныхъ статей и изслѣдованій, какъ вышедшихъ въ свѣтъ отдѣльными книгами, такъ и разбросанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, которыми онъ пользовался при составленіи настоящаго сборника. «Въ своемъ трудѣ, я соберу, говоритъ авторъ, всѣ какъ ранѣе напечатанныя, такъ и вновь собранныя сказки изъ верхнихъ и нижнихъ Лужицъ, такъ что онъ явится полнымъ собраніемъ лужицкихъ сказокъ подъ заглавіемъ «Миѳическія существа лужицкихъ сербовъ». Такимъ образомъ фольклористамъ будутъ доступны всѣ тѣ сказки, которыя почти уже погибли для нихъ въ старинныхъ сербскихъ журналахъ. Сказокъ извѣстныхъ изъ нѣмецкихъ источниковъ не сообщаю въ полномъ видѣ, а въ извлеченіи, указывая на источникъ».

На первомъ мѣстѣ сборника мы находимъ разсказы о кобольдахъ, домовыхъ. Лужицкіе сербы утратили свое національное названіе этого низшаго божества и современное его названіе: kubolcik, kubuscik или kobut, koblik—заимствовано отъ нѣмцевъ (kobold, platt—d. kübolt.). Кобольдъ. соотвѣтствующій нашему домовому, является въ большинствѣ случаевъ божествомъ добрымъ, готовымъ помочь крестьянину въ его домашнихъ дѣлахъ. Отчасти его функціи сходны съ функціями лѣсоваго—онъ помогаетъ пастухамъ въ ихъ работѣ: бережетъ скотъ, моетъ, чиститъ его, такъ что о хозяинѣ, который славится хорошими конями, говорятъ «on ma kubolcika». Слѣдующее миѳическое существо: zmij или plon по своей дѣятельности схожъ съ кобольдомъ, онъ приноситъ своимъ хозяевамъ деньги, хлѣбъ и т. д., увеличивая ихъ благосостояніе и обладаетъ способностью превращаться въ различные предметы. Затѣмъ приводится рядъ разсказовъ о «božym sedlesku» — которое является иногда ввидѣ хорошенькаго маленькаго ребенка (ср. «Живая Стар.» 1891 г., II, стр. 57, 58). Это загадочное серболужицкое миѳическое существо различные ученые относятъ къ различнымъ такимъ же существамъ у другихъ народовъ: Аѳанасьевъ и Срезневскій считаютъ его домовымъ, Machál (въ журн. Zlatá Praha 1885 str. 343) сравниваетъ его съ южно-славянскими виками и русскими — русалками. Наконецъ первая глава заканчивается сказками о карликахъ, которые носятъ у лужицкихъ сербовъ слѣд. названія: lutki luzki и palčiki. Это—маленькіе человѣчки, живущіе подъ землею. Народъ представляетъ себѣ такъ происхожденіе ихъ: lutki—прежніе жители Лужицы, населявшіе ее до прихода сербовъ, они были язычники. Другое преданіе о

ихъ происхожденіи говоритъ, что они—злые ангелы, черти. Когда они были изгнаны съ неба, то иные упали въ воду и стали водяными, иные же—на землю и сдѣлались lutkami, карликами и блуждающими огоньками (стр. 99). Очевидно послѣднее преданіе образовалось подъ вліяніемъ христіанства.

Вторая глава посвящена рыцарямъ, спящимъ въ горахъ, и различнымъ горнымъ духамъ. Преданія о такихъ существахъ свойственны почти всѣмъ европейскимъ народамъ. Въ третьей главѣ мы находимъ разсказы о различныхъ миѳическихъ существахъ, населяющихъ лѣса; серболужицкій hobr очень схожъ съ нашимъ лѣшимъ или лѣсовымъ; женскія лѣсныя божества сходны также съ нашей бабой—лѣсовихой. Эти существа ведутъ жизнь подобную человѣческой, ссорятся между собою; у нихъ бываютъ дѣти, которыхъ они иногда подкидываютъ человѣку, а человѣческихъ—похищаютъ (стр. 145). Въ слѣдующей—четвертой главѣ мы находимъ сказки о злыдняхъ, вѣдьмахъ, оборотняхъ, болѣзняхъ, которые первобытный человѣкъ представлялъ себѣ существами, насылающими на него всякое бѣдствіе. Эпидемія, моръ—также представляются простолюдину страшными существами и до сихъ поръ. Эта глава по своему содержанію является наиболѣе интересной.

Послѣдняя, пятая, глава труда г. Чернаго посвящена разсказамъ о солнцѣ, мѣсяцѣ, вѣтрѣ, громѣ и пр. предметахъ и явленіяхъ природы, которыя въ сознаніи первобытнаго человѣка получали человѣческій образъ и объясненіе своего существованія. Подобныхъ разсказовъ сохранилось у лужицкихъ сербовъ очень немного. Въ заключеніе авторъ сообщаетъ нѣсколько сказокъ о «лѣсномъ царѣ» или «ночномъ охотникѣ», котораго считаетъ перешедшимъ на славянскую почву отъ сосѣдей, такъ какъ эти миѳическія существа встрѣчаются только у славянъ самыхъ западныхъ и наиболѣе подвергнувшихся иноплеменнымъ вліяніямъ, какъ-то: у лужицкихъ сербовъ, чеховъ и словинцевъ (стр. 233).

Ознакомившись съ содержаніемъ настоящаго перваго тома можемъ сказать, что сказки, помѣщенныя въ немъ гораздо болѣе сходны съ соотвѣтствующими нѣмецкими, нежели съ сказками иныхъ славянскихъ народовъ. Нѣкоторыя изъ славянскихъ низшихъ божествъ даже утратили свое мѣстное имя, какъ напр. домовой (kobold), о чемъ уже было выше упомянуто. Пожелаемъ автору дойти до конца въ задуманномъ имъ предпріятія, которое будетъ весьма полезно для всякаго, занимающагося фольклоромъ.

Вл. Перетцъ.

Лопаревъ Х. М. Слово о святомъ „патріархѣ Ѳеостириктѣ». Къ вопросу о 29-мъ февраля въ древней литературѣ (Памятники древней письменности, XCIV). Спб. 1893 г.

Уже изстари русскіе люди обращали свое вниманіе на то, что нѣкоторые святые (Касіанъ Римлянинъ, Ѳеостириктъ Пелекитскій и Іоаннъ-Варсонофій), день памяти которыхъ приходится на 29-е февраля, чествуются только черезъ три года на четвертый. Объясненіе этому обыкновенно подыскивается въ обстоятельствахъ жизни самихъ святыхъ. Такія объясненія находимъ мы въ разсказѣ о Касіанѣ, не пожелавшемъ помочь мужику стащить возъ дровъ и въ изданномъ г-мъ Лопаревымъ словѣ о патріархѣ Ѳеостириктѣ, который не хотѣлъ и трехъ шаговъ сдѣлать на помощь утопающимъ.

Тексту слова издатель предпослалъ предисловіе, на которомъ мы нѣсколько и остановимся. Трудно согласиться съ г-мъ Лопаревымъ, что слово о Ѳеостириктѣ и по своему внѣшнему содержанію и по нѣкоторымъ внутреннимъ признакамъ весьма близко соприкасается съ извѣстной повѣстью объ Акирѣ мудромъ. Правда, въ слово о Ѳеостириктѣ вставлено «чудо св. Николы и Синагрипи цари», но и оно, вопреки мнѣнію г-на Лопарева, вовсе не повліяло на содержаніе слова. Еще труднѣе согласиться съ издателемъ слова, что чудо «о Агрикѣ и о сыну его Васильѣ» находится въ связи съ повѣстью о Синагрипѣ (или вѣрнѣе съ чудомъ св. Николы и Синагрита царя») и представляетъ продолженіе ея. Переходъ «Синагрипа» въ «Агрика» совершенно невѣроятенъ.

Г-нъ Лопаревъ не избѣжалъ и противорѣчій въ своемъ предисловіи. Такъ, легенду о Касіанѣ онъ то считаетъ не самобытнымъ созданіемъ русскаго творчества, то находитъ, что она носитъ всѣ особенности чисто русскаго творчества. Затѣмъ Өеостириктъ сперва представляется издателю мудрымъ и философомъ, подобно Акиру; нѣсколько страницъ спустя, мудрость его кажется г-ну Лопареву довольно суетной. Въ заключеніе укажемъ, что эпизодъ о жабахъ находимъ въ апокрифическомъ «Сказаніи о Псалтири, како написася Давидомъ царемъ». (Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о вѣтхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 242). *Н. Т.*

Н. Ө. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1893 г.

Легенда о грѣшной матери, вообще весьма распространенная по всей Европѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особенно излюблена, и въ томъ числѣ въ Болгаріи и Малороссіи. Проф. Сумцовъ разсмотрѣлъ въ своей статьѣ малорусскіе, великорусскіе, бѣлорусскіе, болгарскіе, сербскіе, польскій, моравскій, литовскій, черемисскій, итальянскій и корсиканскій варіанты этой легенды. Далѣе имъ указаны своеобразные варіанты въ одной нѣмецкой рукописи XV в. и въ Великомъ Зерцалѣ. Вопросъ о происхожденіи легенды о грѣшной матери еще далеко не разрѣшенъ, но во всякомъ случаѣ она восходитъ къ значительной древности, такъ какъ сродныя черты находятся во французскомъ романѣ XII вѣка. Huon de Bordeaux и въ еще болѣе старомъ памятникѣ, въ «Путешествіи святаго Брандана. Можно предполагать, что въ XI в. легенда эта уже была извѣстна въ разныхъ варіантахъ. Въ заключеніе авторъ указываетъ слѣдующіе мотивы, изъ которыхъ сложилась легенда о грѣшной матери: 1) Дѣйствіе происходитъ въ загробномъ мірѣ; дѣйствующія лица—грѣшная мать и ея добродѣтельный сынъ. 2) Сыномъ въ большинствѣ варіантовъ оказывается св. Петръ. 3) Постоянно упоминается только одинъ грѣхъ—скупость, на которомъ и построено содержаніе легенды. Перечисленіе остальныхъ грѣховъ—не существенная часть легенды. 4) Попытка сына вывести мать изъ ада не удается. 5) Средство спасенія—какой-нибудь самый незначительный предметъ, поданный матерью нищему, напр. головка лука, листикъ порея. *Н. Т.*

Н. Ө. Сумцовъ. Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ-волшебницѣ. (Изъ XIII—XIV кн. «Этнографическаго Обозрѣнія»). М. 1892.

Признавая сказочную демонологическую основу былинъ о Добрынѣ и Маринѣ, только не средневѣковую, какъ предположилъ Халанскій, а греческую, проф. Сумцовъ отыскиваетъ эту основу. По мнѣнію автора былины о Добрынѣ и Маринѣ представляютъ сѣверно-русскую передѣлку сказки о женѣ волшебницѣ. Кромѣ русскихъ варіантовъ этой сказки проф. Сумцовъ приводитъ еще цѣлый рядъ инородныхъ варіантовъ (польскій хорутанскій, кабардинскій, осетинскій, чеченскій, вотяцкій, монгольскій). Мотивъ о женѣ-волшебницѣ мы находимъ еще въ глубокой древности, въ греческихъ сказкахъ о волшебницѣ Цирцеѣ. Далѣе онъ встрѣчается у Гомера, Овидія, Лукіана, Апулея и наконецъ достигаетъ разными путями до славянъ, вотяковъ и монголовъ.— Основнымъ эпизодомъ былинъ о Добрынѣ и Маринѣ надо считать превращеніе Добрыни въ тура, иногда въ собаку или сороку; всѣ остальныя подробности не существенны.

Туръ можетъ до нѣкоторой степени служить указаніемъ времени, когда сказка о женѣ-волшебницѣ превратилась въ былину. Проф. Сумцовъ полагаетъ, что это произошло «въ очень давнее время, когда туръ былъ на Руси еще обыкновеннымъ животнымъ, въ эпоху расцвѣта былеваго творчества». Авторъ допускаетъ и другія объясненія сходства древнихъ и новыхъ сказаній о женѣ-волшебницѣ: сказанія эти могли быть вынесены изъ прародины отдѣльными отраслями индо-европейскаго племени и

затѣмъ были разработаны самостоятельно; или же надо допустить значительное вліяніе древнихъ кавказскихъ сказаній на греческую словесность на югѣ и славянскую на сѣверѣ. *Н. Т.*

Е. О. Карскій. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библіографическій очеркъ. Вильна 1893.

Брошюра эта можетъ служить дополненіемъ къ вышедшему недавно изслѣдованію проф. Карскаго «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи». Въ началѣ послѣ указанія типичныхъ чертъ, свойственныхъ всему русскому языку, находимъ перечисленіе особенностей западно-русскаго нарѣчія. Далѣе авторъ говоритъ о судьбахъ этого нарѣчія, бывшаго въ Литовскомъ государствѣ съ одной стороны языкомъ государственнымъ (до 1696 г.), а съ другой стороны разговорной рѣчью высшаго общества. Съ появленіемъ въ рядахъ высшаго общества польской шляхты западно-русское нарѣчіе начало наполняться элементами польской рѣчи, а затѣмъ и вовсе вытѣсняться польскимъ языкомъ, что вызывало скорбь патріотовъ. Но оно продолжало жить въ среднемъ и низшемъ классахъ, которые вносили въ него элементы народной рѣчи. Сохраненію западно-русскаго нарѣчія способствовало еще то обстоятельство, что вслѣдствіе зарожденія въ Литвѣ разныхъ религіозныхъ сектъ появлялись на народномъ языкѣ переводы книгъ священнаго писанія и богослужебныхъ, а также разныя догматическія сочиненія. Позже западно-русскій литературный языкъ дѣлается слишкомъ искусственнымъ и не имѣетъ въ себѣ силъ противостоять благозвучному московскому языку.

Затѣмъ авторъ даетъ намъ библіографическій обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для знакомства со старымъ западно-русскимъ нарѣчіемъ. Здѣсь передъ нами списокъ главныхъ изданій актовъ и граматъ; далѣе перечисляются рукописи и старопечатныя книги до конца XVII в. (изъ болѣе позднихъ упоминаются только важнѣйшія по языку); наконецъ указываются изслѣдованія о бѣлорусскомъ нарѣчіи и сборники, заключающіе въ себѣ произведенія бѣлорусскаго народнаго творчества. *Н. Т.*

Н. Ѳ. Сумцовъ. Современная малорусская этнографія. Часть 1-я (Съ портретомъ А. А. Потебни). Кіевъ 1893.

Книга проф. Сумцова представляетъ отдѣльный оттискъ статей, помѣщенныхъ въ «Кіевской Старинѣ». Статьи эти вызваны были появленіемъ III тома «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, гдѣ новѣйшая малорусская этнографія разработана слабо съ пропусками, пополнить которые и желаетъ проф. Сумцовъ. Предѣлы своего обзора авторъ ограничиваетъ временемъ около 12 лѣтъ, начиная съ 1880 г. Въ вышедшемъ выпускѣ находимъ болѣе или менѣе подробные очерки дѣятельности А. А. Потебни, какъ этнографъ мѣстнаго харьковскаго изслѣдователя П. В. Иванова, И. И Манжуры, Я. П. Новицкаго, Д. И. Эварницкаго, М. А. Андріевскаго, галицкаго этнографа Франца Ржегоржа. Статья о каждомъ изъ нихъ заключаетъ въ себѣ краткія біографическія свѣдѣнія, обзоръ трудовъ, причемъ указываются однородные труды другихъ авторовъ, и наконецъ краткую общую оцѣнку. Книга проф. Сумцова является несомнѣнно полезнымъ пособіемъ для лицъ, интересующихся и занимающихся этнографіей, но нельзя не упрекнуть автора за ту небрежность, которой отличается изложеніе. *Н. Т.*

Les Cris de Londres au XVII siècle, illustrés de 62 gravures. Préface, notes et bibliographie des principaux ouvrages sur les cris de Paris par *A. Certeux.* Paris. 1893. Chamuel, éditeur, 29, rue de Trévise. 183 стр.

Выше озаглавленная книга неизвѣстнаго англійскаго автора, изданная на англійскомъ и французскомъ языкахъ извѣстнымъ французскимъ фольклористомъ А. Серте, была принята заграничными традиціонистами съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что

она является какъ-бы дополненіемъ къ изданнымъ въ 1887 году Викторомъ Фурнелемъ «Les Cris de Paris». Каждый кликъ сопровождается анонимнымъ авторомъ эпиграммою и гравюрою. Первый кликъ относится къ точильщику ножей, бритвъ ножницъ, типу весьма извѣстному и у насъ въ Петербургѣ.

Diddle, diddle, diddle Dumpling, O! hot, hot—вотъ для хорошихъ ребятъ! Кажется, награда одинаковая во всѣхъ странахъ для молодежи. Шустраго еврея, конечно, не обойти—тамъ, какъ у насъ, онъ цѣнитъ торговлю старымъ платьемъ и разнымъ тряпьемъ: Old Clothes to sell? Any shoes, hats or old clothes? И въ Парижѣ, говоритъ г. Серте, евреи очень цѣнятъ это занятіе: marrrchand d'habits, galons, vieux chapeaux à vendre? Voilà l'marrrchand d'habits!... chand d'habits! Анонимный англійскій авторъ этого «торговца платьями» называетъ «a dirty son of Israel's race», который беретъ наживы «at least for cent per cent».

Есть и люди, занимающіеся спеціально починкой раздувальныхъ мѣховъ; они слишкомъ любятъ пиво; въ эпиграммѣ ему предсказывается чахотка, уничтожающая легкіе, эти настоящіе «life's bellows».

Относительно продавца древеснаго угля говорится весьма справедливо, что деньги проходятъ одинаково черезъ чистыя и черезъ грязныя руки.

Продавецъ устрицъ отвѣчаетъ за ихъ доброкачественность въ тѣ мѣсяцы, которые имѣютъ букву «R»; въ другіе-же мѣсяца онъ «suppose they are naughty». По сообщенію г. А. Серте во Франціи также думаютъ, что отъ мая до августа устрицы не хороши.

Этимъ ограничимся. Замѣтимъ только, что въ общемъ эпиграммы къ «Les Cris de Londres» намъ говорятъ, что лондонскій уличный продавецъ любитъ чрезмѣрно выпить—это почти самая главная ихъ черта.

Парижскіе клики, говоритъ г. Серте, вслѣдствіе стѣснительныхъ полицейскихъ правилъ для marchands des quatre saisons, начинаютъ исчезать, о чемъ жалѣютъ всѣ желающіе сохранить Парижу его прежнюю веселую и разнообразную физіономію.

Весьма интересно также, что говоритъ г. Серте о впечатлѣніи парижскихъ «Cris» на нѣкоторыхъ извѣстныхъ композиторовъ. Оказывается, что Галеви воспользовался для четырехъ первыхъ тактовъ своей большой аріи «Quand paraitra la belle aurore» извѣстнымъ всему Парижу кликомъ продавцовъ спаржи: «Bell' bott d'asperges». Клики de la Halle (парижской сѣнной) внушили Обэру большой хоръ «La muette» и Мейерберъ, по мнѣнію Виктора Фурнеля, безъ сомнѣнія не одинъ разъ прислушивался къ разнообразному шуму оглушительныхъ криковъ парижскихъ уличныхъ продавцовъ.

Въ Парижѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ изслѣдуется и записывается городской фольклоръ извѣстными французскими традиціонистами Полемъ Себильо, А. Серте и Ж. Тьерсо. Записываютъ они по кварталамъ не только клики, но вообще всѣ ими замѣченныя подробности, что̀ должно дать живую картину парижской уличной жизни.

Г. А. Виссендорфъ.

И. Созоновичъ. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи европейской и русской. Варшава, 1893 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ блестящій очеркъ Психари «La ballade de Lénore en Grèce» (въ Rev. de l'hist des Religions 1884), вызванный статьею Вольнера—«Der Lenorenstoff in der slavischen Volkspoesie» (въ Архивѣ Ягича, 1882) привлекъ общее вниманіе интересующихся народною словесностью къ загадочной исторіи фантастическаго сюжета, который Бюргеръ увѣковѣчилъ въ своей балладѣ, дважды вдохновившей Жуковскаго («Людмила» въ 1808 г., «Ленора», въ 1829 г.). На статью Психари откликнулись — г. Политисъ и у насъ—пр. А. Н. Веселовскій и Деступисъ (см. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1885 и 1886 гг.). За симъ появилось еще нѣ-

сколько небольшихъ статей о томъ же предметѣ, въ числѣ ихъ и брошюра г. Сазоновича («Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ», 1890 г.), который въ настоящее время издалъ цѣлую книгу подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Принимаясь за свободное изложеніе исторіи различныхъ обработокъ даннаго сюжета у разныхъ народовъ, авторъ предпослалъ своему труду весьма обстоятельный очеркъ «литературы о Ленорѣ и сходныхъ съ нею сюжетахъ» (стр. 9—17), затѣмъ подтвердилъ рядомъ примѣровъ древность и общность вѣрованій въ возможность возвращенія мертвыхъ, отмѣчая, что эта «вѣра, еще до сихъ поръ распространенная въ народѣ почти повсемѣстно въ Европѣ и выражающаяся въ разныхъ обычаяхъ, смыслъ которыхъ иной разъ непонятенъ уже и самому народу» (стр. 18). Между прочимъ авторъ предполагаетъ отголосокъ такихъ вѣрованій и въ великорусскихъ причитаніяхъ. «Возвращеніе на землю мертвеца, говоритъ онъ (стр. 62), служитъ темою не только сказки или пѣсни, но также и причитанія, выливающагося непосредственно изъ сердца, пораженнаго тяжкою утратой. Въ нихъ отражается сердечное отношеніе къ умершимъ, сказывается искреннее желаніе видѣть возвратъ ихъ и до извѣстной степени проскальзываетъ надежда на возможность этого». Возможность возвращенія умершихъ дѣйствительно указана въ причитаніяхъ, цитуемыхъ г. С—вичемъ, по сборнику Барсова I. 103), вопреки заявленію:

Видно, вѣкъ тое въ свѣтѣ не сбываусл
Што мертвый съ могилы возвращауся,

но подсказана она вѣрою въ оборотней, что нужно было отмѣтить. (Хоть къ крылечку приди *добрымъ молодцемъ*, хоть незнамой *калекой перехожей*, хоть *купцомъ* приди московскимъ, *не убоюсь*—выду»: въ другомъ вар.: «хотя съ чиста поля явись *яснымъ соколомъ*, со темныхъ лѣсовъ явись *сизымъ голубемъ*, хоть съ глубокихъ озеръ *сѣрой утушкой*). Вѣра въ оборотничество, какъ отголосокъ древне-языческихъ воззрѣній, должна была подвергаться осужденію, вслѣдствіе чего, быть можетъ, въ причитаніе вставлены были вышеприведенные вирши, которыя мы во всякомъ случаѣ склонны признать позднѣйшей интерполяціей, подъ вліяніемъ ученія церкви, а не выраженіемъ «разочарованія, навѣяннаго безутѣшною тоской», не выраженіемъ «позднѣйшаго скептицизма» (64). Едвали не слишкомъ категорично заявленіе автора, что вѣра въ общеніе между мертвыми и живыми лежитъ въ основѣ самихъ причитаній, разсчитанныхъ на то, что мертвый и въ могилѣ услышитъ призывъ оставшихся родныхъ и отзовется на него, могла вызвать эту вѣру.

Во всякомъ случаѣ слѣдующая глава книги г. С—вича, въ которой разсматриваются повѣрія о томъ, что «слезы и неутѣшная скорбь тревожатъ покой мертвыхъ» (67—85) указываетъ на рядъ воззрѣній, которыя должны были бы парализовать развитіе причитаній, являясь ихъ осужденіемъ. Эта двойственность—характерный признакъ двухъ различныхъ міросозерцаній, а слѣдовательно и двухъ разныхъ лит. теченій, на который авторъ не обратилъ достаточнаго вниманія. «Плачи и причитанія, говоритъ онъ, несомнѣнно восходятъ къ глубокой древности, но потребность плача, вытекающая изъ чувства любви и нравственной привязанности (слѣдовательно—не только въ силу вѣры, что мертвые и въ могилѣ услышатъ призывъ, какъ авторомъ было в. предположено) встрѣчается съ народнымъ вѣрованіемъ, идущимъ также изъ незапамятныхъ временъ, по которому мертвыхъ не слѣдуетъ оплакивать. Такое воззрѣніе существовало у славянъ, воспоминаніе о немъ сохранилось еще и до-нынѣ у малороссовъ и т. д. (72). Для доказательства «незапамятности времени» этого воззрѣнія, противорѣчащаго первому, приведены ссылки на древне-персидскія, древне-греческія, древне-индійскія религіозныя представленія и нѣкоторыя указанія классическихъ авторовъ на повѣрія о безсмертіи души у варварскихъ народовъ. Древность даннаго представленія не подлежитъ сомнѣнію, но распространеніе его въ средѣ ново-европейскихъ народностей представляется, быть можетъ, явленіемъ позднѣйшимъ, результатомъ литературнаго общенія востока и запада. Ссылки автора на «Миѳологію» Я. Гримма и на извѣстный трудъ А. Котляревскаго—«Погребальные обычаи у славянъ» не доказательны,

ибо за послѣднее время по данному вопросу собрано не мало новыхъ фактовъ, которые, правда, не рѣшаютъ вопроса, но представляютъ его въ иномъ освѣщеніи.

Послѣ этихъ двухъ вводныхъ главъ, въ которыхъ собраны свѣдѣнія объ условіяхъ, содѣйствующихъ распространенію сюжета «Леноры» въ народномъ преданіи, изъ котораго и Бюргеръ его заимствовалъ, авторъ обращается къ разсмотрѣнію: 1) пѣсенъ и сказокъ о женихѣ-мертвецѣ и 2) пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ.

Вопреки мнѣнію предшествовавшихъ изслѣдователей, авторъ отрицаетъ всякую связь между первою и второю группами сказаній, которыя, по заявленію г. Сазоновича, «не связаны между собою ни внѣшними, ни внутренними узами генетической зависимости (стр. VI предисл. и дал.

Первую группу сказаній (о женихѣ-мертвецѣ) авторъ возводитъ къ «ея классическому первоисточнику, къ разсказу о Протезилаѣ и Лаодоміи, который путемъ сложной литературной переработки проникъ въ средневѣковую западно-европейскую литературу, спустился изъ нея затѣмъ въ народную среду, гдѣ, опростившись и до извѣстной степени одичавъ, сохранился до нашихъ дней въ устной передачѣ».

Вторую группу сказаній (о братѣ-мертвецѣ) авторъ признаетъ «самостоятельнымъ и при томъ болѣе позднимъ проявленіемъ поэтическаго творчества, воспроизведшаго въ художественныхъ формахъ описаніе какого-то гибельнаго бѣдствія, поразившаго народное воображеніе». Единственное связующее звено между первой и второй группой произведеній является, по мнѣнію автора, лишь общность воззрѣнія на мертвыхъ, допускающаго возможность возврата послѣднихъ на землю (VI). Таковы общіе выводы автора, который съ фактической стороны, прибавилъ къ матеріалу собранному его предшественниками, нѣсколько версій русской сказки о женихѣ-мертвецѣ, записанныхъ со словъ солдатъ г. Мошковымъ и уже раньше изданныхъ авторомъ въ Русск. Фил. Вѣстн. 1890 и 1892 гг. (см. стр. 2 5 прим.). Выводы свои авторъ считаетъ лишь «наиболѣе вѣроятными», дѣлая при этомъ оговорку, что доказать ихъ съ наглядной несомнѣнностью... въ данномъ случаѣ невозможно по характеру самого матеріала, составляющаго содержаніе народной авторомъ поэзіи». Оговорка эта, къ сожалѣнію, вполнѣ умѣстна, хотя и звучитъ печальнымъ аккордомъ финала на послѣдней страницѣ книги (233), въ началѣ которой авторъ заявилъ, что, издавая настоящее изслѣдованіе, онъ осуществляетъ намѣреніе, задуманное имъ семь лѣтъ тому назадъ (пред. стр. 1). Не разбирая по существу аргументовъ автора, ограничимся замѣчаніемъ, что первый выводъ его основывается на гипотезѣ Бугге объ отголоскахъ классическихъ преданій въ скандинавскомъ сборникѣ пѣсенъ, обыкновенно именуемомъ «стихотворной Эддой» (г. С—вичъ напрасно повторяетъ ошибочный переводъ слова Эдды—«прабабушка» (92) и могъ бы знать, что этотъ терминъ приданъ сборнику лишь въ XVII вѣкѣ), въ частности—о воздѣйствіи греческаго миѳа, о Протезилаѣ и Лаодаміи на пѣсни о Гельги и Сигрунѣ. Къ этой гипотезѣ г. С—вичъ присоединяетъ другую, что скандинавская сага послужила источникомъ предполагаемой нѣмецкой пѣсни, которая «возникла въ средѣ нѣмецкихъ миннезингеровъ; подъ ихъ воздѣйствіемъ данное произведеніе отлилось въ извѣстную литературную форму, при этомъ стихотворную, а затѣмъ уже, опустившись въ чисто народную среду, разложилось въ сказку и т. д. (118). Авторъ пытается «реконструировать» эту предполагаемую старонѣмецкую пѣсню, которая стоитъ съ одной стороны между скандинавскою сагою, ея отраженіями въ балладахъ: шведской, датской, англійской и въ сказкѣ цыганской, а съ другой между—позднѣйшими пересказами этой пѣсни, отъ которой остался лишь стихотворный діалогъ (123).

Славяне (и по всей-де вѣроятности западные) заимствовали у нѣмцевъ первоначальный разсказъ, но осложнили его прибавленіемъ страшнаго конца.

Вообще, авторъ, какъ указано, считаетъ нѣмецкіе (и голландскіе) варіанты даннаго мотива «ядромъ, отъ котораго пошли съ одной стороны западные, съ другой восточные варіанты (109)». Построеніе это представляется намъ слишкомъ гипотетичнымъ и, не оспаривая возможности воздѣйствія классическаго преданія на сложеніе даннаго сюжета въ ново-европейскомъ народномъ преданіи, мы затрудняемся признать вмѣстѣ съ авторомъ пѣснь Эдды и ея предполагаемую передѣлку нѣмецкими миннезин-

герами (?) исключительнымъ источникомъ романскихъ, кельтскихъ и славянскихъ версій и варіантовъ.

Затрудняемся признать и второй выводъ автора, ибо объясненіе, что въ Сербіи(ибо въ ней авторъ признаетъ первоначальную родину пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ) случилась когда-нибудь» чума или опустошительная моровая язва, похитившая у матери всѣхъ ея сыновей..., что народное воображеніе, пораженное величіемъ бѣдствія, сгруппировало отдѣльные моменты такого несчастія въ одну общую картину... создало поэтическое произведеніе, исполненное художественной красоты и т. д. и т. д.». Такія фразы врядъ ли кого убѣдятъ. Обратный переходъ сюжета отъ славянъ къ грекамъ конечно возможенъ (замѣчаніе автора о κουκουβάγια= кухавица остроумно, стр. 221), но вѣроятная связь пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ, съ преданіями о женихѣ-мертвецѣ нисколько не опровергнута авторомъ, который ограничивается голословнымъ отрицаніемъ ея. Во всякомъ случаѣ его—объясненіе, какъ сюжетъ могъ возникнуть самостоятельно, столь же гипотетично, какъ и мнѣніе другихъ изслѣдователей, настаивающихъ на общности темы. Г. С—вичъ справедливо замѣчаетъ, что вопросъ можетъ получить окончательное рѣшеніе только въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть дѣло съ литературными произведеніями, закрѣпленными письмомъ. Быть-можетъ, со временемъ такіе памятники, освѣщающіе исторію даннаго сюжета, и найдутся въ средневѣковой письменности, въ которую авторъ какъ то неохотно заглядываетъ, а до тѣхъ поръ вопросъ все-таки приходится считать открытымъ. *Пр. Д*

Списокъ печатныхъ трудовъ Довконта.

Матеріалы для біографіи Довконта.

Довконтъ Симеонъ Георгіевичъ коллежскій ассесоръ, магистръ философскихъ наукъ родился 28 октября 1793 года, умеръ 24 ноября 1864 г. въ Попелянахъ. Симеонъ Георгіевичъ происходилъ отъ дворянъ, родился въ Кальвяхъ, прежде въ Шкудскомъ, теперь въ Ленкимскомъ приходѣ Тельшевскаго уѣзда. Первоначальное образованіе получилъ въ Кальварійскомъ шестиклассномъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ Виленскомъ университетѣ, и окончилъ курсъ наукъ со званіемъ кандидата. Въ Дерптскомъ университетѣ признанъ магистромъ философскихъ наукъ. Точныхъ свѣдѣній пока не имѣемъ, когда поступилъ въ университетъ и когда окончилъ курсъ наукъ; но извѣстно, что въ 1820 г. Довконтъ со своимъ товарищемъ Ясюкевичемъ вмѣстѣ получили денежную награду сто рублей, какъ лучшіе ученики университета, и это вѣроятно при выпускѣ (Dzienn. Wileń. 1820. II str. 477). Извѣстно, что Довконтъ путешествовалъ, былъ въ Германіи, Англіи и д., но не извѣстно въ точности, въ которомъ году или сколько лѣтъ путешествовалъ. Въ 1825 г. поступилъ на службу переводчикомъ при канцеляріи Рижскаго Генералъ-губернатора, а съ 31 декабря 1831 г. числился на государственной службѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ въ 1-мъ Отдѣленіи 3-го Департамента помощникомъ метриканта (при Литовской метрикѣ), и эту должность исполнялъ до 1851 г. Послѣ 1851 г. не находимъ Довконта въ сенатскомъ адрескалендарѣ; слѣдовательно, оставивъ государственную службу, переселился на родину, чтобы посвятить остальные годы жизни народной литературной дѣятельности. И дѣйствительно, по совѣту епископа Волончевскаго, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Ворняхъ, но когда ихъ мнѣнія стали расходиться, то Довконтъ оставилъ Ворни, а впослѣдствіи поселился у своего друга кс. Войшвиллы въ Попелянахъ Шавельскаго уѣзда, гдѣ и умеръ.

Не стану разсказывать подробностей о жизни С. Г. Довконта, такъ какъ Э. А. Вольтеръ далъ обстоятельную біографію его въ Mitteilaft Lit. Lit. Gesellschungen III p. 260 и энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, г. Довойна Сильвестровичъ въ латышск. энциклоп. словарѣ „Konwezsaries Wahrdnize“ и Шлюпасъ въ соч. „Lietuviszkieji rasztai ir rasztinikai“ Литовская письменность и писатели; но постараюсь сообщить библіографическія свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ Довконта, какіе намъ извѣстны до сихъ поръ.

Первымъ сочиненіемъ Довконта на литовскомъ языкѣ считается: Prasma łotinu kałbos parasze K. W. Myle. Понятія латинскаго языка съ псевдонимомъ Мюле. СПБ. 1837 г. 8⁰. Въ краткомъ предисловіи къ этому учебнику говоритъ: всякому образованному человѣку необходимо знать латинскій языкъ, особенно людямъ занимающимся какою либо наукою, также и священникамъ.

2) Abecieła Lietuwin Kalnienu ir Žiamajtiu kalbos torinti sawiep. Małdas, tikibos istatimus, dorybes pamokslus, mistrantura, pasakas, patarles, senosès ir nanioses Gudu rodbalses... Petropil. 1842. Азбука Литовцевъ верхнихъ и нижнихъ или языка жамайтовъ, заключающая въ себѣ: Молитвы, основы вѣры, нравственныя поученія, сказки, пословицы, русскую и церковнославянскую азбуку и т. д. Эта книжка замѣчательна тѣмъ, что въ предисловіи къ азбукѣ на 6 страницахъ учитъ какъ произносить буквы или звуки, и тѣмъ, что помѣщена русская и церковнославянская азбука съ молитвами и нравоученіями на русскомъ языкѣ. Довконтъ желалъ, чтобы литовскія дѣти учились русской азбукѣ и русскому языку.

3) Buda senowes Lêtuwin-Kalnienu ir Žamajtiu iszrasze pagal senowes rasztu Iokubas Laukys Petropile 1845. 8⁰. Бытъ древнихъ литовцевъ верхнихъ и жамайтовъ или нижнихъ литовцевъ описалъ по древнимъ сочиненіямъ Яковъ Лаукисъ, псевдонимъ Довконта. СПБ. 1845. 8⁰. 9, 14, 252 и 4 стр... Это сочиненіе напечатано вторымъ изданіемъ въ Америкѣ редакціею литовской газеты „Vienybe Lietuviniku" въ 1892 г.

4) Dajnos Žamajtiu pagal žodiu dajniniků iszraszytos. Pirmas pedelis. Petropileje 1846. 8⁰ Дайны или пѣсни Жамайтовъ со словъ пѣсенниковъ списаны. Выпускъ первый. СПБ. 1846 г. 8⁰. Съ посвященіемъ графинѣ Шукшта урожденной гр. Гадонъ.

5) Giwatas didiuju karwediu senowês surasze lotiniszkai Kornelis Nepos Iszgulde isz łotiniszkos į lietuwiszka kałba del jaunumenes naudos (Dawkontas), o apskelbe Ksaweras Konopackis. Pet·op. 1846. 8⁰ 12⁰ 12 и 250 стр. Жизнеописанія древнихъ великихъ полководцевъ написалъ по латини Корнелій Непотъ. Съ латинскаго на литовскій языкъ перевелъ Довконтъ издалъ Ксаверій Конопацкій. СПБ. 1846. 12⁰.

6) Pasakos Phedro iszgulde isz łotiniuszkos kałbos i žamaitiszka Motiejus Szauklis o apokelbe Ksaweras Konopackis, Petropile. 1846 8⁰ 60. Басни Федра перевелъ съ латинскаго на жамойтскій языкъ Матвѣй Шауклисъ, издалъ Ксаверій Конопацкій. СПБ. 1846. 8⁰ 60 стр. Шауклисъ тоже псевдонимъ Довконта.

7) Parodimas kaip apinius auginti pagal naujuju pritirimu, kurius apskelbe teutoniszkaj B. A. Grunards, o iszgulde i Žemajtiu kalba Jonas Ragaunis. Petropilei 1847. 8⁰. Наставленіе, какъ разводить хмѣль по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, которыя опубликовалъ по нѣмецки Б. А. Грунардъ, а перевелъ на жамойтскій языкъ Иванъ Рагаунисъ. Въ концѣ брошюры напечатано нѣсколько литовскихъ пословицъ. Эта брошура имѣется у Э. А. Вольтера.

8) Pamokimas ape auginima taboka, kuri iszrasze gudiszkai D. Strukow, o i Ziamaitu kalba iszgulde Jonas Girdenis. Petropil. 1847. 8⁰. Поученіе о разведеніи табаку, которое сочинилъ Д. Струковъ, а на жамойтскій языкъ перевелъ Иванъ Гирденисъ, псевд. Довконта, имѣется у Э. А. Вольтера.

9) Naudinga bitiu kngele, tey yra ajszkus pamokimas, kaip par iszmintinga bittiu kawojima gal daug naudos nusipelnyti wissims bitteles mylintims ant gêro paraszyta par G. D. Settegast. Petropilei 1848. 12⁰ у Э. А. Вольтера. Полезная книжка о пчелахъ, т. е. ясное поученіе какъ посредствомъ разумнаго пчеловодства возможно много имѣть пользы, для всѣхъ любящихъ пчелъ составилъ Г. Д. Зетегастъ. СПБ. 1848. 8⁰ 108 стр. Кажется, что эта книжка не есть переводъ Довконта на литовскій языкъ; но онъ вѣроятно исправилъ старый переводъ, не извѣстно кѣмъ изданный въ Кенигсбергѣ въ 1801 году для Прусскихъ литовцевъ, и переиздалъ въ Петербургѣ въ 1848 г. Потому и числится въ спискѣ его изданій.

10) Pamoksłas ape sodnus arba dajginus wajsingu mediu iszraszyta nu Ioan Herman Zigra iszgulde isz teutonu kalbos i Zamajtiů Antons Zejmys, Apskelbe Ksaweras Konopackis. Petropilie. 1849. 8⁰. Поученіе о садахъ или о питомникахъ пло-

довыхъ деревьевъ соч. Іоган. Герм. Цигра, перевелъ съ нѣмецкаго на жамойтскій языкъ Антонъ Жейиисъ, изд. Ксаверій Конопатскій.

11) Pamokima kaip rinkti medines siekłas pargulde isz Gudu kalbos i Žemaitiu kałba Jonas Purvys Petropilie. 1849. 8°. Поученіе какъ собирать лѣсныя сѣмена, перевелъ съ русскаго на жамойтскій языкъ Иванъ Пурвисъ, псевдонимъ Довконта.

12) Ugnies knigele arba trumpa pamokima kas žmonems wertajtai daryti pułos pirm ugnes Iszrasze I. Wangys ir apskelbe m. 1802 o dabar antra atwcji apskelbe Antanas Wajnejkis. Petropilie. 1849 .8° 78 стр. Книжка огня или краткое наставленіе, какъ слѣдуетъ поступать, пока нѣтъ пожара или чтобы не случился пожаръ. Соч. И. Вангисъ и изд. въ 1802 г. а теперь второй разъ изд. Антонъ Вайнейкисъ. СПБ. 1894. 8°. Въ предисловіи этой книжки говоритъ Довконтъ такъ: „нашелъ полезную книжку изданную Прусскимъ Правительствомъ для народа въ 1802 (въ Кенигсбергѣ), которую исправивъ по выговору или нарѣчію моей родины издаю вторымъ изданіемъ и желаю, чтобы воспользовались этими наставленіями"... Слѣдовательно Довконтъ здѣсь какъ переиздатель и исправитель уже изданной книжки въ Пруссіи въ 1802 г.

13) Sejamoses paszaro-žoles apraszia ant naudos Žiamajtiu ukinyku Jonas Warnas. Wilniny. 1854. Посѣвныя кормовыя травы описалъ для пользы жамойскихъ хозяевъ Иванъ Варнасъ, Вильно 1854. 12° 23. Объ этой брошюрѣ Довконтъ въ своемъ спискѣ изданій записалъ своею рукою въ 1857 г. 1 апрѣля такую замѣтку: «O sianiu lak, tylko Zawadzki poszpecil, bo bez rysunkow; więc nic nic znaczy» т. е. Завадскій испортилъ, ибо безъ рисунковъ, слѣдовательно ничего не стоитъ. Дѣйствительно въ оглавленіи экземпляра имѣющагося въ Имп. Публ. Биб., показаны таблицы рисунковъ, но ихъ нѣтъ при книжкѣ.

14) Epitome historiae sacrae a C. F. Lhomond in Universitate Parisiensi professore Emerito. 1838. 8° 62 и 7 стр. Два текста: латинскій и литовскій. Несомнѣнно что перевелъ на литовскій языкъ Довконтъ, такъ какъ въ спискѣ его изданій числится. Іорданъ въ библіографической замѣткѣ (N. Preuss. Prov. Blätt 1849 VIII p. 74) сообщаетъ 11 названій литовскихъ книгъ, изъ нихъ 10 Довконта изданій и одно соч. Волончевскаго «Wiskupiste» и говоритъ объ этой книжкѣ, что эта брошюра безъ заглавнаго листа, цензурный пропускъ данъ въ 1838 г., два текста латинскій и литовскій, со словарикомъ на 7 страницахъ. Въ Имп. Публичн. Библіотекѣ имѣется въ богословскомъ отдѣлѣ. Lhomond это извѣстный профессоръ латинскаго языка въ Парижѣ прошлаго столѣтія.

15) Lietuvos istorija nu seniausiu gadynin iki Lublino unijai. Paraszyta Simano Daukanto buvusiojo Vilniaus universiteto philosophios magistra. Plimuth Pa 1893. 8°. Исторія Литвы съ древнѣйшихъ временъ до Люблинской уніи. Издано въ Плимутѣ 8° 1893 г. редакціею литовской газеты „Vienybe Liduvniku". Часть I—IV остальныя части печатаются.

16) Pasakojimai apie veikalus Lietuviu tautos senoveje, paraszyti per Simona Daukonta Philosophios magistra, 1850. metuose. 1. iszlaida. Iszleista per I. K. Kauniszki, Bitennai. 1893. 8°. Повѣствованія о дѣяніяхъ литовскаго народа въ древности написанныя С. Довконтомъ въ 1850 г. I выпускъ изд. И. К. Каунишскимъ. Битенахъ 1893, 8° 96 стр. рукопись состоитъ изъ 3-хъ т. въ листъ.

Всѣ эти сочиненія Довконта напечатаны латинскимъ шрифтомъ. Какъ извѣстно, Довконтъ возвратился на родину съ тѣмъ, чтобы успѣшнѣе было сочинять и издавать народныя книги, однако, какъ видно изъ приведеннаго списка его сочиненій и изданій что въ СПБургѣ съ 1837—1851 г. издалъ 13 книгъ, а живя на родинѣ съ 1851 г. по 1864 г. издалъ въ Вильнѣ одну маленькую книжку 12° 23 стр. не смотря на то, что, нѣкоторыя рукописи были приготовлены въ то время, когда онъ жилъ въ СПБургѣ.

Кромѣ печатанныхъ сочиненій С. Г. Довконта много осталось въ рукописяхъ.

1) Pasakojimas apei weikalus Lietuwiu tautos kuri trumpai apraszia Ionas Einars Metuse 1850. 288 листовъ или 576 стр. f. Повѣствованіе о дѣлахъ литовскаго народа въ древности, которое кратко описалъ Иванъ Ейнарсъ въ 1850 г. Надо полагать, что это другая рукопись или другой списокъ съ той рукописи, которая печатается Янкусомъ въ Битенахъ. См. № 16 печат. кн.

2) Palangos Petris. Палангенскій Петръ, повѣсть, подражаніе Кампе. Дозволено цензурою въ 1857 г. Довконтъ въ своемъ спискѣ соч. и изданій говоритъ: «z cenzury wyszło, tego roku będzie wydrukowany». Дозволенъ цензурою, въ этомъ году будетъ напечатанъ. Однако и теперь приходится какъ объ рукописи сообщать.

3) Rubinatio Peluzes giwenimos, iszgulditas isz Teutonu kalbos i žamaitiu pagal 12-to iszdawino Johs Henr. Campe. Жизнь Пелузіанскаго Робинзона. переводъ съ нѣмецкаго на жамойтскій языкъ по 12-му изданію Іог. Генр. Кампе. Эта рукопись незначится въ спискѣ соч. Довконта.

4) Pamokslas kaip gires kirsti, sieti ir dykti diel alwina ukiniko parasze Antanas Dagys 1854. Наставленіе какъ лѣса рубить, садить и сѣять для всякаго хозяина составилъ Антонъ Дагисъ. 43 листа f.

5) Instrukcia del gyrinikistes. Инструкція для лѣсоводства. 104 листа f.

6) Gaspadorius. Хозяинъ, переводъ съ польскаго, составленъ для небольшихъ хозяйствъ. Часть I Земледѣліе.—II Коневодство, скотоводство и скотолѣченіе.—III Садоводство, хмѣлеводство и пчеловодство.

7) Elementorius. Литовская азбука. Довконтъ въ своемъ спискѣ соч. 1857 г. говоритъ, что скоро поступитъ въ цензуру на разсмотрѣніе.

8) Польско-литовскій словарь, состоящій изъ 3-хъ томовъ A по Z 1020 листовъ f. около 72,632 словъ.

9) Lietuwiszkas žodynâs pagal žemoitszkos tarmes su paeiszkinimu nekuriu žodziu lotiniszkai. Литовскій словарь жамойтскаго нарѣчія съ поясненіями нѣкоторыхъ словъ по латинск. неполный отъ A до слова gwildus. f.

10) Paveikslai ant gromatu ir dokumentu raszymo. Aritmetika lietuviszkai. Образцы писемъ и дѣловыхъ бумагъ. Ариѳметика на литовск. языкѣ, полная рукопись. 44 листа f.

11) Lietuwiszki priežodžei. Литовскія пословицы. Довойни-Сильвестровичъ въ своей рукописи говоритъ, что къ этимъ пословицамъ приложена была книжка рукою Довконта писаная, изъ пословицъ составлена, но онъ, Довойна не видалъ такой книжки въ Кивиляхъ.

12) Dainos. Литовскія пѣсни 28 и 248 листовъ 4°.

13) Marguminai: lingwistika, mitologie istorie ir t. t. Разныя выписки по лингвистикѣ, миѳологіи, исторіи и т. д. на литовскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. 130 листовъ f.

14) Kaimines saugtes arba palicijos istatimas, del skarbo walstionu sauliedinese guberniose arba srietesi. Уставъ безопасности или полиціи для казенныхъ крестьянъ западныхъ губерній f.

15) Кое что изъ литовской миѳологіи, Довконта рукою писаная рукопись на польскомъ языкѣ. Заглавіе не точное. Довойна-Сильвестровичъ говоритъ, что эта рукопись находится у врача Роха Шлюпаса.

16) Historya Iustino. Исторія Іустина, переводъ съ латинскаго. 202 лист. f. Въ спискѣ соч. и изданій Довконта записана его же рукою слѣдующая замѣтка: „to już zdaie si zostanie, bo starzeje". Это кажется останется, ибо старѣетъ.

17) Pasakos Phedro iszgulde isz lotiniszkos kalbos i žamaitiszka Motejus Szauklis. Басни Федра переводъ съ латинскаго на жамойтскій языкъ. Рукопись неполная 26 листовъ f. Басни Федра напечатаны.

18) Buda senowes Lietuwiu ir Zemaicziu. Бытъ древнихъ Литовцевъ и Жамойтовъ 130 лист. f. Тоже напеч.

19) Maldos kataliku pagal Bažniezios s Rimo suraszytos Metuse 1842 Католическія молитвы по Римскому Обряду. 1842 f. Дозволено цензурою 11 Іюля 1847 г. въ Вильнѣ.

Ни чуть не имѣю желанія уменьшить труды и славу нашего маститаго литератора, однако осмѣливаюсь думать, не будутъ ли эти молитвы брата С. Г. Довконта, тоже Довконта монаха доминиканскаго сословія, тогда жившаго въ Кальварійскомъ монастырѣ. И вообще, не смѣю утверждать, что всѣ перечисленныя рукописи дѣйствительно принадлежатъ перу С. Г. Довконта. Для составленія моей записки о рукописяхъ Довконта, пользовался спи-

скомъ рукописей и другихъ матеріаловъ Довконта, составленнымъ М. Довойно-Сильвестровичемъ въ 1892 г. 24 октября въ Кевилахъ. И этотъ списокъ пожертвованъ Литовско-Жмойтскому благотворительному Обществу въ СПБургѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что компетентная критика не оставитъ безъ вниманія, какъ печатные, такъ и рукописные труды Симеона Георгіевича Довконта: тогда и личность его выдѣлится болѣе яркими красками изъ среды современниковъ [1].

С. Балтромайтисъ.

П. Н. Буцинскій. Мангазея и Мангазейскій уѣздъ 1601—1645 гг. (Оттискъ изъ «Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета». Вып. I, 1893 г.).

Теперь даже имя Мангазеи мы не найдемъ на картахъ, и эта заглохшая часть обширной Сибири ничѣмъ не привлекаетъ къ себѣ вниманія. Но было время, когда здѣсь кипѣла жизнь, когда Мангазея представляла изъ себя золотое дно, гдѣ счастливый охотникъ за пушными звѣрями могъ быстро обогатиться. Въ 1623 г. нѣкто Иванъ Афанасьевъ «угонялъ» здѣсь двухъ черныхъ лисицъ: одну въ 30 рублей, а другую въ 80 рублей. По разсчету проф. Буцинскаго изъ этихъ денегъ Афанасьевъ могъ завести себѣ полное хозяйство (двадцать десятинъ земли, хорошую избу, пять лошадей, десять штукъ рогатаго скота, два десятка овецъ, нѣсколько десятковъ штукъ разной птицы), могъ купить, если имѣлъ на то право, въ Сибирѣ человѣкъ десять рабовъ, и сверхъ того у него оставалось еще въ запасѣ рублей тридцать. Названіе свое эта мѣстность получила отъ одного самоѣдскаго рода, который встрѣчается въ ясачныхъ книгахъ подъ именемъ *Мангазея*. О Мангазеѣ узнали сперва самоѣды, жившіе около устьевъ рѣки Печоры и Мезени, а за ними Новгородцы. Въ извѣстномъ сказаніи «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточней странѣ», которое проф. Анучинъ считаетъ новгородскимъ, и древнѣйшій списокъ котораго относится къ XV в., находимъ указаніе, что «на восточней странѣ за Югорскою землею надъ коремъ живутъ люди самоѣдь, зовомы Могонзѣи». Для точнаго опредѣленія, съ какого времени новгородцы стали проникать въ Мангазею, у насъ нѣтъ данныхъ, но при помощи разныхъ соображеній, основанныхъ главнымъ образомъ на извѣстной предпріимчивости новгородцевъ, проф. Буцинскій думаетъ, что русскіе люди очень рано узнали Мангазею и стали основывать тамъ городки. Что же касается московскаго правительства, то оно только въ концѣ XVI в. обратило вниманіе на Мангазею: въ 1598 г. царь Ѳедоръ Ивановичъ послалъ Ѳедора Дьякова для провѣдыванія этой страны. Вскорѣ же, въ 1600 г. была снаряжена экспедиція въ Мангазею для подчиненія туземцевъ и для основанія тамъ на рѣкѣ Тазѣ острога. Рядъ неудачъ преслѣдовалъ эту экспедицію: часть изъ судовъ была разбита бурей; провіантъ подмокъ или затонулъ; наконецъ на экспедицію было сдѣлано нападеніе туземцами, за спиной которыхъ стояли русскіе промышленные люди, боявшіеся, чтобы не наступилъ конецъ ихъ вольной торговлѣ въ Мангазеѣ. Наконецъ въ 1601 г. экспедиція добралась до мѣста назначенія и построила Тазовскій городокъ.

Постоянное населеніе города Мангазеи было незначительно (приблизительно до 75 человѣкъ). Это были духовные, подъячіе, толмачи, служилые люди и т. п. Но за то въ Мангазеѣ ежегодно проживало отъ 600 до 1000 торговыхъ и промышленныхъ людей, платившихъ за проживательство по 60 коп. какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Значительное количество изъ нихъ (0,9) были жители нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній. Уѣздъ Мангазейскій граничилъ съ уѣздами Березовскимъ, Сургутскимъ, Нарымскимъ, Кетскимъ, съ 1619 г. съ Енисейскимъ, а на востокъ территорія его простиралась до водораздѣла бассейновъ Енисея и Лены и до устьевъ послѣдней рѣки. Въ уѣздѣ этомъ московская власть распространялась очень быстро, и все большее количество инород-

---

[1]) Въ слѣд. книжкѣ Ж. Ст. будетъ помѣщенъ списокъ рукописей, оставшихся послѣ Довконта. Ред.

цевъ облагалось ясакомъ. Точная цифра ясачнаго инородческаго населенія неизвѣстна, такъ какъ «въ Мангазейскомъ уѣздѣ люди кочевные и не сидячіе, а живутъ, переходя съ мѣста на мѣсто и съ рѣки на рѣку». Изъ древнѣйшей сохранившейся мангазейской ясачной книги 1629 года, мы узнаемъ, что 520 самоѣдовъ принесли въ казну 1333 соболя; 251 остякъ принесли 1200 соболей; тунгусы, скрывавшіе свои имена и число людей въ родѣ, принесли 1690 соболей, т. е. всего было собрано почти 4500 соболей (по московской оцѣнкѣ почти на 5000 р.). Хотя мангазейскіе инородцы платили въ среднемъ по 3 соболя съ человѣка менѣе, чѣмъ инородцы въ другихъ уѣздахъ (вездѣ бралось minimum по 5 соболей, а гдѣ по 10, по 12), но въ общемъ сборъ мягкой рухляди, производившійся въ Мангазейскомъ уѣздѣ, былъ самый значительный изъ всѣхъ мѣстностей Сибири. Сверхъ того въ Мангазеѣ были еще другіе разнообразные доходы, которые можно раздѣлить на три разряда: городовые, чрезвычайные и десятинные. Доходы перваго разряда, денежные, всегда превышали расходы, такъ что оставалось нѣкоторое сбереженіе, постоянно возраставшее (отъ 1625 года— 369 руб., отъ 1626 г.—574 руб., отъ 1627 г. 1158 руб.). Особенно доходы увеличивались отъ налоговъ чрезвычайныхъ. Весьма доходною была продажа вина и меду, такъ что въ 1620 году московское правительство рѣшило запретить вольную торговлю виномъ и медомъ и открыло государевъ кабакъ, продавая вино по 15 руб. за ведро, а медъ за ставку 26 алтынъ и 4 деньги, причемъ въ уплату принималась и мягкая рухлядь. Торговые и промышленные люди могли покупать вино и медъ, только послѣ уплаты десятинной пошлины, инородцы послѣ уплаты ясака; служилымъ людямъ ни вина, ни меду продавать не разрѣшалось, чтобы они не пропились. Мангазея принадлежала къ числу «непашенныхъ» городовъ, и хлѣбные запасы привозились сюда изъ другихъ мѣстъ Сибири. Но суда съ хлѣбомъ часто погибали во время плаванія отъ бури, и тогда въ Мангазеѣ начинался голодъ. Поэтому московское правительство желало развить хлѣбопашество въ самомъ Мангазейскомъ уѣздѣ; въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича основана была слобода Дыбчасская, существующая и теперь (Дубенское) Два пути вели въ Мангазею. Съ одной стороны торговые и промышленные люди ѣздили на «кочахъ» (родъ судовъ) отъ Архангельска на Карскую губу и на волокъ въ Мангазею. Но существовалъ и другой путь, морской, годный для большихъ судовъ, шедшій изъ устьевъ Двины «Колуемъ, на Канинъ носъ, на Тресковую, на два острова, что у Верендеевскихъ мелей, на Мержевикъ, малыми рѣками и большимъ моремъ, на Югорскій шаръ, на Карскую губу и на Мутную и Зеленую рѣки». Изъ устьевъ же рѣки Зеленой мореплаватели входили въ Тазовскую губу и спускались въ рѣку Тазъ. Но какъ накъ на этотъ морской путь стали обращать вниманіе нѣмцы, то московское правительство изъ боязни, чтобы нѣмцы по слѣдамъ русскихъ моремъ не проникли въ Сибирскіе города, въ 1616 г. запретили и русскимъ поль оваться этой дорогой.

До постройки Тазовскаго острога русскіе и зыряне вели вольную торговлю съ инородцами, свободно торгуя всякимъ товаромъ и не платя ни за что пошлинъ. Уже грамота 1600 г. начинала стѣснять торговыхъ людей: было приказано брать съ нихъ при проходѣ рѣки Мезени десятинную пошлину, и запрещено было возить заповѣдные товары (оружіе, коней). Особенно ощутительны эти стѣсненія стали съ 1601 г. когда съ постройкой Тазовскаго острога явилась на морскомъ пути преграда, которую обойти было трудно. Еще труднѣе стало обойти государевы таможни съ тѣхъ поръ, какъ былъ закрытъ морской путь, а на волокѣ между рѣчками Мутной и Зеленой была поставлена стража изъ служилыхъ людей. Самая важная пошлина была десятинная. Особенно много получалось десятой соболиной пошлины съ промышленной и покупной всякой мягкой рухляди. Такъ въ 1626 г. взято на 14,062 руб. 30 коп., въ 1636 г. на 17,265 руб. 17 коп.; затѣмъ начинается пониженіе, и въ 1646 г. взято только на 5,113 руб. 90 коп. Въ Москвѣ эта рухлядь цѣнилась нѣсколько выше. Что касается всего товара, провозимаго черезъ мангазейскую таможню, то объ этомъ за нѣкоторые годы можно судить по количеству «поживотнаго» (чрезвычайнаго налога, налагаемаго не каждый годъ). Такъ съ 12 іюля по 1-е сентября 1635 г.

ввзята пошлина съ товара, оцѣненнаго въ 565,000 руб., въ 1629 г.—съ товара, оцѣненнаго въ 135,000 руб.

Къ концу царствованія Михаила Θеодоровича городъ Мангазея сталъ падать. Постепенно начали исчезать («опромышляться») пушные звѣри, главное богатство страны. Открываются новыя мѣста промысловъ—верховья Нижней и Средней Тунгусокъ, и промышленные люди перебираются поближе къ нимъ, въ Туруханское зимовье. Ѣздить отсюда въ Мангазею по разнымъ торговымъ формальностямъ было и трудно и не безопасно, такъ какъ теперь промыслы находились въ странѣ Тунгусовъ, часто нападавшихъ на проѣзжающихъ. Наконецъ, паденію города Мангазеи способствовали и случайныя обстоятельства: голодъ, бывшій въ 1641—1644 гг. по случаю гибели кочь съ хлѣбомъ; пожаръ 1643 г., истребившій почти весь городъ. Число промышленныхъ и торговыхъ людей, собирающихся въ это время въ Мангазею, уменьшается до 150 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ, какъ начали переводиться пушные звѣри, городъ Мангазея оказался не на мѣстѣ. Онъ могъ бы еще существовать, если бы былъ свободенъ морской путь, который былъ скорѣе и безопаснѣе установленнаго правительствомъ, т. е. Обью и Обскою и Тазовскою губами. Тогда торговые и промышленные люди не могли бы миновать городъ Мангазею.

Однако московское правительство сохраняло этотъ городъ до 1672 года, когда онъ былъ перенесенъ къ устью Турухана.

Н. Туниковъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Представленія кореляковъ о нечистой силѣ.

Вѣра въ нечистую силу или, по мѣстному названію, «Паhа, Паhалайнэ, кеhно и кару»—сильно развита въ кореляке. По его мнѣнію, все рѣшительно на свѣтѣ заселено «Паhа» и его служителями: они живутъ и въ озерахъ, рѣкахъ, болотахъ, лѣсахъ, домахъ, дворахъ, баняхъ, ригахъ, и кажется, нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бы не было ихъ. «Когда Богъ дѣлалъ («азуй», слова для обозначенія понятія «творить» у кореляковъ нѣтъ) землю», случилось мнѣ выслушать отъ одного кореляка такой разсказъ, то «паhалайнэ» всячески старался мѣшать Ему въ этомъ дѣлѣ: одно испортитъ, другое сломаетъ... Но Богу, наконецъ, не смотря на всѣ препятствія, удалось таки окончить, «дѣланіе» (азундэ) міра. Отдѣлалъ Онъ землю и вспомнилъ тогда всѣ продѣлки «паhалайнэ», и задумалъ прогнать его со свѣту... Иди, куда знаешь, говорилъ ему Богъ, только не живи на моемъ небѣ и на сдѣланной мною землѣ, выходи вонъ: я никогда не могу забыть всѣхъ твоихъ козней и простить ихъ тебѣ... Взмолился тогда «паhалайнэ», взвылъ дикимъ голосомъ, упалъ передъ Богомъ на колѣни и сталъ всякими ласковыми словами упрашивать Его, чтобы Тотъ позволилъ ему хоть гдѣ-нибудь «приткнуть голову» (піä сӱдäйтä).—«Куда же я пойду, говорилъ онъ Богу. Съ неба Ты гонишь меня, на землю жить не пускаешь, куда же больше идти? —Иди, куда знаешь, говорилъ непреклонный Богъ... Долго «паhалайнэ» упрашивалъ Бога, наконецъ, Тотъ не выдержалъ, смилостивился и согласился дать мѣсто, только въ самомъ ограниченномъ объемѣ;—«Даю тебѣ мѣста на землѣ столько, сколько займетъ конецъ кола».—Спасибо и на томъ, отвѣчалъ «паhалайнэ», и выбралъ изъ заповѣдныхъ лѣсовъ самый, что ни на есть, длиннѣйшій колъ, заострилъ его съ конца и забилъ въ рыхлую, болотистую почву. Весь колъ ушолъ въ землю, только небольшой кончикъ его остался надъ поверхностью».

— А перехитрилъ же ты меня, говоритъ Богъ «паhалайнэ»; я думалъ, что ты колъ просто поставишь на землю и отмѣряешь себѣ кусочекъ, какой займетъ конецъ его; а ты вотъ какъ это сдѣлалъ... Ну, да теперь ничего не подѣлаешь, слово далъ, отъ слова не отказываюсь.

Вытащилъ «паhалайнэ» колъ изъ земли, и пошла изъ дыры всякая нечисть въ образѣ мухъ, комаровъ, гадовъ, лягушекъ, пауковъ... и вся эта гадость разсыпалась по землѣ. Часть пошла въ воду—въ озера, рѣки и «ламбы» (небольшія лѣсныя озерки)—и явились водяники; другіе пошли въ лѣса—и произошли лѣсовики; иные пошли по домамъ, дворамъ, ригамъ и банямъ и явились домовые, дворовые, баянники, а часть—такъ таки и разсѣялась въ воздухѣ... И чтобы и было, если бы Богъ не затнулъ этой дыры горящей головней!? Вотъ съ тѣхъ поръ, заключилъ мой разсказчикъ свое повѣствованіе, и живетъ на землѣ нечистая сила».

Увѣренность кореляка въ повсемѣстности «паһа» такъ сильна, что рѣдкій изъ нихъ осмѣлится утромъ выйти изъ дому, не принявъ ранѣе нѣкоторыхъ средствъ, застраховывающихъ отъ дѣйствій этого нечистаго духа.

«Зачѣмъ ты, Пекко, спрашиваю я одного кореляка, который, какъ только утромъ всталъ, прежде всего полѣзъ къ корзинѣ съ мукой и взялъ пясть ея и съѣлъ,—зачѣмъ ты утромъ прежде всего муку ѣшь? Привычка что ли у тебя такая? —А какъ же безъ этого?.. возразилъ Пекко, какъ безъ «пюһäллядъ» («пюһäлле»—святое,—такъ кореляки называютъ все, приготовленное изъ муки) выйдешь на улицу? Какъ разъ, глядишь, «паһалайнэ» и напуститъ на тебя что-нибудь недоброе...

И дѣйствительно, часто таки «паһалайнэ» «напускаетъ» на суевѣрнаго кореляка. Большая часть болѣзней имъ объясняется дѣйствіями его нечистой силы. Заболѣетъ ли кто лихорадкой или сухоткой, наживетъ ли кто разстройство желудка, зубную боль или чесотку,—все это объясняется гнѣвомъ или иначе «носомъ» (нэнä) «паһалайнэ». Напьется ли кто воды изъ лѣснаго колодца, посидитъ ли на пнѣ срубленнаго дерева да притомъ подумаетъ что нибудь нехорошее, глядь—и нажилъ себѣ «носъ» нечистаго.

— Разъ пришлось мнѣ, разсказывалъ крестьянинъ села Вешкелицъ, Петрозаводскаго уѣзда, переходит ьчерезъ небольшой ручеекъ, который почему-то у насъ называется рѣкой-дёги. Перешелъ это я и со смѣхомъ подумалъ— зачѣмъ эту канаву—оя называють рѣкой-дёги. Какъ только подумалъ, сразу же почувствовалъ, что у меня въ брюхѣ что-то какъ-будто порвалось, и въ глазахъ потерялся свѣтъ. И съ того времени недѣли три не могъ ни ѣсть ни пить и болѣлъ такъ сильно, что не приведи Богъ ни самому лютому врагу болѣть такою болѣзнью. Ко всѣмъ колдунамъ обращалась жена; меня и въ банѣ парили, и обливали холодной водой въ самую полночь, били по плечамъ громовымъ камнемъ (камень, образующійся въ тѣхъ мѣстахъ земли, куда ударитъ грозой),— ничто не помогало. Тогда напослѣдокъ жена рѣшилась идти къ одному колдуну, который излѣчивалъ только отъ «носа». Взяла это она у меня крестъ съ шеи и понесла къ нему. Какъ только колдунъ посмотрѣлъ на крестъ, такъ таки прямо и говоритъ: у твоего мужа «носъ воды» (ведэнъ нэнä), т. е. хозяинъ воды сердится на него; пусть онъ припомнитъ, гдѣ оскорбилъ воду и по три ночи пусть ходитъ туда съ пирогами и умоляетъ ее, Приходитъ домой жена и разсказываетъ: у тебя молъ все это отъ воды, носъ воды. Сразу я тогда вспомнилъ свою опрометчивую насмѣшку надъ рѣкой и въ первую же полночь рѣшилъ идти къ ней—просить прощенія. Жена напекла сканцевъ съ кашей и «чупуковъ» (овсянные блины съ жидкой молочной кашей), и послѣ заката солнца мы съ ней отправились въ лѣсъ къ рѣкѣ. По три ночи ходилъ я туда съ пирогами, на колѣняхъ просилъ прощенія у хозяина рѣки... И что же думаете?... болѣзнь какъ рукой сняло, и до сихъ поръ, въ добрый часъ будь сказано, никакой хвори не знаю, словно молодымъ парнемъ снова сдѣлался, такую легкость въ себѣ чувствую... И такіе случаи въ Корелѣ не рѣдкость. Мнѣ самому разъ пришлось найти въ лѣсу ржаныя лепешки, бережно положенныя на сукъ дерева, — приношенія болящаго кореляка. Въ первый разъ меня это очень поразило,— спрашиваю: зачѣмъ эти ржаныя лепешки сюда принесены?—Да должно быть кто-нибудь изъ крещеныхъ (ристиканзъ) боленъ, такъ принесъ «пюһäллядъ»... спокойно отвѣтилъ мой спутникъ, которому, очевидно, не въ диковинку видѣть и знать объ этихъ суевѣрныхъ приношеніяхъ...

Обиліе рѣкъ и озеръ и густыхъ лѣсовъ—породило между кореляками массу сказаній, о проживающихъ здѣсь «паһа». Ихъ сколько разъ видѣли мѣстные крестьяне, разговаривали съ ними, смѣлые даже ощупывали ихъ... И всѣ эти розсказни передаются съ такимъ убѣжденеімъ въ истинѣ, сознаніемъ правоты, что слушателю нѣтъ возможности не вѣрить...

Видѣвшіе водяника разсказываютъ, что онъ представляетъ изъ себя безобразное существо, покрытое длинною черною или рыжею шерстью. Тѣло у него, какъ у старой женщины, съ длинными отвислыми грудями, а уши-длинныя какъ у коровы. Въ жаркіе дни, въ тихую погоду, водяникъ нерѣдко всплываетъ на поверхность воды, садится на камень и начинаетъ расчесывать гребнемъ свои косматые, длинные волосы. Въ такомъ положеніи его видѣли очень многіе изъ крестьянъ и преимущественно бабы. Вотъ что

напр., разсказывалъ мнѣ одинъ Святозерскій крестьянинъ (Петроз уѣзда) Харлампій Богдановъ. «Былъ воскресный день въ среднихъ числахъ іюля. Соснувъ часъ, другой послѣ обѣда, я вышелъ изъ дому и направился въ село побесѣдовать съ мужиками-сосѣдями. Дорога въ село проходила мимо озера. Иду это я дорогой и раздумываю кой о чемъ, Взглянулъ я на озеро да такъ и остолбенѣлъ: въ шагахъ 25—30 отъ берега сидѣлъ водяникъ и расчесывалъ волосы;—вида онъ былъ чернаго и величиною съ добрую лошадь»...

Случилось, разсказываютъ старые люди въ Корелѣ, очень давно тому назадъ, что дѣтище водяника попало въ неводъ. Что такъ грузенъ неводъ, недоумѣваютъ мужики, таща сѣти на берегъ. Вытащили... и что же? Въ сѣтяхъ оказался сынъ водяника, такой маленькій, рыженькій... Одни изъ крестьянъ кричатъ: на берегъ его молъ слѣдуетъ выкинуть (кричатъ по-корельски) и указываютъ при этомъ руками въ гору, а водяникъ, понимая какую шутку хотятъ сшутить съ нимъ крестьяне, только твердитъ: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Иные же, болѣе благоразумные изъ крестьянъ, совѣтуютъ спустить его обратно въ воду и машутъ руками по направленію къ озеру; на ихъ совѣты водяникъ только и частитъ: да, да, да... «По корельски, вишь, замѣчаетъ старикъ-разсказсказчикъ. не умѣлъ онъ» Рѣшили крестьяне большинствомъ голосовъ—пустить сына водяника обратно въ озеро; спустили, и на другой день одному изъ рыбаковъ приснился сонъ: счастливы, говоритъ самъ водяникъ во снѣ, счастливы, что отпустили сына моего на волю, въ воду, а не то иначе бы всѣхъ васъ уморилъ съ голоду: ни рыбки, ни малька я больше не далъ бы вамъ ни въ сѣти, ни въ неводъ»

У каждаго водяника (ведэhиnэ, вези-кунингуой) въ своемъ озерѣ или рѣкѣ есть свой собственный дворецъ. Палаты его очень роскошны и сдѣланы изъ такого чистаго хрусталя, какъ первый осенній ледъ. «Рѣдко кому удается видѣть его дворецъ, говорятъ кореляки, а если бы можно было посмотрѣть его, то очень легко выжить оттуда водяника: для этого слѣдуетъ только взять капельку «живой ртути» (элявядъ артудъ» —ртуть кореляки всегда называютъ живой»), капнуть на крышу его дворца, и онъ тотчасъ убѣжитъ вонъ далеко, далеко»...

Подъ водой у водянника цѣлое хозяйство. Онъ живетъ здѣсь, какъ богатый запасливый помѣщикъ, не зная ни въ чемъ нужды и лишеній. «Разъ моя бабка и дѣдъ, разсказывалъ тотъ же Святозерскій крестьянинъ, поѣхали въ лодкѣ на пожню. Почти подъѣзжали они къ пожнѣ, какъ бабка моя замѣтила, что изъ воды на берегъ выскакиваютъ коровы,—коровы комолыя, съ короткой лоснящеюся шерстью и очень сытыя. Это коровы «вези-кунингуойнъ», замѣтила бабка, и если бы успѣть покапать крови съ безымяннаго пальца на каждую корову, то всѣ онѣ были бы наши»... Какъ только сказала она это, коровы всѣ поскакали обратно въ воду, и изъ воды вдругъ высунулась большая, покрытая черною шерстью рука и схватила за бортъ лодки... Хорошо еще, что берегъ оказался близко, а то «вези-кунингуой» непремѣнно успѣлъ бы опрокинуть лодку.

Хотя рѣдко, но иногда случается, что водяникъ дѣлаетъ и пакости человѣку: онъ топитъ лошадей, во время купанья ихъ, перевертываетъ лодки съ ѣдущими въ нихъ людьми и задушаетъ неопытныхъ купальщиковъ, особенно хвастающихъ своимъ умѣньемъ бойко плавать и нырять. Разсказовъ о такихъ несчастныхъ случаяхъ ходитъ въ народѣ очень много. Чтобы освободиться отъ водяника, уже успѣвшаго схватить свою жертву, существуетъ лишь одно средство: съ берега слѣдуетъ бросать въ воду мелкіе камни и песокъ,—этого водяникъ очень и очень страшится; оставляетъ свои злыя шутки и уходитъ въ глубину водъ.

Лѣсовикъ-метчäлäйнэ, по воззрѣніямъ кореловъ, представляется высокимъ мужчиной, одѣтымъ въ военное платье: на головѣ у него красная фуражка и вся одежда въ мѣдныхъ блестящихъ пуговицахъ, оттого то онъ иногда называется «нюбликязъ» — пуговичникъ. О продѣлкахъ лѣсовика существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. Такъ, многіе изъ охотниковъ, во время ночевокъ въ лѣсу, часто слышали его дикій хохотъ, пѣніе и унылое завываніе. Часто встрѣчали его и днемъ въ лѣсу... «Пришелъ разъ онъ ко мнѣ навстрѣчу, разсказывалъ одинъ крестьянинъ, видѣвшій лѣсовика, пришелъ подъ вечеръ, когда я возвращался изъ лѣсу домой,—высокаго росту и весь въ

пуговицахъ. Сталъ на дорогѣ предо мной и заговорилъ: «А жаркій сегодня былъ день...» Чѣмъ больше и дальше онъ говорилъ, тѣмъ все глубже и глубже увлекалъ меня въ лѣсъ. Цѣлыхъ трое сутокъ я ходилъ съ нимъ, вмѣсто хлѣба и другаго съѣстнаго на обѣдъ и ужинъ мнѣ подавали конинный навозъ. Говорили мы съ нимъ много и обо всемъ, но о чемъ именно, не запомню. Въ первые дни мнѣ и въ голову не приходило, что я на «худыхъ слѣдахъ» (пагуойль дялгилъ), только ужъ на третій день сообразилъ, что я не безъ чуда брожу столько дней, а домой все не попадаю...

Вспомнилъ на счастье тогда я первую фразу, которой «метчäлäйнэ» началъ со мной разговоръ, взялъ это да и брякнулъ ее въ бесѣдѣ съ нимъ: «А жаркій сегодня былъ день .. Какъ только сказалъ, — «метчалайнэ» вдругъ захохоталъ и, со словами: «ты, братъ, вижу я, говорить толкомъ не умѣешь, а повторяешь разъ сказанныя слова»,—пошелъ отъ меня прочь съ крикомъ, шумомъ, и долго еще слышно было, какъ ломались деревья подъ его сильными ногами. «Ну, думаю я, слава тебѣ Господи, отвязался отъ «худаго—пагасъ...» На первомъ же перекресткѣ снялъ съ себя всю одежду, отрясъ ее старательно, чтобы не занести нечистаго домой, и потомъ, благословясь, отправился домой. Придя домой я самъ диву дался, куда меня занесла нечистая сила! Верстъ за 60—70 отъ своей деревни ушолъ, да въ такой глухой лѣсъ, что въ другое время не зналъ бы да и не умѣлъ бы какъ туда и пробраться...

Лѣсъ, разсказывалъ другой корелякъ, полонъ нечистой силы—«метчäлäй жидъ». Но мы не каждый разъ видимъ ее, а не видимъ потому, что у лѣсовика есть особенная способность: принимать ростъ, равный высотѣ тѣхъ деревьевъ, подлѣ которыхъ онъ стоитъ. Стоитъ онъ, примѣрно, подлѣ высокой ели, и кажется тебѣ, что подлѣ ели стоитъ еще другая ель, а между тѣмъ на самомъ то дѣлѣ—это и есть лѣшій. Въ маленькомъ лѣску онъ самъ становится маленькимъ, а потому его опять и не отличить отъ деревьевъ. Да чтобы и было, заключилъ онъ свой разсказъ, если бы у лѣшаго не было такого свойства, тогда и въ лѣсъ то не вышелъ бы никогда, на каждомъ шагу торчалъ бы онъ—«худой» и пугалъ бы своимъ видомъ «крещеныхъ»—ристиканзуойдъ.

Бывали случаи, что лѣсовикъ похищалъ людей и уводилъ ихъ съ собой на всегда. Чаще это происходитъ тогда, когда проклинаютъ родители своихъ дѣтей и опрометчиво говорятъ: хоть бы лѣшій тебя взялъ, хоть лѣшій унесъ бы тебя съ моихъ глазъ»... Такъ, въ д. Сюрьгѣ (Святозер. волости, Петроз. уѣзда) былъ такой случай. Одна крестьянка мать пошла въ лѣтній день утромъ на работу. Дочка ея, небольшая дѣвочка, никакъ не хотѣла остаться одна дома, и съ плачемъ бѣжала вслѣдъ за матерью, прося ее—взять съ собой. Мать всяко упрашивала дочку возвратиться домой; но когда все это не дѣйствовало, она, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, неосторожно съ горяча выпалила: «а лѣшій бы лучше тебя взялъ, когда не даешь мнѣ волю идти на работу».

Дѣвочка потомъ скоро угомонилась и пошла обратно домой. День цѣлый пробыла въ лѣсу неосторожная мать. Вечеромъ приходитъ домой и что же?.. Дѣвочка какъ бы по виду и дочка, но только чуетъ материнское сердце, что она не настоящая дочь: «метчäлäйнэ» подмѣнилъ дочь и на мѣсто ея подсунулъ одну изъ своихъ прислужницъ.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени догадки матери оправдались: дѣвочка оказалась «не полнаго человѣческаго разсудка» (эй тавзъ ристиканзанъ-міеллинэ). Но что же съ ней подѣлаешь? Ее выселили изъ избы въ особый чуланъ, темный, безъ оконъ, до самой смерти кормили тамъ и до самой смерти глядѣли на нее, несчастную, какъ на исчадіе лѣшаго... Случилось разъ, что неосторожная въ словахъ мать увидѣла свою дѣйствительную дочь. Было это дѣло въ лѣсу, въ зимнее время, во время вывозки бревенъ лѣсопромышленникомъ. «Я, разсказывала потомъ сама мать, долго не могла заснуть въ одну ночь на воскресенье. Кажется, «нуодюой» (костеръ, состоящій изъ двухъ бревенъ, положенныхъ вдоль другъ на друга, при томъ между бревнами дѣлается лотокъ, въ который и кладется огонь. Пламя отъ сложенныхъ такъ бревенъ бываетъ не сильно, но держится, не потухая, до самаго утра. Тепла бываетъ достаточно только для невзыскательнаго кореляка) горѣлъ хорошо, и тепла было вдоволь, но я никакъ не могла забыться сномъ, который такъ былъ мнѣ нуженъ послѣ трудовъ тяжелой недѣли... Уже подъ самое утро, когда стало свѣтать, вдругъ я услышала шумъ отъ ѣдущихъ по снѣгу

саней. Чрезъ нѣсколько времени изъ лѣсу выѣхалъ на черной высокой лошади мужчина, одѣтый въ приличное платье: на немъ былъ тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, съ чернымъ же барашковымъ воротникомъ; на головѣ хорошая бобровая шапка, точь-въ точь какъ у прикащика. Рядомъ съ нимъ сидѣла дѣвушка, также очень хорошо одѣтая. Я, признаться, подумала сначала, что это должно быть прикащикъ пріѣхалъ для пріема дровъ... Но зачѣмъ же тутъ рядомъ съ нимъ дѣвушка?.. Когда подъѣхали ближе, то въ сидящей дѣвушкѣ я узнала свою Огуой Агафью-дочь, которую унесъ лѣшій). «Не бойся, говоритъ, мама, это я—твоя дочка Огуой. Меня послѣ того разу, какъ ты прокляла, унесъ лѣшій — метчӓлӓйнэ. Жить мнѣ у него и хорошо бы, да скучно по дому. Мы съ нимъ все ѣздимъ по лѣсу, и иногда только, когда ѣсть захочется, заглядываемъ въ деревни и города. Кто положитъ что-нибудь изъ съѣстнаго безъ благословенія, то мы съ нимъ и съѣдимъ, а на мѣсто конный навозъ подлагаемъ. У меня съ нимъ уже и ребенокъ есть... Если ты, мама, хочешь меня возвратить къ себѣ, то сними со своей шеи крестъ и, какъ можно проворнѣе, накинь его мнѣ на шею... Тутъ уже лѣшій не будетъ имѣть власти надо мной, и я навсегда останусь съ вами.—Вмѣсто того, чтобы скорѣе исполнить совѣтъ дочери—накинуть на воротъ ей крестъ, я, дурища, разсказывала крестьянка, вмѣсто этого такъ перепугалась, что не смѣла даже шевельнуться... Постояли сани предо мной еще такъ минутъ съ полдесятокъ, а потомъ, какъ птица (каку линду), понеслись впередъ. Нѣсколько разъ, видѣла хорошо, Огуой оборачивалась ко мнѣ, кивала головой въ знакъ прощанія и смотрѣла такъ печально, печально...

Дворовый—«муа-һардій» является въ видѣ кошки или собаки. Его рѣдко кто видѣлъ, но иногда хозяйкамъ-бабамъ случается замѣтить, какъ онъ по вечерамъ, во время доенія коровъ, осторожно крадется по двору, по самый край стѣны... «Сижу это я разъ на дворѣ, разсказывала одна корелка, и дою корову; вижу какъ будто кто-то медленно движется о самую стѣну; видомъ, - какъ кошка, прошолъ мимо, посмотрѣлъ разъ на меня и сразу скрылся у порога хлѣва». Дворовый каждаго двора любитъ скотину только нѣкоторыхъ извѣстныхъ мастей. «Что же ты, Микко (Никита), спросишь иного крестьянина, не купишь такой-то коровы? Корова хорошая и просятъ за нее недорого. — Корова то хорошая, и цѣна невысокая, лѣниво возразитъ онъ, можно бы и купить да, вишь, дѣло-то въ чемъ, черной шерсти она, а «мой» черныхъ не долюбливаетъ». И, не дай Богъ, если хозяинъ, по своему незнанію, заведетъ у себя такую скотину, масть которой не по вкусу дворовому. Онъ такъ или иначе, рано или поздно изведетъ ее; такую скотину какъ ни корми, какъ ни пой, а она всегда будетъ хуже другихъ: тощая, паршивая, постоянно въ навозѣ... За то, хорошо той скотинѣ, которую любитъ «муа-һардій». Онъ по ночамъ самъ кормитъ ее, гладитъ, чиститъ, а у лошадей даже заплетаетъ гривы. Бываетъ иногда такъ, что корова ночью, во время сна, наваливается бокомъ на «муа-һардія», и это ей не обходится даромъ: на другой же день у ней вспухаетъ вымя и бока, и только наговорная соль знахарки излѣчиваетъ ее отъ этого недуга...

Таковы вкратцѣ суевѣрныя представленія кореляка о нечистой силѣ... И думаю, что много еще лѣтъ суждено миновать, прежде чѣмъ хоть сколько-нибудь разсѣется этотъ густой туманъ невѣжества, такъ плотно пока окутывающій весь этотъ край...

Н. Лѣсковъ.

Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ.

II [1]).

Къ сообщенію, сдѣланному мною раньше, я прибавлю ниже еще нѣсколько данныхъ. Цѣль и порядокъ настоящаго сообщенія тѣже, что и предыдущаго. Матерьяломъ для составленія настоящихъ замѣтокъ послужили отвѣты священниковъ и народныхъ учителей на вопросы, разосланные Минскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Матерьялы эти были обязательно предоставлены мнѣ названнымъ комитетомъ, за что я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую признательность секретарю комитета Александру Павловичу Смородскому.

[1]) См. I ст. въ Жив. Стар. II. 1893.

I. Обрядовыя блюда.

Извѣстно, что какъ чисто народныя празднества (какъ напр. дзяды), такъ и многіе христіанскіе праздники, съ которыми слились бы древнія языческія представленія, обставлены не только извѣстными обрядами но и столомъ имѣющимъ чисто обрядовое значеніе. Извѣстныя блюда и извѣстный ихъ порядокъ требуются обрядомъ. Болѣе широкое изученіе ихъ даетъ возможность видѣть въ этихъ обрядовыхъ блюдахъ остатки языческихъ жертвоприношеній. Поэтому, болѣе детальное изученіе народнаго обрядоваго стола представляетъ глубокій этнографическій интересъ.

Ниже я привожу списки кушаньевъ, пріуроченныхъ къ тѣмъ или другимъ праздникамъ, въ порядкѣ требуемомъ обычаемъ.

1) *Богатая кутья* (канунъ Крещенья, 5 янв.): горшокъ вареной свеклы съ свинымъ ухомъ и парой колбасъ, каша съ саломъ (Лавришевскій прих. Новгородск. уѣзд.). Остальныя кушанья по желанію, но непремѣнно жирныя.

2) *Родительская суббота* (передъ масляной недѣлей): канунъ, составленный изъ коржа съ медомъ и 12 блюдъ: щи постныя, щи скоромныя, супъ постный, супъ съ говядиною или съ молокомъ, яичница, верещака съ блинами, сырники, печеная баранина, поросенокъ, каша гречневая (Вороничскій прих. Игуменск. у.). По мѣстностямъ встрѣчаемъ нѣкоторыя измѣненія. Въ Лавришевскомъ прих. Новгор. у.: готовятъ капусту, куда бросаютъ два куска свинины, а въ супъ два куска баранины; по одному куску съѣдаютъ вечеромъ, по другому утромъ; кромѣ того подаютъ: квашанину, пару колбасъ, квасъ (вареный съ саломъ, лапша, рыба, вареный сыръ или поливка (соусъ) изъ крови животныхъ, яичница, каша просяная.—Каждый долженъ поѣсть всякаго кушанья, а не то будутъ кусать комары. На столъ кладутъ запасную ложку, которою старшій членъ семьи отливаетъ или откладываетъ въ особую миску всякаго блюда: дѣды ночью придутъ ѣсть. Трубъ, а иногда и дверей на ночь не затворяютъ. Вообще, богатые на дѣды дѣлаютъ 12 блюдъ, бѣдные хоть 6.

Въ Негнѣвичскомъ прих. Новгор. у. порядокъ такой: капуста съ свининою, квасъ съ бараниною, крупникъ (густой супъ), квашанина (холодное) изъ бараньихъ или свиныхъ ногъ, лапша съ молокомъ, пироги изъ ржаной муки, каша, яичница, отварная печенка баранья, гусиная или свиная, галушки изъ ячменныхъ крупъ; 3 круто сваренныхъ яйца дѣлятся между всѣми присутствующими.

Въ Дричинскомъ прих. Игуменск. у. кромѣ другихъ кушаньевъ непремѣнно должны быть: квасъ, кисель овсяный и каша.

Въ Колбчанской вол. того же у. даютъ 14 слѣд. блюдъ: сыта или канунъ, постный квасъ, квасъ съ саломъ или мясомъ, каша постная (съ макомъ), каша съ саломъ, каша съ молокомъ, яичница, рыба вареная, рыба жареная, супъ (крупѣнь) съ мясомъ, поросятина, супъ съ молокомъ, сырники, молоко перетопленное.

Въ Ельскомъ прих. Мозырск. у. требуется еще обрядовый столъ на слѣд. день послѣ вечернихъ дѣдовъ; онъ состоитъ изъ канона—разведеннаго въ видѣ меда съ хлѣбомъ и блиновъ, остальныя блюда по желанію.

Дзяды бѣлорусскіе бываютъ четыре раза въ годъ (чатыря дзяды): въ родительскую субботу, радивошчные (въ понедѣльникъ на 2-ую нед. по Пасхѣ), Троечные (передъ Троицею) и Михалоўскіе (7 ноября); послѣдніе въ другихъ мѣстахъ справляются въ Дмитріевскую субботу (23 окт.).

Обильныя кушанья считаются обязательными только на зимніе и осенніе дзяды. Весенніе же сопровождаются принесеніемъ на могилы родныхъ покойниковъ остатковъ отъ пасхальнаго стола и небольшой закуской тутъ же на кладбищѣ. Въ Старицкомъ прих. Игуменскаго у. считается обязательнымъ принесеніе на могилы еще и бараньей печени.

3) Въ постъ на крестопоклонной недѣлѣ пекутъ изъ тѣста кресты, бороны, серпы, сохи, колы (Пугалловскій прих. Игуменск. у.). Въ Скрыцовскомъ прих. Мозырск. у. пекутъ «кресцы» съ макомъ, часть коихъ оставляютъ до начала полевыхъ работъ и начала пастьбы скота.

4) На пасху кушанья обычныя: яйца, пироги, поросенокъ, сыръ, масло, ветчина.

5) Въ среду Преполовенія пекутъ «кресты» крестообразные хлѣбы изъ ржаной или пшеничной муки (Вороничскій прих. Игум. у.).

6) Разговѣнье послѣ Петрова поста начинается съ сыра, масла и молока (ibid).

7) Въ день 40 мучен. (9 марта) пекутъ крестообразныя коврижки, которыя посыпаются макомъ (Язьвинскій прих. Пинскаго у.). Въ Ново-Сорокскомъ прих. Моз. у.— галушки.

8) Въ день Преображенія Господня освящаютъ фрукты. Обѣдъ состоитъ изъ моркови и свеклы «бруквы» (Вороничскій прих. Игум. у.). Женатые до этого дня фруктовъ не ѣдять, чтобы дѣти не умирали (Рѣчицк. у.).

9) На Успеніе—обязательно капуста новаго урожая (Вороничскій прих.).

10) День Рождества Богородицы наз. богачемъ, обильный обѣдъ (ibid.).

11) День великом. Варвары (4 дек.)—приготовляютъ варешки изъ гречневой муки съ макомъ (Пуковскій прих. Игуменск. у., Скрыгаловскій и Ново-Сорокскій Мозырск. у., Язьвинскій Пинскаго у.).

12) 9 дек.—тоже вареники (Пуковскій прих.).

13) Кутья передъ Рожд. Хр.: блины, квасъ съ грибами и постнымъ масломъ, рыба, сельди, овсяный кисель, ячневая кутья (Кунасскій прих. Слуцкаго у.).

14) Всѣ заговины сопровождаются оладьями и блинами (Мозырск. и Рѣчицк. у.).

Главнѣйшими видами обрядовыхъ блюдъ, какъ пережитковъ жертвоприношеній, являются: хлѣбъ, особенно каша, свинина, баранина, небезъинтересно также употребленіе яицъ, меду (въ «канонъ»), капусты моркови и пр. [1]).

---

[1]) Позволимъ себѣ привести нѣсколько указаній, вводящихъ бѣлорусскія обрядовыя блюда, какъ остатки жертвоприношеній, въ сферу общеславянскихъ и народныхъ обычаевъ.—Объ обрядовомъ употребленіи хлѣба и каши см. соч. проф. Сумцова, хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ, Харьковъ и Потебни, О миѳол. значеніи нѣкот. обряд. и пѣсенъ, р. 15, 39, 40 и др.; у Бѣлоруссовъ интересны заговоры на хлѣбѣ, Романовъ, Бѣлор. Сборн., V, 60, 61 и въ свад. обрядахъ, Шейнъ, Матерьялы, II, 75 и др.; у Поляковъ на свадьбѣ—Kolberg, Lud. v. XI, ч. III, 75, 84; тоже у Чеховъ, Bartoš, Moravská svatba, 37; Гаданіе на кашѣ у Великороссовъ. — Словарь русскихъ суевѣрій М. Чулкова, М. 1782 г., р. 180; у нихъ же—жертва домовому—Каравеловъ, Пам. народн быта Болгаръ, 182; во Франціи интересны пироги corn a boeufs, Revue des traditions populaires, V, 90; хлѣбъ—обильная жертва божеству у Новогрековъ, Schmidt, das Volksleben der Neugrichen, Leipz. 1871, р. 55. Сродные обряды у Вотяковъ. Словарь русскихъ суевѣрій Чулковъ, 105, у Черемисъ, ibid., 104. Въ древнихъ религіяхъ жертва хлѣбомъ, пирогами—обычное явленіе: Bergaigne, La religion vedique, I, 261, Preller, Röm. Mythol., 444, Foucart, des associations religieuses, 67, 71, у др. Галловъ, Fl. Vallentin, Le culte de Matrae, Paris, 1880, р. 14 и др.

Къ обрядовому употребленію свинины: Веселовскій, Розысканія, II, 108—9; Аѳонасьевъ, Поэт. возэр. Слав., 778 и сл.; Bastian, das Thier in seinen mythologischen Bedeutung, Leitschr. für Ethnologie, B. I, 1864, p. 173—175, Preller, Rom. Mythol, 435, Rosbach Unters. üb. d. Röm Ehc. 310 и сл., у Бѣлоруссовъ еще въ свад. обр., Шейнъ, Матер. I. с. 2.

Къ жертвоприношенію барана—De Gubernatis, die Thiere in d. indogerm. Myth., 312 и сл.

Къ обрядовому употребленію яйца: см. Bastian, Zeitschr. f. Ethnologie, 1889, p. 162—163; въ свад. обр.—Schröder zeop.. Die Hochzeitsbraüche der Esten u einiger anderen finn. ugrisch. Völkerschaften, Berl., 1888. p. 83; у Бѣлоруссовъ—Шейнъ, Мат. II, p. 2, Вѣст. Имп. Р. Геогр. Общ., 1857 г., ч. IX р. 48 и др. (яичница).

Къ употребленію меда Шейнъ, Мат. II, 73 и др.; Kuhn, Herab. d. Feuers (2 изд.) p. 121—122; у Итальянцевъ—Dotsa, La tradizione greco-latina negli usi e negle credenze popol., Cose=za, 1879, p. 38.

II. Къ почитанію холмовъ, деревьевъ, источниковъ, камней.

Подобно тому какъ время языческихъ жертвоприношеній слилось съ христіанскими праздниками, такъ и почитаніе мѣстъ и предметовъ, основою которыхъ являются также языческія представленія, слилось съ почитаніемъ атрибутовъ христіанской церкви. Въ прошломъ сообщеніи я уже говорилъ о такъ наз. прощахъ, которыя обычно обставлены предметами христіанскаго почитанія: часовнями, иконами, крестами, иногда тутъ же ставились и церкви. Теперь я опишу нѣсколько такихъ мѣстъ почитанія.

1) Въ Старицкомъ прих. Игуменскаго у., въ урочище Перевозѣ, въ 8 верст. отъ с. Старицы, находятся два холма, которые составляютъ особенный предметъ почитанія и благоговѣнія. Холмы смежны. Окрестные жители ставятъ на нихъ кресты и тутъ ихъ наставлено цѣлыя тысячи, деревянныхъ и металлическихъ. Для постановки крестовъ съѣзжаются за десятки миль. На холмы кладутъ, въ видѣ жертвы, деньги, ленъ, на кресты вѣшаютъ грудные крестики и даже иконы. О. Владиміръ Ранчевскій, передающій это извѣстіе, прибавляетъ, что причинъ такого поклоненія «не отыскано: передаютъ только, что дѣлающіе въ этомъ мѣстѣ какую либо жертву, получаютъ непремѣнно просимое у Бога». Характеръ прошеній можетъ быть до нѣкоторой степени угаданъ изъ извѣстія, что вѣшаютъ иконы Георгія Побѣдон.; связь почитанія холмовъ съ именемъ этого святаго можетъ указывать на то, что это почитаніе, въ основѣ своей, носитъ характеръ почитанія аграрныхъ культовъ.

Около с. Старицы; въ 3 верст. отъ него, есть еще холмъ, пользующійся почитаніемъ (безъ жертвъ), но преданіе указываетъ на существованіе тамъ когда то церкви.

Не менѣе интересно почитаніе сосны, находящейся за селомъ; мѣсто вокругъ нея считается священнымъ. Существуетъ слѣд. преданіе: одному крестьянину, который былъ хозяиномъ той полосы, гдѣ стоитъ сосна, больному глазами, снилось, что онъ долженъ поставить крестъ у сосны, чтобы выздоровѣть. Онъ поставилъ крестъ и исцѣлился. Крестьяне кладутъ около этой сосны ленъ, деньги. Сосна нѣсколько отличается отъ обыкновенныхъ сосенъ цвѣтомъ [1]).

Народъ вообще относится съ суевѣрнымъ уваженіемъ къ большимъ старымъ деревьямъ, особенно если въ нихъ находятъ еще признаки, отличающіе ихъ чѣмъ нибудь отъ обыкновеннаго типа. Приведу одинъ разсказъ, записанный въ Гродненской губ. При дер. Одельковичахъ Дворецкой вол. Слонимскаго у. есть курганъ; около него растутъ два огромныхъ дуба. Есть преданіе, что лѣтъ 60 тому назадъ на томъ же мѣстѣ было 4 дуба. Но арендаторъ дворца графа Завиши срубилъ два изъ нихъ, отъ чего палъ весь его скотъ. Вообще завѣтные дубы заколдованы: срубить такой дубъ или даже взять его сучья, оторванныя вѣтромъ,—непремѣнно случится несчастіе: падетъ лошадь, корова, овца. Оставшіеся два дуба при дер. Одельковичахъ уже нѣсколько лѣтъ окропляются священною водою, и ихъ никто не трогаетъ [2]).

[1]) Къ сожалѣнію до сихъ поръ о почитаніи деревьевъ у славянъ вообще и у русскихъ въ частности занимало очень мало деталей, хотя вопросъ этотъ очень интересенъ, и на однихъ общихъ только извѣстіяхъ остановиться нельзя. Къ почит. дер. у бѣлор. см. ст. Чарноцкой въ „Вѣстн. Евр.“, 1818 г ч. CII, р. 116—118; общая характеристика слав. міровоззрѣнія въ этомъ отнош. у Han. Machal. Nakres Slovanského bajeslovi, 23—24, Аѳанасьевъ, поэтич. возвр. сл., II. 277 и слав. Архивъ Калачева, т. I, р. 47 (ст. Соловьева), Веселовскій, Разысканія, II, 232—3. Обычаи инородцевъ особенно характерны: M. Buch. Die Wotjäken, 125, 141, Харузинъ, Русскіе Лопари. 175, Сбоевъ, Чуваши, 90, «Этногр. обозр.», 1890 № 4, р. 57, «Ж. Стар.», 1891 г., III; 64—5 (якуты.) и мн. др. Кромѣ того общія данныя о почит. дер. у ар. нар. у Губернатиса, La mythologie des Plantes. 2 т., Mannhardt Baumcultus p. Germanen, у Куна въ Herabkunft d. Feuers, 114, 158 и др., Гримма, Deutsche Mythologie 854, 615 и др., и новѣйшія изслѣдованія растительнаго культа James Darmesteter, Haurvatat et Ameretat, Essai sur la mythologie d'Avesta, P. 1875, ст. графа Goblet d'Aniella въ Bulletin de l'Académie Royale de Belgique т. 19, № 5, 1890 г. и др.

[2]) Сообщ. мироваго посредника изъ археологич. матер. по Гродненск. губ., собранныхъ Моск. Археол. Общ. и переданныя мнѣ для состав. археологич. карты Гродн. губ,

3) Почитанiе ключей и источниковъ распространено повсемѣстно. Въ Полужскомъ прих. Игуменскаго у. въ дер. Орѣшковичахъ при р. Свислочи есть ключъ, назыв. кипячка; вода его чиста, прозрачна и холодна. Крестьяне приписываютъ ей цѣлебныя свойства, особ. при болѣзняхъ глазъ; грязь прикладываютъ къ головѣ и др. частямъ тѣла. Но помогаетъ эта вода только тогда, когда за нею отправляются до восхода солнца и бросаютъ въ ключъ какую либо мелкую монету.

Иногда такiе почитаемые источники встрѣчаются при церквахъ, большею частiю воздвигнутыхъ на приношенiя у прощъ. Такъ въ дер. Вулькѣ Лунинскаго прихода Пинскаго у. есть приписная церковь и при ней криница, къ которой стекаются богомольцы.

Въ Дукорскомъ прих. Игуменскаго у. у источника находится мѣстно чтимая икона Божiей Матери Воду изъ источника забираютъ на домъ, какъ цѣлебную, и моются ею тутъ же на мѣстѣ.

Въ томъ же у. въ 3 верст. отъ м. Шацка есть мѣсто съ источникомъ, называемое «церковьемъ» и обставленное слѣдующимъ преданiемъ. Во время притѣсненiй православныхъ католиками, кому то изъ православныхъ жителей Шацки явился арх. Михаилъ и велѣлъ православнымъ брать воду изъ источника на теперешнюю церковь. Больные обливались водою и получали исцѣленiе. Была устроена церковь во имя арх. Михаила, но католики, видя ея процвѣтанiе, устроили такъ, что церковь должны были перенести въ самое мѣстечко. Источникъ пользуется почитанiемъ и въ настоящее время.

4) Къ почитанiю камня можно отнести почитанiе каменныхъ крестовъ въ уединенныхъ мѣстахъ, на холмахъ, въ рощахъ и т. п.; кресты эти иногда переносятся въ церковь. Въ сущности говоря это тѣже прощи, подъ какимъ названiемъ они часто и существуютъ. Кресты часто высѣкаются на камняхъ, привлекающихъ къ себѣ поклоненiе, или же каменные кресты ставятся на мѣстахъ прощъ; такимъ образомъ сливаются остатки язычества съ христiанствомъ.

Въ с. Пережиръ Игуменскаго у. стекаются 30 ноября богомольцы для поклоненiя каменному кресту. Женихи и невѣсты приходятъ испросить благополучной супружеской жизни. Кромѣ того сюда стекаются во всѣ весеннiя и лѣтнiя новолунныя воскресенiя.

Подобные кресты находятся въ с. Погостѣ Мозырскаго у., Вересницѣ, Сторожевцѣ, Переровѣ, въ м. Туровѣ и др.

Въ Рудобѣльскомъ приходѣ Бобруйскаго у. въ часовнѣ есть камень, на называемый стопою Богоматери. Воду въ этомъ углубленiи, по освященiи ея, разбираютъ въ надеждѣ на ея цѣлебныя свойства.

Такой же камень, назыв. «Божьей ступкой» находится въ Бѣльскомъ у. Гродненской губ., въ лѣсу около с. Малеши [1]).

Къ нѣкоторымъ камнямъ бѣлоруссы питаютъ суевѣрный ужасъ. Изъ той же губ. Слонимскаго [2]) у. есть разсказъ слѣдующаго содержанiя. Около дер. Хвиневичъ Пацовской вол. находится громадная каменная плита. Старики разсказываютъ, что лѣтъ 90 тому назадъ два эконома изъ сосѣдняго села Порѣзья пытались утилизировать эту плиту и клали подъ порогъ дома. Но съ ними каждый разъ случались несчастiя, заставлявшiя класть камень обратно [3]).

---

[1]) Изъ матерьяловъ для археол. Гродненской губ., собранныхъ Моск. Археологич. Общ. и переданныхъ мнѣ для составл. археол. карты.

[2]) Оттуда же.

[3]) О почитанiи камня см. Сборникъ Романова, вып. IV, 170—173.

Къ вечериночнымъ играмъ.

Къ сообщенному раньше объ играхъ и танцахъ на бѣлорусскихъ вячоркахъ я прибавлю еще нѣсколько описаній танцевъ и употребительныхъ при нихъ пѣсенъ. Источникомъ мнѣ служитъ тетрадь записей учителя Колбчанскаго нар. училища Бродецкой вол. Игуменскаго у. г. Яцко, обязательно доставленная мнѣ Минскимъ Статистическимъ Комитетомъ.

1) Крутўха (отъ круцйцца—вертѣться) танецъ состоящій въ томъ, что два парня и двѣ дѣвушки выступаютъ на середину хаты берутся крестообразно за руки и идутъ въ круговую, подпрыгивая. Во время танца они поютъ:

a) Матўлинька! далибокъ! (ей Богу).
Я не бэндо жыва!
Абарвалася мизь нохъ
Сама лепша жыла!
Охъ, чухъ, начўхаўсе,
Падняў хвартухъ—панюхаўсе,
Падняў хвартухъ и спаднйцу!
Ашъ тамъ сядзиць зъ рукавицу!

b) А у кавалихи да собаки лйхи
Нѣкому сыйци, адбаранйци!
Вышла дзяўчина, адбаранила,
Янашъ мае серцэ разьвясялила!

c) Чугáначка, чуганачка
Ѣдзе .... на саночкахъ,
Пытаецца Василя,
Чи далека да да сяла?
Не далека—близянька,
Чэразъ ..... лысинка.
Василь праўды ни сказаў,
..... къ плоту прывязаў.
Прывязаў икъ дубу—
Не хай черци ..... ,
А я ня буду!

d) Ухъ, нў, ухъ, нў!
Ни давай хахлу,
А дай рускаму,
Да палюдзкаму!..

2) Барыня. Парни берутъ дѣвушекъ подъ руки и идутъ, припрыгивая, по хатѣ въ круговую. Припѣвы:

a) Барыня раськирака,
Замарыла ў ..... рака!
Барыня, барыня,
Сударыня моя!

b) Барыня пышна
За ворота вышла,
Рукъ ни памыла,
..... загалила (припѣвъ).

c) У нашай барыни та низкай,
Абрасла ..... радыской!

d) У нашай барыни высокай,
Абрасла ..... асокай!

e) Сядзиць барыня падъ плотамъ,
Зашывая ..... дротамъ!

f) Нашто шъ барыни чапецъ,
Кали ў барыни хлапецъ!

Танецъ и отчасти припѣвки заносный, великорусскій.

3) Верабей. Танцуютъ также, какъ и барыню. Припѣвки:

Абнадзіўсе верабей
У нашу канапельку лятаць,
Маю канапельку клеваць.
Яшъ яго излаўлю,
Крылья-перъя ащиплю;
Енъ ня будзя летаци,
Маю канапельку клеваци!

Павадзіўсе ёнъ, маладзецъ,
Къ маей Марусеньцѣ хадзиць,
Маю Марусеньку любиць.
Я яго излаўлю,
Руки-ноги изламлю!
Енъ не будзя хадзиць,
Маю Марусеньку любиць!

4) **Казакъ**. Танецъ—общеизвѣстный. Припѣвки:

a) Я гуляла дзѣўкой,
А циперъ маладзичкай,
За хорошимъ мужичкомъ,
Да ни за пьяничкой!
А мой мужикъ—ни вяликъ,
Нима яму росту;
Сѣдзиць на прыпѐчку—
Дзерэ каросту!
Я гуляла, гуляла,
Гуляць буду!
Сваю маладо̀сь
Спамянаць буду!

b) Ажаниўсе ўдавецъ,
Узяў сабѣ дзѣўку,
Пасадзиў на прыпечку—
Глядзиць ў пецельку...
Охъ, ты казакъ, казачокъ!
Ты хароши мужычокъ!
Цебе скачуць, цебе пляшуць,
Цебе пѣсеньки пѣюць!

М. Довнаръ-Запольскій.

Молитвы, заговоры и заклинанія, записанные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

I. Іерусалимская молитва.

Іисусе Христе, сыне Бога истиннаго, помози мнѣ, спасителю мира! спаси меня, дѣво владычица! умоли за меня бѣднаго, сына твоего! красота ангеловъ, утѣшеніе мучениковъ, слава исповѣдниковъ, зерцало божественныхъ тайнъ, дѣво госпоже, помози мнѣ въ послѣдній часъ, моли Сына твоего и Господа нашего Іисуса Христа дати оставленіе грѣховъ моихъ и прегрѣшеній чрезъ вѣру; вѣрую всему тому чему научаетъ меня святая церковь; вѣрую, поелику ты повелеваешь мнѣ сіе умѣть».

Кто будетъ читать сію молитву, тотъ не умретъ нечаянною смертію [1]).

II. Молитва иже во святыхъ отца нашего Сисинея отъ лихорадки.

Господи Боже Отче, благослови читати молитву сію.

«Сѣдящу убо святому отцу Сисинею, сѣдящу на горѣ святой, бысть въ часъ шесты дни, зряще убо ему на черное море, внезапу сниде съ небеси столпъ огненный, стоящу отъ земли и до небеси; снидоша Ангелъ Господень и ста близь Чермнова моря, тогда море меташися: исшедъ изъ моря двѣнадцать женъ пустоволосыхъ, окаянныхъ, видѣніемъ страшныхъ и вопроси ихъ святый отецъ Сисиней: что вы окаянныя и какія ваши имена? Первая рече: а мнѣ имя Трясея, вторая рече: имя Огнея, аки пещь палящая и сожигаю родъ человѣческій, третія рече: имя Ледея, четвертая—Гнетея, ложится человѣку въ ребра и издымаетъ утробу. Пятая рече: мнѣ имя Хрипея—ложусь въ грудяхъ и схожу мокротою. Шестая рече: мнѣ имя Глухея, ложусь у человѣка въ голову: и уши заложитъ, и голову, и тотъ человѣкъ глухъ бываетъ. Седьмая рече: мнѣ имя Ломлея: ложусь у человѣка въ костяхъ и кости ломитъ, аки сильная буря. Восьмая рече: мнѣ имя Пухлея—шатаю родъ человѣческій. Девятая рече: мнѣ имя Желтея: сотворю человѣка, аки цвѣтъ дубравный и напущу желчь. Десятая рече: Корикорта и корчу у человѣка жилы ручныя и ножныя. Одиннадцатая рече: мнѣ имя Голодея: у кого буду и тотъ человѣкъ не можетъ до сыта наѣстись, аки изъ ума выступитъ. Двѣнадцатая рече: мнѣ имя Невея, Невея же всѣхъ проклятѣе, изъ всѣхъ сестеръ лихорадокъ. И изыдоша изъ Чермнаго моря и быша мучими силою ангельскою и того имъ не стерпѣша и падоша ницъ на землю трепеташеся и возопиша великимъ гласомъ.

---

[1]) Подлинникъ, находящійся у насъ, написанъ скорописью начала XIX вѣка.

аки громъ сильный и ангелъ Господень вопроси ихъ: кто вы? и каковы окаянныя ваши имена и къ кому вы пришли? и отвѣща ему окаянницы: едина огненная странная и мы повѣдая имена наши на земли: мы Ирода царя дщери еже убиша Іоанна предтечу и тутъ же на блюдо мати испроси у Ирода царя поиграти главою аки яблокомъ на блюдѣ. И пришедши проститися на гробъ Іоанна предтечи и плакаша мы и абіе внезапу зинуша насъ земля и къ проклятому отцу нашему сатанѣ и его роду. Мы живемъ во адѣ и посылаетъ отецъ нашъ сатана въ народъ человѣческій. И рече имъ Ангелъ Господень: заклинаю васъ окаянницъ всѣхъ 12 сестеръ: Трясею, Огнею, Ледею. Гнетею, Хрипею, Глухею, Ломлею, Пухлею, Желтѣю, Коркоту, Голодею, Невею. Посланъ я отъ Господа всѣхъ васъ окаянныхъ силою ангельскою связать и не могите слышать моего гласу ангельскаго Селафіилова и не могите приближиться къ рабу Божію и буде имя славное иже по Христову указанію и дастъ имъ проклятымъ женамъ по три страны на всякій день и глаголя лишитеся окаянныя приближитися къ роду человѣческому. Помилуй Господи и сего раба Божія, (имя рекъ) не прикасайтеся къ роду человѣческому ни во дни, ни въ нощи, ни въ какое время, аще кто молитву сію на имя Селафіилово читаетъ, къ тому человѣку не можете приближиться. Изыдите окаянныя! И стали ему молитися: Господине, Господине, мы слышимъ имя твое Ангельское Селафіилово и будемъ отъ роду человѣческаго на триста верстъ. И рече Ангелъ Господень: проклинаю всѣхъ васъ трясавицъ 12 сестеръ: Трясею, Огнею, Ледею, Гнетею, Хрипею, Глухею, Ломлею, Пухлею, Желтѣю, Корсотею, Голодею, Невею. Всѣхъ васъ проклятыхъ проклинаю силою ангельскою, отцемъ Сисиніемъ, Михаиломъ Архангеломъ, не прикасайтеся къ рабу Божію (имя рекъ) ни сегодня, ни завтра, ни во дни, ни въ нощи, ни въ какое время. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Въ недавнее время намъ удалось записать семь заговоровъ, которые и приводимъ здѣсь съ буквальною точностью. Всѣ приводимые ниже заговоры записаны нами въ г. Пошехоньѣ съ рукописи одного крестьянина, содержавшагося въ мѣстномъ арестномъ домѣ.

Цѣль означенныхъ заговоровъ—смягчить сердца властей и сильныхъ міра сего, а потому и читать эти заговоры должно тогда, когда приходится идти къ предержащимъ властямъ.

Кромѣ означенныхъ заговоровъ читается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для означенной же цѣли 3-й псаломъ.

Подходя къ дверямъ начальника, должно тихонько проговорить про себя: «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его» или прочесть молитву Пресвятой Богородицѣ (Богородица Дѣво радуйся...). Послѣдняя молитва читается точно также и при нападеніи собакъ. Кромѣ означенныхъ заговоровъ для того, чтобы смягчить сердце начальника употребляются и многія другія средства. Такъ напр. полезно входя въ домъ начальника посыпать на порогѣ соли, для той же цѣли полезно носить на себѣ барсучью шерсть или, наконецъ, «вихарево гнѣздо» т. е. свитые вѣтромъ сучья березы. Для вышеозначенной же цѣли употребляются наконецъ и нѣкоторыя травы. «Трава цахактелъ», читаемъ въ одномъ изъ народныхъ цвѣтниковъ, находящихся у насъ подъ рукою, «мала, ростомъ въ стрѣлу, видомъ синя, а по сторонамъ по девяти листковъ, на верху четыре листка: червленъ, зеленъ, багрянъ, синь. И та трава вельми добра: аще кто беретъ её на Ивановъ день въ купальницу сквозь гривну златую или серебряную и носитъ на себѣ, тотъ человѣкъ не боится никого, аще на судъ пойдетъ—одолѣетъ сопротивника своего и всѣ люди его любить будутъ. А ростетъ при рѣкахъ и при болотинахъ».

Возвращаясь къ заговорамъ, приводимымъ нами ниже, нелишнимъ считаемъ замѣтить, что заговоръ, помѣщенный подъ № 7-мъ, представляетъ изъ себя не что иное како измѣненный и сокращенный «Сонъ Пресвятыя Богородицы», апокрифъ повсемѣстно распространенный среди крестьянскаго населенія Пошехонскаго уѣзда.

Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ.
Аминь.

Помолюся я рабъ Божій (имя рекъ) Господу Іисусу Христу и животворящему кресту твоему и пречистой Богородицѣ матере Господа моего, Спаса нашего, Іисуса Христа и святымъ ангеломъ и архангеломъ, апостоломъ Петру и Павлу, святителю Николаю чудотворцу, святымъ безсребренникамъ Кузьмѣ и Даміану, Киру и Іоанну, Михаилу Архангелу грозному воеводѣ небесныхъ силъ и всѣмъ святымъ мученикомъ и пророкомъ помолитеся о силѣ Божіей. Какъ роса-утренняя заря бѣлому свѣту, а свѣтъ красному солнцу, такъ бы всякія власти градскія и общественныя: начальники, судіи мировые, старшины и старосты, слѣдователи и становые, губернаторы и приказные засѣдатели, полицiймейстеры и выборные и всѣ приказные православные христіане мужескій полъ и женскій—были бы рады мнѣ рабу Божію (имя рекъ) всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Какъ странодневникъ писатель божественныхъ книгъ по писанію святыхъ отецъ сказано, что на семъ свѣтѣ и на будущемъ никто не можетъ переворотить Божіей колесницы, такъ бы не могли переворотить раба Божія (имя рекъ) передъ всякія власти градскія и мировыя судіи, слѣдователи и старшины, и старосты, писаря и присяжные засѣдатели и вси православные христіане всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Будь словамъ моимъ небо—ключъ, земля—замокъ. Аминь, аминь, аминь.

Во имя Отца и сына и Святаго Духа отъ нынѣ и до вѣку. Аминь, аминь, аминь.

2. Помяни Господи Кирика и Улиту и царя Давида и всю кротость его. Какъ мертвецъ изъ гроба не возстанетъ, такъ бы рабы Божіи рады были и смирны вси начальники мирскіи судіи мировые и слѣдователи, губернаторы и становые, старшины и старосты и вси православные христіане мужескій полъ и женскій и на меня раба Божія не возставали и сердце бы ихъ упало и руки не поднимались, уста бы ихъ не растворялись отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

3. Господи благослови! Какъ весь міръ возрадуется красному солнышку, какъ отпирается и отмыкается всякая утренняя заря и взойдетъ обрадованное красное солнышко, такъ бы мнѣ многогрѣшному рабу Божію (имя рекъ) возрадовались а возвеселились окомъ благоутробнымъ, сердцемъ пріятнымъ граденіе и вотчинные начальники, губернаторы, прокуроры, мировые судьи, слѣдователи, исправники, становые, предсѣдатели и вси православные христіане, мужескій полъ и женскій, и дай имъ Господи Боже мой очи ангельскія и утробу материну. Мать Пресвятая Богородица! прикрой своей нетлѣнной ризой раба Божія (имя рекъ) отъ всякаго врага и супостата. Аминь, аминь, аминь.

4. Лягу я рабъ Божій благословясь и встану перекрестясь, помолясь Іисусу Христу сыну Божію и выйду въ чистое поле на востокъ краснаго солнышка подъ младъ свителъ мѣсяцъ, подъ чистыя мечтанныя звѣзды и обложусь я рабъ Божій (имя рекъ) тѣми облаками и наложую я на главу красное солнышко и опояшусь я радъ Божіи (имя рекъ) мечтаннымъ частымъ звѣздамъ яко бисеромъ отъ всякаго лихого человѣка. Какъ рѣки быстрые покорились окіяну морю, такъ и мнѣ бы рабу (имя рекъ) были бы покорны и возлюбили бы паче всѣхъ на свѣтѣ; когда я пойду къ нимъ, то у нихъ сердца трепетали бы и радовались бы мнѣ рабу Божію (имя (рекъ) во всѣ концы моего вѣка и скрѣпи Господи мой заговоръ переговорчивыйкрѣпчѣ латыря камня бѣлаго и вострѣ укладу остраго, меча булатнаго во вѣки отнынѣ и до вѣку. Аминь, Преподобный Логинъ вошелъ въ царскую палату а палата августова затряслась и вси люди отъ страха того и трепета не могли на Логина очами зрѣти тако бы супостаты мои не могли на меня зла подумать и лиха помыслить и дай имъ Господи Боже мой супостатамъ моимъ и лихимъ людямъ уста бы ихъ заковались, что бы ихъ обвинили, а мнѣ никакого противнаго слова не сказали. И тѣмъ моимъ словамъ буди небо ключъ, море-замокъ, евангельская печать—самъ Господь праведный Іисусъ Христосъ. Аминь, аминь, аминь.

5. Пресвятая Божія Матерь, спаси и помилуй раба Божія (имя рекъ) отъ бѣдъ и

напастей, отъ напраслинъ и отъ лихова человѣка на всю жизнь. Аминь. На аминѣ свѣтъ стоитъ, на моихъ словахъ крестъ лежитъ, на крестѣ самъ Іисусъ Христосъ опочиваетъ. Аминь, аминь, аминь.

6. Помяни Господи отца нашего Адама и мать нашу Еву царя Давида и всю кротость его, помяни Господи царя Соломона и всю мудрость его, помяни Господи тѣхъ имя рековъ къ которымъ я иду, помяни Господи Кирика младенца и мать его Улиту, царя Константина, Варвару великомученицу, христолюбивое воинство, вселенскихъ учителей. Аминь.

7. Мать пресвятая Марія Богу помолясь, стала перекрестясь, умылась Божьей росой, утерлась Христовой пеленой, пошла она въ путь дороженьку въ Іерусалимъ градъ, въ Іерусалимѣ градѣ стоитъ апостольская церковь, въ апостольской церкви стоитъ престолъ Господень, за престоломъ Господнимъ сама мать пресвятая Марія. Передъ ней стоитъ самъ Господь Богъ и речетъ своей матери: «Мать ты моя пресвятая Марія, что ты спишь или на меня зришь?»—«Сыне мой возлюбленный, я сплю и на тебя зрю, я вижу предъ Тобою пропятіе при понтійскомъ Пилатѣ. Руци и нози гвоздями приковаша, ребра Твоя копіемъ прободоша, кровь Твоя какъ вода потекоша, терновый вѣнецъ на главу накладаша хотятъ Тебя на тріехъ дрявахъ распинати: первое дряво илево, другое пилево, третье кипарисъ дряво. Кто етотъ сонъ прочтетъ по трижды въ день тотъ избавленъ будетъ отъ ужасти, отъ страсти, отъ бѣды и отъ напасти, отъ меча и отъ огня и отъ полымя, отъ звѣря бѣгучаго и отъ змѣя ползучаго и отъ лихого человѣка, Аминь. На аминѣ свѣтъ стоитъ, на моихъ словахъ крестъ лежитъ, на крестѣ самъ Іисусъ Христосъ опочиваетъ.

Какому святому въ какомъ случаѣ должно молиться.

Изъ народныхъ вѣрованій въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

Св. преп. Нифонту—о прогнаніи лукавыхъ духовъ. Для той же цѣли читается 12-я каѳизма или даже одинъ псаломъ «Живый въ помощь Вышняго».

Св, Іоанну Крестителю—отъ головной боли.

Преп. Марону или Сисинію—отъ лихорадки.

Пророку Науму—при началѣ ученія дѣтей.

Зосимѣ и Савватію—предъ выставкою пчелъ.

Георгію Побѣдоносцу—предъ выгономъ скота въ первый разъ въ поле.

Іоанну Воину—о возвращеніи украденнаго.

Св. Власію—о сохраненіи скота.

Св. Ѳомандѣ—объ избавленіи отъ блудной страсти.

Св. Иліи пророку—о поданіи дождя.

Св. Моисею Мурину—объ исцѣленіи отъ запоя.

Иконѣ Неопалимой Купины—о прекращеніи пожара.

Св. Екатеринѣ—при трудныхъ родахъ.

Св. пророку Давиду—объ укрощеніи гнѣва начальниковъ.

Св. Вонифатію—объ исцѣленіи отъ запоя.

А. Баловъ.

Легенды о чудесахъ отъ св. иконъ.

Дополненіе къ статьѣ:

«Слѣды язычества въ народномъ иконопочитаніи». Жив. Стар. 1891 г., № 3.

1) Однажды въ недавнее время несли икону преподобномученика Адріана по дерев-

нямъ Соколовской волости, въ мѣстности Ухтома [1]). Одинъ крестьянинъ, пахавшій въ полѣ, увидѣвъ это, замѣтилъ въ слухъ: «Вотъ Адріанъ преподобный по міру сбирать пошелъ...» Тотчасъ ударилъ громъ, и молнія поразила на смерть и мужика, и лошадь, на которой тотъ пахалъ.

2) Одна бѣдная крестьянка желала принять въ свой домъ икону преподобномученика Адріана, но не имѣла денегъ для того, чтобы заплатить за молебенъ. Такъ какъ взаймы никто ей денегъ не давалъ, то она и принуждена была заложить свой послѣдній праздничный сарафанъ и на полученныя деньги приняла икону. Молебенъ въ домѣ крестьянки былъ отпѣтъ, но когда хотѣли взять икону и вынести её изъ избы— икона оказалась столь тяжелою, что присутствующіе не могли её поднять. Послѣ долгихъ расспросовъ узнали, что деньги, которыя заплатила крестьянка за молебенъ, были ея послѣдними деньгами. Деньги возвратили крестьянкѣ и икона безъ труда была вынесена изъ избы.

Въ деревнѣ Усовѣ, Пошехонскаго уѣзда, Горинскаго прихода у одной «келейницы» была икона, лико которой окончательно стерлось и икона эта употреблялась хозяйкой вмѣсто покрышки.

Вдругъ изъ трубы этой кельи по ночамъ стали замѣчать сосѣди большой столпъ выходящаго пламени. Въ то же время хозяйкѣ иконы приснилась Божія Матерь и повелѣла поставить свой образъ на божницу. Келейница исполнила это приказаніе, икона была поставлена на божницу и въ ту же ночь «поновилась» т. е. сдѣлалась совершенно новою.

Сказаніе Арсенія инока Селуня града о Іерусалимѣ.

Азъ рабъ божій Арсеній, смиренный инокъ, діаконъ Селуня града, былъ есмь во Іерусалимѣ градѣ 31 лѣто, видѣлъ есмы Ерусалимъ и вся знаменія іерусалимская, скажу все воистинну предъ Богомъ: первое знаменіе святый Сіонъ, храмъ Господень, церковь велика, сведена на 4 стороны надъ гробомъ Господнимъ и не покрыта церковь, а двери въ ней 12 отъ великахъ дверей, входя въ церковь въ правую сторону гробъ Господень, 12 ступеней ;нога, къ нозе прикладываются: первое братіе знаменіе. Въ правую сторону отъ гроба Господня 5 саженъ пупъ земли: а величество его 3 обоймища около его, подобенъ человѣкъ пупу; въ лѣвую сторону гроба Господня пропасть, гдѣ Христосъ входилъ во адъ, стоитъ часъ во всякъ запечатана, только на воскресеніе Христово отпадаютъ печати, а приходитъ патріархъ со діакономъ и сведетъ главу свою и слышутъ шумъ великъ въ пропасти и потомъ обратится ко гробу Господню патріархъ съ попы и со всѣмъ народомъ у гроба Господня, а пропасть за $1^1/_2$ сажени. И иное знаменіе сходитъ съ небеси молнія на гробъ Господень, а въ гробѣ Господни суть три свѣщи горятъ что мироносицы поставили ту во гробѣ Господни. суть три свѣта едино аки свѣча горитъ вторая узрится аки дымъ и третья аки слеза. Въ великій четвертокъ, въ пятокъ, въ субботу на нощь въ третьемъ часу сходитъ съ небеси молнія въ гробъ Господень и зажигаютца свѣчи три святыя и видѣ патріархъ знаменіе Христово влазитъ въ гробъ Господень со двумя діаконы и зажигаетъ свѣщу и почнетъ пѣти «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ», и потомъ даетъ огня изъ гроба Господня; отъ ногъ камень великъ лежитъ аки яицо подобіемъ что былъ на гробѣ Господни.

По лѣвую сторону отъ гроба лежитъ глава адамова первороднаго человѣка отъ дверей 32 сажени до главы адамовой, а въ главѣ той церковь, а служба въ ней вседневная а лежитъ взничь а двери въ главу горломъ а влазятъ въ нее 20 человѣкъ а лежитъ въ закрылу церковномъ. Отъ Іерусалима до Виѳаніи града гдѣ гробъ лазаревъ 6 миль и до Геѳсиманіи гдѣ гробъ Святой Богородицы 6 миль. Другое знаменіе жидовинъ

---

[1]) Пошехонскаго у., Ярославской губ.

ухватилъ за одръ у святыя Богородицы а ангелъ Господень отсѣче ему руце и эта кровь стекла отъ рукъ его и стоитъ близъ гроба Богородицы нарекла и парна кровь. А отъ Іерусалима до Виѳлеема 7 миль гдѣ родился Христосъ церковь велика Рождество Христово и иное знаменіе въ вертепѣ млеко капало отъ у св. Богородицы персей Богородицы стоитъ и до сего дни ссѣлося бѣло мягко иное знаменіе гдѣ родися Христосъ хватила руками за землю святая Богородица ту справа аки рука святыя Богородицы а слѣву страну трава аки крестомъ свися вмѣстѣ а рука сжалася и коли на рожество Христово бываетъ служба начнутъ молити рука ся простретъ и крестъ и млеко святыя Богородицы и пара изъ него идетъ и будутъ рука святыя Богородицы простерта доколѣ отпоютъ и рука сожметца и крестъ и млеко ссядетца. Отъ Іерусалима до Елеонской горы 12 миль гора велика и высока вельми на горѣ той древеса масличныя инова лѣсу нѣсть на ней а на боку горы тоей отъ Ерусалима гробъ святыя Пелагеи гдѣ есть исповѣданіе грѣховъ пришедшихъ ко гробу трижды обоити вокругъ гроба а пойдешь въ третій лежатъ два камня и одинъ камень отскочитъ отъ гроба Пелагиина а человѣкъ исповѣдываетъ вся грѣхи своя отъ юности. Отъ того мѣста и Іерусалима до Елеонской горы поле есть Ермонъ среди того поля есть гора Ѳаворъ гдѣ преобразися Христосъ гора велика а лесу на ней нѣтъ стоитъ на ней церковь а служба въ ней вседневная а въ алтари предъ престоломъ стопы Христовы на камени гдѣ стоялъ Христосъ и до сего дня а въ праздникъ преображенія Христова патріавхъ обѣдню соборне поетъ рано какъ солнцѣ восходитъ а отпѣвъ побѣжитъ з горы зане какъ отпоетъ сходитъ на гору съ небеси столпъ огненный и молнія огненная. Отъ Іерусалима до скуделнаго села семь милей странныхъ погребеніе коли іюда Іисуса предалъ за тридесять сребреницъ жидомъ и раскаяся и поверже сребро и поверже сребро тіи же купи село на погребеніе нищихъ. Отъ Іерусалима до Капернаума 20 миль и ту стоялъ Христотъ на молитвѣ со ученики своими. Отъ Іерусалима до Іордана 20 миль здѣсь Христосъ крестился св. Іоанна Предтечи и ту камень и на камени томъ знати стопы Христовы а отъ Іордана до дуба маврицкаго гдѣ явися святая Троица Аврааму миля а отъ дуба до святого отца Зосимы миля. Отъ Іордана до града самаріи 30 миль отъ самаріи до студенца іаковлева гдѣ явися Христосъ женѣ самарянинѣ миля. Отъ іерусалима до дверей затворенныхъ 4 мили когда Христосъ пришелъ къ дверямъ затвореннымъ и глагола имъ миръ вамъ ту есть стѣна огненная а сбоку стѣны отворены двери а гдѣ ета Христосъ а тѣ отворены. Отъ іерусалима до силуамли купели 2 мили и до камня яже нарицается слава тебѣ Боже когда шелъ Христосъ во іерусалимъ и рече ученикомъ своимъ идите во іерусалимъ и обрящете человѣка во скуделвицѣ воду носяще и речете ему уготовайте ми пасху того ради зоветца камень слава тебѣ боже а и дому давыдову нѣту силы зрѣти докомъ солнечный день осіяетъ а сія на солнце зрети доколѣ солнце не зайдетъ къ дому давыдову нѣту силы дойти ограждено страхомъ божіимъ со единыя страны долу асаѳитовъ а съ другую сторону долу земля трясется нѣту силы приступити а въ дому Давыдовомъ 12 верховъ и ни единаго столпу изъ верховъ тѣхъ 4 двери видѣти и богу нашему слава отцу и сыну и святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Сказаніе о преподобной Ѳеодорѣ, ея же память 11 сентября.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ: была у него жена Ѳеодора — женщина, лицомъ красивая, а нравомъ распутная: при мужѣ жила она въ блудѣ со своимъ сосѣдомъ... И захотѣлъ видно Богъ взыскать грѣшницу: вдругъ напала на нее тоска, опротивѣлъ Ѳеодорѣ сосѣдъ, опостылъ мужъ, надоѣла и прежняя грѣшная жизнь; совѣсть, какъ звѣрь лютый, и днемъ и ночью грызла Ѳеодору. Недалеко отъ Ѳеодориной деревни былъ скитъ женскій, а игумья тамъ была старица святая: много приходило къ ней народу за совѣтомъ и молитвой. Пошла туда же тихонько отъ мужа и Ѳеодора, пришла къ старицѣ, покаялась въ своихъ грѣхахъ и стала просить совѣта. И повелѣла ей старица одѣться мужчиною, идти въ дальній глухой мужской монастырь и тамъ,

среди мужчинъ, спасаться въ образѣ мужчины. Послушалась Θеодора святой старицы: ушла тихонько отъ мужа остригла свою длинную косу, одѣлась мужчиною, назвалась Θеодоромъ и пошла въ тотъ дальній монастырь, про который сказала ей старица. А монастырь тотъ стоялъ среди лѣсовъ дремучихъ среди болотъ непроходимыхъ: много было въ нихъ и звѣрья лютаго, и всякаго гада. Ничего не побоялась Θеодора: долго ли. коротко ли она шла, и наконецъ пришла къ тому монастырю, пришла въ сумерки и стала стучать у воротъ. Доложилъ придверникъ игумену, что какой то незнакомый юноша проситъ впустить его въ монастырь, Спросилъ игуменъ: «чего этому юношѣ нужно?» «Хочетъ принять чинъ ангельскій», отвѣтилъ придверникъ. И захотѣлъ испытать игуменъ Θедора, не велѣлъ пускать его въ монастырь до зари утренней. Не побоялась Θеодора ни ночи темной, ни звѣрья лютаго, ни всякаго гада и ночевала у воротъ святой обители. Увидѣлъ игуменъ послушаніе Θедора и принялъ его въ послушники чернорабочіе. А послушаніе ему далъ—чистить помойныя ямы, да сорныя мѣста въ монастырѣ.

Много лѣтъ несъ Θедоръ это послушаніе со смиренствомъ: никого не было въ монастырѣ кротче, благочестивѣе и смиреннѣе Θедора. Замѣтилъ смиренство Θедора и игуменъ и началъ его возвышать, и наконецъ, на столько приблизилъ къ себѣ, что довѣрилъ ему закупъ провизіи нужной для монастыря.

Вѣрно и честно проходилъ Θедоръ новое послушаніе.

А покупать провизію приходилось съѣздить въ далекій городъ черезъ лѣса дремучіе, топи, да болота. На дорогѣ жилъ богатый купецъ—щедродатель монастыря. «У этого то купца и останавливался всегда Θедоръ, когда ѣхалъ въ городъ или возвращался изъ города. А у того купца была молодая дочь красивая дѣвица. Дѣвица эта и слюбилась тайкомъ отъ отца съ однимъ молодцемъ, слюбилась, а тамъ заберемѣнѣла и принесла младенца мальчика. Разсердился старикъ купецъ и началъ пытать у дочки, кто былъ ея обидчикъ.

Дочь всю вину сложила на неповиннаго ни въ чемъ Θедора.

Взялъ купецъ младенца и тотчасъ поѣхалъ въ монастырь, гдѣ жилъ Θедоръ, пришелъ къ игумену и разсказалъ ему все дѣло. Игуменъ взялъ младенца себѣ, обѣщалъ наказать Θедора, а купца отпустилъ съ миромъ домой.

Созвалъ игуменъ всю братію монастыря и призвалъ Θедора на судъ. Не оправдывался ни въ чемъ Θедоръ и братія порѣшила, что онъ виноватъ. Тутъ же и порѣшили наказать Θедора, какъ можно тяжче, порѣшили закласти Θедора вмѣстѣ съ младенцемъ въ пустой каменный чуланъ и черезъ маленькое оконце подавать ему скудную пищу.

Какъ порѣшили. такъ и сдѣлали: заключили Θедора съ младенцемъ въ затворъ, заклали входъ кирпичами, оставили только маленькое оконце, черезъ которое можно было передавать заключеннымъ пищу.

Семь лѣтъ пробылъ Θедоръ въ затворѣ. На восьмомъ году однажды принесъ монахъ ежедневную пищу и увидалъ, что вчерашняя пища лежитъ не тронутой на окнѣ.

Тотчасъ побѣжалъ монахъ къ игумену. Пришелъ игуменъ съ братіею и стали разламывать дверь. Когда вошли они къ заключеннымъ, то увидали, что на полу лежитъ Θедоръ, а на персяхъ у него мертвый младенецъ. Стала братія приготовлять тѣла для погребенія, стала раздѣвать ихъ для омовенія. Тутъ то всѣ и увидали, что предъ ними не мужчина, а женщина, что предъ ними не грѣшникъ, а праведница.

Сдѣлалъ игуменъ пышные похороны Θедору, позвалъ на поминки и купца съ дочерью. Во время поминокъ онъ разсказалъ купцу о томъ, что у нихъ случилось въ монастырѣ и что Θедоръ оказался женщиною. Услышала это и дочка купца и тутъ же при всѣхъ покаялась въ томъ, что понапрасну оклеветала праведницу. Былъ на похоронахъ и мужъ Θеодоры и призналъ онъ въ Θедорѣ свою жену и разсказалъ онъ всѣмъ ея прежнюю жизнь: и дивились всѣ тому подвигу, какой несла преподобная.

Записано 27 сентября 1889 г. со словъ крестьянки д. Ежора, Давыдковской волости, дѣвицы Марьи Васильевой.

А. Баловъ.

Докладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года.

Весной нынѣшняго года, въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, я, м. гг., получилъ порученіе отъ Императорскаго Географическаго Общества—заняться во время лѣтнихъ каникулъ собираніемъ матеріаловъ по этнографіи корельскаго края. Такое предложеніе общества какъ разъ совпало съ моимъ искреннимъ желаніемъ поработать, что-нибудь сдѣлать полезное корельскому родному краю. Въ первыхъ числахъ іюня я уже былъ въ Святозерѣ, корельскомъ селѣ Петрозаводскаго уѣзда, и съ охотою принялся за работу,—наблюдая за всѣми сторонами жизни кореляка. Жизнь кореляка, не смотря на усиливающееся съ каждымъ годомъ вліяніе сосѣдей—русскихъ, до сихъ поръ представляетъ еще очень много оригинальнаго, своеобразнаго, такого, что присуще только ей одной. Особенно много этого оригинальнаго въ тѣхъ обрядахъ и обычаяхъ, которыми обставляются важнѣйшие моменты въ жизни кореляка: въ обрядахъ свадебныхъ, погребальныхъ, крестильныхъ и др.

Свадьбы въ корелѣ происходятъ большею частью или осенью—до Филипова поста, или въ Рождественскомъ межговѣньѣ. Выборъ такого времени—вполнѣ понятенъ. Относительная свобода отъ работъ и домашнихъ занятій, нѣкоторая зажиточность крестьянъ въ это время—все это обусловливаетъ выборъ такого времени для заключенія браковъ.—Колдуны и колдуньи на корельской свадьбѣ занимаютъ первое мѣсто. Съ колдуньей невѣста ходитъ въ баню, колдунья одѣваетъ ее къ вѣнцу; и какихъ только, какихъ наговоровъ и суевѣрныхъ обрядовъ не совершается при этомъ!?... Вода, которой умывается въ банѣ невѣста, идетъ на приготовленіе тѣста, изъ котораго потомъ пекутся пироги для жениха; невѣста одѣвается къ вѣнцу въ чуланѣ и стоитъ при этомъ на разостланной овечьей шкурѣ мѣхомъ вверхъ, на пилѣ и наточенномъ топорѣ. При входѣ въ церковь, у нея поднимаются подолы платья чуть ли не до колѣнъ, чтобы они какъ-нибудь не коснулись церковнаго порога (чтобы отъ этого у невѣсты не было чирьевъ на тѣлѣ). Стоя подъ вѣнцемъ, она держитъ межъ грудями пироги, которые потомъ съѣдаетъ въ мужниномъ домѣ, чтобы не скучать, не тосковать по родителямъ. Въ домѣ жениха, послѣ вѣнчанія, сажаютъ молодыхъ на печку и кормятъ брусникой или молокомъ

Много такихъ же суевѣрныхъ обрядовъ совершается и при погребеніи и крещеніи. Въ гробѣ для мертвеца прорѣзывается отверстіе, вставляется стекло и дѣлается что-то въ родѣ маленькаго окошечка; въ изголовье покойника кладутъ вѣничные листья и стружки; въ могильную яму, прежде чѣмъ опустить гробъ, бросаютъ монету—откупаютъ землю. Въ сороковой день послѣ погребенія—«мустайжедъ»—устраивается по покойникѣ «веро»—поминальный обѣдъ. Священнослужителей, идущихъ на обѣдъ, встрѣчаютъ съ подушкой на головѣ и на печкѣ, въ домѣ, помѣщаютъ для покойника цѣлыя груды пироговъ. Въ отворенное окно опускаютъ конецъ полотенца и тѣмъ устраиваютъ путь для умершаго.

При совершеніи таинства крещенія, родители крещаемаго не присутствуютъ въ общей комнатѣ, чтобы дитя отъ этого не стало плакать по ночамъ; при погруженіи въ купель младенца, обращаютъ вниманіе на положеніе его тѣла: протянутыя ноги къ смерти, поджатыя и нѣсколько скорченныя къ жизни. Отрѣзанная пуповина прячется въ такое мѣсто, гдѣ ее никто не имѣлъ бы возможности пошевелить; «лійкутидъ лапсэнъ нябанъ, разсуждаетъ корелякъ. лійкутидъ ђäнэнъ міеленъ»—«крянулъ пуповину младенца—крянулъ его умъ, сдѣлалъ его навѣкъ сумасшедшимъ.

И въ повседневной жизни кореляка есть много любопытнаго, заслуживающаго вниманія. Утромъ корелякъ встаетъ часа 2—3 и первымъ дѣломъ, по пробужденіи, съѣдаетъ пясть муки или кусочекъ хлѣба. «Зачѣмъ это дѣлаешь, Пекко?» спрашиваю я одного такого крестьянина: «Привычка что ли у тебя такая?»—Нѣтъ не привычка, а это средство обезопасить себя отъ дѣйствій «паћалайнэ»—дьявола; безъ «пюћяллядъ»—безъ предварительнаго принятія пищи опасно выходить на воздухъ—«илмалэ»; «паћалайнэ» можетъ послать болѣзнь «нэнä». Отправился кореляк рыбу удить въ ламбу (лѣсное озерко) — замѣтили его сосѣди, не быть удачѣ. Попилъ изъ лѣснаго колодца

воды, подумалъ тутъ же что-нибудь недоброе—глядишь и нажилъ себѣ зобъ на шею или боль въ желудкѣ. Заблудился вечеромъ въ лѣсу, идя домой, проплуталъ дня два, три,—на «худыхъ слѣдахъ» былъ (паhуойль дялгилъ), на слѣдахъ «метчäлäйнэ»—лѣсовика. Купался въ лѣсномъ озерѣ, забрелъ на глубину, едва не утонулъ—всѣмъ разсказываетъ, что у водянника въ «кобрахъ» — пясти былъ, ощущалъ его холодное шерстнатое тѣло и ясно видѣлъ его, какъ видитъ теперь своихъ сосѣдей.

Заболѣла корова, опаршивѣла отъ худой, голодной пищи—«муа-hардiй»—дворовый не взлюбилъ; вездѣ у него суевѣрная подкладка, всюду привнесенiе элемента нечистой силы: кеhно, паhалайнэ, метчäлäйнэ, ведэhинэ, муа-hардiй.

Самая молодежь корельская и всѣ ея удовольствiя какъ-то отличны отъ забавъ молодежи русскихъ селъ и деревень. Какая-то вялость, холодность, постоянная застѣнчивость—отличительныя черты корельскихъ парней и дѣвушекъ. Вы не услышите отъ нихъ ни разудалой пѣсни, остроумной шутки и веселыхъ прибаутокъ; никогда не увидите у нихъ ухарской бойкой кадрили и жаркаго выраженiя взаимныхъ чувствъ. Какъ-то все дѣлается у нихъ сосредоточенно-холодно, методически-размѣренно... Самое веселое время для корельской молодежи—это святки, масляница и «вiäндüöйдъ» [1])—время отъ Иванова дня до Петрова дни. Святки для нея время желанное, съ нетерпѣнiемъ ожидаемое чуть ли не съ самой осени. На канунѣ Рождества начинаются святочныя гаданья. Собирается компанiя парней и дѣвушекъ, дѣлаетъ въ складчину «пряженые» пироги и, закусивъ ими, идутъ слушать «сüндüдъ»; слушаютъ подъ окнами домовъ, на перекресткахъ дорогъ, на церковномъ крыльцѣ, па кладбищѣ, въ ригахъ и баняхъ. Вотъ въ морозную лунную ночь крадется группа молодежи за село, на перекрестокъ дорогъ. Всѣ соблюдаютъ строжайшее молчанiе, боясь смѣхомъ и говоромъ оскорбить «великаго сüндü». Отыскали мѣсто, очертились сковородникомъ, стали спинами другъ къ другу и внимательно слушаютъ. Изъ села несутся далекiе, неясные звуки: то тихо звякнетъ колокольчикъ, то залаетъ собака, то расходившiйся дѣдушка—морозъ щелкнетъ въ уголъ крестьянской избы;—все это суевѣрно-настроенными слушателями объясняется по своему: болѣзненной Огуой (Агафьѣ) слышалось тѣсанье досокъ—значитъ умирать ей въ эту зиму; Маччи (Матвѣй), здоровенный дѣтина 21 года, слышалъ ружейные выстрѣлы—не миновать ему тяжелой солдатской службы; Катти (Катерина) слышала звонъ колокольчиковъ—скоро, должно быть, будутъ къ ней женихи...

Способовъ узнать своего суженаго—существуетъ очень много: дѣвушки одѣваютъ въ полночь на шею хомутъ, садятся подъ столъ и ждутъ своего будущаго жениха; ложатся на печку съ зеркаломъ въ рукахъ, запираютъ на всю ночь косу на замокъ, мѣряютъ сапогомъ полъ, ходятъ съ лучиной на прорубь, мочатъ её тамъ и потомъ, придя въ избу, зажигаютъ... и многое множество—другихъ средствъ и способовъ. Маскированье и «бесѣда» (ѣ—слѣдуетъ произносить какъ ё) усиливаютъ святочное веселье. Вывороченная на изнанку шуба или рваный кафтанъ, большiе, стоптанные катанцы или сапоги-кеньги и опущенный на глаза платокъ—вотъ и весь незамысловатый костюмъ кореляка «смуута». Вечеръ до поздней ночи проводится на бесѣдѣ: здѣсь танцуютъ—кадриль, лянсье, совдино-чоукку, а въ старину—шина и касарейку: пѣсни поются исключительно русскiя, но такъ исковерканныя, что трудно было бы уловить въ нихъ какой-нибудь смыслъ или значенiе: «доцумери, доцумери—показался денъ малинъ, денъ малина—коротина, на одинъ часочикъ; теперь моды при часахъ, котикова шапки... Меня милой не узналъ прямо доктору послалъ; докторъ улица дѣвица стала спрашивати; танцы—пляски на каляски буду радость веселить я глазаленькой, голосокъ—соловей, изъ себе картина...»

Время «вiäндüöйдъ»—дорогое время для женскаго пола и въ особенности для дѣвушекъ. Въ это время корельскiя бабы приносятъ изъ лѣсу вересъ и ольховые листья для паренья молочныхъ горшковъ, ломаютъ березовыя вѣтви для вѣниковъ и сбираютъ цѣлебныя травы и цвѣты. Аптека кореляка—не богата медикаментами и приспособлена

[1]) ü какъ франц. u, а не какъ русск. ю.

для лѣченія самыхъ простыхъ—«мужицкихъ» болѣзней: «равдэ-һейнэ»—останавливаетъ кровь при урѣзахъ; «урчой-һейнэ»—годится при разстройствѣ желудка; «кувзи-лехти»—отъ чесотки, «айлазъ-һейнэ»—отъ колотья и друг... Но особенно, говорю, дорого время «віандуойдъ» для дѣвушекъ. На канунѣ Иванова дня онѣ идутъ въ лѣсъ и кладутъ въ ржаныя поля—полотенце, мыло и серебрянную монету. Въ ночь на Петровъ день все это берется обратно и становится прекраснымъ средствомъ—«ностай лемби»—пустить о себѣ въ народѣ хорошую молву,—понравиться любому парню. При умываніи—монету опускаютъ въ воду, и дѣвушка моется тѣмъ мыломъ, утирается тѣмъ полотенцемъ, которыя лежали все время «віандуойдъ» въ полѣ. — Чтобы пустить «лемби»—существуетъ еще другое средство—это купанье во ржи. Представьте себѣ теплую іюньскую ночь, съ нѣжнымъ запахомъ распустившихся цвѣтовъ; въ полѣ, въ росистой ржи, какъ русалки, прыгаютъ, скачутъ, валяются—дѣвушки, совершенно нагія... Куда дѣвались ихъ постоянная застѣнчивость и стыдливость, заставляющія нерѣдко краснѣть ихъ до корней волосъ?!.. Все забыто, лишь бы «лемби-ностай»—пустить хорошую молву...

Такова въ краткихъ чертахъ жизнь кореляка съ его горемъ и радостью, печалями и весельемъ... И она-то служила мнѣ предметомъ наблюденій. Я записывалъ все, что только замѣчалъ въ ней—любопытнаго и оригинальнаго: въ обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и рѣчи,—записывалъ частію, наблюдая непосредственно самъ за жизнью корела, а частію и по разсказамъ стариковъ и старухъ-разсказчицъ. Такъ, въ Святозерѣ, при помощи такой старушки, я съ подробностями записалъ свадебные обычаи съ причитаньями, погребальные обряды, обряды «мустаймедъ»,—т. е. сороковаго поминальнаго дня, и нѣсколько способовъ—присушить парня къ дѣвкѣ. Въ среднихъ числахъ іюня я вышелъ изъ Святозера и направился на сѣверо-западъ Петрозаводскаго уѣзда, по направленію къ Финляндіи. Въ селѣ Пряжѣ (Петрозаводскаго уѣз.) мало нашелъ заслуживающаго вниманія. Это село, не смотря на большое число жителей, почти лишено своего оригинальнаго, собственно-корельскаго: здѣсь нѣтъ ни сказочниковъ, ни старухъ-причитальщицъ, не сохранилось ни старинныхъ національныхъ корельскихъ обычаевъ,—все постепенно замѣнено «мѣщанскимъ, вульгарно-русскимъ», идущимъ широкимъ теченіемъ изъ Петрозаводска... Самый говоръ Пряжинцевъ—особый говоръ, отличающійся отъ рѣчи другихъ кореляковъ, и сильно испещренный русскими словами (церковь—черковъ; крыша—кровля...)... Эта особенность говора дала мнѣ поводъ—обратить вниманіе на рѣчь кореляковъ,—и отчасти послужила побужденіемъ—составить словарь корельскаго языка... Въ Сямозерѣ (Säämjarwi)—побывалъ на «руочинъ-саари» и осмотрѣлъ шведскую могилу; выслушалъ нѣсколько сказокъ отъ мѣстныхъ жителей и записалъ десятокъ—другой корельскихъ загадокъ. Пребываніе въ деревнѣ Проккойла—было нѣсколько удачнѣе. Одна мѣстная крестьянка разсказала мнѣ обо всѣхъ обрядахъ—свадебныхъ и погребальныхъ, которые, впрочемъ, ничѣмъ не отличаются отъ Святозерскихъ; пропѣла «голосомъ» нѣсколько свадебныхъ причитаній, сказала сказку и сообщила нѣсколько загадокъ и пословицъ. Въ с. Вешкелицахъ (вези-кюля), находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ финской границы, замѣтно уже вліяніе Финляндіи. Здѣсь нѣтъ уже такихъ кучныхъ селъ, какія встрѣчаются въ восточной и сѣверо-восточной корелѣ, каждые два три домика стоятъ наединѣ и составляютъ деревню съ особымъ именемъ (Ахпой-Микки, Лѐбойнэ). Говоръ здѣсь болѣе или менѣе—чисто корельскій, безъ замѣтной примѣси словъ русскихъ; встрѣчаются только иногда слова финскія. Одежда мѣстныхъ жителей очень похожа на финскую. Визитка изъ сѣрой домо-тканной шерстяной матеріи; у каждаго на ремнѣ ножъ въ кожанныхъ ножнахъ, и частенько встрѣчается—рубашка, заправленная въ брюки. Мое пребываніе въ Вешкелицахъ совпало съ временемъ «віандуойдъ». При содѣйствіи мѣстнаго учителя (М. А. Никольскаго) я узналъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей—какъ проводится здѣсь молодежью это время, какіе существуютъ способы «ностай лемби»—пустить въ людяхъ хорошую молву. познакомился съ нѣкоторыми святочными гаданьями и выслушалъ нѣсколько разсказовъ о «пагахъ мэнэ» —о дѣйствіяхъ нечистой силы...

Изъ Вешкелицъ мой путь лежалъ обратно въ Святозеро, чрезъ Салменицы (Салменъ-ниника). Въ с. Салменицахъ я не засталъ почти никого дома: весь народъ, даже

старые и малые—были въ лѣсу, работали на пожняхъ. Къ моему счастію, у мѣстнаго священника оказалась служанкой—одна бойкая старушка изъ мѣстныхъ крестьянокъ, и она то мнѣ сообщила полсотни однихъ загадокъ и нѣсколько примѣтъ и наговоровъ на счетъ домашняго скота. Дорогой въ Святозеро я зашелъ въ одну небольшую деревеньку Киндазъ-Рукавица. Почему-то жители этой деревни служатъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ сосѣдей-кореляковъ; о нихъ ходитъ много всякихъ анекдотовъ, напоминающихъ отчасти пошехонскіе разсказы. Былъ, разсказываютъ, одинъ киндасовецъ на охотѣ; приходитъ домой и говоритъ своимъ семейнымъ, что въ «куопѣ»—ямѣ, куда на зиму кладутъ рѣпу, видѣлъ сто зайцевъ.—«Полно врать, замѣчаютъ ему родственники, откуда взялось такое множество зайцевъ...?»—Ну не сто, такъ 50 да все таки было... «А откуда 50-то, да еще и въ «куопѣ?»—Ну, не 50—такъ десять хоть было...»—«Ну да и то очень сомнительно»...—Ну, если не десять,—такъ одинъ хоть да былъ... «Да былъ ли хоть одинъ-то...?»—Такъ что-же тогда шуршало въ ямѣ?..

Или еще другой разсказъ: Наступаетъ праздникъ Крещенія Господня—Ведэристэ. Киндасовцы въ прежніе годы на этотъ праздникъ постоянно ходили на свой погостъ—въ Пряжу, а тутъ почему-то вздумали устроить Іордань у себя дома: «не пойдемте, братцы, на Іордань въ Пряжу, разсуждаютъ киндасовцы на канунѣ праздника, не стоитъ ходить туда; рѣка у насъ есть своя, иконъ въ часовнѣ много, такой можно Іордань смастерить, что любо...» Покричали, потолковали, и всѣ согласились устроить Іордань дома. На другой день, въ самый праздникъ Крещенья, рано утромъ сдѣлали на рѣкѣ большую прорубь, и торжественно съ иконами на груди народъ повалилъ изъ часовни на Іордань. Морозъ былъ въ тотъ день трескучій; руки мерзли даже въ рукавицахъ. Вотъ одинъ крестьянинъ держитъ на груди большую икону «пüһä Ведöй»—св. Введеніе... Руки у него отъ холода посинѣли, окоченѣли, и самъ онъ не чувствуетъ, какъ икона постепенно соскальзываетъ, соскальзываетъ и, наконецъ, бултыхнулась въ Іордань... Сильнымъ теченіемъ рѣки икону тотчасъ-же подхватило и унесло подъ ледъ. Между киндасовцами началась тревога: ахъ «нюнню суугъ»—penis in os «пüһä-Ведöй» въ воду пала!.. Притащили изъ деревни неводъ, запустили его по теченію ниже Іорданской проруби, вытащили—глядятъ кусокъ льду... «Да это должно быть и есть «пüһä-Ведöй»—сдогадались киндасовцы и торжественно понесли льдину на печку въ домъ часовеннаго старосты: пока обѣдаемъ, молъ, «пüһä-Ведöй» тѣмъ временемъ на печкѣ и оттаетъ:.. Сидятъ киндасовцы обѣдаютъ, ѣдятъ праздничные пироги... «А подика ты, Микко, посмотри, что «пüһä-Ведöй дѣлаетъ на печкѣ», посылаютъ одного изъ своихъ товарищей справиться на счетъ иконы. Микко поднимается изъ-за стола, лѣзетъ на печку и оттуда съ священнымъ трепетомъ сообщаетъ: «А, «нюнню суугъ»—penis in os «пüһä-Ведöй» то, братцы, сбѣжала, только мочи немножко на печку брызнула»...

По возвращеніи въ Святозеро, чрезъ нѣсколько времени я снова отправился въ путь—по направленію къ Олонцу... Дошелъ до Кескозера (Кескуой-Ярви) и, по случаю болѣзни, долженъ былъ возвратиться обратно въ Святозеро... Въ Кескозерѣ мнѣ случилось видѣть раздѣлъ братьевъ. Раздѣлъ былъ полюбовный и происходилъ мирно, безъ крика и спору, безъ присутствія сельскихъ властей. Старшій братъ, широкобородый, плечистый мужикъ принесъ изъ «перти-айтэ»—домоваго чулана (въ отличіе отъ «пелдо-айтэ»—чуланъ на полѣ) ржаной хлѣбъ, положилъ его на столъ, засвѣтилъ восковую свѣчу предъ иконами,—и оба брата съ семьями стали на молитву. Потомъ, послѣ молитвы, братья поцѣловались, и старшій, отрѣзавъ ножомъ половину хлѣба, отдалъ её брату... И затѣмъ начался самый раздѣлъ имѣнія: старшій братъ взялъ избу, а младшій «свіязи», т. е. дворъ и сарай: зерновой хлѣбъ, скотъ, поля,—все пошло пополамъ.

Въ заключеніе скажу вкртцѣ о результатахъ моихъ наблюденій за жизнью кореляка, подведу, такъ сказать, итогъ моей лѣтней работѣ.—Мною подробно описаны обряды корельской свадьбы и приложены свадебныя причитанья въ двухъ текстахъ (корельск. и русск.); описаны обряды погребальные и приложены отрывки изъ причитаній. Собрано больше полтораста загадокъ и пословицъ, и изложены онѣ въ двухъ

текстахъ. Сдѣлано описаніе времени «віандуйдь» и корельскихъ святокъ со всѣми гаданьями, примѣтами, ворожбами и увеселеніями этого времени; указаны въ краткомъ очеркѣ воззрѣнія и взгляды кореляковъ на нечистую силу: haha, мечгяляйнэ, ведэhинэ, и муа-hapjiи: записано нѣсколько сказокъ и легендъ, и, наконецъ, начато составленіе русско-корельскаго словаря.

Сознаюсь предъ вами, м. гг., что я не сдѣлалъ того, что мечталъ сдѣлать, уѣзжая изъ Петербурга въ Корелу... И причиной того было, во 1-хъ лѣтнее время, неудобное для собиранія этнографическихъ матеріаловъ,—время, когда народъ цѣлыми днями бываетъ въ лѣсу на работѣ и не имѣетъ никакой охоты разсказывать сказки, загадки, сообщать о своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ,—заниматься, по его выраженію, «пустяками». Во 2-хъ, скрытность и недовѣрчивость кореляка, съ какими онъ встрѣчаетъ всякаго, не принадлежащаго къ числу его односельчанъ, и въ третьихъ, наконецъ, моя неопытность и нѣкоторая, пожалуй, неумѣлость взяться за этотъ трудъ, какъ слѣдуетъ. Собираніе матеріаловъ по этнографіи корельскаго края Олонецкой губерніи—было для меня первымъ опытомъ въ занятіяхъ этого рода,—это были, такъ сказать, мои первые, еще неумѣлые шаги, а потому я въ правѣ, м. гг., разсчитывать у васъ на полное ваше снисхожденіе... Если же случится мнѣ снова побывать въ Корелѣ, то я надѣюсь, что, взявшись за трудъ собиранія матеріаловъ уже съ нѣкоторымъ запасомъ опытности, я исполню его болѣе удовлетворительно и съ большимъ успѣхомъ для себя...

Н. Лѣсковъ.

Latwju dainas.

Извѣстный латышскій этнографъ Хр. Е. Баронъ и членъ Литовско-Латышской Коммиссіи при Этнографическомъ Отдѣленіи Импер. Русск. Геогр. Общ. Г. А. Виссендорфъ приступаютъ въ скоромъ будущемъ къ изданію обширнаго, единственнаго въ своемъ родѣ сборника латышскихъ народныхъ пѣсенъ подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ. Съ помощью мѣстныхъ любителей лат. народнаго творчества собраны обширные матеріалы вопервыхъ гг. Бривземніаксомъ и Барономъ, затѣмъ ученою Коммиссіею при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ, Литературнымъ Отдѣленіемъ при Митавскомъ Латышскомъ Обществѣ и Г. А. Виссендорфомъ. Въ сборникъ войдетъ около 20.000 пѣсенъ и около 60.000 варіантовъ. Сборникъ будетъ выходить выпусками въ 6 печатныхъ листовъ каждый. Печатается этотъ сборникъ Митавскимъ издателемъ I. Я. Дравинъ-Дравніакомъ, извѣстнымъ своими образцовыми и общеполезными изданіями.

Отъ Ред. Четвертая книга Ж. Стар. за 1893 г. и первая книга Ж. Стар. за 1894 г. набираются и приблизительно выйдутъ единовременно.

Во 2 кн. Ж. Ст. 1893 г. въ статьѣ проф. Уленбека (Отд. I. стр. 178—210) вкрались слѣд. опечатки: стр. 180 напеч. Yuddhishthira слѣд. чит. Yudhishthira, стр. 185 напеч. его т у п ы м ъ мечемъ слѣд. чит. его б ѣ л ы м ъ мечемъ, стр. 192 напеч. Winkel слѣд. чит. Te Winkel, стр. 209, 210 напеч. у слѣд. ij.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

періодическое изданіе Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества четвертый годъ свой начнетъ съ конца Января 1894 г. и будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками отъ 7—8 до 9—10 листовъ прежняго формата въ большую 8-ку. Подписная цѣна за четыре выпуска въ годъ: въ С.-Петербургѣ (съ доставкою)—5 р., въ другіе города Имперіи—5 р. 50 к. и за границу—6 р.

Подписывающіеся на 4 года за разъ съ доставкою въ Петербургѣ платятъ—14 р., въ прочихъ городахъ Имперіи—15 р., за границею—16 р.

Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ обществѣ, въ редакціи „Живой Старины“ (СПБ. у Чернышева моста).

Съ 1 Ноября 1893 г. съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ будутъ выходить

ТРИ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ГАЗЕТЫ:

„ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ВѢДОМОСТИ"

съ приложеніями

„КОММЕРЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ"

и

«ЖУРНАЛА ДЛЯ АКЦІОНЕРОВЪ»

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. В. Трубникова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

«Экономическихъ Вѣдомостей» съ приложеніями «Коммерческой Газеты» и «Журнала для Акціонеровъ» съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 9 рублей; на полгода 5 рублей; за границу 12 рублей.

Подписная цѣна на ноябрь и декабрь 1893 г. съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 2 рубля.

Подп[illegible]ется въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи «Экономическихъ Вѣ[illegible] Владимірская улица, домъ № 3, квартира № 7.

Издатель и редакторъ **К. В. Трубниковъ.**

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

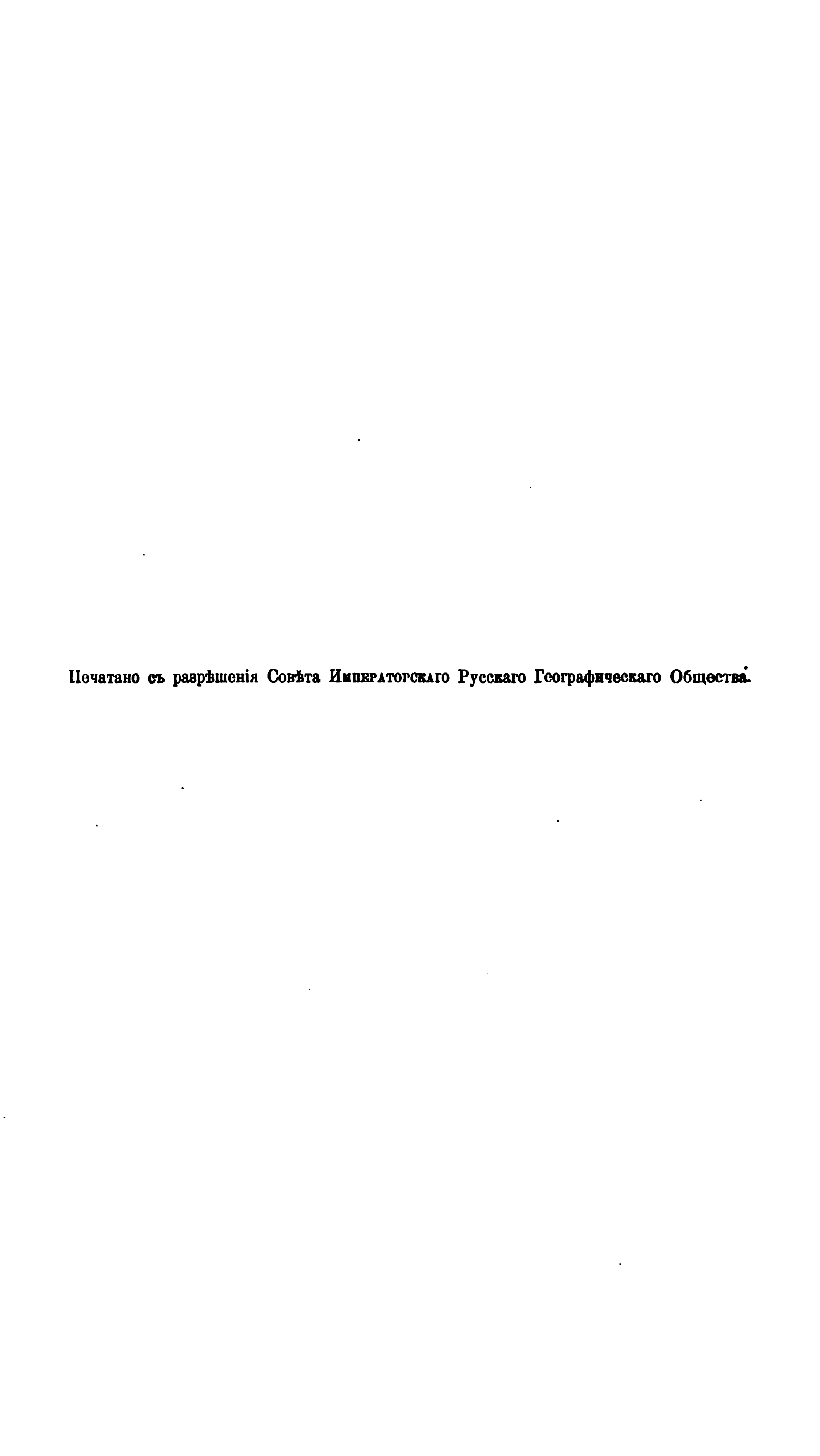
подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ТРЕТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1893.



Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи [1].

Русскіе ученые охотно пользуются мѣстными названіями (городовъ, селъ, деревень) и приходятъ на основаніи ихъ къ важнымъ выводамъ относительно мѣстъ поселенія древнихъ инородческихъ племенъ.

Они не дѣлаютъ между ними различія и цѣнятъ одинаково названія совершенно отличныя другъ отъ друга по своему строенію; между тѣмъ значеніе названій для науки должно быть въ связи съ способомъ ихъ образованія.

Всѣ мѣстныя названія, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, дѣлятся на двѣ группы.

Въ составъ первой изъ этихъ группъ входятъ прежде всего тѣ названія, которыя вполнѣ или почти вполнѣ тожественны по звукамъ съ названіями племенъ и которыя имѣютъ форму или единственнаго числа, какъ Чудь (Владимирск. губ., Костромск. губ.), Весь (С.-Петербургск. губ), Меря (Московск. губ.), Мещера (Нижегородск. губ., Владимирск. губ.), Мещерка (Тульск. губ.), Корелка (Тверск. губ.), Литва (Тверск. губ., Вологодск. губ.), или множественнаго числа, какъ Чуди (Новгородск. губ.), Чудки, Веси (Вологодск. губ.), Голяди (Московск. губ.), Мещеры (Тверск. губ.), Лопари (Вятск. губ.), Ляхи (Владимирск. губ.), Поляки (Смоленск. губ., Вятск. губ.), Нѣмцы (Орловск. губ.), Латыши (Смоленск. губ., Калужск. губ.). Эти названія могли произойти лишь вслѣдствіе того, что поселенія, ихъ носящія, были заняты инородцами, т. е. группами людей болѣе или менѣе отличныхъ въ этнографическомъ отношеніи отъ окрестнаго или сосѣдняго русскаго населенія. Само собою разумѣется, подобныя названія были даны поселеніямъ не ихъ основателями инородцами, а русскими сосѣдями. Древность поселеній можетъ быть различна; одни могли существовать до прихода русскихъ поселенцевъ, такъ что ихъ нынѣшнія названія не первона-

---

[1]) Читано на IX Археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ.

Докладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года.

Весной нынѣшняго года, въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, я, м. гг., получилъ порученіе отъ Императорскаго Географическаго Общества—заняться во время лѣтнихъ каникулъ собираніемъ матеріаловъ по этнографіи корельскаго края. Такое предложеніе общества какъ разъ совпало съ моимъ искреннимъ желаніемъ поработать, что-нибудь сдѣлать полезное корельскому родному краю. Въ первыхъ числахъ іюня я уже былъ въ Святозерѣ, корельскомъ селѣ Петрозаводскаго уѣзда, и съ охотою принялся за работу,—наблюдая за всѣми сторонами жизни кореляка. Жизнь кореляка, не смотря на усиливающееся съ каждымъ годомъ вліяніе сосѣдей—русскихъ, до сихъ поръ представляетъ еще очень много оригинальнаго, своеобразнаго, такого, что присуще только ей одной. Особенно много этого оригинальнаго въ тѣхъ обрядахъ и обычаяхъ, которыми обставляются важнѣйшіе моменты въ жизни кореляка: въ обрядахъ свадебныхъ, погребальныхъ, крестильныхъ и др.

Свадьбы въ корелѣ происходятъ большею частью или осенью—до Филипова поста, или въ Рождественскомъ межговѣньѣ. Выборъ такого времени—вполнѣ понятенъ. Относительная свобода отъ работъ и домашнихъ занятій, нѣкоторая зажиточность крестьянъ въ это время—все это обусловливаетъ выборъ такого времени для заключенія браковъ.—Колдуны и колдуньи на корельской свадьбѣ занимаютъ первое мѣсто. Съ колдуньей невѣста ходитъ въ баню, колдунья одѣваетъ ее къ вѣнцу; и какихъ только, какихъ наговоровъ и суевѣрныхъ обрядовъ не совершается при этомъ!?... Вода, которой умывается въ банѣ невѣста, идетъ на приготовленіе тѣста, изъ котораго потомъ пекутся пироги для жениха; невѣста одѣвается къ вѣнцу въ чуланѣ и стоитъ при этомъ на разостланной овечьей шкурѣ мѣхомъ вверхъ, на пилѣ и наточенномъ топорѣ. При входѣ въ церковь, у нея поднимаются подолы платья чуть ли не до колѣнъ, чтобы они какъ-нибудь не коснулись церковнаго порога (чтобы отъ этого у невѣсты не было чирьевъ на тѣлѣ). Стоя подъ вѣнцемъ, она держитъ межъ грудями пироги, которые потомъ съѣдаетъ въ мужниномъ домѣ, чтобы не скучать, не тосковать по родителямъ. Въ домѣ жениха, послѣ вѣнчанія, сажаютъ молодыхъ на печку и кормятъ брусникой или молокомъ

Много такихъ же суевѣрныхъ обрядовъ совершается и при погребеніи и крещеніи. Въ гробѣ для мертвеца прорѣзывается отверстіе, вставляется стекло и дѣлается что-то въ родѣ маленькаго окошечка; въ изголовье покойника кладутъ вѣничные листья и стружки; въ могильную яму, прежде чѣмъ опустить гробъ, бросаютъ монету—откупаютъ землю. Въ сороковой день послѣ погребенія—«мустайжедъ»—устраивается по покойникѣ «веро»—поминальный обѣдъ. Священнослужителей, идущихъ на обѣдъ, встрѣчаютъ съ подушкой на головѣ и на печкѣ, въ домѣ, помѣщаютъ для покойника цѣлыя груды пироговъ. Въ отворенное окно опускаютъ конецъ полотенца и тѣмъ устраиваютъ путь для умершаго.

При совершеніи таинства крещенія, родители крещаемаго не присутствуютъ въ общей комнатѣ, чтобы дитя отъ этого не стало плакать по ночамъ; при погруженіи въ купель младенца, обращаютъ вниманіе на положеніе его тѣла: протянутыя ноги къ смерти, поджатыя и нѣсколько скорченныя къ жизни. Отрѣзанная пуповина прячется въ такое мѣсто, гдѣ ее никто не имѣлъ бы возможности пошевелить; «лійкутидъ лапсэнъ нябанъ, разсуждаетъ кореляк. лійкутидъ һäнэнъ міеленъ»—«крянулъ пуповину младенца—крянулъ его умъ, сдѣлалъ его навѣкъ сумасшедшимъ.

И въ повседневной жизни кореляка есть много любопытнаго, заслуживающаго вниманія. Утромъ кореляк встаетъ часа 2—3 и первымъ дѣломъ, по пробужденіи, съѣдаетъ пясть муки или кусочекъ хлѣба. «Зачѣмъ это дѣлаешь, Пекко?» спрашиваю я одного такого крестьянина: «Привычка что ли у тебя такая?»—Нѣтъ не привычка, а это средство обезопасить себя отъ дѣйствій «паһалайнэ»—дьявола; безъ «пюһяллядъ»—безъ предварительнаго принятія пищи опасно выходить на воздухъ—«илмалэ»; «паһалайнэ» можетъ послать болѣзнь «нэнä». Отправился кореляк рыбу удить въ ламбу (лѣсное озерко) — замѣтили его сосѣди, не быть удачѣ. Попилъ изъ лѣснаго колодца

кновенномъ обиліи и при этомъ не позволяютъ сомнѣваться, что передъ нами только личныя имена и прозвища. Такъ, мы въ нихъ встрѣчаемъ имя Козаринъ, хотя въ XV—XVII вѣкахъ народа Козаръ давно уже не существовало; или мы находимъ соединенія подобныхъ именъ въ родѣ: Русинъ да Мещеринъ Өедоровы дѣти Черемисинова (1568 годъ) [1]. Въ виду этого, названія въ родѣ Чудиново, Мериново указываютъ лишь на то, что основателями или собственниками поселенія были люди, носившія имена или прозвища Чудинъ, Меринъ и т. п. (иногда даже фамиліи Чудиновъ, Мериновъ и т. п.). и для исторической этнографіи лишены значенія.

Къ той же группѣ относятся названія очень близкія къ только что упомянутымъ, оканчивающіяся на —ино (рѣже на —инъ, —ина), въ родѣ Мещерино, Корелино, Печорино, Ясино (Ярославской губ.), Козарино (Смоленск., Тульск.), Литвино (Тверск.). Эти названія произошли черезъ сокращеніе изъ названій на —иново, т. е. Мещерино произошло изъ Мещериново, точно также какъ фамиліи Мещеринъ, Корелинъ Куманинъ, Весинъ, Болховитинъ, Моршанинъ произошли изъ фамилій Мещериновъ и т. п.

Происхожденіе мѣстныхъ названій на —ово и —ино отъ личныхъ именъ и прозвищъ вполнѣ объясняетъ намъ, почему въ одной и той же мѣстности находятся поселенія съ самыми разнообразными названіями, напримѣръ, почему въ Ярославской губ. мы находимъ названія Чудиново, Мериново Мещерино, Печерино, Муромцево, Голятино, Корелино, Прусово, Козариново, Хопылево, Ясино, Ляхово, Нѣмцево, или въ Тверской губ. Чудиново, Мериново, Прусово, Латыгорево, Литвино, Ляхово, Нѣмцево; оно же намъ объясняетъ, почему въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ находятся поселенія съ одними и тѣми же или съ очень сходными названіями.

А. Соболевскій.

---

1) Акты Юридическіе, стр. 26.

Древнѣйшія русскія двуосновныя личныя имена и ихъ уменьшительныя.[1]

Всѣ дошедшія до насъ по памятникамъ народныя русскія личныя имена можно раздѣлить на три слѣдующія группы:

I. Древнѣйшія сложныя двуосновныя имена, какъ Святославъ, Мирославъ, Доможиръ, Милонѣгъ, Всеволодъ и т. п. съ ихъ уменьшительными, бывшія въ большомъ употребленіи до XIV в. включительно, позже этого времени встрѣчающіяся въ очень ограниченномъ количествѣ.

II. Позднѣйшія сложныя имена, какъ: а) Грибоѣдъ, Обернибѣсъ, Волосомоя и т. п., б) Умойся-грязью, Пролей-брагу и т. п. (ближайшіе родственники гоголевскихъ Держи-морда, Неуважай-корыто и т. п.), особенно распространенныя въ XVI и XVII вв., но встрѣчающіяся въ русскихъ памятникахъ очень рано. Сравн. а) Тупочелъ, тіунъ 1163 г., Древн. пам. русс. письма и яз. б) Положи-шило, 1257 г. Ипат. сп. л.

III. Несложныя имена, взятыя изъ среды нарицательныхъ и вполнѣ тожественныя съ ними, какъ Кожухъ, Носъ, Рычагъ, Морозъ, Туча, Истлѣнье, Кошка, Упырь, Козаринъ, Первуня, Вторышка и т. п.

Имена II и III группы, не сдерживаемыя никакими границами, не поддаются исчисленію. Они нарождались чуть-ли не съ рожденіемъ новаго человѣка по произволу фантазіи виновниковъ ихъ нареченія. Относительно-же одной III группы можно сказать, что ихъ было или, вѣрнѣе, могло быть столько, сколько понятій въ языкѣ. И тѣ и другія легко могутъ быть объясняемы изъ современнаго имъ языка. Наоборотъ, изъ именъ I группы можно составить, такъ сказать, языческія святцы. Прихоть фантазіи имѣла въ созданіи ихъ сравнительно мало значенія. Это—рядъ древнѣйшихъ основъ, иногда со-

---

[1]) Матеріалъ для этой статьи взятъ изъ лѣтописей, актовъ и друг. памятниковъ др.-русскаго языка. Пособіями были:

Aug. Fick. „Die griechischen Personennamen“. Göttingen 1874.

Ad. Bezzenberger. „Die Bildung d. altpreuss. Personennamen“ (Altpreuss. Monatschrift. 13. 1876).

П. И. Прейсъ. Принадлежащее М. С. Куторѣ, рукописное собраніе именъ славянскихъ и литовскихъ, полученное мною отъ В. И. Ламанскаго.

F. Miklosich. „Die Bildung d. Slavischen Personennamen“ (въ Denkschr d. kaiserl. Ak. d. Wissensch. philosoph.-histor. classe B. X. Wien 1860).

М. Морошкинъ. „Славянскій именословъ“. Спб. 1867.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. „О древне-польск. яз.“. Лейпцигъ 1870.

T. Maretič. „O narodnim imenima i prezimenima u Srba i Hrvata“. U Zagrebu 1886.

С. Новаковић. „Српски поменици XV—XVIII в.“ у Београду 1875.

Н. Барсовъ. „Матерьялы для историко-географическаго словаря древ. Руси до XIV в. включительно“ (откуда взято не болѣе двухъ-трехъ названій).

вершенно необъяснимаго значенія, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Въ историческое время или, точнѣе, въ эпоху древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ онѣ (по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ) несомнѣнно употреблялись только по преданію. Судя по правописанію лѣтописи и др. памятниковъ, онѣ въ то время понимались не болѣе чѣмъ теперь. Такъ въ пам. имѣемъ: Володимиръ, —меръ, —мѣръ; Изяславъ, Изо—, Ижо — Ижа— (Изѣ-болкъ, м. б. полкъ?) Жидиславъ, Жидь—, Жидо—, (чеш. Zdimir=Жьдимиръ); Ратьмиръ, Рати—, Радьславъ, Радо—, Рати—; Сбыславъ, Избы—; Милонѣгъ, Миро—; Мстиславъ, Мьсти—, Мѣсти—, но Мьстьбогъ; Вячьславъ, Ваче—, Вят— (срвн. уменьшит. Вят-ко, назв. племени Вят-ичи); Доможиръ, Доми—, (чеш. Domyslav); Твердиславъ, Твердо—, и т. д., не говоря уже о такихъ искаженіяхъ, какъ Тонигліевичъ и Тонильевичъ изъ Толигнѣвичъ (см. лѣт. 1282 г.). Т. о. эти имена столь же разнообразно передаются въ памятникахъ, какъ какое-нибудь скандинавское, напр., Swenheld (Swanhildr) въ лѣтописи Свеньлдъ, Свѣнальдъ, Свѣньгельдъ, Свѣндельдъ, Свѣнтелдъ. Если сравнить русскія имена съ подобными же у другихъ славянъ, то неопредѣленность пониманія и передачи ихъ буквами бросается въ глаза еще болѣе. Сравн. сербск. Миросав и Мирисав, Милосав, Милисав и Миљман; др.-польск. Bolesław и Bolisław, Bogdan, Bogodan и Bogudan.

Особенно обращаетъ на себя вниманіе безразличность конечной гласной первой части двуосновнаго имени. Это, какъ мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ о незначительности ея роли въ сложныхъ именахъ. Объяснять это можно также тѣмъ еще, что она, вѣроятно, находилась внѣ ударенія.

Желаніе истолковать то или другое древнее имя, сообщить ему болѣе ясный смыслъ могло побудить лицъ, занесшихъ ихъ въ тѣ памятники, откуда мы ихъ извлекаемъ, дать первымъ основамъ ихъ ту или иную падежную форму, какъ, напр., род. пад. въ словѣ Доманѣгъ, которое т. о. получало смыслъ «дома нѣжащійся». Заключать изъ того, что первыя части нѣкоторыхъ сложныхъ именъ имѣютъ въ памятникахъ падежную форму, о именномъ значеніи ихъ и вообще составныхъ частей полныхъ именъ, какъ дѣлаетъ Остгофъ въ своей книгѣ: «Das Verbum in d. Nominal-composition» во всякомъ случаѣ не менѣе рискованно, чѣмъ приписывать глагольное значеніе первымъ частямъ такихъ именъ, какъ Мстиславъ, Держикрай, Бориславъ и т. п., основываясь на современномъ пониманіи ихъ.

Такія имена—наслѣдство отъ глубокой древности. Авг. Фикъ въ своей книгѣ «Die Griechisch Personennamen» прекрасно показалъ тѣсное родство подобныхъ полныхъ именъ (vollnamen) и ихъ уменьшительныхъ (kosenamen) у народовъ индо-европейской семьи.

Его изслѣдованіе вполнѣ подтверждаетъ уже раньше являвшуюся у меня

текстахъ. Сдѣлано описаніе времени «віяндуйдъ» и корельскихъ святокъ со всѣми гаданьями, примѣтами, ворожбами и увеселеніями этого времени; указаны въ краткомъ очеркѣ воззрѣнія и взгляды кореляковъ на нечистую силу: паhа, мечтäлäйнэ, ведэhпиэ, и муа-hардій; записано нѣсколько сказокъ и легендъ, и, наконецъ, начато составленіе русско-корельскаго словаря.

Сознаюсь предъ вами, м. гг., что я не сдѣлалъ того, что мечталъ сдѣлать, уѣзжая изъ Петербурга въ Корелу... И причиной того было, во 1-хъ лѣтнее время, неудобное для собиранія этнографическихъ матеріаловъ,—время, когда народъ цѣлыми днями бываетъ въ лѣсу на работѣ и не имѣетъ никакой охоты разсказывать сказки, загадки, сообщать о своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ,—заниматься, по его выраженію, «пустяками». Во 2-хъ, скрытность и недовѣрчивость кореляка, съ какими онъ встрѣчаетъ всякаго, не принадлежащаго къ числу его односельчанъ, и въ третьихъ, наконецъ, моя неопытность и нѣкоторая, пожалуй, неумѣлость взяться за этотъ трудъ, какъ слѣдуетъ. Собираніе матеріаловъ по этнографіи корельскаго края Олонецкой губерніи—было для меня первымъ опытомъ въ занятіяхъ этого рода,—это были, такъ сказать, мои первые, еще неумѣлые шаги, а потому я въ правѣ, м. гг., разсчитывать у васъ на полное ваше снисхожденіе... Если же случится мнѣ снова побывать въ Корелѣ, то я надѣюсь, что, взявшись за трудъ собиранія матеріаловъ уже съ нѣкоторымъ запасомъ опытности, я исполню его болѣе удовлетворительно и съ большимъ успѣхомъ для себя...

Н. Лѣсковъ.

Latwju dainas.

Извѣстный латышскій этнографъ Хр. Е. Баронъ и членъ Литовско-Латышской Коммиссіи при Этнографическомъ Отдѣленіи Импер. Русск. Геогр. Общ. Г. А. Виссендорфъ приступаютъ въ скоромъ будущемъ къ изданію обширнаго, единственнаго въ своемъ родѣ сборника латышскихъ народныхъ пѣсенъ подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ. Съ помощью мѣстныхъ любителей лат. народнаго творчества собраны обширные матеріалы вопервыхъ гг. Бривземніаксомъ и Барономъ, затѣмъ ученою Коммиссіею при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ, Литературнымъ Отдѣленіемъ при Митавскомъ Латышскомъ Обществѣ и Г. А. Виссендорфомъ. Въ сборникъ войдетъ около 20.000 пѣсенъ и около 60.000 варіантовъ. Сборникъ будетъ выходить выпусками въ 6 печатныхъ листовъ каждый. Печатается этотъ сборникъ Митавскимъ издателемъ І. Я. Дравинъ-Дравніакомъ, извѣстнымъ своими образцовыми и общеполезными изданіями.

Отъ Ред. Четвертая книга Ж. Стар. за 1893 г. и первая книга Ж. Стар. за 1894 г. набираются и приблизительно выйдутъ единовременно.

Во 2 кн. Ж. Ст. 1893 г. въ статьѣ проф. Уленбека (Отд. I, стр. 178—210) вкрались слѣд. опечатки: стр. 180 напеч. Yuddhishthira слѣд. чит. Yudhishthira, стр. 185 напеч. его тупымъ мечемъ слѣд. чит. его бѣлымъ мечемъ, стр. 192 напеч. Winkel слѣд. чит. Te Winkel, стр. 209, 210 напеч. у слѣд. ij.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ 1 Ноября 1893 г. съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ будутъ выходить

ТРИ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ГАЗЕТЫ:

„ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ВѢДОМОСТИ"

съ приложеніями

„КОММЕРЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ"

и

«ЖУРНАЛА ДЛЯ АКЦІОНЕРОВЪ»

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. В. Трубникова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

«Экономическихъ Вѣдомостей» съ приложеніями «Коммерческой Газеты» и «Журнала для Акціонеровъ» съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 9 рублей; на полгода 5 рублей; за границу 12 рублей.

Подписная цѣна на ноябрь и декабрь 1893 г. съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 2 рубля.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи «Экономическихъ Вѣдомостей», Владимірская улица, домъ № 3, квартира № 7.

Издатель и редакторъ **К. В. Трубниковъ.**

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

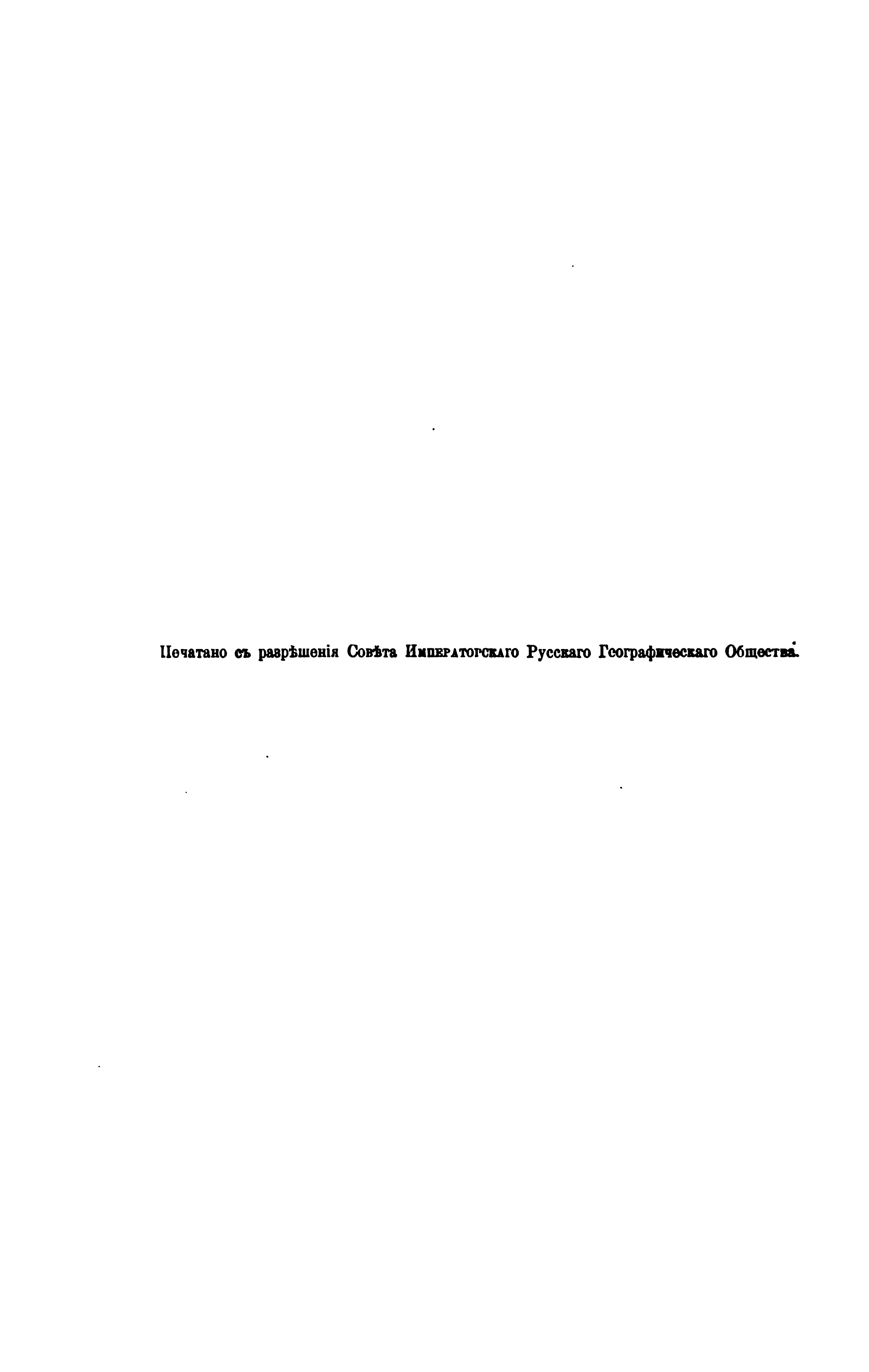
подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ТРЕТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1893.



Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи [1]).

Русскіе ученые охотно пользуются мѣстными названіями (городовъ, селъ, деревень) и приходятъ на основаніи ихъ къ важнымъ выводамъ относительно мѣстъ поселенія древнихъ инородческихъ племенъ.

Они не дѣлаютъ между ними различія и цѣнятъ одинаково названія совершенно отличныя другъ отъ друга по своему строенію; между тѣмъ значеніе названій для науки должно быть въ связи съ способомъ ихъ образованія.

Всѣ мѣстныя названія, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, дѣлятся на двѣ группы.

Въ составъ первой изъ этихъ группъ входятъ прежде всего тѣ названія, которыя вполнѣ или почти вполнѣ тожественны по звукамъ съ названіями племенъ и которыя имѣютъ форму или единственнаго числа, какъ Чудь (Владимирск. губ., Костромск. губ.), Весь (С.-Петербургск. губ), Меря (Московск. губ.), Мещера (Нижегородск. губ., Владимирск. губ.), Мещерка (Тульск. губ.), Корелка (Тверск. губ.), Литва (Тверск. губ., Вологодск. губ.), или множественнаго числа, какъ Чуди (Новгородск. губ.), Чудки, Веси (Вологодск. губ.), Голяди (Московск. губ.), Мещеры (Тверск. губ.), Лопари (Вятск. губ.), Ляхи (Владимирск. губ.), Поляки (Смоленск. губ., Вятск. губ.), Нѣмцы (Орловск. губ.), Латыши (Смоленск. губ., Калужск. губ.). Эти названія могли произойти лишь вслѣдствіе того, что поселенія, ихъ носящія, были заняты инородцами, т. е. группами людей болѣе или менѣе отличныхъ въ этнографическомъ отношеніи отъ окрестнаго или сосѣдняго русскаго населенія. Само собою разумѣется, подобныя названія были даны поселеніямъ не ихъ основателями инородцами, а русскими сосѣдями. Древность поселеній можетъ быть различна; одни могли существовать до прихода русскихъ поселенцевъ, такъ что ихъ нынѣшнія названія не первона-

[1]) Читано на IX Археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ.

чальныя; другія могли возникнуть уже тогда, когда область, гдѣ они находятся, была занята русскимъ населеніемъ. Подобныя названія имѣютъ для науки значеніе только въ томъ отношеніи, что указываютъ на бывшую нѣкогда принадлежность поселеній тѣмъ или другимъ инородцамъ. Мы не имѣемъ права дѣлать на основаніи ихъ какія-либо обобщенія. То есть, напримѣръ, на основаніи названія Меря мы можемъ заключать лишь о томъ, что село Меря, когда возникло его названіе, было населено людьми изъ племени Меря, но не имѣемъ ни малѣйшаго права утверждать, что вся та область, въ которой находится это село, была когда-либо занята племенемъ Мерью [1])

Но не всѣ названія множественнаго числа въ родѣ приведенныхъ имѣютъ то значеніе, которое мы имъ придали. Часть ихъ могла возникнуть не отъ того, что поселенія были заняты инородцами, а отъ того, что жители ихъ, вполнѣ Русскіе, во время возникновенія названій носили прозвища Полякъ, Нѣмецъ и т. п. Сравни названія въ формѣ множ. ч.: Короли (Орловск. губ.), Шемяки, Пѣтухи (Пермск. губ.), Козарята (Владимирск.), Лаптята, Денисята (Пермск.), Боровичи, Дубровичи и т. п.

Къ той же первой группѣ принадлежатъ мѣстныя названія на —ское (рѣже на —скій, —ская), въ родѣ Чудско (С.-Петербургск. губ.), Чудское (Костромск.), Корельская (С.-Петерб.), Корельское (Костромской), Мещерская (Орловск.), Черемисское (Костромск.), Югорская (Вологодск.), Мордовское (Владимирск.). Ихъ происхожденіе одинаково съ происхожденіемъ выше разсмотрѣнныхъ названій и по значенію они не отличаются отъ этихъ послѣднихъ.

Вторую группу составляютъ прежде всего названія на —ово (рѣже на —овъ и —ова), въ родѣ Чудиново, Мериново, Мещериново, Козариново, Ляхово, Ляшково, Нѣмцево (Ярославск. губ.), Перминово (Вятск. губ.), Поляково, Полячково (Курск.), и близко родственныя съ ними названія на —овка, въ родѣ Литвиновка (Орловской губ.), Ляховка (Тверск. губ.), Нѣмцовка (Костромск.). Эти названія происходятъ отъ личныхъ собственныхъ именъ и прозвищъ. Старая Русь употребляла въ качествѣ личныхъ именъ и прозвищъ самыя разнообразныя этнографическія названія. Памятники русской письменности древнѣйшаго періода даютъ намъ личныя имена Чудинъ, Варяжко, Ляшко, Лотышъ. Памятники XV—XVII вѣковъ имѣютъ подобныя имена въ необы-

[1]) Кто желаетъ отъ названія одного села Меря заключать, что цѣлая область была занята племенемъ Мерью, тотъ долженъ также заключать, отъ названія московской мѣстности Грузины, что вся Москва или вся Московская губ. были когда-либо заняты Грузинами! Сверхъ того, не должно забывать о частыхъ переселеніяхъ крестьянскаго населенія въ старой Руси, какъ русскаго, такъ и инородческаго.

кновенномъ обликѣ и при этомъ не позволяютъ сомнѣваться, что передъ нами только личныя имена и прозвища. Такъ, мы въ нихъ встрѣчаемъ имя Козаринъ, хотя въ XV—XVII вѣкахъ народа Козаръ давно уже не существовало; или мы находимъ соединенія подобныхъ именъ въ родѣ: Русинъ да Мещеринъ Өедоровы дѣти Черемисинова (1568 годъ) [1]. Въ виду этого, названія въ родѣ Чудиново, Мериново указываютъ лишь на то, что основателями или собственниками поселенія были люди, носившія имена или прозвища Чудинъ, Меринъ и т. п. (иногда даже фамиліи Чудиновъ, Мериновъ и т. п.). и для исторической этнографіи лишены значенія.

Къ той же группѣ относятся названія очень близкія къ только что упомянутымъ, оканчивающіяся на —ино (рѣже на —инъ, —ина), въ родѣ Мещерино, Корелино, Печорино, Ясино (Ярославской губ.), Козарино (Смоленск., Тульск.), Литвино (Тверск.). Эти названія произошли черезъ сокращеніе изъ названій на —иново, т. е. Мещерино произошло изъ Мещериново, точно также какъ фамиліи Мещеринъ, Корелинъ Куманинъ, Весинъ, Болховитинъ, Моршанинъ произошли изъ фамилій Мещериновъ и т. п.

Происхожденіе мѣстныхъ названій на —ово и —ино отъ личныхъ именъ и прозвищъ вполнѣ объясняетъ намъ, почему въ одной и той же мѣстности находятся поселенія съ самыми разнообразными названіями, напримѣръ, почему въ Ярославской губ. мы находимъ названія Чудиново, Мериново Мещерино, Печерино, Муромцево, Голятино, Корелино, Прусово, Козариново, Хопылево, Ясино, Ляхово, Нѣмцево, или въ Тверской губ. Чудиново, Мериново, Прусово, Латыгорево, Литвино, Ляхово, Нѣмцево; оно же намъ объясняетъ, почему въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ находятся поселенія съ одними и тѣми же или съ очень сходными названіями.

А. Соболевскій.

---

1) Акты Юридическіе, стр. 26.

Древнѣйшія русскія двуосновныя личныя имена и ихъ уменьшительныя.[1])

Всѣ дошедшія до насъ по памятникамъ народныя русскія личныя имена можно раздѣлить на три слѣдующія группы:

I. Древнѣйшія сложныя двуосновныя имена, какъ Святославъ, Мирославъ, Доможиръ, Милонѣгъ, Всеволодъ и т. п. съ ихъ уменьшительными, бывшія въ большомъ употребленіи до XIV в. включительно, позже этого времени встрѣчающіяся въ очень ограниченномъ количествѣ.

II. Позднѣйшія сложныя имена, какъ: а) Грибоѣдъ, Обернибѣсъ, Волосомоя и т. п., б) Умойся-грязью, Пролей-брагу и т. п. (ближайшіе родственники гоголевскихъ Держи-морда, Неуважай-корыто и т. п.), особенно распространенныя въ XVI и XVII вв., но встрѣчающіяся въ русскихъ памятникахъ очень рано. Сравн. а) Тупочелъ, тіунъ 1163 г., Древн. пам. русс. письма и яз. б) Положи-шило, 1257 г. Ипат. сп. л.

III. Несложныя имена, взятыя изъ среды нарицательныхъ и вполнѣ тожественныя съ ними, какъ Кожухъ, Носъ, Рычагъ, Морозъ, Туча, Истлѣнье, Кошка, Упырь, Козаринъ, Первуня, Вторышка и т. п.

Имена II и III группы, не сдерживаемыя никакими границами, не поддаются исчисленію. Они нарождались чуть-ли не съ рожденіемъ новаго человѣка по произволу фантазіи виновниковъ ихъ нареченія. Относительно-же одной III группы можно сказать, что ихъ было или, вѣрнѣе, могло быть столько, сколько понятій въ языкѣ. И тѣ и другія легко могутъ быть объясняемы изъ современнаго имъ языка. Наоборотъ, изъ именъ I группы можно составить, такъ сказать, языческія святцы. Прихоть фантазіи имѣла въ созданіи ихъ сравнительно мало значенія. Это—рядъ древнѣйшихъ основъ, иногда со-

---

[1]) Матеріалъ для этой статьи взятъ изъ лѣтописей, актовъ и друг. памятниковъ др.-русскаго языка. Пособіями были:

Aug. Fick. „Die griechischen Personennamen". Göttingen 1874.

Ad. Bezzenberger. „Die Bildung d. altpreuss. Personennamen" (Altpreuss. Monatschrift. 13. 1876).

П. И. Прейсъ. Принадлежащее М. С. Куторѣ, рукописное собраніе именъ славянскихъ и литовскихъ, полученное мною отъ В. И. Ламанскаго.

F. Miklosich. „Die Bildung d. Slavischen Personennamen" (въ Denkschr d. kaiserl. Ak. d. Wissensch. philosoph.-histor. classe B. X. Wien 1860).

М. Морошкинъ. „Славянскій именословъ". Спб. 1867.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. „О древне-польск. яз.". Лейпцигъ 1870.

T. Maretič. „O narodnim imenima i prezimenima u Srba i Hrvata". U Zagrebu 1886.

С. Новаковић. „Српски поменици XV—XVIII в." у Београду 1875.

Н. Барсовъ. „Матерьялы для историко-географическаго словаря древ. Руси до XIV в. включительно" (откуда взято не болѣе двухъ-трехъ названій).

вершенно необъяснимаго значенія, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Въ историческое время или, точнѣе, въ эпоху древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ онѣ (по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ) несомнѣнно употреблялись только по преданію. Судя по правописанію лѣтописи и др. памятниковъ, онѣ въ то время понимались не болѣе чѣмъ теперь. Такъ въ пам. имѣемъ: Володимиръ, —меръ, —мѣръ; Изяславъ, Изо—, Ижо — Ижа— (Изѣ-болкъ, м. б. полкъ?) Жидиславъ, Жидь—, Жидо—, (чеш. Zdimir=Жьдимиръ); Ратьмиръ, Рати—, Радьславъ, Радо—, Рати—; Сбыславъ, Избы—; Милонѣгъ, Миро—; Мстиславъ, Мьсти—, Мѣсти—, но Мьстьбогъ; Вячьславъ, Ваче—, Вят— (срвн. уменьшит. Вят-ко, назв. племени Вят-ичи); Доможиръ, Доми—, (чеш. Domyslav); Твердиславъ, Твердо—, и т. д., не говоря уже о такихъ искаженіяхъ, какъ Тонигліевичъ и Тонильевичъ изъ Толигнѣвичъ (см. лѣт. 1282 г.). Т. о. эти имена столь же разнообразно передаются въ памятникахъ, какъ какое-нибудь скандинавское, напр., Swenheld (Swanhildr) въ лѣтописи Свеньлдъ, Свѣнальдъ, Свѣньгельдъ, Свѣндельдъ, Свѣнтелдъ. Если сравнить русскія имена съ подобными же у другихъ славянъ, то неопредѣленность пониманія и передачи ихъ буквами бросается въ глаза еще болѣе. Сравн. сербск. Миросав и Мирисав, Милосав, Милисав и Мил̂ман; др.-польск. Bolesław и Bolisław, Bogdan, Bogodan и Bogudan.

Особенно обращаетъ на себя вниманіе безразличность конечной гласной первой части двуосновнаго имени. Это, какъ мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ о незначительности ея роли въ сложныхъ именахъ. Объяснять это можно также тѣмъ еще, что она, вѣроятно, находилась внѣ ударенія.

Желаніе истолковать то или другое древнее имя, сообщить ему болѣе ясный смыслъ могло побудить лицъ, занесшихъ ихъ въ тѣ памятники, откуда мы ихъ извлекаемъ, дать первымъ основамъ ихъ ту или иную падежную форму, какъ, напр., род. пад. въ словѣ Доманѣгъ, которое т. о. получало смыслъ «дома нѣжащійся». Заключать изъ того, что первыя части нѣкоторыхъ сложныхъ именъ имѣютъ въ памятникахъ падежную форму, о именномъ значеніи ихъ и вообще составныхъ частей полныхъ именъ, какъ дѣлаетъ Остгофъ въ своей книгѣ: «Das Verbum in d. Nominal-composition» во всякомъ случаѣ не менѣе рискованно, чѣмъ приписывать глагольное значеніе первымъ частямъ такихъ именъ, какъ Мстиславъ, Держикрай, Бориславъ и т. п., основываясь на современномъ пониманіи ихъ.

Такія имена—наслѣдство отъ глубокой древности. Авг. Фикъ въ своей книгѣ «Die Griechisch Personennamen» прекрасно показалъ тѣсное родство подобныхъ полныхъ именъ (vollnamen) и ихъ уменьшительныхъ (kosenamen) у народовъ индо-европейской семьи.

Его изслѣдованіе вполнѣ подтверждаетъ уже раньше являвшуюся у меня

догадку, что кругъ именъ (двуосновныхъ) выработался еще въ эпоху обще-индоевропейскаго языка [1]) и затѣмъ уже, переходя въ отдѣльныя племена, эти имена получили дальнѣйшее, въ каждомъ племени своеобразное развитіе. Такъ въ одномъ случаѣ уцѣлѣли въ памяти отдѣльнаго племени только понятія, выраженныя въ полномъ двуосновномъ имени, въ другомъ—и самые звуки, принявшіе только характеръ, соотвѣтствующій законамъ языка этого племени. Хорошій примѣръ даетъ древне-греческое имя Ἱερο-κλῆς, въ первой своей части отвѣчающее только понятію, выраженному въ пра-языковомъ имени, во второй—даже звукамъ. Праязыковое имя должно было звучать Kvanta-Kravas. Срвн. санскр. Çvanta-çravas, зенд. çpenta-çravas. старо-слав. Свѧтославъ. Но возможны и такіе случаи, что въ памяти отдѣльнаго племени индоевропейской семьи по чему-либо сохранились одни только звуки имени, значеніе же ихъ было забыто.

Это произошло, напр., съ основою, принадлежащею общеиндоевропейскому языку Mara (=leuchtend, berühmt см. Фикъ, стр. CCXVI). Въ герман. яз. она сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ, напр. въ Walde-mar, Marulf, Wolf-mar (см. Фикъ, Die griech. Personennamen, главу объ именахъ германскихъ общихъ съ слав.) или въ нѣсколько измѣненномъ, какъ напр. въ Ratimer и т. п. (см. тамъ же). Въ кельтскомъ яз. эта основа обыкновенно встрѣчается въ чистомъ видѣ, какъ напр. въ имени Indutio-marus и т. п. (см. у Фика главу «Namensystem d. celtisch. Sprache»). Ту же основу мы находимъ въ древн.-прусск. именахъ въ родѣ Mane-mer, Na-mir, Wissa-miere или Wissemire. (см. ст. Bezzenberger'а въ Altpreuss. Monatschs. b. 13). Въ славян. яз. она звучитъ обыкновенно мир— или мѣр— [2]). Здѣсь она была смѣшана съ основой миръ=pax. Это тѣмъ легче могло произойти, что послѣднее миръ (=pax) замѣнило собою въ нѣкоторыхъ именахъ (какъ напр., можетъ быть, въ русск. Мирославъ, Миролюбъ, въ сербск. Миросав Лубомир, и т. п.) забытую составную часть сложнаго личнаго имени общеиндоевропейскаго языка, выражавшую то же понятіе и замѣненную въ германск. яз. словомъ Frid (напр. въ Fridu-liuba, Liub-frid), въ древне-греч. словомъ Εἰρηνη (напр. въ Εἰρηνο-κλῆς). Т. о. относительно др.-русскихъ именъ въ родѣ Володимиръ (Володимѣръ,—меръ), Ратьмиръ,—мѣръ и т. п. можно съ увѣренностью утверждать, что они у насъ всегда употреблялись только по преданію и что встрѣчающаяся въ нихъ основа мир—, мѣр—, мер— для русскихъ была мертва, была только звуками безъ значенія, донесшимися изъ далекой прародины. Для сохраненія своего первоначальнаго значенія она не нашла себѣ въ русск. яз. поддержки среди нарица-

---

1) Срвн. Фикъ, «Die griech. Personennamen», стр. LXIV.

2) Въ яз. поморскихъ славянъ звучала также mar, напр., въ Kazi-mar, Vis-mar (изъ собран. П. И. Прейса), въ сербск. яз. (см. срп. пам. Новаковича) встрѣчается имя Марисав, (у Даничича) Вид нар и т. п.

тельныхъ [1]). Всякій могъ сопоставлять ее съ чѣмъ-угодно и сообразно съ этимъ давать ей то или другое правописаніе [2]). Двуосновныя личныя имена еще въ общеиндоевропейскомъ яз. укорочивались и снабжались уменьшительными суффиксами, какъ это показалъ Авг. Фикъ въ своемъ изслѣдованіи о греч. личныхъ именахъ.

---

[1]) Возможно, впрочемъ, что миръ=pax, а также и міръ=mundus, восходятъ къ одной праязыковой основѣ mara. Ср. слова А. Будиловича въ кн. «Первобытные славяне», гл. VII, § 146. Для нашей цѣли важно прежде всего то, что мир— въ русскихъ именахъ уже не имѣло своего первоначальнаго значенія, а лишь прислонялось то къ миръ, то къ міръ, а то и къ мѣра.

[2]) Позволяю себѣ привести еще нѣсколько примѣровъ сопоставленія русскихъ двуосновныхъ личныхъ именъ съ такими же въ другихъ языкахъ индоевропейской семьи, ограничиваясь только самыми надежными.

1. Русс. и общеславянскому Богъданъ соотвѣтствуютъ въ санскр. Bhaga—datta въ древне-прусск. Bagi-dotte, Bag-doths. Греческ. Θεο-δοτος, считаемое обыкновенно оригиналомъ, съ котораго будто бы переведено въ позднѣйшее время русское Богданъ, соотвѣтствуетъ санскритскому Deva-datta, по значенію же вполнѣ примыкаетъ къ нашему Богданъ. Первую основу бог—мы находимъ также и въ эран. яз. въ видѣ Baga, сравн. др. персид. Baga-bukhsa. Въ общеиндоевропейскомъ языкѣ первая основа имени Бог-данъ звучала Bhaga.

2. Русс. и общеслав. Будимиръ. Для первой его основы находимъ соотвѣтствующія въ санскр. Buddhi-vara, Bodhi-dhana и т. п., въ греч. Πυθ-αγόρας, Πυθῶνα,—въ древне-нѣм. Bod-rad, Rad-bod, Baude-gund, Gunde-baud и т. п., въ др. прусск. Bud-riek, сравн. литовск. Bud-rys. Въ общеиндоевр. яз. она звучала Budh. соотвѣтствующія его второй основѣ находимъ въ галл. Indutio-marus, Nerto-marus и т. п., уменьшит. Maro, Mariccus; въ др. нѣм. Mar-ulf, Wolf-mar, Wini-mar, Walko-mar, Rati-mer уменьшит. готскомъ Merila; въ др.-прусс. Wissa-meire, Reddi-mir, Mancmer, и т. п., уменьшит. Merike, Merun, Mirkotha. Въ общеевропейск. яз. эта основа звучала Mara.

3. Русс. и общесл. Володимиръ для своей первой основы находитъ соотвѣтствіе въ др.—нѣм. Waldi-frid, Frido-ald, Wald-gar, Garo-ald и т. п.; въ др.-прусс. Na-walde, Waldow. Общая основа, изъ которой развились приведенныя слав., герм. и литовск. формы звучала Valdh. Вторая основа въ имени Володимиръ разсмотрѣна подъ 2. Полное соотвѣтствіе находимъ въ др.-нѣм. Walde-mar.

4. Русс. и общеслав. Вьсе-славъ. Для первой основы имѣетъ соотвѣтствующія въ санскр. Viçva-manas, Viçva-mitra и т. п.; въ зендск. Viçpa-taurva и т. п.; въ др.-прусс. Wissa-meire, Wisse-bar и т. п.. Въ общеиндоевроп. яз. эта основа звучала Vik̦va или Vik̦a. Для второй основы находимъ соотвѣтствіе въ санскр. Deva-çravas, Su-çravas и др.; въ зендск. Bûji-çravañh, Hu-çravañh; въ греч. Κλεί-θεμις и Θεμιστο-κλῆς; и т. п.; отчасти въ др.-нѣм. Hlud-ulf, Hlud-wig, Hlud-rich, кимрск. Clot-rix, галл. Clut-amus, въ которыхъ Hlud—и Clot—соотвѣтствуютъ санскр.—Çruta (въ Çruta-çravas) и греч. κλυτο—(въ Θεο-κλυτος, Κλυται-μνήστρα). Общеиндоевр. основа—K̦ravas, корень k̦ru.—Въ греч. Παγ-κλῆς и Πασι-κλῆς опять видимъ соотвѣтствіе по звукамъ во второй основѣ и лишь по значенію въ первой русскому Все-славъ.

5. Русс. и общеслав. Городи-славъ для первой основы имѣетъ соотвѣтствующія въ др.-нѣм. Garde-frid, Fridu-gart- Garde-berht и т. п.; въ др.-прусс. Gardo-aetes, Minegarde. Общая основа для яз. слав., герм. и литов. звучала Gharda. Вторая основа имени Городиславъ разсмотрѣна подъ 4.

6. Госто-мыслъ, русское, но возможное по своимъ основамъ и для др.-слав. яз. находитъ для своей первой основы соотвѣтствіе въ др.-нѣм. Gast-hart, Gast-rad, Mil-gast, Rad-gast и т. п.; въ др.-прусс. Gast-art, уменьшит. gastane; въ лат. Hostus, Host-ilius. Въ

Съ 1 Ноября 1893 г. съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ будутъ выходить

ТРИ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ГАЗЕТЫ:

„ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ВѢДОМОСТИ"

съ приложеніями

„КОММЕРЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ"

и

«ЖУРНАЛА ДЛЯ АКЦІОНЕРОВЪ»

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. В. Трубникова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

«Экономическихъ Вѣдомостей» съ приложеніями «Коммерческой Газеты» и «Журнала для Акціонеровъ» съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 9 рублей; на полгода 5 рублей; за границу 12 рублей.

Подписная цѣна на ноябрь и декабрь 1893 г. съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 2 рубля.

Подп[illegible]ется въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи «Экономическихъ Вѣ-[illegible] Владимірская улица, домъ № 3, квартира № 7.

Издатель и редакторъ **К. В. Трубниковъ.**

Маретичъ въ своемъ изслѣдованіи «O narodnim imenima i prezimenima u hrvata i srba» (Загребъ, 1886) находитъ въ хорв.-сербскомъ яз. очень мало уменьшительныхъ, соотвѣтствующихъ типу уменьшительныхъ I-ой группы Фика. Это, по Маретичу, Budi-m отъ сложнаго имени Budi-mir, Seli-m-a (женск.) при полномъ муж. Deli-mir, Soma-g (только въ мѣстномъ названіи Domagović) отъ полнаго Domagoj, Dobro-s, Rado-s, Hrani-s Vladi-s (староболг. Bori-s) [1])—отъ полныхъ Dobro-slav, Radoslav, Hranislav, Vladislav, Borislav.

Въ русскомъ яз. мы имѣемъ немного болѣе подобныхъ уменьшительныхъ, но за то имѣемъ— хотя и не особенно надежныя—историческія доказательства соотвѣтствія ихъ полнымъ, подтверждающія любопытную догадку Маретича, подсказанную ему Фикомъ.

Именно, въ Ипат. сп. лѣтописи подъ 1152 г. на стр. 312 (по изд. Археограф. Комм.) читаемъ: «Изяславъ посла Петра Борисовича» а на стр. 318: «Изяславъ посла Петра Бориславича съ крестными грамотами къ Володимеру Галичкому».

Въ Лаврент. сп. лѣтописи подъ 1043 г. для отчества Творимиричь находимъ варіантъ Творимичь (см. изд. Археогр. Комм.).

Кромѣ того, мы находимъ въ лѣтописи какъ личныя имена: Радимъ (миѳич. родоначальникъ племени Радимичей; ср. древне-польск. Radim—личное имя и Radim—названіе мѣстности) и Вадимъ (новгородецъ, въ Никон. сп. лѣтописи подъ 864 г.),которыя можно считать уменьшительными къ не встрѣчающимся въ памятникахъ русскимъ полнымъ именамъ Ради-миръ (но ср. Радьславъ, древне-польск. Radzislav, чеш. Radimir, древне-прусск. Reddimir, хорват. Radimir) Вади-миръ (ср. чеш. Vadislav, др.-польск. уменьшительныя Wad, Wadoch, др.-прусск. уменьш. Wadol, Wodune).

Ср. при существующемъ въ памятн. русскомъ полномъ имени Ратимиръ, Ратьмиръ уменьшительное Ратимъ въ фамиліи современнаго хирурга Ратим-овъ.

Въ Акт. юж. и зап. Россіи мы находимъ личное имя Путимецъ (1649 г.), которое—ничто иное, какъ уменьшительное отъ уменьшительнаго

[1]) Ср. древне-польское имя Боримъ, вѣроятное уменьшительное I-й группы къ несуществующему въ др.-польск., но вполнѣ возможному полному имени *Бори*-миръ или *Бори*-мыслъ и т. п. Т. о. Бори-с-ъ, Бори-славъ=Бори-м-ъ, Бори-миръ. Если же считать Борисъ сокращеннымъ будто бы тюркскимъ именемъ Богорисъ, то какъ тогда объяснить форму Боримъ или изъ какихъ тюркскихъ или др. словъ объяснить однородныя по формѣ и окончанію съ Борисъ имена Hranis, Vladis и т. п.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи [1]).

Русскіе ученые охотно пользуются мѣстными названіями (городовъ, селъ, деревень) и приходятъ на основаніи ихъ къ важнымъ выводамъ относительно мѣстъ поселенія древнихъ инородческихъ племенъ.

Они не дѣлаютъ между ними различія и цѣнятъ одинаково названія совершенно отличныя другъ отъ друга по своему строенію; между тѣмъ значеніе названій для науки должно быть въ связи съ способомъ ихъ образованія.

Всѣ мѣстныя названія, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, дѣлятся на двѣ группы.

Въ составъ первой изъ этихъ группъ входятъ прежде всего тѣ названія, которыя вполнѣ или почти вполнѣ тожественны по звукамъ съ названіями племенъ и которыя имѣютъ форму или единственнаго числа, какъ Чудь (Владимирск. губ., Костромск. губ.), Весь (С.-Петербургск. губ), Меря (Московск. губ.), Мещера (Нижегородск. губ., Владимирск. губ.), Мещерка (Тульск. губ.), Корелка (Тверск. губ.), Литва (Тверск. губ., Вологодск. губ.), или множественнаго числа, какъ Чуди (Новгородск. губ.), Чудки, Веси (Вологодск. губ.), Голяди (Московск. губ.), Мещеры (Тверск. губ.), Лопари (Вятск. губ.), Ляхи (Владимирск. губ.), Поляки (Смоленск. губ., Вятск. губ.), Нѣмцы (Орловск. губ.), Латыши (Смоленск. губ., Калужск. губ.). Эти названія могли произойти лишь вслѣдствіе того, что поселенія, ихъ носящія, были заняты инородцами, т. е. группами людей болѣе или менѣе отличныхъ въ этнографическомъ отношеніи отъ окрестнаго или сосѣдняго русскаго населенія. Само собою разумѣется, подобныя названія были даны поселеніямъ не ихъ основателями инородцами, а русскими сосѣдями. Древность поселеній можетъ быть различна; одни могли существовать до прихода русскихъ поселенцевъ, такъ что ихъ нынѣшнія названія не первона-

[1]) Читано на IX Археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ.

чальныя; другія могли возникнуть уже тогда, когда область, гдѣ они находятся, была занята русскимъ населеніемъ. Подобныя названія имѣютъ для науки значеніе только въ томъ отношеніи, что указываютъ на бывшую нѣкогда принадлежность поселеній тѣмъ или другимъ инородцамъ. Мы не имѣемъ права дѣлать на основаніи ихъ какія-либо обобщенія. То есть, напримѣръ, на основаніи названія Меря мы можемъ заключать лишь о томъ, что село Меря, когда возникло его названіе, было населено людьми изъ племени Меря, но не имѣемъ ни малѣйшаго права утверждать, что вся та область, въ которой находится это село, была когда-либо занята племенемъ Мерью [1])

Но не всѣ названія множественнаго числа въ родѣ приведенныхъ имѣютъ то значеніе, которое мы имъ придали. Часть ихъ могла возникнуть не отъ того, что поселенія были заняты инородцами, а отъ того, что жители ихъ, вполнѣ Русскіе, во время возникновенія названій носили прозвища Полякъ, Нѣмецъ и т. п. Сравни названія въ формѣ множ. ч.: Короли (Орловск. губ.), Шемяки, Пѣтухи (Пермск. губ.), Козарята (Владимирск.), Лаптята, Денисята (Пермск.), Боровичи, Дубровичи и т. п.

Къ той же первой группѣ принадлежатъ мѣстныя названія на —ское (рѣже на —скій, —ская), въ родѣ Чудско (С.-Петербургск. губ.), Чудское (Костромск.), Корельская (С.-Петерб.), Корельское (Костромской), Мещерская (Орловск.), Черемисское (Костромск.), Югорская (Вологодск.), Мордовское (Владимирск.). Ихъ происхожденіе одинаково съ происхожденіемъ выше разсмотрѣнныхъ названій и по значенію они не отличаются отъ этихъ послѣднихъ.

Вторую группу составляютъ прежде всего названія на —ово (рѣже на —овъ и —ова), въ родѣ Чудиново, Мериново, Мещериново, Козариново, Ляхово, Ляшково, Нѣмцево (Ярославск. губ.), Перминово (Вятск. губ.), Поляково, Полячково (Курск.), и близко родственныя съ ними названія на —овка, въ родѣ Литвиновка (Орловской губ.), Ляховка (Тверск. губ.), Нѣмцовка (Костромск.). Эти названія происходятъ отъ личныхъ собственныхъ именъ и прозвищъ. Старая Русь употребляла въ качествѣ личныхъ именъ и прозвищъ самыя разнообразныя этнографическія названія. Памятники русской письменности древнѣйшаго періода даютъ намъ личныя имена Чудинъ, Варяжко, Ляшко, Лотышъ. Памятники XV—XVII вѣковъ имѣютъ подобныя имена въ необы-

---

[1]) Кто желаетъ отъ названія одного села Меря заключать, что цѣлая область была занята племенемъ Мерью, тотъ долженъ также заключать, отъ названія московской мѣстности Грузины, что вся Москва или вся Московская губ. были когда-либо заняты Грузинами! Сверхъ того, не должно забывать о частыхъ переселеніяхъ крестьянскаго населенія въ старой Руси, какъ русскаго, такъ и инородческаго.

кновенномъ обиліи и при этомъ не позволяютъ сомнѣваться, что передъ нами только личныя имена и прозвища. Такъ, мы въ нихъ встрѣчаемъ имя Козаринъ, хотя въ XV—XVII вѣкахъ народа Козаръ давно уже не существовало; или мы находимъ соединенія подобныхъ именъ въ родѣ: Русинъ да Мещеринъ Өедоровы дѣти Черемисинова (1568 годъ) [1]. Въ виду этого, названія въ родѣ Чудиново, Мериново указываютъ лишь на то, что основателями или собственниками поселенія были люди, носившія имена или прозвища Чудинъ, Меринъ и т. п. (иногда даже фамиліи Чудиновъ, Мериновъ и т. п.). и для исторической этнографіи лишены значенія.

Къ той же группѣ относятся названія очень близкія къ только что упомянутымъ, оканчивающіяся на —ино (рѣже на —инъ, —ина), въ родѣ Мещерино, Корелино, Печорино, Ясино (Ярославской губ.), Козарино (Смоленск., Тульск.), Литвино (Тверск.). Эти названія произошли черезъ сокращеніе изъ названій на —иново, т. е. Мещерино произошло изъ Мещериново, точно также какъ фамиліи Мещеринъ, Корелинъ Куманинъ, Весинъ, Болховитинъ, Моршанинъ произошли изъ фамилій Мещериновъ и т. п.

Происхожденіе мѣстныхъ названій на —ово и —ино отъ личныхъ именъ и прозвищъ вполнѣ объясняетъ намъ, почему въ одной и той же мѣстности находятся поселенія съ самыми разнообразными названіями, напримѣръ, почему въ Ярославской губ. мы находимъ названія Чудиново, Мериново Мещерино, Печерино, Муромцево, Голятино, Корелино, Прусово, Козариново, Хопылево, Ясино, Ляхово, Нѣмцево, или въ Тверской губ. Чудиново, Мериново, Прусово, Латыгорево, Литвино, Ляхово, Нѣмцево; оно же намъ объясняетъ, почему въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ находятся поселенія съ одними и тѣми же или съ очень сходными названіями.

А. Соболевскій.

---

[1]) Акты Юридическіе, стр. 26.

же посадн. Новг. въ XII в. назывался и Петриломъ и Петрятой), Васята (Новг.), Илдята (вм. Ильята) 1268 г., Климята 1237 г. (изъ Климъ Климентъ), Юрша (къ Юрій), Прокша (къ Прокопій) и т. п.

3. Въ качествѣ историческаго доказательства для русс. именъ имѣемъ Завило уменьшит. къ Завидъ (1167—9 гг. бояр. Кіевск.; см. лѣт. по сп. Ип., Воскр., Никон. и Тверскую лѣт.). Но этотъ примѣръ не настолькоярокъ, чтобы заставить позабыть объ отсутствіи другихъ примѣровъ.

Уменьшительныя съ суфф. —ята (старослав.—ѧта) образовались еще въ общеслав. яз. Первоначально употреблялся для образованія уменьшит. только суффиксъ —ѧт—. Такъ въ др.-польск. имѣемъ Pątę (осн. Pątęt—), Radę (осн. Radęt—), въ старо-серб. Андре, (р. п. Андрета), Миле (р. п. Милета, Мире (р. п. Мирета) и т. п. Въ др.-русск. яз. несомнѣнно были такія формы, но въ памятн. находимъ только Гюря (уменьш. къ Георгій, лѣт. по Лавр. сп. 1195 г.), форма, образовавшаяся по подобію формъ въ родѣ Путя, Радя, Миря и т. д., оставшихся отъ общеславянской эпохи, когда они звучали еще Пѫтѧ, Радѧ и т. д. Отъ формъ, подобныхъ этимъ уменьшительнымъ именамъ, образовались вторичныя формы черезъ прибавленіе къ ихъ основамъ Pątęt—, Radęt—, Пѫтѧт—) суффикса —ѧ— Pątęta = Пѫтѧт-а (сравн. древне-прусс, Pon-int—a, Бецценб.) которыя вѣроятно стали существовать параллельно съ первыми и такъ перешли въ отдѣльные славянскіе языки. Форма Гюрята (въ лѣтоп. не разъ) развилась вѣроятно не самостоятельно изъ Гюря, а лишь благодаря существованію параллельныхъ формъ «Путя» и «Путята» и т. п.

Въ древне-русс. уменьшительныхъ нарицательныхъ именахъ животныхъ теля, щеня и т. п., въ совр. дитя мы имѣемъ тотъ же суффиксъ, что и въ формахъ др.-польск. Pųtę, стар.-серб. Мире, Андре, др.-русс. Гюря. Такимъ образомъ значеніе этихъ формъ, какъ уменьшительныхъ, не подлежитъ сомнѣнію. Соврем. уменьшит. въ родѣ Вася (сравн. др.-русс. Васята, Новг. л.) по образованію вполнѣ тожественны съ др.-русс. формой Гюря. Ласкательныя въ родѣ Васенька въ такомъ-же отношеніи стоятъ къ Вася, какъ соврем. теленокъ къ древн.-русс. теля. Современныя же уменьшит. Володя, Боря, Витя, Даня, Родя —безусловно остатокъ древнѣйшихъ формъ отъ полныхъ въ родѣ *Володи*-миръ, *Володи*-славъ, *Бори*-миръ, *Бори*-славъ, *Вито*-миръ, *Вито*-славъ, *Дань*-славъ, Родиславъ и т. п. Срвн. др.-польск. Bořęta (въ назв. мѣстн. Bařącin 1240 см. Бод. де-Куртенэ), помор. Barenta (Морошк.), сербск. Bore и Boreta (Маретичъ); серб. Vlade и Vladeta (тамъ-же). Ясно, что и формамъ вторичнаго образованія (п. Pątęt-a, р. Гюрят-а, с. Vladet-a) мы можемъ смѣло приписывать значеніе уменьшительныхъ именъ.

Уменьшительныя съ суффиксомъ —ша тоже встрѣчаются у другихъ

славянъ. Срвн, др.-русс. Рать-ша. др.-польск. Dobroša, Boguša (Бод. де-Курт.), серб. Семьша (Семионъ), Никша (отъ Нико) (у Новак).

Кромѣ суфф. *ш-а* мы находимъ какъ въ русс., такъ и въ другихъ слав. яз. суфф. *ш-ъ*. Сравн. др. русс. Яро-*шь*, Ярышь, Малышь, древне-польск. Boguš, Žiros (Бод-де-Курт.), хорв. Stanoš Milaš (Марет.). Соврем. русс. фамилія Ярошь есть не что иное, какъ древнее уменьшит. къ полному имени Яро-славъ или Яро-полкъ и т. п.

Въ русс. яз. замѣчается преобладаніе формъ съ суфф.-*ш-а* въ другихъ слав. яз. болѣе употребительны формы съ суфф.-*ш-ъ* (для муж). Т. о. русскому Свято-ша, Мьсти-ша, Дома-ша и т. п. соотвѣтствуютъ въ польск. Svetoš, Misčiš, Domaš и т. д., хорв. Miloš чеш. Svatoš и т. д. Впрочемъ въ документахъ, относящ. къ Зап. и Юго-Зап. Россіи, сравнительно нерѣдки формы въ родѣ Гнѣвашъ, Богушъ, Баушъ и т. п., что объясняется вліяніемъ сосѣднихъ — польскихъ. Соврем. в-русс. уменьшительныя Павлуша, Саша и т. п. образованы при помощи тѣхъ же суффиксовъ, что и древнія Рать-ша, Дома-ша и т. п.

Имена, соотвѣтствующія др. русскимъ съ суфф. ило въ родѣ Радило, Путило, Добрило, Гостило и т. д. находимъ не только въ другихъ славян. яз., но также и въ прочихъ индоевропейскихъ. Такъ имѣемъ болгар. Борило, хорв. Gostilo, Budilo, Vojilo, Stanilo, пемор. Radil; древн. прусс. Butil, Dangil, Diwil, Dargil, Girdilo, Cabilo Keytil, Muntil; др.-нѣм. Badilo (при полномъ Bado-mâr), Wolfilo = гот. Vulfila, Ulfila (при полномъ Wolf-hart, Wolf-mar и т. п.) и много другихъ въ такомъ же родѣ; въ санскр. Aryamila (уменьшит. къ Aryama datta), Dattila (уменьш. къ Datta-catru), Devila (уменьш. къ Deva-datta) и мн. другихъ т. п.; въ др.-греч. Ζωΐλος (сравн. полное Ζώ-ιππος), Θερσίλος (срвн. полное Θερσίλοχος) и т. п.; въ латин. Hostilius (уменьш. къ. Hostus). См. Fick., стр. L.—LI.

Сопоставленіе съ данными другихъ языковъ, какъ видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ, съ своей стороны также приводитъ къ уменьшительному или даже ласкательному значенію именъ Добрило, Радило и т. п. и хорошо подтверждаетъ ихъ несамостоятельное происхожденіе, отношеніе ихъ къ соотвѣтствующимъ полнымъ.

Вспомнимъ также ласковое, заискивающее обращеніе Ярославны къ вѣтру «Вѣтеръ-Вѣтрило» въ «Словѣ о п. Игоревѣ». Для уменьшит. съ суффиксами—хъ,—хно (Жирохъ, Жирохне, Святохна),—ко (Радько, Вячько), встрѣчающихся и въ друг. слав. яз., достаточно сопоставленія съ соврем. русс. уменьшительными (бѣлорусс. на—хно,—хна, малорусс. на—ко, великор.—ка).

О суффиксѣ—ко слѣдуетъ упомянуть, что онъ въ древне-русс. яз. при-

ставлялся не только къ первой или второй части полнаго имени, но нерѣдко къ цѣлому имени, какъ, напр., Всеволодъ-ко, Володимеръ-ко, Иванъ-ко, но Вячь-ко, Родъ-ка, Святъ-ко и т. д. Тоже, что о суфф.—ко, надо сказать и о суфф.—ецъ. Напр., въ памятникахъ имѣемъ Ѳедецъ и Ѳедорецъ, Ярецъ и Ярославецъ. Кромѣ того о суфф.-ецъ мы можемъ съ увѣренностью сказать, что онъ имѣлъ въ древности скорѣе уничижительный, чѣмъ ласкательный смыслъ. Такъ въ лѣтописи упоминаются князья Ярославецъ и Святославецъ, къ которымъ лѣтописецъ относится далеко не съ уваженіемъ. Вспомнимъ имена убійцъ Талецъ (1015 г.) и Нерадецъ (1087 г.). Особенно вѣскій примѣръ намъ дается въ имени изгнаннаго епископа ростовскаго Ѳеодора, въ лѣтоп. чрезвычайно поносимаго и постоянно называемаго «Ѳедорьцъ» (1169 г.). Срвн. упоминаніе о немъ въ Прологахъ 1174 г. (подъ 28 апрѣля): «Добре подвизався ко цьркви Божии. и Ѳеодорьца (еретика епископа) за укоризну тако называема сего блаж Кириллъ... обличи и проклятъ». Отмѣчу также фактъ, что князья, извѣстные подъ именами Всеволодко (городенскій), Володимерко (галицкій) далеко не пользовались народною любовью и сочувствіемъ лѣтописца; наоборотъ, любимый князь Володимиръ Мономахъ нигдѣ не называется уменьшительнымъ именемъ на—ко.

Уменьшительныя съ суфф.—ынъ, ын-я, унъ, какъ напр. Добрынъ (въ лѣтоп. только въ видѣ прилагательнаго «Добрынь сынь», «Добрыня улица»), Добрыня, Воротынъ, (въ назв. мѣстн. Воротынь, Воротыньскъ, Ярунъ могутъ быть сопоставлены съ полными Доброславъ, Воротиславъ, Ярославъ и. т. п.

Въ др. польск. яз. мы находимъ Gostyn, Dobryn, Dobrynia, Droginia, въ сербо-хорв., Dobrin. Gostin. Radin и др., Dragina, Budina, Tvrdina и др.; др.-русскому Ярунъ, Родунъ (въ названіи мѣстности Родунь) въ сербо-хорв. соотвѣтствуетъ Bog-un, Rad-un и. т. п.

Въ др.-прусс. яз. мы имѣемъ Welun, (срвн. русс. Волынъ или Велынъ въ назв. мѣстн. Волынь Велынь), Wodune, Wilkune, Girdune. и др.; въ др.-греч.—Αγάθων, Δύκων и т. п,; въ др.-верхне-нѣм. Wolfo, Willo, Grimmo, и т. п. гдѣ о въ окончаніи на мѣстѣ древнѣйшаго an: Wolfan..

Въ лѣтоп. мы имѣемъ не дурное доказательство тожественности имени Ярославъ и Ярунъ подъ 1136 г. Именно, въ Соф. I., Ник., Воскр., Лавр., Ипат. и Новг. VI подъ этимъ годомъ упоминается тысяцкій кіевскій Давыдъ Яруновичь, а въ Ипат. онъ же названъ Давыдомъ Ярославичемъ. Также подъ 1215 г. въ лѣтоп. мы находимъ историческое доказательство тожественности именъ Добрыня и Доброща (вѣроятно

описка вм. Доброша, срвн: др-польск. Dobrosa). Здѣсь упоминается посадникъ Фома Добрыничь (въ Никон. и Твер.) и—онъ же—Ѳома Доброщиничь (въ Синод. и Новг. IV). Отсюда, ясно что это не что иное, какъ два уменьшительныхъ имени къ одному и тому же полному (вѣроятно Доброславъ). Сравн. соврем. уменьшит. Са—ня и Са—ша къ одному и тому полному имени Александръ.

Фикъ на стр. LII и слѣд. приводитъ нѣкоторое количество причастій и причастныхъ образованій, употреблявшихся въ др.-греческ. языкѣ, какъ уменьшительныя къ полнымъ двуосновнымъ-именамъ. Это такія имена, какъ Σώζων (уменьшит. къ Σωσι-κράτης и т. п.), Δείμας (-αντος) Βίας (-αντος) (уменьш. къ Βιάνωρ и т.п.) 'Αγασσαμενός, 'Αραρώς, Δεγμένος и т. п. Онъ сопоставляетъ ихъ съ др.-нѣм. причастіями, употреблявшимися, какъ имена уменьшительныя: Wigand, Freund, Heiland и т. д., которыя, какъ и соотвѣтствующія имъ др.-греческ., по мнѣнію Фика, пріобрѣли значеніе собственныхъ личныхъ именъ, только примкнувъ къ группамъ полныхъ (двуосновныхъ) именъ. Такъ слову Wigand по Фику значеніе личнаго имени дала группа двуосновныхъ именъ Wih-hart, Wicho, Hart-wig и т. п.

Тоже самое Фикъ отмѣчаетъ и въ примѣрахъ, взятыхъ изъ санскр. языка: Jayanta (уменьш. къ Jata-sena), Damayanli, Dânta (уменьшит. къ Dama-gosha, Arin-dama). Маретичъ находитъ подобныя же имена въ сербо-хорв. яз. Это, по его мнѣнію, Buden (уменьшит. отъ Budi-mir), Dragovan уменьш. къ Drago-slav) и т. п.

Въ русс. яз. имъ соотвѣтствуютъ такія имена, какъ Жданъ (Жьданъ) при глаголѣ ждать, Желанъ (въ назван. рѣки Желань, лѣтоп.) при глаголѣ желать, Горѣнъ при глаг. горѣть, Стоянъ при глаг. стоять, Баянъ или Боянъ при глаг. баять и бояться, Хотѣнъ (также въ былинахъ и въ назван. города Хотѣнь, современ. Хотинъ) при глаголѣ хотѣть и т. п., подъ вліяніемъ которыхъ христіанское имя Стефанъ обратилось въ Щепанъ при глаголѣ щепать.

Срвн. болгар. Стоянъ, др.-польск. Wojen XIII в., Bojan XIII в. Сопоставляя эти имена съ подобными-же именами и съ ихъ употребленіемъ у другихъ народовъ мы съ большою вѣроятностью можемъ считать ихъ уменьшительными формами къ полнымъ Жьдимиръ, Жидиславъ, Желиславъ, Гориславъ, Боиславъ, Баиславъ, Хотьмыслъ (Срвни: назв. гор. Хотмышль собств. прилаг. притяжат. отъ личн. имени Хотьмыслъ какъ назв. города Перемышль отъ личн.. имени Перемыслъ). и т. п. Имена въ родѣ Молчанъ при глаголѣ молчать тоже причастнаго образованія, но явились сравнительно поздно (не раньше XV в.) вѣроятно въ подражаніе

древнимъ именамъ Жданъ, Стоянъ и т. п. Поэтому соотвѣтствующихъ имъ полныхъ именъ никогда и не было.

Любопытенъ рѣдкій въ личн. именахъ суффиксъ —чь— какъ объясняющій на первый взглядъ странныя формы, встрѣчающіяся въ лѣтописи Изечевичь (Сновидъ Из—ь, въ Лавр. и Ипат. еп. лѣтоп. 1097) и Дубычевичь (Новг. I.) Дыбычевичь (Твер. и Син.) Дыбучевичь (Новг. IV) Семьюнъ, Новгородецъ (подъ 1188 г.), Негочевичь Завидъ (Синод. 1194 г.) Негечевичь Воиборъ (Ипат. и Воскр. 1162), Нигочевичь или Нѣгочевичь Борисъ (Твер. 1229 г.).

Въ сербо-хорв. яз. встрѣчаются уменьшительныя съ этимъ суффиксомъ какъ напр., Dobreč, Godeč, Zubeč, Mireč, Radeč. Сопоставляя съ ними вышеприведенныя русскія отчества мы легко извлечемъ изъ послѣднихъ уменьшительныя формы Изечь, Негечь, Негочь, Нигочь, соотвѣтствующія полнымъ Изя-славъ, Нѣго-славъ и т. п. Историческое подтвержденіе возможности этого мы находимъ въ лѣтописи подъ 1194 г.; одно и тоже лицо—новгородецъ Завидъ—въ соф. I названъ по отчеству Нѣговичь, а въ Синод. еп. Негочевичь. Что касается формъ Дыбычевичь, Дубычевичь, Дыбучевичь, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ очевиднымъ искаженіемъ формы Доб(е)чевичь, которую мы можемъ въ данномъ мѣстѣ предполагать, приведя на память др.-польск. имена Dobe-slav, XII в. Dobe-gńew XIII в, Dobechna XIII в., Dobeš XIII в. Dobek XIII в. поморск. Dobes (въ собр. П. И. Прейса)

Остается упомянуть еще объ одномъ родѣ уменьшительныхъ той же группы. Это имена, представляющія собою не что иное, какъ оторванную отъ полнаго имени первую изъ его составныхъ частей. Какъ примѣръ Фикъ (стр. XVII) приводитъ нѣмецкое Karl, уменьшит. къ Karl-mann (но не Karlo), англосакс. Vulf при древне-верхне-нѣм. Wolfo, какъ греч. Λόχος при Λόχων. Вообще, по словамъ Фика, въ нѣм. яз. подобныя уменьшительныя рѣдки. Въ санскр. яз. имъ соотвѣтствуютъ имена въ родѣ Deva отъ полнаго Deva-datta, Aryama отъ полнаго Ariama-datta (тамъ же). Въ древне-прусс. яз., по свидѣтельству Бецценбергера, такими являются уменьшительныя Mase (къ полному Mastune). Suse (къ полному Sus-tide). Wayko (къ полному Waik-sil), Karis, Kerse, Rege, Royte, Sqwale и др. Въ сербо-хорв. яз. не мало подобныхъ именъ. Напр: Stan, Slav, Rad, Stoj, Vlad, Voj, Dom, Hval, Vuk и др. Въ др.-русск. можно съ нѣкоторою вѣроятностью отнести къ подобнымъ именамъ встрѣчающіяся въ лѣтоп. Родъ (уменьш. къ Родъ-славъ), Вячь [1]) (уменьш. къ Вячьславъ; м. б. это описка вм. Ивачь,

[1]) Срвн. различныя наименованія одного и того же лица—новгородца въ лѣт. подъ 1186 г.: въ Синод. еп. „Вячь Свеневичь“, „Вачь Свеневичь“,— въ Никон. „Иванъ Синевъ“,—„Иванъ Сьѣневичь.

но довольно того, что была возможна такая описка), Владъ (Arch-księz. Sanguszkow, 1424 г.) Рогъ (сравн. полное Рогъ-володъ) Хвалъ (сравн. Хвалимичи, назв. мѣстн.) Хотъ (сравн. Хотмышль, городъ) Свень, Сьвѣнь, Свинь [1]) (вѣроятно уменьшит. къ заимствованному отъ скандинавовъ Свень-гельдъ) и др. Такія имена не что иное, конечно, какъ простыя сокращенія длинныхъ полныхъ именъ ради удобствъ произношенія и ихъ врядъ-ли можно считать ласкательными или уничижительными.

Уменьшительныя третьей группы, по дѣленію Фика, (Δάμας-отъ Πολυ-δάμας, Γερων отъ Δημο-γερων, Κρέων отъ Εὐρυ-κρέων) встрѣчаются, по его свидѣтельству, и въ другихъ яз. индоевропейской семьи.

Такъ въ санскр. мы имѣемъ отъ полнаго имени Deva-datta не только уменьшительныя, образованныя отъ первой части его (Devila, Devika, Deva и др.), но также и произведенныя отъ второй части: Datta, Dattaka, Dattika, Dattya и Dattila.

Въ герман. яз. имѣемъ уменьшительныя: Wulfus отъ Hun-ulfus, Faro отъ Burgundo-faro, Prandus отъ Rot-prandus, Brand отъ Her-brand, скандинав. Steinn отъ Thor-steinn, Grimr отъ Thor-grimr, Hildr отъ Svan-hildr, Ketel отъ Ulf-ketel; Fitela отъ Sinfjötli. (См. Fick, LVIII-LIX).

Въ древне-пруcс. яз. по Бецценбергеру такими являются уменьшительныя: Dergo отъ Wisse-darge (=слав. Вьсе-драгъ) или Sway-darge (=слав. Своидрагъ), Tarpe отъ Tule-tarp, Glande отъ Na-glande, Golte отъ An-golte, Sute (=славн. Хотъ) отъ Al-sute, Time отъ Tranko-time.

Въ сербо-хорв. яз. (по Маретичу) имѣемъ Drug отъ Dobro-drug, Živ(an) отъ Dabi-živ. Въ др. польск. Pełko (указано Фикомъ) отъ Swie,topolk. Очень ненадежное доказательство того, что въ древне-русск. яз. были уменьшит., подобныя этимъ, находится въ лѣтоп. подъ 1215 г. Именно, какъ имя одного и того же лица, мы имѣемъ въ лѣтоп. по Никон. сп. Якунъ Нѣжичь, (гдѣ отчество отъ уменьшительнаго Нѣгъ), въ лѣтоп. же по Синод. сп., а также въ Тверской лѣтоп. Якунъ Намнѣжичь, (гдѣ отчество отъ полнаго Намнѣгъ, вѣроятно испорченнаго изъ Дома-нѣгъ). Т. о. Нѣгъ является въ этомъ случаѣ въ качествѣ уменьшительнаго къ полному имени Нам-нѣгъ или Доманѣгъ. Но возможно, что и многія другія имена, въ родѣ вышеприведеннаго Хвалъ (срвн. Богу хвалъ), какъ, напр., Данъ (—ко) срвн. Богданъ, Миръ (соврем. фамил. Мировичъ), Любъ (Любомиръ и Миролюбъ) и т. д. были уменьшительными также и принадлежа ко второй части полнаго имени.

Вѣдь употребляемъ же мы и теперь отъ нѣкоторыхъ именъ уменьши-

Путимъ [1]), соотвѣтствующаго недошедшему до насъ сложному Пути-миръ или Пути-мыслъ. Ср. сербск. Будимка при Будим отъ Будимир.

Въ Полн, Собр. лѣт. тт. I. 63, V. 134, IX. 77, упоминается рѣка [2]) въ полоцкой области Судомирь, Судъмѣрь, Судмирь или Судомь, Судимь. Послѣднія два варіанта наименованія одной и той же рѣки очевидно не что иное, какъ прилагательныя отъ имени Судимъ или Судомъ, уменьшительнаго къ Судимиръ или Судомиръ, отъ котораго произведены прилагательныя притяжательныя Судомирь и т. д. для названія данной рѣки.

Встрѣчаемое въ лѣтоп. названіе города Житомель (Совр. Житомиръ) не должно ли писаться Житомль и производиться отъ уменьшительнаго личнаго имени Житомъ, вполнѣ соотвѣтствующаго полному имени Жито-миръ, отъ котораго произведено прилагательное притяжательное Житомирь, вѣроятно употреблявшееся какъ наименованіе того же города параллельно съ прилаг., произведеннымъ отъ уменьшительной формы—Житомль. Въ соврем. языкѣ мы вполнѣ естественно имѣемъ Житомиръ вмѣсто ожидаемаго древняго Житомирь, какъ Владимиръ вм. древняго Володимирь (городъ). Личное имя Житомиръ не встрѣчается въ русск. памятн., но было у хорватовъ—Žitomir (см. Маретичъ, стр. 55). Та же основа по свидѣтельству Бецценбергера (Altpreuss Monatschr. 6. 13) находится въ древне-прусскихъ именахъ Dars-gaito, Poko-geyten, къ которымъ можно прибавить изъ собранія П. И. Прейса—Mintegeiten.

Подобныя же уменьшительныя легко извлекаются изъ слѣдующихъ мѣстныхъ названій: *Хвалим*ичи, село кіев. обл. (срвн. др.-польск. Falimir, хорв. Hvalimir), совр. Фалемичи, *Любомль*, гор. въ волын. обл. (Полн. собр. лѣт. II. 214—219), совр. Любомль, мѣстечко (ср. фамилію Любомирскій, сербск. имя Лубомир), Тихомль и *Тѣхом*ль, (1152, 1153 гг.), г. въ вол. обл., совр. Тихомель (срвн. др.-польск. Cechosław, хорв. Tjehomil, Tihomir [3]), *Сѣтомль*, (1036 г.), рѣка въ кіев. обл. (срвн. др. польск. Setêj, Setech—уменьшит. отъ той же основы, слов. Siecie-gniew, древн.-прусск. Boy-sithe, Poysite, *Людим*льскъ, гор. (см. Собр. Государств. Гр. и Дог.), въ др.-польскомъ для котораго находимъ жен. имя Ludimila, въ чеш. Lidimir, Ludomir, въ хорв.

---

[1]) Ср. варіантъ названія города Путивля—Путимль, (П. С. Л. IX, 170), т. е. прилагат. отъ Путимъ (Путим+j) какъ Ярославль отъ Ярославъ (Ярослав+j)

[2]) Указаны варіанты Н. Барсовымъ въ его книгѣ «Матерьялы для историко-географ. словаря».

[3]) Что имя Тихомиръ или Тѣхомиръ не есть позднѣйшій простой переводъ христіанскаго имени Климентъ (какъ указыв. Морошкинъ «Слав. именосл.» стр. 10), а древнее народное имя, видно также изъ того, что его первая половина Тѣхо или Тихо является, какъ вторая часть безусловно древняго народнаго имени Вои-тѣхъ или Воитихъ (въ лѣтописи одно и то же лицо).

Ludemisal). Всѣ вышеприведенныя имена на —мъ должны соотвѣтствовать полнымъ (со второю частью, начинающеюся со звука м, какъ напр., миръ, мыслъ, милъ) уже потому только, что въ противномъ случаѣ они не имѣли бы никакого смысла. Если и возможно еще кое-какъ сопоставлять съ глаголами нѣкоторыя изъ нихъ (Радимъ—съ радити, Творимъ—съ творити и. т. п.), то все таки остается безъ объясненія въ такомъ случаѣ большинство ихъ, какъ, напр., Любомъ, Людимъ, Тихомъ и т. п. Употребляемое и въ наше время имя Любимъ (встрѣч. уже въ русс. памятн. XV, XVI вв.) вѣроятно было не переводомъ христіанскаго греческаго Агапитъ, а, вполнѣ уже готовое славянское, было только приноровленно къ нему, какъ и многія другія имена. Срвн. чеш. Liubimir 1130 г., хорв. Lubimir.

Уменьшительныхъ въ родѣ Борисъ, т. е. соотвѣствующихъ такимъ полнымъ именамъ, у которыхъ вторая часть начинается со звука с, напр. —славъ, въ русскихъ памятн. почти не встрѣчается. Можно указать только довольно темное названіе урочища въ новг. области (1136 г.) Водосъ (сопоставляя его съ полнымъ им. Водиславъ), названіе урочища близъ Кіева (1111 — 1146 г.), Радосынь, прилагат. притяжательное отъ личнаго имени Радо—с—ынъ, личное имя Драго—с—инъ въ Архив. кн. Сангуш. (1424 г.); (срвн. приводимыя Маретичемъ на стр. 59 хорв. Rado—s—in, Brato—s—in, Drago—s—in, уменьшительныя, по мнѣнію Маретича, къ полнымъ Rado—slaw и т. д.). Но въ др. польск. мы находимъ значительное количество подобныхъ именъ, напр. Skoros при Skoro—sław, Dobros при Dobro-sław и т. д.

Соотвѣтственно приводимому Маретичемъ уменьшительному Doma—g (отъ Doma—goj) могу указать названіе мѣстности Радоговичи, которое можно произвести отъ Радо—гъ, уменьшит. къ Радо—гость (встрѣчается въ назв. мѣстн. Радогощь).

Ко всѣмъ этимъ примѣрамъ, соотвѣтствующимъ приведеннымъ Маретичемъ, можно прибавить еще нѣсколько отъ другихъ основъ. Одинъ изъ Новгор. посадниковъ (1177, 1185 гг.) является въ памятн. подъ именами Миро—нѣгъ, Миронъ, Мироней и даже Мирошка. Можно не колеблясь принимать имя Миро—нъ за уменьшит. къ Миро—нѣгъ, впослѣдствіи отожествленное съ именемъ христіанскаго святого Мироній. Въ древне-польск. яз. мы находимъ, кромѣ тожественнаго съ русс. именемъ Miro—n, Miro—neg, подобныя же имена на —on отъ другихъ первыхъ основъ, какъ, напр., Milo—n (срвн. др.-русс. Мило—нѣгъ), Ziro—n и т. п., что подтверждаетъ мою мысль. То же самое надо сказать и объ имени Радоній, приводимомъ въ Никон. и Воскрес. сп. лѣт. подъ 1086—87 гг. Срвн. въ Лавр. сп. лѣт. то же лицо—Радъко, въ Ипат., Соф. I и Твер. Радко (отрокъ). Въ указа-

Мути-жиръ
(въ назв. сел. въ Кіевской области 1160—62 Мутижиръ, вѣроятно вм. Мути-жиръ).

На-жиръ 1160
На-мѣстъ 1240
На-славъ 1125
Ново-силъ
(въ назв. мѣстности Ново-силь 1155)
Ново-силецъ 1374

Ор(о)-го(е)сть(ъ) 1100
Осмо-мыслъ
Остро-миръ 1064

Пако-славъ 1211
Пере-витъ
(въ назв. гор. въ Рязан. обл. Перевитескъ).
Пере-милъ
(въ назв. гор. въ Волын. обл. 1195 Перемиль).
Пер-милъ (былинное)
Пере-мыслъ
(въ назв. гор. въ Галицкой обл. 981, 1097 Пере-мышль и въ Москов. обл. 1328.
Пере нѣгъ 1016, 1213
Пере-свѣтъ 1380
Пере-славъ 1162
Передъ-слава 945

Перея-славъ 1162
(и въ назв. гор. Переяславль)
Пиро-гость(ь)
(въ прилагательномъ Пирогощаявъ «Словѣ о полку Игоревѣ».
Прѣи-боръ 1262

Радо-гость(ь)
(въ назв. гор. въ Черниговской обл. Радо-гощь 1155).
Радо-мыслъ
(въ современ. назв. мѣстн. въ Кіевск. губ. Радомысль)
Радо-нѣгъ
(въ назв. мѣстности въ Москов. обл. Радонѣжь, с. Радонѣжское.
Радо(и)славъ 1164
Радь-славъ 1164
Рад-славъ 1331
Рати-боръ 1079, 1269
Рати(ь)миръ 1128, 1240
(и въ назв. урочищавъ Переяслав. обл. Рать-миря дуброва 1127.)
Рати(ь)славъ 1266
Рогъ-володъ
Рогъ-нѣдъ(ь) ж.
Рож-нѣдъ, м. 1135
Роди-славъ 1164
Род-славъ 1194
Рости-славъ.

Сбы-слава 1102
Събы-славъ
Свято-полкъ
Свято-славъ
Святъ-славъ
Свято-горъ (былинное)
Сде(ѣ)славъ 1180
Седе-славъ
Сине-володъ
(въ назв. урочища въ Галицк. обл. Синеволодьско 1240)
Стани-миръ 1217
Стани-славъ 1136
Суди-миръ 1147
Судо(ъ)миръ
(въ назв. рѣки въ Полоцк. обл. 1021 Судомиръ).
Суди-славъ 1155
Сѣро-славъ 1157

Тверди-славъ 1208
Твори-ми(ѣ)ръ 1043
Толи-гнѣвъ 1281—2
Ти(ѣ)хо-миръ
(въ назв. мѣстн. Тихомль).

Хот-мыслъ
(въ назван. гор. на Ворсклѣ Хотмысль).

Я-володъ 1216, 1210
Яро-полкъ 1211
Яро-славъ.

Древне-русскія уменьшительныя къ двуосновнымъ именамъ, расположенныя по основамъ.

Основа бор
Борко 1287
Борыня 1171
Борейша (современ. фамилія)

Борю(у) та 1536
Боря (соврем.)
Борята (въ совр. фамиліи Барятинскій, гдѣ а вм. о вслѣдствіе аканья)

Боръ
(въ назв. мѣст. въ Кіев. обл. Бори-

чевъ увозъ)
Бори-с-ъ, (уменьшит. I-ой группы къ Бориславъ)
Осн. Бог—
Богъша 1161
Богушъ
Божко (соврем. фамилія)
Боша 1231
Богунъ 1651
Божа 1418
Бужько
(въ назв. мѣстн. въ Волын. обл. Бужьковичи 1238)
Осн. Бряч(и)
Бренько 1380
Осн. буд—
Будята
(въ назв. мѣстности Вудятино (въ лѣтоп.) и Будятичи (Архивъ Сангушко)
Будило
(въ соврем. фамиліи Будиловичъ)
Будута
(въ назв. сел. въ Кіев. обл. 970 г. Будутина Весь)
Буды(й) 1015
Осн. бут—
(сравн. др. прусс: Buta въ Wissebute, въ литов. Narbut)
Бутъ 1177, 1410
Бутята
(въ назв. мѣстн. въ Новгородѣ Бутятинъ вымолъ)
Осн. вит—
Витко
(въ назв. улицы въ Новгор. Виткова)
Витъ
(въ назв. мѣстн. въ Кіев. обл. Витичевъ холмъ 1095)
Витанъ 1208
Витя (соврем.)
Осн. вои—

Воинъ
Воикина 1086
Воята
Войло (?) 1388
(Воинъ (?) 1326)
Осн. Волод—
Владъ 1424
Володьша
Володя (соврем.)
Волод-арь 1207, 1000
Володърись
Осн. ворот(и)
Воротынъ
(въ назв. гор. въ землѣ Вятичей Воротынскъ 1154)
Осн. выш(е)
Вышко 1162
Вышата 1043
Осн. вяч(е)
Вячко 1167, 1224
Вячь 1186
Осн. вят(?)
Вятка 1225
Вятокъ
Вятъ
(въ назв. племени Вят-ичи)
Осн. год
Годинъ } (былинныя)
Годенъ }
Осн. гор
Горята 1126
Горѣтъ
(въ назв. сел. въ Московской области 1328 Горѣтово)
Горѣнъ 1147
Осн. город
Городьша 1197
Городята 968
Осн. гост
Гостило 1420
Гостята 1140
Гостилець 1134
Осн. дан
Данко 1230
Данило (? древн. и соврем.)
Даня (? современ.)
Дашко 1136—5
Дакша 1135
Осн. доб
Добечь

(въ лѣтоп. Добычевичь, отчество подъ 1188 г.
Осн. добр)
Добря 1506
Добрята
(въ назв. сел. Смол. обл. 1150 г. Добрятино
Добрило 1164
Добрынъ 968
(въ отчеств. прилагат. Добрынь сынъ)
Добрыня 1116
Добрышь
Доброща (м. б. вѣрнѣе Доброша?)
Доброчко
(въ назв. мѣстн. въ Смолен. обл. Добрсчково 1150)
Добрянко 1004
Осн. дом
Дъмка 1215
Домаша 1176
Домашъ 1229
Доманъ } 1245
Домась }
Домата
Осн. дорог
Дорож(ь)ъ 1238
Дорожай 1184
Дорожка 1327
Драго-с-инъ 1424
(уменьшитель. I-ой группы къ Драгославъ и т. п.).
Осн. дух
Душило 1213
Душилець 1218
Осн. дѣд
Дѣдъ }
Дѣдило } 1177
Дѣдилець }
Осн. Жел
Желанъ
(въ назв. сел. и рѣки въ Кіев. обл. 1093 и соврем. Желань)
Осн. Жид
Жидъ

(въ назв. гор. въ Кіев. обл. 1257 Жидичевъ)
Жидко
(въ назв. сел. въ Смолен. обл. 1150 Жидчичи)
Жидята 1036
Жидило 1343, 1266
Жданъ 1134
(въ назв. горы Жданова, Ждания 1137 въ Сузд. обл. а также въ позднѣйшихъ памятникахъ какъ употребит. личное имя; сравни распространенную соврем. фамилію Ждановъ)
Жихно 1266
Осн. Жир
Жирохъ 1257
Жирохне новг. лѣт. 1267
Жирошка 1197
Жирята 1137—8
Осн. Жит
Житанъ
(въ назв. урочища въ Волын. обл. Житань 1270)
Житко
(въ соврем. фамиліи Житковъ)
Житомъ
(уменьшит. I-ой гр. къ Жито-миръ)
(въ назв. гор. въ Волын. обл. Житомель (мль) совр. Житомиръ).
Осн. Люб
Любъ 1204
Любко 1341
Любанъ 1613
(и въ соврем. назв. мѣстн. Любань)
Люби/ѣнъ 1341
Любынъ
(въ назв. гор. въ Ряз. обл. 1146 Любыньскъ)
Любыта
(въ назв. рѣки въ Новг. обл. Любытина)
Любо-м-ъ
Любимъ (соврем.)
(уменьшит. I-ой гр. къ Любомиръ,— мыслъ и т. п.)
(въ назв. гор. въ Волын. обл. Любомль 1287 и соврем.)
Осн. Люд
Людка 1348
Людя, Люша, Люля (соврем. уменьш. къ Людмила)
Люди-м-ъ
(въ назв. гор. Людимльскъ)
(умень. 1-ой группы къ Люди-миръ,-милъ,-мыслъ и т. п.)
Осн. Лют
Лють 975
Осн. мал
Малъ
Малъкъ, Малъко, Малка ж., Малуша, Малюша 970
Малота
(въ назв. гор. въ Переясл. обл. Малотинъ 1139)
Малышь 1199, 1311
Малюта
Осн. ман
Манъ 1294
Манко 1121
Манько
(соврем. малорусс. фамилія)
Манило
(въ фамиліи гоголевскаго героя Маниловъ)
Машко 1294, 1317
Осн. мил
Милята 1160
Милюта
Мила (соврем. уменьш. къ ж. им. Людмила)
Осн. мир
Мирята
(въ назв. села въ Смолен. обл. Миратичи 1150)
Миръ
(въ фамиліи Мир-овичъ)
Осн. мон
Моиша
(въ назв. мѣстн. въ Смолен. обл. Мойшинскаяземля 1150)
Мойко
(въ соврем. фамиліи Мойковскій)
Осн. мон
Мьнята
(въ назв. мѣстн. Минятинъ въ Арх. кн. Сангушк. 1448)
Осн. мьст(и)
Мь(и)стиша 945
Осн. мут
Мутиша 1517
Осн. нѣг
Нѣгъ 1194
Нѣжата 1138, 1200
Нѣжило 1234
Нѣгутинъ
Нѣгута 1234
Нѣгочь 1229, 1194
Негечь 1162
Осн. Остр
Острята 1208
Осн. пир
Пирята
(въ назв. город. въ Переяслав. обл. Пирятинъ 1155 и соврем.)
Осн. прбыы
Прибытокъ, Прибыша 1216
Осн. пут
Путьша 1015
Путята 1097, 1284
Путило 1217, 1275
Пути-в-ъ

Пути-м-ъ
(въ назв. гор. Сѣверс. обл. Путивль и (варінт. Путимль 1170
Пути-м-ецъ
Осн. рад
Радко 1087, 1225
Радоній
Радята 1268
Радь(и)ша 1263
Радейша 1609
Не-радецъ 1087
Радило 1147, 1169
Рашко 1159
Радо-с-ынъ
(въ назв. урочища въ Кіев.) обл. Радосынь 1111 и т. п.)
Радо-г-ъ (уменьшит.) къ Радо-гость и т. п. (въ назв. мѣстн. Радговичи)
Осн. рат
Ратько (сравн. соврем. фамилію Ратьковъ)
Ратьша 1146, 1210
Рашко 1159
Рахъ (?) 1281
Ратишко } 1255
Ратешка }
Ратимъ (въ совр. фам. Ратимовъ)
Осн. рог
Рогъ 1095
(въ назв. мѣстн. Роговъ 1193)
Осн. род
Родъ 1170, 1262
Родка 1183
Родило 1169, 1262
Родя (? соврем.)
Родята
(въ назв. Новгор. улицы Родятина)
Родунъ
(въ назв. урочища въ Черниг. обл. 1151)
Родуниско 1385
Родѣнъ
(въ назв. гор. въ Кіев. обл. 980 Родѣнь (варіанты: Родня, Родна.)
Осн. Сбы
Сбышка 1194
Събыкша
Осн. свят
Святко
Святоша 1097
Свя(ѣ)тохна 1224
Осн. сел
Селила 1366
Селко 1341
Осн. скор
Скорята (въ совр. фам.)
Скорута 1546
Осн. слав
Славята 1095
Славко
(въ назв. улицы въ Новгород. Славково)
Осн. стан
Станко
(въ назв. сел. въ Галицк. обл. 1153 Станковъ)
Станко (Арх. Сб.)
Станило 1223 1209 1231
Стахъ (Арх. Сб.)
Сташко 1422
Станя
(въ соврем. назв мѣстн. Станинъ)
Осн. суд
Судило 1140
Судечь 1421
(Судъ 1251?)
Судовъ? 1332
Осн. Тверд
Твердко
Твердило 1263, 1240
Твердята 1144
Осн. тѣх
Тѣшата 1216 1266 1299
Тѣшило
(въ назв. гор. въ Рязан. обл. Тѣшиловъ 1147 и соврем.)
Осн. ход
Ходко 1351, 1399
Ходота
Ходынъ
(въ назв. урочища въ Новг. обл. Ходыница 1240)
Осн. хот
Хоть(ъ) 1229
1195, 1348, 1170 1215
Хотѣнъ }
Хотенъ } (былинное)
Хотинъ }
Хотѣ(и)нъ
(въ назв. гор. на Днѣстрѣ Хотѣнъ или Хотинъ)
Хотша
Въ назв. гор. въ Смолен. обл. Хотшинъ 1150)
Осн. чур
Чуръ
Чюра 1533
Чю(у)рило 1377 1385 (также въ былинахъ)
Чюрына 1187
Осн. яр
Яронъ 1213
Ярунъ 1246, 1170
Ярошь 1616, 1589 (и въ совр. фамиліи)
Ярышь 1224. 1218
Яурило } Писц. книги
Ярецъ } 1410

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

LXIII.

№ 54. Банская Быстрица, сирѣчь Neusohl. $\frac{8}{20}$ іюня 1842.

Вчера послѣ обѣда выѣхалъ изъ св. Микулаша, ночевалъ въ Осадѣ, а сегодня въ 4 часа былъ тутъ. Дорога отъ Ружомберка на югъ идетъ къ Осадѣ и далѣе до горы Штурца узкой долиной, по которой течетъ рѣчка Ревучанка; горы поросли смрѣками и елями, и отчасти бучиной, а кое гдѣ выдаются красивыми скалами. Штурецъ очень крутъ и довольно высокъ, но дорога прорублена очень хорошо кьярами (поворотами, зикзаками), такъ что переходъ черезъ нее съ экипажемъ продолжается два часа, между тѣмъ какъ пѣшкомъ по тропинкѣ легко можно пройдти въ часъ. Между деревьями поляны на нихъ пасутся овцы и козы, каждая съ звонкомъ; пастухи, кто сидитъ, кто ходитъ, кто поетъ, кто играетъ на флейточкѣ, кто хлопаетъ бичемъ, прислушиваетъ къ раскатамъ эхо. Передъ Осадой я видѣлъ вечернюю музыку, т. е. танцы, а сегодня въ Ревуцѣ сватьбу. Спустившись съ Турца, снова входишь въ узкую долину, подобную прежней, и ею доходишь почти до самой Быстрицы. Долина почти вся занята жилищами рудокоповъ и различными рудными домами. Въ лѣвѣ осталась Herrngrund, гдѣ есть цементная вода, претворяющая желѣзо въ мѣдь. Быстрица довольно хорошенькій городокъ съ 5—6000 жителей, центръ промышленности края. Площадь очень велика: на ней въ каждомъ домѣ корчма. Жители были прежде Нѣмцы, а теперь все ославянилось. Въ Быстрицѣ въ предмѣстіяхъ множество садовъ.—Тутъ я познакомился съ еванг. священникомъ Кузмани [1]),

---

[1]) Карлъ Кузмани (1806—1866)—одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ словенскихъ патріотовъ; впослѣдствіе проф. теологіи въ Вѣнскомъ университетѣ и супер-интендентъ Пресбургскаго округа; Кузмани много писалъ для народа и принималъ ревностное участіе въ его политическихъ дѣлахъ.

издателемъ журнала Гронки, ревностнымъ Славяниномъ, но боящимся Мадьяровъ. Съ нимъ посѣтилъ я доктора Ципсера [1]), члена нашей Академіи: болтунъ и едва-ли ученый человѣкъ, впрочемъ очень прилежный.

Полгора. 24-е іюня (Сахар. фабрика, гребли деревъ, Hütten).

21-го выѣхалъ я изъ Быстрицы въ Черною Леготу, гдѣ священникомъ Самко Халупка [2]), молодой, образованный человѣкъ, занимающійся собираніемъ народныхъ словъ и выраженій. Желая воспользоваться его собраніемъ, я остался на два дни и списалъ что мнѣ нужно было. Легота лежитъ въ сторонѣ отъ дороги, въ крошечной долинкѣ, такъ что ея не видно, пока не подойдешь очень близко. Кругомъ нагорныя поля и лѣса, а далѣе голы или голи, т. е. горы голыя, очень высокія, еще покрытыя кое-гдѣ снѣгомъ. Вчера намъ пѣли дѣвки Ивановскія пѣсни: «Ой Яне, Яне, ой Яне!» и «Дай, Боже, дай!» Сегодня утромъ мы поѣхали вмѣстѣ въ городъ Брезно, гдѣ священникомъ его братъ. Его не было дома; насъ приняла его жена, и я всетаки успѣлъ просмотрѣть его лексикальныя записки. Брезнянскій Халупка—извѣстный Слов. писатель-сатирикъ [3]). Онъ между прочимъ написалъ нѣсколько комедій о Коцурковѣ, вымышленномъ мѣстечкѣ, представивши въ нихъ со смѣшной стороны нравы шляхты и мѣщанства Словацкаго; а недавно кто-то выдалъ въ Лейпцигѣ его нѣмецкій романъ, въ которомъ осмѣяны Турчанскіе нравы и Мадьяризмъ. Онъ же былъ въ числѣ депутатовъ съ репрезентаціей въ Вѣнѣ. Брезно—небольшой городокъ съ большою площадью; послѣ пожара онъ хорошо выстраивается. Зволенцы — чипкари, т. е. дѣлаютъ и продаютъ чипки (кружева деревен.). Такъ всякая столица имѣетъ свой особенный промыселъ, иначе не могла бы и выжить.

29-е. Хижно въ Муранской долинѣ.

Изъ Полгоры я пріѣхалъ въ Тисовецъ, мѣстечко Гёмер. столицы въ Мал. Гонтѣ. Дорога идетъ черезъ гору въ долину, очень романическая и премерзкая: мѣста принадлежатъ коморѣ (казнѣ), но она не хочетъ поправлять ее, а столица тоже не хочетъ. Тисовецъ лежитъ между огромными горами—Градовой и Черемошной; очень крошечное мѣстечко, но по малу обстраивается.

---

[1]) Christian Andreas Zipser 1783—1864)—естествоиспытатель, минералогъ и географъ.

[2]) Само Халупка (род. 1812)—одинъ изъ патріотическихъ поэтовъ словенскихъ; собраніе стихотвореній его (Spevy Sama Chalupky) было издано въ Банской Быстрицѣ въ 1868 г.

[3]) Янъ Халупка (род. 1791).

Тутъ священникомъ суперинтендентъ (епископъ евангелическій) Іозефи [1]), ходившій вмѣстѣ съ Годжею [2]), Халупкой и Ференчикомъ [3]) съ репрезентаціей въ Вѣну, старикъ почтенной. Я сложилъ свои вещи въ постояломъ дворѣ, но, пошедши къ нему, остался тамъ и ночевать и все время проводилъ у него. Онъ и старушка жена приняли меня какъ сына. Къ ужину пріѣхалъ и Брезнянскій Халупка, и мы болтали съ нимъ до часу по полночи. Разговоръ его блещетъ остроуміемъ. На другой день я былъ на екзаменѣ въ сельской школѣ и потомъ поѣхалъ съ капеланомъ Іозефи Скультетымъ (съ которымъ познакомился еще въ Моравіи) въ Римавскую долину къ Брезновскому свящ. Босому, человѣку ученому, сдѣлавшемуся на старость поэтомъ [4]). Онъ переводитъ Шекспира (Гамлета, Макбета, Веронскихъ господъ и т. д.) и пишетъ оригинальную поэму «Волоской Орѣхъ». Къ сожалѣнію, какъ стилистъ, онъ большой педантъ и безъ нужды мѣшаетъ нарѣчія. На ночь опять къ Іозефи. На другой день былъ въ обѣдни; церковь очень большая и прекрасно, хоть и просто, украшенная; это лучшая изъ евангелич. церквей, мною видѣнныхъ въ Венгріи. Послѣ обѣда пошелъ съ Скультетымъ въ Пилу къ свящ. Лучеку, собирающему старыя книги, и тамъ остался на ночь. На утро заѣзжали мы въ Тисовецъ къ Іозефи, собиравшемуся въ Пештъ съ женою, простились съ ними и поѣхали въ Муранскую долину. Она начинается у подножія Муранскаго замка. Изъ Подмурани до него на верхъ горы два часа ходьбы и довольно круто. Замокъ былъ очень великъ, но развалины уже очень развалились; видъ на окрестныя скалы и Муранскую долину очаровательный; она видна вся до двухъ послѣднихъ горъ, наз. Сестрами, за мѣстечкомъ Ельшавой (на каждой былъ замокъ, и съ одного въ другой протянутъ былъ, говоритъ преданіе, ременной мостъ; теперь и развалинъ нѣтъ). Въ тотъ же день мы поѣхали далѣе по Муранской долинѣ сначала въ мѣстечко Ревуцу, гдѣ я познакомился со свящ. Рейсомъ [5]), ученымъ человѣкомъ, сообщившимъ мнѣ любопытныя извѣстія о древностяхъ края, а потомъ въ деревню Хижно къ свящ. Томашику, хорошо знающему Гемерскіе обычаи [6]). Переночевавши, Лучекъ поѣхалъ вчера домой, а я послѣ обѣда ѣздилъ съ Томашикомъ въ Ельшаву къ свящ. Ференчику. Въ Ельшавѣ была когда-то православная церковь, и вообще въ этомъ краѣ были можетъ

---

1) Павелъ Іозефи.
2) См. выше.
3) Сам. Ферьенчикъ (1793—1855)—почтенный словенскій патріотъ, другъ Коллара.
4) Михаилъ Босыи (Bosy).
5) Самуилъ Рейсъ (Reisz).
6) Самуилъ Томашикъ (род. 1813)—одинъ изъ патріотовъ словенскихъ, авторъ многихъ пѣсенъ (между прочимъ «Hej Slováci»), стихотвореній и повѣстей.

быть еще за 150 лѣтъ (православные); но теперь остается одно преданіе. Сегодня остаюсь на цѣлой день въ Хижномъ распрашивать Томашика.

30-е. Тельгартъ.

Деревня горная на высотѣ какихъ нибудь 4,000 футовъ, у подножія Краловой голы (голами въ Татрахъ называются горы голыя, покрытыя на вершинѣ травою; другія называются горами и покрыты лѣсомъ, такъ что гора=лѣсъ на горѣ, а гора вообще=врхъ). Истокъ Грона очень близко: Тутъ живутъ Словаки, но Греко-Уніатской вѣры, равно какъ и въ Шумяцей и Вернгрѣ (всего въ этихъ трехъ приходахъ около 4,700). Прежде были протестантами. Служба на старо-Славянскомъ. Рожь уже тутъ не ростетъ: жители питаются картофлями и овсянымъ хлѣбомъ. Всѣ они у верховій Грона по преимуществу называются Гронцами и считаются молодцами. Есть между ними и удальцы збойники, особенно (или исключительно) изъ Валаховъ, т. е. горныхъ пастуховъ. Дорога изъ Муранской долины сюда черезъ лѣсъ (4 часа) черезъ гору Яворину: на гору высоко, съ горы мало. Со священникомъ здѣшнимъ ходилъ въ церковь: все какъ у насъ, впрочемъ скамьи по цѣлой церкви и подъ ризой у священника альба длинная, да кромѣ того въ церковной службѣ простой народъ весь поетъ молитвы, даже «Иже херувимы».

Іюля 1-е. Грановница.

Это уже въ Спишской столицѣ (Zipser Comitat). Я остановился тутъ кормить лошадей и себя. Отъ Тельгарта до Вернара 2 часа черезъ гору и лѣсъ. Мѣсто страшное въ преданіи; впрочемъ, мы прошли благополучно, не видавши никого, кто бы похожъ былъ хоть сколько нибудь на разбойника. По дорогѣ встрѣчались только угольщики съ углями, возы съ рудою и фурманы. Какъ бы то ни было, захолустье захолустьемъ, лѣса еще не видавшіе топора, скалы, знакомыя только медвѣдямъ и волкамъ. За Вернаромъ спустились въ долину, по которой течетъ потокъ, впадающій въ Попрадъ. Тоже запустѣнье, та же дичь природы, впрочемъ, уже какъ-то веселѣе.

Іюля 1-е же. Шмексъ.

Изъ Грановницы я выѣхалъ въ полдень, сюда пріѣхалъ въ 4. Ну, какъ-же напр. было не подумать о васъ, милая маменька, и о моихъ друзьяхъ, когда Татры отъ Кривани до Ломницы раскрылись передъ глазами со сво-

Вчера собрались тучи, а сегодня съ утра пошелъ обложной дождь; поэтому я городъ еще мало видѣлъ. Сколько видѣлъ, думаю, что онъ гораздо лучше Левочи. Онъ расположенъ въ прекрасной большой долинѣ, по которой течетъ Ториса. Площадь очень велика и длинна, хорошо обстроена. Вчера мы видѣли передъ каждымъ домомъ на лавочкахъ сидящихъ дамъ съ работою: это обычай не только тутъ, но и въ Левочи и особенно въ Кежмаркѣ; день работаютъ дома, а на вечеръ на улицу. Это мнѣ очень нравится.

8-е.

Уже давно говорятъ, т. е. говорили о затмѣніи солнца, ожидая его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ 8-е іюля наступило. Я проснулся рано, и прямо къ окошку, чтобы посмотрѣть, свѣтло ли, пасмурно ли небо. Было пасмурно. Послѣ 6-ти стало темнѣть. Я вышелъ въ корридоръ посмотрѣть на солнце: половина была за мѣсяцемъ. Мы завтракали, потомъ пошли въ библіотеку: къ 7-ми солнце покрылось совершенно мѣсяцемъ и ушло совершенно въ тучи; было такъ темно, что можно было подумать, что солнце взойдетъ еще часа черезъ три. На площади былъ базаръ, люди испугались, стали падать на колѣни, а иные побѣжали въ церковь, говоря: что это сталося, что солнце такъ захворало. Быстро но постепенно свѣтлѣло и къ 8 было совершенно свѣтло. Надъ звѣрями я ничего не замѣтилъ: лошади спокойно везли или стояли, собаки не подали ни малѣйшаго голоса.—Обѣдалъ сегодня у Муняя.

10-е. Киральтовца.

Вчера, пообѣдавши, я простился съ добрымъ Фуксомъ и поѣхалъ далѣе по Шаришской столицѣ. Она вся, какъ и южная часть Спишской, покрыта небольшими горами, между которыми разлегаются долины. Лѣсовъ уже не такъ много, какъ на западѣ, деревни меньше и бѣднѣе. Протестантовъ также меньше; я впрочемъ все еще нахожу знакомыхъ пасторовъ. Въ $1^{1}/_{2}$ часа отъ Прешова я заѣхалъ въ Комлошъ. Бѣдненькая фара (домъ священника) похожа на избушку. Фарарь, молодой человѣкъ, живетъ съ маленькимъ братомъ и сестрою почти въ одной комнатѣ. Къ вечеру пріѣхалъ я сюда: здѣшній фарарь, Гловикъ, есть вмѣстѣ и сеніоръ. Фара тоже бѣдная и полна народу: у него три сына, три дочери, еще чужой ученикъ, двѣ няньки, жена. Все это помѣщается въ двухъ комнаткахъ. Мы поужинали супу, яичницы и галушекъ; и послѣ ужина весь полъ покрылся постелями. Днемъ эти постели поддвигаются подъ другія постели, и становится нѣсколько просторнѣе. Пасторъ—человѣкъ въ лѣтахъ, довольно образованный и очень доброй. Жена его—простая, но добрая женщина. Мы встали сегодня въ 5 часовъ и гуляли;

потомъ завтракали жинчицу (овечная молочная вода, остающаяся отъ сыра) и хлѣбъ съ масломъ. Кофій у меня есть, но я не смѣлъ предложить, чтобъ не обидѣть.

Унгваръ. 13-е іюля.

Третьяго дни рано возъ былъ готовъ, вещи уложены, я сѣлъ и поѣхалъ въ Землянскую или Земплинскую столицу. Вмѣстѣ со мною выпросился ѣхать садовникъ, родомъ Мадьяръ, молодой, очень добрый человѣкъ. Первая станція была въ Кладзанахъ. Тутъ священникомъ братъ Гловика. Онъ былъ въ полѣ; меня приняла его жена, прекрасная, довольно образованная женщина, послала за мужемъ, и между тѣмъ накормила меня кислымъ молокомъ и чернымъ кофіемъ. Къ 5 часамъ воротился и мужъ и упросилъ меня остаться на ночь, говоря что на дорогѣ я не достану хорошей квартиры въ жидовской корчмѣ. Передъ ужиномъ мы ходили въ ближній лѣсъ поглядѣть на могилы. Тутъ ихъ вообще не мало, и чѣмъ дальше къ Галиціи, тѣмъ больше. Съ горы видѣли мы вершину горы Вигорляца или Вихорлата, на которой находится очень большое озеро. Это самая высокая гора въ Земплинской столицѣ. Горы тутъ уже примѣтно унизились, съ холмовъ видна уже обширная равнина, идущая къ самой Сербіи и Кроаціи. Лѣсу гораздо меньше, ручьи текутъ тихо, попадаются и болота и пески. Рожь уже жнутъ, между тѣмъ какъ за 2 часа выше въ горахъ она еще совершенно зелена. Не только деревни, но и мѣстечки совершенно закрыты деревьями, между которыми часто попадается грѣцкій орѣхъ. Вчера мы ѣхали цѣлый день отъ половины 6-го до половины 9-го. Въ Поздишовцахъ я хотѣлъ было посѣтить священника, но не засталъ дома. За Михайловцами, жидовскимъ мѣстечкомъ, мы переѣхали изъ Землянской столицы въ Унгварскую. Въ Лучкахъ я заходилъ къ калвинскому попу и съ большимъ трудомъ выпросилъ у него, т. е. купилъ молитвенную Словацкую калвинскую книгу. Если бы не мадьяризмъ, которому привержены калвинскіе священники, то я бы конечно не досталъ: Словацкихъ книгъ калвинскихъ печатать уже не позволено; бѣдный народъ, незнающій ни слова по Мадьярски, долженъ пѣть въ церкви Мадьярскія пѣсни; не мудрено, что онъ ненавидитъ школу и не посылаетъ въ нее дѣтей. Домъ священника—бѣдная хижина. Я заходилъ и въ церковь. Внутри она похожа болѣе на школу нежели на храмъ. Кругомъ а) лавки; съ боку кафедра; въ серединѣ с) столъ покрытый сукномъ и на немъ крестильная чаша, закрытая платкомъ. Тайны освящаются только, когда кто хочетъ причаститься, и то все разомъ готово. Служба бываетъ каждый день два раза; то-есть поютъ

пѣсни; а по воскресеньямъ бываютъ проповѣди. Въ церкви нѣтъ ни образка, ни креста, ни свѣчки, ни органа.—По дорогѣ къ Унгвару мы спускались и поднимались по холмамъ, и болѣе спускались; видѣли довольно сжатыхъ полей, и нѣсколько виноградниковъ. Унгваръ порядочный городокъ весь закрытъ садами. Постоялой дворъ у Короны очень порядочной; комнаты въ чистотѣ и все въ порядкѣ.

Вечеръ. Утромъ, не заставши уніатскаго епископа Василія Поповича дома, просидѣлъ дома. Послѣ обѣда въ 4-ъ часу опять пошелъ къ нему и только что воротился. Человѣкъ довольно молодой, прекрасный въ обращеніи, довольно просвѣщенный, и, какъ я уже давно слышалъ, очень добрый. Показавши свою домашнюю библіотеку, онъ повелъ меня въ епископскую, гдѣ есть довольно старопечатныхъ книгъ, а потомъ въ замокъ, гдѣ помѣщается семинарія. Тутъ онъ меня познакомилъ съ ректоромъ, профессорами, студентами-клериками, когда они ужинали, и съ библіотекой, гдѣ нашлась и пергаминовая рукопись. Вообще онъ большой Славолюбъ, и не хотѣлъ со мною иначе говорить, какъ по Русски. Одѣтъ онъ и всѣ его окружающіе по католически, въ реверендахъ съ крошечными скуфеечками на головахъ; бородъ не носятъ. Это впрочемъ стало уже въ недавнее время, а прежде все носило бороды. Въ семинаріи живетъ 60 учениковъ, а еще нѣсколько по домамъ. Есть и сиротскій домъ за священническихъ сиротъ.—Я хотѣлъ-было завтра ѣхать изъ Унгвара, но епископъ убѣдилъ меня остаться, пригласивши завтра на обѣдъ. Унгваръ (Унг-Варъ, варъ значитъ по Венгерски крѣпость) называется по рѣкѣ Унгу или Угу, текущему мимо его и по всей столицѣ.

14-е.

Унгваръ вовсе не порядочной, а обыкновенной нашъ уѣздный городъ, впрочемъ не малъ. Обѣдалъ я у епископа. За обѣдомъ была и старушка мать его, говорящая только по Руснацки, т. е. по Малорусски; а потому и все говорило по Малорусски. Уже и въ Земянской столицѣ есть Русняки, а тутъ въ Унгварской, они составляютъ главную часть народонаселенія, равно какъ и въ Угочской, Берегской и Мармарошской. Послѣ обѣда мнѣ показывали сакристію и въ ней епископскія одежды: очень богатыхъ нѣтъ. Далѣе ходилъ я къ Лучкаю [1]), издателю Руснацкой грамматики, приходскому священнику. Онъ теперь пишетъ исторію Мукачевской епархіи. Настоящій хохолъ.

---

[1]) Mich. Lutckay (ум. 1843 г.) извѣстенъ, какъ первый издатель народнихъ руснацкихъ пѣсень (въ его грамматикѣ въ 1830 г. напечатаны четыре пѣсни).

Нѣсколько лѣтъ онъ былъ священникомъ у герцога Лукскаго, въ то время когда герцогъ, питая надежду сдѣлаться королемъ Греческимъ, хотѣлъ познакомиться съ религіей Греческой.

15-е. Мукачовъ.

Въ 5 часовъ утра я выѣхалъ изъ Унгвара и пріѣхалъ сюда въ половинѣ 12. Мукачовъ или Мункачь лежитъ уже въ Бережской столицѣ; маленькой городокъ. Жиды на каждомъ шагу; простой народъ говоритъ по Русняцки и отчасти по Венгерски. На сѣверо-западѣ отъ города въ $^1/_4$ часа, на полугорѣ окруженный виноградниками и садами лежитъ Русняцкій монастырь, прекрасно, можно сказать, богато построенный; далѣе за нимъ тянутся горы выше и выше, сливаясь съ небомъ. Монахи носятъ бороды, но не усы, и узкія рясы съ францисканскими видлогами. На юго-западъ отъ Мукачова въ $^1/_2$ часѣ, на отдѣльной горѣ, возвышающейся середи безконечной равнины, стоитъ замокъ, обращенный теперь въ тюремный, гдѣ содержатся важнѣйшіе преступники государственные. Есть колодезь чрезвычайно глубокой. Видъ съ замка на равнину очень хорошъ. Я стою тутъ у жида въ постояломъ дворѣ и имѣю превосходную комнату, очень чистую, мило меблированную. Между украшеніями есть и самоваръ. Хозяйка замѣтила, что я утомленъ, и предложила напиться чаю (а не тее, какъ тутъ обыкновенно называютъ), еще и Русскаго чаю. Не знаю, каковъ то будетъ.

16-е. Верецка.

Чай былъ не дуренъ, приготовленъ съ ромомъ, за то и заплатилъ за стаканъ 36 крейцоровъ, сирѣчь 54 коп. Теперь жду опять чаю, т. е. воды, и самъ хочу себѣ приготовить чаю, но вода что-то нейдетъ. Комната моя ужасно нечиста; постели не получу, а буду спать на сѣнѣ, еще самъ не знаю, чѣмъ покроюсь и какъ буду сражаться съ блохами. Я уже близь границъ Галиціи, и оставляю Венгрію. Пора. Остается два мѣсяца путешествовать, а надобно побывать и въ Галиціи и въ Польшѣ. Впрочемъ скорѣе бы домой. Ужъ такъ хочется къ вамъ, что иногда, какъ напр. и сегодня, становится такъ грустно, что хоть плакать.

ГАЛИЦІЯ.

17 іюля. Сколе.

Я тутъ остаюсь ночевать, потому что до Стрыя еще пять миль, лошади утомлены и пришлось бы ночевать на одной постели съ жидомъ, если не подъ лавкой. Изъ Верецкой выбрался я сегодня нѣсколько поздо, въ 6 часовъ, заснулъ передъ утромъ, потому что въ жидовской подушкѣ было по крайней мѣрѣ 10000 блохъ, а изъ жидовской комнаты слышалось пѣнье молитвы. Вчера у нихъ былъ шабашъ, а сегодня праздникъ и постъ Тишебафъ (9-й день) мѣсяца Офа, къ которому жиды имѣютъ обыкновеніе приготовляться строгою молитвою. Блохи меня мучили, а пѣнье было очень печально. Какъ сравнишь это пѣнье съ христіанскимъ сельскимъ, то станешь слушать съ непріятнымъ чувствомъ, и притомъ благочестіе, лишь бы было искреннимъ, хорошо во всякой формѣ; но эти блохи жидовскія, эта подушка, пропахнувшая саломъ разныхъ столѣтій, вонявшимъ изъ подъ двухъ полотенецъ, которыми я закуталъ ее, и притомъ ихъ безнравственное обхожденіе съ христіянами, безжалостные обманы надъ бѣдными мужиками.... Думалъ я думалъ, вертѣлся, вертѣлся и заснулъ когда уже пастухъ затрубилъ въ рогъ. Вереска считается мѣстечкомъ, а сама по себѣ предрянная деревня съ деревянной церковью. Тутъ Венгерская таможня: въ ней визировали мой паспортъ. Далѣе подниматься мы стали на гору, и поднимались часа два. Я шелъ пѣшкомъ и собиралъ землянику. Тутъ ея еще пропасть, а въ Мункачовѣ уже давно нѣтъ. Дорога дурна: въ иныхъ мѣстахъ очень крута, въ другихъ идетъ ненужными поворотами; впрочемъ дѣлается уже новая. За 7 лѣтъ была несравненно худшая. На границѣ жидовской домъ. Тутъ видны во всѣ стороны Бескиды или Бещадь. Такъ называются въ народѣ восточные Карпаты. Вершины ихъ голы, скалы видны рѣдко. Несчастные Русняки должны тутъ подниматься не только съ плугомъ, но и съ жилищами очень высоко, и озимины вовсе не сѣютъ. Деревеньки ихъ состоятъ изъ разбросанныхъ маленькихъ немазанныхъ домовъ. Отъ границы спускъ съ горы уже по Галицкой дорогѣ, прекрасно сдѣланной съ мильными и четверть-мильными столбами. Эта гора называется Перекатъ великій. Подъ горою крошечная деревенька Клинецъ и въ ней Галицкая таможня. Паспортъ мой былъ опять визированъ, но вещей не осматривали. Уходя въ канцелярію, я оставилъ дозорщику ключи отъ чамодана и мѣшка, а онъ передалъ ихъ кучеру говоря: «вѣрно ничего нѣтъ запрещеннаго, другой бы не былъ такъ унжениртъ». Воротившись къ повозкѣ, я получилъ отъ него титулы Милости и Доктора и счастливый путь.

Жидъ, собиравшій дорожныя деньги (это цольны госьцинѣць), взявши съ меня 12 крейц. серебр., повторилъ тоже. Отъ границы до Сколе 6 миль, и я заплатилъ уже за дорогу 33 кр. сереб. за три лошади, около 1,20 коп., слѣд. почти по копѣйкѣ съ лошади за версту. Въ Тухолкѣ мы кормили, и я накормился яицами въ смятку и кислымъ молокомъ. Жиды не даютъ ничего больше, потому что сами постятъ. По дорогѣ встрѣчалось много Русняковъ и Руснячекъ; сегодня воскресенье, но одѣты всѣ бѣдно; лица очень красивыя. Одной Русняцкой дѣвушкѣ я далъ кольцо за нѣсколько пѣсенъ, которыя она мнѣ продиктовала. Она полюбовалась, вздѣвши на палецъ, а потомъ спросила, что онъ стоитъ. Пять дудо̀къ (грошей) чишто, отвѣчалъ я. «Такъ озьмить перстень, та дайте мини гроши, бо у мене мати стара́, хлûба нема́: пійду до мûста, куплю ій хлиба». Я далъ ей серебр. грошъ (три крейц.) и оставилъ кольцо. «Панъ Бигъ вамъ воздай! Отъ такъ быхъ мушила вамъ, милостивый панцику, цûлый день спûвати», и насильно поцѣловала мнѣ руку. Потомъ улыбнулась, пригладила волосы и стала диктовать еще одну пѣсню. «Мати моя, мати, колижъ бы си знала, где то я ходила, зъ кимъ я розмовляла» etc. — Сколе дрянной городишко, полный Жидовъ. Лежитъ въ долинѣ между горами.

18-е. Стрый.

Главный городокъ Стрыйскаго края. Горы уже чуть-чуть видны вдали; а тутъ кругомъ равнина, какъ за Мункачевымъ на югъ. Часть дороги сюда шла по берегу рѣки Стрыя, текущаго и тутъ у города: рѣка не глубокая, не широкая, но шумная и быстрая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она бѣжитъ по камнямъ, въ другихъ обливаетъ собою островки. Стрый городъ жидовской. Лишь только я въѣхалъ, меня окружили они, и давай распрашивать, куда я ѣду, нужна ли Gelegenheit, нужна ли квартира; рвутъ и вправо, рвутъ и влѣво, и дерутся между собою. Простой народъ одѣтъ уже лучше, чище, красивѣе. Въ городѣ 2 церкви; улицы широкія, есть между домами очень хорошенькіе, нѣсколько новыхъ каменныхъ. Впрочемъ Жидовъ такъ мало, что уже скучно. Жиды носятъ тутъ пейсики и длинные кафтаны; между тѣмъ какъ въ Венгріи ихъ надобно отличать по физіономіямъ.

Хламберхъ: корчма въ $7^1/_4$ миляхъ отъ Стрыя, въ $1^3/_4$ мили отъ Львова.

Мои исторіи съ Жидами кончились благополучно: я нанялъ одного изъ фурмановъ за 10 гульд. .... =4 серб. (около 10 руб.) на 9 миль,

т. е. до Львова. Могъ бы и желалъ быть еще сегодня тамъ, но не случилось: сначала остановили безконечныя «кхебнси мир нох етвас» (дайте еще что-нибудь), потомъ градъ, потомъ дождь. Жидъ, или лучше сказать Жиды (потому что ихъ 2 кромѣ присѣдающихъ) везутъ, впрочемъ, хорошо: лошади здоровыя, большія, будка (такъ тутъ и называется), хоть и велика, такъ что я въ ней лежу, но легка на ходу. За 7 съ небольшимъ часовъ 7 съ небольшимъ миль, т. е. около 45 верстъ съ тремя большими остановками и множествомъ малыхъ: куда ни шло. Первый разъ мы останавливались въ корчмѣ на 4-ой милѣ, у берега Днѣстра. Тутъ кругомъ его луга, есть мѣсто, гдѣ ему разливаться; впрочемъ онъ тутъ еще не годенъ въ братья Днѣпру и Дону. Въ Миколаевѣ есть два прекрасныхъ заѣздныхъ дома. Далѣе дорога идетъ съ холма на холмъ, и въ лѣсъ. Ѣхавши имъ, я любовался на свѣтящихся жучковъ: во множествѣ они лежали по дорогѣ и между кустарниками, какъ звѣздочки. А теперь я слушаю завыванья Жидовъ, вышедшихъ на середину дороги молиться. Каждый поетъ своимъ голосомъ, а одинъ жужжитъ, жужжитъ да такъ вдругъ завоетъ, что, кажется, его рѣжутъ, и опять зажужжитъ. Слушаю и съ ужасомъ думаю о постели: я еще не легъ, а уже меня обдали блохи какъ варомъ. Комната что называется экстра циммеръ, но скорѣе похожа на хлѣвъ.

Львовъ.

Пріѣхавши въ Лембергъ, я остановился въ Hôtel de Russie и пошелъ искать Запа [1]), литератора Чешскаго, здѣсь служащаго, и, отыскавши его, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ одному изъ южно-русскихъ литераторовъ, а потомъ къ нему и далѣе гулять. Городъ Лембергъ не можетъ не понравиться, особенно послѣ городковъ, которые до сихъ поръ видѣлъ такъ долго. Онъ прекрасно и чисто построенъ, архитектурою похожъ на Пештъ и Тріестъ: улицы широкія прямыя, множество церквей... На мѣстѣ, гдѣ былъ прежде валъ, теперь сдѣланы гульбища, усаженныя тѣнистыми деревьями. Польскій языкъ есть господствующій: по Нѣмецки говорятъ Жиды и Нѣмецкіе чиновники; по южно-Русски простой народъ, приходящій изъ селъ. Жидовъ впрочемъ множество. При самомъ въѣздѣ въ Hotel они облепили меня, поминутно заходили въ мою комнату съ различными предложеніями и продолжаютъ свои посѣщенія ежедневно. На другой день я былъ въ театрѣ: играли 2 комедійки на Польскомъ языкѣ, и играли прекрасно, особенно Новаковскій. Самое театральное зданіе, построенное графомъ Скарбкомъ, есть одно изъ лучшихъ въ цѣлой Австрійской имперіи:

---

[1]) Карлъ-Владиславъ Запъ (1812—1870).

театръ въ серединѣ, кругомъ огромный четвероуголъ въ 3 этажа для лавокъ и приватныхъ квартиръ. Скарбекъ построилъ съ тѣмъ чтобы 50 лѣтъ пользоваться самому, а потомъ передать городу. Зданіе библіотеки Оссолинскихъ также отстраивается. Въ ней я былъ съ Росцишевскимъ изъ Росцишева, галицкимъ дворяниномъ, Полякомъ, старикомъ и чудакомъ, который, узнавши, что я его хочу посѣтить, самъ пришелъ ко мнѣ, и никакъ не позволяетъ мнѣ прійдти къ себѣ. Посѣщаетъ онъ меня каждодневно, и, признаюсь, ужъ наскучилъ: мѣшаетъ работать и болтаетъ безтолково и безъ конца. Изъ литераторовъ польскихъ я познакомился съ старикомъ Коминскимъ [1]), образователемъ Львовскаго театра, написавшимъ въ послѣднее время комедію Krakowiacy, Górule (2-ая часть), на которой я былъ въ театрѣ. Комедія не дурна, но пѣсни, но музыка—ужасныя: Итальянскіе мотивы Татранскому горцу также пристали, какъ коровѣ сѣдло. Другой литераторъ Польскій, съ которымъ я познакомился есть Бѣлевскій [2]), редакторъ журнала модъ; занимается и исторіей. Поля [3]), издавшаго чужое собраніе пѣсень, нѣтъ. Залѣсскій [4]), издавшій также пѣсни, сдѣлался совершеннымъ чиновникомъ, и о пѣсняхъ и литературѣ, о Славянизмѣ и народности и слушать не хочетъ. Изъ русскихъ литераторовъ познакомился съ Вагилевичемъ [5]), Головацкимъ [6]), Зубрицкимъ [7]) и Левицкимъ [8]). Вагилевичъ помѣшался на томъ, что въ него влюбляются. Головацкій много путешествовалъ. Зубрицкій много сбиралъ историческихъ матеріаловъ, Левицкій плохой грамотѣй, хоть и написалъ граматику. Познакомился и съ другимъ Левицкимъ, каноникомъ, цензоромъ книгъ. Видалъ и Русскія книги, видалъ и Снjпъ. Ну ужъ правописаніе. Основьяненка читаютъ съ восторгомъ. Видалъ и Москвитянина. Условился съ Миликовскимъ о пересылкѣ книгъ.—Былъ на высокомъ замкѣ съ котораго прекрасный видъ на Львовъ, растилающійся подъ нимъ: теперь нѣтъ почти слѣдовъ замка князей Львовскихъ. Былъ въ Ставропигіальномъ архивѣ: есть любопытныя рукописи. Кое-что нашелъ и въ уніатскомъ монастырѣ. Каждый день имѣлъ что нибудь для работы — и такъ прожилось 10 дней.

---

[1]) Янъ-Непомукъ Каминьскій (1778—1855)—директоръ львовскаго театра.

[2]) Августъ Бѣлевскій (1806—1876), извѣстный своимъ изданіемъ Historica Poloniae monumenta.

[3]) Żegota Pauli (Род. въ 1814).

[4]) Вацлавъ Залѣсскій, извѣстный подъ именемъ Wacław z Olecka (род. 1800 † 1849).

[5]) Иванъ Вагилевичъ (1811—1866)—одинъ изъ дѣятелей русскаго возрожденія.

[6]) Я. Ѳ. Головацкій (род. 1814)—извѣстный дѣятель по сближенію русскихъ Галичанъ съ Россіей.

[7]) Денисъ Зубрицкій (1777—1862)—извѣстный изслѣдователь галицко-русской старины.

[8]) Іосифъ Левицкій (1801—1860)—составитель первой Галицко-русской грамматики (Grammatik der klein-russischen Sprache in Galizien), переводчикъ Шиллера.

Тутъ окончу мое письмо. Цѣлую вашу ручку, милая маменька. Поклонитесь нашимъ знакомымъ.

Вашъ И. Срезневскій.

Если бы мои книги пришли еще до меня въ университетъ, то прошу Амвросія Лукьяновича и Александра Петровича принять ихъ, а вы, маменька, заплатите, что будетъ стоить, и помѣстите ихъ, гдѣ найдете мѣсто.

LXVI.

№ 55. 1-е августа. Краковъ.

Въ концѣ 1-го пополудни Eilwagen нашъ пріѣхалъ въ Подгорье (Podgórze) и сбросилъ съ себя насъ и наши вещи. Я отправился въ полицію визировать паспортъ, вещи мои перевезли черезъ Вислу по мосту (Висла тутъ не шире нашей Лопани, мостъ даже короче и хуже) въ тачкахъ и на другомъ берегу переложили въ коляску (фьякръ), паспортъ мой тутъ у меня взяли и дали билетъ, и я поѣхалъ къ Розѣ въ Краковъ черезъ Жидовское предмѣстье Казимирь въ другое—Страдомъ. Послѣ обѣда я искалъ профессора Вишневскаго [1]) и библіотекаря Мучковскаго [2]); но этого не засталъ дома, а тотъ живетъ за городомъ. За то я нагулялся вдоволь, къ сожалѣнію безъ проводника, а потому не многое понялъ. Польскій языкъ какъ у насъ Русской, безъ него нельзя двинуться. Народъ миловидной; но народу мало, и въ городѣ какъ то жалко пусто. Въ этомъ отношеніи можно сравнить Краковъ съ Венеціей, но и въ Венеціи, не говоря ужъ о Марковской площади, несравненно больше жизни. Правильнѣе сравнить съ Дубровникомъ (Рагузой): какъ и тамъ сквозь мостовую пробивается трава, много старины, напоминающей о жизни, но уже не живущей. Безжизненность Кракова еще страшнѣе нежели въ Дубровникѣ: тутъ нѣтъ моря, нѣтъ пристани и притомъ городъ пребольшой, старины—множество. Въ серединѣ города огромной рынокъ, кругомъ его собственный городъ; кругомъ него на мѣстѣ валовъ аллеи; за ними во всѣ стороны предмѣстья и сады. Церквей и прекрасныхъ домовъ очень много, но рядомъ съ ними стоятъ и бѣдныя лачужки, какъ и у насъ за Лопанью. Конфетныхъ лавокъ множество; кофеенъ не замѣтилъ ни одной хоро-

---

[1]) Михаилъ Вишневскій (1794—1865)—авторъ исторіи польской литературы.

[2]) Іосифъ Мучковскій (1795—1858)—польскій историкъ.

шей. Русской табакъ, Русскія деньги, на Русской манеръ одежда солдатъ; Краковячкамъ пристали очень длинные полузавитые распущенные по плечамъ волосы; этимъ отличаются дѣвушки, замужнія носятъ платки на головахъ очень странно широко распустивши ихъ по головѣ. Миленькихъ очень много, какъ и между мужчинами, самыми бѣдными мужиками, много благородныхъ лицъ. Вотъ примѣръ честности: у одной торговки купилъ я вишень связку, далъ денегъ, получилъ сдачу, положилъ, не считая въ карманъ, и пошелъ далѣе. Иду, за мною торговка бѣжитъ и кричитъ: «проше пана ту јешче (јещче) цјенць грошув, јам нје додала, запомнјала». Я не понялъ, думалъ, что она передала, что хочетъ отъ меня еще, вынулъ сдачу, отдалъ ей, она снова считать: «видзиш, панје, пјенць грошув бракује, ту со цјенць грошув, дзјęкује». Еще и «дзјęкује» (благодарю)! а могла бы удержать у себя, и я бы и не догадался. Славяне—всюду Славяне.

2-е августа.

Съ однимъ изъ моихъ вчерашнихъ сосѣдей въ Eilwagen'ѣ, я нанялъ сегодня коляску и поѣхалъ въ Величку, чтобы посмотрѣть солеломни. Онѣ открываются въ 10, а мы пріѣхали въ 9 (это только миля, т. е. 1 часъ отъ Кракова), и потому ждали. Между тѣмъ собрались и другіе посѣтители: два англичанина, возвращающіеся изъ Египта, одна Польская дама изъ Познани съ 2 дочерьми и 3-мя молодыми людьми, еще одинъ Полякъ. Маленькое общество, а между тѣмъ слышны были рѣчи Польскія, Русскія, Нѣмецкія, Французскія, Итальянскія, Англійскія. По Польски я начинаю рѣшаться говорить, но робко. Какъ Русскому, мнѣ какъ-то стыдно, что я не говорю по Польски. Въ глубину солеломни можно спуститься на 30 саженъ по веревкѣ въ двѣ минуты, но дамы не рѣшились, а мы не хотѣли отдѣлиться, и пошли по ступенямъ внизъ. Шли очень долго и довольно глубоко. Ступени сдѣланы очень хорошо и покойно. Ходы очень широки и правильны. Залы велики и высоки. Въ одномъ мѣстѣ на плотѣ переѣзжали черезъ воду; тутъ намъ освѣтили залу бенгальскимъ (разноцвѣтнымъ) огнемъ. Впрочемъ и безъ него мы видѣли все хорошо, потому что съ нами было довольно и лампъ и вѣниковъ. Капелла св. Антонія сдѣлана вся изъ соли, особенно хорошо распятіе. Соль конечно по малу таетъ, формы стираются, но всетаки хорошо. Капелла была для насъ освѣщена какъ будто для службы. Провожалъ насъ одинъ изъ практикантовъ и разсказывалъ все подробно. При входѣ дали намъ широкіе длинные холстинные халаты,—и мы всѣ стали похожи, особенно дамы на мертвецовъ въ Робертѣ Дьяволѣ. Мы были подъ землею только три часа, и потому видѣли немного. Чтобы видѣть все надобно

провести тамъ нѣсколько дней. При выходѣ мы заплатили по 1 гульдену съ человѣка, не считая дамъ. За фьякръ заплатили мы 2 гульд. 50 кр. сереб. по 1—25 съ человѣка. Вообще фьякры тутъ дешевы. Но бѣда съ деньгами: идутъ и Австрійскіе, и Польскіе, и Русскіе, и Прусскіе; считается все на Польскіе злотые, и потому непривыкшему кажется все безтолковымъ.

Вечеромъ.

Былъ на Замкѣ, обошелъ вокругъ его стѣнъ, любуясь на городъ и окрестности, потомъ спустился и обошелъ по аллеямъ вокругъ всего города. Замокъ стоитъ на горѣ надъ Вислою; въ замкѣ пусто: тамъ казармы, тюрьмы, старики и дѣти. Все показываетъ, что было что-то знатное, богатое прежде и вымерло. Аллеи вокругъ города чудесныя, и чѣмъ дальше шелъ тѣмъ больше встрѣчалъ людей, особенно дамъ: иные сидятъ подъ орѣхами, акаціями, липами, другіе гуляютъ подъ рядами тополей. Болѣе 1½ часа ходилъ я тамъ, правда тихо, но всетаки шелъ впередъ. Думается мнѣ поэтому, что городъ Краковскій мало меньше Вѣнскаго.

Августа 3-го.

Сегодня утромъ въ третій разъ былъ у Мучковскаго и не засталъ, а воротившись вечеромъ домой, вижу по билету, что и онъ не засталъ меня. Я цѣлый день былъ не дома, даже не въ городѣ. Не заставши Мучковскаго, я взялъ фіакръ и поѣхалъ въ Лобзовъ къ Вишневскому: тамъ онъ на лѣто занялъ весь верхній этажъ замка, гдѣ еще на всѣхъ дверяхъ видны гербы Сигизмунда 3-го. Предобрый человѣкъ. Сначала мы говорили по Русски, потомъ по Польски. Онъ меня угостилъ чаемъ, потомъ оставилъ и обѣдать. Между чаемъ и обѣдомъ мы ходили по саду, всходили на могилу, извѣстную въ преданіи подъ именемъ гроба Жидовки Естерки, любовницы Казимира (вы знаете повѣсть). Послѣ обѣда пошли въ Волю, гдѣ встрѣтились съ вчерашними дамами и вмѣстѣ ходили по саду. Оттуда на гору Брониславы, на которой возвышается величественная могила Косцюшки, и на ней выждали захожденіе солнца. Что за видъ: на югъ Висла и за нею до Татровъ, къ Бабьей горѣ, величайшей изъ горъ Татрашскихъ въ Галиціи; за нею вдали видны и верхи собств. Татровъ бѣлоголовыхъ. На востокъ Краковъ и за нимъ лѣса, гдѣ когда то охотились короли. На сѣверъ холмистая равнина до границы Польской, на западъ Висла и различные деревни и замки. Пѣсни раздаются вокругъ. Могила огромна, не ниже 18—17 саженъ въ вышину Подъ нею часовня св. Брониславы. Вишневскій съ сыномъ, 15 лѣтнимъ

милымъ молодымъ человѣкомъ, проводилъ меня до города, и вотъ теперь уже бьетъ 10. Вишневскій благородный человѣкъ по своимъ мыслямъ. О, если бы такъ думали всѣ Поляки. Съ нимъ вспоминали мы и о Корженевскомъ,—это его товарищъ. (Амвросій Лукіановичъ, поклонися отъ него Корженевскому и скажи, что онъ съ его вновь печатанными драмами еще совершенно незнакомъ).

Вечеромъ. 4-е августа.

Сегодня пришелъ ко мнѣ Вишневскій, и вмѣстѣ мы пошли въ соборъ, находящійся въ замкѣ: это Архангельскій соборъ Польскихъ королей. Церковь не очень велика, но кругомъ ея множество часовень, и въ нихъ памятники королей, а подъ церковью погреба съ гробами. На право отъ главныхъ дверей, при входѣ въ церковь, часовня св. Креста: тутъ по бокамъ гробовцы королей Владислава Ягеллона и сына его Казимира (XVI вѣка) изъ краснаго мрамора (какъ и почти всѣ другіе съ сохраненіемъ физіономій и одеждъ), а въ серединѣ, гробовецъ епископа Краковскаго Каетана Солтыка, на которомъ есть рельефное изображеніе, какъ козаки въ каретѣ везли его въ Сибирь (бѣлымъ мраморомъ по черному). Подъ этой часовней лежитъ король Михаилъ Вишневецкій. Эта часовня называлась когда то Русскою: прежде можно было видѣть на потолкѣ между греческою живописью и надписи старо-славянскія. За нею, угломъ къ ней часовня Маріи дѣвы, принадлежащая фамиліи Потоцкихъ, вся выложенная красиво мраморомъ. Въ ней есть бюсты работы Торвальдсена и его же статуя Спасителя превосходной работы. Въ слѣдующей за нею часовнѣ Шафранцевъ или Doctorum, погребенъ въ погребѣ историкъ Польскій Матвѣй Мѣховита, лекарь Сигизмунта 1-го. Далѣе часовня Вазитовъ съ гробовцами Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира, запропастившихъ Польшу: вся выложена чернымъ мраморомъ, и мрачна. За нею слѣдуетъ боковой входъ въ церковь и потомъ часовня Сигизмундовская, по Сигизмунду I; и снаружи она превосходно выложена огромными камнями и покрыта позолоченною мѣдью; и внутри украшена богато и со вкусомъ. Тутъ на лѣво есть огромный складень, или поход. олтарь съ живописью по серебру, изъ котораго онъ вылитъ. Надъ часовней въ церкви висятъ соврем. портреты Сигизмунда 1-го и его жены (онъ съ часами въ рукахъ: въ такой чести были въ то время часы). Противу слѣд. часовни Богоматери стоитъ статуя Владимира Потоцкаго изъ бѣлаго мрамора чудесной работы Торвальдсена. За часовней Іоанна Крестителя (гдѣ Іоаннъ сдѣланъ съ лицемъ Мицкевича) слѣдуетъ часовня св. Андрея съ гробовцемъ короля Яна Альбрехта. Напротивъ нея гробъ Казимира Великаго изъ краснаго

мрамора, современной, но чудесной работы. Далѣе подъ часовней Невинныхъ младенцевъ погребенъ епископъ Янъ Павелъ Вороничъ, знаменитый какъ писатель: она угольная. За нею—св. Өомы, и потомъ на срединѣ задней стѣны часовня Ciborium, бывшая въ связи съ дворцомъ. Тутъ молились короли; тутъ гробовецъ Стефана Баторія. Противъ нея, задомъ къ срединѣ церкви памятникъ королю Яну Собіескому, изъ чернаго мрамора, и другой тоже изъ чернаго мрамора короля Михаила Вишневецкаго. Далѣе вдоль церкви слѣдуетъ еще по стѣнѣ 7 часовень. Противу одной изъ нихъ гробовецъ Владислава Локетка, XIV вѣка, изъ бѣлаго камня. Послѣдняя на лѣво отъ входа главнаго обдѣлывается вновь. Въ срединѣ церкви есть еще одна часовня св. Станислава съ серебряною богатою ракой, гдѣ почиваетъ прахъ святаго. За этой часовней главный алтарь, съ гробомъ (на право) королевы Гедвиги, а главный образъ прекрасной работы Донабелли. На право у входа въ церковь, противу часовни св. Креста, есть входъ въ погребъ, гдѣ лежатъ между прочимъ тѣла короля Яна III и двухъ знаменитыхъ Поляковъ, Костюшки и Понятовскаго (по волѣ Александра императора). Въ лѣвой стѣнѣ церкви есть входъ въ ризницу (sacristie=skarbec): много богатства, много воспоминаній для poczciwych Polaków, между прочимъ и старый крестъ изъ золота съ камнями старой Русской работы, и голова св. Станислава, вложенная въ сосудъ или ящикъ изъ чистаго золота. На главной колокольнѣ (ихъ двѣ) есть колоколъ, наз. Сигизмундомъ, въ который ударяютъ только въ большіе праздники: чтобы раскачать его надобно 8 человѣкъ. Изъ собора мы спустились съ горы Замковой въ городъ, и, прошедши черезъ старинный суконный рядъ (sukiennice), пришли къ церкви Богородицы. Это красивѣйшая изъ Краковскихъ церквей съ двумя прекрасными башнями, и очень высока. Далѣе заходили мы въ книжную лавку Чеха, въ кондитерскую, и потомъ пошли обѣдать въ Hotel de Russie. Потомъ къ Мучковскому. Наконецъ я увидѣлъ этого ученаго старика, старика, впрочемъ, очень занятаго собою и съ стараніемъ приглаживающаго свои бѣлые волосы. Мы пошли въ библіотеку, а тутъ пришли и мои дамы Познанскія. Библіотека передѣлывается, и книги стоятъ и лежатъ громадами: книгъ до 80.000; однихъ рукописей 12,000. Есть много любопытнаго, но не Польскаго. Идя сегодня по рынку, Вишневскій показалъ мнѣ въ одномъ изъ оконъ сѣдую, важную голову смотрящую на разводъ полицейскихъ солдатъ: «знаете кто это?»—Не знаю, но я третьяго дни обѣдалъ съ этимъ генераломъ у Розы.—«Этотъ генералъ Хлопицкій» [1]). Въ Краковѣ жителей 45.000, изъ нихъ 15.000 Жидовъ.

---

[1]) Іосифъ Хлопицкій (р. 1772 г.)—сподвижникъ Костюшки, участникъ въ походахъ Наполеона въ Испанію и въ Россію, диктаторъ въ Варшавѣ въ 1831 г.

8-е. Вратиславъ.

Третьяго дни въ 9 часовъ вечера выѣхалъ изъ Кракова, а сегодня въ половинѣ 5-го утромъ пріѣхалъ сюда. Къ Пуркинѣ—его нѣтъ дома, но старушка служанка тотчас узнала меня, и бросилась цѣловать руки. «Ah, ah, ah, der lustige Herr; а дѣти такъ часто васъ поминаютъ. И чемоданъ вашъ уже долго ждетъ, и профессоръ боялся, не заболѣли ли вы». Обѣщавшись воротиться, я пошелъ къ Челяковскому (онъ тутъ профессоромъ Славянскихъ нарѣчій), и просидѣлъ у него часа два. Жалуется на своихъ учениковъ; но благодаря Бога теперь уже не въ такой нуждѣ, какъ прежде. Вратиславъ въ сравненіи съ Краковомъ живой городъ. Отъ двухъ ночей спанья въ экипажѣ у меня болитъ голова.

14=2 августа. Познань.

Третьяго дни вечеромъ пріѣхали мы сюда, мы, т. е. я и Бодянскій. Третьяго же дни мы и увидѣлись съ нимъ въ первый разъ совершенно нечаянно. Прихожу къ Челяковскому, а онъ тамъ, только что пріѣхалъ, и остановился въ той же Силезіи, дверь обо дверь, такъ что даже слышалъ, какъ мы разговаривали съ Пуркиней, хоть и не узналъ ни языка чешскаго, ни голоса Пуркини. Онъ хотѣлъ ѣхать прямо въ Варшаву, но потомъ рѣшился вмѣстѣ со мною въ Познань. И вотъ мы тутъ. Вчера были у Лукашевича [1]) и въ библіотекѣ Рачинскихъ, а сегодня у профессора Поплинскаго [2]) и бродили по городу. Городъ менѣе Вратислави, вообще хуже его, но есть и превосходные домы новой архитектуры. По Польски слышно, но и по Нѣмецки говорятъ много, даже самый простой народъ понимать начинаетъ. Поляки тутъ хвастаются, что пользуются большими свободами, а постепенное онѣмеченіе народа замѣчаютъ не многіе: на свободѣ Поляки тутъ со временемъ забудутъ любовь къ языку и онѣмечатся. Театръ Нѣмецкій; Польская труппа изъ Кракова была и поѣхала. Польщизну надобно тутъ поддерживать искуств. средствами.—Бодянскій по физіономіи и характеру занимаетъ середину между Шпигоцкимъ и Иноземцевымъ [3]) Харьковскимъ. Человѣкъ добрый,

---

[1]) Іосифъ Лукашевичъ (род. 1800)—польскій историкъ; былъ библіотекаремъ въ библіотекѣ Рачинскихъ.

[2]) Антонинъ Поплинскій—польскій писатель, библіотекарь въ библіотекѣ Рачинскихъ

[3]) Пав. И. Иноземцевъ—одинъ изъ харьковскихъ литераторовъ 1830-хъ гг.

но очень любитъ свое я, и словомъ «я знаю: это хорошо, чрезвычайно хорошо» подкрѣпляетъ все; къ тому же очень спѣшитъ заключеніемъ. Прейса ставлю я несравненно выше его; ему же, кажется, не нравится, что я хвалю Прейса. Впрочемъ, у кого нѣтъ своихъ грѣховъ. По Чешски онъ говоритъ хорошо, по Сербски не забылъ, говоритъ и по Лужицки; мы говоримъ съ нимъ то по Русски, то по Польски, то по Сербски, то по Чешски; по Лужицки я не могу уже почти ни слова. И то хорошо еще, что по Чешски привыкъ опять кое какъ. По Нѣмецки онъ говоритъ плохо. Бѣдной съ ногами все еще возится: каждый вечеръ мочитъ ихъ водою.

16-е.

Сегодня утромъ ходили мы съ проф. Поплинскимъ въ главную церковь соборную. Она довольно велика; особеннаго ничего нѣтъ, исключая одной часовни Мечислава I и Болеслава Храбраго, украшенной недавно стараніемъ графа Рачинскаго и народа (собрано 24,000 злотыхъ, а прочее прибавлено Рачинскимъ). Круглая, довольно большая, и очень богато украшенная: полъ— мраморная мозаика; стѣны и сводъ въ золотѣ и различныхъ краскахъ вкуса рококо, сдающагося на Греческій; много изображеній святыхъ на сводѣ. На лѣвой сторонѣ отъ входа бронзовыя статуи двухъ князей (работы Рауха), и Болеславъ, какъ говорятъ, сдѣланъ похожимъ на нашего императора. (Странно на мечѣ, шлемѣ и поясѣ вставлены въ бронзу разноцвѣтные камни). По правую сторону гробы князей. Олтарная картина еще [не] вставлена.—Подлѣ этой церкви есть маленькая XIII вѣка старой готической архитектуры, стоитъ уже впустѣ и лопнула.

Бѣда со здѣшними литераторами: хочешь говорить о литературѣ, а они свертываютъ на политику. Безъ политическаго разговора ни на шагъ. И къ чему ведетъ это?

Вечеромъ купался съ Поплинскимъ въ Вартѣ, и потомъ пилъ у него чай.

День мы проводимъ такъ: рано я пью кофе, а Бодянскому приносятъ воду для купанья, и потомъ онъ идетъ въ садъ пить молоко и заниматься. Я остаюсь одинъ въ комнатѣ и тоже занимаюсь. Въ 1½ идемъ въ Базаръ (такъ наз. нов. трактиръ, лучшій въ Познани, гдѣ есть и прекрасныя комнаты, и лучшій столъ по ½ талера съ человѣка); оттуда домой и до 5 дома или гдѣ-нибудь. Въ 5 въ библіотеку. Вечеромъ болтаемъ.

Иногда бываю у д-ра Цегельскаго, молодого Поляка, много обѣщающаго. Миленькая женочка его меня снабжаетъ мазурками и краковяками.

25-е. Варшава.

Наконецъ я вотъ съ 3-го дня и тутъ, въ Варшавѣ, милая маменька. Прекрасный городъ, большой городъ, широко разложившійся городъ, шумный городъ. Мы пріѣхали въ него третьяго дни около полудня; одѣвшись пошли къ Дубровскому, издателю Русско-Польской Денницы [1]), съ нимъ къ Евецкому [2]), и такъ прошло до вечера. Вчера утро дома (ко мнѣ приходилъ Андружскій), потомъ обѣдъ, далѣе къ Ивану Николаевичу. Онъ живетъ довольно далеко отъ насъ. Принялъ меня какъ родного, приглашалъ къ себѣ жить, но я не могъ принять, потому что живу въ одной комнатѣ съ Бодянскимъ. Мы и поплакали и посмѣялись. Онъ женатъ, и уже имѣетъ дочку Машиньку, съ которою мы начинаемъ уже дружиться. Жена его Француженка, молодая и пріятная женщина. Квартира у нихъ прекрасная: кажется комнаты 4 или 5, двѣ служанки. Жалованье получаетъ кажется болѣе 7,000 злотыхъ, любимъ, уважаемъ. По Польски не говоритъ. Сегодня пойду къ нему послѣ обѣда. А вчера отъ него къ Дубровскому, и вечеромъ съ нимъ и Бодянскимъ были въ засѣданіи Варшавскихъ литераторовъ, издающихъ Варшавскую Библіотеку. Они читаютъ свои сочиненія и одобренныя печатаютъ въ журналѣ. Собраніе впрочемъ безжизненное.

28-е.

Каждой день то туда, то сюда, и не находишь времени, чтобъ записать хоть слово въ это письмо. У Ивана Николаевича обѣдалъ 3-го дня: жена его Марья Фердинандовна добрая женщина; Машинька премилая дѣвочка. Живутъ хорошо. Въ театрѣ былъ нѣсколько разъ, и въ большомъ, и въ маломъ. Зданіе театра огромное; кулисы очень хороши. Актеры порядочные: Жулковскій лучшій,—болѣе смѣшитъ, но играетъ и серьозныя роли прекрасно; Гальпертъ стара, но недурна. Опера только-что сносная. Лучше всего балетъ: 2 главныя танцовщицы—Травна и Вендтъ. Мнѣ нравится Травна, особенно, когда танцуетъ мазурку соло: нѣжность и характерность тѣлодвиженій, выразительность положеній восхитительны. Балетная труппа огромна, заходитъ за сотни, и все свѣжее, молоденькое. Вчера были въ Лазенкахъ: это садъ съ дворцомъ и амфитеатромъ, у котораго сцена на островкѣ пруда. Играли бѣд-

---

[1]) П. П. Дубровскій (1812—1882)—впослѣдствіи экстр. академикъ СПб. Имп. Академіи Наукъ.

[2]) О. С. Евецкій—товарищъ И. И. Срезневскаго по университету; онъ служилъ въ канцеляріи намѣстника царства Польскаго.

наго рыбака и балетъ пажей. Былъ и Паскевичъ. Передъ дворцомъ играло 2 полков. музыки: прекрасно. Было и освѣщеніе (illumination). Народу пропасть: въ одномъ театрѣ было 1200, а всего тысячъ до 10. Третьяго дни были тутъ во дворцѣ съ Ив. Ник. и женой; дворецъ маленькой, но хорошенькой. Вчера ходилъ въ Русскую церковь: не велика, но хороша, и пѣвчіе хороши. Главная католич. церковь св. Яна также хороша и не мала. Сегодня ѣздили съ Евецкимъ по городу: много прекрасныхъ зданій и площадей. Лучшее украшеніе Варшавы открытые сады въ серединѣ города, а лучшій изъ нихъ Саксонскій. Были у Окунева, министра народ. просвѣщенія, у сенатора Стороженки, у Бентковскаго, писателя [1]), у Кухарскаго [2]). Русскій языкъ тутъ свой, безпрестанно слышишь. Есть много и Русскихъ лавокъ. Много козаковъ и всякихъ солдатъ Русскихъ.

3 сентября. Воскресенье.

Въ четвергъ было получено телеграфическое извѣстіе о рожденіи дочери у Александра Николаевича. Былъ театръ безденежный: кто прежде приходилъ, тотъ и впускался. Вечеромъ освѣщеніе. Вчера коронація. Торжественный молебенъ въ Рус. церкви. Гулянье и вольный театръ въ Лазенкахъ. Въ городѣ освѣщеніе. На домѣ ратуши горѣлъ богатый вензель Н. А.

На этихъ дняхъ видался съ Герасимомъ Николаевичемъ: повидимому ищетъ въ Варшавѣ учительскаго мѣста и нуждается.

Прибавлю только этотъ кусочекъ [3]), чтобы поспѣшить отослать письмо. Я въ Вильнѣ, и дней черезъ 15, много черезъ 20 буду у васъ. Сердце бьется, летѣлъ бы птицей и если бы летѣлъ, то былъ бы скорѣе 4 дней. Сдѣлайте одолженіе, душенька маменька, пріищите или квартиру для насъ вмѣстѣ, недорогую, но помѣстительную, комнаты три, четыре, или комнату для меня подлѣ вашей квартиры. Все, что сдѣлаете, будетъ къ лучшему, лишь бы я, пріѣхавши, могъ начать заниматься, то есть расположиться съ книгами и тетрадями. Съ дороги буду писать чаще, по крайней мѣрѣ 2 раза напишу.

LXV.

[С]тараго [с]тиля. 30 августа 1842. Ковно.

Около половины 12-го было, когда мы спустились къ Нѣмню и уви-

---

[1]) Фониксъ Бентковскій (1781—1852)—польскій библіографъ, проф. исторіи въ Варшавскомъ университетѣ.

[2]) Андрей Кухарскій († 1862)—польскій писатель и путешественникъ по славянскимъ землямъ.

[3]) Писано на отдѣльномъ листкѣ.

дѣли Ковно. Этотъ городокъ лежитъ на правомъ берегу Нѣмня; съ другой стороны течетъ Вилія и впадаетъ въ Нѣмень подъ холмомъ, гдѣ былъ когда то Ковенскій замокъ. Нѣмень тутъ очень широкъ, мало чѣмъ уже Дуная у Новаго сада, но очень мелокъ; черезъ Нѣмень мостъ. Переѣхавши черезъ него, дилижансъ остановился у таможни, и началась осмотрка вещей. Таможенный начальникъ—впрочемъ, очень вѣжливой человѣкъ: онъ переглядывалъ только вскользь, а до рукописей даже и не дотронулся. Въ ¹/₄ часа все было готово, и мы поѣхали на почту, оставили тамъ вещи наши, и обѣдать. Послѣ обѣда въ полицію, казначейство, и къ 4 часамъ была у меня готова подорожная. Теперь мы пьемъ чай (я, Бодянскій и еще одинъ помѣщикъ), а между тѣмъ лошадей мнѣ запрягаютъ.

31-е авг. Вильна.

Ковно очень небольшой городокъ. Жаль такого прекраснаго мѣстоположенія для такого дряннаго городка: у стока двухъ судоходныхъ рѣкъ, изъ которыхъ одна идетъ въ море, могъ бы быть торговый большой городъ; но что дѣлать съ лѣнью Литовцевъ и съ Жидами: Литовецъ пропиваетъ свою послѣднюю копѣйку, Жидъ обманываетъ Литовца, тутъ и вся промышленность. На Нѣмнѣ есть впрочемъ нѣсколько барокъ. У города за Виліей милая Виленская=Ковенская долина, воспѣтая Мицкевичемъ. Надъ нею и городомъ между рѣками, впрочемъ ближе къ Виліи возвышается Зеленая гора, бывшая укрѣпленною въ 1812 и 1830. Съ противной стороны берегъ Нѣмня горной (лѣвой) покрытъ красивымъ лѣсомъ.

Я выѣхалъ въ 6 часовъ вечера изъ Ковна и пріѣхалъ въ Вильну сегодня въ 10: 138 верстъ. За лошадь платится по 2¹/₂ к. сер. отъ версты, и отдѣльно за повозку: всего едва ли не болѣе 8 р. сер. Дорога до Волкомиря (Wilkomirz) прекрасная, шоссе; потомъ песчаная. Задержки нигдѣ не было, и запрягали проворно; но за то тележонки прекрошечныя. Почтальоны съ трубами. Почти всю ночь лилъ дождь. Станціонные смотрители вѣжливы. Одинъ только будто не хотѣлъ со мною говорить. Я уже сидѣлъ въ повозкѣ, когда онъ спросилъ меня: вы ѣдете прямо въ Харьковъ?—Да, отвѣчалъ я. «Тамъ теперь много малёновъ и кавоновъ», прибавилъ онъ, и обтеръ рукою губы. Тѣмъ разговоръ и кончился, и я уже дорогой отгадалъ, что дѣло шло объ арбузахъ и дыняхъ. Изъ ямщиковъ одинъ разсказывалъ мнѣ о состояніи мужиковъ, и особенно хвалилъ Государ. палату. Странно, что тутъ государя императора зовутъ королемъ.—Чѣмъ ближе къ Вильнѣ, тѣмъ мѣстоположеніе красивѣе, лѣсовъ вообще довольно. Избенки немазанныя и

наго рыбака и балетъ пажей. Былъ и Паскевичъ. Передъ дворцомъ играло 2 полков. музыки: прекрасно. Было и освѣщеніе (illumination). Народу пропасть: въ одномъ театрѣ было 1200, а всего тысячъ до 10. Третьяго дни были тутъ во дворцѣ съ Ив. Ник. и женой; дворецъ маленькой, но хорошенькой. Вчера ходилъ въ Русскую церковь: не велика, но хороша, и пѣвчіе хороши. Главная католич. церковь св. Яна также хороша и не мала. Сегодня ѣздили съ Евецкимъ по городу: много прекрасныхъ зданій и площадей. Лучшее украшеніе Варшавы открытые сады въ серединѣ города, а лучшій изъ нихъ Саксонскій. Были у Окунева, министра народ. просвѣщенія, у сенатора Стороженки, у Бентковскаго, писателя [1]), у Кухарскаго [2]). Русскій языкъ тутъ свой, безпрестанно слышишь. Есть много и Русскихъ лавокъ. Много козаковъ и всякихъ солдатъ Русскихъ.

3 сентября. Воскресенье.

Въ четвергъ было получено телеграфическое извѣстіе о рожденіи дочери у Александра Николаевича. Былъ театръ безденежный: кто прежде приходилъ, тотъ и впускался. Вечеромъ освѣщеніе. Вчера коронація. Торжественный молебенъ въ Рус. церкви. Гулянье и вольный театръ въ Лазенкахъ. Въ городѣ освѣщеніе. На домѣ ратуши горѣлъ богатый вензель Н. А.

На этихъ дняхъ видался съ Герасимомъ Николаевичемъ: повидимому ищетъ въ Варшавѣ учительскаго мѣста и нуждается.

Прибавлю только этотъ кусочекъ [3]), чтобы поспѣшить отослать письмо. Я въ Вильнѣ, и дней черезъ 15, много черезъ 20 буду у васъ. Сердце бьется, летѣлъ бы птицей и если бы летѣлъ, то былъ бы скорѣе 4 дней. Сдѣлайте одолженіе, душенька маменька, пріищите или квартиру для насъ вмѣстѣ, недорогую, но помѣстительную, комнаты три, четыре, или комнату для меня подлѣ вашей квартиры. Все, что сдѣлаете, будетъ къ лучшему, лишь бы я, пріѣхавши, могъ начать заниматься, то есть расположиться съ книгами и тетрадями. Съ дороги буду писать чаще, по крайней мѣрѣ 2 раза напишу.

LXV.

[С]тараго [с]тиля. 30 августа 1842. Ковно.

Около половины 12-го было, когда мы спустились къ Нѣмню и уви-

---

[1]) Феликсъ Бентковскій (1781—1852)—польскій библіографъ, проф. исторіи въ Варшавскомъ университетѣ.

[2]) Андрей Кухарскій († 1862)—польскій писатель и путешественникъ по славянскимъ землямъ.

[3]) Писано на отдѣльномъ листкѣ.

дѣли Ковно. Этотъ городокъ лежитъ на правомъ берегу Нѣмня; съ другой стороны течетъ Вилія и впадаетъ въ Нѣменъ подъ холмомъ, гдѣ былъ когда то Ковенскій замокъ. Нѣменъ тутъ очень широкъ, мало чѣмъ уже Дуная у Новаго сада, но очень мелокъ; черезъ Нѣменъ мостъ. Переѣхавши черезъ него, дилижансъ остановился у таможни, и началась осмотрка вещей. Таможенный начальникъ—впрочемъ, очень вѣжливой человѣкъ: онъ переглядывалъ только вскользь, а до рукописей даже и не дотронулся. Въ 1/4 часа все было готово, и мы поѣхали на почту, оставили тамъ вещи наши, и обѣдать. Послѣ обѣда въ полицію, казначейство, и къ 4 часамъ была у меня готова подорожная. Теперь мы пьемъ чай (я, Бодянскій и еще одинъ помѣщикъ), а между тѣмъ лошадей мнѣ запрягаютъ.

31-е авг. Вильна.

Ковно очень небольшой городокъ. Жаль такого прекраснаго мѣстоположенія для такого дряннаго городка: у стока двухъ судоходныхъ рѣкъ, изъ которыхъ одна идетъ въ море, могъ бы быть торговый большой городъ; но что дѣлать съ лѣнью Литовцевъ и съ Жидами: Литовецъ пропиваетъ свою послѣднюю копѣйку. Жидъ обманываетъ Литовца, тутъ и вся промышленность. На Нѣмнѣ есть впрочемъ нѣсколько барокъ. У города за Виліей милая Виленская=Ковенская долина, воспѣтая Мицкевичемъ. Надъ нею и городомъ между рѣками, впрочемъ ближе къ Виліи возвышается Зеленая гора, бывшая укрѣпленною въ 1812 и 1830. Съ противной стороны берегъ Нѣмня горной (лѣвой) покрытъ красивымъ лѣсомъ.

Я выѣхалъ въ 6 часовъ вечера изъ Ковна и пріѣхалъ въ Вильну сегодня въ 10: 138 верстъ. За лошадь платится по $2^1/_2$ к. сер. отъ версты, и отдѣльно за повозку: всего едва ли не болѣе 8 р. сер. Дорога до Волкомиря (Wiłkomirz) прекрасная, шоссе; потомъ песчаная. Задержки нигдѣ не было, и запрягали проворно; но за то тележонки прекрошечныя. Почтальоны съ трубами. Почти всю ночь лилъ дождь. Станціонные смотрители вѣжливы. Одинъ только будто не хотѣлъ со мною говорить. Я уже сидѣлъ въ повозкѣ, когда онъ спросилъ меня: вы ѣдете прямо въ Харьковъ?—Да, отвѣчалъ я. «Тамъ теперь много малёновъ и кавоновъ», прибавилъ онъ, и обтеръ рукою губы. Тѣмъ разговоръ и кончился, и я уже дорогой отгадалъ, что дѣло шло объ арбузахъ и дыняхъ. Изъ ямщиковъ одинъ разсказывалъ мнѣ о состояніи мужиковъ, и особенно хвалилъ Государ. палату. Странно, что тутъ государя императора зовутъ королемъ.—Чѣмъ ближе къ Вильнѣ, тѣмъ мѣстоположеніе красивѣе, лѣсовъ вообще довольно. Избенки немазанныя и

курныя—дурны. Корчемъ чортова пропасть. Жидовъ по дорогѣ попадается почти въ четверо болѣе Литовцевъ.

1 сентября.

8 сентября. Минскъ.

Прожилъ въ Вильнѣ почти недѣлю, и не имѣлъ времени писать. Даю теперь отчетъ о моемъ Виленскомъ житьѣ-бытьѣ. Въ первый вечеръ я ходилъ къ инспектору гимназіи Кергичановичу, и отъ него узналъ что Леоновы еще въ Вильнѣ [1]). Пошелъ къ нимъ. Иванъ Θедор. и Марья Яковлевна ѣздили гулять, Катинька, ставшая теперь чуть не вполнѣ Катериной Андреевной, узнала меня тотчасъ и пригласила подождать. Я ждалъ до 8 часовъ и потомъ, боясь не найдти моей квартиры, ушелъ. На другое утро Иванъ Θед. искалъ меня, встрѣтился на улицѣ и повелъ къ себѣ. Я непремѣнно долженъ былъ перейти къ нимъ жить. Въ маленькомъ кабинетикѣ сложены были мои вещи, а на ночь кровать для меня вносилась въ гостинную. И вотъ, какъ пошли наши дни: утромъ около 8-ми пили чай, и потомъ я или ходилъ по дѣламъ или сидѣлъ съ Марьей Яковлевной. Между 12 и 1 обѣдъ. Послѣ обѣда какъ и до обѣда; вечеромъ большею частію всѣ вмѣстѣ. Марья Яковлевна прежде была больна, но теперь ей, слава Богу, лучше, только кашель, особенно ночью. Иванъ Θед. здоровъ, только въ хлопотахъ по случаю сдачи и упаковки вещей академическихъ. Они надѣются переѣхать въ Кіевъ, и до переѣзда поѣхать заграницу. Катинька здорова и милочка. Лошадей не держатъ. Марья Яковлевна стала хозяйкой. Меня приняли какъ роднаго, да и я съ своей стороны располагался какъ у себя дома. Былъ нѣсколько разъ у попечителя округа Бѣлорусскаго, Грубера, и разъ обѣдали у него вмѣстѣ съ Иваномъ Θедор. Еще познакомился съ типографомъ Марциновскимъ, съ Едуардомъ Одыньцемъ [2]), поэтомъ (онъ теперь издаетъ губернскую газету Wilnski Dziennik), съ Гербуртомъ, занимающимся древностями каноникомъ, съ отцемъ игуменомъ Троицкаго монастыря Арсеніемъ, съ почтъ-инспекторомъ Имбергомъ, съ его помощникомъ Евреиновымъ. Иванъ Θед. и Марциновскій водили меня по Вильнѣ; а съ Марьей Яковл. и Ив. Θед. ѣздилъ однажды въ окрестности Антоколь и Леонишки. Окрестности Вильны прелесть: всѣ изрыты холмами и долинами, покрыты рощами; на каждомъ шагу новый видъ. Самъ го-

---

[1]) См. выше.

[2]) Э. Одынецъ (род. 1804, ум. 1884)—другъ Мицкевича, извѣстный польскій писатель.

родъ былъ бы очень хорошъ, если бы былъ чище: улицы тѣсны, площадей почти нѣтъ (исключая одной, гдѣ католическій соборъ, прекрасной, но худо обстроенной); дома на Нѣмецкій манеръ; Жидовъ тьма тьмущая; церквей (католич.) множество: особенно хорошъ соборъ. Нашъ соборъ сдѣланъ изъ католич. церкви. Прежде было нашихъ 16 церквей, но всѣ исчезли, и въ митрополичьемъ соборѣ помѣщался анатомическій кабинетъ. Замковая гора укрѣплена валами и пушками. Очень хорошъ домъ генералъ-губернатора. Третьяго дня мы были въ обѣдни, потомъ обѣдали, и часу въ 6-мъ, напоивши меня чаемъ, и снабдивши меня на дорогу и булкой, и пирогами, и масломъ, и цыпленкомъ, и грушами, проводили— Марья Яковлевна и Марциновскій изъ дому, а Иванъ Ѳедор. за заставу. (Кладбище ..... очень красивое, и ..... катакомбы, какъ улеи, съ обѣихъ сторонъ каплицъ. Бекетова башня надъ утесомъ, туда готовая обрушиться и пр..... Книжная лавка ..... [1]).

До Минска я ѣхалъ около 27 часовъ—186 верстъ. Много песку, и при перемѣнѣ лошадей возятся не долго; я ожидалъ только въ одномъ мѣстѣ, въ 1-й станціи отъ Вильна. Минскъ порядочный, широко расположенный городъ; домовъ мало: пожаровъ было много. Сегодня праздникъ (Пречистая что-ли) и дѣятельности не видно. Жиды празднуютъ вчера и сегодня и цѣлую недѣлю свои кучки—странствіе 7 лѣтъ по пустынѣ (на этотъ случай строятъ они по деревнямъ при домахъ шалаши, покрываютъ сосновымъ игольемъ и тамъ ѣдятъ). Познакомился съ инспекторомъ гимназіи Григ. Вас. Смирновымъ, сообщившимъ 6 изъ Бѣлорусскихъ пѣсенъ (его и въ трудахъ Бѣлор. учениковъ). Были съ нимъ у Кобылинскаго въ его кабинетѣ рѣдкостей: есть вещи любопытныя. Останавливался въ трактирѣ Лукашевича: нечистая комната, а 5 злотыхъ въ сутки. И въ Минскѣ нашъ соборъ—изъ католической церкви.

14-е сент. Кіевъ. Понедѣльникъ.

Вотъ ужъ 3-й день какъ я въ Кіевѣ. Изъ Минска я ѣхалъ на Бобруйскъ и Черниговъ, все на перекладныхъ, обывательскихъ (почтовыхъ не давали отъ самаго Бобруйска: онѣ были оставляемы для великаго князя Михаила Павловича, который долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ и сегодня пріѣхалъ). Дорога большею частію песчаная; Бобруйскъ чудесная крѣпость, но городъ пустъ и довольно дуренъ. Черниговъ лучше, но мало лучше, и опять пустъ; зданій хорошихъ мало, исключая гимназіи, лавокъ тоже мало. Есть остатки старыхъ укрѣпленій.— Кіевъ я увидѣлъ изъ Броварей (послѣдней станціи до Кіева), и потомъ съ

[1]) Нѣсколько словъ, замѣненныхъ точками, не разобрано.

шоссе, идущаго отъ Броварей до Днѣпра; лавра и часть Кіева были постоянно передъ глазами. На рогаткѣ Кіевской спросили паспортъ, и опять отдали. Я поѣхалъ прямо къ брату въ канцелярію, и у него остановился. Немного тѣсно и неловко (у него живетъ товарищъ Крафусъ); но какъ нибудь перебьюсь. Братъ принялъ меня по братски: добрѣйшій человѣкъ, но неакуратенъ. Расчетливымъ ему нельзя быть; много издержекъ бесполезныхъ и вмѣстѣ необходимыхъ. Жизнь болѣе уединенная (т. е. подалѣе отъ товарищей) была бы ему очень полезна. Третьяго дни я ѣздилъ вечеромъ съ нимъ въ баню; въ дорогѣ я очень простудился, и это мнѣ помогло. Вчера былъ утромъ и вечеромъ у ректора Неволина, гдѣ нечаянно увидѣлся съ Надеждинымъ, ѣдущимъ въ Петербургъ служить, и на дорогѣ заболѣвшимъ ревматизмомъ. Сегодня заѣзжалъ за мною Мариновскій, мой прежній ученикъ, а теперь саперный офицеръ, и возилъ меня въ лавру, гдѣ служилъ митрополитъ, и въ Андреевскую церковь; а вчера мы съ нимъ ходили въ Царскій садъ гулять, и тамъ я увидался съ моею прежней ученицей Кошелевой. Кіевъ не городъ, а собраніе хуторовъ и дачъ около церквей. Печерскъ—цѣховой городъ, Липки—лучшаго общества, Крещатикъ—ни то ни се, Кіевъ старый—мѣщанскій, Подолъ— купеческій. Центра въ городѣ нѣтъ, и это ему очень вредитъ. Какъ жаль, что Днѣпръ мелѣетъ. Какъ богатъ Кіевъ видами, это городъ для живописца; другого подобнаго я не видалъ. Но за то и горы непослѣднее неудобство для жителей. Что вамъ лучше нравится, Кіевъ или Харьковъ? По мнѣ Харьковъ лучше. И въ Кіевѣ много хорошихъ зданій, но они всѣ такъ разсѣяны.

Дополненія.

Варіантъ письма XXXV.

Легницы (Лигницъ). 1840, 23 августа.

№ 24.

Наконецъ я простился съ Вратиславью, простился со слезами, будто съ родиною. Незабвенный Пуркиня провожалъ меня до почты, Маркусъ, у котораго я бралъ уроки въ Дольно-Лужицкомъ нарѣчіи, тоже; Макерле и Шпакерле не захотѣли тоже остаться дома,—одинъ несъ портфейль, другой трубку и табакъ,—и Шпакерле даже шляпу свою забылъ дома, а когда почтальонъ затрубилъ и я долженъ былъ садиться въ карету, Шпакерле обвился около меня, заплакалъ и, стыдясь слезъ, сталъ кусать меня въ плечо. Не говорю о старикѣ: онъ принимаетъ во мнѣ, въ моемъ путешествіи участіе,

чаяя родной отецъ, и не скрылъ, что скучно ему будетъ безъ меня. Мое чувство не слабѣе: я такъ свыкся съ семействомъ Пуркини, что считалъ себя членомъ его, былъ сыномъ старика, братомъ малютокъ, и цѣлую дорогу до Легницъ скучалъ, грустилъ, молчалъ, досадовалъ, что другіе говорятъ. Теперь сижу одинъ, не дождусь, какъ дѣти придутъ звать меня ужинать и, сѣвши ко мнѣ на руки и обнявши меня, запоютъ: «поливка чека» (супъ ждетъ) или что нибудь подобное, не увижу почтеннаго лица старика,—и съ грусти сѣлъ за письмо къ вамъ, милая маменька. Авось легче станетъ.

Путь мой въ Згорѣлецъ (Гёрлицъ), и я бы не остановился въ Легницахъ, если бы не услышалъ, что въ одной изъ здѣшнихъ церквей есть Славянскія рукописи. Надобно по крайней мѣрѣ посмотрѣть, что это за маранье, а между тѣмъ познакомлюсь и съ городомъ, который хоть и не великъ, но старъ и любопытенъ.

Подъѣзжая къ городу, видишь прежде всего кладбище (въ Германіи почти всюду такъ): такъ и приближаясь къ какой нибудь Славянской землѣ не минуешь гробовъ, и, разумѣется, на землѣ болѣе могилъ нежели живыхъ людей. Такъ и тутъ: еще я между Нѣмцами, еще Лужичане, Венды далеко,— а уже все напоминаетъ Славянщину,—и физіономіи, и одежды женщинъ, и расположеніе огородовъ, и самые плетни. Гляжу на эту страну, какъ на поле, на которомъ жатва уже снята, остаются сухіе корешки, а бурьянъ уже вылѣзаетъ всюду. Была ли снятая жатва зрѣла? Уже ли безъ паханья не выростетъ новая?—Кто знаетъ.

Впрочемъ страна, по которой ѣхалъ я, не такъ скучна какъ Силезія: лѣсу больше, есть виды, и даже вдали видны очень Исполиновы горы. Чѣмъ ближе къ Саксоніи, тѣмъ болѣе надеждъ на возможность любоваться природою. Увижу, какъ будетъ далѣе, и напишу... а теперь спать.

24-е.

Лигницъ лежитъ при втеченіи Черной Воды въ Качу (Кацбахъ). Мѣсто довольно низкое, по крайней мѣрѣ не скучное. До семилѣтней войны тутъ была крѣпость, теперь остались только башни, а на мѣстахъ прежнихъ стѣнъ тянутся аллеи для гулянья. Въ серединѣ города площадь, а по серединѣ площади домъ ратуши съ разными частными пристройками, какъ и въ Вратиславѣ, и во всѣхъ Силезскихъ городахъ и во многихъ Нѣмецкихъ. Улицы, расходящіяся во всѣ стороны кривыми углами, поворачиваютъ то вправо, то влѣво, то расширятся, то съузятся, то сойдутся къ одному трехъугольному междоулку, то, раскланявшись, поворачиваютъ каждая въ свою сторону. Церквей не много—три или четыре, но всѣ хороши, а лучшая Фрауен-

кирхе, въ 1822 году разбитая молніей и вновь исправленная, очень хороша. Съ дали городокъ лучше нежели вблизи: домы грязны, малы, некрасивой формы, такъ что есть пословица «die Todten leben in Liegnitz besser als die Lebendigen» — мертвымъ въ Лигницѣ лучше, нежели живымъ. Кладбища въ самомъ дѣлѣ прелестны: памятники, довольно милые, окружены цвѣтами и деревьями, разставлены правильно, а между ними дорожки, усыпанныя пескомъ и обшитыя лентами резеды. Лигницъ славится своими огородами «Kräutereien»: вокругъ города и въ предмѣстьяхъ ихъ множество. Жителей 12.000, а между тѣмъ я весь городъ и въ серединѣ и вокругъ обходилъ въ ³/₄ часа.

25-е. Кинастъ въ 1600 фут. надъ площадью моря.

По срединѣ террасы надъ крутымъ утесомъ разставлены столы, а за ними кто читаетъ, кто пьетъ кофе или пиво, кто любуется видами: я пишу, и тоже пью кофе, и курю трубку и любуюсь. Маменька, да пожалуйте же сюда! Разсказать право не умѣю; а очень, очень хорошо. На право отъ себя сквозь пихты и развалины замка я вижу знаменитую Снѣжку, лѣвѣе и влѣво и далѣе кругомъ обширная долина, покрытая горами, рощами, деревнями... Вонъ и Вармбрунъ, изъ котораго я пришелъ сюда, вотъ и Гиршбергъ, откуда я пришелъ въ Вармбрунъ, и т. д. Словомъ видъ какъ съ Бездеса, и Исполиновы горы ввиду... За нихъ заходитъ солнце, туда и я иду. Проводникъ стоитъ сзади меня и ждетъ. Гдѣ ночевать буду, не знаю; а гдѣ буду ночевать, тамъ и разскажу болѣе. Теперь буду любоваться; окрестность горитъ, и глаза горятъ радостью.

Маріенталь.

Маленькая комнатка, заваленная разнымъ добромъ; посрединѣ столикъ, подлѣ него народно внесенная кровать: вотъ гдѣ я. Тоненькій огарочекъ горитъ быстро и заставляетъ меня спѣшить ложиться спать. Какъ уснется, не знаю: съ одной стороны подъ бокомъ большая комната, гдѣ при свѣтѣ лучины десятка полтора мужиковъ пьютъ пиво и водку, а въ одномъ углу тамъ же съ огаркомъ, подобнымъ моему, ужинаютъ; съ другой стороны въ маленькой комнаткѣ куча дамъ, и болтовня и хохотня; подо мною—музыка и танцы поселянъ и поселянокъ; да и моя комнатка не остается пустою: то старикъ хозяинъ придетъ искать чего нибудь, то старуха хозяйка, то какая нибудь изъ служанокъ, то всѣ вмѣстѣ сѣмьей. Къ тому же, утомившись трехчасовою ходьбою изъ Кинайса въ Маріенталь и проголодавши, я наѣлся на пропало

картофля и сливокъ... Вотъ мое положеніе! И даже нѣкому со мною или надо мною посмѣяться. Приходится разныя объясненія отложить до завтра. Можетъ быть завтра будетъ счастливѣе въ отношеніи покоя и освѣщенія.

26-е.

Я уже всталъ, и выспался прекрасно. Свечера говоръ и музыка меня убаюкали, а, проснувшись ночью, услышалъ тирольскія пѣсни и подъ нихъ опять заснулъ.

Скажу же нѣсколько словъ о моемъ теперешнемъ путешествіи.—Въ Лигницѣ я то и дѣло слышалъ о путешествіи и путешественникахъ по Силезскимъ горамъ; король Саксонскій недавно въ роли ботаника прошелъ чрезъ нихъ; наша императрица съ Ольгой Ник. и Лейхтенбергскими и вся Прусская корол. фамилія тоже тутъ въ Фишбахѣ и Эрмансдорфѣ; на водахъ Вармбрунскихъ также много гостей. И горы же такъ занимательны: какъ не пожертвовать парой дней, чтобы видѣть ихъ, когда я такъ близко отъ нихъ. Оставивши въ Лигницѣ свой багажъ, въ два часа утра я сѣлъ въ дилижансъ и къ 10 часамъ былъ уже въ Гиршбергѣ. Оттуда до Вармбруна съ небольшимъ часъ ходьбы, а, если бы ждать, то надобно бы было ждать до 2-хъ часовъ пополудни и пропадать со скуки; я пошелъ пѣшкомъ и въ половинѣ 12-го былъ въ Вармбрунѣ. Часть общества была въ концертѣ, другая гуляла. И я сталъ гулять. Центръ Вармбруна есть площадка передъ гостинницей Чернаго Орла: у Чернаго Орла останавливаются лучшіе гости, у него же собираются обѣдать, а противъ него аллея ведущая къ театру и залѣ танцовально-концертной, и по бокамъ этой аллеи, лавочки съ разными товарами, начиная отъ дѣтской игрушки и грошеваго куска мыла до турецкой шали. Я гулялъ тутъ и по городу до часу, до звонка, скликающаго у Чернаго Орла къ обѣду; потомъ пошолъ къ нему обѣдать. Гулянья и обѣда было достаточно, чтобы узнать общество: оно поселено въ гостинницахъ и приватныхъ домикахъ, живетъ тѣсно, но мило, уютно, большею частью на открытомъ воздухѣ, весело, безпечно; языкъ Нѣмецкій слышенъ больше всего; кромѣ Нѣмецкаго Польскій и рѣдко Французскій; одѣты всѣ, какъ можно лучше.—И потомъ пошелъ я въ Гернсдорфъ, оттуда въ Унтере-Кинастъ, гдѣ нанялъ проводника на все путешествіе по горамъ, и сталъ взбираться на Кинастъ. Я шелъ туда не одинъ; три дамы сидѣли на носилкахъ и несены были туда же, за ними партія ремесленниковъ и т. д.—Видъ съ Киваста превосходенъ.—Дорога отъ Киваста до Маріенталя очень тяжела: идетъ съ горы на гору по каменистымъ дорожкамъ, переходя черезъ ревущіе ручьи, черезъ лѣса и т. д.

Цакен-фаль.

2 часа пути отъ Маріенталя: впрочемъ проводникъ мой такъ бѣжитъ впереди меня, что мы сдѣлали этотъ переходъ въ часъ. Я сижу теперь въ лубочной бесѣдкѣ и, какъ видите, пишу, а потокъ и водопадъ гремитъ... Отойдите шаговъ 15 отсюда, и вы его увидите, какъ падаетъ онъ съ вышины 120 футовъ, т. е. 17 саженъ, разбиваясь три раза о скалы. Я сходилъ и на самый [берегъ] и обрызганъ былъ пылью потока.

Скалы стѣною стоятъ тамъ у водопада, и покрыты вѣчною влагою. Кругомъ дикой еловый боръ. Обыкновенно потокъ сверху бываетъ нѣсколько запруженъ, но его можно пустить на волю, что и сдѣлали для меня,—и водопадъ загремѣлъ, заревѣлъ, облился пѣною. Какъ бы прекрасно напиться здѣсь чаю вмѣстѣ съ вами!

Новосилезская Буда.

Все выше на горы, все далѣе въ горы,—и вотъ уже я на высотѣ 3638 футовъ; гдѣ ночевалъ, Маріенталь лежитъ подъ ногами и за нею далеко-далеко равниною горы и долины, полуподернутыя туманомъ. Небо какъ будто выросло надъ головою. Я сижу въ бесѣдкѣ, а у дверей играетъ дѣвушка на арфѣ, а старикъ слѣпой на кларинетѣ, и, разумѣется, ждутъ отъ меня зильбергроша. Дамъ, дамъ, лишь бы перестали: играютъ не совсѣмъ дурно, но мелодія такая Нѣмецкая, однообразно кисло-сладкая, что смотрѣть на горы и слушать ее просто непристойно.

Schneegrubenbaude. Полдень.

Я вовсе не усталъ, но, поднимаясь все выше и выше, дышешь тяжело, сгибаешь колѣни и наконецъ падаешь: вотъ и исторія, и статистика моего странствія.

За Ново-Силезской будою, гдѣ наконецъ открылъ я и двухъ Чешекъ, очень не далеко тянется граница между Богеміей и Пруссіей. Сѣвши на квернштейнѣ, я видѣлъ въ одну сторону порядочный кусокъ Силезіи, а въ другую еще большій кусокъ Богеміи: и Бездѣсъ, и за Бездѣсъ, и Торнаву, и Ичинъ, и, если бы телескопъ, я видѣлъ бы чуть не до самой Праги. Можете представить себѣ, что это за видъ.

Эльбы истокъ называемый Бѣлою Водою, колодезь и лачужка въ открытомъ полѣ.

Эльбфаль. Спустившись внизъ, что бы лучше видѣть водопадъ, я приказалъ спустить воду, и закурилъ трубку. Вода взревѣла, широкою волнисто снѣжною дорогою рванулась внизъ и образовала вокругъ себя туманную атмосферу. Солнце выглянуло изъ за облака, и эта пыль покрылась радужнымъ блескомъ. Зрѣлище единственное!

Дорога оттуда до Шнеегрубенъ-буды тяжела; за то видъ отсюда чудо. Тутъ есть уже и телескопъ и очень хорошій: я навелъ его на Гиршбергъ и увидѣлъ улицы, людей... Буда или домикъ, въ которомъ сижу и гдѣ уже пообѣдалъ, очень милъ, и напоминаетъ Русскіе домики. Тутъ они называются Швейцарскими. Гуляющихъ по горамъ много. Много и дамъ. Ихъ несутъ носильщики на носилкахъ, и за это платится въ день 3 талера=10 рублей! Согласитесь, что это не дорого. Довольно; пойду любоваться.

Schnee Koppe (Снѣжка).

Таки добрался; хоть не видѣлъ захожденія солнца, однако только потому, что тучи были на западѣ. Что увижу завтра, о томъ напишу, а теперь объ обществѣ, собравшемся на Снѣжку: всего на все человѣкъ около 20 съ проводниками и изъ нихъ Славянъ до 15. До моего прихода все говорило по Нѣмецки,—я, нашедши между ними знакомыхъ по Брну и по Вратиславн, заговорилъ по Чешски и теперь, хоть и молчу, однако всѣ говорятъ по Чешски.—Представьте себѣ маленькую часовню, раздѣленную на двѣ части, и надъ одной изъ нихъ полати: тамъ лягло 11 человѣкъ, въ томъ числѣ и мое мѣсто. Другіе располагаются внизу на полу; остаются два Чеха, играютъ въ марьяжъ, да я пишу. Становится страшно жарко; однако весело.—Знаете ли, маменька, сколько я сегодня прошелъ? Не менѣе $7^1/_2$ миль, поболѣе 50 верстъ, и право не усталъ, не хотѣлъ бы идти далѣе, но могъ бы, особенно по равнинѣ. Можете представить, какъ тяжело было идти, когда я уже въ 5000 футовъ, т. е. чуть не $1^1/_2$ верстѣ надъ поверхностью моря. Добрая ночь, милая маменька! Какъ бы я желалъ, чтобъ увидѣли, разумѣется, на картинѣ эту каплицу, превращенную въ гостинницу, въ ея теперешнемъ положеніи. Насмѣялись бы порядкомъ. Ахъ, если бы завтра солнце взошло порядочно. Пойду, посмотрю на окрестности, покрытыя мглою. Небо слилось съ землею, и все темно. Чудное чувство рождается, когда глядишь съ такой высоты на такое пространство. Глядя внизъ считаешь все человѣческое такимъ малымъ, такимъ блошинымъ, а вспомнишь, что и самъ такая же блоха, самъ не знаешь, что думать. Однако, прощайте до завтра.

Цакен-фаль.

2 часа пути отъ Маріенталя: впрочемъ проводникъ мой такъ бѣжитъ впереди меня, что мы сдѣлали этотъ переходъ въ часъ. Я сижу теперь въ лубочной бесѣдкѣ и, какъ видите, пишу, а потокъ и водопадъ гремитъ... Отойдите шаговъ 15 отсюда, и вы его увидите, какъ падаетъ онъ съ вышины 120 футовъ, т. е. 17 саженъ, разбиваясь три раза о скалы. Я сходилъ и на самый [берегъ] и обрызганъ былъ пылью потока.

Скалы стѣною стоятъ тамъ у водопада, и покрыты вѣчною влагою. Кругомъ дикой еловый боръ. Обыкновенно потокъ сверху бываетъ нѣсколько запруженъ, но его можно пустить на волю, что и сдѣлали для меня,—и водопадъ загремѣлъ, заревѣлъ, облился пѣною. Какъ бы прекрасно напиться здѣсь чаю вмѣстѣ съ вами!

Новосилезская Буда.

Все выше на горы, все далѣе въ горы,—и вотъ уже я на высотѣ 3638 футовъ; гдѣ ночевалъ, Маріенталь лежитъ подъ ногами и за нею далеко-далеко равниною горы и долины, полуподернутыя туманомъ. Небо какъ будто выросло надъ головою. Я сижу въ бесѣдкѣ, а у дверей играетъ дѣвушка на арфѣ, а старикъ слѣпой на кларинетѣ, и, разумѣется, ждутъ отъ меня зильбергроша. Дамъ, дамъ, лишь бы перестали: играютъ не совсѣмъ дурно, но мелодія такая Нѣмецкая, однообразно кисло-сладкая, что смотрѣть на горы и слушать ее просто непристойно.

Schneegrubenbaude. Полдень.

Я вовсе не усталъ, но, поднимаясь все выше и выше, дышешь тяжело, сгибаешь колѣни и наконецъ падаешь: вотъ и исторія, и статистика моего странствія.

За Ново-Силезской будою, гдѣ наконецъ открылъ я и двухъ Чешекъ, очень не далеко тянется граница между Богеміей и Пруссіей. Сѣвши на кверштейнѣ, я видѣлъ въ одну сторону порядочный кусокъ Силезіи, а въ другую еще большій кусокъ Богеміи: и Бездѣсъ, и за Бездѣсъ, и Торнаву, и Ичинъ, и, если бы телескопъ, я видѣлъ бы чуть не до самой Праги. Можете представить себѣ, что это за видъ.

Эльбы истокъ называемый Бѣлою Водою, колодезь и лачужка въ открытомъ полѣ.

Эльбфаль. Спустившись внизъ, что бы лучше видѣть водопадъ, я приказалъ спустить воду, и закурилъ трубку. Вода взревѣла, широкою волнисто снѣжною дорогою рванулась внизъ и образовала вокругъ себя туманную атмосферу. Солнце выглянуло изъ за облака, и эта пыль покрылась радужнымъ блескомъ. Зрѣлище единственное!

Дорога оттуда до Шнеегрубенъ-буды тяжела; за то видъ отсюда чудо. Тутъ есть уже и телескопъ и очень хорошій: я навелъ его на Гиршбергъ и увидѣлъ улицы, людей... Буда или домикъ, въ которомъ сижу и гдѣ уже пообѣдалъ, очень милъ, и напоминаетъ Русскіе домики. Тутъ они называются Швейцарскими. Гуляющихъ по горамъ много. Много и дамъ. Ихъ несутъ носильщики на носилкахъ, и за это платится въ день 3 талера = 10 рублей! Согласитесь, что это не дорого. Довольно; пойду любоваться.

Schnee Koppe (Снѣжка).

Таки добрался; хоть не видѣлъ захожденія солнца, однако только потому, что тучи были на западѣ. Что увижу завтра, о томъ напишу, а теперь объ обществѣ, собравшемся на Снѣжку: всего на все человѣкъ около 20 съ проводниками и изъ нихъ Славянъ до 15. До моего прихода все говорило по Нѣмецки,—я, нашедши между ними знакомыхъ по Брну и по Вратиславі, заговорилъ по Чешски и теперь, хоть и молчу, однако всѣ говорятъ по Чешски.—Представьте себѣ маленькую часовню, раздѣленную на двѣ части, и надъ одной изъ нихъ полати: тамъ лягло 11 человѣкъ, въ томъ числѣ и мое мѣсто. Другіе располагаются внизу на полу; остаются два Чеха, играютъ въ марьяжъ, да я пишу. Становится страшно жарко; однако весело.— Знаете ли, маменька, сколько я сегодня прошелъ? Не менѣе $7^1/_2$ миль, поболѣе 50 верстъ, и право не усталъ, не хотѣлъ бы идти далѣе, но могъ бы, особенно по равнинѣ. Можете представить, какъ тяжело было идти, когда я уже въ 5000 футовъ, т. е. чуть не $1^1/_2$ верстѣ надъ поверхностью моря. Добрая ночь, милая маменька! Какъ бы я желалъ, чтобъ увидѣли, разумѣется, на картинѣ эту каплицу, превращенную въ гостинницу, въ ея теперешнемъ положеніи. Насмѣялись бы порядкомъ. Ахъ, если бы завтра солнце взошло порядочно. Пойду, посмотрю на окрестности, покрытыя мглою. Небо слилось съ землею, и все темно. Чудное чувство рождается, когда глядишь съ такой высоты на такое пространство. Глядя внизъ считаешь все человѣческое такимъ малымъ, такимъ блошинымъ, а вспомнишь, что и самъ такая же блоха, самъ не знаешь, что думать. Однако, прощайте до завтра.

воротились домой, и съ Шмалеромъ цѣлый вечеръ занимались. Теперь уже скоро одинадцать. Пора спать. Желаю и вамъ покойной ночи. Вы вѣрно уже почиваете, милая маменька; а если нѣтъ, то вѣрно и обо мнѣ подумали хоть минутку. Прощайте.

29-е сент. т. е. 17-е.

Помните, милая маменька,—17-е сентября? Какъ не помнить вамъ когда вы меня такъ нѣжно любите!—Годъ тому назадъ вы провожали меня, плакали, благословляли и плакали. Господи, уже цѣлый годъ я не вижу васъ! Время это такъ быстро шло, что я самъ себя спрашиваю: ужели годъ? И слезы навертываются на глаза. Да, годъ! И я же могу хоть полужелать еще года полтора остаться не дома! Впрочемъ, милая маменька, право, я только полужелаю. Родные и знакомые, дома и не дома—большая разница.

Вчера я былъ въ двухъ библіотекахъ и работалъ цѣлый день надъ перечитываніемъ рукописей, тамъ найденныхъ. Сегодня утромъ то же. Послѣ обѣда съ Гауптомъ и Шмалеромъ ходили опять на Доброшовское городище и копали тамъ. Найдти ничего не нашли кромѣ черепьевъ перекаленнаго гранита и множество угля. На утесѣ, опускающемся стѣною въ 100 шаговъ къ Спрее, сидѣлъ я, смотрѣлъ на работы нашихъ работниковъ и мечталъ о давно минувшемъ, мечталъ, какъ на этомъ мѣстѣ приносились жертвы богамъ, сожигались мертвые, пѣлись пѣсни... Смотрѣлъ на окрестности, населялъ ихъ хижинами богомольныхъ язычниковъ, сзывалъ ихъ сюда къ молитвѣ. Вотъ какъ я встрѣтилъ новый годъ. Потомъ воротился домой и съ Шмалеромъ пилъ чай. Теперь сидимъ съ нимъ за однимъ столикомъ и оба пишемъ, я письмо, а онъ Вендскіе разговоры, которые приготовляетъ къ печати. Мы живемъ съ Шмалеромъ по братски. Доброй человѣкъ. Одно не хорошо: по Лужицки я говорить не могу, а слѣдовательно долженъ говорить по Нѣмецки.

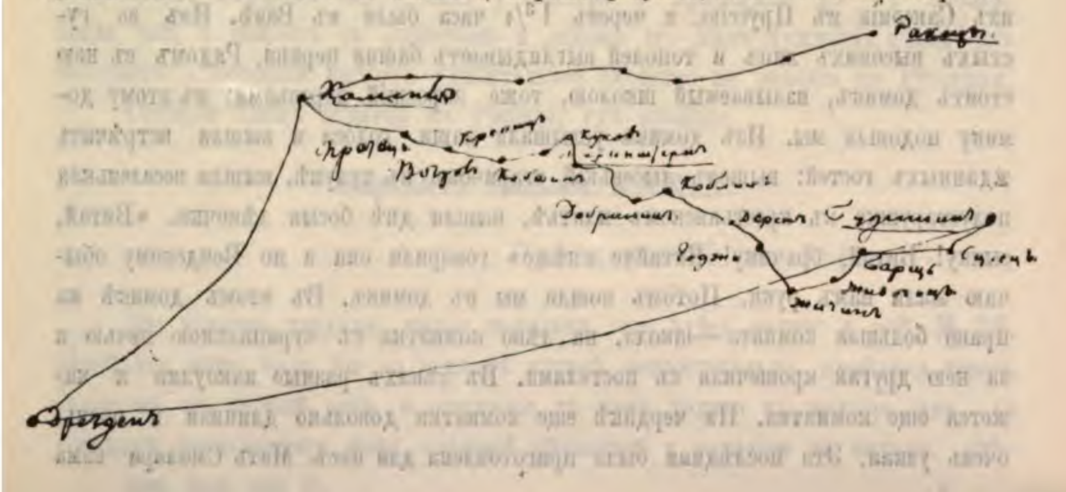
Еще два слова о Будишинѣ. Миленькій городокъ съ башнями и стѣнами, оставшимися отъ старыхъ укрѣпленій. Съ запада онъ опускается къ Спрее, и съ Дрезденской дороги рисуется амфитеатромъ. Жителей болѣе 10.000. Двѣ улицы прекрасны, широки и прямы. Лужицкое нарѣчіе слышится безпрестанно. Оно очень пріятно. Ну вотъ напримѣръ: Добру ноцъ, моя люба мачи! Я пшею (желаю) вамъ добре соны. То со вѣ, зо дыжъ со вамъ джіѣ со вамъ тей жъ воте мнѣ донѣчь будже (разумѣется, что во снѣ помечтаете вы и обо мнѣ). Кнѣзъ Смоляръ дава вамъ велѣ добрево праичь (приказываетъ отъ себя сказать вамъ все хорошее, т. е. кланяется вамъ). Добру ноцъ, моя наилюбша!—NB. Читайте это совершенно по Русски.

Монастырь Маріенштернъ (Клоштеръ святеи Марьи зъвездички) въ 4 часахъ отъ Будишина. 1-е октября 1840.

Вотъ гдѣ я, милая маменька. И прошолъ уже первый день нашего пѣшеходнаго путешествія по Лужицамъ. Въ половинѣ 10-го вышли мы съ Смолярёмъ изъ Будишина, до обѣда осмотрѣли три городища, послѣ обѣда четыре, и пришли сюда въ половинѣ 7-го, исходивши не менѣе $3^1/_2$ миль, если не болѣе. День прекрасный. Путешествіе занимательное и веселое. Вы увидите, какъ далеко пойду я. Сегодня я не говорилъ ни слова по Нѣмецки: все по Горно-Лужицки, и въ Лужицахъ не хочу говорить иначе. Лужичане хорошо живутъ, и народъ радушный, гостепріимный, довольно просвѣщенный, веселый. Что меня болѣе всего радуетъ, это пѣсни: какъ въ Россіи, онѣ раздаются тутъ всюду, и даже многіе напѣвы напоминаютъ о Русскихъ. Какъ жаль, что этотъ народъ такъ малъ! Земля богата; виды на горы очень милы; деревни на каждомъ шагу. Въ поляхъ дѣятельность: сѣютъ и боронятъ или собираютъ отаву.

Каменцъ. 2 окт.

Въ 7 часовъ утра мы вышли изъ Маріенштерна, заглянувши прежде въ самый монастырь и въ церковь. Монастырь этотъ женскій, и, какъ всѣ католическіе монастыри, хорошо построенъ. Самое селеніе очень мило. Всего милѣе сестра хозяйки постоялаго двора, гдѣ мы останавливались. Простившись съ Маріенштерномъ, мы пошли искать городищъ, и до сихъ поръ осмотрѣли три. Теперь одинадцать часовъ; мы завтракаемъ и черезъ четверть часа идемъ далѣе. Каменцъ стоитъ на скалахъ, хорошо рисуется, но самъ очень не хорошъ.



И посмотрите, какъ мы странствуемъ, само собою разумѣется, по тропинкамъ—«сцежкамъ», а гдѣ не по «сцежчѣ» такъ черезъ поле или черезъ лугъ.

Теперь мы въ 5 часахъ ходьбы отъ Дрездена,—и идемъ вовсе не въ Дрезденъ, а на сѣверъ и потомъ на востокъ. Сегодня ночуемъ, не знаю гдѣ еще придется, а завтра у родныхъ Смоляря. Прощайте до вечера.

Вечеръ. Ракецы.

Сегодня сдѣлали мы препорядочной переходъ: никакъ не менѣе 4½ миль, т. е. около 35 верстъ. До Ваза, родины Смоляря остается два часа пути.—Что же сказать вамъ? Не могъ не замѣтить, что Венды народъ не только не бѣдный, но даже, кажется, богаче Чеховъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проходили, всѣ говорятъ и по Нѣмецки. Это двуязычіе не можетъ не вредить чистотѣ Вендскаго языка, и Венды точно довольно часто употребляютъ Нѣмецкія слова; впрочемъ, изъ устъ пасторовъ въ проповѣдяхъ желаютъ слышать чисто Вендскій языкъ и смѣются надъ тѣми, которые не наблюдаютъ чистоты языка. Мѣста прекрасныя: горы въ виду, лѣсу много, воды много, деревеньки премилыя, въ зелени, и каждый домикъ обвитъ виноградомъ, поляны роскошны. Только уже осень, осень. Туманъ насъ велъ по пути, а теперь льетъ проливной дождь. Хорошо, что намъ остается небольшой переходъ до отдыха. Впрочемъ, грязи большой тутъ быть не можетъ: почва усѣяна камнями.

Пруссія. Вазъ. 4 окт.

Вчера пока встали да осмотрѣлись, умылись да одѣлись, напились кофе да выкурили по сигарѣ, ударило девять. Подъ туманомъ пошли мы къ первой цѣли нашего странствія—къ Вазу или Лазу, родинѣ Смоляря, перешли изъ Саксоніи въ Пруссію, и черезъ 1¾ часа были въ Вазѣ. Изъ за густыхъ высокихъ липъ и тополей выглядываетъ башня церкви. Рядомъ съ нею стоитъ домикъ, называемый школою, тоже заросшій деревьями; къ этому домику подошли мы. Изъ домика услышали наши голоса и вышли встрѣчать жданныхъ гостей: вышелъ лысенькій старичокъ въ тулупѣ, вышла веселенькая полустарушка въ крестьянскомъ платьѣ, вышли двѣ босыя дѣвочки. «Витай, сынку! Витай, брачику! Витайче кнѣже» говорили они и по Вендскому обычаю жали намъ руки. Потомъ вошли мы въ домикъ. Въ этомъ домикѣ на право большая комната—школа, на лѣво комнатка съ стряпальною печью и за нею другая крошечная съ постелями. Въ сѣняхъ разные закоулки и кажется еще комнатка. На чердакѣ еще комнатка довольно длинная и очень, очень узкая. Эта послѣдняя была приготовлена для насъ. Мать Смоляря сама

не знала, какъ насъ угостить. Сначала былъ завтракъ, потомъ обѣдъ; послѣ обѣда мы пошли на верхъ, а въ школу подъ нами собрались мальчики и дѣвочки и подъ предводительствомъ старика Смоляря запѣли, зажужжали; потомъ кофе, въ 7 часовъ ужинъ; въ 8 пришелъ буръ съ буровкой (селянинъ съ селянкой), родные хозяйки, потомъ пасторъ Зейлеръ, знаменитый въ Вендской литературѣ сочинитель Горно-Лужицкой грамматики,—и пили шоколадъ. Говорили по Горно-Лужицки, и я тутъ же,—разговаривали весело, по просту, очень хорошо. Въ 10½ опять подали другъ другу руки и, сказавши другъ другу: «добру ноцъ! спиче дере (хорошо)», разстались. Зейлеръ съ фонарикомъ пошелъ домой, буръ съ буровкой тоже, мы съ Эрнестомъ на верхъ.

Теперь 8 часовъ. Намъ принесли кофе. Будемъ пить, потомъ заниматься, а потомъ въ церковь.

5 окт.

Въ церковь мы пошли въ половинѣ 10-го. Церковь была полна. На нижнихъ лавкахъ сидѣли женщины. На хорахъ, которые въ три яруса идутъ около церкви, были мужчины. Мужчины не имѣютъ почти ничего національнаго въ своемъ костюмѣ: длинные сюртуки, жилеты, шляпы дѣлаютъ ихъ похожими на нашихъ мѣщанъ. За то нарядъ женщинъ оригиналенъ: почти всѣ замужнія имѣли на головѣ большой широкій бѣлый платъ, заколотый подъ горломъ и прикрывающій всю талью, а дѣвушки имѣли на головѣ что-то въ родѣ очипка съ лентами; жарующія, т. е. въ траурѣ, который продолжается тутъ 53 недѣли, были въ черныхъ юпкахъ, и тоже въ платѣ, но такъ длинномъ, что юбка видна снизу только на четверть. Зейлеръ говорилъ прекрасную проповѣдь, прекрасную по содержанію, прекрасную и по чистотѣ языка. Въ часъ мы пошли обѣдать къ Зейлеру. Потомъ глядѣли на обрядъ погребенія и крещенія. Вечеромъ опять были у Зейлера и просидѣли до 11 часовъ. Пили чай, а Зейлеръ съ Эрнестомъ и отцомъ его пѣли Лужицкія пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ удивительное сходство по мелодіи съ Русскими.

Сегодня идемъ обратно въ Ракецы, гдѣ ярмарка.

Варіантъ письма XXXIX.

Дрезденъ. 19 окт. 1840.

Вы конечно угадали, милая маменька, что здѣсь начну я мой № 28. Проѣхать мимо было бы во всякомъ случаѣ непростительно: проѣзжая черезъ Дрезденъ въ первый разъ, я оставался въ немъ только на полтора дня, съ городомъ познакомился мало, собраній рѣдкостей и галлереи не видалъ, спѣ-

шилъ въ Прагу и надѣялся видѣть Дрезденъ еще разъ. Теперь я тутъ и останусь на нѣсколько времени. Послѣ обѣда буду заниматься моимъ дѣломъ, а утрами осматривать галлереи, музеи, библіотеку. И вотъ, какъ провелъ я вчерашній день.

Вы уже знаете, что третьяго дня въ Котбусѣ я сѣлъ въ дилижансъ и поѣхалъ въ Госреверду, гдѣ меня ждали мои вещи. Получивши ихъ, я пересѣлъ въ Саксонскій дилижансъ—и въ Дрезденъ. Не могу не вспомнить о послѣдней Прусской станціи—отъ Госреверды до границы: дожди такъ испортили дорогу, что лошади не только не думали спѣшить, но даже и шагомъ идти. Большею частью мы шли пѣшкомъ. Шли пѣшкомъ и вязли. И такую дорогу называютъ шоссе! Въ 6 часовъ утра мы пріѣхали наконецъ въ Дрезденъ.—Я перебрался въ Hotel de Pologne, очистился, одѣлся, пошелъ къ придворному капеллану Грабѣтѣ, потомъ по городу таскаться, потомъ въ 11-ть въ католическую церковь, гдѣ былъ король и королева и гдѣ играла превосходная музыка, потомъ обѣдать, потомъ опять давай таскаться по городу, въ 6 часовъ въ театръ... Два слова о Дрезденѣ: на равнинѣ вблизи горъ и украшенной гористыми берегами Эльбы, на обоихъ берегахъ лежитъ онъ зеръ фрайндлихь, на правомъ берегу новый городъ, чисто, правильно выстроенный, на лѣвомъ старый городъ—главная часть Дрездена, и предмѣстія, расходящіяся по разнымъ направленіямъ все далѣе и далѣе. Красивы, впрочемъ черныя зданія, перемѣшаны съ домами чисто Нѣмецкими, грязные, глухіе переулки съ улицами, не большими, но правильными. Площадей много, но всѣ, кромѣ Стараго рынка, или малы или неправильны; за то ихъ такъ много, что заблудиться невозможно. Зелени очень много,—и это составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Дрездена: садовъ и аллей болѣе нежели въ предмѣстьяхъ Вѣны. Потомъ Эльба, ея живописныя берега, превосходный (600 шаговъ длины) мостъ, съ котораго нельзя не любоваться и Дрезденомъ, и рѣкою, и ея берегами. О самыхъ жителяхъ не знаю что сказать: вчера было воскресенье, и я видѣлъ Дрезденцовъ въ лучшемъ одѣяніи, видѣлъ разнообразіе вкусовъ и еще болѣе безвкусія; вчера же я заходилъ и въ очень многіе домы, и не могъ не замѣтить, что входы, лѣстницы, сѣни, корридоры ужасно нечисты; можетъ быть, въ одинъ изъ ста домовъ не отвратительно войти, а иногда встрѣчаешь такую вонь, что поскорѣе направо кругомъ да подалѣе. Театръ новый отстраивается и будетъ великъ и хорошъ; старый же театръ отмѣнно грязенъ и тѣсенъ. Взявши мѣсто въ Cercle, я вошелъ; мнѣ указали на скамью, смотрю—вся полна, пробираюсь, продираюсь, ищу, нахожу свой №, между двумя дамами, говорю имъ,—не отвѣчаютъ; что дѣлать? вспомнилъ, что я между Нѣмцами, сказалъ «Um Endschuldigung» и сѣлъ на моихъ со-

сѣдокъ какъ въ кресло. Вы хохочете, и говорите, какой я невѣжа; иначе, маменька, нельзя; не сдѣлай я этого, я не получилъ бы своего мѣста,—и при томъ это обычай. Занявши мѣсто, я оглядѣлъ публику: мѣщанство, безвкусіе, рожи. Наконецъ занавѣсъ поднялся, раздалась скрыпка Липинскаго, потомъ вышла Шредеръ-Девріанъ... Давали Монтекки и Капулетти; Шредеръ играла роль Ромео, Кортинъ ролю Джульетты. На Кортинъ, выступавшую въ первый разъ на сцену, жаль было смотрѣть: миленькая съ пріятнымъ голоскомъ, но трусъ. За то Ромео! Алтъ не такой чистой и полной, какъ у незабвенной Брамбиллы, но мягкость управленія голосомъ, удивительное sotto-voce, и притомъ драматизмъ игры, вѣрность тѣлодвиженій, тѣмъ болѣе поразительная, что въ роли мужчины не видишь женщины, восхитятъ хоть кого. Сцена погребенія и весь конецъ превосходны: вспоминаешь Шекспира, слышишь Липинскаго, видишь Шрёдеръ,—наслаждаешься. День окончился для меня совершенно нечаяннымъ образомъ: выходя изъ театра, слышу Русскіе голоса, оборачиваюсь... Калиновскій, Берлинскій знакомецъ, передо мною. Посмотрѣли съ изумленіемъ другъ другу въ глаза и обнялись. «Давно вы здѣсь?»—Сегодня пріѣхалъ. А Вы?—«Недѣлю живу, былъ въ Саксонской Швейцаріи, и черезъ двѣ недѣли отправляюсь въ Лейпцигъ.»—Такъ стало быть вмѣстѣ?—«И прекрасно!» Пошли ко мнѣ, оттуда къ нему, и до одиннадцати проболтали.—Впрочемъ уже ½ 9-го: пора въ галлерею. До вечера.

Второй варіантъ письма XXXIX.

Дрезденъ. 1840. окт. 27.

И такъ я въ Дрезденѣ, и вы, конечно, милая маменька, угадали, что я сюда направляю свой путь. Быть такъ близко отъ Дрездена, и не завернуть въ него—это было бы по крайней мѣрѣ странно. Я же тутъ не только отдыхаю отъ Лужицкихъ приключеній и работъ, но и занимаюсь—занимаюсь, сколько позволяетъ время. Не подумайте, что я завелъ тутъ какія нибудь знакомства, отнимающія время: кромѣ дѣловыхъ никакихъ нѣтъ да и не къ чему; но картинная галлерея, но разные музеи, кабинеты... они отворены, а я хоть и плохой, но все же любитель художествъ. И день за днемъ проходятъ такъ, что и не видишь.

Впрочемъ сначала о моемъ жительствѣ. Зная, что въ отели нельзя издерживать въ день менѣе двухъ талеровъ, я остался въ Hôtel de Pologne только два дни, сыскалъ квартиру и переселился. Въ Wilsdruffergasse (NB. одной изъ лучшихъ въ Дрезденѣ) въ № 28 первый этажъ занимаетъ вдова Мильднеръ, и, сама занимая крошечную комнатку, другія отдаетъ въ

наемъ пріѣзжимъ; у вдовы Мильднеръ живу и я. И я! Нѣтъ, живу я да еще одна Польская графиня съ теткой, да и только. Мои сосѣдки занимают одну большую комнату и шлафъ-кабинетъ, я тоже шлафъ-кабинетъ и не такъ большую комнату. Наши комнаты сходятся дверями, ничѣмъ не заставленными,—и, что нельзя не замѣтить, мы—сосѣди, довольны другъ другомъ какъ нельзя болѣе: отъ меня не слышно ни одного слова, потому что я самъ съ собою не говорю; отъ сосѣдокъ я также слышу только шопотъ. Г-жа тетушка должна быть пресмирная женщина, а графиня 14 лѣтъ отправляется каждый день куда-то учиться. Только вечеромъ въ 10 часу слышу я «Отче нашъ» и «Вѣрую», читаемыя молоденькой графиней, и потомъ все смолкаетъ. Мнѣ даже досадно, что не могу слышать болѣе. Я уже говорилъ объ этомъ моей хозяйкѣ. Хозяйка же передала мнѣ слова г-жи тетушки такъ: «Онъ (то есть я) долженъ быть литераторъ: я только и слышу отъ него, что или скрыпъ пера или ворочанье листковъ». Можете представить, какъ у насъ тихо, когда и скрыпъ пера слышенъ. У графини есть дѣвушка служанка Полька, но это не разрушаетъ тишины: я только раза два говорилъ съ нею по Польски, и то въ потьмахъ, а потому и не знаю даже ея физіогноміи. Надобно сказать слова два и о моей хозяйкѣ: старушка предобрая и преуслужливая: я ей вѣрю, а она очень рада, что я ей вѣрю, и еще болѣе рада, что я съ ней говорю и сажаю на софу. Въ знакъ благодарности она убрала мою постель тюфякомъ и одѣяломъ—по Русски, и подлѣ постели разложила коверъ. Съ ея служанкой Каролиной мы тоже въ миру. Плачу же я 3 талера за 2 недѣли.

День мой проходитъ такъ: въ 7-мъ часу встаю и пью кофе. Потомъ до 10 или 9 занимаюсь. Потомъ вонъ—въ картинную галлерею, библіотеку и т. п. Въ 2 домой и занимаюсь. Въ 6-ть въ театръ. Въ 9 домой и занимаюсь до 11. Исключенія рѣдки: капеланъ Грабѣта и библіотекарь Клемъ единственные мои знакомые, да и тѣ были у меня раза по два. Къ Тику собираюсь идти, но до сихъ поръ не собрался. У Липинскаго тоже еще не былъ. Съ нѣсколькими Русскими говорилъ въ театрѣ, да и только. Былъ тутъ и Калиновскій изъ Берлина, да уже уѣхалъ.

Теперь о Дрезденѣ. Дрезденъ не больше Харькова, и Эльбою раздѣленъ на двѣ части: на лѣвомъ берегу Altstadt, на лѣвомъ [1]) Neustadt. Neustadt чище, правильнѣе улицами, новѣе домами, но смиренъ какъ наша Залопань; Altstadt шуменъ какъ ярмарка. Отъ Эльбскаго моста идешь прямо къ Georgenthor, видишь на право католическую церковь и за нею театръ, на лѣво изъ за строеній Frauenkirche, прямо передъ собою старый шлоссъ,

[1]) Чит.: на правомъ.

и черезъ Georgenthor входишь въ шлоссъ-гассе; идешь прямо по ней и доходишь до Altmarkt, сворачиваешь на право, т. е. на лѣво (ошибся) нѣтъ, нѣтъ,—на право (не смѣйтесь: я не забылъ гдѣ право, а гдѣ лѣво, а такъ, ошибся) и по Wilsdruffergasse доходишь до почты, оттуда до глупаго Цвингера не далѣе какъ до церкви Дмитрія, оттуда до католической церкви не далѣе какъ до Острога отъ церкви, оттуда мимо Georgenthor и моста 100 шаговъ до Брюлевой террасы, оттуда до Neumarkt, гдѣ и картинная галлерея не далѣе какъ отъ Университета до церкви Рождества, оттуда шаговъ триста до Altmarkt Grüne Gevölbe въ 5 шагахъ отъ Цвингера. Японскій дворецъ, гдѣ и библіотека, за мостомъ, не далѣе какъ отъ Лопанскаго моста до монастыря. Нагородилъ!

Ну, да Семенъ Семеновичъ [1]) вамъ объяснитъ. Лучшее украшеніе Дрездена—Эльба. Это не Нева, но всетаки роскошная рѣка. Мостъ черезъ нее въ 600 шаговъ длины—прекрасный. Виды съ моста на Дрезденъ и окрестности очень милы. Дрезденъ такъ малъ, что, идя по любой большой улицѣ, увидишь поле. И Дрезденъ былъ бы очень милымъ городомъ, еслибъ не этотъ проклятой сѣрой цвѣтъ, которымъ покрыты всѣ домы. Магазины на Шлоссъ-Гассе и Wilsdruffergasse очень богаты. Такъ бы вотъ и купилъ и то другое! Толкотня на этихъ улицахъ и на мосту безпрерывная до 10 часовъ; а въ 10 всѣ ложатся спать. Разговоръ Англійскій, Французскій, Польскій слышишь почти также часто какъ и Нѣмецкій; Русскій разговоръ тоже не рѣдкость. Вообще Дрезденъ кажется мнѣ городомъ на водахъ: коренные жители—слуги пріѣзжихъ. Столичнаго ничего нѣтъ.

Завтра буду говорить вамъ о церквяхъ, о театрѣ, о галлереѣ и т. д., а теперь спать. Мои сосѣдки давно уже почиваютъ; да и ночной сторожъ протрубилъ уже въ рогъ и пожелалъ покойной ночи. Пожелаю и я вамъ и себѣ той же покойной ночи. Сегодня былъ у меня вечеромъ Клемъ: завтра будемъ съ нимъ разсматривать рукописи въ библіотекѣ, а послѣ обѣда пойдемъ вмѣстѣ въ Porcellanen Sammlung. Послѣ завтра въ Staats Archiv; а сегодня утромъ осматривалъ разныя разности въ Цвингерѣ.—Покойная ночь.

XLV. а[2]).

11 февраля.

Можно ли такъ? Полмѣсяца ни строки! Вы уже ждете моего письма,

---

[1]) С. С. Лукьяновичъ.

[2]) По ошибкѣ это письмо было пропущено въ своемъ мѣстѣ; оно относится къ февралю 1841 г.

милая маменька, вы уже начинаете думать обо мнѣ, что со мною,—а со мною ничего. Живу однообразно какъ въ деревнѣ: утромъ приходитъ Хорватъ, и до 10 занимаемся; далѣе я самъ, или къ Вуку. Въ концѣ 1-го приходитъ опять Хорватъ, и идемъ обѣдать; послѣ обѣда опять занимаюсь, иногда вмѣстѣ съ Хорватомъ; вечеромъ то къ Вуку, то къ Княжевичу, то въ театръ (очень рѣдко), то дома. Занимался между прочимъ отчетомъ, и на дняхъ посылаю. Княжевичу и Надеждину онъ понравился, не знаю что-то скажутъ о немъ у насъ въ Харьковѣ. Да узнаетъ о семъ Амвросій, и увѣдомитъ меня. Я было захворалъ: щека опухла. Надобно было сидѣть дома нѣсколько дней. Знакомые не забываютъ меня: Хорватъ, Заикинъ и Анненковъ, Вукъ, былъ и Надеждинъ съ Княжевичемъ. Что за человѣкъ этотъ Княжевичъ! О если бы у насъ было такихъ болѣе!

Въ театрѣ былъ въ это время два раза. Разъ въ Гофбургѣ, разъ въ Каринтійскомъ. Въ первомъ давали Корреджьо Эленшлегерга. Лёве въ роли Кореджьо былъ прекрасенъ; а Аншюцъ въ роли Микель Анджело еще лучше.— Въ оперѣ былъ вчера. Давали Фигаро Моцарта. Что за музыка! И Люцерова играла Сюзанну прелестно. Къ ней такъ пристало въ этой роли ея папочное, полненькое, мякенькое личико, ея медовой голосокъ! Тучекъ играла пажа также прекрасно. Пѣсню пажа и письмо графини (дуэтъ ея съ Сузанной) заставили повторить: стоило.

Въ этотъ разъ я познакомился въ театрѣ съ Русскимъ, гр. Ламбертомъ [1]), и узналъ отъ него, что Бодянскій во Фрейвадау лечится водою — 19 мѣсяцевъ, и помощи не видать. Это ужасно! Жаль его и какъ человѣка и какъ одного изъ насъ.

Сегодня съ Заикинымъ, Анненковымъ и двумя Датскими путешественниками ходили въ картинную галлерею гр. Лихтенштеина. Цѣлый домъ, цѣлый дворецъ: 25 комнатъ. Есть прекрасныя картины—Гвидо Рени, Рубенса, Корреджьо, Луки Джіордано, Каналетто и т. д. 1400 картинъ. Есть превосходныя; Іоаннъ Креститель Корреджьо чудо милъ; виды Каналетто—какъ обыкновенно; Рафаэль дуренъ.—Изъ галлереи пошли въ зимній садъ; это огромная оранжерея, а при ней огромный погребъ, усаженный елками,— дорожки, ручеекъ, мостики, цвѣтныя стекла въ окнахъ, статуи, и т. д. – игрушка, похожая немного на дѣтскую. Впрочемъ освѣщеніе деревьевъ сквозь разноцвѣтныя стекла очень красиво.

Сегодня даютъ «Вѣрность дѣвушки» Моцарта—хочется идти. Не полѣнюсь такъ и пойду.

---

[1]) К. О. Ламбертъ (ум. 1843)—французскій эмигрантъ, генералъ отъ кавалеріи русской службы.

14-е.

Полѣнился, и не пошелъ; а на другой день былъ въ картинной галереѣ царской, въ Бельведерѣ. Большая, но куда не такъ богата какъ Дрезденская. Въ бель-этажѣ на право Итальянская школа. Тутъ мнѣ особенно понравились Архангелъ Михаилъ, повергающій отпадшихъ духовъ, Маратты смерть Іосифа, Рафаэля Мадонна въ зелени и т. д. На лѣво школа Нидерландская: Рембрандтъ, Фанъ-Дейкъ, Рубенсъ, Теньеръ и т. д. Рубенсовъ Лойола—17 футовъ (2 1/2 сажни) вышиною. Мать Рембрандта, имъ самимъ нарисованная, чудо что за старушка. Внизу и вверху разныя разности разныхъ школъ. Тутъ между прочимъ портретъ Купецкаго, имъ самимъ написанный—удивителенъ. Венера Лампи—чудо красота. Возвратъ солдата на родину Крафта тронулъ меня до слезъ, особенно когда взглянешь на нее, взглянувши на Уходъ этого солдата изъ родины. На этой—старикъ, жена, заплаканная съ дитятью на рукѣ и съ дитятью въ рукѣ, собака — провожаютъ солдата. Года черезъ три-четыре, онъ воротился: малютка его уже бѣгаетъ, другая стала большою дѣвочкой, жена отъ радости не знаетъ, что дѣлать, старикъ тоже рванулся, а вдали идутъ солдаты, и у самыхъ рядовъ жена бросилась къ одному изъ солдатъ и обнимаетъ его. Можно бы и лучше сдѣлать; но спасибо Крафту и за мысль. Дѣлать людей выше людей, ниже людей—хорошо; но дѣлать людей людьми—это выше всего. Вальдмюллеровъ Инвалидъ съ дѣтьми также милъ. Странны Арчимбольдовы Осень, Зима, Вода и Огонь: у Осени и носъ, и глаза, и волосы и все изъ плодовъ, у Воды все изъ рыбъ и черепахъ. Тамъ же Сальватора Битва, Казановы Битва, виды Каналетто. Много Менгса: нѣжно, безчувственно.

Вчера я получилъ письмо изъ Праги отъ Прейса. Пишетъ о Чешскомъ балѣ (былъ таки и блестящій) и о Чешскомъ театрѣ. Письмо превосходное. Когда нибудь прочту его вамъ [1]).

Вчера же вечеромъ былъ у Княжевича. Сегодня у него обѣдаю. Пора одѣваться.

15-е.

У Княжевича обѣдалъ, а вечеръ—въ театрѣ: давали Гугенотовъ или, какъ здѣсь передѣлали, Гвельфовъ и Джибеллиновъ, Майербеера. Изабеллу

[1]) См. Живая Стар., 1891, № 3, стр. 13—21.

играла Люцерова. Голосъ не громокъ, кричать не можетъ; но что за мягкость, что за нѣжность, что за выдержка, что за арпеджьо, что за тремоло, что за sotto-voce! Во второмъ дѣйствіи она въ своихъ садахъ,—и поетъ пѣснь, весело самодовольную: это ея характеръ. Я не зналъ, куда мнѣ дѣваться съ моей головой, съ сердцемъ, со всѣмъ тѣломъ,—чуть не метался какъ угорѣлой. Готовъ былъ вспрыгнуть, и по головамъ—къ Люцеровой... Разумѣется я остался на мѣстѣ и очень покойно; но до сихъ поръ слышу, вижу, чувствую ее. Четвертое дѣйствіе (заговоръ) исполнено было музыкою превосходно. Гейнсфеттеръ была бы хороша, но стара; Эрль просто гадокъ. За то музыка... хоръ дающихъ клятву—страшно превосходенъ.

Сегодня играютъ Монтекки и Капулетти—иду.

И былъ—и, ворочаясь, заблудился. Ни на что не похоже. Дорога черезъ гласисъ ровная, видная, широкая. Задумался—и заблудился. Джюльетту играла полуносая Леманъ; ну можно-ли пускать полуносыхъ на сцену! За то Гейнсфеттеръ въ роли Ромео была прекрасна, кажется не хуже Дрезденской Девріанъ. А бѣдная Брамбилла—помните?—потеряла голосъ, и пріѣдетъ въ Вѣну давать уроки. Жаль! То былъ альтъ. Этому то я задумался и заблудился.

Въ Вѣнѣ зима. Снѣгу вдоволь, вѣтры, иногда и мятель; доходило до 20 градусовъ. Ожидаютъ большой воды, и боятся. У насъ рѣки разливаются тихо, покойно; тутъ быстро.

Скоро, скоро оставлю Вѣну. На югъ. Какъ поѣду, еще самъ не знаю. Отвѣтъ на это письмо пишите въ Каттаро въ Далмаціи, poste restante. Когда буду въ Каттаро не знаю, но буду.

Кланяйтесь знакомымъ и друзьямъ. Здоровы ли вы, милая маменька? Или вы написали уже въ Аграмъ? Тамъ буду кажется не такъ скоро. Ну, я надѣюсь получить письмо въ Лайбахѣ. Такъ-ли?

Цѣлую ручку вашу. Срез.

(конецъ).

ОТДѢЛЪ II.

Народный говоръ въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

Народный говоръ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи можетъ быть причисленъ къ сѣверно-великорусскому или «окающему» поднарѣчію, именно къ группѣ не «цокающей», къ каковой группѣ можетъ быть причисленъ и говоръ Ярославской губерніи вообще.

Проф. А. И. Соболевскій въ своемъ интересномъ трудѣ причисляетъ Пошехонскій говоръ къ группѣ «цокающей». «Одинъ изъ цокающихъ говоровъ въ Ярославской губерніи, говоритъ онъ, въ Поситьи и отчасти въ Пошехоньѣ (Пошех. у.) имѣетъ не только *ц* вмѣсто *ч*, но и мягкое *дз* вмѣсто *д*, мягкое *ц* вмѣсто *т*». (Живая Старина 1892 г. № 2, стр. 17.).

Почтенный авторъ въ данномъ случаѣ неточностью источниковъ введенъ въ заблужденіе: ни «цоканья», ни «дзеканья» ни въ самомъ Пошехоньѣ, ни въ большей части Пошехонскаго уѣзда нигдѣ не услышишь. Пишущій эти строки, уроженецъ Пошехонскаго уѣзда, живущій въ г. Пошехоньѣ безвыѣздно болѣе двѣнадцати лѣтъ: за это время онъ имѣлъ возможность посѣтить, за исключеніемъ двухъ-трехъ волостей, всѣ волости уѣзда и *лично* наблюдать народный говоръ; за это время, а также и ранѣе онъ имѣлъ возможность пройти пѣшкомъ отъ г. Пошехонья до г. Рыбинска, Романова, Данилова и Любима, а также по многимъ внутреннимъ трактамъ уѣзда, причемъ онъ могъ наблюдать и говоръ Рыбинскаго, Романовскаго, Даниловскаго и Ярославскаго уѣздовъ. Говоръ означенныхъ уѣздовъ ему удалось наблюдать кромѣ того и при его неоднократномъ посѣщеніи имъ своихъ родственниковъ изъ среды сельскаго духовенства, живущихъ въ районѣ означенныхъ уѣздовъ.

«Дзеканье», пишущій эти строки слышалъ только на границахъ съ Новгородской губерніей, а «цоканье» или замѣну *ц-ч* и наоборотъ на границахъ съ Вологодской губерніей (мѣстность по р. Югу и др.). Здѣсь уже слышится не «птица», а «птича», не «что», а «що». На всемъ же остальномъ пространствѣ Пошехонскаго уѣзда, занимающемъ до 5234,3 кв. верстъ, ни «дзеканья», ни «цоканья» пишущій эти строки не слышалъ, точно также какъ не слыхалъ его и въ сосѣднихъ съ Пошехонскимъ уѣздомъ мѣстностяхъ Рыбинскаго, Романо-Борисоглѣбскаго *), Даниловскаго и Любимскаго уѣздовъ. Говоры этихъ уѣздовъ почти ничѣмъ не отличаются отъ нижеописаннаго нами Пошехонскаго говора, который имѣетъ сравнительно съ ними только гораздо болѣе архаизмовъ. Точно также мало отличается отъ означеннаго говора и говоръ Ярославскаго уѣзда. За то говоръ со-

---

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ означенныхъ уѣздовъ можно услышать образцы Тверского говора: это объясняется тѣмъ, что въ такихъ мѣстахъ поселились въ недавнее время крестьяне Тверской губерніи, извѣстные среди мѣстнаго населенія подъ именемъ «корсляковъ».

сѣдняго съ Ярославскимъ—Ростовскаго уѣзда имѣетъ уже рѣзкое отличіе: преобладаніе звука *о* теряется, говоръ пріобрѣтаетъ пѣвучесть и т. д. (Яр. Губ. Вѣд. 1888 г.)

Что же касается до «Анекдотовъ древнихъ пошехонцевъ» (Соч. В. Березайскаго СПБ. 1798 г.), на которые ссылается почтенный проф. А. Соболевскій и которые будто бы изложены на Пошехонскомъ говорѣ, то не должно забывать, что это сочиненіе юмористическое и, какъ намъ кажется, говоръ, на какомъ изложены эти анекдоты—говоръ карриватурный, вымышленный. Былъ ли этотъ говоръ дѣйствительно говоромъ древнихъ Пошехонцевъ, рѣшить этотъ вопросъ мы не беремся, во всякомъ же случаѣ этотъ говоръ нисколько не похожъ на тотъ народный говоръ, какой распространенъ въ настоящее время въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

Главную роль въ Пошехонскомъ народномъ говорѣ играетъ звукъ «о».

Вездѣ, гдѣ только стоитъ буква «о», она сохраняетъ свой чистый, неизмѣнный звукъ и никогда не переходитъ въ другой гласный звукъ. Къ числу немногихъ исключеній принадлежитъ слово «сосѣдъ», въ которомъ «о» замѣняется «у» и которое сохраняетъ въ пошехонскомъ говорѣ свою первоначальную правильную форму (сусѣдъ), а также слова: «манастырь», «салдатъ», «дохтуръ» и нѣк. другія.

Напротивъ, звукомъ *о* замѣняются всѣ почти безъ исключенія наши гласные звуки. «О» замѣняетъ собою:

1) Иногда звукъ *а* безъ ударенія на немъ, напр. «боранъ», «робота», «конатъ», «розбой», «розумный», «стоканъ». «Ондрей», «Олексѣй», «тороканъ», «Огрофена», хотя въ тоже время говорятъ «народъ», «надёжа», «накрыть», «напрасно», «начальство».

Звукъ *о* выговаривается при этомъ ясно и отчетливо.

2) Звукъ *е* и *ѣ* съ удареніемъ на нихъ и безъ ударенія. Напр. «лицо», «цоловать», «жона», «топерь», «робята», хотя такая замѣна бываетъ далеко не всегда.

3) Звукъ *ы* съ удареніемъ на немъ и безъ ударенія, напр. «березонька», «косонька», «нонче», вмѣсто «березынька», «косынька», «нынче».

4) Переходя въ *ё* звукъ *о* замѣняетъ собою звуки *я*, *и* и *о*, такъ напр. «синёй», «дитё», «больнё», «миленькёй», «хорошенькёй».

Звукъ ё выговаривается при этомъ мягко, какъ средній между *о* и *е*.

Звукъ *у* другими гласными звуками никогда не замѣняется, иногда онъ только смягчается въ *ю* напр. «по столькю», «постелькю», «миленькюю», именно въ окончаніяхъ словъ, вслѣдствіе предшествовавшей замѣны одного твердаго гласнаго звука другимъ мягкимъ. «Постелькя»—«постелькю», «маленькёй»—«маленькюю».

Звуки *е* и *ѣ* безъ ударенія замѣняются иногда звукомъ *и*, причемъ *и* выговаривается, какъ нѣчто среднее между *и* и *ѣ*. Такая замѣна, впрочемъ, бываетъ далеко не всегда. Напр. «свича», «сміетца» (смѣется) «бисѣда», «повить» (повѣть), «тибя», «мння», «отвичать», но «бѣда», «вѣдунъ» и т. д.

Звукъ *и* иногда замѣняется звукомъ *е*, такъ напр. говорятъ: «налевать» (наливать) «кустечки», «разлеванный». Такая замѣна особенно часто слышится въ словахъ иностранныхъ, какъ напр. «деппломатъ», «аглецкой», «гемназія».

Звукъ *ы* произносится всегда твердо, не переходя въ *и*, напротивъ, иногда *и* переходитъ въ *ы* послѣ *р*, напр. «крыкъ», «крынка».

Звукъ *а* переходитъ иногда:

въ *я* на концѣ словъ (мягкія *к*, *з* и *ц*) и рѣже въ срединѣ. Напр. «дѣвочкя», «маленькя», «маменькя», «пользя», «больниця», «балвзямъ»,

въ *е* напр. «браслетъ».

въ *ы* напр. «кудЫ».

Звукъ *я* переходитъ иногда въ *е* напр. «глежу». «ейцо», «порединлась» вм. «гляжу», «яйцо», «порядилась».

Звукъ *ѣ* безъ ударенія переходитъ иногда въ *я*, причемъ *я* выговаривается неясно, какъ среднее между *я* и *ѣ* напр. «свѣтой» (святой), «сягти», «дявочка».

Что касается до произношенія согласныхъ звуковъ въ народномъ говорѣ Поше-

хонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, то въ произношеніи ихъ можно отмѣтить слѣдующія особенности:

1) Очень часто встрѣчается двойное *м*, двойное *ж* и двойное *ш*.

Напр. «оммѣнъ» (обмѣнъ), «оммрокъ» (обморокъ), «омманъ» (обманъ), «дожжикъ», «ѣжжалъ», «пушшай».

2) встрѣчаются мягкія *з*, *к* и *ц*.

3) звуки «х» и «ф» замѣняются однимъ другимъ: «куфарка», «штрахъ».

4) звукъ *в* передъ *у* иногда выпадаетъ: «голоушка», «дѣушка».

5) звукъ *г* замѣняется иногда *в* и ж, напр. «севодни», «испужать».

6) звукъ *п* замѣняется *м*, хотя и рѣдко: «мташка» (пташка).

7) звукъ *к* часто смягчается въ х и наоборотъ: «дохтуръ», «карактеръ» (характеръ).

8) Н въ началѣ собственныхъ именъ переходитъ въ м: Миколай, Микита.

9) щ и ч замѣняется *шш* или шт. Напр. «шти», «шшастіе», «шшастливый», «поштенный», «што» (а не щӧ).

Замѣны *ц ч* и обратно въ народномъ говорѣ Пошехонскаго уѣзда никогда не встрѣчается, точно также какъ не встрѣчается мягкаго *дз* вм. *д*, *ц* вмѣсто *т*. Въ большей части Пошехонскаго уѣзда говорится «деревня», «честь», «поди», а никогда не говорится «дзяревня», «цесть», «падзи».

Стяженіе гласныхъ—явленіе въ Пошехонскомъ говорѣ довольно часто встрѣчающееся, такъ напр. говорятъ: «мово», «твово», вмѣсто «моего», «твоего».

Встрѣчается иногда смягченіе гласныхъ черезъ *л*: «успленья», «милостливый» вмѣсто «успенія», «милостивый».

Родительный падежъ въ именахъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ произносится не съ буквою г, а съ *в*. Напр. «доброва», «хорошова», «одново», «всево».

Родительный падежъ множественнаго числа въ именахъ существительныхъ оканчивается очень часто не на *ъ* или *ей*, а на *овъ* или *евъ*, напр. «дѣловъ», «будневъ», «обстоятельствовъ», «родителевъ».

Творительный и дательный падежи множественнаго числа замѣняются однимъ другимъ. Напр. «ходить ногамъ», «благодаренъ вами».

Предложный падежъ въ именахъ существительныхъ женскаго рода на *ь* оканчивается на *ѣ* вмѣсто и: «на печѣ», «по путѣ».

Родительный падежъ женскаго рода въ именахъ прилагательныхъ, а также нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ и числительныхъ оканчивается не на *ой*, а на ыё, напр. «больныё», «одныё», «всеё»; «съ больныё головы, да на здоровую».

На «ыё» и «ыи» оканчивается иногда и именительный падежъ множественнаго числа муж. рода съ именахъ прилагательныхъ. Напр. «синіи», «добрыи».

Сравнительная степень въ именахъ прилагательныхъ оканчивается на *ѣя* или *яѣ* напр. «алѣя», «бѣляѣ».

Въ мѣстоименіяхъ древнія формы «тя» и «ино» до сихъ поръ сохранились въ Пошехонскомъ простонародномъ говорѣ. Такъ говорятъ: «ино время», «волкъ тя съѣшь», «дуй тя горой».

Мѣстоименія «свой», «твой», «мой» въ творительномъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ окончаніе *емъ* вм. *имъ* «своемъ», а не «своимъ конемъ».

Съ твор. пад. сходенъ и дат. пад. мн. числа, а также и творительный «своемъ рукамъ».

Нѣкоторыя глагольныя формы встрѣчаются часто въ сокращенномъ видѣ, такъ напр. говорятъ «хошь» вм. хочешь, «вишь» вм. видишь.

Неопредѣленное наклоненіе въ нѣкоторыхъ глаголахъ удерживаетъ свою старинную форму на *ти* напр. «сясти».

Третье лицо ед. числа наст. времени глаголовъ на *ся* оканчивается не на *ся*, а на

са или даже на *тца*: «ругаетса», «бранитса». Окончанie са удерживается и въ др. формахъ: «бранимса», «бранишса».

Въ повелительномъ наклоненiи, а также и др. формахъ, оканчивающихся на *сь*, *сь* замѣняется *ся*: «молися», «поклонися», «умываюся» вм. «молись», «поклонись». «умываюсь».

Глаголъ «дать» въ буд. времени во второмъ лицѣ ед. числа удержалъ свою старинную форму: во многихъ мѣстахъ говорятъ не «дашъ», а «даси».

Нѣкоторые, наконецъ, глаголы имѣютъ оригинальную форму многократнаго вида прош. времени: «спрашивливалъ», «сказывливалъ».

Растяженiе встрѣчается въ Пош. говорѣ не только въ пѣсняхъ, но и въ обыкновенномъ разговорѣ. «На хозяйскiихъ харчахъ», «сколькiихъ лѣтъ».

Очень многiя слова, въ пошехонскомъ говорѣ сохраняютъ полногласiе. Такъ напр. говорятъ «соромъ» вм. «срамъ», «болого», «оболоко» вм. «облако» вм. «благо» и т. д.

Вмѣсто предлога «за» очень часто употребляется предлогъ «по». «Ходить по воду», «ходить по ягоды» вм. ходить за ягодами.

Вмѣсто предлога «на» употребляется иногда предлогъ «при». «Жить при мѣстѣ» вм. «жить на мѣстѣ».

Вмѣсто предлога «изъ» употребляется часто предлогъ «съ». «Съ Гари» вм. «изъ Гари».

Глаголъ «читать» употребляется иногда съ предлогомъ «въ». «Читать въ книгу».

Глаголъ «уважать» требуетъ послѣ себя дательнаго падежа: «уважать ему».

Вмѣсто «мой-то», «твой-то» въ пошехонскомъ говорѣ постоянно встрѣчаемъ: «мой-ётъ», «твой-ётъ»; во мн. числѣ «мои-ти» и «мои-те».

Въ заключенiе нелишнимъ считаемъ помѣстить ниже краткiй перечень мѣстныхъ словъ, встрѣчающихся въ Пошехонскомъ говорѣ.

Алошный—алчный, жадный;

Алырникъ—алтынникъ;

Ась— а?

Бажать—сильно желать чего нибудь;

Баять—говорить;

Баловать—шалить, заигрывать;

бахтѣть—бахвалиться, гордиться;

баской—нарядный, щеголеватый; бáско—щеголевато; отт. «басота»

бушать—шумѣть, бухара—шмель;

буёкъ—металлическое кольцо, которое надѣвается на веретено въ качествѣ тяжеловѣса;

болѣзный—жалкiй, бѣдный;

борзиться—сердиться;

блинникъ—мѣстное кушанье;

братеникъ—двоюродный братъ;

борониться—защищаться;

Выть—ревѣть, плакать;

верещать—кричать не своимъ голосомъ;

вѣкошка—часть ткацкаго стана;

выпускъ—выгонъ для скота;

войновать—внимать, слушаться;

вoрóбы, вѣйки, вьюшки—части сновальнаго станка;

вѣкоуша—старая дѣвушка не вышедшая замужъ;

выводъ—плата за невѣсту со стороны жениха оцу невѣсты;

варахавица—каша изъ зеренъ недозрѣвшей ржи;

веретено—мѣстное названiе стрекозъ.

Граять—кричать;

голубецъ—деревянная придѣлка съ боку у печи;

Дюжó—сильно;

должея—дверка у ульевой колоды;

дубасить—колотить кого нибудь;

дуть—бить кого либо;

дѣковаться—безобразить, дикариться;

Ещевулъ—человѣкъ хитрый;

Жалѣть—сильно любить кого либо;

Завара—каша изъ ржаной муки;

зачичеревѣть—захирѣть, зачахнуть;

заводопѣть—замедлить гдѣ либо;

займоваться—заниматься;

зорники—молнiя безъ грома въ началѣ лѣта. Зорники, по народному повѣрью, способствуютъ созрѣванiю хлѣбовъ.

Зорить — выставлять ягоды на солнце для того, чтобы зеленыя недозрѣлыя ягоды сдѣлались красными на подобiе зрѣлыхъ;

Истопень—количество дровъ необ-

ходимое для того, чтобы разъ истопить печь.

Иму̀—начну, стану; би́ть иму̀—буду бить;

игрушка—гармоника;

Кербь—мѣра измятаго льна. Кербь имѣетъ 4 пятка; пятокъ равенъ пяти десяткамъ, десятокъ двѣнадцати повѣсмамъ. Повѣсмо—количество льну, какое можно захватить въ горсть.

Кумекать — обдумывать; роскумекать—понять;

кувалда—неряха (о женщинѣ).

кочевряжиться — куражиться, кобениться;

копылъ—донце, прялка;

колдобина—яма на дорогѣ;

круче—быстрѣе;

комолый—безрогій;

краски—менструаціи у женщинъ;

колько́й—который;

куть—мѣсто за печью въ заднемъ углу избы;

короводиться—хороводиться;

коли—когда,

кортома—аренда;

косица—високъ;

косарь—большой ножъ, которымъ щеплютъ лучину;

коромысло—стрекоза (веретено);

канитель—проволочка; канителиться;

конекъ—кузнечикъ;

кокуй—головной уборъ замужнихъ женщинъ;

кичига—деревянный валёкъ для обмолачиванія льна;

Луканька—нечистый духъ, чертъ;

лады̀—дружба;

лѣтось—въ прошлое лѣто;

лытать—болтаться безъ дѣла;

лестить—льстить;

люто́—сильно;

лизавица—улитка;

Мостъ—повѣть, сѣни;

маяться—хворать, биться;

маякъ—кулакъ, прасолъ;

мутовецъ—острая желѣзная спица, которою прикалывается кужель льну къ копылу;

мотовило—снарядъ для наматыванія пряжи въ мотки;

Напыльникъ—мѣсто на печи между кожухомъ и стѣною;

набилки } принадлежности ткацкаго
ниченки } стана;

навой—часть ткацкаго стана, на которую навивается основа;

непутевый—непрокій;

невѣститься—становиться невѣстой;

николи—никогда;

неможется—нездоровится;

ноготь—конская болѣзнь;

настъ — оттаявшая и затѣмъ подмерзшая поверхность снѣга; настить бѣлье—бѣлить его, выстилая на настъ;

наголовникъ — кусокъ полотна, которымъ покрывается головка спеленаннаго ребенка.

Ощерить зубы (о собакѣ)—оскалить зубы;

отвомнуть—отсырѣть;

ономнясь—недавно;

очапъ—часть колодезнаго журавля;

озепать—сглазить;

отважный—вѣжливый, обходительный;

очестливый—вѣжливый;

околодокъ свертокъ вымытаго бѣлья;

отлынивать — подъ различными предлогами отказываться отъ дѣла;

Поварёнка—уполовникъ;

поварёшка—головастикъ;

противень—желѣзный листъ, на которомъ пекутся пироги;

подъизбица—подполье, мѣсто подъ избою;

павитьё—самыя мелкія вѣточки на деревѣ;

постелька - дѣтское мѣсто, послѣдъ;

почать—начать;

пытать—выспрашивать;

прилучить—привадить;

прихехе—полюбовникъ, полюбовница;

переогорода—широкая межа возлѣ жердевой изгороди;

паужина—закуска въ полдень;

пришва—часть ткацкаго стана;

позавчерась—третьяго дня;

почетникъ — парень ухаживающій за дѣвушкою;

польга--польза;

притка—истерическая болѣзнь;

пуще—сильнѣе;

плестешокъ—стеклянное колечко у копыла;

пользовать—лечить;

повадный—веселый;
привадить—прилучить;
паутъ—оводъ лошадиный.
Родимое—родимецъ;
ричать—кричать;
рохля—человѣкъ непрокій;
рукотертникъ—полотенце, которымъ вытираютъ руки;
рундукъ—помостъ на дворѣ;
рашпоры—часть ткацкаго стана;
Счувать—увѣщевать;
сливный (о дождѣ) проливной;
стегать—сѣчь;
славёнка—дѣвушка, которая отличается своею красотою;
солощій (о скотѣ)—отличающійся своимъ аппетитомъ;
стягъ—длинная жердь; стягъ говядины—туша говядины;
слега—толстая длинная жердь;
столѣшникъ—столовая салфетка;
сарынь—дѣтвора;
стебнать—строчить;
суслонъ—груда ржаныхъ сноповъ въ 22 снопа;
Тритенись—третьяго дня;
тужить—горевать;
трудиться—хворать;
талька—мотокъ нитокъ въ 10 пасмъ; пасмо=4 чисменкамъ, чисменка=3 нитямъ;
трупь—перхоть головная;
трудоножки — блины поджаренные на сковородѣ съ мелкоизрубленными яйцами;
Усови—колики;
убойна—говядина;
учливый—вѣжливый;
учать—начать;
уповодъ—участокъ дня;
утрѣ—завтра,
узорочье—человѣкъ непрокій;
ушатъ—деревянная посудина съ ушками;
Хаять—осуждать, бранить;
хвастать—разговаривать;
цѣновки—одна изъ принадлежностей ткацкаго стана;
цело—часть печи надъ устьемъ;
цѣвка—трубочка, на которую навивается пряжа для тканья; трубочка эта съ завитою на ней пряжею вставляется въ ткацкій челнокъ.
Чаморовкій—чахлый;
чуни—веревочныя лапти;
честить—бранить;
чичениться—чваниться;
Шастать—бродить безъ дѣла;
шантрапа—голь;
шишиться—медлить, копаться.
Щунять—бранить;
щекотунъ—дѣтская болѣзнь.
Яловый (о коровѣ)—безплодный.

Для характеристики народнаго говора въ Пошехонскомъ уѣздѣ приводимъ двѣ пѣсни, записанныя нами въ д. Ежовѣ, Давыдковской волости, Пошехонскаго уѣзда.

Рында, рында, рындочкя,
Гдѣ рында родилася?
На печѣ въ охлопочкахъ.
Стали рынду сватати,
Стала рында плакати.
Сходи, матка, на базаръ
Купи рындѣ сарафанъ...
Пошла рында за водой,
Посклизнулася ногой,
Нашла крынку штей,
Рукавицу вшей,
Два наперска табаку.
Лежитъ баринъ на боку
Помираетъ со смѣху
На Миронову сноху:
Аха-ха-ха, аха-ха!
Миронова сноха
Тройникёвъ принесла:
Миколку, сиколку, роскаракульку.

Пошелъ же розудалой въ путь дороженькю
А на встричу ему два товаришша.
Во глаза ему да насміялися:
Молодая твоя жона, да за гульбой пошла,
Вороныихъ то коней, да всѣхъ забросила,
Молодыихъ то людей всѣхъ оставила,
Свово милова дитя качать бросила...
Воротился розудалой съ путь дороженьки.

Подъѣжжаетъ розудалой къ широку двору,
Встрѣчаетъ розудалова молода жона
Въ своёй бѣлоей сорочкѣ и безъ кофточки,
Въ своихъ вязаныхъ чулочкахъ и безъ тюфелекъ.
Вынимаётъ розудалой саблю вострую,
Срубаётъ розудалой жонѣ голову.
Покатилась голова конямъ подъ ноги.
Пошелъ же розудалой широкимъ дворомъ:
Вороныё то кони стоятъ всѣ обрежены,
Молодыё то люди спятъ всѣ успокоены,
Пошолъ же розудалой въ нову спаленькю—
Ево милоё дитя лёжитъ укачано...

А. Баловъ.

Г. Пошехонье.

Говоръ Павловичской волости Могилевскаго уѣзда

Въ данномъ говорѣ звукъ—а подвергается измѣненію только въ ы въ союзѣ «да» и во всѣхъ происшедшихъ отъ соединенія съ нимъ словахъ, напр. дыкъ, тады и т. п.

Гораздо въ большихъ случаяхъ подвергается измѣненію звукъ *е*. Онъ именно измѣняется въ *а*, *и* и *я*. Относительно того, въ какихъ случаяхъ онъ измѣняется въ эти другіе звуки, можно судить по одному общему признаку—отсутствію ударенія на немъ. А въ частности, въ а онъ переходитъ послѣ *ж*, *ч*, *ш* и *щ*, напримѣръ *жаренный*, *чаго*, *шарстяный*, *щадрость* и т. п. Въ *и* переходитъ онъ послѣ всѣхъ согласныхъ, если удареніе стоитъ впереди его, главнымъ образомъ послѣ предшествующей мягкой согласной, а въ я,—если оно стоитъ послѣ, наприм.—*пдпилъ*, *пѐрстань*, *на березu*, *пясокъ*, *на бярóзи* и т. п. Говоря объ этомъ звукѣ, необходимо сказать, когда онъ произносится за *ё* противъ великорусскаго нарѣчія и когда, наоборотъ, не произносится. Произносится онъ въ слѣдующихъ случаяхъ: въ творит. един. числа, въ дат. и предл. падежахъ именъ существ. мн. числа, напр. *гастёмъ*, *у гастёхъ* и т. п.; на концѣ, 2 лица мн. числа изъяв. накл. наст. вр. и будущаго—иногда если на немъ удареніе, напр. *жнитё′ адолжитê* и т. п. А во 2 и 3 лиц. изъяв. накл. наст. вр. и на концѣ родит. падежа женск. рода ед. числа мѣстоименіемъ 3 лица не произносится за ё, напр. *жнешь*, *яе*.

И переходитъ въ *й* всегда, если стоитъ въ началѣ слова послѣ слова, оканчивающагося на гласную, и въ союзѣ «и», но не переходитъ въ *е* и *ъ* въ тѣхъ случаяхъ, почти во всѣхъ, въ которыхъ великорусское нарѣчіе измѣняетъ его въ указанные звуки, напр. *на Ивана* (праздникъ), *тый яго возьмишь ли*, а не *лей*, *пи*, а не *пей*, *шіювъ*, не *шью*, *чіе*, а не чье и т. п. При этомъ замѣтимъ что этотъ звукъ ставится въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, начинающихся съ нѣсколькихъ согласныхъ, напр. *ирвавъ*, *ифза ишовъ* и т. п.

О переходитъ въ *а* всегда, когда только нѣтъ въ словѣ ударенія на о напр. карóва дачкà и др. Только въ окончаніи уменьшительныхъ словъ „очка-и“ вмѣсто звука *о* слышится-ы, наприм. *татычка*, *сасѣдычка*, *гусычка* и т. п., и въ окончаніи пред. падежа ед. числа муж. и средн. родовъ, напр. *объ добрымъ сялѣ*, *объ зяленомъ платцѣ*. Потомъ многія слова, начинающіяся съ этого звука, принимаютъ придыханіе—в, напр. *вакно*, *войстрый*, *вайстройчь*, *воцитъ* (уксусъ) и т. п.

У также подвергается только что указанной особенности, напр. *вурокв*, *вубралв* и др. Другихъ же измѣненій съ этимъ звукомъ не бываетъ.

Ѣ, если на немъ нѣтъ ударенія, также терпитъ измѣненія, а именно: въ началѣ словъ онъ всегда замѣняется звукомъ *я*, напр. *яздокв*, *ядунв*. Въ *я* онъ переходитъ и въ серединѣ, но это бываетъ въ немногихъ словахъ, напр. *гняздо*, *сядло* и нѣкоторыхъ другихъ, а больше всего въ данномъ мѣстѣ онъ переходитъ въ *и*, въ который онъ переходитъ и на концѣ словъ, напр. *жэлизнякв*, *цвила*, *бида*, *у дарози* и т. п. Впрочемъ, объ измѣненіи даннаго звука въ срединѣ должно сказать то, что онъ иногда въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ и словахъ переходитъ и въ *я* и въ *и*, наприм. *бида* въ им. пад., а въ род.— *бяды* и т. п. Кромѣ того послѣ звука *р* онъ замѣняется звукомъ *а*, напр. *свирапо́сть*, *рачна́я* и др.

Ы имѣетъ только ту особенность, что не измѣняется въ *о* тамъ, гдѣ онъ въ великорусскомъ нарѣчіи измѣняется, напр. *крыю*, а не *крою*, *крутый*, а не *крутой*, *мыю*, а не *мою* и т. п.

Ь обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что очень часто въ серединѣ словъ выпадаетъ, вмѣсто чего предыдущій согласный звукъ удвояется, напр. *куття*, *ноччу*, *лисся*, *ллю* и др.

Согласные г и р, имѣютъ особое произношеніе.

Что касается перваго, то онъ всегда произносится мягко, какъ въ славянскомъ языкѣ и какъ въ латинскомъ языкѣ звукъ h. Другой звукъ р произносится какъ разъ наоборотъ. Ему чужда всякая смягчаемость, вслѣдствіе чего тамъ, гдѣ въ великорусскомъ нарѣчіи послѣ р слышится я или и-і или е-ѣ или ю, въ данномъ говорѣ являются звуки твердые—а, ы, э и у.

В имѣетъ мягкое произношеніе въ двухъ случаяхъ. Разъ,—когда онъ замѣняетъ звукъ *л* въ срединѣ послѣ гласныхъ, напр. повный, а другой разъ,—когда замѣняетъ его въ прошедшемъ времени ед. числа мужскаго рода, изъявительнаго наклоненія, напр. *я стараєся*. Въ данныхъ мѣстахъ этотъ звукъ произносится вмѣсто обыкновеннаго достаточно твердаго прижиманія верхней внутренней части нижней губы къ оконечностямъ зубовъ верхняго ряда только посредствомъ быстраго полуприкосновенія первой къ послѣднимъ. Такое произношеніе даннаго звука, между прочимъ, дало поводъ нѣкоторымъ на мѣсто его помѣщать гласный *у*, но я, по крайней мѣрѣ по отношенію къ данному говору моей родины, справедливымъ признать этого не могу. Этимъ звукомъ онъ замѣняется въ слѣдующихъ только случаяхъ: въ предлогѣ «въ» въ отдѣльности и въ связи его съ другими словами, больше съ глаголами, напр. *у йстопци*, *у таку*, *узлезв*, *узарвавв*, *уксусв* и т. п. мѣстоименіи весь (увесь): *ўся*, *усе*, *усяго*, *усей*, *усяму*, *усей*, *усимв*, *усёй*, *абв усёмв*, *абв усёй*, *уси*, *усихв* и т. д., и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, напр. *удова*, *ую* и т. п. Потомъ относительно этого звука нужно сказать то еще, что онъ часто вставляется между двумя гласными, какъ въ срединѣ словъ, такъ и въ началѣ послѣ оканчивающагося на гласную слова для избѣжанія hiatus-а, напр. *ни во́днаго паvука* и т. п.

Звукъ *ж* имѣетъ особое произношеніе въ 1 лицѣ единств. числа изъяв. наклон. настоящаго времени глаголовъ на —дѣть и дить въ неопр. наклоненіи, напр. видѣть, водить и подобныхъ и въ словѣ *бардчжэй*. Въ данныхъ случаяхъ вмѣсто одного звука ж слышится сразу три—*д*, *ч* и *ж* и при томъ такъ, какъ бы одинъ звукъ. Правда, какой именно звукъ является здѣсь вмѣсто «же», изобразить опредѣленно нельзя, а можно только сказать, что правильнѣе—соединеніе звуковъ *дчж*. Правильнѣе потому именно, что при скоромъ съ половинной мягкостью произношеніи этихъ трехъ звуковъ, при совмѣстной при этомъ ударяемости ихъ, получается такое именно произношеніе, какое совершается въ устахъ бѣлорусса моей родины.

Звукъ *т* предъ етированными гласными и полугласнымъ ь произносится мягче обыкновеннаго, но не какъ ц, что мы видимъ въ говорахъ Витебской губерніи по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ лицъ и какъ указываетъ г. Дембовецкой въ своемъ описаніи Могилевской губерніи.

Уяснивъ произношеніе этихъ звуковъ, мы перейдемъ теперь къ звукамъ: г, к, х, л, с, ф и ѳ, которые въ нижеслѣдующихъ случаяхъ замѣняются другими.

Первые три гортанные *г*, *к*, *х* предъ гласными *ѣ* и *и* въ дательномъ и предложномъ падежахъ ед. числа по старому—*з*, *ц*, *с*, напр. назѣ, абъ назѣ, руцѣ, абъ руцѣ, сасѣ, абъ сасѣ и т. п. Звукъ л замѣняется часто звукомъ в, какъ косвенно уже указано выше, во первыхъ, когда онъ стоитъ въ срединѣ послѣ гласныхъ, во вторыхъ въ ед. числѣ муж рода изъяв. наклоненія прошедшаго времени, напр. чавнокъ (челнокъ), хадивъ и т. п.

Звукъ с, замѣняется прежде всего звукомъ з предъ всѣми звуками въ началѣ словъ, исключая з, к, п, т, с, ф, х и ц, напр. збавивъ, звалився, згубивъ, здавивъ, злупивъ, змуливъ особенно же передъ звукомъ д, и т. д.; потомъ—звукомъ ш передъ ч напр. шчарую, шшумомъ (съ шумомъ) и т. п. и ш, ж, напр. жжалився, жжалабай (съ жáлобой) и др.

Звукъ *ф* замѣняется двумя звуками *хв* въ началѣ и въ срединѣ словъ и звукомъ *п* въ срединѣ и въ концѣ, напр. хворма, кахвля, Сапронъ и др. Эти случаи замѣны однихъ звуковъ другими всегда неизмѣнны и зависятъ только отъ расположенія ихъ въ словѣ. Что же касается остальныхъ, отнесенныхъ нами къ числу принимающихъ эту особенность, звуковъ - *н*, *п* и *ч*, то они принимаютъ ее только въ извѣстныхъ словахъ. Такъ звукъ *н* замѣняется звукомъ *м* въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ: Николай, Никита, Нектарій и другихъ: (Миколай, Микита, Миктарій). Звукъ *п* замѣняется звукомъ *ф* въ словѣ *копія*, особенно замѣчается у бабъ. Звукъ *ч* замѣняется звукомъ *ц* въ началѣ нѣкоторыхъ словъ: цурбанъ, цудо, цотъ и пр.

Таковы фонетическія особенности разсматриваемаго говора. Теперь перейдемъ и прослѣдимъ особенности грамматической стороны его: склоненій, степеней сравненія и спряженій.

Что касается склоненій существительныхъ, то здѣсь замѣчается только слѣдующія особенности: имен. падежъ мн. числа всѣхъ именъ существит. муж. и ср. родовъ всегда имѣетъ одни и тѣ же окончанія—*ы* для твердыхъ, *и* для мягкихъ, напр. *вóрдены дровы*, *сабачки* и др.; дат. пад. того же числа въ нѣкоторыхъ словахъ имѣетъ окончаніе—*омъ*, напр. *купцомъ*, *паномъ*; съ предл. *по* употребляется не дат., а мѣстный пад. *по жидóхъ*, и др.; твор. пад. ед. числа жен. рода употребляется всегда въ сокращенной формѣ, напр. *хвормай*, *пузѣей* (фузея) и т. п. (Послѣдняя форма, нужно сказать, вообще преимуществуетъ въ разсматриваемомъ говорѣ).

Склоненіе прилагательныхъ въ общемъ также мало отличается отъ великорусскаго. А именно. Они имѣютъ только въ род. пад. жен. рода ед. числа окончаніе *ые*, въ дат. и твор. падежахъ—*эй*, въ предложномъ муж. и средн. родовъ ед. числа, какъ выше уже указано,—окончаніе твор. падежа—*ымъ*, а жен. рода—окончаніе *эй* и въ им. падежѣ мн. числа всѣхъ родовъ принимаютъ безразлично окончанія—*и* и *е*.

Склоненіе мѣстоименій имѣетъ свои особенности.

Что касается личныхъ мѣстоименій, то мѣстоим. 1-го лица—въ род. и вин. падежахъ ед. числа имѣетъ *мяне*, въ твор. *мной;* 2-го лица—въ род. и вин. имѣетъ *тябе*, въ дат. *табѣ;* въ тв. *табой* и предл. *абъ тябѣ;* и 3 л.—въ им. падежѣ имѣетъ *ёнъ*, *яна*, *яно*,—въ род. *яго*, *яе*,—въ дат. *яму*, *ёй*,—въ предл., *абъ емъ*, *абъ ей*,—въ им. мн. числа яны,—въ род. *йхъ*,—въ дат. *йм*ъ,—въ твор. *йми* и въ предл. *абъ йхъ*. Этотъ образецъ склоненія удерживаетъ и мѣстоименіе возвратное.

Изъ указательныхъ мѣстоименій—«этотъ» прежде всего имѣетъ ту общую особенность, что впереди во всѣхъ падежахъ принимаетъ придыханіе *г*, а потомъ въ им. пад. ед. числа муж. рода измѣняется въ *гэтый* и далѣе склоняется, какъ полное твердое прилагательное, исключая имен. и вин. падежей ед. числа женск. и средн. родовъ, которые остаются въ неполной формѣ—*гэта* и *гэто*, *гэту* и *гэто*, и именительнаго пад. мн. числа, который оканчивается на *ые*. Мѣстоим.—*тотъ*, также имѣетъ въ скло-

неніи особенности твердыхъ полныхъ прилагательныхъ, исключая имен. падежа муж-рода ед. числа и множ., гдѣ оно превращается въ *тэй* и *тые*.

Изъ вопросительныхъ мѣстоименій имѣютъ отличными падежи: *кто*—имен. ед. числа *хто*, *што* и твор. *кимв*, *чимв*; *какой*—им. ед. числ. *якій*,=род. и вин. *якого*, дат. *якому*, твор. *якимв*. Предл. абъ *якомв*; и мн. числа им. *якіе*, а остальные падежи имѣютъ особенности склоненія мягкихъ прилагательныхъ; *чей* имѣетъ отличными всѣ падежи ед. числа муж. и средн. родовъ, кромѣ имен. пад. послѣдняго рода, и им. мн. числа, такъ что имен. падежъ будетъ *чій*, род. *чійго*, дат. *чійму*, тв. *чіимв*, предл. *абв чіемв* и им. мн. числа *чіе*; что же касается падежей жен. рода, им. падежа средн. рода и другихъ падежей множ. числа, то ихъ особенность сводится къ замѣнѣ звука *ѣ* звукомъ *і*. Изъ остальныхъ мѣстоименій только неопредѣленное — *нѣкій* имѣетъ особенность—вставляетъ *й* послѣ *ѣ*: *нѣйкій*.

Числительныя имена также имѣютъ свои особенности, а именно. Одинъ (*адинв*) имѣетъ въ ед. числѣ тв. и предл. падежа на *ымв* (*аднымъ*) и во мн. числѣ въ окончаніи всѣхъ падежей — *ы* (*адны*). Двѣ произносится *дьвѣ*. *Пять* и *шесть* (шесь) имѣютъ въ род. пат. кромѣ правильнаго окончанія—и окончаніе *ёхв*, въ дат. *ёмъ*, твор. *ьми*—*пятёмв*, *шастёхв*, *пятьми*, *шестьми*. Семь (*семв*), восемь (*восемв*) девять (*девить*) и десять (*десить*) выбрасываютъ *ь* въ твор. падежѣ предъ *ю* и предложный имѣетъ на *ёхв*. Девятю, десятю, абъ девятехъ, абъ десятехъ. Всѣ же остальныя числительныя согласны въ склоненіи съ великорусскимъ нарѣчіемъ. Кромѣ сказаннаго, нѣкоторыя числительныя, количественныя и порядковыя имѣютъ особое произношеніе, а именно: *семь* и *восемь* имѣютъ на концѣ *в*, одиннадцать и двѣнадцать и до девятнадцати включительно имѣютъ *н* вмѣсто *д* передъ *ц*: одинанцать, дьвѣнанцать, трынанцать, чатырнанцать, пятнанцать, шаснанцать, семнанцать, васемнанцать и девитнанцать, *двадцать* и *тридцать* звукъ д—сцягчаютъ въ *ц*, девяносто на мѣсто *е* и конечнаго *о* принимаетъ *ь* и *а*; дваццать, трыццать, дявьноста. Первый превращается въ *першій*, шестóй—въ *шостый* и сотый въ *стовый*. Но особенно оригинально произношеніе дробныхъ величинъ. Вотъ онѣ: *паверша́*, *пaвтара́*, *павтраттн*, *павчварта́*, *павпята́*, *павшаста́*, *павсима́* и *паввасьма́*.

Что касается степеней сравненія прилагательныхъ, то сравнительная имѣетъ ту особенность, что всегда принимаетъ краткое окончаніе—*й* и не всегда съ однимъ и тѣмъ же предшествующимъ гласнымъ *ѣ*: вслѣдствіе фонетическихъ правилъ вмѣсто него иногда является «э» послѣ звуковъ—*р* и шипящихъ, напр. *дабрэй*, *лавчэй*, *бардчжэй*, *хужэй* и т. п. Послѣднее мы видимъ и въ превосходной степени, въ которой еще кромѣ того мы встрѣчаемъ прибавляющуюся частицу «най», напр. *найхушій*, *найлуччый* и т. п. При этомъ должно замѣтить, что первая степень обыкновенно соединяется съ предлогомъ «за», напр. *луччи за мяне*.

Въ спряженіи глаголовъ замѣчается общая всѣмъ имъ только одна особенность и именно та, что 3 лицо ед. числа и множеств. изъяв. наклоненія наст. времени оканчивается всегда на *ть*, напр. *ёнв ходить*, *яны возять* и т. п. А такъ называемые *Агинцы*—крестьяне деревень восточной половины волости: Павловичъ, Мартьяновичъ и Дарошковичъ,—3 лицо ед. числа оканчиваютъ на *е*, а послѣ шипящихъ, согласно фонетикѣ на *а*, напр. *ёнв еде*, *ёнв пиша*. Въ частности, глаголъ *имѣть* въ данномъ говорѣ превращается въ *мѣть*, отъ чего образуются всѣ другія формы (*и* отбрасывается вездѣ)), и въ изъявит. накл. наст. времени—въ *маю*, *маишь* и т. д. Глаголъ *ѣсть* имѣетъ повел. наклоненіе *ѣжь-те*. Другихъ особенностей какихъ-либо рѣдкихъ, независящихъ отъ правилъ фонетики, въ спряженіи мы не встрѣчаемъ.

Теперь сдѣлаемъ краткое замѣчаніе и относительно лексической стороны говора. И именно то, что онъ принялъ въ свой словарь много словъ чужихъ—преимущественно польскихъ, причемъ многія изъ нихъ комически измѣнилъ, напр. *пузія*, *аткелзамв*, *ма́спанв*, *крамзе́ль* и др. Но всѣхъ ихъ мы не станемъ перечислять по причинѣ ихъ обилія. Этимъ мы и заключимъ нашъ очеркъ, а въ заключеніе представимъ образчики нашего говора.

Разсказъ.

Русалки чаразъ мяжу ня могуть хадить, аттаго вывялись, бо тяперъ, пярэй таго нябожа, вся зимля пирамѣрана. А у пярѐдъ (прежде), якъ ӥна ня мѣрына была̀, ӥхъ, было́ многа. У лѣси дыкъ ноччу только и чутно: гу, гу!.. Ажъ сумно. Давно, якъ казали старики, дьвюхъ привадили ӥ къ намъ у дяревню.

Яны ничо́га ни гаво́руть, только плачуть ӥ плачуть, ракой слиза̀ ӥлле́цца, пакуль пусьтють. А якъ пусьтють, тады запяеть, ды у лѣсъ.

Пѣснь.

А чія гэта мати
Па вулицы хо́дить,
А сусѣдычикъ просить:
Милые маи сусѣдычки!

А хадите вы ка мнѣ
Ды къ майму дитяти
Каравай качати.

Въ одной деревнѣ со мной живетъ крестьянинъ Леонъ Елисеевъ Лихачевъ. Лѣтъ 40, почти слѣпой, совершенно неграмотный, народный увеселитель, онъ является вечеромъ въ сборную избу парней и дѣвокъ, стариковъ и старухъ. Шумнымъ бываетъ всегда его приходъ. «Дядька Лявонъ, дядька Лявонъ!»—кричатъ со всѣхъ сторонъ,—«разскажы намъ, што на бѣламъ свѣти дѣицца». Шумъ быстро смѣняется глубокой тишиной. «Дядька Лявонъ», усѣвшись на лавкѣ, тихимъ полутонкимъ голосомъ начинаетъ своимъ обыкновеннымъ предисловіемъ о томъ, что все будетъ сказывать правду, и потомъ рисуетъ въ риѳмической формѣ все подмѣченное имъ раньше и подслышанное современное.

«Казать сказки я ня вмѣю, — такъ начинаетъ онъ, — а разскажу, якъ тяперь на бѣламъ свѣти што дѣицца.

1. Тяперъ наставъ свѣтъ таковъ,
Што на свѣти мало дураковъ.
Бога за Бога ни маюць,
За ниправду прысягають.
Сынъ батьку зниважаеть,
Ды ӥще за̀ лабъ патрасаеть.
Братъ брата ни маить за брата,
Дыкъ клядбы повна хата.
Систра на сястру,
А дачка на матку,
Съ тябе, гаворить, старая стерва
Нима парадку.
А якъ висна настанетъ,
2. Тады горшая сварка настанетъ.
Прыходить сусѣдъ ды къ сусѣду и гаворыть:
Што, пане Якиме,
Будимъ Богу малицца хоть къ мякинѣ
—бо вжо хлѣба нима.
А якъ только восенью хлѣба набивъ,
Такъ и на Бога забывъ.
«Ойче́» нашъ труесть змалився,
А въ небѣ свентя ӥ забывся».
Хлѣба сколька намалотить,
То все ву каршму зава̀лочить.
Заллеть вочи гарѣлкой,
Ды ӥ прыдить дамовъ ноччи,
Дома станутъ сварицца,
А енъ тады ӥ бицца.
Мавчать! я хазяинъ,
Я старався!
За другимъ разамъ пойдить,
Гарѣлки напъецца,
Ды дарогай павалицца,
Памарозить руки ӥ ноги,
Тады ӥ вѣчный убогій.
Якъ у насъ старый Варамей
Ды задумавъ жанить сына Сапрона,
А взять сабѣ дачку за нявѣстку
Кулину у Гапона.
А Кузьму хатѣвъ за свата взять.
Приходить къ яму Исакъ,

—ды гаворыть:
«Стой, братъ, ни такъ!»
Я думаю, кабъ Грышку за свата взять:
У яго калтуны висять;
Гэта—харошый сватъ.
Паслать треба мальчышку за Грышкомъ.
Паслали мальчышку за гэтымъ Грышкамъ.
—Што да мяне за прытэнсію маишъ,
Што за мной мальца пасылаешъ.
А нашъ старый Варамей атвѣчаеть:
—Што я ни прытэнсію маю,
А интэрасъ да тябе маю:
За табой мальца пасылаю.
Хачу жанить сына Сапрона
И взять нявѣстку дачку Кулину у Гапона,
Хачу тябе за свата взять,
Бо у тябе калтуны висять.
А енъ кажить: «баюся,
У сваты ни пайду: щарують».
А Исакъ ды й гаворить:
«Ня бойся—ни щарують.
Я атъ гэтаго што знаю,
То й табѣ нараю.
Чаразъ парогъ пиряступай,
Дыкъ на качаргу ступай.
Въ суботу ни рано сонце за лѣсъ заходить,
Грышка въ сваты приходить
Чаразъ парогъ ступаить
И на качаргу ступаить...
Дыкъ гэта качарга цавьемъ якъ замахнула,
Якъ дасть яму па лбу й па насу.
Разбила яму лобъ и носъ,
Ажъ енъ кудлами затросъ.
Тады гэтый Грышка зъ бою утамився,
Чуть къ лавцы прывалився
И на сватавство забывся...
А патомъ Грышка троху ачухався, алюхався,
Рашщибетався ня хужи соловья...
Атварачываецца Гапониха да Гапона:
Глядика,—кажить,—Гапонъ!
Дяржысь свайго закона.
Мала што будуть сваты гаварыть,
А дачку дарамъ няддавай.
Тады Гапонъ атварачываецца къ печы вячымя,
А на хату плячымя,
И табаку у трубку накладаеть
И сватовъ у евню атсылаеть.
Тады гэтые сваты тры дни плечы абъ глину били,
Пакуль высватали Кулину.
А за тры дни яны такъ згаладали,
Что Грышка ды гаворить у Исака:
«Ня будить тяперь пярдеть твоя срака».
А Исакъ ды гаворить да Грышки:
«Вытаргала ня худа й твае кишки».
Патомъ ужо прышли яны дамовъ.
Кулину высватавши.
И пасылаеть Варамей ды Грышку папа гадить.
А Грышка гаворить: ни пайду папа гадить, баюсь: щарують.
А Варамей ды й гаворить:
Ня бойся, ни щарують
Што знаю, то й табѣ нараю.
Зачапи, гаворить, жарновый камень за плечы,
Вазьми грамничную свѣчку
Й хлѣба пирапечку,
Лапти къ поясу привяжы,
Хто будить пытацца, ни кажи,
Разгаворовъ ни съ кѣмъ ня мѣй.

Здѣсь еще не конецъ. Но мнѣ не прислали изъ дому: не отыскали среди моихъ книгъ. Обѣщаюсь доставить конецъ и еще многое, если понадобится, такъ какъ я во время прошлыхъ каникулъ многое записалъ.

Долженъ еще прибавить, что содержаніе приведенныхъ и другихъ, имѣющихся у меня, не вымышленное, а имѣетъ себѣ соотвѣтствующее во многомъ, или даже въ большемъ, въ самой дѣйствительности.

Андр. Романовъ.

Жмудскія пѣсни изъ Полангена, записанныя въ іюнѣ 1893 г. Мечиславомъ Довойна-Сильвестровичемъ, переведенныя А. Погодинымъ.

PALONGOS ŽEMAITIŠKAS DAINES.

Отъ Аужиленисовой Уршули.

(Aužilene Uršule).

I.

— Rita ongsti keliau,
Doreles atveriau.
Eiso, eiso ondinele;
Ale bet ne vyina (війна).
— Pastatik vedrelius!
Pagoldik naštelius!
Ekš, padeki, panoteli,
Zirgelius girdyti!
— Ne goldiau našteliu,
Ne statiau vedreliu,
Ne padejau aš berneliou,
Žirgeliu girdyti.
Ne ilgā stovejau,
Ne daug ta-kalbejau.
Jr pavita vainikelis,
Ont mona galveles.
Beg opele vingoudama,
Neš vainika lingoudama,
Jr nuneše, nulingava,
Pas brolele marga dvara,
Jr išeje broterelis.
Jr pažina vainikeli:
Tas yr seses vainikelis.
Tas yr seses žals rutelis!
Ai vainiki, vainiki,
Kor aš tavai pakavoso?
J skrineli pakavoso!
Vyina karta paveizejau;
Vainikelis bepelejis.
Ontra karta paveizejau;
Vainikelis sopelejis.

I.

Рано утромъ встала.
Двери отворяла,
По воду пойду я,
Все же не одна хоть.
— Ведра съ коромысломъ
Положи на землю,
Напоить моихъ лошадокъ
Помоги, дѣвица.
— Ведеръ съ коромысломъ
Я не положила,
Молодцу на помощь коней
Я не напоила.
— Долго не стояла,
Много не болтала,
И завялъ вѣночекъ
На моей головкѣ.
Вотъ бѣжитъ въ извивахъ рѣчка,
Мой вѣнокъ несетъ качая,
И къ усадьбѣ пестрой брата
Донесла и докачала.
Вышелъ братъ на бережочекъ
И узналъ онъ мой вѣночекъ:
То вѣнокъ сестрой сплетенный,
Изъ ея руты зеленой.
Ахъ, вѣнокъ, вѣночекъ,
Гдѣ тебя я спрячу?
Въ сундучекъ я спрячу!
Въ первый разъ туда взглянулъ я;
Плеснѣетъ вѣночекъ,
Во второй разъ поглядѣлъ я;
Заплеснѣлъ вѣночекъ.

II.

Jau vakaras nebtolyi,
Saule osileida!
Leisk ir moni matošele
So sauleli draugi.
O kad aš išeiso,

II.

Вечеръ не далеко,
Солнце закатилось,
Отпусти-же съ солнцемъ
И меня, родная.
А когда пойду я,

Jmso vyina biliuneli,
So savimi draug.
Šinavoso, kaipa galeso,
Aš ton biliuneli.
Jsidikso pas svirneli
Savyi ont akeliu.
Kada eisma pro biliuna
Tada aplaistisau.
Jr so ondinelio šalto
Visados laistisma.

Я возьму съ собою
Лишь однихъ піоновъ
Какъ смогу, я буду
Почитать ихъ вѣчно;
Около свѣтлицы
Посажу себѣ ихъ.
Какъ пойдемъ мы мимо,
Мы тогда польемъ ихъ (tada aplaistisau).
Мы всегда водой холодной
Поливать ихъ будемъ.

III.

Eit meškele par lendrina,
Lendres lonkstidama.
Stou strelčelios ož karklina,
Žad meškeli šauti,
— Eikš, meškele tatotele,
Soimk mon galveli.
Pakol mona gyva galva,
Aš so tavim šokso.
Ai, ai, ai, ai, ai;
Aš so tavim šokso.

III.

Плетется мишка въ камышахъ,
Камышъ угрюмо гнетъ.
Стоитъ охотникъ въ ивнякахъ,
Убить онъ мишку ждетъ.
— Эй, дядя Мишенька, сюда,
Головку мнѣ сорвать.
Пока я живъ, я радъ всегда
Съ тобою поплясать...
Ай, ай, ай, ай, ай
Съ тобою поплясать.

IV.

Eje višta i paredka!
Eje višta i paredka!
So šilkun sijono,
So kotouto kvartugo!
Jr sotika šiori gaidi!
Jr sotika šiori gaidi!
Klaus to višta: kor eti?
— Kvartugelie kon neši?
— Nešo miltu maišileli,
Jr vorelkas botelkeli.
Jr sopika šioris gaidis,
Jr išbarste maiša miltu,
Jr sokule šnapšes pleški

IV.

Пошла курица на свадьбу,
Пошла курица на свадьбу,
Съ шелковою юбкой,
Въ фартукѣ съ кистями.
Пѣтухъ щипанный на встрѣчу.
Пѣтухъ щипанный на встрѣчу!
«Ты куда идешь», спросилъ онъ,
«Что тамъ въ фартучкѣ несешь ты?»
—«Я несу муки мѣшочекъ
И горѣлочки бутылку».
Пѣтухъ щипанный озлился,
Онъ мѣшокъ муки разсыпалъ,
И разбилъ бутылку шнапсу.

V.

Pažiurek Žemaitike,
Kaip Saulite šoka!
Žemai spire, tonkei mine,
Žemaitis ne mate.
Ož stalele sedžo,
Ont ronkeliu rimau.
Gal matyti ir žinoti,
Kad mone ne mil.
Sedo rimojo, Dievou dekavoju.
Diekui Dievou, ponou Dievou,

V

Посмотри, Жмудинка,
Какъ Шавлянка пляшетъ!
Въ землю бьетъ, часто мнетъ,
А жмудинъ не видѣлъ.
За столомъ сижу я,
Опершись на ручку.
И узнать и видѣть можно,
Что меня не любитъ.
Я сижу въ раздумьи,
Славословлю Бога,
Слава Богу, пану Богу,

Svetius pamylejau!
Pamylejau vakar!
Pamylejau šindin!
Dar mylečo ir rito,
Kad bačka tiletu.
Alaus bačka nebišmana,
Girgždeti pradeje.
Jr giros kobilas bildeti pradeje.
Leido svetius pro kamara:
Girda kas tin šneka.
Ir boniokā, botilokā
Pasiritis plaka.
To išlioje, išvilioje paskotini laša.
Eširelis šapalelis;
Ta skani žovele.
Vo vaikelou kad kas douda,
Jaunoji mergeli.

Я гостей почтила!
И вчера почтила,
И сегодня чтила,
И почтила-бъ завтра,
Кабъ молчала бочка.
Бочка пива глупа,
Воркотню подняла и т. д.

VI.

Sejau rutas, sejau rožes,
Sejau lelÿeles.
Sejau sava jaunas dyinas; (дійнас)
Kaip darži žoleles.
Digst rutele, digst roželes,
Digst ir lelijeles.
Digst ir mona jaunas dyinas;
Kaip darži žoleles.
Aug rutele, aug roželes,
Aug ir lelijeles.
Aug ir mona jaunas dyinas;
Kaip darži žoleles.
Žid rutele, žid roželes,
Žid ir lelijeles
Žid ir mona jaunas dyinas,
Kaip darže žoleles.
Nužid ruta, nužidrožes,
Nužid lelijeles.
Nužid mona jaunas dyinas;
Kaip darže žoleles.

VI.

Руту и розу я сѣяла.
Сѣяла лилію я,
Сѣяла дни свои юные,
Словно цвѣточки въ саду.
Стала расти моя лилія,
Рута и роза мои,
Также и дни мои юные,
Словно цвѣточки въ саду.
Выросла чистая лилія,
Рута и роза мои,
Выросли дни мои юные,
Словно цвѣточки въ саду.
Стала цвѣсти моя лилія,
Рута и роза мои,
Также и дни мои юные,
Словно цвѣточки въ саду.
Вотъ отцвѣла моя лилія,
Рута и роза мои,
Также и дни мои юные,
Словно цвѣточки въ саду.

VII.

Biliunelis poikos,
Biliunelis gražos,
Biliunele žali lapā,
Raudoni židelē.
— O berneli mona!
O jaunasis mona!
Kor idiksva biliuneli,
Svetimo šalele.
O berneli mona!
O jaunasis mona!

VII.

Ты, роскошный мой піонъ,
Мой піонъ прекрасный,
У піона листъ зеленъ,
А цвѣточки красны.
Молодецъ мой, юный мой,
Ты молодчикъ юный!
Гдѣ намъ выростить піонъ
На чужой сторонкѣ.
Молодецъ мой, юный мой,
Ты молодчикъ юный!

Isidiksav biliuneli,
Svirni ant akeliu.
Kas riteli vakareli,
Anan aplaistisav.

Мы взростимъ съ тобой піонъ
На глазахъ въ свѣтлицѣ,
Каждымъ утромъ, вечеркомъ.
Мы съ тобой его польемъ.

VIII.

Gol mergele patorie;
Aš tariau kad vovere.
Aš pasakiau škač [1]), škač, škač!
Ana saka: eikšt to pats!

VIII.

Подъ заборъ легла дѣвица,
Я какъ бѣлочка болталъ.
Я промолвилъ: шкачь, шкачь, шкачь!
А она: пошелъ ты самъ.

IX.

Kokou giriojʼ geguželе;
Verke bedna siratele.
Klaus: ko verki siratele?
Ar ne tori matošeles?
Gol matoše ant linteles,
Verk dokrele pri kojeliu.
—Ak matoše, matošele,
Ar ilga ši naktele?
— Ko bus ilga ši naktele?
Ar ne minksta perinele?
Graba skyidu [2]) poduškele,
Plonos drobes—drobolele.
Grabas mona—dvaras mona,
O doubele—teviškele!
Patruboče—pasekejē.
Karuneles—vyišnes mona.
Zvakes mona panas mona,
Nešejelē—vedlei mona.

IX.

Вонъ кукушечка кукуетъ,
Горько плачетъ сиротинка,
Что ты плачешь, сиротинка?
Развѣ мать твоя скончалась?
— Мать лежитъ уже на доскахъ,
Плачетъ доченька у ножекъ.
— Ахъ, ты матушка родная,
Что, долга-ли эта ночка?
— Почему долга мнѣ будетъ,
Вѣдь мягка моя перинка;
Изъ гробовыхъ щепъ—подушка,
Полотяная простынка,
Дворъ мой—это гробъ мой тѣсный,
Моя родина могила,
Поѣзжане—трубачи(?)
Мои гостьюшки—хоругви
Мои свѣчи—мои паны,
А носильщики—то сваты.

* *
*

От Пляциды Элингъ.

X.

Balts balandelis po sodna lakioje;
Jauns jaunikaitis priso manes atjoje.
Nedeles dyina, par cela adina
Poule ant žemes nebgyva buvos».
— Oi sesi sesi, sesereli mana.
Ne buk nuliudusi del sveta marnasti!
Sveta marnastis, vis tai mon už neka,
Darži rutelei tatai mon pateka.
Keik yra mediu ant šaku lapeliu;
Tyik yr po sveta vargdeiniu mergeliu.

X.

Бѣлый голубчикъ по саду леталъ,
Юный молодчикъ ко мнѣ прискакалъ.
Въ день воскресенья онъ наземь упалъ,
Словно умершій, онъ часъ пролежалъ.
О ты, сестрица, сестрица моя,
Ты не горюй о мірской суетѣ.
Суетность міра, ея я не чту.
Все наслажденіе—рута въ саду.
Сколько листочковъ на вѣткахъ деревъ,
Столько на свѣтѣ несчастнѣйшихъ дѣвъ.

---

[1]) Крикъ, которымъ отгоняютъ кошекъ.

[2]) Skyida-skiedra.

XI. Sirata.

Kukuj girio geguželi;
Verk ir bedna sirateli.
Ne verk bedna sirateli;
Nebatverksi ma·ušelis.
Kukuj girio geguželi;
Be ne mana matušeli?
Nu kukavima, nu lingavima,
Rodos mana matušeli,
Nu raibu plunksneliu,
Rodos gyrio geguželi.
Kad žinočio ton kalvele,
Kur gul mana matušeli,
Aš nueitčo, aš abyigdio.
aleis rutais, baltoms lelijeliums.
Trinktereto su kojeli,
Aš atversto velenele.
Zadinto, bodinto, matušele mana.
Kelk, kelk matušeli!
Jššokovkai man kaseles!
Matušele atlipdama,
Po žemele guledama:
— Tegul šukuj pamotele tava kaseles!
— Pamotele chitra širdele;
Draska man galvele.
Pamotele raganale muše peši;
Plaukus draski, par vainele duona dave.
Kukuj girioj geguželi;
Verk ir bedna siratele.

XI. Сирота.

Въ лѣсу кукушечка кукуетъ,
Сиротка бѣдная тоскуетъ;
Не плачь, сиротка, не воротишь:
Скончалась матушка твоя;
Въ лѣсу кукушечка кукуетъ,
Ахъ то не матушка-ль моя?
По кукованію, по крику
Какъ будто матушка моя,
По пестрымъ перышкамъ судя,
Какъ будто изъ лѣсу кукушка.
Кабы знала я могилку,
Гдѣ лежитъ моя родная,
Я пришла бы, обсадила
Лиліей, зеленой рутой;
Постучала бы я ножкой,
Оторвала-бъ дернъ зеленый,
Разбудила-бъ, закричала-бъ:
Ахъ, вставай моя родная!
Причеши мнѣ косы вставши.
Но въ землѣ холодной лежа,
Отказала мать родная:
Пусть ужъ мачиха причешетъ.—
Хитро мачихино сердце;
Только рветъ она головку,
Вѣдьма-мачиха сердита:
Рветъ и щиплетъ.
Драла волосы, насильно
Хлѣбца дала.
Въ лѣсу кукушечка кукуетъ,
Сиротка бѣдная тоскуетъ.

XII.

Kelk, kelk dokrele!
Kelk, kelk jaunoje!
Ar dar ne išmigoje?
Sena matuši ji neveryje.
Jauna mergele nebgyva guleje;
Kad i graba deje,
Tatošis matoši raudoti pradeje;
Kad i brika deje,
Brika linga, žirgai žvinga.
Gemene raudoje;
Kad nuveži pas bažniče,
Varpai sudzvanyje;
Jr išeje kunigelis, vargamistra,
Mones apgidote.
Kad ineši i bažniče,
Šešes žvakes dege.
Kad nuneši i kapelius,
J doubele deje, smelteliu bere:

XII.

Доченька, вставай,
Юная, вставай!
Иль не высыпалась?
Матьвей не вѣритъ.
Юная дѣва не жива лежала,
Въ гробъ ее клали.
Горько заплакали батюшка съ матушкой,
Клали въ телѣгу.
Кони заржали, телѣга качалась,
Плакали близкіе.
Вотъ привезли ее къ церкви, и въ колоколъ
Вотъ зазвонили.
Ксендзъ, органистъ теперь вышли,
Мессу служитъ.
Какъ принесли ее въ церковь, шесть свѣчекъ

Visi gentis ir sosedai po saujele,
Vo tetošis ir matoše alpa verke,
Pas doubele stovedama.
— Nabužilga trumpa česa
Jr jus če sugrinšet.

Возлѣ зажгли.
Вотъ принесли и на кладбище,
Клали въ могилу, пескомъ посыпали.
Всѣ то родные, сосѣди погорсточкѣ
Батюшка съ матушкой плакать
устали,
Ставъ у могилы.
—Всѣ чрезъ короткое время
Къ намъ вы воротитесь.

XIII.

Bajorā.

Вар. Bezzenberger Lit. Forsch. Götting. 1882. № 1. (гдѣ указаны другіе варіанты). прим. перев. Visi bajorā žergus balnoje,
J vaina joje.
Eikem seseles i augšta svirna,
J augšta svirna, broli redite.
Viena seseli broleli redı.
Antra seseli žirgeli ševeiti,
Vo ši tretioje visomažoje,
Vartus atveri ir palideje.
— Oi broti, broti, broteli mana;
Ar tu pavisi raitu polkele?
— Vite pavisiu ginte paginsio;
Dievas tik žena arba sogrinšiu.
Eikem sesele i veiškeleli;
Ar nasolavksma sava broleli?
Kad mes stovejem kalne doubele;
Mes nurimojem augšta torele.
Parbeg žergelis par poskelele;
Auksa kelpeles svirov šaleles.
Parneš mondure auksa gozekeleis,
Balta grometele kraujo parašita.
Oi žergi, žergi, tu joudbereli;
Kor tu padejē musa broleli?
— Aš ji palikau Ringos mestelоj.
Ringos mestеloj svetio šalelej.
Užvajavoje Ringos mesteli,
Jr iškapoje dedi vaiskeli.
Devines mares plaukte isplaukiau,
O ši dešimta nerti parneriau,
Devines kolkas prošali leki;
O ši dešimta broleli kerta.
Kor galva krita, rožes išdiga.
Kur kraujei triška, žemčiui blizga.

XIII.

Всѣ дворяне коней осѣдлали,
На войну поѣхали.
Пойдемъ, сестрица, въ высокую свѣт-
лицу,
Въ высокую свѣтлицу собирать брат-
ца.
Одна сестрица собираетъ братца,
Другая сестрица конька чиститъ,
А та третья, самая младшая,
Ворота отворяетъ и провожаетъ.
— Ахъ, братецъ, братецъ, братецъ
мой,
Иль ты завянешь въ полку конни-
ковъ?
— Завять завяну, защитить защищу,
Только, Богъ знаетъ, вернусь-ли?
Пойдемъ, сестрица, на большую дорогу,
Недождемся-ли своего братца?
Когда мы стояли на холмѣ въ лощинѣ,
Мы опирались на высокій заборъ;
Прибѣгаетъ конь на полъ-дороги,
Золотыя стремена висятъ по бокамъ.
Онъ приноситъ мундиръ съ золотыми
пуговицами;
Бѣлое письмо кровью написано.
Конь ты, конь чернобурый,
Куда ты дѣвалъ нашего братца?
— Я оставилъ его въ городѣ Ригѣ,
Въ городѣ Ригѣ, на чужой сторонкѣ.
Завоевали городъ Ригу
И выстроили большое войско.
Девять морей я вплавь переплылъ,
А то десятое ныркомъ пронырялъ.
Девять пуль въ сторонѣ пролетѣло
А та десятая въ братца попала.
Гдѣ голова упала, розы выросли;
Гдѣ кровь брызнула, жемчуга горятъ.

XIV.

Tris dokreles.

Подобная пѣсня находится въ «Polangos Juze» епискона Волончевскаго примѣч. перев.

Послѣ каждой строки: sulc rule.

Angstyi rita, riteli kelaj senas tevelis.
Jr išeje i dervele aveteliu set.
Jr paseje tus javelius vardo aveteleis.
Jr pajauga aveteles žaleis lapeleis.
Jr isirpa aveteles raudonoms ougelioms:
Jr išietris paneles tu ongeliu rinkt.
Jr atjoje tris bernelei tu paneliu imt.
Sveikas linksmas paniulaites, mes tamstas permyje.
Jei uš mumis netekesit, geresniu negauset.
Vyina buva trumpa drukta,
Antra buva augšta, kleina,
O trečiojc joudakele.
Trumpa drukta—už mužika.
Augšta, kleina už bajora.
Joudakele—už cigona.
Pri možeka—daug darbeliu,
Pri bajora—jouda douna.
Pri cigona—daug makaru [1]).

Рано утречкомъ, угромъ вставши, батюшка старый
Вышелъ въ поле-пашню на посѣвъ малины.
И посѣялъ онъ тѣ злаки именемъ малину,
И повыросла малина та листомъ зеленымъ,
И обсыпалась (?) малина ягодой румяной.
И три барышни на поле брать малину вышли,
И три молодца явились барышень похитить.
Какъ вы барышня живете? Мы явились раньше
Коль не выйдете за насъ вы, лучшихъ не достать вамъ.
Коротка, толста одна,
Высока, тоща другая,
Ну, а третья черноглазка.
Мужику толстушка эта,
Дворянину—что повыше,
Черноглазка за цыгана.
У крестьянина работа,
Черный хлѣбъ у дворянина,
У цыгана—много палокъ

XV.

Melenasis balandeli, kame tu lakioje?
Geltonasis karoseli, kame tu skraioje?
Melenasis balandelis,—po žales gereles.
Geltonasis karoselis,—po juras mareles.
Kas turesai auksa strelba,—tas mani nušausai.
Kas turesai šilku tinkla,—ta moni sugausai.
Ponas tori auksa strelba, — tas moni nušausai.
Poni turi šilku tinkla,—ta moni sugausai.

XV.

Сивый голубочекъ, гдѣ ты все леталъ;
Желтенькій карасикъ, гдѣ ты все нырялъ?
Сивый голубочекъ по лѣсамъ зеленымъ,
Желтенькій карасикъ въ морѣ океанѣ.
У кого ружье златое, тотъ меня застрѣлитъ,
У кого есть сѣть изъ шелку, тотъ меня изловитъ.
Панъ несетъ ружье златое, онъ меня застрѣлитъ.
Есть у паны сѣть изъ шелку, та меня изловитъ.

---

[1]) *Макара* (по Куршату) «большая палка, которую носятъ предводители шаекъ контрабандистовъ.»

XVI.

(Повтореніе уже помѣщенной). прим. перев.

Sejau rutus, sejau rožes, sejau lelijeles.
Sejau sava jaunvas deinas, kaip darže žolelis.
Jšdigst rutai, išdigst rožes, išdigst lelijeles.
Jšdigst mana jaunas dejnas, kaip darže žoleles.
Pajaug rutaj, pajaug rožes, pajaug lelijeles.
Pajaug mana jaunas deinas, kaip darže žoleles.
Pražid rutai, pražid rožes, pražid lelijeles.
Pražid mana jaunas deinas, kaip darže žoleles
Židai rutai, židai rožes, židai lelejeles,
Židai mana jaunas deinas, kaip darže žoleles.
Nužid rutai, nužid rožes, nužo lelijeles.
Nužid mano javnas deinas, kaip darže žoleles,
Vistai rutai, rožes vistai lelyjeles.
Vistai mana jaunas deinas, kaip darže žoleles.
Džunai rutai, džunai rožes džunai lelijeles.
Džunai mana jaunas dyinas, kaip darže žoleles.
Ataug rutai, ataug rožes, ataug lelijeles.
Nebaug mana'jaunas dyinas, kaip darže žolelis.

XVII.

— O kas ten subildeje,
Nu užuilina trinktereje?
— Kuisis nabags paslida,
Žemin galvioj nuslida,
Nuslida, nuslida!
Nu šakos užulina,
Paluža šonkaulina.
Du šonkauliu paluža.
Do danteliu išluža.
Isluža, ižluža!
Begk, begk greitā musele;
Rasi smerte pusele;
Is vos gyvas alpuluv,
Akis smerti raibolov!
Raibolov, raibolov!
Neverk bedna museli,
Nebjoukuivsi vargusi.
Vedoms joukai i šali i šali!
Neverk bedna moseli,
Ves' paimsi po mones.
Šius ilgusius ragus,
Šmarke nose ir nagus.
Ir nagus ir nagus!
Dar dou svaro lašiniu,
Dvi užkula reisteniu.
Kumpius reibius džiovisi,
O mesele maitinsis.
Maitinsis, maitinsis!

XVII.

Что это тамъ зашумѣло,
Со стукомъ съ дуба свалилось?
Бѣдный комаръ поскользнулся,
Въ землю головой уткнулся,
Уткнулся, уткнулся!
Съ вѣтки дубовой (онъ свалился),
Ребро сломалъ.
Два ребра сломалъ,
Два зубка вышибъ.
Вышибъ, вышибъ!
Бѣги, бѣги, мушка, поскорѣе,
Найдешь въ полусмерти;
Еле-живой онъ лежитъ уже безъ чувствъ.
Глаза смертью помутились.
Помутились, помутились!
Не плачь, бѣдная мушка,
Будучи въ горѣ, ты не будешь больше шутить.
Извѣстно, шутки въ сторону, въ сторону!
Не плачь, бѣдная мушка,
Все получишь послѣ меня;
Эти длинные рога,
Страшный хоботъ (носъ) и когти.
И когти, и когти!
Еще два фунта сала,
Двѣ . . . ? . . . ножки,

Dar po veina išgersma,
Ir taureles apversma,
Amžina atelsi—koiseloi,
Tam vargšeloi – atelsi.
Atelsi, atelsi!

* *
*

Отъ Уршули Ауженисовой.
(Aužilene Uršule).

Жирные окорока высушишь,
А мясо скормишь.
Скормишь, скормишь!
Выпьемъ еще по одной,
И рюмки опрокинемъ.
Вѣчный покой комарику,
Этому бѣдняжкѣ-покой.
Покой, покой!

XVIII.

Vasaras vidore
Zid daug žoleliu
Ir kvepontiu kvetkeliu
Oi, kas anun židejims,
Ir kas anun kvepejims,
Tun žoleliu pyivo.
Eidams jaunikaitis so dalgiu;
Pakirsdams žoleli.
O kas anu sovitims!
Jr kas anu sodžiuvims,
Tun kvetkeliu kvepontiun.
O mergeles, o jaunoses,
Jeigo buset geros mados,
Neks neatims jusu cnatas,
Ne panistes stona.

XVIII.

Въ серединѣ лѣта
Цвѣтетъ много растеній
И душистыхъ цвѣтовъ.
О, что за расцвѣтъ,
Что за благоуханіе
Этихъ растеній на лугу!
Приходитъ юноша съ косою,
Срѣзаетъ растеніе.
О, что за увяданіе,
Что за гибель ихъ,
Этихъ душистыхъ цвѣтовъ.
О юныя дѣвушки,
Если вы будете хорошаго нрава,
Никто не отниметь ни вашей добродѣтели,
Ни состоянія дѣвственности.

XIX.

— Mergele mona jaunoje,
Kor goli tomsi nakteli?
— Augštami naujemi svirnele,
Matošes balto lovele.
— Ar gali moni jauna pažinti,
Ir so savim draugi nakvinti?
— Negalo tamstas prijimti,
Toro raktelius skombo
Ir doreles girgždontens! tius,
— Mergele mona jaunoje,
Aš tavi jauna mokiso.
Pakelk doreles nebgirgždes,
Sojimk raktelius—nebskambes!
— Stumso vaikeli itorma,
Meso keporeli i porva!
— Mergele mona jaunoje,
Pagailek mona menkos jaunistes!
Leidau berneli iš torma,
Jemiau keporeli iš purva.
Eit bernelis iš torma;
Kel keporeli iš porva.

XIX

Слушай, юная дѣвица,
Гдѣ лежишь ты темной ночью?
Въ новой горницѣ высокой,
Въ бѣлой мамниной постели.
Можешь ты меня узнать,
Со мной вмѣстѣ ночевать?
— Нѣтъ: принять я не могу васъ,
У меня ключи звенятъ,
Двери всѣ у насъ скрипятъ.
— Слушай, юная дѣвица,
Научить тебя могу я.
Ключь сними—не зазвенитъ,
Дверь поднять, не заскрипитъ.
— Парня я въ тюрьму толкну,
Шапку въ грязь я брошу.
— Слушай, юная дѣвица,
Пожалѣй мою ты юность.
Изъ тюрьмы пустила парня,
Шапку я взяла изъ грязи.
Изъ тюрьмы вотъ онъ идетъ.
Шапку изъ грязи беретъ.

XX.

Eit bernelis par mesta,
Ronkeles laužidams,
Ašaras šloustidams.
Eje, eje ir kalbeje.
— Kor mona jaunoje?
Ejau vakər, ejau šindin,
Neka napamatiau.
O mergele ta gerele,
Zirgus begirdonti.
Kad nuejau,
Kad pamatiau,
Širdis atsigava.
O nuejis o pamatis,
Kou neapslabnejau.

XX.

Идетъ парень черезъ городъ.
Рученьки ломая,
Слезы вытирая.
Шелъ онъ, шелъ, проговорилъ:
— Гдѣ теперь моя молодка?
Шелъ вчера я, шелъ сегодня,
Никого не видѣлъ.
А дѣвица та въ лѣсочкѣ,
И лошадокъ поитъ.
Какъ пришелъ я, какъ увидѣлъ,
Сердце вновь забилось;
Какъ я чувствъ-то не лишился,
Какъ ее увидѣлъ?

XXI.

Piršli šelmi malagi
Piršdams geras vyitas,
Sake kalni rogelē
O pakalne purelē
Radau kalni smilgelius,
O pakalne dirseles.
Sake: mura dvarelis,
So krikštola longelēs.
Kad aš jauna nuejau,
Neka gera neradau.
Piršli šelmi malagi,
Aš tau douso dovenas:
Nu pošeles stoumini,
Nu beržele apkakli.

XXI.

Сватъ, шельма, лгунъ,
Въ хорошія мѣста высваталъ:
Говорилъ: на горѣ рожь,
А подъ горою пшеница.
На горѣ я нашла метелку,
А подъ горою репейникъ.
Говорилъ: каменная усадьба,
Хрустальныя окна.
Какъ пришла я, юная,
Ничего хорошаго не нашла.
Сватъ, шельма, лгунъ,
Дамъ тебѣ подарочки:
Стволикъ сосенки,
Да березовый галстучекъ.

XXII.

Vyina rita onksti,
Boba atsikele.
Stojos pas vartu,
Galva kasineje.
Sotika ji dede,
Kor ons pasirede?
Ont kopustu viršu
Šarkus pasideje.
Eje žids kalbedams,
Poterius mormedams.
Jr pamate seni:
Pasake: ko steni!

XXII.

Однажды рано утромъ
Поднялась баба,
Стала около воротъ,
Чесала въ головѣ.
Встрѣтила она дядю:
Гдѣ онъ нарядился?
На верху капусты
Онъ одѣлъ одежду.
Идетъ жидъ, болтая,
Бормоча молитву;
И увидѣли его старики,
Сказали: «что ты стонешь»?

XXIII.

Kor ta yra?
Kor ta bova?
Kor ta pasideje?
Kor aš matiau,

XXIII.

Гдѣ это есть?
Гдѣ это было?
Куда дѣвалось?
Гдѣ я видѣла

Jr pažinau,
Ožpernikšti meta?
Saka žmones, kad toreje
Lig pooontra šimta.
Tun baltuju,
Jr jouduju,
Uisoke gatunka.
Ejau aš par laukus.
Soveliau sau plaukus.
Kad anon bin šou atimtum,
Ož ton mona varga.
Kad aš jos nematiau,
Kad aš nepažinau!
Jšveliau sau plaukus;
Tada išpažinau,
Kad nera verta
Mergoms osidouti,
Jr ju pažinti.

И узнала
Въ запрошломъ году?
Говорятъ люди, что у него было
До полутораста
Тѣхъ бѣлыхъ
И черныхъ
Всякаго рода.
Пошла я по лугамъ.
Спутала себѣ волосы
Пусть его песъ возметъ
За это мое горе.
Кабы я его не видала,
Кабы я его не узнала!
Распутала (išveliau) себѣ волосы;
Тогда только узнала,
Что не слѣдуетъ
Дѣвушкамъ отдаваться (užsiduti)
И узнавать ихъ.

XXIV.

Gyid bernelis «aleluja»:
Merga viskon išvilioje.
Kar reik dingti,
Kor reik šokti,
Nebtorio kon
Besogolti.
Ejau par kruma [1]),
Ejau par koitina.
Sotikau mergeli,
Sotikau mergeli,
Žoleles renkonti.
— Ekš to mergele.
Ekš to jaunoje!
Aš tau padeso,
Žoleles rinkti.
— Pakol gyva buso.
Aš nebosidesio
So jaunās vaikelēs.

XXIV.

Поетъ молодецъ «алилуя»!
Дѣвушка все выманила
Гдѣ мнѣ быть,
Гдѣ плясать,
Не съ кѣмъ
Спать.
Пошелъ черезъ кустарникъ
Пошелъ по ельнику;
Встрѣтилъ дѣвушку,
Собирающую травы.
— Поди сюда, дѣвушка,
Поди сюда, юная!
Я тебѣ помогу
Собирать травы.
— Пока жива буду,
Не стану противиться
Молодымъ парнямъ.

Примѣчанія переводчика къ пѣснямъ. Напечатанныя здѣсь пѣсни интересны главнымъ образомъ, какъ образчики говора. По содержанію же это или варіанты къ пѣснямъ, распространеннымъ по всей Литвѣ и Жмуди, или пѣсни несомнѣнно духовнаго происхожденія, или наконецъ пѣсни, спеціально мѣстныя, именно принадлежащія жителямъ уѣзда Тельшевскаго, окрестностей Полангена и извѣстныхъ частей земли Латышей. Къ первой группѣ нужно причислить слѣдующіе номера: I (Варіанты: къ ст. 1—16—Juškevič Liet. dain. № 720, 1—5, къ ст. 16—31—Bezzenberger Lit. Forsch. № 67; ср. также Bezzenberger № 43 и Juškevič Liet. dain. № 485), II. (запѣвъ: стр. 1—4 очень обыченъ, ср. напр. Leskien. изд. 1882 г. № 59, Juškevič Svodb. dain. № 59 и 1027), VI (Варіанты общеизвѣстны), VII (Варіанты къ запѣву у Juškevič Svodb. dain. № 152, 205, 208), IX (Почти полное сходство съ Juškevič Liet.

[1]) koitinas-kuitinai—еловый лѣсъ.

dain. № 1541), XII. (Вар.: Bezzenberger ibd. № 5. Juškevič Liet. dain. № 5). XIII. (Вар.: Bezzenberger ibd. № 1), XV. Вар.: Juškevič Svodb. dain. № 471, 495), ко второй X, XVIII. (Варіантъ у Волончевскаго Palangos Juze. Wilnuje 1864 (контрф.), стр. 81), наконецъ къ третьей группѣ нужно причислить XI (Почти тожественные варіанты у Трейланда. Сборникъ антропологическихъ статей..., издаваемый В. А. Дашковымъ. Книга II. Москва 1873. №№ 881, 968, 969), XIV. (Любопытна исторія этой пѣсни: Довкоитъ приводитъ въ соч. «Buda Senowęs-Lëtuwiû Kalnienû ir Zámajtiû» СПБ. 1845 на стр. 33 пословицу—съ ссылкой на Lepner Preuss. Litauer. Danzig 1690—ilgs tijws merginiks trumps drukts darbiniks; затѣмъ подобная пѣсня у Волончевскаго ibd. стр. 19, наконецъ у Трейланда ibd. № 649). Остальныя пѣсни я отнесъ бы также къ первой группѣ, хотя указать ихъ непосредственныхъ варіантовъ теперь не могу.

Пѣсни записаны отъ двухъ женщинъ, изъ которыхъ Элингъ, по сообщенію собирателя, происходитъ изъ Кретингена и только живетъ въ Полангенѣ (сколько лѣтъ, не указано, хотя въ виду ея смѣшаннаго нарѣчія это было бы очень важно). Ниже даю обзоръ языка обѣихъ пѣвицъ:

A u ž i l e n e u r š u l e:—9, 18—24.

Лит. *ů*—здѣсь *ou*: vingoudama, lingoudama 1,18-19, douda 5,26;

Лит. *ie*—здѣсь *yj*: vyjna 2,6. 1,4. dyjnas. 6,3 [1]).

Лит. *u*—то *u*, то *o*; вотъ всѣ случаи, гдѣ *u* изображено черезъ *o*: eiso, 1,4. pagoldik 1,6. goldiau. 1,9. opele 1,17. kor. 1,26. pakavoso 1,26. osileida 2,2. matošele 2,3. išeiso 2,5. imso 2,6. strelčelios 3,2. ož 3,3. 5,5. soimk 3,6. so savimi 3,8. šokso 3,8. boniukā 5,21. botiliokā 5,21. leido 5,11. mylečo 5,14.sodo rimojo 5,9. paskotini 5,23. žovele 5,25. so 4,3-4. sijono 4,3, kotouto 4,4, kvartugo 4,4. sotika 4,5. šiori 4,5 11. sopika 4,11. sokule 4,13. sedžo 5,5. poikos 7,1. gražos 7,2. kor 7,7. 19,2. gol 8,1. kokou 9,1. tori 9,4. matoše 9,5. dokrele 9,6. drobolele 9,12. vidore 18,1. so 18,7. jejgo 18,13. negalo 19,7. toro 19,8. doreles 19,9. stumso 19,14. torma 19,14. porva 19,15. mokiso 19,11. keporeli 19,15. rogelē 21,3. pošeles 21,13. mormedams 22,10. bova 23,2. ožpernikšti 23,6. toreje 23,7. po ontra 23,8. nebtorio 24,5. besogolti 24,6. koitina 24,8.

Лит. *i*=иногда *e*: buset 18,13. jaunoje 19,1. gerele 20,8. Конечное *e* близко къ *i*; вотъ всѣ случаи, гдѣ видна замѣна одного другимъ: Voc. Sing. vainiki 1,25. Acc. Sing. galveli 3,6. mergeli 5,27. botelkeli 4,10. pleški 4,13. skrineli 1,27. žoleli 18,8. nakteli 19,2. (ср. латышс. Nom. zāle-Acc. zāli), Voc. Sing. panoteli 1,7 (но siratele 9,3. matošele 2,3, Loc. Sing. darži 6,4. svirni 7,12. draugi 19,6. kalni 21,3 (но pakalne), augštami naujemi 19,3 (ср. Bezzenberger. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache. Göttingen. 1877, стр. 133 и 150); *i* вм. *ę*: nuejis, pamatis 20,13, наконецъ *i* вм. *e*: tin 5,20. bin 23,14. šindin 5,13.

E открытое, какъ *a*: malagi 21,1. ta 1,14. Отсутствіе јотаціи въ Nom. Plur. lapā 7,3. židelē 7,4. patrubočē 9,15. pasekejē 9,15. nešejetē 9,18 (но vedlej), въ Instr. Plur. longelēs 21,8. jaunās vaikelēs 24,18, въ нарѣчіяхъ ilgā 1,7; въ мѣстоименіи tai: tā 23,1-2; въ глаголѣ eiti: ekš 1,7 (eikš 3,5), eti 4,7.

Лит. *an*=здѣсь *on*, иногда *an*: ongsti 1,1. Ondinele 1,3. ont. 1,16 (но 7,12. 9,5. ant), lonkstidama 3,2. tomsi 19,2. anon 23,14 (но 7,14: anan). skombontius 19,8 (но nebskambes 19,13), ton 23,15. viskon 24,2. mona 6,7. moni (acc.) 2,3. mon (dat.) 3,6. kon 4,8.

Лит. *ja*=*je*: naujemi 19,3.

Отсутствіе смягченія *t* и *d*: goldiau 1,9. statiau 1,10, и въ окончаніи *siu*=so,—*iu*=o.

V выпадаетъ въ словѣ patorie (patvorie) 8,1, въ началѣ слова ставится передъ гласной: vo 5,26. vorelkas 4,10, въ исходѣ переходитъ въ *u*: stou 3,3. aplaistisau 2,13 (но aplaistisav 7,14).

[1]) Dievas 5,9 вліяніе книжное.

Io=*e*: brolele 1,$_{20}$, eje 4,$_{1}$.

Ko и *kou* (=kū̊ 9,$_{9}$. 20,$_{34}$.

Нужно отмѣтить jотацію въ словѣ: nebtolyj 2,$_{1}$, *a* въ словѣ kaip*a* 2,$_{8}$.

Изъ морфологическихъ особенностей нужно указать:

Gen. Sing. ā—основъ, обыкновенно, имѣетъ окончаніе:—*as*, но *os* въ geros mados 18,$_{13}$. jos 23,$_{16}$. Dat. Sing. *O*—основъ=*ou* (=*ů*): bernelou 1,$_{11}$. vaikelou 5,$_{26}$. ponou 5,$_{10}$. Dievou 5,$_{9}$. savyj 2,$_{11}$. Acc. Sing. сохраняетъ назализацію въ anon 23,$_{14}$. ton 23,$_{15}$. viskon 24,$_{2}$ и др., to (acc. fem.) 4,$_{7}$.—ср. латыш. to, tavai 1,$_{26}$.

Gen. Plur. то сохраняетъ назализацію, то нѣтъ: anun 18,$_{4-5}$. (anu ibd. 9—10), tun 18,$_{6}$. kverontiun. 18,$_{11}$, но žoleliu и пр.

Спряженіе. Dual. Fut. idiksva 7,$_{7}$. но isidiksav 7,$_{11}$, aplaistisau 2,$_{13}$. 7,$_{14}$.

Отсутствіе окончанія въ 3 лицѣ Praes. kokou. 9,$_{1}$. gyid 24,$_{1}$.

Пляцида Элингъ.

Лит. *ů*=здѣсь *ou*: doubele 12,$_{18}$, которое иногда переходитъ въ *ov*: iššokovkai 11,$_{19}$, также=*u* šukuj 11,$_{22}$, *uv*: alpuluv 17,$_{13}$, *uiv*: nebjoukuivsi 17,$_{17}$, *ov*: raibolov 17,$_{14}$ и даже *uo*: duona 11,$_{26}$, наконецъ *ui*: užuilina 17,$_{2}$ (но užulina 17,$_{6}$).

Лит. *ie*=здѣсь *ei*: veiškeleli 13,$_{14}$. deinas 16,$_{2}$. veina 17,$_{29}$. reisteniu 17,$_{25}$. keik 10,$_{9}$. vergdeiniu 10,$_{10}$, также *yj*: abdyigčio 11,$_{13}$. dyinas 16,$_{16}$. vyina 14,$_{10}$. tyik 10,$_{10}$. dyina 10,$_{3}$, Лит. *i*: atlipdama 11,$_{20}$ išmigoje 12,$_{3}$. permije 14,$_{8}$ и *ie*: viena 13,$_{5}$. Dievas 13,$_{15}$.

Лит. *u*=здѣсь то *u*, то *o*; вотъ случаи съ *o*: žinočio 11,$_{11}$. nuejtčo, abdyjgčio 11,$_{13}$. trinktereto 11,$_{15}$. atversto 11,$_{16}$. žadinto 11,$_{16}$. bodinto 11,$_{17}$. dokrele 12,$_{1}$. tatošis, matoši 12,$_{7}$. 12,$_{20}$. sosedai 12,$_{19}$. visomažoje 13,$_{7}$. kolkas 13,$_{29}$. kor 13,$_{22}$ (но kur 13,$_{32}$), kraujo 13,$_{20}$. poskelele 13,$_{17}$. paginsio 13,$_{11}$. sogrinšiu 13,$_{12}$. tori 15,$_{7}$ (но turi 15,$_{8}$). moseli 17,$_{19}$. 17,$_{16}$. koiseloi (dat.) 17,$_{31}$. vargšeloi 17,$_{32}$.

Смѣшеніе *i* и *e* въ неударенныхъ слогахъ: *Nom.* matuši 12,$_{4}$. matoši 12,$_{7}$. gemene 12,$_{10}$. sesi 10,$_{5}$. seseli 13,$_{5}$. geguželi 11,$_{1}$. sirateli 11,$_{2}$. *Voc.* moseli 17,$_{19}$. museli 17,$_{16}$. matušeli 11,$_{8}$. *Acc.* poskelele 13,$_{17}$. kalvele 11,$_{1}$, torele 13,$_{16}$. doubele 12,$_{18}$, matušele 11,$_{17}$. *Gen.* matušelis 11,$_{1}$. *Instr.* kojeli 11,$_{15}$. *Loc.* darže 16,$_{2}$. darži 10,$_{8}$. *Acc. Plur.* žolelis 16,$_{2}$ (žoleles ibd.). Окончанія 3 л. прошедш. времени: peši 11,$_{25}$. draski 11,$_{26}$. nuveži 12,$_{11}$. ineši 12,$_{15}$. nuneši 12,$_{17}$. atveri 13,$_{1}$. leki 13,$_{29}$. Наконецъ Loc. Plur. vargusi 17,$_{17}$. Обратная замѣна: gemene 12,$_{80}$. jaunoje 12,$_{2}$. apgidote 12,$_{14}$. smelteliu 12,$_{18}$. bere 12,$_{18}$. sugrinšet 12,$_{23}$. žergus 13,$_{1}$. visomažoje 13,$_{7}$. redite 13,$_{4}$. vite 13,$_{11}$. negauset (но netekesit) 14,$_{9}$. možeka 14,$_{16}$ (но mužika 14,$_{13}$). kerta 13,$_{30}$. dedi 13,$_{26}$. žergi (voc) 13,$_{21}$. žergelis 13,$_{17}$. melenasis 15,$_{1}$. nose (Acc.) 17,$_{22}$. atelsi 17,$_{32}$.

Ja=e žales 15,$_{3}$.

E открытое, какъ *a*: na 13,$_{14}$. tatošis 12,$_{7}$. (tetošis 12,$_{20}$). Отсутствіе jотаціи 2 л. прошедш.: врем.: padejē 13,$_{22}$. lakiojē, skrajojē 15,$_{2}$; нарѣчіе: greitā 17,$_{11}$. Дифтонгъ *au*: *auv*: jauvnas 16,$_{2}$. *av*: Solavksma 13,$_{14}$

An=здѣсь *on* и *an*: mon 10,$_{8}$. man 11,$_{24}$. ton 11,$_{11}$. mani 15,$_{5}$. moni 15,$_{6}$. mones 17,$_{20}$.

V выпадаетъ въ torele (tvorele) 13,$_{16}$; неорганическое въ словѣ *vo* 12,$_{20}$.

Морфологія Loc. Sing. smerte 17,$_{12}$. galvioj 17,$_{4}$. šalelej 13,$_{24}$. mesteloj 13,$_{23}$.

Instr. Plur. lelijeliums 11,$_{14}$.

Надо указать формы съ приставнымъ слогомъ *ai*: turesai 15,$_{5}$. nušausai 15,$_{5}$. židai 16,$_{9}$. vistai, džunai.

Слово *два*=*du* встрѣчается въ слѣдующихъ формахъ:—du 17,$_{8}$. do 17,$_{9}$. dou (=du) 17,$_{21}$.

Пѣсни переведены всѣ, кромѣ XVI и конца пятой, лишеннаго всякаго смысла.

А. Погодинъ.

Загадки корелъ Олонецкой губ.

Представляемыя мною загадки собраны преимущественно въ Святозерѣ, Пряжѣ, Сямозерѣ, Вешкелицахъ и Салменицахъ Петрозаводскаго уѣзда, и расположены онѣ въ томъ порядкѣ, въ какомъ собраны. Текстъ ихъ переданъ на двухъ языкахъ—на корельскомъ и русскомъ. Текстъ корельскій написанъ русскими буквами, и только для изображенія звуковъ, для которыхъ нѣтъ соотвѣтствующихъ буквъ въ русской азбукѣ, я прибѣгнулъ къ особымъ знакамъ: звукъ, средній между русскими «у» и «ю», я изображаю ў, средній между «а» и «я»,—ӓ, средній между «о» и «ё»—ӧ; придыханіе, среднее между г и х—изображаю черезъ һ. Всѣ же остальные звуки изображены русскими буквами.

1. Ми пертилэ селлинъ?—кирвезъ.
2. Ми пертилэ эзинъ?—ȯбразъ.
3. Ми пертизъ нӓгемӓтӧй?—лямию.
4. Сада сарвинэ, туһа юврииэ, минъ панэдъ, кай юовъ.—Кюлю-пячми.
5. Иштувъ акку пертизъ, каксъ бийбойдъ суузъ.—Орзи-пачасъ.
6. Ламмаһадъ айязъ, һяннӓдъ ипалъ.—Лузикадъ.
7. Какси мустуа вастай.—Лаги и лате.
8. Сада салдататъ ўхтэлъ піелуксэлъ муатаһъ.—Лаги.
9. Луйкой, лайкой лууһизенъ мечянъ-така.—Кіели.
10. Валгей һево айянъ така.—Лумикибозъ
11. Руби-кажа айялъ.—Тайвазъ.
12. Пиккарайнэ, пюӧрюзяйнэ, кайкелэ муалэ армазъ.—Денгу.
13. Онъ минулъ оршой, минъ панэдъ кай каннавъ.—Стȯла.
14. Кичеряйнэ, кячеряйнэ, кай кядэдъ каччовъ.—Кіягю.
15. Педру сэйзовъ, ялгадъ муаһъ эй тӓвдўтӓ (коскеда).—Кяткюдъ.
16. Почийне пюӧрўвъ, вачайнэ тӓвзъ тайну.
17. Рускей суккутайгиназъ.—Вуассу.
18. Ліечувъ, тювдювъ, лиһасъ рипнувъ.—Сергу.
19. Леллойнэ левонъ піялъ, ўксъ ялгу перзіенъ аллъ.—Труба.

Что на избу спиной?—топоръ.

Что на избу передомъ (лицомъ)?—икона.

Что въ избѣ невидимо?—тепло.

Сто роговъ, тысяча корней,—что положишь, все выпьетъ.—Каменка въ банѣ.

Сидитъ баба въ избѣ, двѣ кромки во рту.—Столбъ въ избѣ, къ которому прикрѣпляются двѣ полки.

Овцы въ огородѣ, хвосты внѣ. Ложки въ мискѣ.

Двое черныхъ другъ противъ друга. Полъ и потолокъ.

Сто солдатъ на одной подушкѣ спятъ.—Потолокъ.

Трещитъ, звенитъ за костянымъ лѣсомъ.—Языкъ.

Бѣлая лошадь за огородой. Сугробъ снѣга.

Коростовая шубенка на огородѣ. Звѣздное небо.

Маленькій, кругленькій, всему міру дорогой.—Монета.

Есть у меня жеребецъ, что положишь, все несетъ.—Столъ.

Изогнутый, гнутый руки всѣхъ разсмотритъ. Дверная скобка (ручка).

Стоитъ олень, ноги до земли не дотрагиваются.—Колыбель.

Поросёнокъ вертится, брюхо полное. Веретено, съ намотанными на него нитками.

Красный чулокъ въ квашнѣ. Квасъ.

Качается, трясется, за мясо держится.—Серёжка.

«Леллойне» (непереводимое слово;—по смыслу оно обозначаетъ нѣчто удалое, бойкое по движеніямъ, выскочку...) надъ крышей, одна нога подъ з....... Труба курной печи.

20. Иккунаhъ ей сўнну, сейнäнъ пуазуhъ сўннўвъ.—Сардю.

Въ окно не входитъ, а въ стѣнной пазъ (щель, образующаяся въ стѣнѣ между бревнами) входитъ.—Переплётъ изъ лучины, который полагается на дровни.

21. Солой суотъ-мюöти, янöй іядъ-мюöти, плоккъ-очинъ вастаhъ.—Кангасъ-кудонду.

Цапля по болоту, заяцъ по льду,—стукъ... лбами вмѣстѣ.—Ставъ ткутъ.

22. Кичеряйнэ, кячеряйнэ, кай hелмадъ каччовъ.—Кюннўзъ.

Горбатый, гнутый подолы всѣхъ разсмотритъ.—Порогъ.

23. Кичеряйнэ, кячеряйнэ кайкилэ кяттў аннавъ.—Кіягю.

Изогнутый,—гнутый всѣмъ руку подаетъ.—Ручка дверная.

24. Ми вуарнасъ пюжюмятöй?—Муна (яиччў) или керä.

Что на вѣшалкѣ не держится?—яйцо или клубокъ.

25. Лукку лукунъ-піялъ, лукку лукунъ-піялъ, лукунъ-піялъ тöппяhяйнэ.—Каттилъ-коуку.

Замокъ надъ замкомъ, замокъ надъ замкомъ, надъ замкомъ кочка.—Крюкъ, на который вѣсятъ котѣлъ.

26. Пурнуйнэ тäвзъ кулдастъ керястъ.—Тулэhмозъ.

Засѣкъ, полный золотыхъ кружечковъ.—Жаратокъ.

27. Матёй да тöпёй ўхтэhъ кайвоhъ ведэлэ кявютöhъ.—hаву да коуку.

Головастикъ и мохнатка въ одинъ колодезь за водой ходятъ.—Крюкъ и помяло.

28. Пяйвядъ пёлккюннў, ўöдъ лавтанну.—Постели.

Днемъ бревномъ, ночью плотомъ.—Постеля.

29. Кунна мянэдъ кулдикой; исту, исту руга—чяпчю.—Куузи и hуабу.

Куда идешь золотистый? — Сиди, сиди корявое смолье.—Ель и осина.

30. Ламмасъ мечясъ астувъ, вилладъ муасъ рипутаhъ.—hейнъ-реки.

Овца идетъ изъ лѣсу, шерсть по землѣ волочится.—Возъ съ сѣномъ.

31. Мужикку меччяhъ астувъ, зйркало селлянъ—така. Кирвезъ.

Мужикъ въ лѣсъ идетъ зеркало за спиной.—Топоръ.

32. Мужикку меччягъ астувъ, нэнä тайвасту вiйлёвъ.—Викатэhъ.

Мужикъ въ лѣсъ идетъ, носомъ небо кроитъ.—Коса (горбуша).

33. Мужикку меччягъ астувъ, айтайзетъ дорогалэ (тіелэ) іяттäвъ. Лёпёйдъ.

Мужикъ въ лѣсъ идетъ, чуланчики по дорогѣ оставляетъ.—Клѣтки отъ лаптей.

34. Мустикой, муврикой, сада сарвикой, туhа-юврикой, рёхкяхтähезэ—кайкелэ муалэ куулувъ.—Юрю.

Темный, черный, сторогій, съ тысячью корней, рявкнетъ—всей землѣ слышно. Громъ.

35. Какси валгедадъ вастай.—Тайвазъ и луми.

Двое бѣлыхъ другъ противъ друга.—Небо и снѣгъ.

36. Рiйhи равдайнэ, като каграйнэ. Ріехтилъ и валингайнэ.

Рига желѣзная, крыша овсянная.—Сковорода съ овсяннымъ блиномъ.

37. Туhа силмäдъ, сада киведъ.—Верко.

Тысяча глазъ, сто камней.—Сѣть.

38. Лунду валгіембн, hилтў мустэмбн, ора эдэлъ, керä кескелъ. кериччемедъ ялгелъ.—hаракку.

Снѣгу бѣлѣе, угля чернѣе, впереди шило, посрединѣ клубокъ, сзади ножницы.—Сорока.

39. Валгейду сўöвъ, мустуа ширтувъ.—Пярэ.

Ѣстъ бѣлое, испражняется чернымъ.—Горящая лучина.

40. Какси рускедуа вастай.—Суу.

Двое красныхъ другъ противъ друга.—Верхняя и нижняя полость рта.

41. Какси веллесту̌ элетähъ. дорогъ кескелъ, тойнэ тосту эйнäхтä.—Силмядъ.	Живутъ два брата, дорога посрединѣ, другъ друга не видятъ.—Глаза.
42. Валгедалэ пеллолэ мустуа ку̌лветähъ.—Кирьяйнэ.	По бѣлому полю чернымъ сѣютъ.—Письмо.
43. Суогурбой пеллодъ мюöти hюппивъ.—Чирпи.	Цапля по полю скачетъ.—Серпъ.
44. У̌ксъ сановъ: стукъ, стукъ; тойнэ сановъ: стукъ, стукъ; колмайзъ сановъ: стукъ, стукъ; неллäйзъ сановъ: стукъ, стукъ; вiйдэйзъ сановъ: шнивъ, шнявъ. Гево.	Одинъ скажетъ: стукъ стукъ; другой скажетъ: стукъ; стукъ; третій скажетъ: стукъ, стукъ; четвертый скажетъ: стукъ, стукъ, пятый скажетъ: шнивъ, шнявъ.—Лошадь.
45. Силмядъ онъ, корвадъ онъ, култа ей вой, нäхтä ей вой.—Луаханню.	Глаза есть, но не видитъ, уши есть, но не слышитъ.—Стоялка.
46. Силъ (туалъ) илмалъ турки туодаhъ, тäлъ илмалъ каглузъ панпаhъ.—Каттилъ.	Съ того свѣту шубу привозятъ, на семъ свѣтѣ воротникъ пришиваютъ. Котелъ изъ Россіи, а дужка къ нему придѣлывается въ Корелѣ.
47. Перти отэтаhъ, иккунадъ сиhъ дiятэтähъ.—Нуотту и ляхтэгетъ.	Избу снимаютъ (берутъ), окна тутъ оставляютъ. Неводъ и проруби.
48. Тули туттури пертиhъ керяй кулдадъ, керяй hобьядъ, отти кулдайзенъ ориhенъ ляхтiезъ [1]). Вилу.	Пришелъ врагъ въ избу, собралъ золото, собралъ серебро, и, уходя, увелъ золотаго жеребца [2]).—Холодъ.
49. Ничкявъ, нячкявъ, нило пiянъ тунговъ.—Тайгинъ.	Шлепаетъ, хлопаетъ, голую голову пихаетъ.—Мѣсить квашню.
50. Линдуйнэ леннäвъ, лiйнайнэ hяндäйнэ.—Нiеглэ нiйтинъ-керä	Летитъ птичка, конопляный хвостикъ.—Иголка съ ниткой.
51. Питкемби питкiй пуу, мадалэи би муаhейнiя.—Дорогъ (тiе).	Длиннѣе самыхъ длинныхъ деревьевъ, ниже самой низкой травы.—Дорога.
52. Окулинъ оясъ, ненä куйвалъ.—Кязäстiй.	Акулина въ канавѣ (ручейкѣ), носъ на сушѣ.—Рукомойникъ.
53. Войту кокой вуарнасъ.—Пишшали (оружъ).	Вымазанный пирогъ (кокой) на гвоздѣ.—Ружье.
54. Рiескадъ майдодъ латтiеле куаттиhъ, кюндэлъ и hамбаhалъ эй суа пороттай.—Пяй-пасто латтяйль.	Прѣсное молоко по полу разлито, ни ногтями, ни зубами достать нельзя.—Солнечный свѣтъ на полу.
55. Нель нейдистъ у̌хтелэ куорэлэ кустаhъ.—Леhмянъ-люпсäндэ.	Четыре дѣвушки на одну кору мочатся.—Доеніе коровы.
56. Нель нейдистъ у̌хтелэ вюöлэ вюöстэтту̌, тойнэ тостъ табайтаhъ. Кернинъ-лавдадъ.	Четыре дѣвушки однимъ поясомъ опоясаны, другъ друга имаютъ (ловятъ).—Особый снарядъ для разматанія нитокъ.
57. Укойнэ крюhнäйнэ кайкенъ	Горбатенькій мужичекъ всю землю

[1]) «і» здѣсь произносится нѣсколько тверже, чѣмъ русское «и», и мягче «ы»

[2]) «Золотой жеребецъ»—огонь въ жараткѣ.

муанъ (пеллонъ) ўхтэhъ кобраhъ табай.—Чирпи.

58. Мужикку пячилэ новзовъ, савакко перзiесъ риппувъ.—Кажи.

59. Рускей да залгей вастаккай вакайзесъ.—Муна (яиччў).

60. Кодиhъ туловъ коччiенъ, таhналэ мянӧвъ тачиттаянъ.—hейнъреки.

61. Онъ минулъ оршой, кенъ истуhезэ, кайкiй каннавъ.—Скамню (лавче).

62. Мустикой-муврикой, минъ панэдъ, кайювъ.—Кюлюнъпяччи.

63. Пертиhъ (кирикkёhъ) эй сўнду, кобраhъ сўндувъ. —Валки.

64. Аканъ рячинъ айданъ пiялъ, тäвзъ тiяйдъ.—Тайвазъ тiäхтидэнъ-кера.

65. Куйву крома иккунанъ-така. — Кулдайму.

66. Лехтэдъ бумажнойдъ, марьядъ сахарнойдъ.—Сирце-соба.

67. Сўвя да hўвя, мусту да магей.—Вой пада.

68. Орзикко, парзикко, чумуликко, тäвзиккӧ.—Келло-ялгадъ.

69. Пелдо - равдайнэ (стёклайнэ), пiендарэдъ пууhизэдъ.—Иккунъ.

70. Кусъ тулидъ hуорту пiя? Мидä синулэ пiертўпiя?—Нiйту и мятäзъ.

71. Кодизъ ляхтӧвъ, кодиhъ каччовъ; мечäсъ туловъ, меччähъ каччовъ. Кашшали.

72. Осикайнэ ордэлъ, васюкайнэ вуарналъ, сiйманайнэ сэйвäлъ.— Труба пуу, кязи-пайку, образъ

73. Валгей сукку куарзинасъ.—hомеhъ.

74. Кайкiй лойтомазъ минъ люккявъ? силмядъ.

75. Тули вiйзъ мiесту вастаhъ, тукизъ табай, муадъ-васту ряйгяй.—Нэнäнъ-нiйшдэндä.

76. Бриhа паяттавъ ўӧлъ куарзинасъ, кiелтä никеллэ эй саа.— Кукой.

(поле) въ одну пясть собралъ.— Серпъ.

Мужикъ на печку поднимается, палка сзади виситъ.—Кошка.

Красное и бѣлое другъ противъ друга въ коробочкѣ.—Яйцо.

Домой приходитъ на возу, а на дворъ заходитъ охапками.—Сѣно.

Есть у меня жеребецъ, кто ни сядетъ, всѣхъ несетъ.—Скамейка.

Темный-черномазый, что ни положишь, все выпьетъ. — Каменка въ банѣ.

Въ избу (церковь) не входитъ, въ пясть войдетъ.—Особаго рода шесть, очень длинный, употребляющійся при закидываніи невода зимою.

Бабья сорочка на огородѣ, полная вшей.—Звѣздное небо.

Сухая кромка за окномъ.—Луна.

Листья бумажные, ягоды сахарныя.—Ситцевая рубашка съ фарфоровыми (каменными) пуговками.

Глубокое да хорошее, черное да сладкое. — Масляникъ (горшокъ съ масломъ).

Сдѣлано изъ полокъ и бревенъ и доверху наполнено.—Колокольня.

Поле желѣзное (стеклянное), межи деревянныя.—Оконная рама.

Откуда пришелъ,—бритая голова?— А что тебѣ, — п....... голова? — лугъ (пожня) и кочка.

Изъ дому идетъ, домой смотритъ, изъ лѣсу идетъ, въ лѣсъ глядитъ.— Кошель на спинѣ.

Осипъ на полкѣ, Васька на вѣшалкѣ, Симонъ на стѣнѣ.—Палка, которой подпираютъ доску въ курной трубѣ; полотенце и икона.

Бѣлый чулокъ въ подпольѣ.—Плѣсень.

Что можно бросить дальше всего?— взоръ.

Пришли пять (навстрѣчу) молодцовъ, за волосы поймали, о землю бросили.—Сморканіе носа пальцами.

Парень поетъ по ночамъ въ подпольѣ, никому унять нельзя.—Пѣтухъ.

77. Кюнзиттähъ, кябялиттähъ, сэйнидъ мюöти новзовъ.—Таhтазъ тайгиназъ.

78. Кяккювъ карвазъ, кядъ сія паллязъ, пчеллэhъ игру, перзіеле потіеху.—Васту.

79. Игенитой, аганитой, айтанъ чупузъ иступъ.—Вой.

80. Тикку пуузъ, тикку муазъ.—Кезрäтähъ.

81. Чулкавъ чупузъ, чубуhійри вачазъ (сўдäмезъ).—Кохтуйнэ акку.

82. Туатто вастэ родиhъ, пойгатъ мег чähъ кявютähъ.—Тули да саву.

83. Турки увзи, hелмадъ ловкойль.—Дія ляхтэгидэнъ-керä.

84. Ми равіембаhъ пуhувъ.—туули.

85. Нель ялкайнэ, каксъ ялкайзесъ, каксъ ялкайнэ пюöрюжязъ, пюöрюжъ нель чупуйжезъ.—hево, реки, кего и рійhи.

86. Ми муалъ кійрэhемби? — Конзъ улосъ hимойтавъ.

87. Ми муалъ дюгіемби?—Тули-кюбенъ.

88. Ми муалъ армаhемби?—Уни.

89. Ми муалъ вягіемби?—Уни.

90. Ми муалъ пеhмедимъ? — Ома кяммэнъ.

91. Ўöдъ ловкозъ, пяйвядъ селлялэhъ.—Зашокку (крюўчкяйнэ).

92. Синä, чичейни, сигяли, синä, чичейни, тäгяли, ўхтэhъ олёйhъ ўöксъ.—Вўö.

93. Ми пертизъ лійкуматой?—Пячи.

94. Кязитöй, ялкатой салмойдъ-мўöти кявелёвъ.—Саву.

95. Куулувъ, а нäгю эй.—Туули.

96. Раидойдъ ріехкивъ, а кязидъ эй нäгю.—Алдо.

97. Ворончалъ аетаhъ, дялгидъ эй нäгю.—Венэhъ.

Безъ когтей, безъ лапъ, а по стѣнѣ поднимается.—Тѣсто въ квашнѣ.

Трясется мохнатое (шерстнатое), мѣсто для руки (гдѣ поймать рукой)—голое, для себя игра, з...... потѣха.—Вѣникъ.

Безъ морды (рыла) и безъ отрубей, въ углу чулана сидитъ. [1]).—Кадка съ коровьимъ масломъ.

Дятелъ на деревѣ, дятелъ на землѣ.—Пряденіе пряжи. (Ленъ на прялкѣ и нитки на веретенѣ).

Скребется въ углу, пузырчатый мышенокъ въ брюхѣ (внутри).—Беременная женщина.

Отецъ только что родится, а сыновья уже въ лѣсъ ходятъ (охотиться).—Огонь и дымъ.

Шуба новая, а подолы въ дырьяхъ. Ледъ съ прорубями по берегу.

Что сильнѣе всего дуетъ?—Вѣтеръ.

Четырехножное въ двуножномъ, двуножное въ кругломъ, круглое въ четырехугольномъ.—Лошадь, дровни, стогъ и рига.

Что на землѣ торопнѣе?—Когда является позывъ къ испражненію.

Что на землѣ тяжелѣе?—искра, упавшая на руку, оказывается тяжелѣе всякой ноши.

Что на свѣтѣ милѣе?—сонъ.

Что на свѣтѣ сильнѣе?—сонъ.

Что на землѣ мягче всего?—своя ладонь.

Ночи въ дырѣ, днемъ на спинѣ.—Дверной крючекъ.

Ты, сестрица по той сторонѣ, ты сестрица по другой сторонѣ, а въ одно мѣсто на ночь.—Поясъ.

Что въ избѣ неподвижное?—Печь.

Безъ рукъ, безъ ногъ по угламъ ходитъ.—Дымъ.

Слышно, а не видно.—Вѣтеръ.

По берегу хлопаетъ, а рукъ не видно.—Волна.

Ѣдутъ на вороной лошади, слѣдовъ не замѣтно.—Лодка.

[1]) Отрицательный эпитетъ «безъ отрубей» приложенъ по отношенію къ маслу, вѣроятно потому, что въ чуланахъ же и часто въ кадкахъ кореляки держатъ яйца, прикрывая ихъ отрубями, чтобы они не спортились.

98. Ляйкювъ ляhендавъ, иче эй тулэ. Вези.
Колыхается, приближается, а само не подходитъ.—Вода.

99. Чіепой чіепойзъ кинди, чіепойнъ агыо пячинъ - аллъ.—Лавчадъ (скамнядъ).
Цѣпь за цѣпью, конецъ цѣпи подъ печкой.—Лавки (скамьи). Онѣ, обыкновенно, располагаются другъ за дружкой по тремъ стѣнамъ: двумъ боковымъ и одной лицевой; конецъ лавки упирается въ печку (съ боку).

100. Маткадавъ. а пагю эй.—Пяйвю.
Путешествуетъ, а не замѣтенъ.— День.

101. Муудъ кай муштадъ, а ухтъ эдъ мушта.—Консъ уйнодадъ.
Все помнишь, а одного не запомнишь.—Когда уснешь.

102. hукке улвовъ hуhмарэзъ, питкянъ пелдонъ піендарэсъ, кайданъ ламбинъ кайналосъ.—Кирикке-келло.
Волкъ воетъ изъ деревянной лунки, на межѣ длиннаго поля, въ пазухѣ узкаго лѣснаго озерка.—Церковный колоколъ.

103. Куулувъ, ку кунингасъ, левіевъ ка леhмянъ шитту.—Ай-пяйвю.
Слышенъ, какъ царь; придетъ да расширится, какъ коровій пометъ.— Христовъ-день. (Пасха).

104. Лясъ онъ, да пурда эй суа.—Кюнябрюсъ.
Близко, да не укусишь.—Локоть.

105. Руочинъ (чиганянъ) стуаросту пертизъ.—Чикку.
Шведскій (цыганскій) староста въ избѣ.—Свѣтецъ.

106. Кондяйнъ перзэ пертизъ.—Пячинъ-очче.
Медвѣжій задъ (задница) въ избѣ.— Передъ курной печи.

107. Койзъ колахтиhъ, сини сотку везилэ.--Венэhъ
До́ма стукнуло, на берегу треснуло, синяя утка на воду выплыла.— Лодка.

108. Курги пертизъ сейзовъ.—Кяткюдъ.
Журавль въ избѣ стоитъ.—Колыбель.

109. Вуарнасъ пюжюмятой, столалэ пандавъ. Янччу (Муна).
На вѣшалкѣ не держится, а на столъ кладутъ.—Клубокъ.

110. Мужикайнэ тупликайнэ собайжесъ руунайжедъ.—Самоваару.
Мужичекъ-тупличекъ, на рубашкѣ руны.—Самоваръ.

111. Нейдинэ аеловъ, сканчу пюбрувъ. Куудайме.
Дѣвушка скетъ, сканецъ вертится.— Мѣсяцъ.

112. Онъ мусту hякки, минъ панэдъ кай рюоппивъ.—Кюлюнъ-пяччи.
Есть черный быкъ, что-ни положишь, все выпьетъ.—Каменка.

113. Мужикайнэ піени, каксъ силмядъ онъ.—Луаханне.
Мужичекъ маленькій, а два глаза есть.—Лахань.

Идетъ мужичекъ, палка въ рукахъ, глиняная котомка за плечами, двѣ кромки во рту.—Это-тотъ же самый столбъ, о которомъ говорится въ 5-й загадкѣ. Онъ обыкновенно ставится подлѣ печки, и сверху на него опирается палка, закрывающая дверцы курной трубы.

114. Мужикайнэ астувъ, савакко кядэсъ, сави-шалгу селгасъ, каксъ бійбойдъ суусъ.—Орзи-пачасъ.
Болото въ избѣ.—Мохъ, который кладутъ въ домахъ между бревнами.

115. Суо пертизъ.—Саммалъ.
Море въ избѣ.—Соль.

116. Мери пертизъ.—Суоле.
Дѣвица одѣвается въ тысячу платьевъ, а задъ открытъ.—Курица.

117. Нейдппэ шуоривъ туhадъ собадъ; перзэ авойнъ.—Кана.	Одинъ глазъ у Сидора, и тотъ на концѣ кола.—Оловянное кольцо, которое вставляютъ на конецъ веретена при крученіи нитокъ; или-же...—Особый инструментъ, которымъ пугаютъ рыбу въ водѣ.
118. ӳксь силмю Сійдарилъ, и сэ сейбяhянъ піясъ.—Кечой (тарбойме).	Горбатенькій мужичекъ, на спинѣ колья.—Свинья.
119. Мужикайнэ крюhняйнэ, сейбяhядъ селлясъ.—Поччи.	Открылъ Петръ щелочку, все стадо вонъ.—Овечій пометъ.
120. Авай Пекко пійлойзенъ, кай карью улосъ.—Лламмаганъ-баберо.	«Леллети» на крышѣ, одна нога въ з.......—Грибъ.
121. Леллети леволъ, ӳксъ ялку перзіесъ.—Гриба.	Изъ «Виройлы» коробочка прислана, швовъ нигдѣ не видно.—Яйцо.
122. Виройласъ вакайнэ тюӧттӳ, омбелусту никусъ эй олэ.—Яиччӳ.	Беру близко, далеко бросаю.—Глазъ (взоръ).
123. Лойтозъ люккянъ, ляhинъ отанъ. Силмю.	Полно подполье лебедей.—Зубы.
124. Тäвзъ куарзинъ дёвченду.—hамбаhадъ.	
125. ӳленъ суури корби, корбесъ кондіетъ.—Тіяйдъ.	Очень густой лѣсъ, въ лѣсу медвѣди.—Вши.
	Маленькая палочка трещитъ; её сквозь огороду бросаютъ.—Челнокъ, употребляющійся при тканьѣ холста.
126. Чиркайне чиризӧвъ, лябю айдазъ люкитähъ.—Суккулайнэ.	Синица испражняется, нищій смотритъ, лисица задъ обтираетъ.—Огонь.
127. Сійничу шиттувъ, куаликку каччовъ, ребой перзіеттӳ пюхкивъ.—Тули.	Горбатенькій мужичекъ на двѣ стороны блюётъ.—Рукомойникъ.
128. Укойнэ крюhняйнэ каксэлэ-піялэ оксэндавъ.—Кязястій.	
129. Укойнэ крюhняйнэ кайкилэ кяттӳ аннавъ.—Кіягю.	Горбатенькій мужичекъ всѣмъ руку подаетъ.—Дверная ручка.
130. Лябю нäгювь, ляммянъ пидäвъ. Стёклу.	Насквозь видно, а тепло держитъ.—Стекло.
131. Укойнэ крюhняйнэ, туhа міестӳ куадавъ.—Викатэhъ.	Горбатенькій мужичекъ тысячу молодцевъ роняетъ.—Коса.
132. Ми иччеhъ селгинъ?—Ристу.	Что къ человѣку спиной?—Крестъ.
133. Куккаро куузесъ, hели-киви дюурэсъ.—Оравъ и койру.	Кошелёкъ на ели, звонкій камень у корня.—Бѣлка и собака.
134. Руби-пія руской.—Муурой.	Коростовая, красная голова.—Морошка.
135. Поччинэ лійнаа ведäвъ.—Бирби.	Свинья коноплю тащитъ.—Дратва.
	Бочка мясная, обручи мѣдные.—Палецъ съ кольцами.
136. Лиhанэ пуччи, васкизэтъ вандэhетъ.—Сорми кольчайжидэнъкерä.	Трое черныхъ другъ противъ друга.—Потолокъ и два пола (одинъ—черный, другой—бѣлый).
137. Колмэ мустуа вастаккай.—Лаги и латтяйдъ.	Въ водѣ родится, на землѣ живетъ, въ водѣ умираетъ.—Соль.
138. Ведэhъ ройhъ, муалъ элявъ, ведэhъ куоловъ.—Суолу.	Горностай изъ костра въ костеръ ходитъ.—Челнокъ при тканьѣ.
139. Пордимой пинозъ пиноhъ кявелёвъ.—Суккулайнэ.	Бѣжитъ тетёра, слѣдовъ не остается.—Сѣянье муки.

140. Тэдри юоксовъ, ялгедъ эй дія.— Яаһонъ-жійтуандэ.

141. һякинъ силмядъ пертизъ.—Оксадъ.

142. Ми пертизъ луадиматой?—һалгелиаксэдъ сэйнизъ.

143. Мидй эчидъ, абу эй лёвдӯзъ?— Верконъ ловко.

144. Сэйчей сэлгяйнэ, сада ялкайнэ.— Астувъ.

145. Акку аршинадъ, перзэ сӯлдӯ.— Бууку картанъ-керя.

146. Кязисъ пюӧрӯвъ, туһадъ силмядъ. Жійту.

147. Орзи пуу, лаһо пуу озаттомалъ олгу піалъ.—Пишшали (оружъ).

148. Війзи міестӯ пидаттавъ, війзи міестӯ кериччёвъ.—Нагризъ-лештиндӯ.

149. Сада міестӯ суаттавъ, сада вӯӧдӯ сидовъ.—Айду.

150. Падайнэ палтіезъ кіеһувъ, ни тулду, ни саву эй нагю.—Кучеймяттӧ.

151. һибью иралъ, соба сӯдамесъ.— Туоһусъ.

152. Кюммеиэ кюччивъ, кюммеиэ ведавъ, какси пидаттавъ.—һейнанъ һаравойченду.

153. Тина типпувъ, перзэ риппувъ.— Туоһусъ,

154. Онъ сотти, сотилъ сада пойгадъ, иче сотти нюппупія.—һарьдю,

155. Колмей мужикадъ пергетаһъ; лувлойдъ, ни кажи, ни койру эй сӯӧ, нахку тэрвеһъ діявъ.—Пелвасъ.

156. Чома чупузъ, вези нюкузъ.—Самовуару.

157. Казвавъ, казвавъ, куадіеһъ эй сӯндӯ, шмуляхтаһъ, ка-рускей пія.—Муурой.

158. Укко да акку піялеккяй, вал-

Бычачьи глаза въ избѣ.—Сучки въ стѣнныхъ бревнахъ.

Что въ избѣ не дѣлаютъ, а само бываетъ (происходитъ)?—Трещины въ стѣнахъ.

Чего ищешь, лишь бы только не нашлось?—Дыры въ сѣткѣ.

Семь спинъ, сто ногъ.—Борона.

Баба съ аршинъ, а задъ (задница) саженный.—Кадка, въ которой моютъ бѣлье, и корыто.

Въ рукахъ вертится, а глазъ тысяча.—Сито или рѣшето.

Дерево для полки, гнилое дерево, у несчастнаго на плечѣ.—Ружье.

Пять молодцовъ держать, пять молодцовъ стригутъ.—Отрѣзываніе у рѣпы верхушекъ. Молодцы—пальцы.

Сто молодцовъ держитъ, стами поясовъ связываетъ.—Огорода.

Горшочекъ кипитъ на подгорьѣ, ни огня, ни дыму не видно.—Муравейникъ.

Тѣло снаружи, рубашка внутри.— Свѣча.

Десятеро кучатъ, десять тянутъ, двое держатъ.—Уборка сѣна граблями.

Олово каплетъ, задъ виситъ.— Свѣча.

Есть «сотти», у «сотти» сто сыновей, самъ «сотти»—голова пугвицей.—Щетка, которой чистятъ ленъ.

Трое мужиковъ бьютъ, костей ни кошка, ни собака не ѣстъ, шкура цѣла остается.—Лёнъ. Его чистятъ въ три пріема: «лоокутэтаһъ, липсутаһъ и һардятаһъ».

Красивый въ углу, вода въ половомъ органѣ.—Самоваръ.

Растетъ, растетъ, въ порты не помѣщается, вывалится,—такъ красная голова.—Морошка.

Мужъ на бабѣ, бѣлая пѣна въ срединѣ.—Ручные жернова.

Пять молодцовъ на встрѣчу пришли; первый говоритъ: я знаю; дру-

гедъ вуахти кескезъ.—Яаhокиви.

159. Війзъ міестў вастаhъ тули; ўксъ сановъ: тундэнъ, тойнэ сановъ: тіедäнъ: Колмайзъ сановъ: минä куулинъ, нелляйзъ сановъ:-минä ўхтэсъ ўöдў магайнъ, війдэзъ сановъ: - сўдäмеhъ кявюйнъ.—Консъ кустаhъ.

160. Кюўрöй кюннäвъ, лянгетъ каг-ласъ. Нюнню.

161. Вора айтаhъ мянöвъ, шалгудъ кюндўкселэ діяттäвъ.

162. Картайнэ канабрикосъ, куррэнъ каглу картайзэсъ.

гой говоритъ: я знакомъ; третій:—я слышалъ; четвертый:—вмѣстѣ ночь спали; а пятый говоритъ—я во внутрь ходилъ.—Процессъ мочеиспусканія.—молодцы—пальцы.

«Кюўрöй» (собственное имя; притомъ это слово очень близко по звукамъ слову «кюўрэ» — значитъ локоть—корельская мѣра, такъ что это имя означаетъ мужичка съ локотокъ) пашетъ, хомутъ на шеѣ.—Актъ совокупленія.

Воръ въ чуланъ заходитъ, котомки на порогѣ оставляетъ.—Актъ совокупленія.

Корытцо въ канабрѣ (богульникѣ), журавлинная шея въ корытцѣ.—Женскій половой членъ.

Пословицы корельскія.

1. Хоть суутъ віярииштäвъ, а омадъ пуолиштавъ.
2. Айгаллэhъ, hўвя и айданъ-аллъ.
3. Ми міелеhъ дюрähтиhъ, сэ перäіесъ карагтиhъ.
4. Хотъ кандодъ и кавништа, и сэ коhеновъ.
5. Хоть айжалъ, да Ануксэhъ-пія.
6. Келъ укко, силъ и плокку, келъ леhме, силъи чупукке.
7. Коядъ онъ и кодисъ.
8. Кевhянъ міели камкадъ війлёвъ.

Хотъ ротъ кривитъ, а своего защищаетъ.

Бываетъ время, что и за огородой хорошо.

Что въ умѣ прогремѣло, то эхомъ отозвалось въ з. . . . . . (Это говорятъ о людяхъ увлекающихся, которые скоро берутся за то, что только услышатъ или узнаютъ).

Хоть пень и украшай (наряжай), и тотъ похорошѣетъ—(говорятъ относительно тѣхъ людей, которые, будучи безобразны отъ природы, любятъ наряжаться).

Хоть на оглоблѣ, да къ Олонцу.

У какой бабы мужъ, у той и «стукъ», у кого корова, у того и «чупукъ» (овсянный блинъ, намазанный молочной кашей).

Коры и дома много.

Умъ бѣднаго (нищаго) камку кроитъ.

Корельская пѣсня.

Предлагаемая мною пѣсня записана со словъ крестьянки-корелки Петрозаводскаго уѣзда, деревни Бородинъ-Наволока Екатерины Туру. По словамъ этой женщины, она поется во время свадебъ, и «стоитъ только спѣть ее, и тогда никакія колдовства не въ силахъ будутъ испортить жениха или невѣсту».

По содержанію и формѣ эта пѣснь очень напоминаетъ руны Калевалы. Въ ней также, какъ и въ Калевалѣ, встрѣчаются герои-Вяйнэмейнэнъ (Wäinämöinen), Илмаринэнъ (Ilmarinen), Ёвкахайнэнъ (Ioukahainen),—называемый здѣсь Дегамуойнэнъ, и описываются похожденія ихъ, въ частности Илмаринена (Сепуойнъ Илмаллиженъ). Есть даже мѣста, которыя представляютъ почти буквальное сходство съ Калевалой:

напр.: Кюлюнъ минä валмиштинъ;
hавдуйнъ вастанъ hаврунъ піäлъ,
Ведэнъ ляммянъ ляммитинъ...
Кюлбе, пойгу, кюлляжести,
Вала веттэ валдайжести,
Пезэ піähюдъ пелвазъ-пивоксъ,
Силмяйжедъ-ку сійру кабуксъ...

Въ Калевалѣ читается такъ:
Lämmitin kylyn utuisen,
Hauoin vastat valmihiksi,
Lempivastat liehautin;
Kylve veikko kyllältäsi,
Wala vettä vallaltasi,
Pese pääsi pellaviksi
Silmäsi lumi-siruiksi!..
(18 Runo, 314—320).

Или: „Минä кючинъ пелдонъ кюндинъ,
Кіярмеhиженъ кіяндэлинъ,
Мадоhиженъ вагодэлинъ“...

Въ Калевалѣ: Io nyt kynon kyisen pellon,
Wakoelin maan matoisen,
Käärmehisen käännättelin...
(19 Runo, 96—98).

Въ корельскомъ текстѣ: Сійдъ го Сепуой Илмаллинэ.
Пури hувлэдъ, кіянди піäнъ,
Мурди мустадъ hабенэдъ...

Въ Калевалѣ: Siitä seppo Ilmarinen
Murti suuta, väänti päätä,
Murti mustoa haventa...
(Runo 38, 65—67).

Въ корельскомъ текстѣ: Луодолойле локоттамаhъ,
Ведэнъ кивилъ кайкуттамаhъ,
Нэнäнъ ніемилъ нивгумаhъ,
Вастатувлиhъ вуаппумаhъ...

Въ Калевалѣ: Luo'olle lokottamahan,
Ween karille kaikkumahan,
Wastatuulet vaapumahan,
Nenät nienten niukumahan...
(Runo 38, 283—286).

Но при всемъ томъ эта корельская пѣснь не лишена и нѣкоторой оригинальности, нѣкоторыхъ самостоятельныхъ чертъ, сравнительно съ Финской эпопеей, записанной Ленротомъ. Такъ напр., Хидвидъ царь и его дочь—Муардей-Дуардей въ Калевалѣ совсѣмъ не упоминаются.. Правда, и въ Калевалѣ. въ одной изъ рунъ (18) описывается также поѣздка Илмаринена сватать, но совсѣмъ въ другомъ видѣ и другими чертами; и Вяйнэмейнэнъ здѣсь не является, какъ въ корельской пѣснѣ, врагомъ Илмаринена, и не строитъ ему козней.

Пѣснь на корельскомъ языкѣ изложена звучными стихами и читается очень легко. Аллитерація въ ней встрѣчается довольно часто. Текстъ ея я написалъ русскими буквами, какъ болѣе удобными для изображенія корельскихъ словъ на письмѣ.. Только нѣкоторые звуки, для которыхъ въ русской азбукѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ буквъ, я изображалъ условно, прибѣгая иногда къ надстрочнымъ знакамъ... Такъ:

h читается, какъ финское h (среднее между *г* и *х*); ä (съ двумя точками на верху), какъ финское ä (среднее между русскими а и я); ö, какъ финское ö (среднее между русскими о и ё); ӳ, какъ финское y (среднее между русскими у и ю); сочетаніе *уо* въ большинствѣ случаевъ можно читать, почти какъ русское о; «*У*» въ этомъ случаѣ кореляки выговариваютъ такъ бѣгло, что почти его и не слышно:

напр., «Тагуой» можно читать «тагой»,
«Кандуойни» — «кандойни»,
«Лавлуой»—«лавлой», и т. д...

При переводѣ съ корельскаго языка на русскій я старался по возможности передать оригинальный текстъ точно, буквально, безъ всякихъ измѣненій. И лишь только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ идіотизмы корельскаго языка не могутъ быть никоимъ образомъ переданы буквально на русскій языкъ, я прибѣгалъ къ переводу болѣе или менѣе вольному. Но такихъ мѣстъ очень и очень мало...

Такъ напр., «Лавлуой Сепуой суарэнъ саложанъ»...

Или въ другомъ мѣстѣ:

Лавлуой Сепуой Илмаллинэ
hидвидъ цаарилэ ламбійженъ...

Я перевелъ такъ:

Спѣлъ кузнецъ пѣснь,—и образовался лѣсистый островъ...
Спѣлъ Вселенскій кузнецъ,—
И на улицѣ Хидвида царя образовалось озеро...

А если переводить буквально, то слѣдовало бы сказать:

Спѣлъ кузнецъ лѣсистый островъ...
Спѣлъ Вселенскій кузнецъ
Хидвиду царю озеро...

Но сказать такъ по русски—было бы не совсѣмъ правильно и для многихъ очень непонятно...

Сепуой Илмаллинэ паясъ руадавъ;
Сормедъ hянэлъ пійхтэннў,
Кулакадъ нэдъ вазарайженну...
Ленди коткой-линду паянъ пійлэ:

Кузнецъ Вселенскій (міровой) въ кузницѣ работаетъ.
Пальцы у него, какъ клещи,
Кулаки, какъ молотки.
Прилетѣла птица-орелъ на кузницу.

«Ой-го, Сепуой Илмаллинэ,
Тагуой илманъ нгяллинэ,
Олійжъ минулъ саномайжедъ...»
— Олновъ hювядъ саномадъ, ка сано,
Эй-ку олнэ, äлä сано...

«Ой ты, кузнецъ, Вселенскій,
Ковачъ міра вѣчный!
Было бы у меня нѣчто сказать тебѣ».
— Если есть что хорошее передать, то говори,
А если нѣтъ, то лучше не говори...

Сійтэнъ коткой санэли,
hиндру-капчӧй виркели:

Тутъ орелъ сталъ говорить,
Кривокоготный (т. е. съ кривыми

«Муардёйһъ-Дуардёйһъ мянэ сулһуойксъ...»
Сійдъ-го Сепоуйль Илмаллижелъ,
Тагуойль илманъ игляллижелъ,

Пійхтэдъ муалэ туяхтэттиһъ,
Вазарайжедъ ваяхтэттиһъ;
Сійдъ һяйнъ нямядъ санадъ сануой:
«Муамоёйни—кандоёйни,
Панэсъ кюлю ляммяһъ;

Пакажасти, палавасти,
һійлавасти, һигевясти...»
Муамоёйни—кандоёйни
Кюлюнъ пойгалэ лямитти:
Пакажасти, палавасти,
һійлавасти, һигевясти...
«Мянэсъ, мянэсъ, пойгу, кюлюһъ,
Кюлюнъ минä валмиштинъ:
һавдуйнъ вастанъ һаврунъ-пiäлъ,
Ведэнъ ляммянъ ляммитинъ...
Кюлбе, пойгу, кюлляжести,
Вала веттэ валдайжести,
Пезэ пiäһюдъ пелвазъ-пивоксъ,
Силмяйжедъ-ку сійру кабуксъ,
Каглайнэ-ку кананъ мунаксъ,
Муйчи рунгу луми тукуксъ...»
Сійтэ Сепуой Илмаллинэ,
Тагуой илманъ игяллинэ,
Кявюй кюлюһъ кюлбемяһъ;
Кюлби Сепуой кюлляжести,
Валуой веттэ валдайжести,
Пези силмядъ сійру кабуксъ,
Пiäһюдэнъ-ку пелвазъ пивоксъ.
Каглайженъ-ку кананъ мунаксъ,
Муйчий рунганъ луми-тукуксъ.
Тули Сепуой кюлюзъ кодиһъ,
Тули Илмой тундэттомаксъ,
Сійтъ һяйнъ сананъ сануой нэченъ:
«Муамоёйни—кандаёйни,
Туо ё собадъ пелваһижедъ;
Туо ё пайдэ палтинайнэ,
Туо ё куадяйдъ куапайжедъ,
Туо ё каафтанъ кавнэһемби:
Ляхтэнъ минä сулһайжиксъ...»
Туойго муамаһъ Сепуойле

Кандуой кандой Илмаллижелэ—
Пайданъ пiäлэ палтинайженъ
һигеттöмялэ һибьяйжелэ;

когтями) сталъ молвить:
«Поѣзжай сватать Муардёй-Дуардёй [1])»..
Тутъ-то у кузнеца Вселенскаго,
Ковача міра вѣчнаго,
Клещи полетѣли на землю со звономъ,
Молотки съ шумомъ попадали...
И онъ молвилъ тогда таково слово:
«Матушка-родимая,
Затопи-ка баню;
Натопи ее сильно жарко,
Горячо и потно».
Матушка родимая
Натопила баню для сына
Сильно жарко,
Горячо и потно.
«Поди-ка, поди-ка, сынъ, въ баню;
Я баню для тебя приготовила,
Напарила вѣникъ надъ паромъ,
Нагрѣла теплой воды,
Мойся сынъ досыта,
Лей воды въ волюшку,
Вымой головку, какъ пясть льну,
Глазки, какъ комки сыру,
Шейку, какъ куриное яицо,
Намыль тѣло, какъ кучу снѣгу».
Тогда кузнецъ Вселенскій,
Вѣчный ковачъ міра,
Пошелъ мыться въ баню.
Мылся кузнецъ до-сыта,
Лилъ воду въ волюшку;
Вымылъ головку, какъ пясть льну,
Глазки, какъ комки сыру,
Шейку, какъ куриное яицо.
Намылилъ тѣло, какъ кучу снѣга.
Пришелъ кузнецъ изъ бани домой,
Пришелъ кузнецъ неузнаваемымъ.
Тогда онъ сказалъ таково слово:
«Матушка-родимая,
Принеси мнѣ льняную одежду,
Принеси рубаху холщевую,
Дай порты узенькіе,
Принеси также и кафтанъ покрасивѣе,
Я отправляюсь сватать.
Принесла мать кузнецу,
Притащила родимая Вселенскому
Рубаху холщевую
На безпотное тѣло,

[1]) Соединеніе именъ – Марья-Дарья.

Куадяйдъ кандуой куапайжедъ
Соредилэ соркайжилэ;
Туой віе сукадъ сулавайжедъ
Дямедилэ дялгайжилэ;
Кандуой кенгядъ кандакайжедъ,
Леһмянъ нахказъ лейкотудъ,
һякинъ таллязъ һалгодудъ;
Туой віе каафтананъ кавнэһенъ,
Кагранъ һейнäнъ карваллиженъ,
Виһандъ һёйнäнъ виһандоманъ;
Туркинъ кандуой турбедайженъ,
Туһалъ нюблялъ нюблитэтÿнъ;

Садалъ лапалъ лапотэтунъ;
Сійтэ туой віе вюöле вюöнъ,
Келдуойль карвуойль кудотэтунъ,
Кулдайль нійтилъ кулдитэтунъ.
Сійтэ Сепуой Илмаллинэ,

Тагуой Илманъ Игяллинэ,
Ваттэгилъ-го валмиштэлиһъ,
Собайжилъ-го собиттэлиһъ:
Пани пайданъ палтинайженъ
һигеттöмялэ һибьяйжелэ,
Куадяйдъ пани куапайжедъ
Соредилэ соркайжилэ,
Сукадъ пани сулавайжедъ
Дямедилэ дялгайжилэ,
Кенгядъ піäлэ кандакайжедъ,

Леһмянъ нахказъ лейкотудъ,
һякинъ таллязъ һалгодудъ;
Пани кавнижъ каафтанайженъ,
Кагранъ һейнäнъ карваллиженъ,
Виһандъ һейнäнъ виһандоманъ,
Туркинъ піäлэ турбедайженъ,
Туһалъ нюблялъ нюблитэтÿнъ,
Садалъ лапалъ лапотэтунъ;
Сійтэнъ вÿöль һяйнъ вÿбстиһезэ,
Келдойзъ карвойзъ кудотулъ,
Кулдэ нійтилъ кулдитулъ.
Сануой сійтэ саномайжедъ:
«Муамоёйни—кандаёйни,
Валлястэлэ виллёй варзой
Рускедъ кордянъ эдуйжиһъ.
Какси һобью дялгаксойжиһъ,
Кувзи кулду каблаһайжиһъ;
Панэ кягюöйдъ куккумаһъ,
Панэ чивчуойдъ чилижеммяһъ,
Бембелъ піäлэ паятаммаһъ,

Рахкеһилэ рячятäммяһъ;
Анда кайки качахтэтаһъ.

Порты принесла узенькіе
На стройныя ножки,
Принесла также чулки теплые
На гибкія ножки,
Притащила сапоги съ каблуками,
Скроеиные изъ коровьей кожи,
Вырѣзанные изъ бычачьей шкуры,
Принесла также и кафтанъ покрасивѣе,
Цвѣтомъ овсяной травы,
Зеленый, какъ зелёная трава.
Притащила шубу пушистую,
Съ тысячью пуговицъ,
Съ сотней петелекъ.
Также принесла еще опоясаться поясъ,
Связанный изъ желтой шерсти,
Украшенный золотыми нитками.
Тогда кузнецъ Вселенскій,
Вѣчный ковачъ міра,
Одѣвалъ на себя одежду,
Украшалъ себя нарядами:
Одѣлъ рубаху холщевую
На безпотное тѣло,
Натянулъ узенькіе порты
На стройныя ножки,
Одѣлъ чулки теплые
На гибкія ножки,
А поверхъ ихъ (чулковъ) сапоги съ каблуками,
Скроенные изъ коровьей кожи,
Вырѣзанные изъ бычачьей шкуры,
Одѣлъ кафтанъ покрасивѣе,
Цвѣтомъ овсяной травы,
Зелёный, какъ зелёная трава.
Сверху одѣлъ шубу пушистую,
Съ тысячей пуговицъ,
Съ сотней петелекъ.
Тутъ онъ опясывался поясомъ,
Связаннымъ изъ желтой шерсти,
Украшеннымъ золотыми нитками.
И тогда сказалъ таковы слова:
«Матушка родимая,
Запряги мнѣ буйнаго жеребца
Въ передокъ красныхъ саней,—
Саней съ двумя серебрянными полозьями,
Съ шестью золотыми копылами,
Положи кукующихъ кукушекъ,
Чиликающихъ птичекъ.
На дугѣ пѣть,
На гужахъ чирикать,
Пусть всѣ люди посмотрятъ,

Нуорэдъ пойгадъ пӧлгястӯтäһъ,
Урозъ міеһедъ урадутаһъ,
Нуорэдъ нейдодъ иһастутаһъ,
Ваһнадъ ваймодъ варастутаһъ...»
Муамаһъ варзанъ валлястэли,
Виллёйнъ кордяһъ панэттэли,
Какси-һобью дялгаксойжиһъ,
Кувзи-кулду каблаһайжиһъ;
Пани кягюӧйдъ куккумаһъ,
Пани чивчёйдъ чилижеммяһъ,
Бембелъ піäлэ паятаммаһъ,
Рахкеһилэ рячятäммяһъ...
Иштуйһезэ Сепуой Илмаллинэ кордянъ перяһъ,
Дямуой кобриһъ оһьяксэдъ,
Кайналуойжеһъ кавнижъ плетинъ;
Ишки варзанъ вягёвясти,
Ишки виллёйнъ кибедäсти,
Ляхти мердӯ мӯӧти аямаһъ...
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматтэ;
Эй-го кабье һебонъ касту,
Эй-го вуоһинэ лиһонэ,
Рахкеһисса развадъ валувъ,
Бембелессä вери типпувъ;
Рускедъ корде карижовъ,
Кулду каблазъ каижовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Кувловъ Сепуой дюрӯнъ суврэнъ;
Һаву мячче һояйдавъ,
Кувзи корби куяйдавъ;
Каччовъ ӯлёйһъ—пяйвёй паштавъ,
Каччовъ алаһъ—реги аявъ;
Кенгосъ, кунгосъ регезъ аявъ?

Регезъ какси міестӯ:
Ӯкси ваһнэ Вяйнэмӯӧйнэ,
Тойнэ нуори Дёгамуойнэ...
Ваһнэ війзавъ Вяйнэмӯӧйнэ
Ласки шурмудъ Сепуойнъ піäлэ:
Сепуойнъ корде копастиһъ,
Кирьявъ корде кипастиһъ,
Һобью дялгаксэдъ турмоттиһъ...
Лавлуой Сепуой Суарэнъ саложанъ
Кески мерэнъ синиженъ,

Койвудъ ковадъ казветтиһъ,
Валгей туоһедъ—турботтиһъ;
Отти Сепуой Илмаллинэ койвунъ,
Луадій кай віе луембп,
Азуй кай віе парэмби:

Молодые ребята испугаются,
Пожилые—съ ума сойдутъ,
Молодыя дѣвушки обрадуются,
Старыя старухи устрашатся»...
Мать жеребца запрягала,
Буйнаго къ санямъ подводила,
Съ двумя серебряными полозьями,
Съ шестью золотыми копылами;
Положила кукующихъ кукушекъ,
Чиликающихъ птичекъ
На дугѣ пѣть,
На гужахъ чирикать.
Сѣлъ кузнецъ Вселенскій въ задокъ саней,
Обернулъ около рукъ возжи,
Положилъ красивый кнутъ подъ мышки,
Ударилъ жеребца сильно,
Ударилъ буйнаго больно
И отправился по морю.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго.
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ,
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ;
Красныя сани скрипятъ
Золото-копыльныя звенятъ.
Въ половинѣ третьяго дня
Слышитъ кузнецъ сильный громъ;
Сосновый (букв. помяльный) лѣсъ гудитъ,
Еловая чаща шумитъ.
Смотритъ вверхъ—солнышко печетъ;
Смотритъ внизъ—дровни ѣдутъ.
Кто же, кто же на дровняхъ ѣдетъ?
На дровняхъ ѣдутъ два молодца:
Одинъ старый Вяйнэмёйнэ,
Другой молодой Дёгамойнэ.
Старый мудрый Вяйнэмёйнэ
Напустилъ чары на кузнеца.
Кузнеца санки привскочили,
Пестрыя санки встряхнулись
Серебренные полозья попортились...
Спѣлъ кузнецъ пѣсню—и образовался лѣсистый островъ
По срединѣ синяго моря...
Выросли крѣпкія березы,
Бѣло-корыя густо покрылись вѣтвями.
Взялъ Вселенскій кузнецъ березу,
Исправилъ всѣ поврежденія,
Сдѣлалъ все еще лучше.

Ляхти эдэллэһъ мертӯ мӯотнаямаһъ..
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматту;
Эй-го кабье һебонъ касту,
Эй-го вуоһинэ лиһонэ;

Рахкеһисса развадъ валувъ,
Бембелессä вери типпувъ;
Рускедъ корде ручижовъ,
Кулду каблазъ канжовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Кувловъ мюöсти Сепуой дюрюнъ;
һаву мечче һояйдавъ,
Кувзи корби куяйдавъ;
Каччовъ ӯлёйһъ-пяйвёй паштавъ,
Каччовъ алаһъ-реги аявъ;

Кенгосъ, кунгосъ регезъ аявъ?
Регезъ аявъ какси мiестӯ:
Ӯкси ваһнэ Вяйнэмӯöйнэ,
Тойнэ нуори Дёгамуойнэ,
Ваһнэ вiйзавъ Вяйнэмӯöйнэ
Ласки шурмудъ Сепуойнъ пiäлэ,
Сепуойнъ корде копастиһъ,
Рускедъ корде рикастиһъ,
Кулду-каблаһадъ турмоттиһъ...
Лавлуой Сепуой Суарэнъ саложанъ

Кески мерэнъ синиженъ,
Койвудъ ковадъ казветтиһъ,
Оксэ койвудъ турботтиһъ
Отти Сепуой Илмаллинэ койвунъ,
Луадiй кай вiе луемби,

Азуй кай вiе парэмби;
Ляхти эдэллэһъ мертӯ мӯотнаямаһъ..
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматту;
Эй-го һебонъ кабю касту,

Эй-го вуоһинэ лиһонэ;
Рахкеһисса развадъ валувъ,
Бембелессä вери типпувъ;
Рускедъ корде ручижовъ,
Кулду каблазъ канжовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Кувловъ мюöсти Сепуой дюрюнъ;
һаву мечче һояйдавъ,
Кувзи-корби куяйдавъ;
Каччовъ ӯлёйһъ-пяйвёй паштавъ,

Каччовъ алаһъ-реги кулговъ...
Кенгосъ, кунгосъ регезъ аявъ?

Отправился дальше въ дорогу по морю...
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго...
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ,
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ,
Красныя сани скрипятъ,
Золотокопыльныя звенятъ.
Въ половинѣ третьяго дня
Слышитъ кузнецъ сильный громъ.
Сосновый лѣсъ шумитъ,
Еловая чаща гудитъ;
Смотритъ вверхъ—солнышко печетъ,
Смотритъ внизъ—дровни ѣдутъ.
Кто же, кто же на дровняхъ ѣдетъ?
На дровняхъ ѣдутъ два молодца:
Одинъ старый Вяйнэмёйнэ,
Другой молодой Дёгамуойнэ...
Старый мудрый Вяйнэмёйнэ
Напустилъ чары на кузнеца.
Кузнеца санки привскочили,
Красныя санки поломались,
Золотыя копыта попортились.
Спѣлъ кузнецъ пѣсню,—и образовался лѣсистый островъ
По срединѣ синяго моря,
Выросли крѣпкія березы,
Вѣтвистыя — густо покрылись зеленью,
Взялъ Вселенскій кузнецъ березу,
Всѣ поврежденія исправилъ,
Сдѣлалъ все еще лучше.
Отправился дальше въ дорогу по морю.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго...
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ,
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ,
Красныя сани скрипятъ,
Золотокопыльныя звенятъ.
Въ половинѣ третьяго дня
Слышитъ кузнецъ сильный громъ.
Сосновый лѣсъ—гудитъ,
Еловая чаща шумитъ.
Смотритъ вверхъ—солнышко печетъ.
Смотритъ внизъ—дровни ѣдутъ;
Кто же, кто же на дровняхъ ѣдетъ?

Регезъ аявъ какси міестў:
ўкси ваһнэ Вяйнэймўӧйнэ,
Тойнэ нуори Дегамуойнэ;
Ваһнэ вiйзавъ Вяйнэмўӧйнэ
Ласки шурмудъ Сепуойнъ-піäлэ;
Сепуойнъ корде копастиһъ,
Рускедъ корде рикастиһъ,
Бембеледъ нэдъ турмоттиһъ...
Лавлой Сепуой суарэнъ саложанъ
Кески мерэнъ синиженъ,
Ковадъ койвудъ казветтиһъ
Кичеръ туомедъ турботтиһъ.
Отти Сепуой Илмаллинэ туоменъ,

Луадій кай віе луемби,
Азуй кай віе парэмби;
Ляхти мердў мюӧти аямаһъ...
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматту;

Эй-го һебонъ кабью касту,
Эй-го вуоһинэ лиһонэ
Рахкеһисса развадъ валувъ,
Бембелиссä вери типпувъ;
Рускедъ корде карижовъ,
Кулду каблазъ канжовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Кувловъ Сепуой-койру нуттавъ;
һаву мечче һояйдавъ,
Кувзи корби куяйдавъ;
Каччовъ ўлёйһъ-пяйвёй паштавъ,
Каччовъ алаһъ-саву новзовъ.
Койрэ-рикки, кодинъ вардюой,
һавкувъ-нуттавъ Сепуойнъ-піäлэ,
Варзанъ нирзанъ вердўттäвъ,

Виллёйнъ һяндäнъ виллоттавъ.
Сміеттивъ Сепуой-эляй ляһинъ,
Аяттэловъ-агъю пäгювъ
һянэнъ мерэнъ кулгеманъ,
Гянэнъ кордязъ-аяндамъ.

Каччовъ Сепуой-эляй-тила,
Цааринъ коди корһоттавъ,
һидвидъ перти-порһоттавъ.
Аюой Сепуой Илмаллинэ
һидвидъ Цааринъ иккуойнъ-аллэ;

На дровняхъ ѣдутъ два молодца:
Одинъ старый Вяйнэмёйнэ
Другой молодой Дёгамойнэ;
Старый мудрый Вяйнэмёйнэ
Напустилъ свои чары на кузнеца.
Кузнеца санки привскочили,
Красныя санки поломались,
Дуга его попортилась.
Спѣлъ кузнецъ пѣсню,—и образовался лѣсистый островъ
По срединѣ синяго моря;
Выросли крѣпкія березы,
Кудрявыя черемухи густо покрылись вѣтвями;
Взялъ Вселенскій Кузнецъ черемуху,
Исправилъ всѣ поврежденія еще крѣпче прежняго,
Сдѣлалъ все еще лучше.
Отправился дальше въ дорогу по морю.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго;
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ;
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ,
Красныя сани скрипятъ,
Золото-копыльныя звенятъ.
Въ половинѣ третьяго дня
Слышитъ кузнецъ,—собака лаетъ.
Сосновый лѣсъ гудитъ,
Еловая чаща шумитъ,
Смотритъ вверхъ,—солнышко печетъ,
Смотритъ внизъ, — дымъ поднимается.
Маленькая собачка,—сторожъ дома,
Лаетъ-ворчитъ на кузнеца,
Царапаетъ морду его жеребца до крови,
Таскаетъ за хвостъ буйнаго.
Думаетъ кузнецъ, — что житель близко,
Предполагаетъ,—что конецъ наступаетъ
Его путешествію по морю,
Его ѣздѣ въ санкахъ.
Смотритъ кузнецъ—жилище.
Видитъ кузнецъ—царскій домъ высится
Изба Хидвида ширится.
Подъѣхалъ кузнецъ Вселенскій
Подъ окно Хидвида царя;

Һобью-дялгазъ сэйжаттиһъ,
Кулду-каблазъ копахтиһъ,
Рускедъ корде аэтуй;
Варзалъ һиги һаллэвуй,
Виллёйзъ вуахти валэвуй.

Сановъ сійтэ Сепуой Илмаллинэ,
Тагуой илманъ игэллинэ,
Коргедъ іäнэлъ іäништäвъ,
Сагедъ іäнэлъ сагиштавъ:
«Һидвидъ цаари, міеһизъ міезъ!
Дёго андадъ айнавуойженъ,
Дёго тюöндäдъ тӳттäрюöйженъ,
Кулду каблазъ кулгіаһъ,
Сепуойнъ кордяһъ һургуяһъ?..»
Вастаһъ һидвидъ вастадэли,
Сепуойнъ Саномилэ санэли:
Ой го, ной го Сепуой Илмаллинэ,
Тагуой илманъ игяллинэ!
Äскю андаиъ айнавуойженъ,
Äскю тюöндäнъ тӳттäрюöйженъ
Синунъ кордяһъ һургуягъ,
Кулду-каблазъ кулгіаһъ,
Лавланэдъ-ку ламбинъ пиһалэ,
Піенэдъ мутидъ пирскамаһъ,
Лаһнанъ-каладъ лаймамаһъ,

Лоһенъ-каладъ лойгамаһъ;
Азунэдъ-ку айданъ ӳмбяри,
Луадинэдъ-ку ламбинъ рандаһъ
Равдайжилъ-го жердійжилъ,
Тэрäксöмилъ сейбяһяйжилъ;

Вичо мадонъ вичайжилъ,
Һяндäдъ діятä һяйлюмяһъ,
Нюокадъ вуорой чуйламаһъ...
Лавлуой Сепуой Илмаллинэ
Һидвидъ цаарилэ ламбійженъ

Піенэдъ мутидъ пирскамаһъ,
Лаһнанъ-каладъ лаймамаһъ,
Лоһенъ-каладъ лойгамаһъ;
Азуй айданъ ӳмбяри,
Луадій кургенъ ламбинъ рандаһъ

Равдайжилъ-го жердійжилъ,
Тэрäксöмилъ сэйбяһяйжилъ;
Вичой мадонъ вичайжилъ,
Һяндäдъ діятти һяйлюмяһъ
Нюокадъ вуорой чуйламаһъ...

Серебренно-полозныя остановились,
Золото-копыльныя стали какъ вкопанныя,
Красныя сани остановились;
На жеребцѣ потъ обратился въ иней,
Съ буйнаго потекла пѣна.
Говоритъ тогда Вселенскій кузнецъ,
Вѣчный ковачъ міра,
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Сильнымъ голосомъ молвитъ:
«Хидвидъ царь, изъ мужей мужъ!
Ужель ты отдаешь единственную,
Ужель ты отправляешь дочь
Въ золото-копыльныя ѣдущія сани,
Въ скользящія сани кузнеца?»
Въ отвѣтъ Хидвидъ говорилъ,
На слова кузнеца сказывалъ:
«Ой ты, кузнецъ Вселенскій,
Ковачъ міра вѣчный!
Только тогда отдамъ единственную
Только тогда отправлю дочку
Въ золото-копыльныя ѣдущія сани,
Въ скользящія сани кузнеца,
Если ты споешь пѣсню, — и на улицѣ образуется озеро,
И чтобъ въ немъ маленькія рыбки бойко сновали,
Лещи плескались,
Лососи съ шумомъ бы ударяли по водѣ.
Если ты поставишь около огороду,
Сдѣлаешь её по берегу озера
Изъ желѣзныхъ жердей,
Изъ заостренныхъ кольевъ,
Перевяжешь, вмѣсто прутьевъ, змѣями,
При томъ—хвосты ихъ (т. е. змѣй) оставишь качаться
И жала попеременно колебаться.
Спѣлъ Вселенскій кузнецъ,
И на улицѣ Хидвида царя образовалось озеро,
Маленькія рыбки въ немъ бойко сновали
Лещи плескались,
Лососи съ шумомъ ударяли по водѣ;
Сдѣлалъ также огороду около,
Наладилъ кривую по берегу озера
Изъ желѣзныхъ жердей;
Изъ заостренныхъ кольевъ,
Перевязялъ, вмѣсто прутьевъ, змѣями,

Мӱӧсти мяни Сепуой Илмаллинэ
һидвидъ Цааринъ иккуойнъ-аллэ,
Коргедъ іӓнэлъ іӓништӓвъ,
Сагедъ іӓнэлъ сагигитавъ:
«һидвидъ цаари,—міеһизъ міезъ!
Дёго андадъ айнавуойженъ,
Дёго тюӧндӓдъ тӱттӓрюӧйженъ
Кулду каблазъ кулгіяһъ,
Сепуойнъ корьяһъ һургуяһъ?
Минӓ лавлуойнъ ламбинъ пиһалэ,

Піенэдъ мутидъ пирскамаһъ,
Лаһнанъ-каладъ лаймамаһъ,
Лоһенъ-каладъ лойгамаһъ;
Азуйнъ айданъ ӱмбяри
Равдайжилъ-го жердійжилъ,

Тэрӓксӧмилъ сэйбяһяйжилъ,
Вичуойнъ мадонъ вичайжилъ,
һяндӓдъ діятинъ һяйлюмяһъ,
Нюокадъ вуорой чуйламаһъ.
Сійтэ һидвидъ вастадэли,

Сепуойнъ саномилэ санэли:
«Ӓскю анданъ айнавуойженъ,
Ӓскю тюӧндӓнъ тӱттӓрюӧйженъ,
Войнэдъ пелдонъ кючинъ кюндӓй,
Кіярмэһиженъ кіяндэтэлтӓ,

Мадоһиженъ вагодэлта
Кенгяттӧмилъ дялгайжилъ,
Вӱӧттӧмилъ-го рунгайжилъ,
Сӱӧмяттӧмилъ вачайжилъ?»
Отти Сепуой рагонъ равдадъ,

һобьядъ, кулдадъ кюлляcти,
Тагуой адранъ аркувасти,
Кулдалъ лаштэдъ кулдитти
һобьялъ адраймедъ һобьиччи;
Равдэ пайданъ пинэттэли,
Киви-һатунъ чумуттэлли;
Ляхти пелддонъ кюндӓмяһъ,
Ляхти кючинъ куёйтаммӓһъ,
Кіярмеһишту кіяндэлеммӓһъ,
Мадоһишту вагодаммаһъ...
Лопій Сипуой кюндӓндӓнъ,
һейти Тагуой вогодандань,

Хвосты ихъ оставилъ качаться
И жала попеременно колебаться.
Снова пришелъ Вселенскій кузнецъ
Подъ окно Хидвида царя,
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Сильнымъ голосомъ сказываетъ:
«Хидвидъ царь, изъ мужей мужъ!
Ужель ты отдашь единственную,
Ужель ты отправишь дочь
Въ золото-копыльныя ѣдущія сани,
Въ скользящія сани кузнеца?
Я пропѣлъ—и на улицѣ образовалось озеро,

Въ немъ маленькія рыбки бойко снуютъ,
Лещи плещутся,
Лососи съ шумомъ ударяютъ по водѣ,
Я сдѣлалъ огороду около
Изъ желѣзныхъ жердей,
Изъ заостренныхъ кольевъ
Перевязалъ ее, вмѣсто прутьевъ, змѣями,
Хвосты ихъ оставилъ качаться,
А жала попеременно колебаться.
Тогда Хидвидъ отвѣчалъ,
На слова кузнеца сказывалъ:
«Только тогда отдамъ единственную,
Только тогда отправлю дочку,
Если ты сможешь спахать поле, полное ядовитыхъ змѣй,
Змѣиное переорать,
Змѣиное избороздить канавками,
Безъ сапоговъ на ногахъ,
Безъ пояса на таліи,
И предварительно не поѣвъ никакой пищи».
Взялъ кузнецъ немного желѣза [1])
Серебра и золота достаточно;
Сковалъ тщательно соху,
Покрылъ золотомъ лемехъ (отвалъ),
Серебромъ сошники;
Одѣвалъ на себя желѣзную рубаху,
На голову каменную шапку
И отправился пахать поле,
Змѣиное орать,
Змѣиное сохой поворачивать,
Змѣиное бороздить канавками.
Кончилъ кузнецъ—пахать
Пересталъ ковачъ—бороздить,

[1]) Букв.—столько, сколько помѣстится въ скважинѣ, щелкѣ, трещинѣ.

Мяни һидвидъ иккуойнъ-аллэ
Коргедъ іäнэлъ іäништäвъ,
Сагедъ іäнэлъ сагиштавъ:
«һидвидъ цаари, міеһизъ міезъ!
Дёго андадъ айнавуойженъ,
Дего тюбндäтъ тÿттäрюйженъ
Кулду каблазъ кулгіаһъ,
Сепуойнъ кордяһъ һургуяһъ?
Минä кючинъ пелдонъ кюндинъ,
Кіярмеһиженъ кіяндэлинъ,
Мадоһиженъ вагодэлинъ
Вÿöттöмилъ-го рунгайжилъ,
Сÿöмяттöмилъ вачайжилъ,
Кенгяттöмилъ дялгайжилъ»...
Андуой сійтэ һидвидъ цаари,
Андуой оманъ айнавуойженъ,
Тюбнзи оманъ тÿттäрюбйженъ,
Кавнэһенъ-го Дуардёйнъ-Муардёйнъ
Кулду-каблазъ кулгіаһъ,
Сепуойнъ кордяһъ һургуяһъ...
Ляхти Сепуой аямаһъ,
Ляхти Илмой кулгемаһъ;
Муардёй-Дуардёй кордязъ иштувъ,
Кавникайнэ перäзъ ноявъ;
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ
Аявъ пяйвядъ колматту;
Эй-го кабье һебонъ касту,
Эй-го вуоһинэ лиһонэ;
Рахкеһисса развадъ валувъ,
Бембелиссä вери типпувъ,
Рускедъ корде карижовъ,
Кулду каблазъ каижовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Каччовъ Сепуой кордянъ перäһъ,
Эй-го кордязъ Муардёйдъ-Дуардёйдъ,
Кулгіясса кулдашту,
Карижіясъ кавништу;
Муардёй-Дуардёй веревяйнэ,
Валгей һибью лиһавайнэ,
Пелвазъ тукке, сини силме,
Кайдэ куё-мустэ кулме,
Ленди тіяхтэксъ тайваһаһъ,
Лійгаксъ тіяхтэксъ ÿляһяһъ.
Эчій Илмаллинэ Сепуой тіяхтэнъ,
Муардёйнъ-Дуардёйнъ веревяйженъ,
Валгей-һибью лиһавайженъ,
Пелвазъ-туканъ, сини силмянъ,
Кайдэ куе-мустанъ кулманъ,
Пуаксудъ тіяхтэдъ тіедойтэли,
Кулду тикудъ лугойтэли;
Лёвзи Сепуой лійганъ тіяхтэнъ,

Подошелъ онъ подъ окно Хидвида царя,
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Сильнымъ голосомъ сказываетъ:
«Хидвидъ царь, изъ мужей мужъ!
Ужель ты отдашь единственную,
Ужель ты отправишь дочь
Въ золото-копыльныя ѣдущія сани,
Въ скользящія сани кузнеца?
Я спахалъ поле, полное ядовидныхъ змѣй,
Змѣиное переоралъ,
Змѣиное изборороздилъ канавками.
Безъ пояса на таліи,
Предварительно не поѣвъ никакой пищи,
Безъ сапоговъ на ногахъ».
Отдалъ тогда Хидвидъ царь,
Отдалъ единственную,
Отправилъ свою дочь—
Прекрасную Дуардёй-Муардёй
Въ золото-копыльныя, ѣдущія сани,
Въ скользящія сани кузнеца.
Отправился кузнецъ въ путь,
Отправился Вселенскій въ дорогу.
Муардёй-Дуардёй въ саняхъ сидитъ,
Прекрасная въ задкѣ привалилась.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго.
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ;
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ;
Красныя сани скрипятъ,
Золото-копыльныя звенятъ.
Въ половинѣ (полдень) третьяго дня
Смотритъ кузнецъ въ задокъ саней.
Нѣтъ въ саняхъ Муардёй-Дуардёй,
Въ скользящихъ—золотой;
Въ звенящихъ—прекрасной;
Муардёй-Дуардёй румяная,
Бѣлотѣлая, полная,
Льняноволосая, синеглазая,
Узкая тропинка черноброваая
Улетѣла звѣздой на небо,
Лишней звѣздой въ высоту.
Искалъ Вселенскій кузнецъ звѣзду
Муардёй-Дуардёй румяную,
Бѣлотѣлую, полную.
Льнянноволосую, синеглазую,
Узкую тропинку-черноброву,
Частыя звѣзды разузнавалъ,
Золотыя крапинки пересчитывалъ,
Нашелъ кузнецъ лишнюю звѣзду,

Эчій Сепуой кулду-тикунъ;
Отти Муардёйнъ-Дуардёйнъ кордяhъ
Веревяйженъ-лиhавайженъ,—
Родійhезэ віе кавнэhемби...
Ляхти Сепуой аямаhъ,
Ляхти Илмой кулгемаhъ;
Муардёй-Дуардёй кордязъ иштувъ,
Лигавайнэ перäзъ ноявъ...
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматту;
Эй го кабье hебонъ касту,
Эй-го вуоhпнэ лиhонэ;
Рахкеhисса разведъ валувъ,
Бембелессä вери типпувъ;
Рускедъ корде карижовъ,
Кулду каблазъ канжовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Каччовъ Сепуой кордянъ перähъ;
Эй-го кордязъ Муардёйдъ-Дуардёйдъ,
Кулгіасса кулдашту,
Карижіясъ кавништу.
Муардёй-Дуардёй веревяйнэ,
Валгей-hибью лиhавайнэ,
Пелвазъ тукке, сини силме,
Кайдэ куе, мустэ кулме,
hейтиhъ чуврукcъ мерэнъ поhьяhъ,
Чукелдиhъ го ведэнъ бонгаhъ,

Сулуой кивексъ сулахтиhъ,
Лійгаксъ чуврукcъ чупсахтиhъ.
Эчій Сепуой Илмаллинэ чурунъ,
Муардёйнъ-Дуардёйнъ веревяйженъ,
Валгей-hибью лиhавайженъ,

Пелвазъ туканъ, сини силманъ,
Кайдэ куё, мустанъ кулманъ;
Мерэнъ чурудъ чопеттэли,
Сулуой киведъ кіяндэттэли,
Лёвзи Сепуой лійганъ чурунъ
Эчій Сепуой Сулуой кивенъ;
Ности Муардёйнъ-Дуардёйнъ кордяhъ,
Веревяйженъ, лиhавайженъ,—
Родій hезэ віе кавнэhемби...
Ляхти Сепуой аямаhъ,
Ляхти Илмой кулгемаhъ.
Муардёй-Дуардёй кордязъ иштувъ,
Лиhавайнэ перäзъ ноявъ.
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматту;

Отыскалъ кузнецъ золотую крапинку,
Взялъ Муардёй-Дуардёй въ сани,
Румяную, полную,
И она стала еще прекраснѣе.
Отправился кузнецъ въ дорогу,
Отправился Вселенскій въ путь;
Муардёй-Дуардёй въ саняхъ сидитъ,
Полная въ задкѣ привалилась.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго;
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ;
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ,
Красныя сани скрипятъ,
Золото-копыльныя звенятъ.
Въ полдень третьяго дня
Смотритъ кузнецъ въ задокъ саней.
Нѣтъ въ саняхъ Муардёй-Дуардёй,
Въ скользящихъ—золотой,
Въ звенящихъ—прекрасной.
Муардёй-Дуардёй румяная,
Бѣлотѣлая, полная,
Льняноволосая, синеглазая,
Узкая тропинка-чернобровая
Опустилась песчинкой на морское дно,
Нырнула въ глубину водъ,
Бѣлымъ камешкомъ затерялась, (букв. растаяла),
Лишней песчинкой скрылась.
Отыскалъ кузнецъ Вселенскій песчинку,
Муардёй-Дуардёй румяную,
Бѣлотѣлую, полную,
Льнановолосую, синеглазую,
Узкую тропинку-чернобровую,
Морскія песчинки перебралъ,
Бѣлые камешки расшевелилъ;
Отыскалъ кузнецъ лишнюю песчинку,
Подняль Муардёй-Дуардёй въ сани,
Румяную, полную,
И она стала теперь еще прекраснѣе.
Отправился кузнецъ въ путь,

Отправился Вселенскій въ дорогу.
Муардёй-Дуардёй въ саняхъ сидитъ,
Полная въ задкѣ привалилась.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго.

Эй го кабью һебонъ касту,
Эй го вуоһинэ лиһонэ,
Рахкеһисса развадъ валувъ,
Бембелессä вери типиувъ,
Рускедъ корде карижовъ,
Кулду-каблазъ канжовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Каччовъ Сепуой кордянъ-перäһъ;
Эй-го кордязъ Муардёйдъ-Дуардёйдъ,
Кулгiясса кулдашту,
Карижiясъ кавништу.
Муардёй-Дуардёй веревяйнэ,
Валгей-һибью лиһавайнэ,
Пелвазъ тукке, сини силме,
Кайдэ куё,—мустэ кулме,
Муувтiйһъ пiйрай вяртинäксъ,
Магей-росгёгъ пуаликаксъ;
Кайдаһъ кордяһъ каймадуй,
Куйвиһъ һейниһъ һявидуй;
Сiйдъ го Сепуой Илмаллинэ,

Тагуой илманъ игяллинэ,
Пури һувлэдъ, кiяиди пiянъ,
Мурди мустадъ һабенэдъ;
Эчiй кордязъ вяртинäйженъ,
Муардёйнъ-Дуардёйнъ веревяйженъ,
Валгей-һибью лиһавайженъ,
Пелвазъ туканъ, сини силмянъ,
Кайдэ куё, мустанъ кулманъ;
Кордянъ мурни кiяндэттэли,
һейнäдъ куйвадъ тувлуойтэли,
Лёвзи Сепуой вяртинäйженъ,
Эчiй Сепуой пуаликай кенъ;
Кядэһъ отти каткайдэли,
Пойки пуолэзъ мурэндэли,
һiеноксъ чилмуксъ чилмуойдэли,
Мустаһъ Мерэһъ вишкайдэли.
Сiйтэ Сепуой Илмаллинэ,
Тагуой илманъ игяллинэ,
Санэли-го саномайжедъ,
Виркели-го виркандайжедъ:
„Муардёй-Дуардёй веревяйнэ,
Валгей һибью, лиһавайнэ,
Пелвазъ тукке, сини силме,
Кайдэ куё, мустэ кулме,
Мянэ каюойксъ игяксъ кайкексъ
Луодолуойле локоттамаһъ,

Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ;
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ;
Красныя сани скрипятъ,
Золото-копыльныя звенятъ.
Въ полдень третьяго дня
Смотритъ кузнецъ въ задокъ саней.
Нѣтъ въ саняхъ Муардёй-Дуардей,
Въ скользкихъ—золотой,
Въ звенящихъ—прекрасной.
Муардёй-Дуардёй румяная,
Бѣлотѣлая, полная,
Льняноволосая, синеглазая,
Узкая тропинка-чернобровая
Оборотилась веретеномъ, которымъ скутъ пироги,
Палочкой, которой скутъ вкусные «ростёги» [1])
Въ узкихъ саняхъ затерялась,
Въ сухомъ сѣнѣ запропала.
Тогда кузнецъ Вселенскiй,
Ковачъ мiра вѣчный,
Прикусилъ губы, склонилъ голову,
Закрутилъ черные усы;
Отыскалъ въ саняхъ веретено,
Муардёй-Дуардёй румяную,
Бѣлотѣлую, полную,
Льняноволосую, синеглазую,
Узкую тропинку-чернобровую,
Сани повернулъ вверхъ дномъ,
Сухое сѣно растрясъ.
Нашелъ кузнецъ веретено,
Отыскалъ палочку (скало),
Въ руки взялъ сломалъ,
На самой срединѣ переломилъ,
На мелкiя части измельчилъ
И бросилъ въ черное море.
Тогда кузнецъ Вселенскiй,
Ковачъ мiра вѣчный,
Говорилъ такiя слова,
Молвилъ такiя рѣчи:
«Муардёй-Дуардёй румяная
Бѣлотѣлая, полная,
Льняноволосая, синеглазая,
Узкая тропинка-чернобровая,
Будь чайкой во всю жизнь,
На мелкихъ мѣстахъ кричи

[1]) Особый видъ печенья состоящiй изъ тонкаго ржанаго сканца и молочной начинки.

Ведэнъ кивилъ кайкуттамагъ,
Нэнäнъ ніемилъ нивгумаћъ,
Вастатувлићъ вуаппумаћъ“.
Сійтэ Сепуой Илмаллинэ,

Тагуой илманъ игяллинэ,
Иштуйћъ кордяћъ кирьяваћъ,
Ишки плетилъ кибедäсти,
Виллёйнъ варзанъ вягевясти,
Ляхти мердў мўöти аямаћъ...

На камняхъ, выступающихъ изъ-подъ воды, издавай звуки,
На мысахъ—взвизгивай,
Противъ вѣтра—покачивайся.
Послѣ этого Вселенскій кузнецъ,
Ковачъ міра вѣчный
Сѣлъ въ пестрыя сани,
Ударилъ кнутомъ жеребца больно
Ударилъ буйнаго сильно
И пустился въ дорогу по морю.

Н. Лѣсковъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

В. Мочульскій. Слѣды народной библіи въ славянской и древнерусской письменности. Одесса 1893.

Въ 1887 году вышла въ свѣтъ магистерская диссертація г. Мочульскаго «Историко-литературный анализъ стиха о голубиной книгѣ. Въ ней авторъ, опредѣляя ближайшіе источники стиха о голубиной книгѣ», указываетъ на «Бесѣду трехъ святителей», какъ на ближайшій литературный источникъ его, а въ одномъ изъ примѣчаній обращается къ читателю со слѣдующими словами: «Считаю долгомъ предупредить, что апокрифическая Бесѣда трехъ святителей» представляетъ, по моему мнѣнію, настолько интересный и сложный памятникъ, что не въ далекомъ будущемъ я намѣренъ посвятить ей спеціальное изслѣдованіе въ связи съ тѣми апокрифами, которые имѣютъ отношеніе къ этой «Бесѣдѣ» (стр. 37—38, прим.).

Нѣсколько ниже (стр. 53) г. Мочульскій пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Бесѣда трехъ святителей есть сложная апокрифическая книга», родъ апокрифической библіи», въ составъ ея вошли: 1) апокрифическая книга Бытія, 2) апокрифъ «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ», 3) книга Адама и 4) Апокалипсисъ Іоанна. Всѣ эти справки намъ необходимы для того, чтобы уяснить себѣ хотя бы отчасти странное заглавіе новаго изслѣдованія г. Мочульскаго, которое будетъ теперь для насъ предметомъ разсмотрѣнія.

Очевидно говоря о «слѣдахъ народной библіи» авторъ подразумѣваетъ подъ этими словами, какое то особое повѣствованіе о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, сложившееся въ народной средѣ и впослѣдствіи перенесенное въ литературу и отразившееся въ славянской и древнерусской письменности. Но дѣло въ томъ, что въ изслѣдованіи мы не находимъ ни слова ни о какой «народной библіи» въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь, напротивъ, мы наталкиваемся на анализъ, болѣе или менѣе поверхностный, литературныхъ памятниковъ типа «Бесѣды трехъ святителей» т. е. вопросо-отвѣтовъ на библейскія темы, бывшихъ весьма распространенными въ средневѣковой литературы византійско-славянской и западно-европейской,

Послѣ краткаго обзора литературы вопроса авторъ приступаетъ къ анализу слѣдующихъ діалоговъ, извѣстныхъ въ славянорусской письменности: 1) Вопросы и отвѣты Василія В., Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго (бесѣда трехъ святителей); 2) Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской; 3) Вопросы Іоанна Б. Аврааму на Елеонской горѣ; 4) Вопросы Іоанна Б. Аврааму о праведныхъ душахъ, и 5) Варѳоломѣевы вопросы Богородицѣ.

Обратимъ вниманіе на то, что авторъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ «Преніе Панагіота съ Азимитомъ», хотя въ своемъ изслѣдованіи кое гдѣ какъ бы мимоходомъ ссылается на него.

Такъ какъ наряду съ подобными славянскими рукописными произведеніями встрѣчаются въ значительномъ количествѣ и латинскія, то г. Мочульскій обращается предварительно къ этимъ послѣднимъ и обозрѣваетъ всѣ извѣстные ему списки, сопоставляя ихъ съ «Гипомнестикономъ» нѣкоего Іосифа, еврея по происхожденію, принявшаго христіанство и жившаго, по мнѣнію автора изслѣдованія, въ срединѣ IV в. (стр. 26—27). Въ слѣдующей главѣ авторъ, не давъ опредѣленія «Бесѣды трехъ святителей», обозрѣваетъ всѣ извѣстные ему греческіе списки ея и тѣ толковые сборники, которые стоятъ по своему содержанію близко къ разсматриваемому памятнику. Изъ этого обозрѣнія авторъ дѣлаетъ выводъ, что Бесѣда трехъ св. была *толковой* библіей, осложнившись толковыми статьями. Мы не усматриваемъ однако причинъ такого утвержденія: скорѣе всего можно назвать Б. тр. св. катехизаціей библейско-апокрифическаго матеріала, съ обширными дополненіями.

Въ слѣдующей главѣ авторъ обозрѣваетъ славянскіе списки «Бесѣды» и толковые сборники, имѣвшіе по его мнѣнію связь съ апокрифическими вопросо-отвѣтами. Затѣмъ слѣдуетъ анализъ этого матеріала, подведеніе подъ рубрики по редакціямъ, причемъ редакціи устанавливаются г. Мочульскимъ весьма поверхностно—по зачаламъ списковъ. Видимо авторъ много потрудился, чтобы составить описаніе, хотя бы поверхностное, извѣстныхъ ему списковъ, но онъ, какъ и ниже при анализѣ другихъ діалоговъ, вовсе не поставилъ себѣ прямой цѣли: передъ нами проходитъ нѣчто безсвязное, нестройное. Авторъ пускается разыскивать въ памятникахъ діалогической формы—ереси, и конечно при нѣкоторомъ желаніи вездѣ можно найти все, чего хочешь! Онъ открываетъ ересь гностиковъ, монофизитовъ, манихевъ, богомиловъ и др. и доходитъ до того, что при анализѣ сборника Каафъ (стр. 153) въ число раскольничьихъ мнѣній включаетъ Домостроевское объясненіе крестнаго знаменія. Авторъ незнакомъ съ Никодимовымъ евангеліемъ, съ толковой и историческою палеями, которые лучше объяснили бы происхожденіе разныхъ мѣстъ разбираемыхъ діалоговъ, нежели основательныя мудрствованія и голословныя ссылки на ереси.

Анализъ текста памятника на основаніи данныхъ языка для автора не представляетъ значенія. Послѣ анализа содержанія «Вопросовъ Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ» авторъ рѣшаетъ напримѣръ, что памятникъ этотъ возникъ на славянской почвѣ и «судя по древнѣйшимъ спискамъ,—на славянсомъ югѣ»; ниже опредѣляется время возникновенія: конецъ XII вѣка. Но обратилъ ли авторъ вниманіе на языкъ? Нѣтъ, онъ не указываетъ ни одной южно-славянской черты. Если настоящій памятникъ возникъ въ XII в., въ немъ уже должны быть средне болгаризмы. Сомнительны также утвержденія автора, что напр. такой то памятникъ составленъ для такихъ то, для міранъ, а другой—для духовныхъ.

Въ приложеніи къ изслѣдованію г. Мочульскаго мы находимъ слѣдующіе тексты: греческіе—бесѣду трехъ святителей изъ пергаменной рукописи Вѣнской Императ. библіотеки начала XII в. (№ CCCXXXIII); діалогъ безъ заглавія: изъ сборника XIV вѣка Парижской Націон. библ. № 1555 А. Затѣмъ—славянскіе: изъ пергаменнаго сборника начала XIV в. Проф. Сречковича «вопросы и отвѣты Григорія и Василія, Ивана Богословца»; изъ сербск. сборн. XVI в. Загребской Академіи № III а. 43; и наконецъ изъ сборн. XVI в. Вѣнск. библіот. № 125; вопросы апостоловъ о Богородицѣ. Эта часть книги г. Мочульскаго представляетъ несомнѣнную цѣнность чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о первой части, такъ какъ авторъ, поставившій въ началѣ изслѣдованія рядъ вопросовъ и обвинившій своихъ предшественниковъ въ безрезультатности ихъ розысканій,—не далъ ни одного мало-мальски обстоятельнаго отвѣта.

В. П—в.

Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ. Этнографическій этюдъ М. Довнара-Запольскаго. Гродно. 1893 г. 16. 69 стр.

Настоящая статья г. Довнара-Запольскаго посвящена объясненію свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ, которыя онъ почерпаетъ изъ своего сборника и пользуется трудами другихъ собирателей Булгаковскаго, Зенькевича, Кольберга и др. Авторъ, разбирая поэтическіе мотивы свадебныхъ пѣсенъ, старается выяснить цѣльные поэтическіе образы главныхъ лицъ обряда, жениха и невѣсты, ихъ отношенія между собою, къ семьѣ своей и чужой и т. д. Попутно съ обрисовкой лицъ авторъ останавливается на остаткахъ древняго быта, на обычаяхъ, являющихся пережитками давно прошедшихъ эпохъ. Такихъ пережитковъ въ свадебномъ обрядѣ очень много, такъ какъ онъ слагался вѣками. Первая глава статьи г. Довнара-Запольскаго посвящена невѣстѣ; выраженіями, взятыми изъ пѣсенъ авторъ рисуетъ ея красоту, отношеніе къ близкимъ. Во второй говорится о женихѣ его дружинѣ, о похищеніи дѣвицы, о значеніи рода и его представителей въ брачномъ обрядѣ. Третья глава описываетъ продажу невѣсты и обрисовываетъ роль брата, какъ представителя рода. Четвертая и пятая главы разсказываютъ словами пѣсенъ о разставаніи невѣсты съ роднымъ домомъ и о вступленіи въ новую семью, въ семью жениха; часто враждебную молодой женщинѣ. Главы шестая и седьмая посвящены символическому и миѳологическому элементу свадебнаго обряда; въ нихъ авторъ говоритъ о хороводныхъ пѣсняхъ и о пѣсняхъ повѣствующихъ о бракѣ солнца съ мѣсяцемъ. Намъ кажется, что авторъ совершенно напрасно ищетъ въ послѣднихъ пѣсняхъ миѳологическое значеніе, онѣ прекрасно объясняются помимо миѳическихъ натяжекъ изъ сравненія: хорошъ или хороша какъ мѣсяцъ, какъ солнце, и незачѣмъ тревожить Ярилу и прочія (солярныя) «божества», созданныя миѳологической школой. Въ заключеніе своего очерка авторъ подводитъ итоги своего изслѣдованія. Читается очеркъ легко и съ удовольствіемъ, не имѣя, впрочемъ серіознаго научнаго значенія, какъ и всякая работа подобнаго характера, предназначенная для широкаго круга читателей. Мѣстами и языкъ автора заставляетъ желать много лучшаго, напр. на стр. 33—34 читаемъ: «ясности представленія о строѣ организованности рода, какъ онъ представляется наукою, не существуетъ».

Вл. П.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества Т. 5. Харьковъ 1893 г.

Изъ числа нашихъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ Харьковское историко-филологическое отводитъ больше другихъ мѣста для матеріаловъ этнографическихъ, издаваемыхъ притомъ весьма тщательно. Такъ, и въ послѣднемъ томѣ «Сборника» Общества находимъ: Народные разсказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ—*П. В. Иванова*, Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки Херсонск. губ. *С. А. Чернявской*, Дополненіе къ библіографіи заговоровъ *Н. Ѳ. Сумцова*; любопытны для этнографа также историческія статьи: Поселеніе грузинъ въ Малороссіи *М. М. Плохинскаго*, къ исторіи духоборцевъ Харьковской губ. *В. И. Саввы.* Матеріалы г. Иванова касаются Купянскаго уѣзда. Сначала авторъ даетъ небольшую характеристику домоваго, лѣшаго и т. д., основную на представленіяхъ народа; затѣмъ идетъ цѣлый рядъ разсказовъ объ этихъ миѳологическихъ существахъ. Разсказы эти записаны г. Ивановымъ и его корреспондентами въ разныхъ мѣстахъ Купянскаго у. болѣе или менѣе подробно. Статья г-жи Чернявской состоитъ изъ двухъ частей: обряды и повѣрья, пѣсни. Въ ней сообщено нѣсколько разсказовъ о вѣдьмахъ. Описаніе праздниковъ, занятій крестьянъ и связанныхъ съ ними обрядовъ распредѣлено по мѣсяцамъ. Въ этомъ описаніи мало новыхъ чертъ. Изъ сборника пѣсенъ Е. А. Чернявской цѣликомъ напечатаны только свадебныя пѣсни, изъ другихъ—только пѣсни съ болѣе отличными отъ извѣстныхъ уже въ печати варіантами. Во всѣхъ случаяхъ приведены указанія на варіанты изданныхъ ранѣе сборниковъ малорусскихъ пѣсенъ. Кромѣ пѣсенъ лирическихъ и любовныхъ помѣщенъ цѣлый рядъ пѣсенъ разбойничьихъ, рекрутскихъ историческихъ, бытовыхъ. Изъ рефератовъ, приведенныхъ только въ краткомъ изложеніи, укажемъ: сообщенія: *М. С. Дринова* объ одной апокри-

фической статьѣ, заключающей символическія толкованія церковныхъ предметовъ, имѣющей отчасти источникомъ евангеліе Никодима. и *М. Е. Халанскаго* о нѣкоторыхъ выраженіяхъ въ Словѣ о полку Игоревѣ (Дѣва, обида, Дивъ и др.). Г. Халанскій для однихъ выраженій указалъ параллели въ южно-славянской народной словесности, для другихъ въ скандинавской.

Вторую часть Сборника занимаютъ трубы педагогическаго отдѣла Общества. Изъ отчета о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни видно, что дѣло пока идетъ сравнительно медленно: по 1 мая 1893 г. собрано 1625 р. 78 к.; капиталъ же для преміи обусловленъ въ 2500 рублей

Арк. Л—нко.

Памятная книжка Гродненской губерніи на 1893 годъ.

Книжка эта мало интересна по содержанію. Сверхъ свѣдѣній календарныхъ, справочныхъ и о личномъ составѣ разныхъ учрежденій въ Гродненской губерніи мы находимъ здѣсь матеріалъ по статистикѣ этой губерніи (за 1891 г. и отчасти за 1892 г.) и обзоръ состоянія ея въ 1891 г. Въ приложеніи къ памятной книжкѣ помѣщены двѣ статьи: 1) И. А. Бичъ. Очеркъ исторіи русской бани и ея физіологическое и терапевтическое значеніе, 2) Г. И. Оношко. Краткій физико-географическій очеркъ Гродненской губерніи.

Памятная книжка Ковенской губерніи на 1893 годъ.

Бо́льшую часть книжки занимаютъ обычныя календарныя и справочныя свѣдѣнія, обзоръ разныхъ учрежденій и статистическія данныя за 1891 годъ. Въ приложеніи къ памятной книжкѣ помѣщена единственная статья: Россіенскій уѣздъ (К. Гуковскаго). Здѣсь послѣ очерка природы находимъ рядъ этнографическихъ данныхъ: составъ населенія и его грамотность; діалектологическія особенности литовскаго языка въ Россіенскомъ уѣздѣ (статья Кс. К. Явниса); характеристика народнаго быта, составленная на основаніи рѣшеній волостныхъ судовъ. Далѣе передъ нами главы слѣдующаго содержанія: экономическое состояніе уѣзда сельское хозяйство, торговля; историческіе факты; городъ Россіены и другія замѣчательныя мѣстности Россіенскаго уѣзда.

Т.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѢты.

Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Соболевскимъ въ IV отд. «Живой Старины» II вып. 1893 г.

Изъ косметическихъ средствъ наиболѣе распространенными въ настоящее время среди мѣстнаго населенія Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, должно считать наиболѣе употребительными дешевые сорта продажныхъ бѣлилъ и румянъ, а также пудру. Болѣе бѣдныя дѣвушки и въ настоящее время румянятся фуксиномъ, красными бумажками отъ дешевыхъ конфектъ, бадягой, корнемъ растенія «купелы» (она же «соломонова печать» или по мѣстному «божья ручка»)

Брови чаще всего подводятъ сюрьмою, даже углемъ. Послѣднее, впрочемъ, относится къ грубымъ косметикамъ и осмѣивается въ одной изъ мѣстныхъ юмористическихъ пѣсенокъ.

«Слободскія то дѣвченки,
Ровно мелконькей горохъ,
Щечки клюковкой намажутъ,
Брови углемъ подведутъ,
Брови углемъ подведутъ —
За хорошихъ сочтутъ».

Чтобы волосы были гуще и не выпадали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расчесываютъ ихъ гребнемъ, смоченнымъ сокомъ крапивы.

Косметики, употребляющіеся противъ загара, угрей, веснушекъ и т. д. указаны нами въ нашихъ статьяхъ по мѣстной народной медицинѣ («Народныя средства при лѣченіи накожныхъ болѣзней». Фельдшеръ 1892 г. № 2. «О народной медицинѣ въ Пошехонскомъ уѣздѣ» Земскій Врачъ 1891 г. № 25 и 52).

Г. Пошехонье, Ярославской губ.
1 Мая 1893 г.

А. Баловъ.

Какъ широко распространено въ современной Руси «юродство Христа ради»? Чѣмъ оно характеризуется? О комъ изъ юродивыхъ есть свѣдѣнія въ провинціальной литературѣ?

Ш.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Сагайскіе татары Минусинскаго округа Енисейской. губ., по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1889 году.

Подъ именемъ Сагайскихъ татаръ я разумѣю тюркскія племена, состоящія въ вѣдѣніи «Степной думы соединенныхъ разнородныхъ племенъ», находящейся въ селѣ Аскысскомъ Минусинскаго округа, на лѣвой сторонѣ р. Абакана. Южная часть этого округа населена кáчинскими и сагайскими татарами. Первое изъ этихъ двухъ племенъ имѣетъ отдѣльное отъ втораго управленіе и кочуетъ по нижнему теченію Абакана, двумъ притокамъ его: Камыштѣ и Уйбату, затѣмъ по рѣчкамъ Ташебѣ и Бѣлому Іюсу; второе племя, т. е. племя сагайскихъ татаръ, кочуетъ по верхнему и среднему теченію Абакана и притокамъ его: Таштыпу, Арбату, Еси, Аскысу, Уту, Беѣ и Камыштѣ. И кáчинскіе и сагайскіе татары Минусинскаго округа занимаются болѣе всего скотоводствомъ и звѣроловствомъ и отчасти земледѣліемъ, пчеловодствомъ, рыболовствомъ и другими промыслами. Сагайскіе татары были описываемы во многихъ отношеніяхъ, но статистическихъ данныхъ о численности и занятіяхъ этого племени не появлялось въ печати съ шестидесятыхъ годовъ. Эти татары въ административномъ отношеніи составляютъ 12 родовъ, изъ которыхъ наиболѣе многочисленнымъ считается Бельтирскій; дума же, управляющая этими 12 родами, называется обыкновенно Сагайскою степною думою.

Система р. Абакана, орошающая мѣстность, заселенную сагайскими и кáчинскими татарами, представляется въ слѣдующемъ видѣ: [1]).

I. *Лѣвые притоки Абакана*: 1) Таштыпъ; 2) Тёя; 3) Есь; 4) Аскысъ; 5) Камышта; 6) Уйбатъ. Въ *Таштыпъ* впадаютъ съ лѣвой стороны Сиры и Иснекъ, при устьѣ котораго находится деревня Иснекская; съ правой уже стороны впадаютъ въ Таштыпъ: Анжулъ, Малая Сея, Большая Сея, Бутрахты и Джыланъ. Между устьями Большой Сеи и Бутрахты находится село Таштыпское.—Въ *Есь* съ лѣвой стороны впадаетъ Малая Есь. У устья Еси находится село Усть-Есинское. Въ *Аскысъ* впадаютъ съ лѣвой стороны: Сиры и Базá съ правымъ притокомъ Беей, а съ правой стороны: Бая. Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ впаденія Аскыса (Аксысъ) въ р. Абаканъ стоитъ село Аскысъ, на лѣвомъ берегу этой рѣчки. Въ *Камышту* съ правой стороны впадаютъ: Тостыгъ-Чулъ (рѣчка съ берестами) и Узунъ-Чулъ или Узунджулъ (длинная рѣчка).—Въ *Уйбатъ* впадаютъ съ правой стороны Ниня, принимающая слѣва Бею и справа Немиръ.

II. *Правые притоки Абакана;* 1) Монокъ; 2) Сóсы (Сосъ), на которой стоитъ деревня того же имени или Юдина; 3) Табатъ; 4) Уты (Утъ); 5) Бея. Въ *Табатъ* съ лѣвой стороны впадаетъ Кендырлá; на рч. Табатъ стоитъ деревня Табатъ (Табатская).—Противъ с. Аскыса, на правомъ берегу Абакана, нѣсколько ниже устья рч. Табатъ, стоитъ заимка Борохтаева. На рч. Утъ стоитъ деревня Утинская. На рч. Беѣ стоитъ село Бейское.

---

[1]) По свѣдѣніямъ сообщеннымъ К. Г. Терскимъ и В. В. Барашковымъ.

Между рч. Утомъ и рч. Беей находится соляное озеро, арендуемое нынѣ золотопромышленникомъ П. О. Барташевымъ. На лѣвомъ берегу *Абакана*, близъ устья его, стоитъ село Усть-Абаканское, въ которомъ находится абаканская инородная управа, управляющая качинскими татарами. Въ р. *Бѣлый-Іюсъ* изъ сліянія котораго съ Чернымъ Іюсомъ образуется р. Чулымъ, впадаетъ Бюря, принимающая въ себя съ правой стоуоны Ілень (олень). Выше р. Таштыпа и Монока въ *Абаканъ* впадаютъ: 1) *Съ лѣвой стороны*: Мáторъ, Кеня, близъ устья которой стоитъ Абаканскій желѣзодѣлательный и чугуно-литейный заводъ Н. Г. Пермикина, арендуемый нынѣ артелью крестьянъ Минусинскаго округа. 2) *Съ правой стороны*: Большой Лугъ; Чебашъ; Малый Арбатъ, близъ котораго стоитъ деревня Арбатская, бывшая прежде казачьимъ форпостомъ; Бсльшой Арбатъ.

Трактъ изъ г. Минусинска до села Таштыпскаго идетъ русскими деревнями: сначала по правому берегу Енисея до деревни Означенной, у которой переправа черезъ Енисей на паромѣ, потомъ между Енисеемъ и Абаканомъ до Арбатской деревни и оттуда до Таштыпа.

Села, деревни и улусы, въ которыхъ живутъ инородцы Аскысской степной думы, находящейся въ 118 верстахъ отъ окружнаго города Минусинска, на лѣвомъ берегу Аскыса, впадающаго въ р. Абаканъ съ лѣвой стороны: [1]).

1) *Село Аскысъ*, на р. Аскысѣ. Число дворовъ 40. Мужчинъ 121 и женщинъ 73. Отъ гор. Минусинска 118 верстъ. Лошадей 126, коровъ 76 и овецъ 194. Яроваго хлѣба посѣяно 8 десятинъ. Скотоводство (преобладающее занятіе).

2) *Село Усть-Есь*, на р. Еси. Число дворовъ 35. Мужчинъ 172 и женщинъ 124. Отъ села Аскыса 25 и г. Минусинска 143 версты. Лошадей 250, коровъ 270 и овецъ 815. Яроваго хлѣба 140 десятинъ. Скотоводство и хлѣбопашество.

3) *Заимка Борохтаева*, на правомъ берегу Абакана. Число дворовъ 19. Мужчинъ 74 и женщинъ 54. Отъ Аскыса 4 и Минусинска 118 верстъ. Лошадей 267, коровъ 61 и овецъ 412. Яроваго хлѣба 34 десятины. Скотоводство и хлѣбопашество.

4) *Деревня Уты* (*Утинская*), на р. Утъ. Число дворовъ 40. Мужчинъ 109 и женщинъ 97. Отъ Аскыса 20 и Минусинска 110 верстъ. Лошадей 255, коровъ 173 и овецъ 911. Озимаго хлѣба 103½ десятины [2]).

5) *Деревня Большесейская*, на рч. Большой Сеѣ. Число дворовъ 11. Мужчинъ 189 и женщинъ 171. Отъ Аскыса 62 и Минусинска 180 в. Лошадей 184, коровъ 183 и овецъ 123. Озимаго хлѣба 3 и яроваго 122 десятины. Хлѣбопашество и звѣроловство.

6) *Деревня Малосейская*, на рѣчкѣ Малой-Сеѣ. Число дворовъ 6. Мужчинъ 77 и женщинъ 68. Отъ Аскыса 67, Минусинска 185 вер. Лошадей 66, коровъ 60 и овецъ 52. Яроваго хлѣба 30 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

7) *Деревня Сирская*, на рѣчкѣ Сиры. Число дворовъ 24. Мужчинъ 339 и женщинъ 269. Отъ Аскыса 62 Минусинска 182 в. Лошадей 376, коровъ 438 и овецъ 486. Озимаго хлѣба 66 и яроваго 70 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

---

[1]) По предложенію нынѣшняго письмоводителя Аскысской Степной Думы К. Г. Терскаго, я воспользовался 4 октября 1889 г. интересными статистическими данными Думы за 1888 годъ. Изъ этихъ данныхъ видно между прочимъ: 1) родъ преобладающихъ занятій каждаго изъ улусовъ; 2) названіе рѣчки, при которой находится тотъ или другой улусъ; 3) число дворовъ въ каждомъ улусѣ; 4) число жителей въ улусѣ (мужчинъ и женщинъ): 5) разстояніе отъ села Аскыса и гор. Минусинска; 6) количество скота, имѣющагося въ улусѣ; 7) количество десятинъ, засѣваемыхъ каждымъ улусомъ.

[2]) По «Списку населенныхъ мѣстъ Енисейской губ. Спб. 1864», составленному по свѣдѣніямъ 1859 года *Р. Маакомъ* видно, что тогда: 1) *Въ с. Аскысѣ* дворовъ было 40, т. е. число ихъ не увеличилось до сихъ поръ; мужчинъ 115 и женщинъ 106, т. е. число мужчинъ уменьшилось на 6, а женщинъ увеличилось на 33. 2) *Въ селѣ Усть-Еси*, тогда деревнѣ, было дворовъ 38, т. е. теперь на 3 меньше, мужчинъ 89 и женщинъ 86, т. е. число мужчинъ увеличилось теперь на 83, а женщинъ увеличилось на 38. 3) *Въ дер. Утинской* было дворовъ 31, т. е. теперь на 9 больше; мужчинъ 101 и женщинъ 107, т. е. число мужчинъ увеличилось на 8, а женщинъ уменьшилось на 10. Прироста населенія въ каждомъ улусѣ за послѣднія 30 лѣтъ (1859—1889) указать нельзя, такъ какъ со смертью старшаго въ улусѣ мѣнялось и самое названіе улуса.

8) *Деревня Усть-Шульская*, на рѣчкѣ Тёѣ. Число дворовъ 48. Мужчинъ 185 и женщинъ 171. Лошадей 200, коровъ 350 и овецъ 1000. Озимаго хлѣба 40 и яроваго 80 десятинъ.

9) *Улусъ Кендырлинскій*, рѣчка Кендырла. Дворовъ 56. Мужчинъ 249 и женщинъ 215. Отъ Аскыса 25 и Минусинска 143 версты. Лошадей 134, коровъ 106 и овецъ 585. Яроваго хлѣба 82 десятины. Хлѣбопашество.

10) *Улусъ Усть-Кендырлинскій*, рѣчка Кендырла. Дворовъ 27. Мужчинъ 105 и женщинъ 73. Отъ Аскыса 12 и Минусинска 130 верстъ. Лошадей 110, коровъ 46 и овецъ 978. Яроваго хлѣба 52 десятины. Хлѣбопашество.

11) *Улусъ Усть-Табатскій*, рѣчка Табатъ. Дворовъ 16. Мужчинъ 76 и женщинъ 68. Отъ Аскыса 5 и Минусинска 123 версты. Лошадей 40, коровъ 33 и овецъ 653. Яроваго хлѣба 15 десятинъ. Хлѣбопашество.

12) *Улусъ Усть-Сосскій*, рѣка Абаканъ Дворовъ 74. Мужчинъ 313 и женщинъ 280. Отъ Аскыса 25 и Минусинска 143 версты. Лошадей 285, коровъ 375 и овецъ 1907. Яроваго хлѣба 224 десятины. Хлѣбопашество.

13) *Улусъ Больше-Арбатскій*, рѣчка Большой Арбатъ. Дворовъ 32. Мужчинъ 182 и женщинъ 150. Отъ Аскыса 60 и Минусинска 178 верстъ. Лошадей 115, коровъ 124 и овецъ 179. Озимаго хлѣба посѣяно 9 и яроваго 38 десятинъ. Хлѣбопашество.

14) *Улусъ Больше Лугскій*, рѣка Абаканъ. Дворовъ 21. Мужчинъ 86 и женщинъ 80. Отъ Аскыса 75 и Минусинска 193 версты. Лошадей 89, коровъ 49 и овецъ 6. Озимаго хлѣба посѣяна 17 и яроваго 18 десятинъ. Хлѣбопашество.

15) *Улусъ Маторскій*, рѣчка Мáторъ (Матуръ). Дворовъ 6. Мужчинъ 74 и женщинъ 58. Отъ Аскыса 116 и Минусинка 234 версты. Лошадей 64, коровъ 54. Яроваго хлѣба посѣяно 15 десятинъ. Звѣроловство.

16) *Улусъ Бутрахтинскій*, рѣчка Бутрахты. Дворовъ 11. Мужчинъ 136 и женщинъ 132. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ. Лошадей 105, коровъ 74 и овецъ 254. Яроваго хлѣба посѣяно 78 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

17) *Улусъ Чуланскій*, рѣчка Чуланъ (Чыланъ). Дворовъ 16. Мужчинъ 210 и женщинъ 181. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ. Лошадей 95, коровъ 86 и овецъ 347. Яроваго хлѣба посѣяно 83 десятины. Хлѣбопашество и звѣроловство.

18) *Улусъ Усть-Таштыпскій*, рѣка Таштыпъ. Дворовъ 6. Мужчинъ 57 и женщинъ 63. Отъ Аскыса 33 и Минусинска 151 верста. Лошадей 39, коровъ 40 и овецъ 126. Яроваго хлѣба посѣяно 25 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

19) *Улусъ Толорсыковъ*, рѣчка Таштыпъ. Дворовъ 13. Мужчинъ 35 и женщинъ 36. Отъ Аскыса 40 и Минусинска 160 верстъ. Лошадей 60, коровъ 63 и овецъ 210. Яроваго хлѣба посѣяно 47 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

20) *Улусъ Точаковъ*, рѣчка Таштыпъ. Дворовъ 15. Мужчинъ 61 и женщинъ 52. Отъ Аскыса 32 и Минусинска 152 версты. Лошадей 81, коровъ 104 и овецъ 261. Озимаго хлѣба посѣяно 2 и яроваго 51 десятина. Хлѣбопашество и звѣроловство.

21) *Улусъ Саксевъ*, рѣчка Тёя. Дворовъ 18. Мужчинъ 20 и женщинъ 15. Отъ Аскыса 45 и Минусинска 163 версты. Лошадей 130, коровъ 150 и овецъ 350. Озимаго хлѣба 10 и яроваго 90 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

22) *Улусъ Илеморовъ*, рѣчка Тёя. Дворовъ 20. Мужчинъ 96 и женщинъ 78. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ. Лошадей 280, коровъ 300 и овецъ 400. Озимаго хлѣба 12 и яроваго 70 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

23) *Улусъ Кичеинскій*, рѣчка Тёя. Дворовъ 25. Мужчинъ 110 и женщинъ 90. Отъ Аскыса 65 и Минусинска 183 версты. Лошадей 140; коровъ 160 и овецъ 500. Озимаго хлѣба 25 и яроваго 120 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

24) *Улусъ Кызылъ-Кая*, рѣчка Большая-Есь. Дворовъ 22. Мужчинъ 62 и женщинъ 48. Отъ Аскыса 60 и Минусинска 178 верстъ. Лошадей 60, коровъ 85 и овецъ 100. Яроваго хлѣба 25 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

25) *Улусъ Кызылъ́асовскій*, рѣчка Малая Есь. Дворовъ 28, Мужчинъ 162 и жен-

щинъ 140. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ. Лошадей 185, коровъ 250 и овецъ 690. Яроваго хлѣба посѣяно 25 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

26) *Улусъ Петрухинъ*, рч. Большая Есь. Дворовъ 18. Мужчинъ 64 и женщинъ 57. Отъ Аскыса 33 и Минусинска 151 вер. Лошадей 120, коровъ 140 и овецъ 230. Яроваго хлѣба посѣяно 40 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

27) *Улусъ Каркинскій*, рѣчка Большая-Есь. Дворовъ 21. Мужчинъ 74 и женщинъ 70. Отъ Аскыса 35 и Минусинска 153 версты. Лошадей 290, коровъ 355 и овецъ 860. Яроваго хлѣба 45 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

28) *Улусъ Софроновъ*, рѣчка Большая-Есь. Дворовъ 18. Мужчинъ 92 и женщинъ 83. Отъ Аскыса 40 и Минусинска 158 верстъ. Лошадей 170, коровъ 200 и овецъ 570. Яроваго хлѣба 35 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

29) *Улусъ Быргановъ*, рѣка Абаканъ. Дворовъ 14. Мужчинъ 35 и женщинъ 27. Отъ Аскыса 20 и Минусинска 138 верстъ. Лошадей 52, коровъ 92 и овецъ 395. Яроваго хлѣба посѣяно 9 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

30) *Улусъ Карабилековъ*, рѣка Абаканъ. Дворовъ 8. Мужчинъ 20 и женщинъ 17. Отъ Аскыса 22 и Минусинска 140 верстъ. Лошадей 176, коровъ 70 и овецъ 574. Озимаго хлѣба 1 и яроваго 6 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

31) *Улусъ Прокопьевъ*, рѣчка Аскысъ. Дворовъ 16. Мужчинъ 60 и женщинъ 58. Отъ Аскыса 8 и Минусинска 126 верстъ. Лошадей 231, коровъ 250 и овецъ 1121. Яроваго хлѣба посѣяно 1 десятина. Скотоводство.

32) *Улусъ Иресовъ*, рѣчка Аскысъ. Дворовъ 17. Мужчинъ 42 и женщинъ 42. Отъ Аскыса 30 и Минусинска 148 верстъ. Лошадей 352, коровъ 334 и овецъ 1542. Яроваго хлѣба посѣяно 11 десятинъ. Скотоводство.

33) *Улусъ Байскій*, рѣчка Аскысъ. Дворовъ 30. Мужчинъ 167 и женщинъ 130. Отъ Аскыса 45 и Минусинска 163 версты. Лошадей 203, коровъ 232 и овецъ 349. Озимаго хлѣба 5 и яроваго 2 десятины. Скотоводство.

34) *Улусъ Ондоровскій*, рѣчка Аскысъ. Дворовъ 22. Мужчинъ 70 и женщинъ 64. Отъ Аскыса 35 и Минусинска 153 версты. Лошадей 332, коровъ 288 и овецъ 1132. Озимаго хлѣба 8 и яроваго 24 десятины. Скотоводство.

35) *Улусъ Базинскій*, рѣчка Бея. Дворовъ 15. Мужчинъ 38 и женщинъ 38. Отъ Аскыса 25 и Минусинска 143 версты. Лошадей 149, коровъ 265 и овецъ 775. Скотоводство.

36) *Улусъ Межековъ*, рѣчка Камышта. Дворовъ 5. Мужчинъ 29 и женщинъ 25. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ (черезъ Аскысъ). Лошадей 259, коровъ 225 и овецъ 2102. Скотоводство.

37) *Улусъ Синявинскій*, рѣчка Ниня. Дворовъ 14. Мужчинъ 83 и женщинъ 72. Отъ Аскыса 65 и Минусинска 183 (черезъ Аскысъ). Лошадей 485, коровъ 507 и овецъ 1864. Скотоводство.

38) *Улусъ Уленьскій (Öтень)*, рѣчка Улень. Дворовъ 10. Мужчинъ 42 и женщинъ 42 Отъ Аскыса 160 и Минусинска 78 верстъ. Лошадей 300, коровъ 203 и овецъ 341. Скотоводство.

39) *Улусъ Лѣтниковъ*, рѣка Енисей. Дворовъ 8. Мужчинъ 34 и женщинъ 27. Отъ Аскыса 62 и Минусинска 99 верстъ. Лошадей 33, коровъ 53 и овецъ 33. Яроваго хлѣба 4 десятины. Скотоводство.

40) *Улусъ Чугунековъ*, рѣка Енисей. Дворовъ 3. Мужчинъ 11 и женщинъ 12. Отъ Аскыса 95 и Минусинска 55 верстъ. Лошадей 64, коровъ 15 и овецъ 54. Яроваго хлѣба 7 десятинъ. Скотоводство.

41) *Заимка Сидорова*, рѣка Енисей. Дворовъ 2. Мужчинъ 12 и женщинъ 15. Отъ Аскыса 95 и Минусинска 71 верста. Лошадей 10, коровъ 10 и овецъ 50. Яроваго хлѣба 3 десятины. Скотоводство.

42) *Улусъ Сверхборскій*, рѣка Енисей. Дворовъ 6. Мужчинъ 18 и женщинъ 16.

Отъ Аскыса 67 и Минусинска 92 версты. Лошадей 12, коровъ 32 и овецъ 32. Яроваго хлѣба 11 десятинъ. Скотоводство.

43) *Улусъ Подсининскій*, рѣка Енисей (на дорогѣ изъ села Усть-Абаканскаго въ городъ Минусинскъ). Дворовъ 6. Мужчинъ 33 и женщинъ 24. Отъ Аскыса 108 и Минусинска 10 верстъ. Лошадей 28, коровъ 21 и овецъ 52. Яроваго хлѣба 16 десятинъ. Скотоводство.

Кромѣ этихъ крупныхъ улусовъ (áль), инородцы, подвѣдомственные Аскысской Степной думѣ, живутъ разбросанно небольшими *стойбищами* по слѣдующимъ рѣкамъ и рѣчкамъ:

1) *Рѣка Абаканъ*. Дворовъ 109. Мужчинъ 937, и женщинъ 756. Лошадей 3011, коровъ 364 и овецъ 16,432. Озимаго хлѣба 5 и яроваго 192 десятины. Скотоводство.

2) *Рѣчка Анжулъ*. Мужчинъ 142 и женщинъ 120. Отъ Аскыса 90 и Минусинска 208 верстъ. Лошадей 172 и коровъ 156. Озимаго хлѣба 5 и яроваго 54 десятины. Звѣроловство.

3) *Рѣчка Сея*. Мужчинъ 61 и женщинъ 50. Отъ Аскыса 65 и Минусинска 183 версты. Лошадей 21, коровъ 21 и овецъ 5. Яроваго хлѣба посѣяно 12 десятинъ. Хлѣбопашество и скотоводство.

4) *Рѣчка Таштыпъ*. Мужчинъ 292 и женщинъ 285. Отъ Аскыса 44 и Минусинска 162 версты. Лошадей 310, коровъ 442 и овецъ 1227. Озимаго хлѣба посѣяно 6 и яроваго 227 десятинъ. Хлѣбопашество и скотоводство.

5) *Рѣчка Монокъ*. Мужчинъ 383 и женщинъ 362. Отъ Аскыса 42 и Минусинска 160 верстъ. Лошадей 421, коровъ 480 и овецъ 1697. Озимаго хлѣба 15 и яроваго 304 десятины. Скотоводство и хлѣбопашество.

6) *Рѣчка Сосъ*. Мужчинъ 77 и женщинъ 75. Отъ Аскыса 38 и Минусинска 156 верстъ. Лошадей 110, коровъ 72 и овецъ 281. Яроваго хлѣба 71 десятина. Скотоводство и хлѣбопашество.

7) *Рѣчка Тёя*. Мужчинъ 604 и женщинъ 597. Отъ Аскыса 38 и Минусинска 156 верстъ. Лошадей 900, коровъ 905 и овецъ 6778. Яроваго хлѣба посѣяно 200 десятинъ. Скотоводство и хлѣбопашество.

8) *Рѣчка Аскысъ*. Мужчинъ 335 и женщинъ 321. Отъ Аскыса 22 и Минусинска 140 верстъ. Лошадей 682, коровъ 861 и овецъ 3087. Озимаго хлѣба 11 и яроваго 18 десятинъ. Скотоводство и хлѣбопашество.

9) *Рѣчка Базá*. Мужчинъ 272 и женщинъ 281. Отъ Аскыса 20 и Минусинска 138 верстъ. Лошадей 541, коровъ 775 и овецъ 3629. Озимаго хлѣба 3 и яроваго 7 десятинъ. Скотоводство и хлѣбопашество.

10) *Рѣчка Сырь*. Мужчинъ 54 и женщинъ 57. Отъ Аскыса 25 и Минусинска 143 версты. Лошадей 56, коровъ 150 и овецъ 1001. Скотоводство.

11) *Рѣчка Немирь*. Мужчинъ 83 и женщинъ 87. Отъ Аскыса 70 и Минусинска 188 верстъ. Лошадей 272, коровъ 337 и овецъ 460. Скотоводство.

12) *Рѣчка Узунжулъ*. Мужчинъ 33 и женщинъ 25. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ. Лошадей 748, коровъ 1011 и овецъ 2555. Золотопромышленность.

13) *Рѣчка Тостыгъ-Чулъ*. Мужчинъ 43 и женщинъ 48. Отъ Аскыса 55 и Минусинска 173 версты. Лошадей 229, коровъ 390 и овецъ 899. Скотоводство.

14) *Рѣчка Камышта*. Мужчинъ 156 и женщинъ 129. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ (черезъ Аскысъ). Лошадей 82, коровъ 240 и овецъ 680. Скотоводство.

15) *Рѣчка Ниня*. Мужчинъ 124 и женщинъ 116. Отъ Аскыса 58 и Минусинска 106 верстъ. Лошадей 656, коровъ 642 и овецъ 2495. Скотоводство.

16) *Рѣчка Бея*, притокъ Нини. Мужчинъ 158 и женщинъ 144. Отъ Аскыса 75 и Минусинска 106 верстъ. Лошадей 820, коровъ 920 и овецъ 2861. Скотоводство.

17) *Рѣчка Уйатъ*. Мужчинъ 189 и женщинъ 198. Отъ Аскыса 85 и Минусинска 116 верстъ. Лошадей 713, коровъ 1038 и овецъ 2289. Скотоводство.

18) *Рѣчка Бея*, притокъ Абакана. Мужчинъ 49 и женщинъ 42. Отъ Аскыса 25 и Минусинска 118 верстъ. Лошадей 97, коровъ 75 и овецъ 339. Скотоводство.

Примѣчаніе, Число дворовъ въ этихъ стойбищахъ (2—18) не извѣстно. Всего будетъ примѣрно 17×5=85 дворовъ. Инородцы аскысской думы, кромѣ вышеупомянутыхъ *селеній*, *деревень*, *улусовъ и стойбищъ*, проживаютъ частью по своимъ дѣламъ, частью въ работникахъ у русскихъ, также по всему Минусинскому округу, въ чемъ я убѣдился, проѣхавъ 10—13 сентября 1889 г. *по деревнямъ и селамъ Минусинскаго округа*.

1) *Городъ Минусинскъ*. Мужчинъ 16 и женщинъ 12.
2) *Бейская волость*. Мужчинъ 598 и женщинъ 472.
3) *Шушенская волость*. Мужчинъ 222 и женщинъ 176.
4) *Ермаковская волость*. Мужчинъ 6 и женщинъ 6.
5) *Сагайская волость*. Мужчинъ 7 и женщинъ 5.
6) *Курагинская волость*. Мужчинъ 8 и женщинъ 9.
7) *Новоселовская волость*. Мужчинъ 7 и женщинъ 3.
8) *Абаканская волость*. Мужчинъ 91 и женщинъ 73.
9) *Идринская волость*. Мужчинъ 26 и женщинъ 17.
10) *Тесинская волость*. Мужчинъ 23 и женщинъ 18.
11) *Заводы и золотые промыслы*. Мужчинъ 314 и женщинъ 28.

Всего въ Минусинскѣ и по волостямъ Минусинскаго округа живетъ инородцевъ Аскысской степной думы соединенныхъ разнородныхъ племенъ: мужчинъ 1.318 и женщинъ 819. *Всѣхъ инородцевъ*, подвѣдомственныхъ Аскысской степной думѣ, считалось включительно по 1 января 1889 года: мужскаго пола 9.534 и женскаго 8.117. *Лошадей* у нихъ имѣлось 16.853, *коровъ* 16.952 и *овецъ* 70.360. *Хлѣба* было засѣяно: озимаго 346½ и яроваго 2.841 десятина. Всѣхъ *дворовъ* имѣлось 862. *Земледѣліемъ* занимаются преимущественно инородцы, живущіе въ деревняхъ и близь деревень русскихъ. *Скотоводствомъ* занимаются преимущественно инородцы, обитающіе по степямъ. *Звѣроловствомъ* занимаются инородцы, живущіе по верховьямъ рѣчекъ и рѣкъ, близь границы Томской губерніи и Китайской Имперіи. Въ работники *по русскимъ деревнямъ, селамъ и пріискамъ* нанимаются инородцы, не имѣющіе никакого хозяйства [1]).

Въ 1859 году (*Р. Маакъ*, Енис. губ. Стр. XXX) Аскысской думѣ было подвѣдомственно всѣхъ инородцевъ 11.721, составлявшихъ 11 родовъ. Въ 1863 году (*В. Радловъ*. «Этнографич. Обзоръ» Т. II. Стран. 4), послѣ присоединенія къ Аскысской думѣ Койбаловъ, составлявшихъ до этого времени отдѣльную Койбальскую степную думу (въ дер. Утинской), было инородцевъ 10.456, мужчинъ 7.444 и женщинъ 3.012. Въ этомъ числѣ *Койдаловъ* 840: мужчинъ 578 и женщинъ 262.

Въ 1888 году, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, всѣхъ инородцевъ было 17.651: мужчинъ 9.534 и женщинъ 8.117. Слѣдовательно, *приростъ населенія* за послѣдніе 25 лѣтъ (1863—1888), составлялъ 68,81%: мужскаго пола 28,07% и женскаго пола 59%.

О скотоводствѣ у инородцевъ Аскысской степной думы имѣются за послѣднее пятилѣтіе (1884—1888) слѣдующія свѣдѣнія:

1884 годъ	лошадей	10.909,	коровъ	6.825	и овецъ	22.670.
1885 »	»	11.040,	»	4.187	»	22.812.
1886 »	»	11.092,	»	3.556	»	22.916.
1887 »	»	16.853,	»	16.852	»	70.567.
1888 »	»	14.364,	»	14.105	»	38.635.

[1]) В. В. *Радловъ* въ своей статьѣ „Этнографическій обзоръ Тюркскихъ племенъ Ю. Сибири и Двунгаріи, переводъ Д. А. Клеменца. Томскъ. 1887“ говоритъ; „*Сагайцы* занимаются больше земледѣліемъ, держатъ мало скота и живутъ очень бѣдно“ (стр. 3). Здѣсь подъ „Сагайцами“ надо разумѣть не одниxъ только Сагайцевъ, но и всѣхъ прочихъ инородцевъ, подвѣдомственныхъ Аскысской Степной Думѣ. Мнѣніе г. Радлова только въ такомъ случаѣ будетъ до нѣкоторой степени справедливо. *Земледѣліемъ* занимаются теперь почти въ каждомъ улусѣ, но общее число земледѣльцевъ все таки гораздо меньше, нежели скотоводовъ.

Пунктовъ большаго потребленія мѣстнаго и пригоннаго скота въ вѣдѣніи думы нѣтъ. Мѣстный скотъ сбывается преимущественно въ г. Минусинскъ и на золотые промысла Абаканской системы (Томской губерніи).

Въ предѣлахъ думы существуетъ *скотопригонный трактъ*, по которому ежегодно прогоняются гурты рогатаго скота изъ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ Томской губ. въ Красноярскій и Канскій округа. Гурты эти вступаютъ въ предѣлы думы на границѣ Томской губерніи, въ верховьяхъ рѣчки Тёи и слѣдуютъ по разнымъ дорогамъ въ предѣлы Абаканской инородной управы, находящейся въ селѣ Усть-Абаканскомъ (Минусинскаго округа).

Средняя стоимость мѣстнаго скота молочнаго и убойнаго 18 рублей и овецъ 3 руб. за штуку. *Мѣстные животные продукты:* мясо, кожи, сало, овчины и пр. сбываются жителями исключительно въ г. Минусинскѣ. *Заводовъ и кустарной обработки животныхъ продуктовъ* не имѣется.

Чума на рогатомъ скотѣ существовала въ вѣдомствѣ сей думы въ 1871, 1885, 1886 и 1887 годахъ и истребила скота: 1871 г.—4.790 головъ; 1885 г.—2.784 гол.; 1886 г.—867 головъ; 1887—73 головы. Случаевъ появленія сибирской язвы не было. Чума на рогатомъ скотѣ появилась въ 1885 году. Она появилась сначала въ Бейской волости и Абаканской инородной управѣ, затѣмъ въ томъ же году появилась въ сей Думѣ.

Проселочный трактъ черезъ село Аскысъ слѣдующій: село Бейское—25 верстъ; село Аскысъ—25 верстъ; село Усть-Есь—35 верстъ; село Таштыпъ [1]).

О звѣроловствѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія за послѣднее трехлѣтіе (1886—1888):

1) *Бѣлечьи шкурки* 1886 годъ: 16, 15 и 14 коп.; 1887 г. 15, 12 и 11 коп 1888 г.: 15, 12 и 11 коп.

2) *Волчьи шкуры.* 1886 годъ: 2 руб., 1 руб. 50 коп., и 1 рубль. 1887 г.: 2 р. 1 р. 50 к. и 1 р. 1888 г.: 2 р. 1 р. 50 и 1 р.

3) *Выдровыя шкуры.* 1886 годъ: 11 руб., 7 руб. и 5 руб. 50 коп. 1887 г.: 10 р. 6 р., 5 р. 1888 г. 12 р. 8 р. 50 к. и 7 р.

4) *Горностаевыя шкурки.* 1886 годъ: 28 коп., 20 коп. и 16 коп. 1887 годъ 30 коп., 24 коп. и 20 коп. 1888 годъ: 30 коп., 24 коп. и 20 коп.

5) *Заячьи шкуры.* 1886 годъ. 5, 3 и 2 коп. 1887 годъ: 5, 3 и 2 коп. 1888 годъ: 5, 3 и 2 коп.

6) *Козлиныя шкуры.* 1886 годъ: 1 руб., 60 коп. и 30 коп. 1887 годъ: 85, 40 и 25 коп. 1888 годъ: 90, 45 и 27 коп.

7) *Колонковыя шкуры.* 1886 годъ: 1 руб., 60 коп. и 40 коп. 1887 годъ: 90, 55 и 35 коп. 1888 1 руб., 60 коп. и 45 коп.

8) *Лисицы красныя.* 1886—1888 года: 3 руб. 2 руб. 1 руб. 50 коп.

9) *Лисицы чернобурыя.* Не добывается.

10) *Медвѣди.* 1886 годъ: 5 и 3 руб. 1887 годъ: 9 руб. 50 к., 4 руб. 50 к. и 2 р. 50 коп. 1888 годъ: 9, 5 и 3 руб.

11) *Рыси.* 1886 годъ: 10, 8 и 5 руб. 1887 годъ: 9 руб. 8 руб. 50 к. и 5 руб. 1888 годъ: 9 р. 50 к., 8 руб. 25 к. и 5 рублей.

12) *Соболи 2 сорта* съ лапками и хвостомъ. 1886 годъ: 10, 5 и 3 руб. 1887 годъ: 8 р., 4 р. и 2 р. 50 к., 1888 годъ: 10 р. 50 к., 5 р. 50 к. и 3 р. 50 к.

13) *Сохатые.* 1886—1888 года: 3 р., 2 р. и 1 р. 50 к.

14) *Струи* (подрѣзанный пупъ табарги, идущій въ аптеку на лѣкарства). 1886—1888 года: 3 р., 2 р. 50 к. и 2 руб.

15) *Сыны* (Маралы). 1886—1888 года: 2 р., 1 р. 50 к. и 1 рубль.

16) *Табарги.* 1886—1888 года: 20, 15 и 10 к.

17) *Хорьки.* 1886—1888 года: 8, 7 и 5 копѣекъ.

---

[1]) Инородцы всѣхъ родовъ живутъ смѣшанно, такъ что показать ихъ улусы отдѣльно по родамъ почти невозможно.

Въ числѣ прочихъ занятій въ послѣднее время стало практиковаться между инородцами *пчеловодство,* принесенное русскими. О состояніи пчеловодства по степной думѣ за 1888 годъ извѣстно слѣдующее:

1) Разводителей было 4, ульевъ 230.

2) Добыто: меду 54 пуда 20 фунтовъ, воску 13 пудовъ 5 фунтовъ, всего на сумму 439 руб. 87 коп.

Лошадей въ началѣ 1888 года у инородцевъ Аскысской Степной Думы имѣлось всего 16.344, изъ которыхъ 520 конныхъ жеребцовъ, а 15.824 матокъ, мериновъ (коней) и жеребятъ. Все это количество лошадей составляло 520 табуновъ. Противъ 1887 года число лошадей уменьшилось на 2.489 штукъ вслѣдствіе падежа, случившагося отъ безкормицы, а въ текущемъ 1889 году прибавилось приплода 1.980 штукъ.

О пространствѣ земли, занимаемой инородцами Степной Думы, извѣстно слѣдующее: 1) Земли удобной для земледѣлія 4.322 десятины. 2) Земли, занятой садами и огородами, 250 десятинъ. 3) Земли пахатной 4.106 десятинъ. 4) Земли, занятой лугами, сѣнокосами, 8.920 десятинъ. 5) Земли удобной для земледѣлія, но не вполнѣ, 434.080 десятинъ. 6) Земли занятой лѣсами 521.467 десятинъ. Слѣдовательно, всей земли удобной 451.678 десятинъ и неудобной 957.175 десятинъ. *Хлѣба* было посѣяно: озимой ржи 1.007, яровой пшеницы 570, яровой ржи (ярицы) 837, овса 609, ячменя 949 и остальныхъ хлѣбовъ 134 десятины; всего же земли, засѣянной хлѣбомъ, 4106 десятинъ. Земля, занимаемая инородцами, ни на какіе участки не раздѣлена. *Цѣны на хлѣбъ* (среднія) къ 1 января 1889 года были слѣдующія: рожь и ярица 85 коп., пшеница 1 руб., ячмень 45 коп. и овесъ 45 коп. пудъ.

Домашнихъ животныхъ за 1888 годъ инородцами Степной Думы держалось всего 82.600 головъ, изъ которыхъ было 16.344 лошади, 16.250 коровъ, 47.000 овецъ, 300 свиней и 2.806 козъ или ямановъ (Монг.).

Рыбы къ 1 января 1889 года было наловлено 1.266 пуд. на 2.934 рубля. Вся эта рыба отправлялась главнымъ образомъ въ г. Минусинскъ и с. Бейское на базары. *Наловлено было*: тайменей 44 пуда по 6 рублей;=264 рубля; ленковъ 125 пуд. по 3 р.—375 р.; сиговъ 1 пудъ по 3 рубля=3 р.; харюзовъ 720 пудовъ по 2 рубля 50 копѣекъ = 1.800 рублей; щукъ 48 пудовъ по 2 рубля = 96 рублей; окуней 25 пудовъ по 2 рубля=50 рублей; сорогъ 10 пудовъ по 1 рублю=10 рублей; налимовъ 40 пуд. по 2 рубля=80 рублей; карасей 3 пуда по 2 рубля=6 рублей и ельцовъ 250 пудовъ по 1 рублю=250 рублей.

Звѣрей убито въ 1888 году всего на 4,450 рублей 30 копѣекъ, а именно: соболей 55 штукъ по 4 рубля=220 рублей; выдры 16 штукъ по 8 рублей=128 рублей; бѣлокъ 2.500 штукъ по 12 копѣекъ=300 рублей; медвѣдей 6 штукъ по 5 рублей=30 рублей; волковъ 12 штукъ по 2 рубля=24 руб.; лисицъ красныхъ 320 штукъ по 3 руб.=960 р.; зайцевъ 150 штукъ по 5 копѣекъ=7 рублей 50 копѣекъ; хорьковъ 140 штукъ по 15 коп.=21 рубль; горностаевъ 145 штукъ по 20 коп.=30 рублей; сохатыхъ 16 штукъ по 4 рубля=64 рубля; козъ 1819 штукъ по 1 руб.=1.819 рублей; колонковъ 110 штукъ по 1 руб. 50 коп.=165 рублей; сыновъ (мараловъ) 120 штукъ по 3 рубля=360 рублей; табарги 217 штукъ по 15 коп.=31 рубль 80 копѣекъ и табаржиной струи 116 экземп. по 2 р. 50 к.=290 рублей.

Предметы *кустарной промышленности* распредѣлялись такимъ образомъ: войлоковъ кочёмныхъ 565 штукъ на 565 рублей; кожъ сырыхъ 1150 штукъ на 2.875 р.; овчинъ 1700 штукъ на 510 рублей и шерсти 500 пудовъ на 2.000 рублей; а всего на 5.950 рублей.

Ремеслами занимаются преимущественно тѣ инородцы, которые жили среди русскихъ болѣе или менѣе долгое время. Всѣхъ чернорабочихъ 3.000, а ремесленниковъ 61.

Ремесленники распредѣлялись такимъ образомъ: сапожниковъ и башмачниковъ 6, швей, каменьщиковъ 2, печниковъ 1. столяровъ 3, мѣдныхъ дѣлъ мастеровъ 1, слесарей 1, каменьщиковъ 2, печниковъ1 бондарей 1. стекольщиковъ 1, пиль-

щиковъ 12, плотниковъ 25, коноваловъ 1, серебряныхъ дѣлъ мастеровъ 1, и живописцовъ 1.

О родившихся и умершихъ извѣстно слѣдующее:

I. *Родилось 610*: мужскаго пола 299 и женскаго 311.

Въ этомъ числѣ было законнорожденыхъ 51 (муж. 26 и женск. 25) и незаконнорожденныхъ 559 (муж. 273 и женск. 286).

II. *Умерло* 206: мужскаго пола 109 и женскаго 97.

Въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ прибыло теперь (1888) 404 человѣка, браковъ законныхъ было 8.

Незаконнымъ бракомъ считается здѣсь бракъ, освященный народнымъ обычаемъ. Обрядъ этого брака состоитъ въ томъ, что ближайшая родственница жениха (тетка) накрываетъ задними полами шубы невѣсту и обходитъ съ нею 3 раза юрту женихову, дѣлая обходъ: востокъ—югъ—западъ—сѣверъ.

Въ сравненіи съ 1887 годомъ нынѣ прибыло населенія 2,34%.

О денежныхъ и натуральныхъ повинностяхъ по степной думѣ за 1888 годъ извѣстно слѣдующее:

1) За свозъ почты до г. Минусинска отпускается ежегодно 225 рублей. 2) На уплату перевозчику на Абаканѣ 140 р. 3) На содержаніе обывательскихъ лошадей 2.054 р. 80 к. 4) На отопленіе думской тюрьмы 30 руб. 5) Жалованья письмоводителю 600 руб. и его помощнику 300 руб. 6) На канцелярскіе припасы 74 руб. 7) На освѣщеніе Думы 64 руб. 8) На отопленіе Думы 120 руб. 9) На выписку книгъ и газетъ 36 руб. 50 коп. 10) На заведеніе пожарной бочки 23 рубля. Деньги на заведеніе пожарной бочки собираются съ инородцевъ аккуратно каждый годъ, но бочка до сихъ поръ еще не заведена. 11) На наемъ 2 земскихъ квартиръ 200 руб. Одна земская квартира содержится въ с. Аскысѣ, а другая въ с. Усть-Еси. 12) На содержаніе аскысскаго двуклассн̆аго училища 1.124 руб. 13) Жалованья улуснымъ писарямъ 1.200 руб. Вслѣдствіе жалобы инородцевъ на излишніе поборы со стороны писарей, эти должности оффиціально упразднены по распоряженію г. иркутскаго генералъ-губернатора, но деньги на нихъ еще собираются de facto. 14) Жалованья десятникамъ и сторожамъ 180 р. 15) Переводчику татарскаго языка 40 руб. Эта должность и въ настоящее время существуетъ de jure, а de facto не существуетъ. 16) Трапезнику (понамарю) и караульнымъ при двухъ хлѣбныхъ магазинахъ въ д. Утинской и с. Усть-Есинскомъ 300 руб. 17) На отопленіе церквей 100 руб. 18) На жалованье церковно-служителей въ замѣнъ руги 338 р. 15 к.

Всего на содержаніе Степной Думы соединенныхъ разнородныхъ племенъ собирается съ инородцевъ ея ежегодно 7.149 р. 45 к.

Нѣкоторые изъ вышеперечисленныхъ расходовъ составляли прежде несомнѣнную доходную статью гг. письмоводителей и ихъ помощниковъ, въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовавшихся не столько интересами государства и общества, сколько своими личными.

Относительно *смертности* въ вѣдомствѣ всей Степной Думы за 1888 годъ извѣстно, что наибольшая смертность приходилась на дѣтскій и старческій возрасты; на дѣтскій потому, что отсутствовала медицинская помощь. Смертность по *возрастамъ* распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: до 1 мѣс: умерло въ годъ

до 1 мѣс.	мужск. пола	2	и женск. пола	2	въ годъ	мужск. пола		женск. пола.	
1— 3	»	3	»	2	8— 9	»	—	»	1
3— 6	»	3	»	6	12—13	»	2	»	—
1 года	»	22	»	22	14—15	»	1	»	2
1— 2	»	15	»	8	16—17	»	1	»	1
2— 3	»	3	»	3	17—18	»	1	»	—
3— 4	»	4	»	5	18—19	»	1	»	—
4— 5	»	9	»	2	20—21	»	—	»	4
5— 6	»	2	»	5	22—23	»	1	»	—
6— 7	»	2	»	4	24—25	»	1	»	3
7— 8	»	—	»	1	25—26	»	1	»	1

26—27	мужск. пола	—	и женск. пола	2		въ годъ	мужск. пола		женск. пола.	
27—28	»	—	»	1		42—43	»	—	»	2
28—29	»	1	»	—		44—45	»	—	»	3
29—30	»	2	»	1		48—49	»	1	»	—
30—31	»	1	»	—		49—50	»	2	»	3
31—32	»	1	»	1		54—55	»	1	»	—
32—33	»	1	»	1		56—57	»	1	»	—
33—34	»	1	»	—		59—60	»	3	»	1
34—35	»	2	»	1		64—65	»	2	»	1
35—36	»	—	»	2		69—70	»	7	»	2
36—37	»	2	»	1		74—75	»	1	»	—
39—40	»	2	»	2		75—76	»	1	»	—
40—41	»	1	»	—		76—77	»	—	»	1
41—42	»	1	»	—		77—78	»	1	»	—

Всего умерло 206 человѣкъ: мужскаго пола 109 и женскаго 97. Наибольшая смертность была отъ горячки, лихорадки и кроваваго поноса и приходилась преимущественно на весенніе три мѣсяца. Смертность по мѣсяцамъ распредѣлялась такимъ образомъ: январь—мужск. п. 1 и женск. п. 1; февраль—мужск. п. 1 и женск. п. 1; мартъ—мужск. п. 9 и женск. п. 5; апрѣль—мужск. п. 2 и женск. п. 9; май—мужск. п. 68 и женск. п. 46: іюнь—мужск. п. 3 и женск. п. 7; іюль—мужск. п. 2 и женск. п. 4; августъ—мужск. п. 12 и женск. п. 12; сентябрь—мужск. п. 4 и женск. п. 1; октябрь—мужск. п. 2 и женск. п 1; ноябрь—мужск. п. 2 и женск. п. 3; декабрь—мужск. п. 3 и женск. п. 7. Всего мужск. п. 109 и женск. п. 97. По приходамъ смертность распредѣлялась такимъ образомъ: 1) въ приходѣ *Аскысской* Петропавловской миссіонерской *церкви* 122 (мужск. п. 71 и женск. п. 51); 2) въ 1 приходѣ *Усть-Есинской* Евдокіевской миссіонерской *церкви* 84 (мужск. п. 38 и женск. 46).

О распространеніи христіанства между инородцами извѣстно слѣдующее. Наибольшее количество принявшихъ *св. крещеніе* по православнымъ обрядамъ пришлось на 1876 годъ (около 3.000 человѣкъ).

Тогда окрестились преимущественно *взрослые*. Случалась, что нѣкоторые приняли тогда святое крещеніе вторично и имѣли поэтому даже по 3 имени (одно татарское и два русскихъ). Число взрослыхъ, принимающихъ святое крещеніе, становится теперь меньше и меньше. Взрослые принимаютъ крещеніе только тѣ, которые живутъ въ лѣсахъ и горахъ, смежныхъ съ Томской губерніей, т. е. вдали отъ церкви.

Количество, принявшихъ *св. крещеніе*, распредѣляется такимъ обрязомъ:

I. У священника Аскысской церкви:

1882 годъ: взрослыхъ 12 (мужск. п. 8 и женск. п. 4); дѣтей 237 (мужск. и. 121 и женск. п. 152).

1883 годъ: взрослыхъ 10 (мужск. п. 5 и женск. п. 5); дѣтей 299 (мужск. п. 153 и женск. п. 146).

1884 годъ: взрослыхъ 8 (мужск. п. 3 и женск. п. 5); дѣтей 294 (мужск. п. 149 и женск. п. 145)

1885 годъ: взрослыхъ 7 (мужск. п. 4 и женск. п. 3); дѣтей 239 (мужск. п. 119 и женск. п. 120).

1886 годъ: взрослыхъ 15 (мужск. п. 8 и женск. п. 7); дѣтей 299 (мужск. п. 141 и женск. п. 158).

1887 годъ (по 29 мая): дѣтей 313 (мужск. п. 156 и женск. п. 157).

Взрослыхъ, принявшихъ крещеніе, 52 (мужск. п. 28 и женск. п. 24) и *дѣтей* 1.717 (мужск. 839 и женск. п. 878); всѣхъ-же 1.769 человѣкъ.

II. У священника Усть-Есинской церкви:

1882 годъ: взрослыхъ 19 (мужск. 8 и женск. п. 11) дѣтей 346 (мужск. п. 154 и женск. п. 192).

1883 годъ: взрослыхъ 19 (мужск. п. 10 и женск. п. 9); дѣтей 271 (мужск. п. 128 и женск. п. 143).

1884 годъ: взрослыхъ 4 (мужск. п. 1 и женск. п. 3); дѣтей 400 (мужск. п. 198 и женск. п. 202).

1885 годъ: взрослыхъ 3 (мужск. п. 1 и женск. п. 2); дѣтей 330 (мужск. п. 180 и женск. п. 150).

1886 годъ: взрослыхъ 5 (мужск. п. 2 и женск. п. 3); дѣтей 493 (мужск. п. 269 и женск. п. 224).

1887 годъ: (по 29 мая): взрослыхъ 6 (мужск. п. 3 и женск. п. 3); дѣтей 273 (мужск. п. 135 и женск. п. 138).

Взрослыхъ, принявшихъ крещеніе, 56 (мужск. п. 25 и женск. п. 31) и *дѣтей*. 2.113 (мужск. п. 1.064 и женск. п. 1.049) всѣхъ же 2.169 человѣкъ.

Кромѣ разъѣздовъ съ крестомъ и требами, миссіонеры не принимаютъ на себя никакихъ другихъ подвиговъ въ распространеніи христіанства, напр. въ родѣ перевода богослужебныхъ книгъ. Это зависитъ оттого, что ни тотъ ни другой миссіонеръ не подготовлены научно къ переводамъ богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки. Пытались ввести здѣсь въ употребленіе переводы алтайской миссіи, но безуспѣшно, такъ какъ языки алтайскій и сагайскій значительно разнятся другъ отъ друга, да и читатели этихъ переводовъ не знакомы основательно съ транскрипціею Н. И. Ильминскаго Впрочемъ, насколько возможно, оба миссіонера прилагаютъ свои усилія и старанія къ искорененію «языческихъ обычаевъ» (шаманства) путемъ отбиранія у шамановъ ихъ костюмовъ и бубновъ. Въ Аскысѣ священникомъ состоитъ нынѣ В. Е. Суховскій, уже полтора десятка лѣтъ подвизающійся на поприщѣ миссіонерской дѣятельности, а въ Усть-Еси сагаецъ Н. Ѳ. Катановъ, состоящій миссіонеромъ пятый годъ. Первый изъ нихъ русскій, съ татарскимъ языкомъ мало знакомый и бесѣдующій съ инородцами черезъ переводчиковъ; а второй инородецъ сагайскаго 2 пол. рода, окончившій курсъ въ красноярской учительской семинаріи и переведшій нѣсколько эктеній и молитвъ па сагайское нарѣчіе подъ редакціею и по благословенію бійскаго епископа Макарія, посѣтившаго недавно Минусинскій округъ Енисейской губерніи.

О числѣ *податныхъ душъ* во всѣхъ 12 родахъ (чонъ) ассысской Степной Думы извѣстно слѣдующее.

1) *Белтирскій родъ*. По 10 ревизіи 1858 года числилось мужск. п. 1.892 и женск. п. 1.787. Послѣ ревизіи *прибыло* до настоящаго времени: мужск. п. 1.034 и женск. п. 863. Въ томъ числѣ податныхъ 746, изъ которыхъ 380 занимаются хлѣбопашествомъ. *Всѣхъ*: мужск. п. 2.926 и женск. п. 2.650 (итого 5.576). Дворовъ 726. Белтирскій родъ—самый многочисленный изъ всѣхъ, и податей поэтому каждый человѣкъ этого рода платитъ мало. Въ прочихъ родахъ платится податей даже до 6 руб., а въ Белтирскомъ—до 3 р. ежегодно. Этотъ родъ предполагается раздѣлить на 2 половины

2) *Ближнекаргинскій родъ*. По 10 ревизіи числилось мужск. п. 1.055 и женск. 1.015. Послѣ ревизіи прибыло мужск. п. 315 и женск. п. 320. Въ томъ числѣ по. датныхъ 405, изъ которыхъ 152 занимались хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 1.370 и женск. п. 1 335 (обоего пола 2.705). Дворовъ 380.

3) *Дальнекаргинскій родъ*. По 10 ревизіи: мужск. п. 171 и женск. п. 169. Послѣ ревизіи *прибыло*: мужск. п. 132 и женск. п. 46. Въ томъ числѣ податныхъ 111, изъ которыхъ 98 занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 293 и женск. п. 215 (обоего пола 508). Дворовъ 114.

4) *Изушѣрскій родъ*. По 10 ревизіи было: мужск. п. 179 и женск. п. 181. Послѣ ревезіи *прибыло*: мужск. п. 150 и женск. п. 161. Въ этомъ числѣ податныхъ 129, изъ которыхъ 127 ч. занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 329 и женск. п. 342 (обоего пола 671). Дворовъ 131.

5) *Казановскій родъ*. По 10 ревизіи числилось мужск. п. 291 и женск. п. 259. Послѣ ревизіи *прбыло*: мужск. п. 74 и женск. п. 37. Въ этомъ числѣ подат-

ныхъ 117, изъ которыхъ 44 ч. занимается хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 365 и женск. 296 (обоего пола 661). Дворовъ 162.

6) *Карачерскій родъ.* По 10 ревизіи мужск. п. 210 и женск. п. 213. *Прибыло* послѣ ревизіи: мужск. п. 159 и женск. п. 157. Въ этомъ числѣ податныхъ 140 ч.' изъ которыхъ 135 занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 369 и женск. п. 370 обоего пола 739). Дворовъ 191.

7) *Кивинскій родъ.* По 10 ревизіи числилось: мужск. п. 836 и женск. п. 794. Послѣ ревизіи *прибыло*: мужск. п. 280, женск. п. 275. Въ томъ числѣ податныхъ 353, изъ которыхъ 155 ч. занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 1.116 и женск. п. 1.069 (обоего пола 2.185). Дворовъ 310.

8) *Кійскій родъ.* По 10 ревизіи числилось: мужск. п. 207 и женск. п. 191, *Прибыло* послѣ ревизіи: мужск. п. 66 и женск. п. 65. Въ этомъ числѣ податныхъ 83, изъ которыхъ занимаются хлѣбопашествомъ 72. Итого мужск. п. 273 и женск. п. 256 (обоего пола 529). Дворовъ 101.

9) *Койбальскій родъ.* По 10 ревизіи числилось: мужск. п. 588 и женск. п. 565. Послѣ ревизіи *убыло*: мужск. п. 18 и женск. п. 5. Въ этомъ числѣ податныхъ 259, изъ коихъ 110 ч. занимаются хлѣбопашествомъ. Итого осталось инородцевъ Койбальскаго рода: мужск. п. 570 и женск. п. 550 (обоего пола 1.120). Дворовъ 493.

10) *Кызыльскій родъ.* По 10 ревизіи числилось: мужск. п. 112 и женск. п. 111. *Прибыло* послѣ ревизіи: мужск. п. 36 и женск. п. 28. Въ томъ числѣ податныхъ 45, изъ которыхъ 14 ч. занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 148 и женск. п. 139 (обоего пола 287). Дворовъ 52. Этотъ родъ самый малочисленный, и платитъ поэтому каждый изъ этого рода податей больше прочихъ родовъ.

11) *Сагайскій родъ первой половины.* По 10 ревизіи числилось мужск. п. 810 и женск. п. 776. *Причыло* послѣ ревизіи: мужск. п. 160 и. женск. п. 142. Въ этомъ числѣ податныхъ 320 ч., изъ которыхъ 59 занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 970 и женск. п. 918 (обоего пола 1.888). Дворовъ 545.

12) *Сагайскій родъ второй половины* По 10 ревизіи числилось всего: мужск. п. 772 и женск. п. 742. *Прибыло* послѣ ревизіи: мужск. п. 154 и женск. п. 164. Въ томъ числѣ податныхъ 301 ч., изъ которыхъ хлѣбопашествомъ занимаются только 53 ч Итого мужск. п. 926 и женск. п. 906 (обоего пола 1.832). Число дворовъ 420.

Общая численность инородцевъ аскысской Степной Думы выражается такъ:

1) По X ревизіи числилось: мужск. п. 7.123 и женск. п. 6.803 души.

2) Прибыло послѣ этой ревизіи: мужск. п. 2.550 и женск. п. 2.258, т. е. 34,52%.

3) Въ этомъ числѣ платящихъ подати 3.009 и занимающихся хлѣбопашествомъ 1.399 человѣкъ.

4) Всѣхъ инородцевъ, подвѣдомственныхъ аскысской Степной Думѣ въ настоящее время считается: мужск. п. 9.655 и женск. п. 9.046 (обоего пола 18.701).

5) Всѣхъ дворовъ 3.525.

Количество платящихъ подати составляетъ 16,08% всего населенія, а занимающихся хлѣбопашествомъ 7,48%.

Н. Ѳ. Катановъ.
С. Аскысъ. Окт. 1889 г. Чл.—сотр. И. Р. Г. Общ.

Варіантъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ.

Въ статьѣ «Народныя пѣсни объ отравленіи змѣиномъ ядомъ» (Кіев. Стар. 1893, № 11) проф. Н. Ѳ. Сумцовъ разсматриваетъ цѣлый рядъ варіантовъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ. Въ дополненіе къ нимъ мы сообщаемъ одинъ варіантъ, наиболѣе близкій къ

№№ 7 и 8 (по дѣленію г. Сумцова), записанный мною отъ крестьянки д. Вацькова Житомирскаго уѣзда (въ 10 верстахъ отъ Житомира, по Кіевскому шоссе). Пѣсня записана, по возможности, съ сохраненіемъ мѣстнаго говора, обслѣдованнаго еще мало[1]).

— Ой сербыно, сербыночку;
Сватай мѐне, панјеночку!
— Ой, якъ мені́ тебе браты,
Колы въ тебе је тры браты?
Счаруй брата ридненькаго,
Будешъ маты мыленького.
Якъ же јёго счаруваты,
Якъ не вмію чаривъ даты?
— Ой, у лузи калыночка,
На калыни гадыночка,
Пидставъ, дивко, коновочку,
Накапаје зъ году сочку.
Якъ набижыть зъ гаду соку,
То счаруешъ брата свого.
Јеще братець на дорози, —
А вже чары на порози;
Јеще братець на границы, —
Авже чары на полыци:

Пріихавъ у подвирья, —
Ажъ выносыть сестра вина:
— Ой, на тоби, брате, вина,
Що й я сама наварила!
— Якъ ты сама наварила,
Чомъ ты сама не выпила?
Ой, я пила выпывала
Ще й для брата оставляла.
Якъ братъ вина напывся,
Изъ коныка похилывся...
Ще брата не сховала,
До сербына лыстъ послала:
— Ой, сербыно, сербыночку,
Сватай мене, панјеночку!
— Ой, якъ мени тебе браты,
Колы вмієшъ чаруваты.
Счарувала брата свого,
А сербына—ныма чого!..

Сообщилъ **Арк. Лященко.**

Нѣсколько словъ о Куронахъ.

(Читано въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія 3 Декабря 1893 г.).

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о томъ жмудскомъ нарѣчіи, которое принято называть Довконтовскимъ или Тельшевскимъ.

Въ недавнее время изслѣдованіемъ д-ра Биленштейна «О границахъ латышскаго племени и латышскаго языка въ настоящее время и въ 13-мъ столѣтіи» СПБ. 1892 г. установлено уже для 13-го вѣка существованіе восьми сопредѣльныхъ областей, составлявшихъ всѣ вмѣстѣ страну Куровъ—Курляндію, изъ которыхъ четыре южныя, (Duvzare, Ceclis, Megowe и Pilsaten), лежащія въ предѣлахъ нынѣшняго Тельшевскаго, частей Россіенскаго и Шавельскаго уѣздовъ Ков. губ., приморья Балтійскаго моря въ Курляндіи и Пруссіи до Мемеля, рѣзко отдѣлены отъ четырехъ сѣверныхъ областей (Vredecuronia, Winda, Bandowe и Bihavelanc). Соглашаясь съ мнѣніемъ г. Биленштейна, что причина такого раздѣленія заключалась въ различіи этнологическомъ, именно въ томъ, что въ этихъ четырехъ южныхъ областяхъ жило исключительно, или по большей части, народонаселеніе, отсутствовавшее въ четырехъ сѣверныхъ, я позволю себѣ однако возразить автору, что вмѣсто жмудиновъ вѣрнѣе считать этимъ народонаселеніемъ отдѣльное, не жмудское племя. Дѣйствительно, если мы взглянемъ на карту, то увидимъ, что границы древней области Цеклисъ совершенно совпадаютъ съ границами говора, который вмѣстѣ съ говоромъ Мемельскимъ (область Pilsaten) и Полангенскимъ (область Megowe) представляетъ собою совершенно самостоятельную діалектическую группу со своей собственной фонетикой, морфологіей и словаремъ, заключая однако и внутри себя

[1]) Буква *е* обозначаетъ твердое *е—э*.

самой коекакія діалектическія особенности, легшія въ основаніе древняго областнаго дѣленія. Современное состояніе литовской діалектологіи, къ сожалѣнію, заставляетъ ограничиваться только самыми общими положеніями, такъ какъ изъ 43 мѣстностей, существующихъ доселѣ въ этихъ областяхъ со времени 13 вѣка, едва изъ 10 найдутся діалектическія записи.

Совершенно характернымъ признакомъ для этой группы является произношеніе *и* какъ *о* и *і* какъ *е*, [1]) затѣмъ отсутствіе слитныхъ дифтонговъ *ŭ* и *ё*, на мѣстѣ которыхъ во всей области Цеклисъ мы находимъ *ои* и *ej* (для м. Ольсядъ, гдѣ произносятъ *ŭ* какъ *и*, за старое произношеніе *ои* говоритъ сохраненіе до сихъ поръ произношенія *ej* вм. *і*, такъ какъ эти два явленія стоятъ всегда вмѣстѣ); кромѣ того замѣтно стремленіе къ несмягченію *t* и *d*, которое такъ рѣзко сказывается въ говорахъ Тельшевскомъ, Кульскомъ, Мемельскомъ и Полангенскомъ; затѣмъ нужно указать на исчезновеніе *j-ты* въ дифтонгахъ *aj*, *oj*, *ej*, неизвѣстное литовскимъ говорамъ, архаистическія формы съ носовымъ, род. ед. *а*—основъ на-aş, подобно латышскому, и т. п.;—все это выдѣляетъ эту группу говоровъ не только изъ литовскаго, но и изъ жмудскаго нарѣчія. Остановлюсь немного на словарѣ этихъ говоровъ: здѣсь мы находимъ значительную примѣсь латышскихъ словъ, притомъ такихъ, которыя встрѣчаются только у Курляндскихъ латышей, представляющихъ извѣстныя черты отличія отъ своихъ Лифляндскихъ братьевъ и въ антропологическомъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Укажу напр. на слово putra (густая похлебка въ родѣ каши), на слово пшеница лит. puraj, лат. pūri; въ Полангенской пѣснѣ.

Užvojavoje Ringas ṃesteli
Ir iškapoje dedi vajskeli

слово iškapoje лучше объясняется изъ лат. iskopt (in Ordnung bringen), чѣмъ изъ лит. kapoti (колоть дрова); наконецъ Вы согласитесь, вѣроятно, со мной, что сочиненія Довконта легче читать съ латышскимъ, чѣмъ съ литовскимъ словаремъ.

Другія слова общи всему литовскому племени, но у латышей встрѣчаются только въ Курляндской губ.: таково слово dižs лит. didis, kacêt лит. kakti (приходить, достигать) и т. д.

Мнѣ пришлось ограничиться почти одними намеками; я хотѣлъ указать на то, что извѣстныя фонетическія явленія, общія нашей группѣ, равно какъ курляндско-латышскому и прусскому языкамъ, словарный матеріалъ, столь близко родственный тому-же курляндско-латышскому яз., даетъ намъ право выдѣлить этотъ діалектъ и разсматривать его, какъ языкъ отдѣльнаго литовскаго племени, ассимилировавшагося съ одной стороны съ латышами, съ другой съ литовцами—м. б. вслѣдствіе ихъ колонизаціи —, племени, съ городомъ Апуле, извѣстнымъ уже въ 9 вѣкѣ, названнаго м. б. Клейномъ въ грамматикѣ 1653 г. Куронами.

А. Погодинъ. 26 Ноября 1893 г.

---

[1]) Сравн. Латыш. Курл. ŭ +r=or, i+r=er; др. прусск. posse, konagis (Жмудско-жоранское konegas).

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ЖИВАЯ СТАРИНА,

періодическое изданіе Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества четвертый годъ свой начнетъ съ конца Января 1894 г. и будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками отъ 7—8 до 9—10 листовъ прежняго формата въ большую 8-ку. Подписная цѣна за четыре выпуска въ годъ: въ С.-Петербургѣ (съ доставкою)—5 р., въ другіе города Имперіи—5 р. 50 к. и за границу—6 р.

Подписывающіеся на 4 года за разъ съ доставкою въ Петербургѣ платятъ—14 р., въ прочихъ городахъ Имперіи—15 р., за границею—16 руб.

Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ обществѣ, въ редакціи „Живой Старины" (СПБ. у Чернышева моста).

ОТЪ РЕДАКЦІИ СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА.

«Сборникъ Саратовскаго Земства» имѣетъ выходить въ 1894 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1890 года.

«Сборникъ» будетъ выходить въ каждое послѣднее число того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Содержаніе каждой книжки будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ:

«**Сборникъ Саратовскаго Земства**». I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. III. Монографіи и статьи по предметамъ, входящимъ въ программу «Сборника». IV., Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Намѣчены и подготовляются Редакціей слѣдуюшія статьи: Объ институтѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей. Мелкій кредитъ по предкту Земствъ. Практика Земствъ по взиманію хлѣбомъ земскихъ сборовъ и по выдачѣ ссудъ на хлѣбъ. Кустарый земскій музей и мѣры помощи кустарямъ. Хозяйство уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи. Народное образованіе и народное здравіе въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. Обзоръ бюджета города Саратова сравнительно съ бюджетами другихъ большихъ городовъ Поволжья. Обозрѣніе земскихъ смѣтъ съ начала учрежденія Земства до настоящаго времени. Мѣры, принимавшіяся Саратовскими и Уѣздными и Губернскими Земствами для развитія сельскаго хозяйства.

О культурѣ паровыхъ растеній и ихъ вліяніе на урожаи послѣдующихъ посѣвовъ *Н. Маклецовъ*. О вліяніи величины и состава крестьянскихъ семей на ихъ хозяйственное положеніе *Н. Черненко*.

Результаты опытовъ орошеній и обводненій въ Саратовской губерніи и сопредѣльныхъ мѣстностяхъ въ 1892 и 1893 годахъ *В. Круберъ* и др.

Приложенія; I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Свѣдѣнія и матеріалы статистическаго отдѣла Саратовской Губернской Земской Управы. III. Свѣдѣнія и матеріалы Ветеринарнаго Отдѣленія Губернской Земской Управы. IV. Свѣдѣнія и матеріалы коммиссіи Губернскаго Земства по народному образованію. V. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово-Промышленная недѣля. VI. Труды и отчеты мѣстныхъ ученыхъ обществъ. VII. Библіографія и библіотека книжный складъ и музей Саратовскаго Губернскаго Земства. IX. Картограммы, діаграммы, карты и образцы. X. Экстренныя приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ.

А. За «Сборникъ» безъ приложеній **4** руб. Б. За постоянныя приложенія къ общей цѣнѣ на «Сборникъ» прибавляется: 1) за I приложеніе «Труды Саратовскаго Губернскаго Земства»—журналы, доклады, отчеты проч. **2** руб., 2) за еженедѣльное V-е приложеніе **3** руб. и 3) за остальныя ежемѣсячныя приложенія **2** руб. В. За «Сборникъ» со всѣми приложеніями **9** руб.

Подписка на приложенія безъ «Сборника» не принимается и розничная продажа приложеній не производится.

Адресъ Редакціи: Саратовъ, Губернская Земская Управа.

Отвѣтственный Редакторъ Предсѣдатель Губернской Земской Управы *В. Безобразовъ*.

О ПОДПИСКѢ на 1894 годъ

(26 годъ изданія).

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Въ 1894 году **«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ»** вступаетъ въ 26-й годъ своего существованія.

«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» одобрено Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній **включено** въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ; 1891 г. **допущено** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ журналѣ **«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ»** помѣщаются: а) повѣсти, разсказы и сказки (оригинальныя и переводныя); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу свѣту); ж) игры и занятія; з) задачи, ребусы, шарады и проч.

Въ совѣщаніяхъ редакціи принимаютъ близкое участіе *А. Н. Острогорскій* и *В. П. Острогорскій*.

При журналѣ **«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ»** издается «ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ», выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 листовъ. Большая часть статей «ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА» посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о чтеніи дѣтей. Въ «ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ» помѣщается **періодическій указатель** дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ по возможности **всѣхъ вновь выходящихъ книгъ** для дѣтей и юношества, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей. Въ концѣ года будетъ напечатанъ **рекомендательный каталогъ** книгъ для дѣтей, какъ вышедшихъ въ теченіе года, такъ и ранѣе изданныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5 р.** Съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ гг. Россіи **6 р.** За границу **8 р.**

На полгода—**3** руб., на четверть года—**1** руб. **50** коп. Допускается разсрочка по третямъ и полугодіямъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: **СПБургъ, Разъѣзжая ул., д. № 3, кв. 12,** въ отдѣленіяхъ конторы: книжныхъ магазинахъ Карбасникова, Фену и К°, а также и въ другихъ столичныхъ книжныхъ магаз., а въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской и книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

Издатель *Я. В. [illegible]* Редакторъ *П. В. Гоняховскій.*

Оглавленіе 12 выпусковъ «Живой Старины» за три года.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Отдѣлъ I.

Выпускъ II.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Отдѣлъ I.

Выпускъ III.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Отдѣлъ III. Стр.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ II. Стр.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ IV. Стр.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III-й.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

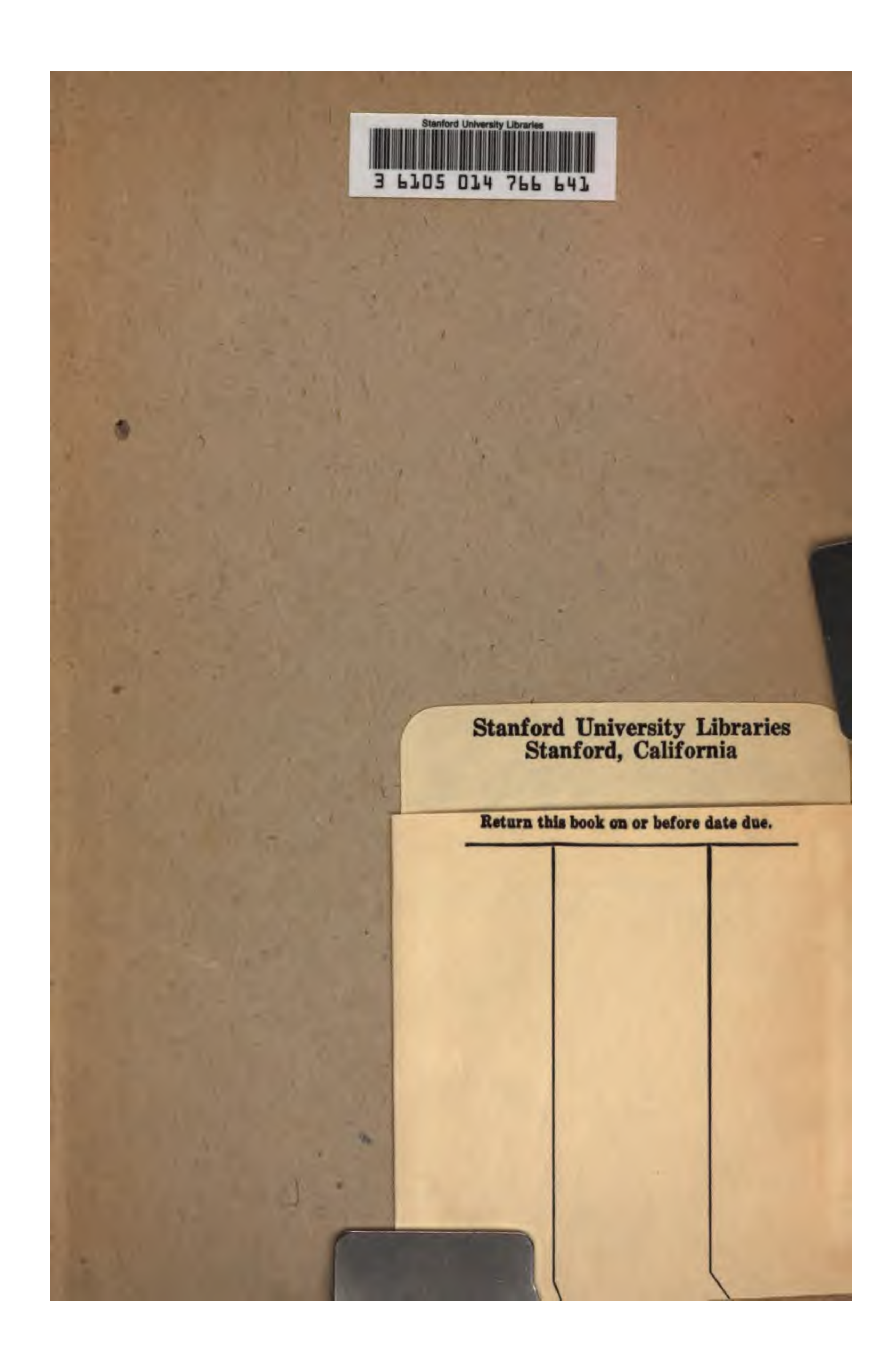
Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

15p


Stanford University Libraries
3 6105 014 766 641
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.